

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР

ДОКУМЕНТЫ
ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ
СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва • 1969

КОМИССИЯ
ПО ИЗДАНИЮ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ
ПРИ МИД СССР

д-р эконом. наук А. А. ГРОМЫКО (Председатель Комиссии), академик В. М. ХВОСТОВ (Заместитель Председателя), канд. истор. наук Н. Н. ЗЕМСКОВ (Ученый Секретарь), доц. Г. А. БЕЛОВ, Г. К. ДЕЕВ, Л. М. ЗАМЯТИН, С. А. КОНДРАШЕВ, д-р истор. наук Ш. П. САНАКОВЕВ, доц. М. А. СИВОЛОБОВ, чл. корр. АН СССР С. Л. ТИХВИНСКИЙ, М. А. ХАРЛАМОВ, канд. филос. наук И. И. ЧХИКВИШВИЛИ

ТОМ ПЯТНАДЦАТЫЙ

1 января — 31 декабря 1932 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ПЯТНАДЦАТОГО ТОМА

**Г. К. ДЕЕВ, Ф. П. ДОЛЯ, А. И. ЛАВРЕНТЬЕВ,
А. М. МАЛУХИН, Г. Л. РОЗАНОВ, А. А. СОЛОВЬЕВ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий том содержит документы внешней политики Советского Союза за период с 1 января по 31 декабря 1932 г.

На основе политических и хозяйственных достижений предыдущих лет советский народ добился в 1932 г. новых знаменательных побед. Советское государство успешно продолжало создание собственной передовой технической базы для социалистической реконструкции всех отраслей народного хозяйства. В сельском хозяйстве господствующее положение заняли колхозы и совхозы. Продолжался рост благосостояния и подъем культурного уровня трудящихся. В Стране Советов был построен фундамент социализма. Возрастали экономическая и военная мощь Советского Союза, его роль в международных отношениях.

На фоне жесточайшего экономического кризиса в капиталистических странах политический, экономический и культурный подъем Советского Союза, досрочное выполнение им первой пятилетки особенно наглядно свидетельствовали о преимуществах социалистического строя. Трудящиеся всего мира воспринимали с чувством глубокого удовлетворения успехи первого в истории социалистического государства.

Но в то же время внешнеполитическое положение Советского Союза в связи с обострением обстановки на Дальнем Востоке и усилением фашизма в Европе значительно осложнилось.

Правящие круги Японии, среди которых преобладающее влияние имели милитаристы, не скрывали своих агрессивных военных планов против СССР. При попустительстве японского правительства и японских властей в Маньчжурии милитаристы организовывали различные инциденты и провокации (взрывы на КВЖД, захват железнодорожных составов, незаконная задержка советских торговых судов и т. д.). Японская сторона стремилась затягивать переговоры по важным рыболовным вопросам, выдвигая требования, явно нарушавшие советско-японскую рыболовную конвенцию. Японская печать систематически вела враждебную пропаганду и подчеркивала «неизбежность войны с СССР».

Несмотря на неоднократные напоминания, правительство Японии уклонялось от определенного ответа на предложение Советского правительства от 31 декабря 1931 г. о заключении пакта о ненападении; после же восстановления советско-китайских отношений в декабре 1932 г. оно заявило, что еще «не созрел момент» для заключения такого пакта.

Агрессивные устремления Японии как в отношении СССР, так и Китая по существу поощрялись политикой западных держав на Дальнем Востоке. США, Англия и Франция, заинтересованные наряду с Японией в грабеже и разделе Китая, несмотря на наличие между ними острых империалистических противоречий, рассматривали японского агрессора в качестве силы для подавления революционного движения в Китае, а захват Японией Маньчжурии — как создание плацдарма для развязывания советско-японской войны. Такая политика империалистических стран привела к нарастанию напряженности в международных отношениях и созданию милитаристской Японией на Дальнем Востоке первого очага новой мировой войны. Военная опасность для Советского Союза усилилась.

Однако последовательная борьба Советского государства за мир и разоружение, его твердость в охране своих суверенных прав, меры, принятые для укрепления обороны советского Дальнего Востока, активная политика, направленная на заключение двусторонних пактов о ненападении, сорвали осуществление враждебных планов по организации новой интервенции против Советского Союза.

Опубликованные в XV томе документы свидетельствуют о том, что Советское правительство неизменно стояло на позиции признания полного суверенитета Китая, скорейшего урегулирования отношений между СССР и Китаем на основе равноправия сторон. Трудящиеся и правительство Советского Союза были солидарны с китайским народом, боровшимся с японскими захватчиками за независимость своей страны. Между тем китайское (нанкинское) правительство продолжало проводить в отношении СССР недружелюбную политику. После захвата Японией Маньчжурии оно сохраняло свое дипломатическое представительство в Токио, но не спешило нормализовать отношения с Советским Союзом. Решение Центрального политического совета гоминдана приступить к переговорам с Советским правительством о возобновлении отношений, как сообщал посланник США в Китае Н. Джонсон государственному секретарю Стимсону 9 июня 1932 г., было продиктовано, наряду с внутрисполитическими причинами, стремлением «ускорить войну между Россией и Японией» *.

* См. «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers». Vol. IV. The Far East. Washington, 1948. p. 70.

Осложнению обстановки на Дальнем Востоке содействовала политика США вообще и в отношении Советского Союза в частности. Враждебный антисоветский курс правительства Гувера был направлен к тому, чтобы подталкивать японских милитаристов к осуществлению их агрессивных планов по захвату советского Дальнего Востока. Вместе с тем США, пытаясь спровоцировать японо-советскую войну и добиться ослабления как СССР, так и Японии, стремились укрепить за их счет свои позиции на Тихом океане. Поэтому не случайными были выступления американской печати, в которых доказывалось, что маньчжурская политика Японии не направлена против Китая, но является первым шагом к осуществлению «оборонительной экспансии» против Советской России. В подобном же духе события в Маньчжурии оценивались и официальными представителями США*.

Правительство Гувера проводило враждебный Советскому Союзу курс также и в области торговли; оно запретило ввоз ряда советских товаров, провело повышение таможенных тарифов. Советские внешнеторговые организации предприняли вынужденные ответные меры: советский импорт из США в 1932 г. по сравнению с 1930 г. сократился почти в 8 раз.

С другой стороны, неудачи политики Гувера на Дальнем Востоке, ослабление позиций США в Европе, резкое сокращение советско-американской торговли, рост международного авторитета СССР не могли не оказать отрезвляющего воздействия на определенную часть правящих и деловых кругов США, реалистически оценивавших положение. Эти круги все яснее стали сознавать необходимость нормализации советско-американских отношений. Движение в США за признание Советского Союза приобрело широкий характер, которое и победило в следующем году.

Отношения Советского Союза с Великобританией оставались напряженными. Английское правительство в начале года настаивало на «выравнивании» внешнеторгового баланса. Советское правительство, согласившись вступить в переговоры, выдвинуло со своей стороны предложение рассмотреть наряду с вопросом о советском экспорте и импорте также вопрос об условиях предоставления кредита. Представители Англии затягивали переговоры и связывали их с вопросами, не имевшими отношения к торговле (например, с делом компании «Лена-Голдфилдс» и др.). Затем английское правительство, следуя своей антисоветской политике, 17 октября 1932 г. нотифицировало денонсацию временного торгового соглашения от 16 апреля 1930 г.

* См., например, «Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers», Vol. III. The Far East Washington, 1948, pp. 8—9, 26—27, 560.

Недовольство части английских торгово-промышленных кругов, интересы которых были серьезно задеты этим решением, укрепление позиций Советского Союза на Дальнем Востоке вынудили правительство Англии сделать правительству СССР предложение начать переговоры о заключении нового торгового соглашения. Советский Союз, стремясь стабилизировать свои отношения с Великобританией, согласился на это. Однако английское правительство с самого начала переговоров выдвигало такие предложения, которые затрудняли установление основ нового соглашения. Реакционные круги Англии добивались срыва переговоров. Все это отрицательно сказывалось на состоянии отношений между обеими странами.

В томе опубликованы документы, свидетельствующие о стремлении Советского Союза к заключению двусторонних пактов о ненападении, являвшихся важным фактором сохранения мира. Советское правительство, настойчиво проводя эту политику, добилося в 1932 г. заключения таких пактов с Финляндией, Латвией, Эстонией, Польшей и Францией. С этими странами были также подписаны конвенции о согласительной процедуре.

Большое значение с точки зрения укрепления мирных отношений СССР с европейскими странами имели пакты о ненападении с Францией и Польшей. Советской дипломатии, как видно из документов тома, пришлось преодолеть значительные препятствия, прежде чем были завершены переговоры о пакте с Францией, который был парафирован в августе 1931 г., а подписан лишь 29 ноября 1932 г. Хотя инициатива переговоров в 1931 г. исходила от французского правительства*, наиболее реакционная часть правящих кругов Франции всячески препятствовала сближению с Советским Союзом. После убийства президента Думера правительство Тардье стало на путь осложнения отношений с Советским Союзом. Пришедшее в дальнейшем к власти правительство Эррио более трезво оценивало перспективы развития международных событий в свете усиления реваншизма в Германии. В связи с настоятельными предложениями правительства СССР подписать парафированный франко-советский пакт о ненападении французское правительство в начале августа 1932 г. приняло решение о возобновлении переговоров по этому вопросу. Тем не менее, как и раньше, в качестве непеременимого условия оно выдвигало требование о заключении Советским Союзом подобного пакта и с Румынией.

* Ранее, начиная с 1926 г., Советское правительство неоднократно предлагало правительству Франции заключить пакт о ненападении.

Аналогичное требование относительно подписания советско-румынского пакта выдвигало со своей стороны и польское правительство. Договор о ненападении между СССР и Польшей, парафированный 25 января, был подписан лишь 25 июля 1932 г.

Советский Союз в интересах укрепления всеобщего мира и установления отношений, основанных на взаимном доверии, делал все возможное для достижения соглашения о ненападении с Румынией. Но королевское правительство, вступив в переговоры, пыталось добиться отказа Советского Союза от Бессарабии, незаконно оккупированной Румынией в 1918 г. Разумеется, на такой основе соглашение состояться не могло.

Документы тома отражают ухудшение советско-германских отношений, наступившее особенно со второй половины 1932 г., после прихода к власти правительства фон Папена, при котором, наряду с поощрением роста фашизма и реваншизма, значительно усилились антисоветские тенденции в политике Германии. Это выразилось в попытке достичь военного союза с Францией против СССР, в затягивании ратификации Московского протокола от 24 июня 1931 г. о продлении договора о нейтралитете от 24 апреля 1926 г., в стремлении умалить значение Рапалльского договора, в дискриминации СССР во внешней торговле, в полицейских налетах на советские консульства, антисоветской кампании в реакционной печати.

Вместе с тем хозяйственные трудности в Германии, вызванные мировым экономическим кризисом, заинтересованностью германской экономики в торговых связях с Советским Союзом вынуждали германские правящие круги поддерживать экономические отношения с СССР. 7 мая германское правительство утвердило советско-германский экспортный протокол от 22 декабря 1931 г., а 15 июня 1932 г. подписало новое торговое соглашение о взаимных поставках товаров и о кредитах Советскому Союзу.

Но проводившаяся германским правительством политика аграрного протекционизма поставила под удар важнейшие статьи советского экспорта в Германию. И если протокол от 22 декабря 1931 г. предусматривал расширение экспорта СССР, то заключительный протокол советско-германских экономических переговоров от 17 января 1933 г. свидетельствовал об отказе германской стороны от выполнения этой задачи.

Из документов настоящего тома видно, что Советский Союз в 1932 г. продолжал упорную борьбу за разоружение на Женевской конференции по ограничению и сокращению вооружений. Эта борьба была особенно сложной и трудной в тех условиях, когда в капиталистических странах началась подготовка к новой войне, а Япония фактически уже вела необъявленную войну в Китае. Советская делегация на конференции

по разоружению внесла резолюцию о том, чтобы положить в основу работ конференции проект конвенции о полном и всеобщем разоружении, выдвинутый Советским Союзом на Подготовительной комиссии 15 февраля 1928 г. В то же время, учитывая возможность отклонения этой резолюции, советская делегация внесла на рассмотрение конференции несколько дополненный проект конвенции о прогрессивно-пропорциональном сокращении вооружений, представленный Подготовительной комиссией 23 марта 1928 г. Однако конференция не приняла советских предложений. Выдвинутые делегациями капиталистических стран проекты преследовали иные цели, противоположные идее разоружения: сохранить свои вооружения и вооруженные силы или же получить под прикрытием мероприятий по «разоружению» преимущества в том или ином виде вооружений для своей страны. Кроме того, признав право Германии на равенство в вооружениях, западные державы, несмотря на некоторые сделанные ими оговорки, предоставили ей возможность вооружаться открыто. В дальнейшем империалистические государства, отказавшись от ширмы пацифизма, перешли к политике постепенного срыва работ Женевской конференции.

Отношения Советского Союза со странами Ближнего и Среднего Востока продолжали развиваться на дружественной основе. Это в первую очередь относится к советско-турецким отношениям. Документы тома освещают экономическую и научно-техническую помощь Советского Союза Турции, развившуюся в предоставлении долгосрочного кредита для приобретения новейших видов промышленного оборудования советского производства, в участии советских специалистов в строительстве в Турции текстильного комбината и др. Визит председателя совета министров Турции Исмет-пашин в СССР в сопровождении министра иностранных дел и других ответственных деятелей Турции, их встречи с советскими руководителями способствовали созданию атмосферы взаимопонимания и упрочению связей между обеими странами.

Советский Союз неизменно проводил добрососедскую политику в отношениях с Персией. Правительство и народы СССР поддерживали ее справедливую борьбу за национальные интересы страны во время конфликта с Англо-Персидской нефтяной компанией. Визит министра двора Персии Теймурташа в Советский Союз способствовал развитию советско-персидских отношений.

В 1932 г. между СССР и Афганистаном были подписаны почтовое и телеграфное соглашения, состоялся обмен нотами о разрешении пограничных инцидентов.

Всесторонние дружественные связи между СССР и Монгольской Народной Республикой продолжали развиваться и

крепнуть. Это имело особо важное значение, поскольку агрессивные устремления японской военщины были направлены не только против Советского Союза, но и против МНР.

В XV томе содержатся многочисленные документы, освещающие политические и экономические отношения СССР с Италией, Грецией, Геджасом, Йеменом, Финляндией, Швецией, Норвегией, Данией, со странами Латинской Америки и другими государствами.

Документы тома, преобладающая часть которых публикуется впервые, показывают, какую целеустремленную, многогранную и гибкую политику проводило Советское правительство в области внешних сношений, обеспечивая условия для дальнейшего социалистического строительства в СССР и укрепления мощи Советского государства в сложной обстановке того времени.

* *

*

Методы публикации и оформления документов изложены в предисловиях к I, II, V и VIII томам настоящего издания.

* *

*

В подготовке тома к печати принимали участие сотрудники Редакционного аппарата Комиссии по изданию дипломатических документов при МИД СССР: *В. М. Балашов, М. А. Бугреев, А. Я. Быкова, Н. П. Галичий, И. Г. Голуб, А. Я. Грушин, В. Л. Дюков, Л. В. Евдокимов, Н. И. Жужунава*, кандидат исторических наук *Л. Н. Игнатьев*, *Г. И. Карлов*, *М. А. Костылев, И. Н. Никитин*, кандидат экономических наук *И. М. Пахомов, М. А. Попов, Г. М. Сиволобова, Ю. И. Устюгов, М. П. Хламова*; научно-справочные работы по тому выполняли сотрудники Института всеобщей истории и Института славяноведения и балканистики АН СССР *И. Н. Грибникова, Л. В. Заборовский, Е. В. Пилишек*.

Некоторые примечания к документам составлены сотрудниками Института востоковедения и Института всеобщей истории АН СССР кандидатом исторических наук *Л. А. Боровковой* и *Ю. Р. Ульяновым*.

1. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Турции в СССР Рагибом

3 января 1932 г.

Рагиб сообщил мне, что Рюштю * из Тегерана, возможно, проедет в Багдад, и просил нас принять меры, чтобы Рюштю мог попасть на пароход сразу по приезде в Баку. Я сообщил, что Рюштю будет встречать в Батуме т. Устинов ** и что будут приняты все необходимые меры.

Рагиб изложил мне содержание телеграммы Рюштю в отношении Персии и искреннего желания Турции окончательно разрешить все разногласия. Рюштю опасается, что персы выдвинут совершенно неприемлемые для Турции требования и что благодаря этому поездка может дать отрицательный результат. Конфиденциально Рюштю просит нас дать дружественный совет персидскому правительству через Пакревана *** и Теймурташа **** о желательности прийти к соглашению с Турцией. Я обещал сделать это, предупредив, что буду говорить в общих чертах и в детали разногласий входить не смогу¹. Рагиб просил держать его в курсе наших переговоров с персами и передал обещание Рюштю информировать нас из Тегерана о результате встречи с персами *****.

По линии торговых дел я сообщил Рагибу, что мы намеряем выход из положения, созданного новым турецким режимом ***** в установлении нетто-баланса. Мы будем вывозить из Турции столько, сколько мы сами ввезем. На вопрос Рагиба о потребительских контингентах я сообщил, что мы смогли бы договориться в том смысле, что 25% наших закупок будут состоять из потребительских товаров. Я отметил также, что придется отказаться от прежнего разделения на периоды закупок. Рагиб был мною предупрежден, что по всем

* Министр иностранных дел Турции.

** Уполномоченный НКВД СССР при правительстве ЗСФСР.

*** Посол Персии в СССР.

**** Министр двора Персии.

***** См. док. № 43.

***** См. т. XIV, прим. 260.

этим вопросам у нас еще не имеется формального решения правительства. Рагиб подчеркивал желательность сохранения ранее установленного объема нашего товарооборота, но в конце концов отказался от этой идеи. Основной трудностью, исключавшей возможность установления определенного контингента наших закупок, является, по его мнению, то обстоятельство, что другие страны по принципу наибольшего благоприятствования могут потребовать установления подобных контингентов. Я соглашался с ним, что трудности действительно велики. Мне пришлось также разъяснить Рагибу, что при новых низких ценах на товары сами турки не смогли бы предоставить нам необходимых товаров в размерах, предусмотренных этими контингентами. В конце беседы я сообщил Рагибу, что в Анкаре при переговорах т. Сурица* с Рюштю и министром торговли стороны пришли к выводу, что прежних размеров закупок в новых условиях сохранить невозможно.

Надо полагать, что Рагиб передаст в Анкару содержание этой беседы и будет ожидать новых директив.

Рагиб интересовался положением с румынским пактом**, и я информировал его вкратце о предстоящих рижских переговорах. Рагиб сообщил мне, что он виделся в Берлине с директором политических дел румынского министерства и вынес впечатление, что румыны крайне заинтересованы в заключении пакта. Рагиб пытался убедить румынского дипломата в необходимости отказаться от прежней непримиримой позиции в отношении Бессарабии.

Карахан

Печат. по арх.

2. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Германии с советником Министерства Иностранных Дел Германии Вилем

6 января 1932 г.

Я ходил к Вилею за текстами германских договоров с Румынией и Венгрией***. Выяснилось, что торговый договор с Румынией опубликован и вступил в силу с 28 декабря 1931 г., а торговый договор с Венгрией опубликован и вступил в силу 1 января 1932 г. Однако публикация произошла без тех частей договора, которые говорят о преференциях. Соответственно не опубликован ряд льгот, которые должна получить Германия за предоставление преференций. Виль дал мне тексты договоров, как они были подписаны в июне прошлого года, отметив

* Полпред СССР в Турции.

** О советско-румынских переговорах см. док. № 41, 406.

*** См. также т. XIV, док. № 221, 236.

места, относящиеся к преференциям и еще не вступившие в силу. В связи с этим Виль сказал мне, что аусамт* завтра с курьером посылает в Москву указание Дирксену**, содержащее предложение произвести новый демарш в НКИД в связи с тем, что Германия до сих пор не получила формального ответа со стороны правительства СССР. При этом он сослался на 6-й параграф протокола по экспортным переговорам*** и, между прочим, сказал, что весь протокол еще не предложен на утверждение германского правительства, потому что без ответа СССР по вопросу о преференциях трудно будет добиться его гладкого прохождения. Необходимо, по крайней мере, твердо знать об отношении СССР к этому вопросу. Германской стороне до сих пор известны отрицательное отношение НКИД, молчание правительства СССР и достаточно прозрачные намеки, однако еще никого не обязывающие, со стороны ведущих экспортные переговоры на то, что дело «можно считать» урегулированным****.

Между прочим, Виль подчеркнул, что аусамт имеет все основания считать этот вопрос об отношении к преференциям разрешенным в положительном смысле в переговорах с Аргентиной и другими странами наибольшего благоприятствования, возражавшими раньше против преференций, за исключением СССР.

Александровский

Печат. по арх.

3. Телеграмма Уполномоченного СССР по переговорам с Румынией Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, из Риги

6 января 1932 г.

Стурдза, вопреки предположению, заявил, что получил инструкции и готов немедленно начать переговоры². Мы тут же обменялись проектами. Румынский проект воспроизводит положения первоначального польского проекта, однако с учетом поправок, согласованных с Патеком³. Условились вести переговоры в ускоренном порядке без помощи латышей по очереди в нашей и румынской миссиях. Следующее заседание состоится завтра, 7 января*****.

Сейчас иду к Зариньшу⁴.

Стомоняков

Печат. по арх.

* — министерство иностранных дел Германии (нем.).

** Посол Германии в СССР.

*** См. т. XIV, док. № 386.

**** См. также док. № 133.

***** См. док. № 4.

4. Телеграмма Уполномоченного СССР по переговорам с Румынией в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР, из Риги

7 января 1932 г.

В результате сегодняшнего полуторачасового разговора со Стурдзой договорился на том, что я доложу в Москву следующие его два окончательные заявления от имени румынского правительства: 1) Румыния не стремится в рамках этих переговоров получить признания нами аннексии Бессарабии. 2) Румыния не может подписать такого пакта, в котором бессарабский вопрос прямо или косвенно будет объявлен открытым, и что я запрошу инструкции по поводу этого заявления. Подробности в следующей телеграмме⁵.

Стомоняков

Печат. по арх.

5. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Уполномоченному СССР по переговорам с Румынией Б. С. Стомонякову, в Ригу

7 января 1932 г.

Мы не можем признавать в пакте с Румынией ссылок на ранее заключенные международные договоры, под которыми румыны подразумевают и Лондонский протокол о Бессарабии*. Недопустимо также какое бы то ни было упоминание о целостности территории. Можете говорить, что мы будем избегать формулировок, под которыми можно было бы понимать хотя бы отдаленнейшее признание аннексии Бессарабии. Можете также заявить, что статьи пятая и шестая для нас недискутабельны и что предпосылкой переговоров является невнесение их даже в качестве поправок к нашему проекту³.

После нашего телефонного разговора, когда казалось, что переговоры надолго откладываются, я задержал отъезд Лашкевича**. Я ему телеграфирую, чтобы он выехал по Вашему требованию.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. т. II, прим. 21, а также док. № 4 настоящего тома.

** Юрисконсульт полпредства СССР во Франции.

**6. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии
А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных
Дел СССР**

*Немедленно
7 января 1932 г.*

Имеются сведения, что после взятия Цзиньчжоу военные круги занялись разработкой вопроса о КВЖД. Предполагают воспользоваться акциями Русско-Азиатского банка *, принадлежавшими Стахееву. Так как Стахеев и его родственники находятся в СССР, то предполагают использовать находящегося здесь Батолина, имевшего какую-то доверенность Стахеева. В этом деле роль играют Мицуи и Кухара **.

Вместе с тем разрабатывается вопрос о создании маньчжурского правительства с привлечением в него трех белогвардейцев, имена которых можно будет выяснить. Очевидно, ближайшее будущее покажет, какой план имеется у японцев относительно СССР. В военных кругах бродят мысли о занятии Сахалина, Приморья и Камчатки ***.

Полпред

Печат. по арх.

**7. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР
Представителю СССР в Чехословакии А. Я. Аросеву**

8 января 1932 г.

Только сегодня болгарское предложение **** обсуждалось в инстанции и принято решение. На основании этого решения предлагаю Вам заявить Вазову, что если еще в 1922 г. можно было соглашаться на чехословацкий тип отношений ***** , то на 15-м году существования Союза мы не можем признавать иных отношений, кроме нормальных в полном объеме. Кроме того, опыт нашей торговли с Америкой и другими странами, в том числе и с Чехословакией, показал нам абсолютную невозможность действительного развития экономических отношений в атмосфере недружелюбия, создаваемой отсутствием нормальных отношений. Технически сказывается отрицательно также при торговых сношениях отсутствие консулов и легальной базы для наших торговых представителей. Ввиду этого мы вынуждены отклонить предложение об установлении только торговых отношений.

* См. т. VII, прим. 23.

** Крупные японские промышленники.

*** См. также док. № 13.

**** См. т. XIV, док. № 362.

***** См. т. V, док. № 180.

Вы должны заявить это в таком тоне, чтобы у болгар не создалось впечатления о нашей заинтересованности в восстановлении отношений и о желании использовать их предложение для этой цели⁶.

Литвинов

Печат. по арх.

8. Запись беседы Представителя СССР в Чехословакии с Управляющим Национальным банком Чехословакии Поспишлом *

8 января 1932 г.

Вместе с заменяющим торгпреда Мустом я отправился к управляющему Национальным банком Поспишлу, чтобы изложить ему то положение, которое создается для нашей торговли с Чехословакией в связи с систематическим запрещением оплаты по проданным нами нашим товарам (прилагаю копию письма ко мне т. Муста, из коей вы увидите, в каких случаях имело место запрещение производить с нами оплату по нашим счетам или по договорам⁷). Надо сказать, что накануне я говорил на эту тему с Крофтой** у меня на приеме. Крофта согласился со мной и Мустом, что по отношению к нам не должны были бы практиковаться запрещения Национального банка, ибо мы имеем в Чехословакии пассивный баланс. Крофта обещал на эту тему снестись с управляющим Национальным банком Поспишлом еще до нашего свидания с ним.

Поспишил, по-видимому уже предупрежденный Крофтой, говорил, что он сам стоит за то, чтобы не применять к нам запрещений валютных выплат, но что Национальный банк стоит на страже валюты и промышленности и поэтому должен бороться с импортом в Чехословакию предметов роскоши и вообще предметов неширокого потребления. Хотя, поскольку речь идет о СССР, баланс которого в Чехословакии пассивен, возможно исключение и тут. Я подчеркнул Поспишлу, что в ряде случаев имеются прямо несправедливые запрещения выплат, а именно запрещают производить расплату за товар, купленный до издания последних циркуляров, стесняющих валютное обращение. Наконец, есть случаи, когда воспрещают платить по договорам, заключенным на два, на три года. Поспишил обещал рассмотреть все указанные мною конкретные случаи, а что касается принципиального вопроса, будет ли в дальнейшем Национальный банк путем запрещения выплат

* Из дневника представителя СССР в Чехословакии за период с 4 января по 8 января 1932 г.

** Заместитель министра иностранных дел Чехословакии.

стеснять наш экспорт, Поспишил уклонился дать определенный ответ, заявив, что принципиального решения быть не может вообще и что практика Национального банка будет находить решения для каждого отдельного случая индивидуально. Я сказал, что такой ответ нас не вполне удовлетворяет и что стеснение экспорта немедленно отзовется соответственным образом на наших заказах у чехословацкой индустрии. Поспишил опять мялся, говорил общие слова и пообещал вопрос изучить, сказав, что дня через два позвонит мне *. Из нашего разговора с ним мы вынесли впечатление, что в Чехословакии готовится таможенный закон высоких охранительных пошлин. Об этом несколько раз Поспишил проговаривался *.

Полпред СССР в ЧСР
Аросев

Печат. по арх.

9. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Дании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

9 января 1932 г.

На телеграмму от 3 января сообщаю, что конференция, предполагавшаяся в Осло, не состоялась ⁹. Последняя конференция этой Антанты состоялась без участия министров в Гамбурге и носила технический характер. Следующая конференция соберется перед конференцией по разоружению.

По словам Мунка **, ни одна из скандинавских стран не посылала поправок к нашему пакту об экономическом ненападении ***, потому что они согласны с нашим проектом и будут его поддерживать. Возможны лишь редакционные поправки со стороны экспертов.

Кобецкий

Печат. по арх.

10. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Уполномоченному СССР по переговорам с Румынией Б. С. Стомонякову, в Ригу

10 января 1932 г.

В дополнение к моей сегодняшней телеграмме № 13 ¹⁰. Мне поручено предложить Вам «держаться крепко и не пугаться румынских угроз срыва». При переходе к постатейному обсу-

* Сведений о выполнении Поспишилом своего обещания не обнаружено в архиве.

** Министр иностранных дел Дании.

*** См. т. XIV, док. № 163.

ждению Вы отнюдь не должны оставить у румын впечатления, будто мы отказываемся от упоминания территориального спора *.

Патек ** выехал сегодня из Варшавы.

Литвинов

Печат. по арх.

11. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в Полномочное Представительство СССР во Франции

10 января 1932 г.

Состояние переговоров на сегодня ***. С Эстонией не согласовано еще даже место переговоров. Она соглашалась уже на Москву, но на днях внезапно предложила вести переговоры в Риге совместно с Латвией или отдельно. Мною отклонено и то и другое предложение с указанием на неудобство ведения переговоров в третьей стране между государствами, которые находятся в нормальных дипломатических отношениях. С Латвией еще идет спор, какой проект положить в основу. Патек, уехавший еще до рождества в Варшаву, возвращается лишь завтра, и переговоры с ним пока прерваны. В Гельсингфорсе переговоры несколько продвинулись вперед. С румынским представителем обсуждение пакта еще не началось, так как он возражает против какого бы то ни было упоминания о неразрешенности бессарабского вопроса, а мы не считаем возможным обойти молчанием этот вопрос. Все переговоры двинулись бы вперед быстро, если бы удалось согласовать пакт с Польшей ****.

Литвинов

Печат. по арх.

12. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

10 января 1932 г.

Имел частную откровенную беседу не для печати с заведующими иностранными отделами крупных газет. Отвечая на вопросы, я доказывал, что создание конфликта между нами и Японией зависит всецело от последней, мы не хотим его. Военный конфликт будет тяжелой русско-японской войной

* См. док. № 5.

** Посланник Польши в СССР.

*** Речь идет о переговорах по заключению договоров о ненападении.

**** См. также док. № 26, 28.

и будет иметь тяжелые последствия для Японии, и неизвестно, кто и как им воспользуется. Я опровергал ссылки военных на СССР в их выступлениях против разоружения, указывал, что нам нападать на Японию незачем и что вооруженные силы Японии нельзя сравнивать с вооруженными силами всего СССР. Некоторые из присутствовавших связаны с МИД, некоторые — с военными. В общем настроение создалось благоприятное.

Поскольку крупнейшую роль играют военные, неизвестно еще, как они себя поведут и что состреляют*.

Полпред

Печат. по арх.

13. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
12 января 1932 г.*

Был у Инукаи**, переводил Сиратори***. Я изложил ему историю наших взаимоотношений с начала маньчжурских событий, указал, что в Цицикаре японские войска еще остаются, что имеются слухи о привлечении белогвардейцев в маньчжурское правительство, о движении генерала Си Ся на Харбин¹¹ для борьбы с охраной КВЖД. Он ответил, что в Цицикаре находится около 300 японских солдат, до установления порядка, что слухи о привлечении белогвардейцев в маньчжурское правительство смешны, что о движении генерала Си Ся он официальных сведений не имеет, но думает, что он хочет подчинить себе всю Гиринскую провинцию. Я сказал, что драка между китайскими генералами с благословения японцев не порядок, а беспорядок. Сиратори ответил, что иногда через беспорядок приходится идти к порядку. Он спросил, не можем ли мы воздействовать через нашего консула на охрану КВЖД в целях подчинения ее генералу Си Ся. Я сказал, что не вижу оснований для этого.

Инукаи заверял меня, что японцы не нарушат наших интересов на КВЖД, что нам нечего беспокоиться по поводу положения в Маньчжурии, что единственный вопрос, волнующий общественность Японии в наших отношениях, это рыболовный вопрос. Я ответил, что затяжка в переговорах имеется с японской стороны; я указал на необходимость развития торговли и на препятствия в виде введения пошлин на лес. Он обещал

* См. также док. № 6, 44.

** Премьер-министр Японии.

*** Начальник департамента печати и информации МИД Японии.

заняться этим вопросом и добавил, что правительство скоро определит свои позиции относительно кредитов ¹².

Я спросил его мнение о пакте о ненападении *. Он ответил, что еще не изучил этого вопроса.

Я сказал, что не имею никаких инструкций, но вернусь к затронутому вопросу, особенно маньчжурскому, если таковые будут **.

Полпред

Печат. по арх.

14. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Уполномоченному СССР по переговорам с Румынией Б. С. Стомоякову, в Ригу

12 января 1932 г.

На телеграмму от 12 января 1932 г. ¹³ Мы согласны на постановочное обсуждение пакта со Стурдзой, но имейте в виду, что мы не пойдем ни на какие уступки по спорному вопросу и что Румыния больше нашего нуждается в пакте. Заявите Стурдзе, что мы также не желаем оставлять у него иллюзии о возможности игнорирования нами территориального спора и что поэтому с его сегодняшними заявлениями Вам мы не можем считаться при переговорах. Если Стурдза будет опять артачиться, то займитесь переговорами с Латвией, оставив румына в стороне. Его заявления представляются нам крайне наглыми, если он нас не считает слишком наивными, чтобы мы не понимали большой выгоды для Румынии пакта даже с упоминанием в нем Бессарабии. Разъясните ему, что при фактической незаконной оккупации Бессарабии наше согласие на двусторонний пакт о ненападении является большой уступкой с нашей стороны и что невозможно требовать от нас отказа даже от упоминания об оставлении вопроса открытым, когда Бессарабия фактически остается у Румынии и после заключения пакта с упоминанием спорного бессарабского вопроса ***.

Литвинов

Печат. по арх.

15. Нота Полномочного Представителя СССР в Афганистане Министру Иностранных Дел Афганистана Файз Мухаммед-хану

12 января 1932 г. № 21

Господни Министр,

Согласно личной моей беседе с Вами, в коей Вы выразили согласие приступить к переговорам о заключении соглашения

* См. т. XIV, док. № 401.

** См. также док. № 22.

*** См. док. № 5, 10, 31.

о переходе границы жителями пограничных местностей СССР и Афганистана, имею честь препроводить Вам при сем проект этого соглашения¹⁴.

Прошу Вас, г. Министр, по ознакомлении с проектом соглашения сообщить мне Ваши соображения по существу его*.

Пользуясь случаем, прошу Вас принять мои заверения в полном к Вам уважении.

Полномочный Представитель СССР
в Афганистане
Л. Старк

Печат. по арх.

16. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции и Торгового Представителя СССР в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР**

12 января 1932 г.

Несколько дней тому назад Молукер, директор испанской нефтяной монополии, попросил у нас по телефону личного свидания. Сегодня Молукер специально приехал для переговоров по поручению испанского правительства из Мадрида и передал следующее: 1. Испанское правительство желает возобновить с нами отношения торговые и дипломатические. 2. Нефтяная монополия по прямому поручению испанского правительства пошлет официальное приглашение НКВТ, в ответ на визит их делегации к нам***, направить нашу делегацию в Мадрид¹⁵, причем Молукер выразил личное мнение о целесообразности включения в делегацию представителя НКИД. 3. Состав делегации — по нашему усмотрению, причем испанское правительство выдает дипломатические паспорта. 4. Для внешнего мира наша делегация отдает ответный визит, по существу же испанское правительство вступит в переговоры в полном объеме. 5. Переговоры ведутся о торговом договоре, о наших заказах, а также о расширении нашего экспорта в Испанию. Одновременно согласовывается процедура о возобновлении дипломатических отношений.

Мы заявили Молукеру, что ни формально, ни по существу вопрос о признании не должен связываться с торгово-коммерческими переговорами, с этим Молукер согласился.

Молукер заявил, что они готовы на расширение нефтяного договора, покупку нашего хлеба, леса, также других продуктов, одновременно предлагает нам купить у них шерсть, пробковую кору, свинец, цинк, черные металлы, суда, некоторые

* См. также док. № 374.

** Телеграмма была также направлена в НКВТ СССР.

*** См. т. XIV, прим. 134.

виды оборудования. Готовы предоставить кредит, в частности, он предлагает по долгосрочным кредитам суда, например, правительство предоставит гарантию по краткосрочным, а также по средним кредитам; финансирование организует «Кампса». Молукер заявил, что ведет переговоры с нами официально, от имени испанского правительства. 19 января, во вторник, состоится заседание кабинета. К этому времени он просит дать им знать, прием ли мы приглашение. В этом случае испанское правительство вынесет официальное постановление, уполномочивающее монополию послать приглашение НКВТ по поручению испанского правительства организовать делегацию.

Мы обещали запросить наше правительство, указав Молукеру, что ход предыдущих переговоров вызывает у нас сомнения в серьезности намерений испанского правительства. Молукер приписал неудачи личным качествам старого состава дипломатов, до сих пор заправляющих всецело как МИД, так и посольствами, объяснив это обстоятельство желанием испанского правительства установить личный контакт с представителем Москвы. Мы также подчеркнули, что до восстановления дипломатических отношений ни о каких конкретных сделках в связи с приездом делегации не может быть и речи. Просьба дать ответ не позже воскресенья*.

Розенберг, Гуревич

Печат. по арх.

17. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Польши в СССР Патеком

13 января 1932 г.

На мой вопрос, что хорошего он привез из Варшавы, Патеком заметил, что почему-то я всегда заставляю его говорить первым и ставлю его в положение вопрошаемого. Он считает хорошим то, что ничего нового не привез, ибо еще перед его отъездом мы приближались к концу переговоров. Я напомнил ему, что мы перед его отъездом споткнулись о некоторые препятствия, для устранения которых он и поехал в Варшаву. Я хочу поэтому знать, какие инструкции он получил и можно ли считать разногласия устраненными. При этом я напомнил Патеку существо этих разногласий**.

В ответ на это Патеком заявил: его правительство решительно возражает против нашей ст. 3 (о участии во враждебных соглашениях) по мотивам, которые он мне раньше излагал. На

* См. док. № 25.

** См. т. XIV, док. № 383.

этот счет он имеет совершенно твердые инструкции и запрашивать Варшаву он больше не будет. В протоколе подписания он готов обязаться провести как ратификацию пакта, так и обмен ратификационными грамотами «в возможно скорый срок», не определяя, однако, точно этого срока. Текст статьи гласил бы в таком случае: «Оба правительства обязуются принять необходимые меры для проведения ратификации настоящего договора, а равно обмена ратификационными грамотами в возможно скорый срок». Наши добавления к 1-й статье «ни прямо, ни косвенно» и к 3-й статье «поскольку эти соглашения не заключают в себе элементов агрессии» он готов принять, если мы уступим по остальным статьям. Что касается статьи о согласительной процедуре, то он согласен отказаться от одновременности подписания и предлагает лишь сказать в конце статьи: «каковая является составной частью настоящего договора». К этому должен быть подписан протокол следующего содержания: «Договаривающиеся стороны устанавливают, что конвенция о применении согласительной процедуры образует составную часть этого пакта о ненападении. Однако же для удобства стороны постановили не задерживать немедленного подписания пакта с тем условием, что вышеуказанная конвенция будет ими подписана отдельно в возможно скорый срок и что она будет подлежать ратификации совместно с пактом о ненападении». После некоторого спора Патеки согласился добавить к протоколу еще следующее: «Подписывая настоящий протокол, стороны исходят из убеждения, что существенных разногласий по существу процедуры не имеется».

Я настаивал на установлении точного срока хотя бы обмена грамотами, напомнив Патеку, что такие сроки были установлены Рижским мирным договором* и что таким образом его прежние возражения с точки зрения невозможности связывания какими-либо сроками парламента или президента опрокинуты уже в наших сношениях с Польшей. Далее я заявил, что главное препятствие я усматриваю в отклонении ст. 3, на которой мое правительство безусловно настаивает. Нам совершенно непонятны мотивы отклонения подобной статьи. Нам важно не только подписание документа, но и получение уверенности, что у сторон нет никаких камней за пазухой и никаких задних мыслей. Как можно говорить о мирных отношениях, если одна из сторон сознательно оставляет за собой право участия во враждебных соглашениях против другой стороны. Далее я говорил, что каждый пакт является образцом и прецедентом для других стран. Во всех заключенных нами до сих пор пактах имеется аналогичная статья, а отказом от нее мы создали бы новый, ухудшенный тип пакта и давали бы

* См. т. III, док. № 350.

плохой пример другим странам. Я предложил Патеку еще раз снестись с Варшавой по этому поводу. Патек наотрез отказался, заявив, что никаких задних мыслей у них нет, что они только боятся нашего вмешательства в их отношения с другими государствами и что по этому вопросу его слово окончательно.

Я заявил, что вынужден доложить своему правительству о создавшемся положении, так как от ст. 3 я отказаться не могу.

Когда я предложил продиктовать протокол, чтобы зафиксировать сегодняшний обмен мнениями, Патек неожиданно решительно воспротивился этому, заявив, что если я не могу ему дать окончательного ответа, то он берет все сделанные им уступки назад и что он не согласен даже письменно обусловить эти уступки какой бы то ни было компенсацией и просит считать сегодняшний разговор частным. Я сказал, что вел с ним сегодня беседу совершенно официально, что я не могу превратить ее в частную беседу и что мне остается в таком случае записать себе сегодняшний обмен мнениями без его участия и что я для этого прошу его продиктовать текстуально его предложения по соответственным спорным статьям. Эту просьбу Патек исполнил.

Патек сообщил, что в случае окончательного согласования пакта он уполномочен его подписать и что он хотел бы подписать его именно со мной до моего отъезда в Женеву.

У меня осталось впечатление, что на включение 3-й статьи в пакт Патек не согласится, но что можно было бы его убедить перенести эту статью в особый протокол *.

Литвинов

П. С. Когда я поставил Патеку в упор вопрос, имеются ли у него возражения против нашего проекта соглашения о согласительной конвенции, Патек заявил, что ранее наметившиеся разногласия о распространении компетенции комиссии на старые споры, а также о председателе комиссии препятствием служить не будут.

М. Л.

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. V, М., 1967, стр. 519—521.

18. Телеграмма Представителя СССР в Чехословакии в Народный Комиссарнат Иностранных Дел СССР

14 января 1932 г.

Бенеш был настолько раздражен, что, когда он говорил, у него захватило дух. Он считает, что мы нарушили правила

* См. также док. № 27.

международного приличия, опубликовав дело Ванека* и бросив тень подозрения в провокации войны на министерство иностранных дел и на правительство Чехословакии. Бенеш заявляет, что он берет на себя ответственность за всю миссию в Москве и за поведение каждого отдельного ее сотрудника, поэтому Бенеш считает, что во всех трех случаях Штилица, Броша¹⁶ и Ванека Советское правительство сознательно стремилось дискредитировать чехословацкое правительство. Я прервал Бенеша и заявил, что о том, будто в деле Штилица мы совершили какую-то некорректность слышу впервые из уст Бенеша, отзывая Броша мы не требовали, а лишь обратили внимание на его поведение, дело с Ванеком мы опубликовали потому, что оно касалось провокации войны. Когда Бенеш почти со стоном просил меня не упоминать о войне, ибо это, дескать, все выдуманно, я предложил ему в таком случае прекратить нашу беседу, ибо корень зла заключается в провокации войны. Бенеша это значительно отрезвило, и я в самом категорическом тоне заявил ему, что мы и впредь поступим так же со всяким провокатором войны, но что в данном случае мы не называли ни миссию, ни имени виновника, потому что не хотели и не хотим портить отношений с Чехословакией. Бенеш заявил, что он посылал в СССР Шебу и Фирлингера и подготавливал признание и смену всего личного состава полпредства, но что мы все это теперь сорвали. Я заявил, что от Бенеша мы уже слышим не впервые о подобных срывах. Он, наконец, сформулировал свои требования: 1) Ванек не считается отозванным, а находится в отпуску; чтобы произошло отозвание, необходимо, чтобы мы официально заявили Бенешу просьбу отозвать Ванека, как нежелательного для нас дипломата. 2) Мы должны дать коммунике, что, обвиняя Ванека, мы ни сколько не намерены обвинять или подозревать чехословацкое правительство. Если эти два условия для нас неприемлемы, Бенеш просит, чтобы мы сами предложили ему что-нибудь как компенсацию. Я тут же ответил, что и его два условия нам неприемлемы и предлагать компенсацию не будем, ибо не Чехословакия, а нам нанесен вред. Бенеш заявил, что его требования ультимативные, пригрозил, что невыполнение их или отсутствие компенсационного предложения с нашей стороны повлечет с его стороны постепенный разгром аппаратов наших полпредства и торгпредства путем высылки сотрудников. Бенеш обещает провести это как реванш**.

[А. Апросев]

Печат. по арх.

* См. т. XIV, док. № 390, 393.

** См. также док. № 24.

19. Телеграмма Генерального консула СССР в Харбине Полномочному Представителю СССР в Японии А. А. Трояновскому*

15 января 1932 г.

На телеграмму от 11 января¹⁷. О предстоящем привлечении белогвардейцев к участию в «маньчжурском правительстве» прямых данных не имеем. Но имеем сведения о тенденции привлечения некоторых белогвардейцев в качестве советников в отдельных учреждениях. Белогвардейская печать, в том числе и «Харбинское время», трубит о решении Мукдена и квантунского штаба** о привлечении белогвардейцев к местному самоуправлению. В Харбине проектируют насыщение полиции белогвардейцами под руководством японских советников***.

Славуцкий

Печат. по арх.

20. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Италии в СССР

15 января 1932 г.

Свидетельствуя свое почтение Итальянскому Посольству, Народный Комиссариат по Иностранным Делах имеет честь сообщить, в ответ на ноту № 5448/458 от 22 декабря 1931 г., любезно извещающую о предстоящем в апреле месяце с. г. открытии XIII Международной выставки образцов в Милане, что планами торговых организаций СССР предусмотрено участие в текущем году в упомянутой выставке образцов¹⁸.

Печат. по арх.

21. Сообщение советской печати об обмене речами между Народным Комиссаром Иностранных Дел СССР М. М. Литвиновым и Министром двора Персии Теймурташем****

16 января 1932 г.

РЕЧЬ г. ЛИТВИНОВА

Коснувшись предшествующих приездов в Москву г. Теймурташа и отметив ту видную роль, которую сыграл г. Теймурташ в переговорах, подготовивших подписание в октябре

* Копия телеграммы направлена в НКВД СССР.

** Имеется в виду штаб Квантунской армии.

*** См. также док. № 47.

**** Прием в честь Теймурташа состоялся 14 января 1932 г.

1927 г. советско-персидского пакта о гарантии и нейтралитете и других видных советско-персидских соглашений, т. Литвинов заявил:

«Оглядываясь на прошлое и прослеживая этапы, через которые прошла Персия, я горд сознанием, что Октябрьская революция совершила коренной перелом и открыла новую эру в отношениях между нашими странами. Эти отношения стали с тех пор развиваться на началах полного равенства и взаимного уважения к суверенитету обеих стран.

Начиная с декларации об аннулировании концессий и займов царского правительства в Персии, заложившей основы новых отношений и политики дружбы и сотрудничества между нашими странами, правительство Советского Союза развивало эту политику неуклонно и вполне последовательно. Свое полное выражение эта политика получила в договоре дружбы 1921 г., а дальнейшее развитие — в пакте о гарантии и нейтралитете 1927 г. и торговом договоре 1931 г.*

Стремительное развитие народного хозяйства Советского Союза несомненно будет способствовать дальнейшему расширению экономических отношений между обеими странами, создавая условия для еще более тесного сотрудничества на базе интересов хозяйственного развития обеих стран.

Я уверен в том, что дружественная политика, которую Советское правительство развивает в своих сношениях с Персией, являясь выражением его общей политики мира, в особенности по отношению к непосредственным соседям Советского Союза, способствует сохранению и укреплению всеобщего мира, в котором нуждаются все народы теперь более, чем когда-либо.

Обмен визитами государственных деятелей наших стран, несомненно, является одним из лучших методов для установления взаимного понимания при разрешении очередных вопросов и для дальнейшего упрочения и расширения дружественных связей между нашими странами, и с этой точки зрения получает особое значение настоящее посещение нашей столицы таким выдающимся государственным деятелем, так много сделавшим для укрепления независимости Персии и советско-персидских отношений, как наш сегодняшний гость».

В заключение т. Литвинов провозгласил гост за здоровье главы персидского государства н г. Теймурташа, а также за процветание персидского народа. Вместе с тем он просил г. Теймурташа передать привет и наилучшие пожелания премьер-министру Персии г. Хедайату и министру иностранных дел г. Форути.

* См. соответственно т. II, док. № 129, 155; т. III, док. № 305; т. X, док. № 225 и т. XIV, док. № 312, 313.

Поблагодарив г. Литвинова за приветствия и пожелания, г. Теймурташ заявил:

«Я счастлив, что еще раз нахожусь в Москве среди представителей дружественной Персии нации, с которыми меня связывает чувство личного уважения и дружбы, и пользуюсь случаем, чтобы выразить мою глубокую благодарность за оказанный нам радушный прием. Я с большим удовольствием вспоминаю то время, когда в первый раз приезжал в Москву для переговоров по вопросам, которые закончились подписанием актов 1927 г. и которые еще теснее связали Персию с Советским Союзом и дали мне возможность войти в личный контакт с его деятелями».

Переходя к вопросу взаимоотношений между Персией и Советским Союзом, г. Теймурташ заявил, что Персия неоднократно выражала свое мнение относительно результатов Октябрьской революции и советского режима, приветствуя его как избавителя от притеснений и попраний прав, которым подвергалась Персия со стороны своей северной соседки. По освобождении от разрушительного нажима извне Персия смогла встать на путь своего национального развития и политического возрождения. «Теперь персидская нация, — заявил г. Теймурташ, — с надеждой смотрит на будущее и уверенными шагами идет к своему народному благосостоянию. Цель, к которой стремится теперешняя Персия, очень проста: мы хотим жить свободно на нашей родной почве и под нашим родным солнцем и работать для блага нашей страны».

Далее г. Теймурташ, указав на стремление правительства Персии реорганизовать и возродить Персию в областях политической, экономической, административной, заявил: «Для достижения этой цели нам нужно напрягать всю нашу национальную энергию, и у нас нет времени и желания думать об академических комбинациях и группировках в международной политике. Все те, которые нам помогают и будут помогать в достижении благосостояния персидской нации (а мы знаем и уверены, что всегда встретим поддержку в этой области со стороны Союза), будут иметь право на нашу благодарность. Мы уважаем и оберегаем все законные интересы тех, которые уважают наши законные права и интересы. Исходя из этих принципов и начал, я смело могу говорить, что Персия никогда не будет фигурировать в политических комбинациях, направленных против Советского Союза».

Мы с большим удовольствием отмечаем, с большим интересом наблюдаем за стремительным развитием народного хозяйства Союза, так как, во-первых, мы сами пользуемся результатами вашего опыта и работаем в том же направлении

и, во-вторых, питая искренние дружеские чувства к Союзу, радуемся его успеху. Не подлежит сомнению, что развитие советского народного хозяйства поможет развитию персидского народного хозяйства.

Я с Вами, многоуважаемый Максим Максимович, согласен, что взаимоотношения Советского Союза с восточными странами и его дружба к непосредственным соседям, среди которых находится и Персия, являются ценным залогом всеобщего мира, и крупная доля чести этой миролюбивой политики принадлежит руководителям советской внешней политики, среди которых Вы являетесь крупной фигурой».

Далее г. Теймурташ отметил, что правительство Персии хотело подчеркнуть его визитом в Москву, насколько оно ценит и высоко ставит дружбу с Советским Союзом и надеется на ее развитие в будущем. Г-н Теймурташ закончил выражением своей надежды на приезд в Персию т. Литвинова и выразил уверенность, что контакт между советскими и персидскими государственными деятелями еще более укрепит узы теперешней персидско-советской дружбы. После этого г. Теймурташ провозгласил тост за персидско-советскую дружбу, за процветание народов Советского Союза и за членов его правительства.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 16 (4533), 16 января 1932 г.*

22. Опровержение ТАСС в связи с измышлениями японской газеты о содержании беседы Полномочного Представителя СССР в Японии А. А. Трояновского с Премьер-Министром Японии Инукаи

16 января 1932 г.

Токио. 13 января. (ТАСС). Газета «Мияко» считает, что беседа т. Трояновского с Инукаи* заслуживает большого внимания. Газета обосновывает это тем, что т. Трояновский якобы зондировал отношение Японии к возможному возобновлению советского предложения о заключении советско-японской антанты, сделанному в свое время правительству Като и отклоненному правительством Сидэхара в связи с тогдашним международным положением.

Примечание ТАСС. Мы уполномочены категорически опровергнуть вышеизложенное сообщение газеты «Мияко». Ни с правительством Като, ни с правительством Сидэхара, ни с нынешним японским правительством советский полпред не вел никаких переговоров о советско-японской антанте. ТАСС

* См. док. № 13.

известно из авторитетного источника, что беседа т. Трояновского с г. Инукаи 12-го сего месяца касалась маньчжурских событий, в частности пребывания и передвижения японских войск в Северной Маньчжурии, и особенно оживившейся политической и военно-подготовительной деятельности белогвардейцев в Маньчжурии. Кроме того, т. Трояновский осведомлялся об отношении г. Инукаи к предложению, сделанному т. Литвиновым министру иностранных дел г. Иосидзава во время пребывания последнего в Москве 31 декабря 1931 г., о возможности заключения пакта о ненападении между Японией и СССР. Тов. Литвинов, между прочим, мотивировал тогда это предложение тем огромным значением, которое заключение пакта о ненападении между СССР и Японией имело бы в момент, когда в некоторых милитаристских и авантюристских кругах за границей строятся разные спекуляции на возможности ухудшения советско-японских отношений. Тов. Литвинов обратил внимание г. Иосидзава на переговоры, ведущиеся Советским правительством с его западными соседями касательно пактов о ненападении, и указал также на то обстоятельство, что Япония является сейчас единственным соседом СССР, который не заключил с ним пакта о ненападении и не ведет переговоров о таком пакте. Г-н Инукаи дал т. Трояновскому успокоительные заверения, повторив, в частности, прежние заверения об отсутствии у Японии намерений нарушать интересы СССР на КВЖД. Что касается предложения о заключении пакта о ненападении, то Инукаи сказал, что оно еще не изучено японским правительством.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 16 (4583), 15 января 1932 г.*

23. Письмо Полномочного Представительства и Торгового Представительства СССР в Италии в Народный Комиссариат Иностранных Дел и Народный Комиссариат Внешней Торговли СССР

16 января 1932 г.

На завтраке после беседы т. Левенсона с министром корпораций Боттаи¹⁹ т. Левенсон имел беседу с генеральным директором министерства корпораций Анцилотти. Последний, затронув вопрос о предложенных Боттаи от имени итальянского правительства переговорах, раскрыл довольно определенно те позиции, которые итальянцы, по-видимому, заняли бы и на которых они будут настаивать в этих переговорах, а именно:

1. Итальянцы, аргументируя непосильностью для них кредитных условий, предусмотренных соглашением от 27 апреля

1931 г. *, предложат обращать в определенной части нашу выручку от реализации экспорта в Италии в качестве первого платежа по нашим заказам итальянским фирмам, что должно позволить последним не требовать от итальянского правительства реального финансирования на приобретение за границей сырья. Очевидно, что это предложение итальянцев сводится к требованию уплаты за наш импорт из Италии частью наличными в момент выдачи заказов.

2. Итальянцы, ссылаясь на то, что длительность предоставленных нам в Италии импортных кредитов значительно превышает таковую в других странах, имеют в виду добиваться сокращения длительности кредитов.

3. Как можно было понять из слов Анцилотти, итальянцы при переговорах будут комбинировать пункты 1-й и 2-й, т. е. сокращать свои запросы в части размера обращаемой на погашение первого платежа по импорту доли нашей выручки по экспорту, при условии большего сокращения сроков импортных кредитов и, наоборот, ограничатся сравнительно небольшим сокращением сроков кредитов при условии повышения размера части нашей экспортной выручки, обращаемой в первый платеж по импорту.

4. Наконец, чрезвычайно важным является прорабатываемое итальянцами предложение расчетно-валютного балансирования экспорта с импортом. При этом продемонстрированные Анцилотти г. Левенсону уже разработанные итальянцами таблицы дают следующую картину: СССР выручил в 1931 г. от реализации своих экспортных товаров и авансов около 1/2 млрд. ит. лир. С другой стороны, наши платежи в Италию по импорту, по данным Анцилотти, распределяются следующим образом:

1931 г.	ит. лир	47 814 262,65
1932 »	» »	119 849 569,55
1933 »	» »	129 718 276,46
1934 »	» »	122 294 866,30
1935 »	» »	23 798 191,85
1936 »	» »	6 301 715,35

На возражения г. Левенсона, что, во-первых, эта картина не точна, в частности, потому, что здесь не учтены наши платежи за фрахт, Анцилотти, оговорив неточность нашей суммы фрахта-брутто, прибавил к уплаченным нами 47 814 262 ит. лир еще 100 000 000 ит. лир по фрахту по нашим данным и сделал вывод, что такое состояние расчетного баланса между СССР и Италией совершенно ненормально и неприемлемо для дальнейших отношений.

Не останавливаясь здесь на тех или иных цифровых неточностях, важно установить, что к вероятным позициям итальянцев

* См. т. XIV, док. № 135.

яйцев при переговорах, изложенным в пп. 1, 2 и 3, очевидно, прибавится предложение построить дальнейшие наши торговые отношения на основе изложенных предложений с таким расчетом, чтобы было обеспечено расчетное балансирование. Иными словами, это значило бы, что часть экспортной выручки, обращаемой в погашение первого взноса по импорту, должна быть настолько увеличена, а сроки платежей, и в частности первых, настолько сокращены и приближены, чтобы приблизительно балансировалась, начиная с 1932 г., выручка по нашему экспорту в Италию и наши платежи по импорту и фрахту.

Поскольку из заявлений Боттан и Анцилотти совершенно ясно вытекает, что итальянское правительство в предстоящих переговорах попытается ухудшить существующие в отношении нашего импорта кредитные условия, мы могли бы, конечно, отказаться от переговоров и продолжать свою экспортную работу, пользуясь теми правами и льготами, которые обеспечены за нами торговым договором. Следует, однако, учесть возможные последствия подобной тактики. Хотя итальянцы политически и не заинтересованы в дискриминации нашего экспорта, не подлежит сомнению, что ими могут быть найдены такие формы, при которых наш экспорт, если и не формально, то фактически будет дискриминироваться, а в ряде случаев он сможет быть полностью устранен с итальянского рынка. Мероприятия подобного характера были бы в отношении нас сильно облегчены отсутствием у нас генерального наибольшего благоприятствования, однако даже по тем товарам, по которым мы обладаем наибольшим благоприятствованием либо конвенционными ставками, ограничительные мероприятия легко осуществимы. В первую очередь нам нужно будет опасаться мер, препятствующих размещению нашего леса, пушнины, возможно также угля и большинства второстепенных товаров. Помимо того, нельзя считать исключенной также возможность перехода Италии к системе валютных ограничений по примеру Австрии и некоторых других стран, применение которых к СССР при отсутствии иного соглашения автоматически привело бы к расчетному нетто-балансу, осуществляемому к тому же в крайне невыгодных для нас формах. В случае введения Италией валютных ограничений для нас потерял бы значение даже договор с «Аджипом»²⁰, ибо мы лишены были бы возможности переводить валюту за пределы Италии.

Возможность принятия перечисленных мероприятий, полностью либо частично, подтверждается всем развитием итальянской торговой политики последнего периода. Дело в том, что Италия решительно приступила к пересмотру действующих торговых договоров. Она спровоцировала расторжение

договоров с Испанией и Францией и ввела в отношении последней дискриминирующие Францию контингенты. Италия договорилась с Австрией об отказе от конвенционных пошлин и о клиринге. С Югославией, Румынией, Албанией и некоторыми другими странами также ведутся переговоры об отказе от конвенционных тарифов, в результате чего Италия рассчитывает в течение 1932 г. обеспечить автономность своей таможенной политики, которая в отношении ряда товаров, несомненно, пойдет по линии запретительных пошлин. В связи с протекционистской политикой Англии здесь прорабатывается вопрос об ограничительных мероприятиях по отношению к английскому углю, т. е. к одному из серьезнейших предметов английского экспорта.

В этих условиях мы считаем, что нет решительно нет никаких оснований ожидать, что в отношении нас итальянское правительство не решится на мероприятия, ущемляющие наш экспорт, в том случае, если бы мы отклонили предложение о переговорах, вызванное недовольством Италии нынешним состоянием торгового и расчетного баланса в отношениях с нами. Мы полагаем, что при нашем отказе от переговоров нельзя считать исключенной даже денонсацию торгового договора, хотя несомненно, что итальянцы могут нас ущемить и без этого политически нежелательного для них шага. Перед нами в этом случае стояла бы перспектива значительного сокращения нашего экспорта в Италию, а возможно, и полной потери нами рынка по ряду серьезных товаров (достаточно назвать пшеницу, по которой мы, несомненно, вышли бы с итальянского рынка). Мы оставляем в стороне вопрос о лишении наших организаций солидной правовой базы, что имело бы место при расторжении договора.

В связи с изложенным мы приходим к выводу, что отклонение предложения итальянского правительства, сделанного через посредство Боттаи, не является целесообразным, как нецелесообразна и длительная оттяжка нами переговоров, которая, не улучшив нашего положения при переговорах, может лишь ускорить переход итальянцев к политике затруднения нашего экспорта. Некоторая оттяжка начала переговоров необходима, однако для того, чтобы не дать возможности итальянской стороне использовать при переговорах нашу заинтересованность в размещении в Италии нефтепродуктов. Вследствие этого, по нашему мнению, сообщение о согласии на переговоры должно быть сделано лишь после окончательного оформления взаимоотношений между «Нефтеэкспортом» и «Аджилом», что мы считаем необходимым форсировать.

Вместе с тем лишне подчеркивать, что переговоры с Италией по всему комплексу экономических вопросов следовало бы начать лишь после выяснения самим себе того, в какой

форме и объеме мы можем пойти навстречу итальянским притязаниям в области условий и сроков кредитования по нашим заказам. В ином случае переговоры могли бы вызвать более резкую реакцию, нежели прямой отказ от принятия итальянского предложения. Мы могли бы со своей стороны предъявить требования о реальном гарантировании итальянским правительством размещения в Италии ряда конкретных номенклатур нашего экспорта, формы чего можно будет уточнить впоследствии.

Суммируя изложенное выше, мы считаем необходимым:

1. Принять предложение итальянцев об экономических переговорах, о чем сообщить им лишь после подписания договора между «Нефтеэкспортом» и «Аджипом».
2. Проработать вероятные предложения итальянцев и наметить наши позиции по этим предложениям.
3. Разработать конкретные требования в области реализации в Италии нашего экспорта с учетом изменившейся обстановки.

В заключение отмечаем, что в настоящих условиях необходимо внести максимальную ясность в нашу политику размещения заказов в Италии, поскольку заказы по существу являются единственным орудием нашего давления на итальянцев с целью побуждения их принять наши требования по экспорту, между тем как уже сейчас со стороны Москвы наблюдается спешка в размещении заказов. Следует считаться с тем, что игравшая в свое время огромную роль заинтересованность Италии в нашем сырье сейчас в значительной мере ослаблена. Поэтому размещение заказов до переговоров могло бы лишь ослабить наши позиции, подкрепив одновременно утверждения итальянцев о том, что правительственная гарантия кредитов сама по себе является компенсацией за наши заказы. Кроме того, задержка размещения некоторых заказов могла бы также усилить давление на правительственные круги со стороны ряда крупных и влиятельных фирм, что облегчало бы успешный исход переговоров.

В отношении места переговоров мы считаем необходимым воспользоваться заявлением Боттаи, предложившего по нашему выбору Рим либо Москву, и предложить вести переговоры в Москве, где наша маневроспособность могла бы быть обеспечена в значительно большей степени, нежели в случае ведения этих переговоров в Риме*.

Полпред

Секретарь
П[ол]
п[редства]
Вейнберг

Торгпред

Д. Курский

М. Левенсон

Печат. по арх.

* См. док. № 65.

24. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Представителю СССР в Чехословакии А. Я. Аросеву

17 января 1932 г.

На телеграмму от 14 января *. Мы можем лишь подтвердить правильность данного Вами Бенешу ответа. Требование об отозвании Ванека было предъявлено нами через чешского поверенного в делах в Москве вполне официально и повторение этого требования излишне, тем более что считаем требование удовлетворенным. О компенсации не может быть никакой речи. С обвинениями чехословацкого правительства мы не выступали, а обвинили Ванека, а по чьим директивам он действовал, мы знать не обязаны ²¹.

Литвинов

Печат. по арх.

25. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. С. Довгалеvскому

17 января 1932 г.

На телеграмму от 12 января **. Можете ответить Молукеру, что если испанское правительство подтвердит переданное Вам Молукером приглашение послать в Испанию ответную советскую хозяйственную делегацию, то такая делегация в Испанию будет послана нашими хозяйственными организациями ***.

Ближайшей почтой сообщу Вам мотивы решения и как мы понимаем задачи делегации ²².

Крестинский

Печат. по арх.

26. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. С. Довгалеvскому

18 января 1932 г.

С Польшей остались разногласия лишь по одному пункту: она отвергает предложенную нами статью об обязательстве неучастия в соглашениях, явно враждебных другой стороне и

* См. док. № 18.

** См. док. № 16.

*** См. также док. № 182.

противоречащих пакту. Такое упорное отклонение этого обязательства не свидетельствует о действительном желании Польши установить мирные и дружественные отношения. Весь пакт по существу заключает три обязательства: о ненападении, о нейтралитете и о неучастии во враждебных соглашениях. Польша пункт о нейтралитете свела на нет, неучастие отвергает, тогда остается лишь ненападение, которое мы уже имеем по пакту Келлога*. Когда Польша примет эту статью, пакт можно будет подписать, но Польша вообще затягивает. Патеком просидел в Варшаве две недели, а теперь также всячески оттягивает ответы. Во всяком случае необходимо потребовать от Бертело** и Лавалья*** объяснений о судьбе советско-французского пакта. Нельзя оставлять дело в нынешнем положении. Мы хотим знать, готова ли Франция подписать с нами пакт. Официальным условием был только пакт с Польшей, поэтому Вы сообщаете Франции о состоянии наших переговоров с Польшей.

В порядке информации можете также дать сведения о переговорах с другими лимитрофами.

С Румынией мы согласились о том, что бессарабский вопрос остается в стороне и настоящими переговорами не затрагивается. Мы находим необходимым зафиксировать это, а румыны предлагают совершенно обойти это молчанием. Мы не можем заключать с Румынией никаких соглашений, которые можно было бы истолковать как наше косвенное или молчаливое признание захвата Бессарабии. Негоциаторы решили, однако, перейти пока к обсуждению статей пакта, чтобы вернуться впоследствии к спорному вопросу, по которому мы на уступки идти не можем.

С Финляндией переговоры настолько продвинулись вперед, что в скором времени можно ожидать подписания****. Латвия и Эстония канителият и топчутся на месте, выжидая, очевидно, результатов наших переговоров с Польшей. Подписание пакта с Польшей повлекло бы за собой, вероятно, окончание наших переговоров с Латвией и Эстонией.

Добивайтесь ясного ответа о подписании советско-французского пакта*****.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. т. XI, док. № 298.

** Генеральный секретарь МИД Франции.

*** Председатель совета министров и министр иностранных дел Франции.

**** См. Док. № 32.

***** См. док. № 40, 52.

27. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Польши в СССР Патеком

19 января 1932 г.

На мой вопрос, что нового он может мне сообщить, Патеком грустно мне ответил, что ничего хорошего. В пояснении он сказал, что Варшава соглашалась взять назад свою 5-ю статью об одновременности ратификации всех пактов при условии, что мы возьмем обратно свою 3-ю статью (о неучастии во враждебных соглашениях) *. Поскольку мы настаиваем на последней, Варшава возвращается к своей 5-й статье. Я ответил, что отказ от 5-й статьи был предпосылкой наших переговоров и что устранение этой предпосылки означало бы аннулирование всех переговоров и всего до сих пор достигнутого. Когда Патеком вновь стал говорить о невозможности для Польши ратификации пакта, безотносительно к судьбе других пактов, я вновь заявил ему, что на эту тему я отказываюсь с ним разговаривать и что я хочу лишь знать его ответ относительно нашей 3-й статьи. Я на днях уезжаю и хотел бы перед отъездом сообщить нашей общественности что-либо о состоянии переговоров. Я должен заявить либо, что договор подписан, либо объяснить, по какой причине не подписан.

Патеком несколько завиливался и стал уверять в своей готовности сейчас же парафировать пакт и что он просит по этому позволения подумать о том, что он может мне предложить. После краткой паузы он спросил, не согласны ли мы в 3-й статье говорить лишь об обязательстве не заключать соглашений, «противоречащих настоящему пакту» (это почти та самая формула, которую нам теперь предложили финны и румыны и, очевидно, согласованная с Польшей и выдаваемая теперь Патеком за импровизацию). Я ответил, что имею инструкцию правительства настаивать на ст. 3, а то, что предлагает сейчас Патеком, не покрывает содержания этой статьи, причем я подробно разъяснил ему разницу. После настойчивых предложений Патека поискать выход из положения я сказал, что я мог бы сообщить своему правительству новое предложение и просить новых инструкций, но, поскольку Патеком не собирается подписывать пакт, а лишь парафировать, я не вижу смысла в получении новых инструкций. Если после пятилетних переговоров и окончательного согласования текстов Польша не решается подписывать и предлагает какие-то промежуточные формы парафирования, то у нас не может быть впечатления о серьезности переговоров с польской стороны. На заме-

* См. соответственно т. XIV, прил. к док. № 247, док. № 383, а также док. № 17 настоящего тома.

чаине Патека, что мы и с Францией только парафировали пакт *, я ответил, что там переговоры велись не 5 лет, а только 2 недели, а кроме того, именно французский опыт, когда парафированный пакт остается неподписанным в течение полугода, нас тоже кое-чему научил. Я предпочитаю поэтому иметь возможность, в случае неподписания, объяснить причины. Я напомнил Патеку, что он недавно был в Варшаве, где соглашывал весь пакт, а что касается новой редакции спорной статьи, то он может передать ее по телеграфу и на второй день получить ответ, тем более что он говорил в Варшаве Антонову-Овсенко **, что он везет с собой полномочие на подписание.

Патек спросил, примем ли мы его редакцию 3-й статьи, если он даст обещание подписать. Я ему вновь повторил, что я относительно 3-й статьи имею твердую инструкцию и поэтому новую редакцию не могу принять и что я могу лишь доложить правительству его предложение подписать немедленно пакт в случае одобрения новой редакции 3-й статьи. Патек попросил так доложить правительству, а он тем временем снесется с Варшавой ***.

Литвинов

Печат. по арх. Оpubл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. V, М., 1957, стр. 521—522.

28. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. С. Довгалеvскому

19 января 1932 г.

В дополнение к моей телеграмме от 18 января ****. Сообщаю, что Румыния, предлагая нам в первом пункте обязательство ненарушения интегритета территории, находящейся под суверенитетом Румынии, добивается косвенного признания нами захвата Бессарабии. С той же целью она предлагает теперь новую формулу о нанесении ущерба территории, ограниченной Днестром. Скажите французам, что, как мы ни ценим пакт с соседями, мы не пойдем ни на какое соглашение с Румынией, не оговорив при этом неразрешенности территориального спора.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. т. XIV, док. № 229.

** Полпред СССР в Польше.

*** См. док. № 37.

**** См. док. № 26.

29. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Хирота

19 января 1932 г.

Я вызвал Хирота для того, чтобы спросить его, получена ли им инструкция в связи с рыболовными переговорами. Мы не встречались с ним для обсуждения рыболовных дел, ожидая инструкции из Токио, которая должна была быть получена до приезда Носидзава в Японию. Вместе с тем я собирался вручить ему в письменном виде принципы урегулирования рыболовных вопросов во всем объеме. Хирота сообщил, что если бы я его не вызвал, то он все равно собирался зайти ко мне, так как получил срочную инструкцию японского правительства, с которой он и хотел бы начать сегодняшнюю беседу.

10 января владивостокская радиостанция сообщала, что покушение на жизнь его величества японского императора, имевшее место 8 января 1932 г., свидетельствует о том, что никто не имеет доверия к престолу императора Японии и уважения к священному характеру японского престола. Такого характера передача оскорбляет не только императора, но и всех его подданных. Ввиду этого японское правительство дало ему, Хирота, строгую и серьезную инструкцию о нижеследующем: японское правительство просит 1) разъяснений у Советского правительства по поводу этого сообщения радиостанции, 2) в будущем не повторять подобного рода оскорблений и 3) «освободить от должности» тех, которые передавали такого рода сведения по радио.

Я ему ответил, что мне не известно о сообщаемом факте, что я могу иметь какое-либо мнение лишь после расследования и проверки сообщенных им сведений. Необходимо точно знать, что именно было передано радиостанцией и, наконец, передано ли было то, что приписывается именно владивостокской радиостанции, а не какой-либо другой. Само собой понятно, что, если бы наша радиостанция передавала что-либо оскорбительное, это было бы достойно сожаления, но пока факты не проверены и неизвестно, кем и что было передано, я не могу ему ничего сказать.

Я его спросил, на каком языке передавалась эта информация радиостанцией. Он ответил, что он этого не знает. Я спросил Хирота, известно ли ему точно, что эта радиостанция именно владивостокская, ибо на Дальнем Востоке имеется ряд радиостанций, в частности имеются радиостанции в Маньчжурии, находящиеся в руках белых, которые ведут систематическую работу против СССР и на тех же волнах, что и наши дальневосточные, передают сообщения. Хирота ответил, что, по его сведениям, это владивостокская радиостанция. Он еще раз подчеркнул, что такого рода оскорбительные све-

дения очень неприятны, когда раздаются с территории государства, с которым существуют дружественные и добрососедские отношения. Я ему обещал по выяснении всех обстоятельств дать ответ на его демарш*.

О рыбе. На мой вопрос, получена ли им инструкция на наше предложение** из Токио, он ответил, что ничего еще не получил и с нетерпением ждет ответа из Токио и надеется, что в ближайшие дни какой-нибудь ответ им будет получен. Тогда я вручил ему проект основных принципов по рыболовным вопросам в письменном виде, подчеркнув, что я максимально упростил предложение во избежание каких-либо недоразумений и хотел бы, чтобы Хирота на основе этого моего предложения внес те дополнения и те уточнения, которые он нашел бы необходимыми. На вопрос Хирота, можно ли понять наше предложение в том смысле, что каждый год выделять по 5% для постановки на торги, я ему ответил, что я не думал об этом, но что если это желание японской стороны, то пусть Хирота сделает конкретное предложение, а я тогда посоветуюсь с нашими хозяйственными органами и дам ему ответ.

На его вопрос по второму пункту о том, как мы представляем себе получение 40% для государственной промышленности, не будет ли это нарушением рыболовной конвенции***, которая предусматривает для госпромышленности норму в 2 млн. пудов, я ему разъяснил, что конвенция как раз предусматривает, по соглашению обеих сторон, увеличение нормы госпромышленности до любой цифры. Таким образом, наше предложение находится в полном согласии с рыболовной конвенцией. Затем он спросил меня, является ли пункт 3**** условиями, без которых первый пункт не может быть принят. Я ему разъяснил, что Советское правительство на этих переговорах по рыболовным делам хочет рассеять все недоразумения и устранить споры, имевшие место в прошлом, с тем чтобы до конца рыболовной конвенции не было необходимости прибегать к тем неприятным и длительным переговорам, которые ежегодно имели место между Японией и Советским Союзом. Поэтому мы включили в программу переговоров все вопросы, вызывавшие недоразумения и конфликты, и предлагаем все их полностью и окончательно разрешить.

Возвращаясь к первому пункту, Хирота спросил, какую норму улова и арендной платы мы хотим для тех 75%*****, которые мы готовы обеспечить за японцами. Я его спросил, а какую хотят японцы. Хирота заявил, что они хотят оставить

* См. док. № 42.

** См. т. XIV, док. № 364.

*** См. т. XI, док. № 21.

**** Имеются в виду вопросы, перечисленные в пункте 3.

***** В тексте ошибочно — 70%; см. приложение ниже.

все по-старому, только в отношении некоторых участков хотели бы увеличить норму улова. Я просил его дать мне их конкретные пожелания в письменном виде. Предложение, которое было вручено мною Хирота, по-видимому, вызвало у него очень большой интерес.

Так как он торопился куда-то на прием, то мы условились, что в ближайшие дни он зайдет ко мне еще раз, и при этом он выразил надежду, что, вероятно, будет иметь инструкцию своего правительства, которая даст возможность продвинуть вперед наши переговоры.

Кроме того, Хирота просил разрешения зайти ко мне на днях, чтобы сговориться о том, в какой форме можно было бы опубликовать ход наших рыболовных переговоров. Японскому правительству это будет необходимо сделать в связи с открытием парламента. На мой вопрос, будет ли парламент в нынешнем составе функционировать, Хирота рассмеялся и сказал, что скорее всего его распустят, но на всякий случай ему придется условиться о том, что можно будет о наших переговорах публиковать, так как, если придется давать объяснения в парламенте, надо условиться, что и в какой форме дать*.

Карахан

[ПРИЛОЖЕНИЕ]

Основные принципы урегулирования рыболовного вопроса

1. Советское Правительство соглашается обеспечить за японскими рыбопромышленниками на срок рыболовной конвенции находящиеся в эксплуатации рыболовные участки в размере 75% их общей нормы улова, 25% этих участков должны ставиться в общем порядке на торги.

2. Норма госпромышленности увеличивается до 40% без применения «советования». Для госпромышленности участки будут выделяться из числа вновь открываемых, находившихся в эксплуатации в 1931 г. у советских граждан или организаций и не сданных с торгов в предыдущие годы.

3. Вопросы о 18 участках, 7 [участках], о частниках, кооперации и тому подобные претензии японской стороны²³ снимаются с порядка дня переговоров и признаются ликвидированными.

4. Одновременно заключается соглашение о 12-мильной полосе.

Запись беседы и приложение печат. по арх.

* См. также док. № 46, 62, 84, 146, 218, 225, 213, 319.

30. Телеграмма Уполномоченного СССР по переговорам с Румынией Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, из Риги

[20 января 1932 г.] *

Стурдза настаивал начать с обсуждения первой статьи проекта пакта, ссылаясь на инструкцию румынского правительства о бесполезности переговоров в случае недостижения соглашения по ее второму абзацу²⁴. После дискуссии мы смогли закончить согласование всех статей пакта, кроме первой и введения, о чем телеграфирую особо²⁵. После этого я вручил письменное предложение по второму абзацу первой статьи, данное в вашем № 479, и сделал заявление согласно вашей директиве²⁶. Стурдза заявил, что наше предложение создает новую ситуацию и что он «считает бесполезным продолжение начатых переговоров до принятия нами твердого и лояльного обязательства не вводить никаким образом бессарабский вопрос в пакт и что он готов возобновить переговоры лишь после принятия нами этого условия». (Это заявление прочитал мне по своей инструкции). Он отклонил категорически составление протокола, мотивируя запрещением подписывать документы с упоминанием территориальных споров и тем, что он должен был согласно инструкции начать переговоры с обсуждения первой статьи и в случае отказа от его предложения не продолжать обсуждение остальных статей пакта. Я резко протестовал, и после бурной дискуссии он должен был согласиться обсудить статью первую.

Сегодня было два заседания: первое, на котором мы не могли обсудить первую статью, а обсудили все остальные, и второе, занятое первой статьей, из-за которой мы разошлись. По первому заседанию мы составили протокол, но по первой статье не было никаких возможностей убедить Стурдзу пойти на какие бы то ни было записи. После долгих объяснений необоснованности этого отказа и заявления, что Советское правительство опубликует коммюнике о беспримерном поведении румынского правительства и его делегата в этих переговорах, Стурдза предложил, если я настаиваю на зафиксировании моего заявления, послать ему письмо, получение которого он подтвердит коротким ответным письмом без указания содержания моего. На мой вопрос, должен ли я доложить Советскому правительству о разрыве переговоров, Стурдза ответил, что, пока и в Риге, это еще не разрыв и он не теряет надежды, что мы примем наконец их предложение о неупоминании Бессарабии.

* Дата встреч Б. С. Стомонякова со Стурдзой. Телеграмма отправлена 21 января 1932 г.

Пока переписали протокол, состоялась частная беседа. Стурдза разоткровенничался, рассказал, как после большой ошибки, сделанной Давила при подписании Московского протокола *, было принято решение, запрещающее всем дипломатам Румынии какие бы то ни было разговоры или подписание каких бы то ни было документов с упоминанием Бессарабии; он рискует своей карьерой, если нарушит это запрещение; он понимает, что его метод ведения переговоров по бессарабскому вопросу и в особенности отказ занесения в протокол результатов нашей дискуссии по этому вопросу является недостойным в наших глазах, но он просит верить, что он только точный исполнитель полученных инструкций. Потом он дал понять, что виновником создавшегося положения, от которого проиграет и Румыния и мы, является польское правительство и Патеку, введшие румынское правительство в заблуждение относительно наших намерений.

Отмечу заявление Стурдзы, что, по его сведениям, завтра, 21-го, подписывается советско-финляндский пакт и что, если бы мы сегодня нашли разрешение спорных вопросов, он мог бы подписать пакт также завтра, ибо никаких других препятствий к этому нет.

По согласованию с Вами утром посылаю письмо Стурдзе **, текст которого перешлю дипкурьером.

Стомоняков

Печат. по арх.

31. Письмо Уполномоченного СССР по переговорам с Румынией делегату Румынии Стурдзе

*Рига, 20 января 1932 г. № 04 ****

Господин делегат,

В сегодняшнем заседании я сообщил Вам, что мое Правительство не может принять Вашего предложения от 18-го с. м., так же как оно должно было отклонить Ваше первоначальное предложение относительно редакции второго абзаца 1-й статьи пакта о ненападении ввиду того, что оно не может принять никакой формулировки, содержащей прямо или косвенно признание им незаконного захвата Бессарабии ²⁴. Вместе с тем я подтвердил Вам сегодня снова, что Правительство Союза Советских Социалистических Республик готово принять на себя формально обязательство в пакте о ненападении не прибегать к вооруженной силе для разрешения этого территориального, как, впрочем, и всякого иного, спора между обоими государ-

* См. т. XII, док. № 38.

** См. док. № 31.

*** На архивном экземпляре помечено: «Отправлено 21.1.32 г. румынскому делегату князю Стурдзе».

ствами, и в соответствии с этим предложил Вам придать спорному второму абзацу 1-й статьи следующую редакцию:

«Будет рассматриваться как действие, противоречащее обязательствам, предусмотренным в предыдущем абзаце, всякая попытка одной из Договаривающихся Сторон разрешить насильственным образом территориальные или иные споры, существующие у нее с другой Договаривающейся Стороной».

Ввиду того что Вы отклонили включение этого заявления в протокол заседания, я вижу себя вынужденным во избежание возможного недоразумения ввиду важности вопроса этим путем зафиксировать письменно то заявление, которое я сегодня сделал Вам устно по поручению моего Правительства.

Я констатирую в то же время, что Вы сочли необходимым отклонить это предложение Союзного Правительства и заявить, что до принятия твердого обязательства не включать никаким образом вопроса о Бессарабии в пакт о ненападении, Вы считаете бесполезным продолжение начатых переговоров и что Вы готовы их возобновить лишь после того, как упомянутое условие будет принято.

Я пользуюсь этим случаем, чтобы представить Вам, господин делегат, уверения в моем высоком уважении.

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

32. Договор о ненападении и о мирном улажении конфликтов, заключенный между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндией

[21 января 1932 г.]

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик, с одной стороны, и

Президент Финляндской Республики, с другой стороны, воодушевленные желанием содействовать укреплению всеобщего мира;

убежденные в том, что принятие упомянутых ниже обязательств и мирное улажение всякого конфликта, могущего возникнуть между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой, соответствуют интересам обеих высоких сторон и будут способствовать развитию дружественных отношений и доброго соседства между обеими странами,

заявляя, что ни одно из международных обязательств, принятых ими на себя ранее, не препятствует мирному развитию их взаимных отношений и не находится в противоречии с настоящим договором;

желая подтвердить и дополнить генеральный договор об отказе от войны от 27 августа 1928 г. *;

* См. т. XI, док. № 298.

решили заключить настоящий договор и назначили в этих целях:

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик:

г. Ивана Майского, чрезвычайного посланника и полномочного министра, и

Президент Финляндской Республики:

г. барона А. С. Ирье-Коскинена, министра иностранных дел, каковые уполномоченные, после обмена своими полномочиями, признанными в должной и надлежащей форме, условились о следующих постановлениях:

Статья 1

1. Высокие договаривающиеся стороны гарантируют взаимно неприкосновенность границ, существующих между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой, установленных мирным договором, заключенным в Дерпте 14 октября 1920 г. *, который остается неизбежной основой их отношений, и обязуются взаимно воздерживаться от всякого нападения одна на другую.

2. Будет рассматриваться как нападение всякое насильственное действие, нарушающее целостность и неприкосновенность территории или политическую независимость другой высокой договаривающейся стороны, даже если бы оно было совершено без объявления войны и с избежанием ее проявлений.

Протокол к статье 1

В соответствии с постановлениями статьи 4 настоящего договора, соглашение от 1 июня 1922 г. о мероприятиях, обеспечивающих неприкосновенность границы **, не затрагивается постановлениями настоящего договора, а продолжает и впредь оставаться в полной силе.

Статья 2

1. Если одна из высоких договаривающихся сторон явится предметом нападения со стороны одной или нескольких третьих держав, то другая высокая договаривающаяся сторона обязуется сохранять нейтралитет в продолжение всего конфликта.

2. Если одна из высоких договаривающихся сторон совершит нападение против третьей державы, то другая высокая договаривающаяся сторона будет иметь право без предупреждения денонсировать настоящий договор.

Статья 3

Каждая из высоких договаривающихся сторон обязуется не участвовать ни в каких договорах, соглашениях или конвен-

* См. т. III, док. № 137.

** См. т. V, док. № 175.

циях, явно враждебных другой стороне и противоречащих, формально или по существу, настоящему договору.

Статья 4

Обязательства, упомянутые в предшествующих статьях настоящего договора, не могут ни в каком случае нарушить или изменить международные права и обязательства, вытекающие для высоких договаривающихся сторон из соглашений, заключенных, или из обязательств, принятых на себя, до вступления в силу настоящего договора, поскольку они не заключают в себе элементов нападения в смысле настоящего договора.

Статья 5

Высокие договаривающиеся стороны заявляют, что они будут стремиться всегда разрешать в духе справедливости все споры, независимо от их природы или происхождения, которые возникли бы между ними, и что они будут прибегать, в целях их разрешения, исключительно к мирным средствам. В этих целях высокие договаривающиеся стороны обязуются передавать все споры, которые возникли бы между ними после подписания настоящего договора и которые не могли бы быть урегулированы в обычном дипломатическом порядке в разумный срок, согласительной процедуре в смешанной согласительной комиссии, права, состав и производство которой будут установлены в особой дополнительной конвенции, которая явится неотъемлемой частью настоящего договора и которую высокие договаривающиеся стороны обязуются заключить в возможно краткий срок, во всяком случае до ратификации настоящего договора. Согласительная процедура будет применяться также и в тех случаях, когда спор будет касаться применения или истолкования какой-либо конвенции, заключенной между высокими договаривающимися сторонами, в частности, вопроса о том, было ли нарушено или нет взаимное обязательство о неападении.

Статья 6

Настоящий договор должен быть ратифицирован, и ратификационные грамоты его будут обменены в Москве.

Статья 7

Настоящий договор вступает в силу со дня обмена ратификационными грамотами.

Статья 8

Настоящий договор заключается на три года. Если он не будет деонсирован одной из высоких договаривающихся сторон с предупреждением, по крайней мере, за шесть месяцев

до истечения этого срока, он будет рассматриваться как автоматически продленный на новый период в два года.

Статья 9

Настоящий договор составлен в двух экземплярах и по-французски, в городе Гельсинки, 21 января 1932 года.

В удостоверение чего уполномоченные подписали настоящий договор и скрепили его своими печатями ²⁷.

И. Майский
А. С. Ирве-Коскинен

Протокол подписания

1. В момент подписания договора о ненападении и о мирном улажении конфликтов, заключенного между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой этого числа, высокие договаривающиеся стороны обязуются принять необходимые меры в целях его ратификации в возможно краткий срок и приступить к обмену ратификационными грамотами возможно скорее и, во всяком случае, в тридцатидневный срок после того, как последует ратификация компетентными органами Союза Советских Социалистических Республик и Финляндской Республики.

2. Высокие договаривающиеся стороны заявляют, что возможные денонсации до истечения срока или истечение срока настоящего договора не могут ни отменить, ни ограничить обязательств, вытекающих из договора об отказе от войны, подписанного в Париже 27 августа 1928 г. Гельсинки, 21 января 1932 г.

И. Майский
А. С. Ирве-Коскинен

Договор и Протокол подписания печат. по «Собранию законов...», отд. II, № 23, 19 ноября 1932 г., стр. 314—318.

Договор ратифицирован: ЦИК СССР 11 июля 1932 г., президентом Финляндии 7 июля 1932 г.

Обмен ратификационными грамотами состоялся в Москве 9 августа 1932 г.

33. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Турции Я. З. Сурицу

21 января 1932 г.

С Румынией согласованы все статьи пакта [о ненападении], кроме первой. Первый абзац этой статьи о ненападении также согласован, но Румыния предлагает второй абзац, из которого вытекало бы признание нами интегритета нынешней Румынии или Днестра ее границей. Мы согласились во втором абзаце

обязаться не разрешать существующих территориального или иных споров насильственным путем. Румыния и это отвергает.

С Польшей остался один спорный пункт, а именно статья о неучастии во враждебных соглашениях, который Польша упорно отвергает. С Финляндией ожидается сегодня подписание пакта. С Латвией и Эстонией переговоры подвигаются туго, но быстро закончатся в случае подписания пакта с Польшей*.

С Теймурташем парафирован вчера протокол о продлении договора о гарантии и нейтралитете от 1927 г.** на 5 лет. Кроме того, в развитие статьи третьей возобновленного договора стороны протоколом обязуются не принимать участия в союзах и соглашениях, направленных против политических, экономических и финансовых интересов одной из сторон. Теймурташ не имел полномочий на подписание и поэтому парафировал***. О вышеизложенном информируйте МИД.

Литвинов

Печат. по арх.

34. Телеграмма Полномочного Представителя СССР и Торгового Представителя СССР в Австрии в Народный Комиссариат Иностранных Дел и Народный Комиссариат Внешней Торговли СССР

*Немедленно
21 января 1932 г.*

20-го состоялось заседание с участием Шобера****, на котором, как было условлено, должен был обсуждаться валютный вопрос. Однако австрийцы попытались отвести таковой и начали дискуссию о наших заказах в текущем году, связывая пределы возможных уступок в валютном вопросе с размерами наших заказов. Мы заявили, что до урегулирования вопроса расчетов по старым обязательствам мы не можем конкретно говорить о будущих заказах. Ссылаясь на заявления Шюллера***** о возможности оплаты шиллингами долларовых обязательств в сумме 3 млн. долл., мы заявили о неприемлемости этой цифры и в виде первой позиции выдвинули требование о приеме шиллингов в оплату долларовых обязательств в сумме 7 млн. долл. В ответ на это австрийцы дезавуировали Шюллера, заявив, что никакого решения по вопросу о приеме от нас шиллингов нет и что Шюллер, возможно, выражая личное мнение, говорил лишь о приеме в оплату долларовых обязательств 3 млн. шилл. Австрийцы подчеркивали,

* См. также док. № 26, 28, 30.

** См. т. X, док. № 225.

*** Протокол впоследствии не был подписан.

**** Вице-канцлер и министр иностранных дел Австрии.

***** Заведующий торгово-политическим отделом МИД Австрии.

что финансовое положение Австрии не позволяет рассчитывать на предоставление по всем этим заказам кредитов и что предполагаемая экспортная выручка должна обращаться на организацию новых заказов. Мы заявили, что не может быть и речи о покупках за наличные и что выручка по экспорту имеет назначение погашения старых обязательств. В конце дискуссии мы вновь подчеркнули, что нами внесены конкретные предложения, чего до сих пор, несмотря на обещания, австрийцы не сделали, и настаивали поэтому, чтобы они дали конкретный ответ. Следующее заседание у Шобера назначено на 23-е *. Считаем, что до согласования валютного вопроса нам не следует выставлять никаких позиций по вопросу о размерах наших заказов. Телеграфируйте Вашн указания²⁸.

Юренев
Иванов

Печат. по арх.

35. Сообщение советской печати об опровержении Полюмочного Представительства СССР во Франции

22 января 1932 г.

Париж, 19 января. (ТАСС). Агентство Гавас опубликовало официальное коммюнике полпредства СССР во Франции, отвечающее на появившиеся во французской печати сообщения о заявлениях генерала Буржуа и Эккара ** в сенатских комиссиях, указавших, что СССР отказался сообщить Лиге наций сведения о своих вооружениях. Коммюнике полпредства указывает, что Советское правительство, не состоя в Лиге наций, никогда не признавало ее полномочий и не обязано сообщать ей сведения о вооружениях. Однако, участвуя на конференции по разоружению, СССР одним из первых переслал генеральному секретарю конференции Друммонду полные данные о своих вооружениях ***. С другой стороны, СССР — единственная страна, которая предложила всем государствам, которые этого пожелают, обменяться сведениями о вооружениях. Такой обмен сведениями уже состоялся между СССР и Францией, Польшей и другими странами ****.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 22 (4559), 22 января 1932 г.*

36. Опровержение ТАСС сообщений из Бухареста и Парижа

22 января 1932 г.

ТАСС уполномочен заявить, что сообщения из Бухареста и Парижа об имевшем якобы место задержании румынскими

* См. также док. № 45, 212, 236, 437.

** Члены сената Франции.

*** Имеется в виду участие СССР в работе Подготовительной комиссии конференции по разоружению. Письмо было направлено генеральному секретарю Лиги наций Друммонду; см. т. XIV, док. № 132.

**** См. т. XIV, прим. 187.

военными судами шведского парохода «Ерлан», везшего груз оружия якобы для СССР, а также о конфискации этого оружия румынскими властями являются от начала до конца вымышленными. Распространение подобного рода лживых сообщений накануне конференции по разоружению явным образом преследует специальные цели — отвлечь внимание от стран, действительно закупающих оружие и готовящих новую войну.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 22 (4589), 22 января 1932 г.*

37. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Польши в СССР Патеком

23 января 1932 г.

Сообщив Патеку о подписании Гельсингфорского пакта *, я отметил, что Ирве-Коскинен проявил больше уступчивости, чем Патеком, и принял, между прочим, целиком ту самую статью, которая является до сих пор предметом разногласий с Польшей **. Патеком кисло заметил, что Коскинен предполагает запросить еще Лигу наций относительно приемлемости нашего добавления о соглашениях, заключающих в себе элементы агрессии. По мнению Патека, такой запрос является излишним, ибо Лига наций не может быть за агрессивную. Я сказал, что статья подписана Коскиненом в нашей редакции, а с кем он будет после подписания советоваться, нас не касается.

Имея, очевидно, в виду финскую редакцию ст. 3, Патеком предложил сформулировать ее так, чтобы речь шла «об агрессии с точки зрения пакта». Я сказал, что агрессия с точки зрения пакта уже заключается в ст. 1 и повторение нам не нужно. После дальнейшего обмена мнениями я согласился сказать в статье о соглашениях, агрессивных и враждебных другой стороне, отбросив конец о противоречащем пакту.

Патеком внезапно сообщил, что Варшава согласилась установить месячный срок для обмена ратификационными грамотами. Поскольку я раньше сам настаивал на этом, я не мог отклонить это предложение, хотя вполне понял преследуемую поляками цель.

На мой вопрос о готовности к подписанию пакта в случае согласования Патеком заявил, что запросил Варшаву и та не разрешает ему подписывать, а предлагает лишь парафировать. После этого он пробормотал несколько слов об обязательствах перед Румынией, чтобы дать понять, что он задержит подписание из-за нашей недоговоренности с Румынией. Я заявил, что меня парафирование не интересует и что я предпочитаю поэтому оставить переговоры в нынешнем виде. Патеком выска-

* См. док. № 32.

** См. док. № 17, 27.

зал предположение, что Залесский *, имеющий больше полномочия, чем он, может подписать пакт в Женеве и что к этому будто бы Залесский стремится.

При составлении протокола Патек предложил в проекте протокола к 5-й статье сказать, что установлено между сторонами отсутствие разногласий по согласительной конвенции. Я указал на полную бессмысленность такого протокола, который можно толковать и как согласие Польши с нашими предложениями, и как наше согласие с польскими возражениями. Я предложил поэтому, либо написать письмо по французскому образцу **, либо же в протоколе сказать, что отсутствие разногласий установлено после обмена мнениями по поводу советского проекта согласительной конвенции. Патек на это не соглашался, и я снял свое согласие на одновременность ратификации обоих договоров. После этого Патек согласился на мою редакцию протокола, добавив, что он имеет в виду отсутствие разногласий по вопросам о председателе комиссии и ее компетенции, но что это не исключает разногласий по другим вопросам.

Попросив позволения поговорить не официально, а частным образом о наших переговорах с Румынией, Патек вновь предложил свое посредничество. Он-де согласится полететь даже на аэроплане в Женеву и посредничать не как посланник, а как частное лицо, совершенно беспристрастное. Он повторил это предложение, когда я его информировал об уступке, сделанной нами Румынии по 1-й статье, каковую он признал шагом вперед ***. Он спрашивал, желательно ли нам пункт о неразрешенности спора перенести из пакта в какую-нибудь ноту. Я его поблагодарил за предложение и сказал, что, поскольку у нас уже имеется непосредственный контакт с Румынией, посредничество теперь уже не требуется ****.

Литвинов

Печат. по арх. Оpubл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. V, М., 1967, стр. 522—523.

38. Телеграмма Уполномоченного СССР по переговорам с Румынией в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР, из Риги

23 января 1932 г.

Сегодня у меня был с визитом финский посланник и, между прочим, сообщил: 1) что 19-го в Гельсингфорсе была получена телеграмма из Варшавы о том, что на следующий

* Министр иностранных дел Польши.

** См. т. XIV, док. № 229.

*** См. док. № 31.

**** См. также док. № 41.

день произойдет разрыв советско-румынских переговоров*.
2) Стурдза сейчас же после последней беседы со мной, т. е. накануне подписания финско-советского пакта**, хотел быть принятым финским посланником поздно вечером, хотя никогда раньше у них таких отношений не было, а когда финн отказался и на следующее утро его пригласил, то румын уклонился от встречи. Финский посланник толкует это как попытку приостановить подписание пакта в Гельсингфорсе. 3) Финская миссия получила сведения от здешнего мининдела еще 20-го, что там был Стурдза и сказал, что переговоры прерваны, но просил это пока не распространять.

В городе сегодня уже широко распространяются слухи о перерыве переговоров с Румынией²⁹.

Стомоняков

Печат. по арх.

39. Письмо Полномочного Представителя СССР в Швеции члену Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонякову

24 января 1932 г.

Дорогой Борис Спиридонович,

Из наших телеграмм и из доклада т. Рабиновича Вам ясна и известна вся картина последних переговоров о лесе, имевших место в Стокгольме между 13 и 16 января, при участии представителей «Экспортлеса» тт. Рабиновича и Пора. Подробностей о течении переговоров я повторять не буду, считая, что Вы достаточно информированы. Укажу лишь на то, что они протекали на этот раз в атмосфере большого дружелюбия и меньшей внешней «суровости» как шведов, так и финнов. Шведы не скрывали стремления найти способ прийти к соглашению. В беседах со мною и до и после переговоров как среди представителей МИД, так и со стороны видных промышленников выражался интерес и желание добиться положительного результата. Эти настроения отмечали и тт. Пор и Рабинович. Как Вы знаете из доклада последнего, шведы после первых встреч, где они выдвинули совершенно неприемлемую для нас квоту ($\frac{1}{3}$), в процессе переговоров и под напором наших делегатов, занимавших все время выдержанную и стойкую позицию, вынуждены были пойти на существенные уступки: так, шведы и финны согласились на признание емкости рынка в 2300 тыс. стандартов на 32 год и шли на то, чтобы на долю Союза пришлось 840 тыс. стандартов, что составляет уже не 33%, а фактически 37%. Правда, на это увеличение

* См. док. № 30.

** См. док. № 32.

нашей доли при разделе емкости лесного рынка шведы пошли лишь после очень долгих переговоров, но из частной беседы Экмана * с т. Канделакн ** было ясно, что на повышение квоты свыше абсолютно для нас непринемлемой цифры 33% они пойдут в расчете на то, что и мы сделаем известную уступку. В конечном итоге шведы и финны пошли на признание за нами вышеуказанной квоты (37%), мы же, как Вам известно, не могли отступить от 1050 тыс. стандартов, т. е. 40%.

По всем остальным вопросам нашим делегатам удалось добиться соглашения со шведами и финнами; так отпал пункт разногласия по методу голосования (они приняли нашу формулировку) и сошлись на фактическом установлении субквоты для Англии, т. е. согласились на признание за нами той доли наших запродаж в Англию, которую в процессе переговоров выдвинули наши делегаты — 450 тыс. стандартов.

Конференция закончилась, как Вам верно передавали, весьма мирно, выпущена была известная Вам уже весьма приличная и сдержанная по форме общая декларация для прессы. Характерно, что шведы вели себя и дальше очень прилично, не дав прессе никаких отдельных информации. Вообще все было сделано, чтобы избежать газетной шумихи. Таким образом, внешняя конференция закончилась благополучно и без скандалов.

В самый жаркий период переговоров мне пришлось быть два раза в МИД. Меня пригласил Рамель ***, чтобы передать мне для Максима Максимовича [Литвинова] меморандум шведского правительства по поводу союзного проекта пакта об экономическом ненападении ****. Мое посещение Рамеля я использовала, чтобы выяснить у него всю невозможность лесного соглашения на базе 33% для Союза (начал разговор сам Рамель). Я подчеркнула, что говорю «совершенно неофициально» на эту тему, но меня, естественно, огорчает «упорство» и несговорчивость финнов и шведов. Со слов Рамеля ясно было, что и его немало заботит этот вопрос. Мы с ним согласились на том, что во всяком случае надо, чтобы коммюнке внесло «успокоенное» и чтобы даже, если соглашение не состоится, оно не мешало дальнейшей работе. Приличный тон коммюнке, очевидно, был дан не без нажима МИД.

Настроение шведской общественности по поводу несостоявшегося соглашения по лесу сдержанное и непридирчивое. Шведы, очевидно, хотят подчеркнуть, что они являются принципиальными сторонниками соглашения, но одновременно они нигде не перекладывают вину за разрыв на нас.

* Премьер-министр Швеции.

** Торгпред СССР в Швеции.

*** Министр иностранных дел Швеции.

**** Имеется в виду советский проект; см. т. XIV, док. № 163.

В риксдаге на днях выступал один из видных лидеров социал-демократов Фабиан Монсен и в своей речи с сожалением констатировал, что переговоры о лесном соглашении не привели к положительному результату, не указывая, на чью сторону падает вина разрыва. Вообще в политических кругах и среди лиц, близко стоящих к лесным делам, установилось такое отношение к вопросу, что, хотя лесное соглашение не состоялось, все же переговоры привели к установлению более «дружественных» отношений между «Экспортлесом» и шведскими и финскими лесозэкспортерами, что дает некоторые перспективы в будущем. Конечно, о перспективах этих пока говорить преждевременно. При встречах со мной политические деятели и официальные лица неизменно выражают свои сожаления, что соглашение не состоялось, упорно повторяя, что уменьшение количества вывезенного леса, при неизбежном поднятии цен на рынке, как только факт соглашения стал бы известен, дал бы обеим сторонам тот же эффект, какой они едва ли достигнут при предъявлении на рынке большого количества при неизбежно низких ценах. Монсен в беседе со мною подсчитал, что если бы Союз продал, скажем, 1 млн. стандартов по 8 шилл., продав же хотя бы 750 тыс. стандартов по 10 шилл. за [стандарт], «Экспортлес» выручил бы*.

Несмотря на то что переговоры по лесу не дали прямых результатов, я считаю, что для нашей политики в Швеции эти переговоры были полезны. Они показали шведам, и это усвоено шведской общественностью, что Союз не заинтересован «губить» Швецию при помощи демпингования лесного рынка и что мы при приемлемых для нас условиях готовы на соглашение.

Я просила бы Вас по возможности держать меня в курсе нашей лесной политики и наших лесных дел на мировом рынке. Это важно для нашей внутренней ориентировки.

С коммунистическим приветом

Полпред СССР в Швеции
А. Коллонтай

Печат. по арх.

40. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалевского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

25 января 1932 г.

Сегодня был у Бертело, который первый заговорил со мной о пакте. Он пожаловался на нерешительность Лавала, которого правые, и в частности специально посетившие его

* В письме пропущ.

Мильеран* и сенатор Эккар, убеждают в нежелательности заключения [советско-французского] пакта. На мой вопрос, в какую сторону все-таки склоняется Лаваль, Бертело ответил, что он надеется, что Лаваль, которому принадлежит инициатива франко-советских переговоров, все же останется на прежней позиции. По словам Бертело, Лаваль недоволен также неудовлетворительным состоянием торговых переговоров, сомневаясь в целесообразности заключения только политического пакта без урегулирования торговых отношений. Я возразил, что застой в торговых переговорах зависит от самих французов, что до сих пор мы не получили ответа на меморандум**, что попытки Гуревича*** устроить заседание с Эльбелем**** успехом не увенчались, а контакт с промышленниками не дал никаких результатов. Я сказал ему, что положение с пактом становится все более двусмысленным, а потому хотел бы знать определенно о намерении правительства Франции. Бертело ответил, что пакт будет подписан, залогом чего является предстоящее заседание палаты депутатов после выборов. На мой вопрос, должен ли я это понимать, что подписание будет отложено и состоится после выборов, Бертело ответил, что он этого не хотел сказать: он надеется, что пакт будет подписан, как только мы подпишем пакты с Польшей и Румынией.

Я информировал Бертело о состоянии переговоров с поляками и румынами***** и заключил следующим: 1) мы доказали всю нашу добрую волю и искренность мирной политики; 2) если с поляками расхождения сведены до минимума, позволяющего надеяться на скорое достижение соглашения с ними по всему тексту, то только благодаря тому, что мы шли от уступки к уступке; 3) однако, наученные горьким опытом с Францией*****, мы настаиваем на подписании пакта с Польшей; 4) если Румыния жаловалась раньше, что она находится под нашей угрозой, то теперь всем, и в первую очередь правительству Франции, должно быть ясно, что эта жалоба была неискренняя: мы предложили включить пункт о неприбегании к силе для решения территориального спора; 5) попытка Румынии протащить контрабандой в пакт бессарабский вопрос не удастся, ибо мы ни за что не дадим на это согласия. В заключение я задал Бертело вопрос: ясно ли ему теперь

* Член парламента Франции.

** См. т. XIV, док. № 387.

*** Торгпред СССР во Франции.

**** Заведующий отделом торговых договоров и экономической информации министерства торговли и промышленности Франции.

***** См. док. № 10, 26, 28, 31.

***** Имеется в виду задержка подписания Францией парафированного договора о ненападении с СССР; см. т. XIV, док. № 229.

наше миролюбие и искренность? Бертело ответил на это утвердительно. Тогда я задал ему следующий вопрос: почему же французское правительство тянет с подписанием пакта? На этот вопрос я прямого ответа не получил. Бертело сказал, что он поговорит с Гикой* и еще раз с Лавалем, выразив надежду, что мы подпишем пакт с поляками и румынами. Он заявил, что неподписание франко-советского пакта явилось бы для нас лично большим провалом и так далее. Не будучи в состоянии вырвать у Бертело ничего определенного, я предупредил его, что собираюсь побывать у Лавалья**. Бертело сказал, что, вероятно, будет присутствовать на моей встрече с Лавалем и обещал меня поддержать.

Подпред

Печат. по арх.

41. Интервью Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова корреспонденту ТАСС

*26 января 1932 г. ****

ТАСС обратился к народному комиссару иностранных дел т. Литвинову перед его отъездом в Женеву с запросом о состоянии переговоров с соседними западными странами о заключении пактов о ненападении.

Тов. Литвинов сообщил нам следующее:

Содержание предлагаемых Советским правительством пактов весьма несложно и заключается в обязательствах ненападения и в возможном устранении причин, которые могли бы нарушить мирные отношения между заключающими пакт государствами. Когда при переговорах о пакте обе стороны действительно воодушевлены стремлением к укреплению мирных отношений, не опасаются мирных обязательств и не преследуют побочных целей, тогда переговоры удастся завершить весьма быстро. Примером этому являются переговоры с Финляндией, которые были благополучно закончены и завершены подписанием пакта**** в течение пары недель.

С Польшей переговоры начались на несколько недель раньше, чем с Финляндией, и закончились только сегодня парафированием пакта о ненападении, публикуемого в печати*****.

* Министр иностранных дел Румынии.

** См. док. № 52.

*** Дата опубликования: интервью было дано 25 января 1932 г.

**** См. док. № 32.

***** См. т. XIV, док. № 352, док. № 17, 27 и 37 настоящего тома; газ. «Известия» № 25 (4592), 26 января 1932 г.

С Латвией переговоры подвигаются вперед медленно, а Эстония начала их всего несколько дней тому назад. После подписания пакта с Финляндией и парафирования пакта с Польшей заключение пактов с Эстонией и Латвией не должно было бы представить никаких затруднений. Переговоры с Эстонией и Латвией должны быть облегчены еще тем обстоятельством, что мирными договорами с ними предусмотрен уже взаимный нейтралитет и что поэтому в пакте можно обойтись без повторения этого обязательства.

Проект пакта с Румынией также почти согласован. Обе стороны согласились на переговоры, исходя из необходимости оставления в стороне неразрешенного бессарабского вопроса. Совершенно очевидно, что двусторонний пакт между двумя государствами, между которыми не только не существует никаких официальных отношений, но и имеются серьезные территориальные и иные споры, не может быть заключен без упоминания о незатрагивании этих споров и об оставлении их в стороне. Мы вполне понимаем, что, поскольку Румыния фактически оккупирует Бессарабию, она хотела бы забыть о существующем споре и неупоминание о нем истолковать как наше молчаливое согласие на оккупацию. Мы на это согласиться не можем. Румыния, однако, идет значительно дальше и добивается такой формулировки пункта о ненападении, из которой вытекало бы признание нами либо суверенитета Румынии над Бессарабией, либо признания реки Днестр в качестве границы Румынии. Мы на это также не можем согласиться. Должно быть совершенно ясно сказано, что обе стороны сохраняют свои позиции в спорном вопросе и что заключение пакта не наносит этим позициям никакого ущерба. Целью пакта является устранение возможности нападения одной стороны на другую, и эта цель полностью достигается уже согласованием 1-й статьей пакта, которая гласит: «Каждая из договаривающихся сторон, констатируя, что она отказалась от войны в качестве средства национальной политики в своих отношениях, обязуется не предпринимать против другой стороны ни отдельно, ни совместно с другими державами какого-либо нападения на суше, на море или в воздухе и не прибегать ни в коем случае к войне против другой стороны». Более того, советская сторона согласилась добавить к этой статье 2-й абзац, устанавливающий, что нарушением пакта будут считаться какие бы то ни были попытки разрешения насильственным путем существующих между обеими сторонами территориальных и иных споров. В этом виде пакт дает полную гарантию ненарушения существующего между обеими странами положения насильственным путем*.

* См. также док. № 95, 227, 266, 268, 273, 406.

Советское правительство дало достаточно доказательств своей доброй воли и искреннего стремления к заключению пактов. Дальнейшее зависит, однако, от доброй воли другой стороны.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 25 (4592), 26 января 1932 г.*

42. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Хирога

26 января 1932 г.

Я вызвал Хирота, чтобы сообщить ему наш ответ по поводу демарша японского правительства о владивостокской радиостанции*. Я заявил ему нижеследующее:

«В ответ на Ваше заявление о радиопередаче владивостокской радиостанции с якобы оскорбительными для е. в-ва императора Японии сообщениями имею честь сообщить нижеследующее:

Произведенное строгое расследование радиопередач владивостокской радиостанции установило, что действительно 10 января владивостокская радиостанция передавала по радио сообщение о покушении на жизнь е. в-ва японского императора. Текст этого радиосообщения, переданного только на русском языке, следующий:

«Токио. Симбун Ранго сообщает, что микадо, японского императора, произведено покушение, когда микадо возвращался с новогоднего смотра войск. Покушение произведено корейцем Ли Хо Ио, бросившим бомбу при проезде императора. Бомба взорвалась, микадо остался невредим. Покушавшийся арестован».

Из вышеприведенного текста видно, что по радио было передано сообщение официального японского агентства и, как видно из текста, [оно] не содержало ничего не только оскорбительного, но не давало даже никаких комментариев к фактическому сообщению.

Таким образом, демарш японского правительства является очевидным недоразумением. За последнее время распространение явно вымышленных сведений о СССР в японской прессе принимало очень широкий характер. Причем источником этих сообщений, как правило, являлись русские белогвардейцы в Маньчжурии. Такого рода сообщения, по видимому, ставили своей целью ухудшение отношений между Японией и СССР. Достаточно вспомнить упорно распространявшиеся сведения о якобы советской помощи китайским

* См. док. № 29.

генералам, и в частности генералу Ма*, в лживости которых убедилось само японское правительство.

Можно не сомневаться, что информация о владивостокской радиостанции получена из такого же недоброкачественного источника.

Советское правительство сожалеет, что японское правительство после печального опыта с распространением различных выдумок о СССР нашло возможным без достаточной проверки обратиться к Советскому правительству с различными предложениями по поводу несуществовавших фактов».

Выслушав перевод этого заявления, он переспросил меня, верно ли, что факт, легший в основу японского демарша, не существует; я ему подтвердил. Хирота заметил, что он не сомневается в правильности нашего сообщения, но, поскольку японское правительство получило такую информацию, по-видимому, какая-то радиостанция подобного рода информацию перехватила, ибо, если бы японское правительство не получило такой информации, оно не могло бы сообщить нам об этом. Подчеркнув, что сообщенный мной текст передачи не может вызывать никаких сомнений, я напомнил ему, что японское правительство обращалось к нам с претензиями по поводу несуществующих фактов в прошлом — по поводу поддержки китайских генералов, генерала Ма, и, как я уже сказал в своем заявлении, источники этих неверных информации одни и те же.

На мой вопрос, откуда японским правительством получена эта информация, Хирота мне ответил, что из Маньчжурии. Я сказал ему, что то, что информация получена из Маньчжурии, еще в большей степени укрепляет меня в убеждении, что это есть одна из тех фальсификаций, которые бело-гвардейцы фабриковали для японцев за все время событий в Маньчжурии. Мы очень заинтересованы в том, чтобы японское правительство выяснило эти источники. Очень важно установить, кто же в конце концов вводит в заблуждение японское правительство, и поэтому хорошо было бы, чтобы японское правительство произвело строгое расследование об источниках получаемой им информации, чтобы оно точно установило, кто, когда и на основании чего сообщил это.

Я обратил его внимание на то, что японское правительство получило сообщение о работе владивостокской радиостанции не из японского генерального консульства во Владивостоке, а из какого-то источника в Маньчжурии, который г. носок мне даже не может назвать.

Хирота тогда заявил, что у японского правительства не может быть никакого сомнения в том, что владивостокская

* См. т. XIV, док. № 320, 341.

станция такого сообщения не передавала и что если японское правительство отнеслось к этому вопросу очень осторожно, то только потому, что здесь затронута была особа императора.

В Шанхае, например, развертывающиеся события сейчас имеют в своей основе главным образом то, что китайские газеты и агитаторы нападали на личность японского императора. Я ему ответил, что мне до сих пор казалось, что в основе действий Японии и в Маньчжурии и в Шанхае не лежат причины случайного характера, как он это изложил мне, а что они являются результатом хорошо задуманного и последовательно проводимого плана. Хирота ограничился на это мое замечание понимающим ржанием, подтверждающим правильность моего замечания.

Я спросил посла, имеет ли он какие-нибудь инструкции о рыбе. Разводя руками, он заявил, что, к сожалению, до сих пор инструкции не получены; он сам крайне удивлен этим обстоятельством, но что у него имеется телеграмма по другому вопросу, из которой видно, что инструкции о рыбе им будут получены в самое ближайшее время.

Карахан

Печат. по арх.

43. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Турции в СССР Рагибом

26 января 1932 г.

Рагиб сообщил, что Тевфику Рюштю удалось подписать в Тегеране соглашение о границе и общий договор об арбитраже. Рюштю весьма доволен результатами своей поездки, благодаря которой удалось разрешить пограничный спор столетней давности.

Я просил Рагиба поздравить от моего имени Тевфика Рюштю и сказал, что сообщу правительству об урегулировании спора между Турцией и Персией. Советское правительство, несомненно, будет весьма радо этому.

Рагиб информировал, что им получен из Анкары ответ по вопросу об инцидентах на советско-турецкой границе. Результаты турецкого расследования расходятся с теми данными, которые мы сообщали туркам. Турецкие войска не переходят и не могут переходить границу, так как они имеют формальный приказ воздерживаться от этого. В то же время расследование подтвердило, что советские части, преследуя переправщиков-эмигрантов, переходят турецкую границу. Турецким пограничным частям дано твердое распоряжение не

вмешиваться в дела перебежчиков-эмигрантов. Вместе с тем турецкие части не могут допускать нарушения турецкой границы. В результате расследования Анкара вынуждена настаивать на создании смешанной комиссии (Рагиб вручил меморандум *).

Я ответил, что мы уже согласились на создание комиссии и что нами уже послана посольству нота, сообщающая об этом ³⁰.

Я справился у Рагиба, информировал ли его т. Литвинов о наших переговорах с Теймурташем. Рагиб ответил, что он получил общую информацию о пакте и дал понять, что хотел бы быть информированным несколько более детально.

Я сообщил Рагибу, что мы предложили персам пакт по турецкому образцу. Однако они не захотели пойти на это. Тогда мы согласились на другую формулировку **.

При этом Рагиб заметил, что отношения СССР с Турцией должны быть несколько более тесными, чем отношения СССР с Персией.

Я разъяснил, что персам приходится значительно труднее, чем независимой Турции. Англичане все-таки имеют большой вес в Персии.

Рагиб справился, что нового имеется в международной обстановке, и я в общих чертах информировал его о наших переговорах с западными лимитрофами.

Затем Рагиб сообщил, что 25 января он начал переговоры с т. Ивановым о новых заказах на военное имущество. В Анкаре Рагиб виделся с Зекия *** и Февзи-пашой ****. Оба они особое внимание уделяют намечаемому заказу на 17-дюймовые орудия, которые турки намерены использовать для обороны Дардазелл. Рагиб считает, что этот заказ должен интересовать также и нас, и просил меня обратить внимание на это дело.

Я ответил, что поинтересуюсь этим делом.

В заключение Рагиб сообщил, что Рюштю поехал из Тегерана в Багдад и в начале февраля будет уже в Женеве. Турецкая делегация состоит из миннидела, Тевфик-бея и Джевад-паши в качестве военного консультанта.

Карахан

Печат. по арх.

* Не публикуется.

** Имеется в виду протокол о продлении советско-персидского договора о гарантии и нейтралитете от 1 октября 1927 г.; см. соответственно т. X, док. № 225; т. XII, док. № 377 и доп. № 33 настоящего тома.

*** Министр обороны Турции.

**** Начальник Генерального штаба Турции.

44. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Немедленно
26 января 1932 г.

Сегодня имел долгую частную беседу с Танака, директором Японо-Советского общества. Танака намекал на возможность англо-японского сближения, но все же беседа носила характер беспокойства по поводу нашей позиции и желания нас успокоить. Он признавал, что среди военных и некоторой части реакционеров имеется течение за конфликт с нами*, главным образом в связи с опасностью пятилетки. Я ему сказал, что никто не помешает пятилетке, ибо нельзя занять Москву, Донбасс, Урал, Кузнецк, война только ускорит темпы нашего развития и принесет огромный вред прежде всего Японии. Он с этим согласился и сказал, что он и многие в Японии за пакт о ненападении. Его мнение таково, что урегулирование рыболовных дел создало бы благоприятную атмосферу для пакта. Я сказал, что пакт о ненападении облегчил бы решение рыболовных дел. Он едет на месяц в Китай и будет говорить с военными и, вернувшись, поделится впечатлениями**.

Полпред

Печат. по арх.

45. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Австрии с Вице-Канцлером и Министром Иностранных Дел Австрии Шобером***

26 января 1932 г.

Был на очередном приеме у Шобера. Он сразу заговорил со мной о торговых переговорах. В порыве откровенности сообщил, что австрийские промышленники требуют от правительства скорейшего соглашения с нами. Тут же добавил, что его, Шобера, роль в переговорах сводится к посредничеству между отдельными австрийскими министерствами, с одной стороны, и между нами и австрийским правительством, с другой. Эта миссия, сказал он, не из легких. Австрийские господа не все настроены одинаково, добавил он многозначительно, а советские [представители] до сих пор не называли цифры заказов.

* См. также док. № 126.

** Документов о последующей встрече Танака с А. А. Трояновским по данному вопросу в архиве не обнаружено.

*** Из дневника полпреда СССР в Австрии К. К. Юренева от 26 января 1932 г.

На это я ответил ему, что по вине самих же австрийцев вопрос о заказах до сих пор не стал конкретным. Я напомнил Шоберу, что не кто иной, как Шюллер, заявил нам о необходимости в первую очередь решить вопрос о валюте, с чем мы были и остаемся полностью согласны. Я добавил, что Шюллер неоднократно на совещании признавал наше право (формальное) на оспаривание 3 млн. долл., считая, что мы имеем некие резоны настаивать на выплате их в шиллингах.

Наконец, тот же Шюллер в присутствии двух министров — Гейнля и Дольфуса * заявил о том, что австрийская сторона разрешает нам покрыть 3 млн. долл. в шиллингах **. От того, что это заявление было сделано за чашкой кофе, дело по существу не меняется.

Неожиданно австрийская сторона поставила переговоры на голову, начав упорно добиваться от нас декларации по вопросу о цифре заказов.

Шобер ответил, что да, это имело место, что создалось несколько неудобное положение, но что он рассчитывает на скорый приезд Шюллера, который поможет сдвинуть нашу дискуссию с мертвой точки. Вслед за этим Шобер спросил у меня: «А все же на какую сумму дадите вы нам заказов?» Я ответил, что, конечно, не на 100 млн., о которых можно говорить только в порядке милой шутки, а на определенную достаточно серьезную сумму. Шобер добивался от меня конкретизации таковой, но безуспешно — я отделался шутками, указав, что решение вопроса о валюте ускорит конкретный приступ к разговорам о заказах.

Шобер заявил мне, смеясь, что, конечно, 100 млн. — это слишком много, но 75 — это как раз то, что требуется австрийцам. Не вступая в дискуссию на эту тему, я все же подчеркнул, что эта цифра является невероятной. Шюллер, по заявлению Шобера, возвращается в Вену 28 января. Очередное заседание состоится в пятницу или в субботу.

Затем беседа перешла на политические темы. Шобер через несколько дней уезжает в Женеву для участия в работах конференции по разоружению. Он, смеясь, заявил, что от конференций не ждет никакого толка и что во всяком случае австрийская делегация будет действовать в тесном контакте с германской. Что касается внутривнутриполитического положения, то Шобер уверил в том, что правительство Буреша *** останется у власти и все происки Зайпеля **** потерпят и на этот раз неудачу.

* Соответственно министры торговли и сельского хозяйства Австрии.

** См. также док. № 34.

*** Федеральный канцлер Австрии.

**** Председатель христианско-социальной партии Австрии.

Шобер подчеркнул крупные разногласия внутри клерикальной партии, солидарность Ландбунда* и отчасти гроссдейче** с Бурешем. Никаких оснований для ухода нынешнего правительства в отставку нет.

В беседе зашла речь о газете «Винер нейесте нахрихтен». Как известно, эти «нахрихтен» являлись органом гроссдейче и Шобера, но в последнее время газета несколько охладела к последнему и начала вести более праворадикальную линию. Шобер объяснил мне, что «Винер нейесте нахрихтен» несколько недель тому назад перешла в руки германских промышленников, связанных с правым крылом фолькспартей и дейснационале***.

Что касается газеты «Нейхайтсвельтблат», то она, по словам Шобера, субсидируется чехами. Поэтому неудивительно, что ею ведется столь явная кампания против Шобера и за дунайскую экономическую федерацию³¹.

Хеймверовского путча Шобер не боится и убежден, что его не будет.

С товарищеским приветом

К. Юрнев

Печат. по арх.

46. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А. А. Трояновскому

27 января 1932 г.

Переговоры о рыбе затягиваются по вине японцев из-за неполучения инструкции из Токио. Хирота заявил мне 26-го, что он ждет инструкций в ближайшее время, но он это заявлял много раз. Чтобы внести ясность, я вручил ему в письменном виде наше предложение о принципах урегулирования рыболовного вопроса в целом****.

Хирота настаивает на стабилизации всех участков на срок конвенции. Мы предложили 75% участков по нормам улова. Я предложил ему дать мне его контрпредложение с его цифрами. В разговорах в МИД надо говорить в этом смысле³².

Л. Каракан

Печат. по арх.

* — «Общегосударственный крестьянский союз».

** — великонемецкая народная партия Австрии.

*** Соответственно немецкая народная партия и немецкая национальная партия Германии.

**** См. док. № 29, 42, а также док. № 62.

47. Телеграмма Генерального консула СССР в Дальнем в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

27 января 1932 г.

В связи с организацией нового правительства Маньчжурии японское командование, по имеющимся данным, решило «содействовать объединению белых русских и помощи Японии для восстановления влияния белых в Маньчжурии». Представители белых, включая представителя из Парижа, 24 января имели официальное свидание с командующим [Квантунской армией] Хондзё, который просил их не беспокоиться и заявил, что в нужный момент помощь белым будет обязательно оказана*.

Мэнни

Печат. по арх.

48. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике А. Я. Охтину

27 января 1932 г.

Согласуйте с монгольским правительством вопрос о посылке весной этого года за счет Наркомзема СССР экспедиции по борьбе с саранчой в приграничном районе МНР. Экспедиция предполагает выехать 15 апреля и обработать площадь в 15 тыс. га. Состав экспедиции: 2 специалиста, 4 техника, 8 бригадиров. 110 рабочих предположено набрать на месте³³.

Карахан

Печат. по арх.

49. Телеграмма Генерального консула СССР в Харбине М. М. Славуцкого в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
28 января 1932 г. ***

В 24 часа представитель японской военной миссии посетил Кузнецова*** и от имени командования заявил, что «в связи с убийством японского летчика возможно явится необходимость использования КВЖД для перевозки японских войск

* См. также док. № 19.

** Телеграмма поступила в НКВД СССР 28 января в 5 час. 30 мин.

*** Вице-председатель правления КВЖД.

в Харбин для охраны резидентов; он желает знать отношение правления». Кузнецов заявил о невозможности перевозки, сославшись на нейтралитет КВЖД. Представитель ответил, что он еще не обращается с просьбой, не говорит еще, что таковая необходимость уже налицо, но «в случае невозможности твердо намерены перебросить войска по КВЖД». Заявил, что он еще обратится по этому поводу к Ли Шаогэну*.

Срочно шлите указания на случай повторного обращения и на случай насильственного захвата состава**, о возможности чего представитель дал понять.

Совконсул

Печат. по арх.

50. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Генеральному консулу СССР в Харбине М. М. Славуцкому

*Вне очереди
28 января 1932 г.*

На телеграммы от 27³⁴ и 28 января***. Представителю военной миссии следует дать нижеследующий ответ: КВЖД управляется совместно Китаем и СССР и проходит по китайской территории. Вопрос о перевозке не может быть решен одной или другой стороной сепаратно. Если китайская сторона даст согласие на перевозку японских войск по КВЖД, советская сторона возражать не будет****.

Л. Карахан

Печат. по арх.

51. Телеграмма Генерального консула СССР в Харбине в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне всякой очереди
28 января 1932 г.*

В 18 часов в Куаньчэнцзы прибыли 2 сформированных японцами эшелона в полном боевом снаряжении с установленными на платформах орудиями и пулеметами. Все классные вагоны переброшены в Чаичунь. Готовятся к отправке собственными средствами.

* И. о. председателя, в дальнейшем председатель правления КВЖД.

** См. док. № 50.

*** См. док. № 49.

**** См. также док. № 51, 54, 56.

Рудым* дано распоряжение начальникам станции на линии не соглашаться на отправку поездов, отказываться от обслуживания и снабжения поездов, однако без порчи подвижного состава и путей; служащим быть на местах.

Вступление японских и гиринских войск — вопрос часов**. Часть войск движется на автоброневиках, грузовиках и колоннами. В городе средн китайских чиновников паннка. Прячутся на частных квартирах³⁵.

Славуцкий

Печат. по арх.

52. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР***

*29 января 1932 г. *****

Был принят сегодня Лавалем. Беседа длилась 1 час 45 мин. Я стремился сделать стержнем разговора пакт и субсидиарно***** торговые переговоры. Лаваль, однако, отвлекался все время к другим темам и придал нашей беседе характер установления первого контакта. Он просил меня пока не делать никаких выводов из его случайных и беспорядочных высказываний и обещал в ближайшее время изучить и подвергнуть вместе со мной практическому обсуждению вопросы о пакте и торговых переговорах. Он буквально засыпал меня вопросами, из которых явствовалась как его полная неосведомленность в русском вопросе, так и наличие и нарастание во время разговора интереса к проблеме франко-советских отношений. Он также сделал несколько вылазок в сторону пропаганды и особенности советского режима, который не позволяет трактовать с Советским правительством как с «нормальным правительством». Однако после моего вежливого опровержения и полного достоинства отпора эти выпады перевел на шутку, хотя в шутливой и «дружески-интимной» форме не раз к ним возвращался и впоследствии. Хотя, повторяю, Лаваль и подчеркивал, что из мыслей, оброненных им в этой первой беседе, мне не следует пока делать никаких практических выводов, все же сообщу ниже его основные мысли. 1) Он меня заверил, что считает заключение пактов между СССР, Францией и лимитрофам серьезным элементом замирения Европы, а потому приложит усилия к

* Управляющий КВЖД.

** См. также док. № 13.

*** Копия телеграммы была направлена в Женеву, где в это время находился М. М. Литвинов.

**** Дата отправления; беседа состоялась 28 января 1932 г.

***** — полотно (фр.).

их заключению. 2) Не пренебрегая торговыми связями с великой страной, представляющей собой большую экономическую величину, он ставит своей задачей изыскание путей к развитию торговых отношений с нами, исходя при этом из нестерпимости нынешнего положения, при котором Франция у нас покупает, но ничего нам не продает, равно как и из того несомненного факта, что французское правительство лишено возможности гарантировать кредит; он в ближайшее время обсудит с Ролленом * ряд мероприятий для оживления торговых переговоров. 3) В ходе переговоров о пакте правительство Франции решило обусловить подписание франко-советского пакта заключением пакта между СССР и Польшей; он считает правильным обусловить его также и подписанием пакта с Румынией (он это сказал в ответ на мое указание на ненормальность выставления неожиданных требований, не заключающихся в одобренных правительствами программах переговоров **). 4) Он еще не читал текста франко-советского пакта, а потому не может сейчас сообщить мне свое мнение: он немедленно займется его изучением и тогда скажет мне, одобряют ли его.

Лаваль не смог зафиксировать дату следующего свидания, но я настаивал, чтобы оно состоялось в ближайшем будущем.

Срочно сообщите, в каком положении находятся переговоры с Эстонией и Латвией. Срочно сообщите также максимально подробнее аргументы в защиту нашей позиции в вопросе отражения в пакте бессарабского вопроса. Румыны заявляют, что именно они выполнили обязательство об «оставлении в стороне» бессарабского вопроса, но что мы, наоборот, выпятили и заострили этот вопрос, чем усугубили его трудность. Гикю, разумеется, будут обрабатывать французы, которые будут склонны принять на веру его изложение хода переговоров, и мне необходимо знать возможно детальнее всю фактическую сторону переговоров. Не скупитесь на своевременную и полную информацию ***.

Полпред

Печат. по арх.

53. Телеграмма неофициального Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

29 января 1932 г.

Развитие событий в Китае вызвало здесь теперь большое волнение. Особенно беспокоит уклончивая позиция Англии. По словам Бора и других, правительству становится ясно, что

* Министр торговли и промышленности Франции.

** См. т. XIV, док. № 144.

*** См. также док. № 57, 60.

Франция и сейчас поддерживает Японию и что Англия по существу, может быть и не по форме, будет ближе к Франции, чем к Америке*. Вашингтон начинает чувствовать, что он изолирован и поэтому на решительные меры вряд ли пойдет. Объявить, например, бойкот Японии нельзя без санкции сената, а последний, боясь войны, на это, по словам Бора, не согласится. Он лично также против этого, считая, что есть более безопасные средства. На мое заявление, что признание Союза в настоящий момент произвело бы нужное впечатление, он ответил согласием и указал, что, возможно, этот вопрос скоро будет целесообразно резко поставить в такой плоскости перед правительством, однако он на «государственный ум» Гувера** не возлагает надежд.

Когда Литвинов выступит в Женеве, Бора собирается выступить с речью в сенате в пользу признания³⁶.

Сквирский

Печат. по арх.

54. Сообщение о беседе Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л. М. Карахана с Послом Японии в СССР Хирота

30 января 1932 г.

29 января с. г. японский посол в Москве г. Кокн Хирота посетил заместителя народного комиссара по иностранным делам т. Л. М. Карахана и по поручению японского правительства сделал ему нижеследующее сообщение в связи с положением в Северной Маньчжурии:

В связи с бунтом китайских войск в Харбине, где проживают десятки тысяч японских граждан, японскому правительству пришлось отправить войска для защиты своих подданных. Эта отправка японских войск объясняется только интересами защиты жизни и имущества японских подданных в Харбине.

Японское правительство не имеет никакого намерения нарушить интересы КВЖД, но при отправке войск придется воспользоваться КВЖД. За провоз японских войск японское правительство уплатит сколько следует.

Желая избежать недоразумения со стороны Советского правительства, японское правительство поручило г. послу разъяснить Советскому правительству действительный смысл отправки японских войск в Харбин.

Заместитель народного комиссара по иностранным делам т. Л. М. Карахан во время беседы с г. японским послом отме-

* См. также док. № 55.

** Президент США.

тил, что образ действия японских властей в районе Харбина как раз приводит к тем недоразумениям, избежать которые японское правительство хочет, давая послу вышеприведенное поручение. Представитель японского командования обратился к товарищу председателя правления КВЖД Кузнецову с просьбой о провозе японских войск, как теперь выясняется, спустя 12 часов после того, как японские войска на станции Куаньчэнцзы самовольно погрузились в поезда и двинулись по КЖВД к северу*. Такие действия японских властей нельзя, конечно, признать правильными.

Что касается перевозки японских войск в районе Харбина, то это дело зависит не только от советской стороны, но и прежде всего от китайских властей, управляющих КВЖД совместно с представителями СССР, причем нельзя забывать, что КВЖД проходит по территории Китая. Понятно поэтому, что, если китайские власти находят возможной перевозку японских войск к району Харбина, советская сторона в таком случае не имеет основания чинить препятствия при обязательном условии, что интересы КВЖД не будут нарушены. В этом духе послана директива Кузнецову еще 28 января с. г.

Японский посол заявил, что немедленно телеграфирует в Токно высказанное ему т. Караханом мнение и еще раз подчеркнул, что единственная цель японского правительства — это защита интересов японских подданных и что японское правительство просит правильно понять действительные намерения японского правительства (ТАСС).

*Печат. по газ. «Известия»
№ 29 (4556), 30 января 1932 г.*

55. Телеграмма неофициального Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

30 января 1932 г.

В верхах госдепартамента указывают, что японцы их обманули, когда давали им понять, что дальше Маньчжурии они не пойдут³⁷. Когда японцы подходили к Цзиньчжоу, американцы стали нервничать и, предвидя необходимость принятия против Японии серьезных мер в случае перенесения военных действий во Внутренний Китай, начали переговоры с Англией, Францией и Италией о будущих солидарных шагах. Италия обещала полную поддержку, Англия и особенно Франция давали уклончивые ответы. Однако госдепартамент надеялся на сотрудничество Англии. Когда Стимсон послал свою ноту от

* См. док. № 49, 51.

7 января*, он заявил журналистам, что ожидает поддержки других стран. На деле, однако, и особенно в теперешний серьезный момент Америка остро почувствовала, что она фактически изолирована. Даже Италия не идет за Америкой под влиянием позиции Англии. Сознание, что американское консульство фактически работает в Шанхае под дулами японских пушек, бесит правительство. Здесь обсуждали план бойкота и даже войны с Японией**, если бы Англия согласилась на совместные действия. В создавшихся условиях американцы мечутся, не зная, что предпринять в одиночку. Они все еще надеются, что авось японцы «одумаются». С большим интересом здесь ждут реакции СССР.

Сквирский

Печат. по арх.

56. Телеграмма Генерального консула СССР в Харбине в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР***

*30 января 1932 г. *****

В 15 часов [29 января] из японского консульства звонили Кузнецову и спрашивали, получены ли указания из Москвы и даны ли управляющему КВЖД указания о прекращении противодействия продвижению поездов. На это был дословно дан следующий ответ: «Как и раньше, поскольку китайская часть правления не соглашается на перевозку японских войск, советская часть правления не может также сепаратно дать согласие. Кузнецов обращает внимание Охаси***** на то, что обращение к нему японской военной миссии о перевозке войск, равно как и обращение Охаси, имело место после занятия станции, к моменту захвата составов*****. Об этом Кузнецов довел до сведения Москвы и указаний еще не имеет. Что же касается действий управляющего дорогой, то последний дал распоряжение о том, чтобы, поскольку японское командование самочинно заняло поездной состав и самочинно отправляет поезда, не соглашаться на пропуск поездов через железнодорожные станции, однако предупреждать двигающиеся поезда об опасностях, угрожающих им в связи с повреждениями пу-

* См. «Сборники документов по международной политике...», вып. III, М., 1932, стр. 55.

** См. также док. № 53.

*** Копия телеграммы была направлена в полпредство СССР в Японию.

**** Дата получения: телеграмма поступила в НКВД СССР 30 января в 8 час. 50 мин.

***** Генеральный консул Японии в Харбине.

***** См. соответственно док. № 49, 51.

тей и мостов, которые самочинно и силой производятся китайскими воинскими силами, против чего правление дороги протестует перед китайскими властями».

В 20 часов из японского консульства по телефону запросили Кузнецова, означает ли его ответ согласие на перевозку, если китайская сторона согласна. Кузнецов ответил положительно.

Славуцкий

Печат. по арх.

57. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР *

1 февраля 1932 г.

При случайной встрече в конце прошлой недели Бертело мне сказал, что виделся с Гикой, и намекнул, что его аргументация показалась ему убедительной. Сегодня я был у Бертело. Я опять заявил ему, что не вижу оснований к дальнейшей оттяжке подписания пакта, и вновь высказал уверенность, что подписание советско-французского пакта повлекло бы за собой срочное подписание пактов с Польшей и Румынией. Бертело ответил, что решение зависит от Лавалля, который в данный момент, насколько ему известно, придерживается того мнения, что Франция должна подписать пакт после Польши и Румынии. Что касается сделанного мне Лавалем намека о возможности внесения в текст франко-советского пакта изменений, Бертело сказал, что он не верит в подобную эвентуальность. Лаваль, мол, просто повторил мне заявление, которое он сделал в парламентской комиссии. Для вынгрыша временно он заявил в комиссии, что вопрос-де не срочен, ибо он лично еще не знаком с текстом, и что в него, возможно, придется еще внести изменения. Во всяком случае, он, Бертело, доволен своим произведением, считает, что нападки Пертинакса ** необоснованны, будет отстаивать текст и уверен, что это ему удастся.

Затем мы перешли к Румынии. Я подробно развил нашу аргументацию на базе коммюнике Литвинова ***, противопоставив попутно лояльный и умеренный тон этого коммюнике заявлению, сделанному Гикой французской прессе ³⁸. Бертело ответил, что резкость тона Гики объясняется, возможно, тем, что он осведомился по французской прессе только о негативной части коммюнике Литвинова. То же произошло и с самим

* Копия телеграммы была направлена в Женеву на имя М. М. Литвинова.

** Псевдоним французского журналиста Жеро.

*** См. док. № 41.

Бертело, которому и показалась поэтому убедительной аргументация Гики. Однако теперь у него есть под рукой доклад Дежана *, в котором он негодует на газету «Тан», поместившую только часть коммюнике, и, приводя полный текст, высказывает свое мнение в пользу убедительности аргументации Литвинова. Дословно прочитав мне это место из доклада Дежана, Бертело добавил, что моя аргументация подкрепляется тем, что написал Дежан, и что он предполагает, что возможно достижение соглашения с румынами на базе советских предложений. Бертело также сказал, что Гика не рассматривает нынешнее состояние переговоров как разрыв и что Гика собирается встретиться с Литвиновым в Женеве и лично с ним устранить расхождения. В заключение Бертело сказал, что он готов инструктировать Массигли **, чтобы последний помог, если это будет нужно, осуществлению и ускорению встречи Гики с Литвиновым, причем Бертело перешлет Массигли доклад Дежана и проинформирует его о положении дела ***.

Довгалецкий

Печат. по држ.

58. Телеграмма Генерального консула СССР в Харбине в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР ****

1 февраля 1932 г.

В 12 часов Охаси посетил меня и сетовал на непосылку поезда на юго-запад. Он согласился со мной, что управление КВЖД в этом бессильно в связи с запрещением Ли Шао-гэна, штаба самообороны и повреждением китайскими солдатами пути до Шуанчэнлу, в связи с чем само японское командование в Шуанчэнлу не советовало отправлять поезд. Охаси в резкой форме, ссылаясь на якобы бегство китайской стороны, настаивал на самостоятельном разрешении советской частью [правления] перевозки войск из Цидикара, указывая, что командование в целях секретности и внезапности перевозок полагает прервать связь с Цидикаром. Я ответил, что китайская сторона существует и за нее решать не можем. Повторил нашу позицию, отметив, что о секретности перевозок обращение странное; к тому же без связи невозможно нормальная перевозка. Он предложил якобы для «облегчения позиции советской сто-

* Посол Франции в СССР.

** Руководитель службы (отдела) по делам Лиги наций МИД Франции, член французской делегации на Конференции по сокращению и ограничению вооружений.

*** См. также док. № 60.

**** Копия телеграммы была направлена в полпредство СССР в Японии.

роны», чтобы японское командование захватило состав. Я отверг это странное предложение. Он заявил, что не уполномочен правительством, но предупреждает, что ради спасения резидентов командование будет вынуждено захватить состав. Я отказался об этом разговаривать. Сказал, что пусть договорятся с китайцами; на всякий случай, несмотря на точные инструкции Москвы, я готов запросить указания, однако с тем, чтобы командование выждало ответ и не повторило опыта Куаньчэнцзы *. Охаси не смог отрицать, что захват последнего предшествовал их обращению к Кузнецову и что вторжение японского командования не допустило к службе служащих Куаньчэнцзы. Охаси ушел разыскивать Ли.

Славуцкий

Печат. по арх.

59. Телеграмма Председателя советской делегации на Конференции по сокращению и ограничению вооружений в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР, из Женевы

2 февраля 1932 г.

Здесь меньше всего интересуются конференцией по разоружению⁵⁹, ибо всем ясна тенденция максимально затягивать конференцию, по крайней мере до германских и французских выборов, а тем временем толочь воду в ступе. На всю эту неделю работа рассчитана таким образом, чтобы не идти далее конституирования конференции и проверки мандатов. Генеральные дебаты не начнутся раньше 8-го сего месяца **, когда ожидается приезд Макдональда *** и Брюнинга ****. Интерес Женевы сосредоточен на китайских событиях, но ни от Лиги наций, ни от морских держав серьезной активности не ожидается. Не говоря уже о Франции, даже Англия избегает враждебных Японии выступлений, но вынуждена делать уступки требованиям Америки. Однако наглость японской военно-морской клики так безудержна, что может спровоцировать Америку и на решительные действия. Превращение конференции по разоружению в конференцию по японо-китайскому конфликту или созыв здесь для этого специальной конференции из присутствующих представителей государств относятся лишь к области слухов. В выступлениях будет, однако,

* См. док. № 54.

** См. также док. № 75, 76.

*** Премьер-министр, председатель делегации Великобритании на конференции.

**** Рейхсканцлер, председатель делегации Германии на конференции.

заметно фигурировать дальневосточная проблема. Прошу Карахана сообщить мне количество японских войск, находящихся сейчас в Маньчжурии, а также число японских граждан в Маньчжурии⁴⁹.

Литвинов

Печат. по арх.

60. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полюмочному Представителю СССР во Франции В. С. Довгалевскому

2 февраля 1932 г.

Ваши беседы с Бертело и Лавалем * создают впечатление, что французы нас разыгрывают. Бертело делает примирительные заявления, а Лаваль исходит из незнакомства с пактом и обещаниями, данными в ходе переговоров. Необходимо в Ваших беседах подчеркнуть странность заявлений Лавалья о его незнакомстве с крупным политическим актом, согласованным между нами и французским правительством **, когда последнее возглавлялось Лавалем. Это тем более странно, что французское правительство сочло возможным официально сообщить парафированный текст лимитрофам и, по-видимому, Румынии. В ходе переговоров французы совершенно точно условились подписать пакт после того, как наши переговоры с Польшей будут достаточно продвинуты. Это условие сейчас более чем выполнено, переговоры с Польшей закончены ***. Своей тактикой оттягивания подписания пакта французское правительство сейчас объективно тормозит оформление пакта с Польшей, что способно породить сомнения относительно искренности его стремлений к скорейшему положительному завершению переговоров с нами.

Я не предлагаю делать специальный демарш, а привожу наши соображения для использования в ближайшем разговоре ****.

Крестинский

Печат. по арх.

* См. соответственно док. № 40, 57, 52.

** См. т. XIV, док. № 229.

*** Имеется в виду парафирование советско-польского договора о ненападении; см. док. № 41.

**** См. док. № 83, 111.

**61. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностран-
ных Дел СССР Генеральному консулу СССР в Харбине
М. М. Славуцкому, Вице-председателю Правления КВЖД
С. М. Кузнецову, Управляющему КВЖД Ю. В. Рудому**

2 февраля 1932 г.

Без согласия или отсутствия возражений со стороны Ли
или Чжан Цзин-хоя * мы не можем односторонне согласиться
на пропуск японских войск из Цицикара **. Об этой вашей по-
зиции должны знать китайцы и пресса.

Карахан

Печат. по арх.

**62. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностр-
анных Дел СССР с Послом Японии в СССР Хирота**

2 февраля 1932 г.

Хирота явился ко мне, чтобы сообщить полученные им ин-
струкции по рыболовным переговорам.

Японское правительство обсуждало подробно предложен-
ный нами план урегулирования рыболовного вопроса ***, но
считает, что наш план при его применении может создать не-
доразумение и поэтому инструктировало посла объяснить нам
японский план урегулирования рыболовных дел, который яв-
ляется более простым и достигающим цели. Но, прежде чем
привести возражения против нашего плана, Хирота просил
дать ему некоторые разъяснения по нашим предложениям.
1) Включаются ли и концессионные участки в те 75%, которые
мы готовы обеспечить за японцами до конца рыболовной кон-
венции. Я ответил утвердительно. 2) Имеем ли мы в виду, что
25% японских участков должны быть поставлены на торги
в течение 5 лет. Я ответил утвердительно, указав, что наш план
имеет своей целью урегулирование вопроса до истечения срока
рыболовной конвенции, т. е. в течение 5 лет. 3) Третий вопрос,
который Хирота больше всего интересовал, сводился к тому,
смогут ли японцы закрепить за собой участки, если они возь-
мут их с торгов из числа 25%. Я ответил утвердительно. 4) Из
какой нормы улова мы собираемся исходить при установле-
нии этих 75%. Я ему ответил, что из нормы улова последнего
года, т. е. 1931 г.

* Главноначальствующий Особого района Восточных Провинций;
см. т. XII, прим. 27.

** См. также док. № 56, 58.

*** См. док. № 29.

Хирота вновь вернулся к вопросу о том, могут ли японцы торговаться и в случае, если им удастся заторговать какой-либо из участков 25%, закрепить его за собой. Иначе говоря, пояснил он, значит ли это, что русская сторона не отнимет всех 25% участков. Я ему разъяснил, что 25% участков, находящихся в эксплуатации у японцев, должны быть поставлены на торги и японские предприниматели, так же как и советские, на одинаковых началах принимают участие в торгах, и если японцы заторгуют какие-либо из этих участков, то в силу конвенции они закрепляют за собой эти участки.

Затем он спросил меня, что значит 40%, которые мы хотим получить для госпромышленности, из какой нормы мы будем исходить и значит ли, что эти 40% будут закреплены на все время конвенции. Мой ответ: так же как в отношении 75% для японцев, 40%, которые будут для госпромышленности, они будут брать, исходя из нормы 1931 г., и само собой понятно, что эти 40% будут закреплены до окончания срока рыболовной конвенции, если за это время не будет заключено какое-либо новое соглашение об увеличении нормы госпромышленности. На его вопрос, можно ли будет долю госпромышленности определить в центнерах, я ему ответил, что это вопрос, касающийся детали соглашения, и что если это будет в основе принято, то я посоветуюсь с нашими хозяйственниками на этот счет. На вопрос Хирота при определении общей нормы, включаем ли мы в нее также участки, находящиеся в эксплуатации местного населения, я ответил утвердительно. Получив от меня эти разъяснения, Хирота перешел к возражениям, которые у японского правительства имеются в связи с нашим предложением.

I. Японское правительство хочет, чтобы за японцами были закреплены все 100% участков, а мы даем только 75%. Наше предложение, таким образом, не удовлетворяет японское правительство, и оно просит, чтобы мы согласились ставить на торги все другие участки, кроме тех, которые находятся в эксплуатации у японцев. Отмена торгов в отношении всех 100% японских участков нарушает рыболовную конвенцию в такой же мере, как и в отношении торгов 75%. Поэтому японское правительство не понимает, почему мы возражаем против 100%, но соглашаемся на 75%.

II. Закрепление 40% за госпромышленностью противоречит постановлению рыболовной конвенции, тем более, что мы включаем в эти 40% и вновь открываемые участки. Японское правительство боится, что принятие нашего предложения может вызвать осложнения в будущем, и поэтому не может согласиться с ним.

III. Японская сторона придает большое значение 18, 7-ми и другим спорным участкам и предлагает поэтому разрешить

их путем, который Хирота предлагал уже в свое время *. На мой вопрос; какое он имеет предложение, он мне ответил: из 18 участков, взятых госпромышленниками, передать 5 японцам. Из 7 спорных участков — все передать японцам. Что же касается 4 участков, не имеющих законного расстояния, то их разделить пополам между японской и советской сторонами и, кроме того, предоставить японцам на концессионных условиях те участки, о которых они уже возбуждали ходатайство. Что же касается возбужденного им вопроса о договорах и кооперации⁴¹, то японское правительство предлагает после разрешения вопроса о стабилизации еще раз поговорить об этом.

IV. О 12-мильной зоне. Японское правительство считает, что этот вопрос не связан с вопросом о стабилизации рыбных участков, поэтому японская сторона не хочет их обсуждать совместно как условие разрешения вопроса о стабилизации. Но если советская сторона хочет обсуждать этот вопрос, то Япония готова обсудить его параллельно с вопросом о стабилизации, причем японский посол готов обсуждать этот вопрос на основании своих первоначальных инструкций.

Хирота считает, что наш план может вызвать в будущем много недоразумений, и поэтому японское правительство просит еще раз подумать о японском плане.

Я ответил Хирота, что из вопросов, которые он мне задал в самом начале беседы, у меня не остается сомнений, что японское правительство не поняло нашего предложения и что только поэтому ему поручено не согласиться с нашим предложением. После тех разъяснений, которые я ему сделал, разъяснений, которые должны были рассеять все сомнения японского правительства самым выгодным для японской стороны образом, [все] убеждает меня в том, что после сегодняшней беседы наше предложение предстало перед ним в совершенно новом свете, я бы сказал, что сегодня он как бы получил новую схему урегулирования плана; так как японское правительство совершенно не поняло нашего плана, поэтому я его прошу, чтобы он протелеграфировал все мои разъяснения в Токио и испросил бы новой инструкции, которая дала бы возможность двинуться вперед. Что же касается его возражений, то я ему дам ответ на них в следующий раз **.

Карахан

Печат. по арх.

* См. т. XIV, док. № 355.

** См. док. № 84.

63. Телеграмма неофициального Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

2 февраля 1932 г.

Пользуясь беспокойством правительства США, вызванным положением на Дальнем Востоке, я на прошлой неделе принял в частном порядке осторожные шаги, чтобы через несколько источников, включая Бора, обратить от их имени внимание правительства и лидеров конгресса на важность признания в данный момент СССР как средства, которое способствовало бы сохранению мира. Все собеседники сразу восприняли тактическую ценность шага, но, естественно, выразили сомнения насчет отношения Гувера. Бора говорил со Стимсоном, но последний, как я и ожидал, сослался на продолжающуюся враждебность Гувера *.

Сквирский

Печат. по арх.

64. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии со Статс-секретарем Министерства Иностранных Дел Германии Бюловым

3 февраля 1932 г.

3 февраля я представлял Бюлову т. Вейцера **. Бюлов предложил вопрос, одновременно выразив надежду, что т. Вейцер приехал в Берлин на продолжительное время. Я, между прочим, сообщил Бюлову, что вчера т. Вейцер имел совещание с Рейхсбанком, с представителями рейхсвиртшафтсминистерии *** и остался результатами недоволен, так как взгляд рейхсбанковцев по валютному вопросу, т. е. об оплате нами наших долларовых обязательств рейхсмарками, противоречит принятым решениям экспортной конференции ****. Тов. Вейцер изложил существо вопроса и добавил, что мы уже начали продавать на марки свои товары, по которым мы раньше получали иностранную валюту. Мы заключили запродажу с «Гетрейдегезельшафт» ***** на хлеб в марках, в то время как хлеб продается на гульдены. Наша пушнина, 70% которой реэкспортируется Германней, продается нами тоже в марках,

* См. также док. № 108, 112, 176, 185, 243, 281, 303, 468.

** Торговый представитель СССР в Германии, заместитель народного комиссара внешней торговли СССР.

*** — министерство экономики Германии (нем.).

**** См. т. XIV, док. № 386.

***** — «Общество зернопродуктов» (нем.).

а между тем этот товар всюду продается на доллары. Таким образом, совершенно непонятна позиция Рейхсбанка. Бюлов у себя отметил это обстоятельство, обещая выяснить.

Я указал Бюлову, что я уже имел возможность ему и рейхс-канцлеру указать на недопустимую волокиту с ратификацией со стороны немецкого правительства принятых экспортной конференцией постановлений. Благодаря этому у нас совершенно приостановилась продажа икры, так как покупатели ее ждут снижения пошлины на икру, а между тем сезон продажи икры уже наступил. Бюлов заявил, что он еще вчера должен был созвать совещание внутреннего характера по этому вопросу, но оно не состоялось, так как он был занят; он обязательно ускорит это дело. Я заметил, что это нужно сделать до его отъезда в Женеву, и он подтвердил это.

Далее вопрос коснулся конференции по разоружению, которая открывается в такое время, когда на Дальнем Востоке гремят пушки. Бюлов удивлен был, что Гендерсон* не остановился серьезно в своей речи на этом. Я сказал, что быть может он не имел возможности это сделать, так как не получил разрешения. Бюлов заметил, что он сам, если бы был на месте Гендерсона, отверг бы всякие запрещения, если бы такие и были.

Со слов Бюлова, Брюнинг с ним выедет в Женеву в субботу, и уже в воскресенье Брюнинг хочет выступить с докладом о значении конференции по разоружению, не касаясь позиции немцев по данному вопросу. Затем Брюнинг возвратится в Берлин. Немцы полагают, что затем будет выступление французов, после которых, верно, выступит т. Литвинов. Брюнинг тогда снова вернется в Женеву для выступления по существу. Такие инструкции даны Надольному** с указанием согласовать вопрос о выступлениях с т. Литвиновым.

Я просил Бюлова сообщить в Париж Шнее***, что проезд через советскую границу и восточно-китайскую свободен, о дальнейшем продвижении у нас сведений нет. Это сообщение я получил от нашей железнодорожной комиссии через т. Дронговского, запросившего Москву.

Наконец Бюлов пожелал т. Вейцеру успеха в работе, и мы расстались.

Л. Хинчук

Печат. по арх.

* Председатель Конференции по сокращению и ограничению вооружений.

** Член германской делегации на Конференции по сокращению и ограничению вооружений.

*** Член комиссии Литтона⁴² от Германии.

**65. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных
Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Италии
Д. И. Курскому**

4 февраля 1932 г.

Многоуважаемый Дмитрий Иванович,

1. Инстанция обсуждала предложение итальянского правительства о начале переговоров и решила предложение принять*. Однако так как не принято еще решение о том, когда именно начнутся переговоры и когда мы дадим наш положительный ответ итальянцам, о принятом решении я сообщаю Вам пока лишь для Вашего сведения, а отнюдь не для сообщения итальянцам⁴³.

Переговоры будем вести, по всей вероятности, в Риме.

2. Был у меня на днях Аттолико**. Он приходил уже после того, как было принято решение, изложенное мною выше, в пункте первом, но я ему решил ничего не говорить, а посмотреть, насколько он будет торопить нас с решением по вопросу о переговорах. Оказалось, что только в конце разговора он слегка задел вопрос о переговорах и выразил желание специально поговорить со мной по этому поводу. Условились встретиться по окончании конференции. В общем никакой слешки и нервозности Аттолико не проявил.

3. За последнее время итальянское правительство издало несколько мероприятий валютно-таможенного характера, направленных против стран, отступивших от золотого стандарта. Мне кажется, что нас под эти распоряжения итальянское правительство подводить не может и не станет. По крайней мере германское правительство, повысившее недавно пошлину на масло по отношению к тем странам-импортерам, где валюта отступила от золотого паритета, нас к этим странам не причислило.

Просьба к Вам написать подробнее обо всех новых мероприятиях⁴⁴ итальянского правительства в этой области и о том, подводят ли нас итальянские органы под действие этих мероприятий.

С товарищеским приветом

Н. Крестинский

Печат. по арх.

* См. док. № 23.

** Посол Италии в СССР.

66. Телеграмма Генерального консула СССР в Харбине в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне всякой очереди
4 февраля 1932 г.*

На южной линии [КВЖД]: часть станционного помещения в Шуанчэнпу и квартиры служащих самовольно заняты японскими солдатами. На станции Яомынь казарма, ранее занимаемая охранными китайскими войсками, занята японскими солдатами и вывешен японский флаг. 3 февраля в 19 часов из Уцзя на Югович* отправились две дрезины с японскими солдатами. Начальник депо Куаньчэнцзы сообщает, что шесть рабочих китайской национальности отказались от перевозки японских войск и скрылись. На станции Шуанчэнпу японскими солдатами избит на службе станционный сторож китайской национальности. В 8 часов в пяти километрах южнее Интендантской** китайские войска привели из Харбина паровоз и путем разборки рельсов сделали искусственный сход паровоза.

На западной линии: в 1 час ночи японцы включились в провоза КВЖД около станции Цишикар. В 3 часа силой оружия со станции Сяохаоцзы отправились китайские войска на Аньда.

На восточной линии: в 3 часа китайские солдаты окружили станцию Хэндаохэцзы, ударили начальника станции и требовали отправления бронепоезда. Силой забрали паровоз и отправились в Харбин. Паровозная бригада следует под наблюдением солдат***.

Славуцкий

Печат. по арх.

67. Договор, заключенный в Риге 5 февраля 1932 года между Союзом Советских Социалистических Республик и Латвией

[5 февраля 1932 г.]

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик и

Президент Латвийской Республики,

основываясь на заключенном 11 августа 1920 года Мкрном Договоре между Российской Социалистической Федеративной

* Ванган.

** Гусьяньгунь.

*** См. также док. № 70, 151.

Советской Республикой и Латвией, действие которого распространяется на всю территорию Союза Советских Социалистических Республик и все постановления которого остаются неизменно и навсегда незыблемой основой отношений между Высокими Договаривающимися Сторонами;

убежденные в том, что интересам обеих Высоких Договаривающихся Сторон соответствует принятие некоторых постановлений, могущих способствовать развитию и укреплению дружественных отношений между обоими Государствами;

твердо решившие уважать взаимно и неуклонно суверенитет, политическую независимость и территориальную целостность и неприкосновенность друг друга;

руководимые желанием содействовать укреплению всеобщего мира;

заявляя, что ни одно из принятых на себя каждой из Сторон до настоящего времени обязательств не препятствует мирному развитию их взаимных отношений и не противоречит настоящему Договору;

желая подтвердить и дополнить в своих отношениях Генеральный Пакт отказа от войны от 27 августа 1928 года, который, независимо от сроков действия, нормального прекращения или возможного досрочного денонсирования настоящего Договора, сохраняет по-прежнему постоянную силу между Высокими Договаривающимися Сторонами,

решили заключить настоящий Договор и для этой цели назначили своих уполномоченных, а именно:

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик:

Бориса Спиридоновича Стомякова, Члена Коллегии Народного Комиссариата по Иностранным Делах и

Алексея Ивановича Свидерского, Полномочного Представителя Союза Советских Социалистических Республик;

Президент Латвийской республики:

Маргера Скуенека, Министра-Президента, временно исполняющего должность Министра Иностранных Дел,

каковые уполномоченные, по взаимном предъявлении своих полномочий, найденных составленными в должной и надлежащей форме, согласились о нижеследующем:

Статья I.

Высокие Договаривающиеся Стороны взаимно обязываются воздерживаться от всякого акта нападения одна на другую, а также от всяких насильственных действий, направленных против целостности и неприкосновенности территории или против политической независимости другой Договаривающейся Стороны, независимо от того, предпринято ли подобное нападение или подобные действия отдельно или совместно с другими державами, с объявлением или без объявления войны.

Статья 2.

Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуется не принимать участия ни в каких военных или политических договорах, конвенциях или соглашениях, направленных против независимости, территориальной неприкосновенности или политической безопасности другой Стороны, а также в договорах, конвенциях или соглашениях, имеющих целью подвергнуть экономическому или финансовому бойкоту одну из Договаривающихся Сторон.

Статья 3.

Обязательства, предусмотренные в настоящем Договоре, никоим образом не могут ограничить или изменить международные права и обязательства, вытекающие для Высоких Договаривающихся Сторон из договоров, заключенных ими до вступления в силу настоящего Договора и должным образом опубликованных в официальных изданиях каждой Стороны, поскольку эти договоры не заключают в себе элементов агрессии в смысле настоящего Договора.

Статья 4.

Принимая во внимание обязательства, принятые на себя в настоящем Договоре, Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются подвергать все спорные вопросы, независимо от их природы и происхождения, которые возникли бы между ними после подписания настоящего Договора и не могли бы быть урегулированы в течение разумного срока в обычном дипломатическом порядке, согласительной процедуре в смешанной согласительной комиссии, состав, права и производство которой подлежат установлению путем особой Конвенции, каковую обе Стороны обязуются заключить в возможно короткий срок и которая вступит в силу одновременно с настоящим Договором ⁴⁶.

Статья 5.

Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, на русском и латышском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу. Он будет ратификован и его ратификационные грамоты будут обменены между Высокими Договаривающимися Сторонами в городе Москве.

Статья 6.

Настоящий Договор вступит в силу в момент обмена ратификационными грамотами и будет оставаться в силе в течение трех лет с этого момента. Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон будет иметь право отказаться от Договора с предупреждением о том за шесть месяцев до истечения этого периода или без соблюдения срока предупреждения, если другая Договаривающаяся Сторона совершит нападение на какое-нибудь третье государство. Если Договор не будет денонсирован на одной из Договаривающихся Сторон, срок действия его продлевается автоматически на два года; равным образом Договор будет считаться продленным каждый раз на дальнейшие два года, если не последует отказа от него одной из Договаривающихся Сторон в порядке, предусмотренном в настоящей статье.

В удостоверение чего поименованные выше уполномоченные подписали настоящий Договор и приложили к нему свои печати.

Учинено в городе Риге, в двух экземплярах на русском и латышском языках, 5-го февраля 1932 года.

Б. Стомяков
А. Сандерский
Mārgers Šteinieteks

Печат. по арх. Огубл. в «Собрании законов», стр. II, № 23, 19 ноября 1932 г., стр. 302—308.

Договор ратифицирован: ЦИК СССР 11 июля 1932 г., сеймом Латвии 21 июня 1932 г.

Обмен ратификационными грамотами состоялся в г. Москве 28 июля 1932 г.

68. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР*

5 февраля 1932 г.

Сегодня Саймон** вызвал меня для разговора. Он сказал, что едет сегодня в Женеву, но до своего отъезда хотел переговорить со мной. По поручению правительства он просит меня передать Союзному правительству следующее:

«1. Английское правительство чрезвычайно обеспокоено неблагоприятным для Англии балансом в англо-советской торговле. Специальная комиссия была занята этим делом и после детального обсуждения цифр пришла к заключению, что физический импорт из СССР превышает физический экспорт в СССР почти в четыре раза. Если даже принять во внимание так называемый невидимый экспорт, то все равно неблагоприятный для Англии баланс является весьма значительным. Вчера парламент уже обсуждал вопрос о торговом балансе Англии с другими странами. Россия не была выделена по вполне понятным причинам. Упоминание о неблагоприятном балансе с Россией вызвало бы целый ряд выступлений.

2. Английское правительство хотело бы знать, имеет ли Советское правительство какие-либо предложения для улучше-

* Копия телеграммы была направлена в Женеву из имя М. М. Литвинова.

** Министр иностранных дел Великобритании.

ния существующего положения. В большинстве случаев СССР продает в Англии свои товары за наличный расчет. Английское правительство хотело бы знать, не имеет ли Советское правительство какого-либо конкретного предложения для увеличения использования стерлинговых остатков в Англии.

3. По поручению английского правительства он должен заявить, что не может согласиться с тем, чтобы такое состояние вещей продолжалось и впредь. В случае, если такое состояние англо-советской торговли будет продолжаться, английское правительство должно будет само принять меры к сбалансированию торговли. Каковы будут эти меры, он сейчас сказать не может, но в интересах англо-советской торговли он предпочитал бы, чтобы она была сбалансирована без этих мер».

Саймон просил меня передать это заявление Советскому правительству и замечает, что положение весьма серьезно и что он надеется, что Советское правительство примет соответствующие меры для использования стерлинговых остатков в Англии в ближайшее время. Я сказал, что передам безотлагательно его заявление Союзному правительству. Однако, поскольку этот вопрос мы уже раньше обсуждали с форин офис, я хочу сделать несколько замечаний. При обсуждении торгового баланса с СССР так называемый невидимый экспорт из Англии играет значительно большую роль, чем в торговле с другими странами. Около 18 месяцев тому назад мы занимались этим вопросом, и подробная нота была послана в форин офис *. Хотя вычисление невидимого экспорта всегда затруднительно, однако сообщенные нами цифры не вызвали никаких возражений. Кроме того, при обсуждении торгового баланса с СССР обыкновенно не принимаются во внимание наши закупки в колониях и доминионах, которые достигают крупных цифр. Мы не отрицали, что в торговле с Англией у нас имеется некоторый активный баланс, но зато в нашей торговле с колониями и доминионами у нас баланс пассивный. Саймон сказал, что невидимый экспорт был принят во внимание при обсуждении торгового баланса; что касается пассивности нашей торговли с доминионами, он себе это отметит. Он сказал, что заинтересован в том, чтобы составить себе объективную картину англо-советской торговли. Тогда я сказал, что если он в этом заинтересован, то я могу сообщить ему те данные об англо-советской торговле, которые у нас имеются **. Саймон сказал, что он будет благодарен. По второму пункту я сказал, что Союзное правительство само учитывает экономическую

* Очевидно, имеется в виду справка полпредства СССР в Великобритании в МИД Великобритании от 13 марта 1931 г.; см. т. XIV, прим. 29.

** См. док. № 110.

выгодность для нас реализации стерлинговых остатков в Англии и со своей стороны принимает все меры к увеличению своих закупок в Англии. Как ему, вероятно, известно, в течение последних месяцев наши закупки в Англии, в особенности закупки машин, значительно увеличились. Но совершенно понятно, что наши закупки могут увеличиться только при улучшении условий кредита. В самое последнее время кредитные условия, наоборот, ухудшились.

В это время нас прервал секретарь, так как у Саймона было другое свидание. Саймон извинился, что должен окончить разговор, и еще раз сказал, что просит передать Союзному правительству три пункта, которые он мне изложил. Саймон добавил, что надеется встретиться в Женеве с Сокольниковым «на личной почве». Я сказал, что Сокольников будет сегодня в Берлине, откуда он выезжает в Женеву*.

Богомолов

Печат. по арх.

69. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с Министром Иностранных Дел Греции Михалакопулосом

5 февраля 1932 г.

Беседа состоялась в министерстве. Предметом ее явилось следующее: 1) проект соглашения между СССР и Грецией относительно обоюдного отказа от взаимных претензий; 2) взаимоотношения СССР и Греции; 3) вопрос о системе двусторонних пактов между государствами; 4) события на Дальнем Востоке и позиция СССР.

Проект соглашения об отказе от взаимных претензий. Полпред сообщил Михалакопулосу, что явился подробнее переговорить с ним по вопросу о проектируемом соглашении между СССР и Грецией об отказе от взаимных претензий. Вчера в полпредстве он имел уже беседу по этому поводу с зам. генерального директора МИД Росетти, явившимся к полпреду по поручению министра⁴⁶. При этом выяснилась необходимость личными переговорами с министром уточнить позицию, занимаемую последним в упомянутом вопросе.

Михалакопулос заявил, что к вопросу о предполагаемом соглашении он подходит с чисто реалистической точки зрения. Он констатирует, что как Греция, так и СССР, очевидно, заинтересованы в заключении соглашения. Некоторое расхож-

* См. также док. № 88, 96.

дение между МИД и НКВД имеется лишь по вопросу о предлагаемой Михалакопулосом оговорке, аналогичной с содержанием ст. 2 русско-германского Рапалльского договора 1922 г. Конечно, зная принципиальную позицию, занимаемую Советским правительством в вопросе о международных долгах, Михалакопулос убежден, что удовлетворение правительством СССР долговых претензий какой бы то ни было иностранной державы представляется слишком маловероятным. Поэтому в его глазах предлагаемая министром оговорка имеет чисто принципиальное, а не практическое значение. Однако министр твердо убежден, что ему не удалось бы провести через парламент ратификацию предполагаемого соглашения между СССР и Грецией, если бы при этом не зафиксирована была где бы то ни было упомянутая оговорка. Общественное мнение и депутаты парламента не пошли бы на соглашение без указанной оговорки, ибо оно создало бы Греции менее благоприятное положение, чем другой державе, в вопросе о ликвидации взаимных претензий между ею и СССР.

Полпред возразил, что, по его мнению, общественное мнение и парламент не могли бы не учесть особо благоприятного положения, создающегося для Греции в результате проектируемого соглашения. Последнее заключается на основе известного неравенства между СССР и Грецией. Мало того что обе стороны отказываются от взаимных претензий — как государственного, так и частного порядка. Помимо этого, Советское правительство предоставляет Греции возможность получить из французского банка несколько миллионов франков золотом, депонированных ею в погашение займа 1832/33 г.⁴⁷, и избавляет греческое правительство от необходимости уплачивать в дальнейшем по этому займу не менее 300 тыс. франков золотом ежегодно. При таких условиях никто не может сказать, что Греция, заключая данное соглашение, оказывается в менее благоприятном положении, нежели другие страны. Что касается самого СССР, то он не только ничего материально осязательного не приобретает от этого соглашения, но и отказывается от весьма значительных претензий, которые мог бы предъявить Греции.

Михалакопулос ответил, что он не отрицает указанной полпредом особенности проектируемого соглашения между СССР и Грецией. Однако, по его убеждению, денежные суммы, которые Греция должна получить из французского банка, едва ли будут столь значительны. Министр уверен, что со стороны французского банка еще встретятся всяческие затруднения при выдаче этой суммы.

Полпред выразил удивление, недоумевая, как мог бы французский банк воспрепятствовать получению греческим правительством бесспорно принадлежащих Греции сумм, в

особенности когда французское правительство определенно обещало греческому посланнику Политису передать греческому правительству деньги, депонированные Грецией во французском банке в качестве платежей по займу 1832/33 года.

Михалакопулос пояснил, что спор может возникнуть о том, в какой денежной единице должна быть выплачена указанная сумма. Греция вносила в банк золотыми франками. Теперь французский банк, наверное, пожелает выдать причитающуюся Греции сумму в бумажных франках, что составит около $\frac{1}{5}$ части того, что уплачено было Грецией.

Полпред возразил, что опасения министра едва ли оправдываются теми дружественными отношениями, которые существуют между Грецией и Францией. Как сам министр, так и руководящая пресса Греции постоянно отмечают стремление французского правительства идти навстречу интересам и нуждам Греции. При таких условиях отказ французского банка вернуть Греции то, что ею было внесено в его кассу, представляется слишком маловероятным. Во всяком случае, если бы недостаточная лояльность французского банка и свела до минимума те выгоды, которые предоставляются Греции ее соглашением с СССР, то последнее тем не менее отнюдь не утратило бы того особого характера, который отмечен был полпредом. Другими словами, это соглашение осталось бы исключительно благоприятным для Греции, не только освобождающей от претензий со стороны СССР, но и получающей от него значительные суммы.

Михалакопулос ответил, что он весьма желал бы всемерно облегчить предполагаемое соглашение. Для этого он готов предложить следующее. Пусть текст соглашения, подлежащий ратификации и опубликованию, не содержит оговорок, против которой возражает НКВД. Министр удовлетворился бы, если бы эта оговорка была фиксирована в секретном порядке, например, в форме письма, которым полпредство обменялось бы с МИД при подписании соглашения. Министр обязуется не предавать гласности это письмо и не сообщать о нем парламенту.

Полпред осведомился у министра, предполагает ли он информировать об упомянутом обмене секретными письмами парламентскую комиссию по иностранным делам, которая будет рассматривать соглашение перед обсуждением его в парламенте?

Михалакопулос ответил, что отнюдь не обязан докладывать об этом парламентской комиссии по иностранным делам. Имеется другой орган при МИД, гораздо более ответственный и закрытый для гласности. Это — комиссия под председательством Венизелоса, с участием бывших председателей совета министров, бывших министров и лидеров парламент-

ских партий. Перед этим органом у министра не может быть тайн. Однако все вопросы обсуждаются в нем в обстановке строжайшей конфиденциальности.

Полпред заявил министру, что, во всяком случае, с удовлетворением констатирует стремление греческого правительства найти почву для предполагаемого соглашения. Однако он отнюдь не уверен, что предложенный министром компромисс окажется приемлемым для НКИД. Принципиальные директивы, полученные полпредом по этому вопросу, совершенно категорически отвергают предлагаемую министром оговорку. Полпред не замедлит передать НКИД содержание своей нынешней беседы с министром. Однако нарком в данный момент находится в Женеве. Туда выезжает и сам Михалакопулос. Быть может, ему представится случай встретиться там с т. Литвиновым?

Михалакопулос осведомился у полпреда, настолько ли значителен данный вопрос, чтобы занимать им внимание т. Литвинова? *

Взаимоотношения СССР с Грецией. Полпред ответил, что предоставляет самому министру судить, насколько интересует греческое правительство вопрос о соглашении с СССР об отказе от взаимных претензий. С точки зрения самого полпреда, такое соглашение представлялось бы известным шагом вперед в развитии дружественных взаимоотношений между СССР и Грецией. До сих пор эти взаимоотношения складывались весьма благоприятно в области преимущественно экономической. Предполагаемое соглашение об отказе от взаимных претензий имело бы характер обоюдодружественного политического акта. Последний был бы тем более естественным, что между СССР и Грецией не существует никаких серьезных разногласий. Кроме того, у обоих государств имеются общие друзья на Ближнем Востоке. Министру же слишком хорошо известно, что основой внешней политики Турции является теснейшее и все упрочивающееся сотрудничество с СССР.

Министр ответил, что дружба Греции с Турцией действительно является одним из важнейших факторов, определяющих всю внешнюю политику греческого правительства. Само собой разумеется, что логически эта дружба налагает на Грецию вполне определенные обязательства и в отношении СССР. Однако греческое правительство стремится нормализовать и упрочить свои взаимоотношения в первую очередь с теми странами, с которыми Греция находилась в то или иное время в войне. При этом греческое правительство избегает

* См. также док. № 92, 188.

множественных соглашений. Такова, например, позиция его в вопросе о трипартитном греко-турецко-болгарском договоре. Подобный договор мог бы возбудить опасения ближайших соседей Греции, как Югославия.

Система двусторонних пактов. Полпред возразил Михалакопулосу, что Советское правительство, как всем известно, всегда являлось сторонником билатеральных пактов. С полным основанием оно считает себя инициатором и проводником именно этой системы. Более решительно, чем все другие правительства, оно высказывалось против создания каких бы то ни было политических группировок, усматривая в них прямую опасность для общего мира. Что касается двусторонних пактов, то Советское правительство готово заключить их с кем угодно, не исключая государств, с которыми не имеет нормальных дипломатических отношений. Примером могут служить переговоры между СССР и Румынией по вопросу о заключении пакта о ненападении*.

Михалакопулос ответил, что считает совершенно правильной такую позицию Советского правительства, и уверен, что заключение пактов двустороннего характера между СССР и такими его соседями, как Польша, Румыния, Финляндия и пр., является важнейшим условием, обеспечивающим мир в восточной части Европы.

События на Дальнем Востоке. Михалакопулос осведомился, каковы результаты сделанного со стороны Советского правительства предложения Япония заключить пакт о ненападении?

Полпред ответил, что, к сожалению, японское правительство занимает в данном вопросе недостаточно ясную позицию. Заверяя о своем твердом намерении ничем не нарушать интересов и прав СССР на Дальнем Востоке, оно тем не менее уклоняется от прямого ответа на сделанное ему Союзом предложение** и своими действиями в Маньчжурии вызывает серьезные опасения Советского правительства.

Михалакопулос поинтересовался, верны ли сведения, что японцы оккупировали некоторую часть Восточно-Китайской железной дороги и предлагают Союзу материально возместить ущерб, причиненный ему этой оккупацией?

Полпред ответил, что, по его сведениям, японское военное командование добивалось лишь возможности перевезти войска по Восточно-Китайской железной дороге к Харбину и предлагало Советскому правительству уплатить за такую перевозку. На этой почве возникли некоторые конфликты с же-

* См. док. № 41.

** См. т. XIV, док. № 401.

железнодорожными властями, и замнаркоминдел т. Карахан вынужден был обратить внимание японского посла в Москве на недопустимые действия японских военных властей.

Министр заметил, что надо надеяться на благоразумие японцев, которые, вероятно, воздержатся от слишком далеко идущих действий в Китае и Маньчжурии. К сожалению, приходится констатировать, что некоторая часть французской и английской печати достаточно недвусмысленно поддерживает японцев против Китая.

Потемкин

Печат. по арх.

70. Письмо Генерального консула СССР в Харбине Генеральному консулу Японии в Харбине Охаси

5 февраля 1932 г.

Господин Генеральный консул,

Настоящим имею честь довести до Вашего сведения, что с момента занятия японскими войсками станции Куаньчэнцзы и движения по южной линии КВЖД был отмечен ряд случаев насильственных действий со стороны японских воинских чинов в отношении граждан СССР. Имевшие место подобные случаи до 2 сего февраля, которые могли мне стать известными, мною сообщены Народному Комиссариату Иностранных Дел СССР⁴⁹.

Настоящим имею честь довести до Вашего сведения о фактах, имевших место за последние два дня, которые мне стали известны. Так:

1. 3 февраля, по сообщению со станции Уцзя, японскими солдатами в ночь с 3 на 4 сего месяца заняты квартиры железнодорожных служащих, часть которых является гражданами Союза.

2. Такой же факт имел место на станции Югович в ночь с 4 на 5 сего месяца.

3. На станции Шуанчэнпу при встрече поезда № 54, находясь при исполнении своих служебных обязанностей, дежурный по станции, гражданин СССР Деркач, и стрелочник, гражданин СССР Краснопеев, были обстреляны японскими патрулями.

Доводя об этом до Вашего сведения, пользуюсь случаем, чтобы выразить Вам, господин Генеральный консул, свое уважение*.

Славущкий

Печат. по арх.

* См. также док. № 151, 152.

71. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Министром Иностранных Дел Турции Тевфиком Рюштю *

7 февраля 1932 г.

Я встретил Тевфика Рюштю поздравлениями по поводу его успешной поездки в Персию.

Он ответил на это, что это не его успех, а наш общий успех, причем успеху его миссии способствовала та подготовка, которая была проведена нами. Он особенно подчеркнул эффект моей телеграммы, в которой я желал ему успеха в соседней и дружественной Персии⁴⁹. Он широко использовал эту телеграмму в Персии. Рюштю заявил, что в настроениях персов в отношении Турции и в отношении нас произошла громадная перемена. Персы были настроены пессимистически и никоим образом не ожидали, что приезд Рюштю может привести к полному разрешению пограничного спора. Рюштю имел возможность видаться с Реза-шахом, говорил с ним по всем практическим вопросам переговоров и, по его мнению, сделал многое для того, чтобы изменить настроения персов в отношении нас. Рюштю старался внушить персам две основные мысли. Первая заключалась в том, что персы, если они действительно хотят иметь с СССР такие же тесные отношения, какие существуют между СССР и Турцией, должны с большим доверием относиться к СССР и быть смелее в своих попытках углубить отношения. Рюштю говорил персам о том, что настоящие взаимоотношения между Турцией и СССР достигнуты ценой взаимных уступок, ценой взаимного самопожертвования. Вторая мысль, которую Рюштю развивал перед персами, состояла в том, что персы не должны стремиться к использованию антагонизма между СССР и Великобританией. Рюштю прямо заявлял, что эта политика может быть губительной для Персии. Общее впечатление относительно персидских настроений у Рюштю таково, что шах теперь яснее представляет себе выгоды от взаимоотношений с СССР и что Теймурташ после первой поездки в СССР ** «полностью привлечен на нашу сторону». Эта обстановка, по мнению Рюштю, является крайне благоприятной для разрешения пограничных вопросов между СССР и Персией.

Рюштю выступил с предложением принять за базу для разрешения советско-персидских пограничных вопросов гра-

* Тевфик Рюштю остановился в Москве проездом в Женеву на Конференцию по разоружению.

** См. док. № 21.

нию 1914 г. с обязательным условием такого порядка: если стороны имеют необходимость в изменении границы, то такое должно быть произведено на основе компенсации. Это предложение Рюштю якобы сделал персам и теперь делает нам.

На это я ответил, что эта формула включает некоторые трудности, поскольку наша позиция предусматривает сохранение статус-кво, и, кроме того, мы имеем определение границы по договору 1921 г.* Я сообщил, что нам удалось договориться с Теймурташем о возможности сохранения статус-кво по всей границе, за исключением Муганской степи. Здесь персы хотят получить кусок территории, на уступку которого мы не можем пойти. С точки зрения формальной мы считаем, что персы и так в этом районе значительно выдвинулись вперед, по существу же мы не можем уступить района, в котором имеются каналы, необходимые для хлопковых полей, которые предусмотрены в нашем пятилетнем плане.

Рюштю ответил на это, что он по опыту знает, что лучше было бы исходить из границы 1914 г., так как это дает большие перспективы и, несомненно, облегчит практическое разрешение вопроса.

На это я ответил, что его мысль содержит кое-какие интересные моменты, которые можно будет использовать при переговорах с персами. Я сообщил ему также, что мы твердо решили заняться пограничными делами с Персией и постараться разрешить их.

Рюштю сообщил, что он готов детально рассказать мне с показом на карте содержание турецко-персидского соглашения, в котором он максимально старался пойти навстречу персам, демонстрируя добрую волю Турции и стараясь уничтожить опасения персов. В частности, он сказал, что сделал некоторую уступку в вопросе о Катуре, который является единственным пунктом, действительно важным с военной точки зрения. Свое пребывание в Тегеране Рюштю использовал для того, чтобы ознакомиться с положением других границ Персии, в том числе и южной границы. Он обещал проинформировать меня и по этим вопросам. Относительно [ирано-]афганской границы он сказал, что граница эта по существу неразграничима. Затем он расспрашивал меня относительно положения в Женеве, сообщив, что т. Крестинский уже вкратце информировал его.

Я сообщил ему содержание телеграммы т. Литвинова о результатах выборов в президиум⁵⁹.

Рюштю заявил, что он весьма доволен тем, что его канди-

* См. т. III, док. № 395.

датура была выдвинута и стараниями т. Литвинова, чтобы обеспечить его избрание. Количество голосов, поданных за т. Литвинова и за него самого, он считает весьма показательным. Рюштю заявил, что весьма доволен количеством собранных голосов, поскольку «нас в Европе не любят». Из результатов голосования он делает вывод, что «положение меняется, что мы укрепляем наши позиции». Затем он подробно расспрашивал меня о положении в Китае.

Я сообщил ему, что мы считаемся с возможностью провокации со стороны японской военной клики и что самым опасным в настоящем положении может явиться сговор между Японией и другими странами на основе раздела Китая, так как это развязало бы руки Японии в Маньчжурии и против нас.

Рюштю заявил, что он считает весьма правильной нашу политику максимального хладнокровия и выдержки. Он считает, что в настоящих условиях, прежде всего, необходимо «сохранять силу».

Рюштю рассказал мне о том, что в беседе с японским послом в Турции он всячески советовал японцам сохранять хорошие отношения с нами, настаивал на необходимости твердого правительства в Японии и предостерегал японцев в том смысле, что конфликт с СССР при бесконечных ресурсах последнего рано или поздно приведет к непредвиденным и тяжелым для Японии последствиям.

В заключение Рюштю сообщил, что он весьма рад, что не поехал в Багдад и имел возможность лишний раз посетить Москву.

Қарахан

Печат. по арх.

72. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Финляндии И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

8 февраля 1932 г.

Польский и эстонский посланники в Финляндии уверяют, что они получили от финского правительства обещание не ратифицировать пакт *, пока не будет ратифицирован польско-советский пакт **. Ирве-Коскинен в известном Вам заявлении

* См. док. № 32.

** Советско-польский пакт был парафирован 25 января и подписан 25 июля 1932 г.; см. док. № 300.

для печати* ставил ратификацию в зависимость только от подписания пакта другими лимитрофами, причем ясно давал понять, что Румыния не входит в число этих других.

Полпред

Печат. по арх.

73. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Литве М. А. Карского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
8 февраля 1932 г.*

По сведениям германской миссии, немцы пытаются поставить мемельский вопрос⁵¹ на чрезвычайной сессии Совета Лиги наций. В самом Мемеле положение литовцев укрепляется. Они перехватили письмо, адресованное Бетхером** сыну, которого Бетхер просил выяснить в немецком консульстве, следует ли ему подавать в отставку. Мемельские националисты, германский консул и Морат***, испугавшись развития событий, бьют отбой. Они опасаются роспуска сеймика и новых выборов и поэтому склонны к уступкам. Бетхер, по-видимому, сегодня подаст прошение об отставке, и немецкая фракция выдвинет новую кандидатуру председателя директории. Однако Меркис**** уже требует предварительно согласования программы будущей директории. В настоящий момент весь вопрос зависит от того, будет ли политика уступок, предлагаемая Моратом, санкционирована Берлином. На основании информации Мората подтверждается сообщение Тубялиса*****⁵², что литовцы заручились предварительно поддержкой или по крайней мере обещанием молчаливого попустительства некоторых сигнаторов.

Полпред

Печат. по арх.

* См. газ. «Известия» № 25(4592), 26 января 1932 г.

** Председатель директории. В некоторых изданиях пишется Бэтчер; см., в частности, кн. «Сборники документов по международной политике и международному праву», вып. IV, М., 1933, стр. 152.

*** Посланник Германии в Литве.

**** Губернатор Мемеля.

***** Премьер-министр Литвы.

**74. Телеграмма члена Коллегии Народного Комиссариата
Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю
СССР в Литве М. А. Карскому**

9 февраля 1932 г.

В самом дружеском порядке сообщите Зауниусу *, что мы обеспокоены мемельскими событиями **, опасаемся, чтобы они не повлекли серьезного и длительного обострения отношений между Литвой и Германией и ухудшения международного положения Литвы, и считаем своим дружеским долгом рекомендовать литовскому правительству осторожность и умеренность. Укажите, что имеются уже сведения, что Польша стремится раздуть это дело и использовать его для ослабления международных позиций Литвы. Имеется также опасность, что великие державы и Лига наций могут использовать это дело и литовские интересы как разменную монету в каких-нибудь переговорах или счетах с Германией. Подчеркните, что обращаемся лишь в интересах Литвы и нашей дружбы с нею ⁵². Постарайтесь придать Вашему демаршу подчеркнуто дружеский характер ***.

Стомоняков

Печат. по арх.

**75. Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова
на пленарном заседании Конференции по сокращению и
ограничению вооружений**

11 февраля 1932 г.

Народы ждут разоружения ****

Председатель и некоторые предыдущие ораторы отмечали, что настоящая конференция не имеет прецедентов в истории человечества. Я не думаю, чтобы кто-либо мог не согласиться с этим. Конференция не имеет прецедентов не столько по количеству представленных на ней государств, но главным образом по огромности тех запросов, которые предъявляет ей человечество, и по важности последствий, которые может иметь тот или иной ее исход.

Созыв данной конференции является результатом длительной, по нашему мнению чрезмерно длительной, подготови-

* Министр иностранных дел Литвы.

** См. док. № 73.

*** См. также док. № 103, 107, 217, 233, 382.

**** Подзаголовки этой речи, а также выступления М. М. Литвинова на Генеральной комиссии (см. док. № 90, 158, 172, 258, 294) даны газ. «Известия».

тельной работы. Но эта подготовительная стадия исчерпана. Нынешняя конференция стоит лицом к лицу с задачей разоружения, которая должна получить практическое решение без дальнейших отсрочек и проволочек, без уклонения в сторону изучения новых и новых предварительных вопросов.

Основы нынешней конференции были заложены во время мировой войны, также не имевшей precedентов в истории как по своим размерам, так и по своим последствиям. Впервые в войну были вовлечены миллионы и десятки миллионов людей, а в некоторых странах чуть ли не поголовно все мужское население, — и это при резко изменившемся соотношении классовых сил и социально-политических факторов.

Уже во время самой войны раздавались громкие протесты против нее, раздавался лозунг «Война — войне». Сама война могла продолжаться, и миллионы жертв вовлечены в нее благодаря лозунгу, согласно которому эта война должна была быть последней войной. Несмотря на то что мировая война 1914—1918 гг. была названа «последней войной», вся послевоенная история международных отношений характеризуется непрерывным, систематическим ростом вооруженных сил капиталистических государств и гигантским увеличением общего бремени милитаризма.

Самое возникновение Лиги наций и 8-й статьи * ее Устава, на которую ссылались предыдущие ораторы, являлось не чем иным, как слабой данью народным требованиям о выполнении данных правительствам обещаний относительно «последней войны», требованиям широких трудящихся масс, окрепших и просветленных, принявших непосредственное участие в политической жизни. Последовавшие за войной годы всеобщего опустошения, годы залечивания ран, нанесенных всем участникам войны как победивших, так и побежденных стран, усилили требования о прекращении войн. Эти требования, по мнению советской делегации, не могут быть удовлетворены стабилизацией или незначительными сокращениями вооружений или сбережениями в бюджетах, а лишь изыскиванием средств по уничтожению института войны.

Линия СССР — линия мира

Советское правительство участвует в этой конференции не в силу каких-либо формальных обязательств и не в силу чего-либо навязанного ему извне. С первых дней своего существования оно не только на словах, но и на деле осудило войну в качестве орудия национальной политики, высказалось

* См. т. XII, прим. 62.

против всяких контрибуций и территориальных аннексий, против угнетения одних народов другими и провозгласило лозунг самоопределения народов. С тех пор оно в своей собственной политике строго и последовательно проводит линию мирного лояльного сотрудничества с другими народами. Исключив войну как орудие национальной политики, оно, естественно, не видело и не видит надобности в содержании армий и других вооруженных сил и, явившись впервые на Международную конференцию в Генуе, 10 лет тому назад, предложило полное и всеобщее разоружение, как единственное средство по уничтожению войны. Это предложение оно повторило, как только оно было приглашено к участию в работах Подготовительной комиссии по разоружению*.

Делая это предложение, мое правительство учитывало не только настроение собственных народов, но и требования и призывы народов всего мира.

Выдвигая это предложение, советская делегация на Подготовительной комиссии настаивала на скорейшем его осуществлении. Делегация указывала при этом на надвигающуюся опасность новых войн и доказывала, что единственным средством для предотвращения этой опасности при существующем в большинстве стран строе является лишь полное разоружение, что никакие договоры, пакты, протоколы и международные организации не могут создавать действительную безопасность для отдельных народов. Нам в комиссии возражали. Наши указания на возможность новой скорой войны высмеивались. Нас обвиняли в чрезмерном пессимизме и в преувеличении опасности. Нам говорили, что нужна «безопасность» и что эта безопасность достигается системой договоров, протоколов и других международных обязательств, разрабатываемых Лигой наций, и что нет необходимости спешить с разоружением.

Под грохот пушек

Прошло всего несколько лет со времени этого спора, и что же мы видим? Конференция по разоружению должна была открыться под грохот пушек и взрывающихся авиационных бомб. Два государства, связанные между собой пактом Лиги наций и Парижским договором 1928 года, находятся уже 5 месяцев в состоянии войны, если не де-юре, то де-факто. Война еще не зарегистрирована и не засвидетельствована у нотариуса, но огромные провинции одного из этих государств оккупированы многочисленными войсками другого государства,

* См. соответственно т. V, док. № 108; т. X, док. № 272 и т. XI, док. № 45.

а между регулярными войсками обеих стран происходят сражения с участием всех родов оружия, с тысячами убитых и раненых. Это происходит пока еще вдали от Женевы, вдали от Европы, но где тот оптимист, который может добросовестно утверждать, что начатые военные действия ограничатся только двумя странами или одним только материком?

Где тот оптимист, который осмелится уверять нас, что события на Дальнем Востоке не могут стать началом новой войны, которая по своей распространенности, своему охвату и своим ужасам благодаря новым техническим усовершенствованиям не затмит печальной славы последней войны? Разъединенных политически и экономически материков в наше время нет. Есть страны, расположенные на нескольких материках. В самой Европе вряд ли найдется много пар соседей, которые не имели бы между собой серьезнейших территориальных счетов. Протяженность границ, законность которых оспаривается, теперь значительно больше, чем во время возникновения последней войны. Какие у нас гарантии, что все эти счета не будут брошены в общий кипящий котел, если хотя бы одно из европейских государств будет втянуто в войну? Допустим, что всего этого не случится, что пожар на Дальнем Востоке будет локализован или потушен. Может ли быть у нас уверенность в том, что такие же пожары не возникнут в других углах земного шара? Что может этому помешать? Международные организации и пакты? Но мы видим, что они не смогли ни предотвратить, ни приостановить военных действий на Дальнем Востоке со всеми вытекающими отсюда последствиями. Общественное мнение? Оно еще более бессильно. Да и что такое общественное мнение? Когда и где оно было едино и служило единой цели? Общественное мнение, находящее свое выражение в печати или общественных организациях, служит разным интересам, многообразным интересам разных стран, а внутри этих стран — интересам отдельных капиталистических групп, отдельных предприятий и даже отдельных лиц. Разве происходящие на наших глазах на Дальнем Востоке насильственные действия не нашли даже вне непосредственно заинтересованных стран своих защитников и своих подстрекателей?

Разве не было за последнее время в европейской и американской прессе статей, указывавших на необходимость и выгоду дальнейшего распространения дальневосточного пожара, указывавших на войну как на выход из нынешнего кризиса, из того самого кризиса, остроту которого невозможно не объяснить последней войной и ее последствиями?

Не может воспрепятствовать возникновению новых войн и ограничение вооружений. Все государства в настоящее время достаточно насыщены оружием, и оружием достаточно отто-

ченным, достаточно разрушительным, чтобы вести войну, по сравнению с которой мировая война должна будет считаться детской игрушкой. Также мало гарантирует нас от войны и сокращение вооружений, в особенности если это сокращение не будет весьма существенным и не будет произведено сознательно с таким расчетом, чтобы войну затруднить.

Нам нужна безопасность от войны

Я должен еще раз повторить, что для советской делегации, исходящей из требований народных масс, из тех требований, которыми была обусловлена вся подготовительная работа конференции и которыми вызвана к жизни сама конференция, а также из потребностей, диктуемых условиями настоящего момента,— проблема, стоящая перед конференцией, может быть выражена кратко в словах: безопасность от войны. Этим наша концепция безопасности отличается от концепций других делегаций. Говоря о безопасности, многие здесь имеют в виду обеспечить тому или иному государству, подвергнутому нападению, максимальные шансы выигрыша войны. Советская же делегация полагает, что мы должны стремиться к тому, чтобы сделать невозможной саму войну, ибо от нее страдают народные массы как выигравших, так и проигравших войну стран, более того, народные массы всего мира, как мы в этом убедились на примере последней войны.

Советская делегация раньше всего под этим углом зрения расценивает все предложения, которые делались в Подготовительной комиссии и которые будут сделаны здесь, на конференции. С этой меркой советская делегация позволит себе подойти и к французским предложениям⁵³, заслуживающим большего, чем случайных ссылок на них. Советская делегация таким образом в знак уважения откликается на приглашение французской делегации о критике и обсуждении ее предложений.

Предложения Франции ничего общего не имеют с разоружением

Необходимо отметить раньше всего, что с точки зрения сокращения вооружений французские предложения вряд ли приближают нас к цели, поскольку они являются предварительными условиями какого бы то ни было сокращения вооружений со стороны Франции. Обсуждение этих условий фактически превратило бы настоящую конференцию в подготовительную к будущей конференции по разоружению, которая потребовала бы, может быть, не меньше времени, чем Подготовительная комиссия. Необходимо иметь в виду, что предло-

жения эти являются дальнейшим развитием и конкретизацией идеи так называемого Женевского протокола *, которая стоит перед Лигой наций уже в течение 7 лет, которая вызвала много споров и до сих пор не нашла разрешения. У нас нет оснований полагать, что в своем крайнем развитии эта идея встретит больше единодушия, чем до сих пор. Речь может идти дальше о создании новой международной организации с весьма ответственной властью, следовательно, о создании нового устава и правил для распоряжения международной армией, для определения нападения — словом, о разворачивании множества вопросов, безрезультатно дебатировавшихся в течение десятилетия в недрах Лиги наций, с добавлением лишь новых и еще более сложных вопросов.

Достаточно напомнить, что до сих пор отсутствует, насколько мне известно, точное и всеми членами Лиги [наций] признанное истолкование 16-й ** и других статей Устава Лиги и правил их применения. Заняться этими вопросами при нынешнем обострении международных политических и экономических антагонизмов означало бы отойти назад от проблемы разоружения на многие, многие годы, если не десятилетия.

Но меня, однако, больше всего интересуют французские предложения с точки зрения их способности создать безопасность против войны.

В чем суть предложений французской делегации? Она предлагает создать новую армию, которая будет состоять из некоторого количества военных бомбовозов, разбросанных по разным странам или собранных в одном месте, а также из некоторого количества войск, резервированных в разных странах для особого назначения. Иначе говоря, будет создана некоторая армия, скажем, в несколько сот тысяч человек, надлежаще экипированная, которая должна будет присоединиться к силам того государства, которое будет признано подвергшимся нападению. Государство, собирающееся напасть на другое, должно будет заранее считаться не только с силами непосредственного противника, но и с силами, так сказать, союзной с ним армии, о которой я только что говорил. Значит ли это, что оно обязательно откажется от нападения? Отнюдь нет. Ведь союзы и союзные армии известны были истории и раньше, и они отнюдь никого не гарантировали от нападения. Многие государства в прошлом, замышляя войну, должны были заранее считаться, что им, может быть, придется иметь дело не с одним государством, а с несколькими, и это соображение отнюдь не останавливало их при осуществлении их замыслов. Они либо заранее обеспечивали себя самих союзни-

* См. т. VIII, прим. 79.

** См. т. VIII, прим. 28.

ками, либо заранее составляли программу своих вооружений с таким расчетом, чтобы противостоять всем возможным силам противной стороны. В данном случае нападающей стороне придется только учитывать заранее и силу международной армии.

Далее, эта международная армия по необходимости не может быть слишком велика. Даже ближайшие к конфликту страны вряд ли захотят или смогут, за исключением специальных случаев, мобилизовать большие силы для участия в войне, их непосредственно не касающейся, в особенности когда они сами имеют споры со страной, которой они призваны помогать.

Допустим, что сильное государство, могущее развернуть в военное время многомиллионную армию, нападает на государство, в несколько раз уступающее его силам. Совершенно очевидно, что несколько сот тысяч добавочных войск на стороне обороняющегося государства решающего значения иметь не смогут, и, таким образом, международная армия не только не предотвратит самого нападения, но даже не всегда обеспечит выигрыш войны обороняющейся стороне.

Международная армия — против кого?

Но это еще не все. Какие гарантии, что эта международная армия действительно будет пущена в ход, и притом своевременно, прежде чем слабейший участник конфликта не будет окончательно сокрушен? Какие гарантии, что нападающая сторона будет действительно найдена и найдена там, где она действительно находится? Эти вопросы отнюдь не праздные и отнюдь не теоретические, а подсказываются той реальной международной жизнью, которая нам всем знакома. Допустим, где-либо происходит вооруженный конфликт, безразлично — имеет ли он официальный штамп войны или нет. Необходимо раньше всего определить, где нападающая сторона, где обороняющаяся, есть ли нарушение международных договоров и обязательств, которыми обе стороны связаны, или нет. Задача эта в большинстве случаев отнюдь не сложна и не трудна. Если спросить не мудрствующего лукаво человека с улицы, то он вряд ли затруднится дать ответ на эти вопросы и ответит, вероятно, совершенно безошибочно. Но когда ответы приходится давать международным организациям и отдельным правительствам, то эти ответы не сразу находятся, и с призывами, увещаниями и угрозами приходится иногда обращаться одновременно к обеим сторонам. Я просил бы не искать в этом примере критики чьих-либо действий или подсказывания действий. Я беру этот пример только с целью аргументации и спрашиваю: какие у нас гарантии в том, что старая или новая международная организация, в распоряжении

которой будет находиться международная армия, сможет ли захотеть определить виновную сторону, чтобы дать ей почувствовать свою реальную власть? Не сможет же она в самом деле бомбардировать одновременно обе воюющие стороны, чтобы таким путем ударить по нападающей стороне. Какие, я спрашиваю, имеются гарантии, что новая или старая международная организация с увеличенной реальной силой действительно сможет и захочет использовать эту силу для защиты слабейшего, для защиты обороняющегося от нападающей стороны?

Здесь говорилось о национальном эгоизме, препятствующем интернациональной акции. Очевидно, этот эгоизм проявляется не только в решениях отдельных правительств, а проливается себе путь также через предложения и решения представителей правительств в международных организациях, парализуя их деятельность или давая ей нежелательное направление. Если такие случаи были в прошлом, то какие гарантии, что их не будет и дальше? Более того, какие гарантии, что при наличии такого эгоизма международная армия не будет использована в интересах того или иного государства, которое обеспечит себе руководящее положение в международной организации сепаратными союзами, антантами, соглашениями? Во французском предложении о запрещении таких союзов ничего не говорится.

Мне скажут, что чем сильнее и реальнее средства давления, имеющиеся в распоряжении международной организации, тем решительнее она будет действовать. Я позволю себе в этом усомниться. Если представленные в такой организации государства, не желая портить свои отношения с нападающей стороной и вообще по национально-эгоистическим соображениям не решаются пускать в ход для предотвращения и приостановления конфликтов слабые средства давления, то тем больше они будут колебаться применять такие сильные средства, как посылку собственных армий. А если это так, то можно ли ожидать, что государства проникнутся необходимым доверием к международным организациям, к их беспристрастию, чтобы доверить им свою безопасность и предоставить в их распоряжение свои национальные войска?

Вопрос о международной армии возникал и обсуждался 13 лет тому назад, если не ошибаюсь, при выработке Статута Лиги наций, и решен отрицательно. А тогда ведь вера в международные организации была сильнее, чем теперь. А что касается международных противоречий и национального эгоизма, то всего этого за 13 лет как будто не убавилось. Достаточно окинуть взглядом все то, что происходит в области международных экономических отношений. Я оставлю в стороне вопрос о том, насколько можно ожидать от Советского государства, чтобы оно доверило свою безопасность и часть своих

собственных войск международной организации, состоящей в подавляющем большинстве из государств, явно враждебных ему и из враждебности не поддерживающих с ним никаких отношений. Можно скорее ожидать, что рабочие и крестьяне Советского Союза усмотрят в создании международной армии в этих условиях угрозу своему государству.

Я должен открыто и прямо сказать, не скрываясь за условные любезности, что таким образом с точки зрения безопасности от войны, а следовательно, безопасности государств французские предложения вызывают у нас большие сомнения, и тем больше советская делегация укрепляется в убеждении, что единственным верным и безошибочным путем к разрешению проблемы организации мира, проблемы предотвращения войны, проблемы обеспечения безопасности для всех народов является путь, рекомендуемый ею, путь всеобщего полного разоружения.

Кто за мир, кто против мира

Было бы, однако, неправильно отсюда заключить, что советская делегация отрицает всякое значение и пользу всяких иных средств укрепления мира, кроме полного разоружения. Свою готовность к международному сотрудничеству Советское правительство доказало своим участием в ряде международных конгрессов и организаций и предложениями, которые оно там вносило.

Не умаляем мы также значения международных мирных соглашений и обязательств. Мое правительство в свое время присоединилось к Парижскому договору 1928 г. и даже ввело его в действие с соседними государствами раньше инициаторов договора *. Мое правительство само практикует заключение двусторонних пактов о ненападении, имеющих гораздо большее значение, чем многосторонние или универсальные договоры. Оно предложило и предлагает пакты о ненападении решительно всем государствам. Эти пакты хороши уже тем, что они являются отличным средством выявления мирных или иных настроений других государств. Когда предложение о пакте, делаемое нами другому государству, немедленно принимается и осуществляется, мы констатируем известное спокойствие во взаимоотношениях с этим государством. Когда это предложение не сразу принимается, а обсуждается годами и после постановки под пактом первой буквы подписи наступает длительное раздумье и добавление остальных букв подписи откладывается, то чувство спокойствия, естественно, убавляется. Но еще более серьезные сомнения в их мирных на-

* См. т. XI, док. № 298; т. XII, док. № 38.

роениях вызывают те государства, которые предложение о заключении пакта под тем или иным предлогом или без всякого предлога совершенно отклоняют. Таким образом, в деле выявления мирных или враждебных намерений тех или иных государств роль международных пактов не может быть отрицаема. Необходимо также признать, что заключенные пакты ненападения усиливают вину нападающего, но все же не могут считаться абсолютной гарантией против нападения, не могут считаться средством, исключающим войну. Единственной чувствительной гарантией против войны и ее опустошительных последствий при нынешних обстоятельствах мое правительство считает только скорейшее полное и всеобщее разоружение.

Советская делегация внесла в Подготовительную комиссию свыше четырех лет тому назад проект конвенции о полном разоружении, предложив осуществить это разоружение в течение 4 лет *. Может ли кто-нибудь отрицать, что, если бы это предложение было принято, нынешние дальневосточные события не могли бы иметь места, не было бы угрозы новой мировой войны и переживаемый всем миром экономический кризис наверное не имел бы своей нынешней остроты?

Выгоды всеобщего разоружения

План полного и всеобщего разоружения выгодно отличается от других схем своей простотой, легкой осуществимостью и легкостью контроля над его осуществлением. План полного разоружения устраняет все эти трудные тернистые вопросы, которые обуславливали затяжной характер работы Подготовительной комиссии, обуславливают безрезультатность множества международных совещаний и конференций, созывавшихся за последние годы в разных столицах в связи с разоружением, обуславливают те мрачные предсказания, которыми встречена нынешняя конференция. Только при полном разоружении может быть достигнута одинаковая безопасность и равенство условий для всех стран. А что касается контроля, то совершенно очевидно, что легче уличить государство, которое вопреки международной конвенции строит танки, пушки, пулеметы и бомбовозы, чем заметить увеличивающееся количество этих орудий на некоторый процент против установленного конвенцией. Легче уличить государство, вопреки запрещениям, обучающее население стрельбе из пулеметов и пушек или бомбометанию, чем заметить, что оно увеличит состав своей армии на некоторый процент против установленного уровня.

* См. т. XI, док. № 45.

Но советская делегация приехала сюда отнюдь не для того, чтобы сделать вам вновь предложение о полном и всеобщем разоружении или чтобы заявить: либо полное разоружение, либо никакого. Мы не питаем никаких иллюзий относительно судьбы нашего предложения. Делегация согласна будет обсуждать любые предложения в направлении сокращения вооружений, и чем дальше это сокращение идет, тем охотнее советская делегация примет участие в работах конференции.

Хотя бы частичное сокращение вооружений

Считая проект конвенции, выработанный Подготовительной комиссией, совершенно недостаточным, советская делегация будет защищать здесь свой собственный проект частичного сокращения вооружений, который она рассматривает лишь как первый этап к полному разоружению.

Я позволю себе напомнить, что советская делегация на Подготовительной комиссии в своем втором проекте конвенции * предлагала полное уничтожение наиболее агрессивных типов вооружений, в том числе: 1) танков и сверхдальной артиллерии большой мощности; 2) кораблей свыше 10 тыс. тонн; 3) судовой артиллерии более 12 дюймов; 4) авианосцев; 5) военных дирижаблей; 6) тяжелых бомбардировочных самолетов, всех запасов авиационных бомб и других истребительных средств, сбрасываемых с воздушных судов, и 7) всех средств и приспособлений химического, огневого и бактериологического нападения.

Советская делегация предлагала полное воспрещение воздушных бомбардировок, а не только за пределами определенной зоны.

Советская делегация предлагала не только отказ от применения средств химической войны, но и от подготовки к ней в мирное время.

Все эти предложения сохраняют свою полную силу и для конференции.

Советская делегация настойчиво будет рекомендовать прогрессивно-пропорциональный как наиболее объективный и справедливый метод сокращения вооружений, с льготами и изъятиями в пользу слабейших стран, подверженных нападению. Она будет горячо поддерживать предложения, наиболее приближающиеся к ее собственным. Она будет поддерживать равноправие всех участников конференции и одинаковую безопасность всех государств, считая, что безопасность дается в первую очередь разоружением.

* См. т. XI, док. № 98.

В смысле безопасности представляемое мною государство находится в более угрожаемом положении, чем другие. Всего 14 лет тому назад, уже по окончании мировой войны, оно подверглось вооруженным нападениям на всех своих границах, блокаде, политическому и экономическому бойкоту. В течение 14 лет оно является предметом неслыханных клевет, измышлений и враждебных кампаний. До сих пор огромное количество государств, в том числе и одна из сильнейших морских держав, не скрывают своей враждебности к нему отказом от установления мирных и нормальных отношений, а многие из государств, имеющих с ним нормальные отношения, отказываются от заключения или утверждения предложенных им пактов о ненападении. Нынешние события на Дальнем Востоке, внушающие всеобщую тревогу, вызывают, естественно, особенное беспокойство в Советском Союзе, географически граничащем с театром этих событий, где оперируют огромные армии, где вооружается и группируется контрреволюционная, авантюристическая эмиграция. Несмотря на все это, я уполномочен здесь заявить о готовности представляемой мною страны разоружиться в такой же мере и с такой же быстротой, с какой согласится на это другие державы и в первую очередь непосредственно с ней граничащие.

Но прежде чем перейти к работе в области частичного разоружения, советская делегация считает своим долгом обратиться к конференции со следующим призывом: существующие между различными государствами политические и экономические противоречия, особенно усилившиеся после мировой войны и особенно углубляющиеся ныне благодаря мировому кризису, ведут неизбежно и быстро к новому вооруженному конфликту между народами. Этот конфликт благодаря новым усовершенствованным орудиям разрушения грозит человечеству неслыханными бедствиями и беспримерными опустошениями. Надвигающаяся опасность войны вызывает всеобщую тревогу и всеобщее недоверие. Эта тревога наряду с налоговым бременем, вызываемым содержанием государствами огромных вооруженных сил, питает и усиливает нынешний экономический кризис, давящий всей своей тяжестью главным образом на плечи трудящихся. При этих обстоятельствах задачей момента является не повторение попыток кое-какого сокращения вооружений или военных бюджетов, наталкивающегося к тому же при своем осуществлении на неимоверные трудности, а действительная организация мира путем создания безопасности против войны. Эта задача не осуществима иначе, как через скорейшее, полное и всеобщее разоружение. Советская делегация внесет резолюцию в этом смысле, убежденная в том, что каких-либо объективных препятствий к осуществлению всеобщего разоружения не будет, если к этому изъявят готов-

ность представленные здесь правительства. Со своей стороны советская делегация заявляет, что, поставив себе задачей построение социализма на территории Советского Союза, Советское правительство в момент успешного завершения первого пятилетнего плана, после огромнейших достижений во всех областях хозяйственного строительства, считает абсолютно доказанным и очевидным для всех, — в чем оно, впрочем, само никогда не сомневалось, — что для осуществления поставленной им себе задачи ему не требуется увеличение территорий, не требуется вмешательство в дела других государств, а потому оно не нуждалось бы ни в армии, ни во флоте, ни в военной авиации и ни в каких других вооруженных силах. Ему необходима, однако, уверенность в том, что и на территории Советского Союза никто не будет покушаться, и что в его внутренние дела другие государства вмешиваться не будут, и что его мирное хозяйственное строительство не будет нарушено извне.

Эту уверенность оно получит только тогда, когда и другие государства откажутся от своих вооруженных сил. Таким образом, имеется согласие на полное разоружение государства, занимающего шестую часть земного шара. Остальное зависит от ответа на это предложение остальных пяти шестых, представленных на этой конференции.

В обстановке переживаемого теперь всем миром невиданного экономического кризиса, который потрясает все здание капиталистической системы, народные массы, страдающие в небывалой ранее степени от безработицы и повсеместного снижения зарплат, стоящие перед угрозой дальнейших экономических потрясений, бремя которых господствующие классы охотно перелагают прежде всего на них, должны быть избавлены, насколько это возможно, от угрозы военной катастрофы, которая в ходе экономического кризиса становится все более и более реальной. Нужно создать безопасность от войны. Эта безопасность не может быть достигнута обходными путями, а исключительно прямым путем, через полный и всеобщий отказ от всяких вооружений. Этот лозунг не есть лозунг коммунистический.

Действительная гарантия мира — торжество социализма

Советская делегация знает, что высшей гарантней мира явится только полное торжество социалистических принципов, которое устранил причины, порождающие вооруженные конфликты. Но пока эти принципы торжествуют лишь на одной шестой земного шара, есть только одно средство организации

безопасности от войны — это полное и всеобщее разоружение. Доказательством его осуществимости является уже то, что оно предлагается государством, объединяющим свыше 160 миллионов человек. В утопию эта идея может быть превращена лишь отклонением ее остальными представленными здесь государствами.

Позволяем себе надеяться, что присутствующие здесь ответственные представители государств отнесутся к высказанной нами мысли со всей той серьезностью, какой заслуживает проблема обеспечения народам действительной безопасности от войны, действительного мира *.

Печат. по газ. «Известия»

№ 42 (4639), 12 февраля 1932 г.

Опубл. в сб. «Actes de la Conférence pour la

Réduction et la Limitation des Armements».

Série A. Vol. I, Genève, 1932, pp. 81—87.

76. Телеграмма Председателя советской делегации на Конференции по сокращению и ограничению вооружений в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

12 февраля 1932 г.

Поскольку положение на конференции по разоружению пока успело обрисоваться, Францию можно считать изолированной среди великих держав, из которых против ее предложений более или менее ясно высказались Англия, Америка, Италия и Германия. Япония, хотя и будет поддерживать саботаж разоружения, но отвергнет идею международной армии. Поддерживают Францию ее союзники. Во всяком случае ее предложения ** не имеют никаких шансов быть принятыми, а так как она этим обуславливает сокращение вооружений, то конференция в лучшем случае сойдется на стабилизации нынешних вооружений на основе проекта, выработанного Подготовительной комиссией ***. Считаю, однако, и это невероятным. В результате конференции сможет ограничиться некоторой гуманизацией, то есть запрещением некоторого рода оружия, бактериологической, газовой войны и т. д. Дней десять уйдет еще на декларации, а затем будет обсуждаться процедура, создаваться комиссия, что может затянуться до конца февраля.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. также док. № 59, 76, 82.

** См. док. № 75.

*** См. «Сборники документов по международной политике...», вып. I, М., 1932, стр. 10—39.

**77. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностран-
ных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР
в Персии В. М. Цукерману**

13 февраля 1932 г.

Немедленно поставьте перед персидским правительством вопрос о наших противосаранчовых работах в Персии в общем в том же масштабе, как и в прошлом году. Работы должны начаться во второй половине февраля. Сообщите персидскому правительству, что подробные сведения будут даны дополнительно⁵⁴.

Карахан

Печат. по арх.

78. Опровержение ТАСС слухов о секретном соглашении между СССР и Японией по поводу Маньчжурии

14 февраля 1932 г.

Из авторитетных кругов ТАСС сообщают, что слухи о секретном соглашении между Японией и СССР насчет Маньчжурии или по каким-либо другим вопросам⁵⁵ не соответствуют действительности и являются плодом явного недоразумения. Возможно, что эти вымышленные слухи имеют в виду предложение СССР о пакте о ненападении. Но авторитетные круги сообщают на этот счет, что от японского правительства до сих пор еще не получен ответ на предложение Советского правительства о пакте о ненападении, переданное в свое время т. Литвиновым г. Иосидзава *.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 44 (4611), 14 февраля 1932 г.*

79. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Геджасе, Неджде и присоединенных областях Г. А. Залкинда с Наместником Короля в Геджасе и Министром Иностраных Дел Геджаса, Неджда и присоединенных областей эмиром Фейсалом

16 февраля 1932 г.

Был принят эмиром. Я ему сказал, что хотел перед своим отъездом в СССР иметь с ним прощальную беседу. Я увожу с собой, сказал я, твердое убеждение, что нет никаких препятствий к тому, чтобы отношения между нашими странами еще более укрепились и приняли еще более дружественный

* См. т. XIV, док. № 401.

оборот. Однако одновременно я уволю с собой чувство, что правительство е. в-ва не уделяет в настоящее время должного внимания тому, чтобы создать прочную базу для наших дружественных отношений. Я уже указывал Фуаду Хамзе *, сказал я, что в то время, как отношения с другими государствами приобретают новое, более прочное основание, наши отношения остались на той же точке развития, на какой они находились, когда Ибн Сауд был признан Советским правительством. Эмир отвечал, что король и его правительство питают самые теплые дружественные чувства к Советскому правительству. Они весьма желают развития существующих отношений и их укрепления, и что он надеется, что в ближайшее время правительству удастся оформить наши отношения на дружественных началах.

На мой вопрос, имеет ли эмир что-либо передать через меня моему правительству, эмир отвечал, что просит меня заверить Советское правительство в искренней дружбе геджасского правительства и его желании, как только это будет возможно, подвести прочный фундамент под наши отношения. Затем я сказал эмиру, что сейчас ведутся переговоры с представителем «Нефтеэкспорта» по поводу платежей. Я просил бы его обратить внимание на то, чтобы эти переговоры носили с геджасской стороны деловой характер и чтобы было одно определенное лицо, уполномоченное вести переговоры. Это, сказал я, в интересах самого геджасского правительства, поскольку оно хочет облегчений. Эмир ответил, что примет меры к тому, чтобы дело пошло быстро.

Во время беседы, которую я вел через т. Матюшкина, присутствовал Фуад.

Печат. по арх.

80. Письмо советника Полиомочного Представительства СССР во Фраиции заведующему III Западным отделом Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Е. В. Рубиниу

16 февраля 1932 г.

Многоуважаемый Евгений Владимирович,

В дополнение к высказанным нами прошлой почтой предположениям по вопросу о предоставленных Японии кредитах по военным заказам⁵⁶, сообщаем следующие сведения, полученные нами из источника, заслуживающего известного доверия:

* Заместитель министра иностранных дел Геджаса, Неджда и присоединенных областей.

Ввиду неудобства для французского правительства гарантировать кредиты, размещаемые непосредственно японским правительством, последнее решило выставить «Мицубиси» * в качестве фиктивного заказчика, на которого французское правительство распространило гарантию в размере 800 млн. фр.

По этим сведениям, заказы на автомоторы даны фирме «Лоран Дитрих», на пулеметы — «Гочкису», с «Рено» ведутся переговоры. «Шнейдер Крезю» будто бы оставлен в стороне, так как заломил неприемлемые цены.

Косвенное подтверждение этим сведениям можно найти в факте поднятия биржевой стоимости акций, в частности «Гочкиса».

Розенберг

Печат. по арх.

81. Телеграмма Генерального консула СССР в Харбине М. М. Славуцкого, Вице-председателя Правления КВЖД С. М. Кузнецова и Управляющего КВЖД Ю. В. Рудого в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
17 февраля 1932 г.*

Японцы настаивают на заключении соглашения и в представленном ими проекте, кроме технических пунктов, имеются следующие: 1. Перевозки по КВЖД (не оговорено, что только по южной линии). 2. Впредь до организации китайской охраны дороги охрану несут японцы. 3. В целях охраны дороги японское командование совершает движение бронедрезин и получает в свое распоряжение бронепоезда, имеющиеся на КВЖД. 4. Японские войска перевозятся со скидкой 50% против нормального тарифа, войска и грузы по охране дороги — вовсе бесплатно.

Вопрос передается на рассмотрение правления КВЖД, и японцы настаивают на скорейшем решении. Учтите, что все просьбы японцев китайцами поддерживаются. Советская сторона полагает не согласиться, указав, что характер перевозок эпизодический, расчеты должны вестись по нормальным тарифам как за коммерческие перевозки, а охрана должна быть китайская **. Управляющий лишь сообщает японцам техническую инструкцию. Если имеются дополнительные указания, то срочно сообщите.

Четверка 57

Печат. по арх.

* Крупный промышленный концерн Японии.

** См. также док. № 87.

82. Предложения делегации СССР, внесенные на рассмотрение Конференции по сокращению и ограничению вооружений

Женева, 18 февраля 1932 г.

Господин председатель,

Имею честь направить Вам при этом предложения советской делегации на конференции по разоружению.

В соответствии с моим заявлением 11 февраля имею честь, г. председатель, просить Вас поставить прилагаемый проект резолюции на рассмотрение конференции. Эта резолюция, если она будет принята конференцией, содействовала бы тому, чтобы сделать проект конвенции о полном и всеобщем разоружении, выдвинутый советской делегацией на Подготовительной комиссии 15 февраля 1928 г. и разосланный в то время всем правительствам, основой ее дальнейшей работы*.

Если конференция отвергнет эту резолюцию, я буду просить Вас, г. председатель, в соответствии с моим заявлением от 11 февраля поставить на рассмотрение конференции проект конвенции о пропорциональном и прогрессивном сокращении вооружений, представленный советской делегацией Подготовительной комиссии 23 марта 1928 г.**

Я хотел бы заметить, г. председатель, что согласно резолюции от 19 апреля 1929 г. Подготовительная комиссия, рассмотрев этот проект конвенции, решила передать его для обсуждения на конференции, которая заседает в настоящее время. Принимая во внимание меморандум советской делегации от 9 декабря 1930 г.*** и упоминание, содержащееся в докладе Подготовительной комиссии от того же дня, я считаю, что проект конвенции о пропорциональном и прогрессивном сокращении вооружений уже находится, таким образом, на рассмотрении конференции.

Понимая, однако, что прошло 4 года с тех пор как вышеупомянутый проект конвенции о сокращении вооружений был внесен в Подготовительную комиссию и что с тех пор был достигнут большой прогресс в военной технике, и, больше того, желая принять во внимание определенные точки зрения, высказанные во время обсуждения этого проекта резолюции в Подготовительной комиссии, советская делегация считает уместным внести некоторые поправки в свой собственный проект конвенции. Я имею честь приложить при этом эти поправки.

Имею честь оставаться,

Искренне Ваш *Литвинов*

Упомянутые в письме приложения.

* См. т. XI, док. № 45.

** См. т. XI, док. № 98.

*** См. т. XIII, док. № 447.

**а) СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О ВСЕОБЩЕМ И ПОЛНОМ
РАЗОРУЖЕНИИ**

18 февраля 1932 г.

Одушевленная желанием действительного и прочно организованного мира;

Побуждаемая желанием создать реальную безопасность для всех государств и для всех народов путем предотвращения возможности новых войн;

Убежденная, что самое существование вооружений и обнаруживаемая ими тенденции непрерывного роста неизбежно приводят к вооруженным международным конфликтам, отрывающим трудящихся от их мирных занятий и несущим за собою неисчислимые бедствия;

Принимая во внимание, что военные расходы, ложасьшиеся невыносимым бременем на народные массы, способствуют и усиливают нынешний экономический кризис со всеми его последствиями;

Констатируя, что государства, представленные на конференции, отказались от войны как орудия своей национальной политики;

Полагая, что единственно реальным средством, способствующим организации мира и созданию безопасности от войны, является скорейшее всеобщее и полное уничтожение всех вооруженных сил, исходя из принципа равенства для всех;

Убежденная, что идея всеобщего и полного разоружения отвечает искренним стремлениям масс к миру;

Конференция решает положить в основу своих работ принцип всеобщего и полного разоружения.

**б) ПОПРАВКИ К СОВЕТСКОМУ ПРОЕКТУ КОНВЕНЦИИ О СОКРАЩЕНИИ
ВООРУЖЕНИЙ, ВНЕСЕННЫЕ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИЕЙ ***

18 февраля 1932 г.

Статья I проекта изменяется следующим образом:

«В соответствии со вступительной частью настоящей конвенции Договаривающиеся государства соглашаются при осуществлении прогрессивно-пропорционального сокращения численности личного состава сухопутных вооруженных сил, разделить все Договаривающиеся государства на следующие группы:

Государства, содержащие в мирное время сухопутные вооруженные силы:

А — свыше 200 000 человек;

* См. т. XI, док. № 98.

Б — от 30 000 до 200 000 человек;

С — от 30 000 человек и ниже.

Примечания: 1. Государства, разоруженные в результате мировой войны, не включаются ни в одну из групп, предусмотренных в настоящей статье.

2. Государства, заключившие между собою союзы или соглашения о взаимной военной помощи в случае вооруженных конфликтов, распределяются в целях сокращения их вооружений по группам, предусмотренным настоящей статьей, на основании цифры, равной общей сумме сложенных вместе сухопутных сил этих государств».

Примечания 1, 2 и 3 проекта сохраняются и становятся соответственно примечаниями 3, 4 и 5.

Ст. 2 проекта изменяется следующим образом:

«Численность личного состава сухопутных вооруженных сил сокращается:

1. Для государств группы А — на 50 %;

2. Для государств группы Б — от 0 до 50 %, в зависимости от численности личного состава, согласно прилагаемому графику норм прогрессивно-пропорционального сокращения;

3. Для государств группы С — численность личного состава остается ограниченной на существующем уровне.

Примечание: Нормы численности личного состава сухопутных сил государств, разоруженных в результате мировой войны, не включаются в вышеуказанную схему и устанавливаются особо».

Ст. 12 проекта изменяется следующим образом:

«В соответствии с вступительной частью настоящей конвенции договаривающиеся государства соглашаются произвести сокращение своих морских вооруженных сил на следующих основаниях:

А. Государства, имеющие флоты с общим тоннажем свыше 500 000 т, сокращают их на 50 %, как по цифре общего тоннажа, так и по цифре тоннажа каждой категории, без права трансфера.

Б. Государства, имеющие флоты с общим тоннажем от 100 000 т до 500 000 т, сокращают свои флоты, как по цифре общего тоннажа, так и по цифре тоннажа в каждой категории, от 0 до 50 %, согласно прилагаемому графику норм прогрессивно-пропорционального сокращения.

Эти государства будут пользоваться правом трансфера

от 0 до 100%, обратно пропорционально проценту сокращения их соответственных флотов.

С. Государства, имеющие флоты с общим тоннажем не свыше 100 000 т, сохраняют свои флоты на существующем уровне с неограниченным правом трансфера.

Д. Государства, имеющие авианосцы, уничтожают их в течение шести месяцев с момента вступления в силу настоящей конвенции.

Примечания: 1. Нормы морских вооруженных сил для государств, разоруженных в результате мировой войны, не включаются в вышеуказанную схему и устанавливаются особо.

2. Государства, заключившие между собою союзы или соглашения о взаимной военной помощи в случае вооруженных конфликтов, распределяются, в целях сокращения их вооружений, по группам, предусмотренным настоящей статьей, на основании тоннажа, равного общей сумме сложенных вместе тоннажей этих государств».

Ст. 21 проекта изменяется следующим образом:

«В соответствии с вступительной частью настоящей конвенции договаривающиеся государства соглашаются при осуществлении прогрессивного и пропорционального сокращения воздушных вооруженных сил разделить все договаривающиеся государства на следующие группы:

Государства, имеющие в мирное время воздушные вооруженные силы:

Е — свыше p * действующих самолетов;

Ф — от 100 до p действующих самолетов;

Ж — не свыше 100 действующих самолетов.

Государства группы Е сокращают свои воздушные вооруженные силы на 50%.

Государства группы Ф сокращают свои воздушные вооруженные силы от 50 до 0%, в зависимости от численности действующих самолетов, согласно графику норм прогрессивно-пропорционального сокращения.

Государства группы Ж сохраняют свои воздушные вооруженные силы на существующем уровне.

Это сокращение производится как по числу действующих самолетов, так и по общей мощности двигателей этих самолетов. При этом исчислении будет учитываться число и общая

* Число p будет определено в зависимости от решения, которое примет конференция по вопросу об уничтожении бомбардировочной авиации.— *Прим. док.*

мощность двигателей как действующих самолетов, принадлежащих к составу воздушных вооруженных сил, так и действующих самолетов, пригодных для военного использования, находящихся в эксплуатации в образованиях, организованных по-военному.

Общая мощность всех двигателей отдельного самолета не должна превышать 600 НР* при работе мотора у земли.

Примечание: Государства, заключившие между собою военные союзы или соглашения о взаимной военной помощи в случае вооруженных конфликтов, распределяются, в целях сокращения их вооружений, по группам, на основании цифры, равной общей сумме сложенных вместе действующих самолетов воздушных вооруженных сил этих государств, так же как и по общей сумме общей мощности этих самолетов».

Ст. 24 проекта изменяется следующим образом:

«Когда при применении ст. 21, 22 и 23 настоящей конвенции будет сокращаться число действующих самолетов, то в первую очередь будут сняты с вооружения самолеты, снабженные моторами с общей мощностью, превышающей 600 НР».

с) ГРАФИКИ НОРМ ПРОГРЕССИВНОГО И ПРОПОРЦИОНАЛЬНОГО СОКРАЩЕНИЯ ОБЩИХ НАЗЕМНЫХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ И МОРСКИХ ВООРУЖЕНИЙ РАЗЛИЧНЫХ СТРАН **

д) ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Принцип прогрессивного и пропорционального сокращения численности сухопутных, морских и воздушных вооруженных сил заключается в сокращении этих сил, исходя из непосредственного учета их важности и таким порядком, чтобы для стран, обладающих самым мощным вооружением, устанавливалось наибольшее сокращение. Для других стран это сокращение будет осуществляться в прямо пропорциональной зависимости от важности их вооружений. Таким образом, применяя этот принцип к сокращению численности сухопутных армий, представляется возможным и будет более справедли-

* — лошадиных сил.

** Не публикуются: в первом графике приведены нормы прогрессивного и пропорционального сокращения общих наземных вооруженных сил в зависимости от численности наземных вооруженных сил; во втором графике даны нормы сокращения морских вооружений в зависимости от общего тоннажа различных флотов (графики см. в источнике, указанном в легенде).

вым установить для армий выше определенной численности некоторое единое максимальное сокращение, а с другой стороны, можно освободить от всякого сокращения самые малые армии, имеющие численность вооруженных сил ниже определенной величины. Для всех же остальных армий, расположенных между максимумом и минимумом, их сокращение будет установлено в проценте, прямо пропорциональном численности каждой из них. Эта система будет одинаково применена к морским и воздушным вооруженным силам.

Печат. по арх.

Опублик. в сб. «Conférence pour la Réduction et la Limitation des Armements. Documents de la Conférence». Vol. I. Genève, 1932, pp. 124—129.

83. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалецкого в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

18 февраля 1932 г.

Завтра выезжаю на два дня в Женеву. Сегодня я зашел к Бертело узнать, не хочет ли он передать что-нибудь Литвинову. Бертело сказал, что по причинам смены кабинета он ничего не может сказать. Он только просил передать, что Масигли побуждал Гику встретиться с Литвиновым, но тот ответил, что готов встретиться, если инициатива свидания будет исходить от Литвинова. Я возразил, что, не смея отвечать за Литвинова, я могу истолковывать ответ Гики только как отсутствие у него искреннего стремления к свиданию и к попытке уладить спор и успешно закончить переговоры. Я в десятый раз подчеркнул, что если я несколько раз в беседах с Бертело касался темы о советско-румынском пакте, то отнюдь не потому, что усматриваю какую-либо связь между советско-румынскими переговорами и франко-советским пактом, а лишь ввиду большого интереса, проявленного Бертело к заключению пакта между СССР и Румынией, а также потому, что взятый сам по себе такой пакт соответствует линии мирной внешней политики моего правительства. Я еще раз подчеркнул, что если французское правительство действительно стремится к скорейшему заключению пактов между СССР, Польшей и Румынией, то я вижу для этого только один путь: немедленное подписание франко-советского пакта. Бертело ответил, что он сам начинает склоняться к этому мнению, но что все будет зависеть от нового кабинета и министра*.

Попутно Бертело рассказал следующее. После парафирования франко-советского пакта поляки заявили, что с их сто-

* См. также док. № 111, 144, 174.

роны нет возражений к его подписанию, но французское правительство постановило добиться предварительного заключения пакта между Польшей и СССР. Польша не разделяла этого взгляда и заявила, что не имеет возражений против подписания франко-советского пакта без предварительного заключения пакта между нею и СССР. Но правительство Франции настояло на своем. С тех пор отношение Польши к пакту менялось несколько раз: одно время оно было очень благоприятно, затем накануне парафирования оно внезапно резко изменилось, затем настроение опять переменялось к лучшему, после чего пакт был парафирован. В Румынии все время есть глухое сопротивление, возглавляющееся Каролом*. Между тем он, Бертело, полагает, что интервью Литвинова** содержит в себе элементы возможности соглашения. Такого же мнения придерживается и посланник Франции в Бухаресте Пюо. На днях Бертело, узнав, что румынский посланник в Париже Сезиано распускает версию о разрыве переговоров, вызвал его к себе, пожурил его, и Сезиано был вынужден признать, что переговоры только приостановлены, но не прерваны. Бертело посоветовал мне повидаться в Женеве с Массигли, но я отклонил это.

Перейдя затем к торговым переговорам, я выразил недоумение по поводу продолжающегося молчания французов. Бертело возразил, что о чем же говорить, раз мы отклонили французское предложение и сами других предложений не делаем. Я ответил, что, во-первых, для того чтобы договориться, надо разговаривать, а во-вторых, мне известно предложение, которое недавно было сделано Ванжером Гуревичу⁵³. Это предложение, возможно, и можно было бы принять к обсуждению. Бертело очень заинтересовался и обещал ознакомиться с вопросом подробнее в ближайшие дни.

Полпред

Печат. по арх.

84. Памятная записка, врученная Заместителем Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л. М. Караханом послу Японии в СССР Хирота ***

19 февраля 1932 г.

После разъяснений, сделанных по просьбе г. Посла о нашем проекте урегулирования рыболовного вопроса****, сомнения в неприемлемости нашего предложения должны были

* Король Румынии.

** См. док. № 41.

*** В записке зафиксировано заявление, сделанное Караханом во время беседы с Хиротэ 19 февраля 1932 г.

**** См. док. № 29, 62.

рассеяться. Однако я считаю необходимым сделать замечания на возражения японской стороны, изложенные г. Хирота 2 февраля с. г.

I. Основным способом получения участков, согласно конвенции, являются торги, ежегодно устраиваемые во Владивостоке. Предложение японской стороны, чтобы все участки (100%), находящиеся в эксплуатации японцев, были закреплены на все время действия конвенции, означает неприменение института торгов в отношении этих участков, иначе говоря, совершенную отмену торгов для этих участков. Такое предложение означает нарушение рыболовной конвенции в самой существенной ее части. Советское предложение закрепляет, путем пролонгации арендных договоров, 75% указанных участков, остальные 25% ставятся на торги. Это означает, что институт торгов, как это требует конвенция, применяется в отношении всех участков. Поэтому нельзя считать, что оба предложения в одинаковой степени отступают от конвенции. В то время как советское предложение исходит из рыболовной конвенции, японское предложение хочет ее нарушить.

II. Предоставление госпромышленности без торгов и без солиер * 40% участков (по нормам улова 1931 г.) не является нарушением конвенции, а находится в строгом соответствии с пунктом 2 в первой части заключительного протокола рыболовной конвенции **. Из заявления г. Посла не видно, каким образом предложение советской стороны может повести к недоразумениям.

III. Делая японской стороне громадную уступку в вопросе о так называемой стабилизации и разрешая благоприятным для японских рыбопромышленников образом главный вопрос, интересующий японскую сторону, мы считаем нежелательным возвращаться к старым вопросам, касающимся отдельных участков. Что же касается вопроса о частниках и кооперации, то нецелесообразно их откладывать, поскольку в интересах обеих сторон урегулировать все рыболовные вопросы. Я должен напомнить, что вопрос о частниках и кооперации был выдвинут г. Послом, причем с самого начала мы обсуждали его вместе с другими вопросами. Предложение японской стороны выделить и отложить этот вопрос является новым предложением, смысл которого не ясен. Принять его означало бы отступление от принятого и уже осуществлявшегося обеими сторонами порядка обсуждения вопросов.

* — советование (англ.).

** Видимо, имеется в виду п. 2 раздела (Б) I части заключительного протокола; см. сб. «Рыболовная конвенция между Союзом ССР и Японией со всеми относящимися к ней материалами», М., 1928.

IV. Указа́ние г. Посла, что вопрос о 12-мильной зоне не имеет связи с вопросом о стабилизации, неясно. Идущие между нами переговоры начались по предложению Японского Правительства от 25 июня*. В этом предложении, переданном г. Послом, задачи переговоров не ограничивались только вопросом о так называемой стабилизации, но включали всю сумму вопросов, связанных с рыболовством: в частности, Японское Правительство предлагало на переговорах «устранить беспокойство и создать атмосферу сотрудничества». Исходя из этого пожелания Японского Правительства, Советское Правительство предложило урегулировать в числе других вопросов и вопрос о рыбной ловле в 12-мильной зоне. Что же касается существа этого вопроса, то само собой понятно, что каждая из участвующих в переговорах сторон постарается найти общее и приемлемое для обеих сторон решение.

Вышензложенное является ответом на возражения г. Посла.

Мои замечания проникнуты желанием привести наши переговоры к скорому и благополучному концу. Я надеюсь, что мой ответ и разъяснения, сделанные 2 февраля, дают основание к тому, чтобы г. Посол предложил мне контрпроект, который дал бы нам возможность прийти к положительному и быстрому завершению переговоров**.

Печат. по арх.

85. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Персии В. М. Цукерману

19 февраля 1932 г.

10 февраля группа персидских вооруженных солдат вторглась на советскую территорию в районе Белясувара и угрозой применения оружия помешала работам советских крестьян по очистке канала около селения. Пограничный комиссар Смольский, желая избежать конфликта, вызвал персидского комиссара, но последний уклонился от встречи. Смольский поставил часового, чтобы охранять границу. 12 февраля новая группа персидских солдат в составе 5 человек с унтер-офицером вновь перешла границу и пыталась обезоружить часового. Появление советской охраны заставило их уйти. Нашими пограничниками был кратковременно задержан персидский солдат,

* См. т. XIV, стр. 474.

** См. также док. № 146, 225.

пытавшийся ударить штыком нашего часового. Солдат был вскоре отпущен. Смольский вызвал персидского комиссара и поехал с ним на место инцидента. Персидский комиссар объяснил, что переход персидских солдат был вызван ошибочным предположением, что канава находится на персидской территории, и просил считать инцидент исчерпанным. Сегодня я вручаю Пакревану * ноту протеста. Вы должны также заявить протест, подчеркнув, что только мирная тактика советской охраны позволила избежать тяжелого осложнения на границе⁵⁹.

Карахан

Печат. по арх.

86. Телеграмма Генерального консула СССР в Харбине М. М. Славуцкого, Вице-председателя Правления КВЖД С. М. Кузнецова и Управляющего КВЖД Ю. В. Рудого в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР **

*Немедленно
22 февраля 1932 г.*

Представитель японской военной миссии заявил Кузнецову, что в связи с угрозой резидентам в Имяньбо, возможно, явится необходимость отправки японских войск на восточную линию КВЖД до Имяньбо. Китайская часть дала уже согласие, и японское командование просит прежде всего в принципе согласия советской части. При этом он предупредил, что, так как возможно отступление старогириинцев *** до Пограничной ****, командование просит также согласовать отpravку японских войск в случае надобности до Пограничной. При чем командование просит «иметь в виду, что войска посылаются только для устранения опасности, для охраны резидентов и что они будут возвращены по мере устранения опасности, чтобы ни в коем случае не думать, что войска направляются против СССР». Срочно шлите указания *****.

Четверка

Печат. по арх.

* Посол Персии в СССР.

** Копия телеграммы была направлена в полпредство СССР в Японию.

*** Имеются в виду китайские войска под командованием генерала Дин Чао: см. прим. 11.

**** Суйфынхэ.

***** См. док. № 89.

87. Телеграмма Генерального консула СССР в Харбине М. М. Славуцкого, Вице-председателя Правления КВЖД С. М. Кузнецова и Управляющего КВЖД Ю. В. Рудого в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
22 февраля 1932 г.*

Представитель японской военной миссии указал, что Ли Шао-гэн согласен дать указания управляющему КВЖД подписать соглашение и удовлетворить все просьбы японцев, изложенные в нашей телеграмме от 17 февраля*. Он просил о том же Кузнецова. Последний дал ответ соответственно нашей вышеупомянутой телеграмме.

Ли Шао-гэн настаивает перед Кузнецовым на удовлетворении просьб, заявив, что он не может ни в чем отказать японцам, так как японцы его предупредили, что все права Китая на КВЖД перейдут к новому государству. Просим подтвердить нашу линию**.

Четверка

Печат. по арх.

88. Сообщение советника Полномочного Представительства СССР в Великобритании о беседе с членом парламента Великобритании Бутби***

23 февраля 1932 г.

По вопросу об англо-советских отношениях Бутби думает, что они сейчас лучше, чем когда бы то ни было. Вопрос о разрыве с Советским Союзом совершенно не обсуждается консервативной партией. Денонсирование торгового соглашения теперешним правительством он также считает весьма сомнительным⁶⁰. Конечно, по словам Бутби, мы должны считаться с возможностью предъявления нам теперешним правительством требований для улучшения торгового баланса в пользу Англии****. Бутби сказал, что наша последняя, хотя, как он подчеркнул, небольшая, закупка сельдей произвела благоприятное впечатление в политических кругах*****. Он думает, что мы недооцениваем значение наших закупок сельдей с политической точки зрения; по сравнению с затраченными средствами политический эффект от закупки сельдей получается несравненно больше, чем от покупки каких-либо других товаров, так как в округах Шотландии заинтересованы в этом.

Я сказал Бутби, что тактика теперешнего правительства в

* См. док. № 81.

** См. также док. № 89.

*** Из дневника советника полпредства СССР в Великобритании Д. В. Богомолова за период с 17 по 25 февраля 1932 г.

**** См. док. № 68.

***** См. т. XIV, прим. 220.

вопросе о торговле с СССР для нас совершенно непонятна. С одной стороны, правительство хочет, чтобы мы увеличили наши закупки, с другой стороны, сокращает * нам условия кредита. При лейбористском правительстве мы имели кредит от 24 до 30 месяцев на оборудование и использовали его в полной мере, разместив в течение нескольких месяцев заказы на 6 млн. ф. ст., теперь сроки кредитов нам урезаны до 12 месяцев. Несмотря на то что цены могут быть более или менее подходящими, мы не можем разместить много заказов ввиду краткосрочности кредитов. Так, например, мне известно, что недавно наша торговая делегация вела переговоры о большом заказе на металл до 2 млн. ф. ст., однако заказ не может быть размещен в Англии ввиду того, что мы хотели иметь кредит, по крайней мере, на 18 месяцев, а Комитет по экспортным кредитам соглашался только на 12 месяцев.

Бутби сказал, что он лично считает, что Комитет по экспортным кредитам не должен был бы торговаться из-за 6 месяцев. Он говорит по этому вопросу с Колвиллом **, который, по его словам, его хороший друг. Бутби подчеркнул, что, поскольку он сам несколько не заинтересован в металле, а заинтересован только в сельдях, ему легче будет говорить с Колвиллом.

В разговоре я заметил, что, к сожалению, у членов полпредства до сих пор не установились хорошие отношения с консервативной партией. Бутби сказал, что он думает, что сейчас положение гораздо лучше и что нам значительно легче будет установить отношения с консерваторами, чем раньше. Со своей стороны он будет готов помочь, в чем может. В частности, Бутби сказал, что он считал бы полезным, чтобы я встретился с Колвиллом; он сам организует эту встречу ⁶¹. Я ответил согласием.

Советник полпредства
Д. Богомолов

Печат. по арх.

89. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Генеральному консулу СССР в Харбине М. М. Славуцкому, Вице-председателю Правления КВЖД С. М. Кузнецову, Управляющему КВЖД Ю. В. Рудому

*Вне всякой очереди
24 февраля 1932 г.*

На телеграмму от 23 февраля ⁶². Сообщите японцам и китайцам:

«Ввиду того что вопросы о переброске японских войск к советским границам и о соглашении по перевозке японских

* Так в тексте.

** Начальник департамента внешней торговли Великобритании.

войск по КВЖД являются вопросами не коммерческими, а сугубо политическими и так как они затрагивают договоры, существующие у СССР с Японией и Китаем, они не могут быть решены правлением КВЖД и переданы на разрешение в Москву».

Инстанция решила по этим вопросам вступить в переговоры с японским правительством *.

Немедленно телеграфируйте исполнение **.

Карахан

Печат. по арх.

90. Выступление Председателя советской делегации М. М. Литвинова на третьем заседании Генеральной комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений

25 февраля 1932 г.

Я не предполагал, что мне первым придется выступить в комиссии в связи с резолюцией о всеобщем и полном разоружении ***. Я полагал было, что эта резолюция считается внесенной и обоснованной заявлением, сделанным мною на конференции 11 февраля и что мне придется лишь отвечать на возможные возражения других делегатов. Я, однако, охотно следуя призыву, сделанному вчера в комиссии о новом выступлении в пользу полного разоружения, и особенно рад, что этот призыв исходил от почтенного премьера Франции Тардье.

Я, однако, не намерен злоупотреблять призывом и отнимать много времени у комиссии подробным повторением всех тех мотивов в пользу полного разоружения, которые я привел уже на конференции. Я только вкратце напомним их.

Основные тезисы СССР

Основные тезисы наши сводятся к тому, что угроза новой войны теперь более реальна, чем когда бы то ни было (если вообще можно говорить об угрозе, когда война уже ведется), что новая война грозит человечеству большими ужасами истребления, чем когда бы то ни было, что она грозит особыми бедствиями в условиях нынешнего кризиса трудящимся, что задачей дня является создание максимальной безопасности

* См. док. № 97, 100.

** См. док. № 91.

*** В начале своего выступления М. М. Литвинов зачитал советский проект резолюции о всеобщем и полном разоружении; см. док. № 82.

против войны и что эта безопасность не может быть осуществлена иными путями как полным упразднением и уничтожением вооружений и всяческих иных военных факторов.

Правда, советское предложение было уже ранее отвергнуто в Подготовительной комиссии, в которой были представлены все крупнейшие и наиболее значительные государства. Мы тем не менее позволяем себе вновь поставить эти предложения перед конференцией, ибо делегаты комиссии, между прочим, ссылались на ограниченность своих полномочий, недостаточность их инструкций и на другие формальные причины, на которые вряд ли сможет сослаться конференция, состоящая из представителей почти всех существующих государств — как членов, так и не членов Лиги наций, и притом представителей наиболее ответственных, наиболее квалифицированных, для принятия самых серьезных решений. Кроме того, наши предложения сделаны были пять лет тому назад, а за это время, мне кажется, можно было многому научиться на происходивших за это время событиях. Пять лет тому назад капиталистический мир переживал расцвет так называемого пацифизма.

Многие полагали, что под влиянием уроков последней мировой войны вероятность новой войны беспрерывно уменьшается, что человеческая совесть и общественное мнение не допустят новой войны, что стоит только еще больше развить систему международных соглашений и пактов — и войну можно будет совершенно устранить из международного обихода. Когда представляемая мной страна, основываясь на отношениях, существующих, а еще более не существующих у нее с другими странами, высказывала опасение, что она может подвергнуться нападению со стороны капиталистических государств, то это характеризовалось как чуть ли не маниакальная мнительность, а тем более война между несоветскими государствами считалась совершенно исключенной. Возможность новой войны, однако, с достаточной очевидностью доказана ныне тем, что она уже есть, а вероятность ее дальнейшего расширения или повторения в большем масштабе не может быть отрицаема при учете все более обостряющихся противоречий между государствами.

Война как средство «спасения» капитализма

В капиталистической печати война ныне обсуждается как проблема актуальной политики, как средство разрешения экономического кризиса. Вот что говорят, например, нынешние капиталисты:

«Ни одно правительство никогда еще не приостанавливало ни одного кризиса иным способом, кроме войны. И если подобный выход из кризиса представляет свою опасность, то опасно также не попытаться этого сделать». Это было сказано перед избранной аудиторией экономистов-статистиков в Вашингтоне 29 декабря 1931 г. Я позволю себе привести вам также несколько цитат из журналов.

«С точки зрения трезвого экономиста,— пишет один журнал,— война является хозяйственным предприятием крупнейшего масштаба.

Перефразируя известное изречение Клаузевица, можно сказать, что война есть продолжение хозяйствования другими средствами».

«Каждая страна получила бы только облегчение от войны, еще более долгой и кровавой, чем последняя».

«Во время войны дела некоторых стран всегда улучшаются. Большинство стран мира в настоящее время настолько не удовлетворено существующими условиями «бизнеса», что для них имеет смысл рискнуть испробовать перспективу войны».

Дальше: «Мы потратили миллионы долларов на прекрасные вооружения, и весьма неприятно видеть эти вложения, находящимися без дела и не приносящими дохода».

Автор этих сентенций считает основной причиной нынешнего кризиса перенаселение, от которого он предлагает нам избавиться каннибализмом в форме войны. Я не называю ни авторов статей, ни журналов, чтобы не создавать им рекламы, но готов дать эти названия всем желающим.

Подобные статьи не могли бы появиться в печати 5 лет тому назад; они теперь — знамение времени и симптом того умонастроения, которое порождается обостряющимися противоречиями.

Под прикрытием пацифистских резолюций

При существовании подобного умонастроения не приходится удивляться, что в то время как Совет Лиги наций посылает призывы к воюющим на Дальнем Востоке государствам о приостановке военных действий, а делегаты на конференции выражают свое огорчение по поводу кровопролития на Востоке,— что в это же время, повторяю, некоторые страны свободно и открыто, с согласия своих правительств, посылают транспорт за транспортом военной амуниции воюющим государствам для продолжения и усиления кровопролития.

Не доказывает ли это, что международные противоречия и интересы, стоящие за вооружениями, за военной промыш-

ленностью, сильнее всяких пожеланий и резолюций пацифистов отдельных кружков, групп и даже партий? Не доказывает ли это и того, что подобному положению вещей невозможно положить конец иначе, как полным упразднением и уничтожением вооружений всеобщим и полным разоружением? Я мог бы ограничить сказанным обоснование резолюции о полном разоружении и предоставить другим делегатам указать, какие, по их мнению, существуют препятствия к осуществлению этого предложения. Я опасаясь, однако, что здесь могут быть высказаны те же возражения, какие мы слышали в Подготовительной комиссии, и мне кажется, что я сэкономлю Генеральной комиссии время, если я сам позволю себе напомнить ей эти возражения и данные мною на них ответы.

Что противопоставляется тезисам СССР

Я уже говорил о возражениях формального характера. К числу их надо также отнести ссылки на 8-ю статью Устава Лиги наций, которая обязывает якобы членов Лиги сократить свои вооружения только до уровня, совместимого с безопасностью*. Но внося наши предложения о полном разоружении, мы не основываемся на каких-либо обязательствах государств — участников конференции и не предъявляем никаких требований. Мы спрашиваем у них не о том, что они обязаны сделать, а о том, что они согласны сделать, т. е. согласны ли они вместе с Советским Союзом разоружиться полностью, чтобы изгнать войну из международного обихода и чтобы отказаться от войны в качестве средства хозяйствования. При этом мы отнюдь не игнорируем условия безопасности, но мы говорим, что эта безопасность и безопасность для всех стран может быть дана только полным разоружением.

Но кроме формальных мы слышали в Подготовительной комиссии и возражения по существу.

Нам говорили, например, что даже при уничтожении постоянных армий и флота придется сохранить пограничную стражу для борьбы с контрабандизмом, полицейскую силу, пожарные команды, лесную стражу, конвойные команды и т. п. и что этой вооруженной силы достаточно будет для нападения одних стран на другие. Не подлежит сомнению, что в случае полного разоружения невозможно будет предоставить каждому государству под видом полицейской пограничной или иной стражи создавать себе, по собственному

* См. док. № 75.

усмотрению и без ограничения, ту или иную потенциальную вооруженную силу и что необходима будет соответственная международная конвенция для урегулирования этого вопроса. Такая конвенция, вероятно, предоставит двум соседним государствам право иметь одинаковое количество пограничной стражи по обеим сторонам границы. Что касается полиции, то она могла бы представлять собою потенциальную армию лишь в том случае, если бы было признано необходимым вооружать ее пулеметами, танками, артиллерией, ядовитыми газами, бомбовозами и т. д.

Мы, однако, такой необходимости не признаем. При оставлении же полиции простейшего оружия трудно предположить, чтобы какое-либо государство могло целиком мобилизовать ее и стянуть ее на границе из всех городов и деревень, чтобы бросить на соседнюю страну. Мы знаем, что как раз для войны и при ведении войны государство усиливает органы, предназначенные для поддержания внутреннего порядка, и никогда не посмеет отвлечь полицейские силы от их прямых обязанностей. По таким же соображениям невозможна и мобилизация конвойных команд, а мобилизация пожарных команд, конечно, не заслуживает серьезного обсуждения.

Нам говорили также, что даже в случае уничтожения армии и современного оружия люди по самой натуре не смогут отказаться от драки и народы будут бросаться друг на друга с самым примитивным оружием и даже драться на кулаках. Но мы думаем, что немногочисленной пограничной стражи будет вполне достаточно для отражения подобного рода атак. Да и вряд ли цивилизация сколько-нибудь проиграла бы от того, если бы на Дальнем Востоке, например, вместо обмена снарядами из тяжелых орудий и бомбами с воздуха, сопровождающегося уничтожением тысяч человеческих жизней и имущества, там происходила бы теперь лишь драка на кулаках.

Вопросы безопасности

Приводилось как будто и более серьезное возражение. Нам указывали, что и после полного разоружения наиболее индустриально развитые страны могли бы создать себе новые вооружения и напасть на обезоруженных соседей. Эта ссылка на возможность нарушения конвенции может служить аргументом против любой конвенции и против конвенции об ограничении или сокращении вооружений. Если предположить, что одни государства будут лояльно выполнять конвенцию, а другие в нарушение ее тайно увеличивать установленные для

них конвенцией вооруженные силы, то несомненно создастся угроза безопасности для лояльных стран.

Если исходить из этого, то невозможно заключать никакие международные соглашения. Я уже указывал на пленуме конференции, что при всеобщем разоружении контроль над соблюдением конвенции неизмеримо более прост и более эффективен чем при сокращении вооружений. Создание заново производства военных материалов, мобилизация больших отрядов при отсутствии всякого учета, вооружение и экипировка их потребуют слишком длительного времени, чтобы это могло пройти незамеченным. Незаметно вы не соорудите не только дредноута, но даже и подводной лодки, дальнобойных орудий или газометов.

Можно иметь хорошую металлургическую и химическую базу в стране, можно обладать большой численностью и плотностью населения, но для того, чтобы эти потенциальные силы превратить в вооруженную армию, нужны сложные и длительные процессы, нужны хорошие военные кадры, нужна выучка их, нужны длительные сроки для того, чтобы привести в действие сложные механизмы войны. В условиях современной военной техники только систематически переобученные резервисты представляют ценность для армии. Техника настолько движется вперед, что на повторных сборах приходится переобучать рядовых солдат, унтер-офицеров и даже офицеров. Поэтому упразднение воинской повинности, полное уничтожение учетных данных для мобилизации решительно упразднит всякую возможность использования организованных масс для военных целей в короткие сроки.

Наконец, разве нынешние потенциальные силы одинаковы во всех государствах? Разве существует равенство безопасности с этой точки зрения? Разве промышленно развитые государства не могут в случае войны мобилизацией промышленности создавать себе огромное превосходство над силами менее промышленно развитых, а тем более аграрных стран? Разве не очевидно, что развитие и расширение существующей военной промышленности, существующих военных кадров более осуществимо, более реально, чем создание заново уничтоженной военной промышленности или создание армии из необученных народных масс. Да и мыслима ли будет мобилизация этих масс для военных надобностей, если эти массы не будут иметь перед собой вооруженного противника и не будут бояться нападения с его стороны? Ведь и ныне создание армии и мобилизация для войны возможны только при воздействии на воображение народных масс фиктивной или действительной угрозой нападения на их страну. При всеобщем разоружении нельзя будет этих фикций создавать и уже по этому одному невозможно будет подготовка к войне. Нам

представляется, что по этой же причине несущественны опасения, будто в ближайшие годы можно будет мобилизовать тех резервистов, которые получили военную подготовку и образование до всеобщего разоружения.

Мы глубоко убеждены в том, что только равенство в отсутствии вооружений, равенство на нуле создаст действительную гарантию безопасности для всех народов, что это чувство безопасности будет настолько сильно, что ни в одной стране правительство не сможет, если даже захочет, мобилизовать одни народы для нападения на другие.

Я, кажется, перечислил важнейшие возражения, которые делались в Подготовительной комиссии против полного разоружения. Я готов допустить возможность новых возражений, не высказанных еще в Подготовительной комиссии. Мы охотно выслушаем их здесь. Мы, однако, убеждены в том, что, какие бы дефекты ни могли быть найдены в предлагаемой нами схеме, преимущества ее совершенно их перекрывают. Другой альтернативы нет. Другой гарантии против войны мы не видим. Ее не дают ни сокращение вооружений, ни тем более ограничение вооружений и упразднение тех или иных средств вооружений.

СССР желает мира

Государство, которое я имею честь представлять, дорожит не меньше, а, вероятно, больше своей независимостью, чем другие государства. Оно нуждается в безопасности не меньше, а больше, чем другие государства. Завоевав себе героическими усилиями действительную свободу, рабочие и крестьяне Советского Союза после изнурительной мировой войны должны были дополнительно три года вооруженной рукой защищать эту свободу против покушений на нее изнутри и извне. Затем 12 лет они с величайшим энтузиазмом работают над закладыванием фундамента нового строя. Они осуществили величайшие экономические планы, которые еще несколько лет тому назад вне Советского Союза характеризовались как утопия. Они знают, что нарушение безопасности их государства, иноземное вторжение может грозить уничтожением построенного ими фундамента, уничтожением надежд на скорое осуществление нового строя.

Тем не менее они не почувствовали бы никакой угрозы себе от уничтожения вооруженных сил Советского Союза при условии уничтожения вооруженных сил и других государств. Наоборот, у них усилится чувство безопасности, и они несколько не будут бояться нападения безоружных народных масс других стран, несмотря на то что Союз граничит с такими численно превосходящими его народами, как китайский и

индийский. Полное всеобщее разоружение не создает опасности и для других народов.

Но каково бы ни было отношение других государств к предложению о полном разоружении, Советское правительство не может пройти мимо возможности, которую представляет для него нынешняя Всемирная конференция для постановки проблемы о полном разоружении. Если не на нынешней конференции, то где же эта проблема может быть поставлена? Голосование по этому вопросу независимо от его исхода будет полно глубокого исторического значения и не пройдет бесследно в истории международных отношений. Вот почему я позволяю себе рекомендовать вашему вниманию и поставить на ваше обсуждение советский проект резолюции⁶³.

Печат. по газ. «Известия» № 56 (4623),

26 февраля 1932 г.

Опубл. в сб. «Actes de la Conférence...»,

Série B. Vol. I, pp. 6—8.

91. Телеграмма Генерального консула СССР в Харбине в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

25 февраля 1932 г.

Телеграмма от 24 февраля (№ 1327) получена в 18 часов *. В 19 часов меня посетил управляющий японского консульства и указал, что командование обеспокоено отсутствием ответа. Он боится, нет ли опасений по поводу передвижения войск на восток, в связи с чем хочет рассеять недоразумение, подчеркивая, что речь идет об отправке войск только до станции Муданьцзян (район Нингута **) и что это не направлено против СССР. Я ответил, что мне известно заявление представителя военной миссии о возможности отправки войск до Пограничной и что мне кажется, что правительственные круги передали вопрос на разрешение Москвы, изложив мотивировку вашего № 1327. Он снова от имени командования подчеркнул, что не видит необходимости в отправке до Пограничной и что речь идет только об охране резидентов и не преследуются никакие антисоветские цели. При этом отметил, что войска из Чанчуня уже прибыли и что командование наметило отправку их завтра утром и, если обе стороны не договорятся, то возможны неприятности. Я снова изложил № 1327, отметив с личной точки зрения странность его предупреждения и указав, что «не на все неприятности одинаково реагируют и что неприятности не

* См. док. № 89.

** Совр.— Ниньянь.

способствуют развитию отношений». Японец заявил о согласии и сказал, что имеет только в виду то, что «неприятно, если вопрос останется неразрешенным еще долго».

В 21 час Кузнецов посетил представитель военной миссии, которому Кузнецов несколько раз изложил ваш № 1327. Представитель, указав, что понимает перенос вопроса в Москву для переговоров с Токио, намекнул, что командованию это не нравится. Представитель указал, что прибывшие из Чанчуня войска «наверно, будут решать вопрос самостоятельно», на что Кузнецов ответил, что с ним речь может идти только о законных действиях и что дисциплинированная армия не совершает никаких актов без приказа начальства. При этом Кузнецов отметил, что сегодня вечером японские чины самовольно явились в депо станции Харбин и переписали номера всех паровозов. Представитель просил ответ Москвы сообщить немедленно*.

У нас создалось впечатление, что отсутствием в течение двух дней ответа японцы обеспокоены. По имеющимся сведениям, два полка выступают походным порядком в Имяньбо, но остальные рассчитывают ехать по железной дороге.

Славуцкий

Печат. по арх.

92. Запись беседы Полиомочиого Представителя СССР в Греции с Генеральным директором Министерства Иностранных Дел Греции Маврудисом

25 февраля 1932 г.

Беседа состоялась в МИД. Предметом ее послужило следующее: 1) затруднения торгпредства в деле получения валюты за реализованные им товары; 2) финансовое положение Греции; 3) вопрос о займе 1833 г.; 4) вопрос о пересмотре административных мер, примененных в СССР к некоторым категориям греческих граждан.

Валютные затруднения торгпредства. Полпред сообщил Маврудису, что, несмотря на директивы, данные Венизелосом валютной комиссии минувшей осенью относительно беспрепятственной выдачи валюты для покупателей советского хлеба, а также вопреки обещаниям председателя валютной комиссии Григорну всемерно облегчать получение валюты покупателями советских продуктов первой необходимости, расчеты торгпредства с греческими коммерсантами по заключенным сделкам и доставленным товарам чрезвычайно

* См. также док. № 97, 100.

осложнились. В настоящее время торгпредству не уплачено 700 тыс. долл., и сумма эта грозит еще увеличиться, если торгпредство будет продолжать свои торговые операции, не урегулировав создавшегося положения и не получив твердых гарантий, что следуемая ему валюта будет действительно выплачена.

Ввиду запрещения Москвою производить расчеты с покупателями торгпредства в драмах, а также вследствие приостановки нормальной работы валютной комиссии торгпредство вынуждено со своей стороны занять выжидательное положение. Со вчерашнего дня оно отказывается от всяких сделок с покупателями, не располагающими разрешениями комиссии на выдачу им валюты, и стоит перед вопросом, может ли оно без прямого ущерба для торговых интересов СССР продолжать подвоз в Грецию хлеба, угля, предметов первой необходимости и широкого потребления. Полпред считает своим долгом сигнализировать это МИД в надежде, что последним будут приняты немедленные меры к урегулированию создавшегося положения. Само собой разумеется, полпред готов более конкретные и детальные переговоры по этому поводу вести и с министерством национальной экономики и, если понадобится, с председателем совета министров.

Финансовое положение Греции. Маврудис ответил полпреду, что финансовое положение Греции представляется более тяжелым, нежели можно было ожидать. Со времени издания сентябрьских валютных правил, золото продолжало уходить из Греции за границу всяческими путями. В результате — «сюрприз», вынуждающий правительство проводить чрезвычайные меры экономии. В данный момент кабинет занят разработкой мер по сокращению импорта и по регулированию валютных расходов. Положение советского экспорта в Грецию представляется сравнительно благоприятным. Из СССР в Грецию ввозятся товары первой необходимости и широкого потребления, которые при всех условиях Греция вынуждена покупать за валюту. Сам Веиззелос принял на себя руководство работой валютной комиссии. Ближайшим его помощником, практически разрешающим все текущие вопросы, является директор банка Греции Григорну. Маврудис считал бы желательным, чтобы полпред переговорил с Григорну. Он уверен, что последний примет все зависящие меры, дабы удовлетворить законные требования торгпредства.

Полпред поинтересовался узнать, практикуются ли вообще свидания представителей дипкорпуса с дирекцией банка Греции. Маврудис ответил, что в настоящий момент приходится меньше считаться с условиями. Во всяком случае, он предупредит Григорну о предстоящем визите полпреда и даст соответствующие указания Григорну.

В результате было условлено, что полпредство осведомится по телефону у Маврудиса, когда могло бы состояться свидание полпреда с Григориу*.

Заем 1833 г. Маврудис задал полпреду вопрос, как отнесся НКИД к последним предложениям Михалакопулоса**, связанным с вопросом о займе 1833 г.

Полпред ответил, что он не имеет еще ответа НКИД. Возможно, что вопрос согласовывается с наркомом, находящимся в Женеве.

Пересмотр административных дел греческих граждан в СССР. В заключение беседы полпред сообщил Маврудису, что в ближайшее время следует ожидать высылки в Грецию ряда греческих граждан, подвергшихся в СССР известным мерам административного взыскания, получивших смягчение своей участи вследствие ходатайства об этом греческого посланника в Москве Псарудаса. Маврудис выразил по этому поводу свое удовлетворение.

Потемкин

Печат. по арх.

93. Запись бесед Полномочного Представителя СССР в Норвегии с Министром Иностранных Дел Норвегии Бродландом и Заместителем Министра Иностранных Дел Норвегии Эсмарком

25 февраля, 9 марта 1932 г.

Ввиду того что после получения нами последней ноты норвежского правительства от 20 февраля, кончавшейся выражением готовности вступить с нами в переговоры по вопросу об увеличении нашего экспорта, норвежское правительство само никаких шагов в этом направлении не предпринимало, а посетивший меня 22 февраля Иогансен*** склонен был свести весь спор о возобновлении госгарантии к покупке норвежцами у нас 60—70 тыс. т зерна взамен покупки нами сельди и немедленного заключения госгарантии,—ввиду всего этого мое посещение Бродланда 25 февраля имело целью: во-первых, выяснить, какими конкретными мерами норвежское правительство думает осуществить свою готовность, выраженную в ноте, и, во-вторых, выяснить его отношение к предложению Иогансена.

В кабинете Бродланда я застал также и Эсмарка. Это, конечно, не было случайно. На мой вопрос Бродланду, какими мерами норвежское правительство думает пойти навстречу

* См. также док. № 142.

** См. док. № 69.

*** Зав. торгово-политическим отделом МИД Норвегии.

выравниванию нашего экспорта и тем ускорить заключение госгарантии, Эсмарк, опережая Бродланда, заявил: «Поздно говорить о госгарантии, так как интерес к сельди у нас уже прошел». Это заявление Эсмарка было поддержано одобрительным кивком головы Бродланда. Что же касается предложения Иогансена, то мне было заявлено, что правительство само никакого нажима на хлебную монополию делать не сможет (у них, мол, нет монополии внешней торговли) и лишь принимает к сведению готовность хлебников забрать у нас 60—70 тыс. т зерна, видя в этом предпосылку для немедленной закупки у них сельди и подписания госгарантии. Тут Эсмарк обратился ко мне с вопросом: «Можете ли вы сегодня или завтра купить сельдь и подписать договор о госгарантии, так как больше двух дней мы ждать не можем и вопрос должен обсуждаться сторингом?».

Я ответил, что закупку сельди и возобновление госгарантии мы обуславливаем конкретными заверениями об улучшении нашего баланса. «Если бы вы их нам дали сегодня или завтра, то дело было бы в порядке. Вместо этого, обнадеживши нас нотой, вы теперь заявляете, что цу шпэт*. Если это действительно так, то жалко для обеих сторон. Хотя,—прибавил я,—по имеющимся у нашего торгпредства данным, по непрекращающимся обращениям сельдяников, да и по заявлению Иогансена, бывшего у меня 22-го, у нас не создалось впечатления, будто бы вам уже поздно продать нам сельдь. И вообще,—продолжал я,—снoшения наши с вашими фирмами убеждают нас в возможности договориться с ними на счет увеличения нами ввоза наших товаров в Норвегию. И потому я позволю себе задать вопрос, пыталось ли министерство иностранных дел до или после посылки нам ноты установить связь с этими фирмами, чтобы наглядно убедиться в возможности реализации своего обещания». Тут я выразил уверенность в том, что совещание с хлебниками, лесниками и фрахтовщиками убедило бы правительство в возможности реализации данного в ноте обещания и быстро стовориться с нами. В ответ на это мое, по-видимому, неожиданное заявление оба мои собеседника переглянулись и заявили, что действительной такой попытки непосредственного контакта с фирмами у мининдела еще не было. Бродланд, тут же заявивши, что, быть может, удастся действительно договориться, просил Эсмарка на завтра, т. е. на 26-е, созвать их и поговорить с ними об увеличении закупок у нас. Эсмарк на это дал свое согласие и обещал о результатах поставить меня в известность на следующий же день. Причем и Бродланд и Эсмарк неоднократно в течение беседы подчеркивали, что в

* — слишком поздно (нем.).

сущности уже поздно говорить о сельди, ссылаясь на заявление министра торговли Пера Ларсена. В заключение я счел необходимым еще раз заявить, что, идя на возобновление госгарантии и на покупку сельди, мы должны иметь перспективу роста нашего экспорта и что заключительный абзац их ноты мы иначе не могли понимать, как наличие у норвежского правительства выясненных возможностей улучшения нашего баланса.

На этом беседа наша закончилась.

По возвращении из министерства я тотчас же был вызван к телефону Эсмарком, который мне сообщил, что обещанное на завтра совещание с хозяйственниками не может состояться, так как министр торговли Ларсен нашел это цу шпэт и ввиду того, что он (Ларсен) сам с фирмами говорил, то было бы желательно, чтобы торгпред зашел к нему. Зная хорошо из предыдущих переговоров отношение Ларсена к увеличению нашего экспорта, я, конечно, не мог иначе расценить этот маневр как замаскированный отказ от конкретных разговоров, но все же дал согласие на немедленное свидание Рогозинского * с Ларсеном, чтобы еще раз доказать нашу готовность на возобновление госгарантии. Как и следовало ожидать, эта беседа никакой готовности Ларсена пойти нам навстречу не выявила и лейтмотивом ее было то же самое цу шпэт, что и у Бродланда с Эсмарком.

Это обстоятельство, воспринятое нами в связи с предыдущими переговорами, могло быть нами истолковано лишь как определенное нежелание норвежского правительства допустить возобновление госгарантии.

Запись беседы с Эсмарком от 9 марта 1932 г.

Явившись к Эсмарку (Бродланд еще в Женеве), я сослался на состоявшееся накануне постановление стортинга о возобновлении с нами переговоров по госгарантии ** и на соответствующее обращение министерства торговли к нашему торгпредству. Сообщение мое о нашей делегации, о ее составе и о целесообразности выделения соответствующей делегации со стороны норвежского правительства было встречено сочувственно, причем Эсмарк тут же заявил, что возглавлять норвежскую делегацию будет он, а в состав ее войдут Иогансен и начальник одного из департаментов торговли, принимавший уже участие в прежних переговорах, Гиверальд-Хансен. Согласился он со мною также в том, что переговоры будут вестись между четырьмя, а мы будем вмешиваться по мере надобности или встречающихся затруднений. На мое заявление о своеобразности толкования Пером Ларсеном статус-кво

* Торговый представитель СССР в Норвегии.

** См. также док. № 119.

в его стортигской речи⁶⁴ и на мои опасения, как бы по заключении госгарантии не чинили бы новых препятствий торгпредству, Эсмарк обещал ознакомиться с текстом речи Ларсена, с тем чтобы при надобности обсудить потом этот вопрос. Прощаясь, я заявил, что гг. Киссин* и Рогозинский готовы приступить к переговорам с норвежскими делегатами сегодня в 1 час дня. Он обещал сообщить об этом своей стороне. 9-го в 1 час дня состоялось первое совещание сторон⁶⁵.

Полпред СССР в Норвегии
А. Бекзаян

Печат. по арх.

94. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР, из Женевы

26 февраля 1932 г.

Вайцек** по поручению Берлина сообщил мне об американском предложении Германии касательно Вашингтонского соглашения, о котором, вероятно, вам уже сообщил Дирксен⁶⁶. Вайцек, как и Гранди, подтвердил, что о приглашении не членов Лиги наций на ассамблею речи больше нет. Тут думают, что с опубликованием письма Стимсона на имя Бора*** Америка может считать излишним всякие конференции по дальневосточному конфликту.

Печат. по арх.

Литвинов

95. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР, из Женевы ****

Немедленно
26 февраля 1932 г.

Сегодня Залесский сказал мне, что Польша не введет в силу пакт****, если не войдут в силу также пакты с Прибал-

* Член коллегии Народного комиссариата внешней торговли СССР.

** Член делегации Германии на Конференции по сокращению и ограничению вооружений.

*** См. «Сборники документов по международной политике...», вып. III, М., 1932, стр. 67—70.

**** Копия телеграммы направлена в полпредство СССР во Францию.

***** Советско-польский договор о ненападении, парафированный 25 января 1932 г., был подписан 25 июля 1932 г. (см. док. № 300) и ратифицирован президентом Польской Республики 26 ноября 1932 г.

тикой и Румынией, даже по их вине. Он якобы рекомендует Румынии не настаивать на ее требованиях * и еще надеется на возобновление переговоров. Он, однако, полагает, что при новом французском правительстве франко-советский пакт ** не будет подписан, так как и в прежнем кабинете Лаваль стоял за подписание, а Тардые этому противился. Возможно также, что Тардые будет удерживать и Румынию от пакта. Залесский также намекал на сопротивление румынского короля, который может теперь найти поддержку у Тардые.

Литвинов

Печат. по арх.

96. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании

26 февраля 1932 г.

1. В последнем заседании инстанции обсуждался вопрос о нашей торговле с Англией.

Принято решение вступить в переговоры о нашем экспорте и импорте и о кредитных условиях, одним словом, договориться с английским правительством о всей совокупности наших торговых взаимоотношений. Решено, что эти переговоры будете вести не Вы, а т. Озерский ***. Мотив такого решения прямо указан в постановлении инстанции. Он заключается в том, что если бы переговоры велись между Вами и МИД, то неудачный исход переговоров — а это далеко не исключено — мог бы больше отразиться на политических взаимоотношениях между СССР и Великобританией, чем неудачный исход переговоров между Озерским и Ренсименом ****. Тут же было, однако, указано, что, хотя Вы не будете принимать официального участия в переговорах, но т. Озерский, конечно, должен согласовывать с Вами свои шаги. Официально же Ваша роль ограничится тем, что Вы посетите Саймона и скажете ему, что ведение переговоров об экспорте и импорте поручено т. Озерскому, который получил соответствующие директивы.

Я думаю, что между Вами и Озерским никаких трений при ведении переговоров не возникнет, что т. Озерский будет обсуждать с Вами все свои шаги — таково ведь общее положение о взаимоотношениях между торгпредом и полпредом.

2. Сущность директив, для отправки которых мы сегодня посылаем специального курьера, заключается в следующем.

* См. док. № 41.

** См. т. XIV, док. № 229.

*** Торгпред СССР в Великобритании.

**** Министр торговли Великобритании.

Мы идем на расширение наших закупок в Англии. Намеченная директивной цифра примерно соответствует тому, о чем Вы писали в Вашем письме⁶⁷. Вы писали о 14 млн. ф. ст. на изделия английской промышленности и 8 млн. ф. ст. на реэкспортные товары из доминионов. Предположено же закупить на 20 млн. ф. ст., из них на 15 млн. ф. ст. изделий английской промышленности и на 5 млн. ф. ст. реэкспортных товаров.

Предпосылкой такового увеличения наших закупок в Англии является обеспечение нам существовавшей до сих пор свободы продажи наших экспортных товаров. Если с английской стороны последуют какие-нибудь стеснения для импорта наших товаров в Англию, мы, конечно, не можем и не станем размещать в Англии указанное выше количество заказов.

Второй предпосылкой являются кредитные условия. На условиях краткосрочного кредита (12 месяцев) мы согласны разместить лишь 10% наших заказов, именно на 1,5 млн. ф. ст. Это главным образом заказы на ферросплавы и другие подобные виды полуфабрикатов. На 4,5 млн. ф. ст. мы готовы закупить черные металлы, если нам будет предоставлен 18-месячный кредит со дня поставки товара. И, наконец, на 9 млн. ф. ст. мы готовы разместить заказы на тяжелое оборудование с кредитом на 24 месяца со дня поставки товара.

При более долгих сроках кредита можно было бы говорить и о еще большем расширении наших заказов в 1932 г. Но это нежелательно. Нельзя так же принимать на себя обязательства относительно заказов в 1933 г.

Как Вы видите, точка зрения инстанции совпадает с тем, что я писал Вам в прошлом письме⁶⁸, именно что мы не можем принимать на себя сколько-нибудь значительные платежные обязательства на 1933 г.

По линии Наркомвнешторга сегодня посылаются более подробные указания⁶⁹. Поэтому я ограничиваюсь лишь этим кратким изложением сущности принятой директивы*.

С товарищеским приветом

Н. Крестинский

Печат. по арх.

97. Сообщение советской печати о беседе Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Хирота

26 февраля 1932 г.

24 февраля состоялся прием посла Японии у замнаркоминдела т. Карахана. По поручению Советского правительства были поставлены послу следующие вопросы:

* См. также док. № 68, 110.

1. Японское командование в Харбине обратилось к КВЖД с просьбой предоставить 17 эшелонов для перевозки войск в Иманьбо и дальше к Пограничной под предлогом защиты жизни японских резидентов*. Послу было заявлено, что эта просьба о перевозках не является обычной перевозкой войск, имевшей место до сих пор, так как теперь войска предполагается перебросить к советским границам. Это выходит за пределы компетенции правления КВЖД. Советское правительство просит сообщить, известно ли японскому правительству об этой просьбе японского командования, и, если известно, Советское правительство просит дать по этому вопросу разъяснения.

2. Японское командование в Харбине предложило правлению КВЖД заключить соглашение о перевозках японских войск по всей линии КВЖД со скидкой со стоимости перевоза 50% и перевозить бесплатно японские войска, предназначенные для охраны КВЖД**. Послу было заявлено, что предложенное соглашение о перевозках носит не технический, а политический характер, а также затрагивает договоры, существующие между СССР и Японией, с одной стороны, и СССР и Китаем, с другой стороны, поэтому вопрос выходит за пределы компетенции правления КВЖД как коммерческого предприятия. Советское правительство просит сообщить, известно ли японскому правительству об этом предложении и просит дать по этому поводу разъяснения.

3. Послу было сообщено далее об активизации белых в Маньчжурии при покровительстве и прямой поддержке со стороны японцев и обращено внимание, что это расходится с успокоительными заверениями Хирота Литвинову и Карахану о неподдержке белых японцами⁷⁰. От имени Советского правительства т. Карахан просил посла дать разъяснение о деятельности белых.

4. Наконец, т. Карахан попросил посла дать информацию о вновь образующемся в Маньчжурии государстве и его характере.

Японский посол г. Хирота обещал немедленно запросить японское правительство по всем изложенным вопросам***.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 56 (4523), 25 февраля 1935 г.*

* См. док. № 86.

** См. док. № 81.

*** См. док. № 100.

**98. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии
А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных
Дел СССР**

*Немедленно
26 февраля 1932 г.*

Сегодня американский, английский, французский и итальянский послы порознь делали демарши по поводу использования японцами селтльмента в Шанхае⁷¹, а также по поводу попадания китайских снарядов в иностранные суда благодаря близости к ним японских. Все демарши сделаны в чрезвычайно любезной форме. Каждый делал вид, что он делает демарш потому, что делают другие. Хотя иностранные банки отказывают теперь в кредите под товар, который должен прибыть в Японию в течение ближайших двух месяцев, хотя Японией все недовольны, но маловероятно, чтобы кто-либо активно выступил против нее, если положение неожиданно не осложнится.

За последнее время сэйюкаевцы* и рыбаки снова поднимают рыболовный вопрос.

Полпред

Печат. по арх.

**99. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата
Иностранных Дел СССР с Посланником Швеции в СССР
Юлленшерна**

28 февраля 1932 г.

1. Юлленшерна пришел запросить по поручению шведского правительства о нашей готовности принять участие в созываемой по инициативе шведского правительства в мае этого года конференции для согласования работы радиомаяков в Балтийском море, Каттегате, Скагерраке и на прилегающих фарватерах. К участию на конференции имеется в виду привлечь все государства, прилегающие к Балтийскому морю и к названным проливам. Юлленшерна вручил прилагаемый меморандум на русском языке⁷². (Из пояснений Юлленшерна отмечу лишь, что до сих пор на Балтийском море имеется, по его сообщению, только 24 радиомаяка **: 11 датских, 8 германских, 2 латвийских, 2 польских, 1 норвежский и 4 шведских. По сведениям шведского правительства, предполагается постройка новых радиомаяков со стороны Финляндии, Латвии, Эстонии и СССР.)

* Имеются в виду лидеры японской партии Сэйюкай.

** Так в тексте. Эта цифра не совпадает с итогом по отдельным странам.

Я обещал снестись с соответствующими ведомствами и дать Юлленшерна, как он просил, возможно скорый ответ.

2. После этого между нами завязалась довольно продолжительная беседа на разные политические темы. Заслуживают быть отмеченными следующие сообщения Юлленшерна:

а) Вопрос о политической антанте или таможенном союзе с Англией обсуждается в некоторых шведских кругах. Однако никаких ответственных решений или даже обсуждения этого вопроса не было. Он, Юлленшерна, думает, что о таможенном союзе не может быть и речи, а лишь о некотором большем экономическом сближении с Англией*. Конечно, это затруднит торгово-политические отношения Швеции с некоторыми другими государствами, особенно с Германией.

Однако Англия представляет для Швеции гораздо больший интерес, чем Германия, поскольку торговый баланс с первой является очень выгодным для Швеции.

б) Несмотря на то что даже такие столпы фритредерства, как Англия и Голландия, сошли со своих традиционных позиций, шведская общественность до настоящего времени с поразительным единодушием высказывается против всяких увлечений протекционизмом.

в) Конференция по разоружению продолжает занимать шведскую общественность, и от нее все же ждут хотя бы частичных успехов. В Швеции очень сочувственно относятся к позиции, занятой нашей делегацией в Женеве. Если Рамель не голосовал за заявление г. Литвинова**, то только потому, что он считал безнадежным его принятие. По существу же, сочувствие идее разоружения в Швеции так велико, что социал-демократы и либералы, имеющие большинство в парламенте, высказываются за далеко идущее сокращение вооружений даже в том случае, если в Женеве не будет принято общего сокращения вооружений.

г) В Швеции относятся спокойно к антишведскому движению в Финляндии. Шведы понимают исторические и экономические причины этого движения и относятся философски. Не следует ожидать ухудшения отношений с Финляндией на этой почве.

д) В Швеции весьма интересуются японо-китайским конфликтом и вопросом о возможности осложнений между Японией и СССР. Большой интерес вызывают четыре вопроса, поставленные г. Караханом японскому послу***. Он, Юлленшерна, видит в постановке этих вопросов занятие Советским Союзом более твердой позиции в отношении Японии.

* См. также док. № 432.

** См. док. № 82.

*** См. док. № 97.

Я разъяснил посланнику вкратце сущность нашей позиции, указав, что она остается неизменной во время всего японо-китайского конфликта и диктуется, с одной стороны, охраной наших законных интересов на Дальнем Востоке, а с другой, стремлением к сохранению мира, что является основой всей нашей внешней политики.

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

100. Сообщение советской печати о беседе Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л. М. Карахана с Послом Японии в СССР Хирота

29 февраля 1932 г.

27 февраля с. г. японский посол г. Хирота посетил заместителя народного комиссара по иностранным делам т. Л. М. Карахана и в ответ на вопросы, поставленные ему т. Караханом 24 сего февраля *, сделал по поручению японского правительства следующее заявление.

ЗАЯВЛЕНИЕ г. ХИРОТА

1. По второму пункту запроса Советского правительства о предложении японского командования правлению КВЖД заключить соглашение о перевозках японских войск по КВЖД японскому правительству ничего не известно, и оно запросило по этому поводу японские власти в Маньчжурии.

2. Относительно деятельности белогвардейцев и образования нового государства японское правительство пришлет дополнительные телеграфные инструкции **.

3. Что же касается вопроса о перевозках японских войск по восточной линии КВЖД, то г. послу поручено дать следующие разъяснения:

Вследствие изменившегося положения вещей в районе восточной части КВЖД проживающие в этом районе японские подданные вынуждены бежать в Харбин и другие спокойные пункты Маньчжурии. Однако в этих местностях остается более 20 тыс. японских подданных (включая корейцев). Эти японские подданные не могут убежать из этого района ввиду их большого количества, и поэтому японскому командованию приходится послать войска для их защиты.

Войска не предполагается перебросить к границам СССР. Они будут отправлены в район Имяньбо и в случае крайней необходимости, может быть, будут отправлены до Хайлина.

* См. док. № 97.

** См. док. № 135.

Ввиду этого японское правительство дало инструкции послу, чтобы он снесся с Советским правительством по этому поводу и обратился бы с просьбой, чтобы Советское правительство послало инструкции своим представителям в Маньчжурии о положительном разрешении вопроса об использовании восточной линии КВЖД для перевозки японских войск.

Японское командование, конечно, относится с уважением к интересам и правам СССР в Северной Маньчжурии, и оно это доказало при отправлении своих войск в Цицикар и Харбин. Японское правительство просит правительство СССР не беспокоиться, что японские войска могут нарушить интересы и права СССР на КВЖД. Японское правительство заверяет, что эти интересы и права будут полностью уважаться. Единственная цель отправки войск на восток от Харбина — это спасение японских подданных.

Таким образом, японское правительство просит разрешения правительства СССР на отправку японских войск до ст. Имяньбо и, в крайнем случае, до Хайлина, — так же, как это в свое время было разрешено в отношении Цицикара и Харбина.

ЗАЯВЛЕНИЕ т. КАРАХАНА

В ответ на эту просьбу японского правительства т. Карахан в тот же день дал г. японскому послу от имени Союзного правительства следующий ответ.

В ответ на просьбу японского правительства о разрешении перевезти по КВЖД из Харбина до ст. Имяньбо, и в крайнем случае до ст. Хайлин, японские войска Советское правительство поручило мне сделать Вам следующее заявление:

Перевозка японских войск по Китайско-Восточной железной дороге находится в некотором противоречии с заключенным между СССР и Японией в Пекине в 1925 г. договором, в силу которого Портсмутский договор* сохраняет свою силу. Однако, принимая во внимание ссылку японского правительства на специальные обстоятельства, побудившие его обратиться с этой просьбой к Советскому правительству, и в особенности считаясь с тем, что китайские власти в Маньчжурии и китайская часть правления КВЖД обратились к правлению КВЖД с просьбой разрешить перевозку японских войск по восточной линии КВЖД, Советское правительство, в виде исключения и временной меры, соглашается дать указание советской части правления КВЖД о разрешении перевезти

* См. «Сборник договоров России с другими государствами (1856—1917)», М., 1952, стр. 337—344.

ограниченное количество японских войск из Харбина до ст. Имяньбо и только в крайнем случае до ст. Хайлин.

Давая согласие на перевозку японских войск до указанных выше станций, Советское правительство обуславливает это свое согласие заверением японского правительства, что права и интересы СССР на КВЖД ни в коем случае не будут нарушены японскими властями и командованием.

Кроме того, т. Карахан поставил перед японским послом два вопроса, касающиеся Портсмутского договора, с просьбой передать их японскому правительству для получения разъяснений.

1. В силу VII статьи Портсмутского договора, Россия и Япония обязались эксплуатировать железные дороги в Маньчжурии только в коммерческих и промышленных целях и «никоим образом не в целях стратегических». Частое обращение японского правительства с просьбой о перевозке японских войск по КВЖД и перевозка этих войск по КВЖД, т. е. использование этой дороги Японией в стратегических целях, подходит к случаям, предусмотренным указанной VII статьей Портсмутского договора, и Советское правительство считает, что такие факты ведут к нарушению Портсмутского договора.

Советское правительство строго соблюдает эту как и другие статьи Портсмутского договора. Советское правительство поручило мне запросить японское правительство, может ли оно рассчитывать на то, что японское правительство и японское командование также будут соблюдать VII статью Портсмутского договора в отношении КВЖД.

2. Советское правительство располагает проверенными сведениями, что за последнее время японские войска накапливаются в районах, прилегающих к советско-корейской границе. По ст. II Портсмутского договора обе стороны обязались «воздерживаться от принятия на русско-корейской границе каких-либо военных мер, могущих угрожать безопасности русской или корейской территории». Советское правительство, строго выполняя это обязательство, предусмотренное Портсмутским договором, хотело бы получить от японского правительства разъяснения в связи с фактом накопления японских войск у советско-корейской границы.

Японский посол обещал немедленно телеграфировать этот запрос в Токио *.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 59 (4526), 29 февраля 1932 г.*

* См. также док. № 113.

101. Телеграмма Полиомочного Представителя СССР в Турции Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

29 февраля 1932 г.

Шюкри Кая* просит информации о Дальнем Востоке. Шюкри Кая с беспокойством следит за событиями последних дней с укрепляющимся впечатлением, что японцы спроводируют нас на выступление. Он полагает, что это делается не без поддержки третьих стран. «За вовлечение СССР в конфликт Японии со стороны этих стран многое простится». Шюкри Кая распорядился, чтобы все агентские телеграммы от нас о Дальнем Востоке помещались полностью.

Полпред

Печат. по арх.

102. Телеграмма Полиомочного Представителя СССР в Японии А. А. Трояниовского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Немедленно
29 февраля 1932 г.

Видел сегодня Иосидзава, который по-прежнему плохо информирован. К сожалению, все еще не могу говорить непосредственно с Араки** и другими. Я спросил, почему японское правительство уклоняется от переговоров о пакте. Он ответил, что японское правительство не торопится, так как имеет пакт Келлога. Кроме того, надо сначала урегулировать рыбный вопрос и трудности с концессиями, так как нефтяная концессия почти не в состоянии работать благодаря чинимым препятствиям. Я сказал, что рыбный вопрос затягивается японским правительством, а о концессионном вопросе — первый раз слышу. Главное, пакт тут ни при чем, так как японское правительство, конечно, не собирается разрешать эти вопросы агрессией. Иосидзава опять собирается изучать эти вопросы. Он не знал предложения Карахана по рыбному вопросу***.

Полпред

Печат. по арх.

* Министр внутренних дел и и. о. министра иностранных дел Турции.

** Военный министр Японии.

*** См. док. № 29.

**103. Телеграмма члена Коллегии Народного Комиссариата
Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю
СССР в Литве М. А. Карскому**

1 марта 1932 г.

Хинчук сообщает, что Брюнинг принял решение применить меры экономического воздействия на Литву, если литовское правительство не назначит директорин, пользующейся доверием сеймика.

Телеграфируйте о положении *.

Стомоныков

Печат. по арх.

**104. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Ино-
странных Дел СССР с Послом Германии в СССР Дирк-
сеном**

2 марта 1932 г.

Я вызвал Дирксена к 5-ти часам и заявил ему следующее:

«Г-н посол, я пригласил Вас сегодня по неприятному и очень серьезному поводу. Наши власти на Дальнем Востоке с абсолютной несомненностью установили, что один из сотрудников вашего консульства во Владивостоке состоит в тесной связи с японским консульством и японскими кругами во Владивостоке и сообщает японцам информацию шпионского характера о наших военных передвижениях на Дальнем Востоке. Если бы даже передаваемые этим господином сведения соответствовали действительности, то и тогда невозможно было бы примириться с такой шпионской в пользу Японии деятельностью сотрудника консульства дружественной нам Германии. Но передаваемые им сведения частью преувеличены, а в огромной части совершенно вымышлены и могут преследовать исключительно провокационную цель вызвать осложнения в советско-японских отношениях.

Наши власти, считаясь с дружескими отношениями между германским и Советским правительствами, не приняли пока никаких мер против виновного в шпионаже и провокации сотрудника германского консульства, но я уполномочен правительством сообщить Вам об этом и выразить уверенность, что Вы сами примете меры к удалению виновного и к такой очистке аппарата владивостокского консульства, чтобы повторе-

* См. док. № 107.

ние шпионской и провокационной деятельности со стороны кого-либо из сотрудников стало совершенно невозможным. Если мое обращение к Вам не даст необходимых результатов, мы вынуждены будем принять собственные меры.

Я не называю Вам фамилии виновника, так как она мне еще не сообщена местными властями. Я думаю, что так как в вашем консульстве во Владивостоке работает, вероятно, всего несколько человек, Вам нетрудно будет установить, о ком идет речь».

Дирксен отнесся к моему заявлению очень серьезно и взволнованно. Он сказал мне, что он понимает всю серьезность моего заявления и необходимость для него принять меры, о которых я ему говорю. Он сейчас не может сообразить, о ком могла бы идти речь. Во Владивостоке имеется генеральный консул и секретарь консульства Вольный, старый чиновник министерства, которые, конечно, стоят вне всяких подозрений. Затем имеется переведенный во Владивосток из московского посольства делопроизводитель Кайзер, который прежде работал здесь в экономическом отделе посольства. Этот Кайзер — германский подданный, но из русских немцев, кажется, из прибалтов. Дирксен не помнит, чтобы в прошлом Кайзер был военным, но он это проверит по возвращении домой. Он, во всяком случае, просмотрит сейчас же список всех работников владивостокского консульства.

Я просил Дирксена сообщить мне потом о тех мерах персонального характера, которые будут им приняты.

Дирксен ответил, что он отдает себе полный отчет в серьезности того заявления, которое я ему сделал, и сообщит мне о принятых им мерах⁷³.

Крестинский

Печат. по арх.

105. Телеграмма члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии И. М. Майскому

2 марта 1932 г.

В переговорах с финской делегацией⁷⁴ НКВТ и председатели импортных объединений наметили номенклатуру возможных заказов, для выдачи которых поставлены условия: во-первых, обеспечение соответствующего нашего экспорта и, во-вторых, подходящие цены и кредитные условия для наших закупок. Делегация на основании этих сведений поведет в Гельсингфорсе переговоры относительно наших условий, особенно насчет продления срока государственных гарантий.

Финны остались приемом и результатами приезда, по-видимому, очень довольны. Цифра заказов не названа, да финны о ней и не спрашивали.

Стомоняков

Печат. по арх.

106. Из дневника Полномочного Представителя СССР в Германии

2 марта 1932 г.

2 марта состоялся у меня ужин. Список участников как со стороны немцев, так и с советской стороны при сем прилагаю *.

Ужин прошел оживленно. Начался ужин в 8 часов вечера и раньше 11 никто не уходил. Имел возможность беседовать с Дитрихом ** и Лютером *** по поводу чинных нам препятствий со стороны Рейхсбанка в осуществлении решений декабрьского протокола наших экспортных переговоров, а именно о покрытии наших платежей, домицилированных в Нью-Йорке и выписанных в иностранной валюте, рейхсмарками ****. Возражения Лютера сводились к тому, что эти решения имеют место в отношении выдаваемых в будущем векселей, но не в отношении тех, которые уже выданы и домицилированы в Нью-Йорке. Кроме того, Рейхсбанк не может взять на себя совершенно неизвестное обязательство, не выраженное в определенной сумме. Ведь и мы точных данных числа векселей, суммы их и т. п. не имеем. Я ему и Дитриху указал на то, что целью наших экспортных переговоров было добиться расширения нашего экспорта и подвести твердую базу для советско-германских отношений и для наших платежей. Далее указал, что мы на основе декабрьских решений продаем наши товары на рейхсмарки, но что до этого мы за свои товары выручали иностранную валюту и в значительно большем размере, чем платежи с нашей стороны в иностранной валюте. Наконец, я указал, что мы не можем рассчитывать в 1932 г. выручать в других странах столько излишней валюты, которой могли бы покрывать в Германии свои платежи. И Лютер и Дитрих обещали еще внимательнее вникнуть во все эти соображения и сообщить нам свое решение.

При разговоре присутствовал тоже Шеффер *****, который впоследствии отозвал меня и сказал, что советует мне на

* Не публикуется.

** Министр финансов Германии.

*** Президент Рейхсбанка.

**** См. также док. № 64.

***** Статс-секретарь министерства финансов Германии.

будущей неделе созвать совещание, пригласив Лютера, его заместителя, Шеффера, Тренделенбурга *. Он уверен, что в результате спокойного обсуждения Лютер согласится. Лютер, по его словам, человек хотя упрямый, но до известного предела. Он может не согласиться раз, два и даже пять раз, а на шестой, в результате спокойного обсуждения, соглашается.

Клекнер, ездивший председателем промышленной делегации в Москву **, сообщил мне, что он беседовал в правительстве и с канцлером Брюнингом; все они считают необходимым в ближайшее время ратифицировать решения декабрьского протокола и, кроме того, сочувственно отнеслись к финансированию новых советских заказов. Генерал Шлейхер *** вел себя весьма оживленно.

Следующий ужин состоится 17 марта 1932 г.

Л. Хинчук

Печат. по арх.

107. Телеграмма Поликомического Представителя СССР в Литве М. А. Карского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

2 марта 1932 г.

Английский поверенный в делах сообщил, что сигнаторы не действуют единодушно. Англичане стремятся не допустить обострения конфликта между Германией и Литвой, раздуваемого Францией. Ему известно о наших демаршах ****, которые весьма способствовали смягчению положения. В связи с этим по собственной инициативе считает необходимым дать мне следующую информацию: после больших усилий англичанам удалось обязать Зауниуса дать обещание, что сеймик не будет распущен и не будет ничего существенного предпринято до свидания Зауниуса с Саймоном в Женеве. Английский посланник заявил Зауниусу, что роспуск сеймика явится в то же время нарушением конвенции и резолюции Совета Лиги наций от 20 февраля *****; теперь англичане будут настаивать на образовании директории, пользующейся доверием сеймика. С другой стороны, англичане оказывают давление на Берлин.

* Статс-секретарь министерства экономики Германии.

** См. т. XIV, док. № 70, 77, 79, 97, 114.

*** Заместитель министра рейхсвера; с 1 июня — министр рейхсвера, с 3 декабря 1932 г. — рейхсканцлер и министр рейхсвера Германии.

**** См. док. № 74.

***** См. «Сборники документов по международной политике...», вып. IV, М., 1933, стр. 158—159.

По сведениям литовцев, в конце февраля штальгельм* собирался напасть на Мемель** и одновременно коридор. Принятыми мерами опасность устранена. Выслушав Престона, сказал ему, что мы не вмешиваемся в конкретные мемельские вопросы, но советовали обеим сторонам не обострять конфликта.

Аукштолис*** сообщил, что Зауннус по дороге в Женеву в Берлине будет иметь свидание с Бюловым.

В Мемеле продолжаются переговоры об образовании директории. Обе стороны проявляют неуступчивость.

Полпред

Печат. по арх.

108. Телеграмма неофициального Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

2 марта 1932 г.

В разговоре о положении на Дальнем Востоке Бора заявил мне, что, помимо прочих соображений, письмо Стимсона на его имя было вызвано намерением правительства поставить Лигу наций перед необходимостью следовать 3 марта⁷⁵ и позже за Америкой, а не наоборот. Он утверждает, что Америка не признает «независимость» Маньчжурии. Когда я напомнил ему историю с Кореей⁷⁶, он ответил, что это «темное пятно» на американской дипломатии.

Несмотря на выжидательность момента, Бора не ждет перемены Гувера к СССР****.

Сквирский

Печат. по арх.

109. Заявление Председателя советской делегации И. Я. Вейцера на пленарном заседании советско-итальянских экономических переговоров*****

3 марта 1932 г.

Мы охотно приняли сделанное нам итальянским правительством предложение о вступлении в экономические переговоры, исходя при этом из признания целесообразности и необходимости подведения твердого базиса под дальнейшее

* Вооруженная организация германской монополистической буржуазии и юнкерства.

** Клайпеда.

*** Директор департамента МНД Литвы.

**** См. также док. № 112, 176.

***** См. док. № 65.

укрепление экономических взаимоотношений между СССР и Италией.

Для достижения этой цели мы готовы обсудить основные вопросы дальнейшего расширения нашего экспорта и импорта.

За последние годы при относительно слабом росте, а в последнем году даже при уменьшении советского экспорта в Италию наблюдается бурный рост итальянского экспорта в СССР. Если экспорт Италии в СССР возрос вдвое против довоенного уровня, то экспорт СССР в Италию не достигает и $\frac{2}{3}$ довоенного.

В моем распоряжении имеются точные бухгалтерские данные наших торговых органов, которые отражают действительное положение товарооборота:

	<i>В тыс. лир</i>			
	<i>1927/28 г.</i>	<i>1928/29 г.</i>	<i>1929/30 г.</i>	<i>1931 г.</i>
Продано советских товаров в Италию (по ценам брутто) . .	259 835	325 795	599 731	460 496
Заказано итальянских товаров (по ценам нетто)	69 997	93 189	136 625	333 961

Эти данные показывают, что реализация советских товаров возросла за указанные годы (с 1927 по 1931 г.) менее чем на 80%, тогда как заказы итальянских товаров Союзом ССР за тот же период увеличились почти в 4,8 раза.

Особо значительную роль покупки СССР играют для отдельных отраслей итальянской промышленности: из всего итальянского экспорта машин и аппаратов на долю СССР падает свыше 45% (главным образом, электрооборудование, шарикоподшипники и пр.), для гидропланов доля участия СССР составляет около 75%, для алюминия 57%, для киноплёнки 75% и т. д. Единственной страной, которая в условиях жесточайшего кризиса 1931 г. значительно увеличила свой ввоз из Италии, был СССР.

Я считаю необходимым еще раз отметить, что при таких условиях продажа советских товаров в Италию за 1931 г. не только не увеличилась, но дала уменьшение на четверть по сравнению с 1929/30 г., тогда как при необходимом содействии со стороны итальянского правительства мы могли бы достигнуть увеличения наших продаж в Италии (например, хлеба, леса, нефти и т. п.). Это увеличение ни в какой мере не затронуло бы интересов итальянской национальной продукции.

Нам известно, что итальянская сторона жалуется на расхождение между советским экспортом в Италию и итальянским экспортом в СССР. Это расхождение, будучи обусловлено за прошедший период тем обстоятельством, что СССР ввозил в Италию необходимые для нее предметы продовольствия и сырья, а СССР покупал в Италии оборудование и

полуфабрикаты, является вполне естественным и нормальным, но в этом отношении в значительной мере сказалось и то обстоятельство, что Италия лишь сравнительно недавно стала активно выступать в качестве поставщика товаров в СССР. Ввиду этого итальянский экспорт в СССР, несмотря на свой бурный рост, не дошел до того уровня, которого можно было бы достигнуть при наличии более длительной работы в этой области.

Тем не менее Советское правительство все время было озабочено увеличением как своего видимого импорта из Италии, так и невидимого. Доказательством этого служит тот факт, что СССР увеличил свои заказы в Италию с 70 млн. лир в 1927/28 г. до 334 млн. лир в 1931 г.

Кроме того, советские фрахтовые организации оказывали систематическое благоприятствование итальянскому торговому мореплаванию, в результате чего фрахтование итальянских судов, которое составляло сравнительно небольшие цифры в первые годы после восстановления нормальных торговых отношений между обеими странами, поднялось в 1928/29 г. до 1—1,1 млн. т и достигло рекордных размеров, а именно около 2,3 млн. т в 1931 г.

Мы ставим себе в качестве длительной задачи дальнейшее расширение торговых отношений с Италией как в смысле увеличения нашего экспорта в Италию, так и в смысле увеличения нашего импорта из Италии. Мы исходим при этом из того факта, что Италия и СССР благодаря их географическому положению и структуре их внешнего товарооборота принадлежат к числу стран, во внешней торговле которых отсутствуют столкновения интересов. Это дает нам основание рассчитывать на установление прочных и длительных экономических отношений между нашими странами.

Будучи уверены, что итальянская сторона пойдет навстречу нашим пожеланиям, направленным к обеспечению нашего экспорта на рынках отдельных товаров (хлеб, нефтепродукты, уголь, лес и т. д.), мы со своей стороны готовы предпринять шаги к упрочению итальянского экспорта в СССР. При заметном сокращении нашего общего импортного плана на 1932 г. мы могли бы, исходя из целесообразности установления длительных экономических отношений, стабилизировать и даже несколько увеличить наши закупки в Италию, разумеется, при наличии приемлемых коммерческих условий. При общем сокращении работы мирового торгового флота мы далее могли бы способствовать стабилизации и даже некоторому увеличению фрахтования итальянских судов по сравнению с прошлыми годами.

На базе взаимных торговых отношений за последние два года мы убедились, что итальянская промышленность сделала

за последние годы значительные технические успехи и что мы могли бы на основе этих успехов расширить нашу работу. Нужно, однако, констатировать, что наши хозяйственники и техники знакомы с производственными и техническими возможностями Италии в меньшей мере, чем с соответственными возможностями других стран, с которыми наша страна находится в более давних экономических отношениях. Это находит свое выражение также в том, что мы еще в недостаточной степени используем техническую помощь Италии.

Дальнейшая работа в том же направлении могла бы заметно расширить техническую помощь Италии в хозяйственном строительстве в СССР и тем самым увеличить невидимый экспорт Италии.

Нам известно, что итальянская сторона опасается роста пассивности Италии и ее платежного баланса. Эта пассивность по своим абсолютным размерам не велика, но и она обусловлена в значительной мере тем обстоятельством, что Италия сравнительно поздно стала активно выступать в качестве поставщика своих товаров в СССР. Но даже и при этом проводимое нами быстрое увеличение импорта из Италии противодействует росту пассивности платежного баланса. Об этом свидетельствует наш опыт в отношениях с некоторыми другими странами. Активность этих стран в развитии их экспорта в СССР, проявленная в более ранний период и сопровождавшаяся крупными кредитными акциями, привела к тому, что эти страны, имевшие пассивный платежный баланс с СССР, получают теперь значительные платежи, которые не только сближают актив и пассив в платежном балансе, но иногда дают даже активное платежное сальдо в пользу этих стран.

Поэтому мы считаем, что путь разрешения и этого вопроса лежит: а) в направлении закрепления той тенденции в увеличении итальянского экспорта в СССР, которая уже определенно наметилась, и б) в обеспечении нашего экспорта как предпосылки для установления прочных и длительных взаимных отношений между Италией и СССР.

Мы полагаем, что это единственный путь, обеспечивающий интересы обеих стран.

Мы уверены, что другой путь, заключающийся в уменьшении товарооборота между обеими странами, едва ли может быть объектом серьезного обсуждения, ибо такой путь, помимо всего прочего, означал бы не только сокращение выгодного для обеих стран товарооборота на данный отрезок времени, но и сворачивание его в перспективе ближайших лет.

Таким образом, основные выводы, на которых мы базируем наши предложения, сводятся к следующему:

1. Мы имеем тенденцию значительного роста нашего импорта из Италии при гораздо более замедленном росте нашего экспорта в Италию и даже его падении за последний год.

2. Пассивность платежного баланса для Италии, будучи по своим абсолютным размерам небольшой, обуславливается в значительной мере фактом позднего выступления Италии в качестве активного поставщика своих товаров в СССР.

3. Разрешение интересующих обе стороны вопросов должно иметь место на базе расширения взаимных торговых отношений.

В соответствии с этим мы выдвигаем следующие предложения:

1. Принятие мер, обеспечивающих соответствующий советский экспорт в Италию.

2. При этих условиях мы готовы:

а) принять на себя определенные обязательства в отношении размеров наших заказов в Италию,

б) стабилизировать и éventуально даже расширить размеры фрахтования итальянского тоннажа,

в) расширить использование итальянской технической помощи *.

Печат. по арх.

110. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с помощником Заместителя Министра Иностранных Дел Великобритании Олифантом

3 марта 1932 г.

Так как Саймон в связи с заседаниями Совета Лиги наций задержался в Женеве, а между тем было нецелесообразно откладывать сообщение форин офису о предстоящих переговорах т. Озерского **, я запросил свидание в форин офисе с заместителем Саймона, и мне было сообщено, что разговор со мной будет вести Олифант.

3 марта я имел с последним беседу. Я начал ее с заявления, что хочу прежде всего ликвидировать вопрос меньшей важности, а именно передать ему цифровые данные о результатах торгового баланса между Англией и СССР в 1931 г. с учетом так называемого невидимого экспорта (фрахты, страховки, проценты, административные расходы и т. п.). Эти наши данные являются-де предварительными и в дальнейшем могут быть уточнены (это предупреждение мне пришлось сделать ввиду того, что данные о торговом балансе, которыми

* См. также док. № 128, 131, 132, 156, 157.

** См. док. № 96.

располагает торгпредство, не являются еще вполне проверенными).

Передавая эту информацию ему, я выполнил обещание, которое т. Богомолов дал в этом отношении Саймону* и о котором за несколько дней до моего свидания с Олифантом Сеймур напомнил письмом на имя т. Богомолова**. Эта справка посылается Вам одновременно настоящей почтой⁷⁷.

Олифант поблагодарил за передачу ему справки о торговом балансе и заметил, что они произведут сопоставление наших исчислений с исчислениями, которые делает борд оф трейд***. Затем он попросил у меня разрешения прочесть для освежения в своей и моей памяти запись разговора с т. Богомоловым, сделанную в свое время Саймоном.

После этого я сказал, что Советское правительство поручило мне сделать сообщение форин офису в связи с тем пунктом разговора Саймона с т. Богомоловым, в котором Саймон указывал на желательность уменьшения неблагоприятного для Англии баланса англо-советской торговли. Советское правительство с момента подписания англо-советского торгового соглашения весной 1930 г.**** было воодушевлено желанием укреплять и развивать торговые отношения с Англией и стремилось к размещению значительных советских заказов на английском рынке. Советское правительство отнюдь не имело в виду понимать англо-советские торговые отношения в таком смысле, что они должны быть односторонними, т. е. чтобы размещению советского экспорта на английском рынке не соответствовал также экспорт английской продукции в Советский Союз. В результате соответствующей политики Советского правительства советские заказы в Англии из года в год возрастали и выросли в отношении заказов на английскую продукцию с 2,5 млн. ф. ст. в 1929 г. до 9 млн. ф. ст. (включая невыполненные заказы) в 1931 г. Однако для развития советского импорта необходимо создание благоприятных условий с английской стороны. Как только осенью 1931 г. были предоставлены достаточно благоприятные кредитные условия, советские заказы быстро выросли, составив в течение трех месяцев около 6 млн. ф. ст. Советское правительство и в дальнейшем готово проводить линию достаточно широкого использования возможностей английского рынка при условии, если советские заказы будут поставлены в условия, не худшие, чем те, которые даются в других странах, и если советскому экспорту в свою очередь не будет чиниться никаких специальных

* См. док. № 68.

** Имеется в виду письмо Сеймура, советника министерства иностранных дел Великобритании от 25 февраля 1932 г.

*** — министерство торговли Великобритании.

**** См. т. XIII, док. № 135.

препятствий. В соответствии с этой точкой зрения Советское правительство дало вполне определенную инструкцию торгпреду т. Озерскому, уполномочивающую его сделать конкретное предложение министерству торговли, с которым и должны вестись в дальнейшем переговоры делового характера. Тов. Озерский в ближайшие же дни предполагает запросить свидание с министром торговли Ренсименом. Я выразил уверенность, что Олифант вполне согласится с целесообразностью такого ведения переговоров.

На это Олифант сказал, что он вполне приветствует ведение переговоров между мистером Озерским и борд оф трейд, который и является подходящим местом для таких переговоров⁷⁸. Вместе с тем он выразил мне благодарность за сделанное от имени Советского правительства сообщение и сказал, что надеется, что переговоры смогут дать удовлетворение интересам обеих стран.

Так как в оглашенном им документе — записи беседы Саймона с т. Богомоловым — Саймон очень решительно подчеркнул пункт о необходимости для Советского правительства решиться на значительное израсходование в Англии своей стерлинговой наличности для оплаты заказов, я считал необходимым тут же сделать возражение по этому пункту. Я сказал Олифанту, что этот вопрос, конечно, будет предметом обсуждения, если потребуется, между т. Озерским и министерством торговли, но сейчас, не предвосхищая этих разговоров, я хочу изложить ему мои личные соображения, которые разъяснят позицию советской стороны по этому пункту. По нашему мнению, во-первых, размеры наших стерлинговых остатков в обычно принимаемых исчислениях чрезвычайно преувеличены, во-вторых, нельзя вырывать торговые отношения между СССР и Англией из комплекса торговых отношений, которые сложились в предыдущие годы между СССР и другими странами. Британское правительство раньше подходило к вопросу торговых отношений с СССР менее благоприятно, и вполне естественно, что СССР развивал импортные операции в других странах, с которыми он связан теперь определенными платежными обязательствами, вытекающими из ранее сделанных заказов. Поэтому было бы совершенно неправильно пытаться требовать от Советского правительства немедленного перенесения его наличных ресурсов на оплату английских заказов. Между улучшением торгового баланса Англии и СССР и улучшением платежного баланса в отношениях между этими странами должен пройти соответствующий срок.

На это Олифант сказал, что он вполне признает обоснованность и справедливость этой точки зрения и что, по его мнению, конечно, должно быть принято во внимание, что

наша стерлинговая наличность в Англии рассматривается нами как ангажированная ранее принятыми обязательствами.

После этого я задал ему вопрос насчет срока возвращения в Лондон Саймона. Олифант ответил, что Саймону придется сидеть в Женеве, хотя он сам-де рвется скорее вернуться, чтобы принять участие в работе парламента и кабинета.

Олифант сказал, что он доведет мое сообщение до сведения правительства и передаст борд оф трейд о том, что Озерский сделает им соответствующее сообщение *.

Полпред

Печат. по арх.

111. Сообщение Полномочного Представителя СССР во Франции о беседе с Председателем Совета Министров и Министром Иностранных Дел Франции Тардье **

4 марта 1932 г.

Ввиду того что Тардье был очень занят, беседа наша длилась только полчаса, и мы успели затронуть только вопрос о пакте. Что касается торговых переговоров, то я уже под самый конец беседы обратил на них внимание Тардье, который попросил отложить обсуждение до следующего свидания. Я привел Тардье те аргументы, которыми Бертело от имени Бриана, сам Бриан, а затем Лаваль обосновывали передо мной зависимость франко-советского пакта от пактов с Польшей и Румынией, затем отверг эту зависимость, как не признававшуюся нами и не вытекающую из программы переговоров ***, а затем опроверг по существу и сами аргументы, заключив, что если французское правительство хочет добиться от Польши и Румынии подписания пактов с Советским Союзом, то единственным верным путем для этого является подписание франко-советского пакта. Свое заявление о том, что СССР не в большей степени заинтересован в пакте, чем Франция, я сделал не во время изложения истории переговоров, а лишь в дальнейшем, когда у нас завязалась беседа и это пришлось к слову. Неуместных вопросов, подобно вопросам Лавалья о Бессарабии, Тардье не задавал, зато сделал прозрачный намек, который можно было понять так, что дальнейшие диспозиции его в вопросе о пакте могут зависеть от поведения советской делегации в Женеве. Я, конечно, не ожидал получить решающих ответов от Тардье во время этой пер-

* См. также док. № 195, 207, 215.

** Из письма в Народный комиссарнат иностранных дел СССР от 4 марта 1932 г. Беседа состоялась 2 марта 1932 г.

*** См. т. XIV, док. № 144.

вой беседы; наоборот, я был уверен заранее, что он отговорится недостаточным знакомством с вопросом и отложит дальнейшую беседу на некоторое время. Это случилось и на самом деле*.

С товарищеским приветом

В. Довгалецкий

Печат. по арх.

112. Телеграмма неофициального Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

5 марта 1932 г.

В дополнение к моей телеграмме от 2 марта**. В результате повторных разговоров и ввиду тревожности положения на Дальнем Востоке здесь будет сделана попытка добиваться перемены отношения к СССР через сенат и прессу***. Бора ведет переговоры с лидерами демократов и республиканцев сената.

В кругах госдепартамента считают угрозу по адресу СССР от Японии вполне реальной.

Сквирский

Печат. по арх.

113. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Хирога ****

5 марта 1932 г.

После обмена любезностями и осведомления о состоянии его здоровья я перешел к деловому разговору.

Казахан. Ответ японского правительства, врученный мне сегодня г. Амо⁷⁹, оставляет много неясностей. Внимательно рассмотрев, я многого не понял в нем. Объяснения японского правительства о том, что приведенные нами в нашем запросе***** факты не нарушают Портсмутского договора, мне не понятны. Поэтому до того, как Советское правительство ознакомится и будет рассматривать этот вопрос, я решил поговорить с Вами лично, чтобы получить от Вас разъяснения.

* См. также док. № 83. 144.

** См. док. № 108.

*** См. док. № 176.

**** В связи с тем, что Хирога был нездоров, беседа происходила у него на квартире.

***** См. док. № 100.

которые сделают, может быть, сегодняшний ответ японского правительства более понятным для меня.

Хирота. Я охотно дам Вам разъяснения, но только в порядке своего личного мнения. Что именно Вам неясно?

Карахан. Портсмутский договор, во-первых, запрещает использование железных дорог в стратегических целях и, во-вторых, разрешает как Японии, так и России для охраны своих дорог иметь стражу.

Присутствие на КВЖД регулярных японских войск, перевозка их по дороге, охрана отдельных участков КВЖД японскими регулярными частями — все это нарушает Портсмутский договор. Ответ японского правительства не разъяснил этого вопроса.

Хирота. Портсмутский договор, конечно, не предусматривает возможности использования железных дорог в стратегических целях. На КВЖД возникли особые обстоятельства, угрожающие японским резидентам. Японское правительство, желая отправить войска для их защиты, хотело в то же время соблюсти порядок, установленный на КВЖД с точки зрения коммерческих операций.

Поскольку существует Портсмутский договор, японская сторона обратилась к Советскому правительству за разрешением перевозки войск, причем она понимает эту отправку как исключительно защитную меру.

Карахан. В договоре ничего не сказано, что ст. VII не применяется, если войска отправляются для защиты резидентов.

Хирота. Конечно, Портсмутский договор не предусматривал таких особых обстоятельств. Но войска отправлены временно для защиты наших резидентов; отправка вызвана особыми обстоятельствами.

Ввиду того, что такова цель их отправки, в первой части заявления, сделанного Вам сегодня по поручению японского правительства, сказано, что права и интересы СССР не будут нарушены. Этим все вопросы должны быть разрешены.

Карахан. Ваши разъяснения не дают ответа на возникшие у меня неясности. То, что войска перевозятся для защиты резидентов, то, что Вы заверяете в нерушимости наших прав и интересов, откровенно признаюсь, не помогло моему пониманию японской точки зрения и не объяснило, как все, что происходит, укладывается в рамки Портсмутского договора.

Хирота. Согласно Портсмутскому договору русская сторона обязалась не иметь регулярных войск на КВЖД, а японская сторона — на ЮМЖД. Нынешнее положение не имеет связи с этими обязательствами. В настоящее время возникли особые обстоятельства — угроза жизни. Таким образом, мы придерживаемся мнения, что это особый вопрос, не

имеющий связи с Портсмутским договором. Мы рассматриваем отправку войск как эксплуатационную операцию КВЖД.

К а р а х а н. Если договор запрещает нам иметь на КВЖД регулярные войска и разрешает для охраны дороги иметь стражу, то тем более это запрещение должно быть строже применено в отношении японской стороны.

Х и р о т а. Видите ли, отправка имеет целью защиту резидентов и не имеет связи с охраной дороги. Резиденты жили на КВЖД, если бы они не жили вдоль дороги, вопрос не возник бы.

К а р а х а н. Договор запрещает использование дороги в стратегических целях и тем самым запрещает переброску регулярных частей как наших, так и ваших, независимо от цели.

Что же касается связи с охраной дороги, то японское командование без чьего бы то ни было согласия охраняло и охраняет некоторые участки КВЖД, а кроме того, добивается у правления дороги заключения соглашения, по которому оно хочет оформить охрану КВЖД японскими регулярными войсками*.

Х и р о т а. Какие участки охраняются?

К а р а х а н. Охрана японская имеется на южном участке, а, возможно, и на других участках.

Х и р о т а. Если бы это имело место на южном участке, то только из опасения, что дорога подвергнется нападению со стороны китайцев. Это было короткое время, и южную линию теперь охраняют гирийские войска.

Амо Вам передал, что японское командование хочет заключить соглашение о перевозках: о технических вопросах и о плате. Может, советская сторона рассматривает этот вопрос как политический, потому что дорога охранялась японскими войсками? Может, в этом недоразумение? Мы имеем сведения из Харбина о бесплатной перевозке охранных войск. Советская сторона, может, думает о перевозке больших частей? Мы имеем в виду, как здесь милиция ездит бесплатно на трамвае, в таком же роде.

К а р а х а н. Из того, что Вы сказали, видно, что Вы допускаете охрану дороги японскими частями. Как раз это является наиболее ярким нарушением Портсмутского договора. Японское командование не только фактически охраняет некоторые участки дороги и нарушает этим договор, но оно хочет подписанием соглашения, письменным документом нарушить обязательства Портсмутского договора. Вы видите, таким образом, что речь идет не о технических и коммерческих вопросах, а о политических вопросах, вытекающих из Портсмутского договора.

* См. док. № 81, 87.

Хирота. В вопросе о предложении японского командования заключить договор о перевозке войск японское правительство видит некоторое недоразумение. И японское правительство до сих пор официально к вам по этому вопросу не обратилось.

Японское правительство хочет узнать, по каким вопросам надо заключить соглашение в Харбине. Поскольку войска посылаются, возникают вопросы о плате, о вагонах. Есть ли с вашей стороны пожелания, в каких пределах можно заключить соглашение в Харбине?

Карахан. Ваши вопросы показывают, что Вы недооцениваете важности взаимных обязательств по Портсмутскому договору. Меня не интересует сейчас ни вопрос о плате, ни о количестве вагонов. Меня беспокоит то, что создавшееся положение противоречит и нарушает Портсмутский договор. Объяснения японского правительства не успокоили меня. Ваши личные объяснения, выслушанные мной с большим вниманием, не рассеяли моих сомнений, и мое беспокойство, что Портсмутский договор нарушен, не устранено. Мне кажется, что в этот основной вопрос должна быть внесена полная ясность.

Хирота. Я понимаю из Ваших слов, что советская сторона центр тяжести в предложении об особом соглашении видит в том, что оно противоречит Портсмутскому договору. Я думаю, что в вопросе о соглашении имеется несомненное недоразумение. Японское правительство сейчас не настаивает на заключении такого соглашения.

Карахан. Амо как раз просил сегодня о заключении такого соглашения.

Хирота. В полученной мной инструкции говорится, что это недоразумение. Поэтому вопрос этот японское правительство желает оставить в стороне и хочет заключить соглашение по чисто техническим вопросам.

Карахан. Я уже объяснил Вам, что все эти якобы технические соглашения непосредственно затрагивают Портсмутский договор.

Хирота. Здесь недоразумение. Поскольку войска отправлены и они должны вернуться, возникает вопрос о плате.

Карахан. Вопрос о плате не требует особого соглашения. Дорога имеет свои тарифы, нормы оплаты за перевозки, и для расплаты за перевозки японскому командованию не требуется заключение особого соглашения. Ваше мнение, что здесь недоразумение, отчасти правильно, но есть не одно, а много недоразумений. Есть много непониманий в отношении как фактов, так и взаимных обязательств.

Если взять другой вопрос, о накоплении японских войск у советско-китайской границы, то и здесь имеется много

неясного. Сегодняшний японский ответ не дает разъяснений, которые могли бы меня успокоить насчет обязательств по Портсмутскому договору.

Хирота. В ответе японского правительства даны объяснения. Я уже сообщал Вам, что в районе Канто находятся корейцы, настроенные против Японии, и в связи с этим туда направлены войска. У японского правительства нет никаких других целей, и это не имеет связи с Портсмутским договором.

Карахан. Японское правительство не отрицает сосредоточения войск у советско-корейской границы. Оно приводит лишь цели, которые, по его мнению, должны нас успокоить. Но вопрос не в мотивах, не в субъективных целях японского правительства, а в объективном факте — сосредоточении войск. С точки зрения Портсмутского договора только этот объективный факт имеет значение, а не цели, субъективные намерения стороны. Поэтому объяснения японского правительства мне непонятны, и я их не могу согласовать с договором.

Хирота. Я высказывал лишь свое личное мнение, дал свои личные объяснения. Если хотите, я попрошу мое правительство, чтобы оно дало ясный ответ.

Карахан. Мои высказывания носят также личный характер, хотя я буду, конечно, благодарен всяким дополнительным разъяснениям японского правительства. Однако мнение Советского правительства на сегодняшнее сообщение у меня будет позже*, когда Советское правительство ознакомится с вашим ответом.

Хирота. Я не вижу в вопросе о перевозках войск такого вопроса, который касался бы Портсмутского договора.

Карахан. Перевозка войск, их нахождение на КВЖД, охрана японскими войсками КВЖД, накопление японских войск у советско-корейской границы — все это теснейшим и непосредственным образом касается Портсмутского договора.

Хирота. Если бы имело место сосредоточение войск с нашей и вашей стороны, но таких фактов нет.

Карахан. С нашей стороны действительно нет, но с вашей стороны оно имеет место. Этого не отрицает сегодняшний ответ японского правительства.

Мне кажется, что за последнее время накопились факты, недоразумения, разногласия по существующим договорам. Сегодняшняя беседа с Вами показала, что между обеими сторонами существует ряд вопросов, по которым имеется непонимание, которое, если оставить его без внимания, не будет само

* См. док. № 124.

по себе уменьшаться, а, наоборот, может расти и создавать между двумя правительствами недоразумения. Я много думал об этом и хотел бы посоветоваться с Вами о том, что следовало бы предпринять, чтобы устранить существующие недоразумения и достигнуть взаимного понимания на вопросы, на которые мы теперь смотрим разное.

Хирота. Я думаю, что мы, конечно, обязаны устранить недоразумения, если (или раз) таковые есть. Советская сторона также отправляет свои войска на Дальний Восток. Вчера в официальной газете опубликована статья⁸⁰, в которой сказано, что советская сторона располагает документами, которые касаются разных серьезных вопросов. Посол сожалеет, что создается атмосфера, которая волнует общественное мнение. Нужно устранить такую атмосферу.

Карахан. Я не отрицаю, что не статья газеты, конечно, а разные серьезные факты не могут не волновать общество. Поэтому-то я и хотел посоветоваться с Вами о том, какие меры принять, чтобы улучшить атмосферу.

Хирота. Такая атмосфера существует только в Москве, так как здесь опубликована статья.

Карахан. Неверно, что дело в статье. Статья «Известий» является ответом, отражением фактов, уже в течение месяцев создаваемых в Маньчжурии, среди белых, у корейской границы. А документы, приведенные в статье, также написаны раньше самой статьи. Так что неправильно искать источник «атмосферы» в статье. А если Вы вспомните серию статей Хата, выступления Кухара и ряд других агрессивных выступлений японских деятелей⁸¹, Вы согласитесь, что вредную атмосферу создают с японской стороны.

Хирота. Да, но у нас опубликовывают только личные мнения, а у вас перевозят войска.

Карахан. Мы усиливаем наши дальневосточные гарнизоны — это факт. И это совершенно естественно после всех фактов последних месяцев усиления агрессивной деятельности белоохранителей против СССР, многочисленных агрессивных против СССР выступлений японских деятелей, когда рядом у границ СССР происходят факты, о которых Вы знаете лучше меня. Вы должны согласиться, что позиция, занятая статьей «Известий», совершенно правильна. Мне казалось, что вы должны были отнестись с полным и искренним уважением к мнению, высказанному в этой статье.

Мы не вмешиваемся в дела, которые происходят на чужой территории, но мы зорко следим и принимаем все меры в отношении неприкосновенности своей земли. В этом основной смысл статьи. Что касается того, что опубликованы только личные мнения, это не смягчает положения. Если в японских газетах видные государственные деятели и военные открыто

выступают агрессивно против СССР, это плохо. Это и значит создавать атмосферу.

Хирота. В связи с несчастными событиями в Маньчжурии японская сторона рассчитывала, что советская сторона понимает, что в Японии нет намерения вмешиваться в дела СССР, но в статье вашей газеты есть документы, из которых видно, что японская сторона имела заднюю мысль и придерживается агрессивной политики и что Япония имеет намерение вмешиваться в дела СССР.

Если это случилось, значит, японский дипломат, находящийся в СССР, не разъяснил энергичным образом, что у Японии нет никакого намерения вмешиваться в дела СССР. Надо создавшуюся атмосферу очистить.

Я жалею больше всего о том, что в статье «Известий» пишут, что располагают документами, в которых некоторые отдельные лица пишут о том, чтобы как можно скорее начать войну против СССР.

Опираясь на такое мнение частных лиц, СССР перебрасывает свои войска. С одной стороны, мнение частных лиц, а с другой — войска.

Карахан. Во-первых, газета пишет, что это мнение очень ответственных людей, так что с ними надо серьезно считаться. Во-вторых, если мы усиливаем наши дальневосточные гарнизоны, это не нарушает наших обязательств по существующим договорам. В-третьих, я не думаю, чтобы в Японии это усиление наших гарнизонов могло бы возбудить какие-либо вопросы, когда известно, что японские войска находятся за пределами своей территории и на КВЖД и у советско-корейской границы. И, наконец, в нашей стране нет лиц, которые были агрессивны против Японии, наша страна стояла и стоит за невмешательство в события на Дальнем Востоке, а в Японии влиятельные важные лица, целые группы военных, отдельные газеты агрессивно против СССР настроены и проявляют это на фактах.

Хирота. Меня беспокоит статья «Известий». У советской стороны есть документ, который дал основание к отправке войск. Это создает атмосферу нехорошую.

Карахан. Я только что разъяснил, что дело не только в документах и речь не идет об отправках войск. Не буду повторяться. Важно, что мы сходимся на существовании «атмосферы», которую надо устранить. Мне лично кажется, что самым лучшим способом был бы откровенный обмен мнениями по всем вопросам. У нас есть свое мнение, свое понимание фактов и договоров, и у японской стороны свое. Путем откровенного обмена мнениями мы могли бы существующие разнопонимания устранить и найти меры к устранению возникающих недоразумений.

Хирота. Я не возражаю и буду рад, если Вы придумаете способ, который улучшит атмосферу и отношения между двумя государствами. Во всяком случае я разделяю Ваше мнение, что откровенный обмен мнениями мог бы улучшить атмосферу.

Карахан. Но откровенный обмен личными мнениями между г. Караханом и г. Хирота недостаточен, если они не имеют поручения от своих правительств.

Хирота. Я не вижу необходимости для обмена мнениями общего характера, но если нужно обмениваться мнениями по известным вопросам, я запрошу мнение своего правительства.

Карахан. Я думаю, чтобы устранить «атмосферу», необходим откровенный обмен мнениями по всем возникшим вопросам.

Хирота. Я совершенно с Вами согласен.

Карахан. Итак, я понимаю Вас таким образом, что так же как по рыболовным делам мы начали переговоры для устранения всех недоразумений, так и по возникшим теперь более важным вопросам необходимо начать откровенный обмен мнениями для очищения атмосферы и устранения недоразумений.

Хирота. Я совершенно с Вами согласен.

На этом мы закончили основную часть беседы *, после чего посол перешел к рыбе.

Рыба. Посол получил телеграмму Иосидзава о том, что Трояновский 29 февраля заявил министру, что мы (Советское правительство) ждем ответа японского правительства на наши новые предложения по рыболовным переговорам **. Хирота считает, что я никакого нового предложения не делал и что я стою на своем первоначальном предложении. Я разъяснил Хирота, что он прав, что никакого нового предложения я не сделал, но я ему дал разъяснения, которые представили ему наше первоначальное предложение в новом свете. После этих моих объяснений Хирота обещал их протелеграфировать в Токио и дать ответ японского правительства. Ответ до сих пор не получен, и Трояновский имел в виду напомнить министру, что мы ждем ответа Токио. Хирота подтвердил, что действительно он запросил Токио и что переговоры остановились из-за неполучения японского ответа ***.

Карахан

Печат. по арх.

* См. также док. № 135.

** См. док. № 84.

*** См. также док. № 146, 218.

114. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Германии в СССР Дирксеном

5 марта 1932 г.

Утром, еще до покушения на Твардовского*, Дирксен просил меня принять его в этот день. Я назначил свидание на 5 час. 15 мин. После покушения на Твардовского мы встретились с Дирксеном в Кремлевской больнице, и он сказал, что все-таки придет ко мне.

1. Несколько слов в начале свидания были посвящены вопросу о покушении. Дирксен поблагодарил меня за мое посещение Твардовского в больнице и за выраженное Дирксену сожаление по поводу происшедшего, а также за то, что мною дано поручение Хинчуку (об этом я говорил ему в больнице) также выразить ему наше сожаление о случившемся. Он также благодарил меня за сообщение о начатом ОГПУ расследовании и надеется, что будут установлены все подробности преступления и преступник понесет наказание.

2. Сославшись на телеграмму о решении нанкинское правительство возобновить дипломатические отношения с СССР, Дирксен спросил, получили ли мы уже официальное предложение от китайцев. Я ответил, что никакого сообщения от китайцев мы не имеем, знаем об этом решении только из агентских телеграмм.

3. Дирксен сказал, что в английском министерстве иностранных дел германскому послу в Лондоне сообщили, что предстоят экономические переговоры между Англией и СССР. Его интересует, соответствует ли действительности это сообщение и будут ли эти переговоры носить примерно такой же характер, как имевшие место между нами и Германией в конце прошлого года переговоры**.

Я ответил утвердительно.

Крестинский

Переп. по арх.

115. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Турции Я. З. Сурицу***

5 марта 1932 г.

Уважаемый товарищ,

Президиум Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина сообщил нам о своем намерении устано-

* См. также док. № 118, 122.

** См. т. XIV, док. № 386.

*** Аналогичное письмо было одновременно направлено полпреду СССР в Персия А. М. Петровскому.

вить более тесную и регулярную связь с заграницей — с иностранными учреждениями и отдельными учеными. С этой целью академия намечает приглашение в СССР целых групп ученых той или другой страны и устройство специальных недель. В 1932 г. академия намечает, между прочим, организацию советско-турецкой и советско-персидской недели.

В ближайшее время мы предполагаем выяснить более детально наметки академии по вопросу установления ею более тесного контакта с Турцией и Персией. Мы сообщаем академии, что НКВД полностью приветствует ее инициативу в этом вопросе. Мы считаем также необходимым при разработке программы установления такого контакта, а также организации соответствующих недель самым конкретным образом подойти к особенностям настоящего этапа в работе как турецкого, так и персидского правительства в области сельского хозяйства. Нужно будет также конкретно наметить те организации и учреждения в Турции и Персии, с которыми академия следует установить контакт, а также наметить персонально тех лиц, которых целесообразно пригласить в СССР для ознакомления с нашей работой в области сельского хозяйства.

Не откажите сообщить Ваши соображения и конкретные предложения по этому вопросу, на основании которых академия могла бы разработать конкретную программу установления ею контакта с соответствующими кругами Турции и Персии, а также организации соответствующих недель с приглашением представителей турецких и персидских учреждений.

Возможно, что организацию турецкой недели было бы целесообразно приурочить к приезду Исмета, учитывая, что с ним приедут экономисты и работники по сельскому хозяйству *. Не откажите сообщить Ваше мнение по этому вопросу.

Что касается Персии, то этот вопрос для нас менее ясен. Мы учитываем, что и в Персии имеется известное движение в вопросе общей меллиорации сельского хозяйства (работа сельскохозяйственной школы в Кередже, открытие показательных станций), имеются организации по этому вопросу и конкретные наметки, на основании которых наша Сельскохозяйственная академия могла бы наметить программу своей работы в отношении Персии. Необходимо также указать, какие формы контакта полпредство считает наиболее целесообразными и с какими учреждениями и лицами этот контакт должен быть установлен ⁵².

С товарищеским приветом

Карахан

Печат. по арх.

* См. док. № 239.

116. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР члену Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонякову, из Женевы

7 марта 1932 г.

На телеграмму от 5 марта 1932 г.⁸³ По просьбе польской делегации я принял несколько недель тому назад сотрудника газеты «Дзенник познаньски» на таких же условиях, как и других журналистов, а именно не для интервью, а для информации при обязательстве неупоминания моего имени в передаче. Запись беседы была предоставлена нам поляком и возвращена ему исправленной. Если он передал относительно Румынии мною сказанное, то это очень хорошо, если же сказал что-нибудь другое и при этом еще назвал меня, то он нарушил условие. Не зная, что он написал, я отсюда опровергать не могу. Изложив историю переговоров с Румынией*, я сказал: «Если Румыния преследует цели не заключения пакта о ненападении, а прямое или косвенное укрепление румынской позиции в бессарабском вопросе, то никакого пакта не будет. Мы находим возможным и готовы подписать такой договор, который не мог бы быть истолкован как наш отказ от Бессарабии, оставил бы спорный территориальный вопрос открытым с сохранением за обеими сторонами их позиций и который включал бы обязательства о ненападении, т. е. служил бы интересам мира. Румыния, однако, как будто требует за подписание такого пакта премии, но мы премии не платим и думаем, что пакт о ненападении сам по себе является уже высокой премией для такой страны, как Румыния, с которой мы не имеем нормальных отношений. Прерванные переговоры могут быть всегда возобновлены со стороны Румынии, если она захочет договора, в котором ясно будет сказано, что спорный территориальный вопрос не затрагивается пактом ни прямо, ни косвенно»**.

Копия этой беседы высылается мною в полпредство СССР в Варшаве.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. док. № 3, 4, 5, 10, 14, 30, 31.

** См. также док. № 95, 226.

117. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Немедленно
7 марта 1932 г.

Нагаи* информировал меня по вопросам, связанным с Лигой наций. Кроме того, он заверил меня, что ни правительственные, ни военные круги не хотят портить с нами отношений, об этом говорят только безответственные элементы. Я сказал ему в частном порядке, что не верю, что японцы хотят вести войну с нами, ибо она ничего, кроме жертв и разорения, им не принесет, но что факты говорят против меня, в частности, молчание японского правительства о пакте резонно истолковывается у нас как признак агрессивных намерений. Нагаи утверждал, что отсутствие агрессивных намерений делает пакт излишним. Я ему сказал, что наличие их делает пакт невозможным. Тогда его никогда нельзя подписывать. Мне непонятно, почему свои заверения о дружбе японское правительство не переведет на язык пакта. Он обещал, что японское правительство еще глубже изучит этот вопрос. Их не удовлетворяет наше предложение о 75% по рыбе**, и он ждет от нас разъяснений по этому вопросу. Сообщите, верно ли, что Танакамару*** возвращается потому, что ему ничего не удалось сделать по техническим вопросам.

Трояновский

Печат. по арх.

118. Сообщение ТАСС в связи с покушением на советника Посольства Германии в СССР Твардовского

8 марта 1932 г.

По сообщению следственных властей, стрелявший в советника германского посольства г. фон Твардовского И. М. Штерн принадлежит к группе террористов, выполнявших задания неких иностранных граждан. По признанию Штерна, покушение имело целью вызвать обострение отношений между СССР и Германией и тем способствовать ухудшению международного положения СССР. Следственные власти рассчитывают закончить следствие в ближайшие дни****.

Печат. по газ. «Известия»
№ 67 (4634), 8 марта 1932 г.

* Заместитель министра иностранных дел Японии (до мая 1932 г.).

** См. док. № 29.

*** Уполномоченный японских рыбопромышленников.

**** См. также док. № 122.

119. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Норвегии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

8 марта 1932 г.

В дополнение к нашим телеграммам от 5 и 6 марта⁸⁴ сообщая, что сегодня парламент большинством 99 против 37 голосов постановил уполномочить норвежское правительство на немедленное возобновление переговоров с Советским Союзом о госгарантии, а также на подписание таковой без нового обсуждения в парламенте. Выступления Мувинкеля * и Торвика **, обвинявших норвежское правительство в учинении формального препятствия в возобновлении госгарантии, выступления в печати общественности требовали закончить переговоры в течение двух дней. Завтра утром выдвигаем делегацию ***. О состоянии переговоров с фирмами ознакомьтесь с телеграммой Киссина в НКВТ⁸⁵.

А. Бекзаян

Печат. по арх.

120. Письмо Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР в Представительство СССР в Чехословакии

9 марта 1932 г.

В дополнение к посланной телеграфной директиве⁸⁶ относительно налогового обложения торгпредства в Чехословакии мы считаем необходимым обратить ваше внимание на следующие аргументы, которые следует развить при переговорах с чехами по данному делу.

В связи с тем, что торгпредство пользуется экстерриториальностью и подлежит местной юрисдикции лишь в тех пределах, на которые мы дали согласие, оно не должно платить никаких налогов. Такова наша принципиальная установка. Из этого вытекает, что вопрос о налоговом обложении торгпредства может быть разрешен не иначе, как в плане общего урегулирования торгово-политических отношений между СССР и другими странами. Достаточно обратиться к нашей торгово-договорной практике, чтобы в этом убедиться.

В ряде стран мы действительно платим налог с оборотов торгпредства, но наше согласие на уплату указанного налога является уступкой, которую СССР делает в том или ином случае при торговых переговорах в связи с теми специальными

* Бывший премьер-министр Норвегии.

** Член парламента.

*** См. док. № 93.

льготами, которыми сопровождается для СССР подписание такого договора.

Таким образом, всякие попытки со стороны министерства иностранных дел Чехословакии навязать нам уплату налогов явочным порядком без общего принципиального урегулирования торговых отношений должны и впредь решительно отвергаться*.

Просьба держать нас в курсе всех переговоров по этому вопросу.

Врио Наркома *Крестинский*
Пом. Зав. Эконом. частью *Розенблюм*

Печат. по арх.

121. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послаником Польши в СССР Патеком

10 марта 1932 г.

В 8 часов в НКИД позвонил советник польского посольства и от имени Патека просил меня принять Патека в этот день вечером после 10 часов в любое время.

Я ответил через дежурного секретаря, что готов принять Патека в 11 часов вечера.

Патек приехал ко мне во фраке прямо с обеда в латвийской миссии. Он просил извинения, что просил об экстренном приеме в такое позднее время. Я ответил, что если бы не наши давнишние личные хорошие отношения, то я отложил бы прием до следующего дня. Но ему мне не хотелось отказать. Патек рассыпался в любезностях.

После этого он перешел к делу. Он сказал, что перед самым отъездом на обед в латвийскую миссию он получил от корреспондента ПАТ сообщение о появляющемся завтра в газетах коммунике ТАСС, в котором говорится, что виновники покушения на Твардовского действовали по заданиям «некоторых польских граждан»**. Его первым побуждением было броситься сейчас же ко мне, но он решил, что если неожиданно не явится на обед, то на другой день это будет во всем дипкорпусе увязано с сообщением ТАСС. Он поэтому сделал над собой усилие, поехал на обед, но сейчас хочет высказать мне свое огорчение по поводу выпускаемого ТАСС сообщения.

Как это можно? Говорится о виновности польских граждан, а он, Патек, представляющий польское государство у нас в Москве, узнает об этом только из газет.

* См. док. № 130.

** См. док. № 118, 122.

Я ответил Патеку, что если бы в сообщении говорилось о причастности к этому делу официальных польских кругов, то он мог бы быть, может быть, в претензии, что с ним не было предварительного разговора. Но ведь в сообщении ТАСС говорится лишь о «некоторых польских гражданах». Я так же, как и он, не знаю, кто эти граждане, и у меня, конечно, не было оснований вызывать его и говорить с ним по этому поводу.

Патек заговорил дальше о том, что употребленная в сообщении ТАСС формулировка «некоторых польских граждан» является чрезвычайно расплывчатой, охватывающей весь польский народ и вызывающей у читателя подозрение и враждебное отношение ко всем полякам.

Я ответил, что если в деле имеется указание на польских граждан, то наши следственные власти не могли, конечно, употребить другой формулировки.

Наконец, Патек огорчается еще и потому, что сообщение исходит от ТАСС, официального, государственного телеграфного агентства. Если бы об участии некоторых польских граждан в покушении говорил какой-нибудь безответственный репортер, он, конечно, не придавал бы этому серьезного значения, но сообщение ТАСС заставляет его опасаться, что польская печать будет резко реагировать на сообщение и, таким образом, во взаимоотношения общественного мнения Польши и СССР будет вновь внесено заострение, которого он так стремится избегать.

Я выразил надежду, что польская печать отнесется сдержанно и благоразумно к сообщению следственных властей и выйдет дальнейших сообщений и тех данных, которые выяснятся на суде.

Патек сказал, что он, конечно, со своей стороны будет принимать к этому меры, но что он боится, что, поскольку он ничего успокоительного не может протелеграфировать своему правительству, кампания в печати, вопреки его желанию, может все-таки начаться.

После этого Патек ушел, как и вначале, рассыпаясь в любезностях.

Н. Крестинский

Печат. по арх.

122. Сообщение ТАСС о результатах предварительного следствия по делу о покушении на советника Посольства Германии в СССР Твардовского

11 марта 1932 г.

По сообщению следственных властей, арестованный по делу о покушении на советника германского посольства г. фон Твардовского И. М. Штерн показал, что он произвел

покушение в соучастии с неким Сергеем Сергеевичем Васильевым по заданию некоторых польских граждан. Васильев арестован. Окончательно выяснилось на основании показаний Штерна, что он хотел убить не г. фон Твардовского, а самого германского посла г. фон Дирксена, так как, по его мнению, именно такой акт мог вызвать соответствующий внешнеполитический эффект, и Штерн был уверен, что он стреляет в г. фон Дирксена. Предварительное следствие заканчивается, и дело передается в прокуратуру для направления в суд. Дело будет слушаться в военной коллегии Верховного суда СССР⁸⁷.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 70 (4637), 11 марта 1932 г.*

123. Письмо дирекции Института востоковедения Академии Наук СССР в Полномочное Представительство СССР в Персии

11 марта 1932 г.

Вы просите Институт востоковедения АН сообщить, что могли бы мы предпринять или сделать для съезда по случаю празднования тысячелетия со дня рождения Фирдоуси. ИВ * готов принять участие в подготовительной работе к этому съезду и исполнить вашу просьбу. Институтом востоковедения уже организована специальная комиссия под председательством акад. С. Ф. Ольденбурга, которая приступила к подготовительной работе.

Подробный план того, что ИВ может сделать для этого съезда, вышлем вам отдельно. А сейчас сообщаем, что ИВ может подготовить специальный сборник, посвященный тысячелетию Фирдоуси, где будут статьи о Фирдоуси, освещающие различные стороны его творчества, отрывки из рукописей Фирдоуси, имеющихся у нас, миниатюры и библиография трудов о Фирдоуси, изданных на русском языке.

ИВ просит вас сообщить подробнее о съезде и ваше мнение о предпринятой нами работе⁸⁸.

Директор Института востоковедения
акад. *Ольденбург*

Ученый секретарь ИВ
Алимов

Печат. по арх.

* Институт востоковедения.

124. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Хирота

15 марта 1932 г.

Ввиду продолжающейся болезни Хирота я заехал к нему, чтобы сообщить наш ответ по поводу их сообщения * по Портсмутскому договору.

Меня встретил секретарь посольства Миякава, сопровождавший Иосидзава из Москвы до Токио и только что вернувшийся оттуда. Он передал мне привет и благодарность Иосидзава и всяческие комплименты в связи с нашей («старых друзей») встречей в Москве. От Иосидзава он привез мне японскую вазу, которую «Иосидзава лично и долго выбирал», чтобы выразить свои чувства ко мне.

После этих излияний Миякава Хирота сообщил мне, что получил из Токио от Иосидзава и других лиц сообщения, что они считают отношения между Японией и СССР дружественными, очень рады этому и пишут Хирота, чтобы он продолжал работать в этом духе.

Сообщив Хирота цель моего визита, я ему сделал следующее заявление: «Ознакомившись с ответом японского правительства от 5 марта с. г.⁷² по поводу нарушений Портсмутского договора, Советское правительство поручило мне сообщить Вам, г. Посол, для передачи японскому правительству, что оно не согласно с тем широким толкованием, которое японское правительство дает обязательствам, взятым им на себя по Портсмутскому договору. Что же касается вопросов о деятельности белогвардейцев и образовании государства в Маньчжурии, то оно ожидает разъяснений японского правительства по этим вопросам» **.

Хирота спросил, не имею ли я дополнить это заявление. Я ответил, что Советское правительство поручило мне сделать только это заявление.

Хирота. У меня есть дополнительные телеграфные разъяснения по вопросу о Портсмутском договоре, которые в основном повторяют уже сделанные разъяснения японского правительства. Я их передам Вам в ближайшее время в письменном виде***. Что касается белых, то у посла имеется подробный материал, который он нам также сообщит. Сейчас он может заявить, что «если белые предпримут что-либо против СССР, то Япония не допустит этого» (это заявление я записал буквально). В отношении нового государства в Маньчжурии

* См. док. № 113.

** См. док. № 97, 100.

*** См. также док. № 135.

«японскому правительству ничего не остается, как наблюдать за ходом событий». Хирота хотел бы знать, каких разъяснений мы ждем по поводу нового государства. В Маньчжурии имеются советские консулы, имеется генконсул в Мукдене, и они могли добыть для Советского правительства интересующую его информацию.

На это я заметил, что, как я говорил уже Амо, наши консулы в Маньчжурии не располагают и не могут получить такой «глубокой» информации, которой располагает японская сторона.

Хирота. Я располагаю более краткой информацией, чем та, которую дает ТАСС. У нас имеется только то, что имеется в официальной газете нового государства. Я телеграфировал в Токио, что информация, получаемая мной, «скучнее» и «менее содержательна», чем информация ТАСС.

Карахан. ТАСС будет польщен таким заявлением посла, но я лично убежден, что посол преувеличивает. Дело не во внешних фактах, которые печатаются газетами, а в смысле и целях образования нового государства, в чем осведомлены, конечно, только японцы.

Хирота. Если бы я дал Вам имеющуюся у меня информацию, я боюсь, что Вы не сочли бы ее «серьезной».

Карахан (полушутя). Посол подготавливает меня к тому, что он собирается дать нам информацию, которая не сможет быть нами признана серьезной. Когда я получу от Вас информацию, тогда я решу, серьезна она или нет.

Хирота. Японское правительство на Ваш запрос спрашивает, «что интересует Советское правительство».

У нас нет никакой информации в отношении Внешней Монголии. У Советского правительства такая информация имеется. У вас есть консулы в Маньчжурии, через которых можно получать информацию, у нас такой возможности в отношении Внешней Монголии нет. Вы могли бы дать нам информацию о Внешней Монголии.

Карахан. Ваша аналогия неудачна и неподходяща. Нельзя сравнивать Внешнюю Монголию, существующую много лет и на территории которой нет ни одного иностранного солдата, с Маньчжурией, занятой японской армией. Вы знаете лучше меня, что все, что делается в Маньчжурии, делается или по прямому указанию японского командования, или с его согласия. Да этого никто и не скрывает. Об этом открыто пишет вся японская пресса, об этом открыто говорят официальные японские лица. На Ваш вопрос, что нас интересует, я могу ответить: конечно, не внешние факты, которые можно найти в газете, а смысл всего того, что под руководством Японии делается в Маньчжурии, цели, которые при этом ставятся.

Хирота. Наша позиция такова: если новое правительство по отношению к Японии гарантирует выполнение договорных обязательств, безопасность жизни и имущества японских подданных, и если новое правительство будет стремиться развивать дружественные по отношению к Японии чувства, то Япония приветствовала бы его. Что же касается отношений с другими государствами, то новое правительство стоит за принцип «открытых дверей» и «равных возможностей».

На мой вопрос, признано ли новое правительство Японией, Хирота ответил, что у него такой информации еще нет; японское правительство сейчас наблюдает и следит за ходом событий.

Хирота. Так как Маньчжурия находится между нашими двумя государствами, нам приходится вступать в различные отношения с этим государством. Это естественно. Если бы Вы сообщили, какие пункты и какие вопросы Вас могут интересовать, я мог бы Вам легче ответить.

На этом мы закончили нашу беседу, условившись вернуться к этому вопросу при следующей встрече.

Карахан

Печат. по арх.

125. Телеграмма члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Литве М. А. Карскому

15 марта 1932 г.

После переговоров, протекавших в дружественной атмосфере, вчера вечером был подписан новый договор между «Экспортлесом» и мемельским синдикатом. Подробности почтой⁸⁹.

Стомоняков

Печат. по арх.

126. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

17 марта 1932 г.

Вчера адмирал Като* конфиденциально говорил мне, что среди руководящих кругов Японии в отношении СССР имеются два течения. Первое — за возможно тесное сближение с СССР, второе — за разрыв. Первое — многочисленное,

* Член Высшего военного совета Японии, один из директоров Японо-Советского общества.

второе — очень активно. Като и другие на днях имели беседу с правительством. Идут горячие споры. В процессе спора противники СССР уперлись теперь в один вопрос — о III Интернационале, это призрак, пугающий многих. Като на днях хочет в частном порядке зайти ко мне, чтобы выслушать подробно все аргументы по этому поводу⁹⁰. Наличием этих течений объясняется молчание правительства относительно пакта*.

Виконт Сайто** говорил, что его беспокоит сокращение японо-советской торговли и некоторое недовольство работой торгпредства в коммерческих кругах.

[Грояновский]

Печат. по арх.

127. Запись беседы Официального Делегата СССР на советско-китайской конференции с Полномочным Представителем Китая на конференции Мо Дэ-хоем***

17 марта 1932 г.

В начале беседы Мо сообщил, что ввиду сильного нездоровья («болезнь мозга») он выезжает в Германию, где пробудет дней десять и покажется врачам. После этого он намерен отправиться в Италию по указанию врача для прохождения курса лечения, вероятно, рассчитанного на 2—3 месяца. Далее Мо говорит:

«Я глубоко сожалею, что за время моей двухлетней работы с Вами мне не удалось внести какие-либо улучшения во взаимоотношения между СССР и Китаем. Тем не менее я сохраняю самые теплые отношения к Вам и нашей работе. Если по истечении этих 2—3 месяцев центральное правительство даст мне приказ продолжать мою работу в Москве, я возьмусь за это дело с величайшим удовольствием».

Карахан. Я также буду очень рад видеть Вас снова в Москве.

Мо. За эти два года Вам так и не удалось отдохнуть. Я думаю, что в данный момент положение на Дальнем Востоке не позволит Вам уехать из Москвы.

Карахан. Да, обстановка трудная, и мне тем более нельзя уехать из Москвы, так как я ведаю восточными делами.

Мо. Положение на Дальнем Востоке сейчас чрезвычайно острое. Наиболее трудный вопрос — это образование независимого правительства Маньчжурии.

* См. также док. № 44, 145.

** Председатель Японо-Советского общества; с мая 1932 г. — премьер-министр Японии.

*** См. т. XIV, прим. 76.

К а р а х а н. Действительно, это очень трудный и неясный вопрос. Пока совершенно непонятно, что это за новое государство, что это за правительство, какова будет его внешняя политика и чего они, в конце концов, хотят. Скажите, есть ли у Вас какая-либо информация из Китая?

М о. Нет ничего. Я получил лишь известия, что центральное правительство чрезвычайно внимательно следит за отношениями между СССР и Маньчжурией. Из Ваших слов я заключаю, что правительство СССР пока считает этот вопрос неясным.

К а р а х а н. Совершенно верно. Положение неясно, и как оно в дальнейшем разовьется, сказать чрезвычайно трудно.

М о. Я думаю, что Япония во всяком случае не пойдет дальше.

К а р а х а н. В японских планах слишком много непонятного, и пока трудно выводить какие-либо заключения. Тем более что газеты за последнее время сообщают о наличии дальнейших планов у японцев, хотя бы, например, в отношении Пекина и Тяньцзиня.

М о. Я уверен, что японцы не пойдут дальше. Япония не так глупа.

К а р а х а н. Иногда корыстолюбие и жадность заставляют даже умного человека делать глупые вещи. Во всяком случае, события в Маньчжурии и Китае далеко еще не закончились. Они находятся сейчас в самом разгаре.

М о. Это верно. Я вижу, что политика СССР в отношении дальневосточных событий не меняется. Как Вы мне это раз уже говорили *. СССР лишь зорко следит за происходящими на Дальнем Востоке событиями.

К а р а х а н. Совершенно верно. Наша политика — зорко следить за происходящими событиями и не вмешиваться. Это единственно правильная и возможная сейчас политика.

М о откланивается и после обычных комплиментов говорит: я чрезвычайно благодарен Вам за Ваше теплое отношение ко мне. После моего отъезда моим заместителем остается делегат г. Ван **, и я обращаюсь к Вам с просьбой относиться к нему так же тепло, как ко мне.

Карахан

Печат. по арх.

* См. т. XIV, док. № 272.

** Ван Цзэн-сы.

**128. Письмо Полномочного Представителя СССР в Италии
Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР Н. Н. Крестинскому**

17 марта 1932 г.

Многоуважаемый Николай Николаевич,

Экономический эффект наших переговоров с итальянцами ограничивается пока, как Вы можете видеть из повседневной информации, лишь выявлением основных позиций обеих сторон. Возможности сблизить позиции пока не видно: итальянцы стоят за депозит золота, мы предлагаем искать источники финансирования в увеличении фрахта и некотором кредитовании нами ввоза в Италию; относительно хлеба позиции выяснились в том направлении, что итальянцы принимают к обсуждению наши предложения, не отказываясь в принципе от них, но при условии договоренности по вопросу финансирования, и выдвигают предложение отложить вопрос до сентября, когда выяснятся размеры урожая. По нефти, по вероятности, придется ограничиться выработанным с «Аджипом» соглашением²⁰. Относительно леса и угля намечается протоколами договоренность в ряде пунктов. Что касается наибольшего благоприятствования, то при условии отказа от всех или, в крайнем случае, от большинства конвенционных ставок договора 1924 г.* итальянцы пойдут на предоставление нам общего благоприятствования, которое я лично рассматриваю как абсолютно необходимую нам страховку при теперешних соглашениях Италии с рядом стран, поэтому стоял бы за нее, даже при отказе от всех ставок.

О нашей дальнейшей тактике Вам сообщено телеграммой от 14 марта⁹¹. На свидание с Гранди рассчитываю как на известный зондаж положения, особенно в связи с дунайским блоком³¹, или подготовку дальнейшей стадии переговоров**. На общий ход переговоров с нами имеют большое влияние следующие обстоятельства: во-первых, наши переговоры начались в момент заключения Италией целого ряда временных соглашений (с Францией, Германией, Испанией, Венгрией, Австрией), и эта временная ситуация удерживает Италию от заключения длительного и точно определенного соглашения с нами; во-вторых, Италия стремится занять свои позиции в намечаемом дунайском блоке, и хотя я расцениваю последний с экономической стороны как договоренность о компенсациях по экспорту и импорту прежде всего самих блокирующихся, тем не менее для закрепления своего влияния в дунайском

* См. т. VII, док. № 39.

** См. док. № 132.

блоке Италия пойдет на известные контингенты для Венгрии, Австрии и, вероятно, Румынии, а это отразится на нашем экспорте; в целом такая ситуация явно тормозит наши переговоры.

Д. Курский

Печат. по арх.

129. Меморандум Правительства СССР Правительству Великобритании *

18 марта 1932 г.

В связи с нотой Министра Иностранных Дел Его Величества от 27 января 1932 г.⁹² Правительство Советского Союза считает необходимым сделать следующие замечания.

Протоколом от 3 октября 1929 г., подписанным г. Довгалевским и г. Артуром Гендерсоном **, предусмотрена процедура для урегулирования вопросов, подлежащих разрешению между Правительством Его Величества в Соединенном Королевстве и Правительством Советского Союза.

Хотя было достигнуто согласие относительно определенной процедуры ведения переговоров по всем пунктам, упомянутым в протоколе, ни одна из сторон, подписавших протокол, не приняла заранее на себя никаких обязательств в отношении существа какого-либо определенного пункта или категории претензий. Подобные обязательства могли быть только результатом последующих переговоров между Послом Советского Союза и Министром Иностранных Дел Его Величества. Таким образом, подписание протокола, по мнению Союзного Правительства, не означало какого-либо отхода Союзного Правительства от его предыдущей позиции в отношении вопроса о царских долгах и обязательствах.

Союзное Правительство никогда не признавало и теперь не признает никакой законной ответственности за обязательства, которые не были взяты им самим, и продолжает придерживаться декретов 1918 г. относительно аннулирования дореволюционных долгов и национализации собственности.

Ни при возобновлении дипломатических отношений в 1924 г., ни при восстановлении отношений в 1929 г. *** Союзное Правительство не давало никаких оснований Британскому Правительству предполагать, что оно отступает от этого, от своей основной позиции, или делает изъятие для Великобри-

* Вручен при сопроводительной ноте полпредом СССР в Великобритании министру иностранных дел Великобритании Саймону 18 марта 1932 г.

** См. т. XII, док. № 303.

*** См. соответственно т. VII, док. № 30 и т. XII, док. № 228.

тании и ее подданных. Союзное Правительство, однако, согласилось вести переговоры в целях выработки такого взаимовыгодного соглашения, которое, предусматривая полное или частичное урегулирование британских претензий, в то же время предусматривало бы удовлетворительные финансовые выгоды для народного хозяйства Советского Союза. Далее, всякая схема вышеупомянутого урегулирования должна была полностью учесть претензии и контрпретензии Советского Союза и его граждан против Британского Правительства и его подданных.

Союзное Правительство считало необходимым, чтобы советские претензии, вытекающие из материальных убытков и личных ущербов, причиненных интервенцией государству, государственным учреждениям и частным гражданам, а также претензии, вытекающие из конфискации значительной части золотого запаса бывш. Российского государственного банка и задержания других фондов и имущества, принадлежавших бывш. Российскому правительству и коммерческим и банковским учреждениям России, были полностью рассмотрены на равной основе с британскими претензиями и чтобы в результате работы комиссий экспертов, упомянутых в протоколе, были установлены точные суммы и итоги британских и советских претензий. В этом духе и с искренним намерением достигнуть обоюдовыгодного урегулирования Союзное Правительство вступило в 1930 г. в переговоры, которые сейчас Правительство Его Величества решило отложить.

Выдвинутая в ноте Министра Иностранных Дел от 27 января 1932 г. * причина перерыва переговоров заключается в неприемлемости для Правительства Его Величества предложения, сделанного советским Послом Министру Иностранных Дел 24 июля 1931 г. **, принять такую базу для переговоров, которая увязала бы частичную компенсацию для некоторых категорий претензий в отношении довоенных долгов с некоторыми финансовыми облегчениями для Советского Союза.

В отношении последнего пункта Союзное Правительство считает необходимым обратить внимание на п. 3 § 1 протокола, который упоминает в качестве предмета переговоров «претензии и контрпретензии межправительственные и частные: долги, претензии, вытекающие из интервенции, и другие, и финансовые вопросы, связанные с подобными претензиями и контрпретензиями».

Цитированная выше заключительная фраза не могла иметь никакого другого значения и никогда не означала для Союз-

* В тексте меморандума ошибочно — 27 июля 1931 г.

** См. т. XIV, док. № 216.

ного Правительства ничего другого, как обсуждение, в связи с другими упомянутыми в том же пункте вопросами, вопроса о финансовых облегчениях для Советского Союза.

Таким образом, выдвигая 24 июля 1931 г. предложение Государственному Секретарю, советский Посол действовал в полном соответствии с протоколом от 3 октября 1929 г., тогда как устранение этого вопроса из переговоров означало бы, по мнению Союзного Правительства, исключение предмета, который, согласно тексту протокола, находится в одном ряду и в связи с другими как объект переговоров и дискуссий, и таким образом привело бы к изменению, поскольку речь идет о вопросах, упомянутых в п. 3, всего базиса переговоров, первоначально предусмотренного протоколом.

Предложение, выдвинутое советским Послом, не было направлено к тому, чтобы каким-либо образом помешать работе комиссии экспертов. Наоборот, оно было направлено к облегчению их работы и шло навстречу выраженному Государственным Секретарем желанию ускорить работу комиссии.

Это предложение никоим образом не исключало необходимости выработки детальной схемы урегулирования, зависящего от установления точных сумм разных категорий претензий и контрпретензий обеих сторон. Это должно было бы быть сделано комиссией экспертов, и выполнение этого сделало бы возможным составление правильного баланса британских и советских претензий.

Эта работа считалась основной задачей комиссии экспертов, и единодушно принятая главной комиссией формула процедуры должна была бы служить ориентиром в работе различных подкомиссий. Эта формула предусматривала, что:

«1. На первой стадии своей работы задача подкомиссий заключается в том, чтобы изучить юридический характер, степень законности и приблизительно установленный размер претензий, которые должны быть рассмотрены каждой подкомиссией.

2. На второй стадии работы подкомиссий британская и советская делегации готовы, в различных подкомиссиях, сформулировать и обсудить предварительные предложения по урегулированию соответствующих категорий претензий.

Обе делегации в подкомиссиях будут сотрудничать с целью достижения, где это возможно, согласованных рекомендаций по урегулированию находящихся у них на рассмотрении категорий претензий. Эти рекомендации будут переданы затем в главную комиссию, которая будет в состоянии разработать вопрос урегулирования претензий и контрпретензий обеих сторон и подготовить для Уполномоченных проект общей схемы урегулирования. Это будет являться обычным методом процедуры.

3. Каждая подкомиссия может составлять для главной комиссии промежуточные доклады о различных аспектах своей деятельности».

Однако британские эксперты, вместо того чтобы действовать в соответствии с процедурой, изложенной в приведенной выше цитате, с самого начала стали стремиться обойти первую стадию работы, как это определено формулой процедуры, и немедленно перейти к второй стадии, что, конечно, было совершенно невозможно, так как неоставало точных документальных данных, которые могли бы быть получены только в результате завершения первой стадии работы подкомиссий, выполнять которую британские эксперты не желали.

Несмотря на то что советские эксперты настаивали на том, чтобы приступить к работе по рассмотрению претензий, эта работа была прекращена в результате позиции, занятой британскими экспертами. Важно отметить также, что, несмотря на наличие точного соглашения относительно того, что британские и советские претензии должны рассматриваться одновременно, подкомиссии «В» и «С», занимающиеся почти полностью британскими претензиями, получили возможность начать свою работу, тогда как ни одна из подкомиссий, которым были переданы советские претензии, не могла начать функционировать. Это ненормальное положение создалось в результате затянувшейся дискуссии по вопросу о том, куда передать претензию на золото бывш. Российского государственного банка стоимостью в 60 млн. ф. ст., которую британская сторона передала в подкомиссию, занимающуюся полностью военными кредитами, предоставленными Британским Правительством бывш. Российскому императорскому правительству, несмотря на то что золотой заем бывш. Российского государственного банка никоим образом не был связан с военными кредитными обязательствами.

С целью преодоления трудностей, возникших в отношении этой конкретной советской претензии, переданной в первоначальном предложении советских экспертов в подкомиссию «А», занимающуюся частными претензиями, советский Уполномоченный согласился в качестве компромисса на образование специальной подкомиссии для рассмотрения этого конкретного вопроса. Это компромиссное предложение было предварительно принято Государственным Секретарем, но впоследствии было отвергнуто британской стороной, и, таким образом, вопрос остался неурегулированным. Таким образом, работа подкомиссий, которым были переданы советские претензии, задержалась, и рассмотрение советских претензий даже не началось.

Различные точки зрения советских и британских экспертов, из которых первые настаивали на строгом применении приня-

той главной комиссией экспертов формулы процедуры, были детально изложены в меморандумах, которыми советские и британские эксперты обменялись в главной комиссии. Британские эксперты решили прервать сотрудничество с советскими экспертами в работе, порученной им в исполнение протокола от 3 октября 1929 г. Таким образом, перерыв в работе комиссии экспертов был целиком результатом инициативы британских экспертов. Британский Уполномоченный, поддерживая позицию британских экспертов, заявил в своем эд-мемуаре, врученном советскому Уполномоченному * 24** нюля прошлого года, что «он затрудняется просить его (лорда Гошена) и других британских экспертов продолжать тратить время на задачу, которая не может иметь никакого удовлетворительного разрешения».

Итак, совершенно ясно, что инициатива прекращения переговоров и ответственность за такое прекращение лежит всецело на британской стороне, и никакая ответственность за это не может быть приписана Союзному Правительству.

Суммируя сказанное выше, приходится неизбежно сделать вывод, что Союзное Правительство стремилось строго придерживаться условий протокола от 3 октября 1929 г. и в ходе последующих переговоров в ряде случаев шло далеко навстречу пожеланиям британской стороны с целью устранения возникших трудностей и ускорения переговоров.

Печат. по арх.

На меморандум Советского правительства от 18 марта 1932 г., врученный при ноте полпреда СССР в Великобритании, Саймон ответил нотой от 8 апреля 1932 г. № 2163/1/38, в которой говорилось:

«В ноте, которую Ваше Превосходительство было столь любезно передать мне 18 марта с. г., содержатся различные положения, указывающие на то, что, с точки зрения Правительства Союза Советских Социалистических Республик, оно не несет никакой ответственности за прекращение переговоров, которые были начаты в соответствии с условиями протокола об урегулировании довоенных долгов и претензий от 3 октября 1929 г.

2. Не предлагая продолжать и дальше переписку по данному вопросу, я чувствую себя обязанным сообщить Вам, что я не могу, конечно, принять утверждения по этому вопросу, содержащиеся в Вашей ноте, как и не могу согласиться, что Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве несет какую-либо ответственность за происшедшую прискорбную задержку в достижении окончательного урегулирования этого вопроса».

* Британским уполномоченным на советско-английских переговорах по вопросу о долгах и взаимных претензиях являлся министр иностранных дел, советским — полпред СССР в Великобритании.

** В тексте ошибочно — 27; см. т. XIV, док. № 216.

130. Нота Представительства СССР в Чехословакии Министерству Иностранных Дел Чехословакии

18 марта 1932 г.

Полномочное Представительство Союза Советских Социалистических Республик в Праге, подтверждая получение от Министерства Иностранных Дел ноты за № 156765/II — 2/31 от 29 января с. г. с приложением на 33 листах, настоящим имеет честь сообщить, что по вопросу о налогах с Торгпредства Полномочный Представитель СССР Аросев имел честь беседовать с г. Министром Крофтой⁹³. Ни во время этого разговора, ни после него Полномочное Представительство не имело от Министерства Иностранных Дел принципиального предложения по данному делу. Между тем вопрос о налогах с Торгпредства, как это происходит везде, где имеются наши торгпредства, может быть решен лишь на основе общего урегулирования торговых взаимоотношений между обеими сторонами. Поэтому впредь до принципиального решения данного вопроса Полномочное Представительство не видит для себя возможным принять присланные Министерством повестки и имеет честь проводить их обратно, оставаясь в полной готовности в любой момент вести с Министерством Иностранных Дел принципиальные переговоры по вопросу о налогах с Торгпредства, как только поступит от МИД принципиальное предложение*.

Пользуясь настоящим случаем, Полномочное Представительство имеет честь заверить Министерство Иностранных Дел в своем совершенном к нему почтении.

Печат. по арх.

131. Памятная записка Полномочного Представительства СССР в Италии Министерству Иностранных Дел Италии**

18 марта 1932 г.

Мы охотно приняли предложение Итальянского Правительства о вступлении в экономические переговоры, исходя из необходимости расширения экономических взаимоотношений между Италией и СССР***.

Мы заинтересованы в расширении нашего экспорта в Италию предметов продовольствия и сырья, в конх нуждается

* См. также док. № 150, 290, 366.

** Памятная записка была переслана Гранди после беседы с ним Д. И. Курского и И. Я. Вейцера 18 марта 1932 г., во время которой были изложены основные положения этой записки; см. док. № 132.

*** См. док. № 65, 109, 128.

Италия, и готовы пойти на расширение импорта из Италии, несмотря на общее сокращение нашего импорта в этом году.

Должны отметить, что Италия выступила поздно в качестве поставщика для нас товаров и наши хозяйственные организации и техники недостаточно еще знакомы с итальянской промышленностью и достижениями итальянской техники. В отношении же экспорта надо отметить, что наш собственный экспорт в Италию не достиг еще довоенной цифры (составляя $\frac{2}{3}$ довоенного ввоза), в то время как наш импорт из Италии превышает довоенный в 2 раза. С 1927 по 1931 г. реализация советских товаров в Италии возросла менее чем на 80%, тогда как наши заказы в Италии за этот период увеличились в 4,8 раза.

Работа делегаций по переговорам уже продолжается свыше 2-х недель, но пока переговоры продвигаются медленно и, по мнению нашей делегации, не стали еще твердо на тот путь, который требуется и вытекает из всего комплекса взаимоотношений между Италией и СССР.

Мы внесли ряд предложений по экспорту. В особенности важными для нас являются наши предложения по хлебу и нефти⁶⁴. Однако мы до сих пор конкретных контрпредложений со стороны итальянской делегации по экспорту не получили. Между тем мы полагаем, что хлеб и нефть являются теми статьями нашего экспорта, в отношении которых должна существовать наибольшая заинтересованность со стороны Италии в отношении покупки этих товаров у нас, учитывая, что СССР является естественным источником снабжения Италии этими товарами и резервуаром для создания даже необходимых запасов этих товаров в Италии.

Итальянская делегация внесла предложение о том, чтобы мы внесли известную сумму золота в качестве депозита (сначала была названа цифра 300 млн. лир, затем уменьшена до 200 млн. лир), исходя из соображений соответствующего обеспечения золотом денежного обращения. Итальянская делегация, очевидно, недостаточно учитывает то обстоятельство, что мы в своих условиях покупки импортных товаров должны учитывать все наши взаимоотношения с другими странами. Мы нигде никакого депозита не вносили, категорически отклоняли всяческие попытки в этом направлении. Надо учесть, что наш импорт из Италии составляет меньше одного десятка процентов в общем нашем импорте и, разумеется, мы в Италии не можем пойти на такие условия и уступки, которые означали бы для нас тяжелые потери и жертвы во взаимоотношениях наших с другими странами.

Однако мы указали итальянской делегации, что, желая идти навстречу Италии в деле некоторого уменьшения иммобилизации средств, вкладываемых в наши дела, мы согласны предо-

ставить Италии в иной форме — не в форме депозита золотом — 50—55 млн. лир. Мы даже в этих целях готовы идти на некоторое расширение фрахтования итальянского тоннажа, несмотря на общее состояние фрахтового рынка и на большие для нас трудности.

Цифра же 200 млн. лир по сути дела означает около 60% уплаты наличными за наши импортные заказы, что для нас непринемлемо.

Мы придаем серьезное значение этим переговорам. В силу ряда причин — географического положения, наших экономических взаимоотношений и ряда других факторов международного характера — наши взаимоотношения в области внешней торговли не только не имеют противоречивых элементов, но и как бы дополняют друг друга.

Придавая серьезное значение расширению и укреплению наших взаимоотношений, наше правительство в состав делегации выделило Пятакова и в его распоряжение ряд хозяйственных руководителей и сведущих техников для того, чтобы он мог ознакомиться детально с итальянской промышленностью и ее возможностями, с ее техническими достижениями. Эта работа уже Пятаковым начата, и, рассчитывая на благополучный исход переговоров, некоторые заказы уже им выданы. В частности, Пятаковым начата работа по ознакомлению с военной промышленностью, которой мы можем дать ряд заказов.

Нам было бы желательно, чтобы переговоры были бы скорейшим образом завершены и чтобы они послужили цели расширения и укрепления наших взаимоотношений. Мы видим возможности этого.

Во-первых, в направлении расширения нашего импорта из Италии, на что мы готовы пойти, несмотря на общее сокращение нашего импорта в этом году, и в направлении расширения использования нами итальянской технической помощи.

Во-вторых, в направлении расширения нашего экспорта в Италию.

В-третьих, в направлении использования фрахтования итальянского тоннажа.

Печат. по арх.

В ответной памятной записке министерства иностранных дел Италии от 31 марта 1932 г. говорилось: *

«Переданная нам Посольством СССР памятная записка о ходе ведущихся итало-советских экономических переговоров являлась объектом самого внимательного изучения. С итальянской стороны, как и с советской сто-

* Печатается по имеющемуся в архиве переводу с итальянского.

ровы, действительно имеется в виду все значение, которое имеет товарооборот между обеими странами, и считается, что необходимо сделать все возможное для его облегчения.

Для достижения этой цели полезно, однако, руководствоваться практическими критериями, начиная с признания того, каковы те границы, в пределах которых в настоящее время дозволено действовать, в частности, в финансовой области, пределах, о которых уже упоминалось в разговорах, предшествовавших открытию настоящих переговоров. Именно по этим соображениям итальянская делегация сделала советской делегации известное предложение о депозите 30 млн. руб. золотом, сниженном затем, для облегчения достижения соглашения, только до 20 млн. руб. Теперь, при новом внимательном изучении вопроса, не выявилось возможности иного разрешения, поскольку советское контрпредложение о предоставлении 50 или 55 млн. лнр для уменьшения иммобилизованных сумм в сделках СССР, хотя и весьма ценно как показатель сближения между точками зрения обеих делегаций, но по соображениям, которые итальянская делегация имела случай неоднократно иллюстрировать, кажется абсолютно несоответствующим тем целям, которые должны быть достигнуты. Поскольку это так, несмотря на признание того, что иден, изложенные в памятной записке, на которую мы отвечаем, относительно возможности увеличить фрахтование итальянского торгового флота и расширения сотрудничества итальянских техников, представляют предложения значительной ценности, — необходимо настаивать на предложении относительно депозита 20 млн. руб. золотом, которое кажется единственно способным привести в нужном размере к необходимому уменьшению финансовой иммобилизации.

Ввиду этого и в связи с замечанием, сделанным в памятной записке о том, что между итальянским экспортом в СССР и экспортом СССР в Италию должна была бы быть другая пропорция в соответствии с довоенным положением, необходимо отметить, что с того времени до сегодняшнего дня произошли слишком глубокие изменения, чтобы было основание ссылаться на прежнее положение вещей. По этому поводу прежде всего нужно указать, что итальянское производство в последние годы сильно развилось и усовершенствовалось, благодаря чему оно обладает конкурентоспособностью как по цене, так и по качеству, бесконечно более высокой, нежели раньше. Во-вторых, необходимо иметь в виду, что мировое предложение товаров, которые СССР экспортирует в Италию, а именно сырья и зерна, в настоящее время чрезвычайно обильно, так что страны-покупатели помимо того, что они имеют широкую возможность выбора, могут также в известной мере оказывать предпочтение тому или другому рынку. В-третьих, надо напомнить, что развитие, которое оказалось возможным недавно дать итальянскому экспорту в СССР, находится в связи не только с сердечностью отношений, существующих между обеими странами, но так же, как кажется несомненным, со специальными кредитными облегчениями, предоставленными Италией, которые полезным образом пошли навстречу большой программе индустриализации, осуществляемой в настоящее время Советским правительством.

Что касается пожеланий СССР относительно внедрения советского экспорта в Италию, кажется излишним говорить, что Правительство будет радо содействовать ему в рамках, дозволенных экономической организацией страны, необходимым уважением к жизненным национальным интересам и к существующим международным обязательствам.

Во всяком случае выражается вера в то, что обе делегации — советская и итальянская, учитывая желание обеих правительств сделать все возможное для достижения соглашения, приложат усилия при продолжении переговоров для осуществления тех сближений, которые дозволены обстоятельствами».

132. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии и Председателя советской экономической делегации в Италии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР *

19 марта 1932 г.

Вчера Курский и Вейцер были у Гранди, которому изложили сущность наших разногласий с итальянской делегацией и наших предложений, а также указали на то, что переговоры протекают медленно⁹⁵. Гранди обещал переговорить с Боттан и Муссолини, уверив нас в заинтересованности и благоприятном окончании переговоров. Сегодня Вейцер и Пятаков выезжают в Берлин.

Вейцер виделся с Тригоной, которому сообщил о своем отъезде и условился, что об обратном приезде он договорится с Дволайцким **.

*Курский
Вейцер*

Печат. по арх.

133. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии Л. М. Хинчуку

19 марта 1932 г.

Многоуважаемый Лев Михайлович,

1. Прошлый раз я писал Вам по вопросу о преференциях, сейчас Вы уже получили по линии г. Розенгольца телеграмму⁹⁶ с более подробными директивами, поэтому ничего больше не пишу по этому вопросу. Прибавлю лишь, что в этом последнем, разделяющем нас вопросе, где немцы выдвигают совершенно несуразные требования, именно, чтобы мы санкционировали безотзывно преференцию на два года, не получив такого же твердого и безотзывного обязательства закупить у нас хлеб урожая 1933 г., необходимо проявить безусловную твердость⁹⁷.

2. Немцы начинают нервничать в связи с неполучением от нас детальной информации по делу о покушении на Твардовского⁹⁸. Так как следствие приближается к концу, то я надеюсь, что в ближайшие два дня смогу кое о чем информировать Дирксена⁹⁹.

С товарищеским приветом

Н. Крестинский

Печат. по арх.

* Телеграмма была также адресована в НКВД СССР и ВСНХ.

** См. также док. № 131, 136, 137.

*** См. также док. № 2, 138.

**** См. док. № 114, 118, 122.

**134. Письмо Полномочного Представителя СССР в Австрии
Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР Н. Н. Крестинскому**

19 марта 1932 г.

Многоуважаемый Николай Николаевич,

В моих предыдущих письмах я расценивал вторичный приход к власти Буреша как обстоятельство, свидетельствующее о росте французского влияния и о дальнейшем продвижении вопроса о так называемой Дунайской федерации³¹. Последующие события подтвердили эти предположения. Уже 16 февраля с. г. Буреш вручил иностранным посланникам на территории Австрии небольшой меморандум (Вы его имеете как приложение к моему дневнику, отправленному позапрошлой почтой), в котором говорилось о том, что Австрия, пребывая в трудном экономическом положении, вынуждена искать выход из него в переговорах с соседними, а равно и с прочими государствами.

Попервоначалу этот жалкий с точки зрения своего содержания меморандум произвел на меня впечатление некой заранее согласованной австрийским правительством с представителями великих европейских держав, в первую очередь с Францией, акции. Мое впечатление было подкреплено появившимся в тот же день в австрийской печати сенсационным сообщением о предстоящем в самом близком будущем созыве экономической конференции из представителей стран Центральной Европы. Однако это сообщение было решительно дементировано правительством, и вопрос об экономическом сближении придунайских государств был временно снят со страниц печати.

Однако спустя полмесяца, 3 марта, телеграф принес сообщение о выступлении Тардые в пользу экономической кооперации между Югославией, Австрией, Чехословакией, Румынией и Венгрией.

Проблема создания Дунайской федерации из «страи — наследниц погибшей Австро-Венгерской империи» имеет свою длинную историю. Еще в 1924—1925 гг. шли оживленные дебаты по этому вопросу в австрийской и заграничной печати. Ему посвящена довольно богатая литература. Уже тогда внутри самой Австрии произошло резкое размежевание между сторонниками «аншлюса» с Германией и защитниками дунайской хозяйственной комбинации. Противником «аншлюса» выступал Зайпель, поддержанный основной массой клерикальной партии. В вопросе о реальном содержании дунайской кооперации имелись серьезные разногласия: были сторонники таможенного союза и защитники соглашений примерно такого типа, как это предлагает Тардые.

Французская дипломатия и французская печать были всегда сторонниками «сохранения независимости» Австрии и

поддерживали центральноевропейскую комбинацию, направленную к изоляции Австрии от Германии. Итальянская дипломатия опасалась как «аншлюса», так и Дунайской федерации. «Аншлюс» означал бы чрезмерное усиление Германии, поставку раньше или позже вопроса о Южном Тироле, ослабление итальянского влияния на Балканах и Ближнем Востоке. Федерация ассоциировалась с погибшей австро-венгерской монархией — вставала проблема Адриатического моря, того же Южного Тироля и т. п. Поэтому Италия направила все свои усилия к тому, чтобы сблизиться с Венгрией, приласкать Австрию, но не допустить воссоздания под той или иной вывеской австро-венгерского единства, а равно и сближения между Югославией, Румынией и Чехословакией. Подобное сближение имело бы своим результатом усиление Югославии, Чехословакии и Франции, т. е. как раз враждебного Италии на Балканах, в Центральной Европе и на Адриатике блока.

Германия была слишком обременена своими затруднениями и активной роли в международной политике в то время вообще не играла. Англия сочувствовала идее сближения стран-наследниц, но не экспонировалась сколько-нибудь значительно в этом вопросе.

В те годы положение Австрии, Венгрии, Югославии, Румынии и Чехословакии было несравненно лучше, чем в текущем 1932 г. Особенно хорошо шли дела у Чехословакии, сумевшей найти для своей промышленности европейские и заокеанские рынки. Хуже шли дела в Югославии и Румынии. Австрия, изживая катастрофические последствия империалистической войны, была санирована, и ее хозяйство медленно шло в гору. Жестоким мировой хозяйственный, промышленный, финансовый и аграрный кризис, глубоко потрясший самые мощные капиталистические государства, создал в интересующих нас странах обстановку непосредственной хозяйственной катастрофы.

Крах «Кредитанштальтбанка» в Австрии, катастрофическое падение девизной и золотой обеспеченности шиллинга, понижение его фактического курса по сравнению даже с 1930 г. на 30%, замедление промышленности, чудовищный и неслыханный рост безработицы, достигшей $\frac{1}{2}$ млн. человек — все это являлось красноречивейшим доказательством того, что Австрии нужно к кому-то «приткнуться». Попытка цоль-униона* с Германией в 1930 г. окончилась, как известно, полным поражением неуклюжей австро-германской дипломатии. С тех пор на авансцену все более и более выступает Франция. Ее непосредственные экономические и финансовые позиции в самой Австрии не слишком значительны. Она имеет с давних пор в

* — таможенного союза (нем.); см. т. XIV, прим. 85.

своих руках так называемый «Лендербанк», являющийся чисто французским предприятием. Французский капитал имеет сильное влияние на дела второго по значению в Австрии банка «Нидер-Эстаррейхише эсконтгезельшафт». Весьма значительно было влияние Франции и в «Кредитанштальтбанке». Однако главная сила Франции заключается не в этих фактах, а в том, что Франция может, если того захочет, обеспечить Австрии получение того или иного займа, продление срока оплаты по обязательствам, связанным с делами «Кредитанштальта» и т. д. Франция и в некоторой степени Англия в настоящей трудной для всей Европы ситуации являются той силой, от которой можно ждать некоторую помощь. Этой помощи, разумеется, не ждут бесплатно. Австрия прекрасно понимает, что за поддержку Франции придется платить и платить прежде всего по линии политической — по линии отказа от сближения с Германией. Внутри Австрии франкофильски ориентированной политической силой является в общем и целом клерикальная партия. Будучи самой сильной из всех буржуазных партий, она стоит во главе правительства. Франкофильским планам Зайпеля и К^о противодействуют гроссдейче и Ландбунд. Однако это противодействие является нерешающим.

Положение Венгрии еще более катастрофично как в хозяйственном, так и во внутриполитическом отношении. Венгрия фактически осуществила частичный мораторий. Положение Чехословакии, экономически более мощной, нежели все остальные наследницы габсбургской империи, тоже становится угрожающим. В Югославии и Румынии, можно сказать, дела идут несколько лучше, чем в Венгрии, но, во всяком случае, хуже, чем в Чехословакии.

В этой обстановке всеобщего краха проблема некоей экономической кооперации, поддержанной великими державами, представляет немалый интерес для вышеуказанных стран.

С точки зрения Франции момент для «дунайской акции» выбран удачно. Французская дипломатия выступила с предложением более скромным, нежели Дунайская федерация. Речь идет на первых порах о преференциальном соглашении и о контингентировании ввоза и вывоза намеченных Францией государств.

Проблема таможенного союза должна считаться сейчас совершенно нереальной. Против нее — чехословаки, австрийцы и румыны.

Заявление Тарды в комиссии парламента имело своим немедленным последствием контракцию со стороны Германии. Германская неуклюжая дипломатия, слишком затянувшая ответ на меморандум Бурша от 16 февраля *, поспешила в по-

* В тексте ошибочно — марта.

следний момент декларировать свою готовность пойти на преференции по отношению к Австрии. Германцы, проводя политику «аншлюса», все же мало заботились до сих пор об интересах австрийской промышленности и о сельском хозяйстве. И той и другому они на деле приносили жесточайший ущерб.

Однако шаг германского посланника в Вене, хотя и был несколько запоздалым, но все же является неприятным для Франции шахматным ходом. Франция, основной целью которой является «сближение пятерки» под ее руководством и контролем, вынуждена пригласить к делу санации гибнущих в хаосе кризиса габсбургских наследниц Англию и Италию. Франция «не возражает» и даже высказывается за сотрудничество Германии, но все же политика Франции направлена к тому, чтобы оттереть Германию от франко-итало-английских разговоров и от «пятерки».

Однако акция Тардые встречает на своем пути значительные затруднения. Италия высказалась в том смысле, что она предпочитает договориться предварительно с Австрией и Венгрией, что она за привлечение Германии и против какой бы то ни было Дунайской федерации. Германия направляет все усилия к тому, чтобы принять непосредственно участие в переговорах с «пятеркой». Она хочет включиться в группу этих стран, рассчитывая, и не без оснований, что ей удастся сыграть там большую роль и компенсировать себя за неудачу с «аншлюсом». Германия уже сейчас тесно связана со странами «пятерки». Так, например, в торговле с Австрией она стоит на первом месте по ввозу и вывозу. Она ввезла в 1930 г. разных товаров на сумму 580 млн. шилл. и вывезла на 331,5 млн. шилл. В Югославию ввезла сырья, полуфабрикатов и фабрикатов на общую сумму в 170 млн. марок. Германский ввоз в Югославию увеличился по сравнению с 1929 г. примерно на 18 млн. марок. Германия ввезла в эту страну продуктов питания и сырья в 1930 г. на 72,5 млн., превысив соответствующую норму 1929 г. на 15 млн. Из Румынии ввезено в 1930 г. на 232 млн. марок, в 1929 г. — на 206 млн. марок. Вывезено в Румынию на 137 млн. марок (сырье, полуфабрикаты и фабрикаты). В Чехословакию в том же году ввезено продуктов питания, сырья и полуфабрикатов на 328 млн. марок. Вывезено из ЧСР тех же товаров на общую сумму в 358 млн. [марок]; Венгрия: вывезено сырья, полуфабрикатов и фабрикатов на 116 млн. марок, ввезено из Венгрии продуктов питания, сырья и полуфабрикатов на сумму 68 млн. [марок].

Это обстоятельство прекрасно известно Франции, и поэтому она законно опасается дальнейшего развития германской торговой экспансии в эти страны. Тардые прилагает все усилия к тому, чтобы осуществить свой план, т. е. вначале заставить «пятерку» сговориться между собой, а потом пригласить

силь на новое совещание также и представителей вышеупомянутых великих держав.

Вокруг этого вопроса будет, вероятно, идти долгая и упорная борьба. Позиция Англии является примиренческой, но с общим уклоном в сторону Франции. Это — результат известной Вам сговоренности, недавно достигнутой между Тардье и Саймоном.

Теперь несколько слов о самой комбинации с точки зрения Австрии: что представляют для ее хозяйственного развития нормализованные торговые отношения с Югославией, Венгрией, Румынией и Чехословакией? Я уже указывал на то, что на первом месте по торговле с Австрией стоит Германия; следом за ней идет Чехословакия: ввоз — 480 млн. шилл., вывоз — 228; затем идет Венгрия: ввоз — 285 млн. шилл., вывоз — 121 млн. шилл.; Румыния: ввоз — 130,5 млн. шилл., вывоз — 85,7 млн. шилл.; Югославия: ввоз — 149 млн., вывоз — 150,4 млн. шилл.

Дунайские страны плюс Германия и Италия (ввоз в Австрию в 1930 г. — 107 млн. шилл. и вывоз — 176 млн.) являются теми странами, с которыми хозяйственное бытие Австрии связано теснейшим образом. Австрия заинтересована в урегулировании отношений между этими странами, и политика преференций и контингентов может значительно облегчить кастрофическое положение австрийского хозяйства. Общественное мнение Австрии настроено в пользу такого соглашения Австрии с ее соседями, причем клерикалы склоняются к соглашению без Германии; Ландбунд и грессдейче настаивают на обязательном участии Германии.

Зайпель и его партия надеются, что раньше или позже окрепшая и связанная с Германией Австрия сумеет совершить «аншлюс» с Венгрией под скипетром Оттона II Габсбургского.

Сейчас трудно предсказать, как разовьются события. Трудностей, как я уже указывал, на пути Тардье много, но [они] не непреодолимые. В рядах французских вассалов пока нет полного единодушия. Чехословакия высказывается против таможенного союза, но готова идти с Тардье, причем аграрии проявляют в связи с этим большое недовольство. Югославия и Румыния заинтересованы в вовлечении в систему преференций Германии. Отсюда их недовольство и известное колебание. Вопрос о поведении Малой Антанты будет, вероятно, окончательно урегулирован на ближайшей ее конференции. Во всяком случае, можно сейчас предвидеть, что она пойдет в основном по пути, намеченному ей французским правительством. Чехословакия, получив жирный заем от Франции, сумеет образумить аграриев и вернуть их в лоно тардизма. Но чудес от комбинации Тардье ожидать нельзя, но если возможно, то, по моему мнению, не раньше лета или осени текущего года.

Что представляет эта комбинация для нас? Она, как я говорил, опасна по линии торговой (я здесь не привел надлежащей аргументации — сделаю это в следующий раз; сделал бы это сейчас, но задержался на заседании у Буреша и Гейнля почти до момента ухода почты). Политически нам опасна всякая, хотя бы частичная стабилизация капиталистических государств, особенно если она совершается под руководством Франции. Наконец, если в результате торга и переторжки Германия как-то договорится с Францией по этим вопросам, то это, возможно, будет означать ослабление наших позиций в Германии.

Еще пара слов о том, что означает эта комбинация для Австрии и других подобно ей страждущих стран «пятерки». Это означает, по крайней мере по плану Тардые, подчинение их экономическому и финансовому контролю Франции и в лучшем случае (главным образом с точки зрения соблюдения декорума) Финансовому комитету Лиги наций*.

С товарищеским приветом

Полпред СССР в Австрии
К. Юренев

Печат. по арх.

135. Сообщение советской печати о разъяснениях и заверениях японского правительства, данных Послом Японии в СССР Хирота Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л. М. Карахану

22 марта 1932 г.

На поставленные заместителем народного комиссара по иностранным делам г. Караханом в беседе с японским послом г. Хирота вопросы японскому правительству о деятельности белогвардейцев в новом государстве в Маньчжурии и нарушении Портсмутского договора, о чем уже сообщалось ранее в печати**, в настоящее время получены следующие дополнительные разъяснения и заверения японского правительства.

О деятельности белогвардейцев японский посол г. Хирота сделал по поручению своего правительства заявление, в котором он опровергает версию о том, что «за последнее время японскими властями оказывается прямая поддержка русским белогвардейским организациям в Маньчжурии». Далее в заявлении опровергаются многочисленные сообщения иностранной и советской прессы об агрессивной деятельности белогвардейцев в Маньчжурии, поддерживаемых японцами. В частности,

* См. также док. № 138, 165, 178.

** См. док. № 97, 100, а также док. № 113.

заявление японского посла подтверждает сообщение военного ведомства Японии, опубликованное в Токио 27 февраля, о том, «что лишены всякого основания сообщения печати, будто японские войска в Маньчжурии, руководя белыми, организуют белогвардейскую дивизию, задачей которой является угроза советским границам», причем «если соответствуют действительности сведения о наличии среди белых таких элементов, которые, прикрываясь именем японской армии, готовят злостные интриги, то военные власти готовы принять решительные меры пресечения».

Наконец японский посол в своем заявлении от 19 марта заверяет от имени японского правительства, что «Квантунская армия, зорко следящая за деятельностью белых русских, готова оказать в случае необходимости соответствующую репрессию на их политическую и тем более повстанческую активность против СССР».

Это находится в согласии с заявлением японского посла, сделанным т. Карахану 15 марта*, что «если белые предпримут что-либо против СССР, то Япония не допустит этого».

По вопросу о новом государстве в Маньчжурии японский посол дал следующие разъяснения о позиции японского правительства. Если новое правительство в Маньчжурии гарантирует Японии выполнение договорных обязательств, обеспечит безопасность жизни и имущества японских подданных, и если новое правительство будет стремиться развивать дружественные по отношению к Японии чувства, то Япония будет приветствовать такое правительство.

Что же касается отношений с другими государствами, то новое правительство Маньчжурии, по сообщению японского посла, в своей политике будет руководствоваться принципом «открытых дверей» и «равных возможностей». Японский посол сообщил т. Карахану, что новое правительство не признано Японией. Японское правительство в настоящее время лишь «наблюдает за ходом событий в Маньчжурии».

По вопросу о Портсмутском договоре японский посол по поручению своего правительства сделал разъяснение т. Карахану 5 и 19 марта. Японское правительство не видит нарушения Портсмутского договора в перевозках и сосредоточении войск по КВЖД, так как эти перевозки, по разъяснениям г. Хирота, вызваны не стратегическими целями, а целями охраны жизни и имущества японских резидентов. Что касается охраны КВЖД японскими войсками, то японское правительство в оправдание этого факта разъясняет, что в связи с событиями в Маньчжурии железнодорожная охрана южного участка КВЖД исчезла, и, так как была угроза нападения бан-

* См. док. № 124.

дитов и опасность перерыва движения по линии, японским войскам пришлось взять на себя охрану южной линии. С 3 марта японские войска прекратили несение охраны, и в настоящее время охрану несут гирийские войска.

Заверяя Советское правительство в том, что Япония лояльно соблюдала и впредь будет соблюдать Портсмутский договор, японский посол заявил т. Карахану, что Япония не преследует никаких стратегических целей на КВЖД и что «у японского правительства нет ни малейшего намерения оставлять войска по линии КВЖД».

По вопросу о сосредоточении японских войск у советско-корейской границы японское правительство дало следующие разъяснения. В заявлении японского посла, сделанном т. Карахану 5 марта с. г., японское правительство, не отрицая сосредоточения войск у советско-корейской границы, разъяснило, что это не имеет цели, могущей угрожать советской территории. В заявлении же от 19 марта японское правительство указывает на наличие в этом районе лишь пограничной охраны и заверяет, что со времени восстановления дипломатических отношений между СССР и Японией оно не увеличивало своих войск у советской границы.

На встречный запрос японского правительства о сосредоточении советских войск на советско-корейской границе и устройстве там аэродрома, запрос, переданный японским послом г. Хирота 19 марта, т. Карахан заявил, что эти сведения японского правительства лишены основания, ибо никакого сосредоточения советских войск на советско-корейской границе нет и не предполагается, точно так же как не предполагаются никакие другие военные мероприятия, противоречащие Портсмутскому договору. Советское правительство, проводя последовательную политику мира, строго соблюдает Портсмутский договор и надеется, заявил т. Карахан, что японское правительство и его представители в Маньчжурии будут также соблюдать обязательства, лежащие на Японии по Портсмутскому договору.

*Печат. по газ. «Известия» № 81
(4648), 22 марта 1932 г.*

136. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Генеральному консулу СССР в Харбине М. М. Славуцкому

*Вне очереди
22 марта 1932 г.*

Передайте через харбинского дипломатического комиссара устно, повторяю устно, для «маньчжурского правительства», что их телеграмма в Москве получена. В случае каких-либо до-

полнительных вопросов уклонитесь от ответов, указав, что Вам поручено сказать только это⁹⁷.

Карахан

Печат. по арх.

137. Телеграмма Полиомочного Представителя СССР в Турции Я. З. Сурнца Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

23 марта 1932 г.

Тевфик Рюштю просит Вам передать, что перед отъездом [из Женевы] виделся с Гибсоном, признавшим основательность высказанного Вами мнения о влиянии отсутствия дипломатических сношений между СССР и Америкой на ход дальневосточного конфликта. Это признание из уст заведомого противника СССР Тевфик Рюштю считает симптоматичным.

Полпред

Печат. по арх.

138. Из дневника Полиомочного Представителя СССР в Германии

23—24 марта 1932 г.

23 марта вечером вернулся из Веймара, где был на праздновании столетия со дня смерти Гёте. Празднование было пышное. Все 48 тыс. жителей города Веймара высыпали на улицу. Был почти весь салонный Берлин: Брюнинг, Гренер, Мейснер, Лебе, Реннер из Австрии, большинство дипломатов, журналистов и т. п. Были представители почти всех государств. Были доклады, пение, в театре давали «Торквато Тассо». Играли венские артисты Геннинг и Вольгемут. Были официальные завтраки и ужин, на которых я присутствовал⁹⁸.

24 марта звонил мне Кепке* от имени Бюлова, который уехал на целую неделю и перед отъездом сам звонил в посольство, желая меня принять, но я был в Веймаре.

Виделся я с Кепке в присутствии Мейера** и Шлезингера***. Я изложил ему те трудности, которые у нас имеются еще и из-за чего до сих пор не реализованы наши экспортные переговоры. Главное препятствие создает Рейхсбанк, так как он не принимает к исполнению те мероприятия, к которым мы пришли во время переговоров, это:

* Заведующий II отделом МИД Германии.

** Заведующий IV отделом МИД Германии.

*** Советник IV отдела МИД Германии.

1) До сих пор Рейхсбанк предлагает конвертирование векселей с domicilio в Нью-Йорке 10 млн. долл., нам же нужно не менее 15 млн.

2) Мы не можем согласиться с размером, установленным Рейхсбанком для валютных (эффективных) векселей с domicilio в Германии, в 10 млн. долл., мы требуем по всем таким векселям принимать у нас марки.

3) В отношении векселей, выдаваемых нами по нашим заказам, мы не согласны их валоризировать в золоте, а оставляем за собой право приходить в непосредственное соглашение с фирмами.

4) Мы также не можем согласиться с предложением германского правительства по поводу преференций. Условия для 1933 г. не могут быть хуже 1932 г. (я имел в виду пшеницу, обязательство закупки которой германское правительство берет для 1933 г.). 30% *нетто* импорта вместо *брутто*. Кроме того, нас мало устраивает формулировка в отношении воздействия на фирмы о закупке у нас ячменя. Мы знаем и видим цену такого воздействия на примере Рейхсбанка.

Я сказал, что меня удовлетворяет согласие германского правительства на 30% в отношении пшеницы на 1932 г., но правительство СССР не может дать согласие на преференции Венгрии и Румынии, пока не будет решен вопрос о последующих годах*.

5) Вопрос о тарифных соглашениях не сдвинут с места, между тем наше положение со времени переговоров не только не улучшилось, но даже ухудшилось ввиду общего снижения железнодорожных тарифов.

6) До сих пор декабрьский протокол** не ратифицирован, а между тем прошло уже три месяца. Ведь не мог же Вармбольд*** подписать протокол, не будучи уверен в проведении его.

Кенке выслушал Шлезингера о причинах, возникших в процессе проведения в жизнь тех решений, которые приняты обеими сторонами при экспортных переговорах. Он указал, что он, Мейер, министерство хозяйства с Вармбольдом во главе, уже исчерпали себя и необходим более сильный нажим как на Рейхсбанк, так и на Шиле****. Что касается Рейхсбанка, то по ратификации протокола легче будет на него воздействовать.

Я указал, что получается заколдованный круг. Протокол не ратифицируется, ибо не достигнуто соглашение с ведомст-

* См. также док. № 2, 133.

** См. т. XIV, док. № 386.

*** Министр экономики Германии.

**** Министр сельского хозяйства Германии.

вами, которые в свою очередь не идут на соглашение, ибо не ратифицирован протокол. Надо же энергичнее проводить уже принятые решения.

Кепке заявил, что он имеет поручение от Бюлова со всей решительностью и энергией взяться от имени аусамта за это дело и быстрее покончить его в сторону максимально благожелательных для СССР результатов. И он теперь же примется за это дело.

После разговоров по поводу экспортных переговоров Кепке попросил Мейера и Шлезингера удалиться и сказал мне следующее: он желает ознакомить меня с отношением германского правительства к предложению Тардье³¹. При этом он просит рассматривать данную информацию, а точно так же и передаваемые документы, как предназначенные для неофициального внутреннего использования полпреда, с тем чтобы Советское правительство было информировано о действительном положении дел и истинном отношении германского правительства к предложению Тардье о санировании экономического положения придунайских стран.

При этом Кепке подчеркнул, что отношение германского правительства к предложению Тардье по вопросу о санировании экономического положения придунайских стран отнюдь не выработалось под влиянием и против Франции, а возникло в результате самостоятельного изучения этого вопроса. Он, между прочим, указал, что мы сами видим, как трудно германскому правительству провести вопрос через все ведомства. Поэтому задержалось это дело и лишь случайно совпало по времени с предложением Тардье*.

Кепке передал мне следующие документы.

1. Экспозе, в котором излагается, в первой части, история прохождения вопроса о санировании Австрии и Венгрии в Финансовом комитете Лиги наций. Во второй части излагается история и подход Германии к вопросу о преференциях и дунайскому проекту Тардье, а в третьей сообщается о точке зрения Германии на пути к санированию дунайских государств, которая разделяется Францией и Англией, в то время как итальянская позиция еще не известна. 2. Французский меморандум от 5 марта 1932 г. 3. Немецкий меморандум от 15 марта 1932 г. 4. Текст итальянского ответа на французский меморандум⁹⁹.

Л. Хинчук

Печат. по арх.

* См. также док. № 134, 178.

139. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Геджасе, Недже и присоединенных областях в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

25 марта 1932 г.

Министерство иностранных дел предварительно сообщает о решении послать политическую делегацию во главе с Фейсалом в дружественные страны, в том числе в СССР. Выезд назначается через месяц. Прибытие же в СССР намечается в июне. Геджасское правительство ждет вашего согласия *.

Печат. по арх.

Измайлов

140. Запись бесед члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Посланником Норвегии в СССР Урби

25, 26, 27 марта 1932 г.

I. 25 марта 1932 г. Урби пришел по своей инициативе и, вытащив пачку телеграмм, сообщил, что из них явствует, что задержание норвежских судов, о котором он говорил со мной 23 марта ¹⁰⁰, произошло 15 марта, что всего нашими властями было задержано 10 судов, занимавшихся убоим тюленей в Белом море, и что 5 из этих судов: «Веслеари», «Хаймланд», «Хаймен», «Ост» и «Сер» — были отведены нашими органами в порт Иоканка, в то время как о других 5 судах в Осло ничего неизвестно. Норвежское министерство не может понять, почему оно так долго не получало от нас никакого извещения о задержании этих норвежских судов, и он, посланник, находит, что министерство действительно «вправе ничего не понимать». После этого Урби спросил, не имею ли я сделать ему каких-либо сообщений по этому делу.

Я ответил, что, согласно обещанию, данному ему 23 марта, я немедленно после его ухода связался с Главным управлением погранохраны и получил от него обещание распорядиться по телеграфу составить для каждого из задержанных судов в отдельности протокол о допущенных им нарушениях, а суда отпустить, пристав протоколы в Москву, с тем чтобы ГУПО и НКВД приняли решение о дальнейшем направлении этих дел.

Этот ответ, видимо, привел Урби в замешательство. Выразив свое удивление каким-то восклицанием, он сперва пробормотал, что это, собственно, меняет дело, но потом, оправившись, прибавил, что он все же должен передать мне ноту, которую ему поручено нам вручить.

*. См. док. № 163, 237.

Эта вербальная нота содержала сперва норвежскую версию фактической стороны инцидента с задержанием 10 норвежских зверобойных судов, причем особенно было подчеркнуто, что с 15 марта в Норвегии не было получено никаких известий об этих судах и что норвежское правительство не получило от нас никакого сообщения о задержании. Затем в ноте было выражено предположение, что суда отнесло течением южнее линии, дозволенной для убоя тюленей, и норвежская миссия сообщала, что норвежское правительство приняло решение о посылке в Белое море на место происшествия сторожевого судна «Фритьоф Хансен» для помощи зверобойным судам, если течение льдов будет относить их дальше на юг. В заключение норвежская миссия просила дать указание нашим властям, чтобы они, в случае нужды, допускали «Фритьофа Хансена» заходить в наши порты (нота была примерно на 1½ страницах).

При просмотре ноты я спросил Урби, является ли «Фритьоф Хансен» военным судном. Урби это подтвердил. Пробежав ноту, я сказал, что я, по-видимому, сделал ошибку, так энергично взявшись за дело после первого посещения посланника, 23-го, и добившись распоряжения об освобождении судов. По-видимому, более правильно было бы поступить с задержанными судами по всей строгости законов. Теперь получилось такое положение, что мы удовлетворили просьбу посланника, а норвежское правительство посылает в наши воды военное судно на помощь задержанным норвежским судам. Я не могу не выразить своего крайнего изумления по поводу такого необычайного и неожиданного решения норвежского правительства. Это решение является «более чем недружелюбным актом по отношению к Советскому Союзу». Я, конечно, немедленно доложу об этом инциденте т. Литвинову и коллегии, которая сегодня собирается, и резервирую за собой право пригласить к себе посланника для сообщения ему нашего отношения к решению норвежского правительства. Я опасаюсь, что навлеку на себя упреки за поспешное удовлетворение просьбы посланника, которое поставило нас в столь неприятное положение.

Урби был явно обеспокоен. Он сказал, что он очень благодарен мне за принятые мною меры и за освобождение судов, но что ведь я в прошлый раз не сказал ему, что суда будут освобождены. Если бы норвежское правительство это знало, то, конечно, оно не послало бы «Фритьофа Хансена».

Я ответил, что не люблю давать посланникам обещаний, в исполнении которых я наперед не уверен, и что только поэтому ограничился в прошлый раз лишь обещанием о скорейшем расследовании дела. В действительности же я сразу после ухода посланника обратился к ГУПО с настойчивым ходатайством удовлетворить просьбу посланника об освобождении

задержанных судов. Это, однако, ничего не меняет ни формально, ни по существу, ибо норвежское правительство решило послать «Фритьофа Нансена», не дожидаясь ответа на свою просьбу об освобождении задержанных судов, а посланник вручил мне ноту с извещением о решении норвежского правительства уже после того, как я сообщил ему об освобождении судов. Все это создает весьма серьезное положение, и, наверное, будет истолковано коллегией и правительством, как новое доказательство изменившейся позиции Норвегии в отношении СССР при нынешнем правительстве. Посылка военного судна в воды другого государства бывает вообще чрезвычайно редко и является очень серьезной мерой, которая принимается после очень серьезного обсуждения положения и возможных результатов. Очевидно, норвежское правительство так мало дорожит отношениями с СССР, что решило пренебречь тем впечатлением, которое его решение может произвести в СССР, из-за жеста, который по существу никакой пользы ни норвежским судам, ни Норвегии принести не может. Совершенно ясно, что действия наших властей ни в какой степени не могли бы и не будут зависеть от присутствия этого военного судна.

Урби явно испугался и, идя на попятный, стал говорить, что в сущности «Фритьоф Нансен» — не военное судно: оно предназначено лишь «для сторожевых целей» и т. п. Он был уже один раз в наших водах. Посланник думает, что посылка «Фритьофа Нансена», особенно в Белое море, лежит также «в интересах СССР». Поскольку норвежские суда течением отнесит южнее линии, до которой позволен убой тюленей, присутствие сторожевого судна, которое будет препятствовать такому отвлечению норвежских судов за дозволенную линию, лежит также в советских интересах. После некоторого колебания Урби сказал, что, впрочем, «если я хочу», он может взять свою ноту обратно.

Я сказал, что, поскольку «Фритьоф Нансен» уже послан в наши воды и поскольку посланник мне сделал об этом сообщение, я, конечно, не могу просить его, посланника, взять свою ноту обратно. Напротив, в интересах ясности я предпочитаю, чтобы она осталась у меня и чтобы я ознакомил с нею т. Литвинова и коллегия.

Урби замолчал и задумался. Он сильно волновался и был бледен. После некоторой паузы он протянул руку к ноте и сказал, что он берет ее обратно по собственной инициативе, а меня просит рассматривать его сообщение о посылке «Фритьофа Нансена» лишь как «предварительное сообщение». Дело в том, что он решил немедленно телеграфировать норвежскому правительству о беседе со мною и в особенности о моем заявлении, что мы рассматриваем посылку «Фритьофа Нансена» как «более чем недружелюбный акт в отношении СССР». Так как я

подал реплику, что это пока моя личная оценка. Урби сказал, что он это сообщит, но прибавит, что убежден, что коллегия и правительство присоединятся к моей оценке.

Я ограничился замечанием, что он, конечно, также вправе взять назад свою ноту, как и ее вручить, но что я все же обязан доложить коллегии обо всем происшедшем.

Урби, сильно волнуясь, просил, однако, доложить коллегии, что он сделал свое сообщение только в предварительном порядке, что он телеграфирует норвежскому правительству и еще вернется к этому вопросу. Я сказал, что это, конечно, будет сделано, а он продолжал сидеть, изредка делая замечания о том, что ни норвежское правительство, ни он не думали, что мы так воспримем решение о посылке «Фриттьофа Хансена», что в этом нет ничего недружелюбного по отношению к СССР и т. д. Видя, что я молчу и не склонен продолжать разговор, Урби откланился и ушел.

II. 26 марта 1932 г. согласно постановлению коллегии я вызвал Урби и заявил ему, что коллегия целиком присоединилась к моей оценке и, так же как и я, рассматривает решение норвежского правительства о посылке военного судна в наши воды на помощь задержанным нашими властями за незаконные действия норвежским зверобойным судам, как «более чем недружелюбный акт по отношению к СССР». Взятие посланником обратно своей ноты ничего не изменяло в положении дела, поскольку мы получили известие о том, что вице-министр Эсмарк довел официально до сведения нашего полпреда о посылке «Фриттьофа Хансена» в наши воды, и особенно ввиду получения нами сообщения, что норвежское телеграфное агентство опубликовало подробные сообщения обо всем инциденте, и в том числе о решении норвежского правительства послать «Фриттьофа Хансена» в наши внутренние воды на помощь норвежским зверобойным судам. Мы находим, что норвежское правительство своим отношением ко всему этому делу иллюстрировало свое недружелюбное отношение к СССР. Поручив посланнику просить нас об освобождении судов, норвежское правительство, во-первых, не сочло нужным дожидаться ответа посланника, несмотря на проявленную с нашей стороны чрезвычайную предупредительность. В самом деле, 23-го просьба норвежского правительства была передана мне посланником, и в тот же день из Москвы было дано по телеграфу распоряжение об освобождении судов, а 25-го я об этом сообщил посланнику. Между тем норвежское правительство еще накануне приняло решение о посылке военного судна в наши воды и поручило посланнику получить наше согласие на заход этого военного судна в наши порты. Во-вторых, не дожидаясь ответа на это свое второе обращение к нам, норвежское правительство дало распоряжение о выходе «Фриттьофа Хансена», и он

находится уже в пути. В-третьих, как мы узнали, уже после моей последней беседы с посланником норвежское правительство, не дожидаясь запрошенного у нас разрешения, поспешило распространить через официальное норвежское телеграфное агентство известие о посылке «Фритьофа Нансена» в наши внутренние воды на помощь норвежским зверобойным судам и о его намерении заходить в наши порты. Все эти действия носят вызывающий характер по отношению к СССР. С международно-правовой стороны посылка «Фритьофа Нансена» также не может быть оправдана. Действительно, по международным обычаям военные суда всякого государства могут проходить через территориальные воды других государств. Однако в данном случае речь идет не о территориальных водах, а о внутренних водах Советского Союза и, кроме того, не о проходе военного судна, а о длительном его пребывании для выполнения функций, которые принадлежат внутренним судам и никоим образом не могут быть признаны за иностранным военным судном. Ввиду такого правового положения и проявленного со стороны норвежского правительства недружелюбного поведения в отношении СССР мы не можем дать согласия на заход «Фритьофа Нансена» ни в наши порты, ни в наши воды.

Урбн записывал содержание моего заявления, а потом оправдывающимся тоном и очень неуверенно стал объяснять, что его первый разговор со мной по этому делу происходил в среду 23-го, после обеда, что в четверг 24-го и в пятницу утром 25-го он не мог снестись со мной и получить информацию и что, таким образом, норвежский министр не имел никакого ответа из Москвы. Ввиду этого норвежское правительство решило послать «Фритьофа Нансена», который не является военным судном в собственном смысле этого слова, а лишь сторожевым судном, в наши воды на помощь норвежским зверобойным судам. Для такой посылки сторожевого судна норвежскому правительству давал право заключительный протокол к советско-норвежскому торговому договору*. (Урбн зачитал протокол, в котором действительно говорится о праве договаривающихся сторон посылать сторожевые суда в воды другой стороны.).

Я тут же доказал Урбн, что зачитанный им заключительный протокол не имеет никакого применения в данном случае, и вновь подчеркнул, что поведение норвежского правительства не только было крайне недружелюбным и вызывающим, но и находилось в противоречии с международным правом. Я прибавил, что нам придется из этого сделать свои выводы.

Урбн, насторожившись, робко спросил: «Какие?»

* См. т. VIII, док. № 410.

Я ответил, что нам придется сделать тот вывод, что в лице нынешнего норвежского кабинета мы имеем дело с правительством, которое настроено недружелюбно в отношении Советского Союза и которое не ценит отношений с нами. Мы, конечно, должны будем учитывать это при разрешении всех конкретных вопросов наших отношений с Норвегией.

Урби записал себе это заявление, потом опять посидел, как в прошлый раз, и опять, видя мое нежелание продолжать разговор, встал и ушел. Уже при выходе я выразил надежду, что мы получим от него удовлетворительное объяснение по поводу происшедшего и не будем вынуждены продолжать письменные разговоры с норвежским правительством по этому вопросу.

Урби сказал, что он обо всем доложит в Осло и, как только получит ответ, придет ко мне.

В этой беседе, как и во второй части беседы 25 марта. Урби выглядел очень напуганным всей этой историей, особенно в этот раз он очень слабо защищался, и было видно, что он сам осуждает свое правительство за предпринятые им шаги.

III. 27-го Урби позвонил мне по телефону и сообщил, что, согласно полученному им накануне вечером телеграфному сообщению, «Фритьоф Хансен» отозван обратно в Норвегию.

Я сухо поблагодарил за сообщение.

IV. Примерно через час Урби позвонил мне вновь и сообщил, что он получил газеты из Норвегии, в которых нашел коммюнике минндела о посылке «Фритьофа Хансена». В этом коммюнике сказано, что «Фритьоф Хансен» послан на помощь затертым во льдах норвежским зверобойным судам, с тем чтобы воспрепятствовать, чтобы они не были отнесены льдами и течением по ту сторону линии, разрешенной для убоя тюленей. Урби сказал, что из этого коммюнике явствует, что посылка «Фритьофа Хансена» в наши воды совсем не носила такого недружелюбного характера, как мы ей приписывали. Я не реагировал на это заявление, а Урби спросил, не прислать ли мне перевод этого коммюнике. Я попросил прислать.

Примечание. На следующий день я получил от Урби прилагаемое личное письмо *, которое является подтверждением обоих телефонных сообщений 27 марта.

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

* Не публикуется.

141. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочным Представителям СССР за границей

26 марта 1932 г.

Предлагаю следить внимательно за возможной вербовкой белогвардейцев для отправки на Дальний Восток и при точном установлении таких случаев делать правительству, при котором Вы аккредитованы, устные представления.

Литвинов

Печат. по арх.

142. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с Министром Национальной Экономики Греции Вурлумисом

27 марта 1932 г.

Беседа состоялась в доме Вурлумиса во время вечернего приема. Предметом ее явились некоторые затруднения, возникшие в греко-советских торговых отношениях в связи с нынешним финансовым кризисом *.

Затруднения в области греко-советских торговых отношений. Министр экономики осведомился у полпреда, удовлетворен ли он нынешними торговыми отношениями между СССР и Грецией. Полпред ответил, что в расчетах торгпредства с греческой клиентурой имеются затруднения, мешающие нормальному развитию греко-советских торговых отношений. Дело в том, что по сделкам, заключенным и выполненным торгпредством еще до проведения сентябрьского закона об охране драхмы, за клиентурой торгпредства числятся значительные суммы, которые подлежат уплате в твердой валюте. Однако валютная комиссия задерживает разрешения на выдачу этой валюты или совсем отказывает в удовлетворении заявок со стороны клиентов торгпредства. Такое положение, естественно, отражается на работе торгпредства и требует скорейшего урегулирования. С другой стороны, торгпредство готово приступить к некоторым закупкам товаров греческого происхождения. По этим закупкам оно желало бы расплачиваться драхмами, которые ему приходится в большом количестве получать от своей клиентуры вследствие ограничений, применяемых валютной комиссией после издания сентябрьского закона. Однако согласно вновь установленному порядку товары, вывозимые из Греции, должны оплачиваться в твердой валюте. В результате всех этих мер торгпредство не может ни получить твердой валюты, причитающейся ему по

* См. также док. № 92.

сделкам, заключенным до сентября 1931 г., ни распорядиться накопившимися у него драхмами для закупки греческих товаров. Такое положение представляется совершенно ненормальным.

Министр ответил полпреду, что вполне понимает, насколько валютные затруднения осложнили работу торгпредства в Греции. Однако он не считает невозможным найти выход из создавшегося положения. Он надеется, что, в частности, можно будет сговориться относительно закупок греческих провенансов на драхмы для вывоза в СССР¹⁰¹.

Полпред выразил пожелание, чтобы министр принял в ближайшие дни торгпреда и первого секретаря полпредства, которые ознакомят его подробнее с положением вещей и совместно с Вурлумисом обсудят вопрос об условиях дальнейшей деятельности торгпредства в Греции.

Министр ответил, что готов в любое время принять торгпреда и первого секретаря полпредства. Он просил лишь сговориться об этом по телефону с его секретариатом.

Потемкин

Печат. по арх.

143. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с Посланником Болгарии в Греции Нейковым

27 марта 1932 г.

Беседа состоялась на вечернем приеме у министра национальной экономики Вурлумиса. Предметом ее явились советско-болгарские взаимоотношения.

Болгария и СССР. Посланник Болгарии, просивший жену турецкого посланника Эннс-бея представить его и его жену М. И. Потемкиной, после этого представления подошел знакомиться и к полпреду, заявляя, что давно искал этого случая. По его словам, «бывшее правительство государственного переворота» в Болгарии должно нести ответственность за ненормальные взаимоотношения между Болгарией и СССР. В настоящее время в Болгарии наблюдается сильнейшее течение в пользу восстановления этих отношений. Нейков надеется, что в ближайшее время между Болгарией и СССР вновь возникнет связь, прерванная событиями 1923 г. *. Лично он был бы счастлив, если бы это произошло. Он может заверить полпреда, что такое его заявление есть подлинный «крик сердца».

Полпред ответил Нейкову, что очень рад выслушать столь искреннее заявление. По его мнению, ничто не мешало бы вос-

* См. т. V, прим. 170.

становлению нормальных отношений между Болгарией и СССР. До сих пор этому препятствовало нежелание болгарского правительства должным образом ликвидировать прискорбный инцидент, связанный с деятельностью советского Красного Креста в Болгарии. Если нынешнее правительство вместе с г. Нейковым возлагает ответственность за этот инцидент на тогдашнее правительство Болгарии, этим самым открывается полная возможность ликвидировать возникший конфликт и восстановить нормальные взаимоотношения между обоими государствами.

Полпред выразил надежду, что посланник Болгарии будет поддерживать с Полпредством СССР в Греции фактический контакт. На это Нейков ответил, что будет счастлив такой возможностью *.

Потемкин

Печат. по арх.

**144. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР
Временному Поверенному в Делах СССР во Франции
М. И. Розенбергу**

29 марта 1932 г.

Уважаемый Марсель Изранлевич,

Присланный проект меморандума ¹²² нуждается в сокращениях и дополнениях. К сожалению, к отъезду сегодняшнего курьера сделать этого не успею, тем более что я хотел бы освежить в памяти документы, на которые меморандум ссылается. Таким образом, Вам, очевидно, не удастся вручить меморандум Тардые до его отъезда в Женеву. Если он напомнит мне в Женеве о меморандуме, то объясню невручение отъездом полпреда, а если окажется необходимым, то вручу ему меморандум, направленный мною, в Женеве или же перешлю Вам для вручения Бертело.

Должен сказать, что беседа с Тардые оставила меня под впечатлением, что улучшение отношений с СССР отнюдь не входит в его ближайшие расчеты и задачи. Если Тардые и говорил о неизменности позиции французского правительства в отношении пакта о ненападении, то он мог этим преследовать исключительно избирательно-маневренные задачи. При невозможности сохранить большинство в нынешней палате и получить большинство на выборах, опираясь исключительно на правые партии, Тардые, очевидно, пытается изображать из себя наследника Брнана, готового продолжать мирную политику последнего. При такой установке Тардые, естественно, не

* См. также док. № 232.

может открыто признать прекращение всей акции Бриана по так называемой пацификации Востока, из чего и вытекает обещание Тардье подписать пакт по устранении румынского препятствия. Правда, он шел несколько дальше и говорил о готовности содействовать устранению румынского препятствия и помочь выработке необходимых формул по спорным с Румынией вопросам. Но и это обещание могло служить той же, ранее мною указанной, цели. Кроме того, и после подписания нами пакта с Румынией Тардье может затормозить или сорвать советско-французский пакт попытками внести в него изменения, и не только в сторону уменьшения французских обязательств, но и расширения наших. У Тардье может явиться желание показать правым, что, хотя он и идет на пакт с нами, он все же добился от нас большего или дал нам меньше, чем Бриан. Во всяком случае, трудно ожидать каких-либо определенных решений со стороны Тардье до выборов, если только он не думает, что завершение акции Бриана окажется ему полезным в самой избирательной кампании. Таковы мои впечатления, которые постараюсь проверить последующими разговорами с Тардье в Женеве *.

Литвинов

Печат. по арх.

**145. Письмо Полномочного Представителя СССР в Японии
Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР Л. М. Карахану ****

31 марта 1932 г.

Уважаемый товарищ,

Япония и СССР. Наибольшую угрозу для советско-японских отношений представляет в Японии военно-фашистское движение. Но нельзя сказать, чтобы все это движение целиком было враждебно СССР. Поскольку оно охватывает разнородные элементы с различными настроениями, в нем нет и не может быть одинаковой у всех неприязни к СССР. Экономический рост СССР многим из них импонирует. Но решающую роль в установлении преобладающего настроения будут играть, конечно, не вопросы симпатий к социалистическому строительству, а соотношение силы и роль СССР в отношении главнейших вопросов внешней политики Японии. на данной стадии — в отношении дальневосточных вопросов. Внешнеполитическая программа японского империализма включала в себя захват Маньчжурии, подчинение японскому влиянию

* См. также док. № 111.

** Печатается с сокращениями.

всего Китая и экспансию в разных формах — от экономического проникновения до прямого захвата на нашем Дальнем Востоке. Эти цели были сформулированы и знаменитым меморандумом барона Танака*, и отдельными заявлениями японских политических деятелей.

Осуществление этой программы зависело от условий момента и соотношения сил.

Для этого время осенью прошлого года показалось японским военным подходящим, и они приступили к военным действиям в Маньчжурии для ее захвата, как основной и ближайшей империалистической задаче.

Маньчжурские события развивались постепенно. Возможно, что некоторые разногласия между военными и руководителями японской внешней политики сидэхаровского толка и были, разногласия относительно того — идти ли севернее Чанчуня, брать Цзиньчжоу или нет. Во всяком случае, военные, сторонники более решительных и широких действий в Маньчжурии, возобладали: заняты были и Цицикар и Цзяньчжоу, а в дальнейшем и Харбин. Намерения военных относительно Северной Маньчжурии, а затем и СССР выдавали провокационные сообщения относительно нашей помощи Ма Чжань-шаню на первой стадии маньчжурских событий**. Вполне вероятно, что гнусная роль Чжан Сюэ-ляна, без боя сдавшего всю Маньчжурию из страха потерять власть и свои войска, вскружила голову японскому военному командованию, вернее полковникам и капитанам, фактически командующим японскими войсками. Возможно, что проба с Цицикаром тоже показалась японским военным удачной. В результате программой минимум стал захват всей Маньчжурии, а программой максимум — подчинение всего Китая и захватнические планы на нашем Дальнем Востоке в отношении Приморья и Сахалина в первую очередь¹⁰³. Отсюда шанхайские дела и движение к Пограничной с разговорчиками Сиратори о Приморье, представителей фирмы «Окура» о Сахалине, а рыбопромышленников — о Камчатке¹⁰⁴, с поднятием акции «Нитиро»*** почти до 70 иен против 16 в прошлом году.

Имевшиеся у нас сведения из различных источников говорили о том, что японский генштаб твердо уверен в том, что ни Америка, ни СССР воевать не хотят и не могут. И в отношении Америки, и в отношении СССР считалось, что для японских империалистов теперь самый благоприятный момент, так как в дальнейшем Соединенные Штаты усилят свой флот в соот-

* См. т. XI, прим. 41.

** См. т. XIV, док. № 320.

*** «Нитиро гёгё кабусики кайся» — японская акционерная компания по рыболовному промыслу.

ветствии с решениями Лондонской конференции *, а СССР, сейчас «бессильный», постепенно укрепляет свою военную мощь.

Но положение осложнилось благодаря двум решающим фактам.

Китайская 19-я армия, несмотря на предательское поведение гоминдана и Чан Кай-ши, оказала серьезное сопротивление японцам под Шанхаем. Хотя в конце концов, не имея поддержки, она вынуждена была отступить, но удар японской армии был нанесен очень сильный и не столько материальный, сколько моральный. Легенда о непобедимости японской армии была рассеяна. Это отразилось, а главным образом еще отразится, на китайских массах и, следовательно, на дальнейших перспективах японо-китайских отношений. Я бы сказал, со многими, разумеется, оговорками, что шанхайские битвы могут сыграть в японо-китайском конфликте ту же роль, что битва на Марне в мировую войну. Вот что пишет о шанхайских событиях такой японофильский знаток дальневосточных дел, как Сокольский, теперешний руководитель дальневосточного отдела «Нью-Йорк таймс»:

«Если главная цель Японии в настоящее время — закрепить ее достижения в Маньчжурии, тогда надо избежать опасности осложнений с Соединенными Штатами и Советской Россией. Шанхай опять имел умеряющее влияние. Нет сомнений, что многие японцы ошиблись в Шанхае, ввиду легкости, которой отмечены их прежние успехи в маньчжурской кампании: китайские армии растаяли перед их войсками, иностранная оппозиция ограничилась дипломатическими нотами**. Шанхай, однако, изменил настроение японцев. Все в Шанхае пошло плохо — даже достижения в Маньчжурии теперь в опасности.

Урок Шанхая будет поглощен и усвоен для будущих отношений народом, успехи которого были достигнуты благодаря бесконечной способности к усвоению. Скорее умеряющее влияние Шанхая, чем встреченные усилиями трудности, кладет конец для настоящего времени японской экспансии в Китае за пределами Маньчжурии и Жэхэ».

Мы здесь все видим и чувствуем как шанхайские «победы» изменили настроение японцев.

Вторым решающим фактом явился сведения о военных мероприятиях СССР у границ Маньчжурии. Японцы увидели, что, если дело пойдет далеко, мы, во-первых, хотим оказать серьезное сопротивление, а во-вторых, можем это сделать во внушительных размерах. Отрезвляющее влияние этих сообще-

* См. т. XII, прим. 135.

** См. также док. № 98.

ний заметно ощущается даже в личных отношениях к нам, в частности ко мне.

Если соединить эти два факта вместе — шанхайские события и вести из СССР, — то положение станет еще яснее. Вооруженный конфликт с СССР потребует огромнейших жертв и, несомненно, поднимет против Японии Китай, даже против воли Чан Кай-ши, Чжан Сюэ-ляна и компании. Все это грозит Японии катастрофой.

К этому надо добавить непрекращающиеся выступления «бандитов» в Маньчжурии, ухудшение отношений с Соединенными Штатами (которые, между прочим, делают все, чтобы избежать войны или, по крайней мере, оттянуть ее возможно дольше), тяжелое финансовое и экономическое положение внутри Японии наряду с все более широким распространением «опасных мыслей».

Наиболее вероятным для настоящего времени представляется закрепление Японии в Маньчжурии, с линией обороны по Хингану, с одной стороны, и Мулинскому хребту, с другой, т. е. возвращение к тем позициям, которые были намечены японским империализмом после неудачи сибирской интервенции.

Это не значит, что мы гарантированы от военного конфликта. Конечно, опасность его теперь очень велика и стала очень большой, когда японская «линия обороны» вплотную приблизилась к нашим границам. Какое-нибудь незначительное изменение международной ситуации легко может создать военную обстановку, тем более что охотников втянуть нас в войну найдется сколько угодно*.

Из этого следует, что мы должны быть настороже [...]

С товарищеским приветом

А. Трояновский

Печат. по арх.

146. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Хирота

31 марта 1932 г.

На вопрос Хирота, могу ли я сообщить ему что-либо о стабилизации японских участков в связи с последней нашей беседой, я ему ответил, что сегодня я ничего не могу ему сказать, но хотел бы, со своей стороны, знать, может ли он что-либо сообщить мне по этому вопросу. Я ему напомнил, что в последнюю беседу мы с ним условились, что оба обдумаем конкретные планы в связи с его соображениями, с тем чтобы совместно

* См. также док. № 44, 126.

придумать какое-либо общее решение с целью продвинуть рыболовные переговоры вперед. Констатировав, что ни у него, ни у меня пока нет конкретного плана на основе его последних бесед, мы условились встретиться в ближайшие дни для дискуссии по этому вопросу*. Посол подчеркнул, что он очень хотел бы возможно быстрого выяснения вопросов, связанных с переговорами, так как он лично в этом заинтересован, ибо, если нет перспектив для быстрого завершения переговоров, он ввиду своего болезненного состояния хочет просить у своего правительства отпуск для лечения.

После этого Хирота сообщил, что им получена только что инструкция правительства по рыболовному вопросу, но не по переговорам, а в связи с наступающим рыболовным сезоном. Инструкция эта гласит следующее. В связи с тем, что рыболовный сезон наступает через 2 недели, японское правительство желает, чтобы в этом году не было таких затруднений, какие были до сих пор. Желанием японского правительства является то, чтобы в этом году не было никаких конфликтов и все шло гладко. Это важно для дружественных отношений между обеими странами. Поэтому японское правительство обращается с просьбой к Советскому правительству, чтобы последнее обратило внимание на установившиеся обычаи и правила рыбной ловли. Японское правительство особо обращает внимание на рыболовные правила по ловле рыбы на Тихом океане и просит, чтобы эти правила не применялись к японской рыбной промышленности. Применение этих правил вызвало бы затруднения. Кроме того, имеется ряд других вопросов, по которым шли переговоры между посольством и II Восточным отделом. Так как японское правительство искренне желает, чтобы в этом году рыболовный сезон прошел без затруднений и конфликтов, и так как переговоры, связанные с рыбным делом, уже имели место между советником посольства Амо и заведующим Восточным отделом Козловским, посол хотел бы поручить Амо, чтобы он изложил Козловскому подробным образом все те пожелания японского правительства, которые им получены. Поэтому он обращается ко мне с просьбой, чтобы я инструктировал Козловского, чтобы последний вел эти переговоры в таком духе, чтобы возможные затруднения, которые могут иметь место, были бы предотвращены.

Я ему ответил, что искренним желанием не только японского правительства, но и Советского правительства является избежание всяких недоразумений и затруднений во время рыболовного сезона. Как в прошлом году, так и в этом году советские власти на Дальнем Востоке инструктированы надлежащим образом, и, в частности, им дано указание о строгом со-

* См. также док. № 218.

блюденни рыболовной конвенции и существующих правил и законов. Поскольку посол не излагает мне подробно всех вопросов, а предлагает их поручить Козловскому, я проннструктирую последнего, чтобы он выслушал внимательнейшим образом все пожелания, которые сообщит ему Амо, и доложил мне о них ¹⁰⁵.

Далее Хирота сообщил мне, что так как различные недоразумения возникали от применения тех или иных правил и от толкования тех или иных условий конвенции, то поэтому японское правительство командирует на Дальний Восток своих консульских агентов в целях возможного уменьшения возможных недоразумений. Поэтому посол обращается с просьбой, чтобы мы дали инструкции нашим властям о необходимом контакте с японскими консульскими агентами. Я ему ответил на это, что японские консульские агенты имеются у них в определенных пунктах и, поскольку они будут выполнять там обычные консульские функции и не будут выходить за их пределы, им будет, конечно, оказано всяческое содействие со стороны местных властей, и он может быть спокоен, что в этом смысле наши власти своевременно и надлежащим образом будут инструкторованы. Хирота ответил, что, конечно, как и во всех консульствах, японские агенты ограничиваются охраной резидентов и наблюдением за выполнением договорных обязательств и что японские консулы не будут в своих функциях выходить за пределы обычных консульских функций.

На этом мы распрощались, условившись на днях встретиться для продолжения дискуссии по рыболовному вопросу.

Л. Карахан

Печат. по арх.

147. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
2 апреля 1932 г.*

Виконт Сайто, адмирал Като, Иванага *, Танака Сэйдзиро ** и другие добиваются от военных ясности в отношении СССР и требуют, чтобы не только не было войны, но и вообще осложнений. Имеется и письменный меморандум. Принц Канъин ***, с которым и я говорил и Принц Фусими ****, обе-

* Управляющий японским информационным агентством Симбузэнго.

** Один из директоров Японо-Советского общества.

*** Президент Японо-Советского общества, начальник генштаба японской армии с декабря 1931 г.

**** Начальник генштаба ВМФ Японии.

ждали свою поддержку. Вице-военмин Койсо настроен более благоприятно, чем Араки. Перелом, несомненно, имеется, но все же полной ясности еще нет. Барон Хорада, секретарь Сайондзи *, мне сказал, что вопрос о военно-фашистском перевороте сейчас снят и что с точки зрения отношений с СССР мне беспокоиться нечего **.

Трояновский

Печат. по арх.

148. Сообщение советской печати о подписании почтового и телеграфного соглашений между СССР и Афганистаном

7 апреля 1932 г.

Кабул, 4 апреля. (ТАСС.) 3 апреля состоялось подписание почтового и телеграфного соглашений между СССР и Афганистаном ***. Эти соглашения являются первыми соглашениями, которые Афганистан заключил после его вступления во Всемирный почтовый союз. Подписанные соглашения предусматривают не только обмен почтовой и телеграфной корреспонденцией между СССР и Афганистаном, но и транзит через СССР в Афганистан. Отправление почтовой корреспонденции по новым кратчайшим путям через СССР в Афганистан создает возможность большего ускорения почтовой связи Европы с Индией. В связи с перспективами развития почтового и телеграфного дела в Афганистане особым фирманом (указом) организовано самостоятельное управление почт и телеграфов на правах особого министерства.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 97 (4564), 7 апреля 1932 г.*

149. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Турции Я. З. Сурицу

7 апреля 1932 г.

На телеграмму от 30 марта¹⁰⁶. Разъясните Тевфику Рюштю, что его стремление к участию в «средиземноморском балканском экономическом объединении» является крутым поворотом от прежней тактики пактов о ненападении и неучастии в группировках. Стремясь к участию в группировках, Турция становится на принципиально иной, чем прежде, путь в своей внешней политике.

Карахан

Печат. по арх.

* Советник императора Японии.

** См. также док. № 44, 126, 145, 305, 316, 318.

*** См. т. XI. прим. 144.

**150. Письмо Представителя СССР в Чехословакии Народному
Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову**

7 апреля 1932 г.

Разговор с Бенешем 2 апреля.

Бенеш вызвал меня и начал с того, что он несколько удивлен задержкой нашего ответа. Я сказал, что ответ имею, и сообщил ему согласно директиве наркома наше предложение о согласительной комиссии²¹. Бенеш прежде всего стал оппонировать мне, говоря, что и для Советского государства среди несоветских не так уж трудно найти арбитра, в частности, он указывал на Турцию и Германию. Я в свою очередь настаивал на том, что наша социальная и экономическая структура в корне отличается от такой же в Европе и поэтому мы предпочитали бы договориться без арбитров. Бенеш поставил мне такие вопросы: не будет ли предлагаемая нами согласительная комиссия организована по типу той, которую мы проектируем в связи с пактом о ненападении между нами и Польшей, во-вторых, каковы полномочия будут членов комиссии и обязательны ли решения комиссии для обеих сторон и, наконец, какой мы предполагаем выход, если между чешской и советской половинами комиссии не будет достигнуто соглашение. Я ответил, что согласительная комиссия, которую мы предлагаем сейчас, составляется лишь в связи с делом Ванека, в то время как польско-советская была бы как некоторое постоянное учреждение, которое вступает в действие каждый раз, лишь того потребуют обстоятельства. Полномочия комиссии можно будет оговорить в специальном соглашении, а что касается [того], обязательно ли решение комиссии, то мне кажется, что оно обязательно, ибо в этом и самый смысл ее существования. Если голоса комиссии разобьются, то у нас остается возможность прийти к соглашению путем обычных дипломатических переговоров. Бенеш долго думал, ходил по комнате; я ему сказал, что он может свой ответ на наше предложение дать тогда, когда ему будет это угодно, а не обязательно сегодня же. Бенеш, однако, решил дать ответ сегодня же и, подумав еще немного, заявил, что в принципе идею согласительной комиссии он принимает, но так как он не представляет себе, что эта согласительная комиссия будет делать, если ее голоса распадутся поровну, то он просит нас составить детальный и конкретный проект, предлагаемый нами комиссией, и дать этот проект Бенешу на отзыв. Я сказал, что сообщу Москве о принятии Бенешем в принципе идеи согласительной комиссии и о том, что Бенеш предлагает нам представить детальный конкретный проект.

Дальше я коснулся вопроса положения с торгпредством и

заявил, что мы при ноте, посланной недавно *, вернули обратно повестки, приглашающие нас платить налог. Бенеш, не вдаваясь в подробности дела, заявил мне совершенно твердо, что на этой почве у нас никаких недоразумений не будет. Я сказал Бенешу, что со стороны некоторых ответственных чинов его министерства раздавались угрозы применить к нашему торговому репрессивные меры, как-то: конфискация капиталов, наложения ареста на наше имущество и т. п. Я заявил, что категорически протестуем против таких намерений и угроз. Бенеш опять в самой категорической форме заявил мне, что он не допустит принять какие бы то ни было меры к нашему торговому предству и надеется кончить налоговый вопрос мирным путем. Само собой разумеется, что Бенеш не преминул позондировать у меня, как мы относимся к Дунайской федерации³¹. Я ответил, что это является делом больше политическим, чем экономическим. Бенеш, конечно, запротестовал и начал сулить нам, СССР, всевозможные торговые выгоды в случае осуществления торговой федерации; одной из первых выгод было бы предоставление нашим товарам пути через Дунай. Тут же Бенеш заявил, что считает весьма полезным для дела создания Дунайской федерации совещание в Лондоне четырех великих держав.

Как следствие разговора с Бенешем посылаю Вам составленный мной проект согласительной комиссии (идет отдельным письмом). Считаю, что мы поступили бы вполне правильно, если бы представили Бенешу наш проект **.

Полпред СССР в ЧСР
Аросев

Печат. по арх.

151. Телеграмма Генерального консула СССР в Харбине в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

8 апреля 1932 г.

Усиливаются случаи обысков и арестов советских граждан. Сегодня арестованы 9 служащих и рабочих КВЖД: двое рабочих КВЖД — сыновья обслуживающего персонала консульства. Полиция нам «дружески» сообщила, что арест произведен в связи с делом Базанова¹⁶⁷ по распоряжению японской жандармерии помимо полицейского управления. Начальник полиции Ваи намекал мне также на это, но формально заявил,

* См. док. № 130.

** Упомянутый проект А. Я. Аросев изложил в беседе с Крофтой 11 апреля 1932 г. Присутствующий на беседе заведующий политическим отделом МИД Чехословакии Велнер сделал запись этого изложения.

что ответственным за арест является полицейское управление. Я потребовал срочно сообщить причины ареста. Надо ожидать новых арестов. На мои протесты надежд не возлагаю, так как действует советник Яги * и японская жандармерия. Китайцы ничего сделать не смогут, к тому же они, несомненно, заинтересованы в обострении наших отношений с японцами **.

Славуцкий

Печат. по арх.

152. Письмо Генерального консула СССР в Харбине Управляющему Генеральным консульством Японии в Харбине Нагаока

8 апреля 1932 г.

Господни Управляющий,

В дополнение к моему устному сообщению об инциденте в Нингута ¹⁵³ честь имею довести до Вашего сведения еще о следующем случае неправомерных действий японских войск, имевшем место на днях в г. Харбине. Так, 4 апреля около 15 часов к Сунгарийскому мосту КВЖД подошел отряд в 30 человек японских солдат с намерением перейти по мосту на левый берег реки. Дежурный мостовой сторож — советский гражданин Матьяш, зная, что по расписанию должен проследовать по мосту поезд № 3, пытался задержать солдат, но безуспешно, и последние прошли через мост. Затем около 20 часов того же дня, когда к мосту подходил поезд № 91, на мост явились 2 японских солдата и, угрожая револьверами, потребовали от дежурного мостового сторожа, чтобы он остановил поезд, так как к мосту подходил в это время весь японский отряд.

Сторож сигнала остановки не подал, но попросил машиниста сократить скорость, что последний и сделал, подавая предупредительные свистки находящимся на мосту. После этого японские солдаты избили сторожа — советского гражданина Матьяша ***.

В ожидании ответа о предпринятых Вами шагах, прошу принять уверения в моем к Вам, господни Управляющий, уважении.

Генеральный консул СССР в Харбине
Славуцкий

Печат. по арх.

* Японский советник полицейского управления Особого района Восточных Провинций.

** См. также док. № 70, 152, 194.

*** См. также док. № 66.

В ответной ноте управляющего японским генконсульством в Харбине от 20 апреля, в частности, говорилось:

«Что касается дела об обыске в Коммерческом агентстве КВЖД в Нингута, о котором Вы мне сообщили устно, и дела об избиении, согласно Вашему сообщению письмом от 8 апреля, сторожа Сунгарийского железного моста, то я немедленно же передал о вышеуказанных делах военному командованию».

По поводу нингутянского дела в ноте не давалось ответа по существу вопроса, а лишь отмечалось, что «находившаяся в то время в том месте японская военная часть уже передвинулась по направлению к Чанчуню, ввиду чего местная военная миссия вступила с ней в сношение».

Касаясь дела об избиении сторожа Сунгарийского моста КВЖД в Харбине, управляющий японским генконсульством стремился оправдать бесчинства японского отряда и изображает этот инцидент как простое препирательство между проводником отряда — китайцем и сторожем.

153. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Посланником Дании в СССР Энгелем

9 апреля 1932 г.

Энгель пришел представить нового первого секретаря Олуфа, который работал 7 лет в Нью-Йорке и Вашингтоне и затем один год в МИД в Копенгагене.

Энгель спрашивал, со ссылкой на сообщение Дирксена, каков результат ведущихся в Берлине переговоров, и о нашем отношении к германским преференциальным договорам с Румынией и Венгрией *. Я сказал, что переговоры еще продолжаются и мне не известно, как они идут.

На мой вопрос, каково отношение Дании к этим договорам, Энгель ответил, что до сих пор Дания уклонялась от ответа, используя то, что эти договоры и без Дании не могли войти в силу вследствие сопротивления более сильных государств. Если теперь другие государства дадут Германии свое согласие, то Дании придется, очевидно, ответить, и он думает, что Дания даст свое согласие, но попросит компенсации в интересующих ее вопросах.

В связи с этим зашел разговор о движении за торгово-политическое сближение скандинавских стран с Англией. На мой вопрос, верно ли, что дело может дойти даже до таможенного союза с Англией, Энгель ответил, что движение в Дании за сближение с Англией очень сильно, поскольку далеко больше половины всего экспорта Дании идет в Англию, однако он не думает, чтобы дело дошло до таможенной унии. Впрочем, прибавил он, в настоящее время ни за что нельзя ручаться. В Швеции это движение также сильно, но, конечно, Швеция меньше, чем Дания, зависит от Англии.

* См. док. № 2, 133.

Крейгера. Норвегия пострадала тоже очень мало. Но вообще положение Дании вследствие кризиса очень тяжелое.

Энгель завёл разговор о французском плане Дунайской федерации³¹ и высказывал уверенность в неуспехе этой затеи, предпринятой в интересах самой Франции.

На вопрос о том, поехал ли Мунк в Женеву, Энгель сказал, что теперь трудно уследить за местопребыванием Мунка, и в связи с этим очень скептически отозвался о смысле конференции по разоружению³⁹ и затрачиваемых на нее времени и средствах.

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

154. Сообщение ТАСС о подписании соглашения между СССР и Польшей о правовых отношениях на советско-польской границе

11 апреля 1932 г.

10 апреля 1932 г. в помещении НКВД состоялось подписание соглашения между СССР и Польшей о правовых отношениях на советско-польской границе. Со стороны СССР соглашение было подписано членом коллегии НКВД т. Б. С. Стомоняковым и заведующим I Западным отделом НКВД т. Н. Я. Райвидом, а со стороны Польши — уполномоченным Польской Республики, директором департамента г. Владиславом Раснским. Соглашение подлежит ратификации*.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 101 (4668), 11 апреля 1932 г.*

155. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике А. Я. Охтину

11 апреля 1932 г.

Постановлением Совнаркома монгольская геологоразведочная экспедиция Наркомтяжпрома сохраняется на 2 года. На производство разведочных работ в 1932 г. отпущено 500 тыс. руб. плюс экономия прошлого года. Срок выезда экспедиции 1 мая¹³⁹.

Карахан

Печат. по арх.

* См. «Собрание законов...», отд. II, № 26, 26 ноября 1933 г., стр. 167—223.

156. Телеграмма члена советской экономической делегации в Италии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР*

11 апреля 1932 г.

В связи с отсутствием основных членов делегации я был сегодня у Кварони **. В ответ на мое заявление о выезде для доклада в Москву и на мою критику позиции итальянцев Кварони сообщил, что министерство иностранных дел выдвигает предложение, сделанное перед нашим отъездом Аттолико, а именно — мы увеличиваем свой экспорт по сравнению с прошлым годом на определенную сумму и обращаем всю эту сумму на добавочные закупки товаров в Италию за наличные; заказы в размере 350 млн. лир размещаются на прошлогодней кредитной базе. Кварони понимает, что для увеличения нашего экспорта нам должна быть предоставлена льгота прежде всего на хлеб, лес и нефть. Хотя он и оговорился, что это предложение еще не принято другими министерствами и носит пока частный характер, но он просит обсудить его в Москве и передать через Вейнберга *** наше отношение к нему. Министерство иностранных дел со своей стороны проведет это предложение через другие ведомства, о чем Кварони поставит в известность Вейнберга. Мы наметили следующую процедуру: если выяснится, что предложение министерства иностранных дел принципиально приемлемо для обеих сторон и предварительные переговоры о конкретных моментах приведут к положительным результатам, обе делегации соберутся вновь на короткий срок для оформления соглашения. Кварони выразил пожелание, чтобы это произошло возможно скорее, дабы перед внешним миром не создалось впечатление о разрыве, что для итальянцев нежелательно.

Расцениваю положение так, что у итальянцев под влиянием провала дунайской комбинации наступил перелом и они сейчас хотят с нами договориться ****. Сегодня выезжаю в Москву.

Дволайцкий

Печат. по арх.

* Телеграмма была также адресована в НКВТ СССР и Народный комиссариат тяжелой промышленности СССР.

** Заведующий политическим департаментом МИД Италии.

*** Второй секретарь полномочного представительства СССР в Италии.

**** См. также док. № 445.

157. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Италии с Послом Италии в СССР Аттолико

11 апреля 1932 г.

Зашел Аттолико. По-видимому, приехал вне связи с переговорами * (умерла тетка в Неаполе, куда он и ездил). Завтра возвращается в Москву и просил дать ему лессе-пассе. Беседа началась с жалобы Аттолико на полную невозможность при постоянных разъездах Гранди лично поговорить с ним. Спросил, что нового. Указав на тупик, в который зашли наши переговоры с итальянским правительством, я особенно подчеркнул то обстоятельство, что инициатива переговоров исходила от итальянского правительства, между тем итальянское правительство выдвинуло явно неприемлемое предложение депозита золота и никак не идет навстречу относительно нашего хлебного экспорта. Я сообщил также Аттолико, что остававшийся здесь член делегации Дволайцкий едет в Москву для доклада. На последнее указание Аттолико сразу реагировал одобрением, так как считает целесообразным на некоторое время дать переговорам отстояться. Аттолико, признавая, что переговоры были предложены итальянским правительством через Боттаи¹⁹, считает, что лучше было бы предварительно приватно наметить или позондировать позиции с НКИД и уже потом открывать переговоры. Экономическое положение ухудшается с каждым днем. Банко д'Италия и другие банки, подводя годовые итоги, пришли к неизбежному выводу о необходимости сжатия кредитов и финансирования и не замораживать кредиты дальше. Этой позиции особенно придерживается дирекция Банко д'Италия и представитель министерства финансов. Итальянское правительство озабочено лишь финансированием и отнюдь не имело в виду обеспечивать нашу задолженность. Но тут же Аттолико согласился со мной, что на деле требование 80 млн. [лир] депозита означает уплату наличными. Разошлись только в цифрах — Аттолико считает, что речь идет о 40%, а я утверждал, что о 60%. По поводу своего, как он назвал, частного предложения — найти источники финансирования в добавочном экспорте леса и угля, который натурой будет компенсировать кредитование (фактически товарообмен), Аттолико подчеркивает, что это предложение, по-видимому, не имеет шансов. Аттолико считает, что у нас несколько преувеличивают значение нашего экспорта для Италии, между тем теперь и Сев.[ерная] и Южная Америка дают возможность для Италии покупать сырье в неограниченном количестве. На мое указание, что Италии важно иметь сырьевую базу на Черном море, Аттолико ответил, что это верно, но

* См. док. № 131, 132, 156.

ближайшие 2—3 года Италия, конечно, может продержаться и на американском сырье.

Переходя вновь к переговорам, я указал Аттолико, что было бы необходимо теперь, когда наше ознакомление с итальянской промышленностью сделало такой большой шаг вперед, получить от итальянского правительства приемлемые предложения по вопросу о хлебе и финансировании, и тогда можно было значительно расширить наши экономические отношения. Аттолико ответил, что по хлебу едва ли можно рассчитывать на организацию нашего экспорта во второй половине года, так как запрет ввоза неизбежен, но что мы можем базироваться на ввозе в течение апреля — мая. На это я ответил, что это нас не устраивает, тем более что и реализация в апреле в этом году идет слабо и что по нефти и лесу мы ведем отдельные переговоры, которые имеют шансы¹¹⁰.

Далее беседа перешла к дунайскому вопросу³¹. Аттолико информировал, что Франция предложила организацию дунайского банка при участии четырех держав, Италия с этим не согласилась и указала, что организация такого банка при наличии репарационного банка излишня и что вопрос переносится в Европейскую комиссию и Италия выдвинет требования участия в обсуждении и СССР.

Д. Курский

Печат. по арх.

158. Выступление Председателя советской делегации М. М. Литвинова на девятом заседании Генеральной комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений

12 апреля 1932 г.

Новый этап Женевской конференции

Женева, 12 апреля. (Спец. корр. ТАСС.) На утреннем заседании Генеральной комиссии, начавшей дискуссию о первой статье проекта конвенции, тов. Литвинов выступил с речью. Ссылаясь на внесенную им поправку к первой статье проекта конвенции¹¹¹, тов. Литвинов разъясняет смысл этой поправки, останавливаясь не только на самой статье, но и на дальнейшем развитии и уточнении этой статьи, как это мыслится советской делегацией.

Мне кажется, говорит тов. Литвинов, что своими предыдущими заявлениями на пленуме конференции и Генеральной комиссии я с достаточной ясностью показал направление, по которому идут усилия советской делегации*. Эти усилия метят

* См. док. № 75, 82, 90.

в одну цель, а именно: цель действительной организации прочного мира между народами и лишения государств возможности вести между собой войну. Имея эту цель в виду, советская делегация внесла предложение о полном разоружении, которое, однако, конференцией отклонено. Я убежден в том, что, хотя обсуждение советского предложения заняло у конференции очень мало времени, а отклонение его — еще меньше, будущие историкки должны будут признать, что конференция уже в первые недели своего существования завершила весьма важный, хотя и негативный исторический этап своей работы. Она отклонила от себя задачу, разрешение которой сделало бы конференцию действительно эпохальной и выделило бы ее из всех международных конференций, которые когда-либо существовали, а главное, отвечало бы требованиям и чаяниям народов.

Конференция, начиная теперь новый этап своей работы, ставит неизмеримо более скромную задачу, задачу частичного разоружения. Я уже имел случай указывать, что никакое сокращение вооружений, как количественное, так и качественное, не может иметь своим результатом уничтожение или отказ от войны. Но это не заставит, однако, советскую делегацию при обсуждении уже конкретных вопросов, хотя бы частичного сокращения в вооружениях, терять из виду основную цель, которую она ставит себе, а именно: скорейшее и наиболее эффективное создание хотя бы относительной безопасности против войны. С этой точки зрения советская делегация может предлагать лишь такое сокращение вооружений, которое могло бы считаться началом и первым существенным этапом полного разоружения, с тем чтобы остальные этапы следовали после минимальных интервалов. Более того, советская делегация придает особенное значение такому первоначальному сокращению вооружений, которое уже на ближайшее время по крайней мере затруднило бы ведение войн.

Против всяких попыток сужить задачи конференции

Из сказанного мною станет, кажется, ясным, что советская делегация вынуждена решительно возражать против возможных попыток, — а в этих попытках, кажется, недостатка не будет, — к сужению задачи конференции до ограничения вооружений. Я позволю себе напомнить, что уже в Подготовительной комиссии советская делегация боролась против этих попыток и предлагала вместо ограничения вооружений говорить только о сокращении вооружений * и что лишь по ее настоянию в виде компромисса комиссия приняла ныне употребляе-

* См. т. XII, док. № 142.

мую формулу «ограничения и сокращения вооружений». Мне приходилось тогда указывать, что слово «лимитация» (ограничение) является слишком обширным и эластичным понятием, что лимитировать (ограничивать) вооружения можно как путем сокращения, так и сохранения существующего уровня или даже повышения его, между тем как слово «сокращение» может означать лишь одно, а именно: понижение по сравнению с существующим уровнем.

Лимитация вооружений отвергается советской делегацией уже потому, что она не только не является шагом вперед по пути разоружения, но и в никакой мере не уменьшает ни возможностей, ни ужасов войны. 18 лет назад общий уровень вооружений во всем мире был и количественно, и качественно значительно ниже нынешнего и тем не менее он позволил развязать мировую войну со всеми теми ужасами, которые еще свежи в памяти народов. Но эти ужасы бледнеют перед картиной новой войны, которую может рисовать нашему воображению нынешнее состояние средств войны. Лимитация вооружений на нынешнем уровне не только оставляет все возможности развязывания новой огромной войны, которая превзойдет по своим размерам последнюю мировую войну, но и неизмеримо повышает по сравнению с той войной потенциал умерщвления и разрушения.

Лимитация вооружений на существующем уровне могла бы при известных условиях отразиться на ограничении военных бюджетов. Однако и это весьма сомнительное ограничение было бы достигнуто при значительном числе дополнительных условий (уничтожение секретных фондов на вооружения, изъятие расходов на вооружения из бюджетов гражданских министерств и т. д.). Но мы не должны забывать, что мы находимся не на экономической конференции, а на конференции по разоружению, которая должна ставить себе совершенно иные цели, чем бюджетная экономия. Впрочем, переживаемый ныне экономический кризис и финансовое положение большинства государств сами и без того ставят пределы дальнейшему повышению военных бюджетов, в особенности в тех случаях, когда государство уже теперь тратит на военные нужды 25, 30 и даже 50% своих общегосударственных бюджетов.

По всем этим соображениям советская делегация предлагает раз и навсегда покончить с экивоками, вытекающими из одновременного употребления терминов «лимитация» и «сокращение».

Сокращать — значит также лимитировать, но лимитировать не значит сокращать. Вот почему мы предлагаем впредь пользоваться на конференции только термином «сокращение» и применять только этот термин в первой статье конвенции и во всем тексте конвенции.

Не всякое сокращение вооружений есть начало разоружения

Но не всякое сокращение заслуживает этого названия. Необходимо такое сокращение, которое было бы всеми понято как действительное начало разоружения. Необходимо также сокращение, которое остро почувствовали бы не только министры финансов и налогоплательщики, но и генеральные штабы. Необходимо такое сокращение, которое спутало бы все карты генеральных штабов и заставило бы их пересмотреть все свои стратегические планы и которое таким образом затруднило бы, хотя бы на ближайшие годы, подготовку и ведение войн. Я отнюдь не предлагаю конференции объявить войну генеральным штабам. Я отлично понимаю, что эти штабы не существуют вне государств и что они являются органами правительств. На первый взгляд может показаться даже странным, что мы предлагаем правительствам затруднить работу собственных органов. Но эта странность, к сожалению, вытекает из противоречивого положения, получившегося благодаря тому, что, с одной стороны, все государства заявляют о своей преданности делу мира и формально отказываются от войны в качестве орудия национальной политики (а ни для чего иного войны между народами до сих пор не велись), а с другой стороны, эти же государства отказываются от упразднения армий, существующих только для целей войны. При этих обстоятельствах нам приходится делать правительствам предложения, поскольку они по тем или иным соображениям отказываются от упразднения армий, по крайней мере принять меры для затруднения войны, если они действительно войны не хотят. Именно поэтому мы настаиваем на таком сокращении вооружений, которое коснулось бы решительно всех его элементов. Сокращение это должно распространиться на общую численность армий, на войска, расположенные в метрополии и колониях, на количество организованных войсковых соединений, на обученные резервы.

Это сокращение численности должно соединяться с прямым сокращением всех видов материальной части и боевых припасов. Отсюда вытекает наше второе предложение конференции — постановить не только о сокращении вооружений, но и о существенном сокращении их.

За метод прогрессивно-пропорционального сокращения вооружений

Перед нами, однако, встает вопрос о методах сокращения. Этих методов, на мой взгляд, только два. Первый состоял бы в том, чтобы установить индивидуально для каждого государ-

ства численное или процентное сокращение вооруженных сил с учетом его географического положения, численности населения, протяженности границ и множества других факторов, обобщаемых обычно словом «безопасность». Если принять во внимание, что такого рода вопросы не могут решаться большинством голосов и что необходимо согласие всех заинтересованных в каждом отдельном случае государств, то станут совершенно очевидными непрактичность и неосуществимость этого метода. Вряд ли найдется много смежных государств, из которых каждое не думало бы, что оно находится в менее благоприятном в смысле безопасности положении, чем его соседи, и что оно нуждается поэтому в превосходстве средств защиты. При существующей системе региональных соглашений, политических и военных союзов возражения против индивидуального установления численности вооруженных сил для какого-либо государства могут исходить не только от его непосредственных соседей, но и от более отдаленных государств, граничащих с союзниками или политическими друзьями этого государства. Трудно и даже невозможно представить себе соглашение между всеми представленными на конференции государствами на почве такого индивидуального установления вооруженных сил для всех 64 государств. Я уже не говорю о том, что конкретная выработка такого метода сокращения потребовала бы в лучшем случае нескольких лет работы, причем неизбежно выступили бы наружу с особой силой все противоречия, существующие между отдельными государствами и группами государств.

Это едва ли содействовало бы созданию мирной атмосферы на конференции.

Я должен оговориться, что, высказываясь против индивидуального метода сокращения, советская делегация отнюдь не руководствуется эгоистическими национальными интересами. Если бы она стремилась к изменению соотношений вооружений в пользу представляемого ею государства, то она ничего лучшего не желала бы, как сокращения на основе учета факторов безопасности.

В этом случае вам всем совершенно понятно, что мне было бы нетрудно доказать на основе факторов протяжения границ, численности населения, отсутствия военных союзов, враждебного отношения других государств и сети путей сообщения необходимость не уменьшения, а увеличения обороноспособности страны, мною представленной, в особенности в настоящий момент ввиду возможной опасности, с которой может быть связано для моей страны смутное развитие событий на Дальнем Востоке. Советская делегация на конференции видит свою задачу не в этом, а в нахождении такого метода сокращений, который не менял бы существующего соотношения сил, был бы

объективно справедлив и поэтому вызывал бы поменьше споров.

Таким методом может быть только метод пропорционального сокращения вооружений. Только такой метод не нанесет никакого ущерба и не принесет выгоды ни одному государству. Соотношение сил остается прежним, а выигрыш будет общий, одинаковый для всех от увеличения всеобщей безопасности, вследствие уменьшения возможности войны и попутно от сокращения военных расходов.

Мне скажут, — да мне уже и говорили в Подготовительной комиссии, — что такой метод узаконит и увековечит существующие неравенства и несправедливости в вооружениях. Что существует много несправедливостей на свете, мы не отрицаем, но в то же время мы не видим возможности на этой или на какой-либо другой конференции исправить все исторические несправедливости и устранить существующие между государствами противоречия. Будем по меньшей мере надеяться, что при сокращении вооружений не будут еще более углублены несправедливости, имеющиеся в распределении вооружений. Итак, третье предложение, вытекающее из сказанного мною, есть пропорциональное сокращение вооружений.

Мы считали бы, однако, несправедливым абсолютно строгое проведение принципа пропорциональности и одинаковое применение его ко всем государствам, как чрезвычайно могущественным, так и наиболее слабым. Чем сильнее военная мощь государства, государства империалистического, тем большую опасность она представляет, тем больше ее возможная агрессивность. С другой стороны, небольшие армии не представляют опасности, не заставляют опасаться агрессии, а, в случае сокращения их, государства, обладающие ими, могли бы остаться совершенно беззащитными.

Мы поэтому находим возможным допустить дифференцированное применение принципа пропорциональности и подразделяем государства на три группы. К первой группе мы относим государства, имеющие армии численностью не выше 30 тыс., каковые могут быть совершенно освобождены на ближайшее время от сокращения. Ко второй группе относятся государства с армией численностью от 30 тыс. до 200 тыс. человек, которые должны сокращать свои армии в прогрессивной пропорции, согласно представленной советской делегацией диаграмме. Так, например, армия в 50 тыс. человек должна будет сократиться приблизительно на 5%, армия в 100 тыс. человек — на 20%, в 150 тыс. человек — на 35%, в 170 тыс. человек — на 40% и т. д. К третьей группе относятся государства с сухопутными армиями численностью в 200 тыс. человек и выше, которые подлежат сокращению на 50%. Меня могут спросить, почему я остановился на цифрах 30 и 200 тыс. при разделе-

нии государств на группы и почему мною не взяты другие цифры.

Такой вопрос был бы, конечно, законен при любых взятых нами цифрах, ибо нет общепринятого математического определения больших — агрессивных или малых — чисто оборонительных армий. Поневоле приходится брать цифры, которые советской делегации кажутся наиболее справедливыми. Во всяком случае вы видите, что при выбранных нами цифрах армия представляемого нами государства попадает в категорию подлежащих наибольшему сокращению — в 50%.

Я этим отнюдь не хочу сказать, что армия Советского государства, как численно большая, также является агрессивной угрозой, как армии больших империалистических государств. Отнюдь нет, ибо Советское государство не преследует и по самой своей природе не может преследовать никаких империалистических целей, не стремится к завоеванию новых территорий и колоний, не ищет мандатов над чужими территориями, не посылало и не посылает своих войск на чужие территории для защиты своих граждан или так называемых национальных интересов. Я только по объективному математическому признаку включаю мою страну в группу государств, армии которых подлежат максимальному сокращению.

Я говорил о сухопутных армиях, но тот же принцип с другими цифрами мы кладем в основу сокращения морских и воздушных сил по соответственной схеме, приложенной к упомянутому мною документу*.

Изъяв из схемы сокращения государства с незначительными армиями или установив для них незначительный процент сокращения, мы, естественно, должны были предусмотреть случай, когда несколько таких государств объединились бы между собою и представляли бы угрозу для других государств, подвергающих свои армии большему сокращению. Мы поэтому предлагаем в случае таких соединений применять процент сокращения на основе цифры, представляющей сумму вооруженных сил государств, входящих в какое-либо соединение или союз.

Далее, признавая принцип равенства для всех государств, нами предлагается изъять из предлагаемой нами схемы сокращения государства, вооруженные силы которых подверглись сокращению на основе международных договоров и которые в дальнейшем должны быть определены на общих для всех стран основаниях.

* См. док. № 82.

Равенство вооружений при условии запрещения военных союзов

Я мог проанализировать только два метода сокращений: один — подразумевавшийся многими в Подготовительной комиссии, хотя и не воплощенный еще в формальном предложении — индивидуальный метод и другой — предлагаемый советской делегацией. Я не забыл, конечно, весьма интересного предложения*, внесенного на конференции турецкой делегацией, к которому мы вернемся после того, как мы выслушаем разъяснения турецкой делегации. Мы относимся безусловно благожелательно к принципам равенства, положенным в основу этого предложения, но многое будет зависеть от того, на каком уровне вооружений это равенство будет установлено и к какому сокращению вооружений оно приведет в ближайшее же время. Кроме того, принцип равенства вооружений предполагает, очевидно, полное запрещение каких бы то ни было военных союзов и соглашений, ибо в противном случае при равенстве армий всех государств союз любых двух государств может угрожать любому третьему государству. Добавлю лишь, что последовательное применение прогрессивной пропорциональности может в известный момент привести к равенству, предлагаемому турецкой делегацией, что значительно сближает советское и турецкое предложения.

Никакие другие методы, если не ошибаюсь, здесь не предлагаются. Я, однако, глубоко убежден в том, что в случае искреннего согласия государств, здесь представленных, на сокращение вооружений их делегации должны будут признать предлагаемый советской делегацией метод сокращения единственно практичным и справедливым. Можно соглашаться принципиально на сокращение вооружений, но если в то же время не будут указаны методы сокращения или будут предлагаться методы, явно несправедливые и поэтому неприемлемые, то сокращение будет сорвано. Вот почему советская делегация считает необходимым, чтобы в первой статье проекта конвенции кратко говорилось не только о сокращении, и даже существенном сокращении, но и о методе сокращения.

Я в своих объяснениях касался, правда, и деталей предлагаемого нами метода и даже цифр, но лишь для того, чтобы дать другим делегациям представление о том, что мы понимаем под прогрессивно-пропорциональным методом сокращения. Мы не настаиваем, однако, на немедленном принятии всех этих деталей, а находим достаточным, чтобы в первой статье, которая должна дать хотя бы общие директивы техническим

* См. «Сборники документов по международной политике...», вып. IV. М., 1933, стр. 58—59.

комиссиям, нашли свое выражение только основные принципы, а именно: обязательность сокращения, сокращения существенного и по принципу прогрессивной пропорциональности. В соответствии со сказанным мною советская делегация и предлагает принять первую статью проекта конвенции в следующей редакции:

«Высокие договаривающиеся стороны обязуются осуществить существенное сокращение ныне существующих вооружений по прогрессивно-пропорциональному методу, как это предусмотрено настоящей конвенцией»¹¹².

Оценка предложений Гибсона

Эта статья имеет в виду количественное сокращение вооружений, но она отнюдь не исключает и качественного сокращения или упразднения вооружений. Она, таким образом, несколько не находится в противоречии с предложениями¹¹³, которые были предметом дискуссий на вчерашнем заседании Генеральной комиссии (тов. Литвинов имеет в виду американские предложения) *. Я пользуюсь случаем, чтобы отметить, что не имею никаких возражений против этих предложений, тем более что они были сделаны самой советской делегацией еще в Подготовительной комиссии. Внесенный ею проект проекта конвенции предусматривал полное уничтожение как газовой войны, так и танков, а что касается тяжелой артиллерии, то мы предлагали уничтожить ее калибром значительно ниже 150 мм **.

Мы и впредь будем предлагать снизить калибр, тем более что уже в настоящее время в военной литературе можно найти описание орудий в 155 мм, которые могут бить на расстоянии 26 км, выбрасывая снаряды весом в 50 кг. В наших предложениях, однако, упразднение тяжелой артиллерии, танков и газов не стояло изолированно, а сочеталось с упразднением также и других видов оружия нападения и общим сокращением всех вооруженных сил и материалов.

Изолированные предложения об упразднении того или иного вида оружия отнюдь не являются упрощением проблемы, а, наоборот, могут наталкиваться на серьезные затруднения. Дело в том, что соотношение отдельных родов и видов оружия неодинаково у всех государств, и поэтому уничтожение одного вида оружия может резко отразиться на обороноспособности государств. Здесь, например, говорилось вчера об усилении чувства безопасности благодаря уничтожению тяжелой артиллерии и танков. Это, может быть, верно для государств,

* Слова, заключенные в скобках, даны для пояснения газ. «Известия».

** См. т. XI, док. № 98.

имеющих только сухопутные границы, но неверно в отношении таких государств, которые имеют и морские границы, подверженные нападению со стороны весьма подвижной тяжелой артиллерии, находящейся на военных судах. Я говорю это отнюдь не для того, чтобы отыскивать недостатки в сделанных или скорее повторенных здесь вчера предложениях об упразднении некоторых орудий нападения.

Но со стороны советской делегации будут сделаны против них возражения. Я хочу только обратить внимание комиссии на относительность понятий безопасности. Мне представляется вообще опасным аргументировать от безопасности в пользу того или иного предложения о сокращении вооружений, ибо мы достаточно видели и в Подготовительной комиссии, и на нынешней конференции, как подобные аргументы используются против всякого упразднения или даже сокращения вооружений.

Отказ

от существенного сокращения вооружений
равноскилен неудаче конференции

Генеральная комиссия как будто решила после пасхального перерыва заняться вплотную вопросом разоружения. Она должна теперь оправдать выданный ею вексель, но она это делает лишь тогда, когда она приступит к разрешению основных, больших вопросов разоружения. Надо признать, что первые два месяца конференция только ходила вокруг да около этих вопросов. Она решила один лишь большой вопрос — о полном разоружении, но, к сожалению, отрицательно. Перед конференцией стоит теперь вопрос также огромной важности, и она должна дать на него прямой ответ, а именно: на вопрос, согласны ли представленные государства хоть частично сократить и существенно сократить свои вооружения. Если ответ последует отрицательный, то неудачу конференции нельзя скрыть никакими побочными резолюциями и решениями о моральном разоружении, о безопасности и даже об упразднении того или иного вида оружия. Если же, наоборот, проблема существенного сокращения всех вооружений и по способу, которым оно не принесет ущерба никакому государству, будет разрешена положительно, то добрая воля государств будет проявлена в достаточной степени, чтобы разрешение попутно возникших здесь второстепенных задач не представляло никаких затруднений*.

*Печат. по газ. «Известия» № 103 (4570).
13 апреля 1932 г. Опубли. в сб. «Actes de la
Conférence...». Série B. Vol. I, pp. 46—59.*

* См. также док. № 172.

159. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии Л. М. Хинчуку *

13 апреля 1932 г.

В день 10-летия Рапалло **, 16 апреля, я устраиваю Твардовскому и членам германского посольства небольшой обед. Устраивают ли немцы что-либо нам? Желательно выяснить, хотят ли немцы в этот день какого-либо обмена письмами или телеграммами. В положительном случае обмен желательно произвести между Литвиновым и Брюнингом в Женеве ***.

Крестинский

Печат. по арх.

160. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А. А. Трояновскому

14 апреля 1932 г.

На телеграмму от 12 апреля ¹¹⁴. Заявленное бельгийского посла абсолютно ложно.

По всей вероятности, Ма действует по соглашению с японцами или по директиве Чжан Сюэ-ляна, чтобы дать пододвинуться японским войскам к границам СССР ****. Взрывы на КВЖД ¹¹⁵ носят совершенно явный характер провокации, осуществляемой руками белых, но по планам японцев и нанкинцев *****. Японцы ставят своей задачей показать, что они нужны для сохранения порядка и оправдать усиление своих военных сил в Маньчжурии. Китайцы же накануне приезда комиссии Лиги наций ⁴² хотят показать, что никакого устойчивого государства и порядка в Маньчжурии нет и что население против маньчжурского правительства. Но все они единодушны в одном — в сваливании своих провокационных действий на СССР и советских граждан.

Л. Карахан

Печат. по арх.

* Копия телеграммы была направлена М. М. Литвинову в Женеву.

** См. т. V, док. № 121.

*** См. док. № 161, 168.

**** См. также док. № 164, 218.

***** Имеется в виду центральное правительство Китая.

161. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы *

14 апреля 1932 г.

Бюлов от имени Брюнинга передал нам сегодня приглашение на советско-германский завтрак 16-го в память Рапалло. На вопрос Штейна относительно обмена речами Бюлов сказал, что он с канцлером обсуждал этот вопрос и они решили воздержаться от речей ¹¹⁶, чтобы не привлекать слишком много внимания в момент, когда предполагается поставить в рейхстаге ратификацию продления Берлинского договора ** при наличии противников ратификации, а кроме этого, ввиду отношений с третьими странами. Те же возражения у него и против письменного обмена приветствиями, но Бюлов, однако, обещал еще раз поговорить с Брюнингом по его приезде в Женеву в пятницу и дать окончательный ответ; предполагает, однако, дать краткое согласованное коммюнике в прессу о завтраке. Бюлов сообщил, что в ближайшее время переговоры о Дунайской федерации ³¹ в Женеве не предвидятся ***.

Литвинов

Печат. по арх.

162. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Персидском Иране А. М. Петровскому

14 апреля 1932 г.

В устной форме обратите внимание персидского правительства на то, что распространение на другие государства лицензионных льгот, предоставленных нам по договору ****, без заключения с ними торгового договора, мы считаем совершенно недопустимым ¹¹⁷. Предоставление льгот без договора поставило бы другие государства в более выгодные по сравнению с нами условия, поскольку мы взяли по договору твердые обязательства *****.

Карахан

Печат. по арх.

* Копия телеграммы была направлена в полпредство СССР в Германии; см. также док. № 159.

** Протокол о продлении Берлинского договора см. т. XIV, док. № 191.

*** См. также док. № 138.

**** См. т. XIV, док. № 312.

***** См. также док. № 190.

163. Письмо Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР М. И. Калинина Королю Геджаса, Неджда и присоединенных областей Ибн Сауду

15 апреля 1932 г.

Ваше Величество,

Пользуясь возвращением в Геджас по окончании отпуска Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра Назира Тюрякулова, я хочу подтвердить мои глубокие чувства уважения к Вашему Величеству и вашему благородному народу.

Радостное известие о предстоящем посещении Москвы летом этого года Вашим благородным сыном Его Высочеством принцем Фейсалом * является одним из счастливых проявлений дружбы, связывающей обе наши страны. В лице нашего уважаемого гостя мы будем иметь честь приветствовать также и Ваше Величество, главу дружественного нам государства.

Я убежден, что искренние отношения наших государств будут развиваться впредь в еще более прочных и отвечающих нашей дружбе формах и что с обеих сторон будет сделано все для осуществления высокой и соответствующей интересам наших стран задачи дальнейшего укрепления счастливо установившихся взаимоотношений.

В заключение прошу Ваше Величество принять мои наилучшие дружественные пожелания.

[Калинин]

Скрепил: Зам. Народного Комиссара по Иностранным
Делам

Карахан

Печат. по арх. Оpubл. в кн. «СССР и арабские страны 1917—1950 гг.», М., 1961, стр. 77—78.

На это письмо М. И. Калинина был получен следующий ответ Ибн Сауда от 14 мая 1932 г.:

«С чувством глубокого удовлетворения я получил Ваши приветствия, содержащиеся в любезном послании, которое Ваше Превосходительство направило мне через Его Превосходительство Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра вашего уважаемого Правительства в нашей стране г. Назира Тюрякулова. Я с благодарностью принимаю добрые пожелания, высказанные Вами в мой адрес и в адрес моего народа. Передаю Вам лично и народу Советских Республик уверения в моем самом высоком уважении.

Стремясь к укреплению дружественных отношений, существующих между нашими двумя странами, мы посылаем нашего сына эмира Фейсала с визитом к Вашему Превосходительству, в вашу дружественную страну. Мы глубоко уверены в том, что этот визит явится вкладом в развитие отношений дружбы между нашими странами, отношений, которые мы постоянно стремимся поддерживать и укреплять».

* См. док. № 139, а также док. № 237.

164. Опровержение ТАСС измышлений иностранной печати

15 апреля 1932 г.

ТАСС уполномочен опровергнуть распространяемые некоторыми иностранными телеграфными агентствами и газетами выдумки о пребывании цинцикарского генерала Ма в Благовещенске и о его связи с СССР. Генерал Ма не находится и никогда не был ни в Благовещенске, ни в каком-либо другом пункте территории СССР.

Слухи о наличии каких бы то ни было связей между генералом Ма и какими-либо представителями Советского правительства являются провокационными и абсолютно ложными.

По мнению авторитетных кругов, источник этих слухов тот же, что и месяцев пять назад, когда японские военные снабжали Ма оружием из Дайрена, а ответственность за это возлагали на СССР *. (ТАСС).

*Печат. по газ. «Известия»
№ 165 (4672), 15 апреля 1932 г.*

165. Телеграмма Представителя СССР в Чехословакии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

15 апреля 1932 г.

Под влиянием аграрных и индустриальных деловых кругов МИД почти открыто признает, что Бенеш вел двойную игру в вопросе Дунайской федерации³¹. Сегодня итальянский посол в разговоре со мной заявил, что об этом вчера Крофта конфиденциально сообщил ему. Крофта выражал радость, что план Тардые был провален в Лондоне, а также до провала конференции Бенеш уверял немецкого посланника, что в вопросе Дунайской федерации чехословацкое правительство готово доказать немцам свою независимость от Франции и способствовать провалу французского плана. Бенеш, по-видимому, торговался с немцами о каких-то компенсациях. Что касается Италии, то Бенеш взял определенный курс на сближение с ней, и Рим идет навстречу Бенешу; на днях состоялась договоренность о снятии запрета на пропуск чехословацких товаров в Италию.

[Аросев]

Печат. по арх.

* См. т. XIV, док. № 320, 335, 341.

166. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

16 апреля 1932 г.

Исмет-паша выразил удовлетворение по поводу того, что мы пришли к соглашению по торговому договору. Он обещал распорядиться, чтобы обмен нотами был произведен уже в ближайшие дни *.

С большим подъемом Исмет-паша говорил о предстоящем визите **. Извинялся за многочисленную свиту. Они решились на это, так как придают визиту исключительное значение; Исмет-паша хочет многому у нас научиться и завязать более крепкие связи.

Полпред

Печат. по арх.

167. Обмен нотами между Правительствами СССР и Турции о режиме торговли между двумя странами

1. НОТА

**ПОЛНОМОЧНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СССР В ТУРЦИИ
и. о. МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ТУРЦИИ ШЮКРИ КАЯ**

*Конфиденциально
17 апреля 1932 г.*

Господин Министр,

Поскольку Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Турецкой Республики согласились заменить конфиденциальное письмо от 16 марта 1931 г., которым они обменялись в момент подписания Советско-Турецкого договора о торговле и мореплавании ***, новыми постановлениями, я имею честь от имени моего Правительства сообщить Вам ниже эти новые постановления и известить Вас о том, что постановления, содержащиеся в упомянутом письме, полностью отменяются.

Статья 1

Советское Правительство и Турецкое Правительство соглашаются о том, что торговый обмен между обеими странами будет регулироваться на основе нетто-баланса.

Статья II

Торговый обмен, предусмотренный в предыдущей статье, будет происходить следующим образом:

Стоимость экспорта Союза Советских Социалистических Республик в

* См. док. № 167.

** См. т. XIV, док. № 399, а также док. № 192, 205, 210 настоящего тома.

*** См. т. XIV, док. № 85.

Турцию должна быть равна стоимости турецких товаров, которые он будет оттуда импортировать.

Баланс обмена будет составлен с общего согласия Министерства экономики и Торгового Представительства Союза Советских Социалистических Республик по истечении первого периода в пять месяцев, считая с момента вступления в силу настоящего соглашения, и разница счетов будет установлена и перенесена на второй период в пять месяцев.

Нетто-баланс должен быть установлен по истечении этого второго периода.

Статья III

В случае, если в результате этой операции будет установлено, что Турция имеет торговый дефицит, Советское Правительство обязуется покрыть разницу до конца третьего периода в два месяца и достичь тем самым на деле нетто-баланса, предусмотренного в предыдущей статье.

Статья IV

Различные товары, предназначенные для экспорта из Турции в соответствии с условиями настоящей ноты, будут закупаться в Турции и импортироваться на территорию Союза Советских Социалистических Республик Торговым Представительством Союза Советских Социалистических Республик в Турции, а также экономическими организациями Союза, которые там функционируют.

Статья V

Свидетельства о происхождении, выдаваемые местными турецкими торговыми и промышленными палатами и удостоверяющие, что экспортные товары являются естественными или изготовленными продуктами Турции, или же, в случае, если это товары иностранного происхождения, что они должны рассматриваться как товары, происходящие из Турции, при условии увеличения их первоначальной стоимости на 50% в результате операций, обработки и улучшения, которым они там подверглись, или трансформации, которую они там претерпели, — будут вручаться, до продажи или выдачи товаров, турецкими продавцами Торговому Представительству или экономическим организациям Союза Советских Социалистических Республик с визой директора торговой зоны или экономической зоны, которая находится в данной местности, а в местах, где подобные посты не созданы, с визой старшего чиновника гражданской администрации.

Статья VI

В конце каждого пятимесячного периода Торговое Представительство Союза Советских Социалистических Республик в Турции будет пересылать Турецкому Министерству Национальной Экономики письменное заявление, в котором будут уточнены следующие детали в отношении закупок различных турецких товаров, [закупок], произведенных в течение истекшего периода им самими или советскими экономическими организациями, упомянутыми в статье IV настоящей ноты: места, где произведены закупки; вид товаров; цена и дата закупок; количество товаров и имена турецких продавцов, у которых они закуплены; даты и номера турецких свидетельств о происхождении, на основании которых были произведены закупки.

В случае необходимости подача сведений о свидетельствах о происхождении может быть отложена до выдачи товаров, которые были

объектом договора о продаже, но не может быть произведена позднее последнего двухмесячного периода, предназначенного для окончательного сведения нетто-баланса.

Статья VII

30% закупок, производимых Союзом Советских Социалистических Республик, должны быть предназначены для предметов потребления.

Статья VIII

Экспорт Союза Советских Социалистических Республик в Турцию будет исчисляться по ценам сиф турецкие порты или франко-сухопутные границы Кавказа, а его закупки в этой стране — по ценам фоб турецкие порты или франко-сухопутные границы Кавказа.

Статья IX

Настоящее соглашение останется в силе в течение одного года, считая с момента обмена нотами, так же как и Советско-Турецкий договор о торговле и мореплавании, на котором оно основывается.

Тот и другой акты будут продлены на следующий годичный период в случае, если обе Стороны согласятся в письменной форме о том, что нетто-баланс советско-турецкого импорта и экспорта, включая закупки, предусмотренные в статье XI, был действительно достигнут¹⁸.

Статья X

В случае, если настоящая нота и Договор о торговле будут продлены в соответствии со статьей IX, разница в обмене, имевшем место в течение двух последних месяцев первого года, не считая закупок, предназначенных на покрытие дефицита истекших десяти месяцев, будет перенесена на первый пятимесячный период следующего года.

Статья XI

В течение двух месяцев с момента обмена настоящими нотами Стороны составят счет их взаимного импорта и экспорта, относящегося к периоду между 16 ноября 1931 г. и датой обмена. Сальдо, которое может быть установлено, будет компенсировано в течение шести месяцев с момента вступления в силу настоящих постановлений.

Статья XII

По истечении первого годичного периода Договаривающиеся Стороны сохраняют за собой право денонсировать настоящую ноту и упомянутый Договор при условии предварительного уведомления за пять месяцев. В течение периода после уведомления торговый обмен между обеими сторонами будет, однако, подчинен режиму нетто-баланса.

Статья XIII

Настоящая нота войдет в силу с момента ее обмена и будет иметь такой же обязательный для обеих Сторон характер, как и Советско-Турецкий договор о торговле и мореплавании, на котором она основывается и срок действия которого она заново устанавливает.

Примите, господин Министр, уверения в моем весьма высоком уважении.

Я. Суриц

2. НОТА

ЗАМЕСТИТЕЛЯ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ТУРЦИИ
ПОЛНОМОЧНОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СССР В ТУРЦИИ Я. З. СУРИЦУ

*Конфиденциально
17 апреля 1932 г.*

Господин Посол,

Поскольку Правительства Турецкой Республики и Союза Советских Социалистических Республик согласились заменить конфиденциальное письмо от 16 марта 1931 г., которым они обменялись в момент подписания Турецко-Советского договора о торговле и мореплавании, новыми постановлениями, я имею честь от имени моего Правительства сообщить Вам ниже эти новые постановления и известить Вас о том, что постановления, содержащиеся в упомянутом письме, полностью отменяются:

Статья I

Турецкое Правительство и Советское Правительство соглашаются о том, что торговый обмен между обеими странами будет регулироваться на основе нетто-баланса.

Статья II

Торговый обмен, предусмотренный в предыдущей статье, будет происходить следующим образом:

Стоимость экспорта Союза Советских Социалистических Республик в Турцию должна быть равна стоимости турецких товаров, которые он будет оттуда импортировать.

Баланс обмена будет составлен с общего согласия Министерства экономики и Торгового Представительства Союза Советских Социалистических Республик по истечении первого периода в пять месяцев, считая с момента вступления в силу настоящего соглашения, и разница счетов будет установлена и перенесена на второй период в пять месяцев.

Нетто-баланс должен быть установлен по истечении этого второго периода.

Статья III

В случае, если в результате этой операции будет установлено, что Турция имеет торговый дефицит, Советское Правительство обязуется покрыть разницу до конца третьего периода в два месяца и достичь тем самым на деле нетто-баланса, предусмотренного в предыдущей статье.

Статья IV

Различные товары, предназначенные для экспорта из Турции в соответствии с условиями настоящей ноты, будут закупаться в Турции и импортироваться на территорию Союза Советских Социалистических Республик Торговым Представительством Союза Советских Социалистических Республик в Турции, а также экономическими организациями Союза, которые там функционируют.

Статья V

Свидетельства о происхождении, выдаваемые местными турецкими торговыми и промышленными палатами и удостоверяющие, что экспортные товары являются естественными или изготовленными продуктами Турции, или же, в случае, если это товары иностранного происхождения, что они должны рассматриваться как товары, происходящие из Турции, при условии увеличения их первоначальной стоимости на 50% в результате операций, обработки и улучшения, которым они там подверглись, или трансформации, которую они там претерпели, — будут вручаться, до продажи или выдачи товаров, турецкими продавцами Торговому Представительству или экономическим организациям Союза Советских Социалистических Республик с визой Директора торговой зоны или экономической зоны, которая находится в данной местности, а в местах, где подобные посты не созданы, с визой старшего чиновника гражданской администрации.

Статья VI

В конце каждого пятимесячного периода Торговое Представительство Союза Советских Социалистических Республик в Турции будет пересылать Турецкому Министерству Национальной Экономики письменное заявление, в котором будут уточнены следующие детали в отношении закупок различных турецких товаров, [закупок], произведенных в течение истекшего периода им самим или советскими экономическими организациями, упомянутыми в статье IV настоящей ноты: места, где произведены закупки; вид товаров; цена и дата закупок; количество товаров и имена турецких продавцов, у которых они закуплены; даты и номера турецких свидетельств о происхождении, на основании которых были произведены закупки.

В случае необходимости подача сведений о свидетельствах о происхождении может быть отложена до выдачи товаров, которые были объектом договора о продаже, но не может быть произведена позднее последнего двухмесячного периода, предназначенного для окончательного сведения нетто-баланса.

Статья VII

30% закупок, производимых Союзом Советских Социалистических Республик, должны быть предназначены для предметов потребления.

Статья VIII

Экспорт Союза Советских Социалистических Республик в Турцию будет исключаться по ценам сиф турецкие порты или франко-сухопутные границы Кавказа, а его закупки в этой стране — по ценам фоб турецкие порты или франко-сухопутные границы Кавказа.

Статья IX

Настоящее соглашение останется в силе в течение одного года, считая с момента обмена нотами, так же как и Турецко-Советский договор о торговле и мореплавании, на котором оно основывается.

Тот и другой акты будут продлены на следующий годичный период в случае, если обе Стороны согласятся в письменной форме о том, что нетто-баланс турецко-советского импорта и экспорта, включая закупки, предусмотренные в статье XI, был действительно достигнут.

Статья X

В случае, если настоящая нота и Договор о торговле будут продлены в соответствии со статьей IX, разница в обмене, имевшем место в течение двух последних месяцев первого года, не считая закупок, предназначенных на покрытие дефицита истекших десяти месяцев, будет перенесена на первый пятимесячный период следующего года.

Статья XI

В течение двух месяцев с момента обмена настоящими нотами Стороны составят счет их взаимного импорта и экспорта, относящегося к периоду между 16 ноября 1931 г. и датой обмена. Сальдо, которое может быть установлено, будет компенсировано в течение шести месяцев с момента вступления в силу настоящих постановлений.

Статья XII

По истечении первого годичного периода Договаривающиеся Стороны сохраняют за собой право денонсировать настоящую ноту и упомянутый Договор при условии предварительного уведомления за пять месяцев. В течение периода после уведомления торговый обмен между обеими сторонами будет, однако, подчинен режиму нетто-баланса.

Статья XIII

Настоящая нота войдет в силу с момента ее обмена и будет иметь такой же обязательный для обеих Сторон характер, как и Турецко-Советский договор о торговле и мореплавании, на котором она основывается и срок действия которого она заново устанавливает.

Примите, господин Посол, уверения в моем весьма высоком уважении.

За и. о. Министра Иностранных Дел
Заместитель Министра Иностранных
Дел, Полномочный Посланник

[Нуман Рифат-бей]

Ноты печат. по арх.

**168. Интервью Народного Комиссара Иностранных Дел СССР
М. М. Литвинова представителям советской и германской
печати**

*17 апреля 1932 г. **

Женева, 16 апреля. (Спецкорр. ТАСС). По случаю исполнившегося сегодня 10-летия со дня подписания Рапалльского договора ** т. Литвинов принял находящихся в Женеве представителей советской и германской печати и сделал им следующее заявление:

Сегодня исполнится ровно 10 лет со дня подписания Советским Союзом и Германией Рапалльского договора. Эта годовщина примечательна во многих отношениях, ибо международное значение этого договора не исчерпывается отношениями между его участниками и сохраняется полностью и по настоящее время.

Чтобы оценить значение Рапалльского договора, необходимо принять во внимание момент его заключения. Это событие имело место через 4 года после окончания мировой войны, когда, несмотря на формальное заключение мира, нельзя было еще говорить об установлении действительно мирных и нормальных отношений между Советским Союзом, Германией и остальными государствами.

Как Советский Союз, так и Германия находились тогда в особо изолированном положении и под чувствительным давлением со всех сторон. Могло казаться, что каждое из этих двух государств могло быть тогда вовлечено в общий враждебный фронт против другого. Но они предпочли дружески протянуть друг другу руки и заявить о своем желании забыть недавнее тяжелое прошлое, зачеркнуть все взаимные претензии и положить начало новым, действительно мирным и нормальным отношениям и международному сотрудничеству. Этот шаг был обоим государствам продиктован правильно понятыми собственными интересами самосохранения и саморазвития. Этот шаг был действительно новым словом в истории международных отношений, и поэтому смысл его не всеми был правильно понят. Договор, например, был лишен всякого острия, направленного против каких-либо других государств, и именно поэтому стали подозревать существование секретных статей или дополнительных соглашений, которых на самом деле не существовало. Это было первое крупное политическое соглашение, обеспечивающее интересы его участников и не задевавшее интересы других государств.

* Дата опубликования.

** См. т. V, док. № 121.

Оглядываясь ныне назад на истекшие 10 лет, невозможно отрицать, что соглашение полностью оправдало себя. Выведа обе страны из состояния изоляции, оно укрепило их международное положение и ослабило давление на них со стороны остального мира. Не обремененные никакими старыми претензиями военного и послевоенного периода, отношения между обоими государствами получили устойчивость и нормальное развитие, что позволило в сравнительно короткий срок оживить экономические отношения между ними и не только достичь, но и превысить уровень довоенного периода. Товарооборот между обеими странами занимает в экономике каждой из них весьма существенное место. Что это экономическое сотрудничество обоюдно выгодно, сомневаться невозможно, в особенности в условиях нынешнего экономического кризиса.

Рапалльский договор знаменателен еще и тем, что он был заключен в момент, когда особенно сильны были сомнения в возможности установления нормальных отношений и мирного сотрудничества между советским и капиталистическими государствами.

Прошедшие 10 лет должны были полностью рассеять эти сомнения. Мне кажется, что Германия сейчас не могла бы желать ничего лучшего, чем если бы она могла констатировать, что с капиталистическими государствами у нее было так же мало недоразумений и взаимных претензий, как с Советским государством. Советско-германские отношения, основанные на Рапалльском договоре, являются до сих пор одним из устоев европейского мира. Этих устоев было бы больше и мир был бы прочнее, если бы между всеми государствами существовали такие же отношения. С этой точки зрения можно лишь пожалеть, что остальные участники Генуэзской конференции не сочли нужным заключить между собой общее соглашение на началах Рапалльского договора.

Сила и значение этого договора лежат в том, что он вместо частичного урегулирования взаимных претензий с неизбежными пересмотрами и дальнейшим урегулированием, вызывающими бесконечные трения, разрубил гордиев узел прошлого полным аннулированием этих претензий. Насколько это было разумно, можно убедиться из того факта, что аналогичные претензии других государств к Советскому Союзу за 10 лет не были реализованы, и эти государства не извлекли никакой пользы от формального поддерживания претензий, а только лишились тех преимуществ и выгод, которые вытекали бы для них из своевременной полной нормализации отношений с Советским Союзом.

Рапалльский договор лишний раз доказал, что мужественное, решительное и радикальное разрешение международных

вопросов есть в то же самое время самое простое и самое практическое.

Это особенно полезно осознать здесь, в Женеве, когда мы вновь, как 10 лет тому назад — на международной конференции, исход которой предопределил международные отношения, более того — вопрос мира и войны на ближайший период времени. Над проблемой, которую конференция должна разрешить, Женева бьется больше 10 лет, но она не только не нашла разрешения, но и даже не приблизилась к нему. Сама нынешняя конференция в течение двух месяцев не разрешила еще ни одного вопроса порядка дня, и это отчасти потому, что есть вопросы, которые, если они вообще разрешимы, не могут быть разрешены при помощи постепенных, боязливых и нерешительных шагов, а лишь мужественными и радикальными мероприятиями. Работы конференции по разоружению значительно выиграли бы, если бы делегации инспирировались теми идеями, которые были положены 10 лет тому назад в основу Рапалльского договора. Вот почему я считаю, что Рапалльский договор имеет значение не только двустороннего документа, но и международного акта, который должен служить уроком и образцом. достойным подражания.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 107 (4674), 17 апреля 1932 г.*

169. Опровержение ТАСС измышлений японских газет

17 апреля 1932 г.

ТАСС уполномочен категорически опровергнуть как абсолютно ложное и лишенное каких бы то ни было оснований сообщение, появившееся в японских газетах об интервью насчет событий на Дальнем Востоке, якобы данном т. Литвиновым в Женеве корреспонденту газеты «Дзидзи».

Ни в Женеве, ни в каком-либо другом месте, ни с корреспондентом «Дзидзи», ни с каким-либо другим японским корреспондентом т. Литвинов не беседовал и никакого интервью о дальневосточных делах или по другим вопросам не давал.

Заведомо ложный характер этого сообщения и его цель достаточно ясны в свете имеющих место попыток со стороны некоторых японских газет, поднявших за последнее время в связи с подрывной работой белогвардейцев в Маньчжурии антисоветскую кампанию, использовать и это сфабрикованное ими интервью для своей провокационно-алармистской пропаганды.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 107 (4674), 17 апреля 1932 г.*

170. Сообщение ТАСС о злоупотреблении китайским консулом в Благовещенске предоставленными ему правами

18 апреля 1932 г.

Народному комиссариату иностранных дел стало известно, что китайский консул в Благовещенске использует предоставленное ему право шифрованной телеграфной переписки для передачи в разные концы Китая и другие страны всякого рода воззваний за подписью генерала Ма, скрывающегося в Хэйлунцзянской провинции.

Считая, что подобные факты являются злоупотреблением со стороны китайского консула в Благовещенске предоставленными ему правами и что это может нанести ущерб политике строгого невмешательства в маньчжурские дела, проводимой Советским правительством, Наркоминдел предложил маньчжурскому правительству отозвать нынешнего китайского консула в Благовещенске и заменить его другим лицом. Одновременно дано распоряжение о временном прекращении передачи телеграмм, исходящих от китайского консула в Благовещенске *.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 169 (4675), 18 апреля 1932 г.*

171. Опровержение ТАСС провокационных сообщений иностранной печати

19 апреля 1932 г.

Иностранная пресса продолжает распространять провокационные слухи о связях генерала Ма с СССР и, в частности, о его пребывании в Благовещенске. Агентство Рейтер и газета «Нью-Йорк таймс» продолжают утверждать о пребывании генерала Ма на территории СССР на том основании, что председатель комиссии Лиги наций в Китае получил телеграмму от имени генерала Ма из Благовещенска.

Насколько нам известно, телеграмма помечена не только Благовещенском, но и Сахалином, как местом отправки, из чего видно, что генерал Ма отправлял ее из Сахалина через китайское консульство в Благовещенске. Тем не менее иностранная пресса продолжает на этом строить свою необоснованную кампанию.

Как видно из вчерашнего сообщения ТАСС **, действительно китайский консул в Благовещенске, злоупотребляя предоставленным ему правом шифрованной переписки, отправил под

* См. также док. № 171.

** См. док. № 170.

видом своих телеграмм воззвания и сообщения генерала Ма. Как только этот факт стал известен Наркоминделу, китайский консул в Благовещенске был лишен права передачи шифрованных телеграмм за злоупотребление этим правом и маньчжурским властям было заявлено о необходимости немедленного отзыва китайского консула в Благовещенске.

Что же касается живых сообщений о пребывании генерала Ма в Благовещенске, то ТАСС еще раз заявляет, что генерал Ма не был и его нет ни в Благовещенске, ни в каком-либо другом пункте СССР.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 109 (4676), 19 апреля 1932 г.*

**172. Выступление Председателя советской делегации
М. М. Литвинова на тринадцатом заседании Генеральной
комиссии Конференции по сокращению и ограничению
вооружений**

19 апреля 1932 г.

**Индивидуальный метод сокращения
вооружений ведет к провалу конференции**

Мы вновь возвращаемся к вопросу о методах сокращения вооружений. Предлагаемая нам резолюция¹¹⁹, сводящаяся по существу к повторению 8-й статьи Устава Лиги, вряд ли может иметь другой смысл, чем предрешение метода сокращения. Не думаю, чтобы авторы резолюции сочли нужным внести ее только для того, чтобы еще раз привести членов Лиги наций к присяге на верность одному из пунктов Устава Лиги. Я спрашиваю себя: какой цели резолюция может служить на нынешней стадии работ комиссии, если не для решения вопроса о методах, а именно: для противопоставления предложенному здесь объективному методу—метод индивидуальный или субъективный. Последняя фраза резолюции, говорящая о дальнейшем изучении методов сокращения, ничего не меняет в подчеркнутом мною значении резолюции, ибо, приняв ее, мы несомненно вынесем решение против объективных методов, предлагаемых турецкой и советской делегациями.

Мне кажется, что в своем заявлении от 12 апреля* я дал уже исчерпывающий анализ как объективного, так и индивидуального метода. В первом случае мы получаем достаточно точную формулу, которая позволила бы нам без серьезных дальнейших споров установить на ближайшее время желательный сокращенный уровень вооружений. Во втором случае мы

* См. док. № 158.

фактически никакой общей практической формулы не даем, а предлагаем искать соглашения для определения уровня вооружений для каждой страны в отдельности, соглашения трудного и, на мой взгляд, даже, пожалуй, невозможного, а если такое соглашение достигнуто не будет, то и всякое сокращение ставится под сомнение. Трудно и, по-моему, даже невозможно будет согласиться как относительно общего понятия безопасности, так и относительно отдельных факторов, составляющих эту безопасность. В резолюции упоминается только несколько таких факторов, но в меморандумах множества делегаций имеются дополнительные факторы. Меморандум китайской делегации*, например, требует принять во внимание 6 таких факторов, а именно: 1) объем территории, 2) численность населения, 3) длину и характер сухопутных и морских границ, 4) сухопутные, морские и воздушные пути сообщения, 5) степень безопасности от внешней агрессии и 6) национальные ресурсы. Если еще можно определить объем территории или численность населения,— что далеко не будет легким делом во многих случаях,— то как найти критерии для определения «степени безопасности против внешней агрессии»? Китайский меморандум еще не исчерпывает списка факторов безопасности, ибо в меморандумах других делегаций вы найдете указания на совершенно другие факторы. Нам предлагается, например, изучить не только условия каждой страны, но и ее соседей. Пока советская делегация находилась на почве своих собственных предложений, она не думала о меморандумах и о требованиях касательно безопасности. Но если бы был принят индивидуальный метод, она была бы вынуждена со своей стороны выставить требования, обеспечивающие безопасность представляемой ею страны и дать характеристику ее соседей. А если мы действительно займемся изучением этих факторов и их согласованием, то я должен признать, что я не вижу конца нынешней конференции и, еще хуже, не вижу никакого начала к сокращению вооружений.

Отповедь критикам советских предложений

Мы слышали здесь очень мало критики пропорционального способа сокращения вооружений. Во всяком случае, никто не указывал, что этот способ может поставить какую-либо страну в худшее положение по сравнению с ее нынешним.

С этой точки зрения я не вижу, чтобы наше предложение нанесло какой-либо ущерб даже той безопасности, о которой говорится в 8-й статье пакта Лиги, ибо безопасность каждого

* См. сб. «Documents de la Conférence...». Vol. I, pp. 140—141.

государства после пропорционального сокращения останется та же, что и ныне.

Делегат Испании г. Мадарьяга, а также делегат Германии г. Надольный возражали против механического характера пропорционального метода сокращения, указывая на наличие случаев, к которым этот метод неприменим. Я позволю себе напомнить, что, объясняя пропорциональный метод сокращения, я сам отметил необходимость некоторых изъятий, как, например, для таких стран, которые уже подверглись сокращению вооружений отдельно от других государств. Далее, мы совершенно изъяли из нашей схемы государства с армией не выше 30 тыс. Когда в Подготовительной комиссии делегат Персии указал на особое положение его страны, я сейчас же отметил*, что советская делегация не будет возражать против рассмотрения аргументов в пользу особенности положения Персии, тем более что, как ее соседи, мы знаем, что эта страна сама часто подвергалась нападениям, а сама никогда агрессивных замыслов не осуществляла. Возможны и другие аналогичные случаи. Я поэтому понимал бы г. Мадарьягу, если бы он указал на необходимость исключений из общего правила. Другое же дело, когда нам предлагают не устанавливать никакого правила, никакого метода для сокращения вооружений, а рекомендуют рассматривать все страны как находящиеся в исключительном положении, и когда к тому же ссылаются даже на такие страны, которые в течение столетий не подвергались никаким нападениям, а, наоборот, сами своей политикой империализма и агрессии были источником беспокойств и тревоги во всем мире. Я повторяю: если есть исключительные случаи, требующие особо внимательного изучения, и случаи единичные, то мы не возражаем против особого обращения с этими случаями.

Я не хочу заранее предрешать эти случаи. В предлагаемой резолюции имеется ссылка на Японию, Китай и несколько других государств. Если Япония или другие государства, требующие особо внимательного отношения к себе, докажут недостаточность своей обороноспособности, благодаря которой, скажем, они подверглись нашествиям, в их портах распоряжались чужестранные военные флоты, над их городами и крепостями беспрепятственно кружились военные аэропланы, если докажут, что их соседи обнаруживали злую волю, нарушая на глазах всего мира подписанные ими международные уставы и договоры, и что трудно поэтому ожидать от этих соседей соблюдения конвенции по разоружению, то советская делегация готова будет вместе с остальными уделить особое внимание этим случаям, чтобы повысить чувство безопасности и рассеять

* См. т. XIII, док. № 410.

страхи Японии или других государств, на которые ссылается резолюция. Но трудно допустить, чтобы такие жалобы и основания к беспокойству могли быть у всех или у большинства государств, и необходимость исключений не доказывает необходимости установления общих правил и общих методов.

Я отнюдь не думаю, что легко будет достичь соглашения относительно изъятий даже для немногих исключительных случаев, которые будут предложены нашему вниманию. Но я убежден в абсолютной невозможности общего соглашения, если мы откажемся от единого метода и приступим к индивидуальному изучению всех представленных здесь государств. Я боюсь, что после длительных и неприятных работ в этом направлении Генеральная комиссия придет к заключению о невозможности какого бы то ни было сокращения и признает провал конференции. Советская делегация не может делить с другими делегациями ответственность за метод, который, по ее убеждению, приведет к указанным мною печальным последствиям, и поэтому она не может голосовать за индивидуальный, субъективный метод сокращения вооружений.

От ее имени я вновь предлагаю комиссии в интересах успеха конференции принять единый объективный метод сокращения вооружений для всех государств или с подразделением государств на несколько групп, согласно советскому предложению, что, конечно, не исключает отдельных единичных изъятий. Только в случае принятия этого предложения останется хоть некоторая надежда на сокращение вооружений, на некоторые результаты конференции по разоружению*.

Касаясь далее проекта резолюции, предложенного сегодня Гранди¹¹⁹, тов. Литвинов отметил, что ее вторая часть является приемлемой, в отличие от первой, которая, хотя и в несколько смягченной форме, содержит ссылку на 8-ю статью Устава Лиги.

*Печат. по газ. «Известия» № 111 (4673),
21 апреля 1932 г., Опубли. в сб. «Actes de la
Conférence...», Série B. Vol. I, pp. 65—67.*

173. Телеграмма Председателя советской делегации на Конференции по сокращению и ограничению вооружений в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

19 апреля 1932 г.

Дебаты последних дней [на конференции]** явно показали, что, очутившись в тупике и не видя никакого выхода, франко-польско-румынская группа решила во что бы то ни стало

* См. также док. № 175.

** См. док. № 158, 172.

провоцировать нас если не на уход, то на голосование против решений, принимаемых единогласно остальными делегациями. Резолюции, обсуждавшиеся в комиссиях вчера и сегодня, имеют только этот смысл. Приходится маневрировать весьма осторожно и сдерживать себя. В частной беседе Бенеш откровенно признал, что провал конференции совершенно неизбежен, но ничего не сказал о попытках создать положение, при котором ответственность могла бы быть возложена на нас.

Литвинов

Печат. по арх.

174. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалева Народному Комиссару Иностранных Дел СССР *

19 апреля 1932 г.

На свидании Бертело по своей инициативе рассказал мне, что после его разговора с Гикой ему стало ясно, что румыны ни за что не согласятся ни на нашу формулу о Бессарабии, которую мы предлагали включить в пакт, ни на письмо, предложенное Стурдзе Стомоняковым **, и что, с другой стороны, мы не можем согласиться на [второй] абзац к статье первой ²⁴. Бертело убежден, что советско-румынские переговоры зашли в тупик из-за неспособности Стурдзы. Чтобы выйти из тупика, Бертело предложил Лиону *** постараться вместе с Лашкевичем найти такую гибкую формулу, которая в одно и то же время отвела бы имплицитное **** признание нами захвата Бессарабии и позволила бы румынам не подчеркивать спорность владения Бессарабией. Если бы такая формула была найдена в Париже, то Бертело уверен, что и польское и французское правительства добьются незамедлительного ее принятия правительством Румынии и подписания советско-румынского пакта. В ответ на мой вопрос Бертело заверил меня, что в этом случае отпадает последнее препятствие к подписанию франко-советского пакта. Я сказал, что не возражаю против мысли о частном обмене мнениями между Лионом и Лашкевичем, но что я последнему не могу дать никаких указаний: я запрошу Вас и, если мною будет получено Ваше согласие на ведение мною с Бертело переговоров с целью изыскания формулы, тогда частный, никого не обязывающий пока разговор

* Телеграмма была также направлена в Женеву на имя М. М. Литвинова.

** См. док. № 31.

*** Юриисконсульт МИД Франции.

**** — подразумеваемое (лат.).

Лиона с Лашкевичем будет перенесен на официальную плоскость в виде моих переговоров с Бертело. Бертело изъявил согласие. Прошу срочных указаний. Я лично полагаю, что предложение Бертело с моей поправкой следует принять.

В дальнейшем разговоре Бертело сообщил мне, что Вы произвели на Тардые прекрасное впечатление. Бертело спросил, пользуется ли Тардые Вашей взаимностью. Я ответил утвердительно.

Бертело сообщил, что Тардые, возможно, задержится в Париже из-за предвыборной кампании на несколько дней, но надеется встретиться с Вами по приезде в Женеву. Я сказал, что, насколько мне известно, Вам предстоит на днях отлучиться из Женевы дней на десять.

Завтра Лион будет у Лашкевича¹²⁰. Я дам указание Лашкевичу не делать никаких предложений, а только развивать перед Лионом нашу аргументацию и выслушивать его предложения*.

Полпред

Печат. по арх.

175. Выступление Председателя советской делегации М. М. Литвинова на четырнадцатом заседании Генеральной комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений

20 апреля 1932 г.

Женева, 20 апреля. (Спецкорр. ТАСС). Выступая на сегодняшнем заседании Генеральной комиссии конференции по разоружению по мотивам голосования резолюции по второму пункту порядка дня, тов. Литвинов заявил:

Как докладчик Бенеш вам только что доложил, я не нашел возможным присоединиться к предлагаемой нам сегодня резолюции¹²¹. Я считаю нужным с возможной ясностью определить отношение советской делегации к этой резолюции. В своем настоящем виде эта резолюция немногим отличается от резолюции, внесенной четырьмя делегациями и обсуждавшейся на вчерашнем заседании Генеральной комиссии¹¹⁹, и поэтому возражения, которые были мною сделаны** в отношении той резолюции, применимы и к данной резолюции, что несколько облегчает мою задачу.

Возражения советской делегации двоякого характера: формального и по существу. Формальные возражения относятся к почти полному отождествлению резолюции со ст. 8 Устава

* См. также док. № 227.

** См. док. № 172.

Лиги наций *. Я должен сообщить, что советская делегация об этом впервые узнает и что мое правительство немало будет удивлено, узнав об этом. Во всех письмах Совета и Секретариата Лиги наций, которыми мое правительство приглашалось участвовать в Подготовительной комиссии к конференции и в самой конференции по разоружению, ни слова не говорилось о 8-й статье и никакой ссылки на нее не было. Мое правительство никогда не извещалось о том, что, приняв участие в конференции по разоружению или в конвенции по разоружению, оно тем самым должно будет признать ст. 8 Устава Лиги наций. Я не имею никаких оснований думать, что это входило в намерения инициаторов приглашения СССР.

Я вряд ли могу считать себя призванным к интерпретированию Устава Лиги наций, но я не могу не отметить, что ст. 8 Устава по внутреннему своему содержанию не находится ни в какой формальной связи с настоящей конференцией. Вчитавшись в 8-ю статью, мы должны признать, что, когда она составлялась, созыв всеобщей мировой конференции из членов и не членов Лиги наций вовсе не имелся в виду.

Это видно хотя бы из 2-го параграфа 8-й статьи, гласящего: «Совет, учитывая географическое положение и особые условия каждого государства, prepares планы этого ограничения в целях рассмотрения и внесения решения различными правительствами». Согласно этому параграфу не конференция составляет планы сокращения вооружений, а Совет Лиги наций. Далее в 4-м параграфе той же 8-й статьи говорится: «После принятия их (т. е. принятия планов**) различными правительствами предел вооружений, установленный таким образом, не может быть превышаем без согласия Совета». Как вы видите, здесь все решается и регулируется не конференцией и не созданными ею органами, а Советом Лиги наций, который должен был руководствоваться критериями, установленными в 1-м параграфе 8-й статьи. Тогда предполагалось, очевидно, что Лига наций охватит все государства. Когда же этого не случилось и ряд государств, в том числе довольно крупных, оказался вне Лиги наций, возникла идея созыва конференции с участием всех государств как членов, так и не членов Лиги наций. Но такая конференция, естественно, не может руководствоваться теми положениями, которые имелись в виду только для организаций, состоящих членами Лиги наций, а исключительно своими собственными решениями.

Нам же теперь предлагают резолюцию, которая должна связать 8-й статьей всех участников конференции, в том числе не членов Лиги наций. Это означало бы, что они должны одо-

* См. т. XII, прим. 62.

** Слова в скобках даны в качестве пояснения газетой «Известия».

брить правильность международных обязательств, налагаемых на членов Лиги наций Уставом последней, иначе говоря, одобрить право санкций, о котором прямо говорится в резолюции. Я не уверен в том, что это не означает также признания права Совета готовить планы ограничения вооружений и права Совета разрешать превышение установленного предела вооружений, о чем также говорится в 8-й статье. Советская делегация получила мандат на выработку методов сокращения вооружений, но не на принятие или одобрение тех или иных статей Устава Лиги наций.

Мне указывали здесь на других участников конференции, не членов Лиги наций, не возражающих против признания 8-й статьи. Если они так поступают, то это значит, что у них есть на это полномочия. Советская же делегация может руководствоваться только своими собственными полномочиями. Такова формальная сторона дела.

По существу же 8-я статья не может быть принята нами в качестве руководства для сокращения вооружений, так как она здесь интерпретируется как рекомендация индивидуального и субъективного метода сокращения. Кроме того, всякое предложение в Подготовительной комиссии о радикальном сокращении вооружений наталкивалось всегда на указание на ст. 8 как на препятствие к такому сокращению, и уже по одному этому она для советской делегации неприемлема. Правда, одна делегация всегда добивалась максимального сокращения вооружений именно в силу ст. 8, но это доказывает лишь, что статья, допускающая столь противоречивую интерпретацию, в качестве руководства не подходит.

Резолюция не только не вносит никакой ясности в вопрос о методах разоружения и не является шагом вперед в нашей работе, но, наоборот, создает новые двусмысленности и неясности, которые могут только затруднить дальнейшую работу конференции. При этих условиях советская делегация не может принять на себя ответственность за эту резолюцию и голосовать за нее.

Советской делегации остается лишь выжидать и следить за тем, что получится из применения этой резолюции к практическим работам конференции. Я сожалею, что не удалось добиться единогласия в этом первом важном решении, но это было неизбежно и не могло быть непредвиденным авторами резолюции. Когда Генеральная комиссия приступит к действительной работе по сокращению вооружений, она всегда найдет советскую делегацию готовой к сотрудничеству*.

*Печат. по газ. «Известия» № 111 (4573),
21 апреля 1932 г. Опубл. в сб. «Actes de la
Conférence...». Série B. Vol. I, pp. 92—93*

* См. также док. № 181, 187, 258.

176. Телеграмма неофициального Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

21 апреля 1932 г.

Вам уже известно из телеграммы ТАСС, что лидер демократов сената Робинсон и лидер демократов палаты Рейни уже выступили за немедленное признание СССР*. В департаментах, включая госдепартамент, чувствуется более дружественное отношение. Даже Келли** заявил мне в беседе, что наличие нормальных отношений между САСШ и СССР имело бы благоприятное влияние на Дальнем Востоке. На днях в сенате выступит Бора³⁶ и другие. Будет сделана попытка проведения резолюции¹²². Сейчас принимаются меры, чтобы втянуть новые крупные деловые сферы для дальнейшего давления на Гувера, который все еще враждебен к СССР.

Получил только что сообщение, что Стимсон, вероятно, встретится с Литвиновым***, он раздражен непрекращающимся надувательством англичан и французов. Так как он это сделает без санкции Гувера (если он это действительно сделает), нужно облегчить ему эту встречу, как указано в моей телеграмме от 19 апреля¹²³. Кампания, видимо, очень насторожила японцев.

Сквирский

Печат. по арх.

177. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР, из Женевы

21 апреля 1932 г.

Сегодня Гранди подтвердил мне, со слов Стимсона, что последний приехал в Женеву главным образом по делам Дальнего Востока, что совпадает с сообщением Сквирского¹²³. Тем не менее Стимсон никаких попыток для встречи со мной не делает. Если бы Стимсон хотел, он нашел бы подходящих посредников, чтобы устроить свидание или хотя бы предложить мне обратиться к нему. Пока он этого не делает, я не считаю полезным обращаться к нему хотя бы через посредников. Иен****, однако, сказал мне, что ему Стимсон говорил о

* См. соответственно газ. «Известия» № 113(4680), 23 апреля 1932 г. и № 110(4677), 20 апреля 1932 г.

** Начальник восточноевропейского отдела государственного департамента США.

*** См. также док. № 177, 185.

**** Янь Хой-цин — глава делегации Китая на Конференции по сокращению и ограничению вооружений.

разоружении как о цели его приезда и будто совершенно умолчал о дальневосточных делах, хотя Иен считается китайским посланником в Вашингтоне.

Литвинов

Печат. по арх.

178. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии с заведующим II отделом Министерства Иностранных Дел Германии Кепке *

21 апреля 1932 г.

Кепке представил одного из своих сотрудников, фон Гирена, в качестве лица, специально занятого вопросом о Дунайской федерации ** и принимавшего участие в Лондонской конференции четырех держав. Фон Гирен имеет изложить состояние вопроса на сегодняшний день.

Это изложение в основном сводилось к следующему.

С германской точки зрения вопрос о Дунайской федерации имеет небольшую историю, которую фон Гирен датирует с конца прошлого года, когда финансовый комитет Лиги наций произвел обследование финансового положения Австрии и Венгрии и в результате рекомендовал этим странам стремиться к улучшению своего экономического положения путем экономического сближения с их соседями. В связи с этой рекомендацией имело место выступление бундесканцлера Буреша, выразившее готовность Австрии вступить в переговоры со всеми странами, которые выразят готовность пойти на экономическое сближение. Германия отвечала на этот призыв Австрии выражением готовности предоставить ей односторонние преференции.

Германская точка зрения при этом была такая:

Необходимо оказать Австрии помощь в смысле увеличения возможностей сбыта продукции ее народного хозяйства; только этот путь может принести улучшение ее положения. Это же рекомендовал финансовый комитет Лиги наций. Нельзя сомневаться в том, что эта проблема — прежде и больше всего экономического, а не финансового характера. Финансовая помощь будет иметь смысл только тогда, когда будут созданы экономические перспективы. Распространяя этот принцип и на другие страны, Германия считает приемлемой для себя систему односторонних преференциальных договоров с аграрными странами Юго-Восточной Европы, причем не исключала бы из числа этих стран и Болгарию. Фон Гирен подчеркнул,

* На беседе присутствовали советник полпредства СССР в Германии С. С. Александровский и сотрудник II отдела МИД Германии Гирен.

** См. также док. № 134, 136.

что вся эта проблема дунайского бассейна выросла из проблемы аграрного кризиса и борьбы с ним.

При этой системе Германия, благодаря односторонним преференциям, принесла бы значительные жертвы, ибо ее положение на рынках стран юго-востока Европы не испытало бы никакого улучшения, тогда как народное хозяйство Германии должно было бы считаться с действием предоставленных Германией преференций.

Так называемый план Тардье исходит совсем из иных предпосылок. Французская аргументация гласит, что раньше на месте пяти дунайских государств существовало единое хозяйственное целое — Австро-Венгерская монархия. Чтобы улучшить экономическое положение стран-наследниц и сделать их жизнеспособными, нужно объединить их в какой-то общий хозяйственный комплекс. С этой целью Тардье и предлагает систему преференций между пятью дунайскими странами. Однако это положение исходит из неверной предпосылки, игнорирующей историю последних лет. Экономически пять государств-наследников теперь — нечто совершенно иное, чем бывшая Австро-Венгрия. Каждый из наследников под защитой протекционизма развивал свою промышленность. Юго-Восточная Европа наследников и по аграрной структуре — нечто совсем иное, чем бывшая Австро-Венгрия. Следует подчеркнуть, что план Тардье охватывает старую Сербию и старую Румынию, не принадлежавших к Австро-Венгрии, и в то же время исключает части бывшей Австро-Венгрии, отошедшие к Италии и, что особенно примечательно, исключает всю Галицию, отошедшую к Польше. Словом, это предлог, но не действительная причина такого построения плана Тардье.

План Тардье ни в какой мере не разрешает проблемы экономического оздоровления не только юго-востока Европы, но и пяти дунайских стран. Индустриальная Чехословакия (и такая же Австрия) и отдаленно не смогут поглотить аграрную продукцию других трех стран. Это неопровержимо доказала германская делегация в Лондоне. Напротив, не столько австрийская, сколько чехословацкая промышленность почти целиком смогут удовлетворить потребности стран дунайского бассейна в промышленных изделиях. Осуществление плана Тардье обозначало бы исключение Германии из рынка этих стран, в то время как Германия стоит там на первом месте по своему экспорту промышленных изделий. Смысл предложения Тардье заключается в том, чтобы создать исключительное положение для чехословацкой промышленности в дунайской области за счет вытеснения Германии.

Здесь была сделана вставка со стороны Кепке, который сказал, что если «выразиться грубо», то можно сказать, что Франция стремится укрепить экономически Малую Антанту, и

для этого старается подчинить ей экономически Австрию и Венгрию. Из этой политической задачи и вытекает то обстоятельство, что для восстановления подобия бывшего австро-венгерского хозяйственного целого планом Тардые оказались охвачены старая Сербия и Румыния, но исключена не принадлежащая к Малой Антанте Польша с отошедшей к ней Галицией.

С другой стороны, французский план не выдерживает критики и потому, что речь ведь идет об оказании помощи странам, находящимся в критическом положении. Положение же Чехословакии сравнительно с другими прямо хорошее и, во всяком случае, лучше положения Германии. Как можно, дескать, требовать от Германии не только жертв в области аграрных преференций, но и такой непомерной жертвы, как добровольный уход с рынка Юго-Восточной Европы, причем этот уход целиком и полностью пойдет на пользу Чехословакии и ни в малейшей степени не разрешит проблемы хозяйственной жизнеспособности других дунайских стран.

Германия не видит никаких экономических оснований для того, чтобы менять структуру своих торговых взаимоотношений, в частности и с самой Чехословакией. Германия находится в состоянии здоровой конкуренции с чехословацкой промышленностью на рынке юго-востока Европы и в то же время поддерживает весьма оживленные торговые сношения и с самой Чехословакией.

Все эти соображения, подкрепленные обильным цифровым материалом, были высказаны в Лондоне Бюловым. Его изложение произвело сильное впечатление на англичан. До этого англичане, не отличающиеся знанием дунайских условий, находились под впечатлением переговоров с Тардые и не представляли себе, что может существовать какой-нибудь иной план оздоровления дунайских стран. Они считали, что план Тардые плох, но другого ничего не придумаешь. Англичане рассматривали вопрос больше как финансисты. Для них существенно сделать что-нибудь для освобождения значительных сумм, замороженных в дунайских странах. Поэтому они примитивно представляли себе, что самое лучшее было бы создать таможенную унию между государствами — наследниками Австро-Венгерской монархии. Однако нетрудно доказать, что таможенный союз стал бы катастрофой для сельского хозяйства Чехословакии и Австрии и для промышленности других дунайских стран. Поэтому англичане были за систему преференций пяти дунайских стран. Немецкая аргументация убедила их в том, что экономические проблемы дунайских стран планом Тардые нисколько не разрешаются. Англичане впервые поняли, что может существовать другой план, немецкий, план односторонних преференций между дунайскими странами и

теми державами, как Германия и Италия, которые путем принесения жертв могут оказать реальную экономическую помощь для оздоровления дунайских стран. Англичане поняли, что нельзя требовать от Германии и этих жертв и еще такой жертвы, как добровольный уход с рынка Юго-Восточной Европы. В процессе переговоров в Лондоне и французы не могли игнорировать полностью это последнее обстоятельство. Но они пошли на трюк, заявив, что в таком случае нужно объединить французский и немецкий планы, другими словами, установить преференции между пятью дунайскими странами, т. е. опять-таки создать исключительное положение для чехословацкой промышленности, удушив немецкий экспорт на юго-востоке Европы, а к этому прибавить односторонние аграрные преференции других недунайских стран. Англичане внутренне явно были с этим не согласны, поняв немецкую аргументацию. Однако они не стали открыто на сторону немецкого плана, а пустились в поиски компромисса между немецкой и французской точками зрения. Разговор кончился решением, что четыре участвующих государства выработают докладные записки и обменяются ими. Какие компромиссные предложения будут в этих записках, трудно предположить. Италия в Лондоне, собственно, не высказывалась по существу, сосредоточив свое внимание на вопросе, сколько и какие государства должны участвовать в дунайской конференции — пять, девять или десять, что, конечно, предreshало некоторые вопросы по существу. К этому Кепке добавил, что сейчас в Женеве Бюлов беседовал с австрийцами, венграми и, кажется, югославами. Разговоры носили характер уточнения точек зрения, и Кепке заверяет, что Германия ни на йоту не отступила от своей позиции, так же как, видимо, и Франция твердо продолжает стоять за осуществление своего плана.

На вопрос г. Хинчука о том, представляет ли себе Германия возможность компромисса в отношении Чехословакии и какого именно, последовал такой ответ:

Если Чехословакия будет исключена из системы взаимных дунайских преференций, то главное препятствие будет устранено и с германской точки зрения. Германия ничего не может иметь против того, чтобы Чехословакия тоже давала односторонние преференции. Тогда соотношение между Чехословакией и Германией на рынке юго-востока Европы не будет нарушено. Обе стороны будут в одинаковом положении. Германия абсолютно не требует никаких преимуществ для себя и готова нести известные жертвы, но она никогда не согласится на создание исключительных преимуществ для других стран, в частности для Чехословакии, за счет удушения своего экспорта. Германия не имела возражений и против того, чтобы Австрия обменилась преференциями, например, с Румынией. Австрий-

ская промышленность не представляет опасности для Германии. Такое решение вопроса было бы возможно, но Германия отдает себе отчет, что Франция никогда не пойдет на что-нибудь подобное.

На дальнейший вопрос, взвешивали ли немцы вопрос о влиянии системы преференций на советско-германские экономические взаимоотношения, Кепке отвечал, что этот вопрос обсуждался и они убеждены, что советско-германские экономические взаимоотношения не будутотягчены. СССР, дескать, совершенно напрасно опасается, что в результате аграрных преференций в Германию вдруг хлынут большие массы аграрной продукции дунайских стран. Задача аграрных преференций сводится не к тому, чтобы дунайские страны больше продавали в Германию, а к тому, чтобы они продавали свою аграрную продукцию по более рентабельной для них цене. При рассмотрении этого вопроса нужно уделять особое внимание тому, что, скажем, Венгрия да и другие страны ведут крайне экстенсивное сельское хозяйство. Экстенсивность при существующих ценах делает его нерентабельным. Крестьянин вынужден продавать по бросовым ценам, ибо только при таких ценах, скажем, хлеб может экспортироваться. Преференции не увеличат количества вывозимого хлеба, но сделают его продажу при тех же ценах более выгодной.

После этого Кепке отпустил фон Гирена и перешел к разговору о свидании между Дирксеном и Лютером.

Для ясности следует отметить, что Дирксен говорил с Лютером по вопросу нашего спора в рамках переговоров с Рейхсбанком о валоризированной марке*. Лютер «пошел навстречу» Дирксену, согласившись на то, что мы договоримся о расчетах в валоризированной марке не с Рейхсбанком, а с «Рейхсфербанд дер дейчен индустри»**. Пока же мы не договоримся, соглашение с Рейхсбанком в целом не войдет в силу. Дирксен, не понимая вопроса, счел это своим большим успехом и решением всего спора. Кепке немедленно признал, что это не улучшение, а ухудшение положения, что Дирксен не понял существа вопроса. Одновременно Кепке сказал, что он мог ожидать от министра юстиции, но не от президента Рейхсбанка такой формальной постановки вопроса и при этом еще утверждения, что Рейхсбанк этим «пошел навстречу». Кепке обещал еще раз поставить этот вопрос, предложил, чтобы Александровский переговорил о деталях с Риттером***, тут же позвонил Риттеру по телефону и условился, что Александровский будет у Риттера в субботу в 11 час.¹²⁴

* См. док. № 64, 106, 138, а также док. № 200.

** — «Имперский союз германской промышленности».

*** Заведующий отделом экономической и репарационной политики МИД Германии.

Под конец разговора г. Хинчук затронул вопрос о слухах относительно перемещения Дирксена в Японию и назначения на его место Надольного. Кепке уверял, что эти слухи абсолютно ни на чем не основаны. В аусамте этот вопрос ни в какой форме не «вентилировался». Слухи объясняются тем, что Надольный — давнишний кандидат на пост в Москву. Вернее, ему когда-то было обещано, что его переведут из Турции, и он тогда сам выдвигал свою кандидатуру в Москву. Сейчас германский посол в Японии уходит в отставку за выслугой лет. Кого-то нужно назначить на его место. Кепке уверяет, что кандидатура Дирксена в Японию — измышление журналистов. Таким же измышлением журналистов были и недавние разговоры даже о том, что Надольный является кандидатом на пост министра иностранных дел Германии. Аусамт не занимался и не занимается ни одной из этих комбинаций.

В начале разговора Кепке вручил тетрадь выдержек из стенограммы заседания Лондонской конференции четырех держав, сказав, что в ней содержится все самое существенное из переговоров в Лондоне и что эти выдержки приготовлены для осведомления германских дипломатических представителей за границей. Кепке вручает их нам доверительно.

Л. Хинчук

С. Александровский

Печат. по арх.

179. Конвенция о согласительной процедуре между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндией

[22 апреля 1932 г.]

Согласно постановлениям статьи 5 договора о ненападении и о мирном разрешении конфликтов, заключенного 21 января 1932 года между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндией *.

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик и

Президент Финляндской Республики
решили заключить конвенцию о согласительной процедуре и назначили для этой цели,

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик:

г. Ивана Майского, чрезвычайного посланника и полномочного министра, и

* См. док. № 32.

Президент Финляндской Республики:
г. барона А. С. Ирве-Коскинена, министра иностранных дел,

каковые уполномоченные, после взаимного предъявления своих полномочий, найденных в должной и надлежащей форме, согласились о нижеследующих постановлениях:

Статья 1

Высокие договаривающиеся стороны взаимно обязуются передавать, согласно постановлений настоящей конвенции, Согласительной комиссии, в целях полюбовного разрешения, все споры, какого бы рода они ни были, которые произошли бы между ними, вытекаая из фактов, возникших после подписания договора о ненападении и о мирном разрешении конфликтов между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндией, и которые не могли бы быть урегулированы в разумный срок дипломатическим путем. Это обязательство касается, в особенности, также возможных споров относительно толкования и применения конвенций, заключенных или имеющих быть заключенными между высокими договаривающимися сторонами.

Статья 2

Согласительная комиссия, предусмотренная в статье первой, составляется из четырех членов, причем каждая из высоких договаривающихся сторон назначит двух лиц из числа своих граждан на каждую сессию комиссии.

Каждая из высоких договаривающихся сторон будет иметь право прибегать к услугам назначенных ею экспертов, которые могут заседать в комиссии с правом совещательного голоса. Каждая из высоких договаривающихся сторон может также, по взаимному соглашению обеих сторон, представленных в комиссии, направлять в комиссию для выслушивания лиц, показания которых эта сторона сочтет полезными.

На каждой сессии председательствует один из членов комиссии, являющийся гражданином той страны, на территории которой имеет место сессия.

Статья 3

Согласительная комиссия имеет задачей разъяснять представленные спорные вопросы, собирать для этой цели все необходимые справки и составлять, в видах разрешения споров, предположения, которые она найдет справедливыми и относительно которых она будет рекомендовать высоким договаривающимся сторонам прийти к соглашению дипломатическим путем.

Если Согласительная комиссия в течение одной сессии не придет к общему предложению по какому-либо из представленных ей вопросов и если после этого высоким договаривающимся сторонам не удастся в разумный срок договориться о разрешении дела, то условлено, что спор, по просьбе одной из высоких договаривающихся сторон, может быть вновь передан на согласительную процедуру.

Статья 4

Согласительная комиссия будет собираться по просьбе одной из высоких договаривающихся сторон, передаваемой другой стороне дипломатическим путем, в срок, подлежащий установлению высоким договаривающимися сторонами по взаимному соглашению.

Созыв комиссии должен иметь место максимально в месячный срок после получения названной просьбы.

В качестве общего правила собрания комиссии не должны иметь место более часто, чем один раз в год, за исключением срочных случаев. В этом случае правительство, предложившее срочную сессию, должно будет указать другому правительству обстоятельства, на которых основано это требование.

Длительность сессии не может нормально превышать пятнадцати дней, разве что высокие договаривающиеся стороны, по взаимному соглашению, решат иначе.

Сессии комиссии будут иметь место по очереди в Москве и в Гельсинки. Первая сессия будет иметь место в Москве.

Статья 5

Не позднее, как за пятнадцать дней до наступления срока созыва Согласительной комиссии, каждая из высоких договаривающихся сторон сообщит другой дипломатическим путем список вопросов, которые она желает представить на рассмотрение комиссии на этой сессии.

Статья 6

Если высокие договаривающиеся стороны, по взаимному соглашению, не решат иначе, Согласительная комиссия сама определит порядок ведения ею своих работ.

Статья 7

Кворум считается достигнутым единственно в том случае, если все надлежащим образом созданные члены Согласительной комиссии явятся.

Если один из членов не в состоянии участвовать в работах комиссии, то заинтересованная высокая договаривающаяся сторона назначит ему заместителя не позднее как в тридцатидневный срок после того, как будет констатирована невозможность присутствовать.

Решения комиссии будут приняты по общему соглашению всех ее членов.

Статья 8

Высокие договаривающиеся стороны обязуются облегчать исполнение задач Согласительной комиссии и, в частности, предоставлять ей в мере настолько широкой, насколько это будет возможно, все полезные сведения и документы.

Статья 9

Согласительная комиссия представит доклад о спорах, которые были ей переданы. Этот доклад должен быть составлен до конца сессии, в течение которой споры будут рассмотрены, если высокими договаривающимися сторонами, по общему соглашению, не будет решено продлить этот срок.

Доклад будет заключать проект улажения каждого спора, переданного в комиссию, если этот проект был принят всеми членами комиссии.

В случае, если бы комиссии не удалось прийти к соглашению об общем проекте, то предложения обеих сторон, представленных в комиссию, будут включены в доклад.

Статья 10

Доклад Согласительной комиссии будет подписан всеми членами комиссии. Он должен быть немедленно доведен до сведения каждой из высоких договаривающихся сторон.

Статья 11

Каждая из высоких договаривающихся сторон обязуется уведомлять другую в разумный, но не превышающий трех месяцев, срок, принимает ли она общие предложения комиссии, включенные в ее доклад.

Статья 12

Доклад Согласительной комиссии может быть опубликован частично или полностью лишь с согласия обеих высоких договаривающихся сторон.

Статья 13

Вознаграждение членам Согласительной комиссии, а также и вознаграждение экспертам и прочим лицам, привлеченным каждой из высоких договаривающихся сторон, лежит на подлежащей стороне.

Все остальные расходы, сопряженные с деятельностью комиссии, будут лежать в половинном размере на каждой из сторон.

Статья 14

Высокие договаривающиеся стороны обязуются воздерживаться, во время прохождения согласительной процедуры, от всяких зависящих от них мер, которые могли бы нанести ущерб предложениям Согласительной комиссии по переданным ей вопросам.

Статья 15

Настоящая конвенция является нераздельной частью договора о ненападении и о мирном разрешении конфликтов, заключенного 21 января 1932 г. между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндией, и будет рассматриваться как ратифицированная в силу самого факта ратификации указанного выше договора.

Она вступит в силу одновременно с названным договором о ненападении и останется в силе столь же долго, как и этот последний.

Статья 16

Настоящая конвенция составлена по-французски, в двух экземплярах в городе Гельсинки, 22 апреля 1932 года.

В удостоверение чего уполномоченные подписали настоящую конвенцию и приложили к ней свои печати.

*И. Майский
А. С. Ирье-Коскинен*

*Печат. по «Собранию законов...», отд. II,
№ 23, 19 ноября 1932 г., стр. 319—324.*

Конвенция ратифицирована: ЦИК СССР 11 июля 1932 г., президентом Финляндии 7 июля 1932 г.

Обмен ратификационными грамотами состоялся в Москве 9 августа 1932 г.

**180. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР
Генеральному секретарю Лиги наций Друммонду**

Женева, 22 апреля 1932 г.

Господин Генеральный секретарь,

В связи с запросом, который содержится в Вашем письме от 20 апреля с. г., имею честь довести до Вашего сведения следующий ответ Правительства СССР:

Советское Правительство готово было бы оказать всяческое возможное содействие любой комиссии, которая была бы проникнута искренним желанием выяснить действительное положение вещей в Маньчжурии и действительно хотела бы ликвидировать вооруженные конфликты, происходящие в Китае.

Однако Советское Правительство, не входящее в Лигу наций, не принимало участия в рассмотрении происходящих ныне в Китае событий, равно как и в создании комиссии лорда Литтона⁴², в составе которой оно не имеет своего представителя, и, таким образом, лишено возможности обеспечить должное отношение к информации, которая могла бы исходить от представителей СССР, и не могло бы тем самым взять на себя ответственность за выводы, которые могут быть сделаны комиссией Лиги наций.

При таких обстоятельствах Советское Правительство считает себя вынужденным ответить на Ваш запрос отрицательно.

Примите, Господин Генеральный секретарь, уверения в моем весьма высоком уважении.

М. Литвинов

*Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия»
№ 123 (4695), 5 мая 1932 г.*

В упомянутом письме Друммонда на имя М. М. Литвинова от 20 апреля 1932 г. говорилось:

«Лорд Литтон, председатель комиссии, находящейся в настоящее время на Дальнем Востоке с целью подготовки доклада Совету Лиги по спорным вопросам между Китаем и Японией, конфиденциально известил меня, что, по мнению комиссии, ее задача в Маньчжурии была бы облегчена, если бы она могла получать информацию и свидетельства от официальных советских лиц в Маньчжурии. Лорд Литтон запрашивает, будут ли возражения со стороны Советского Правительства против такого обращения. Буду Вам благодарен за всякую помощь и совет, который Вы могли бы мне дать в этом деле».

**181. Выступление Председателя советской делегации
М. М. Литвинова на шестнадцатом заседании Генеральной
комиссии Конференции по сокращению и ограничению
вооружений**

22 апреля 1932 г.

Женева, 22 апреля. (Спецкорр. ТАСС.) На сегодняшнем утреннем заседании Генеральной комиссии тов. Литвинов выступил с речью по поводу новой резолюции, внесенной Сай-

моном относительно качественного сокращения вооружений¹²⁵.

Перед тем как голосовать, говорит т. Литвинов, я должен знать точный смысл резолюции, поскольку она может быть разнo истолкована. Если читать ее, не обращая никакого внимания на данные здесь объяснения этой резолюции, как бы читал ее сторонний человек, окажется, что мы решили провести качественное сокращение известных видов вооружений либо путем запрета, либо путем интернационализации. Это означало бы, что конференция согласилась с обоими методами — и с методом запрета, и с методом интернационализации. Я не думаю, что это имеет место. Многие делегации, если судить по сегодняшним выступлениям их представителей, вкладывали совершенно другой смысл в резолюцию, несмотря на то что точный ее смысл таков, как я его сейчас изложил. Все делегации принимают резолюцию с молчаливыми оговорками, соответствующими их желаниям. Все, что можно сказать, это то, что, принимая эту резолюцию, мы лишь решаем, что в известный момент, позднее, мы приступим к вопросу об известных видах вооружений, не решая еще, что случится с этими вооружениями — надо ли их сократить, интернационализировать, или ни то, ни другое. Другими словами, мы не принимаем резолюции, а просто откладываем решение на более позднее время. Полагаю, что в этом реальное значение резолюции, поставленной на голосование. Если так, то советская делегация готова голосовать за отсрочку решения, но я хочу, чтобы было ясно, что это не предпрещает ее позиции по вопросу интернационализации.

*Печат. по газ. «Известия» № 113 (4580).
23 апреля 1932 г. Огубл. в сб. «Actes de la
Conférence...», Série B, Vol. I, p. 113.*

182. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в Народный Комиссарнат Иностранных Дел СССР, из Женевы *

22 апреля 1932 г.

Получил сегодня ответ Зулуеты: испанское правительство было осведомлено о письме Молукера **, и оно считает приезд делегации желательным, но находит настоящий политический момент неподходящим и просит поэтому отложить приезд делегации¹²⁶.

Литвинов

Печат. по арх.

* Копия телеграммы была направлена в полномочное представительство СССР во Франции.

** См. также док. № 25.

183. Письмо члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Польше В. А. Антонову-Овсенко *

22 апреля 1932 г.

Уважаемый товарищ,

1. Я полагаю, что «кротость», проявленная Польшей в связи с процессом Штерна — Васильева **, и вообще ее «мирнолюбивая» за последнее время позиция в отношении СССР является результатом ее трудного и сложного внутреннего и международного положения в настоящее время.

Международное положение чревато новыми моментами и ситуациями, как никогда. Крупнейшие международные проблемы настоящего времени: репарации, межсоюзнические долги, проблема золотого стандарта и мирового кредита, проблема международных торгово-политических отношений, дунайская проблема, позиция Америки и Европы в отношении дальневосточного конфликта — ждут своего разрешения, которое будет в значительной степени зависеть от направления, какое примет внутривосточное развитие в Германии, Франции и других важнейших капиталистических странах в ближайшем будущем. После выборов во Франции разрешение важнейших международных вопросов должно пойти полным ходом, ибо развитие кризиса не позволяет откладывать в «долгий ящик» разрешение большинства из указанных выше международных проблем. От того или иного разрешения этих проблем будет очень многое зависеть также и для Польши и даже в особенности для Польши. Исход выборов в Германии и во Франции имеет для нее жизненное значение.

Понятно, что Польша присмирела, насторожилась и выжидает развития событий. В такой момент, когда она не знает, что принесет ей ближайший день, осложнение отношений с нами во всяком случае невыгодно для нее. Она сперва должна знать, с кем она будет иметь завтра дело в Германии и Франции: с Брюнингом или Гитлером, с Тардые или настроенными достаточно прохладно в отношении союза с Польшей французскими радикалами. Только после выяснения хотя бы важнейших жизненных для нее проблем и после выяснения перспектив в Европе и на Дальнем Востоке, в результате разрешения актуальных проблем международной политики Польша может и, вероятно, вновь поведет активную политику в отношении СССР в том или другом направлении в зависимости от международной ситуации, которая сложится к тому времени. До того, я думаю, поляки будут стремиться в своей текущей

* Печатается с сокращением.

** См. док. № 118, 122.

политике не закрывать для себя никаких возможностей. Это означает, что они не будут обострять с нами отношений и не будут идти на серьезное сближение, они будут вести с нами разговоры на второстепенные темы и даже заключать с нами дальнейшие технические соглашения, чему было положено начало заключением недавней конвенции о пограничном статусе*.

2. Само собой разумеется, что эта мирная выжидательная позиция Польши не идет вразрез с нашими интересами. Как Вы знаете, мы дали уже согласие полякам, в ответ на неофициальный зондаж, заключить с ними ряд технических соглашений, независимо от развития переговоров о пакте.

Мы стремимся, далее, при разрешении всех текущих вопросов идти по возможности навстречу полякам, избегая всяких обострений. Так, например, мы в коллегии признали нецелесообразным форсировать в настоящее время разрешение вопроса о польских дипкурьерах¹²⁷, несмотря на то что поляки уже долгое время оставляют без ответа наше предложение и несмотря на то что процесс Штерна-Васильева показал всю недопустимость нынешнего положения, когда от Польши приезжают к нам всякие проходимцы под видом дипкурьеров.

Если тем не менее я счел необходимым, как я писал в своем письме от 10-го сего месяца, сделать некоторые выводы из процесса Штерна и указать польскому правительству на необходимость более тщательного и строгого отбора курьеров, то я руководился исключительно опасением, что наше молчание может быть неправильно истолковано поляками и другими и нанести нам еще больший вред, чем тот вред, который принесло бы нам обращение к польскому правительству с выводами из процесса Штерна. Я, однако, сам указал коллегии на то, что обязанность сделать такие выводы является для нас очень неприятной в настоящее время и что, обращаясь к польскому правительству с демаршем, мы должны были бы сделать все возможное, чтобы избежать при этом всякого обострения. После обсуждения вопроса в коллегии и с некоторыми членами правительства было решено, однако, в настоящее время с демаршем к польскому правительству пока не обращаться.

Будем надеяться, что наше молчание не будет в дальнейшем использовано против нас.

3. По вопросу о пакте с Польшей я не ожидаю ничего существенно нового, по крайней мере до выяснения результатов французских выборов.

Тардые с т. Литвиновым и Бертело с т. Довгалеvским вели разговоры о том, чтобы найти какой-нибудь компромисс

* См. док. № 154.

в деле заключения пакта между нами и Румынией*. Очевидно, с той же целью Залесский предложил т. Литвинову свести его с Титулеску. Я думаю, что это является лишь маневрированием со стороны Тардые, чтобы обеспечить себя в Женеве и особенно во время предвыборной кампании во Франции против упреков в сознательном срыве начатого Брианом «дела замирения Восточной Европы».

Сегодня должно состояться подписание согласительной конвенции между нами и Финляндией, и сегодня же пакт вместе с этой конвенцией должен быть внесен на ратификацию в финляндский сейм с тем, чтобы утвердить их еще до конца этого месяца, когда финляндский сейм расходится, с тем чтобы возобновить свою работу только осенью этого года**. Если, однако, финляндский сейм даже и утвердит пакт и согласительную конвенцию, президент Свинхувуд, вероятно, не подпишет ратификационных грамот до тех пор, пока не будут заключены пакты между нами и другими лимитрофами.

Более чем сомнительно, чтобы пакты с нами со стороны наших соседей были введены в действие прежде, чем соответствующее решение будет принято Францией. Само собой разумеется, мы не должны сами торопить Польшу и других наших партнеров с заключением пактов, ибо это было бы в лучшем случае бесполезно.

4. Как я уже телеграфировал Вам, мы считаем необходимым, чтобы Вы заявили минияделу формальный протест против допущения открытых призывов к террору в СССР в белогвардейской газете «Молва»¹²⁸. Надо при этом потребовать принятия немедленных мер против редакции газеты и в случае отказа заявить, что мы формально возлагаем на польское правительство ответственность за последствия допущения открыто пропаганды террора против нас в Польше. Полезно при этом напомнить, к чему привело терпимое отношение со стороны польских властей к аналогичному оправдыванию и возвеличению террора в прошлом, а также сослаться на недавнее предложение Польши о моральном разоружении¹²⁹.

5. Цели пребывания Пилсудского в Румынии, несмотря на сообщения прессы, остаются невыясненными. Информация о том, что он дилетантским образом стремится разрешить экономические затруднения Польши заключением тесного хозяйственного блока с Румынией, похожа на правду ввиду его известной беспомощности в экономических вопросах. Однако эта задача не исчерпывает целей поездки Пилсудского в Румынию и довольно длительного его пребывания там. По всей вероятности, он ведет конкретные военные переговоры на случай

* См. док. № 144, 174.

** См. соответственно док. № 179, 32.

войны Польши и Румынии с СССР в связи с дальневосточными осложнениями. На это указывает, между прочим, необычайная поездка Пилсудского в Кишинев. Желательно было бы собрать по этому вопросу возможно больше информации в Варшаве. [...]

С товарищеским приветом

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

184. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А. А. Трояновскому

*Немедленно
23 апреля 1932 г.*

Клером посылаю сообщение об избении начальника станции Имяньбо¹³⁰. Обратите серьезное внимание МИД на недопустимое безобразие, укажите, что мы ждем принятия немедленных мер против таких действий японских военных и наказания виновных. Подчеркните, что мы не хотим давать в прессу этого факта, не желая раздувать, но что поведение японских военных может толкнуть нас на это.

На телеграмму от 23 апреля¹³¹. Поездка Сайто желательна, так же как мы не возражали бы вообще против поездки японских государственных деятелей в Москву.

Л. Карахан

Печат. по арх.

185. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР, из Женевы

23 апреля 1932 г.

До сих пор Стимсон не обнаруживал никаких признаков желания встретиться, хотя в посредниках недостатка нет*. Один из посредников сообщил мне сегодня, что Дэвис, один из членов делегации США на конференции по разоружению, указал Стимсону на целесообразность его встречи со мной, на что Стимсон ответил, что он эту точку зрения разделяет и что он думает со мной встретиться, но что надо выждать подходящего случая и подходящей обстановки. Сегодня Стимсон уезжает на несколько дней вследствие нездоровья, а я также уезжаю в Москву на несколько дней, а потому американцы предлагают устроить встречу после нашего возвращения в Женеву.

* См. док. № 176.

Стимсон будто бы собирается пробыть здесь еще пару недель. Хотя это сообщение внушает доверие, я все же не убежден во встрече, если на Стимсона не будет оказано давления со стороны влиятельных лиц из Америки. Со своей стороны, делаю все для встречи, не напрашиваясь, однако¹³². Прошу передать копию Сквирскому.

Литвинов

Печат. по арх.

186. Телеграмма Председателя советской делегации на Конференции по сокращению и ограничению вооружений в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

23 апреля 1932 г.

В продолжительной беседе Гранди вчера откровенно рассказывал о планах Дунайской федерации³¹. Своей поездкой в Лондон Тардые успел обработать Саймона, и когда туда прибыли Гранди и Бюлов, они столкнулись уже с согласованным франко-английским планом. Англия будто бы соглашалась даже на предоставление дунайским странам преференциальных тарифов. Сами дунайские страны между собой должны предоставить себе взаимно 10-процентную скидку с общей пошлины, великие державы должны давать им односторонние скидки. Как Бюлов, так и Гранди решительно отклонили это предложение в Лондоне, а с тех пор никакие новые предложения не делались и дело стоит на одном месте. Тардые противится включению Болгарии, а по престижным соображениям также созыву общей конференции дунайских и великих держав. Италия желает только помогать Австрии и Венгрии, что она уже делает предоставлением кредитов и железнодорожной скидки, но исключительно по политическим соображениям, чтобы помешать их вхождению в Малую Антанту.

Никаких предложений итальянцы не получили и по репарационному вопросу, а Стимсон также ничего нового не привез.

Гранди оценивает шансы всех этих конференций и соглашений чрезвычайно пессимистически.

Он откровенно признался, что противится применению 16-й статьи к Японии, дабы не создавать прецедента и не усиливать авторитета Лиги наций, но Италия не откажется от общего выступления против Японии, если Америка предложит в рамках пакта Келлога или Вашингтонского соглашения*. На интернационализацию вооружений Италия не согласится.

* См. соответственно т. VIII, прим. 28; т. XI, док. № 298; т. IV, прим. 38.

Он не в курсе экономических переговоров Италии с нами, но выразил уверенность в том, что если встречаются затруднения, то исключительно финансового характера *.

Литвинов

Печат. по арх.

187. Меморандум делегации СССР о факторах безопасности **

24 апреля 1932 г.

Ввиду принятой Генеральной комиссией на заседании от 20 апреля резолюции ¹²¹, согласно которой сокращение вооружений должно производиться, принимая во внимание некий минимум, совместимый с национальной безопасностью, географическое положение и особые условия каждой страны. Советская делегация предлагает учитывать, между прочим, следующие соображения:

I

1. Величина территории.
2. Длина сухопутных и морских границ.
3. Плотность населения и равномерность его распределения по районам.
4. Отношение железнодорожной сети к величине территории; распределение железных дорог по районам.
5. Размеры и состояние внутренних водных путей.

II

1. Развитие пограничной железнодорожной сети.
2. Сообщение между различными морскими бассейнами, омывающими побережья; относительная удаленность этих бассейнов друг от друга.
3. Число морских портов и сравнительная легкость блокады морских выходов.

III

1. Военные союзы или конвенции между данным государством и другими государствами.
2. Военные союзы или конвенции между соседними государствами или между ними и другими государствами.
3. Состояние политических взаимоотношений с другими государствами, в частности, наличие с ними нормальных отношений.

* См. также док. № 132.

** Направлен советской делегацией председателю Конференции по сокращению и ограничению вооружений Гендерсону.

4. Состояние безопасности после мировой войны, а именно, подвергалась ли данная страна вторжениям иностранных войск: а) с целью вмешательства в ее внутренние дела, организации или поддержки гражданской войны, б) для отторжения от нее части ее территории, с) во всякого рода иных целях.

5. Наличие соседей, нарушавших международные обязательства, установленные для охраны мира, практиковавших военные действия без объявления войны, посылавших под предлогом защиты своих граждан или их национальных интересов сухопутные, морские или воздушные силы на чужую территорию и, тем самым, не представляющих достаточных гарантий соблюдения предложенной конвенции о сокращении вооружений.

Печат. по арх. Опубли. в кн. «Сборники документов по международной политике...», вып. IV, М., 1933, стр. 86—87.

188. Запись беседы Полицеионого Представителя СССР в Греции с заместителем Генерального директора Министерства Иностранных Дел Греции Росетти

25 апреля 1932 г.

Беседа состоялась в полпредстве. Предметом ее явилось следующее: 1) соглашение об отказе от взаимных претензий; 2) дело Мануилидис.

Отказ от взаимных претензий. Росетти сообщил полпреду, что является к нему по поручению министра, дабы подробнее ознакомиться с теми соображениями, которые НКИД выдвигает против последних предложений Михалакопулоса, относящихся к проектируемому соглашению об отказе от взаимных претензий*.

Полпред ответил, что позиция НКИД в данном вопросе остается неизменной. НКИД считает приемлемым лишь такое соглашение, которое имело бы окончательный характер и валидность которого в глазах внешнего мира не ослаблялась бы никакими оговорками. НКИД считает, что соглашение, заключенное в предлагаемой им форме, должно было бы вполне удовлетворить общественное мнение Греции. Дело в том, что баланс взаимных претензий между СССР и Грецией резко активен в пользу Союза. Если бы даже допустить, что претензии СССР, вытекающие из участия греков в интервенции и блокаде Союза, уравниваются претензиями Греции, связан-

* См. док. № 69.

ными с материальным ущербом, причиненным греческим гражданам в СССР мероприятиями революционного времени, все же в активе СССР остаются платежи Греции по долгам 1832, 1897, 1917 гг. вместе с невозвращенными Союзу государственными имуществами и неурегулированными банковскими расчетами. Общая сумма этого актива выражается во многих десятках миллионов. И тем не менее Советское правительство готово отказаться от этих претензий, не получая ничего и предоставляя греческому правительству получить суммы, депонированные во Французском банке в качестве платежей по долгу 1832 г. Этого более чем достаточно, чтобы удовлетворить общественное мнение Греции. Наконец, НКВД обращает внимание МИД и на то обстоятельство, что предлагаемая министерством оговорка невыгодна как раз для самих греков. Если бы она имелась в тексте соглашения и если бы действительно наступил момент, ею предусмотренный, действие соглашения должно было бы приостановиться и обе договаривающиеся стороны должны были бы вернуться к статус-кво ante. Это означало бы, что Советское правительство, материально не теряя ничего, ибо по соглашению оно ничего и не получило, оказалось бы по-прежнему обладателем своих первоначальных претензий, актив коих столь резко превышает претензии со стороны греческого правительства. Что касается последнего, то ему пришлось бы выплатить обратно все те суммы, которые в силу соглашения оно получило. Такое положение представляется явно невыгодным для Греции. Поэтому НКВД рассчитывает, что МИД не будет настаивать на своем предложении касательно оговорки.

Росетти заметил, что Михалакопулос, выдвигая свое предложение, имел в виду предупредить нарекания, которые неизбежно были бы направлены против него в парламенте, если бы соглашение заключено было бы в окончательной форме, без желаемой министром оговорки. Росетти благодарил полпреда за полученные сообщения, которые обещал доложить министру.

Дело Мануилидис. Перед уходом Росетти задал подпреду вопрос, не последовало ли решение по делу Мануилидис¹³³. Полпред ответил, что НКВД продолжает помнить об этом деле, не считая его законченным. К сожалению, данный момент нельзя считать благоприятным для урегулирования вопроса в желательном министру смысле, ибо затруднения с валютой, естественно, дают себя чувствовать и в СССР.

Потемкин

Печат. по арх.

**189. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР
Посольству Франции в СССР**

25 апреля 1932 г. № 3. 3. 252 фр.

В ответ на ноту № R/106 от 7 апреля 1932 г. Народный Комиссариат по Иностранным Делах имеет честь сообщить Французскому Посольству, что Правительство Союза Советских Социалистических Республик не преминет принять участие в работах Международного * конгресса по электричеству, имеющему быть в Париже с 4 по 10 июля с. г.

В соответствии с изложенным Правительство Союза ССР будет представлено на упомянутом конгрессе делегацией в составе академиков — Кржижановского Г. М., Александрова И. Г., Винтера А. В., Веденеева Б. Е., Мандельштама Л. И., Миткевича В. Ф., Иоффе А. Ф.; профессоров — Шателена М. А., Вологдина В. П.; инженеров — Алексеева А. Е., Векшинского [С. А.] и Заместителя Председателя Электротехнического комитета Государственной плановой комиссии Союза ССР Николаева А. М.¹³⁴

Печат. по арх.

В упоминаемой ноте посольства Франции в СССР от 7 апреля 1932 г. № R/106 говорилось:

«Французское общество электриков, Французское общество физики, Французский электротехнический комитет и Союз синдикатов по электричеству решили созвать международный конгресс под эгидой Международной электротехнической комиссии по случаю столетия ** I Международного конгресса по электричеству.

Этот конгресс, программа которого прилагается ***, будет заседать в Париже с 4 по 10 июля с. г. под председательством члена Института **** г. Поля Жанэ.

В этом конгрессе изъявили согласие участвовать 1400 профессоров и технических работников из 45 стран; в 13 секциях конгресса будут представлены и обсуждены 200 докладов.

Посольство Франции имеет честь пригласить Правительство СССР принять участие в этом научном съезде и было бы признательно Комиссариату Иностранных Дел, если бы он нашел возможным сообщить Посольству имена лиц, которых он назначил бы для этой цели».

* В ноте неточность — «Первого международного».

** Так в документе; речь идет о 50-летии.

*** Не публикуется.

**** Имеется в виду французский институт — объединение пяти французских академий.

**190. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных
Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Персии
А. М. Петровскому**

26 апреля 1932 г.

Уважаемый товарищ,

Как Вы уже знаете, ЦИК ратифицировал 17 марта с. г. торговый договор с Персией *. Я сообщил об этом Пакревану, но до сих пор он, очевидно, еще не получил ратификационной грамоты и как будто даже не имеет сведений о сроке присылки ее в Москву. Было бы желательно, чтобы Вы нам сообщили, чем, по Вашему мнению, вызвана эта задержка присылки грамоты персами, хотя, само собой разумеется, Вам не следует ни напоминать персам об этом деле, ни тем более высказывать им наше недовольство этой задержкой.

Независимо от этого мы уже приняли здесь меры к обеспечению нашего ввоза в Персию необходимыми товарными фондами в соответствии с обязательствами, взятыми нами на себя по договору. По сведениям, которые мы имеем от НКВТ, а также от находящегося здесь т. Шевцова **, этот вопрос теперь обстоит в общем благополучно. По ряду экспортных статей выделены добавочные фонды в Персию товаров, предусмотренных списком, приложенным к торговому договору.

Одно время обострился вопрос с поставкой сахара для персидской монополии. Еще в момент Вашего пребывания в Москве выяснилось, что НКСнаб отказывает в отпуске для Персии необходимого количества сахара старого урожая. После безуспешных попыток договориться по этому делу с НКСнабом я вынужден был перенести вопрос на разрешение правительства, и оно, согласившись с моей точкой зрения, постановило выделить для Персии потребное количество сахара.

В этой связи я хотел бы отметить, что для меня не совсем понятно, почему персидское правительство теперь само затягивает разрешение вопроса о поставке сахара. Насколько мне известно, т. Шевцов договорился (и то не без труда) с персами о поставке им во II квартале 17 тыс. т сахара. На днях т. Шевцов нам сообщил, что персы как будто все еще тянут с окончательным согласованием этого вопроса. Я прошу Вас разъяснить мне, чем вызвана такая позиция персов. Мы все время предполагали, что персы заинтересованы в получении сахара от нас и что, если и могут быть какие-либо осложнения в сахарном вопросе, то исключительно с нашей стороны (недостаток сахара для Персии). Теперь же оказывается, что персы как будто уклоняются от приемки нашего сахара или

* См. т. XIV, док. № 312.

** Торговый представитель СССР в Персии.

в лучшем случае стремятся уменьшить количество его завоза. У меня даже возникает предположение о том, что между этим вопросом о поставках нашего сахара, с одной стороны, и вопросом о задержке обмена ратификациями, с другой, существует какая-то внутренняя связь. В этом случае нужно будет выяснить, не связано ли также все это дело с теми протестами иностранных миссий против нашего торгового договора, о которых Вы в свое время нам сообщали¹⁷. Я прошу Вас дать мне по этому поводу Ваше заключение¹⁸.

Что касается протестов иностранных миссий, то я считаю, что Вам нужно будет в достаточно четкой форме объяснить Теймурташу неприемлемость для нас и невыгодность для самих персов того варианта, о котором он Вам говорил (освобождение третьих стран от представления вывозных сертификатов и выдача взамен этого банковской гарантии о вывозе персидских товаров в течение 6 месяцев). Уступка персов в этом вопросе западным державам без того, чтобы последние взяли на себя обязательства, аналогичные нашим (нетто-баланс, согласование списка ввоза и обязательный импорт), будет равносильна аннулированию закона о монополии внешней торговли в его самой существенной части. Персы от этого могут только проиграть. Мы же окажемся в совсем ином положении, чем то, на которое мы рассчитывали, подписывая торговый договор. По торговому договору мы взяли на себя ряд весьма серьезных обязательств, не говоря уже о том, что мы решительно поддерживали персидский закон о внешнеторговой монополии*. Если же теперь персы откажутся от основ закона о монополии в пользу третьих стран, то для нас станет сомнительной целесообразность заключения этого достаточно тяжелого договора. Я прошу Вас поговорить в этом смысле с Теймурташем. Стремясь к лояльному выполнению договора, мы считаем себя вправе решительно требовать от персов сохранения того положения вещей, которое предусматривалось при подписании договора.

Вообще приходится констатировать, что персы за последнее время создают ряд существенных препятствий нашей торговле. За сравнительно короткий период уже дважды имело место повышение пошлин, против которого, как Вы знаете, мы в прошлом неоднократно протестовали. Если принять во внимание, что таможенный тариф Персии даже в его первоначальном виде был в значительной степени заострен против нас, то теперь после неоднократной валоризации пошлин невыгодность положения нашей торговли еще более усугубляется. Вместе с тем персы производят нажим на нас в торговой об-

* См. т. XIV, прим. 149.

ласти и по другим линиям, например в вопросе трактования уполномоченных торгпреда. По этому поводу НКВТ дает указания торгпреду (копию Вы найдете в почте), на которые я прошу Вас обратить самое серьезное внимание¹³⁶.

С товарищеским приветом

Карахан

Печат. по арх.

191. Сообщение советской печати о протесте Генерального консула СССР в Харбине М. М. Славуцкого против прекращения выдачи виз советским гражданам

27 апреля 1932 г.

Бэйпин, 23 апреля 1932 г. Как сообщают из Харбина, советский Генеральный консул т. Славуцкий 20 апреля запросил начальника дипломатического управления в Харбине относительно извещения о прекращении выдачи виз на выезд в СССР советским гражданам. Тов. Славуцкий подчеркнул, что подобное мероприятие направлено против СССР и вызовет энергичный протест. Сегодня начальник дипломатического управления Ши в интервью с представителями газет отметил, что никаких распоряжений по этому вопросу официальными властями не было сделано. В связи с этим заявлением становится совершенно ясно, что запрещение выезда было введено по распоряжению японских советников. Сегодня выдача виз возобновлена.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 157 (4654), 27 апреля 1932 г.*

192. Речь Председателя СНК СССР В. М. Молотова на приеме в честь турецкой делегации, возглавляемой Председателем Совета Министров Исмет-пашой

28 апреля 1932 г.

Господин Председатель Совета Министров,

Разрешите мне назвать сегодняшний день, день Вашего прибытия в столицу Советского Союза, знаменательным днем в развитии советско-турецкой дружбы. Я считаю этот день знаменательным прежде всего потому, что члены Советского правительства получили возможность установить непосредственный контакт с таким выдающимся политическим деятелем дружественной нам Турецкой Республики, каким являетесь Вы, г. Председатель. Этот день я считаю знаменательным также потому, что Вы прибыли в Советский Союз в сопровождении высокоавторитетных представителей политической мысли,

прессы, народного хозяйства и культуры новой Турции, пребывание которых в Советском Союзе будет иметь первостепенное значение для ознакомления со всеми сторонами советского строительства и установления непосредственного контакта между турецкими и советскими учреждениями: народнохозяйственными, культурно-просветительными, научно-исследовательскими и др. Я отмечаю этот момент потому, что взаимное ознакомление является залогом взаимного понимания, а взаимное понимание является прочным фундаментом советско-турецкой дружбы.

Советско-турецкая дружба, значение которой выходит далеко за пределы непосредственно советско-турецких отношений, является старой и испытанной в горниле международных событий дружбой. Дружба эта поистине может называться исторической.

Она возникла в тот период, когда на исходе империалистической войны народы Турции и Советского Союза были вынуждены вести напряженную борьбу против сил империализма за право на свое независимое существование и за право строить свою жизнь по-новому, так как это отвечало их интересам. Обеим сторонам приходилось тогда не только бороться с наследием старого режима, но и защищать свои революционные завоевания против иностранной интервенции. Именно в этот период были заложены основы сотрудничества и дружбы между нашими народами.

Протекшие с этого момента 12 лет ознаменовались постоянным развитием и углублением советско-турецких отношений и сотрудничества. Это нашло выражение в ряде заключенных нами важнейших политических и экономических договоров и соглашений, отвечающих интересам обеих сторон и отражающих неуклонно проводимую ими политику мира.

Советско-турецкое сотрудничество в области политических отношений создало новый тип соглашений политического характера — пакты о ненападении и нейтралитете, началом которых явился советско-турецкий пакт от 17 декабря 1925 г.* Этот пакт не раз служил и продолжает служить примером для урегулирования сторонами своих отношений и с третьими государствами. Принципы, лежащие в основе советско-турецких отношений, выдержали испытание временем и показали всю свою жизненность и выдающееся значение для обеих сторон.

Развиваются и наши экономические взаимоотношения при всем различии социально-экономического уклада в наших странах.

* См. т. VIII, док. № 418, 419.

Растущее хозяйственное строительство в Советском Союзе и значительные успехи в народнохозяйственной жизни Турецкой Республики дают право надеяться на дальнейшее развитие и углубление экономического сотрудничества между нашими странами.

Развитию и укреплению советско-турецких дружественных отношений чрезвычайно содействовало то обстоятельство, что между руководящими политическими деятелями обоих государств имелся постоянный личный контакт.

Ряд встреч между руководителями внешней политики СССР и Турции при их взаимных поездках в столицу другой стороны и обмен между ними мнениями по большим вопросам международной политики всегда создавал самые благоприятные условия для установления единства взглядов по этим вопросам.

Ваш приезд в Москву в настоящий момент, когда в международной обстановке все более усиливается роль враждебных делу всеобщего мира влияний, имеет особую важность и подчеркивает все громадное значение советско-турецкой дружбы как непосредственно для интересов наших стран, так и для дела всеобщего мира. Правительство Советского Союза, а также широкая советская общественность прекрасно знают Вашу, г. Председатель, выдающуюся роль в истории новой Турции. Ваше имя тесно связано с именем вождя новой Турции — уважаемого Президента Гази Мустафы Кемала. Ваше имя неотделимо от таких исторических моментов в развитии Турецкой Республики, как битвы в Анатолии, переговоры в Лозанне, программа национального, хозяйственного и культурного строительства Турецкой Республики и основные этапы советско-турецких отношений. Поэтому я с особым удовлетворением приветствую Вас сегодня в столице Советского Союза и в Вашем лице горячо приветствую героическую турецкую нацию. Я также рад приветствовать нашего старого друга — г. Министра иностранных дел Турции Тевфика Рюштю-бея. Я приветствую также всех представленных здесь сегодня выдающихся политических деятелей Турецкой Республики и специалистов по разным отраслям народного хозяйства Турции.

Я поднимаю свой бокал за Президента Турецкой Республики, главу и руководителя героической борьбы турецкого народа и выдающегося организатора новой Турции Гази Мустафу Кемала, за здоровье нашего дорогого и уважаемого гостя г. Председателя Совета Министров Турецкой Республики Исмет-паши, за здоровье уважаемого г. Министра иностранных дел Тевфика Рюштю-бея, за здоровье уважаемого посла Турецкой Республики в Москве г. Рагип-бея и всего состава присутствующих здесь турецких деятелей, за процветание дружественной Турецкой Республики.

Я выражаю уверенность, что советско-турецкая дружба и впредь будет расширяться и укрепляться на благо обоих народов и на благо всеобщего мира*.

Да здравствует советско-турецкая дружба!

*Печат. по арх. Огуба. в газ. «Известия»
№ 120 (4687), 30 апреля 1932 г.*

В ответной речи Исмет-паша заявил, в частности:

«Выражая Вам мою искреннюю благодарность за великолепный и сердечный прием, который Правительство СССР столь любезно нам оказало, я одновременно хочу отметить, насколько я тронут теплотой тех слов, которые Вы нашли для выражения чувств, одушевляющих народы и выдающихся руководителей Союза, по отношению к турецкому народу и его великому вождю, нашему Президенту Республики.

Я точно так же хочу поблагодарить Вас от всего сердца за те весьма любезные и лестные слова, которые Вы высказали по отношению ко мне и которые произвели на меня глубокое впечатление.

Позвольте мне, кроме того, выразить живейшую благодарность от имени нашего Министра иностранных дел Тевфика Рюштю-бея и всех моих других спутников за Ваше приветствие.

Я и мои спутники сохраним незабываемые воспоминания о тех драгоценных свидетельствах дружбы, предметом которых мы являлись повсюду на гостеприимной земле великого дружественного народа с того самого момента, когда мы сели на прекрасный советский пароход в Стамбуле.

Опыт постоянно показывает, что наряду с теми естественными факторами, которые создают и укрепляют дружбу, важнейшее место занимает личный контакт. Уже давно я хотел посетить вашу прекрасную страну, за этапами мощного возрождения которой я пристально следил точно так же, как я постоянно заботился о поддержании дружбы с ней. Поэтому я считаю себя весьма счастливым, получив возможность осуществить это желание и оказаться сегодня среди вас.

Приехав для того, чтобы посетить прекрасную столицу и несколько важных центров вашей огромной страны, населенной народами, одаренными высокими качествами, и принося им сердечный и братский привет от имени турецкого народа, мы радуемся тому, что это дает нам новый случай узнать и оценить в непосредственной близости замечательные дела, созданные в разнообразных областях общей волей руководителей и народов Советского Союза, с которым наша сердечная и взаимная дружба все более и более укрепляется в течение этих 12 лет. Эта дружба действительно родилась новыми режимами, установившимися в наших обеих странах, и она все время сопровождает эти великие события. Вот почему она приобретает исторический характер. Эта дружба вышла из героических битв, которые были даны нашими народами для того, чтобы освятить свое право организовывать свою жизнь на новых основах, принять тот строй, который они желают и который соответствует их стремлениям и интересам, завоевать место под солнцем.

Договор от 17 декабря 1925 г. и протоколы, подписанные в Анкаре с Литвиновым и Караханом**, дополнившие его, устанавливают те принципы, которые определяют наши отношения, принципы, которые — как Вы это отметили с такой силой и ясностью — обеспечивают взаимные интересы

* См. также док. № 205, 210, 239.

** См. т. XII, док. № 377; т. XIV, док. № 318.

обеих стран и создают драгоценный фактор для дела мира и счастливый пример в их международных отношениях.

То место в Вашей речи, столь же любезное, сколь красноречивое, которое относится к нашим экономическим отношениям и тем контактам, которые я имел честь и удовольствие установить, создают отрядные перспективы для последующего развития этих отношений, несмотря на различия, существующие в экономической и социальной структуре наших обеих стран.

Кемалистская Турция так же, как и вы, уже дала немало доказательств своей привязанности делу мира.

Она уверена в торжестве принципов международной солидарности. Чувство этой солидарности собрало нас здесь сегодня.

Проникнутый этими чувствами и убеждением и счастливый установлением дружественного контакта между руководителями наших обеих стран, которые связаны прочнейшей дружбой и взаимные отношения которых всегда были проникнуты величайшим доверием, я выражаю сердечные пожелания процветания и счастья соседнему и дружественному народу Союза Советских Социалистических Республик».

193. Письмо Полномочного Представителя СССР в Германии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестянскому

28 апреля 1932 г.

Дорогой Николай Николаевич,

За последнее время мы имели один за другим три крупных избирательных эксперимента в Германии: два раза по линии президентских выборов и выборы в ландтаги в Пруссии, Баварии, Вюртемберге и т. д.

Результаты выборов обнаруживают тенденцию значительного укрепления фашистского лагеря, и в первую очередь «наци». С 1928 г. мы видим оглушительный рост «наци», и перелома в настоящее время трудно ожидать. Будет ли заключена коалиция [партии] центра с «наци» на почве объединенного правительства или на почве толерирования*, пока еще трудно сказать. Но заметна усиленная тенденция «наци» подбираться к власти, и рано или поздно это им может удалиться. Поэтому нельзя не обращать внимания на те изменения, которые могут произойти в политической области. Те данные, которые исходили от нас по линии отзывов журналистов и зондажных наших установок, могут оказаться неправильными. Мы ведь непосредственных сношений с «наци» не имеем. А между тем интервью Гитлера, данное им иностранным журналистам, нельзя оставить без внимания. В этом интервью и в бесчисленных выступлениях Гитлер определенно заявляет о задаче своей борьбы с СССР. Германия — не Италия, и Гитлер — не Муссолини. Я отмечаю это, не имея в виду наводить панику, а лишь для того, чтобы поставить задачу более

* — терпимости (лат.).

углубленного изучения и зондажа здешнего фактического движения, чтобы иметь возможность правильно учесть все действующие факторы в Германии *.

С товарищеским приветом

Л. Хинчук

Печат. по арх.

194. Письмо Генерального консула СССР в Харбине Начальнику Дипломатического Управления Гиринской провинции Шн Люй-бэню

28 апреля 1932 г.

Господин Начальник,

Я неоднократно имел честь обращать Ваше внимание на провокаторский характер деятельности белых русских чинов полиции, арестовывающих ни в чем не повинных советских граждан и путем довольно известных всем, и в особенности советским гражданам, провокаторских методов, широкий опыт каковых эти чины получили в бывшей царской российской полиции, пытающихся скомпрометировать советских граждан и даже официальные советские учреждения¹³⁷. Арестованных советских граждан содержат в исключительно тяжелых условиях. В отношении их применяются варварские пытки, чтобы заставить их «сознаться» в том, в чем они невиновны и к чему они не имеют никакого отношения, дабы признать правильными показания «раскаявшихся» арестованных, которые в действительности являются агентами русской белогвардейщины, действующей в полном контакте с белыми русскими чинами полиции. Советским гражданам подбрасываются компрометирующие документы и вещи, для получения «улик или вещественных доказательств». Об одном таком конкретном случае я уже имел честь сообщить Вам своим письмом от 21 апреля. Сегодня мною получено заявление советского гражданина Рощко Константина Петровича, являющегося смотрителем зданий 6-го околотка городского отдела службы пути КВЖД, который по своей обязанности имеет право осмотра в своем участке домов и квартир, принадлежащих КВЖД. Согласно его заявлению, 27 апреля гр. Рощко был вызван в сыскную полицию, где в присутствии троих других белых русских чинов сыскной полиции, среди которых был также неизвестный Горошкевич, русский надзиратель сыскной полиции Феоктистов предложил гр. Рощко, пользуясь его правом, под видом необходимости обмера квартиры посетить дом КВЖД по Почтовой улице № 93, в котором проживает секре-

* См. также док. № 263, 325, 331, 431, 444.

тарь Генерального консульства СССР в Харбине Петров Иван Васильевич, с тем чтобы сопровождающий его специальный агент сыскальной полиции мог во время обмера незаметно «осмотреть квартиру и сделать свое дело». Когда ошеломленный этим предложением советский гражданин Роцько отверг это возмутительное по своей наглости и провокаторскому характеру предложение, надзиратель Феоктистов выставил его в другую комнату, а затем через 10—15 минут, видимо, посоветовавшись с другими чинами полиции и испугавшись, что гр. Роцько сообщит об этом Генеральному консульству, подошел к Роцько и под угрозой потребовал от него, чтобы он никому не рассказывал о сделанном ему предложении.

Как мне стало известно, Феоктистов, Горшкевич и другие белые русские чины полиции теперь выясняют возможность проведения своих провокаторских намерений через других зрителей зданий, в первую очередь через эмигрантов — китайских подданных.

Мне незачем распространяться насчет действительных намерений русских белобандитских чинов и насчет характера следствия, которое ведется в полиции, если учесть, что следствие сосредоточено в руках вышеуказанных белых чинов полиции. На их провокаторскую деятельность и провокаторский характер массовых арестов советских граждан, имевших место в Харбине и на линии КВЖД, я неоднократно обращал внимание Ваше и других высших представителей властей ОРВП*.

К моему глубокому огорчению, я вынужден констатировать, что мои неоднократные обращения к высшим представителям властей ОРВП о необходимости строгого расследования действий белобандитских русских полицейских элементов не только остались безрезультатными, но действия их становятся с каждым днем все более опасными и несомненно имеют своей прямой целью нарушение существующих отношений между СССР и Маньчжурией и мира на Дальнем Востоке.

Именно в этом свете становятся понятными и последние инциденты на линии КВЖД и непрекращающиеся, по существу антисоветские демонстрации бывших железнодорожных служащих, именем которых прикрываются белобандитские элементы, связь которых с полицией столь очевидна, что я не стану утруждать Ваше внимание приведенным всем известным фактам.

Только в стремлении создать угрозу существующим отношениям между СССР и Маньчжурией и миру на Дальнем Востоке следует искать причины того, что белобандитские элементы, имеющие всем известную огромную провокаторскую и

* См. т. XII, прим. 27.

антисоветскую практику в Маньчжурии, открыто расширяют свою провокационную деятельность, направленную уже непосредственно против Генерального консульства СССР, его ответственных сотрудников, представителей СССР на КВЖД и других советских учреждений и граждан.

Протестуя самым энергичным образом против вышеперечисленных беспримерных по своей наглости действий белобандитских чинов полиции, я снова настоятельно прошу высшие власти ОРВП принять немедленные меры к самому строгому расследованию действий полицейских агентов, к отстранению от должностей и преданию суду белобандитских провокаторов Феоктистова, Горошкевича и других русских чинов полиции, замешанных в последних антисоветских провокационных мероприятиях, и освобождению ни в чем не повинных арестованных советских граждан, и в частности ответственного сотрудника Торгпредства СССР г-р. Сучеленко, который был арестован и вывезен полицейскими агентами из больницы, где г-р. Сучеленко находился на излечении.

Вместе с тем, констатируя еще раз, что арестованные советские граждане находятся в исключительно тяжелых условиях, что нельзя было скрыть от посетившего только часть арестованных вице-консула г. Сапронова, несмотря на то что его посещение было обставлено рядом оговорок и что г. Сапронову показали лишь треть арестованных, я продолжаю энергично настаивать на немедленном изменении режима содержания арестованных и условий обращения с ними и на разрешении нормального посещения представителем Генерального консульства всех арестованных.

Возлагая ответственность на власти ОРВП за дальнейшие провокаторские действия белых русских чинов полиции, я считаю необходимым особо просить Вас не допустить применения Феоктистовым своей угрозы в отношении подавшего прилагавшееся при сем заявление совгражданина Роцько *.

Содержание этого письма мною одновременно с этим доводится до сведения НКВД СССР.

Примите, господин Начальник, уверения в моем глубоком к Вам уважении **.

Генеральный консул СССР в Харбине
Славуцкий

Печат. по арх.

* Не публикуется.

** См. также док. № 151, 255.

195. Письмо Полномочного Представителя СССР в Великобритании Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

28 апреля 1932 г.

Уважаемый Николай Николаевич.

Переговоры Озерского с борд оф трейд * продолжают оставаться на мертвой точке. Для того чтобы зафиксировать ответственность английской стороны за промедление в переговорах, Озерский написал Никсону ** письмо, в котором фиксирует обещание Никсона дать ответ на сделанное с нашей стороны предложение в течение первых дней после пасхи и выражает пожелание об ускорении ответа. Никсон ответил письмом, в котором подтвердил сроки, названные Озерским, и объяснил замедление своей болезнью и другими обстоятельствами. Указывая, что формулировки английского ответа еще находятся в стадии обсуждения, Никсон извиняется за невозможность назвать точный срок, когда будет дан ответ. Чем именно вызвана задержка, Озерский в точности установить не мог. Сообщалась версия, что ответ задерживается в связи с тем, что правительство выжидает, как определится ситуация в Маньчжурии ¹³⁸. С другой стороны, задержка связывалась с отсутствием Саймона и Макдональда. Ренсимен в палате три дня тому назад в ответ на запросы консерваторов заявил, что правительство обсуждало вопрос о целесообразности денонсирования существующего торгового соглашения в интересах обеспечения более благоприятного торгового баланса в отношениях с Советским Союзом. Ренсимен не сказал категорически, что правительство уже отклонило такую тактику, однако он ответил определенно отрицательно на вопрос о возможности связывания торгового соглашения с вопросом об урегулировании довоенных долгов.

В связи с этой задержкой переговоров встает вопрос, является ли желательным с нашей стороны активный шаг для ускорения переговоров. Инициатива переговоров принадлежала английскому правительству, поставившему вопрос об увеличении наших заказов. Мы ответили контрпредложением, устанавливающим условия, на которых такое расширение заказов возможно. Поскольку англичане не дают ответа на наши предложения, сохраняется статус-кво, то есть применяется 12-месячный кредит и не возбуждается (со стороны правительства) вопрос о денонсировании торгового соглашения. Если нам желательно форсировать переговоры, то лучшим способом для этого, думаю, является обсуждение создавшегося положения с Саймоном. Так как директива гласила, что пере-

* См. также док. № 110.

** Начальник департамента экспортных кредитов Великобритании.

говоры должны целиком вестись Озерским с борд оф трейд, я никаких шагов со своей стороны не предпринимал. Если бы теперь считалось целесообразным вмешательство полпредства, для этого нужна специальная директива. Повторяю, это в том случае, если бы было признано необходимым, в случае дальнейшей затяжки переговоров, предпринять активные шаги к их ускорению. Не исключена возможность того, что противники удлинения сроков кредитов для советских заказов аргументируют в кабинете тем, что в результате Оттавской конференции¹³⁹, если система квот и преференций будет принята, последует значительное сокращение советского экспорта в Англию и сбалансирование англо-советской торговли произойдет на более низком уровне без расширения кредитов, которые будут-де особенно необеспеченными в случае действительного сокращения советского экспорта в Англию*.

Полпред

Печат. по арх.

196. Телеграмма Генерального консула СССР в Мукдене
А. А. Знаменского в Народный Комиссариат Иностран-
ных Дел СССР**

28 апреля 1932 г.

Круги Литтона⁴² усиленно распространяют тревожные сведения о развивающихся советско-японских осложнениях. Накопление японских сил в Маньчжурии рассматривается исключительно под углом прямой угрозы Советскому Союзу. Именно такое мнение сложилось у Мак Коя*** после двух бесед с офицерами штаба. Еще в Пекине комиссия решила рассмотреть советскую сторону японско-китайского спора в Маньчжурии. Хотя исследователи имеют формальные рамки и Советским Союзом не привлечены, однако Литтону и Мак Коя было ясно, что «Япония имела и ведет здесь дело не только против Чжан Сюэ-ляна и Нанкина, но в основном против Москвы», без учета этой третьей силы, ее положения, интересов, отношения невозможно отыскать средств для мирной ликвидации [конфликта]. Поэтому комиссия дополнила (конфиденциально) свою программу изучением советской проблемы. Сегодня Литтон, Астор**** (сын леди Астор, бывшей в Москве) и Вальтер Юнг*****, именующий себя независимым участником комис-

* См. также док. № 207.

** Шэньян.

*** Представитель США в комиссии Лиги наций (комиссия Литтона).

**** Секретарь Литтона.

***** Секретарь американской части комиссии Литтона.

сни, куда привлечен якобы лично Друммондом, передают подробно, какие советские вопросы занимают комиссию. Хансон, американский консул в Харбине, сообщает своим о неизбежном резком выступлении Чанчуньского правительства * против нас. Срок определяет в две недели, не позже 12—15 мая. Хансона считают осведомленным, его уверенное заявление производит сильное впечатление.

Консул

Печат. по арх.

197. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

29 апреля 1932 г.

Сегодня подписано дополнительное соглашение с «Аджипом» **, с которым ознакомьтесь по телеграмме Альберга Рябоволу. Считаю результаты благоприятными. Подписание соглашения на этих условиях является следствием давления на «Аджип» со стороны Гранди. Соглашение утверждено Боттаи. Прошу содействия в утверждении соглашения «Союзнефтеэкспортом» в кратчайший срок.

[Д. Курский]

Печат. по арх.

198. [Протокол, подписанный представителями СССР и Германии об одобрении соглашения между Рейхсбанком Германии и Торговым Представительством СССР в Германии]

[2 мая 1932 г.]

В осуществление пункта 4 Протокола пленарного заседания германско-советских экономических переговоров от 22 декабря ***, между Рейхсбанком и Торговым Представительством СССР заключено соглашение, приводимое в приложении ****. Это соглашение принимается.

Далее германская сторона заявляет:

Платежи немецких фирм Торговому Представительству и подконтрольным ему органам в германских марках не засчитываются в импортные контингенты фирм. Фирмы могут неограниченно уплачивать в германских марках местным

* Имеется в виду марионеточное правительство Маньчжоу-Го.

** См. также док. № 128.

*** См. т. XIV, док. № 386.

**** См. док. № 200.

банкам, получающим соответствующее разрешение для приема такого рода платежей.

Берлин, 2 мая 1932 г.

*И. Вейцер
Вармбольд*

Печат. по арх.

**199. Письмо Торгового Представительства СССР в Германии
Дирекции Рейхсбанка Германии**

2 мая 1932 г.

В подтверждение пункта 7 соглашения, заключенного сегодня* между Рейхсбанком и Торговым Представительством СССР, Торговое Представительство СССР признает следующие условия платежа по поставкам немецких фирм в СССР:

1. Установление условий платежа предоставляется непосредственно продавцу.

2. Торговое Представительство обязуется во всех тех случаях, когда немецкие фирмы до настоящего времени при заключении сделок получали целиком или частично векселя, выставленные в валюте или золотых марках, в будущем выдавать на соответствующую сумму векселя в германских марках в валоризированной форме.

3. Оговорка под цифрой 2 не нарушает права всех немецких фирм в свою очередь требовать расчета в германских марках целиком или частично в валоризированной форме.

Просьба подтвердить получение указанного письма¹⁴⁰.

Торговое Представительство СССР в Германии

Вейцер

Печат. по арх.

**200. Соглашение между Рейхсбанком Германии и Торговым
Представительством СССР [в Германии по вопросу о пла-
тежах германских фирм Торговому Представительству
СССР в Германии]**

[3 мая 1932 г.]

1) Рейхсбанк заявляет, что он готов поддерживать мероприятия, принятые германским правительством и «Имперским союзом германской промышленности», согласно протоколу от 22 декабря 1931 г., имеющие целью осуществлять расчеты по взаимному товарообороту между обеими странами в германских марках.

* Соглашение подписано 3 мая 1932 г.; см. док. № 200.

2) Рейхсбанк не будет возражать против того, чтобы акцепты Торгового Представительства, имеющие своим основанием поставку германских товаров в СССР, выставленные не в эффективной иностранной валюте и подлежащие оплате в Германии в 1932 г., оплачивались в германских марках.

3а) Все акцепты Торгового Представительства, имеющие своим основанием поставки германских товаров, выставленные в эффективной иностранной валюте и подлежащие оплате в Германии в 1932 г., могут оплачиваться в германских марках, поскольку они находятся в руках Рейхсбанка и Гольдди-сконтбанка*.

3б) Рейхсбанк информирует германские частные фирмы и банки, что он отказывается от своего права получать девизы, поскольку это касается акцептов Торгового Представительства, выставленных в эффективной иностранной валюте и подлежащих оплате в Германии в 1932 г. и находящихся в руках немецких частных фирм и банков, в том случае, если владельцы согласны на погашение их в германских марках.

3с) В случае, если мероприятия, предусмотренные под литерой «б», не дадут результата, Торговое Представительство оплачивает акцепты, предъявляемые германскими частными фирмами и банками, согласно существующему порядку, в соответствующей иностранной валюте. Рейхсбанк обязуется в этом случае предоставить вновь в распоряжение Торгового Представительства по заявлению последнего ту сумму валюты, которая, согласно существующему германскому девизному законодательству, подлежит сдаче в Рейхсбанк.

4) Рейхсбанк конвертирует Торговому Представительству в течение 1932 г. германские марки в доллары в общей сложности на сумму в 12,5 млн. долл. Конвертирование распределяется в течение года по возможности равномерными частями.

Конвертирование, предусмотренное в пунктах 3«а» и «б», не зачисляется в эту сумму.

5) Торговое Представительство обязуется от своего имени и от имени подконтрольных ему организаций принимать германские марки по всем платежам (также в погашение векселей), которые оно или эти организации в будущем имеют получить в Германии в течение 1932 г. по поставкам немецким фирмам по экспортным сделкам, уже заключенным или имеющим еще быть заключенными, безразлично, заключены ли эти сделки в Германии или в какой-нибудь другой стране. Если по этим сделкам предусмотрен платеж в какой-либо иностранной валюте, то пересчет производится по официальному берлинскому среднему курсу будничного дня, предшествующего дню платежа.

* Дочернее общество Рейхсбанка.

6) Торговое Представительство обязуется представить заявление Правительства СССР, что все хозяйственные организации Советского Союза, допущенные к внешней торговле, при их продажах немецким предприятиям по поставкам Германии будут поступать аналогичным образом.

7) Условия расчетов немецких фирм по поставкам в Советский Союз будут установлены на имеющих место переговорах «Имперского союза германской промышленности» с советской стороной в соответствии с договоренностью, достигнутой между Рейхсбанком и Торговым Представительством.

8) Настоящее соглашение является неделимым целым. Невыполнение одного из его пунктов делает недействительным все соглашение.

Берлин, 3 мая 1932 г.

И. Вейцер

Лютер

Печат. по арх.

201. Договор о ненападении и мирном разрешении конфликтов между Союзом Советских Социалистических Республик и Эстонией

[4 мая 1932 г.]

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик, с одной стороны, и Глава Эстонской Республики, с другой стороны,

убежденные, что интересам обеих Высоких Договаривающихся Сторон соответствует определение точных условий, способствующих укреплению существующих между ними дружественных отношений,

воодушевленные желанием способствовать таким образом сохранению всеобщего мира,

исходя из того, что Мирный Договор от 2 февраля 1920 года по-прежнему является незыблемой основой их взаимных отношений и обязательств,

заявляя, что ни одно из принятых каждой из Высоких Договаривающихся Сторон ранее международных обязательств не препятствует мирному развитию их взаимных отношений и не находится в противоречии с настоящим Договором,

желая дополнить и уточнить в своих взаимных отношениях Договор об отказе от войны, подписанный в Париже 27 августа 1928 года,

постановили заключить настоящий Договор и назначили для этой цели своих уполномоченных, а именно:

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик:

Максима Максимовича Литвинова, Народного Комиссара по Иностранным Делах, Члена Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик, и

Глава Эстонской Республики:

Юлиуса Сельямаа, Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра в Союзе Советских Социалистических Республик,

каковые уполномоченные, по взаимному предъявлении своих полномочий, найденных составленными в должной и надлежащей форме, согласились о нижеследующем:

Статья 1

Обе Высокие Договаривающиеся Стороны взаимно гарантируют неприкосновенность существующих между ними границ так, как они определены Мирным Договором, подписанным 2 февраля 1920 года, и обязуются воздерживаться от всякого акта нападения одна на другую и от всяких насильственных действий, направленных против целостности и неприкосновенности территории или против политической независимости другой Договаривающейся Стороны, независимо от того, предприняты ли подобное нападение или подобные действия отдельно или совместно с другими державами, с объявлением или без объявления войны.

Статья 2

Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуется не принимать участия в политических соглашениях, направленных в смысле агрессии явно против другой Стороны, а равно в коалициях того же характера, имеющих целью подвергнуть другую сторону экономическому или финансовому бойкоту.

Статья 3

Обязательства, указанные в предшествующих статьях настоящего Договора, ни в коем случае не могут нарушить или изменить права и международные обязательства, вытекающие для обеих Высоких Договаривающихся Сторон из договоров, заключенных, или из обязательств, принятых на себя, до вступления в силу настоящего Договора, поскольку они не включают в себе элементов агрессии в том ее понимании, которое дается ей настоящим Договором.

Статья 4

Принимая во внимание обязательства, принятые на себя в настоящем Договоре, Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются подвергать все спорные вопросы, независимо от их природы и происхождения, которые возникли бы между ними после вступления в силу настоящего Договора и не могли бы быть урегулированы в течение разумного срока в обычном дипломатическом порядке, согласительной процедуре в смешанной Согласительной Комиссии, состав, права и производство которой подлежат установлению путем особой Конвенции, каковую обе стороны обязуются заключить в возможно короткий срок и которая вступит в силу одновременно с настоящим Договором⁴¹.

Статья 5

Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, на русском и эстонском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу. Он будет ратифицирован в возможно краткий срок, и его ратификационные грамоты будут обменены между Высокими Договаривающимися Сторонами в г.р. Таллине в течение сорока пяти дней со дня ратификации настоящего Договора Союзом Советских Социалистических Республик и Эстонией.

Статья 6

Настоящий Договор вступит в силу в момент обмена ратификационными грамотами и будет оставаться в силе в течение трех лет с этого момента.

Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон будет иметь право отказаться от Договора с предупреждением о том за шесть месяцев до истечения этого периода или без соблюдения срока предупреждения, если другая Высокая Договаривающаяся Сторона совершит нападение на какое-нибудь третье государство.

Если Договор не будет денонсирован ни одной из Высоких Договаривающихся Сторон, срок его действия продлевается автоматически на два года; равным образом Договор будет считаться продленным каждый раз на дальнейшие два года, если не последует отказа от него одной из Высоких Договаривающихся Сторон в порядке, предусмотренном в настоящей статье.

В удостоверение чего, поименованные выше уполномоченные подписали настоящий Договор и приложили к нему свои печати.

Учинено в г.р. Москве, в двух экземплярах, 4 мая 1932 года.

М. Литвинов
Jui Seljamaa

Печат. по арх. Оpubл. в «Собрании законов...», стб. 11, 28, 23, 19 ноября 1932 г., стр. 325—329.

Договор ратифицирован: ЦИК СССР 5 августа 1932 г., Государственным собранием Эстонии 3 августа 1932 г.

Обмен ратификационными грамотами состоялся в г. Таллине 18 августа 1932 г.

202. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Германии в СССР Дирксеном

4 мая 1932 г.

Дирксен начал беседу с вопроса о взаимоотношениях с германской делегацией в Женеве. Я ему дал разъяснения в духе моего ответа Мейеру¹⁴².

Дирксен, естественно, интересовался возможными результатами турецкого визита * и сообщил о слухах, будто бы намечается соглашение о какой-то специальной политике Турции на Балканах. Дал ему соответствующую информацию.

Спрашивал Дирксен также о положении дела с пактами, в частности с Румынией. По этому поводу он мне прочитал со-

* См. док. № 210.

общение германского посланника в Румынии, в котором дают-ся следующие сведения:

Последняя остановка Пилсудского в Румынии имела целью продолжение бесед, прерванных вследствие его болезни при предыдущем посещении им Румынии. Вопрос о верховном командовании обсуждался, но окончательного разрешения не получил. Пилсудский давно уже добивается перенесения румынами линии защиты на Днестр, вместо Прута, чему до сих пор сопротивлялся румынский генеральный штаб с указанием на слабое развитие дорог и военных баз в Бессарабии. В этом вопросе Пилсудский теперь якобы добился некоторого удовлетворения. Пилсудский действительно высказывался за заключение Румынией пакта с нами, но, с другой стороны, теперь лучше усвоил точку зрения румынских кругов, возражающих против этого пакта. Речь шла также о Дунайской федерации³¹, вместо которой Пилсудский предлагал Румынии примкнуть к аграрному блоку восточных стран. Румыния склонна пойти навстречу Польше в этом отношении, если последняя согласится с Румынией в вопросе о пакте с СССР. Решено созвать новую аграрную конференцию*, позондировав предварительно Францию, ибо польское предложение идет явно вразрез с французской политикой по Дунайской федерации. Пилсудский производит впечатление человека очень больного и состарившегося.

На основании донесений германского посольства в Токно Дирксен сообщил, что Япония испытывает большие затруднения даже в организации экономики Маньчжурии. Японское командование неожиданно открыло, что японский капитал весьма неохотно идет в Маньчжурию, ибо японские промышленники опасаются создания там себе конкуренции.

В связи со слухами о дипломатических передвижениях Дирксен сказал, что ему никто ничего не говорил в Берлине о возможном перемещении его в Токно. Я выразил удовлетворение, сказав, что мы с ним расставаться не желаем.

Литвинов

Печат. по арх.

203. Сообщение советской печати о Международной конференции по вопросам лесного хозяйства

5 мая 1932 г.

Женева, 30 апреля. (Спецкор. ТАСС). Здесь состоялась Международная конференция по вопросам лесного хозяйства, созванная Лигой наций по настояниям скандинавских стран и

* См. «Сборники документов по международной политике...», вып. 11, М., 1932, стр. 83—106.

Финляндии. На конференции были представлены 30 стран, ввозящих и вывозящих лес. От имени СССР в работах конференции приняла участие делегация в следующем составе: член коллегии Наркомвнешторга т. Брон (председатель), член коллегии Наркомлеса т. Котик и профессор Тимирязевской академии т. Эттинген.

Формально конференция ставила себе целью ознакомление с положением лесного хозяйства, изучение возможностей улучшения его постановки и регулирование лесного экспорта. Фактически же она явилась попыткой навязать основным лесопроизводящим странам сокращение производства и экспорта.

В первый же день работы конференции выяснилось, что представители скандинавских стран и Финляндии хотят использовать конференцию в качестве инстанции для жалоб против советского экспорта, а страны французской группировки (Югославия, Румыния и др.) — для того, чтобы попытаться навязать СССР самоограничение производства и экспорта леса.

Тов. Брон в своем выступлении отвел попытки использовать конференцию и Лигу наций в качестве апелляционных инстанций.

Представители Франции внесли проект резолюции, сводящейся к предложению создать условия для регулирования отечественной продукции и международного обмена.

Советская делегация сделала следующее заявление по поводу французского проекта резолюции:

«Наша делегация, несмотря на заинтересованность Советского Союза в упорядочении мирового лесного рынка, не может присоединиться к резолюции, предложенной представителем Франции, по следующим причинам:

1) Советский Союз не заинтересован в проблеме регулирования производства, так как лесные ресурсы и быстрый рост хозяйства и внутреннего потребления не ставят перед Союзом этой проблемы.

2) По вопросу регулирования торговли советская делегация не видит возможности рекомендовать своему правительству предложение, сформулированное французским проектом резолюции, так как делегация полагает, что регулирование торговли должно идти в порядке конкретных коммерческих соглашений между заинтересованными экспортирующими странами. Отношения между Союзом и отдельными импортирующими странами должны строиться таким образом, чтобы была исключена возможность каких-либо дискриминаций против советского леса, что, к сожалению, имело место последнее время в некоторых странах. Советская делегация думает, что наметаемое французским проектом резолюции международное бюро никаких гарантий против этого не представляет. Одно-

временно советская делегация в соответствии с заявлениями, сделанными ею во время конференции, будет рекомендовать советским экспортирующим организациям сделать все от них зависящее, чтобы достигнуть коммерческих соглашений с другими экспортирующими странами».

Твердая позиция советской делегации обрекла на провал антисоветские французские предложения. Не спасло положение и объединенное выступление Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии и Австрии. Конференция не приняла никаких резолюций. Она ограничилась лишь изложением фактического положения лесного хозяйства.

Представители Польши, Румынии, Чехословакии и Австрии объявили, что они созывают 9 июня в Вене новую конференцию, которая, по их мнению, должна будет на основе французских предложений договориться о практических мероприятиях для регулирования международной лесной торговли. При этом они подчеркнули желательность участия Советского Союза и на этой конференции ¹⁴³.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 123 (4690). 5 мая 1932 г.*

204. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Дании с Представителем Исландии в Дании Бьернсоном *

5 мая 1932 г.

5 мая исландский посланник С. Бьернсон был у меня и передал, что исландское правительство поручило ему сделать нам следующее предложение: СССР покупает в 1932 г. в Исландии на 1 млн. исл. крон (около 200 тыс. ам. долл.) сельдей, а за это исландцы обязуются на такую же сумму купить у нас хлеба (муки и зерна), нефтепродуктов, леса, папирос и пр. Исландское правительство само не будет выступать ни в качестве покупателя, ни в качестве продавца, а будет лишь гарантировать сделку, предоставляя НКВТ полную свободу торговать с любыми исландскими фирмами. Предложение делается правительством, как объяснил Бьернсон, по инициативе недавно основанной «Русско-Исландской компании», вступившей уже в торговые сношения с копенгагенским торгпредством. Я обещал Бьернсону передать его предложение в Москву и сообщить ему ответ ¹⁴⁴.

**Полпред СССР в Дании
М. Кобецкий**

Печат. по арх.

* Из дневника полпреда СССР в Дании за период с 5 по 12 мая 1932 г.

205. Запись беседы советских руководителей с Премьер-Министром Турции Исмет-пашой и Министром Иностранных Дел Турции Тевфиком Рюштю*

6 мая 1932 г.

Молотов начал беседу с сообщения о подарках, преподносимых Советским правительством Исмету: машинно-тракторная станция с полным оборудованием, 2 грузовика, автобус, 5 танкеток и 2 танка с вооружениями. Вслед затем Молотов предложил туркам, переходя к деловой беседе, сообщить об интересующих их в первую очередь темах.

Исмет, сославшись на господствовавшую во все время пребывания обстановку дружественности и полного доверия, сказал, что он и его спутники обдумали наиболее практические способы использовать делавшееся им дружеское предложение о помощи и нашли наиболее целесообразным просить Советское правительство о помощи турецкой промышленности путем долгосрочного кредита. Кредит должен быть использован на приобретение машинного оборудования для самых необходимых Турции заводов.

По линии промышленного оборудования самое важное для Турции — создать хотя бы в первоначальной форме собственную текстильную и, в частности, хлопчатобумажную промышленность. Есть и другие области, о которых подумают специалисты. Турецкая промышленность страдает в своем развитии от отсутствия плановости, что в свою очередь обусловлено отсутствием источников оборудования и средств для него. Поэтому он прежде всего желает получить твердый ответ о кредите.

Сталин ставит вопрос о конкретных условиях кредита.

Исмет отвечает: кредит желателен в размере 8 000 000 долл. сроком на 25—40 лет, без процентов (от последнего условия, впрочем, турки готовы отказаться), с уплатой амортизации и эвентуальных процентов товарами.

Сталин и Молотов изъявляют принципиальное согласие на долгосрочный кредит. Срок кредита — 20 лет, сумма — 8 000 000 долл., процентов мы с турок просить не будем, против уплаты амортизации в турецких товарах возражений нет.

Исмет спрашивает: составят ли в таком случае амортизация — ежегодные платежи по 400 000 долл.

Сталин и Молотов отвечают утвердительно.

Рюштю разъясняет, что под платежами товарами подразумеваются ежегодные аккредитивы турецкого государствен-

* Документ имеет заголовок: «Краткая запись беседы на квартире т. Ворошилова 6 мая 1932 г. Присутствовали: Сталин, Молотов, Ворошилов, Литвинов, Карахан, Суриц, Исмет-паша, Тевфик Рюштю-бей, Хусейн Рагип-бей».

ного банка в пользу Советского правительства, на всю сумму которых будут приобретаться Советским правительством турецкие товары.

Исмет отмечает, что он хотел было поставить и такой вопрос: положив при помощи получаемого кредита начало турецкой промышленности, Турция будет интересоваться и перспективами дальнейшего развития своей промышленности. Он хотел сразу об этом говорить сегодня, но Рюштю ему советует не злоупотреблять любезностью советских хозяев.

Сталин отвечает: «Если вы не создадите собственной промышленности, то вас сструт с лица земли».

Рюштю, заявляя, что он говорит в качестве министра иностранных дел, отмечает то огромное впечатление, которое вызовет во всем мире сообщение о том, что Советский Союз оказался в состоянии открыть Турции кредиты, а Турция благодаря этой помощи сумела стать на путь индустриализации. Значение этого факта, по мнению Рюштю, всемирно-историческое.

В заключение Сталин отмечает, что сейчас мы оказываем Турции посильную помощь; через 2—3 года, с закреплением наших хозяйственных успехов, «еще посмотрим».

Исмет отмечает всю ценность этого обещания Сталина.

Сталин в ответ говорит, что все присутствующие запомнят готовность Исмета воспользоваться этим обещанием*.

Запись вел: Дивильковский **

Печат. по арх.

206. Сообщение Полномочного Представителя СССР в Греции о беседах с Посланником Турции в Греции Энис-беем ***

6 мая 1932 г.

В беседах моих с турецким посланником Энис-беем я осторожно пробовал выяснить отношение турецкого правительства к дунайским планам Тардье³¹. Я вынес впечатление, что турки с большим вниманием следят за движением этого вопроса. Энис сообщил мне, что он своевременно сигнализировал Рюштю-бею в Женеву о предстоящих переговорах Вейнзелоса с Тардье о Дунайской федерации. По его мнению, Рюштю обсуждал с Вейнзелосом этот вопрос, и позиции обоих правительств более или менее согласованы. Далее Энис отметил, что

* См. также док. № 192, 210, 239, 311, 312.

** Генеральный секретарь коллегии НКВД СССР.

*** Из доклада в Народный комиссариат иностранных дел СССР от 6 мая 1932 г.

итальянское правительство, по-видимому, обеспокоено активизацией французской политики в Центральной Европе и на Балканах. Несколько неожиданно дунайский план Тардье был сопоставлен Эннисом с идеей Балканской федерации. При этом Эннис высказал мнение, что Италия, естественно, противодействует осуществлению этой последней. Она-де опасается потери своих позиций в Албании, упрочения международного положения Югославии, ослабления своего собственного влияния в Болгарии. Между прочим, впечатление Энниса таково, что, в частности, в греко-болгарском споре Италия держит сторону Болгарии. Присваивая себе роль посредника между двумя сторонами, она на самом деле старается помешать соглашению между правительствами их обоих.

Коснувшись практической стороны вопроса о Дунайской федерации, Эннис заявил, что последняя не так легко осуществима. Одним из серьезнейших затруднений явилось бы размещение в пределах будущего блока избыточных количеств товарного хлеба, производимого Румынией, Венгрией, Турцией. Большую трудность представило бы и согласование торгово-договорных отношений между участниками дунайского блока с теми торговыми конвенциями, которые уже связывают последних с другими государствами. Во всяком случае, разрешение таких задач потребовало бы многих усилий и долгого времени.

Несмотря на эти оговорки Энниса, из разговора с ним можно сделать следующие выводы. Во-первых, отношение турецкого правительства к плану Дунайской федерации нельзя признать отрицательным. Во-вторых, политика Италии на Балканах представляется туркам далеко не бескорыстной и питает старое недоверие турецкого правительства к этому соседу.

Полпред
Потемкин

Печат. по арх.

207. Письмо Полномочного Представителя СССР в Великобритании Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

6 мая 1932 г.

Уважаемый Максим Максимович,

Я уже телеграфировал Вам об ответе Никсона т. Озерскому¹⁴⁵. Никсон на следующий день прислал письмо, в котором несколько улучшил предложение, а именно сообщил о том, что общий размер гарантий, которые могут быть даны по кредитам, частично достигающим 18 месяцев, составят

1,5 млн. ф. ст. Если сопоставить эту цифру с цифрой, называвшейся ранее в переговорах, а именно 15 млн. ф. ст. наших заказов, то становится совершенно очевидным, что здесь речь идет о некотором временном соглашении, имеющем задачей выиграть время и дать некоторое удовлетворение наиболее насущным на Кредитный комитет отраслям промышленности, заинтересованным в советских заказах. Никсон в своем письме употребляет такие двусмысленные формулировки, которые имеют вид, как будто после исчерпания 1,5 млн. ф. ст. гарантий дальнейшие гарантии в обычном порядке выдаваться не будут. Это можно понимать двояко: или в том смысле, что по исчерпании данного соглашения, предусматривающего частично кредиты, выходящие за пределы 12 месяцев, будет заключено другое соглашение о более длительных сроках кредитования на специальных условиях, которые подлежат обсуждению в порядке продолжения больших переговоров об урегулировании торгового баланса, начатых по инициативе британского правительства, но можно понимать эти двусмысленные формулировки и в том смысле, что они содержат заявление о том, что этими 1,5 млн. ф. ст. на ближайшее время исчерпывается размер предоставляемых гарантий. Однако при этом втором толковании следует иметь в виду, что, поскольку экспортные кредиты будут применяться к торговле с какими-либо другими странами, мы имеем право на предоставление Кредитным комитетом гарантий на тех же условиях, как и другим странам. Это прямо обусловлено первой статьей дополнительного протокола* к англо-советскому торговому соглашению, исключающему возможность дискриминации в вопросе кредитования. Следовательно, поскольку торговое соглашение не денонсировано, гарантии после исчерпания полтора миллиарда фундов должны предоставляться нам на срок 12 месяцев, который действителен теперь для всех стран. Можно предположить, однако, что достигнутое теперь временное соглашение о гарантиях на 1,5 млн. ф. ст. явилось компромиссом борьбы различных течений в кабинете и что течение, отстаивающее денонсирование торгового соглашения, имеет в виду продолжать добиваться денонсирования, аргументируя невыгодностью данного торгового соглашения и желательностью его пересмотра в связи с результатами Оттавской конференции. Небольшая цифра гарантий, обусловленных данным соглашением (всего 1,5 млн. ф. ст.), говорит в пользу именно того положения, что, ограничивая таким образом размер предоставляемых теперь гарантий, сторонники денонсирования

* Допущена неточность: имеется в виду не первая статья дополнительного протокола, а протокол, подписанный того же числа, что и временное торговое соглашение между СССР и Великобританией; см. т. XIII, док. № 135.

торгового соглашения добились того, что у правительства развязаны руки и что оно сможет в переговорах о пересмотре торгового соглашения занимать более выгодную позицию, используя наши интересы размещения заказов и получения кредитов.

Тов. Озерский имеет в виду в ближайшие дни беседовать с Колвиллом¹⁴⁶, который, однако, решительно уклоняется от свидания с ним до того, как будут закончены переговоры Никсон — Озерский. Если Москва санкционирует условия полуторамиллионной сделки, то в беседе с Колвиллом т. Озерский имеет в виду выяснить намерения борд оф трейд по части общей линии торговых отношений. Эта беседа выяснит, в какой степени верно высказанное мною выше предположение. В настоящее время мы еще не имеем достаточно обоснованного материала, чтобы с уверенностью сказать, что означает собой весь шахматный ход, выразившийся в предложении свести переговоры к сделке о кредитах на 1,5 млн. ф. ст.*

Полпред

Печат. по арх.

208. Письмо члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Польше В. А. Антонову-Овсенко

7 мая 1932 г.

Уважаемый товарищ,

1. Судя по целому ряду данных, польско-французские отношения действительно переживают в настоящий момент некоторый кризис. У Польши давно уже было недовольство тем, что Франция с нею мало считается. Это недовольство, в частности, проявилось по поводу несвоевременного предупреждения Францией Польши о переговорах с нами о заключении пакта о ненападении. За последнее время особенное недовольство в Польше вызвал французский проект Дунайской федерации³¹, предпринятый без запроса и против интересов Польши. Из ряда сообщений явствует, что польское правительство и польская общественность встретили с удовлетворением провал французского проекта в первой стадии его рассмотрения. В настоящее время Польша волнуется из-за возможного исхода парламентских выборов во Франции в связи с успехами радикалов при первом туре голосования. Среди радикалов давно уже имелись более холодные течения в отношении союза с Польшей. Интервью Пфейфера¹⁴⁷, выявившее вновь эти течения, потому именно и вызвало такую тревогу во всей Польше. Выступление Бенвиля¹⁴⁸ из противоположного лагеря

* См. также док. № 195, 215.

симптоматично, как доказательство наличия в разнообразных французских кругах недовольства нынешним положением в Польше. Пилсудчики не напрасно побаивались и побаиваются распространенных во Франции симпатий к эддекам*. По-видимому, за последнее время с французской стороны оказывается воздействие на Пилсудского с целью склонить его договориться с оппозицией. Усиление «холодка» во Франции в отношении Польши тем более беспокоит пилсудчиков, что оно происходит в момент усиления течений за пересмотр Версальского договора в других странах (выступление Бора, постановление Большого совета итальянских фашистов¹⁴⁹). Особенно раздражение в Польше вызывает отношение Франции к ее просьбам о займе и о кредитах. Весьма интересно, наконец, Ваше сообщение о предстоящем свертывании французской военной миссии в Польше. Необходимо продолжать следить за всем этим комплексом вопросов. В частности, необходимо попытаться получить информацию о дальнейшей судьбе франко-польского военного соглашения¹⁵⁰. Важно также получить информацию о предстоящем участии Залесского в конференции Малой Антанты в Белграде**.

2. Судя по полученной от Вас информации и на основании других имеющихся у нас сведений, надо считаться с вероятностью активизации с польской стороны в ближайшем будущем переговоров о польско-советском и советско-румынском пактах. Если действительно в позиции Пилсудского, как это сообщается с разных сторон, в деле заключения пакта с нами наступил перелом, то это может быть результатом катастрофического внутреннего положения Польши, особенно экономического положения, а также небывалого обострения отношений с Германией и боязни дальнейших осложнений в связи с непрерывным ростом силы и влияния Гитлера. Все же, как и прежде, я думаю, что свою линию в этом вопросе и по отношению к нам вообще на ближайший отрезок времени Польша определит после выяснения характера и линии поведения нового правительства во Франции.

3. Что некоторое смягчение в отношении СССР уже наступило, явствует из предоставления польским правительством кредита в 25 млн. злотых польской металлургии для получения советских заказов. Если сопоставить этот факт с недавним заявлением Яна Пилсудского*** о том, что долгосрочное кредитование невозможно в связи с дальневосточными событиями, то получается впечатление, что польское правительство в данный момент не считает с перспективой близкой войны с нами.

* — национал-демократам (польск.).

** См. док. № 214.

*** Министр финансов Польши.

4. По вопросу о статусе торгпредства¹⁵¹ пока что не следует давать мининделу никакого ответа. Если же мининдел выдвинет этот вопрос вновь и от ответа на него невозможно будет уклониться, то надо заявить, что свобода от уплаты налогов вытекает для торгпредства из его принадлежности к полпредству и что если польское правительство, подобно некоторым другим правительствам, желает изменить это положение, то это возможно лишь в рамках торгового договора, от заключения которого мы никогда не уклонялись и переговоры по которому были столь странным образом прерваны с польской стороны 4 года тому назад*. Если мы в некоторых странах в изъятие из экстерриториальности торгпредства, вытекающей из его принадлежности к полпредству, на основании наших законов сделали исключение и согласились на уплату торгпредствами налогов, то мы сделали это в ответ на уступки этих стран по другим вопросам торговых договоров. Полпредство не исключает возможности установить такое исключение и для Польши, но это возможно лишь при заключении торгового договора.

С товарищеским приветом

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

209. Запись бесед Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Дежаном

7, 9 и 10 мая 1932 г.

Дежан, недавно вернувшийся из Парижа, просил принять его в один из ближайших дней, предупреждая, что у него нет никаких деловых вопросов и что это будет просто визит вежливости.

Я назначил ему 7 мая в половине первого.

За два часа до прихода ко мне Дежана стало известно о смерти Думера.

Дежан не имел никаких сообщений из Парижа о покушении, знал лишь из наших утренних газет и перед тем, как идти ко мне, составил телеграмму в Париж на имя Думера с пожеланием ему скорейшего выздоровления.

Узнав от меня о том, что Думер умер, Дежан просил разрешения снестись по телефону с посольством и дал распоряжение задержать его адресованную Думеру телеграмму.

После этого я от своего имени и от имени правительства выразил Дежану соболезнование по случаю убийства Думера

* См. т. XI, док. № 149.

и просил его передать это соболезнование также французскому правительству и вдове Думера. Я прибавил при этом, что т. Довгалеvскому дается указание, в свою очередь, передать французскому правительству соболезнование Советского правительства¹⁵².

9-го утром Дежан просил принять его на несколько минут.

Придя ко мне, Дежан сказал, что 12 мая в день похорон Думера он, согласно существующим у них правилам, устраивает в католической церкви заупокойное богослужение. Он не приглашает представителей правительства и НКВД на это богослужение, так как знает, что мы не посещаем религиозных церемоний, и не хочет ставить нас в необходимость отвечать на его приглашение письменным отказом, но он просто предупреждает нас о том, что такое богослужение состоится. Членов французской колонии он думает известить путем объявления в газетах. Что же касается извещения дипкорпуса, то по этому поводу он посоветуется с Дирксеном как дуайеном и поступит согласно его указанию.

Я сообщил Дежану, что т. Калинин направил вдове Думера телеграмму с выражением соболезнования* и вручил Дежану в порядке личной любезности для его сведения копию этой телеграммы.

После этого присутствовавший при разговоре т. Рубинин сообщил Дежану окончательные результаты состоявшихся накануне во Франции перебаллотировок, и мы обменялись мало-значущими замечаниями о возможном составе будущего кабинета. Дежан, между прочим, подчеркивал странность и ненормальность того, что в Национальном собрании, избирающем нового президента, будут участвовать члены старого состава палаты депутатов, несмотря на то что новая палата, политически значительно отличающаяся от старой, уже выбрана.

Сегодня, 10 мая, утром, Дежан по телефону через т. Рубинина просил принять его на несколько минут, причем предупредил, что целью его визита является передать т. Калинин у благодарности французского правительства и вдовы Думера.

Я принял Дежана в половине первого. Он сказал, что получил телеграфное поручение передать т. Калинин у и Советскому правительству благодарность за выраженное т. Калинин у в телеграмме на имя г-жи Думер соболезнование. Дежан считает, что он поступит правильно, если передаст эту благодарность через меня.

Я обещал Дежану сегодня же довести до сведения т. Калинин у содержание полученного им сообщения.

Н. Крестинский

* См. также док. № 211.

Телеграмма председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР М. И. Калинина вдове Президента Франции Думера

[9 мая 1932 г.]

Прошу Вас принять выражения моего глубокого соболезнования в только что понесенной Вами тяжелой утрате и живейшего негодования против возмутительного преступления, жертвой которого пал Ваш супруг.

Калинин

Запись беседы и телеграмма печат. по арх. Сообщения о телеграмме см. в газ. «Известия» № 123 (4655), 10 мая 1932 г.

210. Сообщение ТАСС о пребывании в СССР Председателя Совета Министров Турции Исмет-паши

8 мая 1932 г.

Во время своего пребывания в СССР председатель Совета министров Турецкой Республики Исмет-паша и сопровождающий его министр иностранных дел Тевфик Рюштю-бей имели неоднократные собеседования со всеми ответственными руководителями Советского правительства. Соответствующие послы присутствовали при встречах.

Собеседования эти носили исключительно сердечный и дружественный характер и позволили подвергнуть широкому обсуждению как интересующие обе страны международные проблемы, так и вопросы непосредственных взаимоотношений между обеими сторонами. Была установлена полная общность взглядов, позволившая констатировать, что политика тесного сотрудничества обеих стран в прошлом вполне себя оправдала и что складывающаяся международная обстановка, как и интересы всеобщего мира, диктуют необходимость не только сохранения, но и расширения этого сотрудничества.

Особое внимание было уделено проблемам экономической и культурной связи между Турцией и СССР. Непосредственное ознакомление турецких гостей с происходящим в СССР хозяйственным строительством и с работами советской науки выявило во многих случаях большое сходство задач, стоящих в этих областях перед обеими странами, и практическую возможность более широкого и эффективного контакта.

Достигнуто принципиальное соглашение о мерах, способствующих такому практическому контакту, и в этих целях Советским правительством открыт долгосрочный кредит в размере 8 млн. долл. с уплатой в натуре ежегодными взносами для приобретения новейших видов оборудования советского производства.

Было признано также полезным углубить культурную связь между обоими странами, в частности путем более живой и непосредственной связи между научными институтами обеих стран *.

Печат. по газ. «Известия»
№ 126 (4693), 8 мая 1932 г.

211. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

[9 мая 1932 г.]**

Сегодня я вручил Бертело копию телеграммы Калинина ***.

Я выразил негодование по поводу антисоветских выпадов и клеветы части прессы и особенно по поводу вчерашней передовицы газеты «Тан», которую заклеил как гнусную и преступную. Указав на официальный характер передовой статьи «Тан» и выразив изумление и неудовольствие по поводу коммунике министерства внутренних дел и кабинета председателя совета министров¹⁵³, я подверг критике инсинуации, содержащиеся в них, и заключил, что это явилось отправной точкой для антисоветских инсинуаций со стороны части прессы. Бертело успокаивал меня, ссылаясь на глупость и нелогичность большой прессы, отмежевываясь от передовой статьи «Тан», которую он якобы не читал, возмущался антисоветским характером передовицы в моей передаче, квалифицировал эту передовицу как гнусную и безумную, но возражал против ее официального характера. Бертело пытался обходить молчанием коммунике, а припертый к стене отговаривался незнанием, но тут же высмеивал его. Он заверял меня, что инсинуации по адресу СССР отменяются всеми здравомыслящими людьми, включая и его самого, справедливо видящими в акте убийцы только акт одержимого безумием человека, который с одинаковым успехом мог ударить и направо и налево. Когда я поставил акт Горгулова в связь с разнузданной пропагандой антисоветских белогвардейских организаций, перечисляя конкретные факты, Бертело выслушал меня вежливо, но необузданно. Когда он вновь принялся заверять меня, что он лично не одобряет попытки приписать Советскому правительству вину, то я заявил ему, что никогда не сомневался в его, Бертело, политическом разуме и здравомыслии, но не могу скрыть, что его ответы не дают мне никакого удовлетво-

* См. также док. № 205.

** На телеграмме отмечено время ее получения — 10 мая 1932 г., 6 час. 15 мин.

*** См. док. № 209.

рения, так как я не могу вынести из них убеждение, что кампания клеветы будет пресечена немедленно и что французское правительство примет по отношению к белобаидам меры, исключающие возможность продолжения ими своей подрывной деятельности. Бертело стал заверять меня, что анти-советская кампания в связи с убийством президента лишена смысла и скоро, вероятно, выдохнется и что он со своей стороны сделает все возможное.

В связи с обвалом в Лионе, повлекшим многочисленные человеческие жертвы, я послал сегодня Эррио телеграмму с выражением соболезнования, на которую сегодня же получил очень любезный ответ с выражением благодарности.

В связи с исходом парламентских выборов удельный вес левой прессы и левых политических групп, отмежевывающихся от антисоветской кампании в связи с убийством Думера, несомненно усилятся, но полиция и охранка будут, разумеется, выбиваться из сил, чтобы найти «московскую руку», а нынешний кабинет, пока будет оставаться у власти (что, быть может, продлится еще около трех недель), будет помогать им в этом. Чем скорее мы будем опровергать всякие инсинуации, в частности, сообщение о том, что Горгулов проживал в 1927 г. в Союзе, тем лучше *.

(В. Довгалевский)

Печат. по арх.

**212. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных
Дел СССР Полномочиному Представителю СССР в Авст-
рии К. К. Юреневу**

9 мая 1932 г.

Многоуважаемый Константин Константинович,

Наркомвнешторг внес, наконец, в инстанцию предложение о прекращении переговоров с Австрией, и предложение это вчера принято. Таким образом, наконец, эта многомесячная волюшка, безрезультатность которой последние два месяца была для нас здесь совершенно ясна **. Принято решение дать в печать сообщение о том, что переговоры не привели к заключению соглашения по вине австрийской стороны, несмотря на то что мы всячески шли навстречу пожеланиям и интересам австрийской стороны. Текст этого сообщения печати должен быть согласован торгпредством с Вами, причем я думаю, что наша экономическая часть после обсуждения с Наркомвнешторгом пошлет Вам сегодня проект такого сообщения печати.

* См. док. № 213.

** См. также док. № 34, 45.

Заявляя австрийцам о прекращении переговоров, нужно сказать, что торгпредство не отказывается размещать в Австрии заказы на подходящих кредитных условиях, если австрийский Национальный банк будет предоставлять нам возможность конвертировать для оплаты эффективных долларовых векселей шиллинги в доллары на сумму, соответствующую стоимости выданного нами заказа. Предстоящие платежи по неэффективным долларовым обязательствам торгпредство будет покрывать в шиллингах. Торгпредство будет продолжать размещение в Австрии наших экспортных товаров.

Вы видите, что принятые решения соответствуют тому Вашему предложению, которое было приведено т. Березовым* с тем лишь отличием, что Вы предлагали при этом подписать экспортный протокол. Постановление же инстанции этого пункта не содержит. Я считаю, что в этом случае правота на нашей стороне. Ведь для подписания экспортного протокола нужно было бы продолжать бесславные венские переговоры. Нам же в первую голову нужно с этим покончить. Если австрийское правительство начнет чинить препятствия нашему экспорту или если начнется протест наших неэффективных векселей, несмотря на внесение покрытия в шиллингах, мы, конечно, прекратим и размещение заказов и привоз наших товаров в Австрию. Австрийцы не хотят полного разрыва отношений, они хотят получать хоть какие-нибудь заказы, поэтому они, по моему мнению, не будут закрывать двери для нашего экспорта и будут принимать платежи по неэффективным векселям в шиллингах**.

С товарищеским приветом

Н. Крестинский

Печат. по арх.

213. Опровержение ТАСС в связи с официальным французским коммюнике

10 мая 1932 г.

Официальные круги считают, что сообщение¹⁵⁴ о том, якобы Горгулов был в 1927 г. в СССР и был членом коммунистической ячейки, является очередным вымыслом, подсказанным политически спекулятивными мотивами. Горгулов, подлежащий расстрелу как открытый враг Советского Союза, не был в СССР в 1927 г. и не мог служить на Кубани в отделе здравоохранения, равно как не мог состоять членом коммунистической ячейки в каком бы то ни было пункте СССР. К сведению авторов этих ложных слухов сообщается, что настоящие членские билеты, а не фальшивые, фабрикуемые буржуазной

* Заведующий экономической частью НКВД СССР.

** См. также док. № 236, 437.

полицией, выдаются в СССР лишь активным членам ВКП(б) и то не сразу, а лишь после кандидатского стажа от 6 месяцев до 2 лет, в продолжение которых тщательно проверяется личность принимаемого в партию* (ТАСС).

*Печат. по газ. «Известия»
№ 123 (4695), 10 мая 1932 г.*

214. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Польше с Заместителем Министра Иностранных Дел Польшы Беком**

10 мая 1932 г.

У Бека. С благосклонной миной выслушивает мой протест по поводу кампании польской печати во главе с официозом в связи с убийством Думера***.

Говорю, что легко понять, почему перед выборами правая французская печать дает антисоветское истолкование акту белого эмигранта, но поведение польской официозной печати трудно объяснимо. Если верно, что министерство внутренних дел разослало печати указание не нападать в связи с этим на белую эмиграцию (Бек кивает утвердительно), что ввиду особых отношений здесь к эмиграции неудивительно, то все же непонятно, зачем понадобилось поднимать антисоветскую кампанию.

Бек пытается возразить: «Но газеты лишь перепечатывают французские сообщения». Доказываю, что это не так, сообщения подбираются и истолковываются явно тенденциозно. И тон задает официоз категорическим утверждением, что убийца — советский эмиссар.

Бек отвечает, что уже дал соответствующие указания отделу печати и теперь воздействует дополнительно на «Газету польску».

Напоминаю, что мы остались неудовлетворены результатами нашего протеста против поведения «Молвы»¹²³. Бек сообщает, что министерство внутренних дел пригрозило закрыть «Молву», «если она попытается продолжать»...****

«Чтобы закончить о печати», отмечаю Беку новый этап алармистской кампании, ведущейся польской печатью по поводу советско-японских отношений (теперь мы, мол, агрессивны и грозим существенным интересам миролюбивой Японии). Бек, оговариваясь, что в Польше-де никто ничего не понимает в дальневосточных делах и пишут всякие пустяки, а он, Бек,

* См. также док. № 211.

** Из дневника полпреда СССР в Польше № 119 за период с 2 по 12 мая 1932 г.

*** См. также док. № 211.

**** Здесь и далее многоточие в тексте.

и не читает поэтому ничего из этих статей. Обещает свое воздействие.

Повторяет на мой вопрос сообщенное Мольтке¹⁵⁵ о германо-польских переговорах и о Данциге. Залесский предложил разобрать всю совокупность данцигских вопросов в какой-либо согласительной комиссии в Женеве; пока не видно, как пойдет дело. Мнение Бека о результатах выборов во Франции целиком совпало с выраженным мне мнением Ляроша¹⁵⁶. Бек подтвердил и об отъезде французской миссии. Несколько смутился на прямой вопрос: «А как обстоит дело с японской военной миссией?» Не сразу стал разъяснять, что таковой «нет уже с 1921 г. или 1920 г., остался лишь адрес, есть лишь несколько стажеров в кавалерийской школе». Повторил то же и после моего недоумения: «А мне в японском посольстве говорили, что миссия выехала всего лишь в декабре прошлого года...»

Неверно, что Высоцкий* уходит из Берлина («я очень им доволен — спокоен и корректен», «это незначительный листок пустил утку»). Вместо Сокаля будет постоянным представителем в Лиге наций Рачинский, бывший министр земледелия. В Международное бюро труда поляки не пошлют на пост представителя взамен много там работавшего Сокаля. Поездка Залесского в Белград отложена, она была бы «ревизитом вежливости», «никакого отношения к конференции М. Антанты она бы не имела».

Меморандум по поводу плана Тардые³¹ представляет письменное изложение уже высказанного Польшей: начинается с указания на такую-то заинтересованность Польши в торговле с придунайскими странами, далее об угрозе этой торговле от установления преференциальных пошлин для этих стран; о необходимости помочь последним, но учтя интересы соседей; о необходимости приобщить к соглашению и другие страны, исходя из результатов совещаний аграрных стран и выработав отношения со странами, закупающими сельскохозяйственные продукты; о желательности привлечь Польшу к переговорам.

Антонов-Овсенко

Печат. по арх.

215. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Великобританию в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

11 мая 1932 г.

Вчера Озерский разговаривал с Никсоном. Кредитный комитет согласен дать гарантию на 900 тыс. ф. ст. на 18 месяцев и на 700 тыс. ф. ст. на 12 месяцев на сталь и оборудование.

* Посланник Польши в Германии.

Одновременно Никсон подтвердил, что наши предложения по большей схеме * комитет считает неприемлемыми. Полагаю, что это решение нужно понимать таким образом, что, делая некоторую уступку нашему со стороны промышленников, правительство хочет сохранить за собой свободу действий на Оттавской конференции и откладывает решение по общим вопросам англо-советской торговли и торговому балансу с нами до окончания конференции **.

[Богомолов]

Печат. по арх.

216. Опровержение ТАСС измышлений японской и белогвардейской прессы в Харбине

13 мая 1932 г.

ТАСС уполномочен опровергнуть распространяемые некоторыми иностранными, в том числе японскими, телеграфическими агентствами и газетами очередные измышления японской и белогвардейской прессы в Харбине о нахождении в войсках ген. Ма и старогвардейцев советских инструкторов и оказании этим войскам поддержки со стороны СССР. Эти вздорные слухи являются провокационными и абсолютно ложными и, несомненно, исходят из тех же источников, которые в свое время пытались возложить на СССР ответственность за оружие, которое ген. Ма получил от некоторых японцев ***.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 131 (4698), 13 мая 1932 г.*

217. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Литве М. А. Карского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

13 мая 1932 г.

Пригласил меня частным образом Сметона ****. Он заявил: литовское правительство не меняет политики; по-прежнему мы ориентируемся на дружбу СССР и Германии; другая политика не соответствует нашим национальным интересам; с Польшей у нас ничего нет и быть не может. Однако если в дружбе СССР мы не сомневаемся, наше доверие к Германии сильно подорвано; получается впечатление, что Германия, перенося центр тяжести своей политики на Запад, проявляет значительно

* См. док. № 96.

** См. также док. № 207, 228, 262, 299, 411.

*** См. также док. № 164.

**** Президент Литвы.

меньший интерес к независимости и укреплению Литвы, чем раньше; но мы будем работать над восстановлением отношений с Германией. Сметона считает, что дело не в декларациях, а в конкретной политике. Со своей стороны, литовское правительство определенно меняет курс в отношении Мемеля и в вопросе о назначении директории и прочих будет держаться примирительной политики. С другой стороны, нужно, чтобы Германия и Мемель держались бы тоже примирительно и корректно; было бы хорошо, если бы СССР мог дать такой совет Берлину¹⁵⁷; на базе успокоения можно было бы перейти к остальным проблемам литовско-германских отношений, в том числе экономическим*; желательнее скорейшее назначение нового германского посланника в Ковно.

Тубялис конфиденциально сообщил, что отставка Зауниуса предreshена после Гааги. Мемельским губернатором назначен Гиллис — генконсул в Лондоне.

Полпред

Печат. по арх.

218. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Хирота

14 мая 1932 г.

Я объяснил Хирота, что правительство поручило мне довести через него до сведения японского правительства о ижеследующем:

Перечислив все сообщения, которые появлялись за последнее время в японской и белогвардейской прессе и перепечатывались иностранными агентствами и газетами о помощи, которую якобы генерал Ма получает от СССР, я обратил его внимание, что не первый раз японская и белогвардейская пресса поднимает провокационную кампанию и приписывает нам всяческий вздор и всякие фантастические вещи — о помощи, которую якобы мы оказываем Ма, о красноармейцах, которые находятся в его частях, о танках и аэропланах, которыми он пользуется, и т. д.** Я подчеркнул, что кампании, которые имели место в прошлом о связи генерала Ма с СССР, полностью были разоблачены и само японское правительство признавало их лживость. Тем не менее такого рода кампания вновь имеет место, причем нам не известно, чтобы японское правительство предпринимало какие-либо меры к пресечению этой кампании лжи, которая вредна для отношений между СССР и Японией. Советское правительство уполномочило меня

* См. также док. № 233, 382.

** См. док. № 164.

обратить через японского посла в Москве серьезное внимание японского правительства на эту провокационную кампанию и поручило мне выразить уверенность, что японское правительство не преминет предпринять немедленно самые решительные меры к прекращению этой кампании.

Хирота ответил мне на это, что он уже читал в газетах опровержение ТАСС по этому вопросу*; он сам не имеет никаких сообщений о том, о чем я ему только что говорил, и что ему остается только сообщить японскому правительству о моем заявлении и обратиться его серьезное внимание на то, что я ему сообщил. Посол добавил, что он не знает, что сообщается в газетах, но так как всякие слухи вредны для отношений между обеими странами, посол сегодня же сообщит об этом своему правительству.

Я собирался во время этой беседы затронуть с Хирота вопрос о рыболовных переговорах**. Но прежде чем я сам перешел к рыболовным вопросам, сам Хирота сообщил мне, что как раз, когда я его вызывал к себе, он получил новую инструкцию из Токио по рыболовным переговорам и хотел бы сообщить ее мне сегодня же.

Основная разница между старым японским предложением*** и новым планом урегулирования рыбного вопроса сводится к тому, что по новому плану стабилизация японских участков устанавливается в отношении количества участков и включает в себя как лососевые, так и крабовые участки. По первоначальному плану «стабилизация» имела в виду не количество участков, а общую норму улова рыбы. Японский план, объяснил мне Хирота, исходит из того положения, которое создалось после торгов 1932 г., иначе говоря, исходит из нынешнего положения. У японцев в настоящее время имеется 393 участка: из них 44 участка, по которым имеются особые концессионные договоры, и 8 участков, арендный срок которых равняется 5 годам. Таким образом, эти 52 участка не требуют какого-либо специального соглашения, ибо они в силу существующих договоров будут находиться в японской эксплуатации до и после истечения срока рыболовной конвенции. Таким образом, японская сторона исключает их как объект соглашения. Остается, таким образом, 341 участок. В это число включены как те участки, которые имелись у японских рыбопромышленников в прошлом году, так и те, которые были взяты на торгах в 1932 г. В число последних входят 80 с чем-то участков со сроком аренды от 1 года до 3-х лет. По новому японскому плану половина из этих 80 участков может быть поставлена на торги, а другая половина закрепляется до окончания рыбо-

* См. док. № 216.

** См. док. № 146.

*** См. док. № 62.

ловной конвенции. Таким образом, по этому новому плану 302 находящиеся ныне в японской эксплуатации участка закрепляются за японскими рыболовами до истечения срока конвенции, сорок же один участок будет поставлен на торги по истечении срока их аренды. Это новое предложение Хирота рассматривает как известную уступку с японской стороны, так как японское правительство отказывается, таким образом, от стабилизации всех 100% участков, а готово некоторое количество их поставить на торги. После того как будет достигнуто принципиальное соглашение по этому вопросу, тогда японская сторона укажет те 41 участок, которые она готова поставить на торги.

Я ему указал, что предложение, которое он делает, является предложением новым. Поэтому, прежде чем дать какой-нибудь ответ, я должен его изучить и посоветоваться с соответствующими заинтересованными ведомствами и получить их заключение. Мне лично кажется сомнительным, что японское правительство хочет исходить из положения 1932 г. в то время, когда мы во все время переговоров исходили из того удельного веса, который японский и советский сектор имели в 1931 г. Для ясности я просил его дать мне в письменном виде это новое японское предложение, чтобы я мог его внимательно изучить. Хирота обещал дать свое предложение в письменном виде и добавил, что он упустил из виду одно обстоятельство: японское правительство хочет, чтобы те два участка, которые были взяты с торгов в 1932 г., были возвращены японским рыболовам или же, в крайнем случае, эти два участка были компенсированы другими двумя равноценными участками. Я его спросил, а как же быть с 80-ю участками, которые японцы взяли на торгах этого года? Японское правительство также собирается отказаться от них, в случае если эти два участка будут возвращены японским рыбопромышленникам? Он мне ответил, что в инструкции, им полученной, об этом ничего не сказано. Я выразил удивление, что японцы, не забыв о 2-х участках, которые они потеряли на этих торгах, забыли о 80-ти, которые они заторговали, в том числе 12, находившиеся в эксплуатации советских граждан и организаций. Я не высказал никакого своего мнения по этому японскому предложению, сказав, что я вызову его на днях, чтобы дать ему свой ответ*.

Закончив рыболовный вопрос, посол перешел к своему собственному личному положению.

Он сообщил мне, что обратился в Токио с просьбой разрешить ему отпуск по болезни и получил ответ: если его отсутствие не будет большим препятствием для переговоров, то японское правительство, пожалуй, согласилось бы дать ему

* См. док. № 225.

отпуск. Ему, японскому послу, конечно, приятнее вернуться домой, достигнув какого-то соглашения по рыболовному вопросу, но если переговоры будут продолжаться долго, тогда посол должен будет уехать, не дождавшись их завершения. Собирается он в отпуск месяца на 2, на 3. Уходя, он мне заметил, что он очень сожалеет о том, что до сих пор не может найти дачи, которая несколько облегчила бы его положение ввиду состояния здоровья. Дачным трестом ему была предложена дача по Владимирскому шоссе, и хотя она была не очень хорошая, но за неимением лучшей он готов был ее взять, ездил, выбрал ее и нужно было только оформить аренду этой дачи. Но вот позавчера чиновники посольства были в дачном тресте, там извинились, но заявили, что не могут этой дачи сдать, а другой подходящей также нет. Таким образом, вместо оформления уже выбранной дачи, ему вообще было отказано. Я ему сказал, что поинтересуюсь этим делом и выясню, нет ли тут какого-нибудь недоразумения.

Карахан

Печат. по арх.

219. Письмо Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР в Народный Комиссариат Внешней Торговли СССР

16 мая 1932 г.

Поднятый т. Гуревичем вопрос об изменении нашей тактики по отношению к Бельгии обсуждался на коллегии НКИД 11 сего мая. Причем, исходя из тех соображений:

а) что бельгийское правительство, хотя и не отменило дискриминирующего нас закона, но фактически давно уже не применяет его к нам и

б) что при сохранении существующей ныне тактики по отношению к Бельгии могут встретиться для нас значительные трудности в размещении нашего экспорта в Бельгии — коллегия НКИД согласилась, не отменяя нашего ответного декрета * по отношению к Бельгии, пойти в свою очередь на некоторое ослабление в применении к ней нашего закона, а именно:

а) при наличии возможности и не уменьшая наших заказов на такие страны, как Англия, Германия, Франция и Италия дать на неопределенную сумму заказов для бельгийской промышленности;

б) пойти по линии постепенного ослабления бойкота Антверпенского порта, допуская в первую очередь заход фрахтуемых нами иностранных судов.

* См. т. XIII, док. № 362.

По вопросу о заходе наших судов должна быть проявлена некоторая осторожность. Правда, французское и бельгийское законодательство, следуя Брюссельской морской конвенции, допускают возможность наложения ареста на судно только в связи с претензиями, возникающими по данному рейсу, однако не исключена возможность попыток в этом направлении.

Народный Комиссар Иностранных Дел СССР

Литвинов

Помощник Заведующего Экономической частью
НКВД СССР

Розенблюм

Печат. по арх.

220. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике А. Я. Охтину

17 мая 1932 г.

Решением инстанции предложено:

1. По экспорту. Заготзерно — отгрузить в декадный срок 620 т овса по спецзаказу МНР; Нефтеторгу — немедленно направить в МНР 1598 т нефтепродуктов, соорудить в текущем году дополнительный резервуар в 282 т в Борзе и два нефтехранилища по 462 т в Култуке и Ине; Наркомтяжпрому — отгрузить не позже 15 июня на 306 тыс. руб. авторезины, обеспечить железом изготавливаемые ВСПК * 5000 телег.

2. По транспорту. Выделить дополнительно для МНР 100 грузовиков ЯЗ-5 с запасными частями в течение мая и июня, выполнить все без исключения заявки Монголтранса на запасные части советского производства, организовать и отправить в декадный срок по одной ремонтной бригаде на Чуйский, Тункинский и Кяхтинский тракты для стопроцентного восстановления и пуска к 25 июня в эксплуатацию имеющихся на этих трактах машин Союзтранса.

3. По кадрам. Разместить к 1 августа 100 монгольских работников в следующих организациях: Центросоюз — 15, Всекопромсоюз — 10, Союзшерсть — 10, Союзмясо — 15, Наркомзем — 15, Внешторгбанк — 5, Союзтранс — 10, Союзпушнина — 10, Совмонтавторг — 10. Наркомснабу предложено выделить для МНР 26 инструкторов по мясозаготовкам, Наркомзему — 12 ветврачей для обслуживания скотозаготовок.

Карахан

Печат. по арх.

* Всесоюзный совет промысловой кооперации.

221. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Великобритании в СССР Овием

17 мая 1932 г.

Овий рассказывал о своем путешествии за границей и по нашей территории, об осмотренных им городах — Одессе, Киеве, Харькове и Ростове, о Днепрострое и совхозе «Верблюд». Он, однако, не выражал мнения о виденном им.

Затем он сообщил, что явился по поручению Саймона вновь поговорить о деле «Лена-Голдфилдс»*. Ему Главконцесско-мом названа теперь цифра в 1 млн. ф. ст., которая для компании совершенно неприемлема. На английское правительство сильно нажимают в этом деле, и поэтому он просит меня сказать ему что-нибудь «более утешительное».

Я напомнил, что речь не идет о межправительственном долге, а о претензии частной компании, которую мы всегда отказывались и отказываемся рассматривать в дипломатическом порядке. В свое время я по просьбе посла помог ему в качестве уполномоченного компании связаться с Главконцесско-мом, с которым переговоры должны и в дальнейшем вестись. Насколько мне известно, английский советник Стрэнг имел во время отсутствия посла разговор с т. Каменевым, выслушал предложение последнего об 1 млн. ф. ст. и обещал дать ответ на это предложение. Этого ответа т. Каменев ждет. Если у посла есть ответ, я могу ему рекомендовать сообщить т. Каменеву. Если посол желает иметь мой совет, я должен сказать, что наилучшим в этом деле разрешением вопроса я считал бы непосредственные переговоры представителя «Лены» с Главконцесско-мом, ибо в процессе разговоров неизбежно оспаривание цифр и данных, положенных в основу тех или иных предложений, а посол вряд ли в достаточной мере в курсе этих дел. Это я высказываю в качестве совета, но если посол хочет сам продолжать переговоры с Главконцесско-мом, то мы, конечно, против этого раньше не возражали, не возражаем и теперь. Что касается меня, то я не уполномочен вести переговоры по этому делу, принимать или делать какие-либо предложения.

Овий сказал, что ему наша принципиальная точка зрения известна и что он, как и раньше, говорит со мной на эту тему неофициально. Компания не намерена вступать в переговоры об уменьшении требуемых ею сумм в 3 1/2 млн. ф. ст. Посол, однако, готов был бы передать компании новые разумные предложения с нашей стороны. Он не уполномочен что-либо предлагать, но ему кажется, что в таких случаях удобнее разрешать вопросы разделением спорной суммы пополам. Если бы

* См. т. XIV, док. № 337, 359.

мы пошли по этому пути и предложили бы: $\frac{1\,000\,000 + (3\,500\,000 - 1\,000\,000)}{2} = 2\,250\,000$, то он готов был бы передать компании такое предложение.

Я вновь повторил, что я не уполномочен обсуждать какие-либо цифры или предложения и что высказанные послом соображения удобнее всего довести до сведения т. Каменева и от него уже получить ответ.

Овий заявил, что он не уполномочен пока обращаться к т. Каменеву, что он рассчитывал от меня получить какое-либо предложение или хотя бы обещание повлиять на т. Каменева и что он должен будет сообщить о разговоре Саймону.

После своего ухода Овий прислал мне письмо, в котором он высказывает опасение, что он, может быть, недостаточно подчеркнул в разговоре со мной один из пунктов его инструкции от сэра Джона Саймона. Последний просил его заявить в личном обращении ко мне, «что дело о претензии «Лена-Голдфилдс» приковывает к себе общественное внимание в Англии и что на правительство е. в-ва производится давление с целью объединения этого вопроса с вопросами о кредитах и даже с вопросом о денонсации торгового соглашения. Сэр Джон Саймон рассчитывает, что я позволю ему смягчить эту неприятность». Далее Овий добавляет в письме, что утром получил еще одну телеграмму, требующую скорого ответа ввиду неизбежности поднятия этого вопроса с настойчивостью в парламенте*.

Литвинов

Печат. по арх.

222. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Министром Иностранных Дел Финляндии Ирве-Коскинемом

19 мая 1932 г.

1. Я пришел к Ирве-Коскинему по нескольким делам и прежде всего сообщил ему, что Советское правительство решило принять предложение финляндского правительства участвовать в сельскохозяйственной выставке в Выборге, открывающейся 23 июня. Ирве-Коскинен был чрезвычайно доволен моим сообщением и высказал мнение, что такое участие будет полезно под углом зрения развития торговых отношений между обеими странами. Когда я спросил его о некоторых деталях, касающихся программы и организации выставки, он запнулся и несколько смущенно заметил, что не совсем в курсе этого дела. Тем не менее он продолжал разговор в таком духе, что,

* См. также док. № 228, 299, 310, 349.

мол, и мы тоже выставим, вероятно, на Выборгской выставке какие-либо свои экспонаты. Я заметил, что мне сейчас неизвестно, будем ли мы участвовать в Выборгской выставке своими экспонатами, но если бы такое участие состоялось, то мы могли бы выставить много любопытных вещей, в частности, наши тракторы и сельскохозяйственные машины и орудия, которые, я думаю, имели бы шансы найти некоторый сбыт в Финляндии. Ирве-Коскинен этим очень заинтересовался и стал расспрашивать меня, какие именно сельскохозяйственные машины мы производим, где именно, по какой цене и т. д. Поскольку мог, я удовлетворил его любопытство¹⁵⁸.

2. Далее я сообщил Ирве-Коскинену наш ответ по поводу тех судов, которые в связи с неразрешенным спором о возвращении судов по мирному договору до сих пор гниют в Гельсингфорсском порту, опускаясь на дно и затрудняя судоходство. Я сказал, что нас эти суда не интересуют, ибо они не являются теми судами, которые мы вправе получить от Финляндии в соответствии с мирным договором*, и что поэтому финляндское правительство может распорядиться с ними по своему усмотрению. Это, однако, никоим образом не означает, что мы отказываемся от тех своих претензий на суда, которые вытекают из мирного договора. Данные претензии мы сохраняем в полной мере и резервируем за собой право в надлежащий момент к ним снова вернуться. Ирве-Коскинен заметил, что, разумеется, наши претензии к Финляндии остаются в силе, он этого не собирается оспаривать, хотя полагает, что спор о судах, возникший много лет назад, в настоящее время является весьма трудно разрешимым. Я еще раз повторил, что во всяком случае претензии Советского правительства сохраняются в полной силе и неприкосновенности.

3. Затем я спросил Ирве-Коскинена, нет ли каких-либо новостей по вопросу о ратификации пакта**. Ирве-Коскинен ответил, что сейчас он не может сообщить мне по данному вопросу ничего определенного, но лично полагает, что ратификация может состояться, пожалуй, к середине июня. На мой дальнейший вопрос, чем объясняется выбор этой даты, Ирве-Коскинен ответил, что Финляндию весьма интересует ход переговоров о пактах в Латвии и Эстонии***. Финляндии было бы легче провести ратификацию, если бы эти переговоры продвинулись в названных странах несколько дальше, например, если бы к моменту финской ратификации в Латвии была уже подписана согласительная конвенция, а в Эстонии хотя бы начались переговоры о такой конвенции. Ирве-Коскинен тут довольно прозрачно намекнул, что на него производится в дан-

* См. т. III, док. № 137.

** См. док. № 32.

*** См. док. № 67, 20г.

ном отношении нажим со стороны очень влиятельных кругов, в частности президента, и что ему было бы гораздо легче сопротивляться этому нажиму, если бы в двух других лимитрофах положение с пактами было бы более благоприятно. Я ответил в весьма решительной форме, что пора наконец уже бросить эти постоянные кивания на Латвию и Эстонию, о которых я слышу вот уже почти в течение полугода. Мы подошли в Финляндии к самому концу. Необходимо сделать последний шаг. И мы ждем, что Финляндия сделает его без каких-либо дальнейших ссылок на Эстонию и Латвию. В частности, я не понимаю, почему Ирве-Коскинен опять хочет дожидаться Эстонии. С Эстонией вопрос совершенно ясен. Мы подписали с ней пакт, и мы готовы вести с ней переговоры о согласительной конвенции, но Эстония пока не сделала нам никакого предложения начать такие переговоры. Дело, стало быть, не за нами, а за Эстонией. Ирве-Коскинен возразил, что эстонцы, со своей стороны, заявляют: «Почему мы должны предлагать переговоры о согласительной конвенции? Почему СССР не проявит инициативы? Что это — вопрос престижа?» Я ответил, что дело тут совсем не в престиже, а в том, что у нас нет уверенности в доброй воле Эстонии. Пятимесячные переговоры с Эстонией о пакте, обстоятельства, которые Ирве-Коскинену хорошо известны, заставляют нас с законным недоверием отнестись к наличию у Эстонии доброй воли. Поэтому мы ждем первого шага со стороны Эстонии. Ирве-Коскинен не нашелся, что мне ответить, но затем с явным беспокойством задал мне вопрос: «А когда вы собираетесь ратифицировать наш пакт?» Я сказал, что, по имеющимся у меня сведениям, Советское правительство предполагает ратифицировать пакт сразу же после финской ратификации. Ирве-Коскинен не удовлетворился моим ответом и с некоторым волнением в голосе продолжал: «Почему Финляндия должна ратифицировать первой? Почему СССР не ратифицирует сначала?» Я улыбнулся и заметил, что Финляндия должна ратифицировать первой потому, что всякого рода затяжки, оговорки и колебания в вопросе о ратификации имеются на финляндской, а не на советской стороне. Кроме того, нынешнее финляндское правительство, как самому Ирве-Коскинену должно быть хорошо известно, значительно менее прочно и устойчиво, чем Советское. Если бы Советское правительство ратифицировало бы пакт первым, то имелась бы опасность, что в случае смены правительства в Финляндии пакт мог бы повиснуть в воздухе, ибо неизвестно еще, какова была бы политика нового правительства. Повисший же в воздухе пакт, односторонне ратифицированный СССР и не ратифицированный Финляндией, явился бы фактором, сильно осложняющим отношения между обоими странами. Во избежание такой опасности мы и считаем необходимым, чтобы пакт

сначала был ратифицирован Финляндией. За нами же дело не станет. Точка зрения Советского правительства на ратификацию известна, и Советское правительство скоро умирать не собирается. Ирье-Коскинен замолчал и, видимо, не находил каких-либо аргументов в ответ на мои соображения. Тогда я перешел в наступление и заявил Ирье-Коскинену, что совершенно не понимаю, зачем финляндскому правительству требуется дальнейшая отсрочка для ратификации пакта. Если путем такой отсрочки оно рассчитывает как-нибудь добиться одновременной ратификации всех лимитрофных пактов, то оно сильно ошибается. На принцип одновременности мы ни в коем случае не пойдем. Между моментами вступления в силу различных пактов должен быть известный интервал. Это я считаю необходимым сказать Ирье-Коскинену уже сейчас со всей определенностью во избежание каких-либо недоразумений в дальнейшем. Ирье-Коскинен ответил, что он нашу точку зрения знает, с ней примирился и не рассчитывает на одновременность ратификации всех лимитрофных пактов. Он может также заверить меня, что Финляндия ратифицирует первой. Однако по указанным выше соображениям, он не думает, чтобы ратификация могла состояться раньше намеченного им срока.

4. В заключение Ирье-Коскинен задал мне вопрос, что сейчас происходит на Дальнем Востоке, как я оцениваю ближайшие перспективы японо-советских отношений. Я ответил, что опасность войны на Дальнем Востоке сейчас, несомненно, имеется, ибо чрезвычайная агрессивность японского империализма достаточно явственно обнаружена событиями последних месяцев, но что наша политика есть политика неуклонного мира и нейтралитета по отношению к событиям, происходящим в Китае и Маньчжурии. Именно в силу этого опасность войны значительно ослабляется, и я твердо надеюсь, что, несмотря на многочисленные провокации со стороны более агрессивных элементов японской военщины, а также русских белогвардейцев в Маньчжурии, нам удастся сохранить мир на Дальнем Востоке. К тому же и положение Японии тоже не из легких. Тут я несколько подробнее остановился на характеристике японского аграрного вопроса и японских финансовых затруднений. Мои разъяснения произвели довольно сильное впечатление на Ирье-Коскинена. Он даже высказал предположение, что «если бы Япония попыталась мобилизовать сейчас в широких размерах свою армию, то, пожалуй, она натолкнулась бы на большие внутренние затруднения. Пожалуй,— продолжал размышлять Ирье-Коскинен,— некоторые мобилизованные полки не пошли бы воевать». А затем, касаясь вопроса о финансах, Ирье-Коскинен, качнув головой, с уверенностью заявил: «Ну, Франция денег Японии на войну никогда не даст... Франция сейчас вообще никому не дает денег». В общем у

меня осталось впечатление, что в результате моих разъяснений Ирье-Коскинен значительно успокоился по вопросу о дальневосточных перспективах.

Полномочный Представитель СССР
в Финляндии
И. Майский

Печат. по арх.

223. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Греции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

21 мая 1932 г.

17 мая, согласно телеграфному поручению Рюшту-бей, Энис-бей посетил Михалакопулоса и информировал его о поездке Исмета в СССР*. На следующий день в газ. «Мессаже д'Атен» официальное коммюнике сообщало, что Энисом сделаны министру следующие заявления: 1) Визит Исмета имел чисто дружественный характер. 2) В Москве обоими правительствами не было подписано никакого акта и не было намечено никаких политических директив. 3) Оба правительства, стремясь к поддержанию мира, признают советско-турецкое сотрудничество содействующим этой цели. 4) Версия о том, что будто турецкое правительство желало на месте изучить «методы советского режима», даже не заслуживает опровержения. 5) Турецкое правительство с уважением относится к любому режиму в другом государстве, но буржуазный строй признает наиболее подходящим для своей страны и намерено сохранить его и на будущее время. 6) Что касается ссуды в 8 млн. долл., предоставляемой Союзом Турции, то дело идет о словесном соглашении касательно отпуска Турции в кредит машин для оборудования одного сахарного завода и одной текстильной фабрики.

На следующий день после опубликования этого коммюнике я осведомился у Эниса, насколько точно переданы заявления, сделанные им Михалакопулосу. Энис ответил, что министерство, как он уже телеграфировал в Анкару, допустило по отношению к нему тройкую некорректность. Во-первых, без согласования с ним опубликован разговор, имевший конфиденциальный характер. Во-вторых, заявления его переданы не вполне точно. В-третьих, ему приписано то, чего он не говорил. Последнее относится, в частности, к вопросу о «политических директивах» и об изучении турками «методов советского режима».

* См. док. № 205, 210.

Я указал Энису, что, поскольку коммунистке не исходит вполне официально от МИДа, можно было бы внести в него необходимые поправки. Энис не поддержал этой мысли. Он твердил, что все дело передал в Анкару. Чувствовалось, что в отношении Михалакопулоса руки его чем-то связаны.

Конечно, для самого Михалакопулоса представлялось достаточно соблазнительным своим коммунистке охладить впечатление, произведенное визитом Исмета в Союз, и даже посеять сомнения в искренности советско-турецкой дружбы со стороны турок. Однако отмечу, с другой стороны, что точного текста своего заявления в соответствии с директивами Анкары Энис-бей мне не показал. Не исключена возможность, что, желая успокоить греков насчет целей визита Исмета в СССР и относительно характера советско-турецкой дружбы, Рюшту-бей кое в чем и перестарался. Допускаю, что то же самое может произойти и с самим Энисом при передаче им Михалакопулосу сообщений из Анкары. Потому-то, быть может, и нельзя ему выступить с дементи *. Во всяком случае Михалакопулос достаточно бесцеремонно поймал турок и сумел создать для них конфузное положение.

Потемкин

Печат. по арх.

224. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике А. Я. Охтину

22 мая 1932 г.

Есть признаки активизации японцев в западной части Северной Маньчжурии. Не исключена возможность продвижения японских войск к западу от Цицикара. В Хайларе японцы ведут переговоры с баргутским ямынем ** о сформировании в Барге двухтысячного монгольского отряда ***. Между прочим, ожидается прибытие на станцию Маньчжурия полицейского отряда маньчжурского правительства для несения пограничной службы.

Карахан

Печат. по арх.

* — опровержением (фр.).

** — управлением.

*** См. также док. № 472.

225. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А. А. Трояновскому

23 мая 1932 г.

Хирота сделал нам новое предложение по рыболовному вопросу, сводящееся к следующему*.

Учитывая выявившуюся при переговорах нашу готовность идти на закрепление за японцами до конца действия конвенции значительного большинства участков, сохранив, однако, институт торгов, японское правительство отказывается от своего требования стабилизации всех 100% арендуемых японцами участков и предлагает поставить на торги половину тех новых участков, которые были заарендованы на торгах 1932 г., закрепив за ними все остальные участки. Так как на последних торгах японцы заарендовали 80 с лишком участков, японское правительство предлагает выделить для торгов 41 участок. Хирота не забыл при этом еще раз напомнить о желании японского правительства, чтобы японцам были возвращены отторгованные у них 2 участка. На мой вопрос, означает ли это готовность отказаться в случае получения этих двух участков от 14 участков, отторгованных на этих торгах японцами у нас, а также от других новых участков, Хирота ответил, что об этом в полученной им инструкции не имеется никаких указаний.

18-го я сообщил Хирота о нашей готовности принять в основном японское предложение, выделив для торгов 60 участков. Хирота продолжал торговаться о количестве участков, однако был явно удовлетворен не ожидавшейся им столь большой уступкой, означающей на деле полное удовлетворение японских притязаний, и обещал немедленно телеграфировать в Токио, заявив, что со своей стороны он приложит усилия к быстрейшему урегулированию рыболовного вопроса, где точки зрения обеих сторон в основном уже сошлись**.

Л. Карахан

Печат. по арх.

226. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, в Берлине

23 мая 1932 г.

Если румыны захотят вести переговоры через поляков, то нам от этого посредничества не надо отказываться***.

Крестинский

Печат. по арх.

* См. док. № 218.

** См. также док. № 313, 319.

*** См. также док. № 116, 227.

227. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Министром Иностранных Дел Польши Залесским *

24 мая 1932 г.

Залесский поделился со мной впечатлениями о своей поездке в Женеву и Париж. Сформирование французского кабинета ожидается между 4 и 10 июня. Он виделся недавно с Эррио на юге Франции. По мнению Залесского, Эррио сформирует кабинет без поддержки социалистов с ориентацией на центр, но без личного участия в правительстве Тардье. Эррио совершенно не интересуется вопросами разоружения, но озабочен Лозаннской конференцией **. На мой вопрос, была ли у них речь также о системе восточных пактов, Залесский ответил отрицательно. Он говорил, однако, об этом вчера с Бертело, который по-прежнему считает необходимым заключение пактов и с этой целью нажимает на Бухарест.

Вместе с Бертело он обсуждал некоторые формулировки, которые должны удовлетворить и нас и румын, но то, что он предлагает сегодня, не согласовано еще с румынами. Он имеет сведения, что и король румынский и Гика относятся теперь более благоприятно к заключению пакта, чем раньше. Маршал Пилсудский пригрозил Румынии самостоятельным подписанием пакта с нами в случае дальнейшего упорства. Я вставил замечание, что действительное подписание пакта было бы лучшим средством давления, чем угроза, на что Залесский ответил, что до этого, может быть, и дойдет.

На вопрос Залесского, что мы решили о судьбе письма Стомоякова ***, которое так беспокоит румын, я ответил, что переписка во время переговоров имеет лишь временное значение и может быть заменена пактом и другими документами, которые мы с румынами подпишем. Залесский тогда предложил в первом пункте пакта³ заменить слова «под суверенитетом» словами «под властью», а во вступительной части упомянуть, что спорные между обеими сторонами вопросы остаются в стороне и подписание пакта не наносит ущерба позиции обеих сторон по спорным вопросам. Эта последняя формулировка была отредактирована мной, так как Залесский затруднился найти подходящие русские или французские слова, но я мысль его уловил. Он с моей редакцией согласился. Он добавил, что не требует у меня немедленного ответа, а просит подумать.

* Беседа состоялась в Берлине.

** Лозаннская конференция состоялась 16 июня — 9 июля 1932 г.; см. «Сборник документов по международной политике...», вып. IV, М., 1933, стр. 7—30.

*** См. док. № 31.

Я сказал, что и с поправкой Залесского румынская редакция первого пункта для нас неприемлема, что мне совсем непонятно упорство Румынии в этом вопросе. Залесский согласился со мной и признал, что он сам не понимает этих тонкостей и отнюдь не одобряет позиции Румынии.

Я спросил Залесского, как он представляет себе дальнейший ход этого дела. Залесский сказал, что он протелеграфирует через Варшаву в Бухарест, не согласится ли Титулеску * поговорить со мной в Женеве. После некоторого раздумья он сказал, что это было бы, пожалуй, неосторожно, что Титулеску очень тяжелый и истеричный человек и лучше будет предварительно подготовить почву через нового румынского посланника в Варшаве, который относится весьма благожелательно к заключению пакта, с тем чтобы формально возобновить переговоры в Женеве около 15 июня, когда он будет там сам и, вероятно, также Гика. Я ответил, что если в Женеве сейчас делать нечего, то я предполагаю взять небольшой отпуск, но что если румыны готовы были немедленно вступить в переговоры, то я от отпуска бы отказался и остался бы в Женеве и что я во всяком случае буду там около 15 июня **.

Залесский высказал сожаление, что я отказался от завтрака в польской миссии, но я ему разъяснил, что нахожусь в Берлине неофициально, никакого контакта с немецким правительством сейчас не имею и что мне поэтому неудобно принимать официальное приглашение. Залесский согласился со мной. На его вопрос, предполагаю ли я давать какие-либо сообщения в печать о наших встречах, я ответил отрицательно, и Залесский это одобрил.

В заключение я просил Залесского по приезде в Варшаву лично заинтересоваться вопросом о сплаве леса, причем я рассказал ему историю этого дела ***.

Литвинов

Забыл отметить, что я выразил удивление по поводу излюбленной румынами формулировки об оставлении вопросов в стороне вместо ясных выражений об оставлении их открытыми. Раз будет признано существование спорных вопросов, то будет признано оставление их открытыми.

Печат. по арх.

* Посланник Румынии в Великобритании, с 20 октября 1932 г. — министр иностранных дел Румынии.

** См. также док. № 259.

*** См. док. № 238.

**228. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР
в Великобритании с Министром Иностранных Дел Вели-
кобритании Саймоном**

24 мая 1932 г.

После обмена приветствиями Саймон спросил меня, читал ли я его ответ в парламенте по вопросу о пропаганде. Я сказал, что видел его ответ в «Таймсе». Саймон сожалеет, что принужден говорить по этому вопросу, но он должен был вызвать меня по поручению правительства для того, чтобы сделать специальное представление Советскому правительству о пропаганде. Он просит передать Советскому правительству, что английское правительство стоит на точке зрения предшествующих правительств по этому вопросу и считает, что невозможно совершенно отделить (entirely disassociate) Советское правительство от Коминтерна. Как известно, запрос в парламенте был вызван появлением статьи об Индии в «Интернациональной корреспонденции»¹⁵⁹. Как он уже сказал, национальное правительство стоит на той же точке зрения, как и его предшественники, и считает Советское правительство ответственным за действия Коминтерна. Он знает, что Советское правительство с этим не согласно, однако он просит меня передать Советскому правительству в Москве, что английское правительство не отделяет Советское правительство от Коминтерна. Саймон спросил меня, видел ли я номер «Интернациональной корреспонденции», о котором идет речь. Я сказал, что после его ответа в парламенте я специально выписал этот номер; я прочитал статью, о которой идет речь, и совершенно не понимаю, почему этот вопрос ставится перед моим правительством. Саймон ответил, что он считает необходимым сделать эти представления, потому что он чувствует, что атмосфера в парламенте сгущается, и он думает, что, если бы теперь был поставлен на голосование вопрос о продолжении отношений с СССР, он боится, что результат был бы отрицательным.

Продолжая, Саймон сказал, что имеется второй вопрос, на который он хочет опять обратить мое внимание. Это — неудовлетворение английского правительства развитием англо-советских торговых отношений. Говоря об этом, он имеет в виду недостаточные закупки Советского правительства в Англии. Торговые круги чрезвычайно недовольны тем, что стерлинговые остатки, получаемые нами от продажи наших товаров в Англии, используются нами для оплаты наших закупок в Германии и других странах. Этот факт, в особенности в связи с ростом пропаганды, создает большое недовольство в парламенте. В парламентских кругах все больше растет убеждение,

что восстановление дипломатических отношений в 1929 г. было ошибкой.

Я ответил Саймону, что по первому пункту я должен заявить, что Советское правительство никогда не считало и не считает себя ответственным за действия Коминтерна или других интернациональных организаций. Об этом уже неоднократно заявлялось ответственными представителями СССР, а также нашим послом здесь *. Саймон прервал меня и сказал, что он знает хорошо, что Советское правительство придерживается этой точки зрения, однако он должен заявить, что британское правительство остается на той точке зрения, которую он мне только что изложил, и сейчас же спросил меня, что же я могу сказать по второму пункту.

Я ответил, что по второму пункту после нашего разговора в феврале ** Союзное правительство предприняло конкретные шаги, которые целиком подтверждают желание Союзного правительства развить англо-советские торговые отношения. Союзное правительство уполномочило нашего торгпреда Озерского сделать английскому правительству далеко идущие предложения, которые могли бы создать базу для широкого развития англо-советской торговли, но, к сожалению, я должен сказать, что до сих пор английское правительство не дало никакого конкретного ответа на эти предложения. Нельзя ставить вопрос о повышении наших закупок в Англии без предоставления соответствующих кредитов, однако с кредитами дело обстоит чрезвычайно плохо. Перед отъездом в Москву Озерский сообщил мне, что экспортный комитет предоставил торгпредству только 1,6 млн. ф. ст. кредита, которые, как сообщал мне Озерский, будут заполнены в течение нескольких недель ***. Таким образом, после этого размещение заказов совершенно приостановится. Саймон сказал, что он не в курсе деталей переговоров, однако он считает необходимым обратить мое внимание на общее неблагоприятное для Англии состояние англо-советской торговли.

Он добавил, что есть еще третий пункт, по которому он имеет поручение правительства сделать мне представление. Это дело «Лена-Голдфилдс». Положение с этим делом совершенно неудовлетворительное. Сперва было решение третейского суда, присудившего «Лена-Голдфилдс» 13,5 млн. ф. ст., потом, как ему известно, компания согласилась удовлетвориться 3,5 млн. ф. ст. Он сам ознакомился с материалами и думает, что эта сумма представляет действительные потери компании, и он лично считает это требование компании обоснованным.

* См., в частности, т. IV, док. № 240; т. VI, док. № 172; т. XIII, док. № 374, 381; т. XIV, док. № 170, а также док. № 471 настоящего тома.

** См. док. № 68.

*** См. док. № 215, 262.

ванным. Советское правительство предложило всего 1 млн. ф. ст. Юридически это дело бесспорное, так как соглашение было заключено существующим Советским правительством с компанией «Лена-Голдфилдс». Он просит меня передать и это представление в Москву.

Я ответил, что я не в курсе дела «Лена-Голдфилдс», так как все переговоры ведутся в Москве, и сказал, что передам о нашем разговоре моему правительству, однако я должен заметить, что переговоры ведутся исключительно между Главконцесскомом и компанией. Кроме того, я считаю, что ответственность за длительность переговоров лежит целиком на «Лена-Голдфилдс», которая начала сперва с совершенно необоснованных требований и с такой колоссальной суммы, как 13,5 млн. ф. ст. Союзное правительство не хочет, чтобы имеющие с ним дело промышленники несли потери, но совершенно понятно, что оно не имеет никакого желания оплачивать необоснованные претензии*.

Саймон сказал, что он просит меня передать моему правительству его представления по всем трем вопросам. Он должен отметить с сожалением, что в последнее время накопился целый ряд вопросов, в особенности вопрос о пропаганде, которые сильно осложняют положение и отношения между двумя странами. Он хочет подчеркнуть, что все его представления сделаны им в дружеском духе (in a friendly spirit).

Заканчивая разговор, Саймон спросил, когда я жду обратно в Лондон т. Сокольников. Я ответил, что около середины июля.

Советник полпредства
Д. В. Богомолов

Печат. по арх.

229. Телеграмма Генерального консула СССР в Харбине в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

24 мая 1932 г.

В беседе со мной германский консул дал следующую информацию о работе комиссии [Литтона]⁴². Отдельные члены комиссии, несмотря на бдительность японцев, получили здесь кое-какой материал от китайцев. Слухи, что американский консул предложил письменный антияпонский политический доклад, неверны. Американский консул представил материалы об экономическом зажиме теперь американских фирм в Маньчжурии. Аналогичный материал дал германский консул. Американский представитель действовал осторожно, не выявляя

* См. также док. № 221, 299.

антияпонских настроений. Он лишь пытался составить собственную программу работ, но Литтон сглаживал. По его же настоянию, в частности Ку*, был поставлен вопрос о встрече с Ма, что вызвало резкое раздражение японцев. Литтон просил содействия Иосида**, но Токио отвергло. Желание встречи с Ма настолько обострило отношения и вызвало подозрение японцев, что в последний день власти отказались гарантировать безопасность проживания в Цицикаре (Иосида отказался вмешиваться), в связи с чем комиссия повернула в Мукден и в Чанчуне никто ее не встречал. Комиссия интересовалась историей занятия Харбина, лицом новых властей, экономическим режимом в отношении иностранцев ранее и теперь, в том числе вопросами относительно положения корейских поселенцев и прав японцев, военными действиями на севере, численностью японских войск (японцы официально сообщили количество японских войск — 8 тыс.), экономической стороной КВЖД (Ли также до этой комиссии интересовался только экономической стороной КВЖД, не задавал политических вопросов). Германский представитель Шнее ему [консулу] говорил, что комиссия будет искать компромисса в направлении признания нарушения Чжан Сюэ-лином прав японцев, разрешения вопроса о корейских переселенцах (это он считает самым сложным), предполагают [сделать] Маньчжурию автономной, но в системе Китая и под руководством японско-китайского объединенного комитета по железным дорогам Маньчжурии. Американцы имеют скрытую идею организации международного комитета по железным дорогам, а также осуществления в какой-либо форме международного контроля по Маньчжурии, но в комиссии это не обсуждалось и не пройдет. На КВЖД этот комитет якобы не должен распространяться.

Итальянский консул информировал меня приблизительно аналогично, но более отчетливо выделяя антияпонские позиции американцев. По его словам, итальянец держался нейтрально, но также считает невозможным вынесение решения против Японии или Китая и необходимым найти компромисс.

Германский консул рассказал, что комиссия не затрагивала вопроса касательно СССР, но лишь интересовалась положением арестованных советских граждан и что, по его сведениям, в Мукдене комиссия еще вернется к этому делу.

Славуцкий

Печат. по арх.

* Гу Вэй-цзюнь (Веллингтон Ку), представитель центрального правительства Китая, сопровождавший комиссию Лиги наций.

** Представитель Японии, сопровождавший комиссию Лиги наций.

230. Опровержение ТАСС измышлений французской газеты «Журналь»

26 мая 1932 г.

ТАСС уполномочен заявить, что сообщение в статьях Сен-Брис в парижской газете «Журналь» о мнимом заседании Политбюро ЦК 12 мая, на котором якобы обсуждался вопрос о данцигских делах и где Политбюро якобы решило «открыть кредит в полмиллиона марок и призвало германскую компартию усилить революционную работу в Данциге», является с начала до конца наглой ложью. Это сообщение, равно как и все другие сообщения Сен-Брис в «Журналь» о заседаниях Политбюро, не содержат ни одного слова правды и сфабрикованы несомненно с провокационными антисоветскими целями.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 144 (4711), 26 мая 1932 г.*

231. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике А. Я. Охтину

26 мая 1932 г.

Сегодня Заместитель Народного комиссара финансов СССР Левин и полпред МНР в СССР Самбу подписали соглашение о 4-миллионном займе МНР. Копию договора посылаем 27 мая диппочтой ¹⁶⁰.

Карахан

Печат. по арх.

232. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с Посланником Болгарии в Греции Нейковым

26 мая 1932 г.

Беседа состоялась на вечернем приеме в загородном доме начальника английской морской миссии Холланда. Предметом ее явилось следующее: 1. Лозаннская конференция о репарациях; 2. Поездка в СССР болгарской экономической делегации.

Конференция о репарациях. Заговорив с полпредом о предстоящей конференции о репарациях *, Нейков заявил, что от нее не приходится ждать никаких положительных

* См. «Сборники документов по международной политике...», вып. IV, М., 1933, стр. 7—30.

результатов. По его мнению, позиция, занимаемая Францией в репарационном вопросе, исключает всякую возможность какого бы то ни было соглашения между заинтересованными государствами. С другой стороны, невозможно требовать от Германии дальнейших платежей, ибо она доведена до полного разорения. Наконец, нежелание Америки пойти на уступки в вопросе о военных долгах создает окончательно безвыходное положение для конференции. Особенно болезненно почувствуют это малые государства, пострадавшие от войны и ограбленные державами-победительницами. В частности, это относится к Болгарии.

Поездка в СССР болгарской экономической делегации. Полпред осведомился у Нейкова, выехала ли в СССР болгарская экономическая делегация*, о которой он недавно имел случай беседовать с посланником. Нейков ответил, что, по его сведениям, ее отъезд несколько задержался. На вопрос полпреда о причинах такой задержки Нейков объяснил, что, по-видимому, она связана с кое-какими колебаниями внешнеполитического курса Болгарии. В последнее время наблюдается со стороны Франции усиленное стремление втянуть Болгарию в орбиту своего влияния. Всем известно, что французское правительство желало бы включить Болгарию в систему Дунайской федерации³¹ и ослабить связи Болгарии с Италией. Возможно, что исключительно тяжелое положение болгарских финансов вынуждает правящие круги страны с особой осторожностью ориентироваться в международной обстановке, учитывая свою зависимость от держав, играющих в жизни Европы руководящую роль.

Потемкин

Печат. по арх.

233. Телеграмма члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Литве М. А. Карскому

26 мая 1932 г.

На телеграмму от 24 мая 1932 г.¹⁶¹ Передал Дирксену содержание сообщений Зауниуса. Он обещал телеграфировать в Берлин и рекомендовать вновь скорейший отъезд Рейнебека в Ковно**.

Стомоняков

Печат. по арх.

* См. док. № 333.

** См. также док. № 382.

234. Протокол [по таможенно-тарифным вопросам, заключенный между СССР и Германией]

[28 мая 1932 г.]

Между Союзом Советских Социалистических Республик и Германией условлено, согласно протоколу пленарного заседания германо-советских хозяйственных переговоров от 22 декабря 1931 г. *, утвержденному обменом нотами от 6—7 мая 1932 г., что в отношении приведенных в приложении произведений Советского Союза при ввозе в Германию не должны взиматься более высокие таможенные ставки, чем те, которые усматриваются из приложения.

Поскольку при ввозе германских товаров на территорию СССР и при ввозе советских товаров в Германское государство требуются свидетельства о происхождении, советские таможенные власти будут признавать свидетельства, выданные германским таможенным органом места отправления внутри страны или на границе или подлежащей германской промышленной, торговой или сельскохозяйственной палатой, германские же таможенные власти — свидетельства, выданные Торговым представительством СССР в Германии. Свидетельства, выданные государственным органом, не нуждаются в заверке со стороны дипломатических или консульских властей государства назначения. В прочих случаях заверка имеет место без взыскания сборов.

Настоящий протокол действителен до 11 марта 1933 г. Он может быть деюнсирован за 6 месяцев до истечения срока его действия. Поскольку подобного рода деюнсации не последует, срок действия продолжается на дальнейшие 6 месяцев, до тех пор, пока не последует деюнсация за 6 месяцев.

Приведенный выше протокол будет возможно скорее ратифицирован. Обмен ратификационными грамотами должен последовать в Берлине.

Протокол вступает в силу через 10 дней после обмена ратификационными грамотами. Договаривающиеся стороны сохраняют за собой право временно применять протокол до обмена ратификационными грамотами с момента, устанавливаемого по соглашению.

Берлин, 28 мая 1932 г.

*С. Александровский
Риттер*

Печат. по арх. Опубли. в «Собрании законов...», отд. II, № 20, 8 октября 1932 г., стр. 271—273.

Протокол временно введен в силу с 10 июня 1932 г. на основании обмена нотами между поверенным в делах СССР в Германии и министерством иностранных дел Германии от 28 мая 1932 г.

* См. т. XIV, док. № 386.

**235. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных
Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Персии
А. М. Петровскому**

28 мая 1932 г.

Уважаемый товарищ,

Я хочу особо остановиться на вопросе о положении, создавшемся на советско-персидской границе в связи с нелояльным отношением к нам персидских властей, ведущих на местах, вопреки всем заявлениям Теймурташа и персидского правительства, политику безответственных авантюр.

Вы уже знаете из телеграфных сообщений т. Заславского * о том, что в низовьях Атрека ведется систематическая работа по организации персидскими властями вооруженных налетов на советскую территорию. На днях я вручил Пакревану ноту по поводу бандитского налета, имевшего место в ночь с 5 на 6 мая, на советскую территорию, в котором участвовали также переодетые персидские солдаты¹⁶². Вы знаете, что банда вступила в настоящий бой с советской погранохраной, который продолжался 10½ часов и в результате которого у нас было убито 8 человек из состава погранпоста, в том числе 3 человека начсостава. Из моей беседы с Пакреваном, копию которой Вы найдете в почте, Вы увидите, что я поставил вопрос о режиме пограничной полосы весьма жестко, и я считаю необходимым, чтобы в Тегеране Вы также поставили этот вопрос в качестве одного из основных в наших отношениях с Персией. Уже после свидания с Пакреваном я получил новые сведения от т. Заславского о том, что 21 мая банда численностью в 35 вооруженных бандитов проникла из Персии на советскую территорию и совершила вооруженный налет на советский колхоз в районе Бая Хаджи. При этом большая вооруженная группа в составе 70 человек, заняв линию границы, оказывала вооруженное содействие бандитам, напавшим на колхоз. Последние скрылись на территорию Персии, увезя с собой [жителей] нескольких дворов из этого колхоза. Мы еще не имеем более подробных данных об этом последнем инциденте. Однако вся его обстановка показывает, что в районе низовьев Атрека, благодаря попустительству и враждебной нам политике персидских властей, создалась исключительно угрожающая обстановка. Мы должны настойчиво добиваться решительного перелома в политике персов на границе, и в частности в районе низовьев Атрека. Вам нужно будет жестко поставить перед Теймурташем вопрос о том, что тактика персов по отношению границы для нас совершенно ясна, но что она может дать для персов лишь обратные результаты. Мы не можем

* Уполномоченный НКВД СССР в Туркменской ССР.

допустить, чтобы разрешение пограничного вопроса определялось вооруженными нападениями, организуемыми персидскими чиновниками, на территорию Советского Союза. Персы должны понять, что, создавая напряженное положение в пограничной полосе, они вызывают лишь общее обострение вопроса, препятствующее урегулированию всей проблемы границы в целом. Я считаю необходимым, чтобы Вы поставили вопрос о снятии виновных лиц из персидской администрации и о наказании их, об уплате нам возмещения за убытки, продолжали настаивать на выселении бандитских и белоэмигрантских элементов из приграничной полосы в глубь страны и все время теребили персов с дачей нам полного удовлетворения.

Я считал бы полезным, чтобы полпредство в ряде нот подытожило наши претензии за последний год по бандитским налетам, перечислило персам все случаи нападения на советскую территорию и суммировало неудовлетворительную работу персидских погранкомиссаров и местных властей. Необходимо будет также сделать ряд устных представлений с протестом против той практики «бандитской войны», которая поощряется персидскими властями на советской границе.

О предпринимаемых Вами шагах не откажите меня информировать.

С товарищеским приветом

Карахан

Печат. по арх.

**236. Письмо Полномочного Представителя СССР в Австрии
Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР Н. Н. Крестинскому**

28 мая 1932 г.

Многоуважаемый Николай Николаевич,

На днях я был на приеме у нового бундесканцлера Дольфуса. С самого начала беседы он поставил мне вопрос о том, как же быть с нашими торговыми переговорами. Я ответил, что по известным ему причинам они прекращены. Дольфус тогда сказал, что он хотел бы этот вопрос урегулировать и переговоры довести до благополучного конца. Я ответил, что это было бы мыслимо лишь в том случае, если бы австрийское правительство заняло те позиции, с которых оно, как ему известно, отошло. Дольфус спросил, а кто должен проявить инициативу к началу переговоров. Я сказал, что вопрос не ставится о том — кто; но поскольку австрийская сторона отказалась от своих предложений по валюте*, то она должна,

* См. док. № 34, 45, 212.

если хочет, сделать соответствующие шаги в этом направлении. Дольфус мне заявил, что он посоветуется со своими коллегами по кабинету и в близком будущем поговорит на эту тему.

На следующий день мы получили через Бама, редактора «Экстраблат» (органа ландбунда), близкого к вице-канцлеру Вннклеру, сообщение о том, что последний весьма интересуется состоянием переговоров и хотел бы повидаться со мной. Я на это ответил, что независимо от вопроса о ныне прекращенных переговорах, я всегда готов посетить его.

Я не делаю пока из указанных фактов никаких оптимистических выводов. Подождем. Во всяком случае, полагаю, что если австрийское правительство заявит нам о том, что оно стоит на согласованных с нами позициях в вопросе о валюте и хочет завершить торговые переговоры, то на это надо будет пойти. Я и торгпред думаю, что если австрийское правительство нечто подобное решит, то с Дольфусом мы договоримся в короткий срок, ибо он понимает дело и энергичен.

Жду Ваших указаний и одновременно прошу позондировать почву в НКВТ относительно предоставления австрийскому сельскому хозяйству некоторых, хотя бы незначительных заказов на племенной скот*.

С товарищеским приветом

Полпред СССР в Австрии
К. Юренев

Печат. по арх.

237. Речь Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР М. И. Калинина на завтраке в честь главы правительственной делегации Геджаса, Неджда и присоединенных областей эмира Фейсала

29 мая 1932 г.

Господин Наместник и Министр Иностранных Дел,

Я рад приветствовать приезд в Советский Союз высокого представителя дружественного нам государства — Геджаса, Неджда и присоединенных областей и приветствовать в Вашем лице его главу — короля Абдель Азиза ибн Абдуррахмана аль-Фейсала аль-Сауда.

Отношения между нашими двумя странами в течение ряда лет носили весьма дружественный и вполне искренний характер, и Ваше посещение Советского Союза несомненно является одним из счастливых проявлений дружбы, связывающей наши обе страны.

* См. также док. № 437.

Я с тем большим удовольствием приветствую Вас в столице Советского Союза, что в Вашем лице представлено Правительство арабского народа, который сумел после мировой войны, благодаря мужественной и дальновидной политике его руководителей, завоевать и укрепить свою полную независимость, являющуюся необходимой предпосылкой для экономического и культурного развития страны.

Правительство и народы Советского Союза весьма внимательно следят за успешным развитием политики Правительства, которое Вы представляете, направленной на защиту независимого существования арабского народа и на укрепление его хозяйственного и культурного благополучия.

Выражая уверенность, что дружба между нашими государствами в полной степени отвечает интересам наших народов и их взаимному благу. Ваш приезд в Советский Союз несомненно будет способствовать дальнейшему укреплению этой дружбы.

Я прошу Вас передать мои наилучшие пожелания здоровья и благополучия королю Абдель Азизу ибн Абдурахману аль-Фейсалу аль-Сауду, и я горячо приветствую в Вашем лице высокого представителя дружественного нам государства и руководителя его внешней политики.

Я искренне и горячо желаю процветания арабскому народу и дальнейшего развития и укрепления дружественных связей между нашими народами ¹⁶³.

Печат. по арх. Огуба. в кн. «СССР и арабские страны 1917—1960 гг.», М., 1961, стр. 78—80.

В ответной речи эмир Фейсал заявил:

«Господин Председатель,

Искренне благодарю Вас за слова приветствия, с которыми Вы обратились ко мне по случаю моего прибытия в вашу страну. Я также благодарю Вас, г. Председатель, и других государственных деятелей за оказанную мне почетную встречу.

Я счастлив посетить Советский Союз, который связывают со страной моего повелителя е. в-за короля крепчайшие узы дружбы. Нет сомнений, что это посещение послужит еще большему укреплению уз дружбы в будущем. Личный же контакт, я надеюсь, будет содействовать разрешению интересующих обе стороны вопросов в духе дружбы и искренности.

Считаю также необходимым поблагодарить Вас, г. Председатель, за те добрые чувства, которые Вы так любезно выразили по отношению к е. в-ву королю, его стране и его народу. Равным образом я с великой радостью воспринял Ваше заявление о том, что Вы с большим вниманием следите за экономическим и культурным прогрессом нашей страны, и я прошу Вас уделять нам в будущем еще больше внимания, что принесет пользу обеим сторонам.

Прекрасный прием, оказанный мне в вашей стране, и теплое отношение ко мне и к сопровождающим меня лицам произвели на меня наилучшее впечатление, и я уверен, что это посещение будет содействовать укреплению наших отношений и о нем останутся лучшие воспоминания.

Еще раз благодарю Вас за Ваше искреннее отношение и желаю Вам, господин Председатель, и народам Советского Союза процветания и счастья».

238. Нота Полномочного Представителя СССР в Польше Министру Иностранных Дел Польши Залескому

31 мая 1932 г. № 010 *

Господин Министр,

По поручению моего Правительства честь имею сообщить Вам нижеследующее:

В ст. II Мирного договора от 18 марта 1921 г. ** договаривающиеся стороны обязались предоставить друг другу право беспрепятственного осуществления сплава на пограничных участках рек.

Во избежание недоразумений, возникавших при осуществлении этого права хозяйственными органами СССР, 19 февраля 1930 г. на заседании Комиссии по разрешению пограничных конфликтов по Житковическому участку Лунинецкого староства между пограничными властями СССР и местными властями Польской Республики было заключено соглашение, определявшее правила сплава, с целью создать обстановку, благоприятствующую реализации обоюдных прав, вытекающих из ст. II Мирного договора.

Между тем, вопреки постановлениям Мирного договора и указанного выше местного соглашения, 6 и 7 мая 1931 г. имели место факты противодействия со стороны польской пограничной охраны сплаву советского леса по реке Морочь, и вскоре последовало уведомление Лунинецкого старосты о запрещении им сплава по пограничным рекам Случь и Морочь.

После ряда обращений представителей Полпредства СССР в Польше к Министерству Иностранных Дел запрещение Лунинецкого старосты было отменено центральными властями Польской Республики, и советский сплав по названным рекам был восстановлен, правда, с большим опозданием, повлекшим за собой большие материальные убытки для советской стороны.

В текущем году местные польские власти вновь запретили сплав по рекам Случь и Морочь. Несмотря на неоднократные обращения Полпредства СССР в Польше к Министерству Иностранных Дел Польской Республики и представления, сделанные Народным Комиссариатом Иностранных Дел Поль-

* Вручена 2 июня 1932 г.

** См. т. III, док. № 350.

ской Дипломатической Миссии в Москве, этот вопрос, вопреки бесспорной формулировке ст. II Мирного договора, не нашел до сих пор своего должного разрешения.

Больше того, Министерство Иностранных Дел поставило вопрос об открытии сплава, бесповоротно решенный Мирным договором, в зависимости от возвращения в Польшу солдата польской пограничной охраны Яна Границкого, незаконно перешедшего на территорию СССР и осужденного в СССР по ст. 120 УК БССР, т. е. от вопроса, никакого отношения к сплаву не имеющего.

Ввиду вышензложенного я заявляю Вам, г. Министр, по поручению моего Правительства категорический протест против нарушения польскими местными и центральными властями ст. II Мирного договора и против попытки Министерства Иностранных Дел поставить разрешение вопроса о сплаве на пограничных участках рек Случь и Морочь в зависимости от разрешения Союзным Правительством вопроса, никакого отношения к вопросам пограничного сплава не имеющего. Правительство СССР возлагает также на Правительство Польской Республики ответственность за материальный ущерб, нанесенный советской стороне запрещением сплава по пограничным рекам.

Одновременно Правительство Союза Советских Социалистических Республик считает своим долгом обратить внимание Правительства Польской Республики на чреватый нежелательными последствиями для отношений между обоими государствами прецедент, создаваемый фактом нарушения местными властями Польской Республики одного из постановлений Мирного договора и попыткой Министерства Иностранных Дел Польской Республики не только санкционировать это нарушение, но и создать юнктим между двумя вопросами, ничего общего друг с другом не имеющими¹⁶⁴.

Прошу Вас, господин Министр, принять уверения моего уважения.

Антонов-Овсенко

Печат. по арх.

239. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Персии А. М. Петровскому

31 мая 1932 г.

Уважаемый товарищ,

Визит в СССР Исмет-паши во главе крупной турецкой делегации (35 человек) имеет весьма значительные результаты. Мы не подвели еще полностью всех итогов этой поездки, кото-

рые в настоящее время суммируются и изучаются. Поэтому я ограничусь в настоящее время наметкой основных результатов этой поездки. Вы уже знаете из телеграфных сообщений и из газет, что приезд Исмет-паши имел также чисто деловые результаты (мы предоставляем Турции долгосрочный товарный кредит на 8 млн. долл. машинным оборудованием, который будет покрываться турецким сырьем)*. Это означает, что на ближайшее время мы значительно усилим ввоз нашей машинной продукции в Турцию. Практически это будет означать, что мы должны будем принять также организационное участие в развитии турецкой промышленности (проектировочные и, может быть, строительные работы, создание в Турции текстильного комбината, инструктаж и т. д.). Весьма большое значение имело пребывание в СССР значительной группы (8 человек) представителей турецкой промышленности, сельского хозяйства, кооперации, ведомств народного просвещения и здравоохранения. Все эти люди много видели, были многим поражены. Это можно сказать, впрочем, и о всей делегации в целом.

Чрезвычайно большое значение имела эта поездка в политическом отношении. Вы знаете, что в недрах турецкой народной партии ведется внутренняя борьба. Она проявлялась и в прошлом в виде возникновения различного рода оппозиционных группировок и даже самостоятельных партий (последней была либеральная партия Фетхи). Как Вы знаете, кемалисты претендуют на свой самостоятельный путь развития (ни капитализм, ни коммунизм). Практически их программа выражалась, в особенности, в усиленном этатизме и в защитных мероприятиях против иностранного капитала. Это вело к ущемлению не только иностранных фирм, но и собственных компрадорских кругов. Компрადоры являются движущей силой всех либеральных и прочих оппозиций кемализму. В обстановке мирового экономического кризиса и углубления кризиса в самой Турции эта борьба обострилась. Усилились нападки на Исмета, который слишком жестко, по мнению либерально-компрадорских кругов, проводит политический курс и отрезает более легкие возможности выхода из кризиса путем сотрудничества с западным капиталом. Перед поездкой Исмета в СССР распускались слухи об его скором уходе в отставку. Исмет не скрывал, что положение для него создается весьма напряженное, в особенности когда его не могут поддержать друзья (в этом контексте под друзьями, которые могли бы ему помочь, подразумевались СССР и Италия). В этот момент французы делали большой нажим на турецкое

* См. док. № 205, 210.

правительство и, перенеся переговоры об Османском долге в Анкару, пытались склонить турок на заключение крупного займа. Исмет отверг это предложение, связанное с политическими моментами. Поездка Исмета в СССР и затем в Италию означала для него попытку добиться реальной помощи в Москве и в Риме для того, чтобы не только укрепить свое положение, но и активизировать свою политику. По нашим сведениям, он не только чрезвычайно доволен своей поездкой в СССР (его доклад на фракции народной партии меджлиса), но и получает экономическую помощь также и в Италии (мораториум по заказам, долгосрочный товарный кредит, льготы по торговле и экспорту турецких прованансов). Таким образом, на ближайшее время позиции западников-капитулянтов Турции будут значительно ослаблены, хотя, разумеется, это не снимает вопроса о дальнейшей внутренней борьбе в турецких правительственных кругах.

Поездка Исмета в СССР, несомненно, дала чрезвычайно много впечатлений всем турецким делегатам. Они осмотрели наше капитальное строительство и крупнейшие заводы, они были поражены размахом нашей массовой культурной работы и подготовки новых кадров, они видели 1 мая мощь Красной Армии и имели возможность убедиться в высоте нашей военной техники. Все это, несомненно, скажется в дальнейшем. Весьма характерно, что и Исмет и другие делегаты особенно ярко подчеркивают свое удовлетворение не только нашим экономическим ростом, но и нашей военной мощью. В своих неоднократных высказываниях они заявляли, что в этом они видят не только залог всеобщего мира, но и гарантию для мирного развития самой Турции («они рады тому, что их друг является чрезвычайно сильным,— это делает более сильными их самих»). Общим рефреном в речах турок было, что они считают необходимым у нас учиться, как нужно работать. Исмет сам чрезвычайно внимательно вникал во все детали нашего строительства и наших методов работы, а кроме того, все время руководил работой других членов делегации, давая им конкретные задания по изучению той или другой области нашего строительства и методов нашей работы. Так, генеральный секретарь народной партии Реджеб-бей вместе с Алибеем познакомились с советской конституцией, организацией управления, методами руководства партии советским аппаратом, массовой работой, вопросами планирования. Реджеб-бей имел длительную беседу с Куйбышевым (по Госплану), с Енукидзе и Кагановичем. Депутаты и журналисты познакомились с нашими методами массовой и культурной работы, с работой печати, музеев, театров, клубов и т. д. Группа специалистов по заданиям Исмет-паши изучала работу ряда наших промышленных, сельскохозяйственных и научных институтов

(НИП, ЦИНС*, Сельхозакадемия и т. д.). Чрезвычайно большое впечатление произвела наша работа в области сельского хозяйства (сельскохозяйственная техника, мелиорация, селекция и т. д.). Турки были поражены выставкой Института растениеводства в Ленинграде, организованной Вавиловым, где были научно представлены все сельскохозяйственные культуры Турции. «Вы знаете Турцию лучше, чем мы сами», — заявили делегаты. Весьма большое впечатление вынесли турки от нашей массовой работы (фабзавучи, профилактории, диспансеры, трудкоммуна ОГПУ, охрана материнства и младенчества, детские санатории, ясли, городки отдыха и т. д.). Турецкие журналисты и литераторы познакомились с советскими писательскими кругами, и в частности с Максимом Горьким, с которым они установили организационный контакт в вопросе обмена достижениями турецкой и советской литературы. Оставшиеся в СССР два турецких инженера ведут практические переговоры с нашими учреждениями о проекторочных работах. Все турецкие специалисты зачислены членами ряда наших научно-исследовательских институтов (Сельскохозяйственная академия, Научно-промышленный институт, НИТИ**, Научно-педагогический институт, Институт промышленной кооперации и т. д.). Таким образом налажена база для установления более прочных связей с турецкими специалистами на дальнейший период. Все это позволяет говорить, что поездка в СССР турецкой делегации не пройдет бесследно для самой Турции. Мы уже имеем сведения о некоторых результатах поездки (отложена поездка Сараджоглу в Париж для переговоров об Османском долге, в Турции организован Комитет управления государственной промышленностью и обсуждается вопрос ее планирования и т. д.). В ближайшее время мы ожидаем от нашего полпредства сведений о результатах поездки турецких делегатов в СССР.

Приезд Исмет-паши в СССР имел значение также и для нас. Он усилил интерес к Турции не только среди ряда руководящих работников, но и со стороны нашей общественности и научных учреждений. Сам Исмет произвел очень выгодное впечатление своей простотой, деловитостью и своим дружественным к нам отношением. Он сумел установить близкий контакт с рядом наших руководящих работников. В результате всего этого роль Турции в нашей внешней политике, несомненно, более акцентировалась для нас самих, что также важно и для деловой работы на будущее, которая несомненно для нас облегчится (наша торговля с Турцией, культурная связь, вопросы экономического сотрудничества и т. д.).

* Соответственно Научный институт промышленности и Центральный научно-исследовательский институт сахарной промышленности.

** Научно-исследовательский институт текстильной индустрии.

Пока ограничусь сказанным. Прилагаю для Вашего сведения краткую справку о работе в Москве турецких специалистов *. Вместе с газетным материалом это даст Вам достаточно информации. С ближайшей почтой надеюсь информировать Вас подробнее.

С товарищеским приветом

Карахан

Печат. по арх.

240. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции В. П. Потемкина с Министром Иностранных Дел Турции Тевфибом Рюштю-беем

1 июня 1932 г.

Беседа состоялась в Пирее, на п/х «Пильзна», на котором турецкие министры возвращались из своей поездки в Италию. Предметом беседы явилось следующее: 1) сообщения Рюштю о результатах переговоров в Риме; 2) заявление Папанастасиу о греко-турецких и греко-советских отношениях; 3) желательность экономической поддержки правительства Папанастасиу; 4) оценка греками визита турок в СССР; 5) вопрос о дашнакской манифестации.

Результаты переговоров Исмета в Риме. Тевфик Рюштю, заявивший полпреду, что имеет сделать ему некоторые сообщения касательно результатов визита в Рим, в беседе с глазу на глаз, длившейся около 40 минут, просил передать в Москву следующее: Исмет-паша и Рюштю глубоко удовлетворены результатами своей поездки в Италию. Муссолини выразил твердые намерения всячески активизировать сотрудничество Италии с Турцией и с СССР. Основной его задачей является упрочение мира в восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке ¹⁶⁵.

Папанастасиу о греко-турецких и греко-советских отношениях. В том же духе высказался в беседе, состоявшейся сегодня с Исметом и Рюштю, и новый глава греческого правительства Папанастасиу. Он заявил, что намерен еще больше содействовать греко-турецкому и греко-советскому сближению, чем это было при правительстве Венизелоса. С особой теплотой говорил Папанастасиу об СССР. Рюштю подтвердил ему, что, по его сведениям, советское полпредство в Греции считает его своим другом. По словам Рюштю, Папанастасиу было очень приятно выслушать такое заверение. Рюштю полагает, что нахождение его во главе пра-

* Не публикуется.

вительства представляет собою момент, весьма благоприятный для Турции и СССР.

Желательность экономической поддержки правительства Папанастасиу. Рюштю просил передать Москве, что, по его мнению, чрезвычайно желательно поддержать правительство Папанастасиу. Прежде всего, это следовало бы сделать в области экономической. Рюштю констатирует, что соглашение турецкого правительства с Москвой относительно кредита в 8 млн. долл. произвело в Греции весьма сильное впечатление. Конечно, несмотря на свое разочарование в финансовой помощи западных держав, греческое правительство еще не решается взять иной курс своей внешней политики. Но склонность к ревизии этого курса уже наблюдается. Если бы Советы пришли на помощь Греции в области торговли, шире снабжая ее предметами первой необходимости, фрахта и флот, закупая греческие продукты и прочее, это не только содействовало бы упрочению дружественного нам правительства Папанастасиу, но и облегчило бы переход Греции к новой внешнеполитической ориентации. Рюштю просит НКВД со всем вниманием отнестись к этим его сообщениям.

Оценка греками визита турок в СССР. Далее Рюштю просил полпреда сообщить, как реагировало греческое правительство на визит турок в СССР.

Полпред ответил, что со стороны руководящей греческой прессы и МИД не замечалось склонности подчеркнуть значение визита турецких министров в Союз и сделать из этого примера какие-либо положительные практические выводы. Мало того, в официальном сообщении о беседе Эннис-бея с Михалакопулосом об этом визите проскользнула достаточно явная тенденция — преуменьшить политическое значение советско-турецких переговоров в Москве и практических результатов соглашения относительно кредита, оказываемого Советам туркам. Эннис-бей заявил полпреду, что министерское комюнике допустило значительные неточности в передаче сообщений, сделанных турецким посланником Михалакопулосу *. Об этом, по словам Энниса, он сигнализировал в Ангоре. Данный случай приходится учесть как доказательство того, что МИД и сам Михалакопулос оценивают советско-турецкую дружбу недостаточно благожелательно.

Рюштю, весьма внимательно слушавший эти сообщения полпреда, сокрушенно кивал головой с видом человека, уже знающего о проделке МИД и вполне разделяющего ее оценку полпредом.

* См. док. № 223.

Манифестация дашнаков. В заключение беседы, возвращаясь к вопросу о новом кабинете, полпред вкратце информировал Тевфика Рюштю о своих переговорах с МИД по поводу предполагавшейся манифестации дашнаков. При этом полпредом отмечена была решительность, проявленная в данном вопросе самим Панагасасну, не пожелавшим допустить демонстрации, направленной одновременно против СССР и Турции¹⁶⁶. Рюштю благодарил полпреда за твердость, проявленную в этом случае. Он добавил, что в готовности Панагасасну пойти навстречу настояниям полпреда он видит новое доказательство искреннего стремления нового главы греческого правительства упрочить дружественные отношения Греции с СССР и Турцией.

Печат. по арх.

241. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Афганистане Л. Н. Старку *

2 июня 1932 г.

Продолжается массовый перелет саранчи из Афганистана на нашу территорию, что угрожает уничтожением наших хлопковых посевов. Прделанная нами работа по предотвращению появления у нас саранчи обесценена, и мы вынуждены начинать все сначала, затрачивая силы и средства. Еще раз поставьте вопрос о допуске в Афганистан наших специалистов¹⁶⁷, сказав, что нам абсолютно непонятно упорство афганского правительства в вопросе, по которому мы легко договорились с персами. Необходимо также, чтобы афганское правительство дало указания на места о том, чтобы афганские пограничные власти не препятствовали работе наших противосаранчовых наземных и авиационных отрядов, посланных в угрожаемые пограничные районы **.

Карахан

Печат. по арх.

* Копии телеграммы были направлены генеральному консулу СССР в Мазари-Шерифе и уполномоченному НКВД СССР при правительстве Узбекской ССР.

** См. док. № 256.

242. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР уполномоченному НКВД СССР в Ташкенте Г. А. Аapresову *

3 июня 1932 г.

Сообщите Моу Вэй-туну **, что получаемые нами сведения из Шара-Сумэ говорят с полной ясностью о нежелании местных властей выполнять распоряжения Цзиня *** о борьбе с белыми и их выдворении.

Все ранее арестованные белые, включая участников последнего бандитского налета на Матвеевку¹⁶⁸, освобождены и буквально наводняют город, готовясь к новым нападениям на нашу территорию. Обещания губернатора приступить к выдворению белых и выдаче нам участников бандитского нападения не выполняются, несмотря на многократные устные и письменные представления нашего консула. Формирование банд происходило и происходит открыто, на глазах у властей, причем некоторые чиновники оказывают бандитам прямую поддержку. Об этих фактах наш консул также сообщал губернатору.

Скажите Моу Вэй-туну, что мы знаем, что формально он, как консул в Ташкенте, не имеет отношения к этим вопросам, но, учитывая его тесную связь с Цзинем и его несомненно дружественное отношение к нам, мы обращаем его внимание на эти провокационные действия местных властей, могущие отразиться на наших дружественных отношениях.

Л. Карахан

Печат. по арх.

243. Телеграмма неофициального Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

4 июня 1932 г.

Имел длительную частную беседу с помощником Стимсона Роджерсом, который подтвердил мне, что лично он — за признание СССР, но ничего не ждет до смены администрации. Роджерс коснулся положения на Дальнем Востоке и указал, что японские военные настолько зарвались, что никакое признание Америкой СССР не удержит их от нападения на Союз, если они на это решатся: «от них можно всего ожидать».

* Копия телеграммы была направлена в генконсульство СССР в Урумчи.

** Генеральный консул Китая в Ташкенте.

*** Цзинь Шу-жэнь — председатель правительства провинции Синь-цзян.

Бора еще не виделся со Стимсоном со времени его возвращения. Он заявил мне сегодня, что Гувер не проявляет пока никаких признаков перемены политики в отношении СССР *.

Сквирский

Печат. по арх.

244. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалецкого в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

8 июня 1932 г.

Сегодня я был у Эррио **. Он с первых же слов принял, правда в весьма задушевном тоне, жаловаться на нашу неблагодарность, выразившуюся «в союзе Французской компартии с Советским правительством на выборах 1928 г.», подчеркнул, что он много претерпел во Франции из-за дружественного отношения к СССР и из-за восстановления с ним отношений; он с огорчением констатировал, что ошибся в своих расчетах на сближение между Францией и СССР, и добавил, что был бы рад, если бы мы дали ему свидетельство изменения наших позиций, что позволило бы ему искать базу для нормализации советско-французских отношений. Я в том же задушевном тоне отклонил от себя жалобу на Французскую коммунистическую партию и многократно уверял его, что память о нем в широких общественных кругах и в правительстве СССР ассоциируется с восстановлением отношений; что же касается базы для нормализации отношений, то за ней ходить далеко не нужно, а надо лишь подписать и ратифицировать парафированный пакт *** и завершить торговые переговоры. Эррио ответил, что с переговорами он ознакомился поверхностно и просит меня отложить подробные разговоры до его возвращения из Лозанны и Женевы. Когда я намекнул ему, что считал бы бесполезным, чтобы он был ориентирован мною раньше его поездки в Берлин, Лозанну и Женеву, где у него, наверное, будут встречи с руководителями внешней политики ряда стран, то Эррио ответил, что было бы очень хорошо, если бы я съездил в Женеву и там вместе с Литвиновым встретился с ним. Он добавил, что, вопреки газетным сообщениям, он не установил еще точно, когда поедет в Женеву, но что он заблаговременно поставит меня в известность,

* См. также док. № 185, 281.

** Председатель совета министров и министр иностранных дел Франции с 3 июня 1932 г.

*** См. т. XIV, док. № 229.

попросив для этого забежать к нему в конце недели¹⁶⁹. Эррио намекнул, что, Бертело, вероятно, больше не вернется на Кэ д'Орсе*.

Полпред

Печат. по арх.

245. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Посланником Норвегии в СССР Урби

9 июня 1932 г.

1. После обычных любезностей Урби сказал взволнованным тоном, что он пришел ко мне по поручению своего правительства с необычным и неприятным делом, по которому он имеет поручение вручить нам ноту**. Вытащив большое дело и перелистывая его, Урби сделал пространный комментарий к этой ноте.

В июне прошлого года т. Морштын*** вызвал Даниэльсена и сообщил ему, что «Союзлеспром» намеревается возобновить эксплуатацию угольных рудников на Шпицбергене, принадлежавших «Русскому Груманту», и имеет в виду с этой целью установить на руднике радиостанцию. Даниэльсен доложил об этом норвежскому правительству, и 28 сентября минувшего года норвежская миссия прислала НКВД ноту, в которой по поручению своего правительства сообщила, что последнее не имеет ничего против постройки радиостанции на Шпицбергене, с тем, однако, что должны быть соблюдены известные условия, которые и были перечислены в этой ноте под пп. 1—8. 26 ноября минувшего года норвежская миссия получила от НКВД ноту, в которой принимаются 5**** из поставленных норвежским правительством условий, а остальные условия, со ссылкой на ст. 4 Шпицбергенской конвенции, отклоняются¹⁷⁰. Норвежское правительство потом, к своему изумлению, узнало, что, несмотря на эту переписку, радиостанция начала свою работу еще в декабре минувшего года. (В заметках, которые я делал во время беседы с Урби, отмечено, что «норвежское правительство узнало в декабре, что радиостанция начала работать», однако я не убежден, что эта заметка соответствует в точности тому, что сказал Урби. Возможно, что он сказал, что норвежское правительство потом узнало, что станция

* См. также док. № 298.

** Содержание ноты изложено в данной беседе. Ответ НКВД СССР на эту ноту — см. док. № 249.

*** Помощник заведующего I Западным отделом НКВД СССР.

**** В тексте ошибочно — 8.

начала работать в декабре.— Б. С.) Норвежское правительство полагает, что заключенная в Париже Шпицбергенская конвенция неприменима в данном случае, ибо тут имеется особый договор, заключенный «Английским Грумантом» с «Стуре-Норске», в котором совершенно определенно сказано, что, если на участке «Английского Груманта» будет построена радиостанция, она может сноситься с внешним миром (вне Шпицбергена) только через государственную норвежскую радиостанцию на Шпицбергене. Кроме того, специальное решение норвежского министерства торговли, принятое «позднее, чем Парижская шпицбергенская конвенция, на которую была сделана ссылка в ноте НКИД, также устанавливает, что все частные радиостанции, которые были бы построены на участке «Груманта», должны сноситься со станциями вне Шпицбергена исключительно через государственную норвежскую радиостанцию на Шпицбергене и, кроме того, должны соблюдать все предписания норвежского государства на сей предмет». (Урби передал мне при этом прилагаемую выписку на немецком языке из этого решения норвежского министерства торговли *.) «Норвежское правительство жалеет,— заявил Урби,— что радиостанция на участке «Груманта» была пущена в работу без того, чтобы были выполнены различные условия, поставленные норвежским правительством, и что особенно неприятно, без того, чтобы были соблюдены даже и те условия, которые были приняты НКИД в ноте от 26 ноября». В заключение Урби, передавая мне ноту, заявил, что «норвежское правительство требует, чтобы радиостанция прекратила свою работу с внешним миром и чтобы все условия, поставленные норвежским правительством в его ноте от 28 сентября минувшего года, были соблюдены».

Я сказал, что дело, с которым пришел посланник, действительно очень сложное и что я должен буду затребовать заключение наших юристов, прежде чем я составлю свое мнение и внесу его на разрешение коллегии. Я сделаю, что могу, чтобы заблаговременно получить заключение юристов и изучить дело, с тем чтобы обсудить вопрос в коллегии еще 11-го сего месяца. Уже теперь, однако, после первого ознакомления с делом на основании изложения посланника, я должен сделать следующие замечания по существу дела.

Во-первых, мне кажется неправильной ссылка посланника на неприменимость в данном случае Шпицбергенской конвенции вследствие наличия частноправового договора «Английского Груманта» с «Стуре-Норске» и решения норвежского министерства торговли. Ни то, ни другое не может ограни-

* Содержание выписки изложено в этой беседе.

чить применения международного договора. Во-вторых, мне непонятно, почему норвежское правительство только теперь обращается к нам по этому делу с такими претензиями и такими требованиями, когда радиостанция, по словам посланника же, работает уже полгода. Больше же всего меня удивляет то обстоятельство, что по такому деловому случаю, к тому же требующему серьезного и длительного юридического изучения, норвежское правительство сочло нужным послать нам такую острую ноту, содержащую по существу бессрочный ультиматум. Посмотрев на часы, я сказал Урби, что его нота по существу означает, что с 16 час. 20 мин. 9 июня норвежское правительство оставляет за собой право применить насильственные меры к нашей радиостанции на Шпицбергене. Ведь даже при желании согласиться с ним я не могу в этот момент, не зная юридической сущности вопроса, дать ему другого ответа, кроме заявления, что я принимаю его ноту к сведению и обещаю возможно скоро изучить вопрос и дать ему ответ. Вместе с тем я прошу его сообщить норвежскому правительству, что я изумлен (бефремдет), что оно нашло возможным по такому маленькому деловому вопросу послать нам ноту, вносящую совершенно ненужное обострение в наши отношения. Я не сомневаюсь, что коллегия будет также изумлена, тем более что это уже не первый случай, когда за последние месяцы с норвежской стороны по незначительным фактам вносятся серьезные обострения в наши отношения.

Урби, и без того волновавшийся, густо покраснел и сказал, что он передаст мое заявление в Осло. В то же время он прибавил: «Что бы вы сказали, если бы на вашей территории внезапно стала работать без вашего разрешения чужая радиостанция?».

Я ответил, что одно дело — наша территория и территория самой Норвегии, и совсем другое дело — ненаселенный Шпицберген, к тому же находящийся в особом международном положении, поскольку насчет его имеется специальный международный договор. С другой стороны, наша радиостанция начала действовать на Шпицбергене вовсе не внезапно. Тот факт, что, как это вытекает из слов самого же посланника, радиостанция работала спокойно уже полгода, и теперь норвежское правительство действительно «внезапно», без всякого предварительного обсуждения вопроса, посылает нам ультиматум, показывает, что не мы, а норвежское правительство осложняет отношения между нашими странами.

Урби сказал, как бы оправдывающимся тоном, что мы должны принять во внимание ненормальность положения, когда строится и пускается в ход новая станция без учета того, что на Шпицбергене уже имелась радиостанция и что

постройка ее «стоила денег». В ответ на мое замечание, что наши организации имели право построить такую станцию и пользоваться ею на основании Шпидбергенской конвенции, Урби сказал еще, что мы приняли сами в договоре «Груманта» с «Стуре-Норске» известные условия функционирования радиостанции, и, кроме того, мы «приняли без протеста» опубликованное решение министерства торговли относительно условий работы радиостанции на участке «Груманта». (Вообще в течение беседы Урби неоднократно ссылаясь на это решение норвежского министерства, и оно занимало центральное место в его аргументации.)

Я сказал, что я должен во всем этом деле разобраться, и выразил сожаление, что вместо спокойного делового обсуждения таких деловых вопросов в Осло прибегают к таким чрезвычайным мерам и вносят обострение в наши отношения.

Урби развел руками, и его жест показывал, что, несмотря на свою, вообще говоря, враждебную установку, он не согласен со своим правительством в данном случае *.

2. Затем Урби вручил мне прилагаемый эд-мемуар¹⁷¹ и просил ускорить принятые меры для обеспечения связи с нашей радиостанцией на Земле Франца-Иосифа с целью получения норвежскими станциями метеорологических бюллетеней с Земли Франца-Иосифа, которые, по заявлению Урби, представляют очень большую ценность, в особенности для Норвегии.

Я обещал это сделать, сказав, что мы будем очень рады, если наша радиостанция на Земле Франца-Иосифа окажет пользу Норвегии.

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

246. Сообщение Полномочного Представителя СССР в Японии о заседании Японо-Советского общества **

11 июня 1932 г.

Сегодня у принца Канъина заседание Советско-Япоиского общества с последующим чаепитием. Я решил подчеркнуть роль общества в улучшении отношений между СССР и Японией за последнее время ***, имея в виду и шаг Сайто, принца Канъина, адмирала Като, Курати ****. В самом деле, за

* См. также док. № 257.

** Из дневника полпреда СССР в Японии за 8—30 июня 1932 г.

*** См. док. № 147.

**** Один из директоров Японо-Советского общества.

минувший год общество кое-что сделало. Надо его поощрить.

Заседание происходило в очень торжественной обстановке.

До заседания в отдельной комнате собрались принц Канъин, я, виконт Сайто, который, несмотря на свою занятость в парламенте, пришел на это заседание, и адмирал Като, неизменно подчеркивающий свое положительное отношение к советско-японской дружбе.

С принцем Канъином мы беседуем как старые знакомые. Для меня это уже пятое годовое собрание Советско-Японского общества. Я благодарил Сайто и Като за их внимание к делам Советско-Японского общества, особенно Сайто. Правда, и покойный барон Танака, будучи премьером, всегда являлся на заседания нашего общества.

После беседы мы вместе с Канъином перешли в зал, где собралось около 150 человек членов общества. Среди присутствовавших я заметил: из МИД — Арита* и Такэтоми**, затем Курати, Магоси (90-летний старик), проф. Ясуги, член промышленности и члена верхней палаты Накамура, Фудзияма***, Танакамару и многих других. Дипломатическая часть посольства была в полном составе. Из торгпредства был только один Асатани****, что, конечно, совершенно неправильно. Ссылаются на то, что у них нет визиток. Это — не резон, визитки надо иметь.

Первым говорил принц Канъин. В короткой речи он указал, что «с каждым годом развиваются дружественные отношения между Японией и СССР».

Виконт Сайто говорил между прочим: «Идя постепенно все больше и больше по пути развития, работа нашего Общества, к счастью, получила возможность оправдать предпологавшиеся ожидания, и мы, безусловно, можем уже констатировать достижения Общества***** ... поскольку в такое время, как теперь, стремление к дружественным отношениям между странами на основе постепенного ознакомления с состоянием других стран на базе взаимного понимания содействует сохранению постоянного мира в Азии».

Моя речь была более определенной:

«На сегодняшнем торжественном годовом собрании Общества мы должны прежде всего отметить, что за истекший год активность нашего Общества сильно возросла.

* Заместитель министра иностранных дел Японии с мая 1932 г.

** Заведующий департаментом торговли МИД Японии.

*** Крупный японский промышленник.

**** Торговый представитель СССР в Японии.

***** Многоточие в документе.

Это объясняется прежде всего тем, что наше Общество действует под покровительством е. и. выс-ва принца Канъина и под председательством виконта Сайто, своими указаниями и опытом много содействовавших работе Общества.

За этот год имели место крупные события на Дальнем Востоке. Укрепление дружественных отношений между Японией и Советским Союзом было особенно важно. И наше Общество делало все возможное, чтобы эти дружеские отношения между обеими странами крепили и развивались не на словах, а на деле. В этом большая, можно сказать, историческая заслуга Общества.

Японо-Советское общество за минувший год предприняло ряд шагов для улучшения экономических отношений между нашими странами и много заботилось о том, чтобы расчистить путь для осуществления тех больших возможностей, которые имеются для развития в большом масштабе торговли между Японией и СССР, и содействовало работе нашего торгового представительства.

Общество не прошло мимо и культурных отношений между народами обеих стран и предприняло ряд шагов для установления взаимного понимания в культурной области и взаимного обмена культурными достижениями обеих стран.

Я не могу не отметить, что за прошедший год почетный покровитель нашего Общества е. и. выс-во принц Канъин был назначен на важнейший пост начальника генштаба японской армии, а председатель Общества виконт Сайто стал во главе правительства японского государства.

Это подчеркивает значение Общества, ибо указывает, что оно находится под руководством двух действительно выдающихся государственных деятелей Японии.

При этих условиях можно быть вполне уверенным, что наше Общество с успехом выполнит свои задачи по содействию реальной дружбе наших народов и работа Общества в следующем году принесет не меньшие, а, может быть, даже большие плоды».

Отдавая дань всяким условностям и этикету, я хотел заострить внимание на вопросе о наших отношениях и подтолкнуть Общество к более активным шагам в деле улучшения отношений между Японией и СССР.

Полпред СССР в Японии
А. Трояновский

Печат. по арх.

247. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

13 июня 1932 г.

Только что меня посетил Нейрат *. После взаимного обмена приветствиями он заявил, что он — один из участников Рапалло и свое отношение выявил на Генуэзской конференции. Этим определяется его отношение к СССР. Я ему сказал, что в курсе этого и поэтому надеюсь, что наши дружеские и хозяйственные отношения еще больше углубятся и расширятся при его руководстве внешней политикой Германии. Далее он сообщил подробности своего вступления в имперское правительство. После Курцнуса ** ему предложил Брюнинг этот пост, но он отклонил, ибо как непартийный не имел никакой опоры в рейхстаге. Теперь он вынужден был принять предложение Гинденбурга. После своего назначения он поехал в Лондон сделать прощальный визит. На мое заявление, что пресса указывает на успех его в Лондоне в сторону изменения там отношения к новому правительству, он скромно сказал, что успех действительно был. Он сказал, что основной вопрос в Лозанне — это репарационный ***, однако нельзя ожидать его там разрешения теперь, но необходимо добиваться, чтобы были намечены меры к этому, ибо ясно, что никто не думает, что немцы платить могут и будут. Это скорее стало престижным вопросом. На мой вопрос, предстоят ли дипломатические перемены, в частности у нас, он заявил, что пока об этом не думают, что Дирксен во всяком случае остается у нас, что он не назначает посла в Лондон, выжидая результатов выборов в рейхстаг, что, быть может, ему придется вернуться в Лондон. Я ему сказал, что у меня взаимоотношения с МИД таковы, что при всяких затруднениях и осложнениях я являюсь, и мы взаимно ищем путей к устранению трудностей. Надеюсь, что таковые же отношения у меня будут с ним. Он ответил, что таково и его желание, прибавив, что сейчас как будто основные переговоры закончены. Я ответил, что вопрос не о переговорах, а о практическом проведении уже решенных вопросов. Меня озабочивает речь Брауна **** о борьбе с иностранным лесозаэкспортом. На это Нейрат ответил, что каждый новый министр старается вначале выступать со своими ведомственными интересами, просил меня несколько подождать с

* Министр иностранных дел Германии.

** Министр иностранных дел Германии с октября 1929 г. по октябрь 1931 г.

*** См. «Сборники документов по международной политике...», вып. IV, М., 1933, стр. 7—30.

**** Министр продовольствия и сельского хозяйства Германии; см. также док. № 265.

этим делом — все образуется. Далее он извинился, что не может продолжать беседу, ибо у него заседание, надеется в Женеве повидаться с Литвиновым и просил возвратить ему визит после его приезда из Лозанны, так как завтра уже едет туда.

Хинчук

Печат. по арх.

248. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
14 июня 1932 г.*

Два дня я и Железняков провели за городом с Кабаяма *. Он считает, что необходимо, кроме стабилизации концессии, разрешить еще вопросы: о соцстрахе, о пошлинах и старой задолженности по ней, о долевом отчислении, о приведении в ясность всех расчетов с Дальрыбой, которые запутаны, и о возвращении залогов по участкам, потерянным по торгам. Я обрушился на него по поводу повышения пошлин на лес ¹². Он говорил, что политически необходимо это сделать. Он конфиденциально спрашивал, возможно ли признать со стороны СССР независимость маньчжурского государства. Я ответил, что рано говорить, ибо Япония еще не признала. Я задал ему также вопрос, не думает ли он, что трудно признать независимость государства, территория которого занята войсками другого государства. Он ответил, что понимает меня. Я сказал, что вопрос о консулах разрешен и надо посмотреть, что будет дальше. Кабаяма сказал, что говорил с Араки, который заверил, что даны самые строгие инструкции подходить осторожно к нашим интересам. Он говорил, что все понимают, что при напряженном положении мы должны были принять меры, но надо рассеять взаимные подозрения. Я сказал, что их может рассеять пакт о ненападении. Он ответил, что правительство Сайто к нему относится иначе, чем Инукаи, но трудности все же имеются. Из его намеков можно понять, что заключение пакта с нами обяжет заключить пакты с другими, а это невозможно. Кабаяма сказал, что занимается рыболовным вопросом, потому что считает важной дружбу с СССР для мира каждой из договаривающихся сторон. Вопрос о КВЖД, по его мнению, небольшой вопрос.

[Грояновский]

Печат. по арх.

* Председатель союза рыбопромышленников Японии, член Верхней палаты.

249. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Миссии Норвегии в СССР *

14 июня 1932 г.**

В ответ на ноту от 9 июня 1932 г. за № 564/32 по вопросу о радиостанции на участке, принадлежащем «Арктикуглю», Народный Комиссариат по Иностранным Делах имеет честь довести до сведения Норвежской Миссии следующее:

1) В ноте от 19 ноября 1931 г. Народный Комиссариат изложил свою точку зрения по вопросу о праве собственников земельных участков на о. Свальбард иметь радиостанции и непосредственно сноситься со всеми прочими станциями, расположенными вне Свальбарда. Это право основано на ст. 4 Парижского договора от 9 февраля 1920 г. *** По мнению Народного Комиссариата, частноправовое соглашение Англо-Русского «Груманта» с компанией «Стуре-Норске» от 20 октября 1920 г., на которое Миссия ссылается в своей ноте, равно как и односторонний акт норвежских властей, выразившийся во внесении в матрикул Англо-Русского общества «Грумант» ограничения права собственника земельного участка в отношении радиостанции, не может колебать международного публично-правового акта, каковым бесспорно является упомянутый Парижский договор. Поэтому Народный Комиссариат, к сожалению, не может изменить свою точку зрения по данному вопросу, изложенную в ноте от 19 ноября 1931 г.

2) Что же касается требований, изложенных в пп. 1, 2, 3, 4 и 7 ноты Норвежской Миссии от 28 сентября 1931 г., Народный Комиссариат считает долгом довести до сведения Миссии, что соответствующие компетентные органы Союза отдали распоряжение о выполнении «Арктикуглем» упомянутых требований.

3) В заключение Народный Комиссариат не может не выразить своего изумления, что по столь маловажному юридически спорному вопросу Норвежское Правительство сочло возможным обратиться к Правительству Союза ССР в ультимативной по существу форме, тем более что норвежским органам власти, контролирующим деятельность радиостанций, хорошо известно, что данная станция на территории «Арктикугля» по своей маломощности не имеет возможности сноситься с материковыми станциями без посредства норвежской правительственной станции ****.

Печат. по арх.

* См. док. № 245.

** Нота вручена членом коллегии НКВД СССР Б. С. Стомоняковым посланнику Норвегии Урби 20 июня 1931 г.; см. док. № 257.

*** См. т. II, прим. 68.

**** См. также док. № 447.

250. Соглашение [между Торговым Представительством СССР в Германии, Народным Комиссариатом Тяжелой Промышленности СССР и представителями германской промышленности о поставках товаров из Германии в СССР]

[15 июня 1932 г.]

Принимая во внимание, что Соглашение от 14 апреля 1931 г. * способствовало развитию торговых отношений между Германией и СССР и привело к расширению и упрощению делового оборота между промышленностью обеих стран, нижеподписавшиеся Стороны заключили 15 июня 1932 г. новое Генеральное соглашение о поставках на следующих условиях.

1

Торговое Представительство СССР в Германии и другие уполномоченные на то органы СССР выдают германским фирмам в промежутки времени между 15 июня 1932 г. и 31 мая 1933 г. заказы на условиях настоящего Соглашения, поскольку с фирмами-поставщиками достигнута договоренность относительно технических условий, цен и сроков поставки.

2

На договорах по поставкам, заключенных инстанциями СССР, уполномоченными на выдачу промышленных заказов, немедленно и без изменения должна быть поставлена подпись Торгового Представительства СССР в Германии наряду с имеющимися подписями. Этим актом подписи Торговое Представительство СССР в Германии принимает на себя совместную ответственность или в соответствующих случаях гарантию по этим договорам, согласно статье 9 германско-советского Экономического соглашения от 12 октября 1925 г. ** и является ответственным за выполнение всех расчетов по всем договорам по поставкам. Местом исполнения платежей (вручение векселей или чеков, платежи наличными) во всех случаях является Берлин.

3

В отношении заказов, выдаваемых на основании настоящего Соглашения вплоть до 31 мая 1933 г., действуют при сохранении распорядка прежних товарных групп, какой имел место по Соглашению от 14 апреля 1931 г., следующие условия:

А. Условия кредита и платежа

а) В отношении заказов, которые в Соглашении от 14 апреля 1931 г. подпадали под группу § 4А, а):

20% авансовым векселем при заказе со сроком оборота 15 месяцев, считая с ultimo месяца заказа;

* См. т. XIV, док. № 114.

** См. т. VIII, док. № 342, стр. 589—600.

40% при поставке векселем со сроком оборота 16 месяцев, считая с ultimo месяца поставки;

40% при поставке векселем со сроком оборота 14 месяцев, считая с ultimo месяца поставки.

b) В отношении заказов, которые в Соглашении от 14 апреля 1931 г. попадали под группу § 4А, b):

20% авансовым векселем при заказе со сроком оборота 19 месяцев, считая с ultimo месяца заказа;

40% при поставке векселем со сроком оборота 24 месяца, считая с ultimo месяца поставки;

40% при поставке векселем со сроком оборота 18 месяцев, считая с ultimo месяца поставки.

c) В отношении заказов, которые в Соглашении от 14 апреля 1931 г. попадали под группу § 4А, c):

20% при поставке векселем со сроком оборота 20 месяцев, считая с ultimo месяца поставки;

40% при поставке векселем со сроком оборота 29 месяцев, считая с ultimo месяца поставки;

40% при поставке векселем со сроком оборота 25 месяцев, считая с ultimo месяца поставки.

d) По особенно крупным объектам, с согласия Сторон, подписавших настоящее Соглашение, могут быть определены и более длительные сроки кредита, выходящие за пределы вышеуказанных кредитных категорий.

Примечание 1. Во всех вышеназванных кредитных категориях последний взнос в 40% разделяется на 2 доли, одну долю в 30% и конечный взнос в 10% с одинаковым сроком платежа.

Примечание 2. Вышеупомянутые условия не относятся к заказам на суда, ширококолейные локомотивы и вагоны для железных дорог общественного пользования.

В. Проценты

Расчет процентов производится по календарным кварталам за истекшее время и уплачивается беспроцентным, свободным от сборов 6-месячным векселем. Для определения высоты процента решающей является учетная ставка Рейхсбанка, действующая в начале срока оборота процентных векселей, т. е. в последний день соответствующего календарного квартала. При квартальном исчислении процентов должны приниматься во внимание также и те векселя, которые находятся в обороте неполный квартал, однако не менее месяца. По всем выданным векселям заказчик уплачивает проценты в размере 2% сверх учетной ставки германского Рейхсбанка, однако не более 10% и не менее 7% в год. Если учетная ставка Рейхсбанка упадет ниже 5%, то могут быть начаты новые переговоры об изменении упомянутой выше минимальной ставки. Авансовые векселя в течение первых трех месяцев их оборота являются беспроцентными, однако не далее как до срока поставки.

4

Обе Стороны согласны в том, что расчеты в передаче векселей должны производиться в сроки, устанавливаемые договорами.

5

Все договоры, заключенные между германскими фирмами и уполномоченными на выдачу промышленных заказов инстанциями СССР в промежутке между 15 июня 1932 г. и 31 мая 1933 г., попадают под условия

настоящего Соглашения. Эти условия распространяются также и на договоры, заключенные до 15 июня 1932 г., поскольку в них имеется оговорка о том, что в их основу должны быть положены генеральные условия, подлежащие согласованию между германской промышленностью и институтами СССР, уполномоченными на производство промышленных заказов.

6

Торговое Представительство СССР в Германии сохраняет при выдаче заказов полную свободу в выборе фирм. Немецким фирмам также предоставляется свобода решать, возьмут ли они и в каком объеме заказы на основе настоящего Соглашения.

7

Соглашение вступает в силу 15 июня 1932 г. Стороны согласны в том, что переговоры между Торговым Представительством СССР и «Имперским союзом германской промышленности» относительно новой редакции общих условий поставок, равно как и условий монтажа при поставках в СССР должны быть закончены в течение 4 недель после вступления в силу этого Соглашения. До тех пор, пока эта новая редакция еще не согласована, для всех договоров, заключенных на основе настоящего Соглашения, действуют прежние условия поставки Торгового Представительства от 9 февраля 1927 г. или же в соответствующих случаях особые условия поставки, действовавшие до сих пор для поставок электротехнической промышленности.

8

Специфицированные условия платежа, действующие в отношении заказов, выданных на основании настоящего Соглашения, приводятся в приложении*.

Берлин, 15 июня 1932 г.

С Советской стороны:

От Торгового Представительства СССР:

И. Вейцер

С. Жуковский

От Народного Комиссариата

Тяжелой Промышленности СССР:

Ю. Пятаков

С Германской стороны:

От Германской промышленности:

Кремер

Кеттген

Кастль

Кара Ланге

Рейтер

Печат. по арх. Ст. 1—7 опублик. в «Сборнике действующих торговых договоров...», вып. I, М., 1935, стр. 279—281.

* Не публикуется.

**251. Телеграмма члена Коллегии Народного Комиссариата
Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю
СССР в Норвегии А. А. Бекзadiaу**

15 июня 1932 г.

Заявите Бродланду, что в ряде устных заявлений он заверял Вас, что норвежское правительство урегулирует вопрос о праве торгпредства торговать с импортерами непосредственно и что, по его мнению, внесение в стортинг соответствующего законопроекта является лишь необходимой конституционной формальностью. В соответствии с этим мы рассматривали 21-й пункт протокола о госгарантии от 12 марта ¹⁷² как обязательство норвежского правительства обеспечить указанное право торгпредства. Поэтому решение юридической комиссии ¹⁷³, если оно станет законом, будет нарушением этого обязательства. Это решение вызвало поэтому крайнее недоумение и возмущение в Москве, и Вы получили поручение запросить объяснений у норвежского правительства. При этом Вы считаете своим долгом добавить от себя лично на основании полученных из Москвы известий, что опасаетесь, что утверждение этого решения и неосуществление норвежским правительством своего обязательства приведет к соответствующим мерам со стороны Советского правительства *.

Стомоняков

Печат. по арх.

**252. Письмо члена Коллегии Народного Комиссариата Ино-
странных Дел СССР Полномочному Представителю
СССР в Дании М. В. Кобецкому**

15 июня 1932 г.

Уважаемый товарищ,

1. Прошу Вас сообщить нам, в какой мере последние мероприятия датского правительства в области сильного сокращения импорта отразились на предоставлении нам лицензий. В связи с этим просьба дать нам также Вашу оценку последнего политического кризиса вокруг вопроса о возможном понижении датской кроны до уровня фактического курса шведской и норвежской крон ¹⁷⁴.

В случае нажима со стороны Дании по линии увеличения наших закупок надо использовать тот факт, что по одним лишь фрахтованиям датского тоннажа мы уплатили в прошлом году Дании около 15 млн. крон.

* См. также док. № 257.

2. Поскольку вопрос об англо-скандинавских отношениях представляет для нас политический интерес, просим Вас и в дальнейшем также внимательно следить за развитием англо-датских отношений. Дания, являющаяся наиболее заинтересованной в торгово-политическом сближении скандинавских государств с Англией *, по-видимому, не прочь сама взять на себя инициативу датско-английских переговоров по окончании Оттавской конференции ¹³⁹ с тем, чтобы в известном смысле заменить Канаду для Англии, если это окажется возможным по ходу работ имперской конференции в Оттаве. Проблема датско-английских отношений, как это, в частности, видно из кампании лорда Бивербрука **, вновь привлекает к себе внимание широкой английской общественности и, с другой стороны, становится интересным вопросом балтийской политики. Соглашение Дании с Англией чрезвычайно усилит влияние Англии в проливах, соединяющих Балтийское море с Немцем ***, и тем самым в балтийской политике вообще.

3. Прошу Вас держать нас в курсе предстоящей конференции стран Ословской Антанты ****. Из ревнителей фритредерства эти страны в результате развития кризиса превратились в самых ярых протекционистов. Вместо обеспечения свободной торговли и Дания, и Швеция находятся на пути введения запретительных пошлин и стоят перед таможенной войной с рядом европейских государств. Несомненно, что на предстоящей конференции Ословской Антанты будут затронуты не столько вопросы таможенного мира, сколько вопросы согласования торговой политики этих стран с Англией. Под этим именно углом зрения нас и интересует предстоящая конференция.

С товарищеским приветом

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

253. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Геджасе, Недже и присоединенных областях Н. Т. Тюрякулову

16 июня 1932 г.

Скажите Ясину, что мы считали и политический и торговый договоры одинаково полезными как нам, так и Геджасу ¹⁷⁵. Мы принимаем к сведению готовность Геджаса заключить

* См. также док. № 153.

** Владелец ряда английских газет.

*** Имеется в виду Северное море.

**** См. также док. № 9.

договор о дружбе и согласны его подписать. Мы не настаиваем на торговом договоре, если Геджас считает его ненужным¹⁷⁶. Что же касается кредитов, то мы не возражаем против продолжения сделок на основе краткосрочных товарных кредитов «Союзнефтеэкспорта» или других хозяйственных органов, если последние найдут коммерчески для себя приемлемыми условия сделок.

Карахан

Печат. по арх.

254. Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР о внешнеторговой арбитражной комиссии при Всесоюзной торговой палате

[17 июня 1932 г.]

Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляют:

1. Для разрешения в порядке арбитражного разбирательства споров, возникающих из сделок по внешней торговле, в частности, споров между иностранными фирмами и советскими хозяйственными организациями, при Всесоюзной торговой палате учреждается внешнеторговая арбитражная комиссия.

2. Внешнеторговая арбитражная комиссия составляется из 15 членов, назначаемых на один год президиумом Всесоюзной торговой палаты из представителей торговых, промышленных, транспортных и т. п. организаций, а также из лиц, обладающих специальными знаниями в области внешней торговли.

3. Внешнеторговая арбитражная комиссия избирает из своей среды председателя и двух его заместителей.

4. При передаче спора на разрешение внешнеторговой арбитражной комиссии каждая из сторон назначает арбитра из числа членов комиссии.

5. Не позже, чем в 15-дневный срок по избрании арбитров, арбитры избирают из числа членов внешнеторговой арбитражной комиссии супер-арбитра.

В случае недостижения в указанный срок соглашения между арбитрами об избрании супер-арбитра, последний назначается председателем внешнеторговой арбитражной комиссии из числа членов комиссии.

6. По взаимному соглашению стороны могут предоставить внешнеторговой арбитражной комиссии персональный выбор арбитров.

В этом случае председатель внешнеторговой арбитражной комиссии может по своему усмотрению возложить решение

спора на одного арбитра, назначаемого из числа членов внешнеторговой арбитражной комиссии.

7. При рассмотрении споров во внешнеторговой арбитражной комиссии стороны могут назначать, по своему усмотрению, своих представителей, в том числе иностранных граждан, для защиты своих интересов перед арбитражной комиссией.

8. В случае, если передача спора на разрешение внешнеторговой арбитражной комиссии предусмотрена в договоре, заключенном сторонами, и если одна из сторон уклоняется от указания желательного ей арбитра в предусмотренный в этом договоре срок, то по просьбе другой стороны председатель внешнеторговой арбитражной комиссии назначает по своему усмотрению второго арбитра, который совместно с первым арбитром и избирает супер-арбитра.

9. При рассмотрении дел во внешнеторговой арбитражной комиссии может быть установлен размер и форма обеспечения требования.

10. При рассмотрении дел во внешнеторговой арбитражной комиссии взимается сбор на покрытие расходов по производству дел, содержанию комиссии, вызову свидетелей, экспертов и т. п. Размер сбора устанавливается арбитражной комиссией при рассмотрении дела, но не свыше 1% от спорной суммы.

11. Решения внешнеторговой арбитражной комиссии по рассмотренным ею делам являются окончательными и обжалованию не подлежат.

12. Решение внешнеторговой арбитражной комиссии приводится в исполнение самой стороной, против которой вынесено решение, в срок, указанный арбитражной комиссией. Решение, не исполненное самой стороной в установленный срок, приводится в исполнение порядком, предусмотренным в гражданских процессуальных кодексах союзных республик для приведения в исполнение решений третейского суда.

13. Правила о производстве дел во внешнеторговой арбитражной комиссии утверждаются президиумом Всесоюзной торговой палаты.

Председатель ЦИК Союза ССР

М. Калинин

Зам. Председателя СНК Союза ССР

В. Куйбышев

И. о. Секретаря ЦИК Союза ССР

А. Медведев

Москва, Кремль

17 июня 1932 г.

*Печат. по «Собранию законов...», отд. I,
№ 48, 23 июня 1932 г., стр. 443—444.*

255. Письмо Генерального консула СССР в Харбине Начальнику Дипломатического Управления Гириинской провинции Ши Люй-бэню

19 июня 1932 г.

Господин Начальник,

Я неоднократно имел честь обращать Ваше внимание на исключительно тяжелые условия, в которых содержатся арестованные советские граждане*. Они подвергаются самым грубым насилиям и пыткам.

На мои неоднократные обращения к властям я получаю неизменный ответ, что обращение с арестованными хорошее. Ввиду этого я позволяю себе процитировать некоторые места из записок самих арестованных.

Так, один из арестованных совграждан пишет:

«Ставили на колени, выворачивали три сустава у ног, вставляли ногами на пятки и три раза дали по левой щеке; ноги болят и теперь. Был в кандалах...** заставили подписать протокол силой, после пытки, продолжавшейся не менее 45 минут, на японском языке и приложили палец моей руки, но я не знаю, что они могли бы написать...»

Другой из арестованных сообщает: «...Допрашивали всего человек 20, из них избили сильно... Протоколы составлялись на японском языке, вначале все отказались их подписывать, так как не было русского перевода; после опроса протоколы прочитывались не полностью, а только выдержки из них, и за отказ их подписывать начали избивать. Били все, даже тот, который именовал себя прокурором, били кулаками, табуретками и вообще чем попало, после чего все допрашиваемые вынуждены были их подписать...»

Третий из арестованных пишет:

«...Условия сидения чрезвычайно тяжелые, сырое помещение, спать приходится на кирпичных канах, где много сырости. Помещение маленькое. Помещается по 8—10 человек. Сидим по полтора и два месяца. Ни разу не мылись. Развелось много вшей и блох. Вблизи помещения находится открытая уборная и помойная яма, которые разносят сильное зловоние по камерам. В камере постоянная духота и вонь. У многих появились головные боли и развивается малокровие. Прогулки имеем по полчаса в день. Благодаря сырости многие продукты пропадают. Питьевая вода очень скверная. При таких условиях начались массовые заболевания. Первоначально допросы производили только русские, которые некоторых вызывали по ночам по 5—8 раз. Угрожали застрелить и объяснить попыткой к бегству, предлагали подписать заранее приготовленный протокол. Крик, ругань и угрозы были постоянными спутни-

* См. док. № 194.

** Здесь и далее многоточие в документе.

ками допросов, после чего надевались кандалы и сажали в одиночку. Были случаи избивания. В начале мая начали допрашивать других... Форменным образом издевались... силой ставят на колени. В таком положении проходит весь допрос, который длится 3—4 часа. В процессе допроса подвергаются пыткам... становятся на икры ног и выворачивают руки за спину, другой за подбородок заворачивает голову, выворачивают руки и пальцы. Бьют по сухожилиям шеи, по лицу... Несмотря на то, что ни на кого никаких обвинений нет, допросы продолжают... с таким же усердием и издевательствами... Прямых же обвинений никому не предъявляют, да их и нет... При таких условиях сильно подламывается здоровье.

Один из арестованных в заявлении Генконсульству пишет: «...В управлении в Фушядяне (на 4-й улице) день и ночь идут избивания граждан СССР. Некоторых уже избивали до полусмерти. Неужели это так нужно? Если не примете мер, то срочно пришлите хотя бы стрихнину. Ужас, ужас и ужас, что здесь делается. Неужели это везде так судят. На это есть тюрьма и т. д.»

Я не стану затруднять Ваше внимание приведением других писем и доказательств.

Многие из арестованных в своих сообщениях об условиях обращения с ними указывают, что они находятся «в условиях инквизиции», что «никакие нервы не могут выдержать», что «пытки ужасны» и т. д. и т. п.

Прямым следствием этого исключительно тяжелого режима, применяемого в отношении арестованных, явилось массовое тяжелое заболевание их. При этом режим и в отношении больных очень редко изменяется. Больные лишены надлежащей медицинской помощи. Я прилагаю при сем акт*, составленный врачами 14 июня о результатах вскрытия тела советского гражданина Васильева, произведенного с согласия властей и в законном порядке 28 мая с. г., умершего в тюремной больнице якобы в результате заболевания брюшным тифом. Протокол этот, составленный в законном порядке врачами, среди коих судебный врач г. Мигдисов, опровергает официальное сообщение начальника сысской полиции о причине смерти гр. Васильева и отмечает «наличие свежих ссадин на коже лба и затылка и корок на губах», объясняя это «недостаточным уходом за больным в тюремной больнице, что в свою очередь могло быть одной из причин преждевременной смерти Васильева, человека сравнительно молодого (38 лет) и крепкого телосложения» (цитирую по прилагаемому акту).

Оставляя в стороне имеющиеся сведения, что указанные выше ссадины являются следами железного обруча, который

* Не публикуется.

в целях пытки надевался на голову умершего гр. Васильева, и оставляя в стороне многочисленные слухи о таинственном характере смерти гр. Васильева, даже это беспристрастное заключение врачей достаточно убедительно доказывает довольно пристрастное обращение полицейских властей с арестованными советскими гражданами.

К моему глубокому сожалению, мои своевременные предупреждения властей о положении арестованных оставляются без надлежащего внимания. На днях я имел честь вручить Вам список больных совграждан, находящихся под арестом.

Лишь один из указанного списка, советский гражданин Улановский, после настояний Генерального консульства был переведен в больницу. Остальные же не только пребывают в прежнем положении, но даже несколько из тяжело больных арестованных — Степанченко, Рейда и Линский, которые нуждаются в срочном переводе в больницу, были подвергнуты на днях избиванию и пытке.

На эти факты я неоднократно имел честь обращать Ваше внимание, настаивая одновременно на разрешении властями нормального посещения всех арестованных представителем Генерального консульства. Между тем до сего времени власти уклоняются от этого, считая, что в свое время уже было разрешено такое посещение. Как я уже имел честь сообщить Вам письмом от 28 апреля, посетившему арестованных вице-консулу г. Сапронову показали лишь треть арестованных, и само посещение не носило нормального характера. Как я указанным письмом, так и последующими письмами от 5 и 16 мая¹⁷⁷, равно как и в беседах с г. Чжан Цзин-хоем, главным начальствующим ОРВП, с Вами, г. Начальник, и другими представителями маньчжурских властей я продолжал настаивать на разрешении посещения представителем Генерального консульства всех без исключения арестованных, на чем я продолжаю настаивать и в настоящее время.

Многочисленные факты с достаточной очевидностью показывают провокаторский характер деятельности белых русских полицейских, которые непосредственно руководят арестами совершенно неповинных советских граждан. Освобожденные по настоянию Генерального консульства 19 и 20 мая совграждане подтвердили, что никаких обвинений им предъявлено не было, тем не менее полицейские власти считали возможным их содержать под арестом.

Более того, после их освобождения многим из них отказывают в выдаче виз на выезд в СССР, в то время как Вами, г. Начальник, в свое время было мне сообщено, что полицейские власти не находят причин к отказу им в выдаче виз на выезд в СССР, на свою родину. На днях я Вам вручил список восьми советских граждан, на выдаче виз которым я про-

должаю настаивать, выражая твердую надежду, что этот вопрос будет Вами благосклонно урегулирован.

Возобновляя свой самый энергичный протест против произвола властей в отношении советских граждан, честь имею просить Вас, г. Начальник, снести с подлежащими властями на предмет:

1. Освобождения всех неповинных советских граждан и сообщения мне причин и оснований задержания тех из арестованных, которые почему-либо не будут освобождены.

2. Расследования причин смерти гр. Васильева и наказания лиц, повинных в этом исключительно печальном факте.

3. Срочного перевода в больницу больных из арестованных советских граждан, указанных мною в списке, переданном Вам.

4. Разрешения посещения представителем Генконсульства всех арестованных.

5. Прекращения избития и пыток советских граждан и изменения режима содержания арестованных.

6. Отстранения и предания суду белых русских чинов полиции, указанных в моем письме от 28 апреля, провокаторская деятельность которых направлена к нарушению существующих отношений между СССР и Маньчжурией и омрачению мира на Дальнем Востоке.

7. Выдачи виз на выезд на родину в СССР советских граждан, указанных в списке, переданном Вам.

Смею выразить твердую уверенность, что, в учете стремления наших стран укрепить существующие отношения, Вами, г. Начальник, будут предприняты необходимые шаги к тому, чтобы мои вышеизложенные законные просьбы были скорейшим образом благосклонно рассмотрены высшими властями*.

Примите, господин Начальник, уверения в моем глубоком к Вам уважении.

Генеральный Консул СССР в Харбине
Славуцкий

Печат. по арх.

256. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Афганистане Л. Н. Старку**

19 июня 1932 г.

Мы приветствуем предложение афганского правительства о постоянном соглашении по борьбе с саранчой, что мы сами уже давно предлагали. Проект подготовим, но переговоры —

* См. также док. № 321.

** Копии телеграммы были направлены уполномоченному НКВД СССР при правительстве Узбекской ССР и генеральному консулу СССР в Мазар-Шерифе.

дело затяжное¹⁷⁸. Сейчас же необходимо добиться немедленного пропуска наших специалистов, которые проведут борьбу с саранчой этого года и наметят план работы на будущий год. Срочно сообщите, можно ли оформлять наших работников*.

Для Вас сообщаем, что постоянного противосаранчового соглашения с Персией у нас пока нет. Каждый год мы договариваемся особо, причем персидское правительство охотно идет нам навстречу. Условия работы наших энтомологов в Персии примерно те же, что были в Афганистане**.

Карахан

Печат. по арх.

257. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Посланником Норвегии в СССР Урби

20 июня 1932 г.

Я вызвал Урби, чтобы вручить ему ноту по вопросу о нашей радиостанции на Шпицбергене***.

1. Еще до того как я изложил цель его вызова, Урби заявил, что, узнав на днях от т. С. М. Мирного**** о решении комиссии стортинга по спорному вопросу о праве торговли торгпредства внутри Норвегии****, он телеграфировал в Осло, сообщив о неблагоприятном впечатлении, вызванном здесь решением комиссии стортинга, и просил разъяснений. В ответ на это он получил по телеграфу разъяснение, что слушание этого вопроса в самом стортинге отложено, но что правительство понимает значение этого вопроса для отношений с СССР и сделает все возможное для его «удовлетворительного разрешения». От себя Урби прибавил, что телеграмму надо понимать в том смысле, что вопрос будет разрешен согласно нашему желанию.

Я поблагодарил за сообщение, сказав, что этот вопрос действительно стал одним из важных вопросов в наших отношениях. Когда я стал записывать сообщение Урби, он забеспокоился и обратил мое внимание на то, что «ему не сказано передавать мне это сообщение норвежского правительства». Он, однако, счел нужным в личном порядке информировать меня.

* См. док. № 241, 291.

** См. т. XIV, прим. 25.

*** См. док. № 249.

**** Первый секретарь I Западного отдела НКВД СССР.

***** См. также док. № 251.

2. Когда я заявил Урби, что вызвал его для вручения ноты, он сразу заволновался и сказал: «Я надеюсь, что нота не слишком резка». Ввиду того что Урби хотел узнать сейчас же содержание ноты, я перевел ему наиболее существенные ее места. Он все время волновался и прерывал меня, выражая несогласие с отдельными положениями ноты. Он был, однако, видимо, приятно поражен сравнительно умеренным концом ноты и с видимым облегчением констатировал, что заключительная часть ноты по существу повторяет то, что я ему уже сказал во время первой беседы по этому вопросу*. Он все же, видимо для приличия, заявил, что в заключительной части норвежской ноты отнюдь не следует усматривать ультиматума и что никаких намерений у норвежского правительства обострять отношения из-за этого вопроса не было.

Я ответил, что считаю нецелесообразным отвечать на сделанные им возражения по поводу отдельных положений нашей ноты, ибо это означало бы повторить ту аргументацию, которую я привел уже в прошлый раз, и повторить и разъяснить ноту, которая сама по себе ясна и разъяснений не требует. Мы отнеслись к вопросу очень серьезно и после тщательного обсуждения вместе с нашими юристами коллегия пришла к единодушному заключению о необоснованности норвежской позиции. При этом, как я и предвидел, большое изумление и возмущение вызвала заключительная часть ноты. Коллегия, как и я, полагала, что характер и тон норвежской ноты совершенно не оправдывается обстоятельствами дела, которому она посвящена. В интересах наших отношений я считаю нужным со всей откровенностью сказать посланнику, что в наших правительственных кругах все больше укрепляется представление, что те последовательные конфликты и трения, которые мы имели с Норвегией за последний год, являются результатом недружелюбной установки нынешнего норвежского кабинета в отношении СССР. У нас говорят, что при новом норвежском кабинете с норвежской стороны, вместо того чтобы сглаживать возникающие недоразумения, как будто стремятся использовать всякий повод для обострения отношений. Такое же впечатление получилось у нашего правительства, когда недавно был заслушан очередной доклад НКВД о наших текущих отношениях с разными странами. На заседании правительства было выражено удивление по поводу того, что с Норвегией за последний год наши отношения изменились, в то время как они всегда были традиционно хорошими. Эта перемена была поставлена в связь с приходом к власти в Норвегии нового правительства. Посланник является

* См. док. № 245.

живым свидетелем правильности такой констатации. Он сам является видным фактором наших отношений, он олицетворяет как бы кусок истории этих отношений, поскольку он ведет дела Норвегии в Москве с самого начала дипломатических отношений с СССР. Это именно обстоятельство и наши хорошие личные отношения позволяют мне с откровенностью, необычной в дипломатическом обиходе, сказать ему о том, что думают в наших авторитетных кругах об отношениях с Норвегией. Я полагаю, что такая откровенность может быть только полезна для дела.

Урби с самого начала моего заявления насторожился и потом несколько раз сказал, что он является сторонником такого откровенного обмена мнениями. Повторив, что он не согласен с содержанием нашей ноты и с нашим выводом о характере и тоне норвежской ноты, он, однако, прибавил, что «по приезде в Норвегию он сделает все, что в его власти, чтобы избежать в будущем ненужных трений между нашими странами». Явно польщенный словами, которые я сказал об его личной роли в норвежско-советских отношениях, Урби довольно долго распространялся на эту тему. Он сказал, что вполне согласен с той оценкой, которую я дал прошлым отношениям между СССР и Норвегией, и что если эти отношения, как я правильно сказал, были традиционно хорошими, то это также объясняется тем, что он всегда делал все возможное для устранения конфликтов и торопился интервенировать с самого начала, чтобы не дать тому или иному инциденту разрастись и оказать плохое влияние на наши отношения. Той же тактики он придерживался и тогда, когда представлял интересы Англии после разрыва наших отношений с нею в 1927 г., и т. Литвинов был прав, когда отметил его умиротворяющую роль и благодарил его за сотрудничество в эти годы после восстановления советско-английских отношений. Тут он перешел к деятельности т. Коллонтай, указывая, что о ее роли в наших отношениях в Осло все вспоминают с похвалой и благодарностью. Она придерживалась той же тактики, что и он, и стремилась урегулировать и затушить всякое столкновение по возможности в самом начале. Никогда не следует откладывать подобные дела из каких бы то ни было соображений. Он вспоминает, как я его вызвал по какому-то делу (кажется, он упомянул инцидент с опротестованием нашего векселя в Осло¹⁷⁹) и, сделав демарш, сказал, что т. Бекзаян будет говорить с Бродландом «во вторник», — это значит, в обычный приемный день министра. Он не стал этого дожидаться и сразу, послав срочную телеграмму, добился успеха. Тов. Бекзаян не должен был стесняться и ожидать обычного приемного дня у Бродланда, а должен был немедленно пойти к нему. Он, Урби, рад, что ему удалось урегулировать это

неприятное дело с векселем и притом урегулировать таким образом, что ни в одной норвежской газете не появилось никакого сообщения о протесте векселя. Так он действовал и во всех других случаях. Так поступил и теперь, когда узнал, что мы недовольны решением юридической комиссии стортинга¹⁷³. Теперь он будет серьезно говорить в Осло и не только с членами правительства, но и с Мувинкелем, который, хотя и находится в оппозиции, все же имеет очень большое влияние в стране. Посланник всегда вспоминает правильные слова, которые я ему сказал, когда говорил с ним о мероприятиях норвежского правительства в отношении торговли с СССР,— именно что отношения между государствами тогда бывают особенно прочны, когда они покоятся на солидной экономической базе. Он будет ратовать в Осло за то, чтобы норвежско-советской торговле оказывалось всякое содействие и не чинилось никаких препятствий.

3. В заключение Урби заговорил об инциденте с задержкой норвежских судов в Белом море*. Он считал бы очень важным принять какие-нибудь меры для того, чтобы избежать повторения подобных инцидентов в будущем. Задержка судов вызывает большие убытки и большое недовольство в Норвегии. Для того чтобы показать мне, какое значение придается этим вопросам, он считает полезным информировать меня о том, что пишет такая «советофильская» газета, как социалистический «Арбейтербладет»; говоря о задержании органами норвежских судов в Белом море, газета предложила послать сторожевое судно «Фритьоф Нансен» в наши воды для наблюдения за тем, чтобы норвежские суда не переходили дозволенной линии. Это предложение, сказал Урби, делается «в интересах СССР», хотя, как он теперь знает, посылка такого судна в наши воды нам очень неприятна. Было бы очень желательно придумать что-нибудь, чтобы устранить самую возможность повторения подобных случаев.

4. Урби сообщил, что он уезжает со всей семьей на два с половиной месяца в отпуск в Норвегию.

Разговор происходил под конец в очень мирных и даже дружественных тонах.

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

* См. док. № 140.

258. Выступление Председателя советской делегации М. М. Литвинова на девятнадцатом заседании Генеральной комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений

22 июня 1932 г.

Председатель советской делегации тов. Литвинов в своей речи сказал:

Я уверен, что не только я, но и другие делегаты чрезвычайно признательны нашему председателю за предоставленный нам случай в столь неожиданной и драматической обстановке вновь восстановить между собой официальный контакт, напомнить нам, что мы находимся на берегу Женевского озера не в качестве туристов и не в качестве любопытствующих, ловящих слухи о содержании разговоров о разоружении между представителями нескольких правительств, а что мы сами являемся членами конференции по разоружению.

Я позволю себе воспользоваться этим случаем, чтобы сделать несколько общих замечаний по поводу состояния дел на данной конференции. Нет никакого сомнения в том, что состояние дел признается крайне неудовлетворительным всеми делегациями. Это осознание не нашло еще до сих пор формального и действительного выражения. В самом деле, уже почти истекает пятый месяц конференции, и мы не можем зарегистрировать хотя бы малейшее движение вперед, хотя бы ничтожный результат. На первых заседаниях конференции и Генеральной комиссии были вскрыты значительные разногласия между делегациями, которые до сих пор остаются в полной силе. По крайней мере нам официально ничего неизвестно о смягчении этих разногласий. Я хотел бы подчеркнуть, что эти разногласия существуют не между двумя или тремя государствами, усилий которых было вполне достаточно для сдвижения с места работ конференции. Я пытаюсь сделать свою мысль более ясной. Если какое-либо государство возражает против того или иного вида разоружения, то имеется налицо разногласие у него со всеми теми государствами, которые согласны на этот вид разоружения. Если выдвигается новое предложение о какой-либо форме разоружения и это предложение не всеми делегациями принимается, то можно говорить о разногласиях между автором предложения и остальными делегациями, а не с каким-либо отдельным государством, выбранным наугад.

**Академический характер работ
технических комиссий¹⁸⁰**

Говоря об отсутствии результата, я отнюдь не забываю огромной работы, проделанной за последние месяцы так назы-

ваемыми техническими комиссиями. Об этом красноречиво свидетельствуют 500 документов, разосланных делегациям и образующих стопку почти в 75 сантиметров высоты. Вопрос в том, однако, имеют ли эти работы какое-либо отношение к конференции и будут ли они ею использованы. Комиссии, например, занимались вопросами об определении агрессивных родов оружия, когда еще нет общего решения, приемлемого для всех делегаций, о безусловном отказе от агрессивных родов оружия. Они занимались вопросом об интернационализации воздушного флота при отсутствии общего согласия на эту интернационализацию и при наличии, наоборот, резко выраженных возражений против нее. Я не стану умножать эти примеры. Работы комиссий носили, таким образом, совершенно академический характер. Члены комиссий это признавали, они не могли отделаться от сомнений, не работают ли они впустую, и это не могло не сказаться на темпах и характере работ комиссий, на представлении государствами в комиссии отдельных документов, информации и т. п.

Нет решения по основному вопросу

Но не только нет принципиальных решений конференции по тем вопросам, которые разрабатывались комиссиями, но и нет решений по главному, кардинальному вопросу: созванная после продолжительной, чуть ли не 10-летней подготовки конференция по разоружению на пятом месяце своего существования не имеет еще ответа на вопрос, согласны ли все представленные на ней государства на какое бы то ни было разоружение или сокращение вооружений вообще, и отсюда вытекает вся ненормальность создавшегося положения. Я имею в виду прямое материальное сокращение вооружений, а не экономические мероприятия, как, например, по сокращению бюджета, которые могут явиться результатом не конференции, а скорее экономического и финансового положения отдельных стран или всех стран. Конечно, при отсутствии иных результатов сокращение военных бюджетов может в некоторых кругах считаться успехом конференции. Но народы представляемого мною государства, как, впрочем, и народы всего мира, могут интересоваться не мнимые успехи конференции, а действительные успехи разоружения. Можно опасаться, что создается такое положение, при котором понятие успехов конференции и успеха разоружения не будет совпадать. Я счел нужным высказать эти соображения в надежде, что мое обращение к вам явится некоторым стимулом для возобновления и направления работ конференции по новым рельсам, другими методами. Но если эта надежда не оправдается, то я буду удовлетворен тем, что своим заявлением по крайней

мере снимаю ответственность с советской делегации за положение абсолютно неудовлетворительное. Советская делегация, как и всякая другая делегация, должна отчитываться перед пославшими ее народами. Мы не можем в течение пяти месяцев отделяться краткими реляциями о том, что в Женеве нет ничего нового. Мы не можем также говорить им, что хотя мы сами в Женеве сейчас ничего не делаем, но за нас думают и работают представители нескольких государств, решения которых мы ожидаем, ибо народы, как большие, так и малые, могут счесть это неуважением не только к их представителям, но и к самим себе. Советская делегация составляет часть конференции, она участвует во всех ее комиссиях и в Бюро, и это может привести к неправильным выводам о некоторой доле ответственности и советской делегации за безрезультатность работ. На самом деле советская делегация не может нести этой ответственности, ибо ни одно из ее основных предложений конференцией не принято, обсуждаются и разрабатываются не те вопросы, которые ею выдвинуты, и применяются не те методы, которые она рекомендовала. Советская делегация заявляла и заявляет, что представляемое ею государство согласна на полное разоружение, на частичное разоружение, количественное и качественное, что она готова идти в этом направлении так далеко, как только это позволит согласие других государств. Только тогда, когда все остальные государства сделают публично на самой конференции аналогичные или хотя бы сходные заявления, можно будет говорить о действительном начале работ конференции. Я полагаю, что пришла пора сделать это начало.

Оценка предложения САСШ

Я приветствую в основном предложения, только что сделанные американской делегацией¹⁸¹, тем более что они отчасти идут, хотя не так далеко, по линии советских предложений, в свое время сделанных здесь и не поддержанных. Я приветствую эти предложения потому, что они заключают некоторые из важных принципов, которые выдвигала на Подготовительной комиссии и здесь, на конференции, советская делегация, а именно принцип объективного метода пропорционального сокращения при сохранении относительности между государствами и попытки нарушения которой могли бы совершенно обесплодить работы конференции. В американских предложениях имеются, однако, моменты, отличающие их от советских предложений, которые, конечно, должны стать предметом открытого обсуждения. Я, однако, этих деталей сейчас касаться не буду и вернусь к ним в свое время, когда будет открыта дискуссия. Со своей стороны я предложил бы эту

дискуссию не откладывать, для того чтобы делегации могли возможно скорее высказать хотя бы свое принципиальное отношение к этим предложениям и чтобы хотя бы таким путем положить начало конференции *.

Печат. по газ. «Известия» № 173 (4746),
24 июня 1932 г. Опубл. в сб. «Actes de la
Conférence...», Série B. Vol. I, pp. 128—129.

259. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы

23 июня 1932 г.

После разговора с Титулеску Залесский сообщил сегодня мне, что румынское правительство готово возобновить переговоры о пакте, и в предварительном порядке Залесский вручил мне и Титулеску выработанный им проект пакта, который Титулеску уже одобрил. Пакт оказался почти точной копией польско-советского пакта ** с той лишь разницей, что в 1-й статье говорится о неападении на «территории, находящиеся в настоящее время под властью одной из договаривающихся сторон». Я сказал, что изучу этот документ и обратил его внимание на неприемлемость 1-й статьи и отсутствие всякого упоминания о спорных вопросах. Кроме того, я сказал, что, поскольку большинство статей уже согласовано в Риге ***, нам нечего к ним возвращаться или заменять их новыми. Окончательный ответ я думаю ему дать после свидания с Эррио, который до сих пор в Женеву еще не заезжал. Залесский сообщил, что французский посланник в Бухаресте говорил финскому посланнику, что он по поручению Тардье заявил румынам, что Франция больше не заинтересована в советско-румынском пакте; если Румыния теперь все же идет на переговоры, то Залесский склонен приписать это влиянию Эррио, который говорил и ему о желательности этих пактов. Когда я сказал Залесскому, что если Румыния будет настаивать на упоминании спорных вопросов, то из переговоров ничего не выйдет и что придется вернуться к вопросу подписания советско-польского пакта, Залесский промолчал, из чего заключаю, что он такую возможность предусматривает ****.

Гранди мне сегодня с беспокойством говорил о возможности политических уступок со стороны Германии в обмен на французские уступки в репарационном вопросе. Он дал по-

* См. также док. № 260, 294.

** См. док. № 300.

*** См. прил. к док. № 273.

**** См. также док. № 227, 266.

нять, что речь идет не только об отказе от пересмотра Версальского договора в течение продолжительного срока, но, возможно, и о германо-польских отношениях. Залесский же мне сегодня говорил, что имеются в виду уступки в отношении Дунайской Федерации³¹. Граиди страшно раздражен непривлечением его к участию в англо-франко-американских переговорах по разоружению, и этим объясняется его вчерашнее неожиданное заявление о полной солидарности с предложениями Гувера¹⁸¹. Он был немало взбешен тем, что Турция ему не сообщила о предстоящем ее приглашении в Лигу наций. В Риме Муссолини собирался говорить с Иسمетом о Лиге наций, но для этого не было якобы подходящего случая.

Литвинов

Печат. по арх.

260. Письмо Председателя советской делегации на Конференции по сокращению и ограничению вооружений Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

23 июня 1932 г.

Дорогой Николай Николаевич,

Я ничего не потерял, закончив свой трехнедельный курс лечения, и приехал в Женеву как раз вовремя и даже дня на два слишком рано. Перспективы окончания конференции самые неопределенные. Крайним пределом считают конец июля, когда необходимо будет всем участникам использовать свои отпуска. Предполагается, что частные разговоры между Францией, Англией и Америкой займут еще недели две, а внезапный созыв вчерашнего заседания Генеральной комиссии в этот план никаких изменений не вносит*. Американские предложения¹⁸¹ могут только еще больше осложнить и prolongировать частные переговоры. Если будет достигнуто какое-нибудь соглашение, то оно, вероятно, будет внесено в Генеральную комиссию в качестве предложения, по поводу которого завяжется дискуссия до конца июля, когда вопросы будут переданы на разработку экспертам, которые тоже разъехавшись, должны будут представить доклады Генеральной комиссии приблизительно в октябре. Возможно, однако, и даже весьма вероятно, что никакого соглашения даже между Францией и Англией не будет достигнуто и что встретится оппозиция со стороны Италии и Америки, и тогда возможен более ранний созыв Генеральной комиссии, с тем чтобы, приняв какие-нибудь ничтожные резолюции, отложить конференцию на не-

* См. док. № 258.

сколько лет или даже бессрочно. Впрочем, относительно женевских процедур очень трудно гадать, ибо возможны всяческие неожиданности, но на всякий случай я счел нужным ознакомить Вас, хотя бы ориентировочно, с перспективами. Из Женевы я, конечно, поеду недели на три на «нахкур» *, так что мое возвращение в Москву зависит от продолжительности женевских процедур. Возможно, что мне не придется оставаться в Женеве до конца. Я думаю, что во всяком случае в Москве буду около 15 августа, но весьма вероятно, что и значительно раньше.

Что касается самого содержания работ, то дело представляется в следующем виде. Эррио в вопросе разоружения недалеко ушел от политики Тардые. Макдональд и Саймон делают чрезвычайные усилия, чтобы добиться некоторых уступок от Франции и в конце концов согласятся на французскую минимальную программу разоружения (отказ от химической и бактериологической войны, заключающийся в ранее заключенной конвенции, сокращение бюджетов на 5—10%, отказ от тяжелых танков и от тяжелых орудий несущих еще калибров). Гранди сильно раздражен непривлечением его к участию в переговорах и демонстративно становится с каждым днем все непримиримее, отказываясь сегодня от уступок, на которые он соглашался вчера. Вчерашнее его выступление с демонстрацией абсолютной солидарности с американскими предложениями, против которых Италия имеет серьезные возражения, тоже вызвано главным образом раздражением. Он мне говорил, что не согласится на французскую минимальную программу. После вчерашнего послания Гувера Америка тоже как будто не должна соглашаться, но, поскольку послание вызвано избирательными соображениями, трудно предусмотреть окончательную позицию Америки. В общем, Франция по-прежнему находится в Женеве в состоянии изоляции, из которой тшится вытащить ее Англия. Малые державы, в особенности скандинавские, тоже немало раздражены процедурой, но не смеют этого высказывать. Этим отчасти объясняются аплодисменты, выпавшие вчера на мою долю в комиссии, ибо малые державы признали в моем выступлении свой собственный рупор.

Не лучше обстоит дело с лозаннскими переговорами о репарациях. До сегодняшнего дня казалось, что переговоры зашли окончательно в тупик, но сегодня замечается поворот. Эррио как будто обнаруживает готовность пойти навстречу Англии против уступок в политической области со стороны Германии, на которые фон Папен будто охотно идет. Об их уступках мне сегодня многозначительно говорил Гранди, сказав, что они

* Курс дополнительного лечения.

его немало беспокоят. Он уподобил нынешнее положение предлокарнскому*, когда нащупывалось Бриано-Штресемановское соглашение. В первую очередь речь идет о политическом перемирии, т. е. об обязательстве Германии не подымать вопроса о пересмотре Версальского договора в течение 15—20 лет. Возможно, что затрагиваются и польско-германские вопросы. Залесский мне говорил, что речь идет об уступках по Дунайской федерации⁵¹.

Нейрат был в Женеве лишь один раз, а именно вчера, на заседании Генеральной комиссии, когда я успел только поздороваться с ним и вспомнить нашу последнюю встречу в Генуе, о которой я сам, впрочем, забыл. Он вчера же уехал обратно в Лозанну. Я хотел бы, конечно, поговорить с ним, но буду ждать возможного его вторичного приезда в Женеву, а в Лозанну поеду лишь в самом крайнем случае. То же самое с Эррио, который совершенно не приезжал в Женеву. Готов был бы также повидаться с Саймоном, но я предпочитаю пока ждать вызова с его стороны, так как и Гранди и Надольный будто бы упрекают его в том, что он меня не информирует о своих переговорах с Францией и Америкой. Он вчера представил мне своего коллегу Герберта Сэмюэля**, но о встрече ничего не говорил. О своем разговоре с Залесским я Вам телеграфировал***. Был у меня перед своим отъездом из Женевы Мунк, который сказал, что в Москву думает поехать лишь после кризиса или в случае выхода из правительства. Вот и все пока.

Германская делегация в технических комиссиях поддерживала тесный контакт с нашей делегацией. Сам Надольный также старается манифестировать близость¹⁸², в особенности при Сурнице. Он несколько раз заговаривал о противопоставлении англо-франко-американским переговорам итало-германо-советской группировки с привлечением малых стран. Я отнесся к этим намекам равнодушно, но он, по-видимому, пускает в ход эту угрозу и в разговорах с англичанами. Он говорит о Москве, как будто он вот-вот там будет жить, хотя не теряет надежды быть министром при переходе власти к наци. С Нейратом у него скверные отношения.

Жму руку.

Литвинов

П. С. Сообщите в копии необходимое членам коллегии и инстанции.

Печат. по арх.

* См. т. VIII, прим. 68.

** Министр внутренних дел Великобритании.

*** См. док. № 259.

261. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Афганистане Л. Н. Старка в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

23 июня 1932 г.

На телеграмму от 19 июня¹⁸³. Проект торгового договора еще не передан. Как обычно препятствует министр торговли. Ввиду этого я условился с Файз Мухаммед-ханом совместно рассмотреть наш проект. Это будет в ближайшие дни, как только закончится переезд министерства иностранных дел в Пагман*.

Полпред

Печат. по арх.

262. Запись беседы Торгового Представителя СССР в Великобритании с Начальником Департамента торговли Великобритании Колвиллом

23 июня 1932 г.

Встреча состоялась по инициативе т. Озерского¹⁸⁴. Кроме парламентского и личного секретарей Колвилла на свидании присутствовал секретарь департамента экспортных кредитов Стерлинг, принимавший участие в беседе.

1. Тов. Озерский сообщил Колвиллу, что ввиду того, что правительственная гарантия на сумму 1,6 млн. ф. ст.^{**}, за исключением нескольких заказов, уже использована, необходимо теперь внести полную ясность в вопрос о дальнейших кредитах. Тов. Озерский ознакомил при этом Колвилла с ходом использования 1,6 млн. ф. ст. и показал ему перечень выданных уже в счет этой суммы заказов. Наряду с этим т. Озерский сообщил примерный список имеющихся у нас для размещения и возможных к получению заказов. Колвилл обнаружил очень большой интерес к сведениям о фирмах, среди которых были размещены заказы, и к предстоящим возможным заказам. В частности, он спросил, какие суда имеются в виду (так как в списке фигурировал заказ на суда), отметив, что правительственная гарантия не распространяется на заказы на суда. Однако после того, как т. Озерский разъяснил, что указанные в списке суда представляют специальные, т. е. для технических целей, навигационные единицы, Колвилл заметил, что это весьма важно и должно быть

* См. док. № 264.

** См. док. № 215.

учтено. При обсуждении вопроса о дальнейших заказах Стерлинг спросил, сколько времени потребуется для размещения этих заказов на сумму, указанную в списке (3 млн. ф. ст.), и обратился к т. Озерскому с вопросом, не случится ли так, что после того, как в течение каких-нибудь трех недель все эти заказы будут размещены, нам потребуется кредит еще на 5 млн. ф. ст. На это замечание Стерлинга Озерский * ответил, что это должно служить предметом соглашения.

2. Давая разъяснения о предстоящих возможных заказах, т. Озерский указал, что подготовка выдачи заказов потребует довольно продолжительного времени и что до конца года, вероятно, общая сумма предстоящих заказов составит около 5 млн. ф. ст. Тов. Озерский напомнил Колвиллу о том, что в первую встречу с ним т. Озерский сообщил ему предложение об устройстве правительственной гарантии для наших заказов на 15 млн. ф. ст., которые мы были тогда согласны разместить на протяжении всего года. К настоящему времени сумма заказов значительно ниже. Колвилл ответил, что это предложение он помнит, но при финансовых условиях настоящего времени вопрос о столь большой сумме едва ли бы мог быть подвергнут обсуждению. Касаясь новых заказов, для которых сейчас требуется кредит, Колвилл сказал, что он может предложить т. Озерскому связаться с совещательным комитетом департамента экспортных кредитов снова и внести на его рассмотрение свои предложения. Колвилл добавил, что дальнейший кредит возможен, но для этого требуется рекомендация и заключение совещательного комитета. На вопрос Стерлинга, какие кредитные сроки должны быть предусмотрены для новых заказов, указанных в перечне, т. Озерский, сославшись на условия соглашения, достигнутого нашим торгпредством в Берлине и германскими промышленниками, ответил, что мы хотим придерживаться в отношении этих заказов в основном условий, содержащихся в этом соглашении. Тов. Озерский перечислил три главных срока, какие мы называли и раньше: 12, 18 и 24 месяца с даты доставки, применение которых будет всецело зависеть от рода оборудования. Колвилл ответил т. Озерскому, что для совещательного комитета важнее всего те сроки, за пределы которых он выходить не может, а когда т. Озерский заметил, что для нас вопрос о пределах приемлемости сроков кредита имеет решающее значение и мы не хотим принимать близких сроков, чтобы не обременить слишком наши валютные расчеты, Колвилл сказал, что это весьма веское соображение, с которым комитету придется посчитаться.

* В документе ошибочно — Колвилл.

3. Затем т. Озерский указал Колвиллу, что наш торговый баланс с Великобританией за последнее время значительно улучшился благодаря прошлогодним заказам и что предоставление новых кредитов привело бы к дальнейшему улучшению баланса. Тов. Озерский прибавил, что мы делаем все возможное, чтобы улучшить наши торговые взаимоотношения с Англией — и это легко видеть. Колвилл ответил, что он вполне верит этому заявлению, так как примерно в таком же смысле он делал ответы на запросы в палате общин, и что сейчас атмосфера стала более благоприятной. В частности, он с удовлетворением отнесся к замечанию т. Озерского о том, что мы запомнили его выражение, что сельди являются здоровой пищей (последнее замечание имеет в виду ответ, данный Колвиллом в палате общин 22 июня на запросы о нашей покупке сельдей в Шотландии, в котором он заявил: «Я сделал указания Советскому правительству, что сельдь — здоровая пища»).

4. На этом кончилась первая часть беседы. Колвилл далее перешел к вопросу о состоянии нашего экспорта и положении с мировыми ценами. Он заявил, что, хотя он и не ведает импортной торговлей Великобритании, его интересует состояние экспорта других стран. Он задал т. Озерскому вопрос о том, каковы ближайшие перспективы нашей экспортной торговли и как обстоит дело с ценами, в особенности его интересовал последний вопрос. Тов. Озерский сказал, что, хотя наш экспорт развивается и принял значительные размеры, падение цен понизило обычно выручаемые суммы. Колвилл тогда заметил, что наш экспорт в особенности вызвал понижение цен и что, так как мы много вывозим, понижение цен происходит в дальнейшем, в особенности по таким товарам, как лес, пшеница и нефть. Тов. Озерский возразил Колвиллу и сказал, что, несмотря на то что мы почти прекратили вывоз пшеницы, все-таки на рынке цены на нее продолжают падать, и добавил, что это доказывает воочию непричастность к этому делу пресловутого «большевистского демпинга». Колвилл ответил, что это действительно так и что он согласен, что вина здесь, вероятно, в чем-то другом, ссылаясь на сверхпроизводство и т. д. В отношении нефти т. Озерский сказал, что ему, Колвиллу, очевидно, известно, что международная нефтяная конференция¹⁵⁵ кончилась неудачей не по нашей вине. Колвилл сказал, что ему известно, что в провале конференции виноваты не только мы. Тов. Озерский далее сказал Колвиллу, что мы вовсе не против повышения цен и всего сильнее желали бы, чтобы происходящее падение цен приостановилось. Но, несмотря на эти простые факты, почти вся буржуазная печать обвиняет нас в срыве переговоров об упорядочении нефтяных экспортных рынков и стремлении вызвать дальнейшее понижение цен, как обычно.

5. Возвращаясь опять к своему предложению вступить по вопросу о новых кредитах для дальнейших заказов в переговоры с совещательным комитетом департамента экспортных кредитов, Колвилл сказал, что правительство в первую очередь потребует рекомендацию по этому вопросу от совещательного комитета, так как оно не хочет снимать с него ответственность за решение кредитного вопроса *.

В заключение свидания Колвилл просил т. Озерского оставить ему для дальнейшего ознакомления списки уже выданных и возможных к размещению заказов и сведения об использовании правительственных гарантий на 1,6 млн. ф. ст. (документы прилагаются) ¹⁸⁶.

Торгпред СССР в Великобритании
А. Озерский

Запись вел экономист торгпредства Каминский

Печкт. по арх.

**263. Письмо Полномочного Представителя СССР в Германии
Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР Н. Н. Крестинскому**

25 июня 1932 г.

Дорогой Николай Николаевич,

Правительство Папена до сих пор не предприняло никаких шагов и не делало никаких официальных заявлений, свидетельствующих о том, что оно занимает по отношению к СССР более враждебную позицию, чем правительство Брюнинга.

Но со стороны национал-социалистов, на которых нынешнее правительство опирается и которые в той или иной форме будут в ближайшем будущем оказывать большое влияние на правительственную политику, антисоветские требования и высказывания уже имеются **.

Общей своей политической установки по отношению к СССР национал-социалисты не дают, и создается такое впечатление, что мы имеем в данном случае дело с молчаливым нарочитым. Так, в вышедшей в мае книжке национал-социалистов, посвященной вопросам восточной политики, СССР обойден. В передовой Розенберга при изложении принципа восточной политики национал-социалистов об СССР сказано только, что это, мол, вопрос особый. Требование проф. Гер-

* См. также док. № 299.

** См. также док. № 193.

лянда к «Берзенейтунг», к национал-социалистам высказаться наконец о своей установке в вопросе о восточной или западной ориентации и рассеять «беспокойство Москвы», национал-социалисты оставили без ответа. Но, отмалчиваясь по вопросу об общей принципиальной установке, национал-социалисты выступают с все более и более резкими нападками на нынешнюю торговую политику по отношению к СССР.

Грегор Штрассер — после Гитлера, пожалуй, наиболее влиятельный член национал-социалистской партии — в своей программной речи в рейхстаге два раза высказывался против кредитов СССР.

«Ангриф» в двух номерах (от 17 и 22 июня) выступает с резкой критикой последнего таможенного соглашения с СССР. Критика эта доходит даже («Ангриф», 17 июня) до требования отказаться от ратификации соглашения.

«Случилось то, чего мы не ожидали, — пишет «Ангриф». — Новое «русское соглашение» введено постановлением от 4 июня с 10 мая * в силу, несмотря на энергичные протесты Ландбунда. Это служит плохой рекомендацией новому правительству в глазах сельского хозяйства».

Далее газета полемизирует с правительством, заявившим, что, придя к власти, оно застало уже определенные обязательства, принятые его предшественником. Правительство Брюнинга заключало это и аналогичные ему соглашения без ведома сельского хозяйства; протокол соглашения, подписанный Вармбольдом **, не видал никто кроме, пожалуй, представителей промышленности. От нынешнего же правительства газета требует, чтобы оно довело и форму и содержание нового соглашения до сведения заинтересованных кругов.

«Только в том случае, если сельскохозяйственные круги убедятся в том, что хотя бы юридически действительно имелось настолько далеко идущее обязательство, что новое правительство полагало, что оно не может без затруднений обойти его, только в том случае они не будут считать правительство ответственным за соглашение».

Теперь же, если правительство не хочет окончательно потерять доверие сельскохозяйственных кругов, оно должно помешать ратификации соглашения. В свое время торговый договор с Польшей *** тоже не был ратифицирован. Это будет для нового правительства и в первую очередь для нового министра продовольствия испытанием, на основании которого будет решено, может ли сельское хозяйство относиться к нему с тем

* Так в тексте; протокол вступил в силу с 10 июня 1932 г.; см. док. № 234.

** См. т. XIV, док. № 386.

*** См. т. XIII, прим. 38.

доверием, которого оно не могло питать к прежнему правительству».

«Ангриф» от 22 июня говорит о таможенном соглашении с СССР в большой статье, посвященной критике деятельности министра продовольствия фон Брауна. Нападки на соглашение повторяются. Газета заявляет, что таможенное соглашение содержит ряд важных аграрных обязательств, за отмену которых сельское хозяйство борется уже в течение ряда лет. Система общего, неограниченного наибольшего благоприятствования и таможенные обязательства — это роковые ошибки германской торговой и таможенной политики, которые разрушили внутренний рынок, а с ним и все германское хозяйство. В опубликованном правительством протоколе говорится, что заключающие договор стороны «оставляют за собою право» ввести договор в силу до ратификации его парламентом. Но такая оговорка это еще не международное обязательство. Если министр продовольствия хочет оправдаться от обвинений в том, что он продолжает придерживаться такого курса его предшественника, то он должен привести немедленно недвусмысленные доказательства того, что в данном случае действительно имеется полученное им от старого правительства международное обязательство.

В этой (позднейшей) статье требования об отказе от ратификации уже нет, но зато в ней есть заявление о том, что правительство не обязано было вводить договор в силу до ратификации его.

Эта позиция «Ангрифа», крупнейшего после «Фелькишер беобахтер» органа национал-социалистской партии, несомненно, симптоматична для линии поведения национал-социалистов по отношению к СССР*.

С товарищеским приветом

Л. Хинчук

Печат. по арх.

264. Телеграмма Полиомочного Представителя СССР в Афганистане Л. Н. Старка в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

25 июня 1932 г.

Сегодня состоялось первое совещание с Файз Мухаммед-ханом по торговому договору. Был просмотрен наш проект¹⁸⁷. В ближайшие дни Файз Мухаммед-хан сделает доклад афганскому правительству и получит инструкцию на продолжение

* См. также док. № 320, 325.

переговоров *. Судя по всему, наибольшую трудность вызовут вопросы о допуске в Афганистан наших торговых организаций, а также о принципе наибольшего благоприятствования.

Полпред

Печат. по арх.

265. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии с Министром рейхсвера Шлейхером

27 июня 1932 г.

27 июня виделся с военным министром Шлейхером. Я ему сообщил, что сейчас, кроме него, нет ответственных членов кабинета. Я виделся с министром иностранных дел фон Нейратом перед его отъездом в Лозанну **. Теперь я хотел бы получить у него ориентировку о внешнеполитической линии нового кабинета.

Шлейхер немедленно заявил мне, что мне беспокоиться нечего. Я, вероятно, знаком с его весьма хорошим отношением к СССР. Такое же отношение и у Гаммерштейна ***. Он может от имени рейхсвера уверить меня в весьма дружественных отношениях последнего к СССР. На мою реплику, что я осведомлен о его личном отношении к СССР, что я также демонстрирую своим визитом к нему, но меня интересует установка всего кабинета в целом еще и потому, что в кабинет входят лица, известные своей западной ориентацией, в том числе и рейхсканцлер фон Папен, Шлейхер в весьма энергичном тоне заявил, что правительство в целом нисколько не думает менять своего отношения к СССР ¹³⁸. Он смело и твердо заявляет и просит дать полную веру его заявлению, что весь кабинет в целом разделяет его точку зрения на сохранение дружественных отношений к СССР. Вообще, говорит он, нет ни одного разумного человека не только в кабинете, но и во всей Германии, который бы не понимал, что связь Германии с СССР должна развиваться и крепнуть. Нас не должна смущать так называемая ориентация фон Папена, ибо одно дело высказывать свои мысли в качестве частного человека, а другое дело нести ответственность в качестве руководителя правительства. Переговоры, которые ведутся с французами, имеют своей основой ликвидацию репарационных платежей, что должно привести к облегчению финансового и хозяйственного положения Германии, а это в свою очередь даст Германии большую возможность пойти навстречу СССР.

* См. док. № 375.

** См. док. № 247.

*** Командующий сухопутными силами рейхсвера.

Далее он заявил, что, насколько ему известно, и национал-социалисты также стоят на точке зрения сохранения отношений с СССР. Правда, они стоят за отчаянную борьбу и схватку с здешними коммунистами, но это не может иметь никакого отношения к СССР.

Я обратил его внимание — и просил этим поинтересоваться — на те трудности, которые мы встречаем в размещении нашего экспорта в Германии. Я ему указал, что, несмотря на то что переговоры как по импорту, так и по экспорту протекали весьма благоприятно, и в отношении нашего импорта мы передали Германии довольно большое количество заказов, так что занимаем весьма приличное место, то в общем обороте Германии экспорт наш не только не увеличился, но даже сократился, а между тем целью наших переговоров было создать прочную базу в Германии для нашего экспорта. Я указал, что ввоз в Германию из СССР в IV квартале 1931 г. составлял 82,9 млн. марок, а в I квартале 1932 г. составлял лишь 63,8 млн. марок. Наше участие, таким образом, во всем обороте Германии с 7,5 % в IV квартале 1931 г. снизилось до 5,1 % в I квартале 1932 г. Далее я ему указал, что министр земледелия заявил, что кроме последнего повышения пошлин последуют еще дальнейшие меры защиты для немецкого лесного хозяйства, что приведет к повышению пошлин на пиленный лес и на другие сорта леса. На одном этом мы потеряем больше чем 12 млн. марок. Далее я ему указал, что принудительную примесь спирта предполагается повысить с 6 до 10 % или даже до 12 %, что тоже должно будет значительно сократить сбыт советских нефтяных продуктов в Германию. Привел я ему также другие примеры относительно масла, яиц и т. п. Все эти меры, сказал я, приводят к тому, что совершенно затрудняется выполнение решения декабрьского протокола* или делает его почти совершенно невозможным. В интересах торгового оборота между обеими странами прошу его внимания к изложенным мною фактам, чтобы при проведении торгово-политических мер не были нарушены достигнутые нами до сих пор успехи.

Шлейхер заявил, что как он, так и все правительство прекрасно сознают, что, поскольку мы нуждаемся в промышленных товарах и даем соответствующие заказы, столь необходимые Германии, то, с другой стороны, и Германия нуждается в нашем сырье и должна принять меры к облегчению сбыта нашего сырья в Германию. В Германии прекрасно осведомлены, что СССР оплачивает свои заказы своим сырьем. Я тогда указал, что тот активный баланс, который мы имеем в других странах, сейчас при стремлении всех стран иметь

* См. т. XIV, док. № 386.

активным баланс и при создании ими таможенных барьеров, не может в дальнейшем оставаться таковым, и потому, конечно, мы заинтересованы в развитии нашего экспорта в Германию. Шлейхер снова повторил, что интересы СССР и Германии требуют дальнейшего развития наших отношений и что он в кабинете будет проводить эту линию. Он предложил мне сообщать о прохождении этих вопросов в кабинете и предложил сообщить ему о наших затруднениях. На этом закончился наш разговор*.

Л. Хинчук

Печат. по арх.

266. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, в Женеву

28 июня 1932 г.

Заявите Залесскому, что, поскольку в предложенном им проекте советско-румынского пакта** нет оговорки о том, что спорные между СССР и Румынией вопросы не задеваются пактом и что стороны сохраняют по ним свои позиции, его формулировка для нас неприемлема.

Вместе с тем скажите, что Вы принимаете предложение Титулеску о возобновлении переговоров о пакте.

Принимайте меры к тому, чтобы задержка заключения пакта с Румынией не имела своим последствием отсрочки подписания и ратификации пакта с Польшей***.

По поручению инстанции

Крестинский

Печат. по арх.

267. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, в Женеву

*Вне всякой очереди
29 июня 1932 г.*

Передаю постановление инстанции: «Заявите Иену¹⁵⁹, что, по Вашему мнению, Советское правительство не будет возражать против немедленного восстановления отношений без

* См. также док. № 287, 337.

** См. док. № 259.

*** См. также док. № 268.

всяких условий, после чего пакт о ненападении придет как естественный результат восстановления отношений» *.

Карахан

Печат. по арх.

268. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы

30 июня 1932 г.

Сегодня был у меня Залесский, и я было уже заготовил для него контрпроект, но, получив вашу телеграмму от 28 июня **, воздержался от вручения его. Я сказал Залесскому, что врученный им документ все еще отражает непримиримость Румынии, несколько не изменившись после рижских переговоров ***, что поэтому какие-либо предложения с моей стороны послужили бы лишь, по моему мнению, новому затягиванию переговоров и что если польское правительство действительно хочет благополучного окончания переговоров, то единственным средством является скорейшее подписание пакта, после чего румынское правительство станет более разумным. Залесский обещал протелеграфировать это предложение маршалу и дать мне через несколько дней ответ. Я обещал сейчас же после подписания вручить ему контрпроект для Румынии.

Если Залесский по получении ответа из Варшавы откажется подписать пакт, то я вручу ему составленные в Риге статьи и абзацы, новый абзац во вступлении о том, что пакт не наносит ущерба позиции обеих сторон в территориальных и других спорных вопросах, которые оставлены в стороне и не затрагиваются пактом, и нашу статью о контрреволюционных организациях. Во втором абзаце 1-й статьи у меня сказано, что противной пакту будет считаться также всякая попытка разрешения силой территориальных или иных споров, существующих между странами. Копию контрпроекта вышлю почтой, как только он будет вручен Залесскому ****.

Залесский был вчера в Лозанне и сообщает о безнадежном состоянии тамошней конференции *****. Он отрицает газетные сообщения о вносимых якобы Малой Антантой совместно с Прибалтикой каких-либо предложениях по разоружению. Они

* См. также док. № 269, 271.

** См. док. № 266.

*** См. док. № 41.

**** См. док. № 273.

***** См. «Сборники документов по международной политике...», вып. IV, М., 1933, стр. 7—30.

только пригласили представителей этих стран на завтрак, чтобы выслушать доклад Бенеша о дальнейшем ходе работ в Женеве.

Литвинов

Печат. по арх.

269. Сообщение о беседе члена китайской делегации на советско-китайской конференции Ван Цзэн-сы с заведующим II Восточным отделом Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Б. И. Козловским

1 июля 1932 г.

29 июня состоялась беседа между членом китайской делегации г. Ван Цзэн-сы и заведующим II Восточным отделом НКВД т. Козловским. Во время беседы состоялся обмен мнениями о намерении китайского правительства, сообщенном г. Ваном, заключить с СССР пакт о ненападении и восстановить отношения между СССР и Китаем *. (ТАСС).

*Печат. по газ. «Известия»
№ 152 (4747), 1 июля 1932 г.*

270. Телеграмма Генерального консула СССР в Харбине М. М. Славущкого, Вице-Председателя Правления КВЖД С. М. Кузнецова и Управляющего КВЖД Ю. В. Рудого Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л. М. Карахану **

*Немедленно
1 июля 1932 г.*

Штаб морской эскадры *** запрещает производить перегрузочные работы по перевалу с пароходов на пристани ****. Поданные к пристани баржи с бобами, прибывшие из Саньсина «Экспортхлебу», насильно были уведены от пристани. Рабочие разогнаны. Штаб запрещает коммерческому агентству даже погрузку в вагоны бобов, уже выгруженных на берег. Всеми действиями руководят непосредственно японские советники, за спиной которых находится «Кокусайунью» *****; монопольно под ширмой эскадры производящая перевалочные работы.

* См. также док. № 267.

** Телеграмма была также адресована народному комиссару путей сообщения СССР А. А. Андрееву.

*** В других документах называется также Северо-Восточной эскадрой (док. № 274), Еданой Северо-Восточной эскадрой (док. № 282).

**** Имеется в виду перевалочная пристань КВЖД в Харбине.

***** Японская транспортная фирма.

После обращения Славущкого к Чжан Цзин-хою дипломатический комиссар неделю назад просил не доводить вопроса до Москвы, обещая уладить его здесь путем возобновления прежнего соглашения КВЖД со штабом эскадры¹⁹⁰. Японские советники штаба не согласились с этим и открыто запрещают работы.

Сегодня японский советник штаба Хориути, являющийся одновременно уполномоченным министерства путей сообщения, в присутствии начальника эскадры отказался разговаривать с представителем управления КВЖД, заявив, что согласно постановлению правительства, сообщенного Ли Шао-гэну, «право собственности на береговую полосу и перевал обратно на пристани переданы эскадре». При этом он проводил аналогию с конфискацией Советским правительством Эгершельда¹⁹¹.

Японцы добиваются передачи всех перевалочных работ формально штабу, а фактически «Кокусайунью», что уже осуществляется на территории Ковша* в отношении всех китайских фирм и даже фирмы «Вассард»**, которую заставили отказаться от работы. Это увеличивает доход «Кокусайунью» и, главное, служит рычагом направления постоянных грузов на юг. В качестве контрмер можно было бы приостановить подачу вагонов на пристань, но это большой политический шаг и к тому же это приостановит временно погрузку на южную линию, которая является сейчас единственным доходным участком. Срочно шлите указания***.

Четверка

Печат. по арх.

271. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, в Женеву

4 июля 1932 г.

Передаю решение инстанции:

«Мы остаемся при прежнем решении, сообщенном Вам 29 июня****. Мы готовы без всяких условий восстановить отношения, после чего сразу же приступить к заключению пакта¹⁹². В этом смысле поведите переговоры с Иеном. Эта наша позиция не должна повести ни к разрыву, ни к перерыву идущих у Вас разговоров с Иеном»*****.

Л. Карахан

Печат. по арх.

* Название места на берегу р. Сунгари в Харбине.

** Англо-датская экспортная фирма.

*** См. также док. № 274, 282.

**** См. док. № 267.

***** См. также док. № 277, 480.

272. Телеграмма Генерального консула СССР в Харбине в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

4 июля 1932 г.

В личной беседе германский консул подтвердил разговоры, что в Харбин направляется 300 японских самолетов. Корреспондент Линдт * мне сказал, что, по его точным сведениям, в Цицикар будет послано также 200 самолетов, и что якобы в Дайрен в прошлом году прибыло 200. Возможно, что цифры преувеличены, но, несомненно, японцы значительно увеличивают на севере авиасилы. Хякутакэ ** в нетрезвом виде откровенно рассказывал мне, что он доказывал помощнику начальника генерального штаба Мадзакн вредность усиления авиации и якобы Мадзакн ему ответил, что это делается в связи с концентрацией Красной Армии и что при улучшении отношений с СССР всегда успеют вернуть их в Японию.

Славущкий

Печат. по арх.

273. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы ***

[5 июля 1932 г.] ****

Залесский сообщил мне сегодня, что готов подписать пакт ***** и это поручит Патеку, который, мол, обиделся бы, если бы подписал другой. Он предупредил, однако, что пакт не будет ратифицирован, пока не заключим пакта с Румынией, а так как он в конце недели уезжает, то просил меня дать ему наш контрпроект, что я и сделал. Из разговоров с ним у меня сложилось впечатление, что они переносят подписание в Москву ради Патека и что они действительно собираются теперь подписать. Пробежав контрпроект, Залесский заметил, что вряд ли он окажется приемлемым для Румынии ввиду упоминания территориального спора и отсутствия ссылок на территории, находящиеся под властью Румынии. Я заявил, что упоминание спора является нашим основным требованием и что на признание каких бы то ни было прав Румынии на Бессарабию мы не согласимся, что я максимально пошел навстречу

* Корреспондент газеты «Дейче альгемейне цейтунг».

** Заместитель начальника японской военной миссии.

*** Копии телеграммы были направлены в полпредства СССР в Польше и во Франции.

**** На телеграмме указано время отправления — 6 июля 1932 г., 1 час. 20 мин.

***** См. док. № 300.

другой стороне и если два основных принципа Румынии принимает, то готов искать совместно с Титулеску дальнейшего согласования. Залесский увидит лишь в четверг Титулеску, который находится в Лозанне*.

Литвинов

(ПРИЛОЖЕНИЕ)

ПРОЕКТ ДОГОВОРА О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ СССР И РУМЫНИЕЙ

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик, с одной стороны, и Е. В. Король Румынии, с другой стороны,

воодушевленные волей к упрочению мира, будучи твердо убежденными, что укрепление мирных отношений между обеими Договаривающимися Сторонами соответствует их интересам и является важным фактором в деле сохранения всеобщего мира,

верные международным обязательствам, ранее заключенным ими,

заявляя, что обязательства, обусловленные настоящим Договором, не могут ни изменить, ни ограничить их, поскольку эти обязательства не содержат элементов агрессивки,

констатируя, что заключение настоящего Договора не наносит никакого ущерба позиции каждой Стороны в территориальных и других спорах, существующих между ними, и что эти споры остаются в стороне и ни в какой степени не будут затронуты настоящим Договором,

решили заключить настоящий Договор, имея целью допустить Договор об отказе от войны, подписанный в Париже 27 августа 1928 г., вступивший в силу по Протоколу, подписанному в Москве 9 февраля 1929 г.**; и для этой цели назначили своими Уполномоченными:

Центральный Исполнительный Комитет СССР:

Его Величество Король Румынии:

которые, обменявшись полномочиями, найденными в должной и надлежащей форме, согласились о нижеследующем:

1

Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон, констатируя, что она отказалась от войны в качестве средства национальной политики в международных отношениях, обязуется не предпринимать никакого нападения как отдельно, так и совместно с другими державами на суше, на море или в воздухе и не прибегать ни в коем случае к войне против другой Договаривающейся Стороны.

* См. также док. № 268, 284.

** См. т. XII, док. № 38.

Актом, противоречащим установленным предыдущим абзацем обязательствам, будет считаться всякий акт насилия, направленный против целостности и неприкосновенности территории или политической независимости другой Договаривающейся Стороны так же, как всякая попытка разрешить силой территориальные или иные споры между обеими Договаривающимися Сторонами, даже если подобные акты будут совершены без объявления войны и всех ее возможных последствий.

II

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон подвергнется нападению третьей державы или групп третьих держав, другая Договаривающаяся Сторона обязуется соблюдать нейтралитет на все время конфликта.

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон совершает акт насилия против третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона может отказаться от настоящего Договора без предупреждения.

III

Каждая из Договаривающихся Сторон обязуется не допускать на своей территории ни пребывания, ни действий организаций, имеющих целью вооруженную борьбу против другой Стороны, ни организаций или лиц, присваивающих себе роль правительства или представителя всей или части ее территории.

IV

Каждая из Договаривающихся Сторон, заявляя, что ни одно международное обязательство, ранее принятое ею на себя, не представляет препятствий к существованию мирных отношений с другой Договаривающейся Стороной и не противоречит настоящему Договору, равно обязуется не брать на себя в будущем никаких обязательств, которые находились бы формально или фактически в противоречии с настоящим Договором.

V

Настоящий Договор заключен на срок в три года. Если ни одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за шесть месяцев до истечения трехлетнего срока, действие договора будет автоматически продлено на новый двухлетний срок.

VI

Настоящий Договор будет ратифицирован, как это только представится возможным, и ратификационные грамоты будут обменены в . . .

Договор вступает в силу в день этого обмена.

ПРОТОКОЛ ПОДПИСАНИЯ

Высокие Договаривающиеся Стороны заявляют, что статья V Договора от . . . не может быть истолкована в том смысле, что прекращение Договора после срока или вследствие денонсации может в какой-либо мере погасить обязательства, вытекающие из Парижского договора от 27 августа 1923 г., вступившего в силу по Протоколу, подписанному в Москве в 1929 г., ни в какой-либо мере ограничить указанные обязательства*.

Телеграмма и проект договора
печат. по арх.

274. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Генеральному консулу СССР в Харбине М. М. Славуцкому

5 июля 1932 г.

На телеграмму от 2 июля**. Опротестуйте письменно перед властями Маньчжурии действия штаба Северо-Восточной эскадры, которые являются вопиющим нарушением прав КВЖД. Потребуйте немедленного прекращения вмешательства штаба в работу по перевалочно-погрузочным операциям на пристанях КВЖД***.

Предупредите, что вся ответственность за убытки дороги (советских организаций) будет возложена на власти Маньчжурии****.

Каракан

Печат. по арх.

275. Телеграмма члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Польше В. А. Антонову-Овсенко

5 июля 1932 г.

До 4 июля местные польские власти не имели распоряжения одоупущения сплава по рекам Случь и Морочь****. Срочно переговорите с Шетнелем. Укажите, что на основании его пер-

* В конце проекта договора, врученного Залесскому, имелось следующее примечание: «Текст, подчеркнутый синим, предложен Румынией (набран курсивом.— *Ред.*). Текст, подчеркнутый красным, был установлен в Риге (набран в разрядку.— *Ред.*). Текст, подчеркнутый черным, был принят румынским делегатом с правом вернуться к нему» (подчеркнут линейкой.— *Ред.*).

** См. док. № 270.

*** См. также док. № 286.

**** Протест был направлен 8 июля 1932 г.

***** См. док. № 238.

вого сообщения наши хозорганы приняли меры для реализации сплава, что было сопряжено с новыми расходами. Телеграфируйте¹⁹³.

Стомоняков

Печат. по арх.

276. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Греции В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

5 июля 1932 г.

Мною получено письмо Венизелоса, который благодарит за сообщение, что две картины Куинджи нами предоставляются греческой национальной пинакотеке. Венизелос просит передать признательность Наркомпросу и Главискусству от имени греческого правительства за этот благородный жест, высоко ценимый Грецией¹⁹⁴.

Полпред

Печат. по арх.

277. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР представителю Китайской Республики в Совете Лиги наций Янь Хой-цуну

Женева, 6 июля 1932 г.

Имею честь подтвердить получение Вашего письма от 29 июня, которым Вы извещаете меня, что уполномочены вашим Правительством обсудить со мною вопрос о заключении пакта о ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой.

Мое Правительство неоднократно заявляло о своей готовности заключить пакты о ненападении со всеми государствами без исключения, какие того пожелали бы, рассматривая эти пакты как одно из средств упрочения всеобщего мира. В соответствии с этими заявлениями я могу сообщить Вам о согласии моего Правительства на заключение пакта о ненападении и с Китайской Республикой.

Я должен, однако, напомнить Вам, что между представляемыми нами странами, к сожалению, до сих пор не существует дипломатических отношений. Я полагаю, что существование нормальных дипломатических отношений между государствами является также весьма важным элементом международного мира и что при отсутствии таких отношений соглашения между государствами значительно теряют в своей ценности.

Исходя из этих соображений, я имею честь сообщить Вам, что мое Правительство готово будет приступить к обсуждению вопроса о заключении пакта о ненападении с Китайской Республикой, как только между нею и Советским Союзом будут восстановлены нормальные дипломатические отношения. Со своей стороны заявляю о готовности моего Правительства к восстановлению этих отношений, в интересах общего мира, без всяких условий*.

Примите уверения в моем высочайшем уважении

Народный Комиссар Иностранных Дел СССР

М. Литвинов

Печат. по док.

В упомянутом письме Янь Хой-цина М. М. Литвинову от 29 июня 1932 г. говорилось:

«Имею честь довести до Вашего сведения, что мной получена телеграмма от Его Превосходительства доктора Ло Вэнь-ганя, Министра Иностранных Дел, датированная сегодняшним числом, в которой мое Правительство уполномочивает меня вступить в переговоры с Вашим Превосходительством, представляющим Правительство Союза Советских Социалистических Республик, по вопросу о заключении договора о ненападении между Китайской Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик»¹⁹⁶.

278. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Турции Народному Комиссару Иностранных дел СССР М. М. Литвинову, в Женеву**

6 июля 1932 г.

На телеграмму от 4 июля¹⁹⁵ Тевфик Рюштю крайне нервничался, когда я ему указал на несовпадение текста ответа Лиге наций с парафированным в Анкаре¹⁹⁷. Он пространно доказывал, что не совпадает лишь форма, которую вообще предусмотреть было невозможно; основная же мысль идентична. Изменение текста, поскольку таковой уже согласован с Генеральным секретарем Лиги наций, было бы чрезвычайно в данной обстановке отказу вступления в Лигу, на что Советское правительство, по мнению Тевфика Рюштю, едва ли хочет толкать Турцию. По его уверению, ответ и в настоящей форме по существу противоречит Уставу Лиги, что было отмечено французскими юристами, настаивавшими на отказе французского правительства от подписи под приглашением. Французы уступили лишь под давлением Эррио, не желав-

* См. док. № 480.

** Копия телеграммы была направлена в НКИД СССР.

шего взять одним срыва. Тевфик Рюштю проникновенно просил не осложнять его и без того трудного положения, заверял, что он учтет настроения наши и мировой общественности, сделает все, дабы предупредить впечатление о какой-либо перемене курса в отношении СССР. В этом смысле обещал помню «штреземановского» письма¹⁹⁸: 1) свое выступление в меджлисе; 2) соответственный абзац в выступлении Джемала Хюсю * в Женеве; 3) кампанию в прессе; 4) особую приписку в предстоящей нотификации с турками протокола¹⁹⁹, что будет в изъятие обычных правил опубликовано.

[Астахов]

Печат. по арх.

279. Сообщение советской печати о поездке советских специалистов в Турцию

7 июля 1932 г.

Во время недавнего пребывания в СССР турецкой делегации во главе с председателем Совета министров Турецкой Республики г. Исмет-пашой **, при переговорах выяснилось, между прочим, намерение турецкого правительства построить в Турции ряд крупных предприятий легкой индустрии, сахарный завод, бумажную фабрику и др. Турецкая делегация выразила желание пригласить для проектирования и планирования этого строительства советских специалистов и экспертов.

В результате переговоров между турецкой делегацией и Наркомтяжпромом и другими ведомствами приглашен с этой целью в Турцию ряд советских специалистов²⁰⁰.

Первая группа этих специалистов выезжает в Турцию в ближайшее время ***.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 186 (4753), 7 июля 1932 г.*

280. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочию Представителю СССР в Германии Л. М. Хинчуку и Полномочному Представителю СССР во Франции В. С. Довгалевскому

8 июля 1932 г.

Президент Уругвая в разговоре с председателем правления «Южамторга» Минкиным поднимал вопрос об обмене представителями. Секретарь президента сообщил Минкину,

* Турецкий делегат на конференции по разоружению.

** См. док. № 210.

*** См. также док. № 323.

что уругвайские посланники в Берлине и Париже виделись с Хинчуком и Довгалевским.

Что Вам об этом известно? 201

Крестинский

Печат. по арх.

281. Телеграмма неофициального Представителя СССР в США в Народный Комиссарнат Иностранных Дел СССР

*8 июля 1932 г.**

Вчера встретился с Макаду, бывшим министром финансов при Вильсоне. Если на выборах победят демократы, то он будет весьма влиятелен, ибо он обеспечил голос в своем штате избранием Рузвельта кандидатом. В ответ на мои вопросы он заявил, что сейчас трудно предсказать, какую позицию займет Рузвельт по вопросу о признании. Это будет зависеть от того, «кто окружит» его. Макаду подтвердил, что сам он — сторонник признания. Друзья Рузвельта заверяют, что они — за признание, но доверять этому пока нет оснований **.

Сквирский

Печат. по арх.

282. Телеграмма Генерального консула СССР в Харбине в Народный Комиссарнат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
9 июля 1932 г.*

Сообщаю подробности занятия пристани ***. Вчера в 13 часов явилось 20 японцев, из коих двое в форме ЕСВ [Единой Северо-Восточной] эскадры, остальные в штатском, 20 полицейских и 30 китайских рабочих, 10 японцев в сопровождении отряда вооруженных китайских полицейских вошли в контору пристани и потребовали от служащих удалиться немедленно с территории пристани; в связи с отказом они были под угрозой оружия изгнаны, кроме заведующего пристанью Попова, которого задержали, пока не были вывезены на улицу книги и инвентарь конторы. Вытолкнув Попова на улицу, японец Хориути, являющийся уполномоченным министерства путей сообщения и начальником транспортного отдела эскадры, потребовал от Попова дать опровержение информации, появившейся вчера в «Харбин дэйли ньюс» относительно инцидента

* Получена по почте 27 июля.

** См. также док. № 243, 303, 468.

*** См. также док. № 270, 274.

седьмого [июля]²⁰², угрожая в противном случае арестом. В 15 часов флаг КВЖД был снят и над конторой вывешен флаг Маньчжоу-Го. Одновременно были сорваны пломбы и взломаны замки пакгауза, в котором находятся имущество и грузы КВЖД. Об этом составлен акт, в котором подписались служащие и рабочие конторы.

Славуцкий

Печат. по арх.

**283. Нота Заместителя Народного Комиссара Иностранных
Дел СССР Чрезвычайному и Полномочному Посланнику
Швеции в СССР Юлленшерна**

9 июля 1932 г.

Господин Посланник,

Настоящим имею честь подтвердить получение Вашей ноты от 15 июня сего года и приложенных к ней двух меморандумов, которой Вы сообразовали передать Правительству Союза ССР официальное приглашение Испанского правительства на участие в международных конференциях телеграфной и радиотелеграфной, которые открываются 3 сентября текущего года в Мадриде. Ответ Правительства Союза ССР относительно участия в вышеуказанных конференциях я буду иметь честь сообщить Вам дополнительно²⁰³.

Примите, Господин Посланник, уверения в моем высоком к Вам уважении.

Н. Крестинский

Печат. по арх.

В упоминаемой ноте Юлленшерна от 15 июня 1932 г. говорилось:

«По указанию моего Правительства имею честь передать Вам от Испанского правительства приглашение Правительству Союза Советских Социалистических Республик направить официальную полномочную делегацию на телеграфную и радиотелеграфную конференции, которые откроются в Мадриде 3 сентября с. г. в 11 час. утра.

Приложенные к настоящей ноте два меморандума* содержат необходимую информацию относительно целей упомянутых конференций, а также сведения о процедурных вопросах работы и т. д.»

**284. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР в НКВД СССР, из Женевы****

10 июля 1932 г.

Последние дни Залесский и Титулеску не приезжали из Лозанны в Женеву. Сегодня ко мне приходил по поручению Эррио и по просьбе Титулеску член французской делегации

* Не публикуются.

** Копия телеграммы направлена в коллпредство СССР во Франции.

Массигли. Он сказал, что Эррио рассчитывал быть в Женеве до отъезда в Париж и переговорить со мной, но затянувшиеся переговоры в Лозанне лишили его этой возможности. Он, возможно, будет еще в Женеве в конце следующей недели, но не уверен в этом. Он очень озабочен судьбой нашего пакта *, но на пути стоят наши разногласия с Румынией, и он поручил Массигли выяснить возможность их устранения. Титулеску возражает лишь против двух пунктов во врученном мною Залесскому проекте **, а именно упоминания во вступлении и в 1-й статье территориального спора, так нельзя ли найти другую формулу.

Я ответил, что упоминание спора является предпосылкой переговоров с Румынией, ибо Патеке, предлагая эти переговоры, сам сказал, что спор должен остаться в стороне и не затрагиваться пактом. Эту мысль мы и включили в пакт, и я придал ей теперь ту формулу, которую предложил мне в Берлине Залесский ***. Что касается упоминания спора в нашей редакции, то это вызвано требованием Румынии. Я могу согласиться устранить это упоминание при условии, что оно ничем другим не будет заменено, и тогда останется текст 1-й статьи, согласованной в Риге. Массигли признал такой исход возможным, а что касается вступления, он будет искать другую формулу. Я повторил, что хотел бы поговорить с Эррио и точнее выяснить судьбу советско-французского пакта.

Имеются сведения, что Румыния убедила Польшу не подписывать пакт сепаратно.

Литвинов

Печат. по арх.

285. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы ****

14 июля 1932 г.

Сегодня приходил ко мне Залесский и, сославшись на приглашение с Титулеску и Массигли, предложил исключить из пакта всякие упоминания о спорных вопросах, а в заключительном протоколе сказать, что «настоящий договор, включающий взаимное обязательство ненападения против территорий, находящихся к моменту подписания под властью той или другой договаривающейся стороны, не может быть исполь-

* См. т. XIV, док. № 229.

** См. прил. к док. № 273.

*** См. т. XIV, док. № 338 и док. № 227 настоящего тома.

**** Копии телеграммы были направлены в полпредства СССР в Польше и во Франции; см. также док. № 284.

зован для другой цели, в частности...». Под многоточием надо, очевидно, понимать разрешение спорных вопросов. Я сказал, что мы не можем в документе признавать власть Румынии над Бессарабией, ибо это тоже было бы косвенным признанием аннексии, что готовы на любую формулу, означающую ненападение на Бессарабию, а кроме того, должны настаивать на открытом упоминании остающихся спорных вопросов. Если Титулеску принимает эти два условия, то мы готовы с ним встретиться и искать совместно подходящую формулу заключительного протокола. Залесский сообщил, что он сегодня же уезжает в Карлсбад, но он вызвал сюда для контакта со мною и с Титулеску Шетцеля, который сегодня же приезжает.

На мой вопрос, чем Залесский объясняет неподписание Патеком до настоящего времени пакта, несмотря на получение им инструкций, о которых сам Залесский мне говорил, мой собеседник ответил, что он сам не понимает этого и спросит сегодня Шетцеля. На вопрос Залесского, кем будет подписан пакт с нашей стороны, я ответил, что в мое отсутствие — Крестинским.

Говорил я с Залесским также о польской прессе, о желательности общего улучшения отношений, прекращения политики булавочных уколов и даже какой-либо внешней манифестации улучшения отношений после подписания и ратификации пакта. Залесский ответил, что он также к этому стремится, но говорил он сдержанно, стесняясь отсутствием инструкций на этот счет.

Литвинов

Печать по арх.

286. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Японии с Заместителем Министра Иностранных Дел Японии Арита*

15 июля 1932 г.

Сегодня был у Арита. Сначала я выслушал его информацию по поводу пристани **. Если бы дело урегулировалось, нечего было бы протестовать. Он только сообщил, что представитель маньчжурских властей, ведающий этими делами, вернулся в Харбин. Полной информации еще нет. Но известно, что монопольного договора «Кокусайунью» не имеет (о монопольном договоре мне говорил Мэнин). Я тогда заявил Арита, что имею инструкции официально протестовать перед япон-

* Из дневника полпреда СССР в Японии за 1 июля — 13 августа 1932 г.

** См. док. № 270.

ским правительством, так как нам было обещано японским правительством, что интересы КВЖД не пострадают.

Арита на это мне ответил, что не может принять моего протеста, так как вопрос этот находится в компетенции маньчжурского правительства. Я ему сказал, что таким образом можно аннулировать обещание японского правительства о КВЖД. На это Арита стал мне что-то говорить относительно того, что это было до образования маньчжурского государства.

Между прочим, этот аргумент выдвигался Араки перед комиссией Лиги наций, что обещания японского правительства в отношении Маньчжурии теперь не имеют значения, так как они были даны до образования маньчжурского государства.

Но Арита понял, что по инерции стал употреблять ту же аргументацию и зашел слишком далеко, и заявил, что старое обещание японского правительства относительно Маньчжурии остается в силе, но это другой вопрос. Это вопрос незаключения КВЖД нового арендного договора после того, как старый перестал действовать в декабре 1931 г. К этому вопросу японское правительство не имеет никакого отношения. Я сказал ему, что нельзя отрицать влияния японского правительства в Маньчжурии и его ответственности за маньчжурские дела.

Арита ответил, что из того факта, что некоторые японцы находятся на маньчжурской службе, нельзя делать вывода, что японское правительство имеет особое влияние в Маньчжурии и может принимать на себя ответственность за маньчжурские дела. Здесь он сослался на пример с таможенными и Веллингтоном Ку²⁰⁴.

Я ему ответил, что японское правительство в некоторых случаях брало на себя ответственность за маньчжурские дела, например, оно гарантировало безопасность комиссии Литтона в Маньчжурии.

Арита ответил, что это было сделано только для полосы Южноманьжурской железной дороги. Я ему сказал, что это неверно, ответственность за безопасность была взята по всей линии железной дороги вплоть до Циншяка, по крайней мере в определенный момент.

Я добавил, что лучше не будем заниматься юридической стороной вопроса о пристани, а примем меры к практическому разрешению этого вопроса. Лучше было бы не осложнять дальнейших отношений, а дружески ликвидировать этот инцидент.

Арита сказал, что ему кажется, что вопрос может быть разрешен, если КВЖД заключит новый арендный договор и внесет арендную плату.

Я ответил, что не знаю, обязана ли КВЖД заключить новый договор, так как я не знаю юридических подробностей дела, но думаю, что надо разрешить вопрос практически, оставив пристань во владении КВЖД.

В заключение Арита обещал послать телеграмму своему генконсулу в Харбине, чтобы последний дал совет маньчжурским властям дружески урегулировать этот вопрос.

Полпред СССР в Японии

А. Трояновский

Печат. по арх.

287. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии с Министром Иностранных Дел Германии Нейратом

15 июля 1932 г.

15 июля был с ответным визитом у фон Нейрата. Он жаловался на напряженную работу, проведенную в Лозанне*, особенно в последнюю неделю пребывания. Надо быть, говорит он, результатами Лозанны довольным, ибо никогда никто не мог думать о стопроцентном удовлетворении своих планов, особенно в такое время, когда столь различны позиции немцев и французов. Эррио уже почувствовал результаты своей политики в Лозанне, ибо за него в палате голосовало меньшее количество членов, и от него отметнулись его сторонники. На поставленный мною вопрос, было ли для немецкой делегации неожиданным заключение двух пактов — джентльменс-агримент-пакта и консультативного пакта** и как она их расценивает, фон Нейрат ответил, что неожиданным это не является. Их поразила опубликованная форма. Несомненно, Макдональд слишком устал в Лозанне, последние беседы велись им в лежачем состоянии, и поэтому формулировка, несомненно, принадлежит французам. Конечно, огорчительно, что в этот момент, когда требовалось восстановление доверия и когда речь шла о репарациях и равноправии немцев, в это время создалось сближение и англичан, и французов. Однако джентльменское соглашение для нас не опасно, прибавил он, мы платить не будем больше той суммы, на которую согласились, и считаем, что с репарациями покончено; в отношении же консультативного пакта нам предложено присоединиться; однако мы ответили отказом и вообще связали свое отношение к этому

* См. «Сборники документов по международной политике...», вып. IV, М., 1933, стр. 7—30.

** См. там же, стр. 17, 30.

пакту тем, что он предусматривает полное равноправие немцев в вопросах вооружения и не является фронтом («фронтбильд»*) против Соединенных Штатов и против Советского Союза. Тут же он прибавил, что повторил т. Литвинову то, что мне сказал во время своего визита**, что нам нечего беспокоиться, так как внешняя политика Германии по отношению к СССР не изменится и останется столь же дружественной, что и при прежнем правительстве¹⁸⁸.

На мой вопрос, были ли разговоры в Лозанне о фронте или кампании против СССР, фон Нейрат ответил, что ни одного разговора об этом не было. Лишь один раз в связи с репарациями в беседе с Саймоном упоминалось о большом долге СССР, но он, фон Нейрат, отклонил эту беседу, заявив, что немцы и в дальнейшем стремятся к развитию хозяйственных отношений с СССР. Здесь фон Нейрат снова повторил, что он очень рад подтвердить, что весь кабинет стоит на точке зрения продолжения и развития дружественных отношений с СССР.

Я обратился к нему, прося извинить меня, что в первый визит к нему считаю нужным ознакомить его с теми трудностями, которые встречаются у нас на нашем хозяйственном фронте. Я его ознакомил с главными затруднениями в нашем экспорте леса и масла. Прежде всего я ознакомил, что в то время как в IV квартале 1931 г., т. е. до нашего декабрьского протокола***, наш экспорт в Германию составлял сумму в 82,9 млн. марок и в общем германском ввозе равнялся 7,5%, в I квартале 1932 г. (уже после декабрьского протокола) наш экспорт составлял 63,8 млн. марок и в общем германском ввозе равнялся лишь 5,1%.

В отношении леса я подробно остановился на фанере и на других видах лесного экспорта, указав, что мы на повышении пошлины теряем свыше 10 млн. марок. В отношении масла указал ему, что пошлина в 75 марок относится лишь к 75% того количества, которое ввезено в 1931 г., а на остальное количество устанавливается двойная пошлина. 1931 год был для нас неблагоприятный: мы ввезли 76 388 двойных центнеров, в то время как у нас намерение ввезти в 1932 г. 190 тыс. двойных центнеров, а между тем мы лишь на 57 290 двойных центнеров можем иметь пошлину в 75 марок. Мы на этом теряем свыше 20 млн. марок. Есть еще примеры. Я сейчас не хочу его обременять, но прошу его заинтересоваться этим и помочь нам в практическом осуществлении тех решений, которые приняты для развития нашего экспорта декабрьским про-

* По-видимому, имеется в виду «фронтбильдунг» (нем.).

** См. доз. № 247.

*** См. т. XIV, док. № 386.

токолом. Он обещал это сделать, прибавив, что эти трудности вытекают из общего затруднения, переживаемого Германией, и отнюдь не знаменуют собой перемену курса по отношению к СССР.

Л. Хинчук

Печат. по арх.

288. Циркулярное письмо Правового отдела Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочным Представительствам СССР в Германии, Австрии, Финляндии, Франции, Великобритании, Италии, Польше, Швеции, Эстонии, Дании и Представительству СССР в Чехословакии

15 июля 1932 г.

Правительство Союза ССР, согласно выраженному на Международном геологическом конгрессе в Претории желанию, постановило созвать очередную конференцию ассоциации для изучения четвертичного периода Европы в Ленинграде, в сентябре 1932 г.

В связи с изложенным Правовой отдел НКИД, пересылая в приложении программу конференции, а также список научных учреждений страны вашего местопребывания, которым были разосланы в свое время соответствующие приглашения, а также материалы и участие которых желательно на указанной конференции, просит вас направить ноту, проект коей прилагается, одновременно с программой конференции министерству иностранных дел²⁰⁵.

Приложение: упомянутое*.

Зам. зав. отделом Антонов
Референт Яцковский

Печат. по арх.

289. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Женевы

16 июля 1932 г.

Сегодня ко мне вновь приходил Массигли в качестве посредника**. Он дал понять, что Титулеску готов отказаться от формулы о «нападении на территорию, находящуюся под властью», но с тем, чтобы нигде не упоминались «спорные вопросы», а в заключительном протоколе говорилось лишь, что

* Не публикуется.

** См. док. № 284.

пакт не может быть использован ни для каких других целей. По существу он повторил предложения Залесского*, отказавшись лишь от слов «под властью». Я стоял на своем, не согласившись на неупоминание спорных вопросов. Я напомнил Массигли, что переговоры с Польшей и Румынией начались в некоторой связи с советско-французским пактом, судьба которого нам до сих пор неизвестна ввиду происшедшей за это время двукратной смены правительства во Франции. На вопрос Массигли, будем ли мы уступчивей, если Эррио даст положительный ответ на интересующие вопросы, я ответил, что советско-французский пакт несомненно увеличит для нас и цену румынского пакта, но что из этого не следует, что мы откажемся от упоминания спорных вопросов. На этом мы разошлись. Эррио приезжает сюда в понедельник, и я предпочитаю продолжать переговоры с Румынией после свидания с Эррио**.

Шетцель прислал карточку, но лично еще не являлся²⁰⁶.

Литвинов

Печат. по арх.

290. Нота Представительства СССР в Чехословакии Министерству Иностранных Дел Чехословакии

18 июля 1932 г.

Подтверждая получение ноты Министерства Иностранных Дел Чехословацкой Республики от 6 апреля 1932 г.***, Полномочное Представительство Союза Советских Социалистических Республик имеет честь сообщить, что не может согласиться с тем толкованием, которое Министерство Иностранных Дел дает статье 14-й Временного Договора от 5 июня 1922 г. между Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой и Чехословацкой Республикой****.

Министерство Иностранных Дел в упомянутой ноте ссылается на ст. 14 Временного Договора от 1922 г. в обосновании своих требований о подаче Торговым Представительством, как обычной частной фирмой, деклараций и уплаты налогов со своих оборотов. Между тем по смыслу этой статьи, и в особенности п. 2, признается, что монополия внешней торговли принадлежит Советскому Правительству и что она осуществляется «при помощи уполномоченных для этого органов».

Таким образом устанавливается, что Торговое Представительство является органом, уполномоченным Советским

* См. док. № 285.

** См. док. № 298, а также док. № 301, 302, 306, 329, 330.

*** Содержание ноты министерства иностранных дел Чехословакии от 6 апреля 1932 г. изложено ниже.

**** См. т. V, док. № 180.

Правительством на ведение внешней торговли и поэтому оно не может трактоваться в области обложения как частная коммерческая фирма. Это явствует также из того факта, что Торговое Представительство пользуется экстерриториальностью и подчиняется местной юрисдикции лишь в тех пределах, на которые Советское Правительство дало согласие.

Исходя из вышеизложенного, Полномочное Представительство, как оно уже писало в своей ноте от 18 марта сего года *, считает, что вопрос о налоговом обложении Торгпредства может быть обсужден не иначе как на основании общего урегулирования отношений между обеими странами в области торговой политики.

Поэтому Полномочное Представительство не видит для себя возможным вести переговоры по уплате налогов иначе, как в разрезе урегулирования всей суммы торгово-политических отношений и остается в полной готовности начать такие принципиальные переговоры с Министерством Иностранных Дел в любой момент **.

Печат. по арх.

**291. Нота Полномочного Представителя СССР в Афганистане
Министру Иностранных Дел Афганистана Файз Мухаммед-хану**

18 июля 1932 г. № 556

Господин Министр,

Основываясь на согласии Правительства Афганистана на сотрудничество с Правительством СССР в борьбе с саранчой, о коем Вы сообщили мне в Вашей ноте от 13 июня с. г. за № 1272/1004, я имею честь сообщить Вам, что, в порядке осуществления этого сотрудничества, мое Правительство предполагает в самом ближайшем времени направить в северные провинции Афганистана группу специалистов в составе трех энтомологов и трех техников. Эти специалисты имеют задачей производство тщательного обследования залежей кубышек саранчи, с тем чтобы с ранней весны уже возможно было бы начать работы по истреблению ее.

Специалисты должны будут произвести обследование по двум маршрутам:

- 1) Ташкурган — Мазари-Шериф — Балх — Ахча — Андох — Даулетабад — Шибирган — Мазари-Шериф;
- 2) Ташкурган — Кундуз — Ханабад — Рустак.

* См. док. № 130.

** См. также док. № 366.

Первый маршрут должен будет охватить приграничный район шириною примерно в сто километров; второй маршрут охватит район шириною примерно в семьдесят километров.

Работы по обследованию должны будут занять время с 1 августа по 15 октября с. г.

Сообщая Вам об изложенном, я прошу Вас, г. Министр, подтвердить мне согласие Правительства Афганистана на работу указанных специалистов, а также дать распоряжение властям Мазари-Шерифа о предоставлении необходимой рабочей силы, транспорта, переводчиков и охраны.

Имена упомянутых шести специалистов для предоставления им афганских виз будут сообщены мною Вам дополнительно*.

Пользуясь случаем, прошу Вас, господин Министр, принять мои заверения в полном к Вам уважении**.

Полномочный Представитель СССР в Афганистане
Л. Старк

Печат. по арх.

На эту ноту Файз Мухаммед-хан ответил нотой от 29 августа 1932 г. № 1898/1525, в которой говорилось:

«Подтверждая получение Ваших писем за №№ 586 и 589, я на основании личных с Вами переговоров по изложенному в письмах вопросу сообщаю нижеследующее:

Афганское Правительство назначило и отправило в Мазари-Шериф комиссию по борьбе с саранчой, которая по прибытии на место совместно с такого же рода советской комиссией приступит к противосаранчовым работам. Расходы по передвижениям и продовольствию комиссии лежат на самих комиссиях.

По поводу обеспечения советской комиссии переводчиками имею честь просить Вас сделать распоряжение о назначении таковых из СССР.

Что касается шести специалистов по борьбе с саранчой, то нужные указания о выдаче им визы на въезд в Афганистан будут сделаны, и комиссия в сентябре приступит к работам».

292. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Персии А. М. Петровскому

19 июля 1932 г.

Правительство утвердило проект конвенции по борьбе с вредителями хлопка и с саранчой, предложив нам вступить в переговоры по этому вопросу с персидским правительством.

* Соответствующая нота за № 589 была направлена Л. Н. Старком Файз Мухаммед-хану 23 июля 1932 г.

** См. также док. № 241, 256.

вом²⁰⁷. С ближайшей диппочтой перешлем Вам окончательный текст проекта.

Карахан

Печат. по арх.

293. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Норвегии А. А. Бекзаяну

20 июля 1932 г.

Передаем Вам сегодня клером на французском языке личную ноту* по делу Квислинга, которую постарайтесь сегодня же вручить Бродланду или Эсмарку. В нашей прессе уже сегодня опубликованы статьи по этому поводу** и необходимо вручить ноту, не теряя времени. При вручении ноты устно добавьте, что в Москве в правительственных кругах царит возмущение антисоветскими происками в Норвегии, в частности такими фактами, как выступление Квислинга с обвинением СССР в агрессивности, как использование грубых фальшивок, как заявление Квислинга, Бродланда и Сундби против госгарантии и как заявление самого Хундсейда. Скажите, что все это не может не оказывать влияния на советско-норвежские отношения и что ответственность за это лежит на норвежском правительстве.

Крестинский

Печат. по арх.

294. Выступление Председателя советской делегации М. М. Литвинова на двадцать четвертом заседании Генеральной комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений

21 июля 1932 г.

Женева, 22 июля. (Спецкорр. ТАСС). Для обоснования советских поправок к проекту резолюции Бенеша тов. Литвинов выступил в Генеральной комиссии со следующей речью:

Председатель высказывал вчера опасения относительно возможной длины наших речей. Не знаю, будет ли рассеяно его опасение тем, что моя речь будет весьма коротка по сравнению с временем, которое нас заставили ждать до появления сегодняшней резолюции. Если Венский конгресс принято назы-

* См. док. № 295.

** См. газ. «Известия» № 199 (4766), 20 июля 1932 г.

вать теперь «веселящимся конгрессом», то нынешняя конференция, вероятно, войдет в историю под названием «конференция в ожидании». Я рад был бы не упоминать этого обстоятельства, если бы мы были вознаграждены за наше долготерпение результатами ожидания, но, к сожалению, это не так.

Предлагаемая нам резолюция, которая вырабатывалась и ожидалась членами делегаций в течение нескольких недель, если не месяцев, должна представлять собой, очевидно, итог всех достижений конференции за 6 месяцев ее существования и предшествовавшей подготовительной работы и в то же время максимальную программу работ следующего этапа конференции. Мне кажется, что мы все не можем не сознаться, что эта резолюция принесет горькое разочарование всем тем людям и организациям, которые возлагали все свои надежды в области мира на конференцию, и оправдает мрачные предсказания и предчувствия тех, которые этих надежд и иллюзий с самого начала не разделяли.

Хотя резолюция начинается с утверждения, что время настало для принятия всеми народами мира существенных и обширных мероприятий по разоружению для консолидации всеобщего мира, все дальнейшее содержание этой резолюции является полным отрицанием этого утверждения и, наоборот, признанием того, что представленные на конференции государства не нашли момент созревшим для окончательного принятия хотя бы одной решительной меры по разоружению.

Проект резолюции — решительный шаг назад

Я позволю себе проанализировать резолюцию пункт за пунктом. Я не буду останавливаться на общих декларациях и неопределенных обещаниях относительно возможных будущих решений. Этих деклараций было на конференции более чем достаточно. Более того, уже 18 апреля Генеральная комиссия постановила, что настоящая конференция должна завершить решительный этап в сокращении вооружений до наиболее низкого уровня. Резолюция, предлагаемая нам, повторяет лишь это постановление о первом решительном шаге, не указывая ни одной цифровой уровень сокращаемых вооружений. Я буду касаться поэтому лишь тех конкретных положительных решений, относительно которых будто бы имеется уже общее соглашение.

Таких конкретных решений имеется в резолюции, к сожалению, лишь одно, а именно относительно химической, бактериологической и огневой войны. Но это решение в своих основных частях заключается в конвенции о химической и бакте-

риологической войне, принятой под названием Женевского протокола еще в 1925 г.* Этот протокол ратифицирован уже 34 государствами, в том числе Советским Союзом, Великобританией, Францией, Италией и Германией. Этот договор уже вступил в силу между государствами, формально его принявшими. Если остальные государства, не подписавшие или не ратифицировавшие протокол, согласны с ним, им остается лишь об этом заявить формально, и договор получит всеобщее применение. Если вместо этого нам теперь предлагают неопределенную резолюцию, составленную в общих выражениях об одобрении рекомендаций технических комиссий, по поводу которых, вероятно, возможны еще дальнейшие прения и которые могут принять форму обязательства лишь через отдаленное время, то мы в данном случае вправе говорить о решительном шаге назад, а не вперед. Ни в коем случае поэтому пункт резолюции о химической и бактериологической войне нельзя выдвигать за достижение нынешней конференции. Я не говорю о том, что этот вопрос, как и другие вопросы о гуманизации войны, относится скорее к компетенции Союза Красного Креста, чем к конференции по разоружению. В рекомендациях технической комиссии советская делегация не находит серьезных улучшений по сравнению с Женевским протоколом 1925 г., а если в них есть что-либо дополнительное, то это должно было бы составить предмет дополнительного протокола и не должно давать нам повода поставить под вопрос уже существующие в этой области международные обязательства и давать правительствам повод не присоединяться к этим обязательствам и не ратифицировать их.

Пункт о запрещении бомбардировки гражданского населения можно приветствовать, но и он относится скорее к предметам гуманизации, т. е. к области Красного Креста, чем к вопросам разоружения, ибо этот пункт сам по себе не означает сокращения военной авиации хотя бы на одну единицу. В теории право бомбардировки гражданского населения вряд ли когда-либо признавалось и защищалось кем бы то ни было. Если в минувшую войну гражданское население и страдало от воздушной бомбардировки, то последняя обыкновенно направлялась против военных объектов, вызываясь военно-стратегическими соображениями, и, поскольку военная авиация, или хотя бы бомбардировочная, в абсолютной форме не будет запрещена, не может быть никакой гарантии для гражданского населения. Таким образом, этот пункт не может иметь серьезного значения и во всяком случае не может рассматриваться как серьезный результат шестимесечных работ конференции.

* См. т. X, стр. 525—526.

К сожалению, основной вопрос о запрещении бомбардировочной авиации поставлен в резолюции в зависимости от условий, которые еще подлежат обсуждению и согласованию.

Хотя мы и не посвящены в детали длительных, мучительных и частных переговоров по этому вопросу, не составляет секрета, что относительно этих условий существует серьезное расхождение. Мне, таким образом, кажется преждевременным включение этого вопроса в число пунктов, по которым якобы достигнуто соглашение. В резолюции ничего не говорится об уничтожении военной, или хотя бы бомбардировочной, авиации, а между тем такая мера является единственным эффективным методом обеспечения прекращения воздушной бомбардировки. Нетрудно проконтролировать уничтожение того или иного вида оружия или обнаружить нарушителей запрещения в этой области, но вряд ли можно быть гарантированным от его использования во время войны вопреки конвенции, если запрещенное оружие будет фактически сохранено. Советская делегация, высказывавшаяся за полное уничтожение всей военной авиации, предлагает теперь в качестве компромисса предусмотреть в резолюции в числе прочих мер уничтожение по крайней мере бомбардировочной авиации.

В отношении танков и тяжелой артиллерии говорится лишь об ограничении тоннажа и калибра вообще. Но опять-таки против ограничения вообще никто никогда не возражал ни на конференции, ни в комиссиях. Однако как только речь заходила о цифрах, появлялись разногласия. В комиссиях, например, предлагали ограничить тоннаж танков и калибр пушек такими пределами, которые техникой либо еще не достигнуты, либо достигнуты лишь в стадии эксперимента. Если соглашение возможно только в таких пределах, то было бы смешно подводить это под сокращение существующих вооружений.

Вопрос о количественном разоружении на Конференции фактически не ставился

Все эти вопросы касаются так называемого качественного разоружения. Я уже имел случай указывать в этой комиссии, что качественное разоружение само по себе означает не сокращение вооружений, не уменьшение возможности войны, а следовательно, не означает консолидацию мира, а регламентацию войны, новую разработку права войны. Чем больше мы будем уделять внимания качественному разоружению в ущерб количественному, тем больше мы будем отходить от основной задачи конференции, названной конференцией по разоружению, и будем приближаться к темам, которыми занимались гаагские конференции и «красные кресты». Нас, делегатов конфе-

рениии по разоружению, должно интересовать качественное разоружение постольку, поскольку качество может переходить в количество или постольку качественное разоружение является дополнением к количественному. Ограничение тоннажа, калибра или других характеристик того или иного оружия не может давать значительных результатов в смысле количества. Я позволю себе напомнить вам, что все постановления и приглашения, связанные с созывом конференции по разоружению, всегда понимались под углом зрения количественного разоружения, а не качественного. В Подготовительной комиссии по разоружению, например, вопрос о качественном разоружении даже не поднимался и никаких подготовительных действий в этом направлении не предпринималось. Советская делегация поэтому считает основным дефектом резолюции отсутствие каких бы то ни было конкретных решений о количественном сокращении вооружений.

Конференция была созвана и собралась для сокращения вооружений, но на естественный вопрос, который будет поставлен нам: на какую часть решено сократить вооружение? — мы, делегаты, на основе предлагаемой резолюции ответа дать не сможем, ибо не только нет решения, но и сам вопрос на конференции почти поставлен не был. Впрочем, вопрос-то был поставлен самим названием конференции, он был поставлен хотя бы тем проектом конвенции Подготовительной комиссии, в котором имеется таблица с перечислением элементов вооружений, против которых конференция должна была поставить только коэффициенты сокращения.

Последние заседания Генеральной комиссии могут создать впечатление, что количественным сокращением вооружений не занимались потому, что долгое время не было соответственных конкретных предложений и что лишь в самое последнее время поступило одно такое предложение, а именно от американской делегации¹⁵¹, которое пришло, однако, слишком поздно, мол, для того, чтобы конференция могла обсудить его и принять какие-либо решения ввиду необходимости разъехаться на каникулы. Дело, однако, отнюдь не обстоит так. Советская делегация внесла альтернативно к предложению о полном всеобщем разоружении совершенно конкретный проект сокращения всех видов вооружений на 50%. Советская делегация выставила эту цифру не ультимативно, а как выражение существенного сокращения вооружений.

Если бы советское предложение было поставлено тогда на обсуждение, то другими делегациями могли бы предлагаться и другие цифры — в 33⅓%, больше или несколько меньшие цифры, и если действительно верно утверждение предлагаемой ныне резолюции, что конференция полна решимости осуществить существенные и обширные меры разоружения и что она

приветствует предложения американского правительства, включающие сокращение вооружений до $\frac{1}{3}$, то нетрудно было бы договориться о цифрах, и тогда действительно можно было бы говорить о решительном шаге вперед.

Саботаж посредством «частных переговоров»

Наконец, со времени представления американского предложения прошел уже почти месяц, и, если бы Генеральная комиссия занялась сразу вплотную этим предложением, у нас могли бы быть серьезные результаты. Опять-таки при условии, что заключающиеся в предлагаемой резолюции декларации и обещания действительно соответствуют намерениям представленных здесь правительств.

Вместо этого, к сожалению, конференция и Генеральная комиссия фактически перестали функционировать еще месяц назад. Делегации были обречены на полное бездействие в ожидании результатов каких-то частных переговоров. Результаты эти нам теперь известны: это — резолюция, которую я сейчас разбираю и которая лишена серьезной ценности и является лишь повторением такой же резолюции, принятой еще три месяца назад, о том, что решено осуществить решительный этап по сокращению вооружений. Тогда предполагалось, что конференция немедленно займется конкретизацией этой резолюции, но этого не произошло, и весь смысл предлагаемой ныне резолюции заключается в том, что нам предлагают отложить конкретизацию на дальнейшие шесть месяцев.

Какие гарантии в том, что эта задача нам лучше удастся тогда, чем за истекшие три месяца? Что изменится к этому времени? Какие будут устранены препятствия, которые мешали конкретизации до настоящего времени? В резолюции прямо не говорится, но подразумевается, очевидно, что [произойдут] новые частные переговоры, кроме того, есть ссылка на специальные конференции для соглашения по группам государств. Можно ли связывать с этим какие-либо надежды? Вся история проблемы разоружения есть непрерывная серия этих откладываний и отсылок к частным переговорам, частным конференциям. Если проследить историю Подготовительной комиссии, то мы увидим, что она обыкновенно прекращала свои сессии и прерывала свои работы неизменно со ссылкой на частные переговоры, частные совещания и конференции, где-то происходящие и которые якобы должны подготовить решения по вопросам, разделявшим комиссию.

Комиссия неизменно вновь собиралась, чтобы констатировать безрезультатность этих частных совещаний.

Но все эти благотворные результаты частных переговоров и совещаний неизменно оказывались миражем, блуждающими

огнями, как и миражем оказались результаты частных переговоров, воплощенные в предлагаемой нам резолюции. В этой резолюции, как мною только что отмечено, имеются либо решения, поставленные в зависимость от условий, составляющих предмет глубоких разногласий, либо общие указания на достигнутые соглашения, но мы по опыту уже знаем, что как часто мы расходимся по вопросу о том, на чем же мы собственно согласились?

**Предлагаемая резолюция — не ответ,
а сокрытие ответа**

Проблема разоружения стоит перед государствами во всех ее конкретных аспектах уже в течение десяти лет. Вопрос изучен экспертами каждой страны в комиссиях и подкомиссиях во всех его деталях.

Правительства всех государств имеют совершенно определенные ответы на этот вопрос, и советская делегация полагает, что настал момент, когда эти ответы должны быть даны во всеуслышание и не где-либо, а на конференции по разоружению. Разоружение должно перестать играть роль теннисного мяча, перебрасываемого из одной комиссии или подкомиссии в другую, с одной конференции на другую, с одной сессии на другую. Через 6 месяцев ответ правительств будет тот же, что и теперь, и нам незачем его откладывать. Предлагаемая резолюция не есть ответ, а сокрытие ответа и поэтому в настоящем виде должна быть отвергнута.

Советская делегация считается с очевидным намерением конференции разъехаться в ближайшие же дни. Она не предлагает поэтому вносить новую резолюцию и, наоборот, в духе сотрудничества готова принять за основу нынешнюю резолюцию, если в ней даны будут конкретные цифровые ответы хотя бы по намеченным в ней пунктам.

Что предлагает советская делегация

Советская делегация предлагает по общему пункту о сокращении вооружений, главным образом по основному вопросу о количественном сокращении, не ограничиваться неопределенными декларациями, а совершенно точно сказать, что конференция решает сократить все виды вооружений не меньше чем на одну треть. Советская делегация в свое время предлагала то же сокращение по прогрессивно-пропорциональному принципу, считая справедливым и политически целесообраз-

ным, чтобы наиболее могущественные государства сокращали свои вооружения в большей мере, чем другие государства, а именно до 50%.

Не встречая, однако, благоприятного отклика на это предложение и констатируя, что другое государство, пойдя навстречу советскому проекту, предложило сокращение всех видов вооружений на одну треть и что о присоединении к этому предложению было сделано заявление Италией и несколькими десятками других государств, советская делегация в порядке практического компромисса готова для первого этапа сокращения удовольствоваться предложением об одной трети. Советская делегация не может, однако, согласиться на изъятие из сокращения отдельных частей вооруженных сил, предназначенных для полицейской и колониальной службы, ибо этим путем создано было бы привилегированное положение для наиболее могущественных государств, имеющих колонии, государств, которые таким образом подверглись бы сокращению в меньшей пропорции, чем более слабые государства. Советское государство к тому же не могло бы присоединиться к документу, в котором формально санкционировались бы методы осуществления империалистической и колониальной политики. Далее советская делегация считала бы справедливым и надеется, что против этого не встретится серьезных возражений, чтобы наиболее слабые государства, имеющие не более 30 тыс. войск и 100 тыс. тонн морских вооружений, не представляющие никакой угрозы нападения, были освобождены от сокращения вооружений. Мы рассчитываем также, что не будет возражений против того, чтобы от дальнейшего сокращения были освобождены государства, которые подверглись разоружению в силу международных обязательств, причем такая мера отнюдь не должна наносить ущерба принципу равенства наций, а, наоборот, считаться первым шагом к этому равенству.

Только в случае принятия этой советской поправки резолюция могла бы быть рассматриваема как некоторый шаг вперед в деле разоружения и дать минимальное удовлетворение народам, требующим этого разоружения. Предлагаемая мера разоружения могла бы быть усилена полным упразднением и запрещением военной авиации, запрещением танков и тяжелой артиллерии калибром, превышающим 100 миллиметров, как это предложено в других советских поправках.

Повторяю, советская делегация отнюдь не намерена ограничить программу всей конференции этими мероприятиями, которые она рассматривает лишь как действительно первый этап. Следующая сессия конференции, по мнению советской делегации, должна будет заняться как дальнейшей конкретизацией этих мероприятий, так и обсуждением и подготовкой дальнейших мероприятий в том же направлении.

Таковы главнейшие поправки, вносимые советской делегацией к проекту резолюции. Пока не приняты эти поправки, я не считаю нужным занимать внимание комиссии указаниями на менее существенные пункты резолюции, которые не совсем приемлемы для советской делегации, как, например, насылки на 8-ю статью Устава Лиги наций, отношение к которой со стороны советской делегации известно из других моих выступлений*, или на пункт о постоянной комиссии, который совершенно не обсуждался.

Советская делегация на страже мира

Советская делегация отдает себе полный отчет в том, что ее поправки вряд ли будут приняты единогласно или хотя бы даже большинством голосов. Если она тем не менее настаивает на голосовании, то она исходит из глубокого убеждения в том, что и безуспешные международные конференции имеют глубокое значение и дают много поучительного и полезного материала для понимания развития международной жизни, а также для облегчения соглашений на последующих конференциях.

Но для того, чтобы народы могли извлекать эти полезные уроки из международных конференций, абсолютно необходимо, чтобы эти конференции происходили совершенно гласно, чтобы все спорные вопросы обсуждались и голосовались гласно, чтобы ясны были не только пункты соглашения, но и пункты расхождения между народами. Только этим путем мы можем привлекать все народы к соучастию в международной жизни, а это соучастие особенно необходимо для разрешения проблемы разоружения. Мы не можем говорить о гласности нашей конференции, когда в течение трех месяцев Общая комиссия** собиралась пять раз и вся работа сосредоточена была в частных переговорах нескольких делегаций. Советская делегация высказывает надежду, что на конференции не будут повторены эти методы, задевающие достоинство делегатов и множество стран, к тому же не оправданные результатами.

Советская делегация, естественно, в первую очередь озабочена тем, чтобы совершенно ясна была народам Советского Союза и другим народам позиция Советского правительства в деле разоружения и чтобы с нее снята была всякая ответственность за отрицательные или недостаточные результаты конференции. Она надеется, что она этой цели достигла, ибо она никогда не упускала случая заявить и на всякий случай заявляет теперь вновь, что она согласна на самые далеко идущие меры

* См. док. № 175.

** Имеется в виду Генеральная комиссия.

разоружения вплоть до полного всеобщего разоружения. Если ей приходилось по практическим соображениям предлагать меры или соглашаться с мерами частичного разоружения, то она никогда не отходила от своего основного предложения о полном всеобщем разоружении, которое она продолжает считать наилучшим средством против войны и максимальной гарантией всеобщего мира.

Требование этой гарантии повелительно диктуется нынешними особенностями международной жизни, над которой продолжает тяготеть угроза международных вооруженных столкновений. Конференция собралась в феврале, когда почти все виды вооружений были в действии и совершали свой разрушительный эффект. Если грохот пушек и падающих бомб сейчас затих, то это не значит, что обозначенная ими опасность устранена. То упорное сопротивление, на которое на нашей конференции наталкиваются даже предложения о минимальных мерах разоружения, указывает на то, что правительства, несмотря на пацифистский договор об отказе от войны, несмотря на обилие международных конференций, продолжают верить в войну как средство национальной политики, что они предпочитают говорить друг с другом даже о мире и о международной солидарности в полном вооружении. Политика заключения пактов о ненападении между государствами, которую проводит Советское правительство, продолжает встречать препятствия со стороны других правительств. При этих обстоятельствах говорить о действительном политическом разрядении не приходится, и Советское правительство не видит основания ослаблять свою пропаганду всеобщего мира через полное всеобщее разоружение.

Советское предложение о полном разоружении было отклонено, между прочим, как весьма «непрактичное», несмотря на то что этим предложением конференция не занималась. Десять лет подготовительных работ и шесть месяцев конференции достаточно убедительно доказали, однако, непрактичность других предложений, выдвигавшихся в противовес советскому. Внимательное изучение работ конференции и ее технических комиссий должно убедить всякого беспристрастного человека в большей осуществимости одного упразднения того или иного вида оружия, чем установления его характеристики и ограничения его размеров.

Соображения о сравнительной безопасности, о нарушении установленной относительности и нарушении интересов отдельных стран выступают тем ярче, чем больше отклоняемся от полного упразднения того или иного оружия. Рекомендованный советской делегацией Подготовительной комиссией и нынешней конференцией метод объективного пропорционального сокращения не нашел поддержки ни с какой стороны. Этот ме-

тод мы находим в предложениях американского правительства, к которому присоединились и пять других делегаций.

Из множества писем и резолюций различных национальных и международных организаций советская делегация с удовлетворением узнает, что ее позиция находит все большее и большее признание. Она рассчитывает, однако, не только на признание, но и на активную поддержку. Советская делегация будет в дальнейших стадиях работ конференции цепко держаться своих позиций и проявлять в соответственных случаях нужную непримиримость в интересах движения против войны, в интересах действительного и всеобщего мира *.

*Печат. по газ. «Известия» № 202 (4759),
23 июля 1932 г. Откуда, в сб. «Actes de la
Conférence...». Série B. Vol. I, pp. 154—167.*

295. Нота Полномочного Представителя СССР в Норвегии А. А. Бекзадяна Министру Иностранных Дел Норвегии Бродланду

[21 июля 1932 г.]**

Господин Министр,

По поручению моего Правительства имею честь довести до Вашего сведения нижеследующее:

Внимание Союзного Правительства было обращено на обсуждение в Стортинге доклада специального комитета по исследованию документов, относящихся к деятельности различных организаций норвежского рабочего движения, представленных Стортингу Министром национальной обороны Норвегии г. Квислингом. Среди этих документов имеются таковые, которые относятся к деятельности Союзного Правительства и его официальных органов за границей. На основании этих документов Министр национальной обороны в своих выступлениях в Стортинге счел возможным предъявить Союзному Правительству ряд обвинений, среди которых следует отметить обвинение во вмешательстве Союзного Правительства во внутренние дела Норвегии, а также обвинение в агрессивных намерениях Союза ССР против Норвегии. Часть этих документов и обвинений основана также на официальных справках норвежского Министерства Иностранных Дел о том, что Коммунистический Интернационал является органом государственной власти Союза ССР.

Ознакомившись из сообщений Норвежского телеграфного агентства и норвежской прессы с этими документами, а равно

* См. также док. № 296.

** Дата вручения полпредом А. А. Бекзадяном Бродланду; см. также док. № 293.

с заявлениями в Стортинге Министра национальной обороны, Союзное Правительство констатирует:

1. Так называемые документы, доказывающие якобы вмешательство Союзного Правительства и его органов в Норвегии — Полномочного Представительства и Торгового Представительства — во внутренние дела Норвегии, на самом деле являются обычными и притом весьма неискусно и грубо составленными фальшивками, фабрикуемыми в немалом количестве различными международными авантюристами и иностранными антисоветскими организациями, ставящими своей целью обострить отношения между Союзом ССР и находящимися с ним в нормальных дипломатических отношениях государствами.

2. Справки Министерства Иностранных Дел о том, что Коммунистический Интернационал является органом Правительства Союза ССР, ни на чем не основаны, противоречат конституции, законам СССР и фактам и являются недопустимыми ввиду существования нормальных дипломатических отношений между СССР и Норвегией и способны лишь ввести в заблуждение норвежское общественное мнение.

3. Заявления Министра национальной обороны, направленные против Союзного Правительства и недопустимые сами по себе по существу и по форме в отношениях между государствами, находящимися в нормальных отношениях, — основаны не на фактах, а на фальшивых документах и на информации аналогичного происхождения.

4. Премьер-Министр Норвежского Правительства счел, к сожалению, возможным официально солидаризироваться с указанными недопустимыми выпадами г. Квислинга.

На основании вышеизложенного, имею честь заявить Вам, г. Министр, по поручению моего Правительства, категорический протест против:

1. Использования членом Норвежского Правительства фальшивых документов в целях опорочения Правительства СССР;

2. Недопустимых выпадов Министра национальной обороны против Союзного Правительства и его официальных органов — Полномочного Представительства и Торгового Представительства — в частности, заявления г. Квислинга об агрессивных намерениях СССР по отношению к Норвегии, заявлений, находящихся в столь очевидном противоречии с фактами и со всем известной политикой мира СССР;

3. Поддержки этих выпадов со стороны Премьер-Министра Норвегии в его выступлении на заседании Стортинга 30 июня с. г.

Вместе с тем Союзное Правительство не может не выразить своего крайнего изумления перед тем, что члены Норвежского Правительства считают возможным делать Союзное Прави-

тельство и отношения между обоими государствами объектом внутривнутриполитической борьбы и тем самым подвергать серьезному испытанию традиционные отношения, существующие между обоими государствами и их народами.

Примите, господин Министр, и пр.

Печат. по арх.

На эту ноту министр иностранных дел Норвегии Бродланд ответил А. А. Бекзаяну письмом от 21 июля 1932 г., в котором говорилось:

«Я имею честь подтвердить получение Вашего письма по поводу обсуждения в Стортинге доклада Специального комитета по изучению документов, относящихся к деятельности различных организаций норвежского рабочего движения, представленных в Стортинг Министром национальной обороны Норвегии г. Квислингом. Добавлю, что содержание указанного письма я передал Председателю Совета Министров и моим коллегам по Правительству, а также сообщу о нем Стортингу, как только он вновь соберется».

296. Выступление Председателя советской делегации М. М. Литвинова на двадцать седьмом заседании Генеральной комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений

23 июля 1932 г.

Я заявил позавчера, что резолюция, предложенная докладчиком, неприемлема для советской делегации *. Я указал причины этого и не стану занимать время комиссии повторением их.

Я пытался внести поправки в резолюцию. Это мне не удалось. Несмотря на то, что столько делегаций заявили о своем недовольстве резолюцией, она предстала перед нами сейчас в своей первоначальной форме, не измененной. Отношение к ней советской делегации поэтому также остается без изменений. Советская делегация вынуждена голосовать против резолюции. Советская делегация остается на своих основных позициях. Она предложила полное разоружение, и естественно, что это предложение включает в себе всякую меру всеобщего сокращения вооружений. Советская делегация могла бы спокойно ожидать согласия других делегаций на сокращение вооружений, ибо ее согласие на это сокращение заранее обеспечено.

Однако я очень боюсь, что, если мы неявно укажем наше отношение к резолюции, позиция советской делегации и правительства может быть неправильно истолкована как изменение политики. Естественно, что я этого хочу избежать. В конце концов об окончательном отношении всех делегаций к резолюции будут судить не на основании речей и разъяснений, а на основании того, голосовали ли они «за» или «против» резолю-

* См. док. № 294.

ции. Было бы действительно прискорбно, если бы голосованием создалось впечатление, что конференция единогласно принимает данную резолюцию как предел воли всех народов к разоружению. Абсолютно необходимо, по моему мнению, чтобы мир в целом знал, что имеются делегации, которые не хотят остановиться на этих пределах и желают напрячь все свои силы, чтобы толкать конференцию возможно дальше за пределы резолюции к действительному сокращению вооружений и короткими решительными этапами — к полному разоружению. Только на этом пути находится настоящая безопасность для всех народов, в первую очередь безопасность от войны, безопасность независимости народов и свободного развития согласно их собственным желанием и идеалам, без всяких преград или внешней интервенции. Только на этом пути находится настоящее равенство прав наций, которого мы хотели бы добиться не в форме равенства вооружений, а равенства разоружения. Равенство, сегодня установленное, завтра может быть нарушено, пока существуют вооружения и, как их неизбежная спутница, война. Я хотел бы верить, что все те, которые действительно заинтересованы во всеобщем и длительном мире, в безопасности для всех стран и в равенстве прав всех стран, увидят путь надежды не в том, сколько делегаций голосовали за заведомо неудовлетворительную резолюцию, а в том, что имеется хотя бы одна делегация, которая всегда готова недвусмысленно демонстрировать свое неудовлетворение каким бы то ни было ограничением разоружения и тем самым работает над приближением того времени, когда, пользуясь удачной экскурсией в область грамматики председателя французского совета министров, глагол «вооружаться» никогда не будет применяться народами в настоящем или в будущем, а только в прошлом и только с неловкостью и со стыдом.

*Печат. по газ. «Известия» № 204 (4771),
25 июля 1932 г. Orig. в сб. «Actes de la
Conférence...». Série B. Vol. I, pp. 203—204.*

[Приложение]

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЗОЛЮЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОЙ КОМИССИИ КОНФЕРЕНЦИИ ПО СОКРАЩЕНИЮ И ОГРАНИЧЕНИЮ ВООРУЖЕНИЙ *

23 июля 1932 г.

I

Конференция по сокращению и ограничению вооружений,

Глубоко убежденная, что для всех наций настало время принять существенные и широкие меры для разоружения, чтобы укрепить всеобщий

* В подстрочных примечаниях к данному документу даны советские поправки (посланные советской делегацией 20 июля 1932 г.), которые относились к проекту резолюции, почти не отличавшемуся от принятого Генеральной комиссией текста.

мир, ускорить восстановление экономической жизни и облегчить финансовое бремя, давящее ныне все народы;

Желая избежать соревнования в мощи вооружений, разорительного для народов и одновременно угрожающего их национальной безопасности;

Напоминая свои резолюции от 19, 20 и 22 апреля 1932 г. *;

Твердо придерживаясь своего решения завершить первый решающий этап, который повлечет существенное сокращение вооружений, на основе ст. 8 Статута Лиги наций и в качестве естественного следствия обязательств, вытекающих из пакта Бриана — Келлога;

Сердечно приветствуя инициативу президента Соединенных Штатов Америки, формулировавшего в конкретной форме предложения о существенном сокращении вооружений, путем воспреещения некоторых форм войны, уничтожения некоторых материалов и сокращения различных размеров, достигающих для некоторых вооружений одной трети;

Имея в то же время в виду проект конвенции Подготовительной комиссии, заявления и предложения, сделанные на конференции известным числом делегаций, и доклады и резолюции разных комиссий конференции;

Решает ** теперь же и единогласно руководствуясь общими принципами, лежащими в основе декларации президента Гувера:

1. Что будет произведено существенное сокращение мировых вооружений, применяемое путем Всеобщей конвенции одинаково к сухопутным, морским и воздушным вооружениям;

2. Что основною целью, которую надо достичь, является сокращение средств нападения.

II

Завершение первой фазы работ Конференции

Констатируя, что уже в настоящее время оказалось возможным достигнуть соглашения по некоторому числу важных пунктов, Конференция, не исключая далее идущих соглашений в дальнейшем, решает теперь же фиксировать нижеследующие конкретные меры по разоружению, как имеющие составить часть заключаемой Всеобщей конвенции. Конференция, кроме того, решает установить известные принципы в качестве основы для нового сокращения вооружений и определить необходимый порядок дальнейшего активного продолжения ее работ.

1. Воздушные силы

Конференция, вполне отдавая отчет в опасности, которую могла бы представлять для цивилизации воздушная бомбардировка в случае конфликта в будущем, и решившись принять все практические меры для пре-

* См. док. № 158, 175, 181 и соответственно к ним прик. 112, 121, 125.

** Советская поправка: 1. Введение. Заменить конец введения следующим текстом: «решает, что будет произведено сокращение не меньше чем на 33 1/3% существующих вооружений по всем категориям сухопутных, морских и иных вооружений, с изъятием для малых стран, имеющих соответственно армии не свыше 30 000 человек и общей морской тоннаж не свыше 100 000 т, а также для стран, подвергнувшихся разоружению в силу других международных соглашений».

дотвращения этой опасности, фиксируя в данной стадии своих работ следующие выводы: 1. Всякое воздушное нападение на гражданское население должно быть абсолютно воспрещено. 2. Высокие договаривающиеся стороны взаимно обязуются отменить всякую воздушную бомбардировку под условием достижения соглашения о мерах, подлежащих принятию для действительного соблюдения этого воспрещения.

Эти меры должны были бы включать следующее*.

а) Военная авиация подвергается численному ограничению и ограничению предельных элементов воздушных судов;

в) Гражданская авиация подвергается регламентации и полной гласности. Кроме того, гражданские воздушные суда, предельные элементы которых будут превышать установленные лимиты, будут (за исключением нескольких районов, где такой режим не подходит) подчинены международному режиму, способному воспрепятствовать незаконному использованию этих воздушных сил.

2. Сухопутные силы

а) Сухопутная артиллерия.

1. Вся тяжелая сухопутная артиллерия калибров между неким максимально предельным калибром, установленным, как сказано ниже в пункте 2, и низшим калибром, подлежащим определению, будет численно ограничена**.

2. Предельный калибр сухопутной артиллерии будет определен конвенцией.

Под условием установления действительного метода для воспрепятствования быстрому превращению неподвижно установленной артиллерии в подвижную, различные предельные калибры сухопутных орудий могут быть фиксированы нижеследующим образом:

а) Максимальный предельный калибр для береговой артиллерии, который не должен быть менее максимально предельного калибра морской артиллерии;

б) Максимальный предельный калибр артиллерии постоянной пограничной и оборонительной системы;

с) Максимальный предельный калибр подвижной сухопутной артиллерии, иной чем артиллерия береговой обороны***;

в) Танки****.

Максимальный тоннаж каждого танка будет ограничен.

* Советская поправка: Завершение первой части работ Конференции. 1. Воздушные силы. Заменить пункты 1 и 2 следующим: «Высокие договаривающиеся стороны обязуются совершенно воспретить всякую воздушную бомбардировку и упразднить полностью всю бомбардировочную авиацию. Меры, подлежащие принятию для действительного соблюдения этих решений, будут включать: а) см. текст резолюции; в) см. текст резолюции».

** Советская поправка: 2. Сухопутные силы. а) Сухопутная артиллерия. 1. Опустить в конце пункта 1 слова: «численно ограничена» и заменить их словом «уничтожена».

*** Советская поправка: 2. Абзац с. Заменить теперешний текст следующим: «Максимальный предел в 100 мм для калибра подвижной сухопутной артиллерии (иной чем артиллерия, употребляемая для защиты побережья)».

**** Советская поправка: в) Танки. Заменить текст этого абзаца следующим: «Высокие договаривающиеся стороны соглашаются отказаться от обладания какими бы то ни было танками и уничтожить все существующие танки в течение... месяцев, с момента введения конвенции в силу».

3. Химическая, бактериологическая и зажигательная война*.

Химическая, бактериологическая и зажигательная война воспрещается на условиях, единогласно рекомендованных специальным комитетом.

4. Контроль

Будет учреждена постоянная комиссия по разоружению, которая будет иметь в общем те же организацию, права и обязанности, которые намечены в части VI проекта конвенции комиссии по подготовке конференции по разоружению, причем права постоянной комиссии будут так расширены, чтобы позволить действительное применение конвенции.

III

Подготовка второго периода работ Конференции

Конференция просит Бюро продолжать работать в течение времени отсрочки заседаний Генеральной комиссии, имея в виду составить,—если это нужно, в сотрудничестве с редакционным комитетом,—проекты текстов, по которым соглашение уже было достигнуто, каковые будут тотчас по составлении сообщены всем делегациям. Эти тексты будут затем представлены комиссии.

Вопросы, требующие углубленного изучения, будут рассмотрены Бюро или соответствующими комитетами с помощью заинтересованных правительств, для того чтобы прийти к определенным выводам, как только Генеральная комиссия снова будет созвана.

Вопросы, которые будут подвергнуты этому изучению, являются нижеследующими:

1. Личный состав

Будет произведено строгое ограничение, так же как и реальное сокращение личного состава.

В этих целях конференция приглашает Бюро рассмотреть с участием тех делегаций, которые она сочтет нужными, предложения президента Гувера относительно личного состава. Это изучение должно производиться с учетом для каждой страны условий, потребных в настоящее время для ее национальной обороны, так же как и с учетом численности и характера ее сил.

2. Ограничение расходов на национальную оборону

а) Конференция при возобновлении ее работ решит, учитывая особые условия каждого государства, какая система ограничения и гласности расходов на национальную оборону даст народам наилучшую гарантию облегчения их финансового бремени и воспрепятствует тому, чтобы меры качественного и количественного разоружения, подлежащие включению в конвенцию, не были нейтрализованы увеличением или улучшением разрешенных вооружений.

б) Ввиду решений, которые надо будет принять по этому разделу, конференция просит комиссию расходов на национальную оборону и ее технический комитет продолжить и восполнить работу, порученную этим органам и так срочно, как возможно, предоставить их доклад. Конференция просит свое Бюро составить на основе этого доклада план, дости-

* Советская поправка: 3. Химическая, бактериологическая и зажигательная война. Исключить фразу, помещенную под этим заголовком, и заменить ее следующим текстом: «Государства, представленные на конференции, обязуются, поскольку они этого еще не сделали, подписать в трехмесячный срок Женевский протокол 1925 г. относительно химической и бактериологической войны и предпринять нужные меры для наискорейшей ратификации названного протокола».

гающий цели, имеющийся в виду, принимая во внимание особые условия различных стран.

3. Торговля и производство оружия

Бюро создаст специальный комитет для представления Конференции по возобновлению ее работ предложений относительно правил, подлежащих применению к торговле и к частному и государственному производству оружия и военных материалов.

4. Морские вооружения*

Что касается предложений относительно морских вооружений, сделанных президентом Гувером, и других предложений относительно морских вооружений, то конференция приглашает державы, подписавшие Вашингтонское и Лондонское морские соглашения,— соглашения, давшие уже значительные результаты,— обменяться мнениями и сделать Генеральной комиссии, если возможно, до возобновления ее работ, доклад по поводу новых мер морского разоружения, которые могли бы быть осуществлены в качестве части общей программы разоружения.

В то же время конференция приглашает морские державы, иные, чем те, которые подписали названные выше соглашения принять меры для определения уровня морского ограничения, который они могли бы принять, имея в виду Вашингтонский и Лондонский договоры и общую программу разоружения, имеющуюся в виду в настоящей резолюции.

Бюро будет находиться в курсе развития этих переговоров, которые оно должно будет координировать в рамках общей конвенции, чтобы подготовить совокупное решение Генеральной комиссии.

Будут сформулированы правила международного права в зависимости от положений, касающихся воспреещения химического, бактериологического и зажигательного оружия и воздушной бомбардировки и эти правила будут восполнены специальными мерами на случай нарушения этих постановлений.

5. Нарушения

6. Будущие работы конференции: процедура

В ожидании возобновления заседаний Генеральной комиссии Бюро будет держать делегации в курсе вопроса о состоянии работ.

Бюро будет предлагать установление даты нового собрания Генеральной комиссии с предупреждением за месяц. Это собрание будет иметь место в четырехмесячный срок максимум, считая от возобновления работ Бюро, которое соберется в течение недели начинающейся 19 сентября 1932 года.

IV

Общие положения

Настоящая резолюция ни в чем не предпрещает позиции Конференции в отношении более широких мер разоружения, так же как и в отношении предложений политического характера, представленных различными делегациями.

Перемирие в вооружениях

Для обеспечения того, что за время возобновления заседаний Генеральной комиссии и в течение второй фазы ее работ ни одна держава не начнет предпринимать шагов, способных повредить подготовке Всеобщей

* Советская поправка: III. Подготовка второй части работ Конференции. 4. Морские вооружения. Заменить три абзаца следующим текстом: «Конференция поручает Бюро своевременно подготовить к ближайшей сессии практические мероприятия по применению к тоннажу отдельных категорий судов, равно как и к сокращению тоннажа отдельных кораблей соглашения относительно сокращения на 33% общего тоннажа морских сил».

конвенции о разоружении, конференция решает рекомендовать правительствам возобновить на четырехмесячный срок, считая с 1 ноября 1932 года, перемирие, предусмотренное резолюцией Ассамблеи Лиги наций от 29 сентября 1931 года.

Печат. по сб. «Documents de la Conférence...», Vol. I, pp. 258—271.

Вступл. в «Сборнике документов по международной политике...», вып. IV, М., 1933, стр. 98—102.

297. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Японии в СССР

23 июля 1932 г.

В ответ на ноту от 5 июня 1932 г. за № 81 Народный Комиссариат по Иностранным Делах имеет честь сообщить Японскому Посольству, что Правительство Союза Советских Социалистических Республик не находит, к сожалению, возможным отменить свое постановление от 24 июля 1928 г. «О порядке пользования радиоустановками на иностранных судах во время нахождения их в водах Союза ССР»* в отношении японских судов, так как вышеуказанное постановление касается всех иностранных судов и делать какие-либо изъятия для отдельных стран нет оснований. Одновременно Народный Комиссариат просит Японское Посольство обратить внимание Японского Правительства на ст. 7 Постановления 1928 г., в силу которой ограничения в праве пользования судовыми радиоустановками не распространяются на суда, находящиеся в опасности или передающие сообщение для предотвращения несчастия, а также на суда, оказывающие помощь другим терпящим бедствия судам. Кроме того, согласно ст. 3 невоенным иностранным судам, находящимся в таких портах, от которых ближайшая береговая радиостанция отдалена больше чем на 10 миль по радиусу, может быть предоставлено право пользования радиоустановками по особым письменным разрешениям начальника подлежащего торгового порта**.

Печат. по арх.

В упоминаемой ноте посольства Японии в СССР от 5 июня 1932 г. № 81, в частности, говорилось***:

«В море, прилегаемом к берегу Северного Сахалина, часто случаются аварии с пароходами. В октябре прошлого года пароход «Рооко-мару», принадлежащий пароходству «Дайрен», был занесен бурей на берег во время его стоянки в Дуэ, а спустя полгода пароход «Сансей-мару», принадлежащий тому же пароходству, потерпел то же самое бедствие, получив

* См. «Собрание законов...», отд. I, № 431, 24 июля 1928 г., стр. 900—902.

** См. также док. № 500.

*** Нота передана на русском языке.

повреждения в днищевой части корпуса. Причины таких частых аварийных случаев могут быть различны. Однако главными причинами полагают то, что местная метеорологическая станция не приспособлена, чтобы могла давать регулярные сведения о погоде и предупредительные сигналы, а также отношение местных советских властей к японским судам, опечатавающихся радиостановки на судах немедленно после их входа в порты СССР, что лишает их возможности получать сведения о погоде, передаваемые несколько раз в день японской Центральной метеорологической станцией».

Далее в ноте указывалось:

«По всей вероятности, советские местные власти в этом отношении руководствуются соответствующими правилами, как, например, постановлением СНК СССР о пользовании радиостановками иностранных судами во время нахождения их в водах Союза ССР от 24 июля 1928 г.

Японское Правительство было бы счастливо, если Союзное Правительство, принимая во внимание вышеприведенные случаи, сочтет возможным принять соответствующие меры к предоставлению возможности японским судам, находящимся в территориальных водах и портах СССР, пользоваться радиоприемными установками, либо путем внесения необходимых изменений или дополнений в соответствующие правила, либо путем издания особой инструкции по этому поводу».

298. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы *

24 июля 1932 г.

С Эррио я встречался несколько раз. Вчера был у него на обеде, на котором присутствовали главы всех делегаций, а сегодня он меня пригласил к себе на интимный завтрак, после которого мы долго беседовали о наших отношениях. Я изложил ему подробно историю этих отношений со времени его ухода от власти, историю переговоров о пактах как с Францией, так и с Польшей и Румынией. Говорил ему о нашем стремлении к улучшению отношений с Францией, к чему открывалась возможность предложением Бриана о подписании пакта о ненападении и о заключении торгового соглашения **. При создавшемся положении, сказал я, готовность Франции к улучшению отношений могла быть продемонстрирована подписанием и ратификацией пакта. Когда Эррио говорил о возобновлении переговоров, я прибавил, что речь идет не о новых переговорах, а о подписании парафированного пакта, ибо мы полагаем, что текст, приемлемый для кабинета Бриана ***, окажется приемлемым и для кабинета Эррио. Он извинялся, что со времени встречи с Довгалевским **** он из-за Женевы

* Копия телеграммы была направлена в полномочное представительство СССР во Францию.

** См. т. XIV, док. № 118, 122, 229.

*** Имеется в виду правительство Лавалля, в котором Бриан занимал пост министра иностранных дел.

**** См. док. № 244.

и Лозанны не имел ни одного свободного дня, чтобы ознакомиться с этим пактом. Он сделает это сейчас же по возвращении в Париж и на будущей неделе будет говорить с Довгалеvским *. Эррио много говорил о своей роли в возобновлении отношений, которое было непопулярно во Франции, лишь вскользь упомянул о поведении коммунистов во время выборов, сейчас же согласившись со мною, что это не имеет никакого отношения к политике нашего правительства, и заверил меня, что, пока он находится у власти, нам нечего опасаться со стороны Франции. Мы говорили с ним на разные темы, в том числе о белогвардейцах во Франции. Он, между прочим, рассказывая о Лозанне, упомянул несколько раз о неприязненном отношении к нам Папена. Когда речь зашла о долгах, я сказал, что мы всегда готовы возобновить переговоры, но что надо учитывать, что они могут потребовать много времени и что поэтому никакие другие актуальные вопросы не должны связываться с переговорами, с чем Эррио согласился. При всех наших встречах он был неизменно любезен и лично дружителен, несмотря на мои резкие выступления против резолюции по разоружению **.

Завтра я выезжаю. Буду продолжать прерванное лечение в Германии.

Литвинов

Печат. по арх.

299. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы ***

24 июля 1932 г.

На днях имел беседу с Саймоном ****. Он начал с дела «Лена-Голдфилдс». На него оказывают и в парламенте и в кабинете сильнейшее давление, которому он с трудом может противостоять. Он стремится к сохранению дружественных отношений с нами, но чувствует, что дело «Лена-Голдфилдс» является шипом, который необходимо возможно скорее удалить, ибо давление неизбежно будет усиливаться. Как адвокат он считает нашу формальную позицию весьма уязвимой, а решение арбитража формально вполне законным *****. Он также убежден в соответствии суммы, требуемой теперь «Лена-Голдфилдс», с действительными произведенными ею на концессию

* См. док. № 301.

** См. док. № 294, 296.

*** Копия телеграммы была направлена в полпредство СССР в Великобритании.

**** Беседа состоялась 21 июля 1932 г.

***** См. док. № 228, а также т. XIV, прим. 31.

расходами, а предложение Каменева об одном миллионе фунтов стерлингов совершенно несерьезным. Он просил меня срочно сообщить ему, что это дело будет урегулировано. Он еще может понимать нашу позицию в отношении дореволюционных претензий, но здесь речь идет о наших собственных обязательствах. Я изложил ему историю «Лена-Голдфилдс», рассказал о нарушении договора за отсутствием у них финансов, напомнил, что английское правительство никакого отношения к концессии не имело, а больше того, препятствовало получению концессионерами на английском рынке необходимых денежных фондов, что явилось действительной причиной нарушения договора. Я указал, что при монополии внешней торговли, при законченном обобществлении всей индустрии наши хозяйственные органы совершают ежедневно сотни коммерческих сделок, что, если все неизбежные по ним коммерческие споры станут предлогом дипломатических переговоров, для нас такое положение совершенно невозможно и что поэтому частные концессионные сделки должны быть совершенно отделены от политики. Вмешательство правительства только поощряет концессионеров к упрямству. Я не вижу иного выхода, кроме непосредственных переговоров «Лена-Голдфилдс» с Концессионным комитетом. Я не уполномочен делать какие-либо предложения в этом деле, но я помню, что формула Каменева гласила о возмещении не расходов «Лена-Голдфилдс», а реальных инвестиций в нашей стране, каковым не соответствует требуемая «Лена-Голдфилдс» сумма. Пусть на формуле Каменева концессионеры с ним договариваются, представив доказательства. Саймон сказал, что он охотно выслушал мою точку зрения, но так как это не означает его согласия с ней, то он должен настаивать на скорейшем разрешении этого спора, ибо считает требования общества «Лена-Голдфилдс» отнюдь не преувеличенными. Общество грозит отказаться от этого требования и вернуться к решению арбитража. Саймон прочитал мне подготовленное для него министерством досье, где говорится, что с вопросом о «Лена-Голдфилдс» связывается вопрос о дальнейших кредитах и о сохранении торгового договора *.

Дальше беседа коснулась торговых отношений и пассивного баланса Англии. Я разъяснил Саймону, что этот баланс являлся результатом не нашей политики, а исторических, географических и экономических отношений, что у Англии пассивный баланс не только с нами, но и с другими странами. Исправить положение можно либо сокращением ввоза или расширением вывоза. В первом случае Англия ничего не выиграет, так как она покупает у нас предметы необходимости, которые она бу-

* См. также док. № 310, 349.

дет вынуждена ввозить из других стран без всяких компенсаций, и общий баланс Англии от этого не изменится. Остается другой путь — расширение вывоза в СССР. Мы идем навстречу, у нас имеется достаточно заказов для Англии, мы готовы их разместить, но при условии необходимых кредитов *. Я указал при этом на разницу между торговым и расчетным балансом. Саймон ответил, что он учитывает эту разницу, но что в Англии все же не могут понимать, почему освобождающиеся в английских банках от нашего экспорта деньги должны переводиться в Германию на оплату наших заказов наличными. Я возразил, что в Германии мы имеем лучшие кредитные условия, чем в Англии, на наличные там не покупаем, а излишек от экспорта идет на оплату наших векселей. Саймон сказал, что он это вполне понимает, но что ему все же трудно бороться против враждебных нам элементов, спекулирующих на балансе, и опять упомянул о необходимости урегулирования дела «Лена-Голдфилдс» для того, чтобы очистить наши отношения. Он несколько раз подчеркивал дружественный характер его представлений и, как всегда, был чрезвычайно любезен. Он, между прочим, говорил, что события в Германии причиняют ему большое беспокойство.

Литвинов

Печат. по арх.

300. Договор о ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Республикой

[25 июля 1932 г.]

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик, с одной стороны, и Президент Польской Республики, с другой,

руководимые желанием сохранения существующего между их странами мира и убежденные в том, что сохранение между ними мира является значительным фактором в деле сохранения всеобщего мира,

признавая, что Мирный договор от 18 марта 1921 года ** является, по-прежнему, основой их взаимных отношений и обязательств,

будучи убеждены, что мирное разрешение международных споров и устранение всего, что противоречило бы нормальному состоянию отношений между государствами, является наиболее верным средством достижения намеченной цели,

* См. док. № 262.

** См. т. III, док. № 350.

заявляя, что ни одно из принятых на себя каждой из сторон до настоящего времени обязательств не препятствует мирному развитию их взаимных отношений и не противоречит настоящему Договору,

постановили заключить настоящий Договор с целью развития и дополнения Договора, подписанного в Париже 27 августа 1928 года и введенного в жизнь Протоколом, подписанным в Москве 9 февраля 1929 года *, и назначили с этой целью своих уполномоченных, а именно:

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик — Николая Николаевича Крестинского, Члена Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик, Заместителя Народного Комиссара по Иностранным Дела и

Президент Польской Республики — господина Станислава Патека, Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра Польской Республики в Москве,

которые по обмену своими полномочиями, найденными в добром и надлежащем виде, пришли к соглашению о нижеследующих постановлениях:

Статья 1

Обе договаривающиеся стороны, констатируя, что они отказались от войны как орудия национальной политики в их взаимоотношениях, обязуются взаимно воздерживаться от всяких агрессивных действий или нападения одна на другую как отдельно, так и совместно с другими державами.

Действием, противоречащим обязательствам настоящей статьи, будет признан всякий акт насилия, нарушающий целостность и неприкосновенность территории или политическую независимость другой договаривающейся стороны, даже если бы эти действия были осуществлены без объявления войны и с избежанием всех ее возможных проявлений.

Статья 2

В случае, если бы одна из договаривающихся сторон подверглась нападению со стороны третьего государства или группы третьих государств, другая договаривающаяся сторона обязуется не оказывать, ни прямо, ни косвенно, помощи и поддержки нападающему государству в продолжение всего конфликта.

* См. т. XII, док. № 38.

Если одна из договаривающихся сторон предпримет агрессию против третьего государства, то другая сторона будет вправе, без предупреждения, денонсировать настоящий Договор.

Статья 3

Каждая из договаривающихся сторон обязуется не принимать участия ни в каких соглашениях, с агрессивной точки зрения явно враждебных другой стороне.

Статья 4

Обязательства, упомянутые в статьях 1 и 2 настоящего Договора, не могут ни в коем случае ограничить или видоизменить международные права и обязательства, вытекающие для обеих договаривающихся сторон из соглашений, заключенных ими до вступления в силу сего Договора, поскольку эти соглашения не заключают в себе элементов агрессии.

Статья 5

Обе договаривающиеся стороны, стремясь к улажению и разрешению, только при помощи мирных средств, всех споров и конфликтов, независимо от их природы или происхождения, которые могли бы возникнуть между ними, обязуются передавать спорные вопросы, в отношении которых в надлежащий период времени не могло быть достигнуто соглашения дипломатическим путем, на согласительную процедуру, согласно постановлению конвенции о применении согласительной процедуры, каковая конвенция составляет неотъемлемую часть настоящего Договора и должна быть подписана отдельно и ратифицирована в возможно скорый срок совместно с Договором о ненападении.

Статья 6

Настоящий Договор будет ратифицирован в возможно скорый срок и ратификационные грамоты будут обменены в городе Варшаве в течение тридцати дней со дня ратифицирования Союзом Советских Социалистических Республик и Польшей, после чего Договор вступит немедленно в силу.

Статья 7

Договор заключается на три года с тем, что, поскольку одна из договаривающихся сторон не денонсирует его за шесть месяцев до истечения срока, срок действия Договора считается автоматически продленным на следующий двухлетний период²⁸.

Статья 8

Настоящий Договор составлен на русском и польском языках, и оба текста будут считаться аутентичными.

В удостоверение чего, поименованные выше Уполномоченные подписали настоящий Договор и приложили к нему свои печати.

Учинено в Москве, в двух экземплярах, 25 июля 1932 года.

Н. Крестинский

St. Patek

Протокол подписания № 1

Договаривающиеся стороны заявляют, что статья 7 Договора от 25 июля 1932 года не может быть толкуема таким образом, что истечение срока или денонсация до истечения срока согласно статье 7 могли бы иметь последствием ограничение или уклонение от исполнения обязательств, вытекающих из Парижского договора 1928 года.

Учинено в Москве, в двух экземплярах, 25 июля 1932 года.

Н. Крестинский

St. Patek

Протокол подписания № 2

Подписывая сего числа Договор о ненападении, обе стороны, обменявшись мнениями по поводу представленного советской стороной проекта согласительной конвенции, высказывают убеждение в отсутствии между сторонами существенных разногласий.

Учинено в Москве, в двух экземплярах, 25 июля 1932 года.

Н. Крестинский

St. Patek

Договор и протоколы подписания печат. по арх. Огубл. в «Собрании законов...», отд. II, № 6, 28 апреля 1933 г., стр. 41—45.

Договор ратифицирован: ЦИК СССР 27 ноября 1932 г., президентом Польской Республики 26 ноября 1932 г.

Обмен ратификационными грамотами состоялся в г. Варшаве 23 декабря 1932 г.

301. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалецкого в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

26 июля 1932 г.

Сегодня был у Эррио. У него под руками было досье о франко-советских переговорах, с которым он, однако, еще не успел ознакомиться. Мне пришлось подробно ознакомить его с ходом и состоянием переговоров. Я особо подчеркнул отсутствие юнкима между подписанием торгового соглашения и пакта, а также между советско-французским пактом и пактами с другими странами. Я добавил, что, впрочем, последний вопрос теперь отпадает, ибо советско-польский пакт уже подписан *, а с румынским пактом ни Бертело, ни Бриан не устанавливали никакой связи: они, правда, не раз говорили со мной о советско-румынских переговорах, но лишь постольку, поскольку от этих последних зависел исход переговоров с поляками. Я заключил, что сейчас, следовательно, отпало последнее препятствие и можно, не теряя времени, подписать советско-французский пакт. Что касается торговых переговоров, то я сказал, что готов в любое время возобновить их с того места, на котором они остановились. Эррио ответил, что смотрит на пакт как на продолжение и развитие акта 1924 г. о признании. Он, однако, должен предварительно изучить детально текст пакта, решения о состоянии торговых переговоров, а затем ознакомит со всем этим кабинет. Он постарается это сделать в ближайшее время, но ни точных, ни даже приблизительных сроков назвать мне не захотел.

Он отозвался очень неодобрительно о румынах, несколько раз повторив в раздраженном тоне: «О, я знаю этих людей, как с ними трудно разговаривать», но все же попросил у меня справку о состоянии советско-румынских переговоров, заметив, что он хотел бы подготовиться, чтобы отбить эвентуальные нападки Пертинакса и ему подобных. Когда я показал Эррио, как выглядит предложенный Залесским и принятый Литвиновым, но отвергнутый румынами 5-й абзац вводной статьи **, то Эррио заявил, что, не желая ангажироваться передо мною, он все же не может от меня скрыть, что эта редакция кажется приемлемой. В ответ на повторную просьбу Эррио я обещал послать ему справку ***.

Дальше Эррио высказал ту мысль, что полагал бы возобновить торговые переговоры, с тем чтобы одновременно подписать торговое соглашение, соглашение о заказах и пакт. Я решительно возразил против этого, и Эррио взял свое предложение.

* См. док. № 300.

** См. док. № 227 и прил. к док. № 273.

*** См. док. № 302.

ние обратно. Что же касается торговых переговоров, то я указал Эррио, что если он хочет их ускорить, то к ним надо приступить немедленно, ибо с 10 августа по октябрь разъедутся в отпуск и чиновники и руководители финансово-промышленного мира. Эррио спросил, не собираюсь ли я сам в отпуск, на что я ответил ему утвердительно. Когда Эррио затем намекнул, что я, пожалуй, мог бы поехать в отпуск сейчас, я возразил, что мне не к спеху и я предпочитаю определить срок своего отпуска после того, как Эррио познакомит меня с решением кабинета о судьбе пакта и торговых переговоров.

От разговора с Эррио у меня осталось впечатление большой неопределенности. Я, несмотря на все старания, никак не мог добиться точного ответа на основные вопросы, а именно: примет ли Эррио парафированный текст, свяжет ли он подписание пакта с румынскими разговорами и когда примерно можно ждать подписания советско-французского пакта. Я не уверен даже, что Эррио вновь не повторит предложения об одновременном подписании пакта и торгового соглашения. Подтверждено * и то, что Эррио не доверяет чиновникам министерства иностранных дел и не хочет советоваться с теми из них, которые, как, например, Жак Лион, принимали деятельное участие в переговорах. В досье Эррио не оказалось согласованного между Лашкевичем и Лионом текста согласительной процедуры. На мое заявление, что он может получить текст и все объяснения от Лиона, он попросил, чтобы я лично послал ему текст. По другому случаю он дважды подчеркнул, что хочет лично изучить все детали и просит меня говорить только с ним. Это, разумеется, не может не затруднить дела, а главное, создает полный разрыв преемственности. Мы условились, что свидимся опять на будущей неделе **.

Полпред

Печат. по арх.

302. Письмо Полномочного Представителя СССР во Франции Председателю Совета Министров Франции Эррио

27 июля 1932 г.

Господин Председатель,

Идя навстречу пожеланию, выраженному Вами в ходе нашей вчерашней беседы, прошу Вас сообразоваться принять при сем наш последний проект пакта с Румынией, переданный в Женеве Литвиновым Залесскому 5 июля с. г. *** Я счел нуж-

* В тексте — не подтверждено, что, как видно из документа, является опечаткой.

** См. док. № 306.

*** См. соответственно док. № 301 и прил. к док. № 273.

ным изложить текст двумя колонками, что даст Вам возможность сразу же установить разногласия, решение которых еще предстоит.

В то же время я подготовил для Вас краткую записку*, также препровождаемую при сем, которая показывает, каким образом наша сторона при содействии Залесского старалась найти формулировки, полностью удовлетворяющие претензии Румынии, за исключением тех, которые непосредственно направлены на то, чтобы добиться отказа от наших прав на Бессарабию. К сожалению, по мере того как мы умножали эти наши усилия, становилась все более очевидной странная идея побудить нас именно к признанию в пакте аннексии Бессарабии. Вот почему мы видим во всем этом не расхождение в формулировках, а предвзятую позицию, которая вытекает из расчетов, ни на чем, впрочем, не основанных.

Как я припоминаю, в Вашем досье отсутствовал проект франко-советской конвенции о согласительной процедуре, разработка которой была возложена на юрисконсульта Министерства Иностранных Дел Жака Лиона и юридического советника нашего Посольства Лашкевича. Позвольте поэтому направить Вам этот проект**. Согласованный обоими экспертами 5 декабря 1931 г., этот проект был вручен Лионом, насколько мне известно, г. Лабуле*** и позднее г. Бертело.

Соблаговолите, господин Председатель, принять выражение моего весьма высокого уважения.

Приложение: 3

Довгалецкий

Печат. по арх.

В ответном письме Эррио от 29 июля 1932 г. на имя В. С. Довгалецкого говорилось:

«Благодарю Вас за сведения, которые Вы благоволили передать в письменном виде относительно хода затянувшихся переговоров между СССР и Румынией о заключении пакта о ненападении.

Я обратил внимание на документы, которые Вы направили мне по этому поводу.

Что же касается проекта конвенции о согласительной процедуре между СССР и Францией, копию которой Вы препроводили мне, то проверка показала, что проект имеется в досье Министерства, куда он был действительно подшит при обстоятельствах, изложенных в Вашем письме».

* Не публикуется.

** Не публикуется. Текст советско-французской согласительной конвенции см. док. № 457.

*** Заместитель директора политического и торгового департамента МИД Франции.

303. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии с Председателем Русско-Американской торговой палаты Купером

27 июля 1932 г.

27 июля меня посетил Купер. Он сказал, что пришел поделиться со мной своими впечатлениями о тех изменениях, которые произошли за последнее время в американских политических и финансовых кругах в отношении Советского Союза.

Купер сказал, что ему пришлось за последние 6—7 месяцев иметь целый ряд бесед, выступлений о Советском Союзе и что проявленный колоссальный интерес ко всем вопросам жизни Советского Союза совершенно несравним с тем, как это было 2 года тому назад ²⁰⁹.

Он сделал в течение этого короткого времени 25 докладов для широкой публики, на которых присутствовали также видные политические, финансовые и коммерческие деятели. Число полученных им приглашений для таких докладов было больше 100. Кроме этих докладов, ему пришлось вести беседы о Союзе с небольшими группами очень ответственных политических деятелей, с представителями банков, с представителями прессы и т. п. Количество приглашений от целых ли обществ или от отдельных групп и от отдельных крупных политических деятелей настолько велико, что оно само говорит о том большом интересе, который сейчас вырос к Советскому Союзу. Причем это нужно констатировать не только для Нью-Йорка, но и для Чикаго, где ему пришлось выступать, Кливленда и т. п.

На мой вопрос, как обстоит вопрос с признанием Советского Союза в связи с выборами президента, Купер сказал, что из своих многочисленных встреч и разговоров он вынес впечатление (причем он особо подчеркнул, что разговоры им велись с очень крупными ответственными политическими деятелями), что независимо от того, кто будет президентом, вопрос о признании Советского Союза будет поставлен.

На мое замечание, что вопрос будет, вероятно, поставлен скорее, если Рузвельт будет избран президентом, Купер сказал, что у него такое же мнение, но это не значит, что вопрос о признании Союза не будет поставлен в случае избрания Гувера *.

Затем Купер сказал мне, что ему лично сказал Гувер, что и к Гуверу обратились представители нескольких иностранных держав (Англии, Германии, Франции, Италии, Швеции, Норвегии, Дании) со следующим предложением: они согласны платить свои долги, если Соединенные Штаты не признают Советский Союз.

* См. также док. № 281, 468.

Я указал Куперу, что хотя Соединенные Штаты до сих пор не заключили договора с Советским Союзом, тем не менее державы эти не платят Америке своих долгов и, больше того, за спиной Америки, как это показала Лозанна*, стараются договориться против Америки. Я думаю, что политическим деятелям Америки сейчас становится ясным истинное положение вещей.

Купер ответил мне на это, что все эти маневры европейских стран безусловно не пройдут бесследно.

Я указал в заключение Куперу, что в то время как эти державы стараются удержать Америку от возможного договора с Советским Союзом, они сами получают от Союза заказы и даже не пожелали полученными за эти заказы деньгами оплатить свои долги Америке.

Я подчеркиваю, что это очень характерно для отношения европейских держав к Америке.

Купер на это мне ответил, что он потому так оптимистически смотрит на будущие взаимоотношения Советского Союза с Соединенными Штатами, что он знает, что политические и финансовые деятели Америки тоже начинают понимать эти махинации.

В 4 часа того же дня Купер пришел ко мне снова с Ли²¹⁹, чтобы сказать, что ему удалось уговорить Ли поехать сейчас в Москву, что он считает чрезвычайно важным для дальнейших выступлений в САСШ**.

Л. Хинчук

Печат. по арх.

304. Письмо Полномочного Представителя СССР во Франции Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

27 июля 1932 г.

Многоуважаемый Николай Николаевич,

Недавно к нам обратился сирийский адвокат, делегат коммерсантов г. Триполи Р. Шамбур, которого полпредству представил директор здешнего журнала «Ревю парлемантер э финансьер» де Шамбон. Предметом этого посещения был вопрос об установлении регулярных торговых отношений между СССР и Сирией — Ливаном.

* См. «Сборники документов по международной политике...», вып. IV, М., 1933, стр. 7—30.

** См. также док. № 388.

Мне помнится, что уже несколько лет тому назад этот самый вопрос ставился нами здесь перед МИД. К сожалению, за неимением архива, я не могу сейчас восстановить в памяти подробности этого демарша, помню только, что он не имел никаких результатов ввиду несочувственного отношения МИД и что инициатива его принадлежала Москве. Прошу Вас, если этот вопрос продолжает интересоваться нас, распорядиться отыскать в НКВД и сообщить также и сюда соответствующие материалы. Мне кажется, что это было года два или три тому назад. Во всяком случае, помня об этом демарше, я поручил гг. Баркову * и Лашкевичу получить более подробную информацию от названного лица о характере его пожеланий и его миссии. Из их разговора выяснилось следующее.

Отношение верховного комиссариата Сирии к каким-либо торговым отношениям с СССР было действительно до самого недавнего времени определенно отрицательным. В виде формального препятствия выставлялось якобы имеющееся в сирийском мандате условие, по которому какие-либо торговые соглашения возможны, помимо пограничных с Сирией стран, лишь с государствами — членами Лиги наций. Еще месяца 4 тому назад, по словам Шамбура, на место будто бы приезжали какие-то двое наших представителей для налаживания торговых связей, но встретили отрицательное отношение со стороны французского верховного комиссара. За самое последнее время, однако, экономическое положение в Сирии обострилось настолько, что ни верховный комиссар, ни французское правительство уже не считают возможным идти против стремления торговых кругов к восстановлению торговли с СССР, как к единственному способу спасти положение. В этом изменении позиции французского правительства некоторую роль играет и то, что с экономической точки зрения торговля с СССР никак не затрагивала бы интересов Франции. Товары, в которых нуждается Сирия: лес, соль, сахар, керосин, бензин. Вывозить Сирия может лишь апельсины и лимоны, не могущие по дальности расстояния играть заметную роль на французском рынке при наличии ввоза тех же предметов, например, из Испании. Раньше они вывозились в Англию; теперь этот рынок занят Палестиной. Не имея, таким образом, ни одного экспортного рынка, Сирия вместе с тем до настоящего времени была вынуждена прибегать к ввозу необходимых ей товаров на тяжелых условиях. Так, она должна была дать таможенные льготы Соединенным Штатам для ввоза нефтепродуктов, ничего не продавая взамен. Все это уже давно вызывает недовольство местных кругов, и в настоящее время, когда расстройство дел дошло до необходимости издания годичного моратория по

* Первый секретарь полпредства СССР во Франции.

всем внутренним платежам, французское правительство видит себя вынужденным пересмотреть свое прежнее отношение к торговле Сирии с СССР. Верховный комиссар Понсо в настоящее время находится во Франции, пользуясь чем триполнские коммерсанты и делегировали сюда Шамбура с миссией довести в случае надобности их домогательства до мандатной комиссии Лиги наций. Следует заметить, что Триполи является главным центром лимонной и апельсиновой торговли.

Понсо, все по словам того же лица, заявил, что больше не имеет никаких возражений против заключения с СССР соответствующего соглашения, но предоставил последнее решение министерству иностранных дел. Со своей стороны, статс-секретарь мининдела Паганон будто бы тоже высказался положительно при условии, что шаг в этом направлении будет принят с нашей стороны. Тогда они — Шамбур и де Шамбои — явились к нам.

На выраженное им, мне кажется, резонное сомнение в нашей хозяйственной заинтересованности в импорте лимонов и апельсинов, эти лица заявили, что вопрос ставится следующим образом. Во-первых, речи не может быть о нетто-балансе: они понимают, что для нас эта торговля может представлять интерес лишь при активности в нашу пользу. Во-вторых, вопрос о лимонах не может все же быть отведен целиком, так как он, и только он, может служить отправной точкой для всего дела в глазах французских властей, так как именно в этом вопросе, при нынешнем положении вещей, французские власти бесспорны перед местными кругами. Ввиду общеинформационного характера беседы цифры указывались лишь в общих чертах и без гарантий достоверности. Так, указано было на цифру в 400 млн. франков для нашего возможного экспорта, против 20—30 млн. импорта. В этой связи с нашей стороны был поставлен вопрос о существующем, по сообщению Экономической части НКВД, в Сирии повышенном таможенном обложении ввоза из стран, имеющих активный в свою пользу баланс торговли с Сирией. По данным на это объяснения выходит, что, по-видимому, при наличии соглашения повышенное таможенное обложение касалось бы лишь той части ввоза в Сирию, которая превышала бы цифру вывоза, и что это повышение составляло бы 25% от ставок минимального тарифа. Дальше этот вопрос не углублялся.

Наконец, что касается организации торговли, названные лица указали на возможность учреждения смешанного небольшого банка, в котором сирийская часть капитала была бы подписана отдельными импортерами.

Таково содержание этого разговора, в котором с нашей стороны, понятно, не было сказано ничего сколько-нибудь определенного. Повторяю, я нашел нужным поручить переговорить

с этими лицами исключительно в информационных целях. В тех же целях посылаю при настоящем номер журнала де Шамбона со статьей на ту же тему — о советско-сирийской торговле.

Как Вы знаете, внешние сношения Сирии находятся в руках Франции как мандатного государства. Поэтому если когда-нибудь в течение действия мандата дело дошло бы до формального соглашения, то оформлять его пришлось бы здесь. Но все основное, касающееся существа вопроса, начиная от выяснения действительного положения в Сирии и реальных перспектив ее торговли с СССР и кончая, если дошло бы дело, предварительными переговорами, могло бы, мне кажется, быть проведено нашим торгпредством в Стамбуле. Если бы последнему показалось нужным в какой-либо момент связаться с первым из вышеназванных лиц, хотя бы для того, чтобы выяснить степень его влияния и серьезности, то торгпредство может вызвать его, снесясь по адресу: Mr. R. Chambourg, Avocat, Tripoli-Liban, где это лицо проживает постоянно.

Мы здесь параллельно с этим могли бы, если и когда это потребуется, произвести зондаж для выяснения отношения французского правительства к данному вопросу, так как, повторяю, все, что сказано выше, сказано лишь со слов упомянутых Р. Шамбура и де Шамбона и никакой проверки пока не подвергалось.

Полпред СССР во Франции
В. Довгалецкий

Печат. по арх.

305. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
2 августа 1932 г.*

Араки в беседе с одним видным журналистом сказал, что расхождения между СССР и Японией — расхождения в принципах, которые нельзя примирить. На замечание, что все другие государства стараются найти компромисс и комбинации, которые дали бы возможность мирно совместно жить, Араки ответил, что там, где дело идет о принципах, компромиссы и комбинации невозможны. Нельзя мириться с тем положением, что японцы на процессе коммунистов²¹¹ ведут себя как граждане Советской страны. Другие страны Японии не указ, Япония борется со всеми странами. На вопрос: значит война? Араки ответил: война рано или поздно неизбежна. На заявление, что СССР не хочет войны, Араки сказал, что и они теперь, может быть, не хотят войны, но надо народ готовить к войне. Дальше

Араки говорил, что ему не нравится, когда даже в Японии говорят, что Япония присоединила Корею, нужно говорить, что Корея сама захотела присоединиться, также и Маньчжурия хочет присоединиться к Японии. Япония должна бороться за все азиатские народы. Затем Араки говорил, что Япония должна крепко держаться за Маньчжурию и Монголию, так как он не сомневается в том, что скоро долина Янцзы будет советизирована *.

Во всем этом разговоре одно непонятно. Почти наверняка можно предполагать, что Араки знал, что этот разговор будет мне передан. Я даже допускаю, что Араки хотел, чтобы я знал об этом разговоре. Во всяком случае он должен держаться в секрете. Имеются сведения, что подобный разговор о неизбежности войны с СССР Араки вел с Накано Сэйго (группа Адати) **. Накано говорил, что Араки опасный человек, что за ним надо смотреть, что его придется связать, иначе он вовлечет Японию в беду.

Сегодня ко мне по поручению Утида *** приходил Мацусима ****. Он сказал, что Утида говорил с Араки по поводу его статьи ²¹². Утида выяснил, что статья написана три-четыре месяца назад только для военных. Статья говорит об идеалах, а не о практической политике. Войны с СССР Араки «не хочет». Он только указывает, что СССР еще «не отказался от предыдущего империализма», так как сохранилось империалистическое название Владивостока. О защите корейцев он говорил, как о выходах из Японии, которых Япония обязана защищать. Я спросил Мацусима, как бы он на моем месте истолковал статью Араки. Мацусима ответил неопределенной улыбкой. Я говорил, что Араки говорит о мире, а получается война *****. Я указывал на вред для Японии от войны с СССР.

Мацусима говорил, что Хирота едет только в отпуск на два-три месяца. Ему это разрешено, поскольку рыболовный вопрос почти разрешен.

Полпред

Печат. по арх.

* Имеются в виду успехи национально-освободительного движения в Китае; см. также док. № 328.

** Лидеры группы депутатов парламента, отколовшихся от партии «Минсэйто» и создавших в августе 1932 г. партию «Кокумин Домей».

*** Министр иностранных дел Японии с мая 1932 г.

**** Заведующий европейско-американским департаментом МИД Японии.

***** См. также док. № 126, 147, 316.

306. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

[2 августа 1932 г.] *

Эррио, с которым я беседовал сегодня час, был вначале очень неопределенен, но кончил заявлением, что завтра поставит на заседании кабинета вопрос о франко-советских переговорах и послезавтра сообщит мне результаты **. Я вновь обратил его внимание на основные моменты, в частности на то, что нет никаких оснований медлить с подписанием пакта и связывать его с торговыми переговорами или с румынскими переговорами. С большим трудом мне удалось вырвать у Эррио, правда, в не совсем убедительном тоне, сделанное им заявление о том, что он не собирается устанавливать юнкима. Попутно он «совершенно приватно» рассказал мне, что в Женеве Титулеску со слезами умолял его не подписывать советско-французский пакт раньше подписания советско-румынского пакта, но что он, Эррио, в резкой форме ответил это домогательство. Я вновь разъяснил Эррио сущность наших расхождений с Румынией в связи с проектом советско-румынского пакта, предложенным М. М. Литвиновым, и Парижским протоколом 1920 г., признавшим за Румынией права на Бессарабию ***. Я, в частности, доказал Эррио, что упоминание в пакте о территориальных спорах позволило бы румынам истолковывать статью четвертую пакта как имплицитное **** признание нами стипуляций ***** протокола 1920 г. Этот довод, видимо, подействовал на Эррио, и он отметил его у себя, добавив, что в ближайшем будущем постарается поговорить и окажет давление на Румынию. Я ответил, что принимаю его заявление с удовлетворением, но опять подчеркнул, что ни в коем случае не допускаю связи между его эвентуальными разговорами с румынами и подписанием советско-французского пакта.

В начале беседы вялый и холодный, Эррио стал понемногу разогреваться, с увлечением предавался лозаннским и женевским воспоминаниям, с горечью и негодованием отозвавшись о немцах, с которыми он был готов замирить Францию, но которые устами Шлейхера, по его словам, оплатили ему черной неблагодарностью и, помимо всего прочего, идут к восстановлению монархии. Он, Эррио, поставил себе задачей замире-

* На телеграмме отмечено время ее получения — 3 августа 1932 г., 6 час. 30 мин.

** См. док. № 308.

*** См. соответственно прил. к док. № 273 и т. II, прим. 21.

**** — подразумеваемое (лат.).

***** — положений (фр.).

ние Европы, и не его вина, если с немцами ничего не выходит и, по-видимому, не выйдет. Среди задач, которые он ставит перед собой, серьезное место занимает и задача укрепления франко-советских отношений; к сожалению, мы очень подозрительны и подозреваем Францию во враждебных намерениях и действиях, истолковывая, между прочим, превратно гостеприимство, оказываемое Францией эмигрантам. Я возразил, что наши подозрения вполне обоснованы, и напомнил ему об общевосточном союзе, о военных школах, о восхвалении белых, включая Керенского, о гнусных выстрелах Штерна*, от которых до выстрелов Горгулова был лишь один шаг — между тем как французское правительственное коммюнике хотело преступно приписать последнее нам**. Эррио ответил, что впервые слышит о белых военных организациях и школах, и я обещал представить ему документальные данные. Эррио стал заверять меня, что при нем исключены какие-либо антисоветские действия белоэмигрантов. Я ответил, что готов всей душой ему верить и даже склонен вписать в его актив то обстоятельство, что несколько дней тому назад белые пошли к могиле Неизвестного солдата в цивильном платье, а не в военном и с оружием, как в позапрошлый и прошлый годы; правда, они еще и в этом году выкинули царский флаг, против чего я не мог не протестовать, но я надеюсь, что это больше не повторится.

В ближайшие дни вручу Эррио документы о деятельности военных организаций***.

В. Довгалецкий

Печат. по арх.

307. Протокол заседания по вопросу о персональном обмене политическими заключенными между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Республикой

3 августа 1932 г.

Присутствовали:

Со стороны Союза Советских Социалистических Республик —

Заведующий 1-м Западным Отделом Народного Комиссариата по Иностранным Дела́м Н. Я. Райвид

Со стороны Польской Республики —

Уполномоченный по персональному обмену г-н Куликовский и Советник Польской Дипломатической Миссии в Москве граф Понинский

* См. док. № 118.

** См. док. № 211, 213.

*** Переданы В. С. Довгалецким 6 августа 1932 г.

После обмена мнениями стороны считают обоюдно принятыми нижеследующие пункты:

1. Предложенный Советской Стороной список заключенных в Польше, подлежащих обмену (приложение № 1) * в количестве 40 человек, утверждается Польской Стороной полностью.

2. Предложенный Польской Стороной список заключенных в Союзе Советских Социалистических Республик, подлежащих обмену (приложение № 2) * в количестве 40 человек, утверждается Советской Стороной полностью.

3. Советская Сторона выдает, кроме того, оставшегося от предыдущего обмена ксендза Теофила Скальского.

4. Персональный обмен лиц (с их семьями, поскольку таковые пожелают выехать вместе с обмениваемыми) по обоим спискам назначается на 15 сентября 1932 года в пограничном пункте Негорелое — Столбцы **.

Н. Райвид

*Куликовский
Понинский*

Печат. по арх. Огвбх. в сб. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. V, М., 1967, стр. 535—536.

308. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

6 августа 1932 г.

Сегодня Эррио заявил мне следующее. Он познакомил кабинет с историей и состоянием на сей день франко-советских переговоров о пакте и торговых отношениях, равно как советских переговоров о пактах с лимитрофами, Польшей и Румынией ***. Кабинет единогласно поручил Эррио и министру торговли Дюрану возобновить переговоры и заключить пакт и торговое соглашение. Попутно члены кабинета обратили внимание Эррио на желательность заключения советско-румынского пакта, без чего не только парламент, но даже его иностранная комиссия не даст одобрения советско-французскому пакту. На основании этого решения Дюран сообщил кабинету, что торговые переговоры возобновятся в середине сентября ²¹³. Эррио же поручил Леже **** и заведующему Правовым отде-

* Не публикуется.

** Обмен состоялся в назначенное время.

*** См. также док. № 306.

**** Директор политического и торгового департамента МИД Франции.

лом МИД Басдевану дать ему заключение о парафированном тексте и получил от них ответ, что, на их взгляд, в пакт следовало бы внести некоторые изменения редакционно-формального порядка. Поэтому он, Эррио, просит меня послать к Леже своего сотрудника для совместного рассмотрения этих поправок. По достижении окончательного соглашения о тексте Эррио доложит совету министров (под председательством президента республики), после чего пакт можно будет подписать. Тем временем Эррио постарается помочь достижению советско-румынского соглашения. С этой целью он уже снесся с лекашмися в Монтрё (Швейцария) Титулеску, которого попросил срочно приехать в Париж. К сожалению, Титулеску сейчас болен и обещал приехать, как только поправится. Он, Эррио, действует с возможной быстротой и не собирается тянуть; он сделает все, чтобы подписать пакт и завершить торговые переговоры, но, к сожалению, более быстрые темпы ему недоступны, ибо он не может слепо подписать документ, в выработке которого он участия не принимал.

Разумеется, я передаю в виде монолога исчерпывающее резюме того, что Эррио говорил в разбивку в процессе диалога, во время которого я неоднократно требовал пояснений и отстаивал нашу позицию. В заключение разговора я заявил Эррио, что доведу сказанное им до сведения моего правительства, у которого запрошу инструкций. В ожидании этих инструкций я постараюсь в понедельник лично повидаться с Леже и выяснить, какие у него имеются замечания, чтобы их тоже довести до сведения моего правительства *. Я, разумеется, предупредил Эррио, что смогу вступить в обсуждение поправок только в случае, если мое правительство даст мне на это специальное указание, ибо текст был окончательно согласован до парафирования и никаким изменениям больше не подлежал.

Из абсолютно достоверного источника я узнал, что по докладу Дюрана кабинет на том же заседании постановил применить к нашему импорту государственное страхование кредитов (так называемые «ассюранс креди»).

После свидания с Леже я вам сейчас же протелеграфирую и тогда же поставлю вопрос о своем отпуске, ибо силы мои подходят уже к концу.

Полпред

Печат. по арх.

* См. док. № 314, 329.

309. Обмен нотами между Народным Комиссариатом Иностранных Дел СССР и Посольством Италии в СССР о выдаче свидетельств о происхождении товаров

1. НОТА

**НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
ПОСОЛЬСТВУ ИТАЛИИ В СССР**

7 августа 1932 г. № 332/8/ит

Народный Комиссариат по Иностранным Делах Союза Советских Социалистических Республик имеет честь сообщить, что согласно постановлению Союзного Правительства Западная и Восточная Торговые Палаты реорганизованы во Всесоюзную Торговую Палату.

В связи с этим Народный Комиссариат по Иностранным Делах просит изменить первую часть ноты от 2 июня 1931 г. *, касательно прав Западной и Восточной Торговых Палат Союза ССР выдачи свидетельств о происхождении товаров, изложив таковую в нижеследующей редакции: «Всесоюзная Торговая Палата, Торговые Палаты Союзных Республик, а также их Агентства имеют право выдавать свидетельства о происхождении товаров, экспортируемых из Советского Союза».

Доводя вышеуказанное до вашего сведения, Народный Комиссариат по Иностранным Делах просит подтвердить, что свидетельства о происхождении товаров, выданные Всесоюзной Торговой Палатой, Торговыми Палатами Союзных Республик и их Агентствами, будут признаны в Италии на условиях, указанных в обмене нотами от 21 марта 1930 г. **, и что Правительство Италии согласно читать первую часть ноты от 2 июня 1931 г. в вышеизложенной редакции.

2. НОТА

ПОСОЛЬСТВА ИТАЛИИ В СССР

НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР

20 сентября 1932 г.

Королевское Посольство Е. В. Короля Италии, свидетельствуя свое почтение Народному Комиссариату по Иностранным Делах, имеет честь сообщить ему, что Королевское Правительство согласно заменить первую часть ноты от 2 июня 1931 г. новой редакцией, изложенной в ноте Комиссариата от 7 августа с. г. за № 3. 3.218/ит ***, в том, что касается свидетельств о происхождении товаров, следующих из Союза ССР.

Новая принимаемая редакция будет, таким образом, следующей: «Всесоюзная Торговая Палата, Торговые Палаты Союзных Республик, а также их Агентства имеют право выдавать свидетельства о происхождении товаров, экспортируемых из Советского Союза».

Указанные свидетельства будут допускаться в Италию на условиях, установленных обменом нотами от 21 марта 1930 г.

* См. т. XIV, док. № 177.

** См. т. XIII, док. № 108.

*** Как видно из ноты НКВД СССР от 7 августа, эта нота имела № 332/8/ит.

Королевское Посольство Е. В. Короля Италии будет благодарно Народному Комиссариату по Иностранным Делах за подтверждение получения настоящей ноты *.

Ноты печат. по арх. Опубл. в «Собрании законов...», отд. II, № 24, 30 ноября 1932 г., стр. 335—337.

310. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Временным Поверенным в Делах Великобритании в СССР Стрэнгом

8 августа 1932 г.

Стрэнг пришел вместе со 2-м секретарем английского посольства Уолтоном. Я принял его с т. Нейманом **.

1. Стрэнг начал с того, что после отъезда в отпуск Овия на имя Овия пришло письмо от Саймона, касающееся дела «Лена-Голдфилдс». В этом письме Овию поручается пойти к Литвинову, а если Литвинова нет, то к Крестинскому, прочитать ему это письмо и, если Овий признает это нужным, оставить даже копию этого письма, чтобы, таким образом, у НКИД было полное и совершенно точное представление о той позиции, которую английское правительство занимает в вопросе о претензии концессионера к нам.

Стрэнг сказал, что посольство подготовило перевод письма Саймона на русский язык и что он мне зачитает этот перевод. Но, так как он не убежден в безупречной точности и литературности этого перевода, он мне оставит не этот перевод, а английский текст.

После этого Уолтон прочитал письмо Саймона. Так как я прилагаю к записи разговора точный перевод письма ***, сделанный уже в НКИД, я не буду в записи подробно излагать содержание письма. Скажу лишь в двух словах, что английское правительство заявляет, что если Советское правительство в разумно предлагаемый срок не заявит о своем согласии уплатить концессионеру 3,5 млн. ф. ст. или не сделает разумного контрпредложения, то английское правительство не будет считать концессионера связанным его заявлением о готовности удовлетвориться 3,5 млн. ф. ст. и будет поддерживать претензию концессионеров в размере 13 млн. ф. ст. согласно решению арбитражного суда от сентября 1930 г.

Выслушав прочтенное письмо, я сказал, что позиция Советского правительства в деле спора Главконцесскома с «Лена-Голдфилдс» английскому правительству хорошо известна, так как она была изложена и в нотах и в устных заявлениях

* НКИД СССР нотой от 23 октября 1932 г., адресованной посольству Италии в СССР, подтвердил получение упомянутой ноты.

** Заместитель заведующего отделом печати НКИД СССР.

*** Не публикуется.

НКИД *. Тем не менее, поскольку имеется новый момент в виде врученной мне копии письма министра иностранных дел Саймона великобританскому послу Овию с изложением позиции английского правительства, я обсужу этот новый момент и через некоторое время сообщу ему ответ **.

2. После этого Стрэнг перешел к другому вопросу. Английское посольство обратилось к НКИД с рядом нот, в которых просило об удовлетворении убытков, понесенных различными физическими и юридическими лицами на территории Маньчжурии в 1929 г.

На эти ноты НКИД своевременно ответил, что со всеми подобного рода претензиями английские граждане должны обращаться не к нам, а к правительству страны, на территории которой английскими гражданами понесены убытки.

Стрэнг заявил мне, что английское правительство не может согласиться с нашей точкой зрения и ни в коем случае не откажется от права английских граждан требовать возмещения убытков именно с нас.

Я сказал Стрэнгу, что не помню сейчас деталей отдельных дел, но мне кажется совершенно бесспорной наша позиция. Ведь английские граждане и юридические лица сдавали свои товары Восточной Китайской железной дороге и другим организациям на территории Маньчжурии. К этим организациям они и должны обратиться с требованием о возврате товаров или о возмещении стоимости их, если товары не могут быть возвращены. Если бы при этом оказалось, что те или другие грузы, принадлежавшие английским гражданам, вышли из владения транспортных обществ, которым они были доверены, в результате военных действий, происходивших на территории Маньчжурии, владельцы, естественно, должны обратиться со своими требованиями к правительству, которому была подчинена Маньчжурия.

Если английские интересанты или английское правительство обращаются со своими требованиями к нам, то это означает, что английское правительство выступает в роли судьи между СССР и Китаем и вмешивается в отношения и расчеты между этими двумя государствами.

Стрэнг ответил, что он имеет поручение министерства иностранных дел вручить мне ответную ноту, в которой английское правительство отвечает на нашу ноту и подтверждает свою прежнюю точку зрения.

Я принял ноту и сказал, что на нее будет дан письменный ответ ²¹⁴.

Н. Крестинский

Печат. по арх.

* См. также док. № 221, 228, 299.

** См. док. № 349.

311. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции в Народный Комиссарнат Иностранных Дел СССР

9 августа 1932 г.

Вернулся из Ялово *, где был в гостях у Гази ** и Исмет-паша. Прием носил характер реванша за московский. Так меня еще никогда не принимали. Гази на своей яхте проводил даже до Принцевых островов. Исключительные, большие беседы имел с Исметом ***. Постараюсь еще до отхода почты их записать. Гази больше говорил о своем любимом детище — «Историческом обществе». Рассказывал, что учредили общество по изучению и очищению турецкого языка. Считает желательным установить тесный систематический контакт с нашими учеными и просит, чтобы наш Наркомпрос прислал двух советских специалистов по вышеуказанным дисциплинам для выработки плана систематического сотрудничества и для образования постоянно функционирующей смешанной научной комиссии ²¹⁵. Говорил, что обращается к нам не только потому, что тюркология у нас поставлена на большую высоту, но и потому, что не доверяет западным ученым, зараженным высокомерием и пренебрежением к туркам. С Исметом договорился, что сейчас же по приезде спешно либо выеду с Орловым **** к нему в Ялово, либо сам Исмет приедет сюда. Немедленно после свидания с ним специалисты выедут в Анкару для обсуждения деталей с министром экономики. Как Гази, так и Исмет горячо благодарили за подарки, доставленные в прекрасном состоянии, и расхваливали работу наших инструкторов-танкистов ²¹⁶.

Суриц

Печат. по арх.

312. Сообщение Полномочного Представителя СССР в Турции о беседе с Президентом Турции Мустафой Кемалем и Председателем Совета Министров Турции Исмет-пашой *****

10 августа 1932 г.

На моем визите в Ялово я считаю необходимым специально остановиться ввиду исключительного интереса, который представляли мои беседы там с Гази и, особенно с Исметом.

* Летняя резиденция президента Турции.

** Мустафа Кемаль.

*** См. док. № 312.

**** Руководитель группы советских специалистов в Турции.

***** Из письма заместителю народного комиссара иностранных дел СССР Л. М. Карахану от 10 августа 1932 г.

Встречен я был там исключительно тепло и вместе с тем торжественно. Чувствовалось, что турки этим приемом хотят меня отблагодарить за внимание, которое было оказано Исмету в Москве. К этому вопросу мой собеседник неоднократно и по разным поводам возвращались.

Беседы мои с Исметом длились почти целый день. С редкой откровенностью он коснулся целого ряда деликатнейших вопросов (кстати, тет-а-тет, без Рюштю), как вопроса о вступлении Турции в Лигу, взаимоотношений Турции с Европой, перспектив нашего дальнейшего сотрудничества и т. п. Краткость времени (пароход уходит через несколько часов), к сожалению, мне не позволяет изложить все беседы с достаточной полнотой. Остановлюсь лишь на главном и существенном.

Никаких иллюзий насчет Лиги Исмет лично не разделял и не разделяет. Но вместе с тем он считал небезопасным для своей страны дольше оставаться вне Лиги, и недостаточно даже обоснованным, поскольку это не сопровождалось бы при слабости Турции и не могло сопровождаться определенной антилигвой политикой.

Решающим в этом вопросе для него были всегда отношения с СССР и сохранение в неприкосновенности этих отношений. Оговорки, сделанные при вступлении, имели целью это подчеркнуть. Он допускает, что многие страны связывали со вступлением Турции в Лигу расчеты на отрыв ее от нас, но не исключает и обратного. Ход событий последнего времени показал, что даже Франция вынуждена идти на уступки и сознает, по крайней мере в лице Эррно, необходимость ослабить господствующее напряжение в Европе. В этом отношении он считает показательным подписание пакта [о ненападении] с нами Польшей, которое не могло бы состояться без одобрения Парижа, и согласие принять Турцию в Лигу, несмотря на резервы в отношении СССР, резервы, не оставляющие сомнения, что Турция и после вступления сохранила полную свободу действий в отношении к СССР. Исмет полагает, что этим не только раз навсегда хоронятся расчеты на использование вступления против нас, но сигнализируется и перемена отношения к СССР.

Так, проявленный в вопросе о вступлении [Турции в Лигу] советской дипломатией, значительно облегчит ему продолжать свою линию сотрудничества с нами, которая больше, чем когда-либо, поставлена будет во главу угла всей турецкой внешней политики. В этом отношении он придает исключительное значение предстоящей работе советских экспертов *. В московском жесте с кредитами ** для него дорог не столько материальный

* См. док. № 279.

** См. док. № 205, 210.

эффект помощи, сколько выявившийся интерес и сочувствие Москвы к индустриализации Турции, свидетельствующий, что Москве действительно дороги интересы национального возрождения Турции. Этого он не наблюдал со стороны ни одной из других стран, не исключая и Италии, стремящихся удержать Турцию в состоянии аграрного придатка при себе. Когда т. Сталин горячо говорил о выгодах индустриализации для Турции, он тем самым дал Исмету наглядный урок разницы между империалистическим и советским подходом к Турции. Эту разницу он, впрочем, чувствовал на каждом шагу, сравнивая хотя бы московский и римский визиты. В Риме его также встречали тепло, оказали ему много почестей и внимания, но все же у него не было московского ощущения, что он среди своих, что с ним говорят открыто и просто. У него все время было ощущение, что чего-то не договаривают, что-то скрывают. В противоположность Москве, в Риме явно старались обойти молчанием вопрос об отношениях с СССР и без излишнего такта подчеркивали свое покровительство Турции. Все это принудило и его к известной сдержанности и твердому решению не поднимать вопроса о кредитах и помощи до тех пор, пока об этом не заговорил сам Муссолини. Крепкой уверенности, что что-нибудь из кредитов выйдет, у Исмета, впрочем, и сейчас нет. За время своего пребывания в Италии он прежде всего убедился, что с отливом иностранных капиталов, на дрожжах которых расцвела итальянская индустрия, последняя переживает сейчас острейший кризис, сопутствуемый не менее острым финансовым кризисом, и что оказать помощь Италии действительно сейчас нелегко. Он знает, что заинтересованные круги, и в частности министерство финансов, всячески боролись против кредитов, и у него создалось впечатление, что навязыванием неприемлемых технических условий, возможно, постараются вообще сорвать кредиты. К такой возможности он относится совершенно спокойно, так как никогда не возлагал больших надежд на итальянскую помощь и никогда на нее не запрашивался. Он меня заверял, что такой же линии поведения он держится и в отношении Франции и что уполномочил Сараджа * заявить в Париже, что никаких займов и денег у Франции не просит. В правильности такой линии он особенно убедился за последнее время, наблюдая состояние ряда стран, в частности Греции, запутавшихся в сетях займов. Выход для Турции он видит только в жесткой экономии и в избавлении от зависимости от заграницы. Задача советских экспертов — помочь проведению этого плана. Он не скрывает от себя всех трудностей, которые ожидают его на этом пути. Он знает, что ему будут мешать как извне, так и изнутри. Посещение хотя бы

* Министр финансов Турции.

Смирны его убедило, насколько за последние годы выросли там спекулянтские и рваческие элементы, но при поддержке партии и Гази он будет неуклонно работать в намеченном направлении. Международная обстановка, по-видимому, складывается так, что можно рассчитывать на длительную передышку. Европе сейчас не до конфликтов, и Турция должна этим воспользоваться, чтобы, сжав до минимума свою внешнюю активность, сосредоточить всю свою энергию на внутреннем строительстве.

С коммунистическим приветом

Суриц

Печат. по арх.

313. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Хирота

10 августа 1932 г.

Прежде чем приступить к рыболовным делам, Хирота затронул 2 следующих вопроса:

1. Концессионеры в Охе на Сахалине жалуются, что местные власти заставляют их подчиняться какой-то «стандартизации» в отношении помещений, которые предназначены как для жилья, так и для служебных целей, причем эти требования по «стандартизации» местные власти предъявляют не только к вновь строящимся зданиям, но и в отношении уже построенных зданий, требуя в отношении последних перестройки согласно новым правилам. Причем местные власти заявляют, что они действуют не на основании закона, а на основании каких-то внутренних распоряжений, не то директив Совета Обороны, не то еще чего-то в этом роде. Японский посол просил меня вмешаться в это дело, чтобы облегчить положение концессионеров. Он сообщил, что об этом ведет уже переговоры здесь, в Москве, Инаиси, представитель Сахалинского нефтяного общества. На мой вопрос, с кем он ведет переговоры и в каком положении они находятся, он мне ответил незнанием, но обещал выяснить и сообщить мне дополнительно. Я ему ответил, что я не знаю, о чем идет речь и о каких требованиях местных властей, поэтому я не могу ему сказать, могу ли я вмешаться в это дело. Поэтому я обещал ему только одно — после представления им дополнительных данных поинтересоваться этим делом.

2. Второй вопрос касается идущих переговоров между японцами и нашими органами о покупке нефти и бензина. Хирота сообщил, что японцы предполагают закупить большое количество нефтяных продуктов, что-то около 300 тыс. т в год. В деньгах это выражается в цифре около 20 млн. Японское правительство и он лично желали бы, чтобы переговоры эти

увенчались успехом, и поэтому он обращается ко мне с просьбой, чтобы я посодействовал успеху этих переговоров. Переговоры эти ведет в Москве тот же Инанси от имени Сахалинского нефтяного общества, руководителем которого является известный адмирал Накасато. Он мне не мог дать никаких подробностей и даже указать, с кем эти переговоры Инанси ведет, но обещал выяснить и сообщить дополнительно. Я ему ответил, что я с большим сочувствием отношусь к развитию торговых отношений между Японией и СССР и он полностью может рассчитывать на мое содействие в этом деле. В особенности я считаю желательным развитие наших торговых отношений по линии закупки японцами в нашей стране нефтяных продуктов. Хирота ответил, что, по-видимому, разногласия заключаются в том, что японцы хотят купить сырую нефть и переработать ее в самой Японии, а мы хотим продать ее в переработанном виде, что для японцев невыгодно, так как в Японии существуют высокие пошлины на переработанные нефтепродукты. Если Япония будет импортировать сырую нефть и затем перерабатывать ее внутри страны, то она сможет конкурировать с продуктами переработанной нефти, ввозимыми из Англии и Америки. Я ему обещал, как только он мне сообщит подробности, оказать всяческое содействие в этом деле*.

После этого мы перешли к рыболовным делам**. Хирота сообщил, что он получил инструкции от японского правительства, которые устраняют оставшиеся между нами разногласия, и вручил мне новый проект соглашения. (Ознакомившись с ним, я сразу же заметил, что в последний момент японцы пытаются мошенническим образом протащить существенный для них новый пункт, о котором у нас не было никаких разговоров за все время рыболовных переговоров. В п. 2 соглашения Хирота внес придаточное предложение, смысл которого заключается в том, что если какой-либо японский подданный сделает заявление об открытии нового рыболовного участка, то этот рыболовный участок автоматически ставится на торги. Нужно сказать, что в течение действия рыболовной конвенции у нас с японцами часто возникали споры на той почве, что мы открывали не все те новые участки, на которые японцы делали заявки, а были годы, когда японцы заявляли об открытии десятков новых участков. Мы считали, что право открыть или не открыть тот или другой участок по соображениям охраны рыболовных богатств или по каким-либо другим основаниям является нашим бесспорным правом, против чего японцы всегда возражали. И вот, японцы в последний момент решили

* См. док. № 378.

** См. док. № 218, 225.

включить небольшую фразу, которая должна была закрепить в соглашениях их, японское, толкование конвенции. Иначе говоря, они хотят создать положение, при котором в дальнейшем неограниченно будут открывать новые и новые рыболовные участки, для чего достаточно простого заявления японцев.) Вначале Хирота дал по этому поводу очень путаные объяснения, желая скрыть истинное значение своей поправки. Спорили мы по этому пункту около 2-х часов. Хирота ссылался на Портсмутский договор и на рыболовную конвенцию, указывая, что это вытекает из обоих этих договоров. Я решительно отклонил включение этой оговорки, во-первых, потому, что за все время переговоров японцы никогда такого предложения не делали и такая фраза отсутствует и в том проекте предложения, который он вручил мне 4 августа*, по существу же это японское предложение я отклонил ссылкой на рыболовную конвенцию, из которой не вытекает нашей обязанности ставить на торги любые участки, о которых японцы просят. Острая дискуссия у нас закончилась тем, что я попросил Хирота дать мне в письменном виде юридическое обоснование этого их предложения, как вытекающего из Портсмутского и рыболовного соглашений. Я ему сказал, что из тех объяснений, которые он мне сделал, я не мог понять, как он связывает это предложение с существующим у нас с японцами договором и поэтому предпочитаю это иметь в письменном виде, чтобы в таком письменном виде представить своему правительству. Тогда он заявил, что раз мы так решительно возражаем против этого пункта, он надеется, что японское правительство на этом настаивать не будет. Таким образом, этот неприятный пункт, который японцы хотели протащить в порядке наскока, будет ими снят.

Остальное время мы потратили на редакционное согласование отдельных пунктов. По поводу редакционных поправок он должен еще спросить свое правительство и завтра или послезавтра прийти для окончательного согласования текстов. Во время переговоров выяснилось, что японское правительство боится всякого намека на то, что заключаемое ими соглашение носит характер договора или такого международного акта, который требует ратификации. Боятся оно этого, не желая вносить вопрос на утверждение Тайного совета и на ратификацию. Документ будет подписан нами на 2-х языках — японском и русском. Таким образом, в течение ближайших дней мы закончим рыболовные переговоры.

Л. Карахан

Печат. по арх.

* В тексте ошибочно — 3 августа. Этот японский проект являлся одним из рабочих проектов, рассматривавшихся при окончательном согласовании и редактировании соглашения по рыболовным вопросам (см. док. № 319).

314. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалецкого в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

10 августа 1932 г.

У Леже еще не были готовы поправки [к пакту о ненападении]*, и мы условились встретиться завтра. Он заверил меня, что поправки носят чисто формальный характер. Я предупредил его, что не собираюсь, впредь до получения инструкций, дискутировать с ним поправки, но что буду отводить те из них, которые не будут носить чисто стилистического характера, и доведу до сведения моего правительства только те из поправок, на которых он, несмотря на мои отводы, будет настаивать²¹⁷.

Почти два часа мы, по инициативе Леже, говорили о советско-румынском пакте**. Окончательное резюме его высказываний сводится к следующему. Нынешний французский кабинет вначале взял под сомнение целесообразность продолжения прошлогодних переговоров*** и уклонялся от рассмотрения этого вопроса. Потом вопрос был принят Эррио к изучению, и кабинет твердо решил возобновить и благополучно завершить советско-французские переговоры. Кабинет искренне хотел бы немедленно подписать пакт, но вынужден оттянуть его подписание до достижения соглашения между нами и Румынией. Французское правительство ясно дало понять румынам, что оттяжка ему неприятна, что Румынии следует не настаивать на неразумных требованиях. К настоящему моменту положение сводится, однако, к тому, что румыны через Залесского, в согласии с Массигли, предложили Литвинову заключительный протокол, который Литвинов отверг, не сделав никакого другого предложения²¹⁸. Таким образом, предложение Румынии не может быть рассмотрено французами как неразумное, и слово за нами. В этих условиях французское правительство поступило бы некорректно в отношении Румынии, если бы сейчас же подписало с нами пакт. Французское правительство предпочло бы, чтобы возобновление советско-румынских переговоров могло состояться раньше Женевы, сейчас, но не знает, как за это взяться, ибо роль посредника между нами и румынами взяла на себя Польша. Основное сейчас в том, чтобы мы в ответ на последнее предложение Румынии (о заключительном протоколе) сделали свое разумное и примиряющее предложение. В этих условиях были бы возможны два выхода: или было бы достигнуто соглашение с Ру-

* См. док. № 308.

** См. док. № 273.

*** См. т. XIV, док. № 229.

мынней, или же румыны тянули бы и держали себя непримиримо — в обоих случаях французское правительство получило бы возможность подписать пакт.

В результате пространного обмена мнениями, во время которого я исправлял неточности Леже и излагал всю искренность нашего вступления в переговоры с румынами, Леже, подчеркивая неофициальный, а лишь официозный характер наших разговоров, спросил мое мнение о следующем компромиссе: 1) из пакта устраняется всякое упоминание о споре и о территории, находящейся под суверенитетом или под властью; 2) к пакту будет приложен заключительный протокол следующего содержания: «настоящий договор не может служить в других целях, а именно для разрешения спорных вопросов, существующих между обоими странами к моменту подписания договора»; 3) при подписании мы делаем декларацию в любой резкой форме по бессарабскому вопросу. Я ответил, что передам это предложение моему правительству и ответ сообщу Леже*.

Полпред

Печат. по арх.

315. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Монгольской Народной Республике А. Я. Охтина Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л. М. Карахану

10 августа 1932 г.

Монголы подняли вопрос о посылке своего театра на предстоящую октябрьскую международную театральную олимпиаду в Москве. Монгольский театр имеет достижения, и его выступление на олимпиаде будет представлять значительный художественный интерес. В случае вашего положительного решения необходимо выяснить условия, а также кто и в какой сумме оплатит расходы по пребыванию театра в СССР. Предполагается направить 23 человека. Декорации и реквизит — около тонны. В репертуаре театра: «Дворец Богдо», «Прошлое, настоящее, будущее», а также импровизация. Срочно сообщите**.

Полпред

Печат. по арх.

* См. док. № 329, 335.

** См. док. № 367.

316. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
11 августа 1932 г.*

Почти все приходящие к нам в один голос говорят, что в армии идет энергичная подготовка к войне с нами. Настроение Араки в отношении нас в последнюю неделю ухудшилось под влиянием ознакомления с данными коммунистического процесса²¹¹. Военные заводы работают день и ночь. Некоторые энергично выступают против войны с нами. Идет ожесточенная борьба между генералом Араки и адмиралом Като, решительно стоящим за хорошие отношения с нами. Окружение императора тоже против войны с нами. На днях предпринята попытка добиться отставки этого окружения через бывшего министра двора императора Мэйдзи графа Танака*. Эта попытка идет до дворцового переворота. Прежде всего, военные желают иметь во дворце своего человека. Некоторые военные стоят за отложение вооруженного конфликта ввиду технической неподготовленности Японии в сравнении с нами. Сейчас обращено внимание на техническую подготовку армии.

Я хочу видаться с Араки, но мне некоторые не советуют, опасаясь дурного впечатления мининдела и даже провокаций со стороны Араки**.

Полпред

Печат. по арх.

317. Нота Полномочного Представительства СССР в Германии Министерству Иностранных Дел Германии

12 августа 1932 г.

Посольство СССР в Германии имеет честь довести до сведения Министерства Иностранных Дел нижеследующее.

6 августа 1932 г. в консульство СССР в Штеттине явились два лица и потребовали пропустить их в консульство. Поскольку канцелярия была уже закрыта, а в служебных помещениях находилась одна супруга консула г-жа Миллер, она отказалась пустить этих лиц в помещение. Тогда один из них предъявил документ в качестве агента уголовной полиции и стал настойчиво требовать, чтобы его пустили в помещение.

* Японский журналист Фусэ в беседе с советником полпредства СССР в Японии И. Спильванском дает действиям Танака другую оценку; см. док. № 318.

** См. также док. № 305, 328, 354, 369.

Когда они прошли в консульство, полицейский чиновник заявил, что он арестовал второго бывшего с ним человека, о чем он оставил письменное извещение для консула в Штеттине.

В дальнейшем было установлено, что арестованное полицейским чиновником лицо являлось гражданином СССР, каковой после допроса и проверки документов в полицейспрезидиуме был немедленно освобожден. Как сообщили консулу в Штеттине г. Миллеру, этот случай является недоразумением, потому что штеттинская полиция разыскивает совсем другое лицо и под другой фамилией.

Посольство рассматривает действия штеттинской полиции как незаконный акт в отношении советского консульства, как нарушение экстерриториальности его служебных помещений и считает мотивы ареста советского гражданина и весь образ действий полицейского чиновника абсолютно необоснованными.

Посольство просит Министерство Иностранных Дел расследовать это дело и ожидает, что будут предприняты необходимые шаги в целях выяснения действий полицейских властей в Штеттине.

Посольство заранее выражает благодарность за все шаги, которые будут предприняты Министерством Иностранных Дел*.

Печат. по арх.

318. Запись беседы советника Полиомочного Представительства СССР в Японии с японским журналистом Фусэ**

12 августа 1932 г.

12 августа пригласил Фусэ на обед в нашем консульстве в Кобе. Имея в виду, что интимная беседа удастся, когда не много людей и все близко знакомые, я ограничился только приглашением Фусэ, хотя его просил указать, кого еще звать. Видно было, что он понял мои настроения и указал на Хиракава, директора восточного и русского отдела своей газеты***, но предупредил, что он занят. Пришел один Фусэ. Беседа с ним была чрезвычайно интересна в смысле высказанных Фусэ мыслей. Он говорил очень осторожно, но потом поддался и стал уже говорить с увлечением. Его мысль и формулировки были даже для меня, хорошо его знающего, неожиданно рельефны и резки. Такая форма выражения несвойственна для

* Поскольку власти Штеттина выразили сожаление о случившемся, подпредство СССР нотой от 1 сентября 1932 г. сошло инцидент исчерпанным.

** Из дневника советника подпредства СССР в Японии за 1 августа — 26 сентября 1932 г.

*** «Осака майнити».

японцев или возможна для них только во время глубоких переживаний.

Вот записанная мною почти дословно и по памяти беседа с Фусэ.

«30 июня в Токио на закрытом собрании японских журналистов Араки сделал доклад о Маньчжурии и СССР. Он говорил о Советском Союзе с двух точек зрения: теоретической и практической. Он сказал, что, согласно конституции, врагами СССР являются капиталистические и монархические страны. Япония — монархия. Следовательно, Япония является врагом СССР. Эту истину должен знать каждый японец. С практической точки зрения Араки, говоря о СССР, указал, что пятилетка является угрозой для Японии. В основном выступления Араки перед журналистами от 30 июня содержали в себе положения, развернутые в его статье.

Араки не политик, а только солдат. Его вернее можно назвать «роботом». Фактически военным министерством управлял Койсо. Койсо — крупный ум, сильный характер, большой человек, соединяющий в себе все необходимое для вождя. Среди военных две группы. Первая объединяется вокруг Угаки*. Вторая — объединена МUTO**, Араки, Мадзак и Койсо. После прошлогоднего «восстания военных»²¹⁹ верх взяла группа МUTO — Араки. Группа Угаки держала курс на примирение интересов разных политических, экономических и финансовых группировок с интересами военных. Такая политика компромисса между военными и другими кругами потерпела фиаско, выражением которого является «восстание» прошлого года. С этого момента власть захватила группа МUTO — Араки, отражающая настроения младшего офицерства, требующего самостоятельности и активности во внешней и внутренней политике, а также оставления гегемонии за военными. Идеологические корни этой части военных берут начало в обществе Кокухонся***.

Араки — робот и солдат — делает то, что предсказывает**** Койсо под диктовку младшего офицерства. Араки — опасный человек для Японии. На самом деле он является надправительством. Фактически управляют всем молодые офицеры. Счастье для Японии, что флот и моряки не поддерживают тактику и программу Араки.

В марте японо-советские отношения переживали чрезвычайный кризис. Это было в связи с приближением

* Генерал-губернатор Кореи, бывший военный министр.

** В августе 1932 г. назначен командующим Квантунской армией, чрезвычайным и полномочным представителем Японии в Маньчжоу-Го.

*** Фашистская организация, создана в 1924 г.

**** Так в тексте.

Ван Дэ-линя* к Пограничной. Тогда за Ван Дэ-линем была выдвинута корейская армия. Казалось, что война с СССР вспыхнет в любой час. К этому шел Араки. Война тогда в марте была предотвращена только энергичным и резким выступлением против Араки одного из крупнейших и дальновидных деятелей флота. Не будь его прозорливости, не будь его энергии, разразилась бы японо-советская война.

Теперь такого кризисного состояния японо-советских отношений не имеется. Ввиду наличия влияния младшего офицерства и Араки, опасность все же продолжает существовать. Но наше счастье, что Трояновский умеет хорошо играть на противоречиях флота с армией. Хорошо, что его большим другом является адмирал Като.

Выступления старого Танака**, героя революции Мэйдзи, направлены не против министра двора, а имеют целью поддержку последнего. Выступления Танака — это демонстрация против военных и Араки. Есть достоверные сведения, что старый Танака после последнего свидания с Икки*** успокоился. Это говорит, что демонстрация была удачна.

Хондзэ — мягкий, безвольный человек. Его плюс, что он, как бывший военный атташе в Пекине и советник Чжан Цзо-линя, хорошо знаком с Китаем и Маньчжурией. Накануне конфликта он был назначен командующим в Маньчжурии исключительно вследствие своей мягкости. Он не командовал армией. Командовали майоры, полковники, капитаны. Он буддист. Читит Нитирэна****. В его кабинете изображение будды, священные надписи и жертвенник. Он молится, созерцает и подписывает приказы, составленные майорами и капитанами.

Койсо вынужден был уйти из военмина в связи с арестом профессора Огава, руководителя террористов из крестьян, выступавших 15 мая²²⁰. Дольше ему было нельзя оставаться в должности в Токио. Его перевели в Маньчжурию****. Вторым активным вождем военных после Араки является молодой генерал Татэкава, заместитель председателя японской делегации по разоружению в Женеве.

Почему Араки враждебен к СССР? Он верит информации своих атташе и агентов, которые дают одностороннюю и неправильную информацию, измеряя все, что делается в СССР, с точки зрения только японских военных. Японский посол и торгпред в Москве мало пишут в Токио. Японские военные

* Китайский генерал, выступивший против японских войск в пров. Гири (Маньчжурия).

** См. также док. № 316.

*** Министр двора императора Японии.

**** Буддийский монах (1222—1282).

***** Койсо был освобожден от должности заместителя военного министра и назначен начальником штаба Квантунской армии.

агенты везде весьма прилежны, усидчивы, наблюдательны и много пишут. Аппарат мининдела неработоспособен. Отсюда и то, что информация Араки бесспорно принимается за истину. Он и его атташе не имеют конкурентов в мининделе.

Полпред Трояновский в прошлом году выступил с большой речью перед авторитетнейшей аудиторией из деловых кругов в Осака²²¹. Трояновский хороший оратор и политик. Он захватил свою аудиторию. Его доклад сделался предметом обсуждения в деловых кругах Осака. Практические вопросы советско-японских отношений стали рассматриваться вокруг тезисов Трояновского. Но начался маньчжурский конфликт, который захватил всех. Маньчжурия потушила в Осака энтузиастов советско-японского сближения, появившихся в результате выступления Трояновского:

Затем в том же зале и с той же кафедры, перед той же аудиторией говорил Койсо — великий оратор Японии. Он говорил о военной опасности, грозящей Японии со стороны СССР. При этом он указал на Германию, которая во время мировой войны проявила непревзойденный пример организованности и целеустремленности во имя войны. Койсо сказал, что то же самое наблюдается в СССР вокруг пятилетнего плана. И вот Осака живет еще настроениями этой речи Койсо, а не Трояновского. Не будь маньчжурских событий, было бы наоборот. Я не думаю, что состояние советско-японских отношений опять переживает мартовское напряжение. Беда в том, что большие вещи об СССР пишутся только людьми Араки. Кроме статей Отакэ²²² в японской прессе не было ничего более лучшего для японо-советских отношений. Наши газеты как раз теперь знают об СССР меньше, чем когда-либо. Нужны большие статьи наподобие статей Отакэ. Лаконические сообщения не дают цельности. Нужна цельность, чтобы конкурировать с информацией Араки.

Сентябрь — самый критический месяц для современной Японии. Предстоит сессия парламента и Женева*. Если народ останется недовольным сессией, то заговорят низовые силы, питавшие военную молодежь, и через них Араки. В Женеве будет большой бой вокруг Маньчжурии. Перед японским народом эта осень будет самая трудная в его истории».

Советник полпредства СССР в Японии
И. Спильванек

Печат. по арх.

* Имеется в виду обсуждение доклада коммиссии Литтона на сессии Совета Лиги наций; см. «Сборник документов по международной политике...», вып. V. М., 1933, стр. 139—181.

319. [Соглашение по рыболовным вопросам, подписанное Заместителем Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л. М. Караханом и Послом Японии в СССР Хирота]

[13 августа 1932 г.]

Г-н Лев Михайлович Карахан, Заместитель Народного Комиссара по Иностранным Делах Союза Советских Социалистических Республик и г. Коки Хирота, Посол Японии в Союзе Советских Социалистических Республик, согласно инструкций своих Правительств, одушевленных желанием разрешать в целях укрепления дружественных отношений, существующих между СССР и Японией, разные вопросы, связанные с применением Рыболовной конвенции 1928 года*, на основе толкования этой Конвенции и исходящих из того, что все вопросы рыболовства должны разрешаться и регулироваться на основе строгого соблюдения всех статей и постановлений Рыболовной конвенции, после дружественного обмена мнениями в рамках и на основе вышеуказанной конвенции согласились на нижеследующее:

1. Все рыболовные участки, ныне находящиеся в аренде у японских подданных, сроки аренды которых будут истекать в годы, предшествующие 1936 г., независимо от того, предназначены ли они для ловли рыб, или предназначены ли они для собирания продуктов моря, за исключением 60 рыболовных участков, указанных в следующем пункте, будут оставлены в аренде заинтересованных японских подданных по 1936 год путем пролонгирования на тех же условиях соответствующих арендных договоров, причем эти японские подданные могут в любое время до истечения срока аренды соответствующих рыболовных участков принять необходимые шаги для оформления с Дальрыбсй пролонгации аренды последних, которая беспрепятственно оформит эту пролонгацию до истечения срока аренды.

2. Все рыболовные участки, которые будут открыты на основании заявлений японских подданных, и все иные рыболовные участки, которые будут в дальнейшем сдаваться с торгов, а также 60 рыболовных участков, которые будут выделены по свободному усмотрению японских подданных из тех, которые в настоящее время находятся в аренде у последних, будут обязательно ставиться на торги либо по мере их открытия в согласии с Рыболовной конвенцией, либо по мере истечения срока их аренды, либо в случае прекращения их аренды согласно условиям договоров об их аренде и будут сдаваться в аренду с торгов на сроки, указанные в ст. 6 Протокола «А», приложенного к Рыболовной конвенции.

3. Общая норма уловов рыболовных участков, предназначенных для ловли рыб лососевой породы, подлежащих передаче государственным предприятиям в соответствии с п. 2 раздела Б ст. 1 части I Заключительного протокола, приложенного к Рыболовной конвенции, включая общую норму уловов всех лососевых рыболовных участков, ныне находящихся в аренде у государственных предприятий, увеличивается до 37% общей нормы улова всех лососевых рыболовных участков, находящихся в аренде в 1932 году, что составит 5 000 000 пудов, причем эти рыболовные участки будут выделяться с применением постановления п. 3 раздела Б ст. 1 части I Заключительного протокола и будут сдаваться в аренду государственным предприятиям сроком по 1936 год.

Преобладающая часть рыболовных участков, сдаваемых в аренду государственным предприятиям с упомянутым выше лимитом, будет выде-

* См. т. XI, док. № 21.

ляться из рыболовных участков, находившихся в аренде в 1932 году у граждан, кооперативных обществ и других организаций СССР.

4. Все японские претензии и возражения в отношении 18, 7 и прочих рыболовных участков, имевшие место в связи с их закреплением за государственными предприятиями, а также претензии и возражения по поводу рыболовных участков, сданных гражданам, кооперативным обществам и местному крестьянскому и левелковому населению СССР, считаются ликвидированными. Однако оба Правительства продолжают придерживаться своих прежних принципиальных взглядов относительно толкования Рыболовной конвенции и приложенных к ней актов.

г. Москва, 13 августа 1932 г.

Подлинный подписала:

Л. Карахан

Коки Хирота

Обмен нотами между Народным Комиссариатом Иностранных Дел СССР и Посольством Японии в СССР, состоявшийся при подписании Протокола по рыболовным вопросам

1. НОТА

**НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
ПОСОЛЬСТВУ ЯПОНИИ В СССР**

13 августа 1932 г. № 2ВОЯ. 102

Ссылаясь на переговоры между Заместителем Народного Комиссара по Иностранным Делам г. Караханом и Японским Послом в Москве г. Хирота по вопросам рыболовства в тихоокеанских водах Союза Советских Социалистических Республик, Народный Комиссариат по Иностранным Делам имеет честь довести до сведения Японского Посольства в Москве, что, как это видно из врученного 26 июля с. г. для сведения, списка рыболовных участков, находящихся в аренде государственных предприятий Союза ССР, общая норма уловов лососевых рыболовных участков вышеупомянутых предприятий равна в настоящее время 375 207,2 центнера, или 2 288 763,92 пуда.

2. НОТА

**ПОСОЛЬСТВА ЯПОНИИ В СССР
НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР**

13 августа 1932 г.

Японское Посольство в Москве имеет честь подтвердить получение ноты Народного Комиссариата по Иностранным Делам от 13 августа с. г. за № 2ВОЯ. 102, содержание которой принято Посольством к сведению.

3. НОТА

**ПОСОЛЬСТВА ЯПОНИИ В СССР
НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР**

*Конфиденциально
13 августа 1932 г.*

По поводу пункта 3 документа, подписанного сего числа в связи с решением вопросов, связанных с применением Рыболовной конвенции

1928 г., Японское Посольство в Москве имеет честь заявить от имени своего Правительства нижеследующее:

«В случае, когда рыболовные участки, подлежащие передаче госпредприятиям СССР с лимитом, указанным в пункте 3 упомянутого документа, будут выделяться из тех, которые согласно списку, врученному г. Караханом, Заместителем Народного Комиссара по Иностранным Делах, г. Хирота, Японскому Послу в Москве, 26 июля во время рыболовных переговоров, находились в аренде в 1932 году у граждан, кооперативных обществ и других организаций СССР, конферирование, установленное в п. 3 раздела Б ст. 1 части I Заключительного протокола, приложенного к Рыболовной конвенции, будет считаться законченным с сообщением Японскому Правительству со стороны Правительства СССР номеров, наименований, местонахождений и норм уловов соответствующих рыболовных участков».

4. НОТА НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР ПОСОЛЬСТВУ ЯПОНИИ В СССР

Конфиденциально
13 августа 1932 г. № 2ВОЯ. 102

Народный Комиссариат по Иностранным Делах имеет честь подтвердить получение конфиденциальной ноты Японского Посольства в Москве от 13 августа с. г., содержание которой принято Народным Комиссариатом к сведению.

Протокол и ноты печат. по арх.

320. Нота Полномочного Представительства СССР в Германии Министерству Иностранных Дел Германии

13 августа 1932 г.

Посольство СССР в Германии имеет честь сообщить Министерству Иностранных Дел нижеследующее.

В пятницу 12 августа 1932 г., около 12 часов дня, в Генеральное консульство СССР в Кенигсберге, Хуфен-аллее, 31, явился чиновник уголовной полиции в сопровождении двух полицейских в форме и заявил, что ему поручено произвести обыск в помещении Генерального консульства. Когда полицейского чиновника впустили в кабинет г. Генерального консула Сметанича и осведомились у него о причине его прихода и о его имени, он отказался назвать себя и ограничился предъявлением своего служебного жетона. Он заявил, что он уполномочен произвести обыск в помещении Генерального консульства. Г-н Сметанич предложил ему предъявить свое удостоверение. Полицейский чиновник отказался сделать это под тем предлогом, что он, будучи чиновником уголовной полиции, не обязан иметь при себе удостоверения, поскольку санкция на обыск дана соответствующей инстанцией в Берлине. Когда г. Сметанич заявил, что служебные помещения Генерального

консульства пользуются экстерриториальностью, что он не допустит обыска, ибо таковой означал бы незаконный акт в отношении консульства, полицейский чиновник приказал, чтобы все находившиеся в кабинете г. Сметанича лица, т. е. он сам, его секретарь, г-жа Сметанич, а также уполномоченный на кенигсбергской ярмарке г. Гордон, не покидали помещения. Когда г. Сметанич попытался позвонить по телефону в обер-президиум, полицейский чиновник помешал ему это сделать. Далее он не позволил также составить протокол об этом происшествии. На протяжении всей этой сцены полицейские заняли посты: один — в вестибюле, а другой — в служебных помещениях Генерального консульства.

На повторные протесты г. Сметанича полицейский чиновник заявил, что он, невзирая на протесты, произведет обыск и в случае сопротивления прибегнет к силе. При этом он отказался указать мотивы для обыска. После повторных протестов г. Генерального консула полицейский чиновник обратился по телефону в полицей-президиум. После краткого разговора к телефону был допущен г. Сметанич. Из полицей-президиума ему сообщили, что произошло недоразумение. После этого полицейский чиновник г. Торклер (его имя г. Сметанич узнал от полицей-президиума) и оба полицейских покинули помещение Генерального консульства.

Посольство самым решительным образом протестует против подобного образа действий германских властей в отношении Генерального консульства СССР в Кенигсберге и ожидает удовлетворения в связи с неслыханным нарушением экстерриториальности служебных помещений Генерального консульства и консульского соглашения *.

Посольство просит сообщить о шагах, которые предпримет Министерство Иностранных Дел для ликвидации упомянутого инцидента и остается в ожидании соответствующего ответа **.

Печат. по арх.

В ответной ноте МИД Германии от 20 августа 1932 г., в частности, говорилось:

«Чины кенигсбергской полиции — криминальный ассистент Торклер и два сопровождавших его полицейских, разумеется, не имели поручения производить обыск в помещениях Генерального консульства Союза Советских Социалистических Республик в Кенигсберге. Напротив, им было поручено сделать обыск на квартире прусского гражданина Пауля Фриша. Последний является председателем кенигсбергского отделения организации Международная рабочая помощь. Он зарегистрирован в полиции в качестве служащего, проживающего с 1 сентября 1931 г. по адресу Хуфеналлее № 31/33. Поскольку розыски Фриша в квартирах названного дома

* См. «Собрание законов...», отд. I, № 28, 29 апреля 1926 г., стр. 469—502.

** См. также док. № 325, 337.

остались безрезультатными, криминальный ассистент Торклер позвонил на том этаже, где находится Генеральное консульство Союза Советских Социалистических Республик, чтобы осведомиться, не проживает ли там Пауль Фриш».

Далее в ноте излагалась официальная немецкая версия обстоятельств, связанных с вторжением полиции в Генеральное консульство СССР, находившаяся в полном противоречии с фактами, изложенными в публикуемой советской ноте. В заключение МИД Германии, отклоняя протест полпредства СССР, утверждал, что «Генеральный консул помешал криминальному ассистенту при выполнении его поручения».

321. Письмо Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэню *

13 августа 1932 г.

Господин Особый агент,

Мною получены достоверные сведения, что положение невинно арестованных советских граждан, содержащихся в местных тюрьмах, исключительно тяжелое и что установленный в отношении их режим настолько тяжел, что не поддается описанию.

Обращая на это Ваше внимание, имею честь просить со-
благоволить срочно снестись с соответствующими властями о немедленном принятии мер к удовлетворению просьб, изложенных в моем письме от 19 июня **, и, в частности, к допущению посещения всех арестованных представителем Генконсульства.

Пользуясь случаем, прошу принять, господин Особый агент, уверения в моем глубоком к Вам уважении ***.

Генеральный консул СССР в Харбине
Славуцкий

Печат. по арх.

322. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочию Представителю СССР в Турции Я. З. Сурицу

14 августа 1932 г.

Джевад **** сообщил, что МИД считает желательным не прибегать к смешанной комиссии *****; поскольку инциденты фактически урегулированы, а поручить дальнейшую нормализацию

* 22 июня 1932 г. дипломатическое управление Гиринской провинции было реорганизовано и бывший начальник дипуправления Ши Люй-бэнь назначен особым агентом МИД в Северной Маньчжурии.

** См. док. № 255.

*** См. также док. № 401.

**** Временный поверенный в делах Турции в СССР.

***** См. док. № 43.

зацию пограничным комиссарам. Я ответил, что мы обсудим пожелание МИД. Я сообщил одновременно, что 10 сентября с. г. пограничная конвенция * истекает. Независимо от этого компетенция пограничных комиссаров по конвенции недостаточна, будучи ограничена мелкими инцидентами. Мы считаем полезным конвенцию пересмотреть, усилив полномочия и компетенцию комиссаров.

Джевад обещал запросить указаний МИД. Срочно сообщите Ваше мнение, согласиться ли нам на отмену комиссии, связав это с пересмотром пограничной конвенции.

Карахан

Печат. по арх.

323. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

15 августа 1932 г.

Эксперты здесь уже вплотную приступили к работе с турецкими специалистами ²⁰⁰. Выясняется намерение построить два комбината, примерно веретен на 35 тыс.: один — в Кейсарпи или Малатии, другой — в Эскишехире или Конии и, кроме того, около 4 небольших подсобных фабрик для обслуживания кустарей, также в районе средней Анатолии. Окончательное решение — после объезда экспертами мест, в которых намечаются фабрики **.

Суриц

Печат. по арх.

324. Телеграмма Заместителя Председателя Исполкома Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР Председателю Комиссии помощи пострадавшим от наводнения Чжаи Цзин-хою ***

16 августа 1932 г.

Союз Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР переводит в Ваш адрес через Дальневосточный банк 35 000 китайских даянов на дело помощи жертвам наводнения ²²³. Просьба подтвердить получение.

Зам. Пред. Исполкома СОКК и КП СССР
Мойрова

Печат. по арх.

* См. т. XI, док. № 273.

** См. также док. № 279, 438.

*** Копия телеграммы направлена генконсулу СССР в Харбине.

**325. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в
Германии со Статс-секретарем Министерства Иностран-
ных Дел Германии Бюловым**

17 августа 1932 г.

Ввиду того что Нейрат находится в отпуске, я договорился сегодня с Бюловым о приеме меня в 7 час. вечера.

Я заявил Бюлову решительный протест против статьи, помещенной в «Ангрифе», в вечернем издании 16 августа, под заголовком: «Намеки для действительно успешных полицейских мер». Я отметил те пункты данной статьи, которые касаются посольства, торгпредства и советских общежитий. В статье указано, что именно здесь, т. е. в вышеуказанных местах, «находится настоящее гнездо для сохранения больших материалов». Далее в этой статье указывается на безрезультатность произведенных обысков у немецких коммунистов и что если действительно хотят иметь результаты, то нужно произвести обыски в посольстве, торгпредстве и других советских общежитиях. Далее я указал, что в результате этой статьи разнуздываются страсти у СА*, и мы имеем уже этому доказательства, так как сегодня между 3 и 4 часами утра группа, очевидно национал-социалистов, состоящая из трех лиц, побила стекла в нашем советском общежитии на Гайсбергштрассе. Я указал Бюлову, что задача аусамта реагировать на данную статью самым решительным образом, что аусамт должен защитить нас от нелепых оскорблений. Далее я отметил Бюлову, что вообще в последнее время замечается какой-то поворот в отношении СССР, ибо недавно имел место случай неслыханного оскорбления нашего генерального консульства в Кенигсберге, а именно: какой-то криминальный чиновник в сопровождении двух полицейских явился в помещение генерального консульства, имея поручение произвести обыск. При этом он не имел никакого письменного поручения. Характерным является и то обстоятельство, что полицейский чиновник запретил генконсулу выходить из помещения; таким образом, он подверг его фактическому задержанию и лишь благодаря переговорам полицей-президиума с уголовным советником** Омэ, уголовный чиновник оставил помещение генерального консульства. Я заявил Бюлову, что по кенигсбергской истории я уже представил ноту*** в самой решительной форме и, однако, до сих пор не получил необходимого удовлетворения.

Бюлов ответил, что по поводу кенигсбергской истории он сделал распоряжение о поездке в Кенигсберг министераль-

* — штурмовых отрядов (нем.).

** Имеется в виду советник уголовной полиции.

*** См. док. № 320, 337.

директора Мейера, который должен тщательно обследовать дело, и тогда аусамт примет соответствующие меры. Что касается статьи в «Ангрифе», то можно было бы либо заявить через пресс-конференцию, либо через агентство Вольфа о полной абсурдности заявлений «Ангрифа», но он не советует этого делать, ибо аусамт бессилён обуздать прессу «наци». Не исключена возможность, что такая мера со стороны аусамта будет иметь отрицательный результат, так как «наци» еще более усилят свою кампанию. Он говорит это на основании своего опыта. Однако он посоветуется еще со своим персоналом прессы, что можно сделать в этом отношении. Чтобы предотвратить возможные безобразия со стороны «наци», он усилит охрану посольства, торгпредства и советских общежитий. Я заявил еще раз, что аусамт должен изыскать меры к тому, чтобы Советское представительство не подвергалось никаким оскорблениям²²⁴.

После этого мы перешли к другой теме, а именно об отношениях Германии и СССР. Бюлов мне заявил, что ни о какой перемене отношений Германии к СССР не может быть и речи. Первоначально, когда рейхсканцлером был назначен Папен, у Бюлова были некоторые сомнения на этот счет. Однако в двух довольно обстоятельных беседах с Папеном он выяснил, что последний не имеет никакого намерения изменять политику Рапалло. Правда, фон Папен является совершенно другим канцлером, отличающимся как от Брюнинга, так и Штрессмана, он, так сказать, не дипломат старой формации, что особенно обнаружилось в его интервью²²⁵. Он бросает слова, прежде чем хорошо подумать о том, следовало ли их бросать. И это много портит ему.

Бюлов считает, что результаты Лозанны* для Германии вполне благоприятны даже в том случае, если подписание договора не будет ратифицировано — все равно с репарациями окончательно покончено. Бюлов считает, что в Лозанне обнаружились некоторые трудности благодаря тому, что немецкая делегация поставила слишком большие требования, которые, конечно, не могли быть достигнуты. Это являлось главной трудностью, причем, вероятно, эти трудности будут еще впереди. На мой вопрос, присоединились ли немцы к консультативному пакту, Бюлов ответил, что они не присоединились, ничего письменного не давали, никакой подписи также не давали, но что устно лишь заявляли, что они признают методы дискуссий по вопросам, которые будут ставиться на международных конференциях. Таким образом, по словам Бюлова, немцы признали метод, но не присоединились официально к консультативному пакту и не думают этого делать. Главная

* См. также док. № 287.

задача, которую ставят сейчас немцы,— это равноправие вооружений. Бюлов полагает, что по приезде Франсуа-Понсе * с ним будут беседовать по этому вопросу и до окончательного решения и внесения ясности в этот вопрос немцы воздержатся от каких бы то ни было дальнейших сношений. Вообще Бюлов отметил, что имеются моменты, которые показывают о начале изживания кризиса. Он полагает, что уже весной это будет более заметно и поэтому он обратился к министерству финансов и министерству хозяйства, что дальнейшая международная деятельность будет принадлежать им, а не аусамту. По поводу тех хозяйственных переговоров, которые велись между Германией и Францией после посещения Лавалля **, Бюлов отозвался весьма отрицательно. Ничего, говорит он, из этого не выходит.

В отношении переговоров военного свойства Бюлов заметил, что они хотят вести эти переговоры с какими-нибудь специалистами, предпочтительно военным специалистом. Те требования, которые немцы поставили перед собой, настолько очевидны, что, по его мнению, они могут быть приемлемы и для Франции. К сожалению, говорит он, трудно договориться с Эррио, который всего боится. Тардье был гораздо самостоятельнее, и с ним легче было сговориться. Требования военные заключаются в том, чтобы сократить срок службы в рейхсвере до 3-х лет и поднять качество вооружения, как, например, артиллерии.

Наряду с этим стоит вопрос о сокращении французского вооружения, по крайней мере, на 30%, но тут немцы намерены действовать через американцев и англичан. Правда, надежды на успех мало, так как американцы то действуют с большими темпами, то вовсе апатичны, а англичане ориентируются на американцев. Перед немцами, прибавил Бюлов, стоит так же остро вопрос относительно границы с Польшей. К этому вопросу немцы имеют намерение приступить после благоприятного разрешения вопроса о равноправии в вооружении. Не без основания, говорит Бюлов, поляки волнуются.

Я поручил т. Виноградову посетить завтра нового пресс-шефа Маркса и с ним также побеседовать по поводу статьи «Ангрифа», указав ему между прочим в беседе, что аусамт однажды применил по отношению к «Дер юнгдейче» меру закрытия этой газеты ²²⁶.

Л. Хинчук

Печат. по арх.

* Посол Франции в Германии.

** См. т. XIV, прим. 184.

**326. Нота Полномочного Представительства СССР в Польше
Министерству Иностранных Дел Польши**

17 августа 1932 г. № 910

На третьей Балтийской гидрологической конференции, происходившей в Варшаве с 14 по 18 мая 1930 г., делегатами Правительства Союза Советских Социалистических Республик было сделано предложение о созыве четвертой Балтийской гидрологической конференции в г. Ленинграде, что и было конференцией принято с одобрением.

В осуществление принятого конференцией приглашения Полномочное Представительство СССР в Польше по поручению своего Правительства имеет честь просить Министерство Иностранных Дел Польской Республики передать официальное приглашение гидрологам на участие в четвертой Балтийской гидрологической конференции, которая откроется 1 сентября 1933 г. в г. Ленинграде, в помещении Государственного гидрологического института.

Соответствующее извещение одновременно с программой работ названной конференции послано Организационным комитетом в количестве 25 экземпляров куратору вашей страны²²⁷.

Печат. по арх.

327. Телеграмма Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР Королю Афганистана Мухаммеду Надир-шаху*

19 августа 1932 г.

Дружески поздравляя Ваше Величество с XIV годовщиной независимости Афганистана и желая Вам и афганскому народу дальнейшего процветания, прошу принять уверения в наилучших моих чувствах.

Калинин

Печат. по арх.

На эту телеграмму Мухаммед Надир-шах направил следующий ответ на имя М. И. Калинина^{**}:

«С глубокой признательностью мы получили поздравительную телеграмму Вашего Высочайшего Величества по случаю XIV годовщины независимости нашей родины — Афганистана. Мы тронуты выражением добрых чувств многоуважаемого друга лично к нам, а также пожеланиями

* Телеграмма была направлена через министра иностранных дел Афганистана при ноте полпреда СССР в Афганистане от 20 августа 1932 г. № 684.

** Телеграмма была передана через НКВД СССР посольством Афганистана в СССР при ноте от 24 августа 1932 г.

процветания для нашей страны. Сохранение неизменной дружбы между Афганистаном и великим Советским государством всегда является предметом наших стремлений.

Примите уверение в наших наилучших чувствах лично к Вам, а также по отношению к вашей стране».

**328. Письмо Полномочного Представителя СССР в Японии
Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР Л. М. Карахану**

19 августа 1932 г.

Дорогой Лев Михайлович,

Я за последнее время разболелся. У меня появилось довольно острое малокровие, связанное со слабостью, а потому моя работа и соответственно доклады и дневники страдают.

Основным вопросом в нашей работе остается вопрос о военной опасности. Кризис в наших взаимоотношениях с Японией, который мы пережили в марте — апреле с. г. и после которого наметился перелом в лучшую сторону *, сейчас как будто снова появляется на сцену.

Последним подтверждением того, что действительно в марте — апреле мы имели довольно острый кризис в наших взаимоотношениях с Японией, является беседа т. Спильванека с известным Вам журналистом Фусэ **, который в весьма конфиденциальной беседе на это указывал. Фусэ подтверждает, что моряки, и главным образом адмирал Като, сыграли крупную роль для предотвращения вооруженного конфликта между СССР и Японией в то время. Конечно, не только адмирал Като, но и ряд других лиц и групп сыграли свою роль в этом отношении. Работа посольства в этом направлении дала свои плоды.

Из сообщений ряда лиц можно с несомненностью заключить, что генерал Араки и его группа снова подняли кампанию за последнее время за войну с СССР ***. Толчком к этому явились данные «коммунистического процесса в Японии» ²¹ и, по-видимому, страх перед «советизацией Китая», вытекающий из неудачи похода Чан Кай-ши против советской части Китая ²².

Из всех имеющихся в нашем распоряжении данных видно, что правительство в своем большинстве не разделяет взглядов Араки, интеллигенция и журналисты в своем большинстве тоже с ним не согласны. Поддерживают и отражают взгляды Араки «Нихон» с Нацуаки Камэити и Огава ****, отчасти «Нородзу» и «Кокумин» *****. Промышленные и финансовые кру-

* См. также док. № 147, 246.

** См. док. № 318.

*** См. док. № 305.

**** Журналисты.

***** Японские газеты.

ги частью против Араки, частью колеблются, не отдавая ясного себе отчета в намерениях СССР. Это видно из желания с нами работать Мацуката, Окура, «Мицубиси» и других. Имеются неудовольствия против нас среди коммерсантов, связанные с работой нашего торгпредства, на что необходимо обратить серьезное внимание. О настроениях широких кругов населения судить очень трудно. Можно опасаться, что среди них ведется энергичная работа военных, без должного отпора со стороны газет, которым военные запрещают писать на подобные темы, в итоге чего в газетах большею частью появляются заметки, неблагоприятные для нас, что оставляет свой след в сознании японского читателя, который в общем весьма доверяет своим газетам.

Так как наша линия поведения совершенно ясна и отчетливо проводилась во время маньчжурских событий*, ярко выразилась в заключении рыболовного соглашения**, в наших переговорах о КВЖД²²⁹ и в нашем стремлении расширить торговлю с Японией, то главной задачей на ближайшее будущее является: во-первых, столь же последовательное, как и раньше, проведение нашей линии; во-вторых, усиленная работа нашего полпредства здесь, в Японии, по разъяснению нашей позиции и укреплению влияния элементов, сочувствующих дружбе с нами, и ослаблению влияния элементов, враждебных нам. В этом отношении, можно сказать, от работы полпредства многое зависит, даже больше, чем в предыдущее время. Нам серьезно нужно взяться за развитие торговли с Японией. Совершенно недопустимо, что торговые обороты с Японией за первое полугодие текущего года даже в ненах упали вдвое по сравнению с первым полугодием прошлого года и в три и даже более раза по сравнению с первым полугодием 1930 г. В золотом исчислении падение оборота еще более значительно. Развитие нашей торговли зависит и от Москвы, зависит также от работы нашего торгпредства.

Наконец, необходимо настойчиво добиваться максимальной осторожности всех наших органов, соприкасающихся с японцами на Камчатке, на Сахалине, в Маньчжурии и особенно на советско-маньчжурской границе. За последнее время, в связи с кампанией Араки, имеются противоположные ей заявления, в частности генерала Койсо, который при прощальном визите торжественно меня заверял о миролюбивых в отношении нас намерениях Японии и японской армии. Но они не могут ослабить нашей энергии в деле проведения нашей

* См. т. XIV, док. № 350, 401.

** См. док. № 319.

политики мира. При всем этом мы должны быть настороже и ни при каких условиях не должны быть застигнуты врасплох ²³⁰.

Полпред СССР в Японии
А. Трояновский

Печат. по арх.

329. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. С. Довгалеvскому

20 августа 1932 г.

Заявите Эррио, что в случае его согласия на подписание франко-советского пакта предложенные им новые поправки ²¹⁷ препятствием не явятся *.

Что касается Леже, то разъясните ему, что я еще в Женеве заявлял как полякам, так и Массигли, что не возражаю против перенесения упоминания советско-румынских споров из самого пакта в заключительный протокол ²¹⁸, что поэтому предложение Леже ** может быть базой для соглашения и что Вы согласны встретиться с Титулеску для достижения окончательного соглашения.

Эти два заявления надо делать **раздельно** во избежание впечатления о нашем согласии на связывание советско-французского пакта с советско-румынским.

Вышеизложенное является решением инстанции. Шлю Вам отдельной телеграммой дополнительные инструкции ²³¹.

Литвинов

Печат. по арх.

330. Письмо Полномочного Представителя СССР во Франции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

20 августа 1932 г.

Уважаемый Максим Максимович,

Настоящее письмо мое разминется с Вашими директивами *** по существу вопросов, поставленных в моих последних телеграммах. Вы, вероятно, знакомились уже по моим письмам и телеграммам с положением, создавшимся в вопросе [советско-французского] пакта и торговых переговоров. Дополню эти сведения некоторыми деталями.

1. Я счел своим долгом не ставить вопроса о выезде в отпуск впредь до выяснения положения. Вы сами отметили в

* См. док. № 335.

** См. док. № 314.

*** См. док. № 329.

результате свидания с Эррио *, что он дальше общих деклараций не шел, воздерживаясь от заявлений по существу. Было ясно, что Эррио не занял еще определенной позиции в вопросе о франко-советских переговорах, и можно было опасаться, что он считал себя свободным от обязательств, взятых на себя прежними кабинетами. Я поставил поэтому своей задачей побудить Эррио к конкретным ответам. После немалых усилий мне удалось добиться от него постановки вопроса на заседании кабинета и членораздельного сообщения мне о том, что 1) кабинет одобрил в принципе заключение с нами пакта и торгового соглашения и 2) торговые переговоры начнутся осенью **.

2. Но если Эррио вынужден был в конце концов занять определенную принципиальную позицию в отношении переговоров, то в отношении срока и условий подписания пакта мне так и не удалось побудить его к немедленному подписанию, ни вообще к какому-либо ясному ответу. Вначале он, не упоминая еще о румынах, обронил мысль о желательности одновременного подписания пакта и торгового соглашения. С этой позиции мне, кажется, удалось его сбить. Тогда он выдвинул вопрос о румынах. К этому вопросу мы возвращались с ним много раз. Единственное, чего я добился, это заявления Эррио, что он не устанавливает формального юнктима, что наша позиция в споре с румынами кажется ему примирительной и приемлемой, что он не позволит румынам стать в позу арбитра франко-советских отношений и что он побудит румын поторопиться и занять примирительную позицию.

Отмечу, однако, что Леже держал передо мною несколько иные речи, предупреждая, что, хотя формально юнктима и нет, все же неперенным фактическим условием подписания франко-советского пакта является подписание советско-румынского пакта. Когда я ему указал на несоответствие этих речей последнему заявлению Эррио, то Леже заволновался и стал уверять меня, что он хоть, возможно, и сказал мне больше, чем на то был уполномочен, но что он счел долгом дружески предупредить меня, что нам надо обязательно договориться с румынами и что в настоящей стадии советско-румынского спора французское правительство не сможет подписать пакт, ибо последнее предложение было сделано румынами (или, вернее, от имени румын Залесским по соглашению с Масигли), мы же его просто отклонили, не сделав никакого контрпредложения²¹⁸. В результате длинного обмена мнениями Леже и выдвинул передо мною ту формулу, о которой я телеграфировал в Москву (исключение из пакта спорного во-

* См. док. № 298.

** См. док. № 301, 306, 308.

проса, заключительный протокол и декларация)*. Мысль Леже была такова: если переговоры с румынами не увенчаются успехом, но войдут в такую стадию, что мы сделаем разумное предложение, а румыны отклонят его и будут упорствовать, то тогда у французского правительства будут развязаны руки для подписания с нами пакта. На следующий день Леже спросил меня, не согласился ли бы я встретиться с Титулеску, если бы он приехал в Париж.

Резюмируя нарочито неопределенные высказывания Эррио и более откровенные речи Леже, можно, таким образом, вывести заключение, что в данной стадии советско-румынских переговоров не следует рассчитывать на немедленное подписание франко-советского пакта. Если к этому прибавить, что и Эррио и Леже неоднократно пытались сплавить меня в отпуск, то из этого можно сделать и тот вывод, что они не мыслили, что советско-румынские переговоры могли выйти из настоящей стадии ранее конца каникулярного периода, т. е. ранее конца сентября, и вообще не торопятся с подписанием франко-советского пакта. Я не постеснялся сделать этот последний вывод перед Леже и заявить ему в довольно резкой форме, что я в этом разрезе рассматриваю и предвещенные поправки к парафированному пакту; я добавил, что, во избежание ложного истолкования моей настойчивости, должен предупредить его, что пакт ценен нам только постольку, поскольку к нему искренне стремится и французское правительство, я только возражаю против двусмысленного положения и требую определенности. Леже принялся очень горячо уверять меня, что французское правительство отнюдь не ищет оттяжек и искренне стремится к скорейшему подписанию пакта. «Я заклинаю Вас не допускать мысли о нашей неискренности и произвольных оттяжках; заклинаю Вас разубедить в этом ваше правительство, если у него закралась такая мысль», патетически умолял меня Леже.

3. Эррио, а за ним и Леже заверяли меня, что поправки, предлагаемые юристами МИД, взявшимися за это дело в отсутствие Люона, должны иметь лишь чисто редакционный и формальный характер, не затрагивая существа парафированного текста**. На самом деле оказалось, что наряду с несколькими действительно редакционными стилистическими поправками нам предлагают ввести новую, никогда не обсуждавшуюся ст. 3 и предлагают внести изменение по существу во 2-й абзац ст. 2 с совершенным упразднением выработанного и парафированного обмена нотами к этой статье²¹⁷. Эти изменения, может быть, и не настолько существенны, чтобы быть

* См. док. № 314.

** См. т. XIV, док. № 229.

камнем преткновения для подписания пакта. Но назвать их редакционными все же никак нельзя и пройти мимо столь явного их несоответствия заверениям Эррно и Леже и беспрекословно принять их — было бы в этих условиях с нашей стороны показателем нашей торопливости и полной готовности на переработку по существу парафированного текста, что мне представляется нецелесообразным.

Кроме того, предлагаемые изменения и на самом деле менее желательны для нас, чем то, что фигурирует в парафированном тексте. Парафированный обмен нотами устанавливал для Франции специальную процедуру определения нападающей стороны, заменявшую процедуру ст. 17 Устава Лиги наций, оставляя вместе с тем для нас в этом вопросе полную свободу субъективного усмотрения. Нельзя, конечно, винить французов за то, что, хоть и с опозданием, они все же заметили неблагоприятный для них характер этой конструкции. Нельзя также не считаться с тем обстоятельством, что со времени парафирования появились наши новые пакты с Польшей и лимитрофами, соответствующие статьи которых, как например ст. 4 пакта с Польшей, и легли — правда в измененном виде — в основу нынешнего французского предложения. Но, в то время как в пактах с Польшей и другими — и особенно с Финляндией* — обязательства Устава Лиги наций поставлены под ограничительное условие о том, чтобы ими не нарушалась обязанность ненападения, понимаемая в смысле, установленном именно данным пактом (см. пакт с Финляндией), во французском предложении, если его расшифровать, содержится лишь голое заявление о том, что Устав Лиги наций не обязывает к агрессии. На самом деле это не так: пример — проект «Пакта о ненападении», выработанный Комитетом арбитража и безопасности Лиги наций**, в котором говорится, что «нападением не будет считаться» акция, предпринимаемая на основании ст. 16 или п. 7 ст. 15 Устава Лиги наций²³². Если, таким образом, нападение, организуемое в рамках ст. 16 и 17, желать «не считать» нападением, то можно, конечно, делать то заявление, которое содержится в предлагаемой французами новой ст. 3. При отсутствии же такого желания следует предпочитать формулу польско-советского и особенно советско-финляндского пакта, так как по ней обязанность ненападения — так, как она установлена данным пактом — определенно преобладает над обязанностью участвовать в акциях, вытекающих из Устава Лиги наций, независимо от того, «считаются» или нет эти акции агрессивней в недрах Лиги.

* См. соответственно док. № 300, 32.

** См. т. XI, прим. 55.

Понятно, все эти рассуждения не имеют иного реального значения, как лишь мотивировку с нашей стороны в пользу отклонения французской редакции и замены ее либо заключительным протоколом, о котором я телеграфировал²³³, либо формулировкой ст. 4 пакта с Финляндией.

Другое французское изменение касается второго абзаца ст. 2, в котором они предлагают заменить досрочное денонсирование пакта автоматическим аннулированием этого последнего в случае агрессии, предпринятой одною из сторон. Не думаю, чтобы Эррио мог настаивать на этом изменении, и тем менее оснований для нас допускать его в парафированный текст*.

С товарищеским приветом

Довгалецкий

Печат. по арх.

331. Письмо Полномочного Представителя СССР в Германии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

20 августа 1932 г.

Дорогой Николай Николаевич,

Сейчас идет закулисная работа со стороны кабинета Папена, [партии] центра и «наци», а с другой стороны, кабинет Папена подвержен резкой критике со стороны печати.

За спиной кабинета Папена стоят лишь националисты (гугенберговцы) со своей военной организацией «Стальной шлем». Национал-социалисты выступают с демагогической защитой интересов мелкой буржуазии. Социал-демократы вступили на путь оппозиции (надолго ли?) и подготавливают свои предложения о национализации тяжелой промышленности, банков и т. д. новому рейхстагу. Центр занят пока подготовительным зондажем коалиции в Пруссии с «наци».

Отсюда ясна та сложная обстановка борьбы вокруг правительства Папена после того, как Гитлер отверг предложение Гинденбурга войти в правительство Папена.

Необходимо еще прибавить, что в партии национал-социалистов замечается разброд и недовольство со стороны даже тех, которые толкали Гитлера на требования полноты власти, сейчас недовольных тем, что Гитлер отверг предложение войти в кабинет Папена.

Если удастся комбинация с коалицией в Пруссии — «наци» с центром, — то правительство Папена будет иметь против не только рейхстаг, но и рейхсрат. При этих условиях правительство Папена, судя по заявлению самого Папена, что «теперешнее правительство еще долго будет находиться у власти», будет

* См. также док. № 335.

вынуждено распустить рейхстаг и подготовить выборы на новых началах, изменив конституцию путем изменения избирательного закона и введения второй палаты. Однако не исключена возможность соглашения Папена с Гитлером на основе предложения Гинденбурга*.

С товарищеским приветом

Л. Хинчук

Печат. по арх.

**332. Письмо Полномочного Представителя СССР в Германии
Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР Н. Н. Крестинскому**

20 августа 1932 г.

Дорогой Николай Николаевич,

18 и 19 августа происходила конференция Общества по изучению планового советского хозяйства²³⁴, на которую съехались немецкие ученые из различных академических центров Германии. Кроме немецких ученых в конференции приняли участие несколько голландцев и швейцарцев. Были заслушаны доклады: 1) судьи Ленца из Гамбурга об основах советского государственного устройства; 2) доклад Вольфсона (заведующий правовым отделом торгпредства) о системе плановых органов СССР; 3) доклад профессора Гросмана из Франкфурта о методологии планирования и 4) доклад приехавшего из Москвы т. Гайстера о сельском хозяйстве СССР.

Конференция прошла успешно и собрала значительное количество участников.

Сегодня же группа членов «Арплана», участвовавших в конференции, выехала из Штеттина в Ленинград. В Ленинграде члены арплановской делегации пробудут несколько дней и 26 августа приедут в Москву, где задержатся на более длительный срок для ознакомления с характером и методами работы наших плановых учреждений. Полпредством были разосланы соответствующие письма и телеграммы с напоминанием о необходимости тщательно подготовить прием делегации «Арплана», придав встрече немецких и советских ученых политический характер. Мы надеемся, что наши просьбы будут приняты к сведению и исполнению, но все же было бы неплохо, если бы Вы, дорогой Николай Николаевич, со своей стороны дали бы соответствующие указания.

С товарищеским приветом

Л. Хинчук

Печат. по арх.

* См. также док. № 193, 444.

333. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с Посланником Болгарии в Греции Нейковым

20 августа 1932 г.

Беседа происходила в министерстве иностранных дел, в ожидании приема у министра. Предметом ее явилось следующее: 1. Поездка болгарских делегатов в СССР и 2. Вопрос о восстановлении дипотношений между СССР и Болгарией.

Поездка болгарских делегатов в СССР. Нейков сообщил полпреду, что двое делегатов, выехавших из Болгарии в СССР, уже вернулись и воспроизводят в газетах самые благоприятные впечатления от своей поездки *. Оба были чрезвычайно поражены той осведомленностью в вопросах не только советской, но и болгарской экономики, какую проявили все лица, ведшие с ними переговоры в Москве. Заключение делегатов таково, что торговый обмен между Болгарией и СССР был бы чрезвычайно полезен. Однако Советское правительство ставит непременным условием предварительное восстановление дипломатических отношений. Нейков предложил полпреду прислать ему некоторые болгарские газеты, в которых печатаются сообщения болгарских делегатов о своей поездке в СССР.

Восстановление дипломатических отношений между СССР и Болгарией. Полпред осведомился у Нейкова, считает ли тот данную политическую конъюнктуру Болгарии благоприятной для восстановления дипломатических отношений между СССР и Болгарией **.

Нейков ответил, что наиболее передовые и дальновидные элементы в стране являются безусловными сторонниками такого разрешения вопроса. Одним из наиболее убежденных представителей такой точки зрения Нейков считает министра земледелия Гичева, с которым он вел подробную беседу о болгаро-советских отношениях в бытность свою на Лозаннской конференции. Оппозицию указанная точка зрения встречает лишь со стороны тех политических группировок, которые руководятся более эмоциональными, нежели логическими, мотивами. В частности, это относится к македонской группе. Что касается крестьянской партии, она, безусловно, стоит за сближение с СССР.

Потемкин

Печат. по арх.

* См. также док. № 232.

** См. также док. № 7, 143.

334. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Дежаном

23 августа 1932 г.

Дежан расспрашивал меня, и я осведомил его о своих встречах с Эррио, а также о последних беседах с ним Довгалева * . Говоря о Румынии, я сказал ему, что единственным средством давления на Румынию со стороны Франции было бы подписание [советско-французского] пакта.

Дежан говорил об увеличении французского туризма в СССР и об интересе, который проявляют как Эррио, так и де Монзи ** к оживлению культурных отношений, в частности о желательности посылки сюда учителей французского языка. Дежан просил разрешения встретиться для бесед на эту тему с т. Бубновым. Я, конечно, сказал, что не имею никаких возражений ***.

Далее Дежан упомянул о нескольких визных делах, по которым ему пишут многие парламентарии. Дежан при этом сообщил, что за последние месяцы посольство нам никаких препятствий не чинит в выдаче виз. Упомянул Дежан также о желательности учреждения при посольстве должности коммерческого атташе. Я сказал, что необходим какой-нибудь политический акт, который доказал бы всей нашей общественности перемену в отношениях, и что таким актом было бы подписание пакта, а что касается оживления торговых отношений, то желательно также заключение торгового договора.

Литвинов

Печат. по арх.

335. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
24 августа 1932 г.*

Сегодня я от имени моего правительства сообщил Эррио, что поправки не составляют препятствий, если французское правительство готово подписать пакт ****. Эррио ответил, что и он и его правительство твердо решили заключить с нами пакт. В ответ на его вопрос я уточнил, что еще не имею ва-

* См. соответственно док. № 298, 301, 306, 308.

** Министр национального образования Франции.

*** Материалов о встрече Дежана с народным комиссаром просвещения РСФСР Бубновым не обнаружено.

**** См. также док. № 329.

шего замечания по существу тех или иных поправок, которые мне придется еще согласовать с МИД. Когда Эррио перешел к пакту с Румынией, я заявил ему, что вынужден вновь повторить, что мое правительство как и в прошлом, так и теперь категорически отклоняет какой бы то ни было юнктим, а потому сейчас я хочу говорить с ним только о советско-французском пакте и узнать от него, какую он предложит процедуру для заключения этого пакта. Эррио ответил, что он враг полумер и остановок на пути; для него подписание есть этап, после которого нужно немедленно перейти к ратификации; поэтому вначале он должен подготовить почву для ратификации, после чего он обсудит со мной наши замечания к поправкам и согласует окончательный текст пакта и [текст] согласительной конвенции, внесет на одобрение совета министров, подпишет и внесет в парламент на утверждение. Он твердо надеется, что ему удастся закончить все это еще до встречи с Литвиновым в Женеве в двадцатых числах сентября. Вновь и вновь Эррио просил меня довести до сведения моего правительства, что он враг проволочек и полумер, что решение его твердо, и просил не усмотреть в отсрочке преднамеренной оттяжки.

После этого Эррио в шутливой форме пригласил меня представить себе, что я кончил разговор с ним на тему о франко-советском пакте, что будто бы я ушел от него и вновь пришел. В шутливой же форме я принял это приглашение, и Эррио перешел к румынскому вопросу. Ему также досадно, как и нам, что франко-советский пакт зацепился за Румынию. Он не имел и не имеет в мыслях подчинить франко-советский пакт советско-румынскому. Но, выразив недавно Румынии неудовольствие по поводу некорректного поведения их [румынских представителей] в отношении французского правительства, она [Франция] больше чем когда-либо вынуждена быть с ними корректной. Он должен сделать попытку помочь заключению советско-румынского пакта. Ему удавались более трудные дела, удастся ему, он уверен, и это. Он прекрасно усвоил, что для нас в пакте с Румынией неприемлемо все то, что может навести на мысль о нашем признании суверенитета Румынии над Бессарабией. Он надеется, что ему удастся найти формулу. Он не знает еще, когда точно сможет встретиться с Титулеску, но уверен, что ему удастся устранить советско-румынские расхождения и подписать франко-советский пакт еще до Женевы и встретиться там с Литвиновым, уже перешагнув через этот этап. Когда Титулеску придет в Париж, Эррио даст мне знать и поможет мне с ним встретиться. Если к этому времени у меня будут уже замечания к французским поправкам к пакту и согласительной конвенции, то он срочно, по завершении своих разговоров с Титулеску,

приступит к окончательному согласованию со мною этих документов, за чем последует их подписание. На мой вопрос Эррио ответил, что надеется быть в Женеве на заседании Бюро конференции по разоружению, но что уже во всяком случае на Лиге наций 26 сентября будет обязательно. Я рассказал Эррио о камуфлете с Леже²³⁵. Эррио внимательно меня выслушал и попросил не придавать этому значения, ибо он сам займется румынским вопросом.

Прошу, не теряя ни одного дня, разрешить мне выехать лечиться. В случае вашего разрешения я заявлю в МИД, что уезжаю лечиться, но смогу приезжать в Париж по вызову Эррио. Вышлите в полпредство директивы по существу французских поправок, дабы я мог приступить в любой момент по вызову Эррио к окончательному согласованию пакта.

Полпред

Печат. по арх.

336. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с заместителем Генерального директора Министерства Иностранных Дел Греции Росетти

24 августа 1932 г.

Беседа происходила по телефону. Предметом ее явился вопрос об исключении из чартеров советской фрахтконторы в Пирее обязательства арматоров — агентироваться в Стамбуле в конторе Совторгфлота.

Полпред сообщил Росетти, что предложенное последним совещание с представителями торгпредства по вопросу об обязательстве греческих арматоров агентироваться в Стамбуле в конторе Совторгфлота уже не представляется необходимым. Из Москвы получено сообщение, что заинтересованные центральные органы согласились с предложением полпредства пойти навстречу пожеланиям МИД и исключить из чартеров, подписываемых арматорами в Пирейской фрахтконторе, обязательство — агентироваться в Стамбуле исключительно в советской конторе. Это сообщение исходит из строго официального источника, что дает право полпреду считать возбужденный МИД вопрос окончательно урегулированным в интересах греческой стороны.

Росетти выразил самую искреннюю признательность за сообщение и за внимание, оказанное полпредством и Москвой представлениям МИД. Он заявил, что немедленно доложит эту приятную новость министру.

Потемкин

Печат. по арх.

337. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии со Статс-секретарем Министерства Иностранных Дел Германии Бюловым *

25 августа 1932 г.

Мы с Вейцером посетили 25 августа в 6 час. вечера Бюлова. Сообщив ему, что пришли ознакомить его с состоянием хозяйственных отношений между СССР и Германией, сложившихся после подписания декабрьского протокола **, мы заявили ему следующее.

Протокол советско-германских хозяйственных переговоров 22 декабря 1931г. исходил из необходимости далеко идущего повышения советского экспорта в Германию.

По параграфу первому протокола немецкая сторона взяла на себя обязательство оказать нам поддержку в развитии нашего экспорта, а по § второму по истечении трех месяцев обе стороны сходятся для ознакомления с результатами воздействия по усилению нашего экспорта, а также для принятия мер дальнейшего расширения нашего экспорта.

Так как теперь прошло уже более 6 месяцев со времени подписания декабрьского протокола, то мы считаем необходимым ознакомить его с хозяйственными результатами первой половины 1932 г.

1. Торговый баланс между СССР и Германией в первую половину 1931/32 г.

	1-я половина 1931 г.	1-я половина 1932 г.
Вывоз из Германии в СССР	262,4 млн. марок	356,6 млн. марок
Ввоз в Германию из СССР	151,7 млн. марок	147,8 млн. марок

2. Баланс платежей между СССР и Германией в первую половину 1932 г.

Платежи торгпредства немецким фирмам по старым обязательствам	202 млн. марок
Выручка торгпредства от экспорта в Германию	140 млн. марок

Торговые и транспортные расходы должны были быть оплачены из этих 140 млн. марок, что составило в общем до 40 млн. марок. Таким образом, для покрытия наших обязательств в первую половину 1932 г. потребовался ввоз девииз и золота в Германию примерно на 100 млн. марок. Таким образом, результат первого полугодия 1932 г. показывает, что СССР приобрел выдающееся значение для немецкого экспорта, став на первое место среди общего немецкого экспорта. А для отдельных отраслей немецкой промышленности вывоз из Германии в СССР играл исключительно выдающуюся

* В беседе принимал участие торговый представитель СССР в Германии И. Я. Вейцер.

** См. т. XIV, док. № 386.

роль. Так, по паровым и газовым турбинам и по паровым прессам СССР занимает 90%, по кранам, локомотивам и т. д.—80%, по машинам, по обработке металла—70% и т. д. Таким образом, в отношении вывоза немецких товаров в СССР в первую половину этого года не только не произошло уменьшения, но, наоборот, увеличение: вместо, как уже указано выше, 262 млн. в этом году—356 млн. Этого же нельзя, к сожалению, сказать относительно советского ввоза в Германию. Несмотря на все усилия, мы даже не сравнялись в первой половине этого года с первой половиной прошлого года. Лишь отчасти можно объяснить уменьшение нашего ввоза в Германию* уменьшением покупательной способности немецких рынков; целый ряд других обстоятельств играли при этом достаточно большую роль.

1) Основное требование советской стороны в отношении снижения немецких железнодорожных тарифов было отклонено со стороны немецких железнодорожных организаций. Наоборот, те небольшие преимущества, которые имели товары Советского Союза в отношении товаров других конкурентов, благодаря общей тарифной реформе конца 1931 г.,—эти преимущества были потеряны нами, и, несмотря на все усилия советской стороны, эти преимущества до сих пор не восстановлены.

2) Соглашение от 3 мая 1932 г. о сбыте советского хлеба в Германию²³⁶ еще до сих пор не осуществлено.

3) Декабрьский протокол в отношении финансовых вопросов сформулирован следующим образом: «В дальнейшем обе стороны должны принять меры, чтобы была устроена конференция хозяйственных и финансовых органов, которая поставила бы себе задачей устранение затруднений в финансовой области для повышения советского экспорта в Германию». К сожалению, это также до сих пор еще не осуществлено.

4) Повышение и изменение пошлин в условиях ввоза товаров в Германию без предварительного информирования советской стороны препятствует развитию дальнейших дел и заключению договоров на более длительный срок (масло, лес и в особенности сосновая фанера).

Кроме этих указанных обстоятельств остается еще ряд других обстоятельств, которые имеют достаточное влияние на развитие советского вывоза в Германию. Предстоящее повышение примеси спирта к бензину с 6% до 10% особенно сильно затронуло советские нефтяные организации, значительно больше, чем других импортеров, так как советские организации имеют в Германии недостаточное количество инсталляций, чтобы иметь возможность реально провести эту

* В тексте ошибочно — СССР.

примесь. С другой стороны, со стороны некоторых немецких органов снова усилились нападки против «Дероп»*, что опять-таки остается не без влияния на сбыт советских нефтяных продуктов в Германии.

Новый закон о контингентировании ввоза фильмов в Германию вообще практически ударяет особенно по ввозу в Германию фильмов советской продукции и делает этот ввоз совершенно невозможным. Одновременно необходимо указать, что в СССР преобладает большое количество фильмовых материалов немецкого производства. В последние два года СССР ввез этих материалов более чем на 20 млн. марок. Приходится также обратить внимание на ту острую кампанию, которая ведется против ввоза советских готовых изделий из пушнины**. Исходя из всего этого, нам приходится прийти к выводу, что меры для усиления советского экспорта в Германию, которые предусмотрены в декабрьском протоколе, недостаточно действовали в сторону фактического развития нашего экспорта, и особенно необходимо указать на диспропорциональность между торговым и платежным балансом СССР.

Для проведения протокола от 22 декабря 1931 г. необходимо провести следующие мероприятия:

1) Снова возбудить переговоры в отношении снижения железнодорожных тарифов, и для этого установить возможно скорый срок для таких переговоров.

2) Необходимо созвать специальную конференцию немецких банков для усиления немецко-советских хозяйственных отношений и этим выполнить пункт протокола об увеличении советского экспорта в Германию путем устранения существующих затруднений в финансовой области. Такую конференцию необходимо созвать немедленно.

3) Повести переговоры о сбыте советского хлеба, особенно пшеницы в Германии, и принять реальные меры к ускорению этого сбыта.

4) Принять меры по снижению таможенных ставок и по проведению других торгово-политических мероприятий, которые препятствуют развитию экспорта СССР. Особенно следует обратить внимание, что установленное контингентирование по отношению к экспорту прошлого года является совершенно неудовлетворительным для советской стороны, ибо экспорт прошлого года, как установлено декабрьским протоколом, был совершенно недостаточен.

Кроме того, мы обратили внимание статс-секретаря Бюлова, что в числе мероприятий заслуживает большого внимания возможность продажи со стороны СССР экспортных то-

* См. т. XIII, прим. 13.

** См. док. № 346.

варов в других странах, особенно в Англии, при условии оплаты этих товаров суммами, которые отдельные фирмы или банки имеют в Германии на шперконто* или из замороженных кредитов. Особенно важна эта мера потому, что все страны, где мы имели активный баланс, стараются оградить себя таможенными барьерами, и мы не можем рассчитывать уже на тот активный баланс, который мы имели в этих странах раньше. Оттавская конференция¹³⁹ также, несомненно, может повлиять на ухудшение нашего баланса в Англии. Таким образом, необходимо внимательно и благоприятно рассмотреть немецкой стороне [вопрос] о подобных финансовых транзакциях. Для Германии эта транзакция будет иметь также положительное значение, ибо таким порядком уменьшается германский долг, причем облегчается выплата процентов. Кроме того, Германия имеет значительно больший интерес в развитии советского экспорта также в другие страны, так как выручка от этого экспорта будет служить покрытием советских обязательств Германии.

Бюлов внимательно выслушал наши заявления и сообщил, что затронутые нами вопросы ему более или менее известны из прежних докладов. Новым обстоятельством является продажа наших товаров в других странах за счет их сумм, имеющих на шперконто и из замороженных кредитов. Он полагает, что на это следует обратить внимание. Он полагает, что аусамту в лице его, а также в лице министра фон Нейрата придется пригласить министра хозяйства Вармбольда и с ним обменяться мнениями по всем этим вопросам. Тогда он будет иметь возможность сообщить нам о результатах этого обмена мнениями.

Мы, независимо от этого заявления Бюлова, будем иметь на днях непосредственные переговоры по всем этим вопросам с министром хозяйства Вармбольдом**.

Затем я перешел к кенигсбергскому вопросу***. Я снова обратил серьезное внимание на полученную нами вербальную ноту от аусамта, в которой факты, имевшие место в кенигсбергском генеральном консульстве, излагаются превратно. Я указал Бюлову, что я не могу быть удовлетворен этой нотой, ибо те факты, которые изложены в этой ноте, не соответствуют действительности. Я проверил это через своего секретаря Гиршфельда, который подтвердил все то, что сообщал нам первоначально наш генеральный консул в Кенигсберге Сметанич. Далее я указал, что на ноту аусамта я могу ответить другой нотой, в которой могу сослаться на целый ряд

* — блокированных счетах (нем.).

** См. док. № 358, а также док. № 287, 372, 443, 448, 469, 484, 487, 489, 493.

*** См. док. № 320.

статей, из которых будет вытекать неправомерность того, что происходило в Кенигсберге. Далее я указал, что, поскольку уголовный чиновник* поставил у дверей полинейских и не велел выпускать никого из находящихся в этой комнате, это означает, что генеральный консул, его жена и г. Гордон, находившиеся там, были фактически арестованы. Такая неправомерность поступка и, по крайней мере, неадекватность со стороны уголовного чиновника заслуживают безусловного порицания.

Бюлов напирал главным образом на то, что на звонок уголовного чиновника двери были открыты именно тем Фришем, у которого они должны были произвести обыск; таким образом, Фриш находился именно там, и когда чиновник заявил Фришу, что ему нужно произвести обыск в его помещении, то Фриш повел его в помещение, которое впоследствии оказалось помещением генерального консула; чиновник не мог предполагать, что помещение Фриша является также и помещением консульства. Далее Бюлов сообщил, что Мейер еще не вернулся из Кенигсберга, таким образом, он не имел возможности с ним лично переговорить, и он переговорит с ним по его приезде. Я сказал Бюлову, что вряд ли что-либо из этого выйдет, что он сам, Бюлов, должен объективно и внимательно рассмотреть вопрос, так как при беседе, имевшей место по моему поручению у Гиршфельда с Мейером, выяснилось, что Мейер всецело стоит на точке зрения вербальной ноты, присланной нам аусамтом. В конце концов я заявил, что Бюлов должен придумать способ удовлетворения, ибо, повторяю, меня совершенно не удовлетворяет присланная аусамтом вербальная нота.

Л. Хинчук

Печат. по арх.

338. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А. А. Трояновскому

26 августа 1932 г.

На телеграмму от 24 августа²³⁷. Выдача виновника якобы штыковой атаки — смехотворный предлог, которым японцы хотят прикрыть свое безобразное поведение в отношении судна, потерпевшего аварию**. Вы должны требовать безусловного выпуска судна. Не дожидаясь ответа министра, Вам лично следует повидать министра и требовать освобождения

* Имеется в виду чиновник уголовной полиции.

** См. также док. № 352, 353.

всех судов и без всяких условий. Подчеркните, что у нас это волнует широкие круги, так как непонятно, как может дружественная страна в течение десяти дней задерживать три парохода, да еще в связи с аварией. В таких случаях дело чести каждого помочь потерпевшему, а не мешать ему.

Л. Карахан

Печат. по арх.

339. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

27 августа 1932 г.

Близкое к полякам лицо мне сообщило, что немцы после подписания нами пакта с Польшей * усиливают в Румынии интриги против пакта с нами. Учитывая источник, можно было бы отнестись к сообщению как к очередной интриге. Но оно косвенно подтверждается предшествующими разговорами самого Надольного **, свидетельствующими о том, что в Берлине делается сейчас какая-то ставка на Румынию.

Суриц

Печат. по арх.

340. Сообщение ТАСС о ноте Генерального консула СССР в Харбине с опровержением утверждений о переходе границы советскими пограничными частями

28 августа 1932 г.

16 августа Дипломатический комиссар Гиринской провинции вручил Генеральному консулу в Харбине для передачи Советскому правительству ноту, в которой он, ссылаясь на приказ Министерства иностранных дел в Чанчуне, сообщает будто бы о случаях перехода за последний год советскими пограничными границами, в особенности в районе Маньчжурии, где советский отряд якобы вторгся на территорию Маньчжурии, установил заставу, укрепления, проволочные заграждения и возвел ряд других сооружений.

Генеральный консул СССР в Харбине г. Славутский 26 августа с. г. вручил Дипломатическому комиссару нижеследующую ответную ноту:

«Господин Дипломатический комиссар,

В ответ на Вашу ноту от 16 августа имею честь сообщить нижеследующее:

* См. док. № 300.

** Посол Германии в Турции.

Сообщение ноты о переходе границы советскими погранотрядами, а также сообщении о вторжении советского отряда на территорию Маньчжурии и установлении там заставы, укреплений и проч. лишены какого бы то ни было основания и могут быть только результатом ложной информации, полученной маньчжурскими властями. Положение на границе в районе Маньчжурии остается неизменным за все последние годы, причем вопрос о границе не приводил ни к каким конфликтам в пограничном районе.

Примите уверения и проч.

Славуцкий

*Печат. по газ. «Известия»
№ 238 (4868), 28 августа 1932 г.*

341. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии со Статс-секретарем Министерства Иностранных Дел Германии Бюловым

29 августа 1932 г.

Я сообщил Бюлову, что имею к нему поручение от наркома Литвинова, при этом изложил ему это поручение следующим образом. На основе решения Лозаннской конференции 5 сентября 1932 г. созывается конференция в Стресе *, задачей которой является выработать проект хозяйственного восстановления стран Центральной и Восточной Европы. Результаты конференции будут доложены панъевропейской конференции. На конференцию в Стресе приглашены все европейские страны, за исключением СССР, Скандинавии, Испании, Португалии и Прибалтики. СССР не приглашен на конференцию, хотя он является более восточной страной, чем Англия, и участвует на заседаниях панъевропейской комиссии. Возможно, что Польша и Малая Антанта внесут проекты в ущерб СССР. Мы убеждены, что немецкая делегация не только не поддержит такие проекты, которые наносят бы ущерб СССР, но будет решительно возражать против них. Просьба к немецкому правительству информировать нас о ходе работ этой конференции.

Между прочим, должен сообщить, что с такой же просьбой мы обращаемся к итальянскому правительству.

Бюлов сообщил, что конференция в Стресе является продолжением апрельского совещания в Лондоне по поводу разработанного французами балканского проекта **. Программа

* См. «Сборник документов по международной политике...», вып. V, М., 1933, стр. 37—82.

** См. также док. № 134, 138, 178.

эта разработана Фланденом, который исчез в связи с падением кабинета Тардье. В Лозанне продолжались разговоры балканского свойства, но немцы интереса не проявляли. В настоящее время Бюлов не имеет сведений, что будет происходить в Стрезе, так как у них нет даже перечня вопросов. Однако он полагает, что Польша будет добиваться своего участия, также Латвия, Эстония, Финляндия. Но какие вопросы будут поставлены на конференции, он повторил, что не знает. Немцы мало заинтересованы и посылают малокомпетентную делегацию, возглавляя ее Бергером и Поссе* (сейчас, говорит Бюлов, репараций нет и поэтому освобождился Бергер, которого мы и посылаем).

Французы, по его сведениям, посылают значительно большую делегацию. Далее он просил передать моему правительству, что охотно согласен информировать нас о ходе дел конференции.

Л. Хинчук

Печат. по арх.

342. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
30 августа 1932 г.*

Сегодня у меня был адмирал Като. Я ему сказал о слухах, что ходят в связи с японо-советскими отношениями, указал на статью Араки²¹², намекнул на его разговор**. Като сказал, что политика Японии сейчас совершенно ясна. Япония хочет дружеских отношений с СССР. Отдельные люди, которые говорят слишком много, не играют роли. Официально и Араки за хорошие отношения с СССР. Като говорил, что он знает мнения Сайондзи, Макно***, Куратоми****, членов правительства. Такие влиятельные и выдающиеся люди, как полковник Исихара, согласны с ним. В Японии имеется беспокойство по поводу сосредоточения советских войск в Сибири, в СССР — по поводу действий Японии в Маньчжурии. Японцы тревожатся по поводу коммунистического движения в Среднем Китае. Он советует мне частным образом встре-

* Соответственно советник министерства финансов, заведующий отделом министерства экономики Германии.

** См. док. № 305.

*** Граф, хранитель императорской печати.

**** Председатель Тайного совета.

тнться с Сайто и откровенно переговорить о всех вопросах *. Он думает, что для беспокойства сейчас нет основания. Като еще переговорит с рядом лиц.

Полпред

Печат. по арх.

343. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалецкого в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

30 августа 1932 г.

Формулу Лашкевича Леже принял со своей поправкой, на которую я в свою очередь дал согласие. Леже сказал, что доложит формулу на одобрение Эррио. Что касается декларации, то Леже сказал, что у него нет мнения насчет письменного или устного характера ее **.

Выезжаю завтра в Руайе.

Полпред

Ниже следует текст формулы, согласованной между В. С. Довгалецким и Леже:

«Настоящий договор, содержащий обязательство каждой из сторон воздерживаться от какого-либо нападения на другую, будет толковаться в том смысле, что никакой спорный вопрос, территориальный или иной, существующий между сторонами, не может никогда ограничивать упомянутое обязательство и не может служить для той или другой из договаривающихся сторон мотивом или дать им свободу *** для совершения где бы то ни было актов, противоречащих обязательству ненападения, установленному настоящим договором. Понимается также, что этот договор не может служить для других целей, в частности не может толковаться как разрешение отмененных спорных вопросов, существующих между сторонами в момент подписания настоящего договора, каковые вопросы не затрагиваются его заключением».

*Телеграмма и текст формулы
печат. по арх.*

344. Сообщение о беседах Генерального Уполномоченного НКВД СССР в Йемене с королем Йемена Имамом Яхья, Премьер-Министром кади Абдала и губернатором Саны Сендом Хусейном Абдулкадыром ****

2 сентября 1932 г.

29 июня на визите у кади Абдала мною было сделано сообщение о том, что в Москве в начале августа будет происхо-

* См. док. № 354.

** См. также док. № 314, 329, 345.

*** Курсивом — поправка Леже.

**** Из доклада в НКВД СССР от 2 сентября 1932 г.

дить обсуждение вопросов, связанных с дальнейшим усовершенствованием и развитием нашей торговли в странах Красного моря, и в особенности в Йемене. Я добавлял, что в этой связи перед выездом в Москву я хотел бы знать мнение премьера и затем его величества по ряду вопросов, которыми могли бы интересоваться в Москве. Конкретно мною были поставлены вопросы: а) вопросы порта, б) развитие торговых отношений как предполагающее развитие договорных отношений (конкретно вопрос о дипломатическом представительстве), в) вопрос о текстильной фабрике и г) просьба о свидании с имамом. Интересны ответы кади Абдала; ниже приведу их в порядке вышенамеченных пунктов.

а) Йеменское правительство надеется, что вопрос о расширении торговых связей будет решен положительно с учетом значения Ходейды как порта. Йеменское правительство готово приступить к улучшению порта: построить склады в Ходейде в месте, защищенном от сырости, очистить мол, произвести необходимое оборудование для непосредственного причала самбуков к берегу; по вопросу же о кабеле мининдел Рагиб-бей уже получил ответ от «Истерн компани», из которого явствует, что переговоры близятся к положительному концу. Премьер отметил успешный ход строительства автодороги Ходейда — Санаа.

б) По второму вопросу кади Абдала заявил, что затрудняется дать официальный ответ, ибо все эти дела поручены Рагиб-бею, с которым лучше и поговорить на эту тему, но неофициально он может сказать, что этот вопрос считается желательным и зависит от исхода общих переговоров со всеми заинтересованными странами.

в) По вопросу о текстильной фабрике он подтвердил нашу договоренность с ним в середине июня о присылке мне письма правительства с просьбой командировать из СССР инженера-текстильщика. Вместе с тем он еще раз подчеркнул, что наши первичные наметки дороги для Йемена даже в учете падения курса реала. Здесь же он сделал заявление общего порядка о нашей технической помощи стране, которое я уже приводил в своем экономическом письме²³⁸.

30 июня я посетил короля. Перед ним мною были поставлены следующие вопросы: а) о работе техника-тракториста (это совпало с приездом гг. Синкина и Уриха в Санаа); б) вопросы порта; в) развитие договорных отношений; г) англо-йеменские отношения и их возможное влияние на советско-йеменские отношения; д) вопрос о текстильной фабрике.

На прощальном визите у короля присутствовали также премьер и мининдел. Беседа по двум первым вопросам велась в присутствии обычной свиты короля; по другим же вопросам король пригласил меня подсесть к себе рядом, и мы вели бе-

седу при посредстве мининдела, переводившего по-французски ответы короля.

Ниже привожу ответы короля:

а) Король отнесся в высшей степени благожелательно к идее создания краткосрочных тракторных курсов в Ходейде, отметив необходимость и полезность этого дела. Им было поручено премьеру договориться со мной дополнительно по вопросу о курсах и последующей демонстрации наших сельскохозяйственных орудий в Санаа (на этом же визите я [заявил о желании] преподнести королю в подарок несколько плугов и борон).

б) Король заявил о своей полной готовности произвести необходимые улучшения в Ходейдовском порту, отметив, что им даются указания наместнику Тихамы сейф Хусейну о созыве комиссии для детального обсуждения этого вопроса. Вместе с тем, отвечая мне на мое замечание о том, что улучшения в порту Ходейда имели бы лишь временное значение, король заявил, что в недалеком будущем он займется вопросом порта Рас-уль-Катиба, как разрешающего вопрос в основном. Причем интересно отметить, что король в беседе делал большой упор на вопрос о постройке порта в Рас-уль-Катибе, тогда как его министры больше подчеркивали необходимость приступа к временным улучшениям в порту Ходейда.

в) По вопросу о развитии договорных отношений король заверял меня, что он лично охраняет и следит за успешным развитием советско-йеменских отношений. Вопрос о дипломатическом представительстве связан с некоторыми еще не разрешенными проблемами и что, конечно, «первый министр в Йемене» будет представителем СССР.

г) По этому пункту король заявил буквально следующее: «Англо-йеменские отношения не прерваны, но существующие отношения пока не базируются на договоре. Переговоры ведутся». По вопросу о возможном влиянии этих переговоров на советско-йеменские отношения король живо и решительно утверждал: это невозможно — и еще раз заверял о своем личном шефстве над делом успешного развития советско-йеменских отношений.

Заключая этот пункт, интересно подчеркнуть негативную постановку королем вопроса при оценке англо-йеменских отношений.

д) По вопросу о текстильной фабрике король, смущенный нашими высокими сметами, подчеркивал, что йеменцам трудно строить большие фабрики и что стране более пригодны небольшие и дешевые машины. Все же и в беседе с королем был благополучно разрешен вопрос о приезде инженера — специалиста по текстильным фабрикам.

В заключение король просил передать свои приветствия государственным деятелям в Москве, и в частности, Калинин и министру иностранных дел.

После беседы с королем и премьером я провел контрольную беседу (7 июля) с губернатором Санаа по вопросу о порте. Губернатор также подтвердил готовность имама даже отпустить денежные кредиты на дело постройки порта, но подчеркнул, что имам опасается необходимости привлечения иностранных специалистов к строительству. Сам же губернатор заверял меня в том, что он являлся давно уже сторонником скорейшего приступа к работам по сооружению порта. В заключение мы договорились о том, что он побеседует с королем и еще раз провентилирует вопрос, насколько серьезны намерения короля по вопросу о порте. Перед самым моим выездом из Санаа на прощальном визите у меня губернатор передавал результаты своей беседы с королем. Он их резюмировал как положительные: король принял твердое решение приступить к постройке порта в Рас-уль-Катибе, им извлекается из архива весь материал по этому делу, создается комиссия в составе трех человек (премьер, министр и губернатор) для изучения вопросов, предполагается расходовать до 2 млн. реалов на это дело. Со стороны короля не встречается возражений к приглашению инженера нейтральной страны для составления проекта нового порта.

Дубсон

Печат. по арх.

345. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

*Немедленно
2 сентября 1932 г.*

Имел беседу с Леже в течение часа. Он переспросил, согласны ли мы на ведение переговоров с румынами в Парнже, и интересовался, кто будет нашим делегатом. Я сказал, что, как ему известно, все время речь шла о Довгалевском и что, между прочим, он сам предлагал тур встреч между ним и Титулеску. Он было начал расхваливать личные достоинства Довгалевского и заявил, что он для переговоров вполне подходит, но выразил опасение, что самовлюбленный Титулеску может счесть, что достоинство Румынии не допускает, чтобы он специально ездил в Париж для бесед с нашим послом, в то время как мы никого не посылаем. Титулеску может предложить, чтобы румынскому посланнику в Париже, которого мы,

мол, отвергаем, были поручены переговоры. Я сделал ряд возражений и выяснил, что пока речь идет только о предположениях Леже относительно возможной реакции Титулеску. Я добавил, что мы не отводим румынского посланника, а лишь поделились характеристиками его, полученными от руководящих французских политиков. Леже довольно откровенно поносил Титулеску, дал понять, что по приезде сюда последний мобилизует депутатов, прессу и наделает лишнего шума. В противовес ему он расхваливал Гафенку, помощника секретаря иностранного отдела, который подошел бы более. Я ограничился замечанием, что мы вовсе не настаиваем на Титулеску.

Эррио ознакомился с последней формулой *, после чего была послана телеграмма своему посланнику в Бухаресте, сводящаяся к следующему: я для себя установил юнктим с советско-польским пактом, не устанавливая юнктима с румынским пактом, полагаясь на действие механизма польско-румынского союза. Франция готова сделать все возможное, чтобы облегчить Румынии подписание пакта с СССР, но так как франко-советский пакт согласован **, он не намерен дольше ждать без достаточных оснований. В инструкции передается последняя формула, как «продукт совместного изучения» с нами, и запрашивается румынское заключение о ее приемлемости. Леже несколько раз подчеркнул, что Румынии предложено до 20-го высказать свое мнение о методах и месте возобновления переговоров ***. Леже пояснил, что Франция прямо не предложила своего посредничества, так как до сих пор Польша не сложила с себя этой роли, но считает, что поляки будут довольны, если что-нибудь выйдет, и что румыны, вероятно, сами предложат Париж. Французский посланник в Бухаресте был в Париже и заверил его, что готовность договориться с нами у румын увеличилась. Он опасается, что румыны будут опять возражать против открытого упоминания наличия спорных вопросов. Я еще раз воспроизвел Вашу аргументацию в беседе с Залесским ****.

Если при данной ситуации вернувшийся вчера Эррио нашел время заняться пактом, то это говорит о серьезности намерений французов.

Розенберг

Печат. по арх.

* См. док. № 343.

** См. т. XIV, док. № 229.

*** См. док. № 355.

**** См. док. № 285.

346. Нота Полномочного Представительства СССР в Германии Министерству Иностранных Дел Германии

2 сентября 1932 г.

Посольство Союза Советских Социалистических Республик имеет честь довести до сведения Министерства Иностранных Дел нижеследующее:

22 июля с. г. Торговое представительство СССР в Германии направило Министерству экономики Германии письмо (копия прилагается) * по поводу циркуляра «Имперского союза германских скоряков» членам союза о бойкоте советской пушнины и с просьбой к названному Министерству принять необходимые меры в целях предотвращения этого бойкота. Торговое представительство СССР в Германии до сих пор не получило от Министерства экономики Германии никакого уведомления по этому делу. За последнее время в печати появились сообщения, что «Имперский союз розничной торговли текстильными изделиями» также принимает меры по бойкоту советских пушных товаров и подписал заявление, предложенное организацией по торговле изделиями из пушнины. Эта резолюция содержит обязательство членов названного имперского союза ни при каких условиях не сбывать пушные товары, прямо или косвенно введенные в торговый оборот советскими организациями. Вследствие этого некоторые крупные германские фирмы отказываются от выполнения договоров, уже заключенных ими с отделом пушнины Торгового представительства СССР в Германии.

Экспорт пушнины в Германию является важной составной частью общего советского экспорта в Германию. В 1931 г. в Германию было ввезено советской пушнины на 52 млн. марок, что составило 17% всего экспорта СССР в Германию. За первое полугодие 1932 г. эта статья выразилась в сумме 20 млн. марок, или 13% от общего экспорта СССР в Германию. Бойкот столь важной статьи экспорта СССР не может не оказать отрицательного влияния на формирование советского экспорта в Германию в целом.

Посольство СССР выражает убеждение, что вышензложенное несомненно противоречит смыслу экономических переговоров между СССР и Германией в ноябре — декабре 1931 г., преследовавших цель обеспечить необходимые условия для развития экспорта СССР в Германию, в особенности принимая во внимание пассивный торговый баланс СССР, и просит Министерство Иностранных Дел добиться принятия компетентными органами мер, которые гарантировали бы беспрепятственный оборот советских пушных товаров в Германии.

* Не публикуется.

Посольство заранее выражает благодарность за меры, которые будут любезно предприняты, и за уведомление о результатах таковых мер ²³⁹.

Печат. по арх.

347. Опровержение ТАСС провокационных сообщений японских газет в Харбине

4 сентября 1932 г.

ТАСС уполномочен опровергнуть как злобно провокационные и лишены каких бы то ни было оснований сведения, распространяемые некоторыми японскими газетами в Харбине, о сосредоточении в районе Лахасусу * советских военноречных судов.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 243 (4816), 4 сентября 1932 г.*

348. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

4 сентября 1932 г.

Виделся с де Монзи, который заявил, что Румыния не может теперь помешать подписанию советско-французского пакта и что подписание пакта есть вопрос дней. Нужна, конечно, поправка на экспансивность де Монзи. Определенно давал понять, что сближение с нами должно произойти под влиянием «общей для обеих стран германской опасности». Заверил, что в торговых делах готовы проводить гораздо более радикальную внешнюю политику, чем можно было мечтать несколько месяцев назад, что скажется и на позиции на Конференции по разоружению. Вскользь заявил, что экономическое сближение с нами может принять надлежащий размах, если исходить из учета результатов конференции в Оттаве ¹³⁹.

Условились опять встретиться в конце недели. Телеграфьте, можно ли ему сказать про обмен военными атташе в духе моего письма к вам ²⁴⁰. Де Монзи посылает к нам трех ученых, в том числе бельгийца Жака Эррера, профессора бельгийского университета, близкого к Франции. Если не последует от вас возражений, выдаем визы **.

Розенберг

Печат. по арх.

* Тунисян.

** См. док. № 351.

349. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Великобритании Д. В. Богомолову

5 сентября 1932 г.

Сегодня я дал Стрэнгу устный ответ по делу «Лена-Голдфилдс»*, вручив ему, однако, письменное резюме этого ответа, сущность которого состоит в том, что мы не признаем никакого арбитража, что мнению Саймона о справедливости претензий «Лена-Голдфилдс» и о соответствии требуемой ею суммы вложенным капиталам мы могли бы противопоставить наше противоположное мнение, но это не подвинуло бы дело вперед. Никакого арбитража мы не признаем, и ссылки на это не облегчат, а затруднят разрешение вопроса. Мы остаемся на своей формальной позиции, что претензии, вытекающие из частных сделок, не могут быть разрешаемы в дипломатическом порядке. Единственный путь — это прямые переговоры с Главконцесскомом. Только от него могут исходить новые предложения. Я намекнул Стрэнгу, что новые предложения будут сделаны, если Стрэнг или другой представитель «Лена-Голдфилдс» обратятся в Главконцесском. Иначе ответственность за затягивание дела, как в прошлом, будет и впредь ложиться на «Лена-Голдфилдс».

Кроме того, я просил через Стрэнга агреман для Майского, нынешнего полпреда в Финляндии.

Литвинов

М. М. Литвинов вручил Стрэнгу следующее резюме своего устного заявления:

«В сообщении, сделанном 8 августа [1932 г.] Поверенным в Делах Великобритании г. Стрэнгом Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел т. Крестинскому затрагивается как существо претензий «Лена-Голдфилдс», так и некоторые вопросы формального характера. По существу вопроса сообщается, что «Лена-Голдфилдс» не находят возможным уменьшить требуемую ею сумму в 3,5 млн. ф. ст. и что Министр Иностранных Дел Великобритании сэр Джон Саймон находит эту сумму справедливой и соответствующей капиталу, вложенному в концессию. Я мог бы этому противопоставить заявление другой заинтересованной стороны — Главного концессионного комитета, а также мнение Советского Правительства о справедливости предложений Главконцесскома и о несоответствии требуемой обществом «Лена-Голдфилдс» суммы реально ввезенному им в СССР капиталу. Такое противопоставление мнений обоих Правительств, однако, несколько не подвигает дело вперед».

* См. док. № 310.

нуло бы дело вперед. Между тем Советское Правительство стремится к скорейшему и справедливому разрешению вопроса.

В сообщении г. Стрэнга имеется ссылка на арбитражное решение *. Необходимо поэтому со всей ясностью указать, что никакого арбитражного решения по делу «Лена-Голдфилдс» не существует. Имеется, очевидно, в виду частное мнение двух лиц, из которых одно лицо является представителем общества «Лена-Голдфилдс», а другое, претендовавшее на роль арбитра, еще до вынесения суждения отведено Главконцесссесомом. Это мнение, конечно, никакой обязательной силы для советской стороны иметь не может, и поэтому дальнейшие ссылки на это мнение не облегчат, а скорее затруднят разрешение вопроса.

При отсутствии обязательных для сторон решений вопрос может быть разрешен только путем непосредственных переговоров между Главконцесссесомом, с одной стороны, и уполномоченными «Лена-Голдфилдс», с другой. Советское Правительство довело уже до сведения Британского Правительства, что не может допустить разбора претензии по существу в дипломатическом порядке. Претензия возникла из частногоправовой сделки между советскими правительственными органами, с одной стороны, и частной фирмой, с другой, без всякого участия и вмешательства со стороны Британского Правительства. То обстоятельство, что концессионный договор скреплен также подписью Заместителя Народного Комиссара по Иностранным Делам не меняет дела, ибо эта подпись только легализует документ для возможного использования за границей. Согласно установленной практике, советские документы, имеющие обращение за границей, часто легализуются подписью консульств или других органов Народного Комиссариата по Иностранным Делам. Но из этого отнюдь не вытекает обязательство для НКВД заниматься разбором претензий, возникающих на почве этих документов. Кроме того, определенное разграничение компетенции правительственных органов является внутренним делом Советского государства. При национализации промышленности и монополии внешней торговли СССР почти все экономические сделки с иностранными фирмами заключаются от имени правительственных органов или учреждений, находящихся в той или иной связи с Советским Правительством. На почве этих сделок неизбежны недоразумения и взаимные претензии, и принятие точки зрения Британского Правительства привело бы к тому невозможному положению, когда все эти претензии должны были бы разрешаться в дипломатическом порядке. Советское Правительство

* См. т. XIV, прим. 31.

не может усвоить эту точку зрения и остается всецело на позиции, известной Британскому Правительству.

Как уже неоднократно указывалось британскому послу, сэру Эсмонду Овино, дело общества «Лена-Голдфилдс» может быть разрешено только путем переговоров между представителями общества и Главконцесскомом. Когда сэр Эсмонд изъявил согласие выступить в качестве уполномоченного общества, Народный Комиссариат по Иностранным Делах оказал ему нужное содействие для вступления в переговоры с Главконцесскомом. В ходе этих переговоров, насколько известно Народному Комиссариату, достигнут значительный успех в том смысле, что найдена была формула разрешения вопроса, а именно о возмещении обществу реально ввезенных им в СССР капиталов. Остается лишь определить сумму этих капиталов. Это не может быть сделано ни Народным Комиссариатом по Иностранным Делах, ни Британским иностранным ведомством. Искомая цифра может быть установлена только путем переговоров между заинтересованными сторонами. На последнюю названную Главконцесскомом цифру он до сих пор никакого ответа и возражений не получил, и Главконцесском не мог делать новых предложений, а поэтому дело до сих пор оставалось без движения. Народный Комиссариат по Иностранным Делах может лишь посоветовать обществу представить Главконцесскому свои возражения или выдвинуть контрпредложение, и в результате могут быть сделаны Главконцесскомом новые предложения. Необходимо подчеркнуть, что новые предложения могут исходить только от Главконцесскома. Если сэр Эсмонд или г. Стрэнг и в дальнейшем пожелают выступить представителем общества, то им останется лишь обратиться в Главконцесском. Это является единственным практическим путем. Если общество и в дальнейшем будет избегать сношений с Главным концессионным комитетом, то оно само, как и в прошлом, должно будет принять ответственность за затягивание дела.

*Телеграмма и резюме
печат. по арх.*

**350. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР
Временному Поверенному в Делах СССР в Великобри-
тания Д. В. Богомолу**

5 сентября 1932 г.

Уважаемый Дмитрий Васильевич,

Ваш № 344²⁴¹. Германское правительство действительно запрашивало сэра Джона [Саймона], открыт ли «пакт доверия» для присоединения к нему СССР, и получило ответ, который оно само характеризует как уклончивый. К «пакту доверия»

могут только присоединиться-де не то участники Версальского договора, не то члены Лиги наций.

Насколько нам известно из газет, приглашение о присоединении было послано только Германии, Италии и Бельгии. Тов. Суриц, однако, сообщает нам со слов Рюштю, будто о пакте доведено до сведения турецкого правительства. Я запросил т. Сурица о подробностях, а также о форме доведения до сведения ²⁴², но если его сообщение подтвердится, то можно будет сделать следующие выводы: с одной стороны, присоединение доступно и не участникам Версаля и даже не членам Лиги [наций] (поскольку Турция вступила в Лигу уже после заключения пакта доверия), а с другой стороны, недоведение пакта до сведения Советского правительства означает нежелательность его присоединения с точки зрения Англии и Франции. Во всяком случае, нельзя ничего иметь против запроса Саймону, если есть шансы на получение ответа.

Что касается мировой экономической конференции, то, насколько нам известно, приглашение пока послано только Соединенным Штатам и, вероятно, тем государствам, которые должны послать представителей в организационный и подготовительный комитеты. Пока неизвестна программа конференции, трудно сказать, пожелаем ли мы послать туда делегатов или только наблюдателей, но в той или иной форме мы хотели бы участвовать в конференции. Во всяком случае считали бы желательным получение приглашения. Пока, однако, не установлено, обойден ли СССР приглашением или приглашения еще вообще не рассылались*.

Литвинов

Печат. по арх.

351. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу

5 сентября 1932 г.

На Вашу телеграмму от 4 сентября 1932 г. ** Можно сказать де Монзи, что мы готовы обменяться военными атташе и будем ждать предложения французского правительства или готовы сами сделать предложение, если будем заранее знать о его приемлемости для французского правительства ²⁴³.

Визы трем ученым можете дать.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. док. № 429.

** См. док. № 348.

**352. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Ино-
странных Дел СССР с Послом Японии в СССР Хирота**

6 сентября 1932 г.

Сообщив послу, что, несмотря на его заверение, сделанное мне 29 августа о том, что японское правительство приказало сахалинскому губернатору отпустить наши пароходы, до сих пор ни «Сталинград», ни другие пароходы не отпущены и вынуждены пребывать в японском порту Отомару *. Я объяснил ему, что Советское правительство, придавая серьезное значение этому вопросу, разрешение которого затянулось неожиданно на столь долгий срок, поручило мне вручить ему ноту **. Я передал ему ноту, которую секретарь его Миякава тут же перевел ему.

Ознакомившись с ее содержанием, Хирота заявил, что с самого начала этой несчастной аварии ему казалось, что пароходы давным-давно могли бы быть выпущены, но недоразумение и всякие побочные обстоятельства, к сожалению, помешали этому. О мерах, которые японское правительство принимало, он доводил до сведения Советского правительства. Ему очень досадно, что инцидент, казавшийся ему таким простым, до сих пор не разрешен. Он немедленно протелеграфирует в Токио содержание нашей ноты и надеется быстро получить ответ.

Чтобы не дать возможности японскому правительству, ссылаясь на извинения со стороны нашего консула ²⁴⁴, считать, что мы тем самым признали нашу вину и что японские власти не ответственны за задержку пароходов, я сообщил Хирота, что так как, несмотря на инструкции японского правительства, там, на месте, происходит не то путаница, не то самовольничанье со стороны местных японских властей, нами дано указание, чтобы консул Тихонов *** на месте принял бы все необходимые шаги и пошел бы навстречу требованиям местных японских властей даже в том случае, если эти требования незаконны и необоснованны, чтобы дать возможность пароходам освободиться.

Что же касается инцидента и его последствий, то это, как видно из врученной сегодня мною ноты, будет предметом обсуждения между обоими правительствами.

После этого посол на мой вопрос, не имеет ли он каких-либо новостей из Маньчжурии и Китая, сообщил, что со времени последнего свидания ****, когда он сообщил о предпола-

* Корсаков.

** См. док. № 353, а также док. № 338.

*** Консул СССР в Хакодате.

**** Предыдущая встреча Карахана с Хирота состоялась 29 августа.

гающемся признании Маньчжоу-Го, ничего существенного не получал.

Он выразил сожаление, что перерыв железнодорожного сообщения в Маньчжурии затрудняет несколько его отъезд. Между тем он хотел бы по деловым соображениям поскорее прибыть в Токио для доклада своему правительству. В связи с этим его замечанием я сказал ему, что о беседе, которая у меня была с ним 29 августа, я докладывал Советскому правительству и что я могу сообщить ему мнение наиболее влиятельных членов правительства: они считают принципиально возможной продажу Китайско-Восточной железной дороги²⁴⁵. Хирота не реагировал никакими вопросами на это мое сообщение, он только поблагодарил за эту информацию и сказал, что это один из тех вопросов, о котором он лично доложит своему правительству и который он считает очень важным для разрешения проблемы советско-японских отношений. На этом наша беседа закончилась.

Уходя, Хирота спросил меня, не могу ли я указать ему каких-либо врачей, с которыми он мог бы перед отъездом посоветоваться. Я ему обещал это сделать.

Карахан

Печат. по арх.

353. Нота Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л. М. Карахана Послу Японии в СССР Хирота *

6 сентября 1932 г.

Господин Посол,

15 августа ** сего года пароход Совторгфлота «Сталинград», совершавший рейс Владивосток — Петропавловск, потерпел аварию в Лаперузовом проливе, в 400 метрах от южных берегов Сахалина. Для оказания ему помощи на место аварии прибыл ряд пароходов Совторгфлота, находившихся в плавании в районе, в котором потерпел аварию «Сталинград».

Однако эти пароходы не могли, несмотря на бедственное положение «Сталинграда», полностью развернуть спасательные работы ввиду препятствий, чинившихся местными японскими властями. В частности, японские власти не допустили сношений по радио как судна, терпящего бедствие, так и судов, его спасавших, с внешним миром. Когда же «Сталин-

* Вручена Л. М. Караханом Хирота во время беседы 6 сентября 1932 г.; см. док. № 352.

** В ноте ошибочно — 25 августа.

град» оказался на свободной воде, то указанные власти, ссылаясь на незначительный инцидент, происшедший между местными японскими властями и одним из лиц, находившихся на «Сталинграде», задержали и продолжают в настоящее время задерживать как самый пароход «Сталинград», так и пришедшие на помощь ему суда.

Все это поставило указанные суда в чрезвычайно бедственное положение, особенно в связи с наступившей свежей погодой и тем, что на них иссякли запасы воды, угля и продовольствия.

Несмотря на то что еще 27 августа местным японским властям, согласно сделанному Вами 29-го того же месяца сообщению, было дано распоряжение освободить все задержанные суда, суда эти до настоящего времени еще не отпущены.

Фактом задержания при указанных условиях целой группы судов местные японские власти совершили незаконные и ничем не обоснованные действия, в особенности поскольку инцидент произошел в водах, открытых, в силу международных договоров, для свободного плавания. Равным образом неправомерным является и факт препятствования спасанию судна и сношениям по радио.

На основании изложенного Советское Правительство настаивает на немедленном освобождении всех задержанных судов.

Вместе с тем имею честь сообщить, что Советское Правительство оставляет за собой право искать возмещения всех убытков Совторгфлота, как уже понесенных последним, так и могущих быть понесенными в дальнейшем в связи с продолжающимся незаконным задержанием указанных судов.

Советское Правительство будет ожидать срочного ответа о принятых по настоящему делу мерах.

Благоволите принять, господин Посол, уверения в высоком моем уважении.

Каракан

Печат. по арх.

В ответной ноте посольства Японии в СССР от 8 сентября 1932 г. № 157 * говорилось:

«По поводу парохода «Сталинград» Японское Посольство имеет честь, согласно полученным им от своего Правительства сведениям, сообщить Народному Комиссариату по Иностранным Делах нижеследующее:

Три советских судна, кроме судов «Астрахань» и «Двина», были освобождены 3-го сего сентября после составления протокола.

Что касается судов «Астрахань» и «Двина», то японские подлежащие власти готовы освободить их под известными условиями, согласованными с Советским Полпредством в Токио, о чем было дано соответствующее распоряжение подлежащим властям на месте от 7-го сего месяца».

* Нота передана на русском языке.

354. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Японии с Премьер-Министром Японии Сайто *

6 сентября 1932 г.

Сегодня виделся с виконтом Сайто на его частной квартире. Я ему говорил об усиленных слухах относительно войны СССР и Японии в ближайшем будущем, о статье Араки ²¹², о выступлениях в печати некоторых военных, о речи заместителя председателя союза резервистов генерала Вада. Я сказал ему, что кое-что уже сделано для прояснения атмосферы, например заключено рыболовное соглашение **, но всего этого, по-видимому, мало. Надо сделать что-либо более широкое и конкретное. Сайто сказал, что понимает меня, что он раньше слышал о слухах относительно войны между СССР и Японией, распространяемых американскими агентами, и что он согласен, что надо что-то предпринять. Сайто сказал, что будет действовать не только как председатель Советско-Японского общества, но и как глава правительства. Он сообщит о моем разговоре правительству и предложит графу Утида усиленно и в ускоренном порядке заняться этим делом. Он хочет, чтобы Утида обсудил со мной ряд вопросов для того, чтобы уничтожить почву для нежелательных слухов ***.

Полпред СССР в Японии
А. Трояновский

Печат. по арх.

355. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

6 сентября 1932 г.

Резюмирую беседу с Леже. Он зачитал телеграмму французского посольства в Бухаресте от 3 сентября в ответ на телеграмму, отправленную вечером первого из Парижа ****. Одобрение французами формулы с упоминанием наличия территориальных споров у румынского правительства вызвало большое возбуждение, так как Франция подписала Бессарабский протокол *****. Это идет вразрез с той внутренней поли-

* Из дневника полпреда СССР в Японии за 15 августа — 28 сентября 1932 г.

** См. док. № 319.

*** См. док. № 369.

**** См. док. № 345.

***** См. т. II, прим. 21.

тической линией, которую ведет румынское правительство. Румыния, однако, готова возобновить переговоры до 20-го и договорилась с полковником Беком, в бытность его в Бухаресте, о формуле, которая максимально идет навстречу нашим пожеланиям. Текст этой формулы не приводится, упоминается лишь, что она состоит из трех частей, из которых первая соответствует общим обязательствам пакта Келлога, вторая предусматривает нейтралитет в случае нападения третьей стороны и третья оговаривает, что вторая не противоречит пакту Келлога.

После оглашения телеграммы Леже заявил, что его попытка посредничества кончилась неудачей. Она обрывается в связи с тем, что поляки продолжают взятую ими на себя официальную миссию посредника. Кроме того, румыны отвергли ту оптимальную формулу, которой он мог от нас добиться. Она была предложена в телеграмме от первого сентября как формула, которую изыскали французы (здесь несоответствие со сказанным им в предыдущей беседе). Переговоры с Довгалевским велись строго конфиденциально, без ведома поляков и румын, которые и поныне ничего о них не знают. Французы в свою очередь только теперь узнали про содержание разговора Бека. Пилсудский заинтересован в соглашении с нами. Бек по указанию Пилсудского настаивал на подписании Польшей пакта с нами, в то время как Залесский из-за румын возражал, потому что он надеется, что все образуется.

Я напомнил, что Литвинов принял формулу *, предложенную Залесским, румыны ее отвергли. Теперь Леже остановился на приемлемой формуле, румыны ее опять отвергают. Я заявил, что формула Бека, по-видимому, еще Патеком не преподнесена нам, но отношусь скептически к исходу этой новой попытки посредничества, так как мы дошли до предела уступок. Поскольку он констатирует неудачу своей попытки оказать нам содействие в переговорах с Румынией, мне остается лишь поблагодарить его за усилия и перейти к другому вопросу — о положении с франко-советским пактом. Леже повторил доводы о фактическом юнктиме и заявил, что лишь в том случае он мог бы обойти румын, если бы румыны отвергли формулу, принятие которой они могли бы безусловно отстаивать перед нами. Для них все же непонятно, зачем мы настаиваем на упоминании наличия спорных территориальных вопросов. Я подробно повторил юридический и политический доводы, делающие неизбежной эту оговорку при заключении пакта о ненападении, при наличии неурегулированного территориального спора. Мы не пойдем на уступки, которые могли

* См. док. № 227, 284.

бы изменить не в нашу пользу статус-кво в бессарабском вопросе.

Перед уходом я спросил с целью зондажа, как он относится к согласованию поправок ²¹⁷ в нашем пакте. Я высказал как свое личное мнение, что можно будет за это взяться, когда мы получим поправки из Москвы с тем, однако, чтобы их непременно парафировать. Он сразу же заявил, что нужно непременно парафировать весь новый проект, он предпочел бы, чтобы это сделал Бертело, который вернется около 15-го. Он готов немедленно приступить к согласованию и переговорить с Эррио об этом. Он отметил, что, в то время как первое парафирование было ад-референдум, теперь оно будет с согласия совета министров. Подтвердите, в чем дело о парафировании. Нет данных, говорящих о том, что заинтересованность Эррио в пакте в целях политической изоляции Германии ослабла, а парафирование может явиться жестом, которым он пока ограничится. Я поэтому сомневаюсь в целесообразности вторичного парафирования. Во всяком случае он заявлял, что сам займется бессарабской формулой и должен будет на чем-нибудь остановиться, если ничего не выйдет из каучукообразной, по описанию, формулы Бека *.

Я сообщил, что Вы будете в Женеве 21-го.

[Розенберг]

Печат. по арх.

356. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу

9 сентября 1932 г.

На телеграмму от 6 сентября 1932 г. ** В моем письме шла речь о парафировании только поправок, если бы на их немедленном согласовании настаивали французы. Вторичное парафирование всего пакта считаем нецелесообразным, но поправки могут быть парафированы.

От поляков никаких предложений не поступало, а Патек еще в отпуске. Изложенная Леже формула Бека при отсутствии в ней упоминания спорных вопросов для нас неприемлема, да она уже предлагалась Шетцелем в Женеве и мною отвергнута ²¹⁶.

* См. также док. № 356, 361, 363.

** См. док. № 355.

Имеем сведения, что Румыния предполагает обращаться за посредничеством к Турции*. Об этом можете сообщить Леже в доказательство несерьезности и неискренности Румынии, которая стремится лишь затянуть переговоры в надежде сорвать советско-французский пакт.

Литвинов

Печат. по арх.

357. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Турции Я. З. Сурицу

9 сентября 1932 г.

На телеграмму от 7 сентября²⁴⁶. Французы недавно предложили Румынии согласованную с нами формулу**, потребовав ответа до 20 сентября. На это румынское правительство ответило, что оно договорилось с Беком во время его пребывания в Бухаресте о новой формуле, которую он должен предложить нам. Мы от поляков, однако, никаких предложений не получали, а теперь румыны пытаются вовлечь в игру и Турцию. Ясно, что все это лишь неуклюжие попытки затянуть переговоры, выиграть время в надежде сорвать подписание пакта с Францией и ратификацию Польшей. Вы должны будете ответить, что в свое время мы сами предлагали переговоры в Турции***, но Румыния предлагала Варшаву, а затем Ригу. После рижских переговоров оставался почти один спорный пункт, для урегулирования которого с согласия или даже по предложению Румынии посредничали и продолжают посредничать поляки и французы. Отвергая все наши последовательные предложения и формулы и не делая никаких контрпредложений. Румыния теперь ищет новых посредников. Мы видим в этом лишь дипломатическую игру, вскрывающую несерьезность и неискренность румынских намерений. Если считаете необходимым, то можете сообщить ответ Рюшту теперь же, но лучше после вторичного обращения к нему румына²⁴⁷.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. док. № 357.

** См. док. № 345.

*** См. т. XIV, док. № 381.

358. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии с Министром экономики Германии Вармбольдом *

9 сентября 1932 г.

9 сентября я вместе с т. Вейцером посетил министра хозяйства Вармбольда. Мы ему сообщили, что имели уже разговор со статс-секретарем аусамта Бюловым **, которому указывали на необходимость проведения таких мероприятий, которые содействовали бы улучшению торгового баланса между СССР и Германией, который сейчас весьма неблагоприятен для СССР, что особенно резко выявилось в первом полугодии 1932 г.

Мы обратили внимание Вармбольда, что 30 августа 1932 г. произошло повышение таможенных пошлин на 116 позиций, из которых 11 позиций затрагивают вывоз из Советского Союза. В общем это повышение составляет 3,3% общего советского экспорта в Германию в первую половину 1932 г.

Нам известно, что идут предварительные переговоры между Германией, с одной стороны, и Голландией, Данией и Финляндией, с другой стороны, в отношении контингентирования ввоза масла, при этом переговоры уже близятся к концу. Это может сильно ударить по интересам советского ввоза масла в Германию.

Кроме того, мы должны обратить внимание, что в начале сентября обсуждается в прессе вопрос об общем контингентировании сельскохозяйственных продуктов в Германию. Если проект министерства земледелия пройдет в таком виде, как это указано в печати, то нас это коснется в сильной степени, и мы можем на этом потерять от 65 до 70 млн. марок, т. е. приблизительно такая сумма выпадет из советского экспорта.

Вармбольд сообщил нам, что полномочия, которые он имел от прежнего кабинета вести с нами экспортные переговоры, уже истекли, поэтому он уже имел беседу с аусамтом о том, чтобы либо он, либо министр иностранных дел получил бы полномочия вести переговоры хозяйственного порядка с СССР. Он полагает, что руководящим лицом будет теперь назначен представитель аусамта, ибо полномочия от прежнего кабинета получил он, так как министром иностранных дел являлся рейхсканцлер. Он постарается провести это дело возможно скорее, чтобы можно было бы тут же приступить к

* Из дневника полпреда СССР в Германии Хинчука от 9 сентября 1932 г.

** См. док. № 337.

урегулированию тех трудностей для нашего экспорта, которые возникли в последнее время. Однако он указал, что нужно отделить вопрос о контингентировании масла от общего вопроса контингентирования, ибо общий вопрос является делом одного ведомства, но совсем еще не принят кабинетом.

Я получил впечатление, что по вопросу об общем контингентировании идут споры и что министерство хозяйства против проведения этого дела.

Далее Вармбольд согласился со мною, что нужно теперь же, не ожидая окончательного решения кабинета о выделении руководящего лица, выделить с каждой стороны по два человека, которые могли бы заняться практической подготовкой всех вопросов, затрудняющих экспорт из СССР, которые, так сказать, могли бы подготовить необходимый материал и проделали бы всю черновую работу для предстоящего обмена мнениями и принятия мер к устранению всех трудностей для советского экспорта.

Л. Хинчук

[Р. С.] В конце беседы я спросил, что нового в Стрезе*. Вармбольд сообщил, что он мало осведомлен. Он полагает, что дело длительное, раз начали работать комиссии.

Печат. по арх.

359. Сообщение советской печати о подписании договора между СССР и Францией о поставках нефти и нефтепродуктов

12 сентября 1932 г.

8 августа в Париже подписан договор между представителями «Союзнефтеэкспорта» и группой французских импортеров нефти и нефтепродуктов, возглавляемых о-вом «Петрофина франсез», на поставку во Францию нефти и нефтепродуктов. Срок договора — до 31 августа 1937 г. Договорное количество достигает свыше двух миллионов тонн.

Правлением «Союзнефтеэкспорта» договор ратифицирован. (ТАСС).

*Печат. по газ. «Известия»
№ 353 (4823), 12 сентября 1932 г.*

* См. док. № 341.

360. Обмен нотами между Правительством СССР и Правительством Афганистана о разрешении пограничных инцидентов на советско-афганской границе ²⁴⁸

1. НОТА ПОЛНОМОЧНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СССР В АФГАНИСТАНЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ АФГАНИСТАНА ФАЙЗ МУХАММЕД-ХАНУ

13 сентября 1932 г. № 740

Господин Министр,

Имею честь сообщить Вам, что мое правительство, в целях предупреждения всякого рода пограничных инцидентов на границах Союза Советских Социалистических Республик и Афганистана, а также в целях скорейшего разрешения этих инцидентов в случае их возникновения, считает целесообразным установить следующий порядок:

1. Союз Советских Социалистических Республик и Афганистан назначают на протяжении их общей границы по шести пограничных комиссаров с каждой стороны.

2. Пограничными комиссарами Союза Советских Социалистических Республик, которые будут рассматривать и разрешать пограничные инциденты, будут являться:

а) Начальник Мервского пограничного участка, с постоянным пребыванием его в гор. Мерве и с районом деятельности от стыка советской и персидско-афганской границ до пограничного столба № 63, что в сорока километрах северо-западнее г. Дулет-Абад.

Его помощниками являются:

Начальник пограничного участка крепости Кушка, с постоянным местопребыванием его в крепости Кушка, и

Начальник пограничного участка Тахта-Базар, с постоянным местопребыванием его в Тахта-Базаре.

б) Начальник Керкинского пограничного участка, с постоянным местопребыванием его в гор. Керки. Этот участок простирается от пограничного столба № 63 до восточной окраины кишлака Салты-Арык.

Его помощниками являются:

Начальник пограничного участка Ширам-Кую, с постоянным местопребыванием его в Ширам-Кую, и

Начальник пограничного участка Хотаб, с постоянным местопребыванием его в кишлаке Хотаб.

в) Начальник Сурхан-Дарьинского пограничного участка, с постоянным местопребыванием его в гор. Термезе и с районом деятельности от кишлака Салты-Арык до развалин поста Старо-Овразный, что в 50 километрах юго-восточнее г. Термеза.

г) Начальник Сарайского пограничного участка, с постоянным местопребыванием его в гор. Бауманабад (бывший Сарай-Комар) и с районом деятельности от поста Старо-Овразный до скалы, что на берегу р. Пяидж в 4½ километрах северо-восточнее кишлака Шоонак.

Его помощниками являются:

Начальник Айваджского пограничного участка, с местопребыванием его в Айвадже, и

Начальник Сары-Чашменского пограничного участка, с местопребыванием его в кишлаке Сары-Чашме.

д) Начальник Кала-и-Хумбского пограничного участка, с местопребыванием его в гор. Кала-и-Хумб и с районом деятельности от скалы, что на

берегу р. Пяндж в $4\frac{1}{2}$ километрах северо-восточнее кишлака Шоонак, до впадения реки Яз-Гулем в реку Пяндж.

е) Начальник Хорогского пограничного участка, с местопребыванием его в гор. Хороге и с районом деятельности от реки Яз-Гулем до стыка советско-афганско-китайской границы.

Его помощниками являются:

Начальник Ишкашимского пограничного участка, с местопребыванием его в Ишкашине, и

Начальник Лянгарского пограничного участка, с местопребыванием его в Лянгаре.

3. Комиссары каждого государства должны быть подданными или гражданами этого государства. Ни одно из договаривающихся государств не может назначить на должность комиссара лиц, которые ранее были подданными или гражданами другого государства. При назначении комиссаров каждое из правительств сообщает другому о последовавших назначениях. В интересах регулярной и бесперебойной работы пограничных комиссаров стороны считают необходимым, чтобы процедура представления пограничных комиссаров правительству другой стороны совершалась в срочном порядке, по телеграфу. Стороны дадут указания своим пограничным властям, чтобы сменяемые пограничные комиссары не оставляли бы своих участков впредь до вступления в должность заменяющих их лиц.

4. Пограничные комиссары обязаны предотвращать в пограничной полосе всякого рода агрессивные действия со стороны преступных лиц по отношению к пограничным жителям другой стороны и следить за сохранением порядка на границе, а также должны принимать энергичные меры к тому, чтобы ни в коем случае не происходил бы ружейный обстрел с территории одной из сторон постов, часовых, частных лиц или территории другой стороны. Если же случайно произошли бы подобного рода действия, то они должны немедленно воспрепятствовать этому и рассмотреть это дело. В первую очередь пограничные комиссары должны принять решительные и энергичные меры к ликвидации преступных лиц на своей территории, относительно которых имеются достаточные доказательства их виновности. В этих целях пограничные комиссары имеют право предъявлять другой стороне именные списки преступных лиц, находящихся на территории другой стороны и подлежащих ликвидации или высылке из пограничной полосы вглубь страны. В случае, если имеется вероятность, что преступные лица могут перейти на территорию другой стороны, пограничный комиссар первой стороны обязан заблаговременно сообщить об этом комиссару другой стороны для своевременного принятия необходимых мер по ликвидации этих преступных лиц на территории его государства. В случае нарушения границы и притеснения жителями одной стороны жителей другой стороны, комиссар пострадавшей стороны должен сообщить об этом комиссару, из района которого исходило нарушение порядка, после чего оба комиссара совместно выезжают на место инцидента для расследования его. Комиссар, с участка которого готовилось нарушение, обязан с возможной быстротой принимать необходимые меры к ликвидации его.

Примечание. Пограничной полосой считается полоса шириною в восемнадцать (18) километров.

5. К категории вопросов, упомянутых в статье четвертой и подлежащих совместному разрешению пограничных комиссаров, относятся:

а) случайный переход границы жителями пограничной полосы (за исключением пограничных должностных лиц обеих сторон) и содействие к возвращению их на свою территорию;

б) обстрел с территории одной из сторон постов, часовых и частных лиц или территории другой стороны;

в) переход вооруженных лиц или вооруженных бандитских шаек с территории одного государства на территорию другого;

г) случайный переход домашних животных и стад (крупного и мелкого

скота) с территории одной стороны на территорию другой, похищение из-за границы имущества и скота, а также провоз сырья и промышленных изделий и перегон скота контрабандным путем с территории одной стороны на территорию другой;

д) порча находящихся в непосредственной близости от границ хозяйств, угодий, а также и иных сооружений, включая речные и оросительные;

е) всякие другие пограничные инциденты местного порядка.

Примечание. Вопросы, касающиеся определения границ, а также дела политического и экономического характера, не предусмотренные в настоящей ноте, не входят в компетенцию пограничных комиссаров.

6. В случае возникновения пограничного инцидента, комиссар стороны, на территории которой произошел инцидент, обязан немедленно сообщить комиссару другой стороны о происшедшем, после чего оба комиссара должны безотлагательно совместно отправиться на место инцидента для производства соответствующего расследования и принятия необходимых мер, а также для составления и подписания протокола. Пограничные инциденты они могут разрешать по взаимному соглашению.

7. По инцидентам, требующим немедленного принятия мер, комиссар каждой стороны имеет право, в случае отсутствия в данном пункте комиссара другой стороны, обращаться к местным властям другой стороны, с тем, чтобы потом довести об этом до сведения комиссара другой стороны, и, в случае надобности, совместно произвести дополнительное расследование и принять дополнительные меры. О результатах расследования инцидента, как через местные власти, так и дополнительного, и о принятых в том и другом случаях мерах стороны составляют и подписывают протокол. Перечень таких, имеющих срочность, инцидентов определяется соглашением комиссаров обеих сторон, и пока такое соглашение не будет достигнуто, пограничные комиссары не могут обращаться непосредственно к местным властям другой стороны. В случае же особо экстренной надобности и при отсутствии комиссара другой стороны, обращения пограничных комиссаров к местным властям могут иметь место и вне зависимости от того, входит ли этот вопрос в число вопросов, согласованных в свое время пограничными комиссарами, или нет.

8. Постановления и протоколы комиссаров составляются в двух подлинных экземплярах, на государственных языках обеих сторон, в возможной краткой форме.

9. В случае недостижения соглашения между комиссарами по возникшим инцидентам, вопросы эти немедленно переносятся на разрешение дипломатическим путем.

10. Пограничные комиссары обеих сторон пользуются следующими правами:

а) перехода границы в местах, установленных по обоюдному соглашению комиссаров обеих сторон и на основании документов о своем служебном положении, с правом иметь при себе переводчика, секретаря и сотрудника. Эти последние лица могут переходить границу при наличии у них документов, выданных своим пограничным комиссаром. На все упоминаемые в настоящем пункте документы накладывается представителями другой стороны виза на определенный срок. Кроме того, лица, имеющие их, обязаны при каждом переходе границы предъявлять свои паспорта пограничным властям другой стороны.

б) Комиссары имеют право, в случае надобности, выдавать потерпевшим, свидетелям и экспертам своей стороны разрешения на однократный переход границы в обе стороны, причем количество таких лиц не должно превышать десяти (10) человек;

в) потерпевшие, эксперты и свидетели, въезжающие на территорию другой стороны в вышеуказанном порядке, не должны иметь при себе оружия;

г) пограничные комиссары обеих сторон, а также и их служебная переписка на территориях обеих сторон пользуются правом неприкосновенности;

д) пограничные комиссары пользуются правом ношения присвоенной по службе формы;

е) пограничным комиссарам предоставляется право пользования шифром в сношениях своих с политическими представителями и консулами своего государства;

ж) пограничные комиссары пользуются правом беспощадного провоза съестных припасов и всех необходимых им для выполнения своей работы предметов, вроде канцелярских принадлежностей. Вес такого багажа не может превышать пятнадцать килограммов на одно лицо. Багаж этот подлежит таможенному досмотру в общем порядке.

11. Расходы по содержанию и переездам пограничных комиссаров по служебным делам каждая сторона несет самостоятельно, пользуясь при этом содействием другой стороны в отношении получения средств сообщения и помещения, а также в отношении предоставления нужных для расследования документов и получения показаний нужных лиц.

12. В случае, если пограничным комиссарам одной из сторон необходимо произвести опрос свидетелей или потерпевших на территории другой стороны, этот опрос должен производиться пограничным комиссаром той стороны, к которой принадлежат свидетели или потерпевшие, в присутствии пограничного комиссара другой стороны.

13. Первая встреча пограничных комиссаров для организации дальнейшей работы в своем районе должна произойти не позже, чем через месяц после обмена нотами об учреждении должностей пограничных комиссаров.

14. Если комиссар одной из сторон позволит себе в отношении другой стороны действия, выходящие за пределы его компетенции или противоречащие его служебным обязанностям, то другая сторона будет иметь право просить об устранении этого комиссара и о замене его другим.

15. Все изложенное выше в отношении пограничных комиссаров, включая и порядок их назначения, предусмотренный в статье третьей настоящей ноты, при отсутствии какого-либо комиссара распространяется на его помощника, который будет иметь те же полномочия.

16. В случае необходимости изменения количества участков пограничных комиссаров, изменения районов деятельности комиссаров, изменения обязанностей и прав комиссаров или мест их пребывания, указанных в статье второй настоящей ноты, все эти изменения будут проводиться в жизнь по соглашению между Полномочным Представительством Союза Советских Социалистических Республик в Афганистане и Министерством иностранных дел королевства Афганистана или между Народным комиссариатом по иностранным делам Союза Советских Социалистических Республик и Королевским посольством Афганистана в Москве, путем дополнительного обмена нотами.

17. Соглашение, изложенное в настоящей ноте, будет оставаться в силе в течение трех (3) лет. В дальнейшем оно будет применяться без ограничения срока, с правом каждой стороны отказаться от него с предупреждением об этом другой стороны за шесть (6) месяцев.

Представляя вышележащее на Ваше усмотрение, имею честь просить Вас сообщить мнение правительства Афганистана по этому вопросу.

В случае согласия правительства Афганистана, прошу Вас сообщить мне о местах пребывания и районах деятельности пограничных комиссаров Афганистана.

Прошу Вас, господин Министр, и пр.

Полномочный представитель СССР
в Афганистане
Л. Старк

2. НОТА

МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ АФГАНИСТАНА
ПОЛНОМОЧНОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СССР В АФГАНИСТАНЕ
Л. Н. СТАРКУ

13 сентября 1932 г., № 2453

Господин Посол,

Подтверждая получение Вашей ноты от сего 13 сентября (что соответствует 22 сумабуля 1311 г.) за № 740, имею честь сообщить Вам о соглашении моего правительства с предложенным в ней Вами, от имени правительства Союза Советских Социалистических Республик, порядком разрешения пограничных инцидентов, который заключается в следующем:

1. Афганистан и Союз Советских Социалистических Республик назначают на протяжении их общей границы по шести пограничных комиссаров с каждой стороны.

2. Пограничными комиссарами Афганистана, которые будут рассматривать и разрешать пограничные инциденты, будут являться:

а) Комиссар первого участка, с постоянным пребыванием в Кара-Тепе и с районом деятельности от Зулфагарского прохода до пограничного столба № 53, который находится в районе Доулет-Абада Анджойского участка.

Два помощника комиссара имеют постоянное местопребывание в Бала-Мургабе и Доулет-Абаде.

б) Комиссар второго участка с постоянным пребыванием в гор. Анджое и с районом деятельности от пограничного столба № 53, т. е. от Доулет-Абада до Шур-Тепе.

Один помощник комиссара имеет постоянное местопребывание в Хамнабе.

в) Комиссар третьего участка с постоянным пребыванием в Сиахгирде и с районом деятельности от Шур-Тепе до Айваджа.

г) Комиссар четвертого участка с постоянным пребыванием в Хазрет-и-Имам-Саиб и с районом деятельности от Айваджа до Кала-и-Куфа в Бадахшане.

Два помощника комиссара имеют постоянное местопребывание в Янги-Кала и Кала-и-Зал.

д) Комиссар пятого участка с постоянным пребыванием в административном центре Дарваза и с районом деятельности от Кала-и-Куфа до Кала-и-Вамара.

е) Комиссар шестого участка с постоянным пребыванием в Ишкашиме. Два помощника комиссара имеют постоянное местопребывание в Кала-и-Бар-Пяндж и Пяндже-и-Вахан.

3. Комиссары каждого государства должны быть подданными или гражданами этого государства. Ни одно из договаривающихся государств не может назначить на должность комиссара лиц, которые ранее были подданными или гражданами другого государства. При назначении комиссаров каждое из правительств сообщает другому о последовавших назначениях. В интересах регулярной и бесперебойной работы пограничных комиссаров стороны считают необходимым, чтобы процедура представления пограничных комиссаров правительству другой стороны совершалась в срочном порядке, по телеграфу. Стороны дадут указания своим пограничным властям, чтобы сменяемые пограничные комиссары не оставляли бы своих участков впредь до вступления в должность заменяющих их лиц.

4. Пограничные комиссары обязаны предотвращать в пограничной полосе всякого рода агрессивные действия со стороны преступных лиц по отношению к пограничным жителям другой стороны и следить за сохранением порядка на границе, а также должны принимать энергичные меры к тому, чтобы ни в коем случае не происходил бы ружейный обстрел с территории одной из сторон постов, часовых, частных лиц или территории

другой стороны. Если же случайно произошли бы подобного рода действия, то они должны немедленно воспрепятствовать этому и рассмотреть это дело. В первую очередь пограничные комиссары должны принять решительные и энергичные меры к ликвидации преступных лиц на своей территории, относительно которых имеются достаточные доказательства их виновности. В этих целях пограничные комиссары имеют право предъявлять другой стороне именные списки преступных лиц, находящихся на территории другой стороны и подлежащих ликвидации или высылке из приграничной полосы вглубь страны. В случае, если имеется вероятность, что преследуемые лица могут перейти на территорию другой стороны, пограничный комиссар первой стороны обязан заблаговременно сообщить об этом комиссару другой стороны для своевременного принятия необходимых мер по ликвидации этих преступных лиц на территории его государства. В случае нарушения границы и притеснения жителями одной стороны жителей другой стороны, комиссар пострадавшей стороны должен сообщить об этом комиссару, из района которого исходило нарушение порядка, после чего оба комиссара совместно выезжают на место инцидента для расследования его. Комиссар, с участка которого готовилось нарушение, обязан с возможной быстротой принимать необходимые меры к ликвидации его.

Примечание. Пограничной полосой считается полоса шириной в восемнадцать (18) километров (6 кру).

5. К категории вопросов, упомянутых в статье четвертой и подлежащих совместному разрешению пограничных комиссаров, относятся:

а) случайный переход границы жителями пограничной полосы (за исключением пограничных должностных лиц обеих сторон) и содействие к возвращению их на свою территорию;

б) обстрел с территории одной из сторон постов, часовых, частных лиц или территории другой стороны;

в) переход вооруженных лиц или вооруженных бандитских шаек с территории одного государства на территорию другого;

г) случайный переход домашних животных и стад (крупного и мелкого скота) с территории одной стороны на территорию другой, похищение из-за границы имущества и скота, а также провоз сырья и промышленных изделий и перегон скота контрабандным путем с территории одной из сторон на территорию другой;

д) порча находящихся в непосредственной близости от границ хозяйств, угодий, а также и иных сооружений, включая речные и оросительные;

е) всякие другие пограничные инциденты местного порядка.

Примечание. Вопросы, касающиеся определения границ, а также дела политического и экономического характера, не предусмотренные в настоящей ноте, не входят в компетенцию пограничных комиссаров.

6. В случае возникновения пограничного инцидента, комиссар стороны, на территории которой произошел инцидент, обязан немедленно сообщить комиссару другой стороны о происшедшем, после чего оба комиссара должны безотлагательно совместно отправиться на место инцидента для производства соответствующего расследования и принятия необходимых мер, а также для составления и подписания протокола. Пограничные инциденты они могут разрешать по взаимному соглашению.

7. По инцидентам, требующим немедленного принятия мер, комиссар каждой стороны имеет право, в случае отсутствия в данном пункте комиссара другой стороны, обращаться к местным властям другой стороны, с тем, чтобы потом довести об этом до сведения комиссара другой стороны, и, в случае надобности, совместно произвести дополнительное расследование и принять дополнительные меры. О результатах расследования инцидента, как через местные власти, так и дополнительно, и о принятых в том и другом случаях мерах стороны составляют и подписывают протокол. Перечень таких, имеющих срочность, инцидентов определяется со-

глашением комиссаров обеих сторон, и пока такое соглашение не будет достигнуто, пограничные комиссары не могут обращаться непосредственно к местным властям другой стороны. В случаях же особо экстренной необходимости и при отсутствии комиссара другой стороны, обращения пограничных комиссаров к местным властям могут иметь место и вне зависимости от того, входит ли этот вопрос в число вопросов, согласованных в свое время пограничными комиссарами, или нет.

8. Постановления и протоколы комиссаров составляются в двух подлинных экземплярах, на государственных языках обеих сторон, в возможно краткой форме.

9. В случае недостижения соглашения между комиссарами по возникшим инцидентам, вопросы эти немедленно переносятся на разрешение дипломатическим путем.

10. Пограничные комиссары обеих сторон пользуются нижеследующими правами:

а) перехода границы в местах, установленных по обоюдному соглашению комиссаров обеих сторон и на основании документов о своем служебном положении, с правом иметь при себе переводчика, секретаря и сотрудника. Эти последние лица могут переходить границу при наличии у них документов, выданных своим пограничным комиссаром. На все упоминаемые в настоящем пункте документы накладывается представителями другой стороны виза на определенный срок. Кроме того, лица, имеющие их, обязаны при каждом переходе границы предъявлять свои паспорта пограничным властям другой стороны;

б) Комиссары имеют право, в случае надобности, выдавать потерпевшим, свидетелям и экспертам своей стороны разрешения на однократный переход границы в обе стороны, причем количество таких лиц не должно превышать десяти (10) человек;

в) потерпевшие, эксперты и свидетели, въезжающие на территорию другой стороны в вышеуказанном порядке, не должны иметь при себе оружия;

г) пограничные комиссары обеих сторон, а также и их служебная переписка на территориях обеих сторон пользуются правом неприкосновенности;

д) пограничные комиссары пользуются правом ношения присвоенной по службе формы;

е) пограничным комиссарам предоставляется право пользования шифром в сношениях своих с политическими представителями и консулами своего государства;

ж) пограничные комиссары пользуются правом беспрошльного провоза съестных припасов и всех необходимых им для выполнения своей работы предметов, вроде канцелярских принадлежностей. Вес такого багажа не может превышать пятнадцати килограммов на одно лицо. Багаж этот подлежит таможенному досмотру в общем порядке.

11. Расходы по содержанию и переездам пограничных комиссаров по служебным делам каждая сторона несет самостоятельно, пользуясь при этом содействием другой стороны в отношении получения средств сообщения и помещения, а также в отношении предоставления нужных для расследования документов и получения показаний нужных лиц.

12. В случае, если пограничным комиссарам одной из сторон необходимо произвести опрос свидетелей или потерпевших на территории другой стороны, этот опрос должен производиться пограничным комиссаром той стороны, к которой принадлежат свидетели или потерпевшие, в присутствии пограничного комиссара другой стороны.

13. Первая встреча пограничных комиссаров для организации дальнейшей работы в своем районе должна произойти не позже, чем через месяц после обмена нотами об учреждении должностей пограничных комиссаров.

14. Если комиссар одной из сторон позволит себе в отношении другой стороны действия, выходящие за пределы его компетенции или противоре-

чащие его служебными обязанностям, то другая сторона будет иметь право просить об устранении этого комиссара и о замене его другим.

15. Все изложенное выше в отношении пограничных комиссаров, включая и порядок их назначения, предусмотренный в статье третьей настоящей ноты, при отсутствии какого-либо комиссара распространяется на его помощника, который будет иметь те же полномочия.

16. В случае необходимости изменения количества участков пограничных комиссаров, изменения районов деятельности комиссаров, изменения обязанностей и прав комиссаров или мест их пребывания, указанных в статье второй настоящей ноты, все эти изменения будут проводиться в жизнь по соглашению между Министерством иностранных дел королевства Афганистана и Полномочным представительством Союза Советских Социалистических Республик в Афганистане или между Королевским Посольством Афганистана в Москве и Народным комиссариатом по иностранным делам Союза Советских Социалистических Республик, путем дополнительного обмена нотами.

17. Соглашение, изложенное в настоящей ноте, будет оставаться в силе в течение трех (3) лет. В дальнейшем оно будет применяться без ограничения срока, с правом каждой стороны отказаться от него с предупреждением об этом другой стороны за шесть (6) месяцев*.

В заключение прошу Вас, господин Посол, и пр.

Министр Иностранных Дел

Файз Мухаммед

*Ноты печат. по «Собранию законов...»,
огд. II, № 24, 30 ноября 1932 г., стр. 337—359.*

361. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Польши в СССР Патеком

13 сентября 1932 г.

Патек сообщил, что он в Варшаве имел беседу по поводу наших переговоров с Румынией** с Залесским, а также с румынским посланником Кадере. На основании этих разговоров он предлагает опять свои добрые услуги и обдумал новую формулу заключительного протокола, которую он мне вручил в письменном виде. Она гласит (перевод с французского): «Высокие договаривающиеся стороны согласны в том, что настоящий договор не может быть ни в коем случае истолкован таким образом, чтобы он имел своим последствием ограничение или погашение обязательств, вытекающих из договора, подписанного в Парнже 26 августа 1928 г.*** Он не имеет иной цели, кроме ненападения, и не может быть истолкован для других целей, не нанести ущерба позиции каждой из сторон в спорах между ними». При этом Патек вручил мне проект пакта. При сличении текстов оказалось, однако, что это тот самый текст, который пытался подсунуть мне в Женеве Шетцель и который я отклонил²⁰⁶.

* Написание некоторых географических пунктов, упоминаемых в нотах, несколько отличается от их современной транскрипции.

** См. док. № 227, 259, 266, 268, 273, 285.

*** Так в тексте; договор подписан 27 августа 1928 г.

Я заявил Патеку, что, поскольку новая формулировка заключительного протокола является некоторым шагом вперед, облегчающим соглашение, вручение нового текста [проекта пакта] могу рассматривать только как два шага назад. После 9-месячных переговоров и споров почти по одному пункту, когда казалось, что все остальные пункты были согласованы, нам предлагают новую базу переговоров. Это превращается в сказку про белого бычка. Это подтверждает наши сомнения в искренности и серьезности намерений Румынии.

Патек ответил, что он не знал, что речь идет о новом тексте и что будто бы мною этот новый текст был уже отклонен в Женеве. Он понимает затруднительность положения и поэтому предлагает мне встретиться непосредственно с г. Кадере проездом в Женеву в Варшаве или в Вене. Он уверен, что все тогда образуется. Я пообещал обдумать его предложение, выразив, однако, сомнение в возможности соглашения в течение двух дней, если мы отойдем от прежней базы переговоров.

Патек, между прочим, сообщил, что по вопросу о сроке договора Румыния теперь согласна на статью, идентичную с польской. Необходимо вспомнить, что в Женеве Шетцель от имени румын настаивал на латвийской формуле срока договора *.

На мой вопрос, почему румыны настаивают на переговорах до Женевы и до 20-го, Патек ничего не мог объяснить, но я сам высказал свою догадку об очевидном нежелании Титулеску участвовать лично в заключении пакта. Патек против этой догадки не возражал, видимо соглашаясь с ней, ибо он что-то нелестное сказал о Титулеску **.

Литвинов

Печат. по арх.

362. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

13 сентября 1932 г.

Со мной завтракал Марсель Рей***, человек очень близкий к Эррио. Когда он был на днях в Англии, куда он повез ответ Эррио немцам****, англичане намекали ему, что было бы

* См. соответственно док. № 300, 67.

** См. также док. № 364.

*** Заместитель начальника кабинета министра иностранных дел Франции.

**** Речь идет об ответе правительства Франции от 11 сентября 1932 г. на меморандум правительства Германии о равноправии в вооружениях: см. «Сборники документов по международной политике...», вып. IV, М., 1933, стр. 102—109.

целесообразно отложить заседание Бюро в Женеве. Ссылаясь на Эррио, Рей заявляет, что Франция не возьмет на себя инициативу отсрочки и даже не поддержит таковую. Еще не решено, будет ли Эррио лично участвовать; возможно, что поедет только Бонкур*. Это будет решено только примерно к 17-му.

Эррио готов принять план Гувера¹⁸¹ с поправкой на «милицию» (фашистская милиция гитлеровского отряда).

Рей заявил, что предложение Папена о сговоре генеральных штабов объективно не может не иметь антисоветского острия. Рей, беседовавший с Папеном в Женеве, вынес впечатление, что у него только одна центральная идея, полностью совпадающая с планами Рехберга²⁴⁹. Ответ Эррио на немецкий меморандум одновременно является отклонением этих планов.

Эррио очень стремится к заключению пакта с нами, ибо он желает этим отрезать будущему французскому правительству возможность сговора с Германией на антисоветской базе. С другой стороны, он не хочет, чтобы правые обвинили его в предательстве союзной Румынии. Кроме того, он стремится к тому, чтобы между нами и Румынией наступило некоторое успокоение. Они [французы] очень основательно нажимали на Румынию и всячески пытались добиться приезда Гафенку в Париж. С подписанием советско-румынского пакта провалилась бы итальянская игра в Бухаресте, в то время как брюскирование** Румынии на руку Италии.

Эррио считается с возможностью, что его свергнут в ноябре по бюджетному вопросу, если социалисты голосуют против, так как от поддержки правых он откажется. Лаваль уже готовит за кулисами правительство, возглавляемое Кайо***.

Я сообщил ему, что Вы предполагаете быть 21-го в Женеве. Рей заявил по своей инициативе, что об этом передаст Эррио и что встреча была бы весьма полезна. Он высказал надежду, что Вы там пробудете хотя бы неделю.

Учтите, что Эррио очень болезненно реагирует на газетные карикатуры, изображающие его как милитариста и т. п.; вообще его реакции эмоциональны. В советской печати уже появились вещи, которые могут его расстроить.

Розенберг

Печат. по арх.

* Военный министр Франции.

** — резкое отношение (фр.).

*** Член сената Франции.

**363. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во
Франции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР
М. М. Литвинову**

13 сентября 1932 г.

На телеграмму от 9 сентября 1932 г.* Виделся с Леже, который зачитал длинные телеграммы французских посланников в Варшаве и Бухаресте. Их суть: Ларош посетил Залесского и Бека; ему сказали, что Патек 12-го должен был вернуться в Москву и вручить формулу Бека**. Гафенку изображает формулу Бека как крупную уступку. Она расплывчата и тем самым в меньшей степени отражает точные обязательства в отношении Бессарабии. Румыния делает уступку, поскольку она готова заключить пакт не столько ради самого пакта, а как из-за желания идти в ногу со своими союзниками. Титулеску (вмешательства которого французы больше всего опасаются) заедет в Вену для врачебной консультации и оттуда направится в Женеву. Он не будет путаться, так как румыны поручили все дело Патеку. Если он договорится с нами, румыны готовы в 24 часа в любой город отправить делегатов для заключения пакта.

Формула Бека якобы отправлена почтой и еще не получена, но Леже просит Вам передать, что он ее целиком поддерживает. На вопрос, каким образом французы поддерживают формулу, текст которой они еще не видели, он возразил, что анализ формулы Ларошем для них достаточен и что если ее расплывчатость делает ее приемлемой для Румынии, то нас она должна тем более устраивать. Приняв ее, мы избавимся от румынского препятствия и завершим серию пактов. Я заявил, что если формула соответствует тому, что он мне о ней сказал прошлый раз, то она представляет из себя переиздание отвергнутой Литвиновым формулы Шетцеля²⁰⁶ и не станет для нас приемлемой от того, что ее теперь предложит Патек, поскольку в ней не будет прямо упомянуто о наличии территориальных споров. Я это несколько раз подчеркнул.

Леже не допускает мысли, что румыны могут обратиться за посредничеством к Турции.

О парафировании он не заговорил, я подавно.

[Розенберг]

Печат. по арх.

* См. док. № 356.

** См. док. № 361.

364. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Польши в СССР Патеком

14 сентября 1932 г.

Я вызвал Патека и заявил ему, что, изучив документы и обдумав его предложение *, я пришел к следующему заключению: (см. приложенную запись заявления, врученного мною Патеку).

Патек стал оправдывать румын внутренним положением страны, происходящей политической борьбой и т. д. Я разъяснил Патеку, что я обыкновенно езжу в Женеву через Берлин, что изменение маршрута вызовет несомненные толки и, возможно, даже догадки в печати, что это меня не смущало бы, если бы я был уверен в результатах. Менять же маршрут и потратить пару дней без всяких результатов мне не подходит. Патек тогда сказал, что я мог бы встретиться с Кадере в Берлине, что он уверен, что эта встреча принесет пользу. Я ответил, что я завтра собираюсь выехать в Берлин, где я, во всяком случае, останусь на один день, и что, если Кадере туда приедет, я готов с ним там встретиться, но он до своей поездки должен получить полномочие своего правительства на возвращение к прежней базе переговоров, ибо иначе, вероятно, ничего не выйдет. Само собой разумеется, об этой встрече никому пока не следует говорить, а тем более сообщать в печать. Если из первой встречи с Кадере выяснится возможность соглашения, я, может быть, смогу остаться в Берлине еще один день. Встреча будет иметь то преимущество, что даст возможность Кадере, начавшему уже со мной переговоры, получить разрешение на поездку в Женеву для завершения их и этим будет избегнуто участие Титулеску. Я предупредил Патека, что обыкновенно езжу в Берлин на Двинск, вследствие технических удобств, но, конечно, если бы это было необходимо, я мог бы направить свой вагон и на Варшаву. Но я должен знать заранее, приедет ли Кадере в Берлин, что я прошу выяснить, по возможности, сегодня же по телефону **.

Литвинов

(ПРИЛОЖЕНИЕ)

Текст заявления,
врученного М. М. Литвиновым Патеку
14 сентября 1932 г.

Предложенная новая формула заключительного протокола несколько сближает позицию обеих сторон и поэтому могла бы считаться базой, на основе которой можно рассчи-

* См. док. № 361.

** См. док. № 368.

тивать на скорое достижение соглашения по установлению окончательного текста заключительного протокола. Этим путем был бы устранен основной, если даже не единственный, пункт разногласия по проекту советско-румынского пакта. Казалось бы, что теперь достаточно было бы встречи уполномоченных обеих сторон хотя бы на один день, чтобы можно было рассчитывать на заключение пакта.

К сожалению, вместе с означенным предложением от имени Румынии вручен не тот текст пакта, который почти полностью был согласован в Риге и в Женеве *, а совершенно новый проект пакта, до сих пор между сторонами не дискутировавшийся. Речь идет, таким образом, о начале новых переговоров по всему комплексу вопросов. Такой шаг со стороны румынского правительства усиливает сомнение в серьезности и искренности стремлений румынского правительства к заключению пакта о ненападении. Трудно иначе оценить поведение румынского правительства, когда оно после рижских переговоров и согласования там проекта пакта и после обсуждения главного спорного вопроса при посредничестве Польши и Франции, когда разрешение этого спорного вопроса близится к концу, выдвигает совершенно новый проект пакта.

Вручение этого проекта тем более представляется странным, что уже в Женеве было совершенно ясно и определенно отклонено аналогичное предложение г. Шетцеля²⁰⁶ о переводе переговоров на новый текст.

При этих обстоятельствах представляется почти совершенно исключенной возможность достижения соглашения в течение одного-двух дней по пути в Женеву. Единственным практическим способом наибо́льшего достижения результатов представляется встреча уполномоченных обеих правительств в Женеве во время заседания Бюро конференции по разоружению, причем базой для переговоров должен оставаться текст, почти согласованный в Риге и последующими разговорами в Женеве. Поскольку основной спорный вопрос, по-видимому, поддается разрешению, можно надеяться, что другие возражения против той или иной статьи пакта серьезных препятствий к заключению пакта не создадут.

*Запись беседы и приложение
печат. по арх.*

* См. прил. к док. № 273.

365. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Дежаном

14 сентября 1932 г.

Дежан пришел в сопровождении Пайяра*, который, очевидно, успел ознакомиться в Париже с вопросом о пактах. Дежан заявил, что французское правительство поддерживает акцию Патека. Я сообщил ему содержание моих двух бесед с Патеком и вручил ему копию письменного резюме моего сегодняшнего заявления Патеку. Указал также на различие между старым и новым проектами пакта**. На вопрос Дежана о моем отношении к новой формуле Патека я ему сказал, что она была бы приемлемой, если вставить слова «территориальные и другие существующие между ними». Дежан спрашивал, не удовлетворит ли меня формула «существующие споры какого бы то ни было характера». Я ответил, что предпочитаю ясное упоминание о территориальных спорах. Согласно его просьбе послал ему копию проекта, врученного мною в Женеве Залесскому***.

Литвинов

Печат. по арх.

366. Телеграмма Представителя СССР в Чехословакии А. Я. Аросева Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

14 сентября 1932 г.

Имел беседу с Бенешем о налогах с торгпредства****. Бенеш принял нашу точку зрения о том, что сначала следует заключить принципиальное соглашение о торгпредстве в развитие договора 22 года***** и потом отдельно обменяться нотами о сумме налога и порядке исчислений. В неофициальном порядке я вручил Бенешу черновик соглашения и проект письма о налогах, данный Вами при Вашем 32542²⁵⁰, подчеркнув то, что Вы в названном номере указывали. Я перешел к вопросу о необходимости облегчить наш экспорт, указав на крупные заказы торгпредства. Я настаивал на предоставлении нам соответственного места размещения на чехословацком рынке не только свободного, но и контингентированного товара, а также полузапрещенных как роскошь. В результате Бенеш обещал вступить в переговоры, чтобы выработать

* Советник посольства Франции в СССР.

** См. док. № 361, 364.

*** См. прил. к док. № 273.

**** См. также док. № 150, 290.

***** См. т. V, док. № 180.

условия кредита на расширение нашего экспорта и дать нам место в контингентах. От имени МИД переговоры с нами начнут Крофта и Фридман, как только последний вернется из Стрезы*.

Бенеш в ближайшие дни в парламенте решил дать ответ на запрос коммунистов о Ванеке. Бенеш намерен доложить историю наших переговоров об этом деле и изложить сущность нашего последнего предложения, которое я согласию Вашему № 2443²⁵¹ сообщил Крофте. Бенеш заявит, что переговоры не пришли еще к концу только потому, что как Бенеш, так и я были в отпуску, но что эти переговоры Бенеш возобновит со мной тотчас же, как вернется из Женевы, т. е. через месяц. Свои переговоры Бенеш намерен начать с Вами в Женеве и уже потом вручить мне свой проект против того, какой я сообщил Крофте.

Полпред

Печат. по арх.

367. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике А. Я. Охтину

14 сентября 1932 г.

Проезд монгольской труппы на международную театральную олимпиаду** будет оплачен, так же как и содержание труппы здесь, но самая олимпиада переносится на май месяц будущего года²⁵².

Карахан

Печат. по арх.

368. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Польши в СССР Патеком

15 сентября 1932 г.

Патек сообщил, что он вчера телефонировал в Варшаву, но ему обещали дать ответ только сегодня к полудню***. Я заявил, что, независимо от ответа, я сегодня выезжаю в Берлин на Варшаву и что, если Кадере пожелает, он сможет выехать навстречу в Белосток или Малкин и по дороге со мной переговаривать. Во всяком случае, я буду день в Берлине, где тоже смог бы с ним встретиться. Если из всего этого ничего не

* См. «Сборник документов по международной политике...», вып. V, М., 1933, стр. 35—53.

** См. док. № 315.

*** См. также док. № 364.

выйдет, а Румыния почему-либо захочет избежать Женевы, то я не возражаю против встречи с румынским уполномоченным в Шамони, Экс-ле-Бене, Лионе или другом неотдаленном месте, куда я мог бы приехать из Женевы на машине в промежутке между заседаниями Бюро *.

Патек высказал надежду, что мы не будем доктринерски настаивать на обсуждении лишь старого проекта пакта и не откажемся от рассмотрения и других проектов. Я ответил, что если Румыния откажется продолжать переговоры на старой базе, то мы будем считать переговоры сорванными Румынией, о чем мы заявим Франции и Польше. Мы, может быть, не откажемся от вступления с Румынией в новые переговоры, но уже вне всякой связи со всем тем, что имело место за последние девять месяцев, причем мы также не будем считать себя связанными согласованными статьями и, может быть, выдвинем новые формулировки. Может быть, что эти новые переговоры через девять — десять месяцев дадут какие-нибудь результаты **.

Литвинов

Печат. по арх.

369. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Японии с Министром Иностранных Дел Японии Утида ***

15 сентября 1932 г.

Был сегодня у Утида. Говорил с ним в том же духе, что и с Сайто ****. Он советовал не обращать внимания на статьи отдельных военных и журналистов. Военные, по его словам, всегда думают о войне.

Я ему сказал, что не всегда военные проповедуют объявление войны. Кроме того, военный министр это не просто военный, а член правительства. Если японские военные уверены в своей силе, то все же я бы не советовал производить пробу сил в настоящей войне. Можно, во-первых, ошибиться в расчете, а кроме того, война для пробы сил бессмысленна, для нее должны быть серьезные причины, а их нет. Утида уклонился от разговоров на эту тему. В сущности он действует под диктовку военных и из-за страха перед ними, поэтому он боится сказать лишнее слово о военных.

Я ему сказал то же, что и Сайто, что надо сделать что-либо конкретное и большое, что рассеяло бы взаимные подо-

* Имеется в виду Бюро конференции по разоружению.

** См. также док. № 373.

*** Из дневника полпреда СССР в Японии за 15 августа — 28 сентября 1932 г.

**** См. док. № 354.

зрения, прекратило бы все слухи и успокоило бы общественное мнение обеих стран.

Утида сказал: «Если Вы имеете в виду пакт о ненападении, то он встречает трудности*, с одной стороны, потому, что Япония и СССР являются участниками пакта Келлога, а с другой стороны, и главное, Япония больше всего боится коммунистической пропаганды».

Я ему ответил, что удивляюсь такой постановке вопроса. Внешняя пропаганда нигде не вызывала революций. Правда, и у нас в 1905 г. говорили о том, что революция была сделана на японские деньги, но это несерьезно. Утида сам был в России во время Октябрьской революции. Правда, некоторые говорили о немецкой пропаганде и немецких деньгах, но граф хорошо знает, что это вздор, и Коминтерна тогда не было.

Утида оживился и сказал, что действительно он поражался, как на огромной территории везде появлялась Советская власть. Это то же, что бывает с бамбуком, который в течение нескольких дней вырастает в целый лес там, где раньше ничего не было и где его никто не сажал. Я заметил, что министр только подтверждает мои слова. Он сказал, что все же для многих японцев этот вопрос стоит серьезно.

Потом он мне сказал, что пока не дал мне ответ через Фудзивара²²⁹, так как вопрос еще прорабатывается и он хотел бы поговорить с Хирота. Он сказал мне, что Хирота старался зондировать вопрос о КВЖД в Москве, но ничего не успел.

Он спросил меня, как у нас обстоит дело с признанием Маньчжоу-Го. Я сказал, что вопрос сложный и требует изучения, особенно теперь, когда появилось много новых документов и со стороны японского правительства и Маньчжоу-Го.

Полпред СССР в Японии
А. Трояновский

Печат. по арх.

370. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Норвегии в СССР Урби

15 сентября 1932 г.

После обычных приветствий Урби упомянул, что он делал в Норвегии все от него зависящее для улучшения отношений. Я воспользовался этим, чтобы сказать ему, что, вернувшись в Москву, я нашел большое неудовольствие этими отношениями, вызываемое антисоветскими выступлениями

* См. док. № 483.

члена норвежского правительства Квислинга *. Невозможно признать терпимым положение, когда член правительства открыто выступает, дискредитируя правительство другой страны, с которой оно поддерживает нормальные отношения и в особенности когда при этом еще пользуется поддельными документами. На просьбу Урби сказать ему точнее, о каких поддельных документах идет речь, я сказал, что подробности он может получить у г. Стомоиякова. Урби заявил, что за последнее время никаких выступлений не было и надеется, что их больше не будет.

Литвинов

Печат. по арх.

371. Сообщение ТАСС об ответе Генерального консула СССР в Харбине на письмо Дипломатического комиссара Гиринской провинции

16 сентября 1932 г.

28 мая с. г. Дипломатический комиссар Гиринской провинции, ссылаясь на распоряжение Министерства иностранных дел в Чанчуне, заявил Генеральному консулу в Харбине г. Славуцкому протест против перехода с КВЖД на Уссурийскую ж. д. некоторого числа паровозов из тех, которые были закуплены в свое время для дорог СССР и застряли на КВЖД в годы интервенции.

В своем письме дипломатический комиссар утверждал, что вышеуказанные паровозы с самого начала являлись совместным имуществом КВЖД, и выражал надежду на отдачу распоряжения о немедленном возвращении этих паровозов.

12 сентября с. г. Генеральный консул СССР в Харбине г. Славуцкий вручил Дипломатическому комиссару ответ, в котором говорится:

«Считаю своим долгом сообщить Вам, г. Особый агент, что паровозы, о которых идет речь в Вашем письме, не принадлежат Китайско-Восточной железной дороге и поэтому не состоят в списке инвентаря КВЖД. Эти паровозы принадлежат железным дорогам СССР, для которых они были в свое время закуплены, и лишь только из-за интервенции застряли на КВЖД **. Этот бесспорный и документально обоснованный факт известен Правлению КВЖД, и не может быть сомнения насчет права Союзного Правительства пользоваться и распоряжаться этими паровозами, точно так же, как бесспорно и

* См. док. № 293, 295.

** Речь идет об интервенции против СССР в 1918—1919 гг., в которой принимал участие и Китай, когда паровозы эти застряли во Владивостоке, а из Владивостока были переведены в Маньчжурию на КВЖД.— *Прим. док.*

то положение, что КВЖД является собственностью СССР и находится в совместном управлении обеих сторон на основе Пекинского и Мукденского договоров*. Вместе с тем позволю себе напомнить Вам, что затронутый в Вашем письме вопрос, как мне известно, несколько раз обсуждался на заседаниях Правления КВЖД и являлся предметом специальных переговоров между председателем Правления г. Ли Шао-гэном и товарищем председателя г. Кузнецовым. Последний, как это видно из стенограммы заседания Правления КВЖД от 7 апреля с. г., разъяснил сущность вопроса, который является содержанием Вашего письма. Советские представители на КВЖД точно руководствуются указаниями Правительства СССР о строгом соблюдении и неуклонном выполнении Пекинского и Мукденского договоров, а равно о достижении полной согласованности в работе обеих сторон, достаточной гарантией чего служит существующий порядок разрешения вопросов между представителями обеих сторон на КВЖД. Из вышеизложенного видно, что нет оснований для выражения с Вашей стороны, господин Особый агент, протеста».

П р и м е ч а н и е. На заседании правления КВЖД от 7 апреля с. г. товарищ председателя Правления КВЖД т. Кузнецов заявил следующее: «Паровозы не в первый раз оказываются на территории Советского Союза, и нас удивляет беспокойство китайской стороны. Мы и в дальнейшем считаем себя вправе пользоваться этими паровозами. Но в то же самое время мы категорически заверяем, что наши китайские коллеги могут быть совершенно спокойны, ибо о нормальной работе дороги мы также заботимся, и нахождение паровозов на территории Советского Союза ни в коем случае не будет допускаться в ущерб нормальному движению на КВЖД».

*Печат. по газ. «Известия»
№ 257 (4837), 16 сентября 1932 г.*

372. Из дневника Полномочного Представителя СССР в Германии

17 сентября 1932 г.

По получении телеграммы от М. М. Литвинова я снесся с аусамтом по вопросу об организации соответственных встреч. Аусамт направил ко мне фон Тнппельскирха **, который и со-

* См. т. VII, док. № 156, 222.

** Советник МИД Германии.

общил, что прием у Нейрата для М. М. [Литвинова] будет в 11 час. в субботу, у Папена в 1 час дня и, кроме того, фон Нейрат дает в честь Литвинова завтрак также в субботу. На завтрак приглашается вся жеиевская делегация и весь наш дипкорпус. С немецкой стороны на завтраке будет весь дипломатический состав аусамта, министр хозяйства Вармбольд, председатель Рейхсбанка Лютер, статс-секретарь Планк, посол Надольный и др. Что касается Шлейхера, то он на завтраке должен был быть, но, к сожалению, утром в субботу уехал на маневры. Таким образом, не представлялось возможным устроить встречу т. Литвинова со Шлейхером (очевидно, придется устроить эту встречу на обратном пути т. Литвинова).

У Нейрата мы с т. Литвиновым пробыли около часа. Нейрат заявил, что немцы не будут отвечать на французскую ноту*, что об этом он заявил вчера французскому послу Франсуа-Понсе. М. М. [Литвинов] заметил, что, очевидно, будут происходить переговоры с немцами между двумя заседаниями комиссии по разоружению**. На вопрос т. Литвинова, какие взаимоотношения имеются у Германии с Литвой, Нейрат заявил, что эти отношения налаживаются, но что есть еще целый ряд вопросов конфликтного свойства, однако он надеется, что они будут устранены. Тов. Литвинов заметил, что урегулирование отношений весьма важно. С этим согласился и Нейрат. По вопросу о внутреннем положении Нейрат заявил, что происходящее сейчас настроение партий мало заботит правительство. Все более или менее спокойно, и основной задачей правительства является проведение большой хозяйственной программы в интересах оживления и оздоровления всего народного хозяйства. По вопросу о Литве Нейрат заметил, что они предполагают Мората снять, но еще не решили, кем его заменить. Далее нами был поставлен вопрос о тех затруднениях, которые вызываются новой политикой правительства. Это вопросы повышения пошлин на целый ряд товаров, а также вопрос контингентирования. Проведение этой политики наносит большой ущерб нашему экспорту, и, по предварительному нашему расчету, выпадает выручка от нашего экспорта от 60 до 70 млн. марок. Нам приходится покрывать свои обязательства в весьма большом размере девидами***. Мы имеем упреки со стороны Англии и Италии, что выручку от нашего экспорта в этих странах ввиду большого

* Очевидно, имеется в виду ответная нота Франции от 11 сентября 1932 г. на германский меморандум о равноправии в вооружениях от 29 августа 1932 г.; см. «Сборники документов по международной политике...», вып. IV, М., 1933, стр. 105—109, 102—105.

** Здесь и ниже имеются в виду заседания Бюро конференции по разоружению.

*** См. также док. № 358, 443.

нашего активного баланса мы вывозим в Германию. Необходимо принять меры к тому, чтобы устранить те затруднения, которые встречаются у нас в Германии по расширению экспорта, и на деле, таким образом, проводить решения декабрьского протокола*. Нейрат заявил, что он принципиальный противник контингентирования и борется с этим, однако он должен прямо сказать, что в некоторой степени это затронет и наши интересы. Все же они будут думать над тем, как устранить препятствия к расширению нашего экспорта в Германию. Я поставил практический вопрос о том, что надо выделить со стороны аусамта лицо, которое бы занялось совместно с нашим представителем и представителем министерства хозяйства подготовкой необходимого материала. Нейрат сказал, что будет выделен Риттер из аусамта, но на обеде он заявил, что вместо Риттера будет назначен Мейер, а от министерства хозяйства Поссе. Нейрат интересовался переговорами нашими с румынами. Тов. Литвинов заявил, что, очевидно, переговоры будут продолжаться в Женеве.

У Папена мы пробыли минут 20—25. Беседа велась на ту же тему, что и у Нейрата, т. е. о комиссии по разоружению, о внутреннем положении Германии, причем Нейрат выразился, что все теперешнее состояние может быть охарактеризовано как шум, поднимаемый партиями, но что народ вполне спокоен и добивается в Германии видеть такое же, «как у вас», авторитетное правительство.

По поводу хозяйственных взаимоотношений СССР с Германией т. Литвинов изложил поручение правительства СССР о затруднениях для нашего экспорта, связанных с повышением пошлин на многие товары и с контингентированием. Папен ссылаясь на тяжелое положение в сельском хозяйстве Германии, однако он заявил, что будут найдены пути к тому, чтобы наши (СССР) интересы не пострадали.

На завтраке беседовали на разные темы, в том числе и на вышеуказанные.

Л. Хинчук

Печат. по арх.

373. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Берлина**

*Немедленно
17 сентября 1932 г.*

Каdere, румынский посланник, встретил меня в Белостоке и ехал со мной до Варшавы***. Он сообщил о согласии продолжать переговоры в Женеве, но не сказал, кто на это упол-

* См. т. XIV, док. № 386.

** Копия телеграммы направлена в полпредство СССР во Франции.

*** См. док. № 368.

номочен. Я долго убеждал его, что можно продолжать лишь на старой базе, иначе это будут новые переговоры, и спрашивал его, по каким мотивам они меняют базу, на что он мне невразумительно ответил, что новый проект* проще. После долгой дискуссии он проговорился, что новый проект исходит не от румын, а от поляков. Теперь ясно, что полякам не нравится новая статья**, а так как неловко брать ее обратно, то и выдумали новый проект. Румын от меня ушел в убеждении, что мы на новый проект не пойдем.

В Варшаве встречали меня Залесский и Бек, и я им тоже внушал, что единственный способ договориться—это держаться старой базы, с чем Залесский как будто согласился***.

Литвинов

Печат. по арх.

**374. Нота Полномочного Представителя СССР в Афганистане
Министру Иностранных Дел Афганистана Файз Мухаммед-хану**

18 сентября 1932 г. № 747

Господин Министр.

12 января с. г. при ноте за № 21 я имел честь препроводить Вам проект соглашения о переходе границы жителями пограничных местностей СССР и Афганистана, на начало переговоров о каковом Вы выразили мне принципиальное согласие в личной беседе****.

В дальнейшем Вы сообщили мне²⁵³, что считаете наиболее целесообразным приступить к переговорам об указанном соглашении после окончания переговоров о соглашении о пограничных комиссарах*****, против чего я не возражал.

Поскольку переговоры о соглашении о пограничных комиссарах в настоящее время успешно закончились, я не вижу оснований откладывать начало переговоров о соглашении о переходе границы жителями пограничных местностей и прошу Вас не отказать в любезном сообщении, когда Вы предполагали бы приступить к этим переговорам.

Пользуясь случаем, возобновляю заверения в совершенном к Вам уважении.

Полномочный Представитель СССР в Афганистане
Л. Старк

Печат. по арх.

* См. док. № 361. 364.

** Очевидно, имеется в виду ст. 1 проекта, врученного Залесским М. М. Литвинову; см. док. № 259.

*** См. также док. № 381.

**** См. док. № 15.

***** См. док. № 360.

На эту ноту Файз Мухаммед-хан ответил нотой от 26 октября 1932 г. № 2579/2101, которая гласила:

«В ответ на Ваше письмо за № 747, датированное 18 сентября, я имею честь сообщить Вам, что мое Правительство принципиально не возражает против заключения предлагаемого соглашения, но пока, как об этом уже говорилось на словах, оно решило временно воздержаться от каких-либо шагов в этом смысле. В момент, который мое Правительство найдет удобным, я сообщу Вам о времени начала переговоров по данному вопросу. В настоящее время внимание нашего Правительства обращено на проведение в жизнь соглашения о пограничных комиссарах, результат и опыт которого Правительство предполагает использовать при будущих переговорах»*.

375. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Афганистане Л. Н. Старка в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

19 сентября 1932 г.

Торговые переговоры** приняли затяжную форму в связи с приходом Мухаммед Азиза***. Нам известно, что он в категорической форме настаивал не заключать с СССР никаких соглашений, в том числе и торгового договора. Этим же объясняются и попытки сорвать афганцами соглашение пограничной комиссии²⁵⁴. В настоящее время Файз Мухаммед-хан официально сообщил мне окончательный ответ афганского правительства — отложить вопрос о торговом договоре на два или три года. Это решение мотивируется нежеланием афганского правительства заключать в течение ближайших трех лет торговых договоров ни с какими другими государствами ввиду экономической слабости афганского купечества и опасения иностранной конкуренции, если иностранные купцы или торговые организации получат доступ в Афганистан. Одновременно афганское правительство принципиально решило создать монопольное афганское общество для торговли с СССР, которое должно взять в свои руки вывоз афганских товаров и ввоз советских. Проект поручено разработать министерству торговли Афганистана. Такое общество можно рассматривать только с отрицательной точки зрения интересов торговли СССР с Афганистаном, тем более что при нынешней ситуации оно будет иметь главной целью всемерное сокращение торговли²⁵⁵.

Полпред

Печат. по арх.

* В последующие годы соглашение о переходе границы жителями пограничных местностей СССР и Афганистана подписано не было.

** См. док. № 261, 264.

*** Посол Афганистана в СССР.

376. Сообщение ТАСС по поводу предстоящих советско-латвийских переговоров о заключении торгового договора

21 сентября 1932 г.

В связи с истечением срока действия торгового договора между СССР и Латвией, заключенного 2 июня 1927 г.^{*}, в ближайшие дни в Москве начнутся переговоры о заключении нового советско-латвийского торгового договора.

Приезд латвийской делегации в Москву для ведения переговоров ожидается 25 сентября 1932 г.²⁵⁶

*Печат. по газ. «Известия»
№ 262 (4832), 21 сентября 1932 г.*

377. Телеграмма Представителя СССР в Чехословакии А. Я. Аросева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

24 сентября 1932 г.

Обратитесь к сегодняшнему ТАСС. Я обратил внимание Крофты на то, что запрещение празднования в честь Горького вызовет у общественности СССР сильнейшее негодование. Крофта хотел дело уладить и снять запрещение муниципалитета, но, как он потом сообщил мне, это не удалось. Поэтому советская колония празднует юбилей Горького в здании полпредства. Когда в муниципалитете голосовали вопрос, давать нам разрешение или нет, чтобы сделать вечер в одном из ресторанных залов, народная социал-демократическая партия Бенеша сознательно отсутствовала, постановление против разрешения принято большинством против двух голосов. Следовательно, фактически решила дело партия Бенеша.

Полпред

Печат. по арх.

378. Сообщение советской печати о подписании договора на поставку советского бензина в Японию

25 сентября 1932 г.

В результате длившихся в течение двух недель переговоров между правлением «Союзнефтеэкспорта» и прибывшим в Москву видным японским коммерсантом г. Кодзио Мацуката 24 сентября состоялось подписание заключенного между

^{*} См. т. X, док. № 150.

«Союзнефтеэкспортом» и г. Кодзири Мацуката договора на поставку в Японию советского бензина.

По договору «Союзнефтеэкспорт» должен в пятилетний срок поставить в Японию значительное количество бензина.

Договор был подписан со стороны «Союзнефтеэкспорта» председателем правления т. К. С. Рябоволом и заместителем председателя т. Я. М. Шинделем и с японской стороны — г. Кодзири Мацуката. При подписании договора присутствовали коммерческий директор «Союзнефтеэкспорта» т. Цукерман, ответственные работники «Союзнефтеэкспорта», а также сопровождавший г. Мацуката в его поездке в СССР г. Мори, бывший секретарь покойного президента Советско-Японского общества сближения виконта Гото.

Подписанный договор является первой крупной сделкой по запродаже советского бензина на японский рынок. По этому поводу председатель правления «Союзнефтеэкспорта» т. Рябовол в беседе с сотрудником ТАСС заявил следующее:

— До сих пор мы поставляли на японский рынок только сырую сахалинскую нефть. Между тем потребности японского народного хозяйства в нефтепродуктах определяются количеством свыше 3 млн. тонн, в том числе 550 тыс. тонн бензина. Япония ежегодно импортирует около 300 тыс. тонн бензина.

Главными экспортерами нефти на японский рынок были «Стандард ойл» и «Шелл». Теперь по договору с 1933 г. начнется поставка советского бензина в Японию.

Проникновению советского бензина на японский рынок мы придаем большое значение, так как считаем, что оно будет способствовать расширению закупок и других советских нефтепродуктов. Договор несомненно отразится и на развитии экономических отношений между СССР и Японией.

Подписавший договор японский промышленник г. Кодзири Мацуката заявил сотруднику ТАСС:

— Значение этого договора для обеих стран чрезвычайно велико. Он является важным этапом на пути развития советско-японских торговых отношений.

Договор принесет выгоды обеим сторонам. Еще в 1925 г. мною был подписан первый договор с Уссурийской железной дорогой, и я должен засвидетельствовать, что этот договор выполняется советской стороной великолепно. Японские деловые круги, — прибавил г. Мацуката, — считают, что экономические отношения между СССР и Японией должны и будут развиваться благоприятно во взаимных интересах.

379. Сообщение корреспондента ТАСС о конференции японского Общества друзей СССР

25 сентября 1932 г.

Токио, 24 сентября. (ТАСС). Вчера состоялась организационная конференция Общества друзей СССР при участии представителей профсоюзов, крестьянских союзов, союза рабочих потребительских обществ и организаций пролетарской культуры. Конференция поручила президиуму общества составить делегацию для участия в праздновании годовщины Октябрьской революции в Москве из рабочих делегатов заводов Токио, Осака, Кобе, Нагоя, Кюто и крестьянских делегатов, избранных в селах префектур Аомори, Нингата, Хного и острова Кюсю²⁵⁷. Общество решило уведомить ВЦСПС, что оно предполагает послать 15 делегатов вместо приглашенных 10. Конференция приняла решение немедленно приступить к подготовке празднования 15-летия Октябрьской революции, в частности к кампании по ознакомлению рабочих и крестьян Японии с итогами социалистического строительства СССР за 15 лет.

На конференции присутствовало 55 делегатов, представляющих около 200 тысяч членов: федерации транспортников, металлистов, коммунальников, крестьянских союзов, кооперативов и пролеткультов. Лидеры реформистских профсоюзов, руководимых социал-демократической партией Сякайтайсюто, отказались участвовать в организации общества.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 266 (4836), 25 сентября 1932 г.*

380. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полиномочному Представителю СССР в Японии А. А. Трояновскому

27 сентября 1932 г.

На телеграмму от 20 сентября²⁵⁸. Вам не следует брать на себя инициативу свидания с Аракэ, но если он сам захочет повидаться с Вами, тогда Вам следует согласиться*.

Л. Карахан

Печат. по арх.

* См. док. № 390, 396.

381. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы *

28 сентября 1932 г.

Дополнительно к нашему № 10543²⁵⁹. Кадере соглашался на следующую редакцию III статьи: «Стороны обязуются не допускать на своей территории ни пребывания, ни деятельности организаций, имеющих целью вооруженную борьбу против другой стороны или провоцирования и поддержку каких бы то ни было политических или социальных беспорядков». Я предпочитаю совершенно отказаться от этой статьи. Ст. IV после упорных и длительных споров получилась в следующем виде: «Каждая сторона, сознавая, что никакие международные обязательства, ранее принятые ею на себя, не препятствуют мирному развитию их взаимоотношений и не находятся в противоречии с настоящим договором, обязуется и впредь не принимать таких, которые противоречили бы духу настоящего договора». Ст. V в старой редакции ** он принял ад референдум; заключительный протокол Патека с моей поправкой гласит ***: «Пакт имеет в виду только ненападение и не может быть использован ни в каком вредном смысле, не наносить ущерба позиции сторон в существующих между ними спорах». Если победит Титулеску, правительство Румынии будет отклонять весь этот протокол, в противном же случае только слово «существующих» ****.

Литвинов

Печат. по арх.

382. Телеграмма члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Литве М. А. Карскому

28 сентября 1932 г.

Сегодня я сообщил Балтрушайтису, что Нейрат в беседе с Литвиновым в Берлине²⁶⁰ изъявил согласие приступить к переговорам с Литвой и что мы считаем целесообразным, чтобы Литва теперь предложила германскому правительству начать переговоры²⁶¹.

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

* Копия телеграммы направлена в полпредство СССР во Францию.

** См. прил. к док. № 273.

*** Имеется в виду вторая фраза предложения Патека; см. док. № 361.

**** См. также док. № 389.

**383. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во
Франция в Народный Комиссариат Иностранных Дел
СССР ***

29 сентября 1932 г.

Леже заявил, что в результате самого «грубого» давления румыны согласились на формулу, которая в первой части повторяет в урезанном виде первую часть формулы Лашкевича, а во второй части формулу Патека без хвоста **. Текст формулы: «Настоящий договор, содержащий обязательство каждой из сторон воздерживаться от каких-либо нападений на другую, будет толковаться в том смысле, что никакие спорные вопросы между сторонами не могут никогда ограничиваться упомянутым обязательством и не могут служить для той или другой из договаривающихся сторон мотивом для совершения где бы то ни было актов, противоречащих обязательству ненападения, установленному настоящим договором. Договор имеет целью лишь ненападение и не может быть истолкован для других целей».

Леже официально заявил, что правительство Франции солидаризуется с этой формулой. Я ему напомнил, что оно уже солидаризовалось с формулой Патека ***, которую мы принимаем с непременной вставкой о «существующих» спорах, которую он сам подсказал. Я ему также напомнил его заверение, что, если мы примем формулу, с которой французы могут солидаризоваться, Франция подпишет с нами пакт, независимо от поведения Румынии ²⁶². Он возразил, что независимо от формальной стороны вопроса дальнейшее давление на румын было бы бесполезно, что в новую формулу упирается успех или срыв переговоров, поэтому он настоятельно рекомендует ее принять. Новая формула разумна, и, если мы ее отвергнем, Франция будет по-прежнему связана по отношению к Румынии.

[Розенберг]

Печат. по арх.

* Очевидно, данная телеграмма была направлена также М. М. Литвиневу, в Женеву; см. док. № 384.

** См. соответственно док. № 343, 361.

*** См. док. № 363.

384. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу, из Женевы *

29 сентября 1932 г.

Был сегодня у Эррио в 7 вечера, и он, по-видимому, ничего не знал из того, что Вам сообщил Леже. Он возмущался поведением румын и предложил встречу с Кадере завтра у него, что я принял. Я заявил ему, что новая формула Леже лишена всякой ценности для нас и непримлема, и я оставил ему в качестве единственно приемлемой базы формулу Патека** с моим добавлением слова «существующие».

Литвинов

Печат. по арх.

385. Выступление Председателя советской делегации М. М. Литвинова на втором заседании шестой сессии Комиссии по изучению вопроса о Европейском союзе

1 октября 1932 г.

Если я выступаю в этой дискуссии, то отчасти ввиду того, что СССР не имел возможности высказаться по поводу решений Стрезы в самой Стрезе. Конференция, как предполагалось, должна была состоять из делегатов стран экспортирующих и импортирующих, в особенности из делегатов стран Восточной и Средней Европы***.

Очевидно, полагают, что СССР ничего не экспортирует и не импортирует. Что касается восточного положения Советского Союза, то, по-видимому, компасы международных конференций склонны показывать скорее политическое, чем географическое направление. Быть может, скоро организаторы конференции найдут удобным открыть, что мир вовсе не включает всех обозначенных на карте стран. Однако пока что я оставляю в стороне этот аспект. Для краткости я не задержусь на разнообразных предложениях и рекомендациях доклада конференции в Стрезе, особенно потому, что они скорее благочестивые пожелания, чем планы, поддающиеся реализации. О них можно лишь сказать, что, как бы они ни были хороши сами по себе, они противоречат практике последнего времени, применяемой теми самыми странами, которые были представлены в Стрезе. Возможно, что для правительств небесполезно помнить рекомендации Стрезы как напоминание о том, что в своей повседневной экономической и законода-

* Копия телеграммы направлена в НКВД СССР.

** См. соответственно док. № 383, 361.

*** См. также док. № 341.

тельной практике они делают как раз обратное тому, что признают правильным на международных конференциях. Невозможность проведения в жизнь этих рекомендаций подчеркнет тот факт, что противоречия интересов как между государствами, так и внутри государств не могут быть сейчас преодолены одним обращением к международной солидарности.

Однако среди предложений есть одно, которое, если ему не суждено разделить судьбу различных благих пожеланий, требует известных замечаний и вызывает известные опасения ввиду принципа, на котором оно основано. Я имею в виду то, что именуется «ревалоризацией зерна». Эта мера была, очевидно, вызвана тем соображением, что в силу падения цен на зерно экспортирующие страны испытывают затруднения в покрытии своих платежей за границей — за свой импорт, прошлый и нынешний.

Отсюда сокращение импорта, отражающееся в промышленных странах и обостряющее общий кризис. Падение цен на зерно приводит к обеднению сельскохозяйственного населения, снижает его покупательную способность, приводя к тем же результатам, т. е. к сокращению промышленного производства со всеми его последствиями. Поэтому предлагается создать фонд для выдачи премий странам — экспортерам зерна в виде компенсации за падение цен. Несомненно, аграрные страны получают выгоду от этого плана, и с этой точки зрения не может быть возражений, если не считать возражений со стороны тех, кто должен вносить деньги в этот фонд. Однако если спросим себя, может ли это привести к оживлению индустрии и смягчению кризиса, то у нас возникнет множество сомнений. Прежде всего, какие гарантии в том, что страны — экспортеры зерна при конкуренции друг с другом и с внеевропейскими странами не будут и в дальнейшем снижать цены, рассчитывая на премии? Далее, как отразятся привилегии для нескольких сельскохозяйственных стран на остальных европейских странах — экспортерах зерна. В конце концов ведь создание премий равносильно преференциальному режиму и обходу принципа наибольшего благоприятствования. Сам докладчик признал это. Поэтому все возражения, выдвигаемые здесь или в иных местах против режима преференций и нарушения принципа наибольшего благоприятствования, более или менее относятся и к данному плану. Я, разумеется, озабочен эффектом, который данный план может оказать на внешнюю торговлю моей страны, экспортирующей некоторые виды зерна в количестве большем, чем все упомянутые в докладе страны, вместе взятые.

Я поднимаю этот вопрос не с точки зрения справедливости или равноправия, но с точки зрения экономического кризиса и интересов промышленных стран Европы.

Я уже имел случай в этой же комиссии указать на экономическую взаимозависимость СССР и остального мира*. Сейчас не время для демонстрирования статистических данных; достаточно сказать, что СССР занимает первое место по ввозу машин, поглощая четверть мирового экспорта машин. Известные отрасли индустрии в таких странах, как Германия, Польша, Англия, Швеция и другие, в значительной степени работают благодаря советским заказам. Я читал, например, что в Германии не менее 300 тысяч промышленных рабочих занято выполнением советских заказов. В нормальных условиях эта взаимозависимость не рискует быть ослабленной. Термин «автаркия», столь популярный в некоторых странах, не имеет хождения в СССР. Однако импорт СССР, как и других, и больше, чем других стран, целиком зависит от экспорта, и всякое сокращение выручки от экспорта, благодаря ли количественному сжатию или падению цен, с необходимостью должно вызвать соответствующее сокращение импорта. Поэтому ясно, что если бы реализация данного плана дала подобные результаты в отношении СССР, то европейская индустрия в целом проиграла бы больше, чем выиграла от увеличения покупательной способности некоторых стран на 75 млн. франков, которые к тому же она заплатит из своего кармана. Таковы соображения, которые, я надеюсь, разные органы, которые будут заниматься планом ревалоризации, будут иметь в виду.

Я искренне верю, что нынешний кризис не может быть устранен или смягчен мерами, равносильными дискриминации и обострению экономической борьбы между народами. Я пользуюсь этим случаем, чтобы напомнить комиссии, что почти год прошел с тех пор, как я внес предложение о заключении экономического пакта ненападения**. Пройдя ряд комиссий, предложение почilo в их недрах. Я не думаю, чтобы нынешние экономические отношения оправдывали подобное поведение в отношении нашего предложения. Если год назад не было ясно, то должно быть ясно сейчас, что международная экономическая война существует, расширяется и что дискриминация въедается в международную экономическую жизнь. Я хочу выразить надежду, что комиссия поймет, что пришло время извлечь из-под спуда советский проект пакта экономического ненападения.

Печат. по воз. «Известия»

№ 274 (4344). 3 октября 1932 г.

Оуба. в сб. «League of Nations, Commission of Enquiry for European Union, Minutes of the sixth session of the Commission». Geneva, October 15 th, 1932, pp. 13—14.

* См. т. XIV, док. № 162.

** Там же, док. № 163.

386. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы *

1 октября 1932 г.

Сегодня Кадере предложил мне ряд новых формулировок, но везде отсутствует слово «существующие», вследствие чего я их все отверг. Одна из них представляет следующий абзац преамбулы: «Констатируя, что постановления настоящего пакта будут истолкованы в том смысле, что ни один из неурегулированных вопросов не сможет ограничивать взаимного обязательства о ненападении». На этом мы вновь разошлись, причем я ему сказал, что остаюсь в Женеве только до 4 октября. Французы умывают руки. Эррио сегодня уезжает **.

Литвинов

Печат. по арх.

387. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии Д. И. Курского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

1 октября 1932 г.

Министерство иностранных дел сообщает, что 3 октября на заседании Подготовительной комиссии Мировой экономической конференции итальянская и главные делегации предложат пригласить Советское правительство послать своего представителя в Подготовительную комиссию ²⁶³.

Полпред

Печат. по арх.

388. Речь Председателя Всесоюзной торговой палаты С. Г. Брона на приеме во Всесоюзной торговой палате в честь полковника Купера

2 октября 1932 г.

Всесоюзная торговая палата рада приветствовать в своих стенах полковника Купера — президента Русско-Американской торговой палаты в Нью-Йорке.

Полковник Купер, как консультант по постройке Днепростроя, принимал и принимает активное участие в сооружении одного из основных объектов крупного строительства первой пятилетки и в качестве такового имел возможность непосредственно видеть то грандиозное строительство, которое происходит в Союзе. Свои знания и свой контакт с советскими хозяйственниками Купер, со свойственной ему активностью и настойчивостью, использовал, как президент Русско-Американской торговой палаты, в целях создания лучшего

* Копия телеграммы направлена в полпредство СССР во Франции.

** См. также док. № 384, 389.

понимания важности развития деловых отношений между САСШ и Советским Союзом не только среди руководящих деловых кругов Америки, но и среди широких деловых кругов во всей стране.

Покидая в начале 1930 г. Америку в качестве председателя «Амторга», я в предисловии к своей книге о пятилетнем плане обратил внимание делового мира Америки на то обстоятельство, что, несмотря на крупный рост товарооборота между Советским Союзом и САСШ, который тогда имел место впервые в истории экономических отношений между обеими странами, нельзя считать, что мы даже близки к разрешению вопроса о создании длительных прочных отношений, пока не создана база для таких отношений. Поскольку руководящие деловые круги Америки уже имели возможность убедиться в ценности широких экономических отношений с Советским Союзом для САСШ, постольку они должны работать над созданием таких условий, без которых оживление, имевшее место в то время, останется только преходящим эпизодом.

Дальнейшее развитие и положение вещей на настоящее время подтвердили правильность и актуальность этого заявления.

Чтобы не быть голословным, я себе позволю привести только несколько цифр, которые, надеюсь, являются достаточной иллюстрацией положения торговых отношений между САСШ и Советским Союзом. Прежде всего, хочу напомнить, что доля бывшей России в общем экспорте США накануне войны выражалась в 1,1%, а в суммовом выражении среднегодовой экспорт США в Россию за 1910—1914 гг. составлял 24 604 000 долл. Одновременно среднегодовой вывоз России в США за эти же предвоенные годы выражался в сумме порядка 20 865 000 долл.

Ныне, обращаясь к данным о развитии торговли между США и Советским Союзом, мы имеем следующую картину.

Советско-американская торговля
(в тыс. долл.)

Годы	Экспорт США в СССР	Импорт США из СССР	Сальдо
1923	4 550	1 448	—3 102
1924	42 103	8 168	—33 935
1925	68 906	13 120	—55 786
1926	49 906	14 122	—35 784
1927	64 921	12 877	—52 044
1928	79 091	14 025	—60 066*
1929	85 011	22 551	—62 460
1930	114 500	24 000	—90 500
1931 (предв.)	103 700	13 100	—90 600

* Так в тексте.

При крайне медленном развитии вывоза СССР в США мы, таким образом, наблюдаем колоссальный рост экспорта Соединенных Штатов в Советский Союз, который почти в 5 раз превысил экспорт довоенного времени. Доля СССР в экспорте Северной Америки непрерывно возрастала и достигла 4,9% в 1931 г., в то время как в довоенное время доля бывшей России, как я уже упоминал ранее, составляла 1,1% в общем экспорте США. Нечего говорить, что такое положение является явно неудовлетворительным, но положение еще ухудшилось в дальнейшем благодаря той дискриминации, которая проводилась в США в отношении советского экспорта.

Чтобы не обременять вашего внимания перечислением тех мероприятий, которые были обрушены на экспорт СССР*, я хочу напомнить лишь о знаменитой 307-й статье тарифного закона США от 1930 г. со всеми ее атрибутами, которой обосновывали поклеп на положение труда в СССР и которая дала возможность противникам развития торговли между США и СССР использовать эту статью для того, чтобы чинить ряд весьма серьезных препятствий нашему вывозу в Соединенные Штаты. В результате мы имеем следующее положение: за первые шесть месяцев 1932 г. экспорт США в СССР составил лишь 6 985 400 долл., в то время как за этот же период 1931 г. он равнялся 68 870 590 долл. Сокращение американского экспорта в СССР за первое полугодие 1932 г. по сравнению с таким же периодом прошлого года составило 89%. Доля СССР в общем экспорте США упала за первое полугодие текущего года до весьма низкого уровня, составив лишь 0,8%. Но этим не исчерпывается положение. Вывоз СССР в США, благодаря тем препятствиям, которые ему чинили на территории Соединенных Штатов, претерпел значительное снижение по сравнению с предыдущим годом. За 6 месяцев 1932 г. наш экспорт в США составил 4 759 600 долл., что представляет сокращение на 25% по сравнению с таким же периодом 1931 г.

В то же время торговля СССР с другими странами непрерывно расширялась. Я останавливаю ваше внимание лишь на некоторых данных из области нашей торговли с Англией и Германией. Так, наш импорт из Англии в 1929 г. составлял 9912 433 ф. ст.; в 1930 г.—12 898 834 ф. ст.; в 1931 г.—15 018 106 ф. ст. В то время как за первое полугодие 1931 г. наш импорт из Англии составлял 3 241 000 ф. ст., то за такой же период текущего года он составил 4 721 000 ф. ст. Объяснение роста нашего импорта из Англии заключается в том, что правительством Великобритании со второй половины 1931 г. были гарантированы значительные экспортные кре-

* См. т. XIV, прим. 45.

диты для торговли с СССР. В текущем году тоже были гарантированы экспортные кредиты по сделкам с СССР.

Германский экспорт в СССР, под влиянием апрельского соглашения о кредитных условиях поставок*, сильно вырос. Он достиг в 1931 г. колоссальной суммы в 762 млн. марок, в то время как в 1930 г. экспорт Германии в СССР составлял 430 млн. марок. За первое полугодие текущего года экспорт Германии в СССР составил 356,6 млн. марок.

Приведенные данные о росте торговли СССР с Англией и Германией наглядно подтверждают то положение, что лишь установление нормальных экономических отношений между Советским Союзом и другими странами всегда вызывает прочную и оживленную торговлю между обеими странами.

Я уверен, что настоящее посещение полковником Купером Советского Союза, во время которого полковник имел возможность очень много видеть и иметь очень много встреч, утвердит его в необходимости и для него лично и для Русско-Американской торговой палаты еще более активно работать над созданием необходимых условий для улучшения экономических и деловых отношений между обеими странами.

Всесоюзная торговая палата рада будет помочь полковнику Куперу и Русско-Американской торговой палате в этом направлении.

Печат. по арх.

В ответной речи председатель Русско-Американской торговой палаты Купер, в частности, сказал:

«Г-н Брон говорил о неблагоприятном состоянии русско-американских дел. Он совершенно прав во всем, что он здесь сказал, и я уверен, что его цифры вполне правильны. Одна из трудностей, с которой мы сталкиваемся,— это отсутствие знания в САСШ и СССР друг о друге. Когда я говорил в Америке о России, меня часто поражало невежество, отражавшееся в вопросах, которые мне там задавали. Меня иногда также поражают вопросы, задаваемые мне здесь в России о Соединенных Штатах. Мы должны, прежде всего, расширить информацию друг о друге. Я много путешествовал и имел много случаев откровенно говорить с людьми, занимающими высокие посты. И я твердо убежден, что всеобщий мир может быть гарантирован только лучшим взаимным пониманием. Между Америкой и Россией много общего даже в наших целях, ибо мы все хотим счастья, жизнь не стоит ни гроша без него».

Касаясь вопроса о предстоящих выборах президента в США, Купер заметил:

«Я не допускаю, что имеет большое значение, кто будет президентом. В течение долгого времени мы не имели сколько-нибудь стоящего президента. Но мы выдержали это, мы переживем и других президентов. Кто бы ни стал президентом, в ближайшие годы число безработных у нас сильно уменьшится».

Я должен сказать, что, к моему сожалению, я обычно замечаю, что говорят с известным удовольствием об американских затруднениях. Я не

* См. т. XIV, док. № 114.

могу понять это недружелюбное отношение к САСШ, особенно заметное во Франции. Я не знаю, почему французы так недружелюбны к нам...

Если будет новая война между какими-либо странами, они не получат от САСШ ни одного цента. Мы не собираемся что-либо давать, мы больны от войны. Очень жаль, что деньги, которые мы давали, были так использованы».

Купер подчеркнул, что, «в то время как все приостановили платежи, Россия была единственной страной, которая всегда платила по своим счетам».

Далее в своей речи Купер высказался за развитие советско-американской торговли:

«Некоторые в Америке говорят: давайте продавать России товары, но эти люди воздерживаются от закупок в России. Это в корне неправильно. Мы должны покупать у России, если хотим продавать ей. Мы должны иметь сбалансированный торговый оборот. Экономически неправильно поступать иначе.

Позвольте теперь отметить, что я пеню то, что вы пригласили меня сюда. Я уверен, что после выборов наша работа даст лучшие результаты, чем до сих пор. Моя работа на Днепрострое закончена. Она была удовлетворительной. Я еду домой с лучшими воспоминаниями и чувствами. Я надеюсь, что вы все посетите Днепрострой, и это доставит вам большое удовольствие».

В заключение Купер заявил:

«За последние четыре года иностранные дипломаты (особенно германские, французские и итальянские), а также банкиры делали все возможное, чтобы затуманивать головы американских деловых людей, президента САСШ и председателей крупнейших корпораций и восстанавливать их против России для того, чтобы заполучить всю торговлю в свои собственные руки.

Президенту САСШ и лидерам деловых кругов было сообщено недавно, что они должны воздержаться от торговли с Россией, так как имелись неподлинные сведения, что «Амторг» обанкротится в ближайшие два месяца.

Я надеюсь, что русский народ, несмотря на все трудности, сохранит веру в американский народ и Америку. Ибо я уверен, что скоро гроза пройдет и обе стороны станут самыми близкими в мире друзьями».

389. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР И. В. Сталину, из Женевы

3 октября 1932 г.

Каdere сообщил, что Бухарест оковчательно отклоняет слово «существующие», так как оно даст повод Титулеску для нападения на правительство*. Неофициально от собственного имени он предложил следующую формулу: «Стороны согласны, что пакт имеет целью лишь обеспечение существующего мира взаимным обязательством ненападения и не сможет быть истолкован ни для каких других целей, не предпринять (по-французски «прежуже») настоящие и будущие споры между ними». Я отказался принять к рассмотрению какое бы то ни было личное предложение, и он обещал сообщить мне завтра, санкционируется ли это предложение Бухарестом²⁶⁴.

* См. док. № 381, 386.

Я считаю эту формулу приемлемой, но не дам согласия до Вашего ответа. Кадере послезавтра уезжает, поэтому прошу Вас завтра же ответить мне клером словом «получено» или «не получено», из которого первое будет означать согласие, а второе несогласие. Во всем остальном пакт согласован, и мы вряд ли окажемся в лучшем положении, чем Румыния, если станет известно, что переговоры прерваны и задержано подписание французского и ратификация польского пактов из-за трудно уловимой разницы между «существующие» и «настоящие». Прошу Вас дать ответ срочной телеграммой*.

Литвинов

[Приложение]

Проект договора о ненападении между СССР и Румынией**

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик, с одной стороны, и Е. В. Король Румынии, с другой стороны,

воодушевленные волей к упрочению мира, будучи твердо убежденными, что укрепление мирных отношений между обеими Договаривающимися Сторонами соответствует их интересам и является важным фактором в деле сохранения всеобщего мира,

верные международным обязательствам, ранее заключенным ими,

заявляя, что обязательства, обусловленные настоящим Договором, не могут ни изменить, ни ограничить их, поскольку эти обязательства отнюдь не содержат элементов агрессии,

решили заключить настоящий Договор, имея целью дополнить Договор об отказе от войны, подписанный в Париже 27 августа 1928 г., вступивший в силу по Протоколу***, подписанному в Москве 9 февраля 1929 г., и для этой цели назначили своими Уполномоченными:

Центральный Исполнительный Комитет СССР:

Его Величество Король Румынии:

которые, обменявшись полномочиями, найденными в должной и надлежащей форме, согласились о нижеследующем:

* См. док. № 391.

** На архивном экземпляре имеется следующая помета, сделанная М. М. Литвиновым: «Вручено Кадере 3 октября 1932 г. в качестве текста, который я готов был бы подписать немедленно».

*** См. т. XII, док. № 38.

I

Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон, констатируя, что она отказалась от войны в качестве средства национальной политики в международных отношениях, обязуется не предпринимать никакого нападения как отдельно, так и совместно с другими державами на суше, на море или в воздухе, и не прибегать ни в коем случае к войне против другой Договаривающейся Стороны.

Актом, противоречащим установленным предыдущим абзацем обязательствам, будет считаться всякий акт насилия, направленный против целостности и неприкосновенности территории или политической независимости другой Договаривающейся Стороны, даже если подобные акты будут совершены без объявления войны и всех ее возможных последствий.

II

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон подвергнется нападению третьей державы или группы третьих держав, другая Договаривающаяся Сторона обязуется соблюдать нейтралитет на все время конфликта.

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон совершает акт насилия против третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона может отказаться от настоящего Договора без предупреждения.

III

Каждая Сторона, сознавая, что никакие международные обязательства, ранее принятые ею на себя, не препятствуют мирному развитию их взаимоотношений и не находятся в противоречии с настоящим Договором о ненападении, обязуется и впредь не принимать таких, которые противоречили бы духу настоящего Договора о ненападении.

IV

Настоящий Договор заключен на срок в три года. Если ни одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за шесть месяцев до истечения трехлетнего срока, действие Договора будет автоматически продлено на новый двухлетний срок.

Настоящий Договор будет ратифицирован, как это только представится возможным, и ратификационные грамоты будут обменены в Стамбуле.

Договор вступает в силу в день этого обмена.

[протокол подписания]

Высокие Договаривающиеся Стороны согласны в том, что настоящий Договор не может быть ни в коем случае истолкован таким образом, чтобы он имел своим последствием ограничение или погашение обязательств, вытекающих из Договора, подписанного в Париже 26 августа 1928 г.* Он не имеет иной цели, кроме ненападения, и не может быть истолкован для других целей, не наносить ущерба позиций каждой из Сторон в существующих спорах между ними**.

*Телеграмма и проект договора
печат. по арх.*

390. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
3 октября 1932 г.*

Только что были два лица, которые независимо один от другого мне сообщили, что Араки хочет со мной говорить и спрашивает, когда и где. Я ответил, что не раньше 7 октября, так как сейчас плохо себя чувствую, а остальное пусть решает Араки***. Я, конечно, не ручаюсь, что инициатива полностью исходит от Араки, ибо это трудно знать, когда имеется посредник. Но и раньше еще Араки поднимал вопрос, почему Трояновский не придет к нему, и теперь для меня ясно, что это — инициатива Араки. Если имеются особые инструкции, сообщите до 7-го, учитывая, что власть Араки больше власти Утиды и не меньше Сайто.

Сегодня газеты сообщают, что министр иностранных дел Маньчжурии едет в Японию и хочет говорить со мной. Если не будет от вас инструкций, от свидания не уклонюсь, но

* Так в тексте. Договор подписан 27 августа 1928 г.

** В архивном экземпляре данного протокола последняя фраза заключена карандашом в скобки и перед ней дан значок сноски; в самом тексте сноски (также карандашом) приведена формула Калере, содержащаяся в публикуемой телеграмме Литвинова от 3 октября.

*** См. док. № 296.

говорить буду о сложности вопроса и необходимости проработать ряд моментов. Если он выразит какое-либо пожелание, скажу, что доведу до сведения Москвы *.

Полпред

Печат. по арх.

391. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, в Женеву

4 октября 1932 г.

На телеграмму от 3 октября 1932 г. ** Инстанция считает формулировку Кадере приемлемой. Подписывайте договор ***.

Л. Карахан

Печат. по арх.

392. Нота Полномочного Представителя СССР в Польше н. о. Министра Иностранных Дел Польши Беку

4 октября 1932 г. № 010 ****

Господин Министр,

По поручению Правительства Союза Советских Социалистических Республик имею честь сообщить Вам нижеследующее:

За последние годы товарообмен между СССР и Польшей достиг значительных размеров. К сожалению, этот товарообмен развивался весьма односторонне, ибо импорт Советского Союза из Польши во много раз превышает импорт Польши из Советского Союза. За все последние годы Польша имела резко активный баланс в торговле с СССР. Только за последние три года активное сальдо в пользу Польши составило, по данным польской таможенной статистики, 213 553 тыс. польских злотых. По годам это сальдо распределяется следующим образом: в 1929 г. — 41 151 тыс. польских злотых; в 1930 г. — 83 182 тыс. польских злотых; в 1931 г. — 89 219 тыс. польских злотых. Кроме этого сальдо Польша имеет еще дополнительные доходы от экономических отношений с СССР (доходы от транзита и т. п.).

В соответствии с этим удельный вес польского экспорта в СССР составил в 1931 г., по данным той же статистики, 6,7%

* Материалов по вопросу о том, имела ли место указанная встреча, не обнаружено.

** См. док. № 389.

*** См. также док. № 404, 406, 420, 427, 428.

**** Вручена 6 октября 1932 г.

всего польского экспорта, в то время как удельный вес польского импорта из СССР в том же году составлял лишь 2,5% всего польского импорта.

Казалось бы, в этих условиях Польское Правительство и его органы должны были бы оказывать благожелательное отношение к экспорту товаров из СССР в Польшу. Между тем практика показывает, что, вместо содействия и благожелательного отношения, советский экспорт в Польшу наталкивается на все растущие серьезные препятствия, создаваемые часто различными органами Польского Правительства.

Не входя в данный момент в подробное обсуждение последних, я сошлюсь для примера на систематическое непредоставление Торговому представительству СССР контингентов на ввоз ряда товаров, в то время как другие государства таковые контингенты получают, на таможенные затруднения, чинимые советскому экспорту в Польшу, и т. д. В результате такого отношения с польской стороны советский экспорт в Польшу не только все эти годы был в несколько раз ниже польского экспорта в СССР, но и стал систематически падать, особенно за последнее время.

Союзное Правительство полагает, что подобное ненормальное положение не может долго продолжаться, и выражает уверенность, что Польское Правительство, само понимая эту ненормальность, по собственной инициативе примет меры для ее устранения в ближайшем будущем*.

Прошу Вас, господин Министр, принять уверение в моем высоком к Вам уважении.

Антонов-Овсеев

Печат. по арх. Опубли. в сб. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. V. М., 1967, стр. 539—540.

393. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Посланником Литвы в СССР Балтрушайтисом

4 октября 1932 г.

Я сказал Балтрушайтису, что ввиду существующих между нами дружественных отношений мы считаем нужным информировать литовское правительство о состоянии наших переговоров с Румынией, особенно ввиду взаимозависимости, существующей между румынским, польским и французским пактами. Румынский делегат сделал вчера т. Литвинову якобы личное предложение по спорному вопросу, которое мы се-

* См. также док. № 435.

годня приняли*. Если этот делегат не будет дезавуирован своим правительством, пакт может быть подписан немедленно, что может привести к подписанию пакта с Францией и к введению в действие пакта с Польшей. Я просил считать мое сообщение конфиденциальным до получения известия о подписании договора.

Балтрушайтис искренне благодарил и искренне же выразил удовлетворение по поводу содержания моего сообщения. Он сказал, что урегулирование наших отношений с Румынией, Польшей и Францией полезно не только для СССР, но также и для Литвы, и в Литве его будут поэтому приветствовать. Балтрушайтис сказал затем, что, по полученным им сведениям, в Германии очень обеспокоены заключением нами пакта с Румынией, поскольку он должен повлечь за собой заключение пакта и серьезное улучшение наших отношений с Францией.

Мы говорили о несерьезности всех разговоров об изменении ориентации нашей политики, и Балтрушайтис согласился со мной, что из международной политики послевоенного времени внешняя политика Советского Союза, в отличие от политики других великих держав, отличалась наибольшей последовательностью и стабильностью. Балтрушайтис сказал, что он, работающий в Москве 12 лет, является живым свидетелем верности высказанного мною положения.

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

394. Сообщение Консула СССР в г. Маньчжурия Заместителю Народного Комиссара Иностранных дел СССР Л. М. Карахану

*Срочно
6 октября 1932 г.*

На Ваш № 6627²⁶⁵. Сегодня с разрешения штаба [генерала Су Бин-вэня]²⁶⁶ говорил по телефону с японским консульством. Они просят сообщить японскому посольству в Москве: в японском консульстве находятся 158 резидентов, в Чжалайнор-Ирэкэ — 15, в Хайларе — 60, в последнем пункте включая и корейцев. Чжалайнорские и хайларские резиденты изолированы в частных домах под строгой охраной. Кроме того, в маньчжурской тюрьме японских чинов отряда пограничной полиции Маньчжоу-Го — 77 чел., итого — 310 чел. Продолжительным обеспечены, денег пока не надо. На мой вопрос, что еще сообщить японскому посольству, ответили: просим помощи, так как находимся фактически под арестом. В на-

* См. док. № 389, 391.

чале беседы они обратились ко мне с просьбой ссудить еще 2000 даян. Мною выражена готовность деньги выдать, но ввиду того, что в японское консульство без разрешения штаба никого не пропускают и передача им денег в предыдущий раз происходила в присутствии штабного офицера, я посоветовал японскому консульству, по примеру предыдущего, непосредственно согласовать со штабом время и процедуру передачи денег. Одновременно сообщили, что сегодня я обратился в штаб за разрешением нанести японскому консулу визит. Ответ штаб обещал дать 7 октября. Надо отметить, что штаб неохотно дал нам свое согласие на телефонный разговор, а штабной офицер с телефонной станции пытался ограничить время нашей беседы *.

Японский профессор Танакадате, информированный по нашей просьбе на 86-м разъезде о происшедших здесь событиях, остался на разъезде и 1 октября выехал через Читу во Владивосток. Вероятно, он уже там.

На участке Маньчжурия — Фуляэрдн ** положение без перемен, связь имеется по-прежнему только до Саргу.

Смирнов

Печат. по арх.

395. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Временным Поверенным в Делах Японии в СССР Амо

7 октября 1932 г.

Амо начал свою беседу с расспросов о положении дел в районе станции Маньчжурия²⁶⁵. Я ему сказал, что нашему консулу в Маньчжурии Смирнову удалось иметь телефонный разговор с японским консулом с разрешения китайского штаба и что Смирнов передал подробным образом эту информацию нам. Я прошу его зайти после меня к т. Козловскому, который с телеграммой в руках сообщит ему содержание этой телеграммы ***. Амо заметил, что их беспокоит отсутствие каких бы то ни было письменных сообщений от их консула в Маньчжурии.

Я ему объяснил, что консул находится под таким строгим контролем китайских властей, что лишен возможности передать какой-либо письменный документ. Но насколько я мог понять, сообщение японского консула по телефону Смирнову исчерпывающим образом отвечает на поставленные ему вопросы.

* См. также док. № 395, 396, 397, 417.

** Совр. транскрипция — Фуляэрдн.

*** См. док. № 394.

После этого Амо сообщил, что он получил инструкцию от своего правительства, которую он и зачитал мне на английском языке. Я слово за словом записывал и поэтому даю точный перевод ее. «Японские власти в Маньчжурии предпринимают всевозможные меры, чтобы мирными средствами разрешить вопрос об антиманьчжурских силах в районе Маньчжурии. Однако если мы не сможем достигнуть цели мирными средствами, то будем вынуждены применить военные силы. Но и в этом случае мы не будем иметь никакой другой цели, кроме восстановления порядка и нормального сообщения. Если мы вынуждены будем послать войска, то мы окажемся вынужденными также использовать Китайско-Восточную ж. д. для перевозки войск до района станции Маньчжурия. Поэтому мы обращаемся к Советскому правительству с просьбой облегчить нам перевозку наших воинских частей в этом направлении».

Я ответил ему, что доложу это своему правительству. Амо заметил, что японское правительство хотело бы ответа на это сообщение.

На мой вопрос, какое количество войск предположено перебросить в этот район, Амо ответил, что не может сказать, когда и какое количество войск будет отправлено, ибо он предполагает, что это зависит от обстановки. «Мы хотим мира,— сказал он,— но если мирными путями мы ничего не достигнем, только тогда мы прибегнем к военной силе. Поэтому еще не решено, сколько будет переброшено войск, и это будет решено в последний момент».

Я ему обещал доложить сообщение японского правительства Советскому правительству и дать ему ответ*.

Л. Карахан

Печат. по арх.

396. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
7 октября 1932 г.*

Сегодня меня пригласил Араки. Он сказал, что имеется несколько вопросов, мешающих установлению прочных дружеских отношений, поэтому он не пришел еще относительно их к окончательному заключению. Первый вопрос — о разном государственном устройстве. После долгих разговоров и моих объяснений Араки заявил, что этот вопрос не практический и его пока можно отложить в сторону. Второй вопрос —

* См. док. № 397.

хулунбуирский. Относительно происшедшего там восстания²⁶⁶ ходят разные слухи о нашей помощи восставшим, и его удивляет, почему японские граждане не перебрались на советскую территорию, он полагает, что мы не дали на это согласия. Араки добавил, что квантунские войска до сих пор не хотели приближаться к нашим границам, чтобы не нервировать нас, и сейчас он имеет от квантунского штаба запрос о движении в Хулунбуир и к станции Маньчжурия. Араки пока не дал согласия. Но он может быть вынужден его дать, чтобы спасти японских граждан. Я ему изложил положение дела на станции Маньчжурия, сказав о том, что мы не только дали согласие на эвакуацию японцев*, но наш консул помогал деньгами. Слухи о нашей помощи восставшим — очередная провокация. Тогда Араки просил меня воздействовать как-нибудь на китайцев на станции Маньчжурия, чтобы они освободили японцев и дали им возможность перейти на советскую территорию. Тогда движения японских войск в Хулунбуир не будет. Я ему сказал, что не знаю, насколько это возможно и что может сделать наш консул в Маньчжурии. Его просьбы я передам кому следует и дам через несколько времени ответ.

Далее Араки говорил, что японские путешественники через СССР встречают у нас очень плохое к себе отношение, особенно военные. Я ему сказал, что к японцам в нашем народе нет враждебных чувств. Возможно, что в отдельных случаях проявляется нервозность, вызванная неопределенностью наших отношений и сомнениями относительно намерений Японии. Надо прояснить атмосферу. Мы делали несколько предложений, в частности о пакте о ненападении, но ответа нет. Араки говорил, что, если бы хулунбуирское дело было разрешено, можно было бы говорить и о пакте и о более тесном сближении, указывая на сообщение газет о союзе между СССР, Японией и маньчжурским государством. Он спрашивал, говорил ли я Утида о пакте. Я сказал, что о союзе говорить не приходится, но о пакте я более сам начинать разговор не буду, не хочу навязываться**. Он сказал, что сейчас дело понемногу идет к пакту о ненападении.

Я ему говорил, что его собственная позиция неясна, указал на его статьи и выступления. Он ответил, что иногда он говорит грубо, но воинственных намерений у него нет, но он хочет, чтобы с Азией и Японией считались и приняли во внимание их интересы и цивилизацию. Азия хочет быть равноправной с Европой и Америкой. Я сказал, что это встретит с нашей стороны сочувствие, если не будет построено на вражде к нам. Он неоднократно возвращался к положению

* См. док. № 394.

** См. док. № 369.

дел на станции Маньчжурия. Условились встретиться на будущей неделе на его частной квартире²⁶⁷.

Очень просил сделать максимум возможного для эвакуации японцев на нашу территорию со станции Маньчжурия и срочно сообщить ему*.

Трояновский

Печат. по арх.

397. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Временным Поверенным в Делах Японии в СССР Амо

9 октября 1932 г.

Я вызвал Амо, чтобы сообщить ему о нашем согласии на просьбу японского правительства о перевозке японских войск к району станции Маньчжурия. Я ему сообщил, что одновременно мы телеграфировали в Харбин об этом решении Советского правительства. Амо поблагодарил за это решение Советского правительства и заметил, что он понимает это таким образом, что, так же как в прошлом, там на месте, в Харбине, японские представители договариваются о технических деталях проведения в жизнь этого решения. Я ему подтвердил это.

Затем Амо спросил, нет ли у нас каких-нибудь сведений о положении японских граждан и японского консула в районе станции Маньчжурия. Он подчеркнул, что мы являемся единственным источником ценой для них информации, и очень горячо благодарил за все то, что мы делаем для их граждан и японского консула. Я ответил ему, что я еще не видел телеграмм и не знаю, есть ли у нас какая-нибудь новая информация, но, поскольку он заговорил на эту тему, я хотел бы обратить его внимание на следующее.

7 октября наш посол Трояновский имел беседу с японским военным министром Араки**, во время которой Араки упрекнул нас в том, что японские граждане оказались в Маньчжурии в тяжелом положении и застряли на китайской территории вследствие того, что мы их не пустили к себе. Я сказал Амо, что меня крайне удивило такое заявление Араки, ибо факты говорят о другом. Мне казалось, что информация, которой располагает японское посольство в Москве***, имеется в Токио и известна правительству, в том числе и члену кабинета Араки. Между тем он, по-видимому, не осведомлен или не верит той информации, которую он получает от своих офи-

* См. также док. № 397.

** См. док. № 396.

*** См. док. № 394, 395.

циальных представителей. По-видимому, есть какие-то другие источники информации, которые специально дезинформируют военного министра.

Амо был очень удивлен и смущен этим моим сообщением и очень решительно заявил, что его изумляет такое заявление военного министра, ибо мы сразу дали согласие на эвакуацию японских подданных на нашу территорию и со своей стороны сделали все, чтобы эвакуация могла иметь место. Если это не удалось, то только потому, что китайские власти не выпускают японцев из Маньчжурии. Всю информацию, которой японское посольство располагает, оно регулярно посылает в Токио, в частности, он, Амо, немедленно телеграфировал о нашем согласии принять на нашу территорию японских подданных из Маньчжурии. Он не понимает, как военный министр мог сделать такое заявление Трояновскому. Он будет немедленно телеграфировать об этом в Токио, где укажет, что с нашей стороны все время проявлялся и проявляется максимум внимания и любезности в этом вопросе.

Я ему указал и на другое, совершенно нелепое заявление Араки о том, будто бы японские граждане, проезжающие и находящиеся на нашей территории, подвергаются каким-то преследованиям и притеснениям со стороны советских властей. Мне кажется, сказал я ему, если бы такие факты имели место, то об этом в первую очередь было бы осведомлено японское посольство на территории СССР, и он, я думаю, не преминул бы поставить нас в известность о таких фактах. Амо ответил мне, что он совершенно не понимает, откуда такая информация может быть у военного министра, ибо они в посольстве не располагают такими фактами и им не известно о каких бы то ни было притеснениях японских подданных. Он может засвидетельствовать лишь обратное.

Я ему сказал, что я обратил его внимание на эти два заявления Араки только потому, что они должны бы касаться японского посольства в Москве. В этих заявлениях Араки меня интересует то, что имеются, по-видимому, какие-то недобросовестные источники информации, которые ставят своей целью введение в заблуждение военных кругов Японии, и, что особенно важно, странным образом эти источники пользуются большим доверием, чем официальные органы японского правительства в СССР. В то время, когда мы, руководствуясь соображениями гуманности, помогаем их гражданам, оказавшимся в тяжелом положении, в это время такой авторитетный член японского кабинета, как военный министр, считает возможным в беседе с нашим послом упрекать нас столь неосновательным образом. И одновременно с этим такое близко стоящее к правительству агентство, как Симбун Рэнго, начинает вздорную кампанию против нас, пытаясь, как

и в случае с генералом Ма, связать нас каким-нибудь образом с событиями, происходящими на западной линии КВЖД. Все это настолько вздорно и нелепо не только для нас, но и для самих японских властей, что на это не стоило бы обращать внимания, если бы подобного рода кампании не ставила бы себе целью создавать враждебные настроения между нами.

Амо ответил мне на это, что он не читал еще этих сообщений Симбун Рэнго, но что он прекрасно знает, что все эти слухи и сообщения прессы, пытающейся нас каким-то образом связать с этим событием, лишены основания*. Он сам во время кампании, пытавшейся обвинять нас в поддержке генерала Ма, был в Харбине и лично убедился в том, что все слухи лишены были какого бы то ни было основания. И он тогда со своей стороны сделал все, чтобы убедить и правительство, и японские военные власти на месте в вздорности этих слухов. И сейчас, зная нашу политику, он не сомневается в том, что все это лишено основания. Но, к сожалению, имеются крайне правые элементы, которые настроены враждебно к СССР и хотят ухудшить наши отношения, и с этой целью они, пользуясь прессой, распространяют время от времени неверные сведения.

Амо заявил мне, что он протелеграфирует в Токно о заявлениях Араки Трояновскому и даст им правильное освещение, которое, впрочем, должно было быть известно японскому правительству и без его дополнительной информации.

Л. Карахан

Печат. по арх.

398. Нота Полномочного Представительства СССР в Турции Министерству Иностранных Дел Турции

10 октября 1932 г.

Ввиду того что срок Конвенции по урегулированию мелких пограничных споров и инцидентов, заключенной 6 августа 1928 г.**, истек 12 сентября с. г., Посольство Союза Советских Социалистических Республик имеет честь предложить Министерству Иностранных Дел приступить в ближайшее же время к переговорам с целью заключения новой конвенции ad hoc, с тем чтобы она могла быть заключена до истечения 6-месячного срока, на который было продолжено действие прежней конвенции²⁶⁸.

Печат. по арх.

* См. также док. № 216.

** См. т. XI, док. № 273.

В ответной ноте МИД Турции от 10 октября 1932 г. № 19916/46 полпреду СССР в Турции говорилось:

«В ответ на вербальную ноту от сегодняшнего числа Министерство Иностранных Дел имеет честь довести до сведения Посольства Союза Советских Социалистических Республик, что оно согласно начать в самое ближайшее время переговоры с целью заключения новой конвенции о порядке разрешения мелких пограничных споров и инцидентов».

399. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Афганистане в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР *

10 октября 1932 г.

Министерство иностранных дел сообщило, что афганское правительство не согласно приступить к переговорам о соглашении об облегченном переходе границы **, считая это в данный момент несвоевременным. Это решение мотивируется желанием предварительно выяснить результаты действия соглашения о пограничных комиссарах. Что касается последнего, то министерство иностранных дел еще не сообщило нам списка комиссаров, несмотря на наши неоднократные напоминания. В связи с истечением 13 октября обусловленного соглашением месячного срока вступления его в силу делаю новое представление ***.

Полпред Старк

Печат. по арх.

400. Нота Полномочного Представительства СССР в Польше Министерству Иностранных Дел Польши

12 октября 1932 г. № 400

В течение последнего времени участились случаи незаконных перелетов советской границы польскими самолетами. В текущем году имели место следующие факты:

1. 31 января в окрестностях Каменец-Подольска польский самолет перелетел советскую границу между пограничными столбами № 2039 и 2040.

2. 5 июня имел место вторичный факт перелета через советскую границу польского самолета в районе пограничных столбов № 1697—1700.

* Копия телеграммы была направлена уполномоченному НКВД СССР при правительстве Узбекской ССР.

** См. док. № 374.

*** См. также док. № 476.

3. 22 июля в районе пограничного столба № 1828 перелетел советскую границу польский самолет и затем вернулся на польскую сторону в районе столба № 1826.

4. 10 августа в районе Каменец-Подольска советскую границу перелетели 3 польских самолета.

5. 26 августа польский самолет перелетел через границу между пограничными столбами № 1901—1902.

6. 1 сентября в районе Волочиска польский самолет перелетел на советскую сторону между пограничными столбами № 1902—1903 и затем вернулся на польскую сторону между столбами № 1906—1907.

Незаконные перелеты, указанные в п. 1 и 2, были уже предметом нотной переписки между Полпредством СССР в Польше и Министерством Иностранных Дел Польской Республики²⁶⁹. Факт, приведенный во 2-м пункте, был исчерпан в беседе советника Польской Миссии в Москве г. Сокольникового с заведующим I Западным отделом Народного Комиссариата Иностранных Дел г. Райвидом 19 августа с. г. Факт, указанный в п. 3, был подтвержден представителем Польши по разрешению пограничных конфликтов, кржеменецким старостой г. Чарновским, выразившим по поводу этого факта сожаление.

Принимая во внимание учащающиеся случаи полетов польских самолетов над советской территорией, Полномочное Представительство СССР в Польше имеет честь обратить внимание Министерства Иностранных Дел на недопустимость этих фактов и просит принять меры недопущения подобных фактов в будущем²⁷⁰.

Печат. по арх.

401. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А. А. Трояновскому *

13 октября 1932 г.

С самого начала событий на западной линии КВЖД мы оказываем и продолжаем оказывать максимум возможного содействия в обеспечении положения задержанных китайцами японских резидентов. Конкретные наши меры в этом направлении известны **.

В связи с этим мы считаем уместным поставить перед МИД вопрос о принятии японским правительством немедленных мер к освобождению задержанных еще в апреле маньч-

* Копия телеграммы направлена в генконсульство СССР в Харбине.

** См. док. № 394, 395.

журскими властями советских граждан по провокационному обвинению в террористической работе и до сих пор неждавшихся судебного разбирательства*.

Нам документально известно о пытках и истязаниях, которым подвергались и подвергаются арестованные, так же как и о непосредственном участии японской жандармерии в этих арестах и допросах.

Даже оставляя сейчас в стороне вопрос о роли японской жандармерии, мы хотели бы надеяться, что японское правительство использует свое влияние на Маньчжоу-Го и на японских резидентов — служащих Маньчжоу-Го, чтобы покончить с таким позорным явлением, как содержание в тюрьме в бесчеловечных условиях около ста советских граждан при нарушении самых элементарных прав судопроизводства. Такое положение не может не волновать наше общественное мнение, хорошо осведомленное о нашем неизменно внимательном отношении к японским резидентам.

Л. Карахан

Печат. по арх.

402. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Консулу СССР в г. Маньчжурия В. В. Смирнову

13 октября 1932 г.

Обратитесь к китайским властям с просьбой освободить японских резидентов и разрешить их эвакуацию на нашу территорию.

Объясните, что Вы действуете по поручению Советского правительства, исходящего из соображений гуманности.

Имейте в виду, что речь идет о частных японских гражданах, а не японцах, подданных Маньчжоу-Го**.

Получение подтвердите.

Л. Карахан

Печат. по арх.

403. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Турции в СССР Рагибом

13 октября 1932 г.

Рагиб пришел с визитами после своего возвращения из отпуска.

Рагиб передал мне привет от Исмета, который все еще находится под впечатлением своей поездки в Москву. Кемаль-

* См. док. № 151, 194, 255, 321.

** См. также док. № 396, 397, 417, 419.

паша прислал мне привет. Очень тронут тем, что мы откликнулись на его просьбы о тюркологах²¹⁵.

Поделившись впечатлениями о своем пребывании в Турции (лингвистический конгресс и проч.), Рагиб передал мне от имени правительства благодарность за присылку наших специалистов*, работой которых турки весьма довольны. Рагиб сообщил, что турецкое правительство решило построить первый текстильный комбинат в 1933 г., рассчитывая пустить его в эксплуатацию к десятой годовщине республики (29 октября 1933 г.). В этой связи Рагиб отметил, что Исмет спрашивал у него, дали ли мы ему формальный ответ на приглашение гг. Молотова и Ворошилова в Турцию к 10-летию Турецкой Республики. Рагиб сказал Исмету, что формального ответа еще нет, но что он не сомневается в принятии Советским правительством этого приглашения.

Я обещал Рагибу дать ему по выяснении формальный ответ Советского правительства по этому вопросу²⁷¹.

На мой вопрос о внутреннем положении в Турции Рагиб ответил несколькими успокоительными фразами, подчеркивая, что имевшие место изменения в составе турецкого правительства носят отнюдь не политический, а технический и персональный характер и что линия кабинета Исмет-паши остается неизменной. В свою очередь Рагиб осведомился о нашем международном положении. Я дал ему краткую информацию о состоянии переговоров с Румынией и о положении на Дальнем Востоке.

В конце беседы Рагиб представил мне нового военного атташе Сейфеттина.

Л. Карахан

Печат. по арх.

404. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу

15 октября 1932 г.

Ознакомьтесь с моим сегодняшним интервью ТАСС** и сделайте завтра же Бертело для Эррио следующее сообщение:

Ввиду прекращения заседаний Бюро я в Женеву не вернусь. Пакт согласован с Кадере полностью, кроме заключительного протокола***. Принятие формулы Патека**** с добавлением слова «существующие» является нашей крайней

* См. док. № 279, 323.

** См. док. № 406.

*** См. док. № 389.

**** См. док. № 361.

уступкой. Однако мы готовы также принять выдвинутое Кадере от себя лично предложение о замене «существующие» словами «настоящие и будущие». Мы просим министерство иностранных дел любезно выяснить, готова ли Румыния подписать пакт.

Ознакомьте Бертело с содержанием моего интервью, являющегося ответом на интервью Титулеску²⁷². Ответ Бертело, а затем Румынии сообщите телеграфно*.

Довгалеvский выезжает 20-го.

Литвинов

Печат. по арх.

405. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Швеции с Премьер-Министром Швеции Хансеном

15 октября 1932 г.

15 октября была у премьера Пера Альбина Хансена. На выраженную мною надежду, что при новом кабинете дружелюбность наших отношений возрастет и все хозяйственные проблемы, стоящие на очереди, будут урегулированы, Хансен с большой живостью стал говорить о том, что социал-демократия больше, чем все другие партни, заинтересована в том, чтобы установить тесный контакт с Союзом в области хозяйственных интересов, и что, разумеется, и в области внешней политики эсдековский кабинет будет вести дружественную к нам линию. Вслед за этим Хансен осведомился, какие специальные проблемы стоят между нами на очереди. Я ответила, как ему известно, мы находимся в процессе переговоров со шведскими лесозэкспортерами**, но что переговоры эти весьма затянулись и наши лесозэкспортники делают отсюда неблагоприятные выводы. Хансен отвел разговор о лесе, сославшись, что он еще не успел ознакомиться со всеми делами и не в курсе причин затяжки переговоров. Я ответила, что так как переговоры эти носят характер соглашения лесозэкспортных органов и не имеют прямого отношения к правительственным проблемам, то я и не ждала от него ответа, а лишь упомянула о лесном соглашении, как одном из моментов наших общих хозяйственных интересов.

Хансен перешел затем на вопрос о шведском экспорте в Союз, сам заговорив о поездке Боландера²⁷³ и объяснив мне, что кабинет ставит одной из своих задач всяческими мероприятиями содействовать развитию экспорта из Швеции и что вопрос о госгарантии кредитов Союзу [входит] в число меро-

* См. док. № 409, 410, 420.

** См. док. № 39.

приятый шведского правительства, подлежащих обсуждению. Я указала ему, что наш импорт из Швеции превышает экспорт и что при увеличении импорта из Швеции придется подумать и о мерах, способствующих развитию нашего экспорта в Швецию. Хансен спросил, какие конкретные меры мы имеем в виду? На это я изложила ему затруднения, какие имеют место с акцизом по нефти ввиду отсутствия кредитов по акцизу, каким пользуются конкуренты. Я рассказала ему о переговорах по этому поводу, имевших место между Канделаки и Хамрниом * и сказала, что было бы хорошо, если бы новый кабинет захотел ускорить разрешение этого вопроса. О практических же мерах урегулирования вопросов об акцизном кредите торгпред Канделаки лучше всего сам поговорит с минфинном. Хансен обещал предварительно переговорить с минфинном и сделал у себя пометку. Я спросила Хансена, какие их виды и сближение с Англией, на что он ответил уклончиво.

При разговоре об акц. общ. «Нафта» Хансен упомянул о пасквильной статье [в газете] «Аллекханда» (накануне появилась первая статья, направленная против «Нафта») и добавил: «Этому не следует придавать значения, так как всем известно, что «Аллекханда» строит свой тираж на непроверенных сенсациях». Я все же в полупутильной форме парировала обвинения «Нафты» по поводу массовых увольнений шведов, «шпионажа» и т. д. Хансен на это, смеясь, заметил: «Мы прекрасно знаем, что Советское правительство достаточно умио и политически вышколенное, чтобы не вредить своим экономическим интересам, припутывая другие задачи к деятельности своих хозорганов». Хансен, говоря о выборах, признал, что эсдеки сами не ожидали такого успеха.

На прощание он еще раз подчеркнул пожелание шведского правительства вести с СССР дружественную политику.

Полпред СССР в Швеции
А. М. Коллонтай

Печат. по арх.

406. Интервью Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова представителю ТАСС

*16 октября 1932 г. ***

Ввиду усиленно обсуждавшегося в печати Румынии и других стран вопроса о советско-румынском пакте о ненападении и недавнего интервью г. Титулеску²⁷² представитель ТАСС обратился к народному комиссару по иностранным делам т. Литвинову с просьбой высказаться о состоянии переговоров

* Бывший премьер-министр Швеции.

** Дата опубликования.

с Румынией. Представитель ТАСС получил от т. Литвинова нижеследующее сообщение.

— Переговоры с Румынией начались почти 10 месяцев назад в Риге, предложенной румынским правительством в качестве места переговоров. Еще до встречи представителей обоих государств в Риге румыны при посредстве польского правительства поставили условием, чтобы в переговорах о пакте не затрагивались по существу спорные между обоими государствами вопросы и чтобы эти вопросы оставались в стороне*. Имелся в виду главным образом вопрос о Бессарабии, а также другие, которые должны были таким образом оставаться открытыми и после заключения пакта о ненападении.

В Риге переговоры велись на основе проекта пакта, представленного Советским правительством, и румынского контр-проекта³. В течение нескольких недель уполномоченным обеих стран удалось достигнуть соглашения почти по всем статьям пакта, и согласованный текст** этих статей был запротоколирован и подписан обоими уполномоченными. Пакт состоял всего из нескольких статей, заключавших в себе взаимное обязательство ненападения и нейтралитета, а также незаключения других соглашений, которые противоречили бы этим обязательствам. Пакт должен был быть заключен по соглашению сторон, как и пакт с союзной с Румынией Польшей, на пять лет. На такой же срок, между прочим, были заключены также Советским Союзом соответственные пакты с Финляндией и другими странами.

Разногласия в Риге обнаружились в двух пунктах. Румынский представитель решительно воспротивился упоминанию во вступительной части или в другом месте пакта о том, что спорные между сторонами вопросы остаются в стороне, не затрагиваются пактом и что оба правительства полностью сохраняют свои позиции в этих вопросах. Возражения были тем более необоснованы, что Румыния сама накануне переговоров выставила этот пункт предварительным условием и что наличие спорных вопросов между СССР и Румынией и прежде всего вопроса о Бессарабии известно всему миру и не может быть отрицаемо. Со своей стороны Румыния предлагала такие формулировки обязательства о ненападении, которые могли быть истолкованы как косвенное признание Советским правительством оккупации Бессарабии. Мы решительно отвергли эти формулировки и со своей стороны предложили другие, в которых определению говорилось, что СССР обязуется не прибегать ни в коем случае к насильственным действиям для разрешения каких бы то ни было спорных вопросов. Эти форму-

* См. т. XIV, док. № 338.

** См. прил. к док. № 273.

лировки давали Румынии полную гарантию в том, что и спор о Бессарабии не будет использован Советским правительством для отступления от пакта о ненападении. Дискуссия по этим двум пунктам выяснила, что тогдашние руководители переговоров с румынской стороны интересовались меньше пактом о ненападении, чем получением от Советского правительства косвенного или молчаливого признания оккупации Бессарабии. На этом переговоры были прерваны с тем, чтобы они впоследствии возобновились при посредстве третьих стран. Но в то время как советская сторона в интересах достижения соглашения проявляла максимум уступчивости, предлагала новые формулировки по спорным пунктам, румынская сторона не выдвигала никаких новых предложений, упорно держась своих рижских требований и возражений. Нами принимались даже некоторые компромиссные формулы *, предлагавшиеся посредничавшими представителями союзных с Румынией стран, но они последовательно одна за другой отвергались Румынией. Утверждают, например, в Румынии, что переговоры продолжались непосредственно со мной, когда я находился в Швейцарии в июле месяце для работ в Генеральной комиссии по разоружению, и что с румынской стороны переговоры были поручены также находившемуся тогда в Швейцарии г. Титулеску. Но это неверно. Г-н Титулеску от непосредственных переговоров со мной уклонился и никаких предложений не делал. Посредничавший там представитель польского правительства делал мне предложения, оговариваясь, что эти предложения необязательны для Румынии. Предложения эти в конце концов свелись к тому, чтобы начать переговоры сызнова на базе совершенно нового проекта с полным игнорированием того, что было согласовано уже в Риге. Этот новый проект воплощал в себе те самые идеи, которые на днях развивал в своем интервью в Париже г. Титулеску. Такое предложение, означавшее аннулирование всех имевших место до сих пор переговоров, не могло быть, конечно, мною принято, и поэтому я предложил сосредоточить усилия на устранении двух разногласий, оставшихся после рижских переговоров.

Перед моим последним отъездом в Женеву 13 сентября от союзной с Румынией страны поступило новое компромиссное предложение по основному пункту разногласия в переговорах с Румынией. К сожалению, при этом мне опять был вручен новый проект пакта, отличавшийся по всем статьям от текста, согласованного в Риге. Мы имели все основания считать это предложение согласованным с Румынией. Я заявил, что новое компромиссное предложение я готов признать базой, облег-

* См. док. № 343, 404.

чающей достижение соглашения в дальнейших переговорах с Румынией, при условии, что не будем возвращаться к старым, согласованным уже статьям *. То же самое я заявил по пути в Женеву при встрече с румынским посланником в Варшаве г. Кадере, с которым было условлено возобновить переговоры в Швейцарии **.

Переговоры действительно в Швейцарии возобновились, причем уполномоченным от румынского правительства явился на этот раз г. Кадере. Он, однако, заявил, что его правительство не считает себя связанным ни протоколами, подписанными в Риге его уполномоченными, ни предложениями, делавшимися представителями союзных с Румынией стран. Мы имели с ним несколько встреч, в течение которых нам удалось, однако, вновь согласовать весь пакт, за исключением одного пункта, разногласия по которому, однако, значительно сузились ***. Перед моим отъездом из Женевы он и по этому спорному пункту предложил формулу, которая фактически устраняла единственное оставшееся разногласие и делала возможным и близким подписание пакта. К сожалению, он на следующий день заявил, что его предложение не принято его собственным правительством, причем он выразил сомнение в приемлемости для его правительства других формулировок, ранее казавшихся согласованными между нами. Он решил съездить в Бухарест, чтобы выяснить окончательно взгляды своего правительства.

Из вышезложенной фактической стороны переговоров совершенно ясно, что если бы Румыния действительно стремилась, подобно нашим другим соседям, к заключению пакта о ненападении, а не преследовала побочных целей, то соглашение не требовало бы столь длительных переговоров и было бы давно достигнуто. Но систематическое дезавуирование собственных уполномоченных и представителей союзных с Румынией стран обнаруживает следы различнейших борющихся между собой в Румынии влияний, будь то внешнего или внутреннего характера. Ход переговоров заставлял иногда сомневаться в серьезности и искренности стремлений Румынии к заключению пакта. Мы имеем откровенное заявление ответственных политических деятелей Румынии о ненужности для Румынии пакта. От таких деятелей трудно ожидать, чтобы они направляли и вели переговоры с целью соглашения, сколько бы они ни говорили о своем стремлении к сближению между Румынией и СССР. Подмена ранее согласованных после длительных переговоров статей другим, открывающим простор

* См. док. № 361, 364.

** См. док. № 373.

*** См. док. № 389.

для новых разногласий, не может иметь иной цели, кроме дальнейшего максимального затягивания переговоров и отдаления подписания пакта, и, возможно, является стремлением к срыву пакта о ненападении между СССР и Румынией.

Что касается Советского правительства, то оно теперь, как и в течение всех переговоров, воодушевлено искренним стремлением к скорейшему заключению пакта о ненападении с Румынией и с другими странами. Оно считает излишним вторичное подписание пакта Келлога, и оно заключению особых двусторонних пактов придает больше значения в качестве гарантии мира, чем универсальному пакту Келлога, который, как известно, не помешал возникновению вооруженного конфликта между Японией и Китаем, подписавшими пакт Келлога. Оно, однако, не может согласиться, чтобы переговоры в столь серьезном деле превратились в дипломатическую игру для неизвестных и чуждых ему целей. Дальнейшие переговоры, по моему, должны вестись на основе дважды согласованных уже с представителями Румынии текстов. При наличии доброй воли со стороны Румынии вряд ли даже потребуются длительные переговоры или переговоры вообще, ибо осталось теперь лишь единственное разногласие, по которому румынское правительство должно дать окончательный ответ. Я уверен, что после женевских переговоров точка зрения Советского правительства в этом вопросе достаточно известна румынскому правительству.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 287 (4657), 16 октября 1932 г.*

407. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Польши в СССР Патеком

16 октября 1932 г.

Я вызвал Патека, чтобы сообщить ему о демарше, поручением Розенбергу в Париже *. Я вручил ему запись заявления, которое Розенберг должен сделать, прибавив, что довожу об этом до сведения польского правительства, которое также интересуется нашими переговорами с Румынией.

Я напомнил Патеку, что, выдвигая новую формулу заключительного протокола **, он после моих расспросов сказал, что формула согласована с Румынией. Патек прервал меня, сказав, что она была согласована не с Румынией, а с Кадере. Он при этом сказал, что это имело место на квартире у Залесского в присутствии последнего, а также Бека и Патека. Пред-

* См. док. № 404.

** См. док. № 361.

ложенная Патеком формула была записана самим Залесским под диктовку Кадере. Я сообщил тогда Патеку, что Кадере, который в вагоне* возражал не против формулы, а лишь против предложенных мною добавлений, в Женеве заявил, что формула является личным предложением Патека и никогда Румынией не принималась и что в дальнейшем Кадере даже заявил, что Румыния говорила Патеку о непримлемости этой формулы. Патеки стал уверять меня в том, что дело было так, как он мне только что изложил, что он не стал бы выдумывать этого и т. д. Я его успокоил, заявив, что верю ему. В дальнейшем я ему рассказывал о румынских методах переговоров, о том, как Кадере, согласившись в конце концов с формулой Патека без добавлений, при последней встрече заявил, что вся формула для Румынии непримлема, даже без всяких добавлений. Далее я показал Патеку формулу**, записанную мною под диктовку Кадере, которая также была отклонена румынским правительством. Патеки говорил, что его интересуют результаты, все остальное — дело второстепенное. Надо, мол, стремиться к заключению пакта. Я сказал, что нами все сделано для этого, но что мы не можем каждый день начинать все сначала и что я не сомневаюсь в том, что если г. Титулеску придет окончательно к руководству переговорами, то он своей цели срыва пакта добьется. Мы не намерены возвращаться к дважды согласованному тексту пакта, но что касается спорного протокола, то, в случае принятия его в последней редакции самого Кадере, мы готовы пакт подписать в месте, которое будет между нами условлено.

Литвинов

Печат. по арх.

408. Сообщение Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР о расторжении торгового договора между СССР и Латвией

16 октября 1932 г.

Постановлением Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР от 29 апреля 1932 г. Народному комиссариату по иностранным делам поручено заявить правительству Латвии о расторжении торгового договора между Союзом ССР и Латвией от 2 июня 1927 г.

На основании указанного постановления Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР полномочный представитель Союза ССР в Латвии 4 мая 1932 г. вручил министру ино-

* См. док. № 373.

** См. док. № 389.

странных дел Латвийской республики ноту о расторжении упомянутого договора.

Действие договора истекает 5 ноября 1932 г. *

Заместитель Народного комиссара по иностранным делам

Крестинский

*Печат. по «Собранию законов...», отд. II,
№ 24, 30 ноября 1932 г., стр. 335.*

409. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

*Немедленно
17 октября 1932 г.*

Эррио, узнав от Марселя Рея о моем намерении повидаться с Бертело для передачи ему, Эррио, сообщения **, передал мне сегодня, что примет меня лично. Эррио дословно записал сообщение и повторил несколько раз для передачи Вам, что он приложит все старания (бон оффис). Он подробно изучит вопрос с Бертело и прочтет Ваше интервью, текст которого я ему оставил. Он перестал разбираться в румынских делах. Вопрос о пакте стал чисто внутренним румынским вопросом.

Когда я привел ему аргументы из Вашего интервью, он воскликнул, что со всем этим согласен и об этом твердил Титулеску.

Я спросил, считает ли он, что румынские придворные интриги по-прежнему должны влиять на франко-советские отношения. Эррио заявил, что он, несомненно, подпишет пакт, что он, Эррио, устраняет много интриг, направленных против нас, уже не говоря о навязчивых попытках фон Папена заключить франко-германский военный союз против нас; фон Папен предлагал военный союз не десять раз, а раз двадцать. За эти десять лет он, Эррио, несколько не изменился и хочет издали защищать русскую революцию. Он не отрекся от своей книги о СССР ²⁷⁴. Он, однако, должен откровенно заявить, что у него вызывает беспокойство кое-что из того, что делается в Марокко. Раньше чем он будет свергнут, он хочет заключить пакт. Я сказал, что сведения о нашем участии к событиям в Марокко настолько же недостоверны, как и газетные сведения о заключении военного союза между нами и Германией.

Эррио сделал еще несколько проникнутых пафосом заявлений о своем отношении к нам, но ничего более конкретного в отношении сообщения.

* См. также док. № 376.

** См. док. № 404.

Марсель Рей рассказал ряд обстоятельств, из которых видно, что Кадере рассматривается теперь Титулеску как свой человек. Кадере в Париже и околачивается в МИД. Румын сообщил им, что Литвинов возобновил Рапалльский договор и заключил военную конвенцию в Берлине. Этому Марсель Рей не верит, но обеспокоен тем, что происходит в Марокко. Из контекста разговора можно было догадаться, что речь идет о французских коммунистах, которые действуют якобы от имени СССР. Рей намекнул, что возможна провокация, и добавил, что «вам и нам невозможно будет в ней разобраться». Я вставил то, что полагается о провокациях и невозможности подчинения французских коммунистов соображениям советской внешней политики.

Сегодня увижусь еще с Бертело *.

[Розенберг]

Печат. по арх.

410. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

17 октября 1932 г.

По просьбе Эррио я вручил Бертело письменный текст сообщения, указав, что это вербальное сообщение. Приложил формулы Патека и Кадере **. Бертело заявил, что он ничего не может сказать, так как нет министра иностранных дел Румынии. Вайда-Войвода *** не хочет работать с Титулеску после сделанных им в данной обстановке заявлений. Я ему напомнил, что МИД Франции в лице Леже солидаризовался с формулой Патека. Бертело указал на то, что после сообщения, сделанного Вам Залесским и Массигли ****, Вы якобы заявили им, что вопрос принимает политический характер и Вам необходимо снестись с правительством; после этого они ожидали отказа от слова «существующие». Ссылаясь на сказанное мною в предыдущей беседе с Бертело, я ему указал, что не было основания рассчитывать, что мы можем выйти за пределы крайних уступок, сделанных Вами в Женеве. Бертело повторил, что формула Кадере для Румынии хуже формулы Патека. Титулеску не согласится на слово «существующие», аргументируя тем, что Румыния, признавая наличие

* См. док. № 410.

** См. соответственно док. № 361, 389.

*** Премьер-министр Румынии.

**** См. соответственно док. № 285, 289.

споров, может натолкнуться с нашей стороны на требование арбитражного решения.

Высказывая свои предположения, Бертело заявил, что Эррио сможет подписать пакт без Румынии, поскольку Титулеску заявил, что это их не задевает. Когда Франция подписала румынский протокол*, она взяла у Румынии обязательство ненападения на нас. Теперь нужно будет, чтобы мы при подписании советско-французского пакта написали ноту Франции о том, что мы не будем нападать на Румынию. Я сказал, что мы уже пактом Келлога дали это обязательство, что мы вообще ни на кого не намерены нападать и что я лично считаю, что вопрос может идти лишь о форме декларации. По своей инициативе мы не можем написать такую ноту, с чем он согласился. Я заявил, что передам Вам это его предложение, поскольку оно сделано официально.

[Розенберг]

Печат. по арх.

411. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Великобритании в СССР Овием

19 октября 1932 г.

Рассказав о проведенном отпуске, Овий сразу перешел к вопросу о денонсации торгового договора**. Хотя эта денонсация в Англии широко обсуждалась и допускалась ее возможность, никто из официальных лиц, с которыми Овий беседовал в Лондоне, не говорил ему об этой денонсации как о мероприятии ближайшего времени, и она поэтому была для него сюрпризом. Он, однако, уверен, что в Англии и правительственные и промышленные круги стремятся к дальнейшему развитию торговых отношений с СССР, но они хотели бы изменить соотношение между экспортом и импортом. Не помню точно употребленных Овием выражений, но он несомненно говорил о том, что речь идет не о нетто-балансе, а что наш импорт должен составлять заранее определенную часть нашего экспорта, причем им употреблялось также слово «гарантия». Он спрашивал меня, как мы относимся к денонсации и что мы намерены ответить его правительству.

Я сказал, что английская нота для нас также была неожиданностью после того, как Саймон официально заверял т. Сокольникова в отсутствии соответственных обязательств в отношении Канады²⁷⁵. Нота произвела, конечно, тяжелое впечатление в Москве, но мы еще не имели времени обсудить

* См. т. IX, прим. 74.

** См. стр. 674.

и определить свое отношение к ней. Поскольку нам не сообщают, что является побудительной причиной денонсирования договора, мы должны делать свои собственные догадки. Либо в Оттаве английское правительство взяло на себя обязательство расторжения договора, и в таком случае странным представляется заявление Саймона Сокольникову. Либо же нота послана под влиянием решения съезда консервативной партии, что означало бы, что экстремисты английских консерваторов, проникнутые злобой и враждой к Союзу, диктуют свою волю английскому правительству. Либо же, наконец, решение принято отчасти в результате переговоров Англии со Швецией, о которых газеты писали в связи с поездкой принца Уэльского. Во всяком случае шаг английского правительства, уничтожающий базу торговых отношений, явно направлен против развития этих отношений. Торговое соглашение представляло минимум тех условий, которые необходимы для поддержания экономических отношений с Англией.

Овий сказал, что он не ожидал встретить такой пессимистический тон в оценке будущего англо-советских отношений. Он надеется, что предстоящие переговоры дадут желательные обоим сторонам результаты*.

О «Лена-Голдфилдс»** Овий не заговаривал. Трудно допустить, чтобы он не получил в Лондоне на этот счет инструкций. Очевидно, он счел момент неблагоприятным для поднятия вопроса о «Лене». Он сообщил о своем знакомстве с Майским, сказав, что тот произвел очень хорошее впечатление и что он считает его весьма подходящим человеком для работы в Лондоне.

Литвинов

Печат. по арх.

412. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немебленко
19 октября 1932 г.*

Сегодня виделся с Араки. Он говорил, что хулуибуирский вопрос²⁶⁶ его беспокоит. Штаб Квантунской армии предполагает начать наступление, но это может погубить задержанных японцев, но ничего не поделаешь. Переговоры с восставшими затруднены тем, что никто не хочет посылать своих представителей на территорию противника. Если переговоры нач-

* См. также док. № 414, 415, 425, 434, 440.

** См. док. № 349.

нутя, то лучше их вести на нейтральной территории. Он спрашивал, допустим ли мы представителей маньчжурского государства на Мацневскую для переговоров с восставшими. Я рассказал все, что мы сделали, но относительно поездки представителей маньчжурского государства на Мацневскую сказал, что не имею ответа, очевидно, ввиду переговоров Смирнова *. Он просил дать ответ.

Я спросил Араки, считает ли он, что имеющиеся между нами вопросы могут быть разрешены дружески. Он ответил, что имеется надежда. Я высказал предположение, что воинственная речь в отношении СССР здесь в Японии могла толкнуть на восстание Су Бин-вэня, ибо он мог принять эти речи всерьез и решить использовать положение. Для Араки это было неожиданно. Он спрашивал, говорил ли я с Утида о пакте о ненападении. Я сказал, что раз говорил, но больше проявлять активности не стану **. Он решил, что после разрешения хулунбуирского вопроса он поставит вопрос о пакте ненападения. Он считает, что надо разрешать один вопрос за другим, а потом, может быть, подписать пакт. Он виделся с Фудзивара, скоро увидится с Хирота. Я дал согласие, чтобы он наш разговор передал Хирота. Я обещал дать скоро ответ о Мацневской и результатах переговоров Смирнова ²⁷⁶.

При оценке позиции военных надо учесть, что они помимо оживания решения Лиги наций проводят сейчас увеличение своего бюджета на 200 млн. иен и не хотят представить дело так, что нет опасности войны с нами. Они поэтому будут затягивать решение наших вопросов до январской сессии парламента.

Полпред

Печат. по арх.

**413. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата
Иностранных Дел СССР с Поверенным в Делах Финляндии
в СССР Хаккарайненом**

19 октября 1932 г.

Хаккарайнен пришел представить мне нового коммерческого советника финляндской миссии Путкинена. Состоявший до настоящего времени коммерческим атташе этой миссии Ярвинен в связи с назначением Путкинена переведен в ранг заместителя коммерческого советника.

Путкинен, а отчасти и Хаккарайнен говорили о решении финляндского правительства активизировать экономические

* См. док. № 402, 417, а также док. № 418.

** См. док. № 369.

отношения с СССР. При этом имеется в виду достигнуть определенного соотношения между финляндским экспортом и нашим импортом в Финляндии. За истекшие девять месяцев этого года экономические отношения значительно улучшились, и финляндский экспорт достиг полутора миллионов долларов, советский же экспорт составил около полумиллиона долларов. Таким образом, торговый баланс вновь оказался сильно активным для Финляндии. В ответ на мое указание, что экономические отношения только тогда будут стабильными и не будут носить случайного характера, когда они будут покониться на действительно взаимной выгоде, Путкиннен сказал, что и он, и финляндское правительство согласны с этим и понимают необходимость обеспечить соответственно советский экспорт в Финляндию. Он ставит себе одной из главных задач разъяснение заинтересованным кругам в Финляндии важности производить достаточные закупки в СССР, чтобы обеспечить финляндский экспорт к нам. Он сказал, что Финляндия отдает себе отчет в том, что вопрос о торговле с СССР является прежде всего вопросом кредита. В Финляндии имеется уже государственное страхование кредитов в размере 120 млн. марок (около 2 млн. ам. долл.), причем государство гарантирует в размере 70% заказов. В случае необходимости эта сумма, может быть, могла бы быть увеличена, хотя он, Путкиннен, в этом не уверен.

Мы обменялись мнениями о структуре советско-финляндского товарооборота, и, когда Путкиннен стал вдаваться в слишком большие подробности, я рекомендовал ему переговорить по всем вопросам советско-финляндских экономических отношений с т. Дволайцким *.

В ответ на мой вопрос Хаккарайнен говорил о затруднениях нынешнего финского кабинета и выражал уверенность, что дело обойдется без министерского кризиса, подчеркивая роль в этом президента Свинхувуда. Оба они указывали на то, что нынешний финляндский кабинет является самым долговечным из всех правительств в Финляндии. При этом Хаккарайнен сразу согласился со мной, что долговечность объясняется, вероятно, той ролью, которую Свинхувуд играет за последнее время в управлении страной.

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

* Член коллегии Народного комиссариата внешней торговли СССР.

414. Опровержение ТАСС сообщения английского корреспондента в связи с денонсацией Правительством Великобритании временного торгового соглашения между СССР и Великобританией

20 октября 1932 г.

Ковенский корреспондент английского агентства Эксчендж Телеграф сообщает, что «Совнарком СССР принял решение предложить правительству Англии пересмотреть англо-советский торговый договор». ТАСС уполномочен заявить, что это сообщение названного корреспондента лишено всякого основания. Ни Совнарком СССР, ни какой-либо другой орган правительства СССР не возбуждал вопроса об изменении, пересмотре или денонсировании временного торгового договора с Англией. ТАСС уполномочен заявить, что денонсирование временного торгового договора с Англией произведено по инициативе и за полной ответственностью одного лишь английского правительства*.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 291 (4861), 20 октября 1932 г.*

415. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Великобритании в СССР Овием

22 октября 1932 г.

Овий вручил мне ноту, в которой мы извещаемся о решенном опубликовании английским правительством ноты нашему поверенному в делах от 17-го о денонсации торгового соглашения*. Далее Овий сообщил, что он передал в Лондон свой последний разговор со мною и что там одобрили взгляды, которые им были тогда мне высказаны**. Ему поручено об этом мне сказать со ссылкой на речь Болдуина*** в палате от 20-го, где он указывал на готовность британского правительства приступить к переговорам о новом торговом соглашении «при условии обеспечения лучшей пропорции советских заказов».

На вопрос Овия, сохранилась ли у меня та горечь, которую он заметил при предыдущем разговоре, я ответил утвер-

* См. стр. 674.

** См. док. № 411.

*** В тексте видимо, неточно, — Чемберлена: см. «Documents on British Foreign Policy, 1919—1939», Second Series, Vol. VII, 1929—34, London, 1958, pp. 253—254. О выступлении Болдуина, председателя Тайного совета и лорда хранителя печати Великобритании, см. газ. «Известия» № 293 (4863), 22 октября 1932 г.

дительно. Я сказал, что ни одно государство, а тем более крупное, не может позволить, чтобы против него принимались меры дискриминации и чтобы его ставили в худшее положение, чем другие государства. Не говоря уже о том, что на Оттавской конференции¹³⁹ торговые отношения с Союзом были особо отмечены и выбраны в качестве предмета торговли с доминионами, самый акт денонсации договора также является мерой дискриминации. Газеты сообщают, что английское правительство предложило Скандинавским странам немедленно вступить в переговоры о дополнительных соглашениях в рамках существующих договоров, а между тем договор с СССР был денонсирован без всяких переговоров. Овий ответил, что, насколько ему известно, у Англии не существует со Скандинавскими и другими странами торговых договоров. Кроме того, СССР находится в особом положении в силу монополии внешней торговли, дающей ему возможность дискриминировать между странами и совершенно лишать Англию заказов. Английское правительство не может лишать нас заказов, поскольку торговля ведется частными фирмами, руководствующимися своими интересами. Я указал на нелогичность подобных рассуждений, к которым прибегал также Чемберлен в палате. Торговое соглашение только создает условия для торговли, условия одинаковые для всех стран, но оно не обеспечивает ни нам, ни другой стороне никаких заказов. Английские фирмы покупают у нас товары, когда это им выгодно, равным образом и мы размещаем заказы в Англии, когда это соответствует нашим интересам. Причем мы, как и всякая частная фирма, руководствуемся исключительно коммерческими соображениями. Были случаи, когда мы дискриминировали, например, против Франции, когда она такую же дискриминацию проводила в отношении СССР, но все это делалось с обеих сторон в законодательном порядке. Существующее торговое соглашение с Англией делает, однако, подобную дискриминацию с обеих сторон невозможной. Монополия внешней торговли является нашим внутренним делом и несколько не затрагивает других стран и не наносит им ущерба. Наоборот, другие страны только выигрывают от монополии, когда им приходится иметь дело с государством, отвечающим почти за весь объем торговли, а не со множеством коммерческих фирм, из которых известное число всегда банкротится.

Овий, не имея других доводов, сослался на временный характер торгового соглашения. Я напомнил ему, что оно называлось временным только по настоянию английского правительства, что при заключении его предусматривались переговоры о постоянном торговом договоре и что английское правительство от этих переговоров уклонялось. Эти переговоры,

однако, не предполагали предварительного аннулирования существующего временного соглашения.

На вопрос Овня, что мы намерены теперь делать, и на высказанную уверенность в том, что торговля не будет приостановлена, я сказал, что вопрос обсуждается непосредственно заинтересованными органами, но что пока, естественно, наступил период нерешительности и неуверенности в будущем наших отношений, что может, конечно, отразиться на ближайшем развитии торговли. Мы составляем планы и размещаем заказы в учете беспрепятственной реализации нашего экспорта, но когда последнему ставятся или намечаются препятствия, мы должны, естественно, призадуматься над нашими импортными планами, возлагающими на нас платежные обязательства. Наш импорт и экспорт в Англию за последнее время неуклонно изменялся в пользу Англии без всякой денонсации договора, и я не думаю, чтобы можно было достигнуть этой цели при помощи предпринятого Англией шага. Если сэр Эсмонд [Овнь] заметил горечь в моих рассуждениях, то он должен знать, что она отнюдь не является адекватным выражением тех настроений, которые денонсация договора вызвала в наших правительственных и хозяйственных кругах.

Литвинов

Печат. по арх.

416. Сообщение Правительства Союза Советских Социалистических Республик о продлении перемирия в вооружениях

22 октября 1932 г.

Имею честь уведомить вас, что, поскольку делегация Правительства СССР на Конференции по разоружению голосовала за вышеуказанную резолюцию, Правительство принимает предложенное продление перемирия в том же самом смысле и на тех же самых условиях, которые были указаны в моей телеграмме 21 сентября * 1931 года.

Литвинов

Печат. по сб. «Conference for the Reduction and Limitation of armaments, Conference documents», Vol. II, Geneva, 1935, p. 428. Опубл. в «Сборнике документов по международной политике...», вып. V, М., 1933, стр. 119.

* В тексте ошибочно — 21 октября: см. т. XIV, док. № 270.

417. Сообщение ТАСС по вопросу об эвакуации японских подданных из района действий китайских войск в Маньчжурии на советскую территорию

23 октября 1932 г.

Китайские охранные войска, выступившие 27 сентября с. г. против Маньчжоу-Го²⁶⁶, задержали всех японских резидентов, проживающих в районе действий китайских войск, и отказали в просьбе японского консульства на станции Маньчжурия разрешить эвакуацию японских подданных на советскую территорию. Согласно Советского правительства на такую эвакуацию было дано по просьбе японского правительства еще до начала событий на станции Маньчжурия²⁷⁷.

Японское правительство обратилось к Советскому правительству с просьбой вступить в переговоры с генералом Су Бин-вэнем, командующим антиманьчжурскими войсками, об освобождении японских резидентов и разрешении им эвакуироваться на советскую территорию.

Советское правительство по соображениям гуманности согласилось исполнить просьбу японского правительства. Советский консул на станции Маньчжурия 15 октября с. г. обратился к китайским властям с просьбой разрешить японским подданным, в том числе женщинам и детям, эвакуироваться на территорию СССР.

22 октября советский консул на станции Маньчжурия получил от командующего антиманьчжурскими силами генерала Су Бин-вэня нижеследующий ответ:

«Главкомандующий «Армией спасения родины» благодарит Советское правительство за оказанную ему честь обращением к нему по вопросу эвакуации мирных японских резидентов. Генерал Су согласен удовлетворить просьбу Советского правительства об эвакуации всех мирных японских резидентов по спискам, представленным японским консульством через советское консульство, при условии, что в первую очередь эвакуируются женщины и дети, во вторую очередь эвакуируются мужчины, не участвовавшие в военных действиях против китайской «Армии спасения родины» и не участвовавшие в работе органов власти Маньчжоу-Го»*.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 264 (4264), 23 октября 1932 г.*

* См. также док. № 402, 419.

418. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Генеральному консулу СССР в Харбине М. М. Славуцкому

25 октября 1932 г.

Араки обратился к Трояновскому с просьбой разрешить посылку на нашу территорию около границы делегатов Маньчжоу-Го вместе с несколькими японскими офицерами для встречи и переговоров с представителями Су Бин-вэня *. Для ускорения просил разрешить полет на аэроплане. Мы сообщили Трояновскому наше согласие на просьбу Араки, а также на полет на аэроплане. Трояновский при этом укажет, что мы предпочитаем Мацневскую как место их встречи и пребывания **. Сообщается для сведения.

Карахан

Печат. по арх.

419. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Временным Поверенным в Делах Японии в СССР Амо

27 октября 1932 г.

Амо сообщил, что им получена инструкция японского правительства, которую он мне прочел на английском языке, и я слово в слово ее записал в его присутствии.

«Благодаря посредничеству Советского правительства японские резиденты в районе Маньчжурии и в других местах получают возможность эвакуироваться на советскую территорию как только списки этих японских резидентов, представленные японским консулом через советского консула в Маньчжурии генералу Су Бин-вэню, будут последним утверждены. Японское правительство выражает пожелание, чтобы эти японские граждане были бы эвакуированы как можно скорее и в возможно большем числе. Однако японцам, участвовавшим в военных действиях или состоявшим на службе в административных органах Маньчжоу-Го, не разрешено эвакуироваться, согласно ответу, полученному от генерала Су Бин-вэня.

Японское правительство считает совершенно естественным, что часть японских резидентов приняла меры самообороны против антияпонских и антиманьчжурских действий армии Су Бин-вэня. Нет также оснований, почему японские граждане, которые мирно служили у Маньчжоу-Го, должны быть

* См. док. № 412.

** См. также док. № 419.

задержаны. Поэтому японское правительство не может остаться индифферентным к тем японским резидентам, которые задержаны, и японское правительство будет стараться всеми средствами их освободить. Японское правительство просит у Советского правительства дальнейшей помощи к освобождению японских резидентов из района Маньчжурии.

С другой стороны, японское правительство хочет вести непосредственные переговоры с антиманьчжурскими властями. Более того, японское правительство, взявши на себя ответственность за мир и порядок в Маньчжоу-Го, хочет разрешить все вопросы, касающиеся Барги, как можно скорее и мирным путем. В соответствии с вышеизложенной установкой японское правительство находит необходимым послать в какой-либо пункт, расположенный у советско-маньчжурской границы, в район станции Маньчжурия, комиссию на следующих условиях:

1. Число членов комиссии еще окончательно не установлено, но примерно предполагается отправить 5 офицеров Квантунской армии, 8 представителей Маньчжоу-Го, военного атташе или помощника военного атташе из посольства в Москве и представителя мининдела (Амо тут же заметил, что этим представителем мининдела будет, по всей вероятности, кто-либо из членов московского посольства*, Миякава или Отам).

2. Те, кто будут посланы из Маньчжоу-Го, хотели бы полететь на аэроплане в место, указанное Советским правительством, в одном из пунктов Забайкалья.

3. В отношении переговоров и сообщения с антиманьчжурской армией желательно, чтобы власти СССР помогли японским властям.

4. О деталях посылки комиссии на территорию СССР квантунские военные власти должны договориться с советскими представителями в Маньчжоу-Го. Японское правительство надеется, что Советское правительство согласится с вышеприведенными предложениями, окажет помощь и предоставит всяческие облегчения для выполнения намеченной миссии».

Я ответил Амо, что с подобного рода просьбой некоторое время тому назад через нашего посла в Токио к нам обратился японский военный министр Араки и мы дали уже наше принципиальное согласие на эту просьбу**. Поскольку Амо ставит этот вопрос по поручению японского правительства в официальном порядке, я ему могу подтвердить наше согласие на посылку комиссии на нашу территорию для переговоров с антиманьчжурскими властями.

* Имеется в виду посольство Японии в Москве.

** См. док. № 418.

Я просил Амо разъяснить мне 3-й пункт просьбы японского правительства, ибо он мне не совсем ясен. Амо объяснил, что речь идет о том, чтобы мы помогли японцам связаться с генералом Су Бин-вэнем. Я заметил, что едва ли в этом есть какая-нибудь необходимость, потому что контакт с генералом Су Бин-вэнем у японцев имеется. Но само собой понятно, что всякая телеграмма и всякое сообщение, которые японское правительство захотело бы, пользуясь нашим телеграфом, почтой или нашими представителями на территории Маньчжурии, переслать Су Бин-вэню, — мы в этом могли бы пойти навстречу. Точно так же как, ввиду просьбы японского правительства, мы разрешили бы представителям этих антиманьчжурских властей прибыть на нашу территорию для переговоров с японской комиссией. Я ему указал, что местом для пребывания комиссии мы намечаем станцию Мацневская и что аэропланы, которые должны будут прилететь из Маньчжурии, также должны будут сесть в районе этой станции, где имеется небольшой аэродром в 400 метров, о чем я прошу предупредить квантунские военные власти.

Что касается вопроса о том, где договариваться о деталях, которые упомянуты в пункте 4-м инструкции японского правительства, то я бы считал более целесообразным об этом договориться в Москве, где имеется больше возможностей согласовать эти детали с заинтересованными ведомствами, но у меня нет особых возражений и против Харбина *.

После этого Амо задал мне вопрос о дальнейшем поведении японской прессы в Харбине и других пунктах Маньчжоу-Го. Я ему сказал, что пресса не унимается, что сейчас она начала кампанию против нас в связи с пребыванием на Дальнем Востоке китайских консулов. Газеты требуют, чтобы китайские консулы с Дальнего Востока, и в особенности из Благовещенска, были бы изгнаны после появления там консулов Маньчжоу-Го. Я выразил ему удивление по поводу того, что кто-то может вмешиваться в вопрос о том, какие консулы находятся на территории СССР. Что кампания эта прессы инспирирована японскими властями в Маньчжурии не оставляет никаких сомнений, ибо одновременно с кампанией прессы у нашего консула т. Слауцкого был Сугихара ** и настаивал на том, чтобы консул в Благовещенске был изгнан. Кто ему поручил это и на каком основании он это делает, совершенно непонятно. Тем более непонятно, что сама Япония имеет китайского посла в Токио и китайских консулов в разных пунктах своей территории. Но если бы даже Япония не

* См. также док. № 439, 442, 453, 454, 465, 472, 475, 477, 478.

** Заместитель представителя МИД Маньчжоу-го в Харбине, японец.

имела китайских консулов и посла на своей территории, то и в этом случае совершенно непозволительной явилась бы такого рода претензия по нашему адресу.

Амо, по-видимому, был застигнут врасплох этим вопросом. Единственно, что он сказал, это отрицал связь между харбинскими газетами и японскими военными властями. Он мне сказал, что во время пребывания здесь полковника Исихара, который долгое время находился в Мукдене, он имел с ним беседу о поведении маньчжурских газет, и Исихара его заверил, что военные власти к этим газетам отношения не имеют и для воздействия на прессу необходимо действовать через японского консула в Харбине. Он очень советовал мне телеграфировать Славуцкому, чтобы тот вступил в переговоры на эту тему с консулом.

В заключение Амо сообщил мне, что Мацуока * телеграфировал ему свою просьбу, если это возможно, устроить ему прием у т. Сталина. Амо сказал мне это очень неуверенным тоном.

Я ему сказал, что я не знаю, сможет ли т. Сталин принять его. Думаю, что это очень трудно, ибо он, как правило, не принимает представителей других правительств, что в особенности это будет трудно, так как Мацуока приезжает накануне праздника 7 ноября, когда все у нас занято, но что, поскольку он обращается ко мне с такой просьбой, я попытаюсь выяснить это дело **.

Карахан

Печат. по арх.

420. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалецкого Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

27 октября 1932 г.

Я просил Эррио о свидании. Он сослался на крайнюю занятость и просил меня повидаться с Бертело. Последний сказал мне, что Титулеску заявил французскому посланнику в Бухаресте, что он готов на возобновление переговоров 2 ноября в Женеве, что отзовет Кадере и поручит переговоры другому лицу и что он намерен: 1) изменить ст. 1 в духе пакта Келлога; 2) наставить на статье о пропаганде, идентичной соответствующей статье советско-польского пакта, и 3) отклонить слово «существующие» или другие аналогичные.

* Глава японской делегации на конференции по разоружению.

** И. В. Сталин не принимал Мацуока.

Я спросил, является ли это сообщение ответом на заданные Вами через Розенберга вопросы *. Бертело ответил отрицательно, сославшись на то, что якобы не понял Вашего обращения в том смысле, что ему следовало запросить румын, и спросил меня, как мы отнесемся к намерениям Титулеску. Я ответил резко отрицательно. Бертело спросил, окончательно ли это наше слово, подчеркнув, что в положительном случае это было бы равносильно срыву советско-румынских переговоров. Я ответил, что в срыве переговоров, если бы таковой имел место, были бы виновны единственно румыны и что вообще вопрос должен быть обращен не к нам, а к Румынии. У Бертело имеется заявление Литвинова, переданное через Розенберга, заявление сделано в совершенно отчетливой форме, и мне нечего к нему добавить. Заявление заканчивалось просьбой к французскому правительству спросить Румынию о ее намерениях; если правительство Франции склонно исполнить эту просьбу, мое правительство будет ему весьма обязано; ответ Румынии пролетит свет на судьбу советско-румынского пакта. Бертело ответил, что исполнит просьбу и сообщит немедленно в Бухарест заявление и вопрос Литвинова.

Затем я перешел к франко-советскому пакту. Бертело ответил, что хотя франко-советский пакт имеет во Франции адептов **, но что все же есть серьезные противники и Эррио хотел бы заранее укрыться от их атак, чему помог бы наш пакт с Румынией. В случае же неудачи переговоров с Румынией таким укрытием могло бы, пожалуй, послужить наше заявление французам о ненападении на Румынию. Эту мысль он, Бертело, от своего имени сообщил Розенбергу и хотел бы узнать от меня, как она была принята в Москве. Я ответил, что мое правительство не обсуждало этого предложения ввиду частного его характера. Бертело тогда спросил, каково лично мое мнение. Я ответил, что не изучил его, но первое мое впечатление неблагоприятное. Бертело возразил, что он, однако, сейчас не видит другого выхода, и стал убеждать меня в приемлемости его идей, которые-де не идут вразрез с нашими миролюбивыми намерениями и, с другой стороны, дополнили бы румынское обязательство французам не нападать на Россию. Бертело пояснил, что речь идет о протоколе, приложенном к франко-румынскому договору о дружбе от 10 июня 1926 г. *** В этом протоколе представитель Румынии: первое, подтверждает сделанную 17 мая 1922 г. на Генуэзской конференции, на пятом заседании Первой комиссии председателем румынской делегации Братиану, декларацию о пер-

* См. док. № 404.

** — сторонников (франц.).

*** См. т. IX, прим. 74.

манентном обязательстве ненападения на Россию на базе статус-кво и, второе, сообщает, что Румыния толкует это обязательство как обязательство не нападать на Россию при помощи своих регулярных войск, а также как запрещение терпеть на своей территории нерегулярные войска для нападения на Россию*. (Все это было мною записано под диктовку Бертело, читавшего с протокола.) Когда я кончил записывать, я повторил, что не могу рекомендовать моему правительству принять к обсуждению предложение до того, как оно будет сделано официально. Бертело ответил, что доложит свое предложение Эррио на одобрение. На мой заключительный вопрос о том, как он представляет себе в дальнейшем ход наших переговоров, Бертело ответил, что передаст в Бухарест заявление и вопрос Литвинова и в зависимости от ответа, возможно, повторит официально свое предложение. Бертело обещал поторопиться с ответом. Совсем на прощание, когда я заявил Бертело, что лучшим средством для ускорения подписания советско-румынского пакта явилось бы немедленное заключение франко-советского пакта, Бертело спросил, согласились ли бы мы после подписания франко-советского пакта возобновить с Румынией переговоры на базе, предлагаемой Титулеску. Я возразил, что, не зная официально этой базы, не могу ответить, но могу, однако, заверить еще раз, что мы вели с Румынией переговоры искренне и независимо от аналогичных переговоров с другими странами и что наша политика мира и двусторонних пактов о ненападении тверда и неизменна; если и когда румыны искренне захотят заключить с нами пакт, они встретят у нас полное согласие**.

Полпред

Печат. по арх.

421. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Финляндии с Заместителем Министра Иностранных Дел Финляндии Паюла

27 октября 1932 г.

Я зашел к Паюла по вопросу о сплавконвенции. Прежде всего я пояснил ему, что мы не конкретизировали своего первого предложения лишь потому, что были уверены в том, что необходимость пересмотра конвенции достаточно ясна МИД

* Очевидно, имеется в виду письмо Братиану, адресованное председателю Генуэзской конференции Факта, зачитанное им на заседании Первой комиссии (см. т. V, стр. 391—392) в связи с выступлением Г. В. Червина на этой комиссии 17 мая 1922 г.; см. там же док. № 160 и прим. 87.

** См. также док. № 427.

и что основанием к такой уверенности для нас послужил тот факт, что Ахонен еще в июне с. г. в частной беседе с т. Колчановским отнесся сразу же (без вопросов о мотивах и пр.) очень сочувственно к мысли т. Колчановского о пересмотре конвенции.

Затем, идя навстречу МИД в конкретизации вопроса, я указал, что в пересмотре действующей конвенции заинтересованы в равной степени и мы, и финская сторона, так как она, конвенция, в некоторых своих частях совершенно не соответствует фактическому положению вещей в деле сплава, что вызывает и будет вызывать и в дальнейшем всякого рода недоразумения. В качестве примера я указал на тот факт, что конвенция предусматривает создание сплавных обществ, которых на самом деле не существует, что их функции в противовес конвенции выполняются частично сплавуполномоченными и частично погранкомиссарами. В качестве второго примера я привел указание на то, что финские сплавщики с разрешения наших властей пользуются для сплава такими реками, проходящими по территории СССР, по которым до сих пор не имеется сплавуставов, что, несомненно, [отсутствие уставов] создает ряд недоразумений, мелких конфликтов и прочее. В ответ на реплику Паюла, что МИД давно настаивает на подписании уставов именно по этой системе рек, я ответил, что это обстоятельство, конечно, известно нам, но дело в том, что мы не считаем целесообразным делать этого до пересмотра конвенции, так как уставы должны разрабатываться на базе конвенции, в то время как последняя находится в противоречии с действительным положением вещей.

Паюла, выслушав все мои соображения, заявил, что для него вопрос теперь более ясен, что в ближайшее время (неделя-две) он надеется дать мне ответ, причем, по его мнению, вероятнее всего — положительный для нас²⁷³. Тут же, — ни к селу, ни к городу, — не дав еще согласия МИД на пересмотр конвенции, он присовокупил, что он надеется, что и наша сторона будет также сочувственно откликаться на их предложения о пересмотре какого-либо соглашения и прочее (хотел ли он упрекнуть нас в том, что мы до сих пор не дали ответа на их ноту о транзите по р. Неве или что-либо другое).

На это я ответил так: я не помню из этой области такого случая, когда бы МИД мог быть сильно недоволен нами.

Временный Поверенный в Делах
Н. Поздняков

Печат. по арх

422. Сообщение советской печати об открытии Международной конференции по вопросам железнодорожного сообщения между Европой и Азией

28 октября 1932 г.

Рим, 26 октября (ТАСС). В Неаполе открылась Международная конференция по вопросам железнодорожного сообщения между Европой и Азией. Председателем конференции избран советский делегат т. Пивоваров²⁷⁹.

Печат. по газ. «Известия»
№ 299 (4569), 28 октября 1932 г.

423. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Польше В. А. Антонова-Овсенко в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

31 октября 1932 г.

Залесский сообщает: «Позавчера просили через него продолжать посредничество в переговорах о гарантийном пакте»*. Он поручил польскому послу передать, что это приемлемо, если лишь будет дана гарантия доброй воли и будут разумно определены предложения Румынии. Залесский добавил, что если ответ будет уклончив, то Польша сочтет себя свободной в ратификации пакта. Залесский предлагает «вскоро закончить вопрос о согласительной конвенции»**.

Согласен вести переговоры о славной конвенции в Варшаве²⁸⁰. Сообщает, что между Англией, Францией и Америкой идут переговоры. Соединенные Штаты обещают поддержку против Германии в вопросе разоружения за поддержку Англии и Франции против Японии.

Полпред

Печат. по арх.

424. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Временным Поверенным в Делах Японии в СССР Амо

3 ноября 1932 г.

Амо извинялся, что не приходил ранее засвидетельствовать свое почтение в качестве временного поверенного в делах. На мой вопрос, скоро ли приедет Ота***, Амо ответил, что он еще

* Имеются в виду советско-румынские переговоры о заключении договора о ненападении; см. док. № 406, 407.

** См. соответственно док. № 300, 446.

*** Новый посол Японии в СССР, на которого уже был дан агреман.

не назначен послом и что назначение состоится общее в отношении нескольких послов. Я спросил Амо, читал ли он интервью Ота с представителем «Нити-нити», и тут же прочитал ему некоторые места из этого интервью, где высказывается сомнение в необходимости пакта о ненападении. Амо ответил отрицательно, и я ему дал соответственный бюллетень ТАСС.

Амо спрашивал, когда я собираюсь в Женеву и верны ли полученные им сведения, что Лига [наций] собирается выяснить наше отношение к докладу Литтона. Я ответил, что я пока в Женеву не собираюсь и посылаю на сегодняшнее [заседание] Бюро вместо себя т. Довгалецкого и что поеду в Женеву лишь в том случае, если работа по разоружению примет более серьезный характер. Намерения Лиги наций относительно доклада Литтона нам неизвестны.

Амо далее спрашивал, верны ли распространяемые нанкинцами* слухи о состоявшемся между мною и Иеном обмене нотами о восстановлении отношений. Я ответил, что если бы действительно состоялось возобновление отношений и обмен нотами, то мы это опубликовали бы. На самом же деле отношения не восстановлены еще. У меня в Женеве были разговоры с Иеном, как и с представителями других государств. Наша политика, конечно, требует поддержания и сохранения отношений со всеми государствами, и мы никогда не отказывались от установления и восстановления отношений с каким бы то ни было государством.

Под конец Амо спрашивал, не желаю ли я передать что-нибудь его правительству относительно пакта о ненападении или по другим вопросам. Я ответил, что мы не получили и все еще ждем официального ответа от японского правительства на наше официальное предложение о заключении пакта**. Мы очень много читаем об этом в японской и европейской прессе. На днях, например, корреспондент «Тан» из Токио сообщил, будто Утида заявил, что японское правительство намерено заключать пакт с СССР. Что верного во всех этих слухах и сообщениях — нам знать не дано. Амо сказал, что надо различать между заключением пакта и соглашением, которое может и не иметь формы пакта. Заключение вообще пактов и договоров для Японии затруднительно, ибо это требует прохождения через Тайный совет, а это процедура сложная. Поэтому, когда говорят о незаключении пакта, то имеется в виду соглашение в другой форме. Он напомнил при этом о затруднениях, возникших при ратификации пакта Келлога, вызвавших даже отставку правительства.

* Имеется в виду центральное правительство Китая.

** См. т. XIV, док. № 401.

Когда Амо поблагодарил меня за переданное ему приглашение для Мацуока посетить меня, я его поправил, сказав, что заведующий Протокольным отделом мне действительно передал сегодня просьбу японского посольства о принятии Мацуока и что я назначил уже для этого время²⁸¹. Амо тогда пригласил меня «почтить своим присутствием устраиваемый им завтра прием». На мой вопрос, имеет ли Мацуока какие-либо поручения, касающиеся нас, Амо ответил, что, по всей вероятности, Мацуока пожелает обменяться с нами мнениями.

Литвинов

Печат. по арх.

**425. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных
Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Вели-
кобритании И. М. Майскому**

3 ноября 1932 г.

Многоуважаемый Иван Михайлович,

На днях был подвергнут в правительстве обсуждению вопрос о том, ответить ли английскому правительству на его ноту* нотой, содержащей согласие на начало предложенных английским правительством переговоров.

В результате обсуждения было принято решение никакого ответа сверх той ноты**, которой т. Каган подтвердил получение ноты от 17 октября, не давать и переговоров пока не начинать. Мы исходим из положения, что английское правительство и английские промышленники не меньше, чем мы заинтересованы в наличии нормальных хозяйственных отношений, что поэтому через некоторый промежуток времени они вынуждены будут, может быть, повторить предложение о переговорах, при этом сделать это в более определенной и приличной форме, чем это было сделано в ноте от 17 октября. Ведь в этой ноте вовсе не содержится предложения начать переговоры о заключении нового торгового договора, а предлагается лишь начать переговоры о создавшемся в результате денонсирования торгового договора положении. Хотя в своих выступлениях в палате общин члены правительства (Болдуин и особенно Невиль Чемберлен***) и заявили о готовности английского правительства заключить новый торговый договор с СССР, хотя такое же заявление сделал представитель правн-

* См. стр. 674.

** Имеется в виду нота временного поверенного в делах СССР в Великобритании С. Б. Кагана министру иностранных дел Великобритании Саймону от 19 октября 1932 г.

*** О выступлении Чемберлена, министра финансов Великобритании, см. газ. «Известия» № 294(4864), 23 октября 1932 г.

тельства вчера и в палате лордов и хотя на заявление Болдуина* официально обратил наше внимание, по поручению английского правительства, здешний английский посол в своем разговоре с т. Литвиновым, тем не менее если бы мы сейчас заявили о нашей готовности вступить в переговоры, то это произвело бы вполне впечатление, что мы настолько дорожим торговлей с Англией, что спокойно проглатываем и денонсацию торгового договора, и гнусный комментарий Томаса** к этой денонсации, и все те заявления об отвращении к нашим порядкам, которые делались в обеих палатах членами правительства.

Время будет действовать в нашу пользу еще и потому, что у нас ведутся переговоры в других странах и что те или другие правовые или коммерческие достижения в этих странах не смогут не оказать своего влияния на позицию английского правительства.

Однако ни т. Озерский, который сегодня выезжает в Лондон, ни Вы не должны оставаться пассивными во время этого «выжидания». Нужно будет произвести глубокую разведку для выяснения настроения как правительства в целом, так и его отдельных членов, а также различных хозяйственных групп Англии.

Ваше намерение завязать связи среди самых разнообразных, в том числе и правых, промышленных и политических кругов необходимо максимально реализовать.

Вместе с т. Озерским обсудите план его и Ваших действий и держите нас в курсе всех предпринимаемых Вами и им шагов***.

С тов. приветом

Н. Крестинский

Печат. по арх.

426. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полиомочиому Представителю СССР во Франции В. С. Довгалеvскому

3 ноября 1932 г.

Многоуважаемый Валериан Савельевич,

Вопрос о дальнейших торговых переговорах с Францией разрешен в духе предложений т. Гуревича, т. е. в том смысле, чтобы, в случае предоставления французским правительством 80% гарантии по предоставляемому нам товарным кредитам, согласиться в размере, не превышающем половины этой га-

* В тексте — Чемберлена; см. док. № 415.

** См. газ. «Известия» № 291 (4861), 20 октября 1932 г.

*** См. также док. № 434.

рантии, предоставить французскому правительству, в случае нашего неплатежа по каким-либо из гарантированных правительством обязательств, преимущественное удовлетворение из экспортных платежей, причитающихся нам с французского правительства. При этом имеется в виду, что это право преимущественного удовлетворения ни в коем случае не будет распространяться на платежи, следуемые нам от «Петрофины» * за поставляемые ей нами нефтепродукты. Мы готовы распространить преимущественное право на платежи, которые будут следовать нам с французского правительства за поставляемые французской монополией спички, на выручку от леса и, в крайнем случае, на платежи за поставляемую военному флоту нефть, но при том неременном условии, что на поставку этой нефти будет заключен долгосрочный договор и нам не придется каждые полгода конкурировать на торгах с другими поставщиками нефти.

Принимая такое решение, правительство отдавало себе отчет в том, что предлагаемые нам условия хуже тех, которые мы требовали в прошлом году. Мы, однако, хотим поскорее закончить переговоры с французами, чтобы увеличить нашу независимость от английского рынка. Этим, главным образом, вызывается наша готовность пойти на известные уступки.

Остальные наши требования, а именно: необходимость значительного превышения гарантированного нам ввоза наших товаров над суммой наших заказов и сроки предоставляемых нам кредитов остаются в силе. Более подробные указания о переговорах в связи с решением инстанции даются т. Гуревичу по его линии ²⁸². Ознакомьтесь с ними у него.

Совершенно ясно, что, стремясь к скорейшему доведению до конца переговоров, мы в то же время не должны торопиться со всеми разрешенными нам уступками до того, как не будет зафиксировано согласие французов на наши требования. В частности, мне кажется, что можно заставить французов ограничиться контргарантией с нашей стороны в размере $\frac{1}{3}$ гарантируемой французским правительством суммы. Точно так же при редактировании соглашения необходимо принять все меры к тому, чтобы наше согласие на преимущественное право удовлетворения ни в какой мере не связывало нас в свободном пользовании экспортной выручкой и чтобы даваемая нами контргарантия была замаскирована и не являлась поэтому прецедентом для наших отношений с другими странами. Наконец, необходимо строго разделить торговый договор от соглашения о кредитах и заказах. Вопросы о соотношении между суммами наших продаж и закупок, о размерах правительст-

* Имеется в виду французская фирма «Петрофиня франсез».

венной гарантии, о сроках предоставляемых нам кредитов и о нашей контргарантии должны быть предметом этого последнего отдельного от торгового договора соглашения *.

С тов. приветом

Н. Крестинский

Печат. по арх.

427. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР **

*Немедленно
4 ноября 1932 г.*

Бертело пригласил меня для сообщения ответа Румынии ***. Румынское правительство весьма желает возобновления переговоров, если мы не займем совершенно отрицательных позиций относительно их предложений. Эти предложения, изложенные в телеграмме французского посланника, сводятся к новой редакции статей первой и четвертой проекта пакта. Румынское правительство возражает против добавления слова «существующих» к формуле, выработанной Маниу при правительстве Вайды и предложенной Кадере. (Бертело сам не знает, какая формула имеется в виду.) Кадере вел переговоры ad referendum. Новое правительство не считает себя связанным выдвинутыми им предложениями. Переговоры предполагают поручить Кадере.

Бертело заявил, что французское правительство не желает вмешиваться в существо переговоров, но считает желательным их возобновление во избежание разрыва. (О желательности он упомянул лишь один раз и без всякой настойчивости.) Когда я доказывал, что дезавуирование Кадере свидетельствует о нежелании румынского правительства достигнуть соглашения на приемлемой для нас базе, он реагировал весьма вяло. По поводу моей ссылки на заявления Титулеску о советско-французском пакте **** он отметил лишь их неофициальный характер. Он в свою очередь спросил мое личное мнение, какое решение Советское правительство вынесет в связи с ответом Румынии. Я ответил, что отнюдь не можем антиципировать ваш ответ, но добавил, что, как он мог усмотреть из самого содержания запроса, Советское правительство исходит

* См. также док. № 298, 449.

** Копия телеграммы направлена в Женеву советской делегации на конференции по разоружению.

*** См. док. № 420.

**** Так в тексте. Видимо речь идет о советско-румынском пакте; см. прим. 272.

из предпосылки, что переговоры закончены и что возобновление их на новой базе, поскольку мы достигли предела уступок, не принесло бы пользы. Запрос имел целью положить конец бесконечным румынским маневрам оттяжки (я изложил ему ваш № 7401)²⁸³. Поэтому я лично сомневаюсь, чтобы переговоры при известных условиях Титулеску могли бы привести к положительному исходу.

Он опять пытался склонить меня в пользу возобновления переговоров.

В ходе разговора я ему дал понять, что мне известно, какое именно решение вы примете в результате передачи мною румынского ответа.

Он сам заговорил о декларации о ненападении, причем на заданный мною вопрос пояснил, что он об этом доложил Эррио, который одобрил постановку вопроса. Это пока лишь эвентуальное предложение на случай, если мы не договоримся с румынами, поэтому он делает его официально. Я заявил, что передам это вам*.

Довгалецкий приедет 7-го.

Розенберг

Печат. по арх.

428. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. С. Довгалевскому, в Женеву**

4 ноября 1932 г.

На телеграмму от 4 ноября 1932 г.*** Предлагаем Вам заявить Эррио, если он в Женеве или в Париже, в крайнем случае Бертело, нижеследующее: 1) Мы согласны встретиться с представителями Румынии при условии принятия румынским правительством согласованного с Кадере**** текста пакта и заключительного протокола с формулой Кадере. Однако отказ министра иностранных дел Румынии Титулеску принять дважды согласованный с представителями Румынии текст пакта вызывает у нас сомнения в желании Титулеску заключить пакт с СССР. 2) Мы готовы, однако, обязаться в случае и при условии немедленного подписания Францией пакта сохранить свою готовность к подписанию с Румынией без изменений согласованного в Женеве пакта и заключительного протокола с

* См. док. № 428.

** В это время В. С. Довгалецкий был на конференции по разоружению. Копия телеграммы направлена в полпредство СССР во Франции.

*** См. док. № 427.

**** См. прил. к док. № 389.

формулой Кадере в течение четырех месяцев, если Румыния этого пожелает. 3) Новое обязательство о ненападении в каких-либо других формах, как предлагает Бертело, мы считаем излишним, тем более что сам Титулеску находит достаточным пакт Келлога и Московский протокол. Румыния дала свое обязательство Франции до пакта Келлога и, кроме того, при заключении союзного договора*, чего у нас нет с Францией.

Литвинов

Печат. по арх.

429. Сообщение ТАСС о приглашении СССР на Международную экономическую конференцию

5 ноября 1932 г.

На имя Народного комиссара по иностранным делам тов. Литвинова получено подписанное Генеральным секретарем Лиги наций приглашение СССР на Мировую денежную и экономическую конференцию. В приглашении указывается, что местом конференции избран Лондон. Что касается даты, то таковая будет установлена и сообщена дополнительно. К приглашению приложены: резолюция Лозаннской конференции по вопросу о созыве Международной финансовой и экономической конференции, резолюция, принятая Советом Лиги наций 15 июля с. г. по тому же вопросу, резолюция комитета, созданного Советом Лиги наций для организации Мировой экономической и финансовой конференции, и список членов Подготовительной комиссии экспертов, которым поручено выработать программу и порядок дня конференции²⁶³.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 307 (4877), 5 ноября 1932 г.*

430. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

8 ноября 1932 г.

Сегодня состоялось вручение верительных грамот. Король был со мной подчеркнуто любезен и по собственной инициативе заявил: «Я надеюсь, что скоро между нашими странами будет заключен торговый договор, выгодный для обеих сторон». Обращаясь затем к присутствовавшему тут же Саймону, добавил: «Я рассчитываю, что мой министр иностранных дел

* См. соответственно т. XII, док. № 38, т. IX, прим. 74.

сумеет этого достигнуть». 9 ноября я и моя жена нанесем визит королеве, после чего я уже буду окончательно легализован. Первое деловое свидание с Саймоном ориентировочно намечено на 11 ноября*. Если у вас имеются к предстоящему разговору с Саймоном какие-либо дополнительные инструкции, телеграфируйте.

Полпред

Печат. по арх.

431. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Германии в СССР Дирксеном

9 ноября 1932 г.

Дирксен начал с вопроса, продолжаем ли мы тревожиться по поводу советско-германских отношений при нынешнем правительстве после моих бесед с фон Папеном и Нейратом**. Я ответил, что я и мое правительство, конечно, приняли во внимание заявления, сделанные мне руководителями германской внешней политики, но что широкой общественности нашей содержание этих заявлений, естественно, остается неизвестным. Поскольку она, однако, знает некоторые взгляды о внешней политике рейхсканцлера и читала в газетах об известных предложениях, сделанных им Эррио***, она, вероятно, сохраняет некоторый скептицизм в отношении советско-германских отношений. Я оговорился, что я не делаю никаких предложений и ни на что не жалею, лишь констатирую факты в ответ на вопрос Дирксена.

Дирксен сообщил, что в разговоре с ним кто-то из наших также отметил отсутствие каких-либо заявлений со стороны германского правительства об отношениях с Советским Союзом. Он на это ответил, что просто не было повода для высказывания суждений об отношениях с СССР, поскольку официальные заявления делались лишь на ограниченные темы, как, например, о разоружении, о равноправии и т. п. Уже самый факт появления рейхсканцлера на приеме 7 ноября указывает на его отношение к нам. Что касается мнимых предложений Франции военных союзов, то это в достаточной степени было уже дементировано. Я ответил, что мы, конечно, очень рады появлению канцлера на приеме, но что касается дементирования, то оно, мне кажется, скорее относилось к форме, чем к содержанию предложений. Если предложения Папена были отвергнуты Францией, то это дела не меняет. Во всяком

* См. док. № 434.

** См. док. № 372.

*** См. док. № 409.

случае, немцы не должны обижаться, если французы будут для ослабления советско-германских отношений информировать нас о недружелюбных нам предложениях, исходящих от немцев.

Коснулся Дирксен и хозяйственных переговоров. Я должен был высказать ему свое недовольство ходом этих переговоров. Дирксен указал на существующее благожелательное отношение к нашим предложениям, в частности о закрытых счетах. Германии трудно идти на общее размораживание, но это можно делать постепенно, по месяцам.

Относительно внутреннего положения Дирксен сообщил, что не только нет ухудшения, но, наоборот, намечается улучшение в экономической области. Рейхстаг, вероятно, назначит каникулы месяцев на шесть, и партии будут временно толерировать нынешний кабинет. В крайнем случае возможны персональные замены Папена и Хэя* (на приеме 7-го Дирксен мне говорил о возможности замены Папена Брахтом**). Не исключено также вовлечение в кабинет некоторых национал-социалистов, как, например, Штрассера, но Гинденбург не согласится на приглашение в кабинет лично Гитлера***.

На мой вопрос об отношении Германии к новому плану Эррио²⁸⁴, Дирксен ответил, что в этом плане есть кое-что заслуживающее внимания, как, например, замена рейхсвера милиционной системой на основе обязательной повинности. В этом плане, однако, имеются частности, на которые, вероятно, не согласятся Англия, Италия и другие государства. Во всяком случае план сам по себе не может служить поводом для возобновления участия Германии в органах конференции по разоружению.

На вопрос Дирксена я информировал его о ходе наших переговоров с Румынией, Францией и состоянии отношений с Японией. Я опроверг слух, сообщенный Дирксеном, о переговорах с Францией о старых долгах. Я выразил уверенность в благополучном завершении экономических переговоров с Францией, в частности о кредитах.

После этого Дирксен просил разрешения частным образом вернуться к теме, затронутой им в разговоре со мной на приеме 7-го о снабжении дилкорпуса. Он хотел бы получить от меня заверения в том, что, по примеру прошлого, НКВД и в дальнейшем будет сноситься с корпусом по вопросам снабжения, а не предоставит это дело «Инснабу» или другим органам. Я ответил, что это обещание не могу ему дать, ибо мы

* Заместитель заведующего IV отделом МИД Германии, руководитель германской делегации на советско-германских экономических переговорах в 1932 г.

** Заместитель рейхсканцлера, министр без портфеля.

*** См. также док. № 444.

и в прошлом не интервенировали * в вопросах снабжения дипкорпуса, не будем этого делать и впредь. Конечно, мы иногда предлагали свои услуги дипкорпусу, но только в тех случаях, когда другие органы не могли сноситься непосредственно с ним, как, например, при распределении заборных книжек. Если «Торгсин» захочет извещать своих покупателей, в том числе и дипломатов, о повышении или снижении цен на десяток яиц, то посредничество НКВД для этого не понадобится. Иное дело, когда будут какие-нибудь правительственные распоряжения, о которых, конечно, НКВД будет ставить дипкорпус в известность. Дирксен высказал опасение, как бы мы впредь не отказывались принимать рубли на почте, на телеграфе и т. д. и как бы «Торгсин» не вздумал поднять цены. Я ответил, что это вопросы разного порядка. Если бы нами было принято общее решение об отказе от рубля в сношениях с дипкорпусом во всех областях, то мы, конечно, известили бы об этом дипкорпус. Я, однако, не думаю, чтобы такой шаг предстоял. Если бы, конечно, дипкорпус, как некоторые дипломаты намекали, перешел на взимание консульских сборов в инвалюте, то перед нами встал бы, вероятно, вопрос о переводе всех наших сборов и платежей на инвалюту. Нет никаких оснований также опасаться поднятия цен «Торгсином». Наоборот, теоретически рассуждая, можно говорить о понижении цен в результате увеличения оборота «Торгсина». Увеличение оборота торгующей фирмы обыкновенно вызывает понижение, а не повышение цен. Я, однако, не связываю себя никакими обещаниями, ибо ничего не слыхал ни о предстоящем повышении, ни понижении цен²⁸⁵. Далее я привел ту же аргументацию в оправдание наших действий, какую я привел в разговоре с Овнем **.

Литвинов

Печат. по арх.

432. Письмо Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Швеции А. М. Коллонтай

9 ноября 1932 г.

Развернувшаяся в последнее время в части шведской печати антисоветская кампания подтверждает высказанные в Вашем последнем докладе²⁸⁶ соображения об усилении в Швеции английского влияния. Не подлежит никакому сомнению,

* — посредничали (фр.).

** Очевидно, имеется в виду беседа М. М. Литвинова с Овнем 5 ноября 1932 г., касавшаяся также снабжения дипкорпуса; суть этого вопроса в основном отражена в док. № 471.

что инспираторов этой последней газетной кампании, избравшей предметом для нападок деятельность «Нафта» и нашего торгпредства в Швеции, следует искать именно в Лондоне.

Хотя кампанию против нас в основном ведут известные своей традиционной враждебностью к СССР «Аллекса́нда» и «Свенска дагбладет», однако пройти мимо нее нам ни в коем случае не следует.

Поэтому Вам надлежит сделать МИД заявление по поводу того, что антисоветская кампания в шведской прессе обратила на себя серьезное внимание в Москве. При этом Вам следует намекнуть на то, что эта кампания странным образом совпала с моментом денонсирования англо-советского торгового соглашения *, с одной стороны, и с началом деятельности нового шведского правительства, возглавляемого социал-демократом, с другой стороны.

Кроме того, Вам следует подчеркнуть, что открытая в шведской печати против советских хозорганизаций кампания наносит прямую вред работе, проводимой деловыми крутами в самой Швеции, которые недавней посылкой Боландера в СССР стремились создать более благоприятные условия для развития советско-шведских торговых отношений ²³⁷.

Член Коллегии НКВД *Стомоняков*
Зав. I Западным отделом *Райвид*

Печат. по арх.

433. Телеграмма Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР Королю Афганистана Мухаммеду Надир-шаху

11 ноября 1932 г.

Искренне благодарю за дружеские поздравления и пожелания по случаю XV годовщины Советских республик.

Калинин

Печат. по арх.

Телеграмма М. И. Калинина явилась ответом на телеграмму короля Афганистана Мухаммеда Надир-шаха, в которой говорилось **:

«По случаю праздника СССР я шлю Вашему Превосходительству дружеские поздравления и выражаю искренние чувства. Я желаю народам Советских республик прогресса и процветания, а Вам счастья и довольства».

* См. стр. 674.

** Телеграмма была передана через посольство Афганистана в СССР.

434. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

11 ноября 1932 г.

Сегодня видел Саймона. Были затронуты два вопроса: снабжение дипломатов в Москве и денонсирование торгового договора. Кроме того, Саймон выразил соболезнование по поводу смерти жены товарища Сталина.

По вопросу торгового договора я от имени своего правительства выразил сожаление по поводу денонсирования и в достаточно красочных выражениях изложил, какое впечатление данное действие вызвало в Москве; подчеркнул, что в свете поведения английского правительства в отношении Скандинавии и Аргентины мы рассматриваем это как акт дискриминации. Я заявил далее, что нота Саймона от 17 октября вызвала у нас большое недоумение, так как из нее нельзя понять ни мотивов денонсирования, ни дальнейших намерений английского правительства, в частности, непонятно, о какой «ситуации» оно предлагает нам «дискутировать». Саймон ответил, что английское правительство даже и в мыслях не имело в виду дискриминировать СССР и что оно поступило в отношении нас иначе, чем в отношении Скандинавии и Аргентины, только потому, что организация нашей внешней торговли резко отличается от организации всех других стран. Английское правительство никоим образом не хочет рвать с СССР торговых отношений; наоборот, оно их ценит и стремится развивать, но вместе с тем оно хочет найти такие формы этой торговли, которые были бы выгодны для обеих сторон. Причины денонсирования торгового договора следующие: 1) Английское правительство считает, что принцип наибольшего благоприятствования в его нынешней форме неприложим к англо-советской торговле и потому оно хотело бы совместно с нами обсудить какие-либо иные формы и возможности. 2) Правительство Англии недовольно состоянием англо-советского торгового баланса, хотя оно и не отрицает наличия тенденции к его улучшению с британской точки зрения. За всеми подробностями Саймон отослал меня к министру торговли Ренсмену, которому поручено руководить торговыми переговорами с Аргентиной, Скандинавией, СССР и другими странами. Итоги нашей беседы по данному вопросу Саймон суммировал так: Вы можете передать своему правительству, что английское правительство предлагает начать переговоры о заключении нового торгового договора и надеется, что это удастся сделать до 17 апреля 1933 г. *

* См. док. № 474.

В ближайшие дни я повидаться с Ренсименом и сообщу вам о результатах *.

По вопросу снабжения дипломатов телеграфирую завтра²⁸³.

Полпред

Печат. по арх.

*Сообщение о беседе опубликовано в газ.
«Известия» № 314 (4884), 14 ноября 1932 г.*

435. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Польше с Министром Иностранных Дел Польши Бекон **

14 ноября 1932 г.

У Бека. Бек заявляет, что в отношении нас линия польской политики остается прежней: польское правительство придает весьма существенное значение развитию добрососедских отношений с нами, в частности заключению пакта о неагрессии. Польша явилась пропагандистом этого последнего и в Румынии. Точка зрения Польши выражена в статье «Газеты польской» «Уточнение». «Я хотел, — говорит Бек, — установить, что мы хотели бы, чтобы и Румыния заключила с вами пакт, но мы не можем вести политику за Румынию. И когда Титулеску обратился к нам с просьбой возобновить посредничество, мы уклонились». «Однако, — напоминаю я, — вы все же связаны в своих дальнейших шагах поведением Румынии?» Бек уклоняется от ответа на мой полувопрос: «Я полагаю, что Титулеску теперь изменил отношение, побывав в Румынии, он мог убедиться, что ее общественное мнение в большинстве благоприятно пакту. Поскольку я теперь осведомлен, Франция взяла на себя посредничество, и я рассчитываю на благоприятный исход. Но я теперь недостаточно в курсе дела». «Вы все еще верите в добрую волю Румынии?» — удивляюсь я и вспоминаю поведение румын в переговорах, начиная с Риги. Бек соглашается, что «румыны вели себя в переговорах с нами (как он говорит) растерянно, с колебаниями, но теперь (поскольку он осведомлен) положение как будто изменяется»... *** «Таким образом, — говорю я, — дальнейшее ваше движение по пути заключения пакта возможно только через Бухарест? Но ведь для вас ясно, что незаконченный шаг вперед явится фактически шагом назад. Неопределенность положения компрометирует политический курс и приводит как раз к обратным результатам, чем намеченные, по вашим же словам, вашим ре-

* См. док. № 440.

** Из дневника полпреда СССР в Польше за период с 14 по 19 ноября 1932 г. Бек с ноября 1932 г. — министр иностранных дел Польши.

*** Здесь и далее многоточие в тексте.

шением установить ясные, недвусмысленно добрососедские отношения с нами».

Бек раздумчиво: «Я это сознаю. Мы совсем не хотели бы затягивать проведение пакта. Я, пожалуй, дам сегодня же телеграмму Патеку, чтоб вступили в переговоры с вами о соглашательной конвенции... Думаю, что эти переговоры не затянутся... Ратификация же дело простое... Но г. Литвинов будет ли в Женеве? Вряд ли? Жаль, хотелось бы с ним подробнее побеседовать». Лично Бек еще не решил, когда выедет в Женеву. «Во всяком случае, я не могу там бывать так часто и так подолгу, как мой предшественник, ибо надо ведь руководить министерством... Да, его особенно интересует этот французский план разоружения²⁸⁴. Немцы ухватились за него, как за предлог вернуться на конференцию по разоружениям. Бек уклоняется определить свое отношение к французскому плану и к заявлениям Саймона*. По его словам, он ожидает «выяснения ситуации» вице-министром Шембеком, выехавшим в Париж — Лондон.

Бек рассчитывает на благоприятное продвижение вопросов наших торговых отношений, но он не может пока ответить на нашу ноту о последних** (подробнее эта часть разговора с Беком — в письме по торговым делам)²⁸⁹.

Антонов-Овсеенко

Печат. по арх.

436. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Италии с Посланием Афганистана в Италию Абдул Хусейн Азизом

14 ноября 1932 г.

Беседа происходила в полпредстве, куда афганский посланник явился с ответным визитом полпреду. Главным предметом беседы явилась предстоящая конференция по разоружению, в которой посланник должен принять участие в качестве представителя Афганистана.

Конференция по разоружению. Афганский посланник подробно рассказал полпреду о своем участии в работах конференции по разоружению. По его словам, он был и остается солидарным с делегацией СССР и считает, что т. Литвинов дал проблеме разоружения единственно правильную и твердую постановку. Посланник утверждает, что предложения со-

* Очевидно, имеются в виду заявления Саймона в палате общин 10 ноября 1932 г. по вопросу о германском требовании равноправия в вооружениях (см. «Parliamentary Debates. House of Commons». Vol. 270, № 150, 10 th November, 1932. London, 1932, col. 538—548).

** См. док. № 392.

ветской делегации приобретают все большее и большее количество сторонников. Ему известно, что многие из делегатов, представляющих мелкие государства, вполне разделяют точку зрения советской делегации. Тем не менее они не решаются открыто ее поддерживать, ибо сознают свою зависимость от великих держав Старого и Нового света.

Излагая свое собственное понимание проблемы разоружения, посланник несколько сбивчиво защищал принцип равноправия всех стран. При этом он несколько раз упоминал о том, что Афганистан, правительство которого готово в любой момент отказаться от всяких вооружений, не может осуществить этого, пока рядом с ним находятся вооруженные силы Великобритании империи, готовые по первому сигналу двинуться на захват чужих территорий.

[В. Потемкин]

Печат. по арх.

**437. Письмо Полномочного Представителя СССР в Австрии
Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР Н. Н. Крестинскому**

14 ноября 1932 г.

Многоуважаемый Николай Николаевич,

Получил Ваше письмо от 5-го с. м. за № А/202/5605²⁹⁰.

В наших делах с австрийцами пока нет никакого конкретного сдвига. Однако мы имеем достаточно достоверную информацию о том, что австрийские промышленники и банки оживленно обсуждают вопрос о соглашении с нами. На совещаниях представителей банков и промышленников обсуждались в последние дни вопросы о конвертировании, о создании некой, гарантирующей нас от преждевременного предъявления к оплате векселей, организации на манер «Ифаго»* и т. д.

Кроме того, имеются сообщения, идущие из двух источников о готовности Национального банка предоставить для нужд торговли с СССР 12—14 млн. шилл.

Повторяю, пока ничего конкретного еще нет. Однако в дополнение к вышеприведенной информации считаю нужным отметить то не лишнее обстоятельство, что на приеме 7 ноября к нам явились: министр торговли Яконциг (хеймверовец**), представитель австрийского фашизма в правительстве Дольфуса), министр финансов Вейденгофер, директор

* Акционерное общество промышленного финансирования, созданное в Германии для технического облегчения финансирования по советско-германским кредитным соглашениям.

** Член «хеймвера» — военно-фашистской организации Австрии.

Национального банка Браунайс и Ван Энгель. Нам думается, что появление этих лиц у нас не носит случайного характера и как бы подкрепляет вышеназложенную мною информацию. Должен добавить, что Яконциг в беседе со мной заявил о своем твердом намерении поработать над урегулированием австрийско-советских торговых отношений. Что касается выдачи нами заказов австрийцам, то сейчас почти заключен договор на поставку электрооборудования на общую сумму 150 тыс. долл. Австрийцы идут на значительные уступки в вопросе о конвертировании и сроке векселей. В связи с этим надо указать, что проблема конвертирования в известной степени теряет свой смысл по той причине, что у нас в данный момент почти нет шиллингов. Ввиду этого тем острее становится вопрос о нашем экспорте в Австрию.

Нам нужно будет, выдерживая с австрийцами твердость тона, тем не менее проявить в соответствующий момент разумную готовность к уступкам. Последние, разумеется, мыслимы лишь при условии создания серьезных гарантий для нашей торговли²⁹¹.

С товарищеским приветом

Полпред СССР в Австрии
К. Юрнев

Печат. по арх.

438. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции Я. З. Сурница в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

14 ноября 1932 г.

После отъезда наших специалистов²⁰⁰ дело застряло на мертвой точке. Хотя Шериф-бей* приписывает все это организационным неувязкам и перегруженности своего министра и заверяет меня, что Махмуд Джелал** сейчас полностью на стороне индустриализаторов, у меня создается обратное впечатление. Допускаю, что Джелал явно тянет, откладывает из дня в день рассмотрение докладов наших специалистов, не спешит с организацией бюро и с проведением через совет министров вопроса о кредитах. Мне стало известно, что он хочет потребовать от нас гарантии, что фабрики будут рентабельны. Это требование, против которого, ввиду его очевидной нелепости, возражают все его подчиненные, будто фигурирует

* Генеральный директор департамента промышленности министерства экономики Турции.

** Министр экономики Турции.

в письме, которое он нам направляет. Шериф-бей просит меня взять инициативу в свои руки и переговорить с Исметом. Хотя я считаю несколько странным, что мы должны подталкивать турок в вопросах, которые их должны интересовать больше, чем нас, тем не менее переговорю с Исметом. Предлогом послужит вопрос об оформлении кредитов, вернее, выяснение турецкой позиции. Моя беседа на эту тему с Тевфиком Рюштю убедила меня, что без Исмета не обойтись.

Полпред

Печат. по арх.

439. Сообщение ТАСС о заявлении генерала Су Бин-вэня

15 ноября 1932 г.

13 ноября Народный комиссариат по иностранным делам получил сообщение от консула СССР в Маньчжурии т. Смирнова, что в связи с пребыванием на станции Мацневская японо-маньчжурской комиссии для переговоров с командующим антиманьчжурскими силами в этом районе генералом Су Бин-вэнем, представитель последнего посетил т. Смирнова и сделал ему заявление для передачи Советскому правительству. Представитель генерала Су Бин-вэня заявил от имени последнего, что в связи с ложными слухами о том, что якобы Су Бин-вэнь желает вести мирные переговоры с Японией на советской территории, настоящим заявлением он уполномочен опровергнуть эти слухи, так как ни о каких переговорах с Японией генерал Су Бин-вэнь не сговаривался, а, наоборот, на предложение Японии о переговорах не давал ответа и в дальнейшем не намерен отвечать. Представитель генерала Су сообщил также, что еще 5 ноября, узнав из харбинской радиопередачи, что Япония снаряжает комиссию в СССР во главе с начальником японской военной миссии полковником Команубара для переговоров с Су Бин-вэнем, последний в тот же день передал радиотелеграммой тьяньцзинским газетам опровержение по этому поводу.

14 ноября заместитель народного комиссара по иностранным делам т. Карахан пригласил к себе японского поверенного в делах г. Амо и сообщил ему для передачи японскому правительству вышеизложенное заявление, полученное от генерала Су Бин-вэня.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 315 (4683), 15 ноября 1932 г.*

440. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
15 ноября 1932 г.*

Видел министра торговли Ренсимена, который пригласил к себе для участия в беседе со мной начальника департамента заморской торговли Колвилла и главного экономического советника [по вопросам промышленности] министерства торговли Гораса Вильсона. Хотя с самого начала я заявил, что ситуация, созданная денонсированием [торгового соглашения], еще изучается Советским правительством и я пришел к Ренсимену пока лишь с просьбой объяснить мне причину денонсирования, последний сразу же предложил мне срочно начать переговоры о новом торговом договоре. Ренсимен заявил далее, что он считает невозможным включение наибольшего благоприятствования в новое соглашение (ст. 1 старого соглашения); во всем же остальном готов взять за основу переговоров старое соглашение 1930 г.* В беседе был затронут вопрос о торговом балансе, причем Ренсимен заявил мне, что английское правительство не имеет намерения мешать нашему экспорту в Англию, но хочет, чтобы мы больше покупали в Англии. Термин «нетто-баланс» он не употреблял. Я попросил объяснить мне смысл параграфа 21 англо-канадского соглашения¹³⁹, присовокупив, что всякое новое урегулирование возникших между нами вопросов должно гарантировать нашу торговлю от каких-либо сюрпризов со стороны канадских или иных экспортеров. На этот вопрос Ренсимен не дал ясного ответа, но намекнул, что во время переговоров могут быть найдены формулы, приемлемые для обеих сторон.

На предложение Ренсимена начать переговоры я ответил, что об этом доведу до сведения Советского правительства**.

Полпред

Печат. по арх.

441. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

16 ноября 1932 г.

Имел сегодня обстоятельную беседу с Чемберленом, министром финансов. Сообщая важнейшее. Чемберлен категорически заверял меня, что денонсирование торгового соглашения

* См. т. XIII, док. № 135.

** См. также док. № 434, 441.

якобы не имеет ничего общего с политикой, а объясняется исключительно экономическими соображениями. В Оттаве английская делегация не ставила вопроса о советской торговле; инициатива исходила от Канады, в частности от канадских лесопромышленников. Чемберлен довольно прозрачно намекнул, что параграф 21 англо-канадского соглашения¹³⁹ был навязан Англии Канадой. В существующем англо-советском соглашении Чемберлен считает неприемлемой статью договора о наибольшем благоприятствовании*, однако он допускает возможность такой ее модификации, чтобы она стала совместима с параграфом 21. Полной ясности в данном вопросе, как и в вопросе о том, как § 21 будет применяться на практике, у Чемберлена нет. Он не верит в то, что Канада, по крайней мере в ближайшие годы, сможет давать Англии много леса. Он предложил, что наилучшим способом регулирования лесного рынка было бы «добровольное квотирование» по типу только что закончившегося в Лондоне совещания о сокращении ввоза [в Англию] бекона. Оттавскую конференцию Чемберлен считает историческим событием, однако он не ждет непосредственно от нее крупных результатов и не решается сейчас сказать, чем закончится весь этот эксперимент. В заключение я со всей решительностью поставил вопрос о том, что серьезное расширение нашего импорта из Англии возможно лишь при серьезном удлинении сроков и серьезном увеличении объема наших кредитов. Чемберлен ответил, что он не возражал бы против специального обсуждения данного вопроса в связи с переговорами о новом торговом договоре.

Полпред

Печат. по арх.

442. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Временным Поверенным в Делах Японии в СССР Амо

17 ноября 1932 г.

Амо пришел, чтобы сообщить мне ответ японского правительства на заявление, которое я ему сделал 14 ноября об отказе генерала Су Бин-вэня вести с Японией переговоры**. Он прочел мне нижеследующую инструкцию, которую я текстуально записал:

«Японское правительство сожалеет, что генерал Су Бин-вэнь не проявил искренности, несмотря на примирительное отношение и дружеское посредничество (médiation) СССР.

* См. т. XIII, док. № 135.

** См. док. № 439.

Японское правительство рассматривает вопрос о Барге или Хулуибуёрском районе ²⁵⁶ как крайне серьезный и учитывает отношение этого района к обоим странам. Японское правительство боялось, что меры, которые могут быть приняты для разрешения этого вопроса, смогут оказать деликатное влияние на отношения между СССР и Японией, которые недавно так счастливо улучшились и продолжают в дальнейшем улучшаться. Именно в силу этих соображений Япония, поскольку это возможно, избегает применения военных мер и пытается добиться всеми способами мирного разрешения вопросов. Японская комиссия только что прибыла на место благодаря специальной любезности советских властей. (Амо здесь прервал чтение инструкции и сообщил, что он имеет поручение японского правительства специально благодарить нас за содействие, которое мы оказали миссии Комацубара. Об этом он посылает нам письменную благодарность.) Однако сейчас же после того, как члены японской комиссии прибыли на станцию Мациевская, правительство СССР просит японское правительство уточнить срок отъезда комиссии, ввиду того что они сразу же не начали переговоров с генералом Су Бин-вэнем. Это вызвало неожиданное удивление у японского правительства, учитывавшего любезное отношение Советского правительства в этом вопросе.

Японское правительство будет и в дальнейшем пытаться применять всякие меры, чтобы японская комиссия имела связь с генералом Су Бин-вэнем, с тем чтобы таким образом избежать мер, которые могут произвести нежелательное впечатление на взаимоотношения между СССР и Японией.

С другой стороны, генерал Койсо прибывает из Маньчжурии в Токио 23 или 24 ноября для представления отчета о положении. К этому времени японское правительство будет иметь более точную информацию о положении. Поэтому японское правительство выражает желание, чтобы комиссия продолжала оставаться на Мациевской. Настоящей инструкцией Амо поручается довести вышесказанное до Советского правительства и получить разрешение последнего на пребывание японской комиссии на советской территории, а также просить Советское правительство и в дальнейшем оказывать помощь японской комиссии для переговоров с генералом Су Бин-вэнем».

Я ответил Амо, что доложу эту инструкцию японского правительства Советскому правительству и по получении указания от него дам ему ответ. Пока же я хотел бы сделать ему несколько замечаний лично от себя.

На мой вопрос, какие меры имеет в виду японское правительство, когда оно говорит о деликатном влиянии на отношения между обеими странами, Амо уклонился от прямого

ответа и сказал, что японское правительство думает, что переговоры с Су Бин-вэнем не должны иметь влияния на Советское правительство.

Затем я указал Амо, что в ответе японского правительства имеется один элемент, который, по-видимому, является или результатом недоразумения, или неправильного понимания того, что я сказал г. Амо 14-го числа. Когда я спрашивал г. Амо, когда японское правительство собирается отозвать комиссию, то я указал ему, что этот вопрос задается нами потому, что, ввиду отказа генерала Су Бин-вэня вести переговоры, переговоры, таким образом, не состоялись и не состоятся. А в ответе японского правительства сказано, что мы спрашиваем, когда комиссия будет отозвана якобы на том основании, что она не сразу начала переговоры. Дело совсем не в том, что она не сразу начала переговоры, а дело в том, что переговоры вообще не состоялись ввиду отказа генерала Су Бин-вэня от их ведения. Таким образом, японское правительство наш мотив заменило своим собственным, которого я не приводил в своем заявлении от 14 ноября.

Амо на это ответил, что японское правительство имеет еще некоторую надежду, что переговоры могут состояться. Психология китайских генералов очень сложная и изменчивая — сегодня они могут не хотеть, а завтра они могут качать переговоры. Он думает, что японское правительство, посылая ему эту инструкцию, имеет некоторую надежду на то, что переговоры все-таки состоятся. «Во всяком случае, — сказал Амо, — мы хотим проявить в этом вопросе терпеливость».

Я ему на это ответил, что нам неизвестны основания, по которым японское правительство имеет еще надежду на переговоры, но нам известны факты категорического и решительного заявления генерала Су Бин-вэня о том, что он не хочет вести переговоров, и не только это его заявление, но и самый факт того, что он этих переговоров не ведет и никаких делегатов не посылает. Кроме того, нам известно, что на целый ряд официальных обращений к нему со стороны японских властей и со стороны представителей Маньчжоу-Го первым он не ответил, вторым же ответил, что переговоров с Японией и Маньчжоу-Го вести не желает. Таким образом, для нас и общественного мнения нашей страны и для общественного мнения всех других стран вопрос совершенно ясен. Японское правительство должно прекрасно понять все те неудобства, которые возникают из пребывания японской военной миссии у самых наших границ, причем миссии, дальнейшее пребывание которой не имеет никакой цели. Когда японское правительство обратилось к нам с просьбой пустить комиссию в этот район, оно нам прямо сказала, что оно просит нас об этом, чтобы на нейтральной почве вести переговоры с генералом Су Бин-вэ-

нем. Мы были в полной уверенности, что у японского правительства какой-то договор с генералом Су Бин-вэнем имеется и что дело только в том, что представители обеих сторон не могут найти нейтрального места для переговоров. Так это понимали мы и так это было понято всюду. Сейчас же создалось положение, при котором переговоры не имеют места. Одна из сторон, которая должна была принять участие в переговорах, отказывается от них. Таким образом, мы имеем лишь тот факт, что японская военная миссия, прилетевшая на аэропланах, находитесь вблизи нашей границы и без какой-либо понятной и разумной цели продолжает там находиться и хочет там оставаться на неопределенно длительный период времени. Я не могу говорить от имени Советского правительства, ибо не имею никаких инструкций на этот счет, но я лично думаю, что если японское правительство имеет какую-то надежду на то, что переговоры могут состояться, ничто не может помешать японскому правительству после того, как согласие другой стороны будет получено, обратиться к нам за разрешением послать вновь комиссию для переговоров, вместо того чтобы держать ее неопределенное время в Мачневской.

Я обещал Амо вызвать его, когда Советское правительство примет решение в связи с сегодняшним его сообщением²⁹².

Затем Амо сказал, что он имеет другую телеграмму от японского правительства с донесениями Комацубара, из которых видно, что местные советские власти заявили Комацубара, что они не имеют никакого указания о полетах аэропланов после 14 ноября и о каких-либо полетах на будущее время. Кроме того, местные власти заявили, что не имеют указания о разрешении представителям японской миссии, находящейся в Мачневской, встречать японские аэропланы, прилетающие в Даурию. Поэтому японское правительство поручило Амо передать Советскому правительству следующие три просьбы:

1) Так как до 14 ноября на Мачневскую прибыла только часть пассажиров и грузов, японское правительство просит разрешить прилет еще двух аэропланов с тем, чтобы другая часть комиссии и необходимых грузов могла быть доставлена на Мачневскую.

2) Японское правительство просит, чтобы было разрешено совершать регулярные рейсы раз в неделю из Харбина или из Цицикара для доставки комиссии необходимых документов, ибо посылать людей другими путями крайне затруднительно, и

3) Японское правительство просит разрешить кому-либо из членов комиссии при прилете аэропланов в Даурию ездить туда для встречи самолетов.

Я выразил сомнение в необходимости пополнения комиссии, поскольку переговоры вообще не имеют места, и в необходимости какой-то регулярной связи, когда переговоры не

идут и когда пребывание самой комиссии на станции Машневской лишено всякого смысла *. Во всяком случае, я обещал дать ему ответ Советского правительства после того, как получу указание последнего ²⁹³.

Л. Карахан

Печат. по арх.

443. Запись беседы Полномочного и Торгового Представителей СССР в Германии с Министром Иностранных Дел Германии Нейратом

19 ноября 1932 г.

Тов. Хинчук, начиная беседу, указал, что ведущиеся сейчас переговоры оказались совершенно безрезультатными и не только не улучшили, но даже ухудшили условия нашей хозяйственной работы в Германии.

Тов. Вейцер отметил, что это ухудшение проявляется, в частности, в том, что финансовые операции, которые нам до сих пор нормально разрешались, вдруг приостановлены со ссылкой на переговоры. Он сослался на письмо Рейхерта **, который именно таким образом аргументирует дальнейшее ограничение наших финансовых операций. Нейрат сразу заявил, что ему известно, что нам была названа общая сумма для финансовых операций в 120 млн. марок, что эта сумма не является окончательным лимитом, что она указывается для того, чтобы было известно, в каких пределах мы можем диспонировать определенными фондами, что письмо Рейхерта, по-видимому, основано на недоразумении и что он готов это дело проверить. Мы признали сумму в 120 млн. в качестве исходной цифры, но не окончательного лимита, дискуссионной.

Тов. Вейцер далее подчеркнул, что распределение общей суммы по месяцам для нас неприемлемо, что наша точка зрения как будто уже сейчас понимается министерством хозяйства и что мы настаиваем на том, чтобы сумма была глобальной без деления на месячные контингенты. Нейрат сказал, что он понимает наши соображения, но он должен еще уяснить себе точку зрения министерства хозяйства.

Тов. Вейцер настаивал на том, чтобы немедленно были даны указания относительно того, чтобы текущие дела не подвергались ограничениям. Нейрат обещал этим заняться.

Когда мы заговорили о масле, Нейрат заявил, что ему известно, что сейчас ведутся новые переговоры с министерством

* См. также док. № 453.

** Здесь и ниже (см. также док. № 448, 469), по-видимому, имеется в виду Рейхарт, заведующий III (валютно-финансовым) отделом министерства экономики Германии.

хозяйства для того, чтобы добиться для нас дополнительного ввоза. То, что мы обижены контингентом, ему известно очень хорошо. Что касается ввоза в порядке ст. 14 Экономического соглашения* без занесения на контингент, то есть ввоза вне контингентов тех количеств, которые отправлены до издания контингентного закона, то он полагает, что здесь кое-что можно будет сделать.

В отношении леса Нейрат ничего не мог сказать конкретного. Он заявил, что сейчас в связи с отставкой кабинета можно думать, что контингентов не будет. Он лично был всегда против контингентов. Мы подчеркнули, что неопределенность положения приводит к тому, что мы теряем рынок. Шведы и финны идут на заключение спекулятивных сделок с разными мелкими фирмами, на что мы идти не можем. Нам нужна в этом вопросе ясность. Нейрат отметил, что можно ожидать ясности в этом вопросе только тогда, когда образуется новый кабинет и в течение ближайших двух недель установит свои принципиальные позиции по хозяйственным вопросам.

Когда мы заговорили о нефти, Нейрат подчеркнул, что расширение ввоза нефти в германских интересах. Немцы хотят компенсировать нас за то, что мы подвергаемся ограничению в других областях. Ему известно, что сейчас ведется работа по изысканию дополнительных путей по расширению нашего сбыта.

По вопросу о варрантных кредитах на товары, находящиеся в СССР, Нейрат оказался менее осведомленным. Пришлось подробно разъяснить ему смысл операций и значение юбербрюкингкредитов**. Мы подчеркнули, что это также в интересах Германии, так как, получая такие кредиты, мы не должны будем сразу направлять большие массы товаров в Германию. Такие кредиты мы получаем в Англии. Нейрат обещал ознакомиться с этим делом.

К концу беседы мы констатировали, что точки зрения наши довольно близко сходятся. Между тем работы комиссии нас глубоко разочаровали, так как они оказались совершенно безрезультатными. Мы просим, поэтому, во-первых, дать сейчас же указания по текущим делам, а именно финансовым, и о пропуске уже отправленного масла вне контингента, просим продолжать продвижение поставленных нами в переговорах вопросов (мы подчеркнули, что затронули в переговорах с ним только важнейшие вопросы, но что в комиссии имеется еще ряд других), а затем через пару недель организовать встречу в авторитетном составе для принятия окончательных решений. Нейрат выразил согласие с этой процедурой. Он отметил, что

* См. т. VIII, док. № 342, стр. 589—600.

** — «промежуточных кредитов» (нем.).

уезжает на некоторое время в Женеву, и просил в его отсутствие по всем делам сноситься с Мейером.

Беседа протекала в дружеских тонах. Нейрат по всем вопросам, по которым он был осведомлен, не давая нам договорить, делал свои заявления. Общее впечатление, что он старался рассеять то раздражение, которое у нас создалось в результате бездеятельности комиссии Хэя. Он старался подчеркнуть стремление германской стороны возможно пойтн нам навстречу*.

Хинчук
Вейцер

Печат. по арх.

444. Письмо Полномочного Представителя СССР в Германии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

20 ноября 1932 г.

Дорогой Николай Николаевич,

Как известно, переговоры Папена с представителями партий не дали никакого результата, причем социал-демократы даже отказались явиться для переговоров, а «наци» Папен сам убоился пригласить из опасения, что и они не явятся для переговоров. Поэтому кабинет Папена был вынужден подать в отставку, хотя сам Папен и Шлейхер рассчитывали на длительное руководство кабинетом.

Теперь инициативу переговоров с партийными руководителями взял на себя сам Гинденбург. Пока официально ничего не сообщается в печати о существовании и результатах переговоров. Наибольший интерес уделяется, конечно, переговорам Гинденбурга с Гитлером. Эти переговоры не напоминают прежние, бывшие 13 июля. Переговоры велись в течение более часа, и назначено даже продолжение их, на что особенно обращает внимание вся правая пресса, ибо другим партийным руководителям Гинденбург не назначил продолжения переговоров. Отсюда весьма упорный слух, что канцлерство может быть предложено если не самому Гитлеру, то Георгу Штрассеру**. Однако цель у Гинденбурга — создать президиальный кабинет национальной концентрации, который бы имел если не поддержку рейхстага, то по крайней мере добился бы толерирования последнего. Предполагается, что деловые фигуры, как Шлейхер, Нейрат, Вармбольд и Крозиг***, останутся в каби-

* См. также док. № 372, 448.

** См. также док. № 331, 431.

*** Имеется в виду Шверин фон Крозиг, министр финансов Германии.

нете. Однако большие сомнения вызывает возможность создания такого кабинета национальной концентрации, так как вряд ли «наци» удастся втянуть в кабинет представителей других партий, которые не проявляют никакого желания войти в кабинет, возглавляемый кем-либо из «наци»; однако нельзя считать такое решение невероятным.

Совершенно ясно, что с национал-социалистским возглавлением кабинета начнется фашистский террор против коммунистической партии, которая будет загнана в подполье.

Но все прогнозы пока еще преждевременны. Могут оказаться всякие сюрпризы. Ведь еще недавно называли канцлером Брахта, Герделера *, Гесслера, даже Секта ** и других, а теперь ставка идет на представителя «наци».

Шлейхер ведет политику не только на привлечение «наци», — на возглавление кабинета самим Гитлером.

С товарищеским приветом

Л. Хинчук

Печат. по арх.

445. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Италии В. П. Потемкину

22 ноября 1932 г.

Многоуважаемый Владимир Петрович,

Вопрос о возобновлении экономических переговоров с Италией решен положительно ***. Переговоры будем вести в Италии, ведение их поручается Левенсону, и он предупрежден, что должен вести их в тесном контакте с Вами.

Я являюсь сторонником того, чтобы переговоры о торговых договорах велись полпредом с участием торгпреда, но те переговоры, которые предстоят нам с Италией, не являются переговорами о торговом договоре, а скорее переговорами о кредитах, заказах и улучшении условий размещения наших экспортных товаров. Поэтому мы не видели оснований для спора с Наркомвнешторгом и не возражали против сделанного им в инстанции предложения о возложении ведения переговоров на т. Левенсона.

Подробные директивы по переговорам повез с собой т. Левенсон. Сообщаю Вам лишь вкратце, что, в отличие от наших позиций при февральско-мартовских переговорах, мы ни в коем случае не пойдем на какой-либо золотой депозит в Италии. Ни в первой, ни в дальнейших наших позициях эта уступ-

* Имперский комиссар по контролю над ценами.

** Министры рейхсвера в отставке.

*** Переговоры возобновились 2 декабря 1932 г. по инициативе итальянского правительства.

ка не фигурирует. Уступки нам в области нашего экспорта мы готовы будем компенсировать нашим согласием на некоторое сокращение сроков предоставляемых нам товарных кредитов, некоторое увеличение фрахтования итальянских судов и, наконец, нашим отказом от самостоятельного розничного выступления на итальянском нефтяном рынке при условии заключения с нами долгосрочного выгодного договора на покупку наших нефтепродуктов.

Вы правильно изложили в Вашем последнем письме прошлогодние исходные позиции итальянцев при переговорах с нами. Я думаю, что их исходные позиции при нынешних переговорах * будут уже менее максималистскими, так как в прошлом году мы достаточно ясно дали им понять, что их пожелания для нас неприемлемы ²⁹⁴. В частности, мы ни в коем случае не пойдем ни на торговый, ни на расчетный нетто-баланс.

С товарищеским приветом

Н. Крестинский

Печат. по арх.

446. Конвенция о согласительной процедуре между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Республикой

[23 ноября 1932 г.]

Согласно постановлению статьи 5 Договора о ненападении ** между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Республикой, подписанного в Москве 25 июля 1932 года,

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик, с одной стороны, и

Президент Польской Республики, с другой стороны, решили заключить Конвенцию о согласительной процедуре и назначили для этой цели своими Уполномоченными:

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик — Максима Максимовича Литвинова, Члена Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик, Народного Комиссара по Иностранным Делах, и Президент Польской Республики — господина Станислава Патека, Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра Польской Республики в Москве,

которые, после взаимного предъявления своих полномочий, найденных составленными в должной и надлежащей форме, согласились о нижеследующих постановлениях:

* См. также док. № 156, 464, 494, 504.

** См. док. № 300.

Статья 1

Договаривающиеся Стороны взаимно обязуются передавать Согласительной Комиссии, согласно постановлениям настоящей Конвенции, для достижения взаимного соглашения, всякие возможные спорные вопросы, которые могли бы возникнуть между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Республикой из фактов, имевших место после вступления в силу настоящей Конвенции и которые не удалось бы разрешить в надлежащий срок дипломатическим путем.

Постановления настоящей Конвенции не относятся к территориальным вопросам.

Предусмотренная в советско-польском Соглашении от 3 августа 1925 года процедура по разрешению пограничных конфликтов остается в силе*. В случае недостижения полюбовного их разрешения, согласно порядку, предусмотренному в вышеупомянутом Соглашении, каждая из Договаривающихся Сторон будет иметь возможность внести их на рассмотрение Согласительной Комиссии, предусмотренной настоящей статьей.

Статья 2

Согласительная Комиссия, предусмотренная в статье 1, будет состоять из четырех членов, назначаемых на каждую сессию Комиссии, причем каждая из Договаривающихся Сторон назначает двух членов из числа своих граждан.

Каждая из Договаривающихся Сторон будет иметь право прибегать к услугам назначенных ею экспертов, которые могут заседать в Комиссии с правом совещательного голоса. Каждая из Договаривающихся Сторон может также, по взаимному соглашению обеих сторон Комиссии, направлять в Комиссию для выслушивания лиц, показания которых эта сторона сочтет полезными.

На каждой сессии председательствовать будет представитель стороны иной, чем та, на территории которой имеет место данная сессия.

Статья 3

Согласительная Комиссия имеет задачей выяснять спорные вопросы, которые будут ей переданы, собирать для этой цели все необходимые сведения, прилагать усилия для примирения сторон и формулировать для разрешения спорных вопросов предложения, которые она находит справедливыми и которые она рекомендует обеим Договаривающимся Сторонам принять дипломатическим путем.

Если Согласительной Комиссии не удастся сформулировать на одной сессии предложение о разрешении рассматриваемого ею спора и если Договаривающиеся Стороны не придут в надлежащий срок к соглашению дипломатическим путем, каждой из Договаривающихся Сторон предоставляется право требовать передачи спора в Согласительную Комиссию для вторичного рассмотрения.

Статья 4

Согласительная Комиссия будет собираться по заявлению одной из Договаривающихся Сторон, направленному другой Стороне дипломатическим путем, в срок, устанавливаемый Договаривающимися Сторонами по обоюдному соглашению.

* См. т. VIII, док. № 257.

Собрание Комиссии должно состояться не позже, чем через один месяц с момента поступления вышеупомянутого заявления.

Как правило, сессии Комиссии не должны иметь место чаще, чем один раз в год, за исключением экстренных случаев, в каковых случаях Комиссия должна собраться по требованию одной из Сторон.

Поскольку Договаривающиеся Стороны по обоюдному соглашению не решат иначе, сессии Комиссии будут происходить поочередно в Москве и в Варшаве. Место первой сессии определяется жребием.

Статья 5

Каждая из Договаривающихся Сторон сообщает другой Стороне дипломатическим путем не позднее, как за 15 дней до срока созыва Согласительной Комиссии, список вопросов, которые она желает рассмотреть на данной сессии.

Статья 6

Поскольку Договаривающиеся Стороны по обоюдному соглашению не решат иначе, Согласительная Комиссия сама определит порядок своей процедуры, соблюдая при этом, однако, положения, предусмотренные настоящей Конвенцией.

Статья 7

Для правомочности заседания Согласительной Комиссии необходимо присутствие всех ее членов.

Если бы один из членов Комиссии не мог принять участие в работах Комиссии, заинтересованная Сторона назначит его заместителя в течение 30 дней после того, как будет констатирована невозможность присутствовать на сессии.

Статья 8

Договаривающиеся Стороны обязуются облегчать Согласительной Комиссии исполнение возложенных на нее задач, в частности снабжать ее в возможно полной мере всеми необходимыми сведениями и документами.

Статья 9

Согласительная Комиссия составляет доклад относительно переданных ей спорных вопросов. Доклад этот должен быть представлен Договаривающимся Сторонам до окончания сессии, во время которой рассматривались эти вопросы, поскольку Договаривающиеся Стороны не согласятся продлить этот срок.

В докладе должен заключаться проект разрешения каждого из спорных вопросов, переданных на рассмотрение Комиссии, при условии принятия проекта всеми членами Комиссии.

В случае невозможности формулирования совместного проекта, доклад должен заключать предложения обеих сторон.

Статья 10

Доклад Согласительной Комиссии подписывается всеми ее членами. Он должен быть доведен в кратчайший срок до сведения Договаривающихся Сторон.

Статья 11

Каждая из Договаривающихся Сторон обязуется в надлежащий срок, ни в каком случае не превышающий трех месяцев, известить другую, принимает ли она совместные предложения Комиссии, изложенные в ее докладе.

Статья 12

Доклады Согласительной Комиссии могут быть опубликованы полностью или частично исключительно по обоюдному соглашению Договаривающихся Сторон.

Статья 13

Вознаграждение членов Согласительной Комиссии, экспертов, а также и других лиц, приглашенных одною из сторон, возлагается на данную сторону. Другие расходы, связанные с деятельностью Комиссии, обе Договаривающиеся Стороны несут поровну.

Статья 14

В процессе согласительной процедуры Договаривающиеся Стороны взаимно обязуются воздерживаться от всякой меры, могущей повлиять неблагоприятным образом на выполнение предложений Согласительной Комиссии.

Статья 15

Настоящая Конвенция является нераздельной частью Договора о ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Республикой, подписанного в Москве 25 июля 1932 года, и будет ратифицирована одновременно с вышеуказанным Договором.

Она вступит в силу одновременно с ним и останется в силе на все время действия названного Договора.

В удостоверение чего, вышеуказанные Уполномоченные подписали настоящую Конвенцию и приложили к ней свои печати.

Учинено в Москве, в двух экземплярах, каждый на русском и польском языках, 23 ноября 1932 года.

М. Литвинов

St. Patek

Печат. по арх. Оpubл. в «Собрании законов...», отд. II, № 6, 23 апреля 1933 г., стр. 46—52.

Конвенция ратифицирована: ЦИК СССР 27 ноября 1932 г., президентом Польской Республики 26 ноября 1932 г.

Обмен ратификационными грамотами состоялся в г. Варшаве 23 декабря 1932 г.

447. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Норвегии с Заместителем Министра Иностранных Дел Норвегии Эсмарком

23 ноября 1932 г.

Зайдя впервые после возвращения из отпуска в МИД, я был проведен к Эсмарку за нахождением Бродланда в Женеве. После обычной церемонии обоюдных приветствий и любезностей (так как три месяца мы с ним не виделись) я первым делом передал ему свое официальное письмо о нотификации нового торгпреда т. Клингера, разрешение на что мною было получено от т. Стомонякова накануне. Тут же я сделал коротенькое сообщение о прошлой работе Клингера и выразил надежду на то, что с его приездом будет приступлено к переговорам о новой госгарантии. В своем ответе Эсмарк полностью присоединился к моим пожеланиям. Напомнивши ему затем о последней нашей с ним беседе (от 2 августа) *, я заинтересовался узнать о разрешении вопросов, которые были у нас тогда предметом нашего разговора. Это были почти исключительно шпицбергенские вопросы. Эсмарк ответил мне, что налоговый вопрос, по сведениям министерства финансов, разрешен непосредственно сговором нашего консульского агента т. Плисецкого с местными (шпицбергенскими) властями; сообщил также и о благополучном разрешении вопросов о радиостанции ** и устройстве для нас маяка. На мое заявление, после того как я выразил удовлетворение по поводу полной ликвидации налоговых и радиовопросов, о том, что вопрос об устройстве для нас маяка нуждается еще в заключении норвежского правительства после того, как он был предметом обсуждения ведомств, Эсмарк, сделавши вид будто бы он этого не знал, взял себе это на заметку и обещал навести справки и сообщить мне конкретно о положении этого вопроса.

Этим деловая часть беседы была как бы закончена, но, конечно, не для меня. Отвечая на вопрос Эсмарка о том, как я провел свой отпуск, я не преминул коснуться моего свидания в Москве с норвежской делегацией ²⁹⁵ и переговоров, которые в это время вел Йогансен с Наркомвнешторгом ***.

Последние я охарактеризовал как неблагоприятную преюдию к предстоящим переговорам и заявил, что по всем основным вопросам госгарантии Йогансен в Москве занимал резкую, непримиримую позицию, из-за чего ни по одному из

* В тексте, видимо, неточно — 21 августа; характер обсуждавшихся в ходе беседы вопросов указан в этом документе.

** См. док. № 245, 257.

*** Заведующий торгово-политическим отделом МИД Норвегии Йогансен находился в СССР с 12 по 29 октября 1932 г.

вопросов не удалось даже в порядке предварительном наметить модуса вивенди... В виде курьеза я ему сообщил, что даже благоприятное разрешение в стортинге вопроса о правах торгпредства Иогансен ставил под сомнение. На это Эсмарк мне ответил, что он имел беседу с Иогансеном после возвращения последнего из Москвы и что у него, Эсмарка, остается все же уверенность в том, что переговоры в этом году удадутся быстро и благоприятно закончить. По поводу же статуса торгпредства он еще раз повторил заверения о благоприятном разрешении вопроса.

Говоря о своих впечатлениях о Норвегии, по моем сюда возвращении, я заговорил о том шуме, который я застал в здешней прессе в связи с последним обличительным по адресу норвежского правительства выступлением Мувинкеля (по делу Кюльмана)²⁵⁶. Норвежские газеты, сказал я, привыкли видеть во всяком выступлении Мувинкеля его желание самому стать у власти.

Каково Ваше мнение об этом?

В ответ на это Эсмарк, явно оживившись, начал уверять меня в том, что единственным выходом из положения сейчас является именно приход к власти Мувинкеля, что теперь он (Мувинкель) определенно «хат люст дацу»* и что он будет ждать лишь исхода гренландского спора, что должно разрешать ему руки для принятия руководства. Этому он (Эсмарк) ждет не позже февраля. Оживляясь все больше и больше, Эсмарк стал говорить о Мувинкеле как о единственном человеке, могущем выровнять положение.

Тут я счел уместным еще раз заявить о том законном возмущении, которое имеется у нас в связи с неоднократными бестактными выступлениями Квислинга, а также напомнить о тех заверениях, которые были даны министром Урби в Москве моему правительству и мне о неповторении в будущем таковых**. Эсмарк это подтвердил. Слушая его, я думал, как много этому культурному чиновнику приходится терпеть от правительства Хундсейда — Квислинга.

Прощаясь, я выразил надежду видеть его скоро у себя. (Имеется в виду предстоящий прием).

Полпред СССР в Норвегии
А. Бекзаян

Печат. по арх.

* Имеет желание (нем.).

** См. док. № 370.

**448. Письмо Полномочного Представителя СССР в Германии
Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР Н. Н. Крестинскому**

24 ноября 1932 г.

Уважаемый Николай Николаевич,

После отправки моего последнего письма по переговорам * в общей обстановке переговоров наступили изменения, направленные к существенному ухудшению положения. Немцы явно делают попытки взять обратно то, что нам удалось в предшествующие дни достичь в частных разговорах, и вернуть переговоры к тому положению, в котором они находились до последней недели. Перечислю вкратце проявление этого ухудшения в обстановке:

1. Представитель Рейхсбанка в министерстве хозяйства Гехлер, к которому Мейер направил Розенблюма ** и который в разговоре с последним, проговорившись, назвал лимит для финансовых операций в 120 млн. марок (сумму, затем подтвержденную мне Нейратом, явно со слов Мейера, который в свою очередь назвал ее в результате того, что Гехлер проговорился) сейчас формально и демонстративно устранен от переговоров.

2. Рейхсбанк не подтвердил сумму в 60 млн. марок, условно названную Гехлером для штильхальтеопераций ***, и в правлении Рейхсбанка возобладала точка зрения не называть нам вообще никакой общей суммы для финансовых операций. Демонстративность этого решения проявилась в том, что, несмотря на то что при разговоре Розенблюма в Рейхсбанке возникли разногласия между двумя представителями Рейхсбанка, из которых один, директор Кнак, склонился к нашей точке зрения, и что в силу этого была предусмотрена новая встреча через пару дней, фон Ведель **** уже вчера, т. е. через день, сообщил об отрицательном решении Рейхсбанка. Таким образом, и по форме, и по существу это решение нам враждебно.

3. Представитель министерства хозяйства в комиссии Хэя Виллике на последнем заседании 22-го с. м. вел себя демонстративно и резко, а к концу заседания устроил скандал, прервав аргументацию нашей делегации и сорвав заседание. После этого скандала с немецкой стороны (кроме неловких попыток Хэя сейчас же после заседания изобразить Виллике

* Имеется в виду письмо от 20 ноября 1932 г. о состоянии советско-германских переговоров по финансовым вопросам.

** Помощник заведующего экономической частью НКВД СССР; в ноябре 1932 г. был временно направлен в распоряжение полномочного и торгового представителей СССР в Германии для участия в советско-германских экономических переговорах.

*** — операций с замороженными кредитами (нем.).

**** Член правления Рейхсбанка.

нервным, не отвечающим за свои поступки человеком) не было сделано попыток смягчить создавшееся положение*.

4. Достигнутое соглашение о текущих финансовых делах сейчас стараются взять обратно. Как Вы помните, Нейрат прямо сказал мне, что письмо Рейхерта** о запрещении нам текущих финансовых операций до конца переговоров «либо угарело, либо — недоразумение». У Мейера в присутствии Гехлера и Розенблюма было прямо согласовано, что текущие финансовые дела будут разрешаться и впоследствии зачисляться в подлежащий согласованию контингент. На заседании комиссии Хэя Виллике заявил, что письмо Рейхерта сохраняет полную силу.

5. Перед последним заседанием комиссии Хэя немцы пытались обвинять нас в нелояльности, что мы ведем переговоры не через комиссию, а через ее голову. Они намекали на мой разговор с Нейратом и разговоры Розенблюма с Мейером и Риттером. Таким образом, немцы делали попытку свести наши переговоры к формальным бессодержательным заседаниям комиссии Хэя и таким образом взять обратно то, что нами было достигнуто в частных переговорах. Мы, само собой разумеется, отвергли эти претензии, подчеркнув, что имевшие место разговоры ставили себе задачей не затруднить, а облегчить работу комиссии и что действительно в этих разговорах удалось наметить некоторые пути к соглашению.

Все эти факты свидетельствуют о желании немцев взять обратно те заявления, которые нам были сделаны, в частности в отношении глобальной суммы финансовых операций, в отношении расширения сбыта нашей нефти (кстати, Виллике заявил на последнем заседании, что немцы не намерены создавать для нас преимуществ по сравнению с «Шеллом», «Стандардом» и т. д.). Это объясняется следующими соображениями:

1. Сейчас в Германии фактически нет правительства. Нет какой-либо твердой линии, за соблюдением которой следили бы ответственные министры.

2. Вармбольд знает, что он не останется министром, поэтому он в дела фактически мало вмешивается. Когда я встретил его на рауте у баварского посланника и рассказал ему о поведении Виллике, он был искренне изумлен, заявил, что ничего не понимает во всем этом деле, обещал расследовать и нам помочь. Было, однако, ясно, что он уже делами как следует не занимается.

3. Нейрата нет, он сейчас в Женеве и приедет в лучшем случае числа 27—28-го. Нет и Мейера. Таким образом, факти-

* См. также док. № 469.

** См. также док. № 443.

чески нет людей, которые наблюдали бы за разговорами и направляли бы их в соответствии с общей политической линией. Руководство фактически у бездарного и враждебного нам Хэй. Этим предопределяется усиление позиций всех тех, которые против реальных уступок нам. Этим объясняется, что, воспользовавшись создавшейся обстановкой, разные бюрократы, как Хэй, Виллике, фон Ведель в Рейхсбанке, пытаются срочно взять обратно все достигнутое в предыдущие дни и свести переговоры к нулю.

4. К этому нужно добавить, что Хэй и Виллике еще лично ущемлены. Мы говорили у Нейрата и Вармбольда, что переговоры в комиссии были совершенно безрезультатны. Мы подчеркивали наше недовольство работами комиссии. Хэй и Виллике приняли это как выпад по их адресу. Хэй ясно это подчеркивал, говоря Александровскому перед заседанием, что указание на безрезультатность работ комиссии является ударом как по нему, Хэй, так и по самому Александровскому. Раздражение Хэй и Виллике последний проявил в форме того скандала, о котором мы Вам писали.

В той обстановке, которая сейчас создалась, когда нет правительства, когда Нейрат и Мейер — в Женеве, когда Вармбольд уже фактически не у дел, я могу переговорить только с Бюловым. Я буду у него сегодня вечером, укажу ему на то, что в комиссии пытаются взять обратно согласованное в разговорах с Нейратом и Мейером, подчеркну невозможность разговаривать с Виллике после происшедшего скандала, потребую назначения вместо Виллике другого представителя и ускорения работ самой комиссией. О результатах разговора с Бюловым сообщу особым письмом²⁹⁷. Тогда же сообщу Вам и свои предположения о дальнейшей тактике*.

С товарищеским приветом

Л. Хинчук

Печат. по арх.

449. Письмо советника Полномочного Представительства СССР во Франции Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

24 ноября 1932 г.

Торговые переговоры.

Уважаемый Николай Николаевич,

По согласованию с т. Довгалеvским отвечаю на Ваш запрос о состоянии торговых переговоров. Прилагаю доклад т. Гуревича и запись его последней беседы с Дюраном, которая проливает свет на положение²⁹⁸. Беседа т. Довгалеvского

* См. также док. № 469.

с Бертело, воспроизведенная в его дневнике, также выявляет довольно отчетливо создавшееся положение²⁹⁹.

Можно считать теперь установленным, что Эррио дал директиву не заключать торгового соглашения до подписания пакта. Покамест, по всем данным, эта директива остается в силе. Дюран, изображавший из себя во время первой беседы с т. Гуревичем³⁰⁰ человека, облеченного полномочиями на принятие решений, сейчас делает вид, будто бы он только выслушивал т. Гуревича и ни на что согласие не давал. Вообще он бьет отбой, и недаром о нем де Монзи, являющийся по сравнению с ним перворазрядной величиной, презрительно отзывался как об «улитке».

Дюран в последней беседе с т. Гуревичем от 12 ноября обещал дать ответ 24-го и предложил, чтобы в этом промежутке собрались эксперты, причем было обусловлено, что созыв за ним. Покамест никаких экспертов он не созывал, так как на данной стадии переговоров, при отсутствии принципиальной договоренности, они могли бы только заняться казунистикой относительно статута торгпредства и тому подобными вопросами, которые сравнительно легко будут разрешены, когда наметится соглашение по вопросам кредитного механизма, о раз-
мере заказов и контингентах.

Тов. Гуревич во время своей последней беседы с Дюраном оставил у него «меморандум». Заправляющий здесь нефтяными делами Пино в беседе с т. Островским* изобразил даже позицию т. Гуревича как ультиматум, как доказательство того, что мы требуем невозможного и т. п. В довершение всего Пино по поручению министерства торговли сделал попытку шантажировать нас, пригрозив недопущением нас к январским торгам о нефти (аналогичные вещи и в прошлом году были проделаны). В этом направлении проявляет, очевидно, свою политическую мудрость и Дежан, который говорил Барону** о том, что заключением нефтяного договора*** Франция выпустила из рук все козыри, в которых она нуждается для заключения соглашения с нами.

Я пытался вкратце остановиться на более существенных моментах, относящихся к предварительным торговым переговорам. Что касается перспектив, то на основании этих данных Вы можете составить себе мнение. Ничто не позволяет в данный момент утверждать, что заключение торгового соглашения с Францией окажется делом легким. Кроме того, как Вы видите, французы сами увязали вопрос о торговом соглашении

* Представитель «Союзнефтеэкспорта» во Франции.

** Председатель комиссии палаты депутатов по горнопромышленным делам Франции.

*** См. док. № 359.

с вопросом о пакте, причем, помимо возможных политических соображений другого порядка, Эррио руководствовался тем, что без подписания пакта трудно будет протащить через палату торговое соглашение, а без торгового соглашения вопрос о кредитах не поддается разрешению.

Марген * в беседе с нами почти дословно заявил нам то же самое, составившись, между прочим, и на договоренность о схеме переговоров, предусматривающую в последовательном порядке заключение пакта, торгового соглашения, вопрос о кредитах и заказах, заключение торгового договора и урегулирование вопроса о долгах **.

Розенберг

Печат. по арх.

450. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Турции в СССР Рагибом

25 ноября 1932 г.

Рагиб пришел, по поручению Рюштю, ознакомить меня с отношением Турции к плану Эррио²⁸⁴. Полученная Рагибом инструкция, однако, относится к тому времени, когда о плане известно было лишь по выступлениям Эррио и Поль-Бонкура, а текст предложений еще не был известен. Поскольку речь идет о региональном соглашении, типа локарнского, с установлением даже взаимной военной помощи, что приближало бы это соглашение к военному союзу, Турция не может с этим планом согласиться. Я ознакомил Рагиба подробнее с планом Эррио на основании текста и разъяснил, почему и против каких пунктов мы будем возражать. Отметил я также аналогичность позиций Турции и СССР, являющихся странами не только европейскими, но и азиатскими, имеющими соседей, которые не смогут войти в общеевропейскую организацию, предлагаемую Эррио.

Рагиб сообщил, что он получил уже ответ своего правительства относительно его присоединения к демаршу дипкорпуса по поводу снабжения²⁸⁵. Этот ответ отрицателен, и он уже сообщил его дипкорпусу. Он, однако, просит указать ему, куда он должен обратиться за обменом консульских сборов на инвалюту. Я ответил Рагибу, что мое сообщение дуайену относительно нераспространения перевода на инвалюту платежей госучреждениям было основано на предположении о сохранении нынешнего порядка взимания консульских сборов.

* Товарищ министра общественных работ Франции.

** См. также док. № 426, 459.

Этим я дал ему понять, что его просьба вряд ли будет удовлетворена, но я также сообщил Рагибу, что компетентным органом является валютный отдел Наркомфина.

Литвинов

Печат. по арх.

451. Письмо члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Норвегии А. А. Бекзадяну

25 ноября 1932 г.

Уважаемый товарищ,

1. Несмотря на многократные заверения Бродланда и Урби о прекращении антисоветских выступлений Квислинга, последний допустил в письме на имя редактора газеты «Афтенпостен» по делу Кюльмана об антимилиитаристской деятельности норвежских рабочих организаций новые недвусмысленные выпады против СССР. Принимая во внимание, что мы неоднократно уже протестовали против выходов Квислинга, и, главное, учитывая предстоящее падение кабинета Хундсейда, возмещенное Вам даже Эсмарком, мы не считаем нужным заявлять новый протест норвежскому правительству*. Достаточно будет, если Вы при случае в разговоре с Бродландом и Хундсейдом укажете на недовольство, вызываемое в Москве непрекращающейся некорректностью Квислинга в отношении СССР и выразите уверенность, что они сами понимают, что этим создается недопустимое положение³⁰¹.

2. Прошу Вас регулярно информировать нас о ходе англо-норвежских переговоров в Лондоне в связи с денонсацией Англией торгового соглашения в результате Оттавской конференции¹³⁹. Начавшиеся переговоры между Англией и скандинавскими государствами представляют для нас большой торгово-политический и хозяйственный интерес.

С товарищеским приветом

Б. Стомонаков

Печат. по арх.

452. Письмо члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Швеции А. М. Коллонтай

25 ноября 1932 г.

Уважаемый товарищ,

1. Ведущиеся в настоящее время англо-шведские экономические переговоры в Лондоне представляют центральное зна-

* См. т. XIV, док. № 194, а также док. № 295, 370, 447 настоящего тома.

чение для всех наших отношений с Швецией. Сдержанность, которую проявляет Швеция по отношению к нам в настоящее время, в большей степени объясняется выжидаанием результата этих лондонских переговоров, чем приходом к власти социал-демократов.

К сожалению, по данным получаемой здесь шведской прессы, трудно уяснить себе ход лондонских переговоров. Неясно, идет ли речь о заключении нового торгового соглашения на базе предоставления преференциальных скидок или же имеются в виду соглашения по отдельным конкретным предметам ввоза и вывоза. Неясно также, ведутся ли скандинавскими странами переговоры в Лондоне согласно или же каждая из этих стран выступает самостоятельно. Мы просим Вас следить за ходом этих переговоров, присылать нам своевременно информацию о главнейших их этапах и результатах и дать Ваше заключение по вопросу о том, какая опасность в результате того или иного соглашения с Англией угрожает основным статьям нашего экспорта в Швецию³⁰².

Прошу Вас указать корреспонденту ТАСС, что мы считали бы весьма желательным, чтобы он периодически информировал Москву о ходе переговоров между скандинавскими странами и Англией.

2. Из ряда фактов последнего времени получается впечатление, что вопрос об установлении в Швеции государственной гарантии кредитов, предоставляемых при экспорте в СССР, уже созрел и близится к практическому разрешению. Само собой разумеется, нам не следует самим проявлять в этом вопросе какой бы то ни было активности.

Просим Вас по-прежнему информировать нас.

3. По поводу Вашего адресованного т. Крестинскому запроса от 17-го с. м. сообщаю, что зам. торгпреда т. Степанян должен быть внесен в список стокгольмского дипломатического корпуса именно как заместитель торгпреда, а не как коммерческий атташе. Такой порядок существует в Германии и в ряде других стран. Поскольку торгпред по договору с Швецией признан именно как торгпред, нам незачем ни его, ни его заместителя проводить под фирмой коммерческого атташе, которая не покрывает всего содержания функций торгового представителя.

С товарищеским приветом

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

453. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Временным Поверенным в Делах Японии в СССР Амо

26 ноября 1932 г.

Я вызвал Амо, чтобы сообщить ему наш ответ на последнее сообщение японского правительства (наш ответ при сем прилагается)³⁰³. Амо внимательно выслушал его, никаких замечаний и вопросов не задавал, ограничившись только заявлением, что он немедленно передаст его в Токио. Задал только один вопрос: послана ли нами инструкция Смирнову, согласно этому заявлению, которое нами делается, и когда? Я ему сказал, что инструкция Смирнову о том, чтобы он обратился к генералу Су Бин-вэню, согласно нашему сообщению японскому правительству, послана сегодня*.

Амо обратился с просьбой разрешить двум делегатам Маньчжоу-Го, Шао Лину и Ван Цзи-цзюну, поехать на станцию Хайлар для переговоров с генералом Су Бин-вэнем, который согласен вступить с ними в предварительные переговоры. Амо просил дать визы на поездку в Хайлар и на обратное возвращение на станцию Мациевская. Я ему сказал, что указания об этом будут сегодня же посланы на Мациевскую.

После этого я обратил внимание Амо на заявление представителя министерства иностранных дел, опубликованное в японских газетах 24 ноября. Я ему дал текст тассовской телеграммы, где это заявление помещено³⁰⁴. Я обратил внимание Амо, что подобного рода лживые заявления, да еще официальные представителя министерства иностранных дел, производят самое странное впечатление в Москве. У меня нет никаких сомнений в том, что г. Амо точно передает беседы со мной в Токио, и я приписываю это только тому, что какие-то элементы заинтересованы в том, чтобы ухудшать отношения между Японией и СССР. Иначе нельзя объяснить появление в японской прессе такого рода сообщений из официальных источников. Я обратил внимание Амо на то, что в беседе с ним я не только не говорил о том, что я знал, что Су Бин-вэнь не согласится вести переговоры с японской стороной, но что, наоборот, я подчеркнул, что, когда мы давали согласие на приезд японской комиссии на станцию Мациевская, мы, кроме других мотивов, исходили из уверенности, что между японцами и генералом Су Бин-вэнем уже имеется сговор об открытии переговоров на нейтральной территории**. Амо подтвердил, что я действительно такое заявление ему сделал и он об этом сообщил в Токио. Я ему указал, что вообще все сообще-

* В архивных документах имеется записка, переданная В. В. Смирнову 28 ноября; см. док. № 454.

** См. док. № 442.

ние представителя министерства иностранных дел ставит своей задачей создать впечатление о какой-то нашей связи с генералом Су Бин-вэнем и может быть понято как желание свалить на нас ответственность за происходящие там события.

Амо был очень сконфужен. Он заметил мне, что это неправильное истолкование его сообщения. Я ему сказал, что это не неправильное истолкование, а просто злостно-лживое искажение того, о чем мы говорили. Он должен понять, что, если такого рода сообщения будут появляться в прессе о наших беседах, это поставит нас с ним в очень трудное положение. Я рассматриваю такого рода сообщение прямо враждебным нам и не вяжущимся никаким образом с теми дружественными отношениями, которые существуют между Японией и СССР.

Амо заявил, что он возмущен появлением такого сообщения, что он сегодня же будет телеграфировать об этом в Токио и будет решительно протестовать против таких искажений*. Он заметил, что, к сожалению, представитель министерства иностранных дел очень часто позволяет себе такого рода выступления, которые ставят японское правительство в затруднительное положение не только в отношении СССР, но и в отношении других государств.

Л. Карахан

Печат. по арх.

454. Указание Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Консулу СССР в г. Маньчжуря В. В. Смирнову

*Срочно
28 ноября 1932 г.*

Передано по прямому проводу

Напишите генералу Су Бин-вэню нижеследующее письмо: «В связи с заявлением японского правительства о его желании урегулировать создавшееся положение путем мирных переговоров и ввиду прибытия на станцию Мацневскую комиссии, созданной для этих переговоров, мне поручено спросить Вас, не согласитесь ли Вы отказаться от Вашей отрицательной позиции и вступить в переговоры с Японией с целью мирного улажения возникшего конфликта». Письмо это перешлите через дипломатического комиссара³⁰⁵.

Карахан

Печат. по арх.

* См. также док. № 465.

455. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике А. Я. Охтину

28 ноября 1932 г.

22 ноября Совнарком СССР постановил:

1. Обязать НКВД в месячный срок заключить с МНР договор о радиофикации по проекту, разработанному Наркомсвязи с МНР.

2. Обязать Наркомтяжпром обеспечить изготовление и поставку в обусловленные новым планом радиофикации сроки необходимого силового оборудования.

3. Наркомсвязи непосредственно обеспечить поставку радиооборудования.

4. Работы по радиостроительству должны быть закончены не позднее 1 августа 1933 г.

В соответствии с данным постановлением и на основании высланных Вам полномочий подпишите договор с МНР *.

Карахан

Печат. по арх.

456. Договор о ненападении [между Союзом Советских Социалистических Республик и Французской Республикой]

[29 ноября 1932 г.]

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик и Президент Французской Республики,

воодушевленные волей к упрочению мира,

убежденные, что в интересах обеих Высоких Договаривающихся Сторон лежит улучшение и развитие отношений между обоими странами,

верные принятым ими на себя ранее международным обязательствам, из которых по их заявлению ни одно не препятствует мирному развитию их взаимных отношений и не находится в противоречии с настоящим Договором,

желая подтвердить и уточнить в своих соответствующих отношениях Генеральный пакт отказа от войны от 27-го августа 1928 года **,

решили заключить Договор в этих целях и назначили своих уполномоченных, именно:

* Договор о радиофикации был подписан 9 февраля 1933 г.; см. «Советско-монгольские отношения 1921—1966. Сборник документов», М., 1966, стр. 70—74.

** См. т. XI, док. № 298.

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик:

Г. Валериана Довгалецкого, Чрезвычайного и Полномочного Посла Союза Советских Социалистических Республик при Президенте Французской Республики,

Президент Французской Республики:

Г. Эдуарда Эррио, Депутата, Председателя Совета, Министра Иностранных Дел,

которые, после обмена своих полномочий, найденных составленными в должной форме и надлежащем порядке, условились о нижеследующих постановлениях:

Статья первая

Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуется перед другою не прибегать ни в каком случае против нее, ни отдельно, ни совместно с одной или несколькими третьими Державами, ни к войне, ни к какому-либо нападению на суше, на море или в воздухе и уважать неприкосновенность территорий, находящихся под ее суверенитетом, или тех, в отношении которых ею приняты на себя внешнее представительство и контроль администрации.

Статья II

Если одна из Высоких Договаривающихся Сторон явится предметом нападения со стороны одной или нескольких третьих Держав, то другая Высокая Договаривающаяся Сторона обязуется не оказывать в течение конфликта, ни прямо, ни косвенно, помощи и поддержки нападающему или нападающим.

Если одна из Высоких Договаривающихся Сторон прибегнет к нападению против третьей Державы, то другая Высокая Договаривающаяся Сторона будет иметь возможность деинсировать без предупреждения настоящий Договор.

Статья III

Обязательства, изложенные выше в статьях I и II, не могут никаким образом ограничить или изменить права и обязанности, вытекающие для каждой из Высоких Договаривающихся Сторон из соглашений, заключенных ею ранее вступления в силу настоящего Договора, причем каждая из Сторон заявляет настоящим, что она не связана никаким соглашением, налагающим на нее обязательство участвовать в нападении, предпринятом третьим государством.

Статья IV

Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуется, в течение действия настоящего Договора, не участвовать ни в каком международном соглашении, которое имело бы практическим последствием запрещение покупки у другой Стороны, или продажи ей товаров, или предоставления ей кредитов, и не принимать никакой меры, которая имела бы последствием исключение другой Стороны из всякого участия в ее внешней торговле.

Статья V

Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуется уважать во всех отношениях суверенитет или господство другой Стороны на совокупности ее территорий, определенных в статье I настоящего Договора, никаким образом не вмешиваться в ее внутренние дела, в частности воздерживаться от всякого действия, клонящегося к возбуждению или поощрению какой-либо агитации, пропаганды или попытки интервенции, имеющей целью нарушение территориальной целостности другой Стороны, или изменение силой политического или социального строя всех, или части, ее территорий.

Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуется, в частности, не создавать, не поддерживать, не снабжать, не субсидировать и не допускать на своей территории ни военных организаций, имеющих целью вооруженную борьбу против другой Стороны, ни организаций, присваивающих себе роль правительства или представителя всех, или части, ее территорий.

Статья VI

Высокие Договаривающиеся Стороны, признав уже в Генеральном пакте отказа от войны от 27 августа 1928 г., что урегулирование и разрешение всех споров или конфликтов, каковы бы ни были их характер или происхождение, могущих возникнуть между ними, должно всегда отыскиваться лишь мирными средствами, подтверждают это постановление и, для придания ему действия, прилагают к настоящему Договору Конвенцию о согласительной процедуре*.

Статья VII

Настоящий Договор, коего русский и французский тексты будут иметь одинаковую силу, будет ратификован, и его ратификации будут обменены в Москве.

* См. док. № 457.

Он вступит в действие начиная со сказанного обмена и будет оставаться в силе впредь до истечения годичного срока со дня, когда одна из Высоких Договаривающихся Сторон известит другую о своем намерении его денонсировать. Это извещение не может, однако, иметь места прежде истечения двухлетнего срока, считая со дня вступления в силу настоящего Договора.

В удостоверение чего Уполномоченные подписали настоящий Договор и приложили к нему свои печати.

Совершено в Париже, в двух экземплярах, 29 ноября 1932 года.

*В. Довгалецкий
E. Herriot*

Печат. по арх. Опубл. в «Собрании законов...», отд. II, № 8, 4 мая 1933 г., стр. 63—68.

Договор ратифицирован: ЦИК СССР 13 февраля 1933 г., президентом Франции 11 февраля 1933 г.

Обмен ратификационными грамотами состоялся в Москве 15 февраля 1933 г.

457. Конвенция о согласительной процедуре [между Союзом Советских Социалистических Республик и Французской Республикой]

[29 ноября 1932 г.]

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик и Президент Французской Республики,

согласно постановлениям статьи VI Договора о ненападении*, подписанного сего дня,

решили заключить Согласительную Конвенцию и для этой цели назначили своих уполномоченных, именно:

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик:

Г. Валериана Довгалецкого, Чрезвычайного и Полномочного Посла Союза Советских Социалистических Республик при Президенте Французской Республики, и

Президент Французской Республики:

Г. Эдуарда Эррио, Депутата, Председателя Совета, Министра Иностранных Дел,

которые, после обмена своих полномочий, найденных составленными в должной форме и надлежащем порядке, условились о нижеследующих постановлениях.

* См. док. № 456.

Статья первая

Все споры, каков бы ни был их характер, между Францией и Союзом Советских Социалистических Республик, касающиеся фактов, которые возникли бы после вступления в силу настоящей Конвенции, и не могущие быть улаженными дипломатическим путем, будут переданы, в целях полюбовного улажения, Согласительной Комиссии.

Статья II

Согласительная Комиссия состоит из четырех членов, а именно: двух французских граждан и двух граждан Союза Советских Социалистических Республик, назначенных, для каждой сессии, их соответствующими Правительствами.

Она избирает, на каждой сессии, своего Председателя из числа своих членов, граждан страны, на территории которой она заседает.

Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон может, кроме того, назначить экспертов, призванных участвовать в работах Комиссии с совещательным голосом.

Члены Комиссии могут требовать, по общему соглашению, заслушания всякого лица, показание которого они считают полезным.

Статья III

Комиссия собирается один раз в год, в день, устанавливаемый по общему соглашению обеих Высоких Договаривающихся Сторон.

Эти последние могут условиться об отложении сессии на следующий год.

Они могут, напротив, в спешных случаях, решить, по общему согласию, собрать Комиссию на чрезвычайную сессию.

Высокая Договаривающаяся Сторона, которая будет просить об этом собрании, должна будет указать другой Высокой Договаривающейся Стороне то спешное обстоятельство, которым вызывается эта просьба.

Не позднее чем за пятнадцать дней перед собранием Комиссии каждая из Высоких Договаривающихся Сторон передает другой, дипломатическим путем, список вопросов, которые она желает передать на рассмотрение Комиссии.

Продолжительность каждой сессии не превышает пятнадцати дней, кроме случаев ее продления, принятого обоими Правительствами.

Комиссия собирается поочередно в Париже и в Москве, причем первое собрание должно иметь место в Москве.

Статья IV

Заседания Комиссии действительны лишь в присутствии всех ее членов. Ее решения должны быть приняты единогласно.

Статья V

Комиссия сама определяет свою процедуру

Статья VI

Комиссия обязана изучать спорные вопросы, внесенные в нее обоими Правительствами, и рекомендовать им толкование, которое она признает юридически обоснованным, или соглашение, которое она находит справедливым.

С этой целью она представляет каждой из Высоких Договаривающихся Сторон, перед концом каждой сессии, доклад, сопровождаемый проектом урегулирования каждого из споров, переданных ей в течение сказанной сессии.

Этот доклад может быть опубликован, полностью или частично, лишь с согласия обеих Высоких Договаривающихся Сторон.

Если в течение сессии Комиссии не удастся выработать единогласное предложение по какому-либо вопросу порядка дня, то этот вопрос может, по требованию одной из Сторон, быть снова передан в Комиссию в течение чрезвычайной сессии, открываемой не позднее чем через четыре месяца после закрытия предыдущей.

Каждая из обеих Высоких Договаривающихся Сторон обязуется извещать другую, в трехмесячный срок, принимает ли она предложения, представленные Комиссией.

Статья VII

Обе Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются облегчать работы Комиссии, в частности доставляя ей в возможно широкой мере все полезные документы и сведения.

Они обязуются равным образом воздерживаться, во время согласительной процедуры, от всех мер, зависящих от них, которые могли бы казаться предпрещающими предложения Комиссии, и насколько возможно принимать по этому предмету все действительные охранительные меры.

Статья VIII

Настоящая Конвенция, приложенная к Договору о ненападении, заключенному сего дня между Президентом Французской Республики и Центральным Исполнительным Комитетом Союза Советских Социалистических Республик, будет ратификована в тех же условиях. Она вступит в действие начиная с того же дня и будет оставаться в силе в течение того же времени.

В удостоверение чего Уполномоченные подписали настоящую Конвенцию и приложили к ней свои печати.

Совершено в Париже, в двух экземплярах, 29 ноября 1932 года.

В. Довгалевский
E. Herriot

Печат. по арх. Опубл. в «Собрании законод.», отд. II, № 8, 4 мая 1933 г., стр. 68—73.

Конвенция ратифицирована: ЦИК СССР 13 февраля 1933 г., президентом Франции 11 февраля 1933 г.

Обмен ратификационными грамотами состоялся в Москве 15 февраля 1933 г.

458. Речь Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалецкого при подписании Договора о ненападении и Конвенции о согласительной процедуре между СССР и Францией

29 ноября 1932 г.

Я счастлив, что имею возможность поставить сегодня от имени своего Правительства мою подпись под франко-советским Договором о ненападении и Согласительной конвенцией, которые, я в этом уверен, будут сильнейшим образом содействовать укреплению всеобщего мира, установлению более тесных и проникнутых большим доверием отношений между Францией и СССР.

Верное своей постоянной политике мира и дружественных отношений со всеми странами, Правительство СССР придает этому пакту большое политическое и моральное значение, которое соответствует миролюбивым стремлениям, воодушевляющим народы Франции и СССР.

Так же, как и правительство Французской республики, Советское Правительство приложит все свои усилия для того, чтобы договор, который нами только что подписан, оказался действительным и выгодным для обеих наших стран.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 339 (4900), 30 ноября 1932 г.*

Речь В. С. Довгалецкого явилась ответом на следующую речь председателя совета министров и министра иностранных дел Франции Эррио:

«В тот момент, когда Польша только что ратифицировала свое толкование* с СССР и когда Румыния сама выразила удовлетворение соглашением, достигнутым между Советским Правительством и Правительством Республики, я счастлив иметь возможность обменяться с Вами, г. Посол, подписями, которые позволят мне внести во французский парламент текст франко-советского пакта. Таким образом, настоящий договор дополняет целую систему пактов о ненападении, которая должна способствовать укреплению мира. Французский народ, который желает прежде всего посвятить себя труду, благодаря этому миру и общему восстановлению доверия между народами поймет смысл и значение пакта, который только что заключен. От его имени я приветствую народы СССР, с которыми мы желаем поддерживать отношения, основанные на все большем и большем доверии, и которым я всячески желаю процветания.

Договор, который мы подписываем сегодня, получит свое значение в зависимости от того, как он будет применяться. Прошу Вас не сомневаться в наших усилиях, направленных на придание ему действительной силы».

* Так в тексте.

**459. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных
Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Фран-
ции В. С. Довгалеvскому**

29 ноября 1932 г.

Многоуважаемый Валернан Савельевич,

Прочитал пришедшие во вчерашней почте записки разгово-
ров т. Гуревича с Дюраном 12 и 24 ноября и письмо его т. Ро-
зенгольцу, написанное накануне последнего свидания, и вижу,
что переговоры вступили в затяжную фазу *.

В самом деле, несмотря на то что мы пошли значительно
навстречу французским пожеланиям, Дюран пошел на попят-
ную, взял обратно свое полусогласие с концепцией т. Гуре-
вича об условленном гарантировании открываемых нам кре-
дитов³⁰⁰, главным образом, за счет выручки по новым видам
нашего экспорта и не идет на уступки ни по одному юридиче-
скому вопросу, по которым не договорились в прошлом году
наши и французские переговорщики **.

Я не жду теперь быстрого окончания переговоров.

Тем не менее я думаю, что было бы неправильно, если бы
мы начали сейчас давать в нашу печать сообщения о встре-
тившихся при переговорах затруднениях. Это вряд ли помогло
бы прохождению переговоров во Франции, но зато наверное
ухудшило бы нашу позицию при предстоящих переговорах в
Англии и Италии.

Я думаю, что и т. Гуревич, если подойдет к вопросу о воз-
действии на французов через печать под общим, а не исключи-
тельно французским углом зрения, согласится со мной.

С тов. приветом

Н. Крестинский

Печат. по арх.

**460. Интервью Народного Комиссара Иностранных Дел СССР
М. М. Литвинова корреспонденту французской газеты
«Пти паризьен» Люсиани**

30 ноября 1932 г.

Отвечая на Вашу просьбу высказаться по поводу подписа-
ния советско-французского пакта о ненападении ***, я не могу
не упомянуть о другом аналогичном событии большой между-
народной важности, имевшем место всего несколько дней тому
назад. Я имею в виду ратификацию советско-польского пак-

* См. док. № 449.

** См. т. XIV, док. № 387.

*** См. док. № 456.

та*. Этот акт, который должен быть поворотным пунктом во взаимоотношениях между СССР и Польшей, имеет глубокое значение для обоих государств. Но его значение во много раз возрастает с точки зрения сохранения всеобщего мира, поскольку сторонники нарушения мира и антисоветской интервенции строили свои надежды и планы главным образом на обострении отношений между СССР и его сильнейшим западным соседом — Польшей и, в конечном счете, на вооруженном столкновении между ними. Этим надеждам и планам нанесен теперь большой удар, ибо СССР и Польша заключением пакта сказали друг другу, что они желают и обязываются жить в мире и установить между собой отношения, соответствующие их собственным выгодам и интересам. Мы убеждены, что заключение пакта установит между нами и Польшей лучшее взаимопонимание и откроет путь развитию и экономических отношений к обоюдной выгоде. Подписание советско-французского пакта повышает значение ратификации советско-польского пакта, и наоборот.

В заключении советско-французского пакта о ненападении мы видим значительный шаг вперед по пути повышения взаимного доверия и расхождения недоразумений и предрассудков, засорявших и осложнявших отношения между нашими странами. Я говорю «недоразумений и предрассудков» потому, что действительные интересы Французской Республики ни в какой мере не оправдывали того отношения, которое она устанавливала к Советскому Союзу до 1924 г., т. е. до формального признания Советского Союза, а отчасти и после. Самые враждебные нам люди и группы во Франции не могут с каким-либо основанием утверждать, что политические или экономические интересы Франции и СССР сталкиваются в какой бы то ни было точке земного шара. Эти лица и группы призывают обыкновенно к враждебным действиям против СССР либо во имя защиты интересов третьих, близких Франции стран, для которых, однако, Советский Союз никакой угрозы не представляет, либо же во имя отвлеченной идеи защиты капиталистического строя. Призывы к такой защите исходят часто и из других стран с той, однако, разницей, что зачастую эти призывы прикрывают также государственные агрессивные империалистические вождения самих этих стран. При солидарности всего буржуазного мира мы не видим, однако, чтобы спешившие национальные интересы Франции требовали борьбы с Советским государством. Заключение пакта о ненападении свидетельствует о том, что нынешнее французское правительство и поддерживающие его партии, а следовательно, большинство французов, уяснили себе это положение.

* См. док. № 300.

Указаниям мною предрассудки и предубеждения были в значительной мере продуктом долголетней беспрестанной антисоветской пропаганды, которая инспирировалась и велась во Франции не только французами. Эта пропаганда преследовала вполне определенные цели и из них главным образом цель сохранения и расширения отчужденности между Францией и СССР в надежде втравить Францию в антисоветский интервенционистский блок. Ныне подписанный пакт, включающий взаимное обязательство ненападения как в одиночку, так и вкупе с другими государствами, делает этого рода пропаганду, если даже она будет продолжаться, беззубой. Что касается СССР, то он всегда стремился к установлению наилучших отношений с Францией, но безуспешность этих стремлений, естественно, вызвала в СССР соответствующую реакцию.

Подписание пакта должно расчистить путь для разрешения давно назревших вопросов экономических взаимоотношений между обеими странами. Франция интересует нас не только как рынок сбыта для нашего сырья, но и как возможная поставщица промышленных изделий, которые советское строительство при неизменном росте потребностей государства и населения может поглощать в значительных количествах. С другой стороны, СССР может интересоваться Францию не только как возможный рынок сбыта, но и как источник нужного ей сырья. Разрешению этих вопросов препятствовали невыясненность политических отношений и отсутствие легальной базы для советских торговых организаций. Устранение одного из этих препятствий очищает место для переговоров об удалении и другого препятствия. Мы надеемся, что переговоры о торговом договоре и связанных с ним соглашениях пойдут теперь более быстрым темпом.

Заключение пакта о ненападении с Францией после заключения аналогичных пактов с Польшей и другими нашими соседями * дает нам особенное удовлетворение еще и потому, что мы в этом видим осуществление идеи двусторонних пактов о ненападении, выдвинутой Советским правительством много лет тому назад, еще задолго до предложения Келлога **.

Мы видим теперь признание со стороны значительного числа государств, в том числе и Французской Республики, особого значения таких двусторонних пактов даже при существовании пакта Келлога — Бриана. И это понятно. Двусторонние

* См. т. VIII, док. № 418, 419; т. IX, док. № 141, 246, 271; т. X, док. № 225; т. XII, док. № 377; т. XIV, док. № 191, а также док. № 32, 67, 201, 300 настоящего тома.

** См. т. XI, док. № 298.

пакты значительно шире по своему содержанию, включая в себя обязательства, вызываемые в каждом случае особенностями взаимоотношений между их участниками, а кроме того, они свободны от тех многочисленных оговорок, которые сделаны были при заключении пакта Келлога — Бриана и на которые, как мы знаем, уже ссылаются нарушители его. Можно пожелать, чтобы советско-французский пример нашел и дальнейшее подражание. На фоне многочисленных пактов, заключенных уже с Советским правительством, в морально невыгодном положении должны оказаться те государства, которые от подобных пактов будут уклоняться.

Не подлежит никакому сомнению, что пакты о ненападении, являясь крупным фактором упрочения всеобщего мира и обеспечения безопасности, идут и по линии стремления г. Эррио. Мы отнюдь не чужды его идее безопасности, и мы приветствуем его недавнее заявление о его стремлении к обеспечению безопасности всех государств. Ввиду сомнительной успешности конференции по разоружению приходится особенно думать всем государствам об изыскании других методов обеспечения мира. Мы, правда, глубоко убеждены в том, что лучшим методом обеспечения мира и всеобщей безопасности является полное разоружение или по крайней мере немедленное и значительное сокращение вооружений, но мы отнюдь не уклоняемся от обсуждения и осуществления других, хотя бы менее эффективных гарантий мира. Мы не можем целиком согласиться с французским планом, оглашенным в Бюро конференции по разоружению²⁸⁴, тем более что он оставляет без внимания особое положение СССР как государства, не входящего в Лигу наций и расположенного на двух материках. Не признавая авторитета Лиги наций и отвергая военные санкции, мы, однако, не возражаем против дальнейшего расширения и укрепления обязательств об отказе от войны и нападения и готовы к участию в выработке тех или иных мероприятий против нарушителей этих обязательств при условии обеспечения для всех, в том числе и для СССР, полной объективности в решении этих вопросов. Всякое международное усилие в области упрочения мира всегда найдет благоприятный отклик со стороны СССР. Но для установления вполне мирных отношений между всеми странами необходимо, чтобы такие же отношения существовали у любой пары государств. С этой точки зрения заключение советско-французского пакта является ценным вкладом в дело международного сотрудничества. Мне представляется, что сотрудничество в этом деле Советского Союза должно быть особенно ценно именно потому, что он не принадлежал, не принадлежит и не будет принадлежать ни к каким военно-политическим группировкам, что он никогда не менял и не меняет основных линий своей внешней политики,

ведущих к установлению мира и дружественных отношений со всеми народами.

Мы хотели бы, чтобы сегодняшняя дата была началом новой эры во взаимоотношениях между СССР и Французской Республикой. Мы надеемся, что так оно и будет.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 330 (4900), 30 ноября 1932 г.*

461. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с Премьер-Министром Греции Цалдарисом

30 ноября 1932 г.

Я имел продолжительную беседу с премьер-министром Цалдарисом у него на частной квартире. Разговор касался всего комплекса греко-советских отношений, причем главный интерес со стороны премьера был проявлен к торговым отношениям.

Я начал с того, что все это время избегал беспокоить премьера, зная его перегруженность и что сегодняшнее мое посещение имеет целью познакомиться с ним и побеседовать о наших отношениях. Причем я подчеркнул, что не имею в виду затрагивать сегодня какие-либо практические вопросы.

Цалдарис встретил меня исключительно любезно, расспрашивал меня о моих впечатлениях, семейных делах и т. д. Видно было, что он специально старался создать у меня впечатление доброжелательного отношения председателя правительства к советскому полпреду.

Говоря о финансовом и экономическом положении страны, он сразу же отметил, что положение очень трудное и что он не знает, как исправить его. В его словах чувствовалась безнадежность. Правда, говоря о трудностях нынешнего положения Греции, он вместе с тем (очевидно, по привычке) хотел мне дать понять, какое тяжелое наследство он получил от предыдущего правительства.

В связи со всем этим мы поговорили о мировом кризисе, об общем падении торговли и т. п.

Затем разговор перешел к греко-советским торговым отношениям. В процессе беседы премьер указал на незначительность наших закупок в Греции. Я очень пространно и весьма подробно, с цифрами, рассказал ему о положении дела. Попутно (желая отпарировать его аргументацию) я коснулся и того факта, что весь объем греческой внешней торговли в этом году снизился наполовину, так же как и использование греческого тоннажа. Цалдарис вполне подтвердил эти мои замечания и даже назвал некоторые более точные цифры. Я указал, что, несмотря на все это, а также и на отдельные крупные за-

труднения, которые испытывает наша торговля с Грецией (валютное законодательство, контингентирование и т. д.), наша торговля в этом году развивалась довольно нормально. Мы продолжаем фрахтовать в большом количестве греческий тоннаж, и я могу почти без преувеличения сказать, что мы являемся главными фрахтовщиками. Цалдарис на это закивал головой.

Что касается наших закупок, то некоторое их снижение объясняется также и конъюнктурными причинами, о которых я говорил выше. Тем не менее мы закупаем в этом году довольно много греческих провенансов, в том числе табак, и продолжаем эти закупки еще и теперь.

Я указал Цалдарису также и на то обстоятельство, что в этом году вследствие финансовых мероприятий греческого правительства мы потерпели очень большие валютные убытки, исчисляемые десятками тысяч фунтов. Цалдарис спросил меня, по какой причине произошли эти потери, я ему указал на конкретные факты: пятилетний мораторий, принудительный курс драхмы и т. п. Он ничего не мог на это ответить.

Вся эта часть беседы происходила в исключительно дружественных тонах, а не в порядке взаимных упреков.

Затем Цалдарис спросил меня, не можем ли мы перейти на систему клиринга в нашей торговле. Я ответил, что, во-первых, система клиринга вообще ничего Греции дать не сможет, учитывая ее внешнеторговый дефицит. Кроме того, Греция экспортирует продукцию, являющуюся предметами роскоши, как коринка, табак, вино и т. д., а импортирует товары, являющиеся предметами первой необходимости, как хлеб, уголь, нефть и т. п. Во-вторых, клиринг совершенно уже ничего не сможет дать в отношении торговли с СССР, ибо мы продаем здесь лишь предметы первой необходимости, которые Греция при всех обстоятельствах должна ввозить, а покупаем товары, от которых совершенно свободно можем отказаться, ибо для нас они являются роскошью. Кроме того, мы продаем наши товары, как, например, хлеб, лучшего качества и по более сходной цене, чем другие импортеры, так что Греция от нашего импорта не только не страдает, а, наоборот, выигрывает. Надо еще принять во внимание, что вся наша валютная выручка идет на покрытие наших накладных и торговых расходов и на фрахтование греческих судов.

Цалдарис слушал меня весьма внимательно, подавая время от времени отдельные реплики. Между прочим, он спросил, нельзя ли установить систему клиринга в отношении нашего хлеба против греческого тоннажа. Я ответил на этот его аргумент.

Все эти рассуждения Цалдариса, а также и некоторые другие разговоры, которые мне пришлось за это время вести,

показывают, что идея клиринга сидит у греков в голове крепко. Не имея валюты даже для покупки хлеба и будучи не в состоянии вывозить свой собственный провенанс, они стремятся сейчас либо путем прямого товарообмена, либо путем клиринга добыть себе продукты первой необходимости. Поэтому я и старался сразу же занять твердую позицию в этом вопросе и яснее дать понять премьеру, что мы на клиринг пойти не можем.

Когда разговор коснулся хлеба, я указал Цалдарису также и на последние мероприятия греческого правительства (отмена запретительных пошлин на канадский и аргентинский хлеб), указав ему, что это мероприятие наносит нам существенный ущерб. Он, шутя, мне заметил, что надо создать конкуренцию для того, чтобы иметь дешевый хлеб. Далее он сказал, что греческое правительство ищет возможности закупить хлеб в кредит или в обмен на греческие товары. Я выразил сомнение в возможности получения кредита. Вместе с тем я указал, что вряд ли аргентинский хлеб сможет удовлетворить греков, так как он лежит у них уже 3 года и скорее годен для скота, чем для питания людей. Цалдарис согласился со мной в этом. Что же касается канадского хлеба, то, несмотря, мол, на хорошее качество, цена его менее выгодна для Греции, чем цена нашего хлеба.

В дальнейшем процессе разговора я вкратце ознакомил премьеру с нашими делами, которые велись с прошлыми правительствами (дело Сусаниса, отказ от взаимных претензий* и т. д.). Цалдарис вежливо меня выслушал, но особого интереса к этому вопросу не проявил. Видно, сейчас его занимают исключительно финансовые дела и вопрос о том, как найти деньги для покупки хлеба и предметов первой необходимости.

Он стал меня подробно и с большим интересом расспрашивать о нашем строительстве и особенно о сельском хозяйстве. Он очень интересовался, как работают колхозы, как производится распределение доходов, кредитование колхозов правительством деньгами, машинами и т. д. На все эти вопросы я дал ему очень подробные разъяснения.

В процессе беседы он несколько раз повторил, что Греция всегда была дружественно расположена к России, учитывая тем более то обстоятельство, что в России находилось очень много греческих граждан. Я поправил его, указав, что и сейчас мы имеем до 200 тыс. греческих граждан на территории Союза.

В этих его словах чувствовалось желание подчеркнуть «традиционную дружбу» Греции с Россией. Он говорил об этом примерно в тех же выражениях, как и Венизелос³⁶⁶.

* См. т. XIV, док. № 72 и док. № 69, 188 настоящего тома.

При прощании он меня поблагодарил за «интересный разговор» и сказал, что находится всегда в моем распоряжении.

[Давтян]

Пост-скрипtum 1.XII.

В сегодняшней прессе, в частности в «Мессаже д'Атен», имеется подробное сообщение о моем вчерашнем визите к премьер-министру. Сообщения эти написаны весьма прилично, хотя и не совсем точно излагают основные темы нашего разговора. Конечно, информация была дана самим Цалдарисом, так как наша беседа происходила без свидетелей. Очевидно, греки хотят придать нашему свиданию политическое значение.

В газетах имеются также сообщения и о моем визите к Венизелосу.

Печат. по арх.

462. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

30 ноября 1932 г.

Тевфик Рюштю поздравил меня с подписанием пакта с Францией *; он отметил, что значение этой крупнейшей самой по себе победы советской дипломатии значительно повышается для Турции от того, что одновременно Эррио взял курс на сближение с ней. Все это дает основание полагать, что речь идет не о временном маневре и что Франция осознала невозможность оторвать СССР от Турции и необходимость действовать в этих странах солидарно. По мнению Тевфика Рюштю, в решении Эррио подписать сейчас пакт помимо германских мотивов сыграл значительную роль и расчет использовать в интересах французской промышленности денонасацию англичанами торгового договора ** и ослабить советские атаки на французский проект разоружения²⁶⁴. Перейдя к последнему, Тевфик Рюштю сказал, что после более тщательного его изучения он пришел к заключению, что для Турции в нем приемлемы лишь положения, касающиеся расширения действия пакта Келлога, но что план в целом его вообще сейчас мало беспокоит, так как очевидно, что он не выйдет из рамок проектов и, по его мнению, вообще придуман под давлением Англии для облегчения возвращения Германии в Женеву. В этом его особенно убедило позднейшее выступление Саймона³⁰⁷. Не-

* См. док. № 456.

** См. стр. 674.

удивительно поэтому, что Тевфик Рюшту обнаружил почти совершенное незнакомство с текстом проекта (схватил лишь, и в общем правильно, основную идею).

Полпред

Печат. по арх.

463. Обмен нотами между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндией о взаимной регистрации товарных знаков

1. НОТА

**НАРОДНОГО КОМИССАРА ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ
НА ИМЯ ФИНЛЯНДСКОГО ПОВЕРЕННОГО В ДЕЛАХ В МОСКВЕ**

30 ноября 1932 г.

Господин поверенный в делах,

Ссылаясь на переговоры между Народным комиссариатом по иностранным делам и вами, имею честь уведомить вас, что товарные знаки финляндских предприятий будут пользоваться в Союзе Советских Социалистических Республик теми же правами на регистрацию, что и товарные знаки предприятий Союза Советских Социалистических Республик, при условии соблюдения законов Союза Советских Социалистических Республик о регистрации и поскольку товарные знаки предприятий Союза Советских Социалистических Республик будут на тех же условиях допущены к регистрации в Финляндии. При этом разумеется, что вышеозначенное постановление относится одинаково как к физическим, так и к юридическим лицам, включая и государственные предприятия (тресты, государственные синдикаты, объединения и пр.).

Примите и пр.

М. Литвинов

2. НОТА

**ФИНЛЯНДСКОГО ПОВЕРЕННОГО В ДЕЛАХ В МОСКВЕ
НА ИМЯ НАРОДНОГО КОМИССАРА ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ**

30 ноября 1932 г.

Господин народный комиссар,

В ответ на вашу ноту от этого числа имею честь уведомить вас, что товарные знаки предприятий Союза Советских Социалистических Республик будут пользоваться в Финляндии теми же правами на регистрацию, что и товарные знаки финляндских предприятий, при условии соблюдения финляндских законов о регистрации и поскольку товарные знаки финляндских предприятий будут на тех же условиях допущены к регистрации в Союзе Советских Социалистических Республик. При этом разумеется, что вышеозначенное постановление относится одинаково как к физическим, так и к юридическим лицам, включая и государственные предприятия (тресты, государственные синдикаты, объединения и пр.).

Примите и пр.

Р. Хаккарайнен

Печат. по «Сборнику действующих договоров...», вып. VII. М., 1933, стр. 157.

464. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Италии в СССР Аттолико

1 декабря 1932 г.

После обмена приветствиями по случаю возвращения Аттолико из отпуска он конфиденциально сообщил мне, что ему приходилось в Италии выяснять свою собственную судьбу. Он был намечен на пост первого помощника секретаря Лиги наций, против чего он возражал, указывая, во-первых, на нежелание вновь вернуться в уже ранее надоевшую ему Женеву и, во-вторых, на трудность сработаться с Авеиолом *, с которым у него и раньше были натянутые отношения.

Беседа, естественно, коснулась пактов о ненападении. Об отношении к ним Италии Аттолико не говорил, а почему-то интересовался отношением Германии. Я разъяснил ему, что у Германии нет никаких оснований возражать против советско-французского пакта **, который ничего не меняет в нашей внешней политике, а кроме того, после известных предложений Папена Эррио *** меньше всего Германия может упрекать нас в стремлении к соглашению с Францией. Аттолико выразил удивление, что нам известны предложения фон Папена, и сказал, что раз это для нас не секрет, то он может сообщить мне, что предложения эти делались не только Эррио, но и в Париже Бертело в довольно конкретной форме. Аттолико просил ему дать текст советско-французского пакта на французском языке.

Я высказал предположение, что и франко-итальянские переговоры успешно подвигаются вперед. Аттолико это отрицал. Никаких переговоров фактически не ведется. Аттолико считает соглашение невозможным. Отношения между Италией и Турцией, в ответ на мой вопрос, Аттолико охарактеризовал как отличные. Я ему сообщил, что в Ангоре очень не понравилась речь Муссолини, когда он говорил о желательности присвоения руководства всеми политическими вопросами четырьмя державами³⁰⁸. Я сказал, что мы тоже имеем кое-что сказать по поводу такого предложения, но что мы к этому отнеслись спокойнее, чем турки.

После этого я сказал, что, не делая ему никаких представлений и не заявляя никаких протестов, я, в порядке наших обычных дружеских бесед и взаимной информации, должен отметить некоторые моменты в итало-советских отношениях, произведшие на нас неблагоприятное впечатление: во-первых, речь в палате депутатов Асквини о нашем мнимом демпинге

* Генеральный секретарь Лиги наций.

** См. док. № 456.

*** См. док. № 409.

леса *. Такие обвинения мы привыкли слышать от английских консерваторов и сторонников Тардье, а никак не от членов итальянского правительства. Во-вторых, антисоветский характер конгресса Вольта ³⁰⁹, созданного итальянской дипломатической академией, где произносились враждебные нам речи, даже в присутствии Муссолини. В-третьих, заседание французской дипломатической академии в честь нового итальянского посла, посвященное докладу Милюкова о внешней политике.

Аттолико высказал следующие замечания: официальная часть заседания дипломатической академии в Париже ничего общего не имела с докладом Милюкова, а к итальянскому послу имела отношение только эта официальная часть. О конгрессе Вольта он подробностей не знает. Что касается выступления Асквини, то мы должны понять, что вопрос о лесе имеет для Италии не только экономический, но и политический характер. Лес добывается главным образом на северной окраине Италии, и заинтересовано в нем тамошнее меньшинственное население. Тут сказывается отношение итальянского правительства к меньшинствам. Аттолико не договаривал, что итальянское правительство хочет задобрить это меньшинство некоторым экономическим покровительством.

Аттолико сейчас же перешел к вопросу о наших торговых переговорах **, напомнив о ранее данных им нам предупреждениях о необходимости ускорения переговоров. Правда, ему Левенсон говорил, что он имеет полномочия вести эти переговоры. Для Италии, однако, несколько обидно, что в другие страны мы посылали специальные делегации, Пятакова, Дволайцкого и других, т. е. людей из центра, а в Италию поручаем переговоры торгпреду. Аттолико говорил перед отъездом с Муссолини, который его заверял в благоприятном его отношении к нам и к предстоящим переговорам. Вопрос о золотой гарантии больше ставиться не будет. Италию не удовлетворяет размер торговли. Из предоставленных кредитов в 350 млн. использовано только 200 млн. Он понимает, что мы можем быть вынуждены сокращать свои закупки за границей, но он считал бы неправильным применение этого сокращения одинаково ко всем странам. При больших суммах сокращение наполовину все же оставляет простор для большой торговли. При ничтожных же размерах торговли с Италией такое сокращение может лишить Италию всякого интереса к этой торговле. Он оспаривает заявление Левенсона о выравнивании баланса и о превышении даже нашего импорта над экс-

* Имеется в виду ответ Асквини на запрос 24 ноября 1932 г.

** См. док. № 445.

портом, так как мы взяли лишь некоторый конъюнктурный отрезок времени и не учитывали товаров, находящихся в пути между нашей и итальянской таможнями. Италия неповинна в сокращении нашего экспорта, если мы сами отказываем Италию в нужной ей твердой пшенице для макарон, отказываем в угле и не желаем приспособить стандарты нашего леса к итальянским требованиям и сокращаем наши продажи шелковых коконов.

Я ответил, что мы сами признали порядок конференции и послышки делегации неудовлетворительным. Экономические переговоры часто требуют много времени. У нас нет специальных людей для таких переговоров, а их приходится отрывать от их постоянной, весьма важной для нас работы. Им приходится поэтому иногда возвращаться в Москву, не доведя переговоров до конца. Кроме того, делегации и конференции привлекают внимание внешнего мира, и всякая заминка в переговорах, всякий отъезд делегаций толкуется как срыв переговоров и создает вокруг них неблагоприятную атмосферу. Мы поэтому решили перейти по возможности на единоличные переговоры не только в Италии, но и в других странах. Не только в Риме, но и в Париже и в Лондоне мы будем вести торговые переговоры главным образом через торгпредов. Я сказал, что у меня нет под рукой цифр, чтобы говорить с ним о балансе, но у меня все-таки сложилось впечатление, что не по нашей вине не использована вся сумма кредитов. Точно так же я не подготовлен к разговору на тему о стандартах леса, о коконах и об угле, я, однако, знаю, что Италия ставит нам непримлемые требования, чтобы мы с продажей своего хлеба ждали, пока она использует собственные хлебные ресурсы и когда отпадут установленные ограничения импорта хлеба. Если у нас есть возможность продавать этот хлеб раньше и если нам нужны деньги, то от нас не могут требовать, чтобы мы ждали.

На мой вопрос об отношении Италии к плану Эррио²⁸⁴ Аттолико ответил, что план для Италии абсолютно непримлем, но что подробностей он не знает.

Аттолико сообщил, что в Женеве серьезно обсуждается вопрос о передаче маньчжурского вопроса конференции участников Вашингтонского соглашения плюс СССР.

Под конец беседы зашла речь о снабжении дипломатического корпуса. Аттолико добродушно сказал, что тяжелее всего на нем лично отразятся наши мероприятия, ввиду большой численности его семьи. В особенности смущают его цены на молоко и хлеб и другие предметы, которые невозможно выписывать из-за границы. Он говорил, что к этому вопросу еще вернется, а пока спрашивал, может ли он использовать финских дипкурьеров для получения продуктов, так как Хакка-

райнен очень щепетилен и боится пойти на это без нашего согласия. Кроме того, поезд на финской границе стоит недостаточно долго, чтобы успеть осмотреть провезенные, и поэтому Аттолико спрашивает, нельзя ли оставлять привозимое на границе на сутки до следующего поезда. Я сказал, что я не предвижу никаких затруднений для получения продуктов из Финляндии, ибо нам безразлично, откуда послы их получают, а что касается порядка осмотра в таможене, то для этого требуется согласие ж.-д. и таможенных властей, и поэтому посоветовал Аттолико обсудить эти вопросы с Протокольным отделом.

Литвинов

Печат. по арх.

465. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Временным Поверенным в Делах Японии в СССР Амо

1 декабря 1932 г.

Амо начал с выражения благодарности японского правительства за всю ту помощь и содействие, которое мы оказали в деле освобождения японских резидентов из Маньчжурии.

Амо получил новую инструкцию японского правительства по баргинскому вопросу²⁶⁵, которую я записал текстуально:

«Японская политика заключается в мирном разрешении баргинского вопроса в возможно короткий срок. Пытаясь установить порядок и эвакуировать японских резидентов в этом районе, японское правительство, пользуясь всеми мирными средствами, обращалось с просьбой к правительству СССР, чтобы достигнуть этой цели. Эта мирная политика не будет изменена и в будущем. Однако, учитывая всю совокупность обстоятельств, Кваитунская армия вынуждена параллельно с мирными средствами принять военные мероприятия. Нет надобности утверждать, что мы уважаем права и интересы КВЖД и что мы доказали это на деле во время боев у Ачан-цзи в ноябре прошлого года, когда никакого ущерба не было нанесено дороге. Есть опасение, что в борьбе с армией генерала Су Бин-вэня некоторый ущерб будет нанесен дороге. Но, поскольку Япония следует своей установившейся политике уважения прав и интересов дороги, совершенно ясно, что такой ущерб может быть вызван действиями генерала Су Бин-вэня. Но если будет установлено, что японская армия непосредственно причинила ущерб дороге, мы будем считать себя обязанными полностью восстановить разрушения».

После того как Амо прочел эту инструкцию, он добавил, что японское правительство поручило ему особо подчеркнуть, что японское правительство по-прежнему следует политике мирного разрешения вопросов и что поэтому оно будет ждать результата наших попыток к содействию мирному разрешению вопросов.

Я ему заявил, что я доложу правительству сегодняшнее сообщение японского правительства. После этого он перешел к другим вопросам.

Им получена телеграмма от Комацубара со станции Мациевская, в которой последний возбуждает следующий вопрос. Если Су Бин-вэнь согласится вступить в переговоры, то, по мнению Комацубара, возможны три пункта для переговоров: станция Мациевская, 86-й разъезд и станция Маньчжурия. Если Су Бин-вэнь будет настаивать на 86-м разъезде, то Комацубара хотел бы знать, как мы к этому отнесемся. Если же местом переговоров будет станция Маньчжурия, то не можем ли мы разрешить постоянные разъезды членов миссии на станцию Маньчжурия и обратно на Мациевскую.

Я ему ответил, что вопрос о месте переговоров, мне кажется, разрешен, так как мы дали согласие на станцию Мациевская. Что же касается вопроса о 86-м разъезде, то мне кажется — это наше дело, а не дело Су Бин-вэня выбирать тот пункт на нашей территории, в котором мы считаем возможным разрешить пребывание обеих сторон. Что же касается разрешения поездок на станцию Маньчжурия, в случае если переговоры будут происходить там, то мне кажется, если мы разрешили пребывание комиссии на нашей территории, у нас не будет возражений против того, чтобы комиссия вела переговоры на станции Маньчжурия. Что же касается поездок туда, то, само собой понятно, вопрос о формальностях можно будет урегулировать таким образом, чтобы они не затрудняли дела мирных переговоров между обеими сторонами.

Второй вопрос, который Амо поставил по поручению японского правительства, это просьба к нам, чтобы мы обратились к генералу Су Бин-вэню и добились у него «предварительного разрешения» на отъезд со станции Маньчжурия трех консульских чиновников и 10 чиновников вообще, причем Амо никаких объяснений не мог дать, к какой категории относятся последние 10 чиновников. Я обещал запросить у Советского правительства инструкции по этому вопросу³¹⁰.

После этого Амо перешел к объяснениям в связи с появившейся в японской прессе беседой представителя министерства иностранных дел, о которой я говорил ему во время последнего свидания 26 ноября*. В этой беседе представитель

* См. док. № 453.

министерства иностранных дел приписывал мне то, чего я не говорил, и вообще вся беседа ставила своей задачей внушить читателям, что у нас имеются какие-то специальные отношения и связи с Су Бин-вэнем.

Амо ответил, что эта беседа представителя мининдела состоит из двух частей — информации о переговорах Амо с Караханом и вторая часть — впечатления этого представителя. Амо сообщил мне, что он послал телеграмму в министерство с опровержением и утверждением, что беседа со мной была передана в прессу неверно. Он протестовал перед мининделом. Ответ, полученный из мининдела, гласит, что не только тот разговор, который напечатан в газетах, но и вообще никакого сообщения о беседах Амо со мной министерство не давало в прессу. Что же касается второго вопроса — о впечатлениях представителя министерства, то телеграмма, полученная Амо, гласит, что представитель мининдела сообщил прессе свое собственное личное мнение, но что и это его личное мнение передано прессой неверно. Представитель мининдела сообщает, что на этом собрании корреспондентов он не видел представителя ТАСС. Представитель мининдела жалуется, что корреспондент ТАСС вводится в заблуждение, когда он не получает непосредственной информации из министерства.

Я ответил Амо, что объяснения министерства иностранных дел я считаю совершенно неудовлетворительными. Что касается моей беседы с Амо, министерство отрицает, что это сообщение дано в прессу его представителем. Но если газеты выдумали это, то обязанностью мининдела было немедленно опровергнуть это. Но, с другой стороны, министерство признает, что его представитель беседовал с корреспондентами, но высказывал свое личное мнение, которое было передано неточно. Опять-таки обязанностью министерства было немедленно опровергнуть это неверно переданное мнение. Я указал, что мне вообще кажется несколько странной попытка свалить все на личное мнение представителя министерства иностранных дел. Ведь этот представитель специально для того и существует, чтобы в беседах с корреспондентами давать им официальную информацию министерства иностранных дел. Поэтому мы не можем считать, что его сообщения в прессу являются его личным делом и министерство за них не отвечает. Попытку свалить вину на корреспондента ТАСС я также решительно отверг указанием, что корреспондент ТАСС поступил вполне добросовестно, ибо он телеграфировал то, что появилось в прессе. Я заявил Амо, что я мог бы понять мининдел, если бы оно, давая эту инструкцию Амо для объяснений мне, одновременно поручило бы Амо сообщить, что все эти сообщения, ложно приписанные представителю мининдела, мининдел опровергнет. Но Амо такого сообщения мне не сделал. Поэтому

я остаюсь при своем мнении, что какие-то злостные элементы пытаются набросить тень на отношения между Японией и СССР и что министерство иностранных дел не противодействует этим попыткам³¹¹ с той энергией, которая должна была бы иметь место, принимая во внимание существующие между нами дружественные отношения.

Амо тогда заметил, что в лондонской «Таймс» беседа со мной была помещена совершенно точно. Из этого он делает тот вывод, что его доклады в Токио не искажают того, что я говорил ему. Я сказал ему, что у меня нет сомнений относительно того, что он передает мои заявления в Токио с максимальной точностью. Что же касается того, что лондонская «Таймс» помещает верную информацию и что только японские газеты врут, то я предпочел бы другое положение, чтобы лондонская «Таймс» врала бы, а японские газеты освещали бы в действительном свете нашу позицию, ибо лондонскую «Таймс» не читаю в Японии, и поэтому ее вранье совершенно безопасно, а японские газеты, когда они злостно врут, тем самым дают неправильное направление общественному мнению Японии.

Амо, чувствуя слабость своей позиции, в ответ мне что-то нечленораздельно бормотал о свободе печати, которая существует в Японии, и о том, что японские газеты очень много врут и никому не угнаться за тем, чтобы опровергать эти сообщения. Я ему на это кратко ответил, что мне не известна степень свободы печати, существующей в Японии, но, как бы эта свобода печати ни была велика, я не думаю, чтобы она допускала извращения официальных заявлений, где цитируется мнение представителя дружественного Япония правительства. Как бы ни велика была эта свобода печати, любое опровержение японского правительства каждая газета напечатает без всякого колебания.

После этого Амо вернулся к баргинскому вопросу. Он еще раз подчеркнул, что японское правительство хочет разрешить баргинский вопрос мирными средствами и что если бы в результате попыток, которые делаем мы, или иным путем выяснилось бы, что есть надежды на мирный исход, Япония немедленно приостановила бы военные действия. Он хочет подчеркнуть и хочет, чтобы мы поняли, что военными средствами, которые Япония собирается применить, она хочет достигнуть мирных целей.

Л. Карахан

Печат. по арх.

**466. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных
Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Гер-
мании Л. М. Хичуку**

1 декабря 1932 г.

Многоуважаемый Лев Михайлович,

Ратификация советско-польского и подписание советско-французского пакта * не могли не вызвать некоторого беспокойства в германских политических кругах. Некоторые газеты, как «Берлинер берзенцейтунг» и «Теглихе рундшау» (кстати, обе они связаны с рейхсвером), прямо, хотя и в осторожной форме, формулируют это свое беспокойство. Другие газеты, как, например, «Кельнише цейтунг» и «Германия», делают вид, что заключение нами пактов с Францией и Польшей их нисколько не беспокоит, что они вполне уверены в нашей верности рапальской линии и что они даже рады тому, что Франция последовала примеру Германии и стала на путь Рапалло.

Ни одна газета при этом не упоминает, конечно, о том, что Берлинский договор, на который они ссылаются, с 30 июня 1931 г. перестал действовать, так как подписанный за неделю до этого в Москве протокол о бессрочном продлении Берлинского договора ** остается до сих пор нератифицированным.

У нас, конечно, нет побуждений предавать огласке факт отсутствия между нами и Германией пакта о ненападении, дружбе и нейтралитете, но немцам в разговоре при случае на это указать нужно.

Я убежден, что теперь, когда франко-советский пакт подписан, германское правительство начнет серьезно думать о необходимости ускорить ратификацию прошлогоднего Московского протокола.

Под этим углом зрения я интересовался, может ли Гинденбург ратифицировать протокол своим указом. По букве ст. 48 он этого сделать не может. Но ведь буква ст. 48, предусматривающей главным образом взаимоотношения между общегерманской властью и отдельными германскими государствами, а также случаи крупных нарушений общественного порядка, давно уже превзойдена политическим развитием Германии, и на основании ст. 48 Гинденбург издал целый ряд указов в области народного хозяйства и социального законодательства. Кроме того, на основании той же статьи он утверждает тарифно-торговые соглашения с другими государствами.

* См. соответственно док. № 300, 456.

** См. т. XIV, док. № 191.

Наконец, существует еще ст. 45, которая предоставляет ему право заключать международные договоры, причем утверждение рейхстага требуется лишь в тех случаях, когда вновь заключаемые договоры требуют тех или других изменений германских законов или издания нового законодательного акта.

Прошлогодний Московский протокол не требует издания каких-либо новых актов. Дело сводится лишь к продлению существовавшего до тех пор в течение 5-ти лет договора.

Я не сомневаюсь поэтому, что на основании ст. ст. 45, 48 конституции Гинденбург сможет, если правительство этого захочет, ратифицировать Московский протокол.

При ближайшем свидании с Дирксоном я поговорю с ним о ратификации, не выпачивая, конечно, возможности ратификации без рейхстага, но коснувшись и этого варианта ³¹².

С тов. приветом

Н. Крестинский

Печат. по арх.

467. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

1 декабря 1932 г.

Германский посол Геш сегодня сообщил мне, что английские предложения ³⁰⁷ сами по себе представляют подходящую базу для возвращения Германии на конференцию по разоружению. Фактически возвращение зависит от того, поддержат ли эти предложения Соединенные Штаты, Италия и Франция. Со стороны первых двух обеспечено положительное отношение к английским предложениям, все дело за Францией, позиция которой пока неясна.

Полпред

Печат. по арх.

468. Телеграмма неофициального Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

2 декабря 1932 г.

В Нью-Йорке я встретился с полковником Хаузом, бывшим доверенным лицом Вильсона и близким советником Рузвельта в настоящее время. Беседа была только информационной и касалась как нашего хозяйственного и культурного прогресса, так и нашей внешней политики и взаимоотношений с другими странами. Он заявил, что вопрос об отношениях с СССР

сразу встанет после марта *. Затруднения в области торговли новая администрация, вероятно, разрешит путем тарифного соглашения. Я дал ему определенно понять, что вопрос должен ставиться в плоскости создания нормальных отношений в полном объеме. Я предпринимаю шаги к встрече с главным советником Рузвельта ³¹³. Я уже виделся с целым рядом влиятельных лиц. Общее впечатление, что у демократов чувствуется необходимость урегулирования отношений с СССР, но часть их недостаточно решительна и поговаривает лишь о торговом соглашении. Во время встреч я подчеркиваю, что отсутствие признания убило торговлю с Союзом, и лишь признание и кредиты могут ее восстановить и развить дальше; в частных беседах я также подчеркиваю, что американцы должны признать Союз в ближайшее время после марта, ибо затяжка может оказаться вредной и выгодной для враждебных элементов **.

Сквирский

Печат. по арх.

**469. Письмо Полномочного Представителя СССР в Германии
Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР Н. Н. Крестинскому *****

2 декабря 1932 г.

Дорогой Николай Николаевич,

Общая невыясненная политическая обстановка в Германии накладывает свой отпечаток и на ход хозяйственных переговоров. В этих переговорах не приходится констатировать, к сожалению, особого прогресса. В дальнейшем суммирую вкратце то немногое, что произошло в этой области.

1. Инцидент с Виллике, о котором я Вам писал прошлой почтой ****, может считаться урегулированным. В соответствии с пожеланием, высказанным мною на свидании у Бюлова, Виллике явился ко мне и принес формальные извинения. После этого я счел инцидент исчерпанным, и переговоры в коммиссии Хэя могут возобновиться.

2. Текущие вопросы. Как Вы помните, у нас было 2 текущих вопроса, которые надо было срочно урегулировать, не связывая их с затягивающимися переговорами. Это: а) вопрос о ввозе масла, отправленного до 12 ноября непосредственно в

* Имеется в виду вступление Ф. Рузвельта в должность президента в марте 1933 г.

** См. также док. № 281.

*** Копия письма была направлена в НКВТ СССР.

**** См. док. № 448.

Германию без отнесения его непосредственно на контингент, и б) принципиальное разрешение для текущих финансовых операций. По первому вопросу, как я уже писал, наша точка зрения полностью принята немцами. Ими уже издан таможенный приказ о пропуске соответственных партий масла вне контингента. Что касается текущих финансовых дел, то в соответствии с моей договоренностью с Бюловым Розенблум в переговорах с заместителем Поссе Флахом получил от последнего заверения об отзыве письма Рейхерта * и о принципиальном разрешении нам текущих финансовых дел. Мы вручили список таких дел на 8 млн. марок, оговорив свое право в дальнейшем сообщить дополнительный список. Список мы вручили 29-го, но еще до сегодня (2 декабря) мы не имеем разрешений на отдельные сделки. Вчера министерство хозяйства затребовало у нас дополнительные сведения о характере операций (связаны ли они с продажей товаров, вексельным кредитом и т. д.). Мы дали устное разъяснение и просили до окончательного рассмотрения списка дать разрешение на особо срочную сделку в 2 млн. марок. Ответ мы ожидаем сегодня в течение дня. Надо думать, что и это дело, несмотря на трудности, чинимые немцами, будет все же разрешено в удовлетворительном для нас смысле.

3. Дальнейшая перспектива переговоров. Ни по одному из важнейших вопросов переговоров (глобальная сумма финансовых операций, конкретные обязательства по расширению экспорта нефти, дополнительный ввоз масла, гарантии для нашего леса и т. д.) до сих пор со стороны немцев не сделано никаких новых заявлений. Сегодня т. Александровский с Розенблумом были у Мейера, при разговоре присутствовали вызванные Мейером Хэй и Виллике. Тов. Александровский сообщил о своем отъезде дней на 10 в Москву и указал, что на время его отсутствия его будет заменять Розенблум. Он указал, что мы хотели бы знать дальнейшую процедуру переговоров. Мейер стал заверять в желании немцев расширить наш экспорт. Хэй стал говорить, что возможное уже сделано. По мнению Хэя, в переговорах нужно провести еще одно заседание, чтобы окончательно продискутировать оставшиеся мелкие вопросы, а затем поручить ведущим протоколы составить проект окончательного протокола. Этот проект должен быть обсужден на последнем заседании, и переговоры должны этим закончиться. В разговоре у Мейера явно проявилось желание немцев заставить нас закончить переговоры подписанием формального протокола, в котором в лучшем случае будет кое-что сказано в отношении финансовых операций, а по всем остальным вопросам будут либо общие фразы,

* См. док. № 443, 448.

либо отказ. С этим мы, конечно, примириться не можем и должны противопоставить немцам свою тактику.

4. В настоящее время наша активность в переговорах затруднена тем, что фактически нет правительства. Я не могу добиваться окончательных решений ни по одному из наших важнейших вопросов, так как фактически не знаем, с кем говорить. Если не удастся договориться с Нейратом, я должен буду обратиться к рейхсканцлеру, но не знаю, кто будет этим лицом. В обстановке этой неопределенности нельзя также ожидать принятия серьезных решений по нашему маслу, нефти, лесу и т. д. Таким образом, общая политическая обстановка в Германии заставляет меня несколько затягивать сейчас решительные выступления. До того как обстановка не будет выяснена, комиссия Хэя может продолжать свою работу. Но как только в Германии образуется правительство, как только я смогу требовать от этого правительства конкретных решений по нашим делам, я считаю дальнейшие переговоры в комиссии Хэя не только бессмысленными из-за того, что сидящие там мелкие и враждебные нам чиновники ничего сказать не могут и не хотят, но и вредными, поскольку немцы прячутся за комиссию Хэя, говорят о централизации переговоров в этой комиссии, мешают нам активно продвигать наши дела вне комиссии, формально могут говорить, что безрезультатность переговоров еще не выявилась, так как переговоры не закончились и т. д. и т. д. Основываясь на вышесказанном, я предлагаю следующую тактику:

а) Продолжать переговоры в комиссии Хэя до образования правительства и определения им своей хозяйственной программы.

б) После этого срочно закончить переговоры в комиссии Хэя в течение одного-двух дней. Выработать окончательный протокол, в котором в четкой форме зафиксировать наши позиции по важнейшим вопросам и добиться от немцев четкой формулировки хотя бы их отрицательной позиции.

в) Основываясь на этом выработанном проекте протокола и считая, таким образом, переговоры в комиссии Хэя законченными, поставить перед новым правительством вопрос о фактическом провале переговоров и добиться указаний от правительства на ведение авторитетными директорами аусамта (Мейер, Риттер) и министерства хозяйства (Поссе) разговоров с нашими товарищами относительно наших конкретных пожеланий по важнейшим вопросам, с тем чтобы в этих разговорах добиться определенных положительных результатов.

г) Добиваться оформления всего этого в межправительственном протоколе, согласовываемом и подписываемом мною и т. Вейцером, с нашей стороны, и соответственными гер-

манскими министрами со стороны германского правительства.

д) Для этой второй стадии переговоров, следующей за окончанием работ комиссии Хэя, я считаю необходимым сосредоточиться на наших действительно серьезных требованиях, не распыляя нашей активности на разные второстепенные и в большинстве случаев бесперспективные и бессодержательные требования (вроде ввоза антрацита или мясных консервов). Такими важнейшими требованиями, на которых нам надо сосредоточиться, я считаю:

1. Глобальная сумма для наших финансовых операций не менее 120 млн. марок в год без распределения на месячные контингенты.

2. Дополнительный ввоз масла сверх установленного для нас контингента. (Перед окончательными разговорами с немцами надо, по-моему, сделать попытку, о чем я Вам уже писал, добиться от шведов и датчан уступки нам части их контингентов.)

3. Гарантии от того, что после повышения пошлины на лес с 15 февраля наш лес фактически потеряет возможность проникать в Германию. Иными словами, твердая гарантия в той или иной форме для допуска определенных количеств наших лесоматериалов.

4. Твердые обещания по расширению ввоза нашей нефти.

5. Возобновление на 1933 г. соглашения 1932 г. по расчетам в марках*.

6. Возобновление на 1933 г. соглашения о закупке у нас хлебопродуктов²³⁶.

7. Получение от германских банков кредита под наши экспортные товары, находящиеся в СССР, на сумму не ниже 25 млн. марок.

Просим сообщить в самом срочном порядке Ваши согласованные с т. Вейцером соображения по всему изложенному, учитывая, что мы, если до этого будет наконец образовано правительство, предполагаем закончить работы в комиссии Хэя к 7—9 декабря**.

С товарищеским приветом

Л. Хинчук

Р. С. Только что получено сообщение агентства Вольфа о поручении Шлейхеру образования кабинета.

Печат. по арх.

* См. док. № 200.

** См. также док. № 484.

**470. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата
Иностранных Дел СССР с бывшим Премьер-Министром
Швеции Хамрином**

2 декабря 1932 г.

Хамрин, имевший ко мне рекомендательное письмо от т. Коллонтай, пришел с визитом в сопровождении Юлленшерна. Он говорит лишь очень слабо по-немецки и совсем не говорит по-французски. Поэтому он обращался ко мне по-шведски, и Юлленшерна переводил, а я отвечал ему медленно по-немецки. Хамрин прежде всего подчеркнул частный характер своей поездки, которая носит исключительно информационный характер и не преследует никаких конкретных целей. Он хочет получить общее впечатление об СССР и не имеет времени входить в отдельные вопросы, поскольку он остановится всего лишь на 4 дня в Москве и на 4 дня в Ленинграде. Больше всего его интересуют экономические вопросы. Он был всегда сторонником развития шведской торговли с СССР и делал, что мог для ее облегчения, когда был министром. Так как он продолжает интересоваться этим вопросом, он хотел бы информироваться здесь на месте, тем более что в начале следующего года в риксдаге будут рассматриваться некоторые вопросы, имеющие отношение к развитию шведской торговли с СССР. Он был накануне у Розенгольца, обедал у него на квартире и имел с ним интересную беседу. Он очень благодарен за большое внимание и гостеприимство, оказанное ему в нашей стране, и хотел сказать это также и мне. Он надеется, что общими усилиями торговля будет в будущем развиваться, несмотря на то что из-за кризиса в настоящее время Швеция должна была сократить как свой экспорт, так и импорт.

Я сказал, что рад его приветствовать, особенно потому, что слышал от т. Коллонтай о том, что он является сторонником хороших отношений между нашими странами. Мы можем быть покупателями прекрасных шведских машин, а Швеция нуждается в нефти и некоторых других продуктах, которые мы вывозим. Кроме того, мы используем в довольно широких размерах шведский торговый флот. Мы имеем, таким образом, в экономической области здоровую базу для сотрудничества. В политической области у нас тоже нет конфликтов и противоположных интересов. Шведский народ пользуется у нас симпатией. Мы отказались от империализма царской России, ведем мирную политику и можем поддерживать поэтому также и со Швецией хорошие политические отношения, являясь как бы соседями по Балтийскому морю. Таким образом, при наличии доброй воли отношения между нашими странами могут развиваться как в экономической, так и в политической области.

Хамрин сказал через Юлленшерна, что он придерживается таких же точных взглядов и может только присоединиться к тому, что я сказал.

Не поддержав моей попытки завести разговор на политические темы, он вслед за этим завязал беседу о нашем экспорте, в которой, однако, ничего интересного не было. Он проявил особый интерес к экспорту наших нефтепродуктов, который, по его мнению, имеет значительное будущее. Когда я коснулся ведущейся против нашей нефти пропаганды в Швеции*, он сказал, что она поддерживается только консервативными газетами, и в осторожной форме согласился со мной, когда я сказал, что тут не обходится без влияния наших нефтяных конкурентов. Главное препятствие для распространения нашей нефти он видит в слабости нашей распределительной сети в Швеции. Довольно много он распространялся насчет большого удельного веса нашего бензина, что, по-видимому, под влиянием нашей конкуренции используется против советского бензина. Он считает, что все же пропаганда против нашей нефти не опасна и что экспорт ее можно развить.

Хамрин просидел около часа, что объясняется трудностью беседы с переводчиком, тем более что Юлленшерна говорит очень медленно по-французски.

Б. Стомоняков

П. С. Когда был затронут вопрос о фрахтовании шведских судов, Юлленшерна воспользовался случаем, чтобы поблагодарить за исполнение его просьбы об открытии фрахтовой конторы в Стокгольме.

При разговоре об отношениях между нашими странами Хамрин сказал, что они облегчаются благодаря активности и инициативе т. Коллонтай. Юлленшерна при этом прибавил, что к т. Коллонтай хорошо относятся в Стокгольме и что она пользуется там «влиянием».

Б. С.

Печат. по арх.

471. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова с Послом Великобритании в СССР Овием

3 декабря 1932 г.

Овий произнес длинную речь, перечислив все неприятные моменты в советско-английских взаимоотношениях за последнее время, изобразив нас как виновную сторону. Он при этом

* См. док. № 432.

подробно рассказывал о своей переписке с Лондоном, о запросах Саймона и его ответах, в частности в связи с выступлением Мануильского и статьей в «Известиях» *. Англия упрекает нас в том, что мы не дали до сих пор ответа на предложение о торговых переговорах, что, несмотря на заверения английских министров, мы продолжаем подозревать политические мотивы за денонсацией торгового договора, что мы оставили без ответа и внимания протест по поводу снабжения, что я дал Овию решительный отказ, в то время как я дал успокоительные заверения по тому же вопросу Дирксену, что мы ведем систематически изо дня в день антибританскую кампанию в печати, наиболее ярким проявлением которой была статья в «Известиях», за которую мы отказываемся извиниться или выразить сожаление. Саймон поручил ему переговорить со мной по всем этим вопросам и добиваться извинения или выражения сожаления за статью, обещания неповторения замечаний, сделанных Мануильским, и какого-нибудь письменного ответа относительно снабжения. Ища выхода из создавшегося тяжелого положения, он предлагает мне написать им, что протест нами рассмотрен или рассматривается и что мы ведем по этому поводу переговоры с дуайеном корпуса.

Спокойно выслушав Овия, я сказал, что буду останавливаться на тех же самых моментах, которые он упомянул, но дам свое изложение и что при этом я отнюдь не намерен оправдываться, а, наоборот, буду нападать на его правительство, поведение которого за последнее время действительно вызывает у нас сильное возбуждение. Начать хотя бы с того, что Англия нашла возможным отношения с СССР сделать предметом переговоров и торговли с Канадой и прочими своими доминионами. Мы к такому факту не могли относиться спокойно, и мы, естественно, внимательно следили за оттавскими переговорами. Включение в соглашение § 21 вызвало с нашей стороны усиленную настороженность и подозрения в том, что за этим скрываются обещания денонсирования торгового договора. Нас несколько успокоили заверения, данные Саймоном т. Сокольникову ²⁷⁵, тем больше было возмущение здесь, когда через пару недель без всякого предупреждения было получено письмо о денонсации договора. Вслед за этим имел место протест по поводу снабжения дипкорпуса. Я не хочу касаться вопроса по существу, но не могу не отметить наше удивление по поводу того, что из всех государств, представленных в Москве, первым выступило с протестом английское, у которого меньше всего было оснований для такого протеста

* См. соответственно газ. «Правда» № 304(5469), 2 ноября 1932 г. и газ. «Известия» № 313(4883), 13 ноября 1932 г.

ввиду ограниченности английских консульских сборов. Более того, нам известно, что английское правительство на такие же протесты подбивало Францию и Германию. Хотя мы об этом протесте не сообщали ничего в прессе, но из этого секрета не делали. Естественно поэтому возбуждение, царящее в нашей общественности. Естественно поэтому та реакция, которая вызывается идущими беспрестанно из Англии сообщениями о запросах в парламенте то по поводу спичек, то по поводу каких-то полицейских дубинок и т. д. Было бы неестественно, если бы эта реакция не находила своего выражения в нашей прессе. Если «Известия» или другие газеты связаны с правительственными органами, то это означает, что правительство может делать через эти органы свои сообщения. Но это не значит, что страницы этих органов закрыты для нашего общественного мнения, которое других каналов для выражения своего мнения не имеет. Всем хорошо известно, что на страницах английской печати изо дня в день ведется кампания против СССР, извращаются события, наносится нам оскорбление. Мы не можем поэтому лишать и нашу общественность права высказывать то, что она думает об Англии. У нас предварительной цензуры нет. Что же мы должны закрывать газеты и преследовать редакторов за то, что они пропустили ту или другую неприятную для Англии статью или комментарий, и публично признать, что в Англии нас может ругать всякий кому не лень, а у нас Англия заброирована? Такое положение было бы совершенно невыносимо. Газета получила телеграмму из Лондона и напечатала статью, в которой отнюдь не выдвигала обвинения против английского правительства, а говорила, что если сообщения корреспондента верны, то из этого следует то-то и то-то. Во всяком случае, правительство не может нести ответственности ни за корреспондентов «Известий», ни за ее сотрудников. Когда посол по телефону спрашивал через г. Рубинина, обвиняем ли мы форин-офис в истребовании, а посла — в доставке фальшивых документов, мною было отвечено, что мы таких обвинений не выдвигаем и что обвинения остаются на ответственности газеты. Раз мы не несем ответственности, то мы и извиняться не можем. Можно было бы выразить сожаление, если бы мы не опасались, что из этого опять будут сделаны новые выводы о нашей ответственности за статьи «Известий». Кроме того, мы должны были бы поставить вопрос о взаимности и требовать, чтобы и английское правительство выражало нам сожаление каждый раз, когда нам наносят оскорбление в английской печати или хотя бы в английском парламенте. Я боюсь, что в таком случае послу Овию приходилось бы ежедневно меня посещать. Также решительно мы должны отклонить какую бы то ни было ответственность за выступление г. Мануйльского или

других работников Коминтерна. Мы заявляли и заявляем, что за деятельность Коминтерна Советское правительство ответственности на себя не принимает, что бы ни говорили английские министры в своем парламенте. Стало быть, никаких обещаний за Манульского мы давать не можем.

Касательно снабжения мне был заявлен протест в весьма определенных выражениях, и я на месте сейчас же дал ответ, держась рамок этого протеста³¹⁴. Там были затронуты три вопроса. О неуважении к дипкорпусу. Я это отверг, указав, что изменение цен или условий продажи тем или иным магазином, хотя бы и государственного характера, не может означать неуважения к дипкорпусу. Указывалось на отказ государства от собственной валюты. Я это опроверг, указав, что государство по-прежнему принимает в платежи свою валюту, что есть отказ только одного магазина, который может устанавливать свои условия продажи и к которому дипкорпус отнюдь не привязан. Далее я признал совершенно беспрецедентным требование о предоставлении дипкорпусу прав государственных служащих по снабжению. Последние работают у государства на определенных условиях, и одним из этих условий может быть тот или иной порядок снабжения. Мы можем им совершенно не платить жалованья или устанавливать минимальные ставки, возмещая их другими льготами и привилегиями. Дипкорпус свои условия труда устанавливает со своими собственными правительствами, а не с нашим. Я напомнил Овию, что он повторно настаивал, чтобы я отложил свой ответ ему до обсуждения протеста с правительством, и что я категорически заявил, что мне взгляды правительства по этому вопросу известны и что поэтому незачем откладывать свой ответ. После этого я совершенно не понимаю, на каком основании Овий ждет от меня еще какого-то ответа, к тому еще письменного, на протест, заявленный мне устно. Если Овий получит инструкцию повторить протест письменно, то я не возражаю против письменного ответа и против опубликования всей переписки. Никаких переговоров с дуайеном по поводу пунктов английского протеста я не веду. Дуайен мне поставил некоторые вопросы фактического характера, а именно существует ли намерение изменить порядок получения дипкорпусом беспошлинно продуктов из-за границы или распространить взимание инвалюты по платежам государству вообще. Собрав справки, я в порядке информации ответил дуайену на эти вопросы. Это не есть переговоры с дуайеном, это не есть соглашение, это не есть обещание, а фактическая справка. Если бы Овий вместо протеста поставил мне те же вопросы, и он от меня получил бы информацию.

Что касается переговоров, то в английской ноте говорилось лишь об обсуждении ситуации, а не о торговом договоре.

Лишь впоследствии Овий обратил мое внимание на речь Болдуина *, в которой говорилось о согласии английского правительства на заключение нового торгового договора, я ряд министров такие же заявления сделал т. Майскому **. Мы тем временем вызвали сюда торгпреда для подготовки вопроса и готовы были приступить к переговорам. К сожалению, все эти протесты из-за пустяков создали, однако, атмосферу, неблагоприятную для переговоров, и мне кажется, что будет лучше выждать с переговорами, пока наступит взаимное успокоение. Для этого, по-моему, нужно полностью отвести все эти мелкие инциденты.

Овий сразу уцепился за вопрос снабжения и заговорил о ценах, о том, что мы не даем ему удовлетворения ни по одному из затронутых вопросов, что он об этом сообщит в Лондон, но должен предупредить меня о возможных последствиях.

Перебив Овия, я спросил его, берется ли он передать Саймону мой ответ относительно «Известий», — в таком случае я не буду давать никаких инструкций Майскому, ибо не считаю нужным давать ответ в двух местах. Если ответ должен быть дан через Майского, то незачем Овию предвосхищать этот ответ даже на основании того, что я ему сегодня говорил. Овий ответил, что ему поручено со мною только переговорить, но что ответ по поводу «Известий» Саймон будет ожидать через Майского ³¹⁵.

Беседа длилась полтора часа. Вначале Овий вел ее в весьма спокойных, даже дружественных тонах, но как только зашла речь о снабжении, он вновь потерял самообладание и волновался безмерно.

Литвинов

Печат. по арх.

472. Записка Консула СССР в г. Маньчжурия Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л. М. Карахану

4 декабря 1932 г.

*Передано по прямому
проводу*

4 декабря консульство посетил генерал Су [Бин-вэнь] и заместитель дипломатического комиссара Чжао. Их принял секретарь консульства. Су, изложив свою позицию с начала событий в Маньчжурии как самую непримиримую в отноше-

* См. газ. «Известия» № 203 (4863), 22 октября 1932 г.

** См. док. № 434, 440, 441.

нии японцев, заявил, что он хорошо понимает советскую позицию нейтралитета и невмешательства и хотя возбуждал вопрос о помощи, но наши отрицательные ответы ему были понятны, и в своих шагах он стремился не создавать положения, при котором иностранные государства смогли бы ложно приписать Советскому Союзу оказание ему помощи. Сознавая свою слабость в отношении японцев, он выступил, чтобы показать миру, что Маньчжоу-Го создано исключительно японскими силами и участия в его создании народ не принимал. Ему предлагали японцы полтора миллиона даянов за отказ от борьбы, но он на сделку не пошел. И в связи с этим он заявил Советскому правительству через представителя и в своем последнем письме о непримиримой позиции в отношении японцев³⁰⁵. Он просил довести до сведения Советского правительства, что вынужден отступить на советскую территорию, разоружиться добровольно и просит Советское правительство разрешения всем эвакуироваться через СССР в Китай. Он спросил нас, как поступит Советское правительство в данном случае, на что получил ответ об отсутствии у нас указаний по этому поводу. Су ответил на это: «Я не сомневался в этом и уверен, что этих указаний Вы и не получите скоро, но мое положение в данный момент такое, что мне остается только один выход: вместе со своими войсками интернировать на советскую территорию».

Одновременно Су заявил, что предполагает всех японцев — маньчжоуговцев захватить с собой и сдать нашим властям. Он спросил наше мнение об этом, на что ему отвечено, что лишены возможности высказаться по этому поводу. Между прочим в беседе Су сказал, что ему неизвестно место нахождения Ма и что якобы последний, возможно, уехал сухопутным путем в Пекин.

Китайцы, узнав о движении японских эшелонов, которые днем проехали станцию Хинган и ночью ожидают в Хайларе, по-видимому, предрешили свой отъезд из Маньчжурии и готовятся начать эвакуацию сегодня вечером*.

Хайлар патрулируется монгольской охраной**, над зданием вокзала поднят флаг Маньчжоу-Го.

Смирнов

Печат. по арх.

* См. также док. № 478.

** Имеются в виду вооруженные отряды, состоявшие из монголов, проживавших в Барге.

473. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии В. П. Потемкина Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

5 декабря 1932 г.

Французский посланник, явно торжествующе после подписания советско-французского пакта *, отметил в беседе со мной, что итальянцы болезненно реагируют на это событие. Об этом же сообщил и посланник Чехословакии, посетивший меня в субботу. Несомненно, что в оценках пакта, данных такими газетами, как «Тевере» и «Коррьере делла сера», чувствуется известное раздражение ³¹⁶. Если бы в дополнение к тому, что сообщалось Вами итальянскому послу в Москве относительно советско-французских переговоров **, Вы сочли бы целесообразным дать через меня в Риме еще некоторые разъяснения, я мог бы сделать это, не придавая тому характер специального демарша. Интервью Литвинова с Люснани мы уже имеем ***. Жду указаний ³¹⁷.

Полпред

Печат. по арх.

474. Нота Полномочного Представителя СССР в Великобритании Постоянному Заместителю Министра Иностранных Дел Великобритании Ванситарту

7 декабря 1932 г.

По указанию моего Правительства ³¹⁸ я имею честь заявить следующее:

1. Рассмотрев ноту Министра Иностранных Дел от 17 октября 1932 г., а также предложение Министра Иностранных Дел начать переговоры о новом торговом договоре, сделанное мне во время беседы с ним 11 ноября 1932 г. ****, Правительство Советского Союза принимает предложение Министра Иностранных Дел и готово начать переговоры о новом торговом договоре.

2. Правительство Советского Союза поручило ведение этих переговоров мне и г. Александру Озерскому, Заместителю Народного Комиссара Внешней Торговли и Торговому Представителю Советского Союза в Великобритании.

Примите, сэр, пожалуйста, уверение в моем высоком уважении.

И. Майский

Печат. по арх. Оpubл. в газ. «Известия» № 339 (4999), 5 декабря 1932 г.

* См. док. № 456.

** См. док. № 464.

*** См. док. № 460.

**** См. док. № 434.

В упомянутой ноте министра иностранных дел Великобритании от 17 октября 1932 г. № N5821/G говорилось:

«Имею честь сообщить Вам, что Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии приняло решение прекратить действие временного торгового соглашения, подписанного в Лондоне 16 апреля 1930 г. *, в соответствии с условиями первого параграфа его ст. 7. Соглашение соответственно прекратит действие через шесть месяцев после даты настоящей ноты, т. е. с 17 апреля 1933 г.

2. Одновременно пользуюсь случаем, чтобы сообщить Вам, что Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве остается заинтересованным в развитии торговли между двумя странами и с этой целью готово приступить к обсуждению положения, создавшегося в связи с денонсацией временного торгового соглашения, в самое ближайшее время, удобное для Правительства Советского Союза».

На ноту полпреда СССР в Великобритании от 7 декабря 1932 г. советник министерства иностранных дел Великобритании Кольер от имени министра иностранных дел ответил нотой от 14 декабря 1932 г. № N7321/22/38, в которой говорилось:

«Ссылаясь на Вашу ноту от 7 декабря, имею честь сообщить Вашему Превосходительству, что Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве готово немедленно начать переговоры о заключении торгового договора и что для этой цели министр торговли желает пригласить Вас и г. Александра Озерского вместе с любыми другими официальными лицами, которые могут принять участие в переговорах, встретиться с ним и представителями Соединенного Королевства в главном конференц-зале министерства торговли в четверг 15 декабря с. г. в 4 часа после полудня³¹⁹.

2. С английской стороны вести переговоры поручено полковнику Колвиллу, члену парламента, начальнику департамента заморской торговли, которому будет помогать сэр Горас Вильсон, кавалер орденов Бани 2-й степени и Британской империи 2-й степени, который является главным советником Правительства Его Величества по вопросам промышленности».

475. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Генеральному консулу СССР в Харбине М. М. Славуцкому

8 декабря 1932 г.

Для Вашей ориентировки сообщаю, что мы, как государство независимое и нейтральное, не только не согласимся выдать генерала Су Бин-вэня и его сослуживцев, но мы не примем даже к обсуждению подобного притязания Японии, так же как и всякого другого государства **.

Л. Карахан

Печат. по арх.

* См. т. XIII, док. № 135.

** См. док. № 478, 490, 495.

476. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Афганистане, в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР *

8 декабря 1932 г.

В связи с сообщением, полученным из Ташкента, я сделал представление министру иностранных дел, указав на необходимость принятия срочных и решительных мер для предотвращения налетов банд на территорию СССР и прекращения формирования их³²⁰. Файз Мухаммед-хан ответил, что немедленно будут посланы телеграфные распоряжения местным властям. Одновременно я указал министру на дальнейшую задержку проведения в жизнь соглашения о пограничных комиссарах **. Список афганских комиссаров до сих пор мне не сообщен. Файз Мухаммед-хан объяснил задержку отсутствием военного министра, с которым должны быть согласованы назначения. Он заверил, что в ближайшие же дни вопрос будет согласован и список будет мне сообщен.

Старк

Печат. по арх.

477. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
10 декабря 1932 г.*

Сегодня меня вызвал Арита и сказал, что Амо в Москве настаивал на выдаче генерала Су [Бин-вэня] и во всяком случае, чтобы он был оставлен в СССР. Карахан отказал в выдаче, а по поводу оставления обещал доложить правительству ***. Вместо ответа получилось сообщение о разрешении Су и приближенным выехать, а остальные освобождаются для работы. Это производит тяжелое впечатление и плохо повлияет на наши отношения. Японское правительство смотрит на это дело очень серьезно и рассматривает освобождение Су и позволение ему ехать в Европу как недружественный акт. Далее Арита в частном порядке «между нами двумя» говорил, что были слухи о поддержке советскими органами генерала

* Копия телеграммы была направлена уполномоченному НКВД СССР при правительстве Узбекской ССР.

** См. док. № 360.

*** Арита излагал беседу Л. М. Карахана с Амо неточно: Карахан заявил, что вопрос о судьбе генерала Су Бин-вэня не может быть предметом обсуждения или соглашения с другим правительством: см. док. № 478.

Су в начале его выступления, но японское правительство не верило этим слухам. Затем, когда Комацубара при нашем содействии начал переговоры, слухи снова появились. Теперь создается почва для слухов, что бегство Су было заранее предусмотрено. Кроме того, это поощрение для всех восстающих против Маньчжоу-Го, если они будут знать, что могут безнаказанно бежать в СССР и получать там немедленно свободу. Я ему сказал, что считал принятое решение удовлетворяющим японцев, так как по существу путем переговоров с Су они стремились к тому же. Отъезд Су ликвидирует возможность подозрений о его интригах с советской территории. Арита указывал, что Су в телеграмме Чжан Сюэ-ляну представляет себя героем и его приезд в Китай повлияет на китайцев. Если бы отъезд генерала Су состоялся в результате переговоров, тогда другое дело. Я ему указал, что нельзя отрицать наших прав так поступить. Арита заявил, что со мною будет говорить еще Утида 12 или 13 декабря*. Дело, по его словам, обстоит очень серьезно. В частном разговоре Арита сделал намек, что он боится, что при создавшемся положении японские войска могут пожелать преследовать беглецов, надо понимать, на нашей территории. Я ему заметил, что это встретит с нашей стороны достаточные меры. Арита сказал, что японское правительство настаивает, чтобы генерал Су и его приближенные были во всяком случае интернированы. Он дал понять, что им было бы неприятно, если бы Су появился в Женеве.

Полпред

Печат. по арх.

478. Сообщение ТАСС о беседах Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л. М. Карахана с Временным Поверенным в Делах Японии в СССР Амо о судьбе генерала Су Бин-вэня

11 декабря 1932 г.

За последнее время как японская пресса и официальные японские агентства, так и представители японского министерства иностранных дел и военного ведомства давали в прессу различные противоречивые сообщения о судьбе генерала Су Бин-вэня и его бывшей армии и, в частности, ссылались в прессе на обмен мнениями, имевший место по этому вопросу в Москве между заместителем народного комиссара по иностранным делам т. Караханом и японским поверенным в де-

* См. также док. № 483.

лах г. Амо. В связи с этим ТАСС имеет возможность опубликовать достоверную информацию по этому вопросу, полученную из авторитетного источника.

8 декабря японский поверенный в делах г. Амо по поручению японского правительства обратился к заместителю народного комиссара по иностранным делам т. Карахану с просьбой о выдаче генерала Су Бин-вэня и его солдат.

Г-н Амо сообщил приблизительно следующую инструкцию своего правительства:

Японское правительство ответственно за сохранение порядка в Маньчжоу-Го. Вы разоружили генерала Су и его армию, и японское правительство признательно вам за эту правильную меру. Но если даже эти антиманьчжурские элементы разоружены, они могут угрожать безопасности Маньчжоу-Го, если когда-либо возвратятся в какое-либо место в Маньчжурин, где надлежащие органы Маньчжоу-Го, наблюдающие за сохранением порядка, не будут об этом знать заранее.

Если же они будут отправлены в Китай, то они не только будут заниматься зловердной агитацией против Японии и Маньчжоу-Го, но они будут окружены теплым вниманием со стороны китайцев и, возможно, будут возведены в герои, как это было в случае с генералом Ма. Это может поощрить неподчиняющиеся (непокорные) элементы в пограничных районах и окажет вредное влияние на порядок и безопасность Маньчжоу-Го.

Японское правительство поэтому в интересах сохранения порядка просит Советское правительство выдать генерала Су Бин-вэня и всю его армию, вступивших на территорию СССР, японской армии.

Тов. Карахан выразил г. Амо удивление по поводу подобной просьбы японского правительства и заявил, что Советское правительство, как правительство независимого государства, придерживающееся нейтральной позиции, не только не может выдать генерала Су и его сторонников, но не может даже принять к обсуждению вопроса о его выдаче.

Г-н Амо во время обмена мнениями указал, что в данном случае понятие нейтралитета неприменно, так как генерал Су не может быть рассматриваем как представитель законно воюющей независимой стороны. Генерал Су восстал против Маньчжоу-Го, нарушил международное сообщение, допустил разрушения и убийства и его следует рассматривать не как политического противника, а как уголовного преступника, совершившего уголовные преступления против Маньчжоу-Го.

Тов. Карахан отвел эти соображения как по меньшей мере непонятные. Прежде всего, с самого начала конфликта было известно, что СССР является нейтральной стороной, и япон-

ское правительство неоднократно выражало признательность за это.

С другой стороны, японское правительство, как известно, послало свою официальную комиссию на станцию Мациевская для переговоров с генералом Су *. Едва ли японское правительство могло добиваться устройства мирной конференции с генералом Су на нейтральной территории — СССР, если бы оно считало его уголовным преступником. И совершенно невозможно допустить, чтобы японское правительство позволило себе официально обратиться к Советскому правительству с просьбой выступить в качестве посредника между ним и генералом Су, т. е. между японским правительством и уголовным преступником.

Кроме того, т. Карахан напомнил г. Амо, что по просьбе японского правительства Советское правительство вступило в переговоры с генералом Су об освобождении всех японских резидентов, которые были в результате этой просьбы освобождены в большей своей части до поражения генерала Су, а остальные были в сохранности доставлены им самим на советскую территорию **. Корректное и джентльменское поведение генерала Су в этом вопросе само по себе достаточно, чтобы вопрос о его выдаче после того, как он разоружен и интернирован, не возникал.

Наконец, заявил т. Карахан, на территории Маньчжоу-Го и Японии имеются десятки тысяч мятежных военных белогвардейцев, боровшихся и собирающихся бороться вооруженной рукой против СССР.

Советское правительство, однако, никогда не требовало их выдачи, и само японское правительство, которое едва ли считает их представителями независимого государства, никогда не предлагало их выдать СССР, видимо, понимая, что подобные вопросы являются делом внутренней политики данной страны.

Тов. Карахан указал, что отказ в выдаче генерала Су и его сторонников г. Амо должен рассматривать как официальный ответ Советского правительства ***.

В тот же день, поздно ночью, г. Амо вторично посетил т. Карахана и сообщил, что он отказывается от своего требования о выдаче и просит лишь о том, чтобы генерал Су Бинвэнь продолжал находиться интернированным и чтобы Советское правительство в дальнейшем советовалось с японским правительством о судьбе этой армии.

Тов. Карахан заявил, что вопрос о судьбе бывшей армии

* См. док. № 418, 419, 439.

** См. док. № 417, 472.

*** См. также док. № 475, 477.

генерала Су является внутренним делом СССР и не может быть предметом обсуждения или соглашения с другим правительством.

Тов. Карахан указал, что в отношениях между СССР и Японией имеется прецедент, который должен был бы удерживать японскую сторону от этой просьбы.

На территории Японии, а главным образом на территории Маньчжоу-Го, проживают белогвардейские генералы и тысячи военных белогвардейцев, которые пользуются полной свободой в своей враждебной СССР деятельности.

На территории Маньчжоу-Го белогвардейцы имеют свои военные и иные организации, пользуются покровительством официальных лиц, занимают различные официальные посты в полиции и в других официальных органах. Их враждебная СССР деятельность проходит открыто, на глазах у всех, они преследуют советских граждан и провоцируют ухудшение отношений между СССР, с одной стороны, Японией и Маньчжоу-Го — с другой. Японское правительство никогда не советовалось с нами о судьбе этих белогвардейцев.

10 декабря г. Амо вновь посетил т. Карахана и повторил просьбу японского правительства о том, чтобы генерал Су продолжал находиться интернированным, чтобы ему не был разрешен выезд из СССР и чтобы Советское правительство о дальнейшем советовалось с японским правительством о судьбе генерала Су и его армии. Тов. Карахан вновь подтвердил г. Амо, что вопрос о судьбе бывшей армии генерала Су является внутренним делом СССР и что Советское правительство не может принять этот вопрос к обсуждению.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 341 (4911), 11 декабря 1932 г.*

479. Телеграмма Председателя советской делегации на Конференции по сокращению и ограничению вооружений в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

11 декабря 1932 г.

Ввиду достигнутого сегодня соглашения пяти держав³²¹ состоится в конце недели лишь формальное заседание Генеральной комиссии, которая отложит обсуждение английского³⁰⁷ и французского²⁸⁴ предложений и вообще вопрос о разоружении, безопасности и равноправии на середину января. Это мне сообщил Нейрат, явившийся ко мне через 15 минут после моего приезда и за 15 минут до своего отъезда в Берлин. Соглашением он доволен или, скорее, говорит, что доволен ввиду признания в нем принципа равноправия. Он же мне

сказал, что Эррио, вероятно, даст себя свалить завтра по вопросу об уже решенном учинении платежа Америке с тем, чтобы после 15-го сего месяца вновь попасть в какую-нибудь министерскую комбинацию.

Крестинскому. Прошу сообщить Патеку, что раньше 20 декабря не смогу быть в Москве. Предлагаю одновременно пригласить его к себе на завтрак или обед с участием членов польской миссии и наркоминдельцев.

Литвинов

Печат. по арх.

480. Обмен нотами между Народным Комиссаром Иностранных Дел СССР и Главой делегации Китая на Конференции по разоружению о восстановлении дипломатических и консульских отношений между СССР и Китаем *

1. НОТА

**ГЛАВЫ ДЕЛЕГАЦИИ КИТАЯ НА КОНФЕРЕНЦИИ
ПО РАЗОРУЖЕНИЮ НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ИНОСТРАННЫХ
ДЕЛ СССР М. М. ЛИТВИНОВУ**

Женева, 12 декабря 1932 г.

Сэр,

В развитие бесед, имевших место во время наших недавних встреч в Женеве, я надлежащим образом уполномочен сообщить Вам, что, воодушевленное желанием развивать в интересах мира дружеские отношения между нашими странами, мое Правительство решило считать формально восстановленными с сего числа нормальные дипломатические и консульские отношения с Правительством Союза Советских Социалистических Республик.

Прошу принять уверения в моем высочайшем уважении.

*В. В. Иен ***

2. НОТА

**НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
ГЛАВЕ ДЕЛЕГАЦИИ КИТАЯ
НА КОНФЕРЕНЦИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ
ЯНЬ ХОЙ-ЦИНУ**

Женева, 12 декабря 1932 г.

Сэр,

В развитие бесед, имевших место во время наших недавних встреч в Женеве, я имею честь сообщить Вам, что, вооду-

* См. также док. № 481.

** Янь Хой-цин.

шевленное желанием развивать в интересах мира дружеские отношения между нашими странами, мое Правительство решило считать формально восстановленными с сего числа нормальные дипломатические и консульские отношения с Правительством Китайской Республики.

Прошу принять уверения в моем высочайшем уважении.

М. Литвинов

*Печат. по дох.
Опублик. в газ. «Известия»
№ 343 (4913), 13 декабря 1932 г.*

481. Интервью Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова по поводу восстановления дипломатических отношений между СССР и Китаем

12 декабря 1932 г.

Мы сегодня с доктором Янем обменялись нотами, которыми восстанавливаются дипломатические отношения между Советским Союзом и Китаем. Этот вполне нормальный акт, по-моему, вряд ли нуждается в объяснениях. Объяснять нужно разрыв отношений между государствами или отказ от них как явления, нарушающие нормальную международную жизнь и составляющие иногда угрозу миру. Нет надобности останавливаться на событиях, которые несколько лет тому назад привели к разрыву между СССР и Китаем*. Мне достаточно напомнить, что события эти имели место не по инициативе СССР. Политика СССР диктует установление и сохранение нормальных отношений со всеми государствами и не рассматривает разрыв или отказ от отношений как подходящее средство для урегулирования международных вопросов. Вряд ли какое бы то ни было государство, прибегавшее к этому средству, может похвастаться успехом в деле разрешения спорных с СССР вопросов. Я уверен, что вряд ли и в Китае может кто-либо сейчас думать, что печальные события, приведшие к разрыву отношений между СССР и Китаем, принесли последнему какую-либо пользу. Не подлежит, однако, сомнению, что возникновению нынешних пертурбаций на Дальнем Востоке в немалой степени способствовал тот факт, что нормальные дипломатические отношения поддерживали между собой не все государства, расположенные в бассейне Тихого океана. Народы СССР относились и относятся с величайшей симпатией к китайскому народу, к его стремлению сохранить его независимость и суверенитет и к достижению международного равноправия. Советское правительство дало немало доказательств своего дружественного

* См. т. XII, док. № 222.

отношения к Китаю, когда СССР, единственный из государств, в свое время освободил Китай от неравноправных договоров, от экстерриториальности и от других прав и привилегий, вырванных у Китая царским империализмом, и согласился на превращение полученной царским правительством железнодорожной концессии на китайской территории в коммерческое предприятие под совместным управлением СССР и Китая. Этими чувствами бескорыстия и дружбы руководствовалось Советское правительство, когда оно установило свои отношения с Китайской Республикой в 1924 г. Этими же чувствами, а не временными соображениями продиктовано сегодняшнее восстановление отношений. Для СССР, свободного от всяких тайных политических комбинаций и соглашений, улучшение отношений с одними странами не означает ухудшения отношений с другими. Только такая политика содействует действительному укреплению всеобщего мира. Только при сохранении всеми государствами отношений между собой возможно будет серьезно говорить о международном сотрудничестве в целях мира, о международном обеспечении соблюдения мирных пактов и соглашений и о создании авторитетных международных организаций. Я поэтому уверен, что все искренние сторонники мира и международного сотрудничества с удовлетворением узнают о состоявшемся восстановлении отношений между двумя великими государствами.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 343 (4913), 13 декабря 1932 г.*

482. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женева

13 декабря 1932 г.

Мацуока зачем-то настаивал вчера на немедленном приеме. Он поздравил меня и выразил удовлетворение по поводу восстановления отношений с Китаем*, за которое мы должны якобы быть благодарны японцам, которые так напугали Китай, что ему ничего больше не оставалось, как вернуться к нам. Выполнив эту задачу, Япония теперь стремится к сближению нас с Америкой. Мацуока говорил все это не краснея. Я спросил его, думают ли они также запугивать Америку и этим ли целям служат его антисоветские выступления в Лиге наций³²². Я атаковал его как за эти выступления, так и за интервью Ларсену³²³. Он нагло все отрицал, уверяя меня, что ни о чем больше не думает, как о сближе-

* См. док. № 480.

нии Японии с нами и о реализации пакта о ненападении. Под конец он говорил о возможном приглашении нас в комиссию 19-ти³²⁴ и о судьбе Су*. Эти два вопроса и были, очевидно, целью его визита. Он говорил, что о деле Су он осведомлен только по газетам, но что он боится, что разрешение генералу выехать создаст плохое впечатление в Японии. На мой вопрос, требуют ли они интернирования по праву войны и тем самым признают статус войны, Мацуока ответил, что Су является бунтовщиком против маньчжурского государства. Я напомнил ему, что бунтовщиками против нас являются белые эмигранты, которых, однако, ни Япония, ни маньчжурское государство не интернируют и что Семенов и другие генералы пользуются полной свободой передвижения между Маньчжурией и Токио. Он в шутку предложил обмен и затем к этой теме больше не возвращался.

Литвинов

Печат. по арх.

483. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Вне очереди
13 декабря 1932 г.*

Не случайно, в день опубликования сообщения о восставлении отношений между нами и Китаем, сегодня, в 2 час. 30 мин. Утида вручил мне строго конфиденциальную вербальную ноту, смысл которой: условия еще не созрели для пакта, надо немного подождать, причем желательны местные соглашения для предотвращения трудностей, вытекающих из соприкосновения японских и советских войск. Ноту посылаю шифром. Я сказал Утида, что ответ японского правительства произведет у нас плохое впечатление и будет истолкован как признак агрессивного стремления Японии. Он просил разъяснить смысл, но считает нежелательным опубликовать ноту во избежание кривотолков. Мне кажется, наоборот, желательно получить согласие японского правительства на опубликование ноты, пусть она здесь обсуждается. Из заявлений Сиратори видно, что Япония хочет нашей изоляции от других держав³²⁵. Я считаю также желательным, чтобы мне было поручено ответить на ноту**.

[Трояновский]

Печат. по арх.

* См. док. № 478.

** См. док. № 501.

**484. Письмо Полномочного Представителя СССР в Германии
Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР Н. Н. Крестинскому**

13 декабря 1932 г.

Дорогой Николай Николаевич,

В состоянии хозяйственных переговоров за последнюю неделю никаких существенных формальных изменений не было *. 9 декабря было последнее заседание комиссии Хэя. Мы передали немцам свой проект протокола, в котором кратко изложили наши предложения и предложили немцам сформулировать свои позиции. Хэй обещал согласовать проект с ведомствами и сообщить нам ответ в ближайшие дни. Мы ожидаем получения от немцев протокола 13—14 декабря. Таким образом, мы предполагаем покончить с комиссией Хэя и энергично поставить все интересующие нас вопросы перед правительством **. К сожалению, Нейрат еще не вернулся из Женевы. Нет также и Мейера. Это заставляет нас несколько отсрочить нашу акцию. Однако мы пока не теряем время. 12 декабря утром мы разослали промышленникам меморандум ³²⁶, о котором я Вам писал прошлой почтой. В этом меморандуме мы осторожно, но достаточно определенно указываем, что существующий баланс советско-германских экономических взаимоотношений не может служить базой не только для дальнейшего развития операций, но даже и для сохранения существующей деятельности торгпредства по заказам. Мы кратко обозначаем те пять важнейших вопросов (замороженные марки, кредиты по экспорту, нефть, лес и масло), по которым мы ожидаем решения в ближайшее время. Мы выразили также пожелание организовать с промышленниками специальное совещание по этому вопросу.

Перед рассылкой меморандума Розенблюм по моему поручению был у Кремера ***. Кремер заверял в сочувствии «Рейхсфербанда» нашим требованиям и утверждал, что «Рейхсфербанд» поддерживал все наши предложения перед министерством. Он считал весьма полезным новый нажим промышленников на правительство и с этой точки зрения высказался за рассылку нами меморандума и за организацию совещания с промышленниками. Заслуживает внимания, что Кремер в разговоре сообщил, что он и Кастль **** предлагали соответствующим органам разрешить нам операции с замороженными марками на 15 млн. в месяц, т. е. на 180 млн. в

* См. док. № 469.

** См. док. № 489.

*** Председатель Комитета германской экономики по русским делам.

**** Член президиума «Имперского союза германской промышленности».

год. Интересно, что сегодня в разговоре с Файнштейном * представитель Рейхсбанка при министерстве хозяйства Гехлер назвал такую же сумму.

Перед совещанием у Хэя Розенблюм посетил Риттера, с которым имел разговор по лесу и маслу. Разговор не дал положительных результатов. Риттер отверг все наши варианты по маслу, о которых я писал Вам в прошлых письмах (ввоз за счет Дании и Швеции, за счет Польши, ввоз в счет будущего года), ссылаясь на принцип наибольшего благоприятствования и доказывая, что предоставление нам каких-либо отступлений от контингента вызвало бы нарекания в Голландии и Скандинавских странах, которые и без того недовольны Германией. Что касается леса, то Риттер указал, что контингентов на пиломатериалы не будет, что же касается пошлины, то положение неясно. Шведско-германский договор истекает только 15 февраля. Переговоры со шведами начнутся только в начале января. Поэтому сказать нам что-либо определенное по пошлине и договариваться с нами по этому вопросу немцы сумеют не ранее конца января. Что касается балансов, то система еще не ясна. Скорее всего будут общее запрещение по ввозу и отдельные разрешения, выдаваемые германским фирмам, расположенным главным образом у побережья. Риттер просил нас сообщить список фирм, которые главным образом являются нашими покупателями и обещал учесть при распределении контингента в первую очередь эти фирмы. От установления заранее суммы, в пределах которой будут выданы лицензии, Риттер уклонился.

14 декабря у меня с Вейцером свидание с Лютером³²⁷. Во время этого свидания я надеюсь выяснить окончательно обстановку с замороженными марками.

Файнштейн и Каган вели переговоры со Шварцем из «Дрезденер банк» относительно кредитов на наши экспортные товары. Шварц заверял, что дело развивается благоприятно и что через несколько дней он сумеет сообщить что-либо конкретное.

Если расценивать положение переговоров по отдельным затронутым нами проблемам, то следует сказать:

1. Замороженные кредиты. Несомненно, что по этому вопросу мы договоримся. И Хэй и Риттер заверяли Розенблюма, что принципиальное решение имеется, но что идут споры о глобальной сумме. Надо думать, что и сумма, которую нам назовут, нас устроит, поскольку мы практически едва ли сумеем использовать более 100 млн. марок. Однако по этому вопросу будут огромные трудности, в связи с тем что немцы будут настаивать на месячных контингентах, что

* Заместитель торгового представителя СССР в Германии.

нас совершенно не устраивает, потому что наибольшие трудности платежей у нас в I квартале, к тому же положение с замороженными марками после февраля (дата истечения действующего кредитного соглашения) может серьезно измениться.

2. Кредиты по экспорту. Здесь нас тоже еще ожидают серьезные трудности, так как едва ли банки пойдут на эти кредиты без государственной гарантии.

3. Нефть. Немцы обещали — и, по-видимому, уже дали устную директиву городским и коммунальным предприятиям — покупать у нас. На большее они, по-видимому, в существующих условиях не пойдут. Для организации прямой закупки они должны были образовать специальное общество. Это требует ломки сегодняшней системы нефтяной торговли. Надо, впрочем, сказать, что то расширение сбыта по основным категориям нефтепродуктов, которого мы достигли, нас устраивает, так как в будущем году мы экспорта нефти (кроме керосина и тяжелых масел) не сумеем расширить. Кремер в разговоре с Розенблумом выдвинул идею, которая, по его словам, в правительственных кругах была признана «блестящей» — реорганизовать «Дероп»*, либо слить его с «Бензолфербандом», либо продать его «гроссбанкам»**. В этом последнем случае, по словам Кремера, мы получим и определенную сумму единовременно и можем добиться твердого обеспеченного сбыта. Нужно еще проверить, насколько мысль Кремера отражает действительные намерения банков и правительства. Если бы это было серьезно, то мы имели бы дело с попыткой немцев перестроить существующую нефтяную систему, организовать нечто подобное итальянскому «Аджипу» и исподволь подготавливать монополию. В ближайших встречах и разговорах мы уточним вопрос о серьезности этой идеи.

4. Масло. Большие трудности у нас с расширением ввоза масла. Полученный нами контингент нас совершенно не устраивает. Между тем немцы боятся нам дать дополнительный завоз, опасаясь расстроить свои и без того напряженные отношения с Голландией и Данией. По этому вопросу нам предстоит серьезная борьба.

5. Не лучше, как явствует из изложенного, и положение с лесом. Нам надо добиться в этих переговорах как страховки от запретительной пошлины по пиломатериалам, так и твер-

* См. т. XIII, прим. 15.

** — крупным банкам (нем.). К группе «гроссбанкен» относились германские баварские фирмы: «Дейче банк», «Дрезденер банк», «Дармштадтер унд национальбанк», «Дирекцион дер дисконто-гезельшафт», «Миттельдейче кредитбанк», «Берлинер хандельсгезельшафт», «Коммерц — унд приватбанк».

дого обеспеченного ввоза по балансам. Нужно учесть, что лес является одним из тех товаров, по которым мы имеем наиболее обеспеченные количества для экспорта*.

Л. Хинчук

Печат. по арх.

485. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Персии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

13 декабря 1932 г.

Сегодня Форуги информировал меня о положении дел с англо-персидской нефтяной компанией. На английскую ноту о перенесении конфликта³²³ на арбитраж Гаагского трибунала в случае, если до 15 декабря персидское правительство не возьмет обратно письма об аннулировании концессии, было отвечено: 1) решение персидского правительства остается неизменным; 2) вмешательство английского правительства неправомерно и только затрудняет непосредственные переговоры с компанией; 3) персидское правительство отводит английский тезис об ответственности за возможный ущерб, ибо, не занимаясь делами концессии, оно не может нести ответственности за их состояние.

Что касается Гааги, то персидское правительство считает, что компетенция трибунала не распространяется на данный конфликт, как не носящий международного характера. Но Форуги предвидит, что Гаагский трибунал, признав себя компетентным, вмешается в это дело и вынесет решение, признающее акт одностороннего аннулирования концессии формально неправомерным, но выскажется по существу в пользу Персии, учтя ее справедливые претензии к компании. На мой вопрос, что сделает персидское правительство, если решение окажется отрицательным для интересов Персии, Форуги ответил, что на этот случай еще нет окончательного решения. Форуги жаловался, что английские круги обрабатывают заграничное общественное мнение, распространяя версию о мнимых беспорядках на юге, якобы угрожающих интересам иностранцев, и трактуя разрыв концессии как проявление ксенофобии**. На мой вопрос, не опасается ли он, что порядок на юге будет нарушен и не повторится ли история с Хазалем³²⁹, Форуги ответил, что нынешняя Персия достаточно сильна, чтобы это предотвратить. На это я заметил, что во всяком случае персидское правительство, принимая нужные

* См. также док. № 487.

** — враждебности к иностранцам (греч.).

меры, может не оглядываться на свои северные границы, откуда ничто Персии не угрожает. Сказав мне о разговорах, что якобы в этом деле «замешана рука Москвы», Форуги, как бы оправдываясь, стал мне доказывать, что Персия всегда руководствуется только своими собственными интересами. На мое замечание, что в данном конфликте все политические и моральные аргументы на стороне Персии, Форуги сказал, что он хочет думать, что это не только мое личное мнение, но и Советского правительства и советской общественности. Я подтвердил это, сославшись на комментарий «Известий».

Общее впечатление из разговора с Форуги таково, что персы намерены твердо отстаивать свои позиции, но создавшееся положение их серьезно беспокоит, и они ухватаются за Гаагу лишь бы только выйти поскорее из конфликта, сохраняя лицо и добившись кое-каких уступок.

Цукерман

Печат. по арх.

486. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы

15 декабря 1932 г.

Я как-то спрашивал завтракавших у меня китайцев относительно жилищного положения в Нанкине, и Иен сегодня приходил ко мне сообщить, что он снесся по этому поводу с мининделом, который позаботится о помещении для полпреда. В Москву поедет сам Иен, для которого агреман будет испрошен через Вана * в Москве.

Восстановление отношений с Китаем вызвало наибольшее недовольство среди англичан, меньшее среди французов, но встречено с удовлетворением американцами. Дэвис говорит, что соучастие Америки с СССР в согласительной комиссии³³⁰ было бы первым шагом к признанию. Это мне сообщил член так называемой китаефильской партии Лиги наций и поэтому вызывает у меня сомнение. Американский журналист пытался без моего ведома устроить встречу Дэвиса со мной. Дэвис ответил, что он представляет пока Гувера, от которого нельзя ожидать изменения политики по отношению к СССР, и что поэтому он не мог бы говорить со мной с необходимым авторитетом и что вообще раньше марта Америка ничего не может сделать, но что он сам по-прежнему будет стремиться к установлению советско-американских отношений.

Литвинов

Печат. по арх.

* Ван Цзэн-сы.

487. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР и Полномочного Представителя СССР в Германии с Министром Иностранных Дел Германии Нейратом

19 декабря 1932 г.

19 декабря посетили мы с т. Литвиновым фон Нейрата³²¹. Разговор велся вокруг Женевы. Нейрат считает, что толкование французами соглашения пяти держав для немцев неприемлемо. Однако все же это соглашение является шагом вперед, и Нейрат предполагает в январе поехать в Женеву. Будет ли предварительная беседа в Англии, он не знает, полагает, что не будет. Точка зрения французов встретит возражения и англичан, и итальянцев. Нейрат считает, что необходимо было бы привлечь СССР к участию в совещаниях пяти держав. Тов. Литвинов заметил, что это — их дело, но тогда придется отдельно вступать в соглашение с СССР.

Тов. Литвинов заявил, что ему сообщили в Лиге наций, что немцы в комиссии 19-ти³²⁴ занимают самую правую позицию — прояпонскую, за ними идут англичане, а потом французы. Нейрат заявил, что это не соответствует действительности, что он об этих рассказах слышал уже здесь и полагает, что источник этих слухов французский. Тов. Литвинов отметил, что слухи исходят из недр Лиги наций и что говорили даже, что немцы получили в Маньчжурии большие заказы. Нейрат заявил, что это неверно. Впечатление все же получилось, что рыльце у немцев в пушку.

Далее сам Нейрат выразил сожаление, что до сих пор не ратифицирован протокол от 24 июня 1931 г. *, но что на ближайшем заседании рейхстага он будет ратифицирован.

Я обратил внимание Нейрата на то, что ведущиеся между нами хозяйственные переговоры, цель которых — смягчение острой пассивности нашего баланса, не дают никакого результата **. Положение серьезное, ибо в текущем году мы покрыли заказами и девизами разницу примерно в 300 млн. марок, в будущем году эта разница будет еще больше. Положение для нас невыносимое и может помешать дальнейшему развитию наших хозяйственных операций. Нейрат стал убеждать, что дело далеко не столь пессимистично, что немцы понимают необходимость прийти нам навстречу, что финансовые комбинации для этого (шперконто и штильхальте ***)

* См. т. XIV, док. № 191.

** См. док. № 448, 469, 484.

*** Имеются в виду финансовые операции с блокированными счетами и замороженными кредитами (нем.); см. прим. 339.

безусловно будут разрешены в положительную для нас сторону ³³¹.

Я предложил Нейрату специальную встречу для хозяйственных дел и он назначил среду до обеда ³³².

Л. Хинчук

Печат. по арх.

488. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Норвегии А. А. Бекзадяна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

19 декабря 1932 г.

На обеде, данном мне 17 декабря председателем норвежской делегации Клауманом ²⁹⁵, были представлены все отрасли норвежской промышленности. Подробности сообщу днппочтой. Присутствовавший министр торговли Йогансен выражал мне надежду скорого безболезненного заключения госгарантий, заявил о готовности министра торговли приступить к переговорам немедленно по прибытии Клингера, причем интересовался днем приезда последнего. Я заявил, что Клингера жду на днях и что к переговорам будет приступлено немедленно по приезде его и что благоприятный исход переговоров зависит исключительно от позиции министра торговли, ответственного за прошлогодние осложнения *. Отвечая мне, Йогансен пытался переложить ответственность на норвежское правительство, в частности выражал опасения за позицию министра финансов Сундбю, но повторил заверение своей благожелательности. Срочно сообщите о приезде Клингера.

Содержание этого сообщите Ленггелю **.

Полпред

Печат. по арх.

489. Меморандум Полномочного Представительства СССР в Германии Рейхсканцлеру Германии Шлейхеру

21 декабря 1932 г.

Торговые отношения между СССР и Германией имеют большое значение для германской экономики. Для иллюстрации этого достаточно привести следующие данные.

В текущем году СССР стоит на первом месте в общем германском экспорте. Около $\frac{1}{3}$ всей продукции германской машиностроительной промышленности идет на экспорт в СССР,

* См. т. XIV, док. № 347, 354.

** Член президиума Всесоюзной торговой палаты.

другая треть экспортируется в другие страны и примерно $\frac{1}{3}$ остается на внутреннем рынке. Третья часть всего активного сальдо германского внешнеторгового баланса — результат торговых отношений с СССР. В первом полугодии 1932 г. на долю СССР приходился 41% германского экспорта машин,

в частности, паровые и газовые турбины, паровые прессы различного рода	свыше 90%
краны, локомобили	80%
металлообрабатывающие станки	70%
фермы, экскаваторы, динамо-машины и т. д.	60%
сортное железо, никель, воздушные машины, вентиляторы и т. д.	60%

В то время как экспорт Германии в СССР играет столь значительную роль во всей ее экономике, платежный баланс СССР в отношении Германии становится все более и более пассивным в ущерб СССР. В 1932 г. пассивное сальдо составляло примерно 300 млн. германских марок, а это означает, что в текущем году СССР ввез в Германию золота и валюту на названную сумму. В 1933 г. эта сумма еще более увеличится. Столь большой пассив создает для СССР нетерпимое положение и препятствует дальнейшему развитию советско-германских экономических отношений. Как известно, при существующей торгово-политической системе, практикуемой большинством стран мира, отсутствует возможность использовать в значительных размерах выручку от экспорта в одной стране для платежей в других странах. При таком положении вещей расширение экспорта является неременной основой для дальнейшего распределения заказов, и на расширение заказов и продолжение деятельности в этом направлении могут рассчитывать лишь те государства, которые дают возможность определенного сбалансирования платежей СССР и выручки от их экспорта. Переговоры, ведущиеся в настоящее время, задачей которых должно являться принятие эффективных мер для уменьшения советского пассивного сальдо в Германии, не дали никаких результатов. Большинство предложений СССР было отклонено. Это относится к вопросам импорта масла в Германию, гарантий по импорту леса, гарантий по увеличению импорта нефти и т. д. По другим вопросам, например о финансовых операциях с фондами замороженных и блокированных счетов, которые должны дать возможность советским организациям увеличить сбыт товаров в третьих странах и употребить выручку от этого сбыта для платежей в Германии, решение откладывается из дня в день. Приходится констатировать, что переговоры не только не привели к улучшению положения, но что в ходе этих переговоров были созданы новые препятствия для расширения советского экспорта. В этой свя-

зи достаточно упомянуть постановление, регламентирующее импорт масла³³³, по которому Союзу ССР отведен столь малый контингент, что выручка от советского экспорта в Германию в 1933 г. сократится на 17 млн. германских марок.

Как известно, в прошлом году представители Правительств обеих стран подписали протокол*, в котором предусмотрены конкретные меры по расширению советского экспорта в 1932 г. К сожалению, приходится констатировать, что постановления упомянутого протокола не претворены в жизнь, а такие предусмотренные в протоколе мероприятия, как финансирование советского экспорта в Германию, снижение тарифов на советские товары, германской стороной практически не осуществлены.

Невыполнение декабрьского протокола и неудача ведущихся ныне переговоров** в условиях роста пассивного сальдо СССР в Германии создают серьезное положение. Ввиду этого было бы крайне необходимо достичь договоренности между обоими Правительствами на основе принципа определенного сбалансирования советских платежей в Германию и выручки от советского экспорта в 1933 г. Для практического осуществления соответствующих общих постановлений в новом соглашении следовало бы предусмотреть следующие основные конкретные мероприятия:

а) Немедленное установление глобальной суммы для финансовых операций советских организаций с денежными средствами по блокированным и замороженным счетам, которые создадут возможность сбыта товаров, выдачи задатков и т. д. в третьих государствах и которые могут потребоваться для платежей СССР в Германию. На переговорах Союзу ССР в качестве такой глобальной суммы была названа примерная цифра в 120 млн. германских марок.

б) Определение конкретной суммы с целью финансирования экспорта советских товаров путем варрантных, ломбардных и других временно предоставляемых кредитов для реализации советских товаров, находящихся в СССР.

с) Эффективные гарантии для существенного расширения экспорта советской нефти в Германию.

д) Определение дополнительного контингента экспорта советского масла в Германию, сверх установленного в последнем законе очень низкого контингента, в размере 10 000 т.

е) Гарантия освобождения советских пиломатериалов от запретительной пошлины по истечении [срока] германо-советского договора и гарантирование сбыта определенных контингентов советской древесины в Германии.

* См. т. XIV, док. № 386.

** См. док. № 487.

ф) Пролонгация заключенных на 1932 г. финансовых соглашений о платежах в германских марках, валоризации марки и т. д. * до 1933 г. включительно. Эту пролонгацию следовало бы осуществить без дальнейших промедлений, так как 1932 год подходит к концу.

г) Включение постановлений декабрьского протокола в новые соглашения о возобновлении контактов между представителями обоих Правительств в течение 1933 г. в целях изучения практических результатов постановлений, принятых в новых соглашениях, и о назначении двух представителей от каждого из обоих Правительств, которые должны быть уполномочены оказывать помощь путем непосредственных переговоров в деле устранения трудностей, могущих возникнуть в ходе переговоров между экономическими органами обеих сторон.

Все изложенные выше практические мероприятия составляют часть общего комплекса средств, которые ведут к известному балансированию советских платежей в Германии и выручки от советского экспорта в 1933 г. Это балансирование должно явиться основным принципом дальнейшего развития советско-германских экономических отношений.

Печат. по арх.

490. Сообщение советской печати о судьбе интернированных из бывшей армии генерала Су Бин-вэня

21 декабря 1932 г.

На днях имел место обмен мнениями между заместителем народного комиссара по иностранным делам г. Л. М. Караханом и членом китайской делегации в Москве г. Ван Цзэн-сы по вопросу о судьбе интернированных из бывшей армии Су Бин-вэня **.

Тов. Карахан сообщил г. Ван Цзэн-сы, что на территорию СССР из Маньчжурии перешло 2890 военных и 1200 гражданских лиц (в том числе 347 женщин и 306 детей). Советское правительство разрешило выехать указанным выше лицам из пределов СССР, но, как выяснилось потом, у них не оказалось средств ни на выезд, ни на жизнь в СССР. Тов. Карахан заявил, что Советское правительство не считает возможным перевозить и содержать интернированных бесплатно, ввиду чего оно надеется, что китайское правительство позаботится насчет снабжения их необходимыми средствами. Тов. Карахан добавил при этом, что до разрешения этого вопроса Советское

* См. док. № 198, 230.

** См. док. № 472.

правительство вынуждено держать всех перешедших из Маньчжурии на территорию СССР в качестве интернированных в районе Томска.

Г-н Ван обещал немедленно сообщить об этом в Нанкин китайскому правительству³³⁴.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 351 (1921), 21 декабря 1932 г.*

491. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Внешней Торговли СССР с заведующим отделом торговли Департамента экономики Швейцарии Стукки*

21 декабря 1932 г.

Стукки пришел ко мне в торгпредство 21 декабря для неофициальных переговоров, которые он просил держать пока в секрете.

Он заявил, что хотя и является принципиальным противником советской системы, однако вынужден вступить с нами в переговоры, так как развития торговых отношений с нами требуют и аграрные круги Швейцарии, на которых повлияли произведенные нами закупки сыра, и промышленные круги, обращающиеся к правительству за получением компенсационных для нас контингентов в обмен на наши заказы.

Стукки заявил, что необходимо как-то урегулировать торговые отношения Советского Союза с Швейцарией. По словам Стукки, в 1932 г. для Советского Союза были выделены импортные (в Швейцарию) контингенты наравне с прочими странами в размере ввоза в Швейцарию в 1931 г. Помимо использования этих контингентов Советский Союз получал контингенты как компенсацию за свои закупки в Швейцарии. Швейцарское правительство решило, начиная с 1 января 1933 г., никаких контингентов Советскому Союзу не давать иначе, как в компенсационном порядке. Поэтому необходимо сейчас договориться, на какой базе будет получать Советский Союз контингенты для экспорта в Швейцарию и каково должно быть соотношение между советским экспортом в Швейцарию и советским импортом оттуда. Стукки при этом предложил установить примерно глобальные суммы наших заказов в Швейцарию.

В ответ я заявил Стукки, что устанавливать глобальные суммы невозможно. Размеры нашего экспорта в Швейцарию зависят не только от размера предоставленных нам контингентов, но и от рыночных условий; с другой стороны, размеры

* Беседа состоялась в Берлине; И. Я. Вейцер одновременно являлся торговым представителем СССР в Германии.

нашего импорта зависят от тех условий, которые мы можем получить от швейцарских промышленников в первую очередь, от возможности обеспечить соответствующее финансирование наших заказов и от цен.

Стукки заявил, что он вполне понимает важность вопроса с финансированием наших заказов, что этим вопросом он занимается лично. Швейцарские промышленники в финансовом отношении слабы, придется в этом финансировании часть риска взять на себя правительству, либо возложить на общины или банки. Стукки полагает, что вопрос с финансированием удастся уладить.

В результате разговора со Стукки мы пришли к следующим принципиальным положениям:

1. Против наших заказов в Швейцарию мы получаем разрешения на ввоз в Швейцарию товаров, запрещенных к ввозу, в определенном процентном соотношении к сумме заказа. В случае увеличения списка запрещенных к ввозу товаров, это соотношение соответственно повышается. Товары, свободные от запретов, мы продолжаем ввозить беспрепятственно.

2. В результате долгих разговоров Стукки предложил соотношение между нашим импортом из Швейцарии и экспортом туда установить равное 1 к 1,5. Я предложил это соотношение установить равным 1 к 1,7. Стукки далее указал, что будет несправедливым, если мы свободные к ввозу товары (которые, по его подсчетам, составляют около 30%* нашего общего экспорта в Швейцарию) будем ввозить без всяких компенсаций с нашей стороны, и предложил либо выдавать в виде компенсации дополнительные заказы, либо учесть в ввоз свободных товаров в установленном соотношении между экспортом и импортом. Я заявил Стукки, что, по нашим подсчетам, свободные товары составляют не более 15—20% нашего общего ввоза в Швейцарию и что лучше их учесть в соотношении.

Таким образом, то соотношение, которое он предлагает, будет не 1 к 1,5, а меньше, в соответствии с тем удельным весом, который занимают в нашем экспорте в Швейцарию свободные (не запрещенные) товары, что он обещал подсчитать и сообщить.

3. Вышеуказанное соотношение регулируется периодически (поквартально, положим) таким образом, что в начале квартала нам выделяется провизорный контингент, мы в свою очередь приступаем к размещению заказов, а в конце квартала происходит подсчет и, если наши заказы по отношению к экспорту будут выше обусловленного соотношения, нам

* В тексте ошибочно — 30—30%.

выделяется в следующем квартале дополнительный контингент, если же они будут меньше, соответственно повышаются наши обязательства по заказам на следующий квартал.

4. Стукки далее заявил, что наша практика заключения с швейцарскими фирмами монопольных договоров не отвечает интересам швейцарского хозяйства в целом. При ограниченности импортных контингентов Швейцарии выгоднее распределить их по разным фирмам, а не сосредоточивать в руках одной фирмы. Я заявил Стукки, что мы не являемся принципиальными сторонниками монопольных договоров и не настаиваем на обязательном их заключении.

5. Для урегулирования наших взаимоотношений в отношении I квартала 1933 г., поскольку на I квартал мы никаких контингентов на ввоз в Швейцарию наших товаров не получили, и до окончания общих переговоров мы согласовали следующее.

На I квартал 1933 г. для нас выделяются контингенты в размерах фактического нашего ввоза в Швейцарию в I квартале 1931 г. Мы в свою очередь по заказам I квартала отказываемся от тех частичных компенсаций по отдельным заказам, которые мы требуем. По истечении I квартала будет произведено выравнивание на основе общего соглашения, если оно состоится. Сделка с «Кезеунион»³³⁵ остается вне рамок общего соглашения, и те компенсации, которые по этой сделке получаем, не входят в общее соотношение.

В конце беседы Стукки просил прислать ему лично в Женеву в ближайшие дни наш проект соглашения для окончательного согласования³³⁶.

Замнаркомвнешторг
Вейцер

Печат. по арх.

492. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

*Немедленно
21 декабря 1932 г.*

Сегодня окончательно подписан договор между «Экспортлесом» и английским объединением лесоимпортеров на поставку 435 000 стандартов пиломатериалов в 1933 г. Обе стороны обязались держать данные факты пока в секрете.

Судя по многим признакам, миссия Беннета³³⁷ в Англии не увенчалась большим успехом.

Полпред

Печат. по арх.

493. Письмо Полномочного Представителя СССР в Германии
Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР Н. Н. Крестинскому

22 декабря 1932 г.

Дорогой Николай Николаевич,

В переговорах за последние дни наступило некоторое обострение. Несмотря на то что Шлейхер и Нейрат в разговоре с М. М. Литвиновым* как будто проявляли готовность идти навстречу нашим пожеланиям, ни одно из наших требований фактически не удовлетворено.

Несколько слов по отдельным вопросам.

1. Финансовые операции. На вчерашнем заседании комиссии Хэя, о котором пишет г. Александровский, немцы предложили нам формулу по финансовым операциям, при сем прилагаемую. Формулировка эта, как мы уже вчера заявили немцам на самом заседании, совершенно неприемлема. Подробный ее анализ — в прилагаемом заключении³³⁸. В своей формулировке немцы не только не улучшают существующее сейчас положение, но даже вводят известные ограничения специально для нас по отношению к правилам внутреннего законодательства. Они не назвали общей суммы по штильхальте, специально сослались на абзац 4 § 10 кредитного соглашения³³⁹, который дает Рейхсбанку право отклонить любую сделку. Таким образом, по штильхальте они нам фактически ничего не дали. По шперконто они, правда, назвали глобальную сумму в 60 млн., однако сопроводили это такими оговорками, которые делают использование шперированных** марок почти невозможным. Они делят глобальную сумму на месячные квоты, ограничивают наши права только старыми шперконто, число которых ограничено и стоимость которых резко повышается при спросе. В результате вручения этой формулы создалось довольно затруднительное положение. Немцы уверяют, что это их последнее слово и что Лютер ни на что больше не согласится. Мы же на эту формулировку пойти не можем, так как она нам ничего не дает по сравнению с существующим положением. Мейер, взволнованный нашей позицией на вчерашнем заседании, звонил сегодня Розенблюму, а затем Вейцеру и старался доказать, что эта формула для нас приемлема и что мы вчера у Нейрата согласились подписать финансовый протокол. Мы разъяснили Мейеру, что эта формула нас не устраивает, что мы готовы были подписать финансовый протокол, само собою разумеется, только в том случае, если немцы дадут согласие на глобальную

* См. док. № 487.

** — блокированных (нем.).

сумму по всем финансовым операциям. Мейер предложил по этому вопросу договориться Шлезингеру с Розенблумом. Мы согласились на этот разговор, подчеркнув, однако, что при [такой] позиции германской стороны не ожидаем от разговора результатов.

2. По экспортным кредитам ничего нового. Шварц говорит товарищам из торгпредства, что дело налаживается, в то же время Нейрат и Мейер ссылаются на то, что у нас нет товаров для залога. Мы разъясняем, что товары есть. Дело же не движется.

3. По нефти ничего нового.

4. По маслу — решительный отказ дать нам дополнительный ввоз. Сейчас в правительстве обсуждается новое мероприятие административного протекционизма — постановление об обязательной примеси маргарина к маслу. Это, с одной стороны, содействие маргариновой промышленности, с другой стороны, дальнейшее сокращение ввоза масла. Характерно, что даже наше текущее пожелание перенести декабрьский контингент по маслу (311 т) на январь (в декабре мы ввозим по ст. 14 Экономического соглашения* и формально не используем своего контингента) немцами пока отклоняется.

5. Лес. От разговоров о будущей пошлине по пиломатериалам немцы пока уклоняются. По балансам закон об ограничении ввоза еще не принят, но обсуждался на вчерашнем заседании кабинета. Несомненно, что мероприятие, о котором говорил Риттер Александровскому и Розенблуму, будет проведено в жизнь. Сейчас у нас намечено заключение договоров (часть договоров уже заключена) с рядом фирм на 258 тыс. р.к.с.** Сумеет ли мы получить н.лн, вернее, сумеют ли фирмы получить лицензии на все эти договоры, еще не ясно.

6. По вопросу о продлении финансового соглашения 1932 г.*** на 1933 г. немцы сегодня в конце дня дали по телефону положительный ответ. Брейтингам**** сказал Розенблуму, что Рейхсбанк дал согласие на продление этих соглашений на будущий год в неизменном виде. Поскольку, однако, такие заявления немцами уже делались неоднократно по другим вопросам, мы до получения письменного подтверждения не предаемся особому оптимизму и по этому вопросу.

7. Из записки т. Александровского Вы усмотрите, что серьезным вопросом разногласий с немцами является вопрос о том, как нам формально закончить комиссию Хэя. Немцы

* См. т. VIII, док. № 342, стр. 589—600.

** — русских кубических сажений.

*** См. док. № 200.

**** Легационный секретарь IV отдела МИД Германии.

хотят заставить нас подписать длинный протокол, в котором излагались бы наши пожелания и рассуждения немцев, почему они не могут пойти нам навстречу. Мы, конечно, отказываемся от подписания такого протокола, так как это подписание в известной мере закрыло бы нам дорогу к новым переговорам. Между тем мы, конечно, не считаем вопросы разрешенными разговорами в комиссии Хэя. Мы предлагаем либо констатировать, что комиссия закончила свои работы безрезультатно, не подписывая никакого протокола, либо подписать формальный протокольник, в котором будет указано, что комиссия просмотрела такие-то и такие вопросы, не пришла к согласованным решениям и предоставляет эти вопросы последующим переговорам. Немцы в комиссии решительно отклоняют оба наших варианта. Хэй и Виллнке явно опасаются этой нашей позиции с точки зрения своей личной карьеры. Они боятся обвинений в неумении вести переговоры с нами. Для того чтобы замаскировать эти свои личные соображения, они ссылаются на общеполитические интересы, доказывая, что ни нам, ни немцам невыгодно закончить комиссию ничем, поскольку известие о безрезультатности переговоров нельзя было бы скрыть от общественности. Мы здесь считаем обратное. Мы не заинтересованы в том, чтобы скрывать, что комиссия Хэя не пришла ни к каким результатам. Напротив, мы хотим показать германским промышленникам, что переговоры до сих пор были безрезультатны и что нужен коренной перелом настроения правительства и правящих групп. Поэтому мы будем настаивать на наших предложениях по окончанию работ комиссии Хэя.

8. Вчера я отправил Шлейхеру меморандум о состоянии наших хозяйственных дел*, ссылаясь на договоренность по этому вопросу с ним М. М. Литвинова. Копию этого меморандума при сем Вам направляю. Вчера же я был у Нейрата и разговаривал с ним по всем делам. Запись беседы идет этой почтой. Разговор не дал ничего нового. Единственное положительное — это согласие Нейрата обсуждать вопрос о равновесии наших платежей и выручки от экспорта. Как это практически сделать — должен наметить Шлезингер. По этому вопросу пишу Вам особо³⁴⁰.

С товарищеским приветом

Л. Хинчук

Печат. по арх.

* См. док. № 489.

**494. Памятная записка Торгового Представителя СССР в
Италии М. А. Левенсона Заместителю Министра Корпора-
ций Италии Асквини**

22 декабря 1932 г.

Ссылаясь на беседу, которую я имел с Вашим Превосходительством 15 декабря, а равно на сообщения, сделанные мне г. Анцилотти 20-го с. м.³⁴¹, я имею честь довести до Вашего сведения о положении переговоров по заключению нового договора в настоящий момент.

СССР предложил следующую базу для эвентуального нового соглашения: 1. Возобновление соглашения от 27 апреля 1931 г.* в отношении итальянского экспорта в СССР с некоторыми изменениями длительности кредитов по некоторым статьям, по каковым итальянская комиссия считает кредиты слишком длительными. Сумма нового соглашения будет фиксирована по соглашению сторон. 2. Устранение препятствий, тормозящих нормальное развитие советского экспорта в Италию, в частности зерна, леса и других продуктов, а равно заверение, что договоры (контракты), заключенные Торгпредством СССР в Италии с итальянскими фирмами, не встретят препятствий к их свободному выполнению (развитию от эвентуальных правительственных ограничительных мер). 3. Отказ со стороны СССР от некоторых тарифов, консолидированных в таможенной конвенции от 7 февраля 1924 г.**, поскольку эти статьи не наносят ущерба жизненным интересам советского экспорта.

В виде компенсации Италия предоставит СССР право наибольшего благоприятствования.

Итальянская комиссия, возглавляемая г. Анцилотти, опять повторила 20-го с. м. свои первоначальные позиции, каковые, как я уже имел случай сообщить Вашему Превосходительству, не могут быть нами приняты в качестве базы для конкретных переговоров.

Ни принципы балансирования товарообмена между обменными странами, даже с соответствующим допуском, ни назначение паритетной комиссии для регулирования указанного товарообмена не могут быть приняты СССР.

В целях ускорения имеющих место переговоров я считаю целесообразным предложить Вашему Превосходительству положить в основу дальнейших переговоров те критерии, на которых до сих пор базировались торговые отношения между Италией и СССР, учитывая необходимость исправить их согласно изложенному в перечисленных выше трех пунктах***.

Печат. по арх.

* См. т. XIV, док. № 135.

** См. т. VII, док. № 39.

*** См. также док. № 445, 504.

В ответной памятной записке Асквину на имя М. А. Левенсона от 27 декабря 1932 г. говорилось:

«Г-н Левенсон, торговый представитель СССР в Италии, в промемории от 23 декабря * с. г. любезно информировал, что

«Первоначальные (исходные) позиции итальянской делегации, назначенной для ведения переговоров о новых итало-советских экономических соглашениях не могут быть приняты СССР в качестве базы для конкретных переговоров» и что, в частности, не могут быть приняты «ни принцип балансируемого товарообмена обеими странами, даже с необходимыми допусками, ни назначение паритетной комиссии для регулирования указанного товарообмена» **.

По этому поводу необходимо напомнить, что основы, предложенные итальянской стороной в марте — апреле с. г., в целях консолидирования торговых отношений между Италией и СССР и дачи им всего того роста, которого они могут достигнуть, не были благоприятно встречены советской делегацией, которая взяла на себя инициативу прекратить переговоры.

В течение текущих переговоров итальянские делегаты вновь дали доказательства желания Королевского Правительства сделать всевозможные попытки, чтобы постараться достигнуть соглашения, удовлетворительного для обеих сторон, представив предложения, являющиеся максимальной уступкой, которая итальянской стороне кажется возможной сделать.

Сообщение, сделанное сейчас г. Левенсоном, отредактировано в таких четких (дословно: эксплицитных) выражениях, которые свидетельствуют о бесплезности какой бы то ни было дальнейшей попытки достигнуть соглашения.

Итальянские делегаты поэтому представили К[оролевскому] Правительству состояние переговоров для принятия тех решений, которые оно считает нужным».

495. Опровержение ТАСС коммюнике Военного министерства Японии и сообщения агентства Симбун Рэнго

24 декабря 1932 г.

Коммюнике японского военного министерства, опубликованное в Токио 23 декабря, и сообщение агентства Симбун Рэнго лишены всякого основания³⁴². Как уже было опубликовано в советской прессе^{***}, генерал Су Бин-вэнь со всеми своими офицерами и солдатами находится в качестве интернированного в районе Томска. Ни сам генерал Су, ни какие-либо его офицеры и солдаты не выезжали и пока не выезжают из Томского района ни в Москву, ни в какой-либо другой пункт СССР.

Дальнейшая их судьба находится в зависимости от обмена мнениями, который по этому вопросу имеет место между Советским и китайским правительствами.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 354 (4924), 24 декабря 1932 г.*

* Имеется в виду памятная записка от 22 декабря.

** Так в тексте; памятная записка торгпреда СССР от 22 декабря цитируется неточно.

*** См. док. № 490.

496. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

24 декабря 1932 г.

Вчера Поль-Бонкур * был у меня с первым визитом. Сегодня я ему ответил. Бонкур заверял, что будет продолжать политику франко-советского сближения, и просил передать привет Литвинову. Бонкур сообщил, что изучает вопрос о том, ратифицировать ли пакт ** через парламент или путем президентского декрета. Он намекнул, что его связывает решение Эррио провести пакт через парламент, и сказал, что если он пойдет по этому пути, то сделает это в январскую сессию парламента.

Завтра выезжаю на юг Франции. Вернусь в Париж 4 января.

Довгилевский

Печат. по арх.

497. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

24 декабря 1932 г.

Иракский посланник, который сегодня выезжает в Багдад, намерен беседовать с королем об отношениях с нами. Он заявил, что не верит в опасность нашей пропаганды и является сторонником установления с нами нормальных торговых отношений. Результаты беседы обещал сообщить по возвращении. Условились, что наш разговор на эту тему носит совершенно неофициальный характер ³⁴³.

Астахов

Печат. по арх.

498. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Турции Г. А. Астахову

25 декабря 1932 г.

Поведение турецкого делегата в Лиге наций и отчасти разговоры с Вами Тевфика Рюшту заставляют сомневаться в правильном понимании Турцией нашего отношения к дальне-

* Председатель совета министров и министр иностранных дел Франции с 19 декабря 1932 г.

** См. док. № 456.

восточной проблеме, что теперь особенно важно ввиду поездки Мацуока в Турцию. Предлагаю Вам поэтому незамедлительно разъяснить Тевфику Рюштю нижеследующее. В силу своего миролюбия мы придерживаемся политики невмешательства в японо-маньчжурский конфликт, но из этого не следует, что мы одобряем японскую агрессию или что мы равнодушны к приближению Японии к нашим границам. Несмотря на наше миролюбие, отношения с Японией все время остаются весьма натянутыми. Вся ее политика и отказ от пакта о ненападении (можете конфиденциально сообщить Тевфику Рюштю, что этот отказ нам на днях заявлен формально*) указывают на возможность распространения японской агрессии и на СССР. При таких обстоятельствах мы отнюдь не заинтересованы в том, чтобы Япония не встречала по пути своей агрессии никаких затруднений или чтобы ей легко удавалось преодолевать затруднения со стороны Америки, Лиги наций или кого бы то ни было. Мы не сотрудничаем с Лигой наций, критикуем ее пассивность и лицемерие, но более решительные меры с ее стороны мы не могли бы не приветствовать. Из этого Тевфик Рюштю, как и его делегат в Женеве, должны сделать надлежащие выводы. Мы на месте Турции заявили бы японцам, что, независимо от отношения и симпатий к Китаю, пока не будут улажены у Японии взаимоотношения с СССР и не будет устранена опасность столкновения между ними, они не могут рассчитывать на какую-либо поддержку Турции. Последнее подскажите Тевфику Рюштю в том случае, если он будет советоваться с Вами.

Литвинов

Печат. по арх.

499. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике А. Я. Охтину

25 декабря 1932 г.

Для сведения сообщается, что, по имеющейся у нас информации из Цицикара, в Солуни сосредоточено около 3 тыс. японских войск.

Карахан

Печат. по арх.

* См. док. № 483.

500. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Японии в СССР

26 декабря 1932 г.

В ответ на ноту от 20 сентября * сего года за № 171 Народный Комиссариат по Иностранным Делах имеет честь сообщить Японскому Посольству, что Правительство Союза Советских Социалистических Республик вынуждено подтвердить, что оно не считает возможным отменить постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 24 июля 1928 г. о пользовании радиоустановками на иностранных судах во время нахождения их в водах Союза.

Народный Комиссариат еще раз имеет честь обратить внимание Японского Посольства на то обстоятельство, что ст. 3 и 7 указанного Постановления обеспечивают судам, плавающим в Дальневосточных водах Союза ССР, возможность пользования радиоустановками в случаях, указанных в предшествовавшей ноте Народного Комиссариата от 23 июля с. г.**

Печат. по арх.

В ноте посольства Японии в СССР от 20 сентября 1932 г. № 171***, являвшейся ответом на ноту Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР от 23 июля 1932 г., в частности, говорилось:

«В упомянутой выше ноте Народного Комиссариата имеется указание на ст. 7 Постановления 1928 г. «О порядке пользования радиоустановками на иностранных судах во время нахождения их в водах Союза ССР». Однако эта статья касается лишь судов, находящихся в опасности, или передающих сообщение для предотвращения несчастья, или же судов, оказывающих помощь другим терпящим бедствие судам. Если принять во внимание то обстоятельство, что Александровск, Дуэ и Оха не имеют хорошего портового оборудования и что погода на Сахалинском побережье весьма сурова и переменчива, то является крайне необходимым для обеспечения безопасности судов предоставлять им возможность заранее, до приближения опасности, получать сведения о погоде и предупреждения. Что же касается указания на ст. 3 вышеуказанного Постановления, то, при наличии радиостанций в самих Александровске и Охе и при расстоянии Дуэ в 6—7 милях от радиостанции в Александровске, она неприменима в этих местах».

Далее в ноте говорилось:

«Ввиду вышензложенного, Японское Посольство вновь просит Народный Комиссариат не отказать в принятии японского предложения, изложенного в ноте от 5 июня с. г.»

* В тексте ошибочно — 2 сентября.

** См. док. № 297.

*** Нота передана на русском языке.

501. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочию Представителю СССР в Японии А. А. Трояновскому

27 декабря 1932 г.

Отдельной телеграммой посылаю Вам текст ответа на японскую вербальную ноту *, который предлагаю Вам вручить Утида немедленно³⁴⁴. Укажите при этом, что так как наше предложение о пакте было сделано совершенно гласно и открыто обсуждалось в течение года всей нашей прессой, как и прессой японской и заграничной, мы не находим возможным скрыть от нашего общественного мнения японский ответ. Мы поэтому считали бы желательным опубликование обмена нотами, но если Утида почему-либо решительно возражает против опубликования японской ноты, то нам придется опубликовать только ответ.

Литвинов

Печат. по арх.

502. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с советником Посольства Японии в СССР Амо

27 декабря 1932 г.

Я вызвал Амо, чтобы сообщить ему наш ответ о перевозке японских войск до станции Пограничная³⁴⁵. Я заявил ему, что Советское правительство согласно в принципе на перевозку небольшого количества японских войск до станции Пограничная и что в этом смысле нами дано указание в Харбин, где надлежит сговориться о технике этого дела. На вопрос Амо, что мы имеем в виду под «небольшим количеством войск», я ему сказал, что так формулировано решение правительства и я не имею ничего добавить к нему. Если бы японское правительство сообщило нам количество войск, которое оно собирается перевозить, тогда было бы легче дать ответ на его вопрос. Амо сказал, что ему не известно количество войск, предположенных к переброске, и что он о нашем ответе немедленно будет телеграфировать в Токио.

После этого он перешел к вопросу о пакте, сославшись на то, что во время свидания Ота с Литвиновым³⁴⁶ последний указал, что мы стоим за опубликование ответа японского правительства, отклоняющего заключение пакта в настоящее время. Амо, оговорившись, что хотя по этому вопросу инструкции даны т. Трояновскому для переговоров с японским правительством, тем не менее хотел бы высказать некоторые

* См. док. № 483.

личные соображения. Амо думает, что хорошо было бы не публиковать ответ японского правительства, пока японское правительство не примет окончательного решения. Опубликование ответа японского правительства произвело бы плохое впечатление, тем более что это не есть окончательное отклонение нашего предложения о пакте, а лишь признание несвоевременности его заключения в настоящее время.

Я ему ответил, что предложение было сделано год тому назад *, что японское правительство только теперь нашло возможным ответить нам официально на наше предложение, причем полученный нами ответ мы не можем рассматривать иначе, как отклонение нашего предложения. Ответ японского правительства не может быть понят иначе. Если Амо думает, что японское правительство не возражает в принципе против пакта, но готово было бы заключить его лет этак через 10, то такой ответ нельзя было бы рассматривать иначе, как отклонение пакта. Поскольку из ответа японского правительства не видно, почему пакт несвоевременен в настоящее время, и не видно также, когда, в какое время японское правительство считает своевременным его заключение, я лично считаю ответ японского правительства отрицательным, но облеченным в такую «дипломатическую» форму, которая, по-видимому, рассчитана на то, чтобы замаскировать отказ от пакта. Амо, конечно, понимает, что наше общественное мнение придает громадное значение заключению пакта с Японией. В течение целого года наша пресса посвящала этому вопросу серьезное внимание, и мы не вправе скрыть от нашей страны ответ, который мы получили от японского правительства.

Амо ответил, что при заключении пактов с Польшей и Францией мы не публиковали ничего до тех пор, пока пакты не были подписаны. Почему же, когда речь идет о пакте с Японией, мы торопимся с опубликованием и настаиваем на опубликовании японского ответа? Амо сказал мне, что для него является до сих пор странным и непонятным следующий факт. Когда в декабре 1931 г. мы сделали предложение о пакте, мы одновременно поручили т. Трояновскому выяснить мнение японского правительства к нашему предложению до того, как Носидзава прибыл в Токио и имел возможность доложить о нашем предложении, и, не дождавшись решения японского правительства, опубликовали о нашем предложении в советской прессе **. У Амо такое впечатление, что мы в вопросе о пакте с Японией занимаем какую-то особенную позицию и не держимся обычной практики, применяемой нами в отношении других государств. Я ему ответил, что он просто

* См. т. XIV, док. № 401.

** См. док. № 22.

не знает фактов, когда говорит, что мы ничего не печатали о пакте с Францией и Польшей до опубликования. Если он просмотрит нашу прессу, то он убедится в том, что до подписания пакта с Францией и Польшей наша пресса уделяла этому вопросу немалое внимание. Поэтому его ссылка на Францию и Польшу просто противоречит фактам.

Что же касается опубликования нашего предложения в январе 1932 г., до того, как японское правительство дало нам на него ответ, то мне не совсем понятно, почему Амо нашел необходимым сослаться в настоящее время на этот факт. Мне кажется, он не имеет никакого отношения к тому вопросу, который сейчас стоит перед нами. Если Амо думает, что мы поступили неправильно, дав сообщение в прессу о нашем предложении до того, как японское правительство дало нам ответ, то тогда японское правительство должно было бы считать правильным сообщение в прессу об ответе японского правительства теперь, когда оно наконец ответ дало. Во всяком случае то, что говорит Амо, заключает внутреннее противоречие. Опубликование нами факта нашего предложения не требует никакого оправдания, ибо оно является совершенно естественным и разумным актом. Мне кажется, что Амо, который является сторонником заключения пакта, должен был бы сочувственно отнестись к факту такого опубликования, ибо широкая огласка нашего предложения лишь облегчает задачу тем, кто хочет укрепления дружественных отношений между Японией и СССР и заключения пакта между этими странами. Что же касается соображений Амо, что такого рода опубликование не является обычной практикой, то должен сказать, что опубликование всякого рода сообщений, касающихся переговоров между двумя странами, как раз является обычной практикой в Японии. Всего только недавно я обращал внимание г. Амо на то, что переговоры, которые он вел со мной, давались в печать представителем министерства иностранных дел, и, к сожалению, в искаженном виде, что вызвало возмущение даже со стороны Амо и его протест перед японским министерством иностранных дел. Наконец, я напому ему последний случай, когда японские газеты и японское министерство иностранных дел опубликовали сообщение о наших переговорах, касающихся генерала Су Бин-вэня *. За все время существования наших отношений, и в особенности если взять последний год, можно проследить по японской прессе, как сообщения о всех фактах, касающихся взаимоотношений между обеими странами, переговоров, имевших место между обеими странами, публиковались японской прессой с мельчайшими подробностями. И, что еще хуже, сплошь и рядом

* См. соответственно док. № 453, 495.

такого рода сообщения по тем или иным соображениям искажали то, что в действительности имело место. В случае же, который мы обсуждали с г. Амо, речь идет об опубликовании ответа японского правительства по важнейшему вопросу, касающемуся взаимоотношений обеих стран. При той практике, которая установлена с японской стороны в вопросе о публикациях, меньше всего эта сторона могла бы иметь возражения против опубликования такого важного факта. Во всяком случае, я должен заявить Амо, что мы этого важного факта не можем скрыть от нашей страны.

Амо в ответ заявил, что если мы это опубликуем, это произведет плохое впечатление и окажет плохое влияние на взаимоотношения обеих стран.

Я ему ответил, что плохое впечатление производит не опубликование этого факта, а то, что этот факт имел сам по себе место. Плохо не то, что об этом будут знать народы наших стран, а плохо то, что японское правительство отклонило наше предложение. И плохому делу не помочь тем, что мы будем скрывать его существование*.

На этом мы закончили беседу, при этом Амо подчеркнул, что он не имел никакого поручения своего правительства и говорил в совершенно личном порядке.

Я ему ответил, что я тоже не имел никакого поручения правительства и высказывал ему только личные соображения.

Амо спросил, верны ли сообщения некоторых газет, что будто Литвинов и Иен парафировали пакт о ненападении. Я опроверг это, указав, что переговоры о пакте ненападения между Китаем и СССР еще не начинались. На вопрос Амо, имеются ли у нас по этому поводу какие-либо решения, я указал, что ему хорошо известна наша пактовая политика, мы считаем целесообразным заключение пактов со всеми странами, и в особенности с соседними странами. Естественно, у нас нет возражений и против заключения пакта с Китаем. Китайское правительство знает об этом нашем мнении. Амо спросил, где будет находиться наш посол, в Пекине или Нанкине.

Я ему ответил, что у нас нет никакого решения по этому вопросу, но я лично думаю, что посол должен находиться там, где резиденция правительства, при котором он аккредитован. На мой вопрос, где находится резиденция японского посланника в Китае, Амо сказал, что он находится в Шанхае, наезжая в Нанкин. Так как Амо был в составе японской миссии в Китае, он был настолько любезен, что дал ряд практических советов для будущего нашего посольства в Китае.

Карахан

Печат. по арх.

* См. также док. № 483, 501.

503. Протокол [об учреждении монгольско-советского акционерного общества по оптовой торговле]

[27 декабря 1932 г.]

Полномочный Представитель Союза Советских Социалистических Республик Охтин Андрей Яковлевич и Премьер-Министр Монгольской Народной Республики Гендун *, обсудив совместно вопрос о формах организации торговли между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой, исходя из имеющихся соглашений между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой, признали необходимым нижеследующее:

1. Создать с 1 января 1933 г. по европейскому летосчислению или 1-го дня 1-й луны по монгольскому исчислению 23 г. Смешанное акционерное общество по оптовой торговле в Монгольской Народной Республике, именуемое Монгольско-Советское акционерное общество по оптовой торговле в МНР. Сокращенно «Монгсовбунер».

2. Основной капитал вышепоименованного Общества составить из равных долей, вносимых договаривающимися сторонами.

3. Порядок работы вышепоименованного Общества, устав, сроки действия, размеры основного капитала и прочие организационные вопросы, определить специальным соглашением между Правительствами Союза Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республики.

4. Во главе Общества учредить Правление в составе пяти человек из коих Председатель Общества и два члена Правления предлагаются Правительством Монгольской Народной Республики. Два члена Правления (один из коих Заместитель Председателя Общества он же директор-распорядитель) предлагаются Правительством Союза Советских Социалистических Республик.

5. Впредь до образования Правления Торговому представительству СССР в МНР и Министерству Торговли и Промышленности МНР выделить Организационное Бюро из трех лиц, из коих двух членов Организационного Бюро выделяет Министерство и одного Торговое Представительство.

6. Обеим договаривающимся сторонам в кратчайший срок заключить договор о работе Смешанного акционерного общества по оптовой торговле в Монгольской Народной Республике³⁴⁷.

* В тексте Гендун.

Настоящий Протокол составлен на русском и монгольском языках и вступает в силу с момента его подписания.

1932 года 27 декабря по европейскому исчислению и 22 года 27-го дня 12-й луны по монгольскому исчислению.

Город Улан-Батор.

А. Охтин

Гендун

*Печат. по арх. Опубл. с сокращением в сб.
«Советско-монгольские отношения 1921—
1956 ...». М., 1956, стр. 69—70*

504. Запись беседы Полиомочного Представителя СССР в Италии со Статс-секретарем Министерства Иностранных Дел Италии Сувичем

30 декабря 1932 г.

Беседа состоялась в МИД. Предметом ее явилось положение итало-советских торгпереговоров*.

Итало-советские переговоры в оценке полпреда. Полпред сообщил Сувичу, что явился к нему для беседы о состоянии итало-советских торговых переговоров. Сам полпред не принимает в них непосредственного участия. Однако он находится в их курсе и должен сказать, что направление, принятое ими, представляется ему неожиданным и нежелательным. До сих пор полпред был убежден, что, несмотря на действие мирового кризиса, итало-советские торговые отношения развивались вполне благоприятно. В особенности это следует отнести к Италии, которая за два последних года почти утроила свой вывоз в Советский Союз и расчетный баланс которой к концу 1932 г. свелся к пассивному сальдо для итальянской стороны в столь незначительном размере, как 39 млн. лир с небольшим. Для СССР динамика этого развития была менее благоприятной. За последние годы экспорт из Союза по некоторым статьям начал убывать, причем зависело это в значительной мере от таможенных стеснений (касающихся фанеры) и от тех распоряжений итальянского правительства, коими оказывалось покровительство некоторым отраслям национального производства (например, итальянской пшенице мягких сортов). Можно было ожидать, что начатые экономические переговоры обеспечат дальнейший рост итало-советского экономического сотрудничества, внеся лишь некоторые улучшения в ныне действующий торговый режим. К сожалению, пока эти надежды не оправдались. Представителями итальянской стороны выдвинуты требования, принципиально непримлемые

* См. док. № 445, 464, 494.

для СССР и сформулированные притом в неприменимой и ультимативной постановке. Дело идет о построении итало-советских торговых отношений на принципе нетто-баланса, с незначительным отклонением (толеранцей) в пользу той или иной стороны, и об организации смешанной паритетной комиссии для регулирования такой торговли. Может быть, в отношении тех стран, которые имеют в торговле с Италией подавляющий актив, указанные требования итальянского правительства и представляются естественными. Однако они отнюдь не вытекают из существа итало-советских торговых отношений, развивающихся столь благоприятно для Италии и имеющих все признаки здорового роста. Представители итальянской стороны заявляют, что в настоящее время Италия ведет торговые переговоры с целым рядом стран и что для итальянского правительства желательно в соглашении с СССР, в порядке прецедента, провести принципы нетто-баланса и отмены консолидированных ставок, обеспечивающие Италии полную свободу таможенной политики. Однако непонятно, почему итальянское правительство начинает свою пробу именно с СССР, пытаясь подчинить итало-советскую торговлю стеснительным ограничениям и бюрократическим формам. Ведь и Советское правительство ведет сейчас торговые переговоры с другими странами, например с Англией; естественно, что оно стоит в этих переговорах на известных принципиальных позициях, которые не могут быть сданы в Италии, на этом благополучнейшем для обеих сторон участке международного торгового фронта. В интересах самой Италии — не производить на этом участке никаких рискованных экспериментов. Ей удобнее и легче сговариваться с другими странами, обеспечив свои экономические отношения с СССР. Если бы порвалось это наиболее здоровое звено в цепи международных торговых отношений Италии, прочие государства, ведущие сейчас переговоры с итальянцами, оказались бы в выигрышном положении, и тон их требований сразу повысился бы. Эти контрагенты не могли бы не учесть того, что, нарушая нормальные экономические отношения с СССР, Италия рисковала бы потерять советские заказы, обречь на бездействие значительную часть своего торгового тоннажа, ныне фрахтуемого Советами, лишиться снабжения себя советской нефтью, углем и сырьем, что вынудило бы ее искать возмещения всех этих статей со стороны других государств, которые, несомненно, использовали бы в своих интересах такое положение. Так как в комплексе итало-советских отношений экономическое сотрудничество этих стран играет существеннейшую роль, укрепляя и политические связи между ними, всякое колебание в области итало-советской торговли могло бы иметь неблагоприятные последствия и для международного положения обоих государств. Во всяком

случае, такое колебание могло бы быть истолковано как ослабление того контакта, который за последние годы установился между Италией и СССР. При таких условиях обе стороны одинаково заинтересованы в том, чтобы начавшиеся экономические переговоры в кратчайший срок закончились дружественным соглашением. Полпред считает своей обязанностью подчеркнуть, что отнюдь не жалуются на представителей итальянской стороны, ведущих упомянутые переговоры. Несомненно, они весьма добросовестно выполняют свой долг, защищая позиции, определяемые директивами руководящих органов итальянского правительства. Однако когда обе стороны ясно сформулировали свои требования и остановились на них, ожидая дальнейших директив, которые позволили бы найти базу для соглашения, желательно, чтобы в этот момент руководящие органы итальянского правительства, в частности МИД, оказали содействие нормальному выходу из такого положения. Полпред надеется, что Сувич пойдет навстречу такому пожеланию, считаясь с необходимостью сохранить и еще упрочить итало-советское экономическое и политическое сотрудничество.

Сувич ответил полпреду, что какие бы затруднения ни возникали временно в области экономических взаимоотношений Италии с СССР, они ни в каком случае не могут затронуть политического сотрудничества этих государств. Сувич не может скрыть от полпреда, что представители итальянской стороны весьма пессимистически оценивают положение переговоров. Они считают, что советские делегаты недооценивают экономических затруднений Италии, которая вынуждена во что бы то ни стало выравнивать свой торговый баланс со всеми странами, чтобы не допустить инфляции и крушения всей своей финансовой системы. В отношении СССР «технические министерства», т. е. минфин и министерство корпораций, формулируют следующие опасения. Во-первых, слишком велика и слишком долгосрочна задолженность СССР по заказам и кредитам в Италии. Необходимо пересмотреть такое положение, дабы не подвергать финансовое хозяйство страны риску чрезмерного напряжения. Во-вторых, советская система монополии внешторга ставит Италию в положение слабой стороны и сводит на нет принцип взаимности и равенства, которым должны определяться нормальные экономические взаимоотношения двух стран. В-третьих, итальянский рынок рискует быть наводнен советским экспортом, объем и структура которого не поддаются заранее никакому учету. В-четвертых, практикуемые Советами цены на экспортные товары, в особенности лес, вносят пертурбацию на внутренний рынок и наносят ущерб национальным лесопромышленникам и лесоторговцам. Минфин и министерство корпораций настаивают на

необходимости подвести новую базу под итало-советские экономические отношения. В таком пересмотре их принципов Сувич не видит ничего чрезвычайного или опасного. Сейчас это происходит повсеместно. Необходимо строго соблюдать различие между экономикой и политикой. Нетак давно Италия находилась в состоянии экономической войны с Германией. Однако это не мешало Муссолини со всей энергией поддерживать ту же Германию политически. Во всяком случае, МИД примет все меры к тому, чтобы предупредить потрясение итало-советских экономических отношений. Сувич обещает лично заняться этим делом. Он поручит директору экономического департамента Чанкарелли изучить весь материал, относящийся к итало-советским переговорам, и доложить ему, чтобы выяснить возможности достигнуть соглашения. Если бы последнее не удалось и Италии пришлось бы поставить вопрос о радикальном пересмотре существующих торговых взаимоотношений между обеими странами или даже принять известные меры временного порядка для обеспечения своих торговых интересов — никаких нежелательных последствий для политического сотрудничества Италии с СССР такое положение не имело бы.

Полпред выразил надежду, что интервенция МИД в итало-советские экономические переговоры может им придать благоприятное направление и устранил из них всякий элемент узковедомственной ограниченности.

[В. Потемкин]

Печат. по арх.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Статистические данные по внешней торговле СССР за 1932 г.*

*Таблица III-в***

СВОДКА ДАННЫХ ВЫВОЗ И ПРИВОЗ ТОВАРОВ ПО ГОСУДАРСТВАМ И СТРАНАМ

Наименование государств и стран		Тонны	Январь — декабрь 1932 г.			
			тысячи рублей			
			I гр.	II гр.	IV гр.	итого эквив. III гр.
1	2	3	4	5	6	7
Австралия	вывоз	3 534	—	76	—	76
	привоз	85 539	4 017	1 814	0	5 861
Австрия	вывоз	14 177	167	940	186	1 293
	привоз	4 352	—	713	3 299	4 010
Англия	вывоз	4 265 170	57 980	72 214	4 116	134 311
	привоз	315 574	4 414	19 116	67 189	90 932
Гибралтар	вывоз	203 183	—	2 803	—	2 803
	привоз	—	—	—	—	—
Мальта	вывоз	—	—	—	—	—
	привоз	—	—	—	—	—
Стрейтс-Сеттлмент	вывоз	—	—	—	—	—
	привоз	1 211	2	1 629	—	1 632
Судан	вывоз	—	—	—	—	—
	привоз	20	—	13	—	13
Цейлон	вывоз	—	—	—	—	—
	привоз	1 082	602	25	—	627
Ямайка	вывоз	—	—	—	—	—
	привоз	106	17	25	—	41
Прочие английские колонии	вывоз	18 180	384	55	—	439
	привоз	3 295	88	1 308	—	1 396
Аргентина	вывоз	25 886	15	660	0,2	675
	привоз	4 738	—	1 817	—	1 817
Афганистан	вывоз	10 978	2 087	383	12 107	14 574
	привоз	12 002	64	9 175	776	11 782
Бельгия	вывоз	702 439	1 125	17 486	113	18 752
	привоз	4 222	—	245	347	591

* Публикуются по журналу «Внешняя торговля Союза ССР. Статистический обзор», вып. 12 (90), М., Внешторгиздат, 1933, стр. 16—18.

Имеющиеся в таблицах неточности в итоговых цифрах не оговариваются. Оценку товаров в пересчете по курсу рубля 1901 г. см. «Внешняя торговля СССР. Статистический сборник, 1918—1966 гг.», М., 1967, стр. 8—15.

** Из таблицы опущены данные за 1931 г., опубликованные в т. XIV настоящего издания. Условные обозначения даны по журналу: I гр. — жидкие припасы; II гр. — сырье и полуобработанные материалы; III гр. — животные; IV гр. — изделия. В графах для цифровых данных (0) означает число менее 50 кг или менее 50 руб.; (—) отсутствие привоза или вывоза.

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7
Конго (Бельгийское)	вывоз	9 238	—	135	—	135
	привоз	—	—	—	—	—
Прочие бельг. колонии	вывоз	—	—	—	—	—
	привоз	—	—	—	—	—
Болгария	вывоз	13 848	3	343	53	398
	привоз	0	—	1	—	1
Бразилия	вывоз	2 860	1	45	0,4	46
	привоз	291	78	39	—	117
Венгрия	вывоз	271	—	10	1	11
	привоз	—	—	—	—	—
Геджас и Неджд	вывоз	—	—	—	—	—
	привоз	—	—	—	—	—
Германия	вывоз	1 630 447	21 869	66 666	9 479	98 061
	привоз	1 123 009	9	72 513	251 801	324 411
Голландия	вывоз	992 918	5 622	14 531	648	20 800
	привоз	824	—	606	2 787	3 405
Суматра	вывоз	—	—	—	—	—
	привоз	9	—	4	—	4
Ява	вывоз	—	—	—	—	—
	привоз	8 261	1 311	33	0	1 344
Проч. остр. голланд. Ост-Индии	вывоз	—	—	—	—	—
	привоз	27 585	—	6 955	—	6 955
Прочие голланд. колонии	вывоз	—	—	—	—	—
	привоз	—	—	—	—	—
Греция	вывоз	639 551	5 259	3 874	68	9 203
	привоз	1 115	325	152	2	481
Дания	вывоз	281 339	3 962	2 470	93	6 526
	привоз	5 759	—	239	2 521	2 760
Вольный город Данциг (Гданьск)	вывоз	7 752	99	209	—	308
	привоз	25	—	3	17	21
Египет	вывоз	419 226	363	5 513	286	6 161
	привоз	1 048	—	945	1	946
Пемен	вывоз	6 666	186	82	226	493
	привоз	51	27	0	0	27
Индия	вывоз	198 551	438	4 433	34	4 903
	привоз	13 715	2 367	2 192	0,3	4 557
Исландия	вывоз	735	10	6	—	16
	привоз	—	—	—	—	—
Испания	вывоз	437 277	—	7 955	—	7 955
	привоз	1 598	0,1	153	0	153
Испанские колонии	вывоз	13 612	—	124	—	124
	привоз	—	—	—	—	—
Ирак	вывоз	1 203	1	21	324	346
	привоз	—	—	—	—	—
Ирландия	вывоз	21 407	—	1 979	—	1 979
	привоз	—	—	—	—	—
Италия	вывоз	2 062 330	3 852	21 861	300	26 012
	привоз	27 093	0	2 651	24 496	27 144

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7
Итальянские колонии	{ вывоз	2 534	59	23	2	83
	{ привоз	—	—	—	—	—
Канада	{ вывоз	66 031	1	1 011	—	1 011
	{ привоз	44 520	2 031	27	0	2 058
Китай, кроме Синь- цзяна	{ вывоз	291 510	2 143	4 510	1 432	8 086
	{ привоз	39 788	5 323	395	168	5 888
Китай Западный (Синь- цзян)	{ вывоз	8 006	1 090	790	13 817	15 698
	{ привоз	21 838	13	8 928	23	12 305
Куба	{ вывоз	—	—	—	—	—
	{ привоз	—	—	—	—	—
Латвия	{ вывоз	120 979	767	8 238	518	9 623
	{ привоз	12 404	131	257	5 380	5 770
Литва	{ вывоз	368 243	155	3 102	869	4 127
	{ привоз	3 526	1 084	70	6	1 161
Мексика	{ вывоз	30	—	2	—	2
	{ привоз	3 120	—	372	—	372
Монголия	{ вывоз	58 452	11 012	3 464	26 922	41 395
	{ привоз	54 508	2 550	9 939	1	19 278
Новая Зеландия	{ вывоз	34	0	2	—	2
	{ привоз	20	—	10	—	10
Норвегия	{ вывоз	318 086	876	2 855	85	3 819
	{ привоз	62 422	3 307	9 939	892	14 137
Палестина	{ вывоз	14 601	149	231	6	389
	{ привоз	0	—	—	0,1	0,1
Парагвай	{ вывоз	—	—	—	—	—
	{ привоз	—	—	—	—	—
Персия	{ вывоз	142 446	6 023	6 110	13 235	25 368
	{ привоз	157 645	21 473	25 917	633	49 940
Польша	{ вывоз	59 951	964	3 314	407	4 695
	{ привоз	81 513	77	4 879	566	5 521
Португалия	{ вывоз	—	—	—	—	—
	{ привоз	25	—	13	—	13
Португальские коло- нии	{ вывоз	—	—	—	—	—
	{ привоз	—	—	—	—	—
Румыния	{ вывоз	74 617	614	714	—	1 328
	{ привоз	2	—	1	—	1
Соед. Штаты Сев. Америки	{ вывоз	624 250	3 706	12 096	1 211	17 014
	{ привоз	27 449	197	2 083	29 384	31 665
Филиппинские остро- ва	{ вывоз	—	—	—	—	—
	{ привоз	254	—	48	—	48
Прочие колон. Соед. Шт. Сев. Америки	{ вывоз	—	—	—	—	—
	{ привоз	—	—	—	—	—
Сиам (Таиланд)	{ вывоз	—	—	—	—	—
	{ привоз	—	—	—	—	—
Сирия	{ вывоз	9 266	86	95	47	228
	{ привоз	15	—	6	—	6

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7
Тува	вывоз	4 301	862	310	3 107	4 388
	привоз	8 079	120	943	1	2 191
Турция	вывоз	190 900	664	2 365	2 359	5 391
	привоз	34 719	304	2 327	1	5 700
Уругвай	вывоз	42 029	37	1 062	352	1 450
	привоз	5 999	—	1 992	0	2 080
Финляндия	вывоз	297 644	1 754	3 478	27	5 259
	привоз	13 155	418	1 637	711	2 806
Франция	вывоз	1 352 181	1 866	26 528	144	28 536
	привоз	8 813	1	1 231	2 647	3 879
Алжир	вывоз	106 945	—	1 190	—	1 190
	привоз	—	—	—	—	—
Индокитай франц.	вывоз	—	—	—	—	—
	привоз	221	2	103	—	105
Мадагаскар	вывоз	—	—	—	—	—
	привоз	1 100	—	119	—	119
Марокко франц.	вывоз	29 554	1	537	1	539
	привоз	15	—	16	—	16
Тунис	вывоз	28 605	—	278	—	278
	привоз	—	—	—	—	—
Прочие франц. коло- нии	вывоз	27 522	—	172	—	172
	привоз	7	—	3	—	3
Чехословакия	вывоз	70 878	310	1 032	29	1 372
	привоз	32 245	—	941	9 344	10 283
Чили	вывоз	—	—	—	—	—
	привоз	—	—	—	—	—
Швейцария	вывоз	1	—	—	3	3
	привоз	1 245	—	52	4 842	4 896
Швеция	вывоз	367 900	502	5 502	135	6 141
	привоз	21 096	—	2 713	18 807	21 521
Эквадор	вывоз	—	—	—	—	—
	привоз	—	—	—	—	—
Эстония	вывоз	72 257	1 277	5 831	274	7 382
	привоз	342	15	13	10	39
Югославия	вывоз	28	5	—	—	5
	привоз	536	—	—	77	77
Южно-Африканский Союз	вывоз	54 573	11	1 090	—	1 102
	привоз	3 655	—	751	0	751
Япония и Тайвань	вывоз	743 157	1 034	8 809	3 254	10 099
	привоз	12 158	1 300	259	229	4 786
Корея	вывоз	3 362	17	79	4	100
	привоз	—	—	—	—	—
Прочие японские ко- лонии	вывоз	—	—	—	—	—
	привоз	—	—	—	—	—
Прочие государства и страны	вывоз	23 411	141	986	81	1 209
	привоз	5 253	—	240	—	240
Итого	вывоз	17 547 062	139 578	330 678	93 366	563 884
	привоз	2 300 211	51 698	198 592	429 960	698 693

СВОДКА

Распределение вывоза и привоза
за январь —

	Вывоз		Привоз		В том числе привезено		
	1931 г.	1932 г.	1931 г.	1932 г.	Авст- рий	Анг- лии	Арген- тины
I. Материалы и изделия для промышл. потребл. и технич. целей:							
а) Оборудование и ору- дия производства . . .	—	—	495 808	389 364	3 239	63 919	—
в %	—	—	44,9	55,7	80,8	70,3	—
б) Сырье	356 447	269 603	296 142	173 224	700	17 356	—
в %	43,9	47,8	26,8	23,1	17,5	19,1	—
в) Полуфабрикаты и вспом. материалы . .	—	—	35 356	18 182	58	665	1 638
в %	—	—	3,2	2,6	1,4	0,8	90,1
II. Материалы и изделия сельскохозяйственного назначения	6 043	12 552	132 372	8 263	1	296	179
в %	0,7	2,2	12,0	1,2	0,0	0,3	9,9
III. Материалы и изделия для обслуж. средств и путей сообщения . . .	935	876	63 454	31 181	10	1 823	—
в %	0,1	0,1	6,2	4,5	0,3	2,0	—
IV. Топливо	37 939	32 626	1 216	465	—	465	—
в %	4,7	5,8	0,1	0,1	—	0,5	—
V. Предметы и изделия широкого потребления:							
а) Продукты для пита- ния и вкусовые ве- щества	297 337	141 496	64 732	68 728	—	4 527	—
в %	36,7	25,1	5,9	9,8	—	5,0	—
б) Предметы личного потребления	87 462	84 534	3 086	3 922	—	1 826	—
в %	10,8	15,1	0,3	0,6	—	2,0	—
VI. Предметы и принад- лежности гигиены, ме- дицины и санитарии . . .	5 278	2 819	2 339	1 087	—	—	—
в %	0,7	0,5	0,2	0,1	—	—	—
VII. Предметы культурных потребностей	4 024	1 727	4 234	2 124	2	27	—
в %	0,5	0,3	0,4	0,3	0,0	0,0	—
VIII. Прочие товары	15 745	17 651	105	153	0	28	—
в %	1,9	3,1	0,0	0,0	0,0	0,0	—
Всего	811 210	563 884	1 105 034	698 693	4 010	90 932	1 817
	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%

ДАННЫХ

Таблица IV

по признаку назначения товаров
декабрь 1932 г. (в тыс. руб.)

за январь—декабрь 1932 г. из

Германия	Дания	Индия	Италия	Канада	Польша	Соед. Штаты Америки	Финляндия	Франция	Чехословакия	Швейцария
236 655	1 884	—	22 276	—	615	21 145	204	2 027	8 930	17 580
73,0	68,2	—	81,9	—	11,1	66,8	7,3	52,3	86,8	81,7
62 653	31	1 673	2 342	26	4 631	743	1 392	535	399	2 568
19,3	1,1	35,7	8,6	1,3	83,9	2,3	49,6	13,8	3,9	11,9
7 221	68	305	285	—	20	1 167	241	538	518	409
2,2	2,5	6,7	1,1	—	0,4	3,7	8,6	13,9	5,0	1,9
3 176	85	204	407	—	—	655	3	27	252	722
1,0	3,1	4,5	1,5	—	—	2,1	0,1	0,7	2,6	3,4
11 741	563	0,3	1 844	—	178	7 618	307	655	171	242
3,6	20,4	0,0	6,8	—	3,2	24,1	18,1	17,7	1,7	1,1
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
545	129	2 367	0	2 031	77	199	420	1	—	—
0,2	4,7	51,9	0,0	98,7	1,4	0,6	15,0	0,0	—	—
52	—	—	—	—	0	—	10	2	0	—
0,0	—	—	—	—	0,0	—	0,3	0,0	0,0	—
526	—	8	—	0,5	—	1	—	5	—	—
0,2	—	0,2	—	0,0	—	0,0	—	0,1	—	—
1 783	0	—	31	0	0,1	126	—	59	3	0,5
0,5	0,0	—	0,1	0,0	0,0	0,4	—	1,5	0,0	0,0
48	—	—	9	—	0	0	29	0	0	0,4
0,0	—	—	0,0	—	0,0	0,0	1,0	0,0	0,0	0,0
324 411	2 760	4 557	27 144	2 058	5 521	31 665	2 806	3 879	10 283	21 521
100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В телеграмме от 7 января 1932 г. Л. М. Карахан, давая указание временному поверенному в делах СССР в Персии В. М. Цукерману об участии в протокольных мероприятиях, связанных с визитом Тевфика Рюшту, предлагал в беседе с Форуги отметить «нашу заинтересованность в дружественном урегулировании пограничных отношений между Персией и Турцией». — 12.

² В латвийской печати в это время появились сообщения о заявлении посланника Румынии в Латвии Стурдзы, что якобы он еще не имеет инструкций из Бухареста для переговоров о заключении пакта о ненападении с СССР. Кроме того, миссия Румынии, сославшись на болезнь Стурдзы, не дала определенного ответа на сообщение полпредства СССР в Латвии о предстоящем приезде в Ригу Б. С. Стомоякова для ведения этих переговоров.

6 января 1932 г. Стурдза нанес визит полпреду СССР А. И. Свидерскому и заявил, что получал инструкции и готов в любой момент начать переговоры. — 14.

³ А. Советский проект пакта о ненападении с Румынией, врученный Б. С. Стомояковым Стурдзе, состоял из преамбулы и шести статей.

В преамбуле, помимо общепринятых положений для такого рода договоров, содержался абзац, указывавший, что «установление подобных отношений не наносит никакого ущерба территориальному спору, существующему между договаривающимися сторонами по поводу Бессарабии и не разрешенному настоящим договором...».

Статьи советского проекта включали в своей основе те положения о ненападении и нейтралитете, которые содержались в договорах СССР с другими странами.

Б. Принципиальное различие между румынским проектом пакта, врученным Стурдзой Стомоякову, и документом, переданным польским посланником Патеком Л. М. Карахану 23 августа 1931 г. (см. т. XIV, док. № 247 и приложение к нему; в комментируемой телеграмме этот документ Стомояков называет неточно «первоначальным польским проектом»), состояло в формулировке второго абзаца ст. 1 румынского проекта, в котором после слов «всякий акт насилия, нарушающий целостность и неприкосновенность территории», добавлялись слова «находящейся в настоящее время под суверенитетом другой договаривающейся стороны». — 14, 15, 330.

⁴ Б. С. Стомояков вел также переговоры с министром иностранных дел Латвии Зариншем о заключении договора о ненападении. Договор был подписан в Риге 5 февраля 1932 г. (см. док. № 67). — 14.

⁵ В последующей телеграмме от 7 января 1932 г. в НКВД СССР Б. С. Стомояков сообщал, что он заявил Стурдзе, что «Советское правительство, давая согласие на переговоры, исходило лишь из интересов обеспечения мира и никаких других целей не преследовало, в то время как ру-

мынское правительство стремится параллельно заключению пакта о ненападении получить еще дополнительно большую выгоду в виде признания нами аннексии Бессарабии».

Ввиду заявлений Стурдзы, писал Стомоняков, «что его инструкции исключают возможность для него дальнейших переговоров со мной на базе прямого или косвенного признания бессарабского вопроса открытым, пришлось договориться на том, что указано в предыдущей телеграмме». — 15

⁶ В письме от 19 января 1932 г. А. Я. Аросев сообщал М. М. Литвинову, что он сделал Вазову заявление в соответствии с указаниями, содержащимися в комментируемом документе. Вазов обещал немедленно информировать об этом свое правительство. — 17

⁷ В письме от 16 ноября 1931 г. Г. И. Мустя informed А. Я. Аросева, что Национальный банк Чехословакии отклонил учет советских векселей на сумму 15 тыс. ам. долл., равно как и просьбу учесть и оплатить эту сумму в чешских кронах; банк затягивал учет векселя на сумму 1193 ф. ст.

В письме сообщалось и о других препятствиях, чинимых Национальным банком по банковским операциям с Советским Союзом. — 17

⁸ Как видно из архивных материалов, чехословацкая сторона не пошла на улучшение условий торговли с СССР. Так, в письме торгпредства в НКВТ СССР от 26 июля 1933 г. указывалось, что отсутствие торгового договора между СССР и ЧСР ставит наш экспорт в полную зависимость от общих правил чехословацкой ввозной, лицензионной и девизной систем, и это обстоятельство «определяет наше положение на чехословацком рынке как положение второстепенное, по сравнению с другими странами, с которыми имеются торговые договоры».

«Ввоз наших товаров, — говорилось далее в письме, — мы должны согласовать предварительно с хозяйственным департаментом министерства иностранных дел, после чего вопрос согласовывается с министерством торговли и промышленности и с министерством финансов в лице его девизной комиссии. Девизная комиссия не только определяет возможность импортирования каких-то товаров на чехословацкий рынок, но также определяет и фирму, которой именно предоставляется право на данную импортную сделку. Только после получения разрешения девизной комиссии фирма имеет право получить от Национального банка разрешение на перевод денег на наш заграничный счет, в наше распоряжение».

В письме отмечалось, что чехословацкими властями проводятся меры по повышению и установлению запретительных пошлин на ряд товаров советского экспорта (фанера, битая птица, рыба, резиновые изделия, вина, ореховое ядро, животные масла и др.). — 18

⁹ В указанной телеграмме М. М. Литвинова от 3 января 1932 г. говорилось: «По имеющимся у нас сведениям, в Осло состоялась конференция трех скандинавских стран с участием Бельгии и Голландии. Одним из пунктов повестки дня была выработка общей платформы по вопросу о пакте экономического ненападения».

Под упоминаемой в комментируемом документе «антантой» (или «группой держав Осло») имелись в виду страны — Швеция, Норвегия, Дания, Бельгия, Нидерланды и Люксембург, которые 22 декабря 1930 г. заключили в Осло конвенцию о неповышении таможенных тарифов без взаимного предупреждения. Впоследствии к конвенции присоединилась Финляндия. — 18

¹⁰ М. М. Литвинов в телеграмме Б. С. Стомонякову № 13 от 10 января 1932 г. сообщал, что в переговорах со Стурдзой остается в силе директива от 8 января. В этой директиве предлагалось разъяснить Стурдзе, что советская сторона не требует подписания документа об оставлении бессарабского вопроса открытым и что в советском проекте (см. прим. 3) констатируется лишь, что существующий спор не должен мешать мирной политике. «Скажите, — говорилось в директиве, — что мы не можем совершить акт, который мог бы быть истолкован как косвенное или молчаливое

признание существующего положения в Бессарабии, и что поэтому неразрешенность спора должна быть обязательно зафиксирована. Если удастся договориться о содержании самого пакта, то мы будем готовы искать приемлемую формулу, приемлемую для обеих сторон, и поэтому пожалуйста перейдите к постоянному обсуждению нашего проекта» (см. прим. 24).— 18

¹¹ Генерал Си Ся — бывший начальник штаба китайских войск в провинции Гирин; после начала японской интервенции в Маньчжурии, 26 сентября 1931 г., провозгласил независимость провинции Гирин от нанкинского правительства, а себя — ее генерал-губернатором. Другая часть войск гиринской провинции во главе с Дин Чао осталась верной нанкинскому правительству и образовала свое правительство в Харбине (в сообщениях эту группу иногда именовали старогиринами).

В январе 1932 г. войска генерала Си Ся при активном участии японских частей предприняли наступление на Харбин и в начале февраля взяли его, оттеснив войска генерала Дин Чао на восток по линии КВЖД.— 20

¹² Японское правительство внесло в парламент законопроект о повышении импортных пошлин на ряд товаров, в том числе на лес, в среднем на 35%. В результате экспорт из СССР леса мягких пород (ели и лиственницы), составлявших около 80% экспорта советского леса в Японию, становился нерентабельным. Наряду с этим сохранялась дискриминация в отношении советского леса по сравнению с американским (США). Так, процент обложения пошлинами к стоимости СИФ составлял в среднем для американского леса 24%, а для советского — 50%. Процент обложения пошлинами леса мягких пород составлял соответственно 30% и 67%. Несмотря на ряд шагов, предпринятых полпредством и торгпредством СССР в Японии, в июне 1932 г. законопроект был принят.

В вопросе о кредитах Советское правительство инициативы не проявляло. Как сообщал А. А. Трояновский в телеграмме от 16 декабря 1931 г. в НКВД СССР, «по инициативе промышленных кругов в Японии был создан комитет, превратившийся в правительственную комиссию по разрешению вопроса о кредитах для СССР». Трояновский указывал, что совет министров Японии намеревалась внести законопроект в парламент и что речь шла о правительственной гарантии в 60% от 60 млн. иен. В то же время он отмечал, что принятие закона «ожидалось в апреле», но что «теперь возможна отсрочка».

Фактически правительственные гарантии кредитов для советского импорта в 1932 г. были предоставлены на сумму в 3 млн. иен.— 21, 360

¹³ В указанной телеграмме Б. С. Стомяков сообщал, что заседание со Стурдзой 12 января «не продвинуло дело ни на шаг вперед и, по существу, вертелось вокруг вопроса о разрыве переговоров. В ответ на сделанное ему, согласно Вашим указаниям (см. прим. 10.— *Ред.*), заявление Стурдза, читая по своей инструкции, заявил: «Румыния хочет исключить из текстов и дискуссии прямое или косвенное упоминание о Бессарабии. Только это направление переговоров может привести к соглашению».

Стомяков сообщал далее, что Стурдза отказался составить протокол, фиксирующий разногласия, и что «после долгой дискуссии он предложил перейти к постоянному обсуждению проекта договора, оставляя введение под копеек».— 21

¹⁴ В основу проекта конвенции о переходе границы жителями пограничных местностей СССР и Афганистана были положены те же принципы, которые содержались в конвенции между Советской Социалистической Республикой Грузии и Турцией о переходе границы жителями смежных областей, заключенной 20 марта 1922 г. (см. «Собрание законов...», отд. II, № 32, 16 августа 1927 г., стр. 725—732).— 22

¹⁵ В подтверждение этого устного заявления Молукер направил письмо народному комиссару внешней торговли СССР от 23 января 1932 г., в котором по поручению испанского правительства просил направить в порядке ответного визита в Испанию «представителей руководящих организаций»

Советского Союза. Советской делегации, говорилось в письме, будет дана возможность «рассудить с соответствующими правительственными и другими учреждениями все интересующие обе страны вопросы». В письме выражалась надежда, что «этот визит будет способствовать росту тесных и длительных отношений» между СССР и Испанией.

Однако впоследствии министр иностранных дел Испании Зулуэта заявил М. М. Литвинову, что данный политический момент является неподходящим для приезда советской делегации (см. док. № 182).— 22

¹⁵ Бенеш намеренно придал делам, относящимся к Штилицу и Брошу, «античехословацкий» характер, искажая при этом фактическую их сторону, суть которых такова:

1. 5 марта 1931 г. советник чехословацкой миссии в СССР Штилиц обратился к советским властям с просьбой предоставить ему политическое убежище. По просьбе чехословацкой миссии Штилиц был подвергнут экспертизе психиатров, которая установила у него заболевание паранойей. После этого Штилиц был отправлен в Чехословакию.

2. Брош, как сообщал заведующий II Западным отделом НКВД СССР Б. Е. Штейн в письме от 8 января 1932 г. А. Я. Аросеву, был задержан органами милиции в комнате советской гражданки по заявлению проживавшего в той же квартире рабочего-инвалида. При этом Брош назвал себя Вальтером Кохом, сотрудником газ. «Известия», заявив, что дальнейшие объяснения он даст только в милиции. В отделении милиции он признался, что является сотрудником чехословацкой миссии, и предъявил паспорт на имя Броша. После подписания Брошем протокола он был сразу же отпущен. Как выяснилось, Брош неоднократно использовал комнату, где был задержан, для интимных встреч.

«После получения мною всего дела,— говорилось далее в письме Штейна,— я вызвал Кошека и поставил его об этом в известность. При этом я ему сказал, что НКВД вовсе не заботится о морали сотрудников чехословацкой миссии и он вообще не обратил бы внимания на этот случай, если бы Брош не пользовался не принадлежащим ему именем, а главное, не выдавал бы себя за сотрудника официального органа правительства «Известий». Я никаких требований Кошеку не предъявляю, но полагаю, что он, в порядке управления миссией, сам поступит так, как он считает нужным. Кошек очень благодарил меня за откровенный разговор и тут же сказал, что он вышлет Броша в Прагу. На этом все дело окончилось, о чем мне Кошек также сообщил». Штейн в заключение письма подчеркнул, что «теперь история с Брошем буквально притянута за волосы для «объяснения» истории с Ванеком».— 26

¹⁷ В упомянутой телеграмме А. А. Трояновский запрашивал, какие имеются сведения об организации маньчжурского правительства с привлечением белогвардейцев в состав правительства или к участию в его работе.— 27

¹⁸ В 1932 г., как и в предшествующие годы (см. т. XIV, прим. 5), СССР принял участие в Миланской ярмарке. Павильон СССР, где были широко представлены предметы советского экспорта, пользовался большим успехом; его посетило свыше 1,2 млн. человек. Во время ярмарки было заключено много торговых сделок на лесоматериалы, резиновые изделия, нефтепродукты, минеральное сырье, хлеб, пушнину, кожи, рыбные консервы, ковры и другие советские товары. Впервые были заключены сделки на сельскохозяйственные машины.— 27

¹⁹ 12 января 1932 г. итальянский министр корпораций Боттаи в беседе с торгпредом СССР в Италии М. А. Левенцовом предложил от имени итальянского правительства начать переговоры по ряду вопросов, касающихся экономических отношений между двумя странами. 16 февраля послу Италии в СССР Аттолико было заявлено заведующим III Западным отделом НКВД СССР Е. В. Рубининым о согласии Советского правительства открыть в Риме предложенные Италией переговоры.— 31, 227

²⁰ Основной договор между «Петролеа» и «Аджином» был подписан 3 февраля 1930 г. Переговоры о дополнительном соглашении к этому договору, начавшиеся в 1931 г. (см. т. XIV, прим. 165, 166), продолжались в 1932 г. и были завершены его подписанием в Риме 29 апреля 1932 г. (см. док. № 197).

По этому соглашению «Аджин» обязался закупать у «Петролеа» в 1932 г. дополнительно 20 тыс. т бензина сверх 75 тыс. т, предусмотренных основным договором. «Аджин» согласился гарантировать «Петролеа» ежегодную квоту самостоятельного размещения бензина на итальянском рынке в размере 20 тыс. т в течение 1932—1934 гг. При заключении самостоятельных сделок «Петролеа» обязалась продавать бензин по ценам не ниже тех, по которым продает «Аджин». — 33, 183

²¹ Впоследствии Бенеш выдвинул предложение передать дело Ванека на арбитраж. Советская сторона отклонила это предложение на том основании, что невозможно найти беспристрастного арбитра между советским и буржуазным государством. Однако, учитывая высказывания чехословацкого представителя в Лиге наций Фирлингера члену советской делегации на Женевской конференции Б. Е. Штейну о том, что чехословацкое правительство согласилось бы вместо арбитража на создание согласительной комиссии, А. Я. Аросеву 30 марта 1932 г. было дано указание сделать предложение о передаче дела Ванека на рассмотрение согласительной комиссии. При этом было указано, что такая комиссия должна быть организована на паритетных началах и состоять из представителей — граждан Чехословакии и СССР. В компетенцию комиссии должно входить лишь рассмотрение вопроса о правильности предания гласности дела Ванека. Это предложение было передано Бенешу 2 апреля 1932 г. (см. док. № 150). — 36, 221.

²² В письме Н. Н. Крестинского В. С. Довгалеvскому от 27 января 1932 г. сообщалось, что согласно предложениям НКВД, внесенным на рассмотрение Советского правительства, в задачи хозяйственной делегации намечается ознакомление с испанским рынком и выяснение возможности развития широких торговых экспортных и импортных отношений, а не переговоры «о возобновлении дипломатических отношений, о торговом договоре и о заключении конкретных торговых импортных сделок. Такого рода переговоры в Испании носили бы неприятный для нас привкус: получилось бы, что мы готовы платить заказам за признание нас Испанией и посылаем для этой цели делегацию в Мадрид».

В письме далее говорилось, что члены советской делегации в беседах с членами испанского правительства, подчеркивая «возможность и желательность развития довольно широких торговых экспортных и импортных отношений с Испанией, будут говорить о возобновлении нормальных дипломатических отношений как о предпосылке возможности более или менее широкой торговли. Наши товарищи смогут пообещать, что переговоры о торговом договоре мыведем в Мадриде, как только там будет учреждено наше представительство. Мало того, если испанское правительство еще во время пребывания нашей делегации в Испании официально предложит Советскому правительству возобновить дипломатические отношения, можно той же делегации поручить начать переговоры и о торговом соглашении и о конкретных интересующих обе стороны сделках». — 36

²³ 1. При передаче в 1929 г. государственным предприятиям СССР 18 рыболовных участков, находившихся ранее в аренде у японских рыбопромышленников, японское правительство, не возражая против такой передачи, настаивало на выделении в порядке компенсации некоторого количества участков для сдачи их без торгов в аренду японцам. Советское правительство отклонило это предложение, считая его незаконным (см. также т. XII, док. № 300; т. XIV, док. № 239).

В 1931 г. Советское правительство решило выделить для государственных предприятий СССР еще 28 участков, о чем поставило в известность японское правительство. Последнее выдвинуло возражения против откры-

тия 11 участков по тем причинам, что 4 из них якобы нарушают правила, касающиеся расстояний между участками, а 7 других японцы хотели бы получить в аренду в качестве компенсации за 18 участков, выделенных госпромышленности СССР в 1929 г. Советское правительство не согласилось с мнением японского правительства о 4 участках и передало их государственным предприятиям. Что касается 7 участков, то Советское правительство в 1931 г. решило временно воздержаться от передачи их предприятиям госпромышленности СССР (см. также т. XIV, прим. 98).

Претензии японцев в отношении 18, 7 и прочих рыболовных участков, имевшие место в связи с их закреплением за государственными предприятиями, были ликвидированы советско-японским соглашением от 13 августа 1932 г. (см. док. № 319).

2. Деятельность советских частных рыбопромышленников, составлявших на торгах конкуренцию японцам, вызывала недовольство последних. Пытаясь ограничить их деятельность, японское правительство выдвинуло необоснованное обвинение, что частники якобы фактически являются филиалами государственных рыбопромысловых организаций, поскольку они кредитуются Дальбанком. Советское правительство отвергло это обвинение, указав, что в заключительном протоколе, приложенном к рыболовной конвенции, прямо говорится, что предприятия, которые «поставят себя... в положение должника» органов СССР, не должны рассматриваться как государственные предприятия (см. т. XIV, док. № 239).

Японское правительство, ссылаясь на обмен нотами при подписании рыболовной конвенции (см. т. XIII, прим. 53, 54), возражало против участия советской кооперации в торгах и аренды ею новых участков. Советское правительство отвергло возражения японской стороны, отметив, что вышеупомянутые ноты ограничивают кооперацию при аренде лишь тех участков, которые эксплуатировались кем-либо в момент вступления конвенции в силу (см. т. XIV, док. № 212, 239).

Претензии японцев в отношении вопросов, упомянутых выше (п. 2), были также исчерпаны советско-японским соглашением от 13 августа 1932 г. (см. док. № 319). — 42

²⁴ На заседании 18 января 1932 г. Б. С. Стомоняков и Стурдза приступили к изучению статей проекта пакта о ненападении между СССР и Румынией. При обсуждении ст. 1 делегаты пришли к соглашению по первому абзацу (см. прил. к док. № 273). Однако Стурдза принял этот текст при условии, что он будет дополнен вторым абзацем, содержащимся в румынском проекте (см. прим. 3).

На этом заседании Стурдза предложил следующую новую формулировку второго абзаца: «Будет рассматриваться как действие, нарушающее обязательства, предусмотренные в предыдущем абзаце, всякие насильственные акты, наносящие ущерб неприкосновенности территории, ограниченной Днестром и остальными сухопутными, морскими и воздушными границами обеих стран, даже если подобный акт будет предпринят без объявления войны и не будет иметь характера военных действий». — 43, 44, 256

²⁵ В телеграмме от 21 января 1932 г. Б. С. Стомоняков, касаясь результатов первого заседания 20 января, сообщал М. М. Литвинову, что он договорился со Стурдзой выпустить ст. 4 проекта договора и что Стурдза принял ад референдум предложенное добавление: «поскольку эти международные обязательства не заключают в себе элементов агрессии». Относительно поднятого Стурдзой вопроса о согласительной процедуре Стомоняков отметил, что между странами, не поддерживающими никаких отношений, не может быть конфликтов, подлежащих согласительной процедуре, поскольку последняя является второй инстанцией для рассмотрения конфликтов, не разрешенных дипломатическим путем. Стурдза заявил, что «этот вопрос не будет препятствием для подписания пакта». В телеграмме далее указывалось, что «принят протокол подписания обеими странами пакта Келлога».

В заключение Стомоняков констатировал, что «мы имеем, за исключением бессарабского вопроса, тексты, согласованные фактически по всем пунктам».

Упоминаемая выше ст. 4 советского проекта, с текстом которой соглашался Стурдза с правом внесения к ней дополнения, была повторена в ст. III проекта, врученного Литвиновым Залескому 5 июля 1932 г. (см. прил. к док. № 273). В ходе дальнейших переговоров с румынским представителем Кадере эта статья была снята (см. прим. 259).— 43

²⁶ В директиве № 479 от 19 января 1932 г. М. М. Литвинов писал Б. С. Стомонякову: «Новая румынская формулировка ст. I неприемлема как в пакте, так и в протоколе. Предложите следующий второй абзац ст. I: «Действием, противоречащим обязательствам и т. д., будет считаться всякая попытка одной из сторон разрешить насильственным путем существующие между сторонами территориальные или иные споры».

Кроме того, предлагалось к формуле о прошлых договорах добавить слова: «поскольку эти международные обязательства не заключают в себе элементов агрессии» (см. прил. к док. № 273, четвертый абзац преамбулы) и отказаться от ст. 4 проекта пакта, правяв протокол о непрекращении действия пакта Келлога (см. т. XII, док. № 38).

В данной директиве подчеркивалось: «При обсуждении ст. I заявите еще раз и решительно, что мы готовы на обязательства невмешательства в Бессарабию, но без признания границ интегритета и суверенитета нынешней Румынии».— 43

²⁷ 28 ноября 1939 г. Советское правительство денонсировало советско-финляндский договор о ненападении и о мирном улажении конфликтов (см. ноту Советского правительства правительству Финляндии от 28 ноября 1939 г.; газ. «Известия» № 275 (7045) от 29 ноября 1939 г.).— 48

²⁸ В директиве НКВД и НКВД СССР по экономическим переговорам с Австрией, переданной по телеграфу на имя К. К. Юренева и В. Ф. Иванова 7 февраля 1932 г., говорилось:

«1) В требованиях о приеме шиллингов для оплаты долларовых обязательств, domiciliрованных в Америке, можете спуститься до 0,5 млн. долл.

2) По заказам можете подняться до 3,3—3,5 млн. долл.

По вопросу о ноте (о наибольшем благоприятствовании).— *Ред.*»

1) Понимаем дело так, что австрийцы согласались из 3-го пункта оставить только первую фразу первого абзаца, т. е. наибольшее благоприятствование по запрещенным. Если это так, то согласны на эту формулу с прибавлением ограничений из ст. 12 экономического соглашения с Германией (см. т. VIII, док. № 342, стр. 589—600.— *Ред.*) с обязательной оговоркой, что эти ограничения при одинаковых условиях распространяются и на другие страны.

2) По вопросу об изъятиях Венгрии и Югославии (об изъятии преференций, предоставляемых этим странами Австрией, из проекта ноты о наибольшем благоприятствовании СССР.— *Ред.*) не возражаем, но добейтесь этого в особой ноте».

В дальнейшем в ходе советско-австрийских экономических переговоров был согласован проект ноты о наибольшем благоприятствовании (начало марта 1932 г.). В то же время австрийская сторона отказалась обсуждать, до согласования валютного вопроса, проект протокола, предложенного советскими представителями, который обеспечивал бы определенные гарантии для советского экспорта в Австрию. Однако вскоре выяснилось, что и по валютному вопросу австрийская сторона, по существу, отказалась от своего предложения о конверсии шиллингов на сумму в 4 млн. долл. по советским платежным обязательствам в Австрию на 1932 г. Кроме того, австрийская сторона сделала ряд новых предложений, направленных к серьезному ухудшению коммерческих условий размещения советских заказов в Австрии.

Как указывалось в докладной записке Экономической части НКВД в коллегию НКВД СССР от 1 апреля 1932 г., «тактика австрийцев явно сводится к тому, чтобы затянуть переговоры до выяснения результатов происходящих переговоров о Дунайской федерации» (см. прим. 31).

В связи с создавшимся на переговорах положением К. К. Юренев и Н. С. Попов посетили 7 мая 1932 г. генерального секретаря МИД Австрии Петера и по поручению правительства СССР довели до сведения правительства Австрии, что Советское правительство вынуждено считать переговоры закончившимися безрезультатно.— 50

²⁹ В телеграмме от 25 января 1932 г. М. М. Литвинову Б. С. Стомоняков, касаясь перерыва переговоров со Стурдзой в Риге, писал: «Финский посланник сообщил сегодня, что все признают переговоры разорванными, однако румыны делают одновременно ставку на получение уступки по бесарабскому вопросу от Вас в Женеве под влиянием Франции и других стран».

В дальнейшем полпред СССР в Латвии А. И. Сви́дерский, указывая на причины нежелания Румынии подписать с СССР договор о ненападении, сообщал в телеграмме от 21 февраля 1932 г., что получил «информацию с указанием на абсолютную достоверность сведений и со ссылкой на осведомленные парижские источники, что пакт с Румынией встречает сопротивление со стороны румынского короля. Личное сопротивление короля одобряется влиятельными руководителями польской политики. Польша ведет ту же игру в Эстонии. Она пока удерживает Эстонию, чтобы предотвратить Румынии возможность маневрировать».— 53

³⁰ В связи с пограничными инцидентами летом 1931 г. на советско-турецкой границе в результате проникновения турецких вооруженных банд на советскую территорию с целью грабежа, НКВД СССР вынужден был в своих нотах от 18 июля и 4 октября 1931 г. протестовать против нежелательного поведения турецких пограничных властей и фактов участия турецких пограничников в обстреле советской территории.

Со своей стороны турецкое посольство в ноте от 23 сентября 1931 г. и приложенном к ней меморандуме безосновательно утверждало, что в июле—августе 1931 г. со стороны советских пограничников якобы имело место нарушение турецкой границы. В ноте предлагалось создать смешанную советско-турецкую комиссию для расследования этих случаев и принятия мер к их недопущению в будущем.

В ответной ноте заместителя народного комиссара иностранных дел СССР Л. М. Карахана на имя посла Турции Хусейна Рагиба от 26 января 1932 г. по этому вопросу говорилось:

«Народный Комиссарат уже имел честь в своих нотах от 18 июля и от 4 октября (1931 г.—*Ред.*) довести до сведения Посольства результаты следствия, имевшего место в отношении ряда пограничных инцидентов. Эти ноты, равно как и устные разъяснения, которые были даны мной в беседах с Вами, исчерпывающим образом доказывают, что положение в пограничной советско-турецкой полосе действительно вызывает тревогу, поскольку оно обнаруживает ряд нежелательных действий и применение нежелательных методов со стороны турецких пограничных властей. Одновременно результаты следствия показали, что какие-либо нарушения неприкосновенности турецкой территории со стороны советской пограничной охраны в действительности не имели места. Результаты следствия заставляют также прийти к выводу, что без решительного перелома в практике работы турецких пограничных властей и без прекращения применения ими нежелательных методов в отношении советской территории не может быть создано действительное оздоровление в пограничной полосе.

Поэтому я имею честь сообщить Вам, господин Посол, что Правительство Союза изъявляет согласие на сделанное Вами предложение о создании временной советско-турецкой смешанной комиссии по пограничным вопросам, с тем, однако, чтобы работа этой комиссии не ограничивалась рас-

смотрением инцидентов, которые могут быть указаны обеими сторонами, а имела своей задачей расследование положения, создавшегося в пограничной полосе, и наметила мероприятия для устранения всех тех отрицательных явлений, на которые неоднократно указывал Народный Комиссариат по Иностранным Делам и Полномочное Представительство Союза в Анкаре».

Нотой от 2 июля 1932 г. Рагип-бей сообщил о согласии турецкого правительства с выдвинутой НКВД СССР программой работ комиссии.

14 августа 1932 г. поверенный в делах Турции в Москве Джевад-бей заявил, однако, Карахану, что, поскольку, по мнению НКВД Турции, положение на границе летом 1932 г. нормализовалось, необходимость в созыве комиссии отпала и что урегулирование пограничных вопросов может быть успешно получено пограничными комиссарами (см. док. № 322).

НКВД СССР согласился с мнением посольства Турции о несозыве смешанной комиссии, предложив в то же время приступить к переговорам о заключении новой конвенции о порядке рассмотрения и разрешения пограничных конфликтов вместо конвенции от 6 августа 1928 г. (см. т. XI, док. № 273). Турецкое правительство согласилось с указанным советским предложением (см. док. № 398).

Однако в марте 1933 г. турецкий посол в Москве Рагип-бей вновь вернулся к вопросу о созыве смешанной комиссии, которая и начала свою работу в июне 1933 г. — 62

³¹ Придунайские страны — Австрия, Болгария, Венгрия, Румыния, Чехословакия, Югославия — в течение всего периода после первой мировой войны являлись объектами различных комбинаций империалистических государств, среди которых видное место занимали планы создания так называемой Дунайской федерации.

Тяжелое экономическое положение придунайских государств в 1930—1932 гг., особенно ухудшившееся в результате мирового экономического кризиса, неоднократно обсуждалось в Лиге наций и созываемых ею различных конференциях, в частности по аграрным вопросам.

В середине января 1932 г. министр иностранных дел Великобритании Саймон передал французскому премьер-министру Тардье меморандум, содержавший план создания таможенного союза шести придунайских стран. Выдвижение этого плана вызывалось тем, что Англия, предоставившая значительные кредиты придунайским государствам, была заинтересована хотя бы в частичном улучшении их финансово-экономического положения. Тардье высказался против английского плана, но впоследствии пытался в интересах французского империализма использовать идею сближения придунайских стран.

Вскоре после вручения меморандума австрийского канцлера Бурша от 16 февраля 1932 г. посланникам Великобритании, Германии, Италии и Франции (см. док. № 134) Тардье 22 февраля 1932 г. в Женеве сообщил в беседах с представителями придунайских стран, Великобритания и Италия свой план «спасения» придунайских государств от грозившего им экономического краха. Этот план был изложен затем во французском меморандуме, врученном 2 марта 1932 г. правительствам Великобритании и Италии, а 5 марта — Германии, и в выступлении Тардье 2 марта в финансовой комиссии палаты депутатов Франции.

План Тардье предусматривал заключение регионального соглашения между пятью придунайскими государствами, при помощи которого эти страны, предоставив друг другу преференциальные таможенные пошлины, стимулировали бы рост их взаимной торговли и сбыт излишков сельскохозяйственной и промышленной продукции. Указанное соглашение должно было явиться предпосылкой для оказания финансовой помощи придунайским государствам. В отличие от английского проекта, в плане Тардье речь шла не о таможенном союзе придунайских стран, а лишь о системе преференциальных пошлин; в проектируемое соглашение не включалась Болгария, находившаяся под значительным влиянием Германии.

Характеризуя причины, побудившие французское правительство выдвинуть свой план, доппред СССР в Австрии К. К. Юренев в письме в НКВД СССР от 16 апреля 1932 г. отмечал: «Франция ставит себе следующие цели: а) экономическое укрепление стран Малой Антанты, связанных с Францией военными соглашениями, и вовлечение в орбиту влияния этой трехчленной комбинации Венгрии и Австрии; б) предотвращение возможности австро-германского аншлюса путем включения Австрии в дунайскую комбинацию; в) ограждение путем санации дунайской пятерки своих собственных интересов как кредитора их (центральноевропейско-балканские страны должны Франции 6 млрд. франков. Те же интересы в этом вопросе имеются и у Англии); г) внешнеполитическую изоляцию Германии».

В своих ответах на французское предложение итальянское правительство в меморандуме от 7 марта 1932 г. и особенно германское правительство в меморандуме от 15 марта выступили против плана Тардые (см. прим. 99; отношение германского правительства к этому плану подробно изложено в док. № 178).

Переговоры между представителями Великобритании, Германии, Италии и Франции было решено провести в Лондоне в начале апреля 1932 г. С целью заручиться поддержкой Англии Тардые 4 апреля, накануне Лондонской конференции четырех держав, имел встречу с премьер-министром Великобритании Макдональдом. В результате, как отмечал Юренев в письме Н. Н. Крестинскому от 16 апреля 1932 г., «Англия и Франция достигли соглашения в вопросе об организации дунайского экономического сотрудничества».

На Лондонской конференции четырех держав, состоявшейся 6—8 апреля 1932 г., французская и английская делегации объединились в поддержку плана Тардые. «Итаलो-германцы» — писал в том же письме Юренев, — выступили резко против франко-английского предложения о предоставлении четверкой односторонних преференций «дунайцам». Разногласия между Францией и Англией, с одной стороны, и Германией и Италией, с другой, оказались непримиримыми, и совещание окончилось безрезультатно».

Официально конференция четырех держав была отложена на неопределенный срок без указания места возобновления ее работ.

Французская дипломатия безуспешно пыталась склонить к соглашению предполагаемых участников, однако, столкнувшись с враждебным отношением других империалистических держав, особенно Германии и Италии, и с сопротивлением влиятельных кругов и правительств некоторых придунайских стран, вынуждена была отказаться от данного плана.

Все проекты создания Дунайской федерации, Дунайского таможенного союза и т. д., выдвигавшиеся представителями капиталистических стран, имели антисоветскую направленность. Об этом наглядно свидетельствует, в частности, план Тардые. Соглашение между придунайскими странами должно было содействовать образованию в Центральной и Юго-Восточной Европе военно-политического блока под гегемонией Франции. В экономическом плане осуществление французского проекта преследовало цель закрыть придунайские рынки для советских товаров при помощи системы высоких пошлин, а создание рынка для сбыта аграрной продукции придунайских стран путем предоставления преференциального режима должно было привести к вытеснению советского экспорта (в частности, зерна) в промышленно развитые страны Западной Европы. — 65, 183, 194, 204, 222, 225, 228, 239, 241, 276, 299, 303, 306, 315, 337, 381, 383

³² Излагая состояние переговоров по рыболовным вопросам, Л. М. Карахан в письме к А. А. Трояновскому 15 февраля 1932 г. писал: «Японцы явно не торопятся и не имеют, видимо, желания в настоящий момент найти основу для действительно полного урегулирования спорных вопросов. Наше предложение при других условиях, несомненно, было бы принято японцами как крупнейшая уступка, и оно легло бы на основу переговоров. Сейчас же

японцы продолжают настаивать на стопроцентном закреплении за ними всех эксплуатируемых ими участков и вдобавок разъясняют, что, придавая большое значение вопросу о 18, 4 и 7 участках (см. прим. 23.— *Ред.*), а также всем другим спорным вопросам, они намерены добиваться урегулирования и этих вопросов после того, как основной вопрос будет урегулирован».

Такая позиция, обрекающая переговоры на неудачу, писал Карахан, была занята японским правительством по двум причинам: 1) оно считает момент благоприятным для нажима и рассчитывает таким путем добиться коренного изменения рыболовной конвенции в свою пользу; 2) оно надеется добиться успеха в попытках ликвидации мелких японских рыбопромышленников, в их трестировании и создании единой полугосударственной компании, в чем заинтересованы влиятельные японские финансовые группы. Японское правительство хочет держать мелких рыбопромышленников под впечатлением их неминуемого вытеснения советскими предприятиями ввиду, дескать, непримиримой позиции Советского правительства, якобы использующего раздробленность японского рыболовства, и толкает их этим на путь объединения. Опасаясь, что советское предложение о закреплении за японцами 75% эксплуатируемых ими участков может удовлетворить мелких и средних рыбопромышленников и еще больше усилить их сопротивление созданию треста, японское правительство стремится не допустить сообщений об этом предложении в прессе.— 65

³³ В соответствии с договоренностью с правительством МНР советский противосаранчовый отряд 26 мая 1932 г. прибыл в Монголию и приступил к работам по борьбе с саранчой.— 66

³⁴ В телеграмме от 27 января 1932 г. М. М. Славудский сообщал в НКВД СССР, что 27 января японские офицеры и солдаты потребовали на ст. Куаньчэнцзы предоставления мест на поезд, идущий в г. Харбин. После того, как им в этом было отказано на основании распоряжения не перевозить вооруженных лиц, они, применив силу, сели в поезд.— 67

³⁵ В другой телеграмме, от 28 января 1932 г., М. М. Славудский сообщал о посещении главномачальствующего Особого района Восточных Провинций (см. т. XII, прим. 27) Чжан Цзин-хоя, которому Славудский заявил, что ему стало известно о захвате японцами станции Куаньчэнцзы и что об этом он, Славудский, информировал Москву.

В телеграмме Славудский также сообщал, что японский консул посетил вице-председателя правления КВЖД С. М. Кузнецова и просил разрешить перевозку японских войск по КВЖД «для охраны японских граждан». Кузнецов, ссылаясь на решение Советского правительства (см. т. XIV, док. № 350), такого разрешения не дал и подчеркнул, что захват японцами станции Куаньчэнцзы является актом, направленным против СССР. Японский консул заявил, что если согласия на перевозку не будет получено, то военные, возможно, захватят поезд силой.— 68

³⁶ Бора выступил в сенате конгресса США 29 апреля 1932 г. с краткой речью в пользу развития советско-американской торговли. Он подчеркнул: «Я не могу указать ни одного случая невыполнения обязательств Россией по торговым сделкам с теми в нашей стране, кто продавал товары России. Я заявляю, что сделки выполнялись самым щепетильным образом и не было ни одного случая, который вызывал бы недовольство наших людей». Бора внес в протокол сената часть заявления Гилла, железнодорожного специалиста США, посетившего СССР в 1931 г., в котором отмечалось, что в СССР «нет абсолютно никакого доказательства применения принудительного труда» и что «внеспособность американских бизнесменов обеспечить приемлемый кредит русским привела к тому, что заказы были размещены в Германии и других странах». При этом Бора указал, что он привел некоторые высказывания Гилла в противовес лживой информации об СССР, распространявшейся так называемыми патристическими организациями США.

4 мая 1932 г. по просьбе Бора в протокол сената была включена переписка газеты штата Айдахо «Признание России», в которой подчеркивалась необходимость установления дипломатических отношений между СССР и США (см. «Congressional Record», 72-d Congress, 1-st Session, Washington, 1932, Vol. 75, pp. 9494—9495, 9907—9908). — 70, 260

³⁷ Эти заявления «в верхах госдепартамента» весьма показательны для оценки внешней политики США на Дальнем Востоке. На самом деле правительство Соединенных Штатов проводило по существу политику поощрения японских милитаристов в осуществлении их агрессивных устремлений в отношении Китая и Советского Союза. Об этом свидетельствуют, в частности, высказывания руководящих деятелей США того времени.

По свидетельству американского историка Майера, в октябре 1931 г. президент США Гувер, выступая на заседании кабинета и касаясь возможных доводов Японии относительно «анархии» в Китае и «опасности» для Японии, вытекающей из наличия «большевистской России» к северу и, возможно, большевистского Китая на фланге, заявил, что Япония может поставить вопрос о том, что «или государства, подписавшие пакт девяти держав, должны присоединиться к ней в деле восстановления порядка в Китае, или она должна будет сделать это самостоятельно в порядке самозащиты». В зачитанном Гувером документе говорилось: «Америка, конечно, не станет присоединяться к такому предложению, и мы не можем иметь серьезных возражений... Ни наши обязательства перед Китаем, ни наши собственные интересы, ни наше достоинство не заставят нас пойти на войну из-за этих вопросов» (см. W. S. Myers, *The Foreign Policies of Herbert Hoover, 1929—1933*, New York, 1940, pp. 157—158).

Государственный секретарь США Стимсон в своих мемуарах, рассматривая события в Маньчжурии, следующим образом характеризует позицию госдепартамента: «Все данные, находившиеся в нашем распоряжении, указывали на то, что самым разумным было бы предоставить возможность и барону Сидэхара и японскому министерству иностранных дел овладеть положением, не прибегая ни к чему такому, что хотя отдаленно напоминало бы угрозы или открытую критику со стороны Америки» (см. Г. Л. Стимсон, *Дальневосточный кризис*, М., 1938, стр. 21).

По поводу запроса секретаря Лиги наций Друммонда об отношении США к событиям в Маньчжурии Стимсон писал: «Я принял сразу же предложение Лиги наций о посылке сходных по содержанию дипломатических нот Японии и Китаю. Но я отверг предложение о посылке Лигой наций в данный момент комиссии для обследования положений в Маньчжурии, поскольку против этого возражала Япония» (см. там же, стр. 27). Во врученных Стимсоном 7 января 1932 г. идентичных нотах представителям Японии и Китая упор делался на необходимость сохранения в Китае политики «открытых дверей» и по существу было проявлено поощрение агрессора.

Посланник США в Китае Джонсон, знавший стратегические установки своего правительства, в телеграмме от 13 января 1932 г. сообщал госдепартаменту: «Я все более и более убеждаюсь, что японские действия в Маньчжурии должны рассматриваться больше в свете русско-японских отношений, чем китайско-японских... Высшие военные власти Японии пришли к заключению, что для них имеется возможность действовать в Маньчжурии и продвинуть японскую границу дальше на запад в подготовке к столкновению с Советской Россией, которое они считают неизбежным» (см. «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers». Vol. III. *The Far East*, Washington, 1948, pp. 26—27).

В телеграмме от 22 января 1932 г. Джонсон передал в госдепартамент информацию, полученную от лейтенанта Брауна из Харбина, в которой говорилось о возможности вторжения японских войск на советскую территорию. «Имеется различие во мнениях только о сроке — или японское продвижение начнется немедленно с приходом весны или годом позже» (ibid., p. 46).

После захвата Маньчжурии, а также ряда городов Центрального Китая в общественных кругах США рассматривался вопрос об использовании экономических санкций против Японии. 23 февраля 1933 г. Гувер по этому вопросу писал Стимсону: «Как Вам известно, в течение длительного времени я непреклонно возражаю против введения каких-либо санкций...» (см. *W. S. Myers, The Foreign Policies of Herbert Hoover, 1929—1933, New York, 1940, p. 168*).

Взгляды, господствовавшие в правительственных и деловых кругах в отношении политики США на Дальнем Востоке, находили свое отражение в американской прессе. Так, например, статистическое бюро Бабсона, издававшее информационные письма, в обзоре от 25 апреля 1932 г., касаясь агрессивных намерений Японии против Советского Союза, считало наиболее важным обстоятельством то, что «Англия, Франция и другие наши радовались бы при виде нападения Японии на Россию. Даже САСШ могли бы простить Японии другие ее действия, если бы она нанесла удар коммунизму». — 71

³⁸ По сообщению корреспондента ТАСС из Парижа министр иностранных дел Румынии Гика в интервью корреспонденту французской газеты «Эксельсior» заявил, что «до сих пор вообще переговоров между Румынией и СССР не было, а были лишь беседы и обмен мнениями, не давшие никакого положительного результата. Советское правительство пыталось заключить пакт о ненападении, оставив в стороне, однако, вопрос о Бессарабии». Далее Гика сказал, что в этих условиях «нам было невозможно продолжать обмен мнениями...». — 73

³⁹ Конференция по сокращению и ограничению вооружений номинально продолжалась со 2 февраля 1932 г. по 31 мая 1937 г., когда в последний раз собралось Бюро конференции, однако формально она не была закрыта. Последняя сессия Генеральной комиссии конференции проходила с 29 мая по 11 июня 1934 г.

В конференции приняли участие представители 61 государства. В момент открытия 2 февраля 1932 г. в ее работе участвовали делегации 60 государств, в том числе 52 стран — членов Лиги наций и 8 стран — нечленов Лиги: Афганистана, Бразилии, Египта, Коста-Рики, Мексики, СССР, США и Турции. Ирак направил делегацию на конференцию после своего вступления в Лигу наций 3 октября 1932 г. Не были представлены четыре государства: Эквадор, Никарагуа, Парагвай и Сальвадор (три последних являлись членами Лиги наций). Председателем конференции, согласно решению Совета Лиги наций от 22 мая 1931 г., был назначен Артур Гендерсон; почетным председателем был избран президент Швейцарской конфедерации Мотта.

Помимо Мандатной комиссии, Комитета по правилам процедуры и Комитета по рассмотрению петиций, образованных для решения организационных и процедурных вопросов, конференцией были образованы следующие главные органы:

1. Бюро (учреждено 5 февраля 1932 г.), в задачу которого входило совместное с председателем руководство работой конференции. В его состав вошли председатель и почетный председатель конференции, 14 вице-председателей (представители Франции, Италии, Великобритании, США, Германии, Швеции, Японии, Испании, Аргентины, СССР, Бельгии, Чехословакии, Польши и Австрии), председатели комиссий, в которых были представлены все делегации, вице-председатель Генеральной комиссии (Польша) и ее докладчик (Бенеш).

2. Генеральная комиссия (учреждена 8 февраля 1932 г.) в составе одного представителя от каждой делегации; председателем комиссии был избран председатель конференции. Задачей комиссии было рассмотрение и согласование проекта конвенции, представленного Подготовительной комиссией, планов и предложений, внесенных делегациями.

Генеральной комиссией 25 февраля 1932 г. были образованы пять главных комиссий в составе одного представителя от каждой делегации,

а позднее — два специальных комитета: 1) Политическая комиссия, которая в свою очередь учредила Комитет по вопросам безопасности (10 марта 1932 г.) и Комитет по моральному разоружению (15 марта 1932 г.) с тремя подкомитетами. 2) Сухопутная комиссия с целью рассмотрения вопросов о сухопутных вооружениях и численном составе; комиссией были учреждены Технический комитет по определениям понятия численного состава (9 марта 1932 г.) и Комитет экспертов (29 апреля 1932 г.). 3) Морская комиссия для рассмотрения вопросов о морских вооружениях; комиссией были учреждены Редакционный комитет (9 мая 1932 г.) и Подкомиссия 14-ти по морским вооружениям (3 июня 1932 г.). 4) Воздушная комиссия для рассмотрения вопроса о воздушных вооружениях и гражданской авиации; комиссией были учреждены Президиум, Подкомитет 14-ти по воздушным вооружениям (27 апреля 1932 г.) и Подкомитет 17-ти по гражданской авиации (24 июня 1932 г.). 5) Комиссия по расходам на государственную оборону, которая учредила Технический комитет (16 марта 1932 г.). 6) Специальный комитет по химической и бактериологической войне в составе 14 членов (10 мая 1932 г.). 7) Специальный комитет по вопросам безопасности в составе представителей европейских государств с целью рассмотрения вопроса о региональных соглашениях (11 июня 1934 г.); комитетом был учрежден Технический комитет (18 июня 1934 г.).

Всего на конференции, помимо Бюро и Генеральной комиссии, работало 36 комиссий, подкомиссий, комитетов и подкомитетов, которым было поручено главным образом проведение технических исследований и составление докладов. Кроме того, Генеральной комиссией и Бюро в ходе работ конференции создавался ряд временных редакционных и согласительных комитетов.

Со 2 по 24 февраля 1932 г. состоялось 17 пленарных заседаний конференции, на которых в общих прениях выступили представители 49 стран. Внесенные ими предложения были переданы в комиссии и их вспомогательные органы. 23 июля 1932 г. состоялось 18-е и последнее пленарное заседание конференции, чем закончилась ее первая фаза.

21 сентября 1932 г. конференция возобновила свою работу, которая в течение всего последующего периода протекала исключительно в Бюро, комиссиях и комитетах.

На конференции выявились резкие расхождения между империалистическими государствами, каждое из которых стремилось добиться таких решений, которые позволили бы ему укрепить свою военную мощь и ослабить своих потенциальных противников. Именно этой задаче служили выдвинутые французской делегацией планы Тардье и Эррио (см. прим. 53, 284), предложения США (см. прим. 113, 181), Великобритании (см. прим. 307), требования Германии о «равенстве в вооружениях» (см. прим. 321) и др.

СССР был единственным государством среди участников конференции, последовательно выступавшим за разрешение проблемы разоружения путем принятия резолюции о всеобщем и полном разоружении или в качестве первого шага на этом пути — заключения конвенции о прогрессивно-пропорциональном сокращении вооружений (см. док. № 82).

В процессе работ конференция советская делегация добивалась максимального сокращения всех видов вооружений и уничтожения наиболее агрессивных из них: танков, тяжелой подвижной артиллерии, линейных кораблей водоизмещением свыше 10 тыс. т, авианосцев, подводных лодок, всей военной авиации и всех средств химической и бактериологической войны.

Советская делегация голосовала 23 июля 1932 г. против заключительной резолюции, поскольку последняя не предусматривала ни одной конкретной меры по разоружению (см. док. № 294, 296). В феврале 1933 г. СССР выступил с предложением об определении нападающей стороны, которое было положено в основу заключенных в том же году Лондонских

конвенций об определении агрессии между Советским Союзом и рядом капиталистических государств (см. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 157—161). В 1934 г., когда конференция оказалась под угрозой полного краха, советская делегация выступила с предложением о превращении конференции по разоружению в постоянную, периодически собирающуюся конференцию мира, имевшую задачей охрану безопасности всех государств и всеобщего мира.

Обострение противоречий между империалистическими государствами и связанное с этим ухудшение международной обстановки, агрессия Японии против Китая, которая привела к образованию очага войны на Дальнем Востоке, выход Японии из Лиги наций (27 марта 1933 г.), установление в начале 1933 г. фашистской диктатуры в Германии, выход ее из Лиги наций (19 октября 1933 г.), открытая подготовка гитлеровцев к войне, чему способствовала политика западных держав, признавших за Германией «право на равноправие в вооружениях», и создание очага войны в центре Европы, — все это привело к полному провалу конференции. — 75, 225

40 В ответной телеграмме Л. М. Карахана от 3 февраля говорилось: «1) В Маньчжурии японских войск около 50 тыс., включая около 200 самолетов, 12 бронепоездов, около 50 танков, около 80 бронемашин. 2) В Маньчжурии японцев 200 тыс. плюс 1 млн. корейцев — японских подданных. Во всем остальном Китае японцев около 150 тыс. 3) В Шанхае высажено морской пехоты 2000, на кораблях 5000 и направляется туда сейчас 1 дивизия». — 76

41 По вопросу о договорах, возможно, имелось в виду пожелание, о котором, в частности, упоминалось впоследствии в одном из пунктов памятной записки японского посольства с перечислением нерешенных рыболовных вопросов, поставленных Хирога в беседе с Л. М. Караханом 6 июня 1932 г. В этом пункте говорилось об удовлетворении ходатайств «японских подданных, рекомендованных Японским правительством, о заключении новых особых договоров относительно тех рыболовных участков, которые ныне эксплуатируются японскими подданными».

В ответной памятной записке НКВД СССР от 14 октября 1932 г. отмечалось, что «вопрос этот должен разрешаться в соответствии со вторым абзацем раздела 3 §(Б) Протокола «Ц» Рыболовной конвенции».

Относительно вопроса о кооперации см. прим. 23, п. 2. — 79

42 Комиссия обследования, или Комиссия пяти, была учреждена Советом Лиги наций 10 декабря 1931 г. В качестве членов комиссии Совет 14 января 1932 г. утвердил лорда Литтона (Великобритания), возглавившего комиссию, графа Альдрованди (Италия), дивизионного генерала Клоделя (Франция), генерал-майора Маккоя (США) и д-ра Шнее (Германия). Япония и Китай были представлены в комиссии экспертами-консультантами.

Комиссии было поручено «произвести изучение на месте и доложить Совету о всех обстоятельствах, которые, затрагивая международные отношения, угрожают нарушить мир между Китаем и Японией или доброе согласие между ними, от которого зависит мир».

Создание комиссии Литтона свидетельствовало о стремлении Совета Лиги наций уклониться от применения санкций в отношении агрессора и затянуть решение вопроса.

3 февраля 1932 г. комиссия выехала в Нью-Йорк, а оттуда в Японию, где вела переговоры с членами японского правительства, банкирами, крупными промышленниками и др. Только 14 марта комиссия прибыла в Китай. Около 6 недель (с 20 апреля по 4 июня 1932 г.) она находилась в Маньчжурии, откуда выехала в Пекин, затем — в Токно, а в конце июля возвратилась в Пекин для составления доклада, который был подписан ее членами 4 сентября и опубликован 1 октября 1932 г. (см. «League of Nations. Appeal by the Chinese Government. Report of the Commission of Enquire», Geneva, 1932; «Сборник документов по международной политике...», вып. V, М., 1933, стр. 140—181).

В докладе указывалось, что основная политическая и административная власть в «государстве «Маньчжоу-Го» «находится в руках японских чиновников и советников», которые фактически «вынуждены осуществлять во всех важных проблемах директивы официальных японских властей». Доклад констатировал, что «большинство китайского населения враждебно или индифферентно к Маньчжоу-Го» и даже среди некоторых групп национальных меньшинств, оказывающих известную поддержку «правительству», «нет групп, которые были бы охвачены полным энтузиазмом» (см. «Сборник...», вып. V, стр. 157—158).

Подчеркивая «сложность проблемы», доклад отвергал как неудовлетворительное предложение о восстановлении *status quo ante*, а равно и предложение о сохранении «Маньчжоу-Го». В докладе подчеркивалось, что «другие державы мира, кроме Японии и Китая, также имеют первостепенные интересы, подлежащие защите при китайско-японском конфликте» (см. там же, стр. 163—167).

Комиссия сформулировала 10 условий «удовлетворительного решения» конфликта: 1) совместимость с интересами как Китая, так и Японии; 2) уважение к интересам СССР; 3) соответствие существующим многосторонним договорам; 4) признание интересов Японии в Маньчжурии; 5) установление новых договорных отношений между Китаем и Японией; 6) принятие постановлений для урегулирования будущих разногласий; 7) автономия Маньчжурии; 8) обеспечение порядка внутри и безопасности от внешнего нападения; 9) экономическое сближение между Китаем и Японией; 10) международное сотрудничество в реконструкции Китая (см. там же, стр. 168—169).

Комиссия выдвинула предложения относительно организации переговоров между правительствами Китая и Японии на основе сформулированных ею принципов и созыва консультативной конференции «из представителей китайского и японского правительств и из двух делегаций, представляющих местное население, одной — избранной в порядке, предписанном китайским правительством, и другой — избранной в порядке, предписанном японским правительством. Эта конференция пользовалась бы содействием нейтральных наблюдателей, если такое содействие было бы принято сторонами. В случае разных точек зрения на какой-либо вопрос, конференция представляла бы их Совету, а последний стремился бы достигнуть соглашения».

Результаты переговоров намечалось зафиксировать в четырех юридических актах: 1) Декларации китайского правительства относительно управления Северо-Восточными провинциями, в которой комиссия рекомендовала предусмотреть разделение полномочий между центральным и местным правительствами при широкой автономии последнего, организацию «специальной жандармерии с участием иностранных инструкторов» и использование иностранных советников и чиновников, «значительную часть которых должны составлять японцы», а также уроженцы малых и великих держав. Рекомендованные Советом Лиги наций два главных советника «в течение периода организации и искробования нового режима имели бы широкие полномочия» и осуществляли контроль над жандармерией и налоговой администрацией; кроме того, из числа лиц, рекомендованных правлением Банка международных расчетов, должен был назначаться генеральный советник Центрального банка; 2) Китайско-японском договоре относительно японских интересов, предусматривающем «свободное участие Японии в экономическом развитии Маньчжурии, которое не влекло бы за собою право контролировать страну как с экономической, так и с политической точек зрения»; подтверждение прав, которыми Япония пользуется в провинции Жэхэ; распространение на всю Маньчжурию права поселения японских уроженцев при сохранении, с некоторыми изменениями, принципа экстерриториальности; соглашение об эксплуатации железных дорог; 3) Китайско-японском договоре о согласительной процедуре и арбитраже, о непаде-

ния и взаимной помощи; 4) Китайско-японском торговом договоре, который содействовал бы увеличению объема торговли между обеими странами. «одновременно сохраняя договорные права, существующие у других стран» (см. там же, стр. 171—180).

Солидарность советского народа и его правительства с китайским народом, выступавшим против японской агрессии и борющимся за независимость своей страны, и меры Советского правительства по укреплению безопасности советского Дальнего Востока истолковывались в докладе как угроза Японии со стороны СССР. «Поскольку Советское правительство и III Интернационал проводят политику, направленную против всех империалистических держав, которые поддерживают отношения с Китаем на основе существующих договоров,— говорилось в докладе,— представляется вероятным, что они поддержали бы Китай в его борьбе за возвращение суверенных прав. Это обстоятельство возродило все старые опасения и подозрения Японии по отношению к ее русскому соседу... Ничья вероятность опасности со стороны североманьчжурской границы снова приобрела для Японии большое значение... Японские опасения еще больше увеличились за последние годы благодаря господствующему влиянию, приобретенному СССР во Внешней Монголии, и росту коммунизма в Китае» (см. «Report...», pp. 36—37). Таким образом, положения доклада комиссии Литтона искажали внешнюю политику СССР и имели явно антисоветский характер, отражая стремление западных держав направить японскую агрессию против Советского государства, столкнуть между собой Японию и СССР.

Существование предложений комиссии Литтона об «урегулировании» японо-китайского конфликта сводится к тому, что, как это видно из доклада, она уклонилась от рекомендаций, направленных к полной ликвидации последствий японской агрессии. Напротив, констатирован факт захвата Маньчжурии Японией и высказавшись за «сохранение суверенитета» Китая над этими провинциями, а также за соответствие решения вопроса «Статуту Лиги наций, Парижскому пакту и Вашингтонскому договору девяти держав» от 6 февраля 1922 г., комиссия, выдвинув план «автономии» Маньчжурии, охраняемой и контролируемой империалистами через иностранных советников, признания «особых интересов» Японии и установления принципа «открытых дверей», по существу предлагала поделить сферы влияния в Северо-Восточном Китае между Японией и другими империалистическими державами, прежде всего США, Великобританией и Францией, удовлетворив при этом значительную часть требований агрессора.

Доклад комиссии Литтона был рассмотрен на 69-й сессии Совета Лиги наций 28 ноября 1932 г., решившей передать его вместе с материалами обсуждения Ассамблее Лиги наций, которая 9 декабря приняла резолюцию о передаче доклада Комитету 19-ти (см. прим. 324).

Захват Японией Маньчжурии стал совершившимся фактом, и принятие Ассамблеей Лиги наций 24 февраля 1933 г. доклада Комитета 19-ти (см. «The League's Verdict on the Sino-Japanese Dispute», Waichiaori, 1933; «Сборник...», вып. VI, стр. 189—212) носило по существу декларативный характер, преследуя цели прикрыть империалистическую политику западных держав на Дальнем Востоке. Китай согласился с указанным выше решением Ассамблеи; Япония же отвергла его и, чтобы развязать себе руки в осуществлении агрессивных планов, 27 марта 1933 г. вышла из Лиги наций.— 81, 293, 270, 292, 334

⁴³ Советско-итальянские экономические переговоры начались 3 марта 1932 г. в Риме. Итальянскую делегацию возглавлял заместитель министра корпораций Тригона. В ее состав входили представители министерств: иностранных дел, корпораций, земледелия, финансов и путей сообщения. В состав советской делегации, которую возглавлял заместитель наркома внешней торговли СССР П. Я. Вейсгер, входили член коллегии Наркомвнешторга М. М. Дволайцкий, торгпред СССР в Италии М. А. Левенсон и др.— 82

“ В ответном письме Н. Н. Крестинскому от 12 февраля 1932 г. Д. И. Курский сообщал, что основными декретами в этой области являются декрет от 21 декабря 1931 г. за № 1860 о «праве правительства устанавливать порядок импорта товаров из некоторых стран» и декрет от того же числа за № 1574 о «праве министра финансов вводить новые запрещения импорта», причем первый из этих декретов до настоящего времени не издан.

Декрет № 1574 «предоставляет министру финансов, по согласованию с МИД, министрам корпораций и агрикультуры, право ограничения или запрета ввоза товаров в связи с мероприятиями какого бы то ни было характера, принятыми иностранными государствами и затрудняющими импортную торговлю». Указав, что этот декрет получил применение только в отношении Франции, в ответ на контингентирование последней итальянского ввоза во Францию, возможность его применения к СССР Курский считал исключенной, так как Италия признала монополию внешней торговли СССР.

Декрет № 1860, писал полпред, относится к странам, регулирующим свой ввоз путем ограничения торговли девизами, следовательно, также и к СССР. По его мнению, «можно ожидать попыток применения к нам этого декрета лишь в том случае, если итальянцы пожелают этим путем выравнивать итало-советский торговый баланс».

Курский сообщал далее, что, помимо упомянутых официальных постановлений таможенно-валютного характера, известно также о существовании неофициальных инструкций банкам об ограничениях при переводе валюты за границу, связанных с необходимостью обоснования этих переводов и представления объяснений по поводу происхождения иностранной валюты. «Серьезных трудностей в отношении переводов, производимых нашими хозяйственными органами, пока что не имеется, однако нельзя исключать возможности ухудшения в дальнейшем». — 82

⁴⁵ Конвенция о согласительной процедуре между СССР и Латвией была подписана в Риге 18 июня 1932 г. (см. «Собрание законов...», отд. II, № 23, 19 ноября 1932 г., стр. 308—313).

Конвенция состоит из преамбулы и 14 статей. Ст. 1, 8, 9, 11, 12 и 13 аналогичны ст. 1, 8, 9, 11, 13 и 15 советско-финляндской конвенции о согласительной процедуре (см. док. № 179), а ст. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 10 и 14 в основном воспроизводят положения ст. 2, 3, 5, 4, 7, 8, 6 и 10 согласительной конвенции между СССР и Германией (см. т. XII, док. № 26). — 85

⁴⁶ 4 февраля в беседе с В. П. Потемкиным Росетти сообщил, что Михалакопулос возражает против исключения из текста будущего соглашения оговорки, аналогичной ст. 2 советско-германского Рапальского договора 1922 г. (см. т. V, док. № 121). Он высказал убеждение, что ему не удалось бы провести его ратификацию, если бы предложенная им оговорка была опущена из текста. Тем не менее, по мнению министра, последняя могла бы быть зафиксирована в секретном письме, которым полпредство могло бы обменяться с министерством в момент подписания соглашения. Потемкин выразил сомнение в целесообразности такой формы соглашения, против которой возражает НКВД СССР. — 88

⁴⁷ Речь идет о займе Греции, причем Россия выступала, вместе с Англией и Францией, в качестве гаранта по этому займу и выплачивала по нему в погашение облигаций и процентов 34 543 542 франка. Греция в погашение этого долга России внесла лишь 3 318 542 франка. — 89

⁴⁸ 4 февраля 1932 г. М. М. Славуский сообщил в НКВД СССР следующие факты:

1) На станции Куаньчэнцзы 27 января были арестованы 2 советских гражданина, служащие КВЖД. 2) В ночь на 27 января японские солдаты ворвались в квартиру советского гражданина, начальника станции Куаньчэнцзы и открыли там стрельбу. 3) Ночью 28 января на станции Куаньчэнцзы арестованы 2 японских гражданина, служащих КВЖД.

стованы 4 совгражданина (три служащих КВЖД и один школьник). Трое были жестоко избиты и находятся в больнице. 4) На станции Яомынь 29 января арестованы 2 совгражданина, стрелочники станции. 5) На станции Саньчаэ 29 января, при приходе двигавшегося без разрешения японского эшелона, японские солдаты, применяя приклады и штаны, воспрепятствовали выполнению служебных обязанностей служащими КВЖД. Там же были арестованы два советских гражданина, служащие КВЖД. 6) 30 января японскими войсками была насильственно занята часть квартир служащих КВЖД, во многих квартирах взламывались замки и расхищалось имущество.

Славущкий информировал НКВД СССР, что арестованные, перечисленные в данном сообщении, впоследствии были освобождены. — 93

* 13 января 1932 г. Л. М. Карахан отправил в Баку министру иностранных дел Турции Тевфику Рюштю, направлявшемуся через территорию СССР в Персию, следующую телеграмму:

«Примите мои самые искренние и дружеские поздравления по случаю Вашего краткого пребывания на советской территории, а также мои пожелания полного успеха в Ваших чрезвычайно важных непосредственных личных переговорах с соседним и дружественным правительством Персии».

В ответной телеграмме на имя Карахана от 14 января 1932 г. Тевфик Рюштю, выразив свою искреннюю благодарность за указанную телеграмму, писал: «Я очень признателен за пожелания, которые Вы были так добры выразить и которые исходят из самых благородных чувств и добрососедства, тем более что я уверен, что они будут чрезвычайно высоко оценены нашей страной и найдут, я надеюсь, заслуженный отклик в Персии». — 94

⁵⁰ 6 февраля 1932 г. М. М. Литвинов телеграфировал в НКВД СССР о том, что он избран вице-председателем конференции по разоружению и что сам он вел «усиленную агитацию среди делегаций в пользу избрания Тевфика Рюштю одним из вице-председателей конференции». Литвинов отметил далее, что, хотя кандидатура Тевфика Рюштю не собрала необходимого большинства, получение им 27 голосов «надо признать большим успехом, учитывая отсутствие всякой поддержки со стороны Лиги наций и президиума». — 95

⁵¹ Конфликт между Германией и Литвой по мемельскому вопросу в 1932 г. возник после смещения 6 февраля 1932 г. губернатором Мемеля Меркиса, председателя мемельской дирекции Бетхера и роспуска этой дирекции, которая проводила протерманскую политику и находилась в оппозиции к губернатору. Меркис принял это решение после поездки Бетхера в Берлин в сопровождении двух членов мемельской палаты представителей. Один из сопровождавших был пропущен в Берлин на основании удостоверения, выданного генеральным консулом Германии в Мемеле, которое гласило, что данное лицо едет по делам, касающимся «серьезных германских интересов». В Берлине, по утверждению литовского правительства и губернатора Меркиса, эти лица вели переговоры с представителями германского правительства без согласия правительства Литвы.

Правительство Германии расценило действия Меркиса и литовского правительства как нарушение Мемельской конвенции 1924 г. (см. т. VII, прим. 23) и обратило на это внимание Лиги наций. Совет Лиги наций на заседании 22 февраля 1932 г. ограничился констатированием того, что, согласно Мемельской конвенции, ее участники имеют возможность исчерпать спор путем обращения к Постоянной палате Международного суда в Гааге.

23 февраля 1932 г. Бетхер сам подал в отставку. Между тем Меркис поручил составление новой дирекции Симантису. Эта директория при первом же своем выступлении перед палатой 22 марта 1932 г. (в ней большинство имели немцы) получила вотум недоверия. После этого палата была распущена.

11 апреля 1932 г. правительства Великобритании, Италии, Франции и Японии как сигнаторы Мемельской конвенции обратились в Постоянную

палату Международного суда в Гааге с меморандумом, в котором поддерживалась точка зрения Германии. В контрмеморандуме от 26 мая 1932 г. литовское правительство продолжало отстаивать свою позицию.

12 августа 1932 г. Постоянная палата Международного суда в своем решении признала, что смещение Бегхера и создание директории Симантиса были правильны. Палата отметила, что смещение председателя директории не должно повлечь за собой смещение остальных членов директории и что роспуск мемельской палаты представителей, произведенный 22 марта 1932 г., был неправилен (см. «Сборники документов по международной политике...», вып. IV, М., 1933, стр. 152—164).

Тем временем произведенные новые выборы в палату представителей, закончившиеся победой оппозиционных губернатору партий, вынудили Меркиса выйти в отставку.— 97

⁵² В телеграмме от 10 февраля 1932 г. М. А. Карский, сообщая об исполнении указания Б. С. Стомоныкова, писал, что беседовал с премьер-министром Литвы Тубялисом, который заявил, что «литовское правительство сделало все возможное, чтобы избежать инцидента», и что компромиссное соглашение об образовании новой немецкой директории, к чему склонялись мемельцы и немецкая миссия, было сорвано «директивами Берлина, после чего мемельцы отказались от составления новой директории. Литовское правительство дало инструкции Меркису предложить мемельцам директорию из лидеров немецкой фракции. Очевидно, и это предложение будет отвергнуто: тогда будет назначена литовская директория, которая распустит сеймик и назначит новые выборы» (см. прим. 51).— 98

⁵³ 5 февраля 1932 г. на 3-м пленарном заседании Конференция по сокращению и ограничению вооружений глава французской делегации военный министр Тардьё (с 21 февраля 1932 г.— премьер-министр и министр иностранных дел) представил предложения, получившие название «план Тардьё». Основой этого плана было создание под эгидой Лиги наций международной армии для «превентивных, а в случае нужды и репрессивных действий» против нарушителей мира и принятие ряда политических мер безопасности (см. «Сборники документов по международной политике...», вып. IV, М., 1933, стр. 42—47). Без гарантий безопасности французская делегация, ссылаясь на ст. 8 Статута Лиги, соглашалась лишь на ограничение вооружений в определенных пределах, исходя из потребностей каждого государства.

Выработанный при участии высших французских военачальников план Тардьё должен был обеспечить усиление военного превосходства Франции. План предусматривал консолидацию вооруженных сил капиталистических государств номинально под эгидой Лиги наций, фактически под руководством французского генерального штаба. Создание международных вооруженных сил под руководством Франции, проводившей антисоветскую политику, для «исполнения» ст. 16 Статута Лиги наций было направлено в первую очередь против СССР.

План Тардьё был поддержан только некоторыми странами, находившимися в политической и экономической зависимости от Франции, в частности Польшей, Чехословакией, Румынией, Югославией и частью Бельгией. Против этого плана выступили германская и итальянская делегации, отстаивавшие принцип «равенства в вооружениях». Они не желали усиления Франции, а некоторые пункты французских предложений рассматривали как угрозу своей безопасности. В частности, они считали, что предложение о передаче Лиге наций крупных транспортных самолетов было направлено против Германии, имевшей большое число крупных самолетов типа «Юнкерс», а крупных бомбардировщиков — против Италии, на вооружении которой было много самолетов этого типа.

Не поддерживали плана Тардьё делегации Великобритании и США, представившие собственные предложения, частично направленные против интересов Франции (см. прим. 113, 181, 307).

Оценка и критика плана Тардые со стороны советской делегации содержится в комментируемом документе.

Впоследствии французская делегация включила ряд положений плана Тардые в «план организации мира», изложенный в меморандуме от 11 ноября 1932 г. (см. прим. 284). — 102

⁵⁴ 11 апреля 1932 г. полпред СССР в Персии А. М. Петровский сообщил в НКВД СССР, что «персидское правительство разрешило пропуск противосаранчовой экспедиции вместе с материалами. Персидским консульствам в Тифлисе и Баку даны телеграфные указания о выдаче виз». — 112

⁵⁵ 4 февраля 1932 г. дипломатический обозреватель английской газеты «Дейли телеграф» заявил, что между СССР и Японией якобы имеется «молчаливое соглашение относительно Маньчжурии и некоторых прилегающих к ней районов».

Подобного рода провокационные сообщения опубликовывались и в ряде других газет западных стран, например «Вашингтон пост» от 8 февраля 1932 г. — 112

⁵⁶ В письме в III Западный отдел НКВД СССР от 3 февраля 1932 г. М. И. Розенберг сообщал, что «целый ряд заграничных займов, предоставленных Францией, был замаскирован. Возможно также, что при посредстве «Шнейдер-Крез», который будто бы получал крупные японские заказы, Япония получила крупный банковский кредит».

Сведения по вопросу о предоставлении Францией Японии займов и кредитов во время японской агрессии в Северо-Восточном Китае проникли также в мировую печать, которая сообщала, что в 1932 г. велась франко-японские переговоры о предоставлении займа Японии, в ходе которых японская сторона предлагала также заключить союзный договор между обеими странами.

Так, 10 октября 1932 г. агентство Рейтер распространило сообщение о том, что Япония официально предложила Франции заключить договор о союзе (см. «Documents diplomatiques Français, 1932—1939», I-re série, tome I, Paris, 1964, pp. 422—423).

Согласно телеграмме ТАСС из США от 2 ноября 1932 г. токийский корреспондент газеты «Чикаго дейли ньюс», ссылаясь на сведения, полученные «из осведомленных кругов», сообщал о переговорах «в Париже между представителями японского и французского правительств о тайном союзном договоре» и «предоставлении займа Японии в размере 500 млн. франков» (см. газ. «Известия» № 306(4876), 4 ноября 1932 г.). В корреспонденции ТАСС из Лондона от 10 декабря 1932 г. также сообщалось о распространившихся в Лондоне слухах относительно стремления японских правящих кругов разместить заем во Франции для укрепления своих позиций в Маньчжурии (см. газ. «Известия» № 341(4911), 11 декабря 1932 г.).

Хотя достоверность этих сообщений отрицалась французской дипломатией (см. «Documents diplomatiques Français...» I-re série, tome I, pp. 422—423; tome II, p. 11), тем не менее, как это явствует из опубликованных документов МИД Франции, выдержки из которых приводятся ниже, представители японских военных кругов предпринимали шаги в целях заручиться политической и финансовой поддержкой французских правящих кругов для осуществления своих агрессивных планов на Дальнем Востоке, и по этим вопросам имел место обмен мнениями между представителями обеих стран. Так, 8 июля заместитель военного министра Японии Койсо посетил французского посла в Японии Мартеля и просил о финансовой помощи для «защиты прав» Японии в Маньчжурии. Как сообщал Мартель в своей телеграмме МИД Франции, Койсо при этом добавил, что Франция и Япония «полностью заинтересованы в сближении друг с другом, которое облегчило бы установление равновесия сил, а следовательно, и политическую стабилизацию на Дальнем Востоке». По словам Мартеля, личность ген. Койсо, представителя «самых активных элементов военной клики», придавала этому предложению «большую ценность» (ibid., p. 9).

В связи с этой телеграммой министр иностранных дел Эррио в телеграмме Мартелю от 11 июля указывал: «Благоволите вежливо уклониться от предложения ген. Койсо, тщательно позаботившись о том, чтобы не оставлять никаких следов, которые могли бы вызвать подозрение о двойственности нашей позиции в отношении Лиги наций или стран — участниц Вашингтонского договора» (ibid., p. 15).

9 июля 1932 г. военный советник японской делегации в Лиге наций Кобаяси сделал по поручению ген. Мацуи заявление французскому представителю в Лиге наций Массигли, в котором он призвал осуществить «тесное сближение» между Францией и Японией. В качестве аргументов в пользу такого сближения Кобаяси выдвинул утверждение, что франко-японское сближение «дало бы Франции ценную гарантию против России: оно обеспечило бы безопасность Индо-Китая от угрозы коммунизма» и др. Массигли, хотя и уклонился от ответа на это предложение, тем не менее заявил: «Япония знает, что французское правительство одушевлено заботой сотрудничать с ней по возможно максимальному числу вопросов. Оно неоднократно доказало это в Женеве, и с тех пор, как разразился китайско-японский конфликт, французские представители в Совете Лиги наций дали неоспоримые доказательства своей доброй воли» (ibid., p. 8).

Такая позиция французской дипломатии встречала одобрение и признательность японских милитаристов. В этом смысле показательно заявление военного министра Японии ген. Араки, которое он сделал в беседе с командующим французскими военно-морскими силами на Дальнем Востоке адмиралом Бертело 6 сентября 1932 г. Сетывая на распространение в мире «непонимание» целей и мотивов японской агрессии на Дальнем Востоке, Араки в то же время отмечал: «Во Франции же, напротив, правительство и общественное мнение, как, впрочем, и французский делегат в комиссии по расследованию Лиги наций ген. Клодель (см. прим. 42.— *Ред.*), проявили правильное понимание положения вещей и восприняли факты и их последствия с чувством совершенного реализма. Правительство и народ Японии признательны вам за эту позицию, которая служит новым проявлением лояльности и здравого смысла вашей страны». Коснувшись отношений с СССР, Араки заметил, что «Россия — страна неустойчивая» и что за ней «следует присматривать». Далее он заявил: «Я считаю, что при нынешних обстоятельствах все более и более тесное, все более нитимое сближение между обоими странами (Францией и Японией.— *Ред.*) могло бы принести пользу нашим общим интересам и, кроме того, служило бы фактором международного мира».

В ответ на это заявление Бертело сказал, что «он весьма тронут тем, что услышал столь важное заявление от высокопоставленной особы, влияние которой в правительственных органах общеизвестно; он добавил, что «не преминет дословно передать это заявление морскому министру в Париже» (ibid., pp. 276—277).

13 сентября 1932 г. французский поверенный в делах в Японии в телеграмме Эррио сообщал о «неофициальном» запросе заведующего договорным отделом МИД Японии Мацудайра о том, каково отношение французского правительства к эвентуальному советско-японскому пакту о ненападении. «Демарш г. Мацудайра, — говорилось в телеграмме, — достаточно симптоматичен, поскольку он последовал за предложениями о политическом сближении между Францией и Японией, сделанными нам военными кругами». В конце телеграммы отмечалось: «Представляется очевидным, что определенные руководители министерства иностранных дел, хотя и не хотят действовать под диктовку военных, тем не менее желают ориентировать японскую политику в направлении более тесного сотрудничества между обоими странами» (ibid., pp. 311—312). В связи с запросом Мацудайра Эррио в телеграмме поверенному в делах Франции в Японии от 15 сентября 1932 г., в частности, указывал: «Благоволите ограничиться устным заверением общего характера в адрес Мацудайра о нашем сочувствии в отноше-

нии любого соглашения, имеющего цель укрепление мира. В дополнение к этому Вы могли бы, соблюдая дискретность и внешнюю беспристрастность, при случае заметить, что упомянутое соглашение скорее выгодно СССР, нежели Японии» (*ibid.*, pp. 330—331). — 113

⁵⁷ С января 1931 г. основные документы, относящиеся к КВЖД, обычно направлялись из Харбина в Москву от имени четырех советских официальных лиц: генерального консула СССР в Харбине, вице-председателя правления КВЖД, управляющего КВЖД и заместителя вице-председателя правления КВЖД и для краткости подписывались словом «четверка». В дальнейшем, с апреля 1931 г., подобные документы стали подписываться лицами, занимавшими лишь три первые должности. В 1932 г. этими лицами являлись М. М. Славущий, С. М. Кузнецов, Ю. В. Рудый. Однако по традиции подпись «четверка» сохранялась. — 114

⁵⁸ Речь идет о том, что Ванжер заявил М. Г. Гуревичу о желательности осуществления Советским Союзом значительных закупок товаров во Франции. Ранее, в беседе 28 января 1932 г. об этом говорил Лаваль В. С. Довгалецкому (см. док. № 32).

В целях создания лучших условий для взаимовыгодной торговли торговство СССР во Франции сделало французским фирмам ряд предложений. В письме от 27 февраля 1932 г. в НКВТ СССР Гуревич писал: «Мы передали трубному синдикату предложение на 5—10 тыс. т труб разных размеров, потребовав кредита [на срок в] 18 месяцев. «Петрофина» выразила согласие гарантировать векселя Нефтеэкспорта (сделка производится от имени нашей нефтяной организации)... Фирме «Фин-Лиль» мы передали запрос на компрессоры, мостовые краны Запорожстали... Целому ряду фирм мы передали запросы на оборудование литейной и кузнечи Челябинского тракторостроения. Переговоры по вопросам о возможности советских закупок велись также и с другими фирмами Франции». — 121

⁵⁹ 19 февраля 1932 г. Л. М. Карахан принял персидского посла Пакревана и вручил ему три вербальных нота относительно инцидентов на советско-персидской границе.

В ноте от 19 февраля за № ВО/423 НКВД СССР выразил энергичный протест против нарушения неприкосновенности территории Советского Союза персидскими пограничными властями в районе Белясувара. В ноте указывалось, что НКВД СССР «не может признать разьяснения, данные персидским пограничным комиссаром по упомянутому выше инциденту, удовлетворительными и тем более не может признать самый инцидент исчерпанным». Далее подчеркивалось, что только миролюбивая тактика советской пограничной охраны при этом инциденте «дала возможность избежать тяжелого осложнения на советско-персидской границе» и выражалась уверенность, что персидское правительство «примет меры к тому, чтобы прекратить практику вооруженных вторжений в пределы Советского Союза».

В двух других нотах за № 422 и № 1 ВО/151, датированных 17 февраля 1932 г., отмечались многочисленные факты налетов басмаческих банд на советскую территорию, в частности в районе Атрека, при полустительстве и содействии персидских пограничных властей. В ноте № 422 приводилось 8 случаев налетов на советскую территорию банд басмачей с территории Персии. В ноте № 1 ВО/151 перечислялись имевшие место за период с августа по октябрь 1931 г. многочисленные факты покровительства и пособничества со стороны персидских властей басмаческим элементам, нашедшим убежище в пограничной полосе на территории Персии и совершавшим систематические налеты на советские приграничные аулы и селения. НКВД СССР выражал надежду, что персидское правительство «примет меры для решительного оздоровления обстановки в пограничной полосе» (см. также прим. 162).

27 февраля 1932 г. временный поверенный в делах СССР в Персии В. М. Шукерман в свою очередь направил министру иностранных дел Персии

Форуги ноту протеста в связи с пограничным инцидентом в районе Белясувара, в которой, заявляя решительный протест по поводу неоднократного вторжения персидских вооруженных солдат на советскую территорию, с сожалением констатировал, что «персидские пограничные власти не только продолжают безнаказанно нарушать границу и совершать налеты на советскую территорию, но позволяют себе извращать факты и, пытаясь преступной дезинформацией прикрывать налеты на советскую территорию, перекладывают вину за бесчинства на границе на советскую сторону».

Однако персидская сторона пыталась выдвинуть свою версию событий в районе Белясувара и фактически не принимала действенных мер для оздоровления положения на границе.

Подобная позиция персидских пограничных властей создавала благоприятную почву для многочисленных пограничных конфликтов и инцидентов. Так, 15 августа 1932 г. полпредство СССР в Персии направило МИД Персии ноту, в которой содержался энергичный протест против убийства персидскими бандитами Мегринском участке двух советских пограничников.— 124

⁶⁰ Вопрос о денонсировании англо-советского торгового соглашения ставился в английской печати и поднимался некоторыми консерваторами — членами парламента. Так, например, по сообщению полпреда СССР в Англии от 20 января 1932 г., газета «Таймс» в передовой от того же числа указывала на необходимость денонсации этого соглашения и замены его другим договором, который обеспечивал бы советские закупки в Англии. Согласно информации полпреда от 19 февраля, на заседании консервативной фракции английского парламента 18 февраля рассматривался проект резолюции об аннулировании торгового соглашения. Хотя большинство этой фракции и высказалось против того, чтобы в тот период предпринимать такой шаг, оно тем не менее сочувственно встретило это предложение (см. также прим. 67).— 125

⁶¹ Беседа Д. В. Богомолова с Колвиллом состоялась 10 марта 1932 г.; в ходе беседы были затронуты, в частности, вопросы советско-английских торговых отношений. Колвилл, так же как и Саймон (см. док. № 68), говорил о необходимости для Советского правительства принять меры к «выравниванию» торгового баланса и увеличению своих закупок на английском рынке. Богомолов, со своей стороны, подчеркнул, что «мы не против того, чтобы увеличить наши закупки в Англии», но что для этого необходимо улучшить условия кредитования советских заказов. «В других странах, а до последнего времени и в Англии,— сказал он,— большинство наших заказов мы размещали на условиях кредита от 18 до 30 месяцев. Теперь английское правительство неожиданно сократило срок кредита до 12 месяцев. Ввиду того, что у нас имеются значительные обязательства и перед Англией и перед другими странами, подобное ограничение делает для нас невозможным размещение заказов на краткие сроки кредитов».— 126

⁶² В телеграмме от 23 февраля М. М. Славущий сообщал, что японцы представили письменную заявку на подготовку составов для перевозки войск из Харбина на восточную линию КВЖД и требуют паровозы и вагоны для перевозки войск из Чанчуня в Харбин.— 126

⁶³ Советский проект резолюции о всеобщем и полном разоружении от 18 февраля (см. док. № 82) обсуждался 25 февраля на третьем заседании Генеральной комиссии и был отклонен большинством голосов при трех представителях, голосовавших за советское предложение (СССР, Турция и Персия).

25 февраля Генеральная комиссия на своем четвертом заседании единогласно приняла следующую резолюцию:

«Генеральная комиссия решает продолжать обсуждение в рамках проекта конвенции о сокращении и ограничении вооружений, сохраняя за всеми делегациями полную свободу развивать свои собственные предложе-

ния во время последующих дебатов и представлять в нужный момент свои поправки в виде изменений, дополнений или изъятий».

В целях создания атмосферы доверия, а также исходя из того, что данная резолюция предоставляла делегациям возможность в процессе дальнейшей работы вносить свои предложения, советская делегация голосовала за эту резолюцию (см. «Actes de la Conférence...». Série B. Vol. I, Genève, 1932, pp. 12—15).

После принятия Генеральной комиссией этой резолюции предложение СССР о пропорционально прогрессивном сокращении вооружений, как проект в целом, на конференции не рассматривалось.— 134

⁵⁴ Полпред СССР в Норвегии А. А. Бекзаян в письме от 18 февраля 1932 г., касаясь советско-норвежских торговых переговоров и выступления Пера Ларсена в стортинге, писал: «Пока еще спор велся главным образом вокруг режима торгпредства (из-за чего ведь сыр-бор и загорелся), Пер Ларсен, действовавший напрямик, по смыслу выполняемого им социального заказа, не склонный идти нам на уступки, своевременно и ловко прикрылся авторитетом стортинга, заявляя, что только стортинг, мол, может разрешить спор о правах торгпредства».— 140

⁵⁵ По поводу переговоров А. А. Бекзаян и А. А. Киссин в телеграмме от 12 марта 1932 г. сообщили в НКВТ СССР: «Сегодня достигнуто соглашение с норвежским правительством по следующим пунктам: 1) предоставление нам госгарантии на 21—22,5 млн. крон, 2) продажа нам алюминия-сырца на 4,5 млн. крон; если же мы купим у норвежцев сельдь улова прошлого года, то эта сумма увеличивается до 7 млн. крон». В телеграмме указывалось на готовность норвежского правительства «выдать лицензию на 10 000 стандартов пиленых лесоматериалов, а также не препятствовать ввозу запроданных 23 тыс. куб. саженей [круглого леса], если не будет ограничения норвежского экспорта в другие страны».— 140

⁵⁶ 29 февраля 1932 г., согласно записи беседы Н. Н. Крестьянского с постом Германии в СССР Дирксеном, последний сообщил, что «Стимсон вызвал к себе неделю три тому назад фон Притвица (посол Германии в США.— *Ред.*) и предложил через него германскому правительству ратифицировать Вашингтонское соглашение 1922 г. и затем принять участие в совместном демарше держав, подписавших Вашингтонское соглашение, в связи с японо-китайским конфликтом».

Далее в записи беседы отмечалось, что «когда фон Притвиц сообщил МИД о своем разговоре со Стимсоном, то старг-секретарь Бюлов поручил Притвицу дать Стимсону следующий ответ. Германия внимательнейшим образом следит за событиями на Дальнем Востоке и готова сотрудничать с державами в их шагах по ликвидации конфликта. Но при определении границ возможного сотрудничества необходимо: во-первых, считаться с тем, что положение Германии в Китае иное, чем у остальных подписавших Вашингтонское соглашение держав, а именно что Германия отказалась от экстерриториальности и не пользуется в Китае никакими специальными привилегиями, и, во-вторых, что Германия не может принимать безоговорочного участия в санкциях, так как она при вступлении в Лигу наций сделала оговорку по поводу ст. 16 Статута Лиги наций и так как для нее невозможно принять участие в финансовом бойкоте. Что касается вопроса о ратификации Вашингтонского соглашения, то эта ратификация не может быть в настоящее время проведена по чисто внутренним политическим соображениям, ибо рейхстаг ни в коем случае не станет сейчас заниматься этим вопросом».— 140

⁵⁷ В письме от 15 февраля 1932 г. полпред СССР в Великобритании, напомнив о демарше, сделанном Саймоном Д. В. Богомолову 5 февраля 1932 г. (см. док. № 68), сообщал: «Крайняя правая печать утверждает, что правительство в принципе предредило вопрос о денонсировании англо-советского торгового соглашения (см. прил. 60.— *Ред.*), которое в нынешнем виде связывает кабинуру руки, не позволяя ему предпринимать какие-либо

шаги, означающие дискриминацию для СССР как по линии таможенных мероприятий, так и в области изъятия из действия схемы экспортных кредитов. Если бы торговое соглашение было денонсировано, являлась бы возможность угрожать нам значительным ухудшением в сравнении с существующим положением. Из нынешних членов кабинета особенно активно работает в этом направлении Хилтон Янг (министр здравоохранения. — *Ред.*), который хотел бы добиться применения к советским товарам специальных таможенных ставок под видом борьбы с демпингом, а с другой стороны, имеет в виду восстановить положение, существовавшее до осени 1929 г., когда в торговле с СССР не применялись правительственные гарантии по экспортным кредитам. Фракция «твердолобов», возможно, стремится таким путем вообще толкнуть англо-советские торговые и политические отношения на путь резкого ухудшения, при котором события стали бы развиваться по внутренней логике в направлении к враждебному обострению и, в конечном счете, к разрыву. Совершенно очевидно, например, что если бы нынешнее торговое соглашение было денонсировано, то это немедленно отразилось бы самым отрицательным образом на работе торгпредства, существование которого сейчас опирается именно на торговое соглашение. С момента денонсирования торгового соглашения наше торгпредство попало бы в положение, близкое к ликвидационному; свертывание же работы торгпредства всячески подтолкнуло бы агитацию против сохранения дипломатических отношений, в частности в связи с разрывом переговоров о долгах и т. д. Таков возможный план крайних правых, не мирящихся с фактом нормальных отношений с Советским Союзом и добивающихся во что бы то ни стало активной ориентации английской политики против СССР.

Этот план и подобные перспективы в настоящее время не приняты и не одобрены кабинетом в целом. Я думаю, что сообщение правых газет о состоявшемся решении кабинета насчет денонсирования торгового соглашения «предвосткивает» дальнейший ход событий. Вопрос, видимо, обсуждался, но Саймону поручено вести с нами переговоры, имея в резерве для нажима на нас перспективу денонсирования торгового соглашения».

Отметив далее, что наша задача заключается в том, чтобы «по возможности предотвратить обострение» англо-советских отношений и «пытаться найти базу для соглашения с правительственным большинством», полпред предлагал увеличить наши заказы в 1932 г. на английское оборудование до 13—14 млн. ф. ст. и на товары из английских колоний и доминионов до 7—8 млн. ф. ст., а также поставить одновременно вопрос об увеличении сроков товарных кредитов, предоставляемых английским правительством Советскому Союзу, и об обеспечении существовавшей до этого свободы продажи советских товаров на английском рынке.

В письме запрашивались директивы по данному вопросу. — 142

« В письме Н. Н. Крестинского полпреду СССР в Великобританию от 22 февраля 1932 г. относительно перспектив развития советско-английских торговых отношений указывалось: «...наши платежи по выделенным в других странах заказам расположены так, что по новым выдаваемым теперь заказам мы можем платить начиная лишь с 1934 г. Таким образом, увеличение наших заказов в Англии в этом году отразится на расчетном балансе Англии в 1934 г., а не в 1933 г.

Этим и объясняется, почему так трудно выработать план соглашения с Англией по поставленному Саймовым вопросу (см. док. № 68. — *Ред.*).

Мне кажется, что придется говорить начистоту, давать обещания в смысле расширения заказов, но ни в коем случае не идти на сокращение сроков кредитов. Англичане должны понять, что если они не оставят нам прошлогодних кредитных условий, то этим они не заставят нас удовлетвориться более краткими сроками кредитов, а лишь прогонят нас с английского рынка. Это будет очень тяжело для нас с точки зрения размещения нашего экспорта, но это несколько не поможет Англии выравнять ее расчетный баланс. Предметы продовольствия, которые Англия покупала у нас, ей

все равно придется ввозить в том же количестве, а вывоз продукции ее промышленности уменьшится, так как нашего рынка ей никто не заменит». — 142

⁶⁹ Основное содержание директив НКВТ СССР, направленных 26 февраля 1932 г. А. В. Озерскому, изложено в комментируемом документе.

Кроме того, Озерскому поручалось сообщить английской стороне, что в случае удовлетворительного разрешения вопроса о нашем экспорте в Великобританию «мы согласны пойти на увеличение в 1932 г. фрахтуемого тоннажа английского флота на 40% против 1931 г. при условии соответствия цен фрахта». — 142

⁷⁰ В заявлении японского правительства, сообщенном Хирота М. М. Литвинову 13 октября 1931 г. относительно белогвардейцев, в частности, говорилось, что «не может быть и речи о поддержке их японским правительством, а тем более о снабжении их оружием». — 143

⁷¹ Согласно сообщению агентства Симбун Рэнго, переданному корреспондентом ТАСС (см. газ. «Известия» от 27 февраля 1932 г.), меморандумы, врученные 26 февраля 1932 г. (в «Известиях» указано 25 февраля) послами США, Англии, Франции и Италии министру иностранных дел Японии Иосидзавы, носили «дружественный характер». В них выражалось удовлетворение тем, что японские командиры удерживают линию фронта вдали от селтльмента, и высказывалась надежда, что в будущем селтльмент не станет районом военных действий. В меморандумах была высказана просьба не высаживать вновь отправляемые японские войска на территории селтльмента, чтобы избавить его пристани от бомбардировок со стороны китайских войск.

Инструкция относительно представления японскому правительству, направленной от имени Саймона послу Великобритании в Японии Линдлею, подтверждает сообщение агентства Симбун Рэнго о «дружественном характере» английского меморандума (см. «Documents on British Foreign Policy, 1919—1939», Second Series, Vol. IX, London, 1965, pp. 605—606). Инструкция государственного секретаря послу США в Японии Форбсу по этому вопросу дана лишь в изложении (см. «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, Japan, 1931—1941», Vol. I, Washington, 1943, pp. 200—201). В английской и американской публикациях дипломатических документов тексты самих меморандумов не приведены; имеются только сообщения послов о факте их вручения (см. «Documents...», Vol. IX, pp. 630—631; «Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1932», Vol. III, Washington, 1948, pp. 450—451). — 144

⁷² В указанном меморандуме сообщалось, что «лоцманская служба Швеции предлагает созвать в Стокгольме конференцию уполномоченных Швеции, Финляндии, СССР, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Свободного Города Данцига, Германии, Дании и Норвегии для обсуждения некоторых вопросов, связанных с радиомаячным устройством на Балтийском море, а также в Каттегате и Скагерраке и на прилегающих фарватерах. Задачей конференции является установление сотрудничества между указанными государствами с целью урегулирования вопросов, связанных с деятельностью маяков».

На упомянутой конференции, состоявшейся в Стокгольме с 19 по 26 мая 1932 г., участвовал представитель СССР. — 144

⁷³ 5 марта 1932 г. Дирксен сообщил Н. Н. Крестинскому, что немедленно после беседы с ним 2 марта он послал телеграмму с соответствующим запросом германскому генеральному консулу во Владивостоке, в ответ на которую он получил 3 телеграммы.

При этом Дирксен заявил, что «он, к сожалению, должен сказать, что ему не удалось выяснить, кто из сотрудников консульства мог быть вовлечен в помощи японскому шпионажу». После того как Дирксен перечислил всех сотрудников германского генерального консульства во Владивостоке, Крестинский обратил его внимание на напечатанную в газ. «Известия» от

4 марта телеграмму об одном донесении японского генерального консульства во Владивостоке. «Все содержащиеся в донесении факты, — заявил Крестинский, — по утверждению японского генконсула, — получены им от одного осведомленного иностранца. Этим осведомленным иностранцем и является, по имеющимся у нас достоверным сведениям, один из сотрудников германского генконсульства. Я не сомневаюсь, что после этого моего дополнительного указания Дирксену будет легко установить человека, дальнейшего присутствия которого в составе работников германского генконсульства является невозможным».

Впоследствии был отозван в Германию секретарь германского генерального консульства во Владивостоке А. Вольный. — 151

⁷⁴ Финляндская торговая делегация находилась в Советском Союзе с 21 по 28 февраля 1932 г. В состав делегации входили: Хаксель (директор-распорядитель союза предпринимателей деревообрабатывающей промышленности, руководитель делегации), Вилланен (председатель объединения финских промышленников), Лавонius (председатель концерна металлической промышленности), Линдта (председатель объединения бумажной промышленности), Пулланен (председатель сельскохозяйственных кооперативов Выборгского района) и профессор Ютила (видный аграрий, бывший член правительства). Делегация дважды была принята в Наркомате внешней торговли СССР, где и имел место обмен мнениями по вопросам советско-финляндских торговых отношений.

По возвращении в Финляндию Хаксель посетил полпреда СССР и выразил благодарность Советскому правительству за хороший прием, оказанный финляндской делегации в СССР. — 151

⁷⁵ Совет Лиги наций в резолюции от 19 февраля 1932 г. (см. «Сборники документов по международной политике», вып. III, М., 1932, стр. 65) назначил на 3 марта 1932 г. заседание Ассамблеи Лиги наций для рассмотрения дальневосточного конфликта. — 154

⁷⁶ Имеется в виду нарушение правительством США обязательств по отношению к Корее, вытекающих из американо-корейского договора 1882 г.

В июле 1905 г. между США и Японией было заключено так называемое соглашение Тафт — Кацура, которое фактически поощряло японскую агрессию против Кореи. Оно содержало также заверение Японии правительству США в отсутствии у нее агрессивных намерений относительно Филиппинских островов. Кроме того, Япония гарантировала сохранность американских концессий в Корее. В результате этого соглашения, а равно англо-японского соглашения от 12 августа 1905 г. Япония удалось силой навязать Корее 17 ноября 1905 г. договор, ставивший ее под протекторат Японии (см. сб. «Международная политика новейшего времени в договорах, нотках и декларациях», ч. I, М., 1925, стр. 325). — 154

⁷⁷ В упомянутой справке приводились данные, характеризующие экспорт Великобритании в Советский Союз в 1931 г.

По данным министерства торговли Великобритании, стоимость английского экспорта в Советский Союз в 1931 г. составила 7 121 349 ф. ст. К этому добавлялась стоимость судов, купленных Советским Союзом в Англии в 1931 г. на сумму 354 250 ф. ст., а также стоимость реэкспорта Великобритании в Советский Союз на сумму 1 923 001 ф. ст. Таким образом, общая сумма экспорта Великобритании в Советский Союз в 1931 г., по этим данным, составила 9 398 600 ф. ст. (в излагаемой справке ошибочно — 9 408 600 ф. ст.).

По данным советских торговых организаций, приведенным в справке, общая сумма закупок, произведенных Советским Союзом в Англии в 1931 г., составляла 14 973 118 ф. ст., в том числе 4 790 317 ф. ст. — стоимость реэкспорта.

Разница между этими данными объяснялась в справке тем, что значительная часть товаров была закуплена Советским Союзом в Англии в последние месяцы 1931 г., после того как были предоставлены более долго-

срочные кредиты, и их фактический вывоз был осуществлен лишь в 1932 г.; кроме того, часть товаров, закупленных Советским Союзом у английских фирм на лондонском рынке на сумму 2,1 млн. ф. ст., была вывезена в СССР непосредственно из портов английских колоний и доминионов и, таким образом, не была зарегистрирована английской таможней.

В справке приводилась также сумма невидимого экспорта (фрахт, страхование, банковские сборы и др.) Великобритании в СССР в 1931 г. — 7 054 885 ф. ст. и сумма акцизного налога на ввезенную из Советского Союза в Англию нефть — 2 134 585 ф. ст. (справка на английском языке опубликована с незначительными изменениями в сб. «Documents on British Foreign Policy, 1919—1939», Second Series, Vol. VII, 1929—1934, London, 1958, pp. 235—237). — 159

⁷⁵ 10 марта 1932 г. А. В. Озерский встретился с директором департамента экспортных кредитов Никсоном и сообщил ему о предложениях советской стороны (см. док. № 96). Никсон заявил, что если общая сумма гарантированных кредитов по советским заказам в 1932 г. составит 14—15 млн. ф. ст., то необходимо, чтобы значительная часть этих кредитов предоставлялась на срок в 12 и менее месяцев, причем максимальный срок кредита может быть установлен лишь в 24 месяца. Долгосрочные кредиты, сказал далее Никсон, могут быть предоставлены лишь при наличии реальных обеспечений кредитов со стороны Советского Союза. Далее Никсон, оговорившись, что это является его личной идеей, предложил, чтобы Советский Союз договорился с Германией об использовании замороженных английских капиталов в Германии для оплаты своих текущих платежей германским фирмам по старым обязательствам. Такая операция, по его словам, будет содействовать сокращению вывоза стерлинговой выручки Советского Союза из Великобритании и укрепит его связи с крупнейшими английскими банками. Никсон просил при этом, чтобы при переговорах с Германией по этому вопросу английская сторона не упоминалась.

19 марта 1932 г. Озерский сообщил Никсону, что советская сторона считает возможным внести вклад — обеспечение платиной и другими ценностями в размере не более 7—8% гарантированной части стоимости заказов по кредитам на срок не менее 18 месяцев при условии, если департамент экспортных кредитов окажет содействие в реализации этих ценностей. Что касается использования Советским Союзом кредитов сроком в 12 месяцев, то этот вопрос, заявил Озерский, должен быть поставлен в зависимости от характера предполагаемых заказов, а не в качестве предпосылки к заключению общего соглашения. Далее Озерский сообщил Никсону, что вопрос об использовании английских капиталов, замороженных в Германии, нуждается в тщательном изучении, рассматривается в Москве весьма осторожно, как об этом просил Никсон.

В ответ Никсон сказал, что сделанные советской стороной предложения не отвечают ожиданиям департамента экспортных кредитов, что они, по его личному мнению, будут отвергнуты, что дальнейшие переговоры вряд ли возможны на их основе: департамент, очевидно, будет настаивать на том, чтобы советская сторона вносила вклад в фунтах стерлингов и чтобы она взяла на себя обязательство размещать заказы на условиях кредита сроком не только в 12, но и в 3, 6 и 9 месяцев.

В заключение Никсон обещал дать официальный ответ департамента экспортных кредитов на предложения Озерского в конце марта. — 160

⁷⁶ В ответе японского правительства, врученном 5 марта 1932 г. советником посольства Японии в Москве Амо Т. М. Карахану, прежде всего излагалось очередное заверение в том, что у японского правительства «нет ни малейшего намерения нарушить права и интересы Советского Союза на КВЖД». По вопросу о нарушении ст. VII Портсмутского договора со стороны Японии в ответе говорилось, что японское правительство «как до сих пор лояльно соблюдало, так и впредь будет соблюдать те или иные статьи Портсмутского договора». Затем делалась попытка доказать, что «отправки

войск в район КВЖД являются полицейско-защитительными мерами, ставящими своей исключительной целью охрану жизни и имущества японских резидентов в районе КВЖД, и не имеют никакой стратегической цели», что перевозка войск по КВЖД идет в плане коммерческих операций дороги, и потому все это не имеет отношения к Портсмутскому договору.

Что касается нарушения ст. II Портсмутского договора со стороны Японии, концентрировавшей свои войска в районе советско-кореической границы, в ответе говорилось: «Нет такого факта, что с подобной целью японской стороной отправляются войска в районы, прилегающие к этой границе. Ввиду этого вопрос о нарушении вышеупомянутой статьи не может иметь места». — 162, 178

³⁰ 4 марта 1932 г. в газете «Известия» была опубликована передовая статья «Советский Союз и Япония», в которой говорилось о росте японских провокаций, направленных на обострение советско-японских отношений. В статье разоблачались антисоветские интриги — заявление представителя японского МИД, в котором он на основе сведений, полученных якобы от «заслуживающего доверия иностранца», делал вывод о неизбежности военного столкновения Советского Союза и Японии.

Кроме того, в статье цитировались два документа, в которых перед японским правительством ставился вопрос об ускорении войны против СССР для захвата Восточной Сибири.

В первом документе говорилось: «По вопросу о том, следует ли Японии начать войну с Советским Союзом или нет, считаю необходимым, чтобы Япония стала на путь твердой политики в отношении Советского Союза, будучи готовой начать войну в любой момент. Кардинальная цель этой войны должна заключаться не столько в предохранении Японии от коммунизма, сколько в завладении советским Дальним Востоком и Восточной Сибирью».

Во втором документе, опубликованном в «Известиях», сказано: «Японо-советская война, принимая во внимание состояние вооруженных сил СССР и положение в иностранных государствах, должна быть проведена как можно скорее. Мы должны осознать то, что по мере прохождения времени обстановка делается все более благоприятной для них. Я считаю необходимым, чтобы императорское правительство повело бы политику с расчетом как можно скорее начать войну с СССР... Настоящий момент является исключительно благоприятным для того, чтобы наша империя приступила к разрешению проблемы Дальнего Востока. Западные государства, граничащие с СССР (Польша, Румыния), имеют возможность сейчас выступить согласованно с нами, но эта возможность постепенно будет ослабевать с каждым годом».

Статья, отмечая рост агрессивных намерений японских милитаристских кругов в отношении Советского Союза, предостерегала любителей военных авантур, указывая, что «Советское правительство вело, ведет и будет вести твердую политику мира и невмешательства в происходящие в Китае события. Но это ни в коем случае не означает, что Советский Союз позволит кому бы то ни было нарушить неприкосновенность советских границ, вторгнуться в его пределы и захватить хотя бы малейшую часть советской земли».

Из материалов Токийского процесса над главными японскими военными преступниками (1946—1947 гг.) яствует, что автором первого документа, опубликованного в газ. «Известия», являлся японский посол в СССР Хирога, а второй документ принадлежал японскому военному атташе в СССР Касахара (см. АВП СССР, ф. 436, оп. 2, п. 9, д. 16, лл. 191, 222). — 167

³¹ После начала агрессии Японии на северо-востоке Китая и приближения японских войск к советским границам официальные японские лица систематически выступали с враждебными СССР статьями в высказываниями.

Так, в анкете политических деятелей Японии по маньчжурскому вопросу, опубликованной газетой «Джапан таймс» в ноябре 1931 г., генерал Араки заявлял, что Япония «должна учесть» якобы агрессивную политику

СССР в Маньчжурии (сообщение корреспондента ТАСС из Токио от 12 ноября 1931 г.).

Начальник штаба воздушных сил Японии генерал Оё, по сообщению газеты «Мансю ниппо», прибыв в Мукден 12 февраля 1932 г., указывал на опасность, которую якобы «несет для Востока» советская авиация, и призывал располагать японскую авиацию на территории Северо-Восточного Китая, создавая там авиационные базы, чтобы японский воздушный флот «был ближе к противнику» (корреспонденция ТАСС из Мукдена от 14 февраля 1932 г.).

Генерал-лейтенант Хата, советник военного министерства Японии, опубликовал в январе 1932 г. в газете «Нити-яити» серию статей, озаглавленных «Оборона японской империи». В них Хата обвинял СССР в «создании беспорядков» в других странах, заявлял, что СССР «обладает достаточной мощью, чтобы протянуть руку на Восток», и утверждал, что произойдет «усиление военной активности» СССР после выполнения первой пятилетки. «Совершенно бесспорно то обстоятельство, — также заявлял он в провокационных целях, — что СССР является крупной угрозой для Японии с точки зрения национальной обороны» (сообщения корреспондента ТАСС в Токио от 4, 6 и 7 января 1932 г.). См. также прим. 212, 311. — 167

⁸² Советско-турецкая сельскохозяйственная неделя состоялась во время визита правительственной делегации Турции во главе с премьер-министром Исметом Иненом в Советский Союз в мае 1932 г. (см. док. № 205, 210).

Относительно перспектив сотрудничества в области сельского хозяйства между СССР и Персией в письме полпредства СССР в Персии в НКВД СССР от 8 мая 1932 г. отмечалось, что для ВАСХНИЛ представлялось бы целесообразным установить контакты с управлением земледелия Персии, Керенджской сельскохозяйственной школой и персидской Торговой палатой с тем, чтобы установить регулярный обмен коллекциями растений, семян, а также наладить снабжение персидских учреждений советской сельскохозяйственной литературой.

В письме также указывалось, что, по мнению полпредства, организация сельскохозяйственных недель была бы очень целесообразна, так как это дало бы возможность в значительной степени расширить советско-персидское сотрудничество в области сельского хозяйства. — 171

⁸³ В телеграмме Б. С. Стомонякова М. М. Литвинову в Женеву от 5 марта 1932 г. говорилось:

«Румынское агентство «Радор» передает какое-то интервью, якобы данное Вами корреспонденту польской газеты «Дзенник познаньски» и касающееся якобы вопроса о Бессарабии. «Радор» и румынская пресса широко и в агрессивном тоне комментируют это интервью». — 172

⁸⁴ В указанных телеграммах сообщалось, что норвежский парламент приступил к обсуждению вопроса о госгарантии. Однако обсуждение было прервано в связи со смертью премьер-министра Кольтстада.

Далее в телеграммах указывалось, что приехавший в Осло член коллегии НКВД СССР А. А. Киссин беседовал с руководителями монополии о продаже в Норвегию советского хлеба. Норвежцы обещали обсудить советское предложение относительно гарантирования 80% экспорта в Норвегию советского зерна. Киссин также беседовал с другими представителями деловых кругов. — 174

⁸⁵ В телеграмме А. А. Киссина излагался ход переговоров с норвежскими фирмами по заключению различных торговых сделок. Указывалось, в частности, что намечается закупка сельди и рыбы на 2300 тыс. руб., алюминия — на 5782 тыс. руб., ферросплавов, никеля и цинка — на 2 млн. руб. Сообщалось также, что Советский Союз до декабря 1932 г. продаст: хлеба на 3 млн. руб., леса на 2—2,5 млн. руб., нефти на 500 тыс. руб., прочих товаров на 2—2,5 млн. руб. — 174

⁸⁶ В телеграмме НКВД СССР от 5 марта представителю СССР в Чехословакии А. Я. Аросеву давалось указание настаивать «на разрешении

вопроса о налогах в отношении торгпредства путем переговоров»; это указание в развернутой форме излагается в комментируемом письме.— 174

⁸⁷ Дело о покушении на советника германского посольства Твардовского слушалось в Военной коллегии Верховного суда СССР 4—6 апреля 1932 г. В ходе судебного процесса было доказано, что покушение было подготовлено контрреволюционной террористической группой, созданной в 1928 г. польским гражданином В. Любарским, приезжавшим в Москву в качестве дипломатического курьера, и преследовало цель спровоцировать разрыв отношений между СССР и Германией.

Признав, что «террористические акты на дипломатических представителей государств, находящихся в нормальных отношениях с Советским Союзом, составляют тягчайшее государственное преступление, требующее самых суровых мер воздействия», Военная коллегия Верховного суда СССР 6 апреля 1932 г. приговорила С. Васильева и И. Штерна к высшей мере наказания (см. газ. «Известия» №№ 95—97 (4662—4664) от 5—7 апреля 1932 г.).— 177, 193

⁸⁸ В ответном письме полпредства СССР в Персии на имя акад. С. Ф. Ольденбурга от 3 апреля 1932 г. указывалось на желательность координации деятельности Института востоковедения по подготовке к празднованию юбилея Фирдоуси с деятельностью ВОКС и других советских учреждений, которые примут участие в этом праздновании.

В соответствии с решением Президиума Академии наук СССР была создана специальная юбилейная комиссия, в которую вошел ряд видных советских ученых (С. Ф. Ольденбург, И. А. Орбели, Е. Э. Бертельс и др.).

Советские общественные и научные круги приняли самое активное участие в международном конгрессе, посвященном тысячелетию со дня рождения Фирдоуси и состоявшемся в октябре 1934 г. в Тегеране.— 177

⁸⁹ Речь идет о дополнительном соглашении к договору между «Экспортлесом» и Мемельским лесным синдикатом от 17 октября 1930 г. В соглашении уточнялись условия поставок леса Мемельскому синдикату.— 180

⁹⁰ В последующей беседе с Като, состоявшейся 8 апреля 1932 г., А. А. Трояновский указывал, что «Коминтерн и Советское правительство — не одно и то же», что «идеи коммунизма распространяются независимо от Коминтерна», что «коммунистическое движение нельзя импортировать или экспортировать» и что «в России большевизм победил, когда никакого Коминтерна не было».

Выражая удовлетворение беседами, Като заявил, что Япония желает иметь дружественные отношения с СССР.— 181

⁹¹ В телеграмме советской делегации на экономических переговорах в НКВД и НКВТ СССР от 15 марта отмечалось, что итальянцы в ходе переговоров продолжали настаивать на требовании о депонировании Советским Союзом золота и что советская делегация его отклонила.

В телеграмме содержался вывод, что итальянская сторона стремится затянуть переговоры с Советским Союзом главным образом потому, что еще не окончились переговоры с Австрией, Венгрией и Югославией по вопросу о Дунайской федерации (см. прим. 31); по мнению делегации, итальянцы предполагали, что СССР депонирует золото в Германию, поскольку немцы их об этом ложно информировали.

Делегация СССР предлагала предпринять следующие шаги, если при встрече экспертов 16 марта итальянская сторона будет настаивать на депонировании Советским Союзом золота: 1) заявить об отъезде из Рима главы делегации И. Я. Вейцера; 2) продолжать переговоры с промышленниками о советских заказах, но не заканчивать их, с тем чтобы побудить промышленников обратить внимание своего правительства на неудовлетворительный ход переговоров; 3) полпреду СССР в Италии встретиться с Гранди и подчеркнуть важность успешного проведения экономических переговоров.— 183

⁹² В ноте от 27 января 1932 г. Саймон, ссылаясь на беседу своего предшественника Гендерсона с полпредом СССР в Англии, состоявшуюся 24 июля 1931 г. (см. т. XIV, док. № 216), пытался приписать советской стороне мнение о целесообразности приостановки англо-советских торговых переговоров.

Кратко изложив содержание своей беседы с полпредом 9 декабря 1931 г. (см. т. XIV, док. № 368) и подчеркнув, что советский принцип урегулирования вопроса о долгах и претензиях Правительство Англии «отказалось» принять в прошлом, и оно не предполагает изменять свою линию поведения в настоящих условиях, Саймон писал: «Я полагаю, однако, что ваше Правительство, так же как и Правительство Его Величества, еще намерено придерживаться условий протокола, подписанного г. Гендерсоном и г. Довгачевским 3 октября 1929 г., и урегулировать путем переговоров вопрос об англо-советских долгах и претензиях. Если этот принцип сохранения условий протокола признается, тогда, поскольку единственное предложение, до сих пор сделанное вашим Правительством, базируется на условии, которое неирриемлемо для Правительства Его Величества, я неохотно соглашаюсь с мнением, выраженным Вашим Превосходительством г. Гендерсону, что было бы лучше не продолжать переговоры в настоящее время». — 184

⁹³ При ноте министерства иностранных дел Чехословакии представительство СССР в Чехословакии от 29 января 1932 г. препровождалось повестки налогового управления Праги и предлагалось подать декларацию для исчисления налога за 1920—1930 гг. по прилагаемому перечню статей.

Беседа А. Я. Аросева с Крофтой, о которой говорится в комментируемом документе, состоялась 24 апреля 1931 г. Обратив внимание Крофты на то, что министерство финансов Чехословакии прислало повестку торгпредству об уплате налога с дохода начиная с 1920 г., Аросев заявил, что торговое представительство является частью полпредства и не подлежит налоговому обложению. Крофта принял вопрос к рассмотрению и обещал дать ответ на это заявление. Однако, как видно из ноты, обещанного ответа от МИД Чехословакии не последовало. — 189

⁹⁴ Советские предложения по хлебу и нефти сводились к следующему:

1. До 1 января 1933 г. Италия закупает 550 тыс. т пшеницы, из которых 250 тыс. т оплачиваются покупателем полностью против коносаментов, а расчет по остальным 300 тыс. т производится путем оплаты 85% при сдаче товара и остальных 15% по мере продажи товара итальянскому потребителю. Итальянцы отказались вести практическое обсуждение этого предложения под предлогом необходимости выяснения урожая 1932 г.

2. В отношении нефти советская делегация предлагала:

а) Предоставить советским организациям разрешение на инсталляции и уличные колонки. б) Получить дополнительное согласие «Аджила» на закупку 200 тыс. т мазута и 20 тыс. т керосина. в) Получить гарантии от «Аджила» для самостоятельного размещения советскими организациями следующих количеств бензина: в 1932 г. — 20 тыс. т, в 1933 г. — 30 тыс. т, в 1934 г. — 40 тыс. т.

Итальянская делегация в целях изучения изложенных советских предложений потребовала образования подкомиссии, в которую вошли представители «Аджила» и морского министерства Италии. Вопрос о нефти в ходе его рассмотрения советской и итальянской делегациями не получил разрешения. Однако в результате непосредственных переговоров между представителями «Петролеа» и «Аджила» 29 апреля 1932 г. было заключено дополнительное соглашение (см. прил. 20 и док. № 197). — 190

⁹⁵ В беседе Д. И. Курского и И. Я. Вейцера с Гранди, состоявшейся 18 марта, были изложены основные положения памятной записки от 18 марта (см. док. № 131) и подчеркнута неприемлемость для СССР итальянского предложения о депозите золота. Было обращено внимание на медленный ход переговоров. Гранди положительно реагировал на основное

положение меморандума о необходимости расширения экономических отношений между двумя странами в целом.

В ходе беседы Курский спросил Гранди, не могут ли отразиться на советско-итальянских переговорах соглашения, заключенные Италией с Австрией и Венгрией и утвержденные советом министров Италии в марте 1932 г. Гранди ответил, что эти соглашения касаются лишь льгот по железнодорожному и таможенному тарифам и никаких преференций не включают. Он также добавил, что экономическая роль предоставленных льгот ничтожна и никакого влияния на советско-итальянские переговоры оказать не может. — 193

⁹⁶ В упоминаемой телеграмме НКВТ торгпредству и полпредству СССР в Германии от 17 марта 1932 г. указывалось, что согласие советской стороны по вопросу о преференциях может быть дано «только после ратификации экспортного протокола и разрешения спорных валютных вопросов».

Относительно плана экспорта зерновых из СССР в Германию на 1933 г. предписывалось исходить из директив на 1932 г. (см. также прим. 236). — 193

⁹⁷ 13 марта 1932 г. в адрес народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова поступила телеграмма министра иностранных дел так называемого маньчжурского государства от 12 марта 1932 г. В телеграмме извещалось об образовании «Маньчжоу-Го» и заявлялось, что его правительство «будет вести дела согласно принципам честности и доверия и духа гармонии и дружбы», «обязуется поддерживать и развивать международный мир», «будет уважать международную справедливость», «примет на себя те лежащие на нем обязательства, которые вытекают для Китайской Республики из договорных постановлений с иностранными государствами», что всем иностранным гражданам «будет предоставляться равный и справедливый режим» и «будет соблюдаться принцип открытых дверей». В заключение предлагалось установить «формальные дипломатические отношения» (телеграммы идентичного содержания были направлены также правительствам других стран).

23 марта 1932 г. драгоман генконсульства СССР в Харбине посетил начальника канцелярии дипотделения маньчжурского МИД в Харбине и от имени генконсула М. М. Славущего просил передать начальнику дипотделения, который был в отъезде, что в Москве указанная телеграмма получена.

Как известно, Советское правительство никогда не признавало Маньчжоу-Го в качестве суверенного государства и неустанно разоблачало его марионеточный характер. — 202

⁹⁸ 100-летие со дня смерти Гёте было широко отмечено в Советском Союзе. 22 марта состоялось юбилейное заседание в Колонном зале Дома Союзов в Москве, открывшееся докладом А. В. Луначарского «Мир честует Гёте»: ОГИЗ предпринял юбилейное издание собрания сочинений Гёте; в дни юбилея жизни и творчеству Гёте посвящали свои страницы газеты и журналы; торжественные заседания, собрания и концерты транслировались по радио. — 202

⁹⁹ Ниже излагается содержание перечисленных документов.

Во французском меморандуме правительству Германии от 5 марта 1932 г. говорится, что в своем последнем докладе Финансовый комитет Лиги наций обратил внимание на необходимость создания более тесных экономических связей между Австрией, Венгрией и некоторыми из их соседей (см. «Société des Nations, Journal Officiel», XIIe année, № 12, Décembre 1931. Procès-Verbal de la Soixante-cinquième Session du Conseil, Genève, 1932, pp. 2274—2278, 2406—2412. — *Ред.*). В придунайских странах наблюдается сокращение кредитов, торговых оборотов. Аграрные государства не имеют возможности сбывать свои зернопродукты, теряют покупательную способность, а промышленные страны не имеют возможности продавать свои товары в странах, являющихся их рынками

сбыта. В этой связи этим странам необходимо оказать немедленную помощь. «Кризис доверия» стран-кредиторов не будет преодолен до тех пор, пока они не убедятся в том, что «причина зла» устранена.

Французское правительство констатирует, что, когда оно сообщило вышеизложенные взгляды, правительство Великобритании пришло в то же время к аналогичным заключениям, поставив вопрос о том, нельзя ли предусмотреть образование таможенного союза между странами, о которых идет речь. Однако французское правительство считает, что осуществление такого проекта натолкнулось бы на непреодолимые препятствия политического и экономического характера. По мнению французского правительства, решения проблемы следует добиваться путем сближения между дунайскими странами и заключения между ними соглашений на преференциальной базе. По этому вопросу необходим обстоятельный обмен мнениями, в первую очередь между пятью дунайскими странами. Законные интересы третьих стран должны быть учтены. После того как эти переговоры приведут к какому-то результату, соответствующие решения можно будет передать для обсуждения компетентным органам Лиги наций. Французское правительство хотело бы договориться с английским и итальянским правительствами о том, каким образом внимание правительств Австрии, Венгрии, Румынии, Чехословакии и Югославии могло бы быть привлечено к необходимости вскоре обменяться мнениями между собою в целях установления более тесных экономических связей и последующего оздоровления или улучшения финансового, бюджетного и валютного положения этих стран.

В меморандуме правительства Италии правительству Франции от 7 марта 1932 г. говорится об особой заинтересованности Италии в экономическом положении дунайских стран, в частности Австрии и Венгрии, с которыми итальянское правительство уже заключило специальные соглашения в целях облегчения их экспорта. Итальянское правительство полагает, что эти соглашения могут явиться важным шагом на пути общего оздоровления экономики дунайских стран. Итальянскому правительству пока не ясно, можно ли осуществить намеченную во французском меморандуме общую акцию. Более правильным путем является путь непосредственных соглашений с отдельными странами и отдельных акций.

Итальянское правительство затрудняется дать окончательное суждение по французскому плану помощи дунайским странам, который таит в себе политические и экономические трудности. Кроме того, оно считает, что вместо обмена мнениями между пятью дунайскими странами следовало бы осуществить обмен мнениями между группой этих стран с одной стороны, и Италией, Францией, Великобританией и Германией — с другой, с привлечением третьих заинтересованных стран, что следовало бы также рассмотреть вопрос о скорейшем оказании дунайским странам экономической помощи.

В меморандуме правительства Германии правительству Франции от 15 марта 1932 г. указывается, что Германия сама расположена на Дунае, поддерживает с дунайскими странами интенсивные экономические связи и готова принять участие во всякой акции помощи этим странам, которую она считает абсолютно необходимой, в том числе в отношении аграрных стран — Румынии, Югославии и Болгарии.

Германское правительство всегда полагало, что наилучшим способом устранения трудностей, переживаемых дунайскими странами, является создание такого экономического района, который по своему масштабу и экономической структуре обеспечивал бы сбыт излишков сельскохозяйственных продуктов аграрных стран Юго-Восточной Европы. Однако эта цель не может быть достигнута путем сближения дунайских стран друг с другом, каковое к тому же означало бы сокращение рынка сбыта для германских товаров.

Германское правительство согласно с итальянским меморандумом (от 7 марта 1932 г. — *Ред.*) в том, что тяжелое положение Австрии и Венгрии

требует принятия срочных мер. Австрии может быть оказана помощь путем предоставления льгот для сбыта ее продукции в соседних и других странах, Венгрии и другим аграрным странам Дунайского бассейна — путем принятия от них на льготных условиях их сельскохозяйственных продуктов. Германское правительство уже сообщало австрийскому правительству о своей готовности предоставить Австрии преференции и приступило к осуществлению преференциальных договоров с Румынией и Венгрией. Оно согласно с итальянским предложением о желательности обмена мнениями между представителями дунайских стран и представителями Франции, Англии, Италии и Германии, а также других стран, которые могут особенно содействовать экономическому оздоровлению стран Дунайского бассейна. Поскольку самой настоятельной необходимостью является облегчение сбыта продуктов дунайских стран на емких европейских рынках, германское правительство придерживается мнения, что от соглашения дунайских государств между собой нельзя ожидать решающего результата, что именно в интересах самих дунайских стран — привлечь для обмена мнениями сначала представителей стран, являющихся главными рынками сбыта продуктов придунайских государств.

В экспозе германского правительства (без даты) изложены упомянутое выше заключение Финансового комитета Лиги наций, заявление австрийского канцлера Буреша посланникам Великобритании, Франции, Италии и Германии в Вене от 16 февраля 1932 г., упоминается об ответе на него германского правительства, а также приводится ряд положений германского ответа на меморандум Тардые. В этой связи в экспозе отмечается, что, как свидетельствуют ответы Италии и Германии на меморандум Тардые, между наиболее заинтересованными великими державами имеются глубокие расхождения во мнениях по вопросу о том, каким образом может быть достигнута экономическая санация придунайских государств. Этот факт был установлен в результате контактов, имевших место в последние дни в Женеве между французским премьер-министром Тардые и компетентными сотрудниками германских министерств экономики и иностранных дел, когда Тардые дал ясно понять, что предоставление финансовой помощи дунайским государствам не может иметь места без содействия Франции и что последняя будет готова оказать свое содействие только в том случае, если будет проведена отвечающая ее желаниям экономическая санация дунайских стран путем их экономического сближения, при исключении, таким образом, великих держав.

В связи с этим германское правительство считает, что до принятия дальнейших шагов следует попытаться на встрече авторитетных представителей четырех наиболее заинтересованных великих держав — Франции, Италии, Великобритании и Германии — добиться единодушия относительно наиболее быстрого и эффективного способа санации дунайских государств, в первую очередь Австрии и Венгрии, а затем и других аграрных стран Юго-Восточной Европы. Насколько до сих пор известно, Франция и Англия разделяют мнение Германии относительно целесообразности такой встречи. Итальянская точка зрения по этому вопросу еще не известна. — 204

¹⁰⁰ При посещении 23 марта 1932 г. Б. С. Стомонякова посланник Норвегии в СССР Урби сообщил, что министерством иностранных дел Норвегии ему поручено выяснить причину задержания советскими властями 10 норвежских судов, занимавшихся охотой на тюленей в Белом море, и предпринять необходимые шаги. Стомоняков ответил посланнику, что «суда задержаны за то, что они во внутренних водах СССР занимались незаконным убоем тюленей. Кроме того, присвоили себе и увезли тюленей, убитых советскими зверопромышленниками, но оставленных на льду ввиду трудности плавания в Белом море в настоящее время».

Стомоняков обещал посланнику произвести скорейшее расследование этого дела, указав, что только после этого он сможет дать ему ответ. — 205

¹⁰¹ В. П. Потемкин телеграммой от 14 апреля 1932 г. информировал НКВД СССР: «Михалакопулос письмом сообщил мне, что греческое правительство согласно на закупку нами греческих провенансов на драхмы». — 212

¹⁰² Во время беседы с Тардые, состоявшейся 17 марта 1932 г. в Женеве, о которой говорится в комментируемом документе, М. М. Литвинов спросил его, не считает ли он желательным, чтобы для облегчения дальнейших бесед с ним полпредство СССР во Франции направило ему меморандум, в котором были бы освещены основные вопросы советско-французских отношений. Тардые реагировал положительно. Однако затем было решено такой меморандум Тардые не вручать. — 213

¹⁰³ После провала японской интервенции на советском Дальнем Востоке (1918—1922 гг.) в конце 20-х годов Япония вновь стала на путь подготовки агрессии против Советского Союза.

В 1928 г. японский генеральный штаб приступил к разработке планов агрессивной войны против СССР. В соответствии с этими планами Япония захватила в 1931 г. Маньчжурию и стала превращать ее, как и Корею, в плацдарм для нападения на Советский Союз. Агрессивные планы Японии были направлены на захват советского Дальнего Востока, что подтверждается документами, представленными на процессе Международного военного трибунала по делу главных японских военных преступников в Токио. Помимо документов, приведенных в прим. 80, можно указать, в частности, на следующие материалы.

По заданию генерального штаба Японии полковник Судзукки Сигеясу изучал обстановку для вторжения японских войск на территорию СССР в районе советского Приморья и в мае 1931 г. представил в генштаб секретный «Доклад об обследовании районов Маньчжурии и Кореи», в котором, в частности, говорится: «По варианту «Оцу» военные действия в Приморье в основном предусматривают высадку главных сил армии на побережье восточнее Владивостока, причем части, действующие в Северной Корее, согласуют свои операции с главными силами с тем, чтобы вести самостоятельные действия в отрыве от главных сил» (см. АВП СССР, ф. 436, оп. 2, п. 9, д. 16, л. 183).

Генерал-лейтенант японской армии Мияке Мицухару, являвшийся в 1928—1932 гг. начальником штаба Квантунской армии, показал на допросе по делу главных японских военных преступников: «Как мне известно, план операций, которые должны были привести к оккупации Маньчжурии, являлся одной из важнейших составных частей общего плана операций японских войск против Союза ССР, имевшегося в японском Генеральном штабе» (см. там же, л. 230).

В докладной записке японского военного атташе в Москве подполковника Кавабэ Тарасиро от 14 июля 1932 г. указывалось, что «японо-советская война в будущем неизбежна» и что, «развертывая программу вооружений, мы должны ставить в центре внимания Советский Союз» (см. там же, л. 235).

16 июля 1932 г. японский военный атташе в Турции подполковник Канда Масатанэ, проезжая из Токио в Стамбул через Москву, передал подполковнику Кавабэ Тарасиро следующее сообщение начальника русского сектора 2-го отдела генштаба Японии подполковника Касахара Юкио: «Решено закончить подготовку к войне с СССР к началу 1934 г. (по армии и флоту). Это не означает, что военные действия нужно будет начать сразу же после завершения подготовки. Для упрочения Маньчжоу-Го война с Советским Союзом необходима» (см. там же, л. 239).

В показаниях генерала Усироку Дзюн, являвшегося в 1934—1935 гг. начальником 3-го отдела генштаба Японии, о плане «Оцу», утвержденном в марте 1935 г. японским императором, говорится: «Об оперативных планах «Оцу» 1934—1935 гг. мне известно следующее: основное содержание этого плана в разрезе деятельности 3-го отдела генерального штаба заключалось в переброске из Японии и сосредоточении войск в Маньчжурии. Главные силы

японских войск, находящиеся в Маньчжурии, перебазировались из районов Центральной Маньчжурии на север. Основные силы должны были быть направлены на восток и сосредоточиться в районе Муланьцзян. Часть сил должна была быть направлена на север и сосредоточиться южнее Сахалина. Часть сил должна была сосредоточиться в районе Хайлар» (см. там же, л. 240).

Как явствует из материалов Токийского процесса, на совещании губернаторов Японии в 1933 г. тогдашний военный министр Араки заявил, что в проведении своей государственной политики «Япония неизбежно должна прийти к столкновению с Советским Союзом в ходе осуществления своей политики, поэтому для Японии необходимо обеспечить путем военных методов территории Забайкалья и Сибири» (см. АВП СССР, ф. 436, оп. 3, д. 38, л. 142).

Об активной подготовке к осуществлению агрессивных планов Японии против СССР см. также т. XI, прим. 41.— 215

¹⁰⁴ А. А. Трояновский в своих телеграммах в НКВД СССР от 15 и 21 декабря 1931 г. и от 23 января 1932 г. сообщал следующее: в декабре 1931 г. представители японской фирмы «Окура» обратились в полпредство и торгпредство СССР в Японии с «конфиденциальным» запросом, не согласится ли Советский Союз сдать в концессию Северный Сахалин или превратить его в «хозяйство под совместным управлением». 22 января 1932 г. Сыратора, начальник департамента печати и информации МИД Японии, «полушутя» спрашивал представителя ТАСС в Токио, не согласится ли Советский Союз в погашение своей задолженности Японии продать КВЖД или отдать Приморье.

Советские представители давали этим попыткам решительный отпор.— 215

¹⁰⁵ 8 апреля 1932 г. при встрече с Б. И. Козловским Амо изложил положения японского правительства в связи с началом рыболовного сезона. Японское правительство просило, в частности, не применять к японским подданным правила рыболовства, изданные Дальневосточным крайисполкомом, поскольку они якобы неправомерно распространяли свое действие на 12-мильную прибрежную полосу и якобы нарушали ряд положений рыболовной конвенции, а также просило оказывать сотрудникам японского консульства содействие в ознакомлении с постановкой и условиями рыболовного промысла на советских государственных предприятиях и у частных (чтобы удостовериться, например, что там не применяли запрещенных орудий рыболовства), предлагало расставить буи на границе трехмильной зоны.

Козловский, заявив, что он доложит о беседе Л. М. Карахану, отверг необоснованные притязания японской стороны. Он подчеркнул, в частности, что «никакое вмешательство в действия наших местных властей в какой бы то ни было форме, никакой контроль и надзор за деятельностью наших организаций не допускались и допускаться не будут». Относительно постановления буев на границе трехмильной зоны Козловский заявил, что это «означало бы принятие японской позиции в вопросе о 12-мильной зоне и сделало бы излишними те переговоры, которые нами давно предложены и на ведение которых японское правительство больше года тому назад дало согласие» (см. т. XIII, стр. 416).

По вопросу о применении правил рыболовства в ноте Наркоминдела СССР от 16 июля 1932 г., являющейся ответом на ноту посольства Японии в СССР от 12 марта 1932 г., говорилось, что Наркоминдел СССР в правилах рыболовства «не нашел таких постановлений, которые нарушали бы рыболовную конвенцию между Союзом ССР и Японией или же не соответствовали бы существующему положению. «Народный Комисариат не может не отметить,— указывалось в ноте,— что вышеупомянутые правила, надлежащим образом изданные Дальневосточным краевым исполнительным комитетом и своевременно доведенные до сведения японского консула, не требуют признания Японского Правительства».— 219.

¹⁰⁶ В указанной телеграмме Я. З. Суриц сообщал в НКВД, что Тевфик Рюшту продолжает развивать свой план средиземноморского балканского экономического объединения (в составе Греции, Болгарии и Турции с привлечением к нему Египта и Сирии) и что он «намерен обратиться к великим державам, в том числе к нам и к Америке, в момент открытия Лондонской конференции четырех (см. прим. 31.—Ред.), если, конечно, его предложение будет поддержано Афинами, Софией и Каиром». Тевфик Рюшту информировал Сурица, что «привлечением Египта он преследовал две цели: 1) избежать упрека в создании под эгидой Италии турецко-греческо-болгарской группировки, направленной против Малой Антанты, и 2) получить поддержку Англии».

Несмотря на то что выдвинутая Тевфиком Рюшту идея средиземноморского Доктринно, как отмечалось в письме полпредства СССР в Турции в НКВД СССР от 16 апреля 1933 г., оказалась «недогловечной», тенденция турецкой внешней политики к созданию балканских группировок вышла в последующие годы свое выражение в участии Турции в Балканской Антанте.

4 февраля 1934 г. Суриц писал М. М. Литвинову, что в отношении вступления Турции в Балканскую Антанту «наблюдается редкое единодушие» со стороны дипкорпуса, аккредитованного в Анкаре: «Все сходится на том, что, включившись в новую балканскую комбинацию, Турция сходит с путей нейтралитета, который она до сих пор занимала между двумя борющимися группировками, в значительной степени лишается своей прежней свободы действий и способствует обострению и усилению конфликтов на одном из опаснейших участков международного фронта». — 220

¹⁰⁷ Некто Базанов, согласно утверждению японско-маньчжурских властей, был арестован 31 марта 1932 г. на харбинском железнодорожном вокзале с чемоданом взрывчатых веществ. На допросе он якобы заявил, что будто прибыл в Харбин из Владивостока с целью «создания беспорядков в Северной Маньчжурии». «Дело Базанова» послужило началом историй серии провокации на КВЖД и массовых арестов советских граждан — служащих КВЖД (см. прим. 115, 137). — 222

¹⁰⁸ 28 марта 1932 г. М. М. Славуский солдат под руководством японского офицера (капитана генштаба Мидзэки) в сопровождении трех русских белоохранцев, прибывших в Нингута вместе со штабом японских войск, явился в коммерческое агентство КВЖД в Нингута и под предлогом поисков «радиопередатчика» призывает обывка с помещением агентства в квартиру заведующего агентством. Не найдя, разумеется, никакого «радиопередатчика», они ушли.

5 апреля 1932 г. М. М. Славуский посетил Нагаока и заявил протест, указав, что он ожидает от Нагаока сообщения о результатах предпринятых им шагов как в отношении данного случая, так и в целях недопущения в будущем подобных инцидентов. — 223

¹⁰⁹ В июне 1931 г. ВСНХ СССР, в соответствии с договором с министерством торговли и промышленности МНР, направил в Маньчжурскую Народную Республику для проведения изыскательских работ геологоразведочную экспедицию.

В результате работ экспедиции на территории МНР в 1931 г. было открыто 8 месторождений каменного угля и торфяных пластов, обнаружены запасы графита и других полезных ископаемых.

26 ноября 1931 г. маньчжурское правительство приняло постановление, в котором высоко оценило работу экспедиции и признало необходимым просить правительство СССР об оставлении экспедиции в МНР еще на 2 года. 5 апреля 1932 г. СНК СССР принял постановление об удовлетворении этой просьбы правительства МНР. На основании этого постановления Наркомтяжпром СССР заключил договор с министерством торговли и промышленности МНР на продолжение советской экспедицией геологоразведочных работ до марта 1934 г. — 225

¹¹⁰ В 1932 г. наряду с общими экономическими переговорами между

делегациями СССР и Италии велись переговоры о поставках нефтепродуктов между акционерным обществом «Петролеа» и итальянским генеральным нефтяным агентством «Аджио» (см. прим. 20).

Переговоры о деле завершились в мае того же года заключением соглашения о поставке Всесоюзным лесэкспортным акционерным обществом «Экспортлес» лесоматериалов фирме «Фальтринелли». — 228

11 Текст первой статьи проекта конвенции о сокращении и ограничении вооружений, представленного Подготовительной комиссией, гласил: «Высокие договаривающиеся стороны обязуются ограничить и, поскольку возможно, сократить свои соответствующие вооружения так, как это предусмотрено в настоящей конвенции». Советский проект первой статьи проекта конвенции изложен далее в комментируемом выступлении М. М. Литвинова.

Общие прения по вопросу о принципах, которые должны быть положены в основу первой статьи проекта конвенции, продолжались на четырех заседаниях Генеральной комиссии с 11 по 13 апреля 1932 г. В ходе прений выступили среди других представители СССР, США (см. прим. 113), Италии, Турции, Персии, Югославии, Дании и Польши (см. газ. «Известия» от 13 апреля 1932 г.).

13 апреля все внесенные в ходе общей дискуссии предложения по первой статье были переданы на рассмотрение Бюро конференции, которое 18 апреля внесло на рассмотрение Генеральной комиссии вместо текста первой статьи конвенции следующие положения:

«I Принцип сокращения вооружений

- a) Окончательное сокращение в соответствии с единой конвенцией;
- b) Сокращение по возможности до наиболее низкого уровня;
- c) Сокращение по этапам.

II a) Критерии ограничения или сокращения вооружений;

- b) Учет особых условий различных стран;
- c) Метод исключения любого состава армий, основанного на оценке безусловных потребностей сокращения внутренней полиции и других потребностей в целях национальной обороны».

Довлад и рекомендации Бюро конференции были приняты Генеральной комиссией (см. «Actes de la Conférence...», Série B, Vol. I, Genève, 1932, p. 74).

При обсуждении раздела I принятых положений делегации Бельгии, Дании, Испании, Стокгольма, Норвегии, Уругвая и Чехословакии внесли в этот же день на рассмотрение Генеральной комиссии проект резолюции, рекомендующей сокращение вооружений по этапам с последовательными пересмотрами конвенции в будущем (см. прим. 112). — 228

12 После окончания прений по части I положений относительно принципов сокращения вооружений (см. прим. 111) Генеральная комиссия 18 апреля 1932 г. создала Редакционный комитет в составе представителей 14 стран, в том числе СССР, для выработки текста проекта резолюции, который был представлен 19 апреля 1932 г. в следующей редакции:

«Признавая во внимание мнения, выраженные во время прений на Конференции по сокращению и ограничению вооружений.

Генеральная комиссия считает, что сокращение вооружений, как оно предусмотрено в ст. 8 Статута Лиги наций, должно быть осуществлено постепенно, путем последовательного, через надлежащие интервалы, пересмотра (конвенции), после того как настоящая конференция завершит первый решающий этап общего сокращения до наиболее низкого уровня».

Во время обсуждения проекта резолюции на Генеральной комиссии М. М. Литвинов заявил, что делегация СССР в Редакционном комитете голосовала за этот проект, поскольку ссылка на ст. 8 Статута Лиги интерпретировалась в комитете таким образом, что она не налагает никаких специальных обязательств на членов Лиги наций.

Выступивший затем делегат Румынии Титудеску в противовес заявлению, сделанному советской делегацией, внес предложение рассматривать

представленную Редакционным комитетом резолюцию в неразрывной связи с предложением делегаций четырех стран — Испании, Норвегии, Швеции и Чехословакии (см. прим. 119), в котором говорилось, что критерии сокращения вооружений должны основываться на положениях ст. 8 Статута Лиги наций. Делегат Персии Хоссейн хан Ала поддержал выступление Титулеску и заявил, что он «будет голосовать за резолюцию, представленную Редакционным комитетом, с теми же оговорками». Такую же оговорку сделал представитель Югославии.

После этого Литвинов заявил, что «накануне как в Генеральной комиссии, так и в Редакционном комитете он выдвинул возражения против упоминания ст. 8 лишь по чисто формальным мотивам; однако если это упоминание должно истолковываться в смысле, указанном предыдущими ораторами, то у него будут также возражения против самого существа резолюции».

Резолюция Редакционного комитета была принята Генеральной комиссией единогласно. При этом Литвинов подчеркнул, что «он голосовал за предложение в том виде, как оно было представлено Редакционным комитетом, но не за то толкование, которое дал ему г-н Титулеску» (см. «Actes de la Conférence...». Série B. Vol. I. Genève, 1932, pp. 81—82). — 236

¹¹³ Проект резолюции, представленный 11 апреля 1932 г. делегатом США Гибсоном на рассмотрение Генеральной комиссии, предусматривал уничтожение «наиболее агрессивных видов оружия» — танков, тяжелой подвижной артиллерии калибром свыше 155 мм, отмену употребления газов в войне, а также обязательство всех государств не пользоваться этими видами оружия в случае войны (см. «Сборники документов по международной политике...», вып. IV, М., 1933, стр. 84).

Внося свой проект «качественного разоружения», США стремились в первую очередь ограничить мощь сухопутных армий других стран, поскольку главные интересы самих США лежали в области морских вооружений (см. «Меморандум делегации США» от 19 февраля 1932 г. — там же, стр. 61—62, а также прим. 181). Американское предложение было направлено преимущественно против Франции, располагавшей в то время наиболее крупными танковыми силами и артиллерией. Проект резолюции Гибсона поддержали делегации Великобритании, Италии, Германии и некоторых других стран, однако против него решительно выступил глава французской делегации Тардье и представители союзных с Францией государств. — 236

¹¹⁴ В телеграмме от 12 апреля 1932 г. А. А. Трояновский сообщал, что бельгийский посол в Японии в беседе с ним говорил, что ему якобы известно об «участии советских граждан» в подготовке взрыва моста на р. Сунгари.

Трояновский сообщал также, что Сиратори, начальник департамента печати и информации МИД Японии, заявлял ему, что при китайском генерале Ма Чжань-шане якобы состоит советский переводчик. — 238

¹¹⁵ Л. М. Карахан имел в виду серию антисоветских провокаций японской военщины и белогвардейцев в Маньчжурии в первой половине апреля 1932 г. Вслед за провокационным «делом Базанова» (см. прим. 107) 8 апреля была сделана попытка взорвать мост КВЖД на р. Сунгари и ряд других сооружений дороги. 12 апреля в 15 км к востоку от Харбина был предотвращен взрыв японского эшелона, а в тот же день на этой же линии потерпел крушение другой японский воинский эшелон (см. газ. «Известия» от 16 апреля 1932 г.).

В передовой статье газ. «Известия» от 15 апреля «Новая полоса провокаций в Маньчжурии» вскрывались истинные цели провокаций на КВЖД и шумной кампании в связи с этим в японской прессе: «Инсценировка взрывов, сообщение о «красном терроре» и т. п. должны, по замыслу японской военщины, показать, что в Маньчжурии «отсутствует порядок» и поэтому имеются все основания для пополнения японской оккупационной

армии в Маньчжурии», что «японские оккупационные войска являются истинными «стражами цивилизации» в Маньчжурии. В заключение передовой говорилось: «Однако организаторам антисоветской клеветы следует помнить, что все их лживые выдумки будут разоблачены беспощадно», что «Советский Союз не позволит авантюристам и провокаторам сбить себя с занятой им с самого начала маньчжурского конфликта твердой позиции невмешательства, с тех мирных позиций, на которых он стоит в полном соответствии со своей внешней политикой в интересах трудящихся не только одного Советского Союза». — 238

¹¹⁶ На завтраке, который Брюнинг дал М. М. Литвинову в Женеве 16 апреля 1932 г. по случаю 10-й годовщины Рапалльского договора, германский рейхсканцлер, вопреки международному обычаю, ни словом не обмолвился о непосредственном поводе этой торжественной встречи.

В отчете полпредства СССР в Германии за 1932 г. по этому поводу говорилось: «Весьма симптоматический характер носило празднование 10-летнего юбилея Рапалло, пришедшееся на это время. «Молчаливый» завтрак Брюнинга в Женеве был раскритикован со всех сторон, и он был расценен как симптом отхода Германии от СССР и рапальской линии, но в стиле брюнинговской нерешительности. С одной стороны, он (Брюнинг. — *Ред.*) не решился отказаться от празднования Рапалло, а с другой — старался провести его втихомолку, чтобы не раздражать французов». В то же время в отчете указывалось: «10-летие Рапалльского договора и его положительное значение для развития экономических отношений обеих стран было отмечено почти всей германской печатью». — 239

¹¹⁷ Указанная директива была дана в связи с тем, что, по заявлению министра двора Теймурташа временному поверенному в делах СССР в Тегеране В. М. Цукерману от 22 марта 1932 г., иностранные миссии в Персии предприняли совместный демарш перед персидским правительством с целью добиться расширения на иностранные державы лицензионных льгот, предоставленных Персией Советскому Союзу по торговому договору от 27 октября 1931 г.

22 июня 1932 г. при обмене грамотами о ратификации торгового договора между СССР и Персией заместитель народного комиссара по иностранным делам СССР Л. М. Карахан сделал по этому вопросу следующее заявление:

«Подписанный 27 октября 1931 г. торговый договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Персией, ратификация которого мы сегодня обменялись, значительно укрепляет счастливо развивающиеся дружественные политические и экономические отношения между нашими странами.

В этом договоре Советский Союз, идя навстречу интересам Персии, признал монополию внешней торговли Персии. При этом, подписывая указанный договор, стороны базировались на том, что в Персии существует монополия внешней торговли с вытекающими из нее торгово-политическими условиями для всех без исключения стран на все время действия этого договора.

Само собой разумеется, что, если в течение действия настоящего договора для третьих стран будут сделаны какие-либо изъятия из монополии внешней торговли, на основе которой этот договор заключен, стороны не замедлят вступить в переговоры об урегулировании торговых отношений между ними применительно к изменившимся условиям для еще большего укрепления и развития дружественных отношений между обеими странами». — 239, 282

¹¹⁸ 20 апреля 1933 г. состоялся обмен нотами между полпредом СССР в Турции Я. З. Сурицем и министром иностранных дел Турции Тевфиком Рюшю о продлении срока действия данного соглашения. — 244

¹¹⁹ Речь идет о проекте резолюции Испании, Норвегии, Швеции и Чехословакии, внесенном при обсуждении части II положений, принятых

Генеральной комиссией (см. прим. 111). Этот проект предусматривал для установления критериев по ограничению и сокращению вооружений применение положений ст. 8 Статута Лиги наций и сокращение вооружений до минимума, совместимого с национальной безопасностью и с выполнением международных обязательств, возлагаемых совместным действием. Четыре страны также предлагали считаться с географическим положением и исключительными условиями каждой страны.

В ходе дискуссии на Генеральной комиссии по упомянутому вопросу 19 апреля было выдвинуто предложение итальянского делегата Гранди, которого касается М. М. Литвинов в конце своей речи. В этом проекте резолюции отмечалось, что критерии сокращения и ограничения вооружений должны базироваться на ст. 8 Статута Лиги наций и что «Генеральная комиссия постановляет, что проверка применения этих критериев и методов, по которым должно быть осуществлено сокращение и ограничение вооружений, должна непрерывно продолжаться практически с целью осуществления в ближайший срок, и без ущерба их дальнейшему совершенствованию, первого решающего этапа всеобщего сокращения вооружений по возможности до наиболее низкого уровня».

В ходе обсуждения проекта резолюции четырех стран японский представитель выступил с предложением, в котором говорилось: «Ограничение должно осуществляться таким образом, чтобы сохранить возможность для устранения явной недостаточности в основных частях вооружений».

Был избран Редакционный комитет, включающий представителя СССР, для рассмотрения проекта резолюции по данному вопросу и всех предложенных к нему поправок. В Редакционном комитете Литвинов вновь указывал на непринемлемость ссылки на ст. 8 Статута Лиги наций. Эту аргументацию он развил на заседании Генеральной комиссии (см. док. № 175). — 252, 255, 257

¹²⁰ Встреча Г. Н. Лашкевича с Лионом состоялась 20 апреля 1932 г., однако последний интересовался лишь состоянием советско-румынских переговоров о заключении пакта о ненападении.

В письме Н. Н. Крастинскому от 27 апреля 1932 г. В. С. Дозглевский, сообщая о беседе Лашкевича с Лионом, писал, что «либо Лион неправильно понял возложенную на него миссию, либо миссия эта на самом деле была много скромнее, чем та, которая заключалась в предложении, сделанном мне Бертело». — 257

¹²¹ Речь идет о следующем проекте резолюции, выработанном Редакционным комитетом (см. прим. 119) и принятом затем 20 апреля Генеральной комиссией (представитель СССР голосовал против):

«Имея в виду представленные различными делегациями предложения относительно критериев ограничения и сокращения вооружений,

Генеральная комиссия объявляет, что для определения этих критериев должны быть применены положения ст. 8 Статута Лиги наций и что, следовательно, надлежит сократить вооружения до минимума, совместимого с национальной безопасностью и выполнением международных обязательств, налагаемых общим действием.

Кроме того, следует учитывать географическое положение и особые условия каждого государства.

Генеральная комиссия решает, что изучение применения этих критериев и методов, при помощи которых должны быть произведены сокращение и ограничение вооружений, будет практически непрерывно продолжаться» (см. «Actes de la Conférence...». Série B. Vol. I, Genève, 1932, p. 91). — 257, 277

¹²² Член палаты представителей конгресса США Сабат 22 апреля 1932 г. внес в Комиссию по иностранным делам резолюцию, в которой, в частности, говорилось, что, «поскольку Советское правительство является устойчивым, и поскольку все нации признали и установили дипломатиче-

ские и торговые отношения с Советским правительством России, и поскольку Советское правительство России неоднократно выражало свое желание установить дружественные отношения с Соединенными Штатами, и поскольку в результате отсутствия дружественных отношений Соединенных Штатов с Советским правительством России граждане Соединенных Штатов отстранены от прибыльного торгового обмена, в котором преуспевают правительства и народы других стран,—будет решено сенатом и палатой представителей просить президента США дать указание государственному секретарю вступить в переговоры с Советским правительством России по вопросу об установлении дружественных дипломатических и торговых отношений между США и Россией». Однако эта резолюция принята не была (см. «Congressional Record», 72d Congress, First Session, Joint Resolution, p. 8741).— 260

¹²³ В телеграмме Б. Е. Сквирского в НКВД СССР от 19 апреля 1932 г. сообщалось, что главная цель поездки Стимсона в Женеву — «добиться поддержки Англии, Франции и Италии американских позиций на Дальнем Востоке» и что, «возможно, Стимсон решится на свидание с Литвиновым или на установление контакта через посредников».

Сквирский излагал также пожелания сторонников сближения США с Советским Союзом, чтобы для облегчения встречи М. М. Литвинова со Стимсоном со стороны советской делегации также было дано понять в частном порядке о готовности Литвинова встретиться со Стимсоном или обменяться мнениями через посредников.— 260

¹²⁴ Во время встречи С. С. Александровского с заведующим отделом экономической и репарационной политики МИД Германии Риттером 22 апреля 1932 г. последний, по существу, занял позицию Лютера, изложенную в комментируемом документе.

«На мои уточняющие вопросы,—писал в связи с этим Александровский,—Риттер ясно сказал, что Лютер совершенно не считает возможным закончить переговоры с Рейхсбанком по другим пунктам без разрешения пункта о валоризации [марки] и не пойдет на то, чтобы предоставить вопрос о валоризации полностью будущим переговорам Торгпредства с промышленниками, не имея гарантии, что они закончатся таким результатом, который был бы приемлем для Рейхсбанка».— 265.

¹²⁵ Упоминаемый проект резолюции Саймона с поправкой делегации Великобритании был принят 22 апреля 1932 г. единогласно на 16-м заседании Генеральной комиссии в следующей редакции:

«Конференция объявляет, что без ущерба для других предложений, которые должны быть обсуждены под последующими рубриками порядка дня, она принимает принцип качественного разоружения, т. е. выбор некоторых категорий или некоторых типов оружия, владение или пользование которыми было бы либо полностью воспрещено всем государствам, либо интернационализировано путем всеобщей конвенции» (см. «Actes de la Conférence...» Série B, Vol. I, Genève, 1932, p. 113).— 271

¹²⁶ В течение февраля — марта 1932 г. со стороны отдельных членов испанского правительства имели место враждебные выступления в отношении СССР (9 февраля — министра внутренних дел К. Кирога, 21 февраля — министра просвещения Де Лос Риос Уррути и др.).

Кроме того, 19 февраля агентство Гавас передало опровержение премьер-министра Асанья и министра народного хозяйства Доминго сообщений о начале переговоров об установлении дипломатических отношений между СССР и Испанией, а 1 марта — заявление товарища министра иностранных дел Аграмонте, что «МИД ничего не известно о том, что советская торговая делегация должна по приглашению различных испанских кругов посетить Испанию».

В связи с этим в НКВД СССР было решено прозондировать вопрос о возможности поездки в Испанию советской делегации, которая была приглашена Молукером по поручению испанского правительства (см.

прим. 15). Разумеется, что после полученного ответа Зулуеты данный вопрос отпал.— 271

¹²⁷ В связи с тем, что под видом польских дипкурьеров в СССР приезжали лица, не имеющие прямого отношения к дипкурьерской службе, еще в августе 1931 г. заведующий I Западным отделом НКВД СССР Н. Я. Райвид обратился к советнику миссии Польши в СССР Зелезницкому с предложением обсудить вопрос относительно дипкурьеров, курсирующих между Варшавой и Москвой. 31 марта 1932 г. советник миссии Польши Понинский заявил НКВД о несогласии принять это предложение.

Б. С. Стомяков, отмечая, что «поляки уже долгое время оставляют без ответа наше предложение», очевидно, имел в виду, что этот вопрос продолжал оставаться неурегулированным.— 273

¹²⁸ 22 апреля 1932 г. В. А. Антонов-Овсенко заявил заместителю министра иностранных дел Польши Беку протест относительно публикации газетой «Молва» призывов к террористическим актам против аккредитованных в Советском Союзе представителей иностранных держав, а также советских представителей за границей. Бек ответил, что он будет говорить об этом с министром внутренних дел.

28 апреля 1932 г. начальник Восточного отдела МИД Польши Шетисель заявил Антонову-Овсенко, что газета «Молва» получила строгое предупреждение и предупреждение, что если она будет продолжать свою линию, то будут приняты особые меры. Антонов-Овсенко отметил, что такой ответ не может его удовлетворить (см. также док. № 214).— 274, 314

¹²⁹ На Женевской конференции по разоружению делегация Польши внесла 13 февраля 1932 г. предложения по моральному разоружению, суть которых состояла в том, чтобы предпринять ряд шагов в области национального законодательства, прессы, образования, радио, кино и театра, которые подготовили бы «разоружение умов».

Председатель делегации СССР М. М. Литвинков заявил, что с предложениями польской делегации, по существу, вряд ли можно не согласиться. «В самом деле,— сказал Литвинков,— кто станет защищать попрание воинственных настроений, пропаганду в пользу нарушения международных законов или распространения неверных и искаженных слухов или поддельных документов. Ни одно государство так не страдало и не страдает от распространения неверных сведений, фальшивых документов и враждебных клеветнических кампаний, как Советский Союз. Вряд ли можно иметь что-либо против предложений о созыве конференции представителей печати... Нельзя также не сочувствовать всяческим мероприятиям правительства против злоупотреблений радиовещанием, кинематографией и сценой в шовинистических целях».

Однако Литвинков высказал сомнение в необходимости и целесообразности заниматься этим вопросом на конференции по разоружению, в особенности в начале ее работ. «Предложения, подобные сделанным сегодня, могут совлечь конференцию с ее пути. Я не могу,— заявил Литвинков,— не вспомнить при этом об идентичных предложениях, сделанных в другом месте. Это было ровно 10 лет тому назад. Когда Генуэзская конференция отвергла предложение Советского правительства о разоружении, Советское правительство созвало в Москве конференцию представителей непосредственных западных соседей Советского Союза и предложило им частичное сокращение в региональном масштабе. Это предложение было, однако, отклонено, и ему было противопоставлено предложение о моральном разоружении (см. т. VI, прим. 7.— *Ред.*). Я очень опасаясь, как бы мы в конце своих работ не очутились перед предложениями или конвенцией о моральном разоружении, противопоставленными материальному разоружению. В этом заключается опасность сделанных сегодня предложений, и против этой опасности я считаю своим долгом предостеречь Политическую комиссию, а через нее и конференцию» (цит. по газ. «Известия» № 76 (4643), 17 марта 1932 г.).— 274

¹³⁰ Ночью 21 апреля 1932 г. пять японских военных и жандармов вошли в помещение дежурного по станции Имяньбо и потребовали указать место нахождения начальника станции. Когда дежурный попытался вызвать сторожа, чтобы он проводил японцев до квартиры начальника станции, японский жандарм начал избивать его, угрожать пистолетом, ломать телефон и рвать провода. После этого японцы избили двух телефонистов и разрушили оборудование телефонного узла. Встретившись в квартире начальника станции Козляковского, японцы произвели обыск, арестовали его и жестоко избили. Был избит и находившийся здесь же дорожный инспектор Гетманенко. По пути в штаб батальона японцы избили еще несколько служащих станции, ломали оборудование. После двукратного допроса Козляковского командир японского батальона заявил, что его арест является недоразумением и он извиняется за это.

25 апреля генеральный консул СССР в Харбине М. М. Славущий направил управляющему консульством Японии в Харбине Нагаока письмо, в котором решительно протестовал против недопустимых действий японских чинов и потребовал наказания виновных.

29 апреля 1932 г. А. А. Трояновский в беседе с заместителем министра иностранных дел Японии Нэгаси, обратив внимание на недопустимые действия японских военных на ст. Имяньбо, заявил, что эти действия являются несомненно провокацией.— 275

¹³¹ В упоминаемой телеграмме А. А. Трояновский, в частности, сообщал, что адмирал Като спрашивал его, не следует ли поехать в Москву виконту Сайто.— 275

¹³² Встреча между М. М. Литвиновым и Стимсоном в Женеве не состоялась. Телеграммой от 1 мая он сообщил Б. Е. Сквирскому: «Перед моим отъездом из Женевы американская делегация заверяла, что Стимсон останется там еще несколько недель и что я застану его, если вернусь в начале мая. Тем временем Стимсон, однако, уехал на Ривьеру, вследствие отказа от приезда в Женеву Тардье».

В связи с этой телеграммой Литвинова, а также касаясь состояния советско-американских отношений, Сквирский в телеграмме от 6 мая указывал, что «позиция Гувера остается враждебной».— 276

¹³³ Шла речь об удовлетворении претензий греческих граждан братьев Манулидис, вытекавших из ликвидационного договора, подписанного 28 августа 1928 г. между правительством СССР и фирмой «Гарриман энд К^о», занимавшейся добычей марганцевой руды на Кавказе (см. т. VIII, прим. 19, т. X, прим. 71, а также т. XI, док. № 87).

20 августа 1932 г. В. П. Потемкин сообщил министру иностранных дел Михалакопулосу, что этот вопрос разрешен положительно.— 279

¹³⁴ Международный конгресс по электричеству, созданный в связи с исполнившейся в 1931 г. 50-й годовщиной со времени I Международного конгресса по электричеству, состоялся 3—12 июля 1932 г.

Конгресс явился крупным событием в международной научной жизни. В его работах участвовали представители 35 стран. Советские ученые выступили с рядом докладов (в составе советской делегации, по сравнению с указанным в комментируемом документе, произошли некоторые изменения; ее численность была увеличена до 16 человек). Материалы конгресса опубликованы в кн. «Congrès International d'Electricité, Paris, 1932. Comptes-rendus», éd. R. de Valbreuze. Vol. I—13, Paris, 1932.— 280

¹³⁵ 4 июня 1932 г. полпред СССР в Персии А. М. Петровский телеграфировал в НКВД СССР, что персидские власти просили сократить наполовину поставки сахара лишь III квартала.

«Мотивов они не приводили,— писал Петровский,— но мы знаем, что в связи с кризисом и поднятием пошлины потребление сахара сильно упало и на таможнях уже лежат большие запасы».

15 июня Петровский сообщал Л. М. Карахану, что задержка с приемкой советского сахара, на его взгляд, была вызвана «скорее техническими

причинами, чем политическими». Кроме того, как указывал полпред, эта поддержка была, очевидно, связана с конъюнктурой персидского рынка.— 282

¹³⁶ В письме НКВТ СССР в торгпредство СССР в Персии от 23 апреля 1932 г. указывалось: «Все те особенности правового положения торгпредства и его сотрудников, которые вытекают из признанной торговым договором природы торгпредства, как части полпредства, должны быть полностью распространены и на уполномоченных и представителей торгпредства, действующих на периферии страны». — 283

¹³⁷ По провокационному обвинению в подготовке и совершении террористических и диверсионных актов на КВЖД в апреле — июне 1932 г. было арестовано более 150 советских граждан. Около 90 человек из них были продержаны в тюрьме более года; четверо из-за невыносимых тюремных условий умерли или покончили жизнь самоубийством.

С момента первых арестов советских граждан генконсул СССР в Харбине М. М. Славутский неоднократно обращался к местным маньчжурским властям с протестами против необоснованных арестов, жестокого обращения, пыток и избиений советских граждан. В письмах на имя Ши Люй-бэня от 20. 21, 22, 25 апреля, 9, 16 мая, 16, 19 июня (см. док. № 253), 13 августа 1932 г. и позднее, в 1933 г., Славутский приводил факты произвола полиции в отношении советских граждан, когда арестованных в тюрьме заковывали в кандалы, пытали, избивали, запрещали им прогулки, передачу пищи, свидание с родными и т. д. Он требовал принять меры к изменению режима содержания арестованных, разрешить представителю консульства посетить их, настаивал на рассмотрении дел и освобождении арестованных.

В результате энергичных протестов Советского правительства арестованные впоследствии небольшими группами были освобождены и отправлены в СССР без какого-либо судебного процесса. Последняя партия выехала на родину летом 1933 г. Однако аресты советских граждан в связи с новыми провокациями продолжались и в дальнейшем.— 288

¹³⁸ Политика Великобритании на Дальнем Востоке непосредственно отражалась на советско-английских отношениях. Как видно из опубликованных в Англии внешнеполитических документов, относящихся к дальневосточному кризису 1931—1932 гг. (см. «Documents on British Foreign Policy, 1919—1939», Second Series, Vol. VIII—IX, London, 1960—1965), правящие круги Великобритании оправдывали захват Японией Маньчжурии, высказывались за расчленение Китая и создание под протекторатом Японии сепаратного маньчжурского государства при условии сохранения политики «открытых дверей» (ibid., vol. IX, pp. 265—267, 283—291, 374—384).

Показательны в этом смысле донесения английского посла в Токио Ф. Линдлея, который все время предостерегал свое правительство против оказания хотя бы малейшего давления на Японию и особенно против применения санкций (ibid., pp. 190, 318, 331, 347, 365, 367, 409, 454, 477—478, 480, 541, 632, 654—655).

Министр иностранных дел Великобритании Саймон, соглашаясь с Линдлеем о необходимости воздерживаться от действий, которые могут раздражать японцев, зангрявал с японским представителем в Женеве Мацудайра и даже посвящал его в содержание японских инструкций, которые давались им послам в Токио и Нанкине, в связи с чем заслужил глубокую благодарность Мацудайра (ibid., pp. 352, 369—370, 373). Дипломатическая переписка между английскими и японскими представителями изобилует взаимными уверениями в «дружественных отношениях», верности «старым союзным связям» и выражениями признательности японских дипломатов за поддержку, оказываемую Англией Японии (ibid., pp. 91, 127, 155).

Великобритания использовала свою руководящую роль в Лиге наций для того, чтобы эта организация не принимала каких-либо реальных мер, препятствовавших японской агрессии. В беседе с Мацудайра в Женеве

6 февраля 1932 г. Саймон откровенно заявил своему собеседнику: «Мой собственный взгляд состоит в том, что желательно, чтобы Совет [Лиги наций] не торопился в этом деле, и я использую свое влияние, чтобы настоять на осторожности» (*ibid.*, p. 369).

Такая политика правительства Великобритании определялась стремлением отвести японскую агрессию от Центрального и Южного Китая, где были сосредоточены основные интересы Англии, на север, против Северо-Восточного Китая, вызвать японо-советское столкновение и тем самым создать предпосылки для осуществления планов новой интервенции против Советского государства.

Отражая эти надежды на столкновение между Японией и СССР, Линдлей еще 17 сентября 1931 г. за месяц до начала японской агрессии в Маньчжурии, писал в форин офис о «возможности советской интервенции» в Северной Маньчжурии в случае вторжения японских войск в Южную Маньчжурию (*ibid.*, vol. VIII, p. 658). 11 января 1932 г. английский представитель в Пекине Лэммон, ссылаясь на американский источник информации, сообщал, что «японский генеральный штаб теперь подготовлен в отношении Советов» (*ibid.*, vol. IX, p. 104). 30 января 1932 г. Линдлей писал из Токио Саймону: «Я склонен думать, что военная партия, которой принадлежит теперь преобладающее влияние, предполагает использовать благоприятный случай, чтобы избавиться от сильного русского влияния в Северной Маньчжурии» (*ibid.*, p. 241).

Английские дипломатические представители в СССР, Китае и Японии тщательно собирали данные об оборонительных мероприятиях Советского Союза на Дальнем Востоке (*ibid.*, pp. 600, 636, 697—698).

Английское правительство, лицемерно заверявшее китайское правительство в своей поддержке, а по существу проводившее прояпонскую политику, всячески препятствовало установлению нормальных отношений между Китаем и СССР. Сама возможность советско-китайского сближения чрезвычайно тревожила дипломатов Великобритании. Уже в сентябре 1931 г. Лэммон сообщал в Лондон из Пекина, что «молодой маршал» (Чжан Сюэ-лян.— *Ред.*) также отдаст себе отчет в крутом повороте ориентации его «молодых людей» (военная группировка Чжан Сюэ-ляна.— *Ред.*) в сторону России, и подчеркивал «опасность сближения» между Китаем и СССР для английских интересов (*ibid.*, vol. VIII, pp. 691, 724—725). 17 января 1932 г. он снова писал в Лондон об ожидаемом «возобновлении отношений (Китай.— *Ред.*) с Россией и реорганизации Китая под руководством русских советников» (*ibid.*, vol. IX, p. 150). 4 февраля 1932 г. он в том же антисоветском духе «предостерегал» английское правительство о возможности «блока» Китая с Россией (*ibid.*, p. 333).— 291

¹⁹ Оттавская имперская конференция, созванная для урегулирования экономических отношений между Англией, доминионами и некоторыми зависимыми странами Британской империи, состоялась в июле — августе 1932 г. В ней участвовали Австралия, Англия, Индия, Канада, Новая Зеландия, Ньюфаундленд, Южная Родезия и Южно-Африканский Союз. Англия подписала соглашения с участниками конференции об уступлении или снижении пошлин на товары, вводимые из этих стран в Англию, и о предоставлении преференциальных (предпочтительных) пошлин при импорте английских товаров этими странами.

Оттавские соглашения ставили в невыгодное положение все третьи страны, но больше всего затрагивали интересы Советского Союза, который в экспорте продовольственных и лесных товаров на английский рынок встречал конкуренцию со стороны Австралии и Канады, добившихся там привилегированного положения.

Дискриминационные меры в отношении советского экспорта в Англию, в частности, предусматривались § 21 соглашения между Соединенным Королевством и Канадой, поскольку плановое поддержание цен в тот период имело место только в СССР. Он гласил:

«21. Это соглашение заключено под определенным условием, что если какое-либо из двух правительств убедится, что преференции, предоставленные настоящим соглашением в отношении какой бы то ни было особой категории товаров, могут быть целиком или частично сведены на нет путем прямого или косвенного создания или поддержания цен на эту категорию товаров, вследствие мероприятий правительства какого-либо иностранного государства, то данное правительство настоящим заявляет, что оно воспользуется принадлежащим ему сейчас или имеющим быть полученным в дальнейшем правом запрещать прямой или косвенный доступ таких товаров в свою страну из такого иностранного государства на такой срок, который может потребоваться для того, чтобы сделать действительными и сохранить преференции, предусмотренные настоящим соглашением» (см. «Сборник документов по международной политике...», вып. V, М., 1933, стр. 13). — 292, 366, 494, 505, 585, 613, 614, 633

¹⁴⁰ Подтверждение получения этого письма в архиве не обнаружено. Содержащиеся в письме условия платежа действовали до 1933 г. и были вновь продлены в соответствии с соглашением между Рейхсбанком и торговым представительством СССР в Германии от 16 января 1933 г. — 294

¹⁴¹ Соглашительная конвенция между СССР и Эстонией была подписана в Москве 16 июня 1932 г. (см. «Собрание законов...», отд. II, № 23, 19 ноября 1932 г., стр. 329—333).

Конвенция состоит из преамбулы и десяти статей. Статьи 1 и 9 воспроизводят основные положения статей 1 и 15 конвенции о согласительной процедуре между СССР и Финляндией (см. док. № 179), а остальные статьи в основном аналогичны статьям советско-германской согласительной конвенции (см. т. XII, док. № 26). — 297

¹⁴² В письме М. М. Литвинова члена коллегии НКВД СССР от 3 мая 1932 г. об упоминаемом ответе Мейеру говорилось:

«Мейер спрашивал, доволен ли я сотрудничеством с германской делегацией по разоружению. Я откровенно ответил, что никакого сотрудничества или даже попыток к сотрудничеству я не замечаю, что германская делегация иногда выступает против нас и что взаимоотношения обеих делегаций на этот раз резко отличаются от отношений, которые установились между мной и графом Бернсторфом в Подготовительной комиссии». — 298

¹⁴³ 9—12 июня в Вене проходила Международная конференция по лесу, в которой приняли участие делегаты 19 стран, а также представители Экономической комиссии Лиги наций и Римского аграрного института. Делегация Франции пыталась изолировать СССР и использовать конференцию для проведения кампании против советского лесоэкспорта. Делегации Румынии, Югославии, Польши, Чехословакии, Австрии и Латвии, за спиной которых действовала Франция, предложили сократить экспорт леса до среднего уровня в 1923—1931 гг. Они внесли также совместную резолюцию об ограничении лесного экспорта путем создания международного картеля.

Советская делегация подчеркнула готовность Советского правительства содействовать урегулированию спорных вопросов международного лесного рынка путем заключения торговых соглашений между заинтересованными странами, но категорически возражала против всякого ограничения лесного экспорта, указав при этом на неосуществимость предложения делегаций шести стран и разоблачив его антисоветскую тенденцию. Используя различные позиции и интересы стран — участниц конференции, советская делегация не допустила принятия резолюций или деклараций, которые могли бы в дальнейшем связать СССР руки или быть использованы в антисоветских кампаниях. Против резолюции шести стран выступили делегации Италии, Германии и Швейцарии. Не оказали ей поддержки также делегации Швеции, Финляндии и Нидерландов. За резолюцию шести стран высказались только Франция и Бельгия. — 301

¹⁴⁴ Торгпредство СССР в Дании заключило 10 августа 1932 г. с исландской фирмой «А. Сигурдсон» контракт, по которому фирма за время с

1 июля по 31 декабря 1932 г. обязывалась купить у советских торговых организаций на 1 млн. исландских крон следующие товары: сахар, пшеничную и ржаную муку, цемент, рис, пиломатериалы. Советский Союз закупал в Исландии на 250 тыс. исландских крон сельди при кредите на 18 месяцев.— 301

¹⁴⁵ В телеграмме полпреда СССР в Великобритании в НКВД СССР от 5 мая 1932 г. сообщалось, что начальник департамента экспортных кредитов Никсон во время встречи с А. В. Озерским заявил о готовности правительства Великобритании предоставить Советскому Союзу гарантии по заказам на сумму в 1 млн. ф. ст. сроком до 18 месяцев.— 304

¹⁴⁶ В телеграмме в НКВД СССР 14 мая 1932 г. полпред СССР в Великобритании сообщал, что встреча А. В. Озерского с Колвиллом, состоявшаяся 13 мая 1932 г., ничего нового не дала. «Колвилл,— говорилось в телеграмме,— подтвердил то, что говорил Никсон».

Во время этой беседы Колвилл поставил вопрос о желательности закупки Советским Союзом в Англии сельди, отметив, что такая закупка произвела бы в Англии благоприятное впечатление (см. также прим. 184).— 306

¹⁴⁷ Пфейфер, один из деятелей радикальной партии Франции, дал интервью корреспонденту газеты «Курьер варшавский», опубликованное 31 марта 1932 г. Пфейфер заявил, что против франко-польского союза выступают не только отдельные политики-радикалы, но что значительная часть французского общественного мнения отрицательно относится к этому союзу. В частности, Пфейфер указывал на выступление в газете «Републик» от 4 ноября 1930 г. тогдашнего председателя радикальной партии Даладье против возобновления союза с Польшей, а также на состоявшийся в апреле 1931 г. конгресс «Международного альянса радикальных и демократических партий», который по инициативе французской делегации высказался против «тайной дипломатии и антагонистических союзов» и постановление которого было полностью одобрено 20 апреля 1931 г. центральным комитетом радикальной партии.— 306

¹⁴⁸ Бенвиль, французский публицист, член фашистской организации «Аксон франсез», в интервью корреспонденту газеты «Курьер варшавский», опубликованном 20 апреля 1932 г., заявил, что «основы франко-польского союза остаются неприкосновенными. Но было бы хорошо не повторять известные ошибки, совершенные в особенности в течение последних лет, ошибки, которые принесли вам больше вреда, чем вам это кажется. И поэтому от самой Польши и поляков зависит больше всего возможность восстановления во Франции популярности, которой вы пользовались в первые послевоенные годы. Несомненным является факт, что большинство французов было бы счастливо, если бы могло опереться на действительно сильную и действительно объединенную Польшу».— 306

¹⁴⁹ 9 апреля 1932 г. Большой фашистский совет Италии принял по докладу Муссолини резолюцию о международном положении, в которой говорилось о необходимости отказа от военных долгов, уничтожения репараций и устранения таможенных барьеров. Совет предложил поставить в Лиге наций вопрос о пересмотре некоторых пунктов мирных договоров, «являющихся причиной беспокойства народов» и угрожающих возникновением новой войны (см. газ. «Известия» № 101 (4668) от 11 апреля 1932 г.).— 307

¹⁵⁰ Газ. «Известия» № 118 (3654) от 26 мая 1929 г. перепечатала из газеты «Москауэр рундшау» текст польско-французской военной конвенции. Согласно этому тексту, конвенция, основанная на предварительном соглашении от 22 февраля 1921 г., была подписана 15 сентября 1922 г., а 18 мая 1923 г. было подписано дополнение к ней. Заключенная сроком на 10 лет, конвенция предусматривала автоматическое продление на такой же период, если не последует отказа одной из сторон до истечения установленного срока.

На запрос Б. С. Стомонякова о дальнейшей судьбе этой конвенции В. А. Антонов-Овсенко ответил, что полпредство не располагает данными по этому вопросу.— 307

¹⁵¹ Указание Б. С. Стомонякова В. А. Антонову-Овсенко по вопросу о статусе торгпредства СССР в Польше было связано с сообщением последнего о том, что 15 апреля 1932 г. заведующий рефературой МИД Польши Мостовский заявил первому секретарю полпредства М. В. Юшкевичу, что «правовое положение торгпредства должно быть урегулировано, ибо финансовое ведомство настаивает на уплате торгпредством налогов с оборота».

В результате имевших место впоследствии переговоров полпредства и торгпредства СССР с МИД Польши 14 июня 1936 г. было заключено соглашение о правовом положении торгового представительства СССР в Польше (см. газ. «Известия» от 16 июня 1936 г. и журнал «Внешняя торговля» № 5—6, 1939 г.).— 308

¹⁵² 7 мая 1932 г. В. С. Довгалецкий направил Тардые письмо, в котором говорилось:

«Глубоко потрясенный ужасным покушением, жертвой которого пал Его Превосходительство г. Президент Республики, спешу выразить Правительству Республики мои самые искренние соболезнования. В письме далее отмечалось, что «это преступление вызовет всеобщее возмущение в Союзе Советских Социалистических Республик», и что «Правительство и общественность моей страны также тяжело переживают трагическую смерть г. Поля Думера».

24 мая 1932 г. заведующий протокольным отделом МИД Франции де Фукьер от имени и по поручению Тардые прислал ответное письмо, в котором говорилось: «Ваше Превосходительство соболезновали выразить мне соболезнование Правительства Союза Советских Социалистических Республик по случаю покушения, жертвой которого явился г. Президент Думер.

Правительство Республики чрезвычайно тронуту этим проявлением сочувствия и скорби, и я прошу Вас передать вашему Правительству выражение нашей глубокой благодарности». В письме далее выражалась благодарность Довгалецкому за выраженное соболезнование.— 309

¹⁵³ Агентство Гавас 7 мая 1932 г. передало следующее сообщение: «В результате важного совещания, на котором присутствовали Тардые и министры юстиции и внутренних дел, а также генеральный прокурор республики и префект полиции, выпущено следующее коммюнике для печати:

«Горгулов не состоял ни в какой связи с русскими эмигрантскими кругами в Ницце».

«Горгулов в 1930 г. занимался в Праге организацией панрусской крестьянской партии небольшевистского характера. Изданная парижской типографией брошюра по заказу Горгулова носит небольшевистскую эмблему. На эмблеме изображены внизу две косы, а наверху — сосна и череп. Группа, использующая эти эмблемы, инспирирована III Интернационалом, использующим ее часто как агентов-провокаторов. Согласно официальным разъяснениям из Праги, Горгулов имел членскую книжку коммунистической партии в 1930 г., когда он пытался организовать в Праге вышеуказанную партию» (см. газ. «Известия» № 126 (4693) от 8 мая 1932 г.).

Публикуя это коммюнике, газ. «Известия» поместила передовую статью, в которой коммюнике квалифицируется как провокационная фальшивка, преследующая цель ухудшить отношения между СССР и Францией. В передовой указывалось также, что авторы этой фальшивки рассчитывали на то, что «она может сгруппировать взбесившихся французских буржуа вокруг нынешнего правительственного большинства. Выдумка дикая. Беззастенчивость неслыханная. Но тем не менее она стала фактом, ибо, очевидно, ее вдохновители тоже готовы международную политическую смуту поставить на службу своим собственным интересам».— 311

¹⁵⁴ Имеется в виду следующее сообщение агентства Гавас, переданное 8 мая 1932 г. корреспондентом ТАСС из Парижа: «Согласно официальному коммюнике, Горгулов приехал в Россию в 1927 г. и работал в Майкопском округе на Кубани в отделе здравоохранения под фамилией Чулкова. В это время он был членом коммунистической ячейки. Затем вернулся в Чехословакию, где предъявил властям свой членский билет коммунистической партии. Он оставался в Праге до 1930 г., пытаясь основать народно-крестьянскую всероссийскую партию».

Это сообщение было помещено в газ. «Известия» под заголовком «Новое французское провокационное коммюнике». В связи с этим сообщением агентства Гавас было опубликовано комментируемое опровержение в виде «Примечания ТАСС» (см. газ. «Известия» № 128 (4695), 10 мая 1932 г.).— 313

¹⁵⁵ В записи беседы В. А. Антонова-Овсенко с послом Германии в Польше Мольтке 2 мая 1932 г. отмечалось, что Мольтке отверг «слухи об агрессивных намерениях Польши в отношении Восточной Пруссии и Данцинга», что торговля между Германией и Вольным городом Данцигом (Гданьск) совершенно прекратилась, так как «Польша аннулировала контингенты для Данцига, сохранив максимальные пошлины». — 315

¹⁵⁶ В записи беседы В. А. Антонова-Овсенко с послом Франции в Польше Лярошем 9 мая 1932 г. говорилось, что Лярош, касаясь итогов парламентских выборов во Франции, сказал, что он «не ожидает особых перемен во внешней политике Франции. В основном она определена Брианом». Говоря о репарационном вопросе, Лярош, согласно записи Антонова-Овсенко, заявил: «Во Франции все понимают, что нельзя требовать от немцев, чтобы они одни несли бремя последствий войны; в репарационном вопросе придется пойти немцам навстречу». — 315

¹⁵⁷ 21 мая 1932 г. Б. С. Стомоняков доверительно информировал посла Германии в СССР Дирксена о соображениях Сметоны, высказанных в беседе с М. А. Карским по вопросу урегулирования земельного конфликта и улучшения литовско-германских отношений. В записи беседы Стомоняков отмечал, что «Дирксен выслушал с большим интересом и удовлетворением все эти сообщения». — 317

¹⁵⁸ XIII финляндскую сельскохозяйственную выставку, которая проходила в г. Выборге с 23 июня по 2 июля 1932 г., посетила советская делегация, состоявшая из ответственных сотрудников Народного комиссариата земледелия СССР. Выставка носила чисто национальный характер, и иностранные экспонаты на ней не демонстрировались. — 324

¹⁵⁹ Имеется в виду статья «Проект платформы действия Молодежной коммунистической лиги Индии», опубликованная в издаваемом в Берлине журнале «International Press Correspondence». Vol. 12, № 11, 10th March, 1932, pp. 228—232. — 332

¹⁶⁰ Указанное соглашение предусматривало предоставление правительству МНР займа в 4 млн. туркизов из расчета 2% годовых. Срок его погашения устанавливался с 1 января 1935 г. по 1 января 1940 г., причем погашение 45% всего займа относилось на последние 2 года. — 336

¹⁶¹ В телеграмме от 24 мая 1932 г. М. А. Карский, излагая сообщение Зауниуса, писал: «На этой неделе директория Симантиса подает в отставку; литовское правительство не возражает против образования чисто немецкой директории, но с единственным условием, чтобы председатель владел литовским языком; литовское правительство предоставляет свободу действия директории в пределах статута».

Далее в телеграмме говорилось, что Зауниус заявил о желательности переговоров с Германией до Гааги (см. также прим. 51), и в связи с этим он считает желательным скорейший приезд Рейнебека. — 337

¹⁶² Несмотря на многочисленные протесты со стороны НКВД СССР и подпредства СССР в Персии персидскому правительству по поводу набегов басмаческих банд на советскую территорию (см. прим. 59), эти налеты, осу-

шестельявшиеся при прямой поддержке местных персидских властей, не прекращались.

Новый крупный вооруженный налет на советскую территорию имел место в ночь на 6 мая 1932 г. в районе р. Атрек. В связи с этим НКВД СССР направил посольству Персии ноту протеста, которая была вручена Л. М. Караханом Пакревану 21 мая 1932 г.

В ноте указывалось, что НКВД СССР неоднократно обращал внимание посольства Персии, в частности в своих нотах от 17 февраля 1932 г., «на чрезвычайно тревожное положение на советско-персидской границе в результате недоброго поведения персидских пограничных властей», причем особенно неблагоприятное в этом отношении положение складывалось в низовьях реки Атрек, где в персидской пограничной полосе укрывались сотни басмачей, совершавших систематические вооруженные нападения на советскую территорию.

При вручении указанной ноты Карахан заявил Пакревану, что постоянные набеги бандитов, которым оказывали содействие местные персидские пограничные власти, снабжая их оружием и людьми, создали «очень серьезное положение на границе, и правительство СССР настаивает на принятии персидским правительством решительных мер для прекращения подобных случаев в будущем».

В беседе с Пакреваном 4 июня 1932 г. Карахан вынужден был снова вернуться к положению на персидской границе, в том числе на Атреке, и заявить, что «мы не только не видим эффективных мероприятий персидского правительства, направленных к пресечению преступной деятельности бандитов, но, напротив, наблюдаем поощрение этой деятельности со стороны персидских властей».

Нотами от 22 и 25 мая, 9 июня и 23 июля 1932 г. полпредство СССР в Персии также заявляло решительные протесты против вооруженных нападений басмаческих банд на советскую территорию в районе Атрека.

Однако персидская сторона, как и в случае с инцидентом в районе Белясувара, не принимала действенных мер по нормализации положения на границе. Налеты на советскую территорию продолжались и в дальнейшем.— 339

¹⁶³ Правительственная делегация Геджаса во главе с эмиром Фейсалом находилась в СССР с официальным визитом с 29 мая по 7 июня 1932 г.

В ходе обмена мнениями по вопросам дальнейшего развития советско-геджасских отношений советская сторона высказала пожелание об укреплении и расширении этих отношений путем заключения договора о дружбе и торгового договора. Однако, по заявлению Фейсала Л. М. Карахану, делегация не имела полномочий на подписание такого рода договоров. В то же время Фейсал сообщил НКВД СССР, что делегация доложит о переговорах королю Ибн Сауду. Со своей стороны геджасская делегация зондировала вопрос о возможности предоставления Геджасу Советским Союзом товарного кредита (см. также док. № 253).— 342

¹⁶⁴ В ноте № Р. III. 4663/1/4/32 от 21 июня 1932 г. заместитель министра иностранных дел Польши Бек, утверждая, что имеющийся в ст. II Мирного договора абзац, трактующий о судоходстве и сплаве по пограничным рекам, содержит в себе лишь «принципиальное указание программного характера, которое требует для проведения в жизнь заключения особых исполнительных соглашений между обоими государствами», оправдывал запрещение местными польскими властями советского сплава по рекам Случь и Моречь, считая это пограничным конфликтом, и вновь указывал, что будто «вопрос о задержании советскими властями солдата Яна Границкого на этом же участке имеет также характер пограничного конфликта». В ноте отклонялся протест полпреда.

В. А. Антонов-Овсенко в ноте № 010 от 28 июля 1932 г. отверг изложенные в указанной ноте Бека необоснованные доводы и заявил, что

«Союзное Правительство в полной мере поддерживает свой протест, изложенный в ноте от 31 мая с. г., и возлагает на Польское Правительство юридические и материальные последствия, вытекающие из нарушения Мирного договора между СССР и Польской Республикой».

Вопрос о сплаве был урегулирован в результате заключения между СССР и Польшей 19 июня 1933 г. конвенции о сплаве лесных материалов по пограничным рекам (см. «Собрание законов...», отд. II, № 15, 31 июля 1934 г., стр. 213—226). — 344

¹⁵⁵ Это заявление Муссолини не соответствовало внешней политике, которую проводила Италия, и было сделано с явно демагогическими целями. Как известно, итальянское правительство, что особенно проявилось в последующие годы, открыто следовало курсу агрессии и войны (см. также прим. 308). — 348

¹⁵⁶ Во время беседы 28 мая 1932 г. полпред СССР в Греции В. П. Потемкин обратил внимание премьер-министра Папанастасиу на готовившуюся антисоветскую демонстрацию армян-дашнаков при участии официальных представителей греческого правительства. Папанастасиу заявил полпреду, что он этого не допустит. В тот же день Потемкин встретился с генеральным директором МИД Маврудисом, который подтвердил, что никакой манифестации армян-дашнаков допущено не будет, заявив, что будет разрешено им провести собрание в закрытом помещении и что на могилу Неизвестного солдата пройдет небольшая группа армян-дашнаков, чтобы возложить венок. Маврудис отметил, что официальные греческие представители участвовать в этом не будут. — 350

¹⁵⁷ 31 марта 1932 г. Л. Н. Старк в соответствии с указанием Л. М. Карахана от 14 марта 1932 г. направил министру иностранных дел Афганистана Файз Мухаммед-хану ноту за № 435, в которой говорилось, что Советское правительство «в дружественном порядке, исходя из взаимной пользы, предлагало правительству Афганистана использовать работу советских специалистов и все те средства, которые необходимы для действительного и своевременного уничтожения саранчи. К сожалению, Правительство Афганистана не сочло нужным это предложение принять. К сожалению, мы уже имеем весьма печальные результаты. Согласно полученным мною сообщениям, саранча в ряде мест перебросилась из Афганистана на территорию СССР (например, в районе Сарай-Кумара) и уничтожила посевы, в том числе большое количество посевов ценнейшего египетского хлопка. Все это вынуждает меня вновь поставить вопрос о необходимости самых срочных мер к действительной борьбе с саранчой в северных провинциях Афганистана».

После неоднократных напоминаний Старка об ускорении разрешения этого вопроса Файз Мухаммед-хан 13 июня 1932 г. в ноте за № 1272/1004 сообщил, что афганское правительство согласно на совместные действия в борьбе с саранчой и готово принять для этого все необходимые меры.

17 июня 1932 г. Старк телеграфировал в НКВД СССР, что в устной беседе, в дополнение к ноте № 1272/1004 от 13 июня 1932 г. Файз Мухаммед-хан заявил ему о готовности афганского правительства заключить с СССР соглашение по борьбе с саранчой. Советское правительство приветствовало это предложение правительства Афганистана (см. док. № 256). В результате последующей переписки между полпредством СССР и МИД Афганистана (см. док. № 291) советская экспедиция 6 октября 1932 г. выехала в Афганистан и провела подготовительные работы для организации противосаранчовой кампании в 1933 г. — 359

¹⁵⁸ В ночь на 1 апреля 1932 г. вооруженная банда в количестве 300 человек, напав на советскую пограничную заставу Матвеевка, убила 18 человек и разграбила склады заставы и «Совинторга». Налет банды был произведен на глазах китайской погранохраны, отдельные представители которой даже приняли участие в разграблении складов. При вторичном нападении

дении на советскую погранзаставу бандиты встретили отпор и, потеряв до 50 человек убитыми, прекратили налеты.— 351

¹⁶⁵ 11 июня 1932 г. В. С. Довгалецкий вновь посетил Эррио и сообщил ему приблизительную дату приезда М. М. Литвинова в Женеву. Эррио вновь подтвердил, что он будет рад встретиться в Женеве с Литвиновым, и просил Довгалецкого передать ему, чтобы он дал знать Эррио, как только приедет в Женеву.— 353

¹⁷⁰ В ноте норвежской миссии в СССР от 28 сентября 1931 г. отмечалось, что «норвежские власти не имеют никаких возражений против учреждения такой станции» при условии:

1) Проект строительства должен быть представлен на утверждение в Управление телеграфа в Осло. 2) При строительстве и работе радиостанции «Союзлеспром» должен руководствоваться международным регламентом связи. 3) Длина волн, которыми станция намерена пользоваться, должна быть заранее утверждена Управлением телеграфа. 4) Станция должна использоваться для передачи частной информации Объединения. 5) «Станция должна использовать передатчик, принадлежащий норвежскому государству, на Свальбарде для передачи или получения телеграмм со станций, расположенных вне пределов Свальбарда, в том числе и находящихся на кораблях и самолетах». 6) Объединение несет ответственность за расходы по ретрансляции телеграмм, отправляемых его радиостанцией. 7) «Радиостанция подчиняется контролю со стороны Министерства торговли и там может быть проведена инспекция одним или несколькими чиновниками...». 8) «Министерство торговли и Военно-морское управление Министерства обороны по соображениям государственного или общественного порядка могут полностью или частично запретить отправку радиостанцией корреспонденции любого характера...».

В ответной ноте ГИКИД СССР от 19 ноября 1931 г. (в комментируемом документе ошибочно указано 26 ноября) по вопросу о работе радиостановок на Свальбарде говорилось:

«Относящиеся сюда положения зафиксированы в статье 4 Парижского договора от 9 февраля 1920 г. (см. т. II, прим. 68.— *Ред.*). Эта статья, учитывая особые условия, существующие на Свальбарде, ставит вопрос о действующих там частных радиостановках значительно иначе по сравнению с нормальными правилами, обычно создаваемыми для радиостановок на иностранной территории».

Обращаясь непосредственно к положениям, имеющимся в статье 4 договора, Народный Комиссариат считает противоречащими постановлением указанной статьи 4 соображения, изложенные в пунктах 5, 6 и 8 ноты от 28 сентября. Из них противоречие пунктов 5 и 6, по мнению Народного Комиссариата, состоит в том, что указанная статья 4 дает собственникам земельных участков на Свальбарде право во всех случаях устанавливать и использовать для своих собственных нужд радиостанция, а также право сноситься по своим частным делам с постоянными и подвижными станциями, не спрашивая на это чего-либо разрешения.

Далее, едва ли можно считать в полной мере соответствующим статье 4 пункт 8 ноты. Народный Комиссариат полагает, что обусловленное в этом пункте право приостанавливать телеграфный обмен по соображениям государственной важности может быть осуществляемо лишь в пределах, указанных в начале второго абзаца статьи 4, т. е. в связи с обстоятельствами, вытекающими из состояния войны.

В соответствии с изложенным Народный Комиссариат выражает надежду, что Норвежское Правительство согласится с его мнением о невозможности предъявлять к радиостановке, принадлежащей собственнику земельного участка на Свальбарде, требований, изложенных в указанных трех пунктах ноты от 28 сентября.— 353

¹⁷¹ В упомянутом эд-мемуаре говорилось: «В ноте от 2 мая сего года Королевская миссия Норвегии просила Народный Комиссариат Иностран-

ных Дел обратиться к компетентным властям СССР по поводу улучшения работы службы передачи метеорологических телеграмм с Земли Франца-Иосифа с тем, чтобы эти важные телеграммы могли быть получены норвежскими станциями, которым поручено извещать о бурях на побережье Финмаркена и в районе Бжорной (остров Медвежий).

Нотой от 7 октября 1932 г. НКВД СССР извещал норвежскую миссию, что станция на Земле Франца-Иосифа будет регулярно передавать интересующие норвежских метеорологов сведения.— 356

¹⁷² Пункт 21 протокола пленума делегаций норвежского правительства и правительства СССР по вопросу о возобновлении госгарантий на 1932 г. и о торговых взаимоотношениях между СССР и Норвегией от 12 марта 1932 г. гласил: «Норвежское правительство подтверждает, что оно внесло в стортинг проект закона, согласно которому Торгпредство СССР в Норвегии имеет право непосредственной торговли с продуцентами и импортерами».— 355

¹⁷³ В телеграмме от 14 июня 1932 г. в НКВД СССР А. А. Бекзаян сообщил: «В газетах опубликовано заключение юридической комиссии парламента, касающееся изменения закона о торговле. Сожалая, что в вопрос об изменении норвежского законодательства были втянуты переговоры о госгарантиях, комиссия предлагает сохранить наше право непосредственных продаж лишь в отношении хлебной и винной монополии и продуцентов. Тем самым импортеры исключаются из сферы нашей непосредственной торговли».

После предпринятых Бекзаяном демаршей перед Эсмарком и Бродландом последний 23 июня 1932 г. сообщил полпреду, что рассмотрение в стортинге вопроса о правах торгпредства СССР в Норвегии отложено. Переговоры по этому вопросу продолжались в 1933 г.— 365, 376

¹⁷⁴ На указанный запрос М. В. Кобецкий сообщил следующее: «Требование о понижении курса кроны до уровня шведо-норвежской не встретило сочувствия в рядах партии (и прессы) правящей коалиции и пока вопрос снят с поля широкого обсуждения. Датская крона остается спутником английского фунта, и Дания, как это видно из последнего периода, еще больше увязет свою хозяйственную, в том числе и денежную, систему с Англией. Возможны, конечно, после Оттавской конференции, всевозможные отступления, но Дания имеет очень мало козырей в игре с Англией, которая с теми или другими поправками продиктует Дании свои условия, не принять которые Дания не может в силу огромной экономической зависимости от Англии».

В борьбе за английский рынок Дания готова пожертвовать многим и в первую очередь предоставить почти монопольное положение Англии на датском внутреннем рынке».— 365

¹⁷⁵ Данная телеграмма явилась ответом на телеграмму полпреда СССР в Геджасе Н. Т. Тюрякулова от 13 июня 1932 г., в которой сообщалось, что советник короля по внешнеполитическим вопросам Ясин заявил ему о согласии геджасского правительства подписать договор о дружбе, а также о намерении короля Ибн Сауда вместо торгового договора подписать соглашение о предоставлении кредитов.— 366

¹⁷⁶ 1 августа 1932 г. НКВД и НКВТ СССР дали полпреду СССР в Геджасе Н. Т. Тюрякулову директиву начать переговоры о заключении договора о дружбе, предложив включить в текст договора специальную статью о торговле, которая гласила: «Договаривающиеся стороны одушевлены намерением устранить из своих экономических отношений все зады дискриминаций. Исходя из этого, они не будут принимать никаких законодательных или административных мер такого рода, которые могли бы поставить товары, тоннаж, торговые организации и вообще торговлю другой стороны в каком бы то ни было отношении в положение, худшее по сравнению с товарами, тоннажем и торговыми организациями всех других стран».

Договаривающиеся стороны обязываются содействовать применению всяких облегчений в соответствии с местными законоположениями в

отношении граждан обеих сторон, что касается налогов и таможенных пошлин.

Стороны соглашались в кратчайший срок приступить к переговорам о заключении торгового договора с целью развития и расширения экономических связей между обоими государствами».

31 августа 1932 г. Тюрякулов телеграфировал в НКВД СССР, что Ибн Сауд заявил ему о своем согласии подписать как договор о дружбе, так и торговый договор и что он дал директиву своему правительству приступить к переговорам.

Однако затем геджасское правительство интереса к переговорам не проявило.— 367

¹⁷⁷ В письме к Шн Лий-бню М. М. Славущий 16 мая 1932 г. сообщал, что, как ему стало известно, «арестованные советские граждане 14 мая объявили голодовку в виде протеста против исключительно тяжелых условий, в которых они находятся, и против варварского обращения с ними со стороны русских белых агентов полиции. Арестованных пытаются, избивают, запрещают прогулки, прием передач от родных и т. д.».

Отмечая, что «неоднократные обращения Генконсульства к властям безрезультатны» и что на его письменные запросы он не получает никакого ответа, Славущий выражал протест против произвола властей и настаивал «на немедленном изменении режима содержания и обращения с арестованными и на немедленном допущении посещения представителем Генконсульства всех арестованных».

В письме от 5 мая 1932 г. Славущий выражал решительный протест против ареста сотрудника генконсульства СССР в Харбине и напоминал, что он ожидает ответа на свои письма от 20, 21, 22, 25 и 28 апреля 1932 г. (см. прим. 137).— 371

¹⁷⁸ Советский проект конвенции по борьбе с саранчой был вручен МИД Афганистана 17 января 1933 г. В результате переговоров соглашение по данному вопросу было подписано в г. Кабуле 6 мая 1935 г. (см. «Собрание законов...», отд. II, № 16, 1 октября 1935 г., стр. 255—258).— 373

¹⁷⁹ 14 декабря 1931 г. торгпредство СССР в Норвегии отравило поручение «Ден норске кредитбанку» о платеже 265 165 крон «Христиания банку» для выкупа акцепта № 416. 15 декабря торгпредство получило авизо «Ден норске кредитбанка» о произведенной оплате, однако 18 декабря в торгпредство поступило из того же банка письмо, датированное «12 декабря», в котором без объяснения причин сообщалось, что платеж не состоялся. По требованию торгпредства 30 декабря 1931 г. незаконный протест векселя был аннулирован.— 375

¹⁸⁰ Технические комиссии, образованные Генеральной комиссией (см. прим. 39), со своими комитетами провели в течение 1932 г. около 200 заседаний и составили свыше 600 протоколов и документов. Доклады и материалы технических комиссий (см. «Société des Nations. Actes de la Conférence pour la Réduction et la Limitation des Armements». Série D. Vol. I—5, Genève, 1935—1937), сформулированные распылочно и содержавшие множество оговорок, не нашли практического применения.

Советские представители в технических комиссиях и комитетах прилагали все усилия, чтобы направить их работу на достижение соглашения хотя бы о существенном сокращении вооружений. К докладам комиссий советская делегация вносила свои конкретные предложения. Однако после возобновления работ конференции в сентябре 1932 г., когда все больше стала выявляться бесплодность деятельности комиссий, советская делегация вынуждена была ограничить свое участие в работах некоторых комиссий и их вспомогательных органов. Она продолжала представлять свои ответы на их письменные запросы, но в ряде случаев перестала направлять туда своих представителей.— 377

¹⁸¹ 22 июня 1932 г. на заседании Генеральной комиссии конференции делегат США Гибсон выступил с заявлением и огласил план президента

Соединенных Штатов Гувера (см. «Сборники документов по международной политике...», вып. IV, М., 1933, стр. 88—91).

Предложения Гувера по сухопутным вооружениям, предусматривавшие уничтожение танков и тяжелой подвижной артиллерии и сокращение примерно на $\frac{1}{3}$ размеров всех сухопутных армий, превышающих «полицейский фактор» (т. е. силы, необходимые для поддержания внутреннего порядка), были направлены против стран, обладавших крупными сухопутными армиями — Франции, Италии, Японии и ряда европейских государств; в то же время они совершенно не затрагивали армии США. Предложения по морским вооружениям, основывавшиеся на сокращении на $\frac{1}{3}$ договорного (т. е. установленного Вашингтонским 1922 г. и Лондонским 1930 г. договорами по морским вооружениям, — см. т. IV, прим. 38 и т. XII, прим. 135) числа и тоннажа линкоров и тоннажа подводных лодок и сокращении на $\frac{1}{4}$ договорного тоннажа авианосцев, крейсеров и эсминцев, затрагивали интересы главным образом основных морских конкурентов США — Великобритании и Японии.

Выступая в июле 1932 г. на пленуме Ленинградского обкома ВКП(б), С. М. Киров подверг детальному анализу предложения Гувера в отношении морских вооружений, и в частности отметил: «САСШ выигрывают, им будет легче бить Англию или Японию. Если выйдет, что все страны начнут разоружаться, то САСШ должны будут уничтожить 123 тыс. тонн линкоров, Англия — 105 тыс., Япония — 85 тыс. тонн. Авианосец Англия должна будет уничтожить на 14 тыс. тонн, САСШ — ничего, Япония — 8 тыс. тонн. Крейсеров после плана разоружения Гувера Англия должна будет уничтожить 123 тыс. тонн, САСШ — ничего, Япония — 77 тыс. тонн. Подводных лодок Англия должна будет уничтожить на 25 тыс. тонн, САСШ — 35 тыс. тонн, Япония — 45 тыс. тонн. В итоге САСШ выиграют в крейсерах и авианосцах» («Правда» № 201 (5366), 22 июля 1932 г.).

Во внутриполитическом плане декларация Гувера являлась предвыборным маневром республиканской партии, стремившейся поднять свой престиж перед приближавшимися президентскими выборами.

Английское правительство, солидаризируясь в основном с планом Гувера относительно сухопутных вооружений и военно-воздушных сил и подчеркивая, что вопросы разоружения во всех областях взаимосвязаны, подвергло ревизии американский проект в области военно-морских сил и предлагало «качественное разоружение», т. е. уменьшение тоннажа судов и калибра орудий судовой артиллерии, а также уничтожение подводных лодок (см. «Сборники документов по международной политике...», вып. IV, стр. 91—95). Таким путем Англия рассчитывала обеспечить превосходство своего флота над американским, так как США в связи с почти полным отсутствием военно-морских баз за пределами американского континента были больше всего заинтересованы в крупных кораблях с дальним радиусом действия.

Французская делегация, не выступая прямо против плана Гувера, предложила обсуждать его по частям, рассчитывая утопить его в ходе длительной дискуссии. Японская делегация рекомендовала перенести вопрос о морских вооружениях на обсуждение специальной морской конференции. Делегация Италии поддержала американский проект.

Советская делегация, стремясь добиться хотя бы частичного сокращения вооружений, выступила в поддержку плана Гувера, поскольку, как это видно также из комментируемого выступления М. М. Литвинова, он в какой-то мере отражал советские предложения о частичном разоружении (см. т. XI, док. № 98, а также прил. «в» к док. № 82 настоящего тома). Однако ведущие капиталистические державы постарались свернуть обсуждение американских предложений и быстрее закончить первую фазу конференции. В проект резолюции Генеральной комиссии, представленной в качестве итога работы конференции на первом этапе, были включены только общие декларативные положения плана Гувера, а содержащиеся в нем

конкретные рекомендации, в частности о количественном сокращении вооружений, полностью отсутствовали.

Советская делегация 20 июля 1932 г. внесла в проект резолюции поправки, некоторые из них содержали элементы плана Гувера (см. док. № 294, 296). Однако эти поправки были отвергнуты (см. «Société des Nations. Actes de la Conférence...» Série B. Procès-verbal de la Commission générale. Vol. I, Genève, 1932, pp. 163—185). Характерно, что американская делегация голосовала за все разделы проекта резолюции, т. е. против советских поправок.

Все поведение американской делегации показало, что на деле США не намерены были добиваться осуществления сокращения вооружений, предусмотренного планом Гувера, и рассматривали его лишь как политический ход.

После возобновления работ конференции 21 сентября 1932 г. предложения Гувера фактически потеряли значение единого плана, так как части, относящиеся к морским и воздушным вооружениям, практически не обсуждались. Что касается предложения о сокращении личного состава сухопутных войск, то образованный 22 сентября Специальный комитет по численному составу, который положил в основу своих работ это предложение, одобрил принцип разделения войск на подлежащую и не подлежащую сокращению части. При этом советский представитель сделал оговорки, указав, в частности, что советская делегация «присоединяется к основной идее предложения Гувера, поскольку она влечет существенное сокращение личного состава в одинаковой пропорции, но не может допустить вышеприведенного различия, которое она считает произвольным и способным ввести субъективные факторы, которые затруднили бы соглашения». Комитет принял также американское предложение об определении численности части вооруженных сил, не подлежащей сокращению, исходя из количества населения каждой страны, однако признал необходимым учитывать и другие факторы, в том числе размеры территории государств, протяженность и характер границы, положение жизненных центров в отношении границы.

Во время длительной дискуссии об истолковании понятия «военные силы», в том числе по вопросу о том, какие формирования военного и полицейского характера следует включать в него, между делегациями возникли резкие противоречия. Поэтому составленный комитетом 27 октября и одобренный Бюро 3 ноября доклад ограничился вопросами о компетенции комитета и программе его работ. При утверждении доклада советская делегация заявила, что она «не может присоединиться к вышеуказанному тексту, который кажется ей представляющим непреодолимые трудности применения, и резервирует свои окончательные позиции» (см. «Сборник документов по международной политике...», вып. V, стр. 118—119).

В ходе дальнейшей работы комитет не принял каких-либо конкретных рекомендаций по плану Гувера для рассмотрения на Бюро конференции.— 379, 381, 418, 528

¹⁸² Истинная позиция германской делегации на Конференции по сокращению и ограничению вооружений проявилась не только при обсуждении и голосовании советского проекта резолюции о всеобщем и полном разоружении от 18 февраля 1932 г. (см. прил. к док. № 82 и прим. 63), когда германский делегат Налольный, высказавшийся в поддержку этой резолюции, при голосовании ее в Генеральной комиссии воздержался. При обсуждении и голосовании проекта резолюции Генеральной комиссии, принятой 23 июля 1932 г. (см. прил. к док. № 296), германская делегация воздержалась при голосовании поправок к этой резолюции, предложенных советской делегацией. В связи с этим М. М. Литвинов, касаясь тактики германской и итальянской делегаций, в письме Н. Н. Крестинскому от 23 июля 1932 г. писал: «Поскольку они мотивировали неприемлемость для них резолюции из-за ее бессодержательности, они, казалось бы, должны были голосовать за наши поправки, идущие целью наполнить резолюцию серьезным содер-

жанием» (см. также прим. 142). Таким образом, «манифестация близости» с советской делегацией являлась тактическим маневром германской дипломатии, преследовавшей свои корыстные политические цели (см. прим. 321). — 363

¹⁸² В телеграмме от 19 июня Л. М. Карахан запрашивал Л. Н. Старка о том, передадо ли полпредство афганскому правительству советский проект торгового договора и каковы перспективы переговоров. — 384

¹⁸⁴ До этой встречи А. В. Озерский имел беседу с Колвиллом 2 июня 1932 г. по предложению последнего. Во время этой беседы Колвилл затронул вопрос о желании корпорации шотландских рыбаков запродать Советскому Союзу 250 тыс. бочек сельди по 28 шиллингов за бочку. Как сообщал Озерский, Колвилл отметил при этом, что «ряд министров кабинета, и в частности премьер-министр Макдональд, придает большое значение покупке шотландских сельдей, и в нынешней обстановке эта покупка будет иметь крупнейшее влияние на исход общих переговоров о кредитах». Озерский на это заявил, что, не настаивая на прямой увязке вопроса о закупке сельди с вопросом о дальнейших кредитах, он хотел бы знать, в каком положении находится сейчас общий вопрос о кредитах и что английское правительство намерено предпринять в этом направлении. Колвилл ответил, что он не может связывать непосредственно покупку сельди с кредитами, но, однако, вновь подчеркнул, что непокупка Советским Союзом сельди будет противодействовать достижению общего соглашения о кредитах и произведет неблагоприятное впечатление.

13 июня 1932 г. Советским Союзом было закуплено в Англии 100 тыс. бочек сельди по цене 25 шиллингов за бочку. Финансирование сделки было осуществлено через шотландское кооперативное общество оптовых закупок, которое для этой цели открыло специальный кредит на сумму 140 тыс. ф. ст. сроком на 12 месяцев. — 384

¹⁸⁵ I Международная нефтяная конференция открылась в Нью-Йорке 16 мая 1932 г. В ней принимали участие представители крупнейших английских и американских нефтяных компаний: «Ройял-Датч-Шелл», «Англо-персидская компания», «Бирма Ойл», «Стандард Ойл оф Нью-Джерси», «Сокони Вакуум Компани». В работе конференции участвовали и представители «Союзнефтеэкспорта».

Английские и американские нефтяные монополии пытались провести свой план в отношении экспорта нефти советскими организациями, который предусматривал отказ «Союзнефтеэкспорта» от самостоятельного выступления на мировых рынках. Взамен этого нефтяные тресты предлагали скупать у «Союзнефтеэкспорта» по 5 млн. т нефти ежегодно (такое количество нефти СССР экспортировал в 1931 г.) по определенной цене в течение 10 лет. Конференция в Нью-Йорке окончилась безрезультатно.

Вопрос о нефтяном рынке обсуждался и на конференции, проходившей в июне 1932 г. в Париже, где в основном стоял вопрос о румынской нефти. Советские представители там не присутствовали. — 386

¹⁸⁶ В упомянутых документах отмечалось, что из общей суммы предоставленного Советскому Союзу кредита в 1,6 млн. ф. ст. (см. док. № 215) на 23 июня 1932 г. торгпредством СССР в Великобритании было размещено заказов на сумму 1 147 306 ф. ст., в том числе на 562 072 ф. ст. на условиях 12-месячного кредита и на 585 234 ф. ст. на условиях 18-месячного кредита.

В документах приводились также данные о возможных к размещению заказах, имевшихся в портфеле советских торговых организаций в Великобритании на сумму в 3,02 млн. ф. ст. Эти заказы относились к продукции английской машиностроительной, металлургической, электротехнической и судостроительной отраслей промышленности. — 387

¹⁸⁷ Советский проект торгового договора между СССР и Афганистаном содержал обычные положения, которые включались в подобные договоры, заключаемые СССР с другими странами. Проект включал принцип наибольшего благоприятствования. Помимо этого, проект предусматривал пре-

доставление афганскому купечеству права безлицензионного завоза товаров на территорию СССР, разрешение хозяйственным организациям СССР открывать свои отделения в Афганистане, в местах пребывания консульств СССР, а также разрешал им иметь свои консигнационные и демонстрационные склады. Советский Союз предоставлял право транзита через свою территорию произведений почвы и промышленности Афганистана во все третьи страны. — 389

¹⁸⁶ Заверения в лояльной и даже дружественной политике в отношении СССР правительства Папена, с которыми перед представителями Советского Союза выступали также другие официальные лица, как, например, министр иностранных дел Германии Нейрат (см. док. № 287), статс-секретарь МИД Бюлов (см. док. № 325), находятся в полном противоречии с внутри- и внешнеполитическими мероприятиями кабинета Папена, а также его преемника Шлейхера.

Папен, став рейхсканцлером, все больше опирался на фашистские организации, содействуя тем самым укреплению наиболее реакционных, антисоветских сил в Германии.

В области внешней политики Папен вынашивал планы создания единого антисоветского фронта империалистических держав. Как указывалось в годовом отчете полпрества СССР в Германии за 1932 г., «не подлежит никакому сомнению, что им (Папеном. — *Ред.*) сделаны были, особенно в Лозанне и в связи с нею, прямые попытки в рехбергском духе достигнуть соглашения с Францией целью создания военного союза с включением в него Польши для «борьбы с большевизмом». Таким образом, — подчеркивалось в отчете, — «никогда раньше идея «крестового похода» против СССР не бралась с такой серьезностью, как в эпоху кабинета Папена, что не могло остаться без влияния на советско-германские взаимоотношения» (см. также прим. 225, 249).

При правительстве Папена участились антисоветские «полицейские акции», объектом которых явились не только отдельные сотрудники советских учреждений в Германии, но и генеральное консульство СССР в Кенигсберге и консульство в Штеттине (см. док. № 317, 320, 325, 337); систематическому преследованию подвергался корреспондент газ. «Известия», продолжалась травля против «Дероп» (см. док. № 337). В 1932 г. имели место антисоветские выступления реакционных органов германской печати в отношении полномочного и торгового представительства СССР в Германии (см. док. № 325), кампания против советского «лушного демпинга» (см. док. № 346), нападки сельскохозяйственных кругов, группировавшихся вокруг ландбунда, на советско-германское соглашение по таможенным вопросам (см. док. № 263). Особенно ожесточенно велась в 1932 г. кампания против советской внешней торговли под флагом «неплатежеспособности СССР» с целью помешать развитию экономических отношений СССР с Германией и другими странами и затруднить получение кредитов для советского импорта. Для антисоветских выступлений германской печати использовались и такие поводы, как покушение на советника германского посольства в СССР Твардовского и др.

В 1932 г. серьезно ухудшились также советско-германские экономические отношения в результате аграрного протекционизма в Германии, поставившего под удар важнейшие статьи советского экспорта в Германию и вызвавшего дальнейший рост пассивного торгового баланса СССР в советско-германской торговле. К этому присоединились трудности, возникшие при осуществлении взаимных расчетов в германских марках. На советско-германских финансовых переговорах, состоявшихся по инициативе советской стороны в связи с создавшимся положением, представители Германии, как отмечалось в отчете, «оказывали жестокое сопротивление» советским предложениям. — 390, 409

¹⁸⁷ 13 июня 1932 г. М. М. Литвинов телеграфировал из Женевы, что 22 июня его посетил Янь Хой-цин [Иен] и осторожно зондировал вопрос

о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Китаем. Одновременно Янь Хой-цин указывал на возможность заключения между СССР и Китаем пакта о ненападении, подписание которого означало бы и восстановление дипломатических отношений или подготовило почву для этого. — 392

¹⁹⁰ В ноябре 1926 г. штаб Северо-Восточной эскадры, образованный по постановлению мукденского правительства, сделал попытку закорнить в свою собственность перевалочную пристань КВЖД в Харбине. После переговоров в марте 1928 г. между харбинским коммерческим агентством КВЖД и управлением речного транспорта Северо-Восточной эскадры было подписано соглашение, по которому КВЖД соглашалась ежегодно выплачивать штабу Северо-Восточной эскадры определенную сумму «за содействие» работе коммерческого агентства КВЖД. Соглашение, срок которого был определен в один год, периодически продлевалось. Однако 1 апреля 1932 г. штаб Северо-Восточной эскадры неожиданно отказался (под давлением японцев-советников и служащих эскадры) от продления соглашения и, произвольно толкуя его как «соглашение об аренде» собственности эскадры со стороны КВЖД, потребовал «очистить» и «передать без задержки» пристань «для нужд управления речного транспорта» эскадры.

В дальнейшем были начаты переговоры о заключении нового соглашения, которые в конце 1932 г. были фактически сорваны властями Маньчжу-Го. — 395

¹⁹¹ Ссылка на изъятие пристани Эгершельд во Владивостоке не могла служить основанием для захвата пристани КВЖД в Харбине. Полоса территории для сооружения коммерческого порта во Владивостоке в 1897 г. была передана Российским правительством Обществу КВЖД во временное пользование, с тем чтобы «в случае требования Правительства означенная полоса была в определенный срок очищена Обществом и возвращена Правительству».

Пристань Эгершельд была обращена в 1922 г. в государственное достояние на основании изданных в 1918 г. в РСФСР декретов о национализации железных дорог и их имущества. Изъятие пристани и ее имущества из ведения КВЖД имело место еще до подписания Мукденского соглашения и когда СССР, как собственник дороги, являлся и единственным ее распорядителем.

Что касается береговой полосы р. Сунгари, на которой находилась перевалочная пристань КВЖД, то она в свое время была законно приобретена КВЖД и входила по официальному плану г. Харбина в состав отчужденной для нужд КВЖД территории. Это подтверждалось ст. 1, п. I Мукденского соглашения. В указанном пункте перечислялись дела, касавшиеся прав национального и местного правительства Китая, «за исключением земель, необходимых самой Китайско-Восточной железной дороге» (см. т. VII, док. № 222).

Таким образом, попытки проводить аналогию между захватом маньчжурскими властями перевалочной пристани КВЖД и национализацией пристани Эгершельд во Владивостоке являлись явно неправомерными. — 395

¹⁹² В беседе с М. М. Литвиновым 1 июля 1932 г. Янь Хой-цин [Иен] предложил, чтобы подписание пакта о ненападении и восстановление дипломатических отношений между СССР и Китаем произошли одновременно. В телеграмме в НКВД СССР от 1 июля 1932 г. Литвинов, сообщая об этом предложении Янь Хой-цина, писал, что считает «возможным» принятие нового предложения Иена с упоминанием одновременного восстановления отношений либо в его письме, либо в самом пакте». Он просил немедленно поставить вопрос на решение инстанции. — 395

¹⁹³ В телеграммах от 6, 9 и 12 июля 1932 г. В. А. Антонов-Овсеенко сообщал на основании заверений начальника восточного отдела МНД Польши Шетцеля, что распоряжение по сплаву дано и местные власти получили его 6 июля (см. также док. № 423). — 400

¹⁸⁴ По просьбе полномочного представителя СССР в Греции В. П. Потемкина сектор науки Наркомпроса РСФСР выделил в дар национальной пинакотеке в Афинах две картины Куинджи (грека по происхождению): «Степь» и «Сумерки на море». — 400

¹⁸⁵ В середине июля Гу Вэй-цзюнь (Веллингтон Ку), бывший в то время советником от Китая при комиссии Литтона (см. прим. 42), с согласия министра иностранных дел Ло Вэнь-гана направил в Москву своего секретаря англичанина Гарри Хассей, как он сообщал в своем письме на имя Л. М. Карахана от 21 июня 1932 г., для частного обмена мнениями «с целью быстрого возобновления наших дипломатических отношений и установления их на прочной основе взаимного понимания и доброй воли». Карахан в письме на имя Веллингтона Ку от 20 июля 1932 г. ответил, что, поскольку официальные переговоры начались, то он считает «частный обмен мнениями с уполномоченным Вами британским гражданином г. Хассей нецелесообразным». — 401

¹⁸⁶ В телеграмме от 4 июля М. М. Литвинов писал временному поверенному в делах СССР в Турции Г. А. Астахову о желательности того, чтобы текст ответа турецкого правительства на приглашение Совета Лиги наций о вступлении Турции в Лигу соответствовал тексту, согласованному в октябре 1931 г. между Литвиновым и Тевфиком Рюштю (см. прим. 197). — 401

¹⁹⁷ 30 октября 1931 г. М. М. Литвинов и Тевфик Рюштю парафировали следующий проект ответа на звантуальное приглашение Турции вступить в Лигу наций: «1. Вступая в Лигу наций, [Турция] намерена, как она это всегда делала в прошлом, уважать международные обязательства, взятые ею в заключенных ранее договорах как с государствами — членами Лиги наций, так и с теми государствами, которые не входят в указанную Лигу, договорах, которые, помимо всего прочего, были все опубликованы.

2. Придерживаясь мнений, которые излагались в разное время в органах Лиги наций и были зафиксированы в дипломатических актах, [Турция] считает себя вправе сотрудничать в деле выполнения Статута Лиги наций в той мере, которая совместима с ее географическим и военным положением».

В ответе от 9 июля 1932 г. министра иностранных дел Турции генеральному секретарю Лиги наций относительно вступления в Лигу говорилось:

«В ответ на приглашение, которое Вы мне передали от имени Ассамблеи, имею честь уведомить Вас, что Турецкая Республика готова вступить в Лигу наций и что обязательства, взятые Турцией в силу договоров, заключенных ею до настоящего момента, включая договоры с государствами — нечленами Лиги наций, ни в какой мере не противоречат обязательствам члена Лиги наций.

По этому поводу я хотел бы заметить, что все эти договоры, подписанные до вступления Турции в Лигу, кроме того, были заключены в соответствии с духом Парижского пакта, который был равным образом подписан большинством членов Лиги наций.

Делая это заявление, я должен добавить, что Турция находится в особом положении вследствие обязательств военного порядка, вытекающих из конвенций, подписанных в Лозанне 24 июля 1923 г.

В этих условиях я должен напомнить положение ноты, подписанной представителями Бельгии, Франции, Британской империи, Италии, Польши и Чехословакии 1 декабря 1923 г., процитированной правительством Германии в его письме от 8 февраля 1926 г. Генеральному секретарю Лиги относительно вступления Германии в Лигу наций».

Последний параграф указанной ноты гласит: «...обязанности, вытекающие из указанной статьи (ст. 16) для членов Лиги (см. т. VIII, прим. 28. — *Ред.*), должны пониматься в том смысле, что каждое из государств — членов Лиги обязано лояльно и действительно сотрудничать для того, чтобы до-

биваться соблюдения Статута и противодействовать любому акту агрессии в той мере, в какой это совместимо с его военным положением и с учетом его географического положения». — 401

¹⁹⁵ Речь идет о письме, текст которого был согласован 30 октября 1931 г. во время визита М. М. Литвинова в Анкару и которое турецкое правительство обязалось вручить Советскому правительству в случае своего вступления в Лигу наций. Этот текст письма гласил:

«Вступление Турции в Лигу наций не сможет явиться препятствием к дальнейшему развитию отношений сердечной дружбы, счастливо установленных между Союзом Советских Социалистических Республик и Турцией в момент борьбы, которую они вели за свою независимость, и жизнеспособность каковой выявилась на всех этапах развития этих отношений. В частности, вступление Турции в Лигу наций ни в какой мере не сможет уменьшить и не уменьшит значения взаимных обязательств, базирующихся на этих отношениях, которые вытекают из договора, заключенного в Париже 17 декабря 1925 г., и из протокола, подписанного в развитие этого договора 17 декабря 1929 г. (см. соответственно т. VIII, док. № 418, 419; т. XII, док. № 377. — *Ред.*), каковые обязательства Правительство Турецкой Республики счастливо еще раз торжественно подтвердить здесь.

1. Турецкое Правительство, будучи убеждено, что содержание вышеупомянутых документов, и в частности статей 1-й и 2-й договора 1925 г., ни в какой мере не может причинить ущерба обязательствам, вытекающим для Турции из Статута Лиги наций, и считая, что эта Лига, по своей основной идее, представляет собой организацию, призванную для обеспечения мирного и справедливого урегулирования международных конфликтов, намеревается всеми возможными для него средствами сотрудничать в деле осуществления этой идеи. Но если, чего Турецкое Правительство не предполагает, в какой-либо момент в Лиге наций проявятся тенденции, которые, вопреки этой основной идее мира, были бы односторонне направлены против Союза Советских Социалистических Республик, то Турция всеми своими силами будет противодействовать тенденциям такого рода.

2. Турецкое Правительство равным образом считает, что лояльное соблюдение обязательств, которые Турция возмет на себя после своего вступления в Лигу наций на основании статей 16 и 17 Статута относительно процедуры санкций, не сможет причинить ущерба этой принципиальной ориентации турецкой политики по отношению к Союзу Советских Социалистических Республик. Согласно условиям упомянутых статей, санкции против Союза Советских Социалистических Республик не могли бы иметься в виду, оставляя в стороне другие условия. По этому поводу следует считать, что вопрос об определении, является ли Союз Советских Социалистических Республик нападающей стороной в случае вооруженного конфликта с третьей державой, сможет быть решен с обязательной для Турции силой только с согласия этой последней; в связи с этим обвинение такого рода, которое эвентуально было бы выдвинуто другими державами против Союза Советских Социалистических Республик и которые Турция не признала бы справедливым, не могло бы принудить эту страну принять участие в каких бы то ни было мерах, принятых на основании статьи 16.

Наконец, по вопросу о том, может ли Турция вообще и в какой мере принять участие в санкциях, которые будут направлены против Союза Советских Социалистических Республик, Турецкое Правительство ссылается на предлагаемую при сем декларацию, которой она сопроводит свое вступление в Лигу наций» (см. прим. 197).

Однако в ноте, которую Тевфик Рюшту вручил 14 июля 1932 г. поверенному в делах СССР в Турции Г. А. Астахову, второе предложение пункта 2 было сформулировано следующим образом: «Согласно положениям упомянутых статей санкции против Союза Советских Социалистических Республик могли бы иметься в виду только в том случае, оставляя в стороне другие условия, если бы Союз Советских Социалистических

Республик объявил наступательную войну против какой-либо третьей державы».

В результате последующих переговоров Астахова с Тевфиком Рюшту во вновь присланном тексте ноты от 14 июля эта фраза была заменена новой редакцией, которая совпадала с текстом согласованного проекта. — 402

¹⁹⁹ 21 июля 1932 г. министр иностранных дел Турции Тевфик Рюшту направил временному поверенному в делах СССР в Турции Г. А. Астахову ноту по случаю ратификации межгосударственного Турцией 25 июня 1932 г. советско-турецкого протокола от 30 октября 1931 г. (см. т. XIV, док. № 318).

В конце указанной ноты говорилось:

«Турецкое Правительство с радостью приветствует вступление в силу указанного Протокола, который является свидетельством дальнейшего и все более углубляющегося развития наших взаимных отношений и который еще раз показывает прочность уз дружбы, связывающих наши две страны». — 402

²⁰⁰ В соответствии с просьбой турецкого правительства Советское правительство направило в Турцию в августе 1932 г. группу советских специалистов во главе с директором «Госпроектстроя» В. П. Орловым.

На встрече с советскими специалистами 13 августа 1932 г. премьер-министр Исмет-паша высказал пожелание, «чтобы советские специалисты помогли турецкому правительству создать развернутую программу индустриализации Турции, которая осуществлялась бы этап за этапом, причем как первый этап осуществления этого плана он мыслит себе постройку ряда текстильных фабрик».

Осенью 1932 г. советские специалисты подготовили проект строительства первого текстильного комбината в Кайсери производительностью в 29 млн. м тканей в год; он состоял из прядильной фабрики на 70 тыс. веретен, ткацкой фабрики на 1000 станков и красильно-отделочной фабрики на 2000 кусков ткани в день. В дальнейшем мощность комбината, строительство которого было завершено осенью 1935 г., была доведена до 35 млн. м в год. Впоследствии был разработан проект второго комбината — в Навили, строительство которого закончилось в 1937 г.

В докладе Орлова об итогах поездки советских специалистов от 18 сентября 1932 г. отмечались положительные результаты работы этой группы и большое удовлетворение турецкого населения и руководящих кругов в связи с советской помощью. — 402, 474, 611

²⁰¹ В. С. Довгалецкий в своем ответе Н. Н. Крестинскому сообщил 10 июля 1932 г., что сведения о переговорах уругвайского посланника в Париже об обмене представителями «не соответствуют действительности. Эту тему уругвайский посланник затрагивал со мной 3—4 года тому назад».

Сообщений Л. М. Хинчука в ответ на этот запрос в архиве не обнаружено (по этому вопросу см. также т. XII, док. № 4, 9). — 403

²⁰² Согласно докладу управляющего КВЖД Ю. В. Рудого в правление КВЖД от 8 июля 1932 г. утром 7 июля на перевалочную пристань КВЖД в Харбине явились 5 японцев — чиновников речного управления Северо-Восточной эскадры и потребовали к 12 час. 8 июля освободить контуры, пакгаузы, кладовые и все другие помещения от инвентаря, грузов и другого имущества. В 16 час. 30 мин. 7 июля трое японцев явились на пристань в сопровождении вооруженных китайских полицейских. Задержав заведующего пристанью и заведующего харбинским коммерческим агентством КВЖД, они в грубой форме, крича и стуча кулаками по столу, требовали передать им пристань и все имущество. Продержав задержанных более двух часов и не добившись результатов, японцы удалились. В 22 часа того же дня перевалочную пристань занял отряд китайских полицейских. Охрана КВЖД была изгнана.

8 июля 1932 г., как это видно из комментируемого документа, был осуществлен окончательный захват пристани КВЖД. — 404

²⁰³ 3 сентября 1932 г. в Мадриде открылась международная конференция по вопросам электросвязи, в которой участвовали представители свыше 70 государств, в том числе Советского Союза. 9—10 декабря 1932 г. представители подписали Международную конвенцию электросвязи и приложения к ней. 7 апреля 1935 г. конвенция была ратифицирована ЦИК Союза ССР. Опубликована в «Собрании законов...», 10 декабря 1936 г., отд. II, № 40.— 404

²⁰⁴ Здесь Арита имеет в виду взятие маньчжоугоскими властями под свой контроль таможен на территории Маньчжурии и доходов от них и отказ этих властей допустить с комиссией Лиги наций во главе с Литвином представителя Китая Гу Вэй-цзюня. Это якобы делалось без согласования и вопреки желанию Японии. В действительности марионеточный характер маньчжурских властей и их полная зависимость от Японии никогда ни у кого не вызывали сомнений.— 407

²⁰⁵ Очередная (вторая) конференция Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы открылась в Ленинграде 1 сентября 1932 г. На конференции присутствовали ученые Германии, Австрии, Чехословакии, Польши, Нидерландов, Норвегии и Советского Союза. 2 сентября участников конференции по поручению Советского правительства приветствовал заместитель наркома тяжелой промышленности СССР И. В. Косиор. На конференции, которая закончилась 7 сентября, был сделан ряд докладов о проблемах геологии четвертичного периода. Ее участники совершили ряд экскурсий по стране.— 410

²⁰⁶ В последующие дни М. М. Литвинов имел встречи с Шетцелем, о которых писал в информации, полученной НКВД СССР 4 августа 1932 г., следующее: «Шетцель приходил ко мне ежедневно, иногда по два раза в день. Он долго убеждал меня отказаться от упоминания спорных вопросов (см. прил. к док. № 273.— *Ред.*), а затем предложил некоторые дополнительные изменения почти по всем статьям». Далее Литвинов сообщал, что он отказался от какой-либо дискуссии по согласованным в Риге статьям и решительно отклонил предложение Шетцеля относительно спорных вопросов.

22 июля 1932 г. Шетцель вручил Литвинову новый проект пакта, который состоял из преамбулы, четырех статей и протокола подписания.

По сравнению с проектом пакта, врученным Литвиновым Залесскому (см. прил. к док. № 273), в преамбуле проекта Шетцеля отсутствовал абзац, в котором говорилось: «...констатируя, что заключение настоящего договора не наносит никакого ущерба позиции каждой Стороны в территориальных и других спорах, существующих между ними, и что эти споры остаются в стороне и ни в какой степени не будут затронуты настоящим договором».

Статьи пакта и протокол подписания проекта Шетцеля гласили:

«Ст. I. Высокие Договаривающиеся Стороны вновь торжественно подтверждают большое значение и важность обязательств, взятых ими на себя по Договору об отказе от войны (Бриана — Келлога), подписанного в Париже 27 августа 1928 г. и вступившего в силу согласно Протоколу, подписанному в Москве 9 февраля 1929 г.

Ст. II. Высокие Договаривающиеся Стороны согласны констатировать, что противоречащей обязательствам, предусмотренным вышеназванными актами, будет являться любая агрессия, совершенная как отдельно, так и совместно с другими державами на суше, на море и в воздухе, а также всякий акт насилия, направленный против политической независимости, неприкосновенности и целостности территории, даже если подобные акты будут совершены без объявления войны и всех ее возможных последствий.

Стр III. В случае, если одна из Договаривающихся Сторон подвергнется нападению со стороны третьего государства или группы третьих государств, другая Договаривающаяся Сторона обязуется сохранять нейтралитет в продолжение всего конфликта.

В случае, если одна из Высоких Договаривающихся Сторон предпримет агрессивные против третьего государства, то другая Договаривающаяся Сторона сможет лишиться ее преимуществ настоящего договора.

Ст. IV. Настоящий договор будет ратифицирован как это только представится возможным, и ратификационные грамоты будут обменены в Женеве. Он вступит в силу с день этого обмена.

Протокол подписания. Высокие Договаривающиеся Стороны согласны в том, что настоящий договор не может быть ни в коем случае истолкован таким образом, чтобы он имел своим последствием ограничение или погашение обязательств, вытекающих из договора, подписанного в Париже 27 августа 1928 г. — 411, 515, 526, 529, 531

²⁰⁷ Конвенция между СССР и Ираном о борьбе с саранчой в пограничных районах была подписана в Тегеране 27 августа 1935 г. (см. «Собрание законов...», отд. II, № 7, ст. 36, 1937 г., стр. 130—132).

Одновременно была подписана конвенция о борьбе с вредителями и болезнями растений (см. «Собрание законов...», отд. II, № 7, ст. 36, 1937 г., стр. 132—134). — 414

²⁰⁸ Договор о ненападении между СССР и Польшей утратил свою силу с 17 сентября 1939 г. (см. газ. «Известия» № 217 (6963) от 18 сентября 1939 г.). — 439

²⁰⁹ О большом интересе общественно-политических и деловых кругов США к Советскому Союзу свидетельствуют также выступления в конгрессе и печати США (см. также прим. 36, 122). Наряду с этим в 1932 г. Советский Союз посетила группа деятелей культуры и науки с целью ознакомления с культурной жизнью в СССР. По возвращении в США эта группа (в составе проф. Нельского университета Дж. Дэвиса, проф. Висконсинского университета Дж. Диллина, проф. Пенсильванского университета К. Шольца и др.) издала в Нью-Йорке в 1933 г. книгу «New Russia» («Новая Россия»), которая содержит их впечатления о поездке по Советскому Союзу.

Однако правительство Гувера препятствовало установлению контактов между СССР и США и отказало, в частности, в поездке в СССР неофициальной торговой делегации «для содействия установлению более тесных торговых связей между Соединенными Штатами и СССР», хотя советская сторона положительно отнеслась к этому начинанию. — 443

²¹⁰ Член Комитета США в Международной торговой палате Айви Ли находился в Москве с 29 июля по 3 августа 1932 г.; 31 июля он был принят заместителем наркома иностранных дел Н. Н. Крестинским. В записи беседы с Айви Ли Крестинский указывал, что был затронут вопрос о советско-американских отношениях; при этом «Айви Ли сказал, что в пользу сближения между Соединенными Штатами и нами действуют два фактора: во-первых, американские деловые люди все чаще и чаще задают себе вопрос, почему все другие государства возобновили нормальные отношения с СССР, а Соединенные Штаты этого сделать не могут; во-вторых, события в Японии и вообще на Дальнем Востоке также действуют в сторону сближения между Соединенными Штатами и СССР... Он считает, что наличие конфликта на Дальнем Востоке, даже без вовлечения СССР в конфликт с Японией, ведет к постепенной переориентации американского общественного мнения в пользу СССР». Касаясь нормализации советско-американских отношений, Айви Ли подчеркнул, что «по его впечатлению отношение общественного мнения Соединенных Штатов к СССР вообще уже значительно изменилось в лучшую сторону. Во времена статс-секретаря Юза три момента являлись препятствием к нормализации. Это — вопросы о пропаганде, о старых государственных долгах и о частных претензиях американских капиталистов. В настоящее время пресса не занимается вопросами о долгах и частных претензиях. Единственный вопрос, который волнует еще общественное мнение Соединенных Штатов в мешает возобновлению отношений, — это вопрос о пропаганде». В то же время Айви Ли указал

на тот факт, что «деловые круги Соединенных Штатов не боятся коммунистической пропаганды, и в этих деловых кругах усиливается стремление к работе с СССР и к нормализации отношений с Советским Союзом». В связи с этим Крестинский заявил Айви Ли, что, «очевидно, нужно вооружиться терпением и дожидаться, пока и этот последний момент также потеряет свое значение и перестанет перевешивать в психологии американской буржуазии ее собственные коммерческие интересы» и что «во внешнеполитических взаимоотношениях требуются выдержка и терпение и что нам остается терпеливо ждать, пока вопрос о нормализации отношений созреет».

В беседе Айви Ли отметил, что его поездка в Лондон, Париж, Берлин и Москву носит кратковременный характер.— 444

²¹ Имеется в виду происходивший в Токио в июне — августе 1932 г. процесс над руководителями японской компартии, арестованными в числе тысячи коммунистов еще в 1928 г., при правительстве Танака. В последующее время были организованы процессы над другими арестованными коммунистами.— 447, 464, 479

²² 26 и 27 июля 1932 г. издававшаяся в Японии на английском языке газета «Джапан адвертайзер» опубликовала перевод статьи военного министра Араки «О задачах Японии», которая была напечатана в апреле в военном журнале «Кайкоса». Развивая идеи меморандума Танака (см. т. XI, прим. 41), Араки писал о необходимости распространения «японской национальной морали» не только в Азии, но и во всем мире любыми средствами, даже путем войны. Во имя осуществления этой «национальной миссии» Япония заняла Корею и Маньчжурию. Большим препятствием на этом пути Араки считал Внешнюю Монголию, а также Восточную Сибирь. Это была программа предстоящих агрессивных действий Японии в Восточной Азии, сигнал к мобилизации, призыв к войне с СССР.

27 июля посол СССР в Японии А. А. Трояновский посетил министра иностранных дел Японии Утида и обратил его внимание на эту статью. Отвечая на утверждение Утида, что японское правительство якобы не имеет никаких агрессивных намерений, Трояновский заявил, что «правительство может быть, их и не имеет, но военный министр имеет» и что «при наличии такой атмосферы необходим пакт о ненападении». Утида ответил, что «японцы не могут привыкнуть к мысли о необходимости такого пакта».— 448, 498, 513

²³ Советско-французские торговые переговоры возобновились 20 октября 1932 г.— между торгпредом СССР во Франции М. Г. Гуревичем и министром торговли и промышленности Франции Дюраном (см. также док. № 426, 449).— 451

²⁴ 26 марта 1933 г. НКВД СССР ответил на ноту английского посольства в Москве от 5 августа 1932 г., которая была вручена Стэнгом Н. Н. Крестинскому 8 августа, а также на английские ноты от 20 января и 27 февраля 1933 г. по этому вопросу.

В ответе НКВД говорилось: «Претензии британских фирм, возникшие в связи с событиями 1929 года, подлежат предъявлению тем властям, которые являются компетентными на территории Маньчжурии, поскольку обстоятельства, о которых упоминается в ноте Посольства, произошли на указанной территории».

Народный Комиссариат мог бы лишь к изложенному добавить, что ни одна претензия со стороны другого государства, подобная тем, которые были предъявлены Посольством, Правительством Союза не была удовлетворена.

Что касается указания Посольства на то, что якобы были удовлетворены аналогичные претензии японских граждан, то претензии эти возникли при обстоятельствах, отнюдь не похожих на те, к которым относятся претензии британских фирм. Действительно, в силу специального протокола от 19 мая 1930 года Консул Союза ССР на станции Маньчжурия передал местному Японскому Консульству на станции Маньчжурия 21 500 иен в

возмещение тех утрат, которые были понесены некоторыми японскими гражданами. Эти претензии были основаны главным образом на личных потерях пострадавших японских граждан или семей последних, а именно: смерти, ранения и т. п., и их удовлетворение было вызвано соображениями гуманитарного порядка, причем японские претензии, аналогичные британским, не были удовлетворены.

Народный Комиссариат отмечает, что события последнего времени на территории Маньчжурии отразились на своевременности выяснения всех подробностей настоящего дела и поэтому задержали ответ Народного Комиссариата». — 455

²¹⁵ Поездка в Турцию видных советских ученых-лингвистов академиков Н. Я. Марра и А. Н. Самойловича состоялась в марте — апреле 1933 г.

Установленные ими научные контакты способствовали укреплению и расширению сотрудничества между Академией наук СССР и турецкой Комиссией по изучению истории языка. — 456, 570

²¹⁶ Летом 1932 г. в Турцию прибыла группа советских военных специалистов — танкистов, которые сопровождали танки, подаренные Советским правительством турецкому правительству во время визита премьер-министра Турции Исмет-паша в СССР в мае 1932 г. (см. док. № 205).

Советские специалисты оказали помощь в обучении турецких офицеров вождению танков. — 456

²¹⁷ Сущность основных поправок к парафированному тексту договора о ненападении, сообщенных Леже В. С. Довгалевскому 12 августа 1932 г., сводилась к следующему. Второй абзац ст. II предлагался в редакции: «В случае, если одна из сторон совершила бы акт нападения против третьей державы, другая сторона автоматически («де плен друа») перестала бы быть связанной постановлением настоящего договора». Далее французская сторона предлагала отказаться от обмена уже парафированными текстами писем относительно метода определения Францией нападающей стороны и включить в договор новую статью (ст. III).

В подписанном 29 ноября 1932 г. договоре о ненападении между СССР и Францией (см. док. № 456) указанные французские поправки нашли свое отражение за исключением второго абзаца ст. II, текст которого по существу остался прежним. — 462, 481, 483, 515

²¹⁸ Это утверждение Леже не соответствует действительности. В телеграмме от 20 августа 1932 г. М. М. Литвинов сообщал В. С. Довгалевскому: «Утверждение Леже, будто я не ответил на предложение Залесского — Масингли, неверно. Я отверг их формулу». «Здесь о спорных вопросах, — писал Литвинов, — не было речи, поэтому я отверг, заявив, однако, о согласии на перенесение упоминания спорных вопросов в заключительный протокол» (см. док. № 285). — 462, 481, 482

²¹⁹ В 1930—1932 гг. в японской армии стала играть большую роль фашистская группа так называемых «молодых офицеров». Они требовали ухода в отставку партийного правительства, роспуска парламента, установления военно-фашистской диктатуры, а также немедленного развязывания войны против Китая и СССР. В конце 1930 — начале 1931 г. эти офицерские круги, организованные в тайное «Общество Сакура», начали подготовку государственного переворота, намечавшегося на 12 марта 1931 г. По ряду причин мятеж не состоялся. Однако эти события, известные под названием «мартовского инцидента», оказали большое влияние на последующую политическую жизнь Японии: стала усиливаться роль крайних правых кругов не только в армии, но и в правительственных сферах. — 466

²²⁰ Имеется в виду фашистский путч 15 мая 1932 г., в котором приняли участие молодые офицеры (см. прим. 219) и так называемые «боевые крестьянские отряды». Руководители фашистского движения в Японии, используя в своих целях острое недовольство политикой правительства со стороны мелкой сельской буржуазии, быстро разорявшейся с начала мирового кризиса, создавали террористические крестьянские организации и от-

ряды. Организатором путча являлся Окава Сюэй — один из главарей фашистского движения в Японии. Во время путча 15 мая был убит премьер-министр Инукаи. — 467

²⁴¹ В начале июня 1931 г. А. А. Трояновский выступил в Осака перед собранием промышленников. Он указывал на возможность развития советско-японской торговли и доведения советского импорта до 50 млн. иен в год. В то же время он говорил, что в развитии торговли заинтересована прежде всего японская сторона. Перенесения условий, при которых возможно развитие советско-японской торговли, Трояновский указывал, что необходимо избежать «неразности в политических отношениях», не раздувать споры по вопросам рыболовства, устранить препятствия для советского экспорта и обеспечить соответствующие качество, цены и кредиты для импорта. — 468

²⁴² В ряде номеров газ. «Асахи» начиная с 11 мая 1932 г. печаталась статья побывавшего в 1931 г. в СССР журналиста Отаке, озаглавленная «Япония и СССР». Автор статьи отвергал возможность нападения СССР на Японию и отмечал, что ухудшение отношений или столкновение между ними «представляется бессмысленным, не полезным и даже вредным» как для Японии, так и для СССР и что «во всех отношениях обеих стран не существует таких факторов, которые заставили бы вступить обе страны в столкновение даже при серьезнейшей перспективе». — 468

²⁴³ Генеральный консул СССР в Харбине М. М. Славущий 18 августа 1932 г. направил Чжан Цзин-хой письмо, в котором извещал, что Исполком СОКК и КП СССР решил оказать денежное пожертвование «в пользу пострадавших от наводнения в Сесерной Маньчжурии».

В ответном письме Славущкому от 24 августа 1932 г. Чжан Цзин-хой выражал свою благодарность и заявлял, что «предоставление горячей помощи со стороны граждан вашего государства в период настоящего наводнения в нашем городе и их щедрое великодушное заслуживают чрезвычайного уважения». — 474

²⁴⁴ По этому поводу возмущенный в делах СССР в Германии С. С. Александровский 12 июля 1932 г. в беседе с заведующим IV отделом МИД Германии Мейером был вынужден констатировать, что «недели две или больше тому назад в германской прессе, особенно национал-социалистской, появились клеветнические выпады против СССР». Касаясь клеветнических измышлений германских фашистов об участии «советских агентов» в «коммунистическом терроре» в Рурской области и запроса национал-социалистской фракции на ту же тему в прусском ландтаге, советский представитель заявил: «Моя цель — обратить внимание аусамта на то, что этот запрос — грубая клевета и имеет определенную тенденцию осложнить взаимоотношения, втянув в это дело наше посольство как орган, представляющий суверенное государство СССР».

В ответ на заверения Мейера «о полной неизменности германо-советских взаимоотношений» Александровский заметил, что он ожидал от Мейера «более определенного осуждения этой клеветнической кампании, ибо наши долготелые взаимоотношения должны были подсказать ему, что в материалах не может быть ничего, кроме лжи и клеветы. Именно такого отношения мы ожидали и от министра внутренних дел Гайля, но до сих пор не осведомлены, так ли он смотрит на вопрос». — 476

²⁴⁵ По поводу интервью Папена в отчете полпредства СССР в Германии за 1932 г. говорилось: «Вскоре после прихода своего на пост премьер-министра во время Лозаннской конференции, Папен дал представителям французских газет «Матэн» и «Пти паризьен» (19 и 24 июня) интервью, в которых он не только настаивал на необходимости франко-германского сближения, но даже язвительно намекал на возможность франко-германского военного союза, подхватывая идею, усиленно пропагандируемую известным предпринимателем калийной промышленности Рехбергом (см. прим. 249. — *Ред.*). Папен не ограничился интервью. Как неоднократно публично сообщал

Эррио, германский премьер сделал французам официальное предложение военного союза» (см., например, док. № 409). — 476

²²⁶ В записи беседы Б. Д. Виноградова с Марксом 18 августа 1932 г. по этому вопросу говорилось:

«Марксу я передал наше желание дементировать статью в «Ангрифе» от имени аусамта через телеграфное агентство Вюлфа. Как и следовало ожидать, Маркс всячески отговаривал нас от этого пути, указывая на то, что это вызовет излишнее обострение между полпредством и «Ангрифом». Далее в записи беседы сообщалось: «Через несколько дней Штретер (заместитель Маркса. — Ред.) заявил мне, что аусамт не может выполнить нашей просьбы, так как это вызвало бы излишнее раздувание уже забытого инцидента, и к тому же «Ангриф» уже закрыт правительством за нападки на рейхсканцлера». — 477

²²⁷ IV Балтийская гидрологическая конференция состоялась в Ленинграде с 7 по 15 сентября 1933 г. В работе конференции приняло участие около 400 делегатов СССР, Германии, Швеции, Дании, Польши, Финляндии, Латвии, Литвы, Эстонии и Вольного Города Данцига. На заседаниях секций было обсуждено 114 докладов.

На конференции были приняты решения по комплексному исследованию вод, континентальной гидрологии, по гидрологии моря и другим вопросам. Было решено созвать очередную конференцию гидрологов балтийских стран в 1936 г. (см. также «Постановления IV Балтийской гидрологической конференции», изд. Государственного гидрологического института, Л., 1934; «Генеральные доклады всех секций», Л., 1933, а также газ. «Известия» № 222 (5133) от 8 сентября и № 229 (5160) от 16 сентября 1933 г.). — 478

²²⁸ Имеется в виду четвертый поход войск гоминьдановского правительства Китая, предпринятый в июне 1932 г. против революционных баз, созданных Коммунистической партией Китая в ряде провинций страны. Вскоре правительственная армия стала терпеть поражения от китайской Красной Армии, а к марту 1933 г. этот поход, как и три предыдущих, закончился полным провалом. — 479

²²⁹ 10 февраля 1932 г. министр земледелия Японии Ямамото Тэйдзиро заявил А. А. Трояновскому, что японское правительство желает «сблизиться политически и экономически с СССР» и что он мог бы получить от премьер-министра Инюкай санкцию на частный обмен мнениями с Трояновским по этим вопросам. Трояновский ответил, что СССР сделал шаг в сторону сближения с Японией, предложив заключить пакт о ненападении, но японское правительство ничего на это не ответило.

18 марта 1932 г. Трояновского посетил промышленник Ямамото Дзюитаро, который в частном порядке и конфиденциально сообщил, что японское правительство решало образовать несколько комиссий для обсуждения японо-советских отношений и что он хотел бы предварительно обсудить с Трояновским «откровенно» несколько вопросов. В числе этих вопросов, как сообщал Трояновский, он «в порядке мечтаний» выдвинул идею «амальгамации ЮМЖД и КВЖД с объединением их в одно акционерное общество с участием в качестве акционеров японских, китайских (т. е. маньчжоуских) и советских представителей». Трояновский ответил, что эта идея для него абсолютно новая и что такой вопрос может быть разрешен «только в свете урегулирования общих отношений».

В дальнейшем (с 13 мая) беседы на эти темы продолжил японский промышленник Фудзивара. Основным вопросом стал вопрос о продаже КВЖД. Во время первой встречи Фудзивара заявил, что он встречается с Трояновским по предложению военного министерства, хотя во время последующих бесед он указывал, что военные круги не проявляют интереса к этому вопросу. Однако 14 октября 1932 г. Фудзивара сообщил, что японские военные круги «окончательно пришли к решению» о желательности начать через него переговоры о КВЖД. Министр иностран-

ных дел Японии Утида в беседе с Трояновским 19 ноября 1932 г. рекомендовал Фудзивару, как лицо, с которым просил Трояновского вести переговоры о КВЖД.

20 января 1933 г., после того как Трояновский во время предыдущих встреч в частном порядке высказал соображения относительно стоимости КВЖД и условий ее выкупа, Фудзивара заявил Трояновскому, что в связи с падением курса иены японцы не знают, какую цену назвать за дорогу. Он сказал также, что не знает, стоит ли разговаривать о продаже дороги до отъезда Трояновского в СССР. На этом обмен мнениями между Трояновским и Фудзиварой закончился. В то же время вопрос о продаже КВЖД поднимался послом Японии в СССР Хирота в беседе с заместителем народного комиссара иностранных дел СССР Л. М. Караханом (см. прим. 245).

Соглашаясь на неофициальный обмен мнениями о продаже КВЖД, советская сторона исходила из стремления ликвидировать источник конфликтов, которые умышленно создавались японо-магнатоугольной стороной с целью обострения советско-японских отношений и подготовки почвы для развязывания войны против СССР.— 480, 535

²⁴⁰ О том, что японские правящие круги вели непосредственную подготовку к развязыванию войны с СССР, свидетельствует также сообщение поверенного в делах СССР в Великобритании Д. В. Богомолова. 19 августа 1932 г. он писал наркому иностранных дел СССР М. М. Литвинову: «На днях Стрейч (бывший член парламента) говорил с Бутби (член парламента от консервативной партии.— *Ред.*). Бутби сказал ему, что Иден (товарищ министра иностранных дел) сообщил ему, что несколько месяцев тому назад японское правительство запросило английское и французское правительства, может ли оно рассчитывать на прямую поддержку их в случае войны с СССР. По словам Идена, английское правительство ответило, что в настоящий момент (*at the present stage*) — нет» (см. также прим. 138).— 481

²⁴¹ В дополнительной телеграмме от 20 августа 1932 г. М. М. Литвинов сообщил В. С. Довгалевскому: «Решение надо понимать в том смысле, что справки к пакту мы готовы обсудить совместно с французами, причем можем предложить некоторые изменения, на которых мы, однако, ультимативно настаивать не будем и, в крайнем случае, примем целиком французские поправки. Но об этом можно будет говорить, когда действительно будет изъявлено желание приступить к подписанию. Наше заявление имеет целью лишить французов возможности говорить об отказе от парафированного текста и о новых предложениях, еще не согласованных. Мы поэтому теперь же говорим, что относительно текста пакта у нас с французами разногласий нет».

Что касается формулы заключительного протокола к советско-румынскому пакту о ненападении, предложенной Леже, то Литвинов в той же телеграмме писал, что к этой формуле необходимо попытаться сделать следующее добавление: «каковые споры настоящим договором не затрагиваются». Однако 23 августа 1932 г. Леже неожиданно отказался от предложенной им же формулы (см. прим. 235).— 481

²⁴² Имеется в виду абзац 7 ст. 15 Статута Лиги наций, который гласил: «В этом случае, когда Совету не удастся достигнуть принятия его доклада всеми его Членами, кроме Представителей всякой Стороны в споре, Члены Лиги оставляют за собой право поступать, как они считают подходящим для сохранения права и правосудия» (ст. 16 и 17 Статута Лиги наций приведены в т. VIII, прим. 28).— 484

²⁴³ В. С. Довгалевский в телеграмме от 17 августа 1932 г. в НКВД СССР рекомендовал в качестве первого варианта вернуться к тексту заключительного протокола, предложенного французской стороной в ее контр-проекте пакта о ненападении от 15 июня 1931 г., без последних слов, касавшихся обязательств, вытекавших из Статута Лиги наций (см. т. XIV, прим. 136).— 485

²³⁴ Германское «Общество по изучению планового хозяйства» («Арплан») было образовано в Берлине в начале 1932 г., что явилось в значительной степени результатом большого интереса на Западе, и в частности в Германии, к проблемам планирования в связи с успехами хозяйственного строительства в СССР. Так, на 1-й сессии общества 3—4 января 1932 г. в качестве основной задачи «Арплана» провозглашалось «критическое изучение государственного и социального развития, в частности теоретических основ и практических результатов планового хозяйственного строительства в Советском Союзе». В течение 1932 г. «Арплан» организовал ряд докладов об СССР в Германии.— 486

²³⁵ В. С. Давгаловский имел в виду отказ Лейбе от своей собственной формулы заключительного протокола к советско-германскому плану с запамятования, предложенной им Давгаловскому 10 августа 1932 г. (см. док. № 314). В связи с изменением позиции Лейбе по данному вопросу Давгаловский в письме М. М. Литвинову от 31 августа 1932 г. сообщал: «Видимо, Лейбе с кем-то успел поговорить, и его убедили в справедливости его предложения, и он отказался или, вернее, отрекся от него».— 486

²³⁶ Советско-германское соглашение от 2 мая 1932 г. было заключено в результате переговоров, имевших место, как указывалось в предисловии, в рамках не принятой Протоколом планировки заведения торговых советских экономических переговоров от 22 декабря 1931 г.» (см. т. XIV, док. № 386). В соглашении было оговорено, что советская сторона не будет возражать против включения в силу торговых договоров с преференциальными отношениями по зернам, заключенных Германией с Румынией и Венгрией». Со своей стороны германское правительство в начале готовности, в случае возникновения потребности во ввозе зерновых в 1932/33 г., закупить в СССР 75% германского импорта риса и 30% германского импорта пшеницы, а также «выявлять на зрели покупатели в направлении увеличения закупок животного сырья до 40% германского спроса и, кроме того, рассмотреть, чтобы в Советском Союзе закупались также кукуруза. В значительных пунктах соглашения говорится:—

14. В целях обеспечения нужд СССР в покрытии потребности в германском ввозе хлебных продуктов в 1932/33 г. германская сторона готова рассмотреть переговоры с СССР до начала урожая и возобновить такие переговоры также и в последующие годы до тех пор, пока действуют преференциальные договоры. При этом обе стороны согласны в том, что на этих хлебных переговорах условия сбыта риса, ячменя и кукурузы для советской стороны не должны быть менее благоприятными, чем это предусмотрено для урожая 1932/33 сельскохозяйственного года. В отношении риса: Германское Правительство также подберет специально советской стороне, повысить сбыт. С этой целью оно окажет воздействие на круги покупателей с тем, чтобы также и при меновых объемах советская сторона закупалась в возможно больших количествах. Помимо этого, Германское Правительство готово закупать в Советском Союзе не менее 30% отечественной потребности во ввозе.—

5. Германская сторона принимает к сведению точку зрения СССР, что контингенты, обозначенные в п. 4, должны рассматриваться на будущих переговорах как минимальные».— 492, 665

²³⁷ В упомянутой телеграмме А. А. Трояновский, в частности, сообщал, что 23 августа заведующий эсэловско-американским департаментом МИД Японии Мацусима заявил советнику посольства СССР в Токио И. И. Спильванскому, что задержанные советские суда будут отпущены, как только японским властям «будет выдано лицо, препятствующее штыком выполнению их обязанностей», и что «инцидент со штыком — единственная причина задержки судов, на которых скрылся виновник».— 495

²³⁸ В докладе А. Б. Дубсона «К итогам экономической работы в Йемене за первое полугодие 1932 г.» от 29 августа 1932 г. наряду с фактическими сведениями о продаже советских товаров в Йемене приводилось заявление

премьер-министра Пемена о чрезвычайной желательности технической помощи стране со стороны СССР.— 500

²³⁹ Вопрос о пушнине был затронут также в беседе подпреда СССР в Германии Л. М. Хинчука с заведующим IV отделом МИД Германии Мейером 17 ноября 1932 г., которому Хинчук сообщил, что между советской стороной и германскими фирмами достигнута договоренность о закупке советской пушнины, однако германское министерство кожаной кожи не утверждает их соглашения (фирмы приняли 40% сырой пушнины к общему количеству, министерство настаивает на 30%). Таким образом,— подчеркнул Хинчук,— министерство не одобряет нажим отношениям, а создает только новые затруднения.— 505

²⁴⁰ В письме М. И. Розенберга М. М. Литвинову от 31 августа 1932 г. сообщалось, что министр народного образования Франции де Монан говорил ему в одной из бесед о желательности обмена военными атласами между СССР и Францией. В связи с этим Розенберг предлагает заручиться де Монан, что «с нашей стороны к этому предиятельству не воспрепятствую и не остремеемся».— 505

²⁴¹ В письме М. М. Литвинову от 30 августа 1932 г. № 344 Л. В. Богомолов, сославшись на сообщения английских газет о том, что Германия запросила Бильмарк о возможности присоединения СССР к «пакту доброй воли», пишет, считая для НКВД СССР «желательным высказать точку зрения на этот предмет» на этот вопрос (под влиянием доверия) «имеется в виду Декларация правительства Его Величества в Советном Консульстве в правительстве Франции относительно будущей европ. и азиат. сотрудничества», опубликованная для этого заочным одобрением в Лондоне в Париже 13 июля 1932 г. см. «Обзорник документов по международной политике», вып. IV, М., 1933, стр. 80)

Еще до вопроса Богомолова Литвинов, касаясь «пакта доброй воли», писал подполковнику СССР в Турции Я. З. Суричу в телеграмме от 22 августа 1932 г.: «Тот международный пакт доброй воли будет фактически действовать, но этому мешает, только между Англией и Францией, которые притесненно дружат с одной стороны и только обсуждают вдвоем интересующие их политические вопросы. Приглашение о присоединении послано только для расовивания подворений Германии, Италии, Америки и других, но по существу пакт остается только в виде французским соглашением. Возможно, что в некоторых случаях, когда это будет соответствовать интересам Англии и Франции, будет созвана конференция с участием всех присоединившихся к пакту, чтобы навести им заранее принятое англо-французское соглашение, но в то время как пакт несколько не связывает свободу действий Англии и Франции, он может служить поводом для упреков другим присоединившимся, если бы те задумали предпринять дипломатические шаги без предварительного обсуждения с Англией и Францией. Из этого следует, что Италия и Германия поступили неправильно, присоединившись, ибо они этим лишили пакт внешнего вида двустороннего соглашения. Эта цель уже достигнута, и присоединение новых государств нашего уже не поможет, не давая, однако, присоединившимся никаких преимуществ».

В упоминаемом выше письме Богомолов также запрашивал НКВД СССР, «желательно ли присутствие СССР на Мировой экономической конференции» (см. «Обзорник документов по международной политике», вып. V, М., 1933, стр. 67—80 и сб. VII, М., 1934, стр. 3—57).— 508

²⁴² На запрос М. М. Литвинова Я. З. Сурич в телеграмме от 10 сентября 1932 г. сообщал, что, по словам Рюштю, «ни Англия, ни Франция никаких демаршей в отношении Турции не предпринимали. Не было с их стороны и формального извещения о пакте. Только Греция в своей ноте на имя турецкого правительства привела текст ноты» (очевидно, имеется в виду текст Декларации правительств Великобритании и Франции относительно будущего европейского сотрудничества от 13 июля 1932 г.; см. прим. 241).— 509

²⁴³ Как сообщал М. И. Розенберг Н. Н. Крестинскому в письме от 16 октября 1932 г., наш ответ по вопросу об обмене военными атташе был доведен до сведения де Монзи. Последний, однако, особого интереса, как писал Розенберг, на этот раз не проявил. «Он ссылаясь на непрочность правительства, намекал на то, что возвращение Бертело (имеется в виду возвращение Бертело на пост генерального секретаря МИД Франции.— *Ред.*) не делает положение более выигранным, так как он является проводником английского влияния, и т. п.»

Обмен военными атташе между СССР и Францией был произведен в 1933 г.— 569

²⁴⁴ В качестве условия для освобождения судов «Астрахань» и «Двина», пришедших на помощь «Сталинграду», японские власти потребовали извинения капитанов этих судов за то, что они якобы пытались уйти самостоятельно. Такой попыткой самовольного ухода был сочтен случай, когда при наступлении шторма эти суда в целях безопасности вышли в открытое море, вернувшись после окончания шторма на прежнее место.

Вторым условием было требование к консулу СССР в Хакодате Г. Д. Тихонову принести извинения за то, что пароход «Волховстрой», вышедший вместе с другими судами в открытое море, обратно не вернулся. Чтобы не затягивать инцидент, извинения были принесены, хотя, как указывается в комментируемом документе, такие требования японских властей были незаконны и необоснованы (см. также док. № 253).

10 сентября «Астрахань» и «Двина» были освобождены.— 516

²⁴⁵ В упомянутой беседе 29 августа 1932 г. Хирота по своей инициативе поднял вопрос о продаже КВЖД. Хирота сказал, что ему известно об имевших место советско-китайских переговорах о дороге (см. т. XIV, прим. 76) и что он допускает, что переговоры по данному вопросу могут произойти между СССР и Маньчжоу-Го, указав при этом, что он «исключает всякую мысль о каком-либо обострении отношений в связи с этой дорогой». Заявив, что в целях обеспечения «долговечного мира на Дальнем Востоке» нужно «разрешить те вопросы, которые требуют разрешения», Хирота спросил, «не продадут ли бы Советский Союз КВЖД Японии» (см. также прим. 229, сообщение ТАСС от 1 мая 1933 г. и сообщение о беседе М. М. Литвинова с представителем ТАСС от 12 мая 1933 г.; газ. «Известия» № 114 от 1 мая и № 122 от 12 мая 1933 г.).— 511

²⁴⁶ В телеграмме от 7 сентября 1932 г. Я. З. Суриц сообщал, что, по заявлению Тевфики Рюшту, румынское правительство намерено официально обратиться в Анкару с запросом, не возьмет ли правительство Турции на себя посредничество в возобновлении советско-румынских переговоров. «Тевфика Рюшту, — писал Суриц, — рассматривает это как реакцию на польско-советский договор о ненападении (см. док. № 300.— *Ред.*) и желание Румынии вести сейчас переговоры вне контроля и воздействия Польши».— 516

²⁴⁷ В последующей телеграмме от 14 сентября 1932 г. М. М. Литвинов, информируя Я. З. Сурица о беседе с Патеком 13 сентября (см. док. № 364), указывал, что «Румыния выдвинула совершенно новый проект пакта. Мы предлагаем ей перенести переговоры в Женеву или же встретиться с представителем Румынии в Берлине. Таким образом, предложение Рюшту является бесплодным». Литвинов предлагал информировать об этом Рюшту.

В ответной телеграмме от 16 сентября Суриц сообщал, что по румынскому вопросу «Рюшту реагировал очень спокойно. Очевидно, ничем не ангажировался».— 516

²⁴⁸ Соглашение утратило силу в связи с заключением 18 января 1958 г. договора между правительством СССР и правительством Афганистана о режиме советско-афганской государственной границы (см. «Вестник Верховного Совета СССР», 1958, № 28, ст. 374, стр. 827—842).— 519

²⁴⁹ Арнольд Рехберг, германский промышленник и публицист, начиная с 1919 г. выступал как один из наиболее активных инициаторов антисоветских военных планов. В январе 1921 г. Рехберг по поручению генералов

Людендорфа и Гофмана представил руководителям Антанты план вооруженной интервенции против Советской России. Его участие в создании германо-французского кайзери (1924—1926 гг.) и выдвигавшийся им план англо-франко-германского союза по производству угля, железа и стали были подчинены целям борьбы с «угрозой коммунизма».

В начале 1931 г. Рехберг и Папен под предлогом посещения немецких католиков во Франции прибыли в Париж, где вели переговоры с французскими монополистами о заключении франко-германо-польского соглашения как основы для образования антисоветского блока. Одновременно эти переговоры являлись попыткой противодействовать намечавшемуся улучшению отношений СССР с Францией и Польшей. В своем отчете о парижских переговорах Папен на заседании в немецком «Клубе господ» 27 февраля 1931 г., в частности, заявил: «Тройственное соглашение должно быть заключено с расчетом на борьбу против большевизма». На том же заседании Рехберг говорил: «Благодаря картелизации химической и тяжелой промышленности Германия и Франция уже так сильно связаны, что политический и военный их союз становится абсолютной необходимостью» (цит. по кн.: А. Норден. Уроки германской истории, М., 1948, стр. 120; см. также т. XII, прим. 96 и прим. 188, 225 настоящего тома). — 528

²⁵³ К указанному письму от 7 сентября 1932 г. (№ 32542) прилагался проект соглашения по вопросу оформления статуса торгпредства СССР в Чехословакии и проект обмена нотами (в основу проекта статуса торгпредства были положены пункты 1—6, 9—10 «Протокола о правовом положении торгового представительства СССР в Литве» от 29 августа 1931 г.; см. т. XIV, док. № 256). В письме НКВД СССР подчеркивалось, что проект ноты о налогах является составной частью всего соглашения о правовом статусе торгпредства, поскольку советская сторона не может согласиться на уплату налогов без урегулирования всего вопроса о режиме торгпредства в целом. А. Я. Аросеву предлагалось передать этот проект МИД Чехословакии в неофициальном порядке, заявив, что этот документ «не представляет собою проекта соглашения с Чехословакией, а является типовым документом, содержащим те положения статуса торгпредства, которые должны быть отражены в соглашении. При подписании соглашения с Чехословакией нам придется учесть то, что между обеими сторонами уже имеется договор 1922 г. (см. т. V, док. № 180.—*Ред.*) и увязать положения типового проекта с соответствующими постановлениями договора». — 532

²⁵⁴ К тому, что было сообщено А. Я. Аросевым Венешу (см. прим. 21), в директиве за № 2443 содержались следующие положения о согласительной процедуре:

«Согласительная комиссия по делу Ванека, в отличие от согласительной процедуры, зафиксированной в нашем соглашении с Германией (см. т. XII, док. № 26.—*Ред.*) и содержащейся в проектах пактов о ненападении, является не постоянным институтом, а формируется для рассмотрения одного определенного вопроса».

«Решение комиссии подлежит утверждению соответствующими правительствами. В случае невозможности прийти к согласованному решению дело, являющееся предметом процедуры, вновь возвращается в сферу дипломатических переговоров».

В директиве подчеркивалось, что «так как вопрос о факте виновности Годицкого и Ванека подлежит исключительно компетенции нашего суда, то рассмотрению согласительной комиссии подлежит только вопрос о «правильности» предания гласности дела Ванека».

Эти положения о согласительной комиссии были сообщены Аросевым Крофте 9 апреля 1932 г.

Впоследствии в беседах с Аросевым Венеш к вопросу о Ванеке не возвращался.

Кошек, глава чехословацкой миссии в СССР, 27 мая 1933 г., во время завтрака, на который были приглашены Аросев, возвратившийся из Чехо-

словакии в связи с назначением на другую работу, и другие сотрудники НКВД СССР, говоря о возможном улучшении советско-чехословацких отношений, заявил, что он «получил письмо из министерства, в котором указывается, что чехословацкое правительство считает дело Ванека окончательно ликвидированным». — 533

²⁵² 26 мая 1933 г. в Москве открылась международная олимпиада самодеятельных революционных театров. В олимпиаде приняли участие 25 театров, театральных групп и бригад из 16 стран: Германии, Англии, Франции, Бельгии, Швейцарии, Чехословакии, Норвегии, Голландии, Дании, МНР и др. Советский Союз был представлен театральными коллективами РСФСР, Украины и Азербайджана.

Подготовительная кампания к олимпиаде проводилась в этих странах под лозунгами: «Против империалистической войны и угрозы интервенции», «Против фашизма и культурной реакции, за единый фронт революционного театрального движения». Участники олимпиады побывали в крупных московских и подмосковных клубах, где выступали с докладами о работе своих театров. — 533

²⁵³ Имеется в виду ответная нота Файз Мухаммед-хана от 9 апреля 1932 г. № 437/321 на ноту Л. Н. Старка от 6 апреля 1932 г. № 219, в которой Старк, напоминая о своей ноте от 12 января 1932 г., просил ускорить рассмотрение проекта, направленного при ноте. — 540

²⁵⁴ Речь идет о советско-афганской комиссии, созданной в связи с пограничным инцидентом, имевшим место 15 января 1932 г. в районе пограничной заставы Кокуль (на р. Пяндж), когда начальник советской пограничной заставы Шапушко был убит в результате внезапного ружейного огня, открытого с афганской стороны. Комиссия приступила к рассмотрению обстоятельств инцидента в марте 1932 г. Однако в силу того, что афганские представители в комиссии создавали различные препятствия к расследованию этого инцидента, пограничная комиссия не пришла к согласованному выводу и в мае 1932 г. прекратила свою деятельность. — 541

²⁵⁵ Торговля между СССР и Афганистаном в последующие годы осуществлялась преимущественно объединением «Совафганторг» и отдельными афганскими обществами (фирмами) путем заключения торговых контрактов.

17 июня 1950 г. было заключено соглашение о товарообороте и платежах между СССР и Афганистаном (см. «Сборник торговых договоров, торговых и платежных соглашений и долгосрочных торговых соглашений СССР с иностранными государствами», М., 1961, стр. 57—60). — 541

²⁵⁶ Советско-латвийский торговый договор был подписан 4 декабря 1933 г. (см. «Собрание законов...», отд. II, № 4, 7 марта 1934 г., стр. 37—51). — 542

²⁵⁷ Поездка делегатов Общества друзей СССР на празднование XV годовщины Великой Октябрьской социалистической революции не состоялась из-за невыдачи им паспортов японскими властями. — 544

²⁵⁸ В телеграмме в НКВД СССР от 20 сентября 1932 г. А. А. Трояновский сообщал, что «Араки сильно нервничает и похудел. Требуется, чтобы было принято решение о войне» с СССР. Араки считает, что «Америка и Англия — пустяки, СССР — главный враг». Высказывает недовольство подписанием договора Мапуката с советскими организациями на покупку советской нефти (см. док. № 378). Интересуется, почему Трояновский не придет к нему и не поговорит с ним открыто.

Трояновский в телеграмме высказывался в пользу своей встречи с Араки. — 544

²⁵⁹ В упоминаемой телеграмме М. М. Литвинов писал о результатах переговоров с Кадере, состоявшихся 28 сентября 1932 г. Отсылая к проекту пакта, врученному Залесскому (см. прил. к док. № 273), Литвинов отмечал, что «принято введение, исключая пятый абзац; далее в ст. I принято все подчеркнутое синим и красным, но статьи II, V и VI приняты без

изменений, а ст. IV в слегка измененной редакции, ст. III совершенно выпадает. Кадере, однако, отрекается от патековской формулы заключительного протокола (см. док. № 361.—*Ред.*), которая якобы была личным предложением Патека, а следовательно, от всякого упоминания споров. Я ультимативно настаиваю на этой формуле, дополненной мною словом «существующих», так что это слово остается единственным пунктом разногласий.— 545

²⁵⁰ Имеется в виду беседа М. М. Литвинова с Нейратом в Берлине 17 сентября 1932 г., в которой Литвинов затронул также литовско-германские отношения, поскольку посланник Литвы в СССР Балтрушайтис накануне отъезда Литвинова из Москвы сообщил, что он уполномочен литовским правительством позондировать через СССР готовность Германии приступить к переговорам об урегулировании литовско-германских отношений.

О беседе с Нейратом Литвинов писал, что он «вновь указал Нейрату на неправильность неглажирования Литвы и на возможные вредные последствия». — 545

²⁵¹ 13 ноября 1932 г. литовское правительство направило правительству Германии меморандум с сообщением о принятии предложения, сделанного от имени германского правительства, «устроить совещание руководителей внешней политики обоих государств», на котором «должно произойти откровенное и основательное выяснение руководящей политической линии обоих государств по отношению друг к другу».

В своем ответе 20 января 1933 г. правительство Германии выразило согласие «со стремлением Литовского правительства уладить взаимотношения», однако указало, что «данный момент является неблагоприятным для переговоров». — 545

²⁵² Леже во время беседы с М. И. Розенбергом 25 сентября 1932 г. просил передать М. М. Литвинову, чтобы «в переговорах с Кадере была принята с максимальной быстротой выработанная редакция пакта, которая, если бы Румыния ее впоследствии отвергла, послужила бы для французского правительства моральным оправданием для самостоятельного заключения пакта». — 546

²⁵³ 15 июля 1932 г. Совет Лиги наций одобрил рекомендацию Лозаннской конференции от 9 июля 1932 г. о созыве Лигой наций Мировой экономической и финансовой конференции и создал организационный комитет Совета по главе с министром иностранных дел Великобритании Джоном Саймоном. 28 октября 1932 г. было разослано приглашение участвовать в конференции всем членам Лиги наций и другим государствам, включая СССР.

Подготовительная комиссия экспертов, образованная Организационным комитетом, провела две сессии — с 31 октября по 9 ноября 1932 г. и 9—19 января 1933 г. Советский Союз не был приглашен участвовать в работах Подготовительной комиссии.

Мировая экономическая и финансовая конференция открылась 12 июня 1933 г. в Лондоне. В ней принял участие Советский Союз (см. «Сборник документов по международной политике...», вып. V, М., 1933, стр. 69—80; сб. VII, М., 1934). — 550, 602

²⁵⁴ В телеграмме от 4 октября 1932 г. М. М. Литвинов сообщал, что «Кадере не подтвердил вчерашнего предложения и пришлось признать переговоры прерванными». — 554

²⁵⁵ В записке № 6627 от 5 октября 1932 г., переданной по прямому проводу до ст. Отпор, Л. М. Карахан предлагал В. В. Смирнову переговорить с японским консулом в г. Маньчжуря по телефону и выяснить, не желает ли он передать через Смирнова информацию о положении консульства и японских резидентов и не нуждаются ли они в деньгах и продовольствии. Предлагалось, с разрешения китайских властей, нанести визит японскому консулу, а также выяснить местонахождение японского про-

фессора Танакадзэ и оказать ему содействие в проезде во Владивосток.

Заявка была направлена в связи с соответствующими обращениями министра иностранных дел Японии и японского консула в Харбине.— 560, 561

²⁵⁶ 27 сентября 1932 г. китайские войска под командованием генерала Су Бин-вэня, расположенные в северо-западной части Маньчжурии, выступили против японских войск и властей Маньчжоу-Го. Японским частям удалось подавить выступление. Войска Су Бин-вэня 5 декабря 1932 г. были вытеснены на территорию СССР, где были интернированы. В феврале — марте 1933 г. интернированные, по договоренности с китайским правительством, были репатриированы в Китай: гражданские лица — паромом через Владивосток, военные — через Среднюю Азию в Синьцзян. Генерал Су Бин-вэнь выехал в Китай через Европу.— 560, 563, 581, 587, 615, 636

²⁵⁷ На встрече 14 октября 1932 г. Араки, как сообщил А. А. Трояновский в НКВД СССР телеграммой от того же числа, передал благодарность за «принятые нами меры для спасения японцев на станции Маньчжурия» (см. также док. № 394).

В то же время Араки сказал, что если не удастся добиться эвакуации японцев на советскую территорию, то «возможно осуществить один из двух проектов: 1) Маньчжоу-Го посылает на станцию Мацзевская своих делегатов, которые поведут переговоры» с китайскими войсками; 2) если этот проект окажется «неприемлемым или не даст результатов, то останется послышка японских войск до станции Маньчжурия».— 564

²⁵⁸ Протокол о продлении на срок в 6 месяцев конвенции от 6 августа 1928 г. о порядке рассмотрения и разрешения конфликтов, возникающих на советско-турецкой границе, был подписан 10 октября 1932 г.

Впоследствии срок действия конвенции 1928 г. периодически продлевался. Новая конвенция о порядке рассмотрения и разрешения пограничных инцидентов и конфликтов между СССР и Турецкой Республикой была заключена в Москве 15 июля 1937 г. (см. «Сборник действующих договоров и конвенций, заключенных с иностранными государствами», вып. X. М., 1955, стр. 32—55).— 566

²⁵⁹ По поводу нарушения советской границы польскими военными самолетами 31 января и 5 июня 1932 г. полпредство СССР в ноты соответственно от 2 апреля и 17 июня 1932 г. заявило протест министерству иностранных дел Польши.— 568

²⁶⁰ В ответной ноте министерство иностранных дел Польши от 24 октября 1932 г. № Р. I. K. 5153/216/32 сообщало, что о перелетах польскими самолетами границы СССР, указанных в ноте полпредства СССР от 12 октября 1932 г., «доведено до сведения компетентных польских властей».

Однако уже после вручения ноты полпредства СССР от 12 октября 1932 г. имели место новые случаи незаконных перелетов советской границы польскими самолетами. В связи с этим в ноте полпредства СССР от 15 ноября 1932 г. говорилось, что «незаконные перелеты советской границы польскими самолетами стали настолько частым явлением, что их невозможно объяснить только случайностью».

Ввиду изложенного, Полномочное Представительство заявляет категорический протест против систематического нарушения польскими самолетами советской государственной границы. Полномочное Представительство считает своим долгом предупредить Министерство Иностранных Дел Польской Республики, что ответственность за инциденты, могущие возникнуть в связи с подобными незаконными перелетами польских самолетов, ложится целиком и полностью на польскую сторону».

В ответной ноте от 13 января 1933 г. № Р. I. 5153/233/32 министерство иностранных дел Польши, ссылаясь на якобы «непреднамеренность» отмеченных в ноте полпредства СССР нарушений польскими самолетами советской границы, заявляло о невозможности «вследствие этого принять к

сведению протест Дипломатической Миссии СССР, базирующийся на этом оспаривании». — 568

²⁷¹ В праздновании 10-й годовщины Турецкой Республики в 1933 г. участвовала советская делегация в составе К. Е. Ворошилова, Л. М. Карахана, С. М. Буденного и А. С. Бубнова. — 570

²⁷² В заявлении, сделанном корреспонденту французской газеты «Републик», Титулеску выступил против подписания с СССР согласованного текста договора о ненападении. «Какой [был] бы смысл, наконец, для Румынии подписывать пакт, действительный всего лишь на 5 лет, — подчеркнул Титулеску. — тогда как пакт Бриана — Келлога является вечным, тем более что пакт о ненападении признает существование спорных вопросов, о которых не было сделано никаких намеков в предшествующих дипломатических актах».

Далее Титулеску отметил, что его точка зрения совпадает с точкой зрения румынского правительства (см. газ. «Правда» № 287 (5432) от 16 октября 1932 г.). — 571, 572, 600

²⁷³ Вице-директор шведского Всеобщего экспортного союза Боландер в октябре 1932 г. посетил Советский Союз с целью установления контактов с руководителями советских хозяйственных организаций. Он имел встречу с руководителями импортных объединений Народного комиссариата внешней торговли СССР, а также был принят членом коллегии НКВД СССР Б. С. Стомяковым. — 571

²⁷⁴ Книга Э. Эррио «Новая Россия» (*E. Herriot, La Russie Nouvelle, Paris, 1922*) была написана после поездки в СССР в 1922 г. (см. т. V, прим. 136). — 578

²⁷⁵ В телеграмме в НКВД СССР от 6 октября 1932 г. полпред СССР в Великобритании сообщал, что во время беседы с Саймоном 6 октября 1932 г. он затронул вопрос о заявлениях Самуэля и Сноудена (соответственно бывш. министра внутренних дел и лорда-хранителя печати Великобритании, вышедших из состава правительства в знак протеста против решений Оттавской конференции; см. прим. 139) о том, что английская делегация на конференции в Оттаве взяла на себя обязательство разорвать временное торговое соглашение с Советским Союзом (заявление Сноудена см. в газ. «Известия» № 273 (4843), 2 октября 1932 г.). Саймон, сообщая полпреду, заявил, что «подобного обязательства нет. Сноуден и Самуэль так толкуют § 21. Отмена существующего (англо-советского. — *Ред.*) соглашения в целях выработки нового в связи с § 21 необязательна...». В телеграмме также говорилось, что Саймон заметил, что отмена советско-английского торгового соглашения возможна в случае, если торговые отношения не будут развиваться удовлетворительно с точки зрения баланса и цен и если не будет урегулирован вопрос о концессии «Лена-Голдфилдс».

Следует отметить, что Советское правительство еще в марте 1932 г. выдвинуло предложения, направленные на увеличение советских закупок в Великобритании при условии предоставления английским правительством соответствующих кредитов. Однако правительство Великобритании не приняло этих предложений, ограничившись предоставлением кредита лишь на сумму в 1,6 млн. ф. ст. (см. док. № 262). — 580, 668

²⁷⁶ 22 октября 1932 г. Л. М. Карахан телеграфировал А. А. Трояновскому, что Советское правительство дает согласие на просьбу Араки и на пребывание японской делегации на ст. Машневская, а также соглашается на прилет делегации самолетами. 25 октября 1932 г. Трояновский сообщил об этом Араки. — 582

²⁷⁷ 19 сентября 1932 г. советник посольства Японии в СССР Амо сообщил заведующему II Восточным отделом НКВД Б. П. Козловскому о полученной им из Токио инструкции «просить Советское Правительство дать указания консулу на ст. Маньчжуря, разрешающие ему в случае необходимости дать групповую визу на въезд в СССР японским подданным,

проживающим в Маньчжурии, в случае, если они окажутся вынужденными искать убежища». 23 сентября Советское правительство сообщило о соглашении на эвакуацию, в случае необходимости, японских резидентов на ст. Маньчжурская, а советский консул на ст. Маньчжурия получил указание в случае просьбы со стороны японского консула дать групповую визу по списку.— 587

²⁷⁸ 15 октября 1933 г. между СССР и Финляндией была подписана конвенция об изменении действовавшей между СССР и Финляндией конвенции о сплаве лесных материалов по водным системам, простирающимся от территории СССР на территорию Финляндии и наоборот, заключенной в г. Хельсинки 28 октября 1922 г. (см. «Собрание законов...», отд. II, № 10, 1934 г., стр. 126—145).— 594

²⁷⁹ Идет речь о 7-й Конференции по прямому европейско-азиатскому, через Сибирь, пассажирскому, багажному и товаро-багажному сообщению. Конференция проходила в Неаполе с 25 октября по 11 ноября 1932 г.; в ней приняли участие 45 делегатов, представлявших 33 государственных и частных транспортных компаний 17 стран: Австрии, Бельгии, Великобритании, Германии, Италии, Канады, Китая, Латвии, Литвы, Нидерландов, Польши, СССР, Франции, Чехословакии, Швеции, Эстонии и Японии (см. также т. VIII, прим. 137).— 595

²⁸⁰ В результате имевших место переговоров между СССР и Польшей 19 июня 1933 г. в Варшаве была подписана конвенция о сплаве лесных материалов по пограничным рекам (см. «Собрание законов...», отд. II, № 15, 31 июля 1934 г., стр. 213—226).— 595

²⁸¹ М. М. Литвинов принял Мацуока 4 ноября 1932 г. Записи этой беседы в архиве не обнаружено.— 597

²⁸² Основные положения директив по торговым переговорам с Францией, сообщенных М. Г. Гуревичу в письме НКВТ СССР от 2 ноября 1932 г., изложены в комментируемом документе. Кроме того, в директивах указывалось, что делегирование причитающихся советской стороне платежей в пользу французского правительства может быть осуществлено лишь при соблюдении следующих положений: советская сторона при нормальных условиях будет свободно распоряжаться экспортной выручкой; делегированные платежи не будут превышать 50% суммы гарантированных французским правительством кредитов; французское правительство приобретает право обращать выручку советской стороны на погашение своей гарантии лишь в том случае, когда торгпредство СССР во Франции не оплатит гарантированных французским правительством вексель через три дня после учинения протеста.— 599

²⁸³ В телеграмме № 7401 от 2 ноября 1932 г. (в тексте ошибочно указан № 7084.— *Ред.*) в полпредство СССР во Франции М. М. Литвинов изложил сообщение Залесского о просьбе Румынии «продолжить посредничество в переговорах» с СССР (см. док. № 423).— 601

²⁸⁴ Французская делегация на Конференции по сокращению и ограничению вооружений представила официально датированный 11 ноября 1932 г. «план организации мира», получивший по имени его авторов название «конструктивного плана Эррио — Поль-Бонкура» или «плана Эррио». Этот план, основы которого были изложены в речи французского делегата Поль-Бонкура на заседании Бюро конференции 4 ноября, исходил из принципа «постепенного уравнивания военных статусов» государств — участников соглашения и содержал предложения относительно единообразной военной системы для всех стран Европы и создания в качестве обязательного условия системы гарантий безопасности.

План Эррио предусматривал усиление санкций в случае нарушения Парижского пакта (пакта Бриана — Келлога) и применение ст. 16 Статута Лиги наций к нарушителям мира. Участники соглашения обязывались «не признавать никакого свершившегося факта, проклевывавшего вследствие нарушения международного обязательства». Предусматривалось создание под

этикой Лиги наций особой организации европейских государств, связанных между собой договором о взаимной помощи и обязательством прийти на помощь государству, подвергнутому нападению. В плане указывалось, что «каждая договаривающаяся держава будет содержать постоянно в распоряжении Лиги наций в качестве контингента для общего выступления небольшое число особых частей особого назначения, состоящих из войск с более или менее долговременным сроком службы и снабженных мощным materналом, воспрещенным национальным армиям».

Французские предложения содержали также положения политического и военного характера, которые, с одной стороны, должны были дать некоторое удовлетворение германским требованиям о «равенстве в вооружениях», а с другой — в обстановке обострения противоречий между империалистическими державами отстоять, насколько возможно, интересы французского империализма. В частности, содержащиеся в плане предложения о сокращении вооружений государств должны были предоставить военные преимущества Франции в ущерб ее противникам, в первую очередь Германии и Италии (см. «Сборник документов по международной политике...», вып. V, М., 1933, стр. 119—129).

Советская оценка плана Эррио была дана М. М. Литвиновым в речи от 6 февраля 1933 г. (см. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 57—63 и газ. «Известия» № 38 (4969) от 8 февраля 1933 г.). — 604, 609, 632, 647, 651, 655, 679

²²⁵ 11 ноября М. М. Литвинов в беседе с Дирксеном, который в качестве дуайенг сообщил о созывании дипломатического корпуса и выдвинутых на этом совещании претензиях и пожеланиях (сохранение всех привилегий, которыми он ранее пользовался, в частности беспошлинного ввоза из-за границы, снижение цен «Торгсина» «до уровня европейских», распространение привилегии беспошлинного ввоза на консульства, снижение таможенных ставок на посылки, получаемые из-за границы иностранными корреспондентами, и др.), заявил, что НКВД СССР не обязан посредничать между дипломатическим корпусом и поставщиками, что «о снижении цен специально для дипломатического корпуса не может быть и речи, и когда «Торгсин» найдет возможным снизить цены, то это будет для всех покупателей».

20 ноября после консультации с советскими таможенными органами Литвинов информировал Дирксена по вопросу о беспошлинном ввозе для дипломатического корпуса. При этом он «напомнил Дирксену, что, согласно международным обычаям, льготы беспошлинного ввоза предоставляются только главам миссий. Не подлежит сомнению, что в Москве этой льготой фактически пользуются также и другие члены посольств и миссий, а теперь этим будут пользоваться также и консульства». — 605, 632

²²⁶ В упомянутом докладе от 19 октября 1932 г. А. М. Коллонтай информировала НКВД СССР об англо-шведском сближении и ведущейся в шведских газетах кампании против советского ввоза нефти.

«С месяц упорно ходили слухи о том, что идет подготовка к новому торговому соглашению между Англией и Швецией, с учетом оттавских решений, но и со включением обоюдных преференций. Вчера и сегодня в прессе уже откровенно говорится о том, что подготовка переговоров о новом торговом соглашении или о дополнении существующего регулировкой таможенных ставок уже ведется шведами в Лондоне и что через несколько недель начнутся самые переговоры». В докладе давалась также подробная информация о ведущейся в шведской печати кампании против ввоза советской нефти. — 605

²²⁷ В письме от 15 ноября 1932 г. А. М. Коллонтай сообщила Б. С. Стомнякову, что в связи с кампанией в шведских газетах против советской нефти она обратилась «с протестом к министру Сандлеру, указав ему в беседе, что от всякого рода сокращения деятельности «Нафта» пострадал бы лишь шведский потребитель, т. к. конкуренты «Шелл» и «Стандарт» немедленно повысили бы цены». Далее Коллонтай писала: «Кроме того, я еще раз

напомнила Сандлеру, что в Швеции у нас пассивный баланс и что наша нефть является самой основной статьёй союзного экспорта в Швецию. Следовательно, всякая заминка в продвижении союзной нефти на шведский рынок отразилась бы неминуемо на шведском экспорте в Союз. Сандлер ответил мне, что кампания ведется только правой прессой и что кабинет рассматривает ее во всех смыслах нежелательной и недопустимой».

Коллонтай далее сообщила, что, однако, спустя несколько дней после этой беседы газета «Свенска дагблатет» опубликовала враждебную Советскому Союзу статью и что она заявила заместителю министра иностранных дел Гамильтону «протест по поводу данной статьи, снова упомянув о нашем неблагоприятном торговом балансе и возможных для Швеции неприятных последствиях таких выпадов против нашего основного экспорта в Швецию». Гамильтон ответил, что «выпады идут от весьма правой прессы и кабинет этих выпадов не разделяет» — 606

²⁸⁸ В телеграмме от 12 ноября Н. М. Майский сообщал М. М. Литвинову, что Саймон по своей инициативе заговорил о снабжении дипломатов в Москве и «почти текстуально повторил то, что заявил Вам Овиз, включая до скрытой угрозы сократить объем своего диппредставительства в СССР, если Советское правительство не позаботится должным образом об его удобствах». Майский также сообщал, что он в своем ответе Саймону разъяснил систему советских распределителей и привел те же доводы, которые были приведены Литвиновым в беседе с Овием от 5 ноября. Эти доводы Литвинов в основном повторил в беседе с Овием 3 декабря (см. док. № 471). — 608

²⁸⁹ В письме № 390 от 20 ноября 1932 г. по торговым вопросам В. А. Антонов-Овсеенко сообщал, что переговоры с Польшей о продлении договора об акционерном обществе «Совпольшторг» (см. т. IX, прил. 1, стр. 627) пока что прерваны, поскольку «поляки настаивали на уменьшении финансового кредита вдвое». В письме также упоминаются беседы Антонова-Овсеенко по этому вопросу с Беком, министром финансов Западским, его заместителем Котцем, которые «единодушно говорили о финансовых затруднениях Польши и намекали на желательность более всестороннего обсуждения вопросов наших торговых отношений».

Возобновившиеся через некоторое время переговоры закончились подписанием соглашения от 17 февраля 1933 г. о продлении на 2 года срока действия учредительного договора от 27 января 1926 г. о создании акционерного общества «Совпольшторг» — 609

²⁹⁰ В упоминаемом письме Н. Н. Крестинского К. К. Юреневу от 5 ноября 1932 г. говорилось: «Я подчеркиваю еще раз, что, несмотря на мою pessimisticкую оценку возможности роста наших оборотов с Австрией, торгпреду и Вам нужно всячески добиваться улучшения и, во всяком случае, неухудшения условий сбыта наших экспортных товаров, аргументируя при этом тем, что все предыдущие годы наши закупки в Австрию превращали наши продажи и что справедливость требует привести теперь экономическую базу под образовавшуюся благодаря этому за прошлые годы нашу задолженность» — 610

²⁹¹ По поводу дальнейшего развития советско-австрийских экономических отношений в «Памятке о торговых переговорах с Австрией» от 8 апреля 1933 г., составленной Экономической частью НКВД СССР, в частности, сообщалось: «По прошествии некоторого времени после разрыва переговоров в середине мая 1932 г. (см. док. № 212. — *Ред.*) австрийцы снова пытались по своей инициативе начать переговоры о торговых отношениях. Учитывая, однако, ход прошлых переговоров и не имея уверенности, что и на этот раз не будет повторения прошлого, полпредству была дана директива при разговорах с членами австрийского правительства на эту тему сообщить о нашем согласии возобновить переговоры лишь в том случае, если перед их формальным возобновлением, заранее и в дипломатическом порядке, будут согласованы все основные положения».

В заключение в записке говорилось: «В настоящее время нам предстоит начать переговоры с австрийским правительством относительно контингентов на ввоз, учитывая введение в Австрии с 22 марта 1933 г. нового запрещения ввоза, распространяющегося на важнейшие продукты нашего экспорта: нефть, масло, пушнину и т. д.»— 611

²⁵¹ В ответе Советского правительства, который Л. М. Карахан зачитал и вручил в письменном виде Амо 18 ноября 1932 г., говорилось, что Советское правительство оказывало всяческую помощь Японии в попытках «мирными средствами разрешить конфликт с генералом Су Бин-вэнем в районе Хулунбуира». Оно «и впредь готово помогать и содействовать мирному улажению этого конфликта, если к тому будет иметься надежда».

В то же время Советское правительство обращало внимание на «все неудобства пребывания японо-маньчжурской комиссии в приграничной полосе СССР на станции Мацневской, несмотря на решительный отказ генерала Су Бин-вэня вступить с ней в переговоры» и выражало надежду, что японское правительство обратится непосредственно к генералу Су Бин-вэню и выяснит в самый ближайший срок судьбу несостоявшихся пока переговоров.

Далее в ответе Советского правительства говорилось: «Само собой понятно, что в случае повторного отрицательного ответа от генерала Су Бин-вэня, что должно вызвать отъезд комиссии, Советское правительство даст согласие на новый прилет комиссии на станцию Мацневскую, если в дальнейшем будет получено согласие генерала Су на ведение переговоров с японо-маньчжурскими представителями».— 617

²⁵² Во время беседы с Амо 18 ноября 1932 г. Л. М. Карахан сообщал, что «Советское правительство готово разрешить дополнительный прилет аэропланов для того, чтобы доставить на станцию Мацневскую всех членов комиссии, не успевших вылететь первыми аэропланами... Что же касается регулярного аэропланного сообщения между Мацневской и Цицикаром, то Советское правительство не может дать на это согласия».— 618

²⁵³ Н. Н. Крестинский имеет в виду письмо полпреда СССР в Италии В. П. Потемкина от 13 ноября 1932 г., в котором полпред излагал содержание своей беседы в Риме с послом Италии в СССР Аттолико от 12 ноября. В ходе этой беседы был затронут вопрос о позиции итальянского правительства во время экономических переговоров между делегациями СССР и Италии в Риме в марте 1932 г. (в комментированном документе Крестинский ошибочно говорит о «прошлогодних исходных позициях итальянцев» и об отношении к ним СССР «в прошлом году».— *Ред.*), в частности о депонировании СССР в Италии золотого фонда, установлении нетто-баланса в торговле между обеими странами, о сокращении сроков кредитов по оплате закупаемых СССР в Италии товаров.

В том же письме Потемкин на основе своей беседы с Аттолико суммировал позицию итальянского правительства на предстоящих экономических переговорах (эти переговоры возобновились 2 декабря). Он, в частности, отмечал, что итальянское правительство «намерено настаивать на сокращении сроков кредитования наших закупок и на увеличении наших заказов в Италии»; оно, по-видимому, попытается «выдвинуть вновь предложение о передаче ему нами некоторого золотого фонда»; будет добиваться пересмотра или отмены консолидированных ставок на лесоматериалы, установленных договором 1924 г., отказа «Петролеа» от самостоятельной торговли нефтепродуктами на итальянском рынке и т. д.— 622

²⁵⁶ Норвежская промышленная делегация находилась в Советском Союзе с 26 октября по 10 ноября 1932 г. Кроме Москвы, делегация посетила Днепрпетровск, Харьков, Киев, Ленинград, где познакомилась с работой некоторых предприятий. При встрече с работниками НКВТ СССР и других советских ведомств имел место обмен мнениями о советско-норвежских экономических отношениях. Никаких соглашений подписано не было.— 626, 690

²⁹⁶ Речь идет о выступлении Муvinкеля 16 ноября 1932 г. в стортинге с критикой правительственной политики и требованием ухода Квислинга.— 627

²⁹⁷ Резюмируя результаты переговоров с Бюловым, Л. М. Хинчук в письме Н. Н. Крестинскому от 25 ноября 1932 г. констатировал, что «немецкая сторона пытается вернуться к тем позициям, которые она занимала до последних переговоров в аусамте». Кроме того, Хинчук сообщал об обещании немецкой стороны «принять от нас список текущих финансовых дел, разрешения которых мы желаем, и обсудить его по существу». В связи с этим Хинчук высказывал мнение, что «наша задача будет состоять в том, чтобы разговор о списке текущих финансовых дел превратить в беседу о принципиальном разрешении текущих финансовых дел до окончательного согласования глобальной суммы».— 630

²⁹⁸ Имеются в виду письмо М. Г. Гуревича в НКВТ СССР от 23 ноября 1932 г. о ходе советско-французских торговых переговоров и его запись беседы с министром торговли и промышленности Франции Дюраном 12 ноября 1932 г. Во время этой беседы Гуревич сообщил Дюрану предложения советской стороны по торговым переговорам (см. док. № 426), которые Дюран записал, заявив, что «поставит этот вопрос на обсуждение кабинета министров».

Гуревич, как отмечается в записи его беседы с Дюраном от 24 ноября, передал последнему 12 ноября досье «по вопросу о нашем экспорте, юридическом статусе торгпредства и по лесу». Очевидно, эти материалы в комментируемом документе далее упоминаются как «меморандум».

24 ноября 1932 г. Дюран сообщил Гуревичу ответ французского правительства на советские предложения, заявив, что французское правительство «не видит возможности предоставить промышленникам ту или иную гарантию без получения контргарантии от нас по нефти» и не может пойти на увеличение для Советского Союза экспортных квот по лесу и некоторым другим товарам.

Такая позиция французского правительства осложнила дальнейший ход переговоров.— 630

²⁹⁹ Как отмечал В. С. Довгалеvский в записи беседы с Бертело от 15 ноября 1932 г., последний сказал ему, что он «бегло ознакомился с докладом Жюльена Дюрана. По словам Бертело, Дюран несколько не заангажировался перед т. Гуревичем; он скорее выслушивал последнего, чем сам высказывался. Высказывания т. Гуревича в том виде, как они изложены в докладе Дюрана, вызывают у Бертело лессимизм».

После сделанного Довгалеvским ряда замечаний Бертело, составившись на недостаточное знакомство с вопросом, попросил отложить его обсуждение.

По поводу вышеуказанного заявления Бертело Довгалеvскому в записи беседы М. Г. Гуревича с Дюраном от 24 ноября 1932 г. сказано, что, поскольку ясно видно было, что Дюран хочет отступить от своих позиций во время предыдущих переговоров, «я ему заявил, что в министерстве иностранных дел с его слов заявили нашему послу, что мы вообще будто бы до сих пор никаких официальных переговоров не вели и что он-де больше слушал, а предложения делал я (об этом говорил мне Довгалеvский). Я не знаю, на чем основываются информации министерства иностранных дел, но во избежание всяких недоразумений я прошу его восстановить истину, заключающуюся в том, что он заявил мне во время прошлых свиданий, что французское правительство, при условии предоставления условных контргарантий с нашей стороны, в свою очередь готово предоставить промышленникам государственную гарантию по кредитам. Только после его заявления, что без контргарантий французское правительство на эту меру не пойдет, я затребовал дополнительные директивы от правительства, которые я ему и сообщил на прошлом свидании» (см. прим. 298).

Далее Гуревич добавил, что он очень боится того, как бы «не повторилась история прошлого года, когда после трехмесячных переговоров ми-

нистр торговли в прессе заявил, что никто никогда никаких переговоров с Советами не вел. »

Дюран подтвердил, что он действительно мне сделал такое предложение о контргарантиях и что об этом он сообщил правительству» (см. также прим. 300).— 631

³⁰⁰ 20 октября 1932 г. М. Г. Гуревич имел встречу с министром торговли и промышленности Франции Дюраном, который заявил, что французская сторона в принципе готова распространить на Советский Союз действие закона о правительственной гарантии (от 10 июля 1932 г.) при условии предоставления Советским Союзом контргарантий в виде делегирования правительству Франции платежей, следуемых советской стороне за проданные во Франции товары. Дюран, как говорилось в записи беседы, добавил, что это предложение «согласовано с премьер-министром и другими моими коллегами».— 631, 644

³⁰¹ В письме в НКВД СССР от 22 декабря 1932 г. А. А. Бекзадян сообщил, что 19 декабря он дал понять Бродланду, бывшему у него на обеде, «о том естественном возмущении, которое у нас (в Москве) вызвано выпадами Квислинга. Бродланд, по своему обыкновению, признал ненормальность указанных мною фактов и заявил, что уверен в неповторении их».— 633

³⁰² На данный запрос А. М. Коллонтай в письме от 1 декабря 1932 г. сообщала, что «переговоры, конечно, согласованы, но формально ведутся с каждой стороной в отдельности и что первой в переговоры вступила Швеция». В письме от 19 апреля 1933 г. Коллонтай, касаясь того же вопроса, отмечала, что вокруг англо-шведских переговоров царит большая засекреченность. «Члены кабинета, весьма непринужденно беседующие с нами о всех других вопросах, по поводу хода и существа англо-шведских переговоров хранят подчеркнутое молчание. Однако вернувшийся вчера из Лондона председатель шведской делегации Прютти, отказавшись давать прессе информацию по поводу достигнутого в Лондоне соглашения, все же отметил, что «Швеция может рассчитывать на облегчение ввоза в Англию ряда своих основных экспортных товаров, в том числе леса и бумажной массы. Со своей стороны Швеция вынуждена была сделать ряд уступок Англии, и интересы англичан обеспечены в весьма большой мере». Далее в этом же письме Коллонтай указывала, что «можно заключить, что по вопросу, имеющему для нас наибольшее значение, т. е. по пиломатериалам, какое-то соглашение состоялось. О лесе пишут мало, и когда пишут, то сообщения успокоительные».— 634

³⁰³ 23 ноября 1932 г. Амо передал Л. М. Карахану заявление японского правительства, в котором, в частности, говорилось, что советскую помощь в деле открытия переговоров между японской комиссией и представителями генерала Су следует рассматривать не как политический акт, а как акт гуманности. «Япония понимает, что СССР занимает позицию нейтралитета и невмешательства, но Япония не может понять, что СССР избегает взять на себя посреднические шаги, как это было сказано выше. Поэтому Японское правительство выражает желание, чтобы Советское правительство пересмотрело свою точку зрения, и просит Советское правительство оказать посреднические услуги, чтобы генерал Су согласился принять участие в переговорах с японской комиссией».

В ответе НКВД СССР, врученном Караханом Амо 26 ноября, указывалось, что «Советское правительство неуклонно и последовательно проводило и проводит политику нейтралитета и невмешательства в маньчжурский конфликт и что оно «не давало совлечь себя с этого пути, несмотря на то, что события в Маньчжурии, как известно, весьма тяжело отразились как на важнейших экономических интересах СССР в Маньчжурии, связанных с Китайско-Восточной железной дорогой, так и на имущественном положении и безопасности десятков тысяч советских граждан, проживающих в Маньчжурии».

Предложение японского правительства, чтобы Советское правительство оказало влияние на генерала Су, подчеркивалось в ответе, «нельзя не рассматривать как приглашение вмешаться во внутренние дела» Маньчжурии, что противоречит политике Советского правительства, «воздерживающегося от всякого вмешательства во внутренние дела других государств».

В ответе далее заявлялось, что «Советское правительство не имеет средств оказать влияние на генерала Су. Если оно имеет какое-либо отношение с генералом Су, то оно возникло по просьбе японского правительства для спасения задержанных генералом Су японских резидентов. Однако, желая, чтобы возникший в Барге конфликт был ликвидирован мирными средствами, и идя навстречу настойчивым просьбам японского правительства оказать содействие делу переговоров между Японией и генералом Су, Советское правительство в качестве крайней меры, на которую оно может пойти, согласно поручить консулу на станции Маньчжурия г. Смирнову запросить в письменной форме генерала Су Бин-вэня, не согласится ли он отказаться от своей отрицательной позиции и вступить в переговоры с Японией, с целью улажения возникшего в Барге конфликта». Одновременно Советское правительство указывало, что «наилучшей мерой, способной выяснить судьбу возможных переговоров, было бы установление непосредственной связи между представителями Японии и генералом Су Бин-вэнем для прямых переговоров сторон о мирном улажении конфликта». — 635

³⁰⁴ В телеграмме корреспондента ТАСС из Токио от 24 ноября 1932 г. излагалось заявление представителя японского МИД, в котором, ссылаясь на сообщение Амо, вопреки фактам, говорилось, что Л. М. Карахан заявил Амо, что «он [Карахан] знал с самого начала, что Су Бин-вэнь не согласится вести переговоры с японской стороной». Из этого представитель японского МИД делал вывод, что «Советы знали заранее о событиях на станции Маньчжурия»; он утверждал, что «Советское правительство, если бы оно этого пожелало, могло побудить Су Бин-вэня вступить в переговоры с японской миссией». «Нежелание побудить Су Бин-вэня к переговорам, — заявил представитель МИД Японии, — по существу, несовместимо с дружеским отношением, проявленным Советским правительством в деле освобождения японских граждан, задержанных на станции Маньчжурия. Возможно, что Советское правительство предполагает использовать события на станции Маньчжурия в качестве средства давления в вопросе заключения пакта о ненападении. Если это так, то Советское правительство ведет ошибочную политику». — 635

³⁰⁵ Письмо передано генералу Су Бин-вэню В. В. Смирновым через заместителя дипломатического комиссара 29 ноября 1932 г.

В ответном письме, врученном заместителем дипломатического комиссара секретарю консульства 2 декабря 1932 г., Су Бин-вэнь отмечал, что его армия «получила от народа просьбу о поддержке и спасении государства», и заявлял: «Если японское правительство имеет доброе намерение, то японская армия должна освободить захваченные ею наши владения. Только при таком условии могут начаться переговоры». — 636, 672

³⁰⁶ Во время частного визита полпреда СССР А. Х. Давтяна 30 ноября 1932 г. к бывш. премьер-министру Венизелосу последний заявил, что «его политика в отношении СССР остается неизменной. Отношение к России вообще со стороны Греции всегда было дружественным. Греки никогда не забудут дружбы России, и это обстоятельство всегда будет являться решающим во взаимоотношениях. Он считает необходимым развивать и укреплять экономические отношения». — 650

³⁰⁷ Английские предложения содержались в декларации Саймона, оглашенной им на заседании Бюро конференции 17 ноября 1932 г. Значительная часть декларации была посвящена обоснованию применения «принципа равенства» в отношении Германии и необходимости отмены военных ограничений, установленных частью V Версальского договора (см. прим.

321). Саймон внес предложения о торжественном отказе всех европейских государств от применения силы при возникновении споров и признании «принципа качественного равенства» в вооружениях. При этом Саймон заявил, что «конечный результат может быть достигнут только этапами».

В области морских вооружений применительно к первому этапу Саймон указал на необходимость достигнуть соглашения между руководящими морскими державами «о существенном сокращении размеров пушек и тоннажа линейных кораблей и всего морского тоннажа». При этом он подчеркнул, что «принцип предоставления Германии равноправия требует, чтобы Германии было разрешено строить корабли типа, подобного тому, в котором в конце концов согласятся великие морские державы». «Обстоятельное обследование показало, — заявил Саймон, — что произвольно выбранная цифра в 10 000 т в качестве предела для линейных кораблей (этот предел был установлен для Германии по Версальскому договору. — *Ред.*) не может быть всеми принята». Однако «реорганизация германских боевых сил» не должна привести к увеличению «общего тоннажа ни в одной категории, в которой ныне установлены ограничения для ее флота». Предельный тоннаж крейсеров, предложенный Саймоном, составлял 7000 т с 6-дюймовыми орудиями (Версальский договор устанавливал предельный тоннаж крейсеров для Германии в 6000 т). Английский делегат требовал при этом «полной отмены подводных лодок», указывая, что правительство Великобритании считает это предложение «одним из наибольших проявлений содействия делу разоружения и всеобщего мира, которое может быть сделано, и в то же время является наилучшим путем пойти навстречу требованиям Германии равенства в отношении этого вида оружия».

В области сухопутных вооружений Саймон высказался за уничтожение тяжелых танков и крупной подвижной артиллерии (калибром свыше 105 мм), однако предлагал разрешить использование легких танков и предоставить Германии право «иметь ограниченное число» такого рода танков. В области воздушных вооружений английский план предусматривал «немедленное сокращение воздушных сил руководящих держав до уровня воздушных сил Соединенного королевства» (занимавшего пятое место) с последующим сокращением воздушных вооружений всех стран (включая Великобританию) на 33 $\frac{1}{3}$ %. Германии рекомендовалось «воздержаться от каких-либо требований иметь военные или морские воздушные силы». Саймон выступил против полного упрощения бомбардировочной авиации в связи с нуждой в использовании ее «для полицейских целей в необходимых местностях», предложив лишь «ограничение веса пустых военно-воздушных судов до наименьшей цифры, относительно которой может быть достигнуто международное соглашение» (см. «Сборник документов по международной политике...», вып. V, М., 1933, стр. 129—138).

Таким образом правительство Великобритании, добиваясь укрепления своих позиций и проводя свою политику «равновесия сил» между европейскими государствами, стремилось создать стратегическое преимущество английского военно-морского флота над флотом США, содействовать качественному усилению мощи германского флота в противовес французскому и ликвидировать преимущества других государств в области воздушных вооружений. — 651, 661, 679

³⁰⁸ Муссолини в упомянутой речи, произнесенной в Турине 23 октября 1932 г., касаясь вопроса о положении в Европе и отражая империалистические устремления Италии, заявил, что, если бы «на основе признания наших (итальянских. — *Ред.*) священных прав... были бы налицо необходимые и достаточные предпосылки для сотрудничества четырех западных держав, Европа была бы спокойной с политической точки зрения и, возможно, тогда экономический кризис, который нас сжимает, пошел бы на убыль». — 653

³⁰⁹ Международный конгресс «Вольта» состоялся в Риме 14—20 ноября 1932 г. Он был предусмотрен в годовой программе фашистской партии среди различных мероприятий, проводившихся вслед за юбилейными торже-

ствами — 10-летней годовщиной фашистской диктатуры в Италии. Организатором конгресса явилась Итальянская академия наук.

В числе стран, приславших на конгресс своих представителей, были Австрия, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Румыния, Франция, Югославия. В работе конгресса приняли участие политические деятели различных государств Европы, а также представители германских, австрийских и венгерских фашистов.

Главными вопросами, обсуждавшимися на заседаниях, были: экономический кризис, объединение Европы, принципы фашизма, революционное движение в колониях и т. д. Конгресс проходил под лозунгом «объединения Европы против большевизма» под эгидой фашизма и был использован руководством фашистской партии для разжигания антисоветской кампании. — 654

³¹⁰ 4 декабря Л. М. Карахан сообщил Амо, что Советское правительство «отнеслось положительно к просьбе японского правительства и поручило консулу Смирнову добиться у китайских властей разрешения на эвакуацию на нашу территорию 10 чиновников, находящихся в японском консульстве в Маньчжурии, и 3 консульских чиновников во главе с самим консулом Ямасаки». Амо поблагодарил за удовлетворение просьбы.

5 декабря Амо передал Карахану текст телеграммы японского правительства, в которой последнее заверяло, что, хотя Япония и начала военные действия в Барге, она «не только старается до последней степени разрешить мирными средствами баргинский вопрос и не имеет ни малейшего намерения нанести ущерб правам и интересам СССР, но Япония пытается избежать даже какого бы то ни было беспокойства со стороны СССР».

После этого Карахан заявил Амо, что получены сведения о прорыве на территорию СССР некоторых отрядов китайских войск, захвативших с собой часть японских резидентов; эти отряды были разоружены и интернированы и что в числе последних оказался сам генерал Су Бин-вэнь с его штабом. «Таким образом, — сказал Карахан, — нет того объекта, против которого военные действия японских частей должны бы быть направлены, и тем самым отпадает необходимость в продвижении японских войск, которое вызвало посылку той инструкции, которую г. Амо мне только что зачитал».

Амо подтвердил, что положение настолько изменилось, что опасения японского правительства в этом отношении потеряли свое значение. — 657

³¹¹ В 1932 г. японская печать неоднократно развертывала на своих страницах антисоветские кампании. Как указывалось в годовом отчете полпредства СССР в Японии, первая и наиболее сильная кампания проходила в марте — мае 1932 г. и была связана с провокациями на КВЖД и мерами по укреплению обороноспособности СССР на Дальнем Востоке. Вторая, меньшая по масштабам, развернулась в связи с действиями китайских войск генерала Су Бин-вэня в северо-западной части Маньчжурии в сентябре 1932 г. И третья кампания в конце года была вызвана восстановлением дипломатических отношений между СССР и Китаем.

Как правило, японская печать, используя те или иные события и провокации, пыталась представить Советский Союз как «агрессора», «угрожающего» интересам Японии, и внушить японскому читателю мысль о неизбежности войны с СССР. «Грядущая война с СССР», «неизбежность войны с СССР», «угроза со стороны СССР» и тому подобные вопли не сходят со столбцов прессы. — отмечалось в отчете подпредства. Выдвигая в качестве предлога «советскую угрозу», японские газеты в ряде случаев открыто призывали к войне против СССР. Так газета «Иоронзу» в подстрекательской передовой статье от 15 апреля 1932 г. после провокации со взрывом японского воинского эшелона около Харбина (см. прим. 115) заявляла: «Некая страна приступила к разрушительной работе после появления нового маньчжурского государства. Заговор красных террористов в Маньчжурии сочетается с военной подготовкой у границ. Последний инци-

дент с разрушением линии КВЖД и взрывом поезда, в котором находились отряды японский войск, напоминает инцидент со взрывом американского парохода «Майн», который [инцидент] позволил САСШ вступить в американо-испанскую войну. Поскольку уже был разрушен военный поезд, японским войскам придется принять соответствующие меры. Когда же это наконец случится?» Статья Окада Мукко «Неизбежность японо-советской войны» в газете «Всёю симбун» от 16 и 17 июня имела подзаголовок «Выгодно воевать скорее». С 28 июня по 7 июля в «Токио майнити» печаталась большая статья Накама Сиро «Грядущая война с СССР и тихоокеанская война», автор которой выдвигал тезис о «вечной неизбежности войны с СССР» и, по существу, призывал к ней.

Злобно антисоветской, открыто призывавшей к интервенции явилась большая статья Камэити «Война с Америкой или с СССР», опубликованная в ряде номеров газеты «Нихон» в мае 1932 г. Отвергая необходимость и неизбежность войны Японии с США, Камэити заявлял, что «совершенно иначе обстоит дело между Японией и СССР». «Коротко говоря, — утверждал он, — Япония и СССР находятся в таких отношениях, как огонь и лед. Во всех областях человеческой жизни: политической, экономической, моральной и так далее они не могут допустить совместного существования». Камэити провозглашал, что Японии предстоит миссия освобождения народа Сибири. «Вопрос об освобождении Сибири является жизненным вопросом для Японии», — писал он. — Если неизбежно столкновение между Японией и СССР, то лучше начинать это по возможности скорее» (цит. по обзору японской печати, составленному полпредством СССР в Токио за период 1 июля — 15 августа 1932 г.).

Характерны высказывания Камэити о политике западных держав. «По существу, никто из них не возражает против политики Японии в Сибири... Нечего опасаться, что кто-либо запротестует против независимости Сибири», — заявлял он (цит. по бюллетеню ТАСС № 141 от 28 мая 1932 г.).

Открыто агрессивный антисоветский курс японской военщины излагался и в статье военного министра Японии Араки (см. прим. 212). — 659

³¹² 3 декабря 1932 г. Н. Н. Крестинский в беседе с Дирксеном, касаясь вопроса о ратификации Московского протокола от 24 июня 1931 г., заявил, что Дирксен «не может не чувствовать, какое ненормальное положение создается в связи с тем, что польско-советский пакт уже ратифицирован, франко-советский подписан и будет ратифицирован в ближайшем будущем, пакты с другими рандштатами (лимитрофами. — Ред.) вступили уже в силу, а между нами и Германией не существует действующего договора о ненападении, нейтралитете и дружбе».

Дирксен выразил надежду, что протокол будет ратифицирован рейхстагом, открывающимся 6 декабря 1932 г. В противном случае, сказал он, «придется подумать о ратификации указом президента на основании 48-й статьи». По этому поводу в записи беседы Крестинского говорилось: «Я сказал Дирксену, что я вовсе не вмешиваюсь во внутренние дела германского правительства и не обсуждаю вопроса о том, можно или нельзя по 45 и 48 ст. ст. германской конституции ратифицировать пакт указом президента. Мне, правда, кажется, что если Германия стала на путь ратификации президентскими указами торгово-тарифных соглашений, то тем более можно допустить такую практику по отношению к ратификации протокола, не создающего никакого нового положения, а лишь продлевавшего договор, в свое время ратифицированный рейхстагом и действующий уже 5 лет. Но это их внутреннее дело. Мне только хотелось знать, какие планы в отношении ратификации Московского протокола имеются у германского правительства?»

Московский протокол от 24 июня 1931 г. о продлении Берлинского договора 1926 г. был ратифицирован Германией лишь 13 апреля 1933 г. — 661

³¹³ В телеграмме Б. Е. Сквирского от 10 января 1933 г. сообщалось: «Сегодня имели беседу с Рузвельтом два его советника — Хауз и Уэльс

С обоими я имел разговор. Последний указал на [необходимость] заверения с нашей стороны в отношении пропаганды. Я объяснил нашу точку зрения. Оба собирались переговорить с Рузвельтом, что сегодня, по-видимому, имело место».

Далее Сквирский писал: «Меня заверяли сегодня, что Рузвельт на совещании со Стилсоном заявил, что он — за признание». — 662

³¹⁴ Протест в связи с переводом снабжения дипкорпуса из «Инснаба» в «Торгсин» был заявлен Овием М. М. Литвинову 5 ноября 1932 г. Литвинов в самой категорической форме отклонил этот протест и дал Овию разъяснения, сущность которых в основном повторена в комментируемом документе. — 670

³¹⁵ 5 декабря 1932 г. И. М. Майский в соответствии с указанием НКИД СССР посетил постоянного заместителя министра иностранных дел Великобритании Ванситтарт и, приведя те же самые аргументы, что и Литвинов в комментируемой беседе с Овием, в самой категорической форме отверг обвинения английского правительства и заявил, что Советское правительство «не может принять на себя никакой ответственности за выступление «Известий» 13 ноября». После продолжительной дискуссии Ванситтарт в конце беседы стал настаивать на том, чтобы извинения министерству иностранных дел Великобритании были принесены хотя бы редакцией «Известий». Майский отклонил и это предложение. Тем не менее Ванситтарт просил сообщить об этом в Москву.

9 декабря 1932 г. Майский посетил Ванситтарт и, вновь подтвердив, что Советское правительство «никоим образом не может принимать на себя ответственность» за редакцию «Известий», заявил ему следующее: «...после нашего последнего с Вами свидания я, желая способствовать скорейшему урегулированию данного инцидента, лично обратился к редактору «Известий», которого я хорошо знаю, объяснил ему создавшееся положение и просил подумать о каких-либо мерах ликвидации возникшего конфликта. Редактор, который, как выяснилось, был введен в заблуждение своим корреспондентом, пошел навстречу моей просьбе. Он поручил мне передать Вам, что он сожалеет о появлении в газете непроверенных фактов и заявлений». — 671

³¹⁶ В дополнение к данной телеграмме В. П. Потемкин в письмах в НКИД СССР от 9 декабря 1932 г. сообщал, что «до сих пор итальянское правительство воздерживалось от открытой оценки советско-французского и советско-польского пактов в каких-либо заявлениях сколько-нибудь ответственных своих представителей». «Однако не следует думать, — подчеркивал полпред, — чтобы, по существу, итальянское правительство совершенно индифферентно отнеслось к столь крупному событию международной жизни, как подписание франко-советского пакта и ратификация пакта СССР с Польшей». Он указывал, что «еще до этого события, в связи с ожидаемой активизацией франко-советских экономических отношений, итальянское правительство уже проявляло некоторое беспокойство насчет наших дальнейших закупок в Италии... После подписания пакта с Францией это беспокойство стало выражаться фашистской печатью в гораздо более определенной форме. Так, статья в газете «Реджиме фашиста» от 3 декабря 1932 г. прямо указывала, что «франко-советский пакт, упорочивающий экономические отношения между Францией и Союзом, может оказаться крайне невыгодным для насущных интересов Италии».

Потемкин писал, что только газета «Реджиме фашиста» от 4 декабря 1932 г. констатирует крупную дипломатическую победу СССР. «При этом подчеркивается, что Франция исправляет коренную ошибку своей политики, до последнего времени руководившейся в отношении Союза внушениями политических страстей и недооценивавшей значение русского рынка». Однако остальные органы фашистской прессы не скрывают своего отрицательного отношения к франко-советскому пакту. В качестве примера полпред приводил высказывания газеты «Коррьере делла sera», которая, сопо-

ставляя франко-советский пакт с франко-польским и франко-югославским военными соглашениями, делала вывод, что все эти договоры менее всего «содействуют упрочению мира в Европе» и что, ослабляя давление СССР на Польшу и Румынию, Франция направляет силы первой против Германии, второй — против Венгрии, с тем чтобы Югославия в свою очередь могла успешнее действовать против Италии.

«Всем известно, — заключал полпред, — что фашистская печать подчиняется строгой дисциплине. По вопросам внешнеполитического порядка, в особенности, она обычно воспроизводит лишь то, что подсказывается ей правящими сферами. При таких условиях отрицательное отношение влиятельнейших органов этой прессы к франко-советскому пакту нельзя не признать в достаточной мере показательным. Очевидно, в правительственных кругах фашистской Италии наше сближение с Францией действительно вызывает некоторое беспокойство». — 673

³¹⁷ В телеграмме от 6 декабря Н. Н. Крестинский сообщил, что нет необходимости давать какие-либо разъяснения МИД Италии в связи с советско-французским пактом о ненападении. — 673

³¹⁸ 6 декабря 1932 г. М. М. Литвинов направил полпреду СССР в Великобритании телеграмму с указанием дать ответ на ногу МИД Великобритании от 17 октября 1932 г. (см. стр. 674). В указании подчеркивалось, чтобы в ответной ноте было ясно сказано, что «предложение заключить новый торговый договор исходило от английского правительства». «В дальнейшем, — говорилось в телеграмме, — надлежит ждать от английской стороны предложений, поскольку она расторгла договор». — 673

³¹⁹ На состоявшемся 15 декабря 1932 г. заседании по переговорам о заключении нового торгового соглашения между СССР и Великобританией советская делегация, исходя из того, что временное торговое соглашение было денонсировано правительством Великобритании, предложила, чтобы английская сторона представила перечень основных вопросов, которые, по ее мнению, подлежат обсуждению в ходе переговоров.

В присланном министерством торговли Великобритании меморандуме от 29 декабря 1932 г. подчеркивалось, что принцип наибольшего благоприятствования, содержащийся в торговом соглашении 1930 г., является якобы односторонним и для нового соглашения неприемлем из-за «специальных условий, упреждающих советским импортом и экспортом», а также из-за наличия § 21 англо-канадского соглашения (см. прил. 139). Ссылаясь на пассивный баланс для Великобритании в торговле с Советским Союзом, английская сторона предлагала достигнуть в будущем между двумя странами «приблизительного равновесия платежного баланса». В меморандуме обращалось внимание на тот факт, что доля участия английских судов в перевозках советских грузов является незначительной, и выдвигалось предложение, чтобы этот вопрос был предварительно обсужден представителями английских судовладельцев с соответствующими советскими организациями.

Эти предложения свидетельствовали о том, что английское правительство намеревалось осуществлять меры дискриминации в отношении торговли с Советским Союзом. Более того, на совместном заседании делегаций обеих сторон 9 февраля 1933 г. английские представители подняли такие вопросы, как довоенные долги, претензии к Советскому Союзу компании «Лена-Голдфилдс» и др., которые не имели отношения к торговым переговорам. В связи с арестом британских сотрудников фирмы «Метро — Виккерс» в Москве правительство Англии после тщетных попыток вмешаться во внутренние дела СССР в марте 1933 г. приняло решение приостановить торговые переговоры с СССР, а затем установило эмбарго на экспорт советских товаров в Великобританию. Все это привело к перерыву на некоторое время экономических отношений между двумя странами.

В результате состоявшихся по инициативе английской стороны переговоров во время Мировой экономической конференции в Лондоне 3 июля 1933 г. между М. М. Литвиновым и Саймоном состоялся обмен нотами об

отмене эмбарго и о возобновлении прерванных в марте 1933 г. торговых переговоров.— 674

³²⁰ В 1932 г. отмечались неоднократные нарушения советско-афганской границы басмаческими бандами с территории Афганистана. Эти банды совершали налеты на советские населенные пункты, грабили их жителей, обстреливали советские пограничные дозоры (см., например, прим. 254) и тем самым создавали неспокойную обстановку на границе.

По этому вопросу имела место нотная переписка между полпредством СССР и министерством иностранных дел Афганистана.— 675

³²¹ Совещание пяти держав (Великобритании, Германии, Италии, США и Франции), состоявшееся в Женеве 6—11 декабря 1932 г., приняло решение относительно требования Германии о «равенстве в вооружениях». Это требование, выдвинутое германской делегацией с самого начала работ Конференции по сокращению и ограничению вооружений, было включено в план пересмотра Версальского договора, составленный германским канцлером Брюнингом. В апреле 1932 г. в Женеве Брюнинг вел переговоры относительно этого плана с английским премьер-министром Макдональдом, государственным секретарем США Стимсоном и делегатом США Норманом Дэвисом, которые благосклонно отнеслись к принципу «равенства в вооружениях» между Германией и Францией. 22 июля 1932 г. германская делегация выступила в Генеральной комиссии с заявлением о неучастии в дальнейших работах конференции до решения вопроса о равенстве (см. «Сборники документов по международной политике...», вып. IV, М., 1933, стр. 96—97), а 23 июля голосовала против заключительной резолюции Генеральной комиссии (см. прил. к док. № 296). 26 июля 1932 г. германский военный министр Шлейхер в речи по радио, а на другой день канцлер Папен в интервью представителям прессы заявили о решимости Германии добиваться «равенства в вооружениях». Это требование было затем сформулировано в меморандуме германского правительства Франции от 29 августа 1932 г., но было отвергнуто последним в ответе от 11 сентября 1932 г. (см. «Сборники документов по международной политике...», вып. IV, стр. 102—109). Правительство Великобритании, выступившее с меморандумом от 15 сентября по вопросу о германском требовании, заняло позицию «примирения различных точек зрения». Считая «форсирование этого вопроса на данной стадии чрезвычайно нецелесообразным» и указывая, что положения Версальского договора относительно вооружений Германии все еще имеют силу обязательства и могут ее утратить «лишь по соглашению сторон», английское правительство в то же время заявляло, что целью Версальского договора было «сделать возможным общее ограничение вооружений всех государств», чем и занимается собравшаяся в Женеве конференция. Не отвергая в принципе германского требования, правительство Великобритании лишь высказало пожелание, чтобы «все подобные вопросы разрешались путем дружественных переговоров и согласованных мероприятий без нарушения договорных обязательств или увеличения общего количества вооруженных сил» (см. там же, стр. 109—111).

14 сентября 1932 г. Германия уведомила Гендерсона о своем отказе участвовать в заседаниях Бюро конференции впредь до решения «вопроса о равноправии» (см. там же, стр. 111—112), а 28 сентября германский делегат Нейрат вышел из Женевы.

Правительства США и Великобритании пошли навстречу германским требованиям, а Италия открыто выступила на стороне Германии. Под угрозой создания антифранцузского блока правительство Франции пошло на серьезные уступки. 11 ноября 1932 г. французская делегация на конференции представила новый «план организации мира», получивший название «план Эррио», который, не предусматривая равенства в численности вооруженных сил, признавал «уравнение военных статусов» (см. прим. 284). «Однако, — отметил в своих мемуарах Черчилль, — как в принципе, так и фактически признание равенства статусов делало неизбежным в конце концов

и признание равенства в численности» (W. S. Churchill, The Second World War, vol. 1, London, 1948, p. 58). Выступление на заседании Бюро конференции от 17 ноября 1932 г. делегата Великобритании Саймона, изложившего позицию своего правительства, исходило из признания и применения «принципа равенства» в отношении Германии (см. прим. 307).

Франция под давлением других империалистических государств, в частности Англии, на совещании пяти держав вынуждена была пойти на новые уступки. 11 декабря 1932 г. правительства Великобритании, Франции и Италии выступили с заявлением, что «одним из принципов, которым должна была бы руководствоваться Конференция по сокращению и ограничению вооружений, должно бы было явиться предоставление Германии так же, как и другим державам, разоруженным по договорам, «равенства прав в системе, дающей безопасность всем нациям...» (см. «Сборник документов по международной политике...», вып. V, стр. 138). После этого, 14 декабря 1932 г., Германия возвратилась на конференцию.

Таким образом, совещание пяти империалистических держав, несмотря на некоторые оговорки, признало право Германии на «равенство в вооружениях» и тем самым предоставило ей возможность вооружаться открыто. Это было использовано гитлеровской Германией для подготовки и развязывания второй мировой войны. — 679, 689

⁵²² Выступая 8 декабря 1932 г. на 14 пленарном заседании Чрезвычайной сессии Ассамблеи Лиги наций, посвященной японо-китайскому конфликту, Мацуока допустил враждебные СССР выпады.

Касаясь сложившегося на Дальнем Востоке положения, Мацуока пытался грубо извратить политику СССР в отношении Китая. Запутывая членов Лиги наций угрозой «распространения коммунизма», Мацуока призывал их поддержать политику Японии в Китае, направленную на «сдерживание коммунизма». — 682

⁵²³ Как сообщалось в телеграмме ТАСС из Берлина от 6 декабря 1932 г., Мацуока в интервью, данном им в Женеве корреспонденту немецкой газеты «Дортмундер генераль-анцейгер» русскому белогвардейцу Ларсену, изложил содержание своих бесед с руководителями НКВД СССР в Москве 4 ноября 1932 г. Мацуока подчеркнул, что во время этих бесед, которые носили частный характер, он высказал свою личную точку зрения на японо-советские отношения и маньчжурскую проблему. При этом Мацуока допустил клеветнические выпады против советской внешней политики. В частности, он заявил, что «главной целью японских военных действий в Маньчжурии является создание линии безопасности против Советской России», которая якобы представляет собой угрозу для Японии. В обоснование этого положения Мацуока приводил «параллели» с русско-японской войной 1904—1905 гг., извращая хорошо известные факты относительно агрессивной политики Японии. Второй пятилетний план и форсирование строительства в СССР тяжелой промышленности он также рассматривал как опасность для Японии, поскольку «тяжелая промышленность прежде всего предназначается для создания мощного вооружения».

Касаясь советского предложения о заключении с Японией пакта о ненападении, Мацуока в том же провокационном духе утверждал, что «Советская Россия должна была бы помочь Японии и Маньчжоу-Го в том, чтобы как можно скорее установить мир и порядок» (см. также прим. 281). — 682

⁵²⁴ Специальный комитет (Комитет 19-ти) в составе председателя Ассамблеи Лиги наций, членов Совета (кроме Японии и Китая, являвшихся участниками конфликта) и шести членов, избранных Ассамблеей, был создан на основе резолюции Ассамблеи, принятой 11 марта 1932 г., с целью продолжить от имени Ассамблеи «примирительную процедуру» в японо-китайском конфликте (см. «Сборники документов по международной политике...», вып. III, М., 1932, стр. 72—74). 9 декабря 1932 г. по решению Ассамблеи доклад комиссии Литтона (см. прим. 42) был передан Комитету 19-ти, которому было поручено изучить доклад и материалы его обсуждения,

«составить предложения, имеющие целью урегулирование спора», и «представить эти предложения в возможно краткий срок» (см. «Сборник документов по международной политике...», вып. V, М., 1933, стр. 181).

Комитет выработал проекты двух резолюций Ассамблеи и изложение мотивов, которые были сообщены 13 декабря 1932 г. Японии и Китаю в порядке продолжения «примирительной процедуры» (см. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 178—179). В связи с отрицательной позицией, занятой японским правительством, которое требовало признания «государства Маньчжоу-Го» и возражало против привлечения к разрешению конфликта государств — нечленов Лиги, переговоры комитета с правительствами Японии и Китая не дали результатов.

14 февраля 1933 г. Комитет 19-ти составил свой доклад, который 24 февраля был представлен Ассамблее Лиги наций (см. там же, стр. 189—212). Доклад, содержащий обзор японо-китайского конфликта с 18 сентября 1931 г. по 14 февраля 1933 г., подтвердил заключения комиссии Литтона и полностью воспроизвел содержащиеся в нем «принципы и условия» урегулирования. Предложения комитета также соответствовали основным рекомендациям доклада комиссии Литтона, однако были сформулированы в общей форме. Исходя из положения, что «суверенитет над Маньчжурией принадлежит Китаю», комитет рекомендовал проведение поэтапной эвакуации японских войск и установление в Маньчжурii «в разумный срок организации, подчиненной суверенитету Китая и совместимой с его административной целостностью. Эта организация должна включать широкую автономию, отвечать местным условиям и считаться с особыми правами и интересами, которыми обладает Япония, с правами и интересами третьих государств». Комитет также рекомендовал открыть переговоры между сторонами при содействии комитета, составленного Ассамблеей Лиги наций.

Что касается приглашения СССР в Комитет 19-ти, о чем говорится в комментируемом документе, то, очевидно, Мацуока имел в виду один из проектов привлечения представителей Советского Союза и США к участию в согласительном органе Лиги наций, призванном «содействовать урегулированию» японо-китайского конфликта (см. прим. 330). Предложение о привлечении представителей СССР и США в Комитет 19-ти было сделано, в частности, делегатом Великобритании Саймоном на заседании Ассамблеи 7 декабря 1932 г. (см. «Société des Nations. Journal Officiel. Supplément Spécial», № 111. Actes de la Session Extraordinaire de l'Assemblée. Vol. III, Genève, 1933, p. 51). — 683, 689

³²⁵ По-видимому, речь идет о заявлении зав. отделом печати МИД Японии Сиратори американскому корреспонденту. Как сообщал корреспондент ТАСС из Токио 13 декабря 1932 г., представитель МИД Японии утверждал, что Китай «совершил большую ошибку, восстановив дипломатические отношения с Советским Союзом», и что, «бросившись в объятия Советов, Китай, несомненно, в значительной степени лишится симпатий держав». Представитель японского МИД заявил также, что, «стремясь добиться признания со стороны САСШ, Литвинов одновременно косвенно угрожает Японии». «Япония относится крайне неблагоприятно к восстановлению тесного сближения между СССР и Китаем... Сегодня больше чем когда-либо Китаю следовало бы держаться вдали от Советского Союза». — 683

³²⁶ Упомянутый меморандум германским промышленникам, резюме которого изложено в публикуемом документе, в архивном экземпляре датирован 10 декабря 1932 г. По своему содержанию он аналогичен меморандуму, который полпредство СССР в Германии направило затем, 21 декабря 1932 г., рейхсканцлеру Германии Шлейхеру (см. док. № 489). (В меморандуме промышленникам, в частности, отсутствуют пункты «f» и «g»). — 684

³²⁷ Во время встречи с президентом Рейхсбанка Лютером 14 декабря 1932 г. Л. М. Хинчук и И. Я. Вейпер изложили пожелания советской стороны в области финансовых операций с Германией. В частности, они предложили Рейхсбанку установить глобальную сумму по операциям с заморо-

женными кредитами. Однако, несмотря на доводы советских представителей, Лютер отказался назвать такую сумму и в то же время рекомендовал советским представителям «продолжать совершать дела» (см. также док. № 493). — 685

³²⁸ Речь идет о конфликте между персидским правительством и «Англо-персидской нефтяной компанией», вызвавшем значительную напряженность в англо-персидских отношениях. Конфликт возник вследствие одностороннего решения правления указанной компании о снижении своих концессионных платежей персидскому правительству за 1931 г. более чем в 4 раза по сравнению с 1930 г.

В связи с этим решением министр финансов Персии Хасан Таги-заде 27 ноября 1932 г. направил представителю «АПНК» в Тегеране Джексону письмо, в котором извещал об аннулировании концессии, выданной компании, как не отвечающей интересам и правам персидской нации. В конце письма выражалась, однако, готовность предоставить компании новую концессию на началах справедливости и взаимной выгоды.

2 декабря 1932 г. английское правительство направило министру иностранных дел Персии Форути ноту, в которой говорилось, что оно «не потерпит никакого ущерба интересам «Англо-персидской компании» или вмешательства в предприятия и деловую активность компании в Персии».

С целью давления на Персию Англия послала в Персидский залив несколько военных кораблей, в том числе крейсер «Энтерпрайз». 8 декабря 1932 г. английское правительство направило Персии новую ноту, в которой заявило, что, если персидское правительство в семидневный срок не отменит своего решения об аннулировании концессии, дело будет передано в Международный суд в Гааге.

Советская общественность с глубокой симпатией следила за борьбой Персии в защиту своих законных прав, что нашло свое выражение в многочисленных материалах, опубликованных в советской печати, и в частности в номерах «Известий» от 6—19 декабря 1932 г. 28 декабря 1932 г. Пакреван от имени персидского правительства выразил Советскому правительству благодарность за поддержку в советской печати позиции Персии.

В результате последующих англо-персидских переговоров в апреле 1933 г. было подписано новое концессионное соглашение, которое ограничивало территорию концессии площадью 100 тыс. кв. миль и устанавливало новую систему платежей за разработку персидских недр. — 687

³²⁹ Осенью 1924 г. крупнейший феодал персидской провинции Хузистан, на территории которой располагалось значительное число промыслов и нефтеперегонных заводов «Англо-персидской нефтяной компании», шейх Хоремшахр Хазаль при поддержке англичан поднял сепаратистский мятеж против центрального правительства Персии под лозунгом создания «независимого Арабистана».

Несмотря на попытки англичан помешать вооруженному подавлению мятежа, шейх Хазаль был в декабре 1924 г. схвачен и заключен в тегеранскую тюрьму. — 687

³³⁰ Под «согласительной комиссией» имелся в виду новый орган для содействия урегулированию японо-китайского конфликта, который Лига наций планировала создать при участии представителей США и СССР. Об этих планах сообщал американский посланник в Швейцарии в письме государственному секретарю США от 25 ноября 1932 г., подчеркивая, что «создание более узкого комитета, состоящего, вероятно, из девяти держав плюс Россия, сняло бы ответственность с Лиги наций и возложило бы ее более определенно на членов более узкого комитета» (см. «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1932». Vol. IV, Washington, 1948, pp. 368—369, 385).

В докладе Комитета 19-ти (см. прим. 324), представленном Ассамблее Лиги наций 24 февраля 1933 г., предлагалось создать комитет для содействия переговорам из представителей 12 государств — членов Лиги (Бельгии,

Великобритании, Германии, Ирландии, Испании, Италии, Канады, Нидерландов, Португалии, Турции, Франции и Чехословакии), а также пригласить в этот комитет представителей США и СССР (см. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 211—212). Резолюцией Ассамблеи от того же числа был учрежден Консультативный комитет «из представителей членов Комитета девятнадцати и из представителей Канады и Нидерландов». Предусматривалось, что «комитет пригласит правительства Соединенных Штатов Америки и СССР сотрудничать с ним в его работах». На Консультативный комитет возлагалась обязанность «следить за положением, облегчать Ассамблее выполнение ею ее обязанностей и помогать членам Лиги согласовывать между собой, а также с государствами — членами Лиги их позицию и их образ действий» (см. там же, стр. 222).

Соответствующие приглашения о назначении представителей в Консультативный комитет были посланы генеральным секретарем Лиги изданий правительства США и СССР. Американское правительство, политике которого соответствовали решения Лиги о японо-китайском конфликте и цели создания комитета, ответило согласием (см. там же, стр. 225—226). Советское правительство отказалось от участия в Консультативном комитете (см. там же, стр. 223—225). — 688

³³¹ В тот же день, 19 декабря, после беседы с Нейратом М. М. Литвинов встретился с германским рейхсканцлером Шлейхером; в ходе беседы с ним были затронуты те же вопросы, что и в публикуемой беседе с Нейратом. Согласно телеграмме Литвинова в НКВД СССР от 20 декабря 1932 г., Шлейхер, в частности, заверял Литвинова в том, что «он в качестве канцлера является гарантом сохранения прежних советско-германских отношений, поскольку это зависит от Германии» (см. также прим. 188, 225). Далее он сказал, что «ратификация протокола о продлении Берлинского договора есть вещь сама собой разумеющаяся, и он не уверен в том, что ее нужно провести через рейхстаг, а не указом президента».

В свою очередь Литвинов, коснувшись экономических переговоров, подчеркнул, что они «не дали почти никаких результатов» и что «необходимо вмешательство Шлейхера как главы правительства». — 690

³³² Назначенная Нейратом встреча с Л. М. Хинчуком и торгпредом СССР в Германии И. Я. Вейцером, на которой присутствовал также заведующий IV отделом МИД Германии Мейер, состоялась 22 декабря 1932 г. Советские представители указали Нейрату на «неудовлетворительное положение переговоров» между СССР и Германией по всем поставленным советской стороной экономическим и финансовым вопросам. В своем ответе Нейрат заявил, что германская сторона не пойдет навстречу советским пожеланиям, касающимся советского экспорта леса, масла (см. прим. 333), а также кредитов. Советские представители далее отметили быстрый рост пассивного сальдо СССР в торговле с Германией и предложили пути балансирования советских платежей и выручки от экспорта (увеличение советского экспорта, финансовые операции, девизное регулирование).

В конце беседы Нейрат сказал, что «надо обсудить вопрос о балансировании в применении к 1933, 1934 и 1935 гг.» (см. также прим. 340). — 690

³³³ Распоряжение германского правительства о контингентировании ввоза масла в Германию, явившееся одним из проявлений усиления аграрного протекционизма, вступило в силу с 15 ноября 1932 г. Согласно этому распоряжению, контингенты распределялись между странами-экспортерами в пропорции средней цифры их экспорта масла в Германию за 1929—1931 гг. Как отмечалось в годовом отчете полпредства СССР в Германии, такое распоряжение «поставило нас в положение, при котором вместо ввоза советского масла почти в 15 тыс. тонн в 1932 г. мы получили контингент едва в 2,5 тыс. тонн; на борьбу за экспорт нашего масла мы потратили много сил, но не достигли существенных результатов». — 692

³³⁴ 23 декабря в беседе с заведующим Дальневосточным отделом НКВД СССР Б. Н. Козловским Ван Цзэн-сы сообщил о полученном им ответе из

Нанкина относительно средств на содержание интернированных, в котором китайское правительство просило «срочно установить и сообщить по телеграфу приблизительную сумму, необходимую для снабжения в СССР всех военных и гражданских лиц». — 694

³³⁵ Имеется в виду компенсационная сделка, заключенная торгпредством СССР в Германии с швейцарской фирмой «Кезеунион» 28 ноября 1932 г., согласно которой советская сторона приобретала партию сыра на сумму 150 тыс. шв. фр. взамен проданных этой фирме ковров и антрацита. — 696

³³⁶ Советско-швейцарское ведомственное торговое соглашение было заключено путем обмена письмами между Н. Я. Вейпером (письмо от 27 сентября 1933 г.) и Стукки (19 октября 1933 г.).

По этому соглашению процентное соотношение советских закупок в Швейцарии и продаж советских товаров устанавливалось как 1:1,4, а «з отдельных случаях, в виде исключения», как 1:1,5. Такое соотношение в торговле между обеими странами в основном сохранялось до начала второй мировой войны. — 696

³³⁷ Речь идет о поездке премьер-министра Канады Беннета в Лондон в декабре 1932 г. для переговоров с членами английского правительства по вопросу о торговле канадским лесом. — 696

³³⁸ В упоминаемом заключении перечисляются 3 источника, из которых возникают так называемые блокированные счета (шперконто): 1) текущие счета иностранцев в размере около 30 млн. марок, существовавшие до 15 июля 1931 г., т. е. до момента издания первого девизного закона; 2) выручка от прежней продажи германских ценных бумаг, находящихся либо за границей, либо на руках у иностранцев; 3) выручка от продажи германских ценных бумаг за границу, которая по германскому девизному законодательству должна была передаваться на шперконто.

На основании доводов, приведенных также в комментируемом документе, в заключении указывалось, что «формулировка, предлагаемая немцами, не вносит улучшений в существующее положение, а даже несколько его ухудшает, поскольку вводится обязательство разрешения на продажу новых ценных бумаг».

Во второй части заключения, посвященной вопросу о так называемых замороженных кредитах (штильхальте), в частности, указывалось, что в сложившейся обстановке (которая в общих чертах также изложена в комментируемом документе) «особое значение приобретает более твердая договоренность с немцами относительно предоставления штильхальтегelder (денежных сумм из замороженных кредитов. — *Ред.*) без специальной связанности нас месячными квотами с тем, чтобы мы имели возможность использовать более значительную часть предоставленной нам суммы в первом полугодии для известного облегчения маневрирования в этом полугодии». — 697

³³⁹ Имеется в виду так называемое «Германское кредитное соглашение 1932 г.», заключенное между комитетом, представлявшим германские банковские, торговые и промышленные фирмы, а также Рейхсбанком, Германским дисконтным банком и комитетами, представлявшими соответственно банковские фирмы США, Бельгии, Чехословакии, Дании, Англии, Франции, Голландии, Италии, Норвегии, Швеции, Швейцарии. Соглашение было заключено на срок с 29 февраля 1932 г. по 28 февраля 1933 г. и, по существу, являлось продолжением «Германского кредитного соглашения 1931 г.» о продлении предоставленных Германии иностранных краткосрочных кредитов, вступившего в силу 17 сентября 1931 г. Последнее было заключено в соответствии с рекомендациями Лондонской конференции семи стран от 23 июля 1931 г. о том, «чтобы совместное выступление было предпринято финансовыми учреждениями различных стран в целях сохранения кредита в том размере, в каком он до сего времени предоставлялся Германии» (см. «Сборники документов по международной политике...», вып. III, М., 1932, стр. 92).

Упоминаемый в комментируемом документе 4-й абзац § 10 соглашения гласил: «Все [кредитные] сделки такого рода подлежат согласию Рейхсбанка, который может отказать в таком согласии, если он сочтет, что данная сделка может нанести ущерб экономическим интересам Германии». — 697

³⁴⁶ В дополнительном письме Н. Н. Крестинскому от 23 декабря 1932 г. Л. М. Хинчук, касаясь состояния советско-германских экономических переговоров, сообщал, что «немцы явно тянут. Затяжка им полезна потому, что в то время как идут разговоры, мы продолжаем вносить платежи по нашим обязательствам». В письме отмечалось, что советская сторона вынуждена идти на сокращение заказов в Германии, которые «с января по сентябрь 1932 г. упали более чем на 50% по сравнению с прошлым годом». Касаясь вопроса о платежах, Хинчук, в частности, отмечал: «Н правительство и банкиры, естественно, хотят дотянуть до предельной для нас крайности, чтобы вытянуть у нас по возможности больше золота. Вы уже знаете из наших документов о том, что в 1932 г. мы фактически ввезли золота и дивиз на 300 млн. марок, в то время как весь золотой запас Рейхсбанка сейчас — 550 млн. марок». В письме также говорилось, что, «по мнению Шлезингера, дальнейшие переговоры сейчас нужно вести совершенно иначе. Нужно подсчитать наши платежи на 1933 г., нашу выручку от экспорта, выручку от финансовых операций и затем определить, какую сумму мы готовы покрыть золотом и какая сумма останется непокрытой». — 699

³⁴⁷ Заместитель министра корпораций Италии Асквини в беседе с торгпредом СССР в Италии М. А. Левенсоном 15 декабря выдвинул предложение о том, чтобы Советский Союз реализовал свой экспорт на итальянском рынке в пределах определенного лимита, которого он не назвал, и без каких-либо встречных обязательств со своей стороны. По предложению Асквини сверх такого лимита все продажи Советского Союза в Италии должны быть сбалансированы с его закупками. Член итальянской делегации на переговорах Анцилотти при встрече с Левенсоном 20 декабря заявил, что, соглашаясь в принципе с установлением сбалансированного товарооборота между СССР и Италией, итальянская делегация допускает известное отступление от такого равновесия. Конкретно Анцилотти предложил признать для СССР активное сальдо, выражающееся в соотношении 1,25 : 1.

Левенсон, отмечая неприемлемость для СССР предложения Анцилотти, также указывал на его отличие от формулы, предложенной Асквини 15 декабря.

После этих бесед Левенсон направил Асквини комментируемую памятную записку. — 700

³⁴⁸ Изложение коммюнике военного министерства Японии и сообщения агентства Симбун Рэнго было помещено в том же номере газеты «Известия» от 24 декабря 1932 г.

В коммюнике говорилось, что Су Бин-вэнь, находящийся в Томске, в ближайшем будущем выедет в Европу и что 300 солдат из состава его бывшей армии отправлены в Хабаровск.

В сообщении агентства Симбун Рэнго утверждалось, что якобы Чжан Сюэ-лян телеграммой предложил Су Бин-вэню, «который в настоящее время находится в Москве», ускорить возвращение в Китай, чтобы принять участие в операциях против японцев. По словам агентства, Су Бин-вэнь решил вернуться в Китай через Европу, а 3000 солдат из состава его войск будут отправлены в Тяньцзинь через Владивосток. — 701

³⁴⁹ 8 февраля 1933 г. Г. А. Астахов телеграфировал в НКВД СССР, что вернувшийся из Багдада иракский посланник в Анкаре сообщил ему, что во время отпуска беседовал с министром финансов («фактически. — писал Астахов, — несомненно с королем») об отношениях с СССР. Вопрос об установлении дипломатических отношений с Советским Союзом в этих беседах не затрагивался, но настойчиво ставился вопрос об усилении советских закупок в Ираке. — 702

³⁴⁴ Нота Советского правительства была вручена А. А. Трояновским министру иностранных дел Японии Утида 4 января 1933 г. Содержание советской и японской нот было изложено в сообщении ТАСС от 17 января 1933 г. (см. газ. «Известия» № 17(4948) от 17 января 1933 г.).— 705

³⁴⁵ 22 декабря 1932 г. Амо, изложив Л. М. Карахану сообщение японского правительства о том, что японская армия решила «очистить от банд» восточную часть КВЖД, заявил, что ему поручено просить согласия «использовать КВЖД на восточной линии для переброски японских войск до станции Пограничная».— 705

³⁴⁶ 26 декабря 1932 г. М. М. Литвинов принял посла Японии в СССР Ота в связи с предстоящим вручением им верительных грамот. В архиве записи беседы не обнаружено.— 795

³⁴⁷ После выполнения своих задач по организации оптовой торговли «Монгсовбунер» был ликвидирован в 1934 г.— 709

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ *

- Борьба Советского Союза за претворение в жизнь принципов мирного сосуществования и сотрудничества* — 1, 7, 17, 21, 26, 27, 30, 31, 32, 33, 35, 37, 41, 67, 69, 75, 79, 82, 90, 129, 140, 158, 163, 168, 172, 175, 179, 192, 201, 210, 227, 235, 267, 273, 277, 284, 294, 296, 297, 300, 301, 302, 305, 316, 360, 385, 387, 390, 391, 406, 409, 410, 412, 416, 419, 423, 424, 446, 454, 456, 457, 458, 460, 468, 470, 479, 480, 481, 495, 502
- борьба за мир, против опасности войны — 11, 12, 17, 18, 21, 22, 32, 35, 41, 44, 63, 67, 69, 71, 74, 82, 83, 89, 90, 99, 100, 107, 113, 116, 127, 135, 145, 147, 158, 168, 173, 180, 187, 192, 194, 201, 210, 222, 246, 258, 273, 277, 284, 293, 294, 295, 296, 300, 301, 302, 305, 312, 328, 385, 390, 391, 406, 409, 410, 412, 416, 419, 423, 442, 446, 454, 456, 457, 458, 460, 468, 479, 481, 495, 498
- выполнение договоров и соглашений — 17, 21, 23, 29, 30, 32, 33, 40, 67, 75, 89, 97, 100, 110, 113, 124, 129, 135, 146, 168, 179, 190, 192, 201, 222, 238, 250, 274, 280, 290, 295, 297, 300, 313, 319, 320, 371, 415, 446
- невмешательство во внутренние дела других государств — 50, 54, 56, 58, 61, 75, 107, 113, 127, 170, 222, 295, 472, 475, 478, 498
- переговоры по вопросам нормализации и развития отношений с Австрией — 437
- » Афганистаном — 15, 148, 291, 327, 360, 374, 375, 399, 433, 436, 476
- » Болгарией — 7, 143, 333
- » Великобританией — 88, 129, 228, 299, 310, 349, 350, 414, 415, 425, 430, 432, 434, 440, 441, 471, 474, 486
- » Геджасом — 79, 139, 163, 237, 253
- » Германией — 104, 114, 159, 161, 168, 193, 202, 247, 263, 265, 287, 325, 331, 337, 341, 346, 358, 372, 431, 444, 448, 466, 467, 469, 484, 487, 489, 493
- » Грецией — 69, 92, 240, 276, 461
- » Данией — 153
- » Ираком — 497
- » Испанией — 16, 25, 182, 283
- » Италией — 65, 128, 309, 341, 445, 464, 473, 494, 504
- » Йеменом — 344
- » Китаем — 114, 127, 267, 269, 270, 271, 277, 321, 340, 371, 394, 395, 396, 402, 417, 424, 439, 442, 453, 454, 465, 472, 475, 477, 478, 480, 481, 483, 486, 490, 495
- » Латвией — 67, 376, 408
- » Литвой — 73, 74, 103, 217, 233, 382, 393
- » Монгольской Народной Республикой — 48, 455, 499, 503

* Цифры указывают номера документов.

- с Норвегией — 245, 249, 257, 293, 295, 370, 447, 451, 488
- » Персией — 21, 33, 43, 85, 292, 485
- » Польшей — 17, 27, 154, 183, 273, 275, 284, 285, 289, 307, 341, 345, 355, 356, 361, 363, 364, 368, 373, 392, 400, 407, 423, 435, 446
- » Румынией — см. Переговоры по заключению пактов о ненападении и нейтралитете... с Румынией
- » Соединенными Штатами Америки — 53, 55, 63, 103, 112, 137, 176, 185, 243, 281, 303, 388, 468, 486
- » Турцией — 33, 43, 71, 115, 149, 166, 192, 205, 210, 223, 239, 278, 279, 311, 312, 322, 323, 398, 403, 450, 462, 498
- » Уругваем — 280
- » Финляндией — 179, 222, 413, 421, 463
- » Францией — 40, 52, 144, 211, 244, 289, 298, 301, 302, 306, 308, 329, 330, 335, 343, 345, 348, 350, 351, 355, 356, 362, 363, 383, 384, 404, 409, 410, 420, 426, 427, 428, 431, 449, 456, 457, 458, 459, 460, 473, 486, 496
- » Чехословакией — 18, 24, 150, 290, 366, 377
- » Швейцарией — 491
- » Швецией — 99, 405, 432, 452, 470
- » Японией — 12, 13, 22, 29, 42, 44, 89, 91, 97, 100, 113, 117, 124, 126, 147, 184, 246, 270, 272, 282, 286, 297, 305, 313, 316, 318, 319, 328, 338, 342, 352, 353, 354, 369, 378, 379, 380, 390, 394, 395, 396, 397, 401, 402, 412, 417, 418, 419, 424, 439, 442, 453, 465, 477, 478, 482, 483, 498, 500, 501, 502
- переговоры по заключению пактов о ненападении и нейтралитете
 - с Китаем — 267, 269, 271, 277, 502
 - » Латвией — 11, 14, 26, 33, 41, 67, 222, 361
 - » Польшей — 11, 17, 26, 27, 33, 37, 40, 41, 52, 57, 60, 69, 72, 83, 95, 111, 183, 208, 227, 259, 266, 268, 273, 284, 285, 289, 298, 300, 301, 308, 312, 330, 339, 355, 356, 357, 365, 389, 393, 406, 423, 435, 446, 460, 466, 502
 - » Румынией — 1, 3, 4, 5, 10, 11, 14, 26, 27, 28, 30, 31, 33, 37, 38, 40, 41, 52, 57, 69, 72, 83, 95, 111, 116, 144, 174, 183, 202, 208, 226, 227, 259, 266, 268, 273, 284, 285, 289, 298, 301, 302, 306, 308, 314, 329, 330, 334, 335, 339, 343, 345, 355, 356, 357, 361, 362, 363, 364, 365, 368, 372, 373, 381, 383, 384, 386, 389, 391, 393, 403, 404, 406, 407, 409, 410, 420, 423, 427, 428, 435
 - » Финляндией — 11, 26, 27, 30, 32, 33, 37, 38, 41, 69, 72, 183, 222, 330
 - » Францией — 26, 27, 37, 40, 52, 57, 60, 83, 95, 111, 144, 174, 183, 208, 244, 284, 289, 298, 301, 306, 308, 314, 329, 330, 334, 335, 343, 345, 348, 355, 356, 357, 362, 363, 383, 389, 393, 409, 410, 420, 427, 428, 431, 449, 456, 457, 458, 460, 462, 464, 466, 473, 496, 502
 - » Эстонией — 11, 26, 33, 41, 72, 201, 222
 - » Японией — 13, 22, 44, 69, 78, 102, 113, 117, 126, 248, 369, 396, 412, 424, 482, 483, 498, 501, 502
- проект пакта об экономическом ненападении — 9, 39, 385
- укрепление равноправных дружественных отношений со странами Азии, Африки и Латинской Америки
 - с Афганистаном — 15, 148, 256, 291, 327, 360, 433
 - » Геджасом — 79, 139, 163, 237, 253
 - » Египтом — прил.
 - » Йеменом — 344
 - » Китаем — 89, 267, 269, 271, 277, 324, 480, 481, 490
 - » Монгольской Народной Республикой — 48, 155, 220, 231, 315, 367, 455
 - » Персией — 21, 43, 71, 115, 123, 190, 256, 292, 485
 - » Турцией — 1, 43, 71, 115, 166, 192, 205, 210, 223, 239, 240, 278, 279, 311, 312, 323, 403
 - » Уругваем — 280

Борьба Советского Союза за разоружение — 35, 36, 75, 82, 90, 158, 168, 172,

173, 175, 181, 187, 258, 284, 293, 294, 296, 298, 300, 301, 302, 305, 416, 436, 460

Взаимные финансово-имущественные претензии

СССР — Великобритания — 129, 195, 221, 228, 299, 310, 349

СССР — Франция — 298, 431, 449

СССР — другие страны — 69, 92, 188, 222, 371

Враждебные действия иностранных государств против Советского Союза и борьба Советского правительства против этих действий — 6, 12, 18, 44, 75, 104, 113, 121, 126, 134, 140, 145, 193, 224, 235, 263, 272, 274, 293, 295, 305, 306, 316, 317, 318, 320, 321, 325, 328, 337, 338, 340, 346, 352, 353, 370, 401, 409, 414, 432, 447, 451, 453, 464, 465, 471, 476

— антисоветская деятельность китайских и японских милитаристов и ее поддержка империалистическими государствами — 6, 12, 13, 19, 22, 47, 69, 71, 75, 80, 99, 101, 104, 112, 113, 117, 145, 160, 191, 196, 222, 243, 270, 274, 282, 321, 401, 453, 498

— антисоветские провокации, измышления и фальшивки — 22, 29, 35, 36, 42, 78, 114, 118, 121, 122, 133, 145, 152, 160, 164, 169, 170, 171, 194, 211, 213, 214, 216, 218, 222, 230, 272, 285, 293, 295, 317, 320, 325, 338, 340, 347, 354, 370, 396, 397, 401, 405, 409, 414, 419, 432, 447, 451, 453, 465, 471, 495, 502

— деятельность белогвардейских эмигрантских организаций и поддержка этой деятельности иностранными государствами — 6, 13, 19, 22, 42, 47, 75, 97, 100, 124, 135, 141, 160, 169, 183, 194, 211, 214, 218, 222, 235, 240, 242, 255, 298, 306, 478, 482

— ограничительные мероприятия против экспорта советских товаров — 8, 23, 203, 219, 270, 274, 282, 286, 293, 346, 385, 388, 392, 411, 414, 415, 425

— провокации и нападения на сотрудников советских консульств, представителей и советских граждан за границей — 66, 70, 151, 152, 184, 194, 229, 255, 321, 401

— создание агрессивных блоков и попытки сколачивания антисоветского фронта капиталистических держав — 75, 80, 122, 134, 183, 195, 287, 316, 318, 325, 328, 362, 409, 431, 464

Выставки

— Выборгская сельскохозяйственная (1932 г.) — 222

— Миланская международная (1932 г.) — 20

Гаагский трибунал — 485

Германское общество по изучению планового советского хозяйства — 332

Договоры, соглашения, конвенции, протоколы (тексты)

— двусторонние

с Афганистаном — 360

» Германией — 198, 200, 234, 250

» Италией — 309

» Китаем — 480

» Латвией — 67

» Монгольской Народной Республикой — 503

» Польшей — 300, 307, 446

» Турцией — 167

» Финляндией — 32, 179, 463

» Францией — 456, 457

» Эстонией — 201

» Японией — 319

Китайско-Восточная железная дорога — 6, 13, 22, 49, 50, 51, 54, 56, 58, 61, 66, 69, 70, 81, 86, 87, 89, 91, 97, 100, 113, 135, 151, 152, 160, 184, 194, 229, 248, 270, 274, 282, 286, 310, 328, 352, 369, 371, 394, 395, 396, 397, 401, 465, 481, 502

Комиссии (смешанные)

Европейская дунайская — 157

Конференции

- III Балтийская гидрологическая (Варшава, 1930 г.) — 326
- IV Балтийская гидрологическая (о созыве) — 326
- Венская по вопросам лесного хозяйства — 203
- Генуэзская (1922 г.) — 75, 168, 247, 420
- Женевская по вопросам лесного хозяйства — 203
- Женевская по сокращению вооружений
см. *Конференция по сокращению и ограничению вооружений*
- Ленинградская ассоциация для изучения четвертичного периода Европы (1932 г.) — 288
- Лозаннская о репарациях (1932 г.) — 227, 232, 244, 247, 260, 268, 284, 287, 298, 303, 325, 341, 429
- Международная нефтяная (1932 г.) — 262
- Международная по вопросам железнодорожного сообщения (Неаполь, 1932 г.) — 422
- Международная по вопросам лесного хозяйства — 203
- Международная телеграфная и радиотелеграфная (Мадрид, 1932 г.) — 283
- Мировая экономическая в Лондоне (о созыве) — 350, 387, 429
- Оттавская имперская по экономическим вопросам (1932 г.) — 195, 215, 252, 337, 348, 411, 415, 441, 451, 471
- Первый международный конгресс по электричеству (Париж, 1932 г.) — 189
- Советско-китайская в Москве по урегулированию спорных вопросов (1930—1932 гг.) — 127
- Стокгольмская для согласования работы радиомаяков в Балтийском море, Каттегате, Скагерраке — 99
- Стокгольмская экспортеров леса (1932 г.) — 39
- Стрезская по хозяйственному восстановлению стран Центральной и Восточной Европы (1932 г.) — 341, 358, 366, 385

Конференция по сокращению и ограничению вооружений — 35, 36, 59, 64, 71, 75, 76, 82, 90, 99, 111, 153, 158, 168, 172, 173, 175, 177, 181, 186, 187, 258, 260, 294, 296, 298, 348, 362, 372, 416, 424, 431, 435, 436, 460, 464, 467, 479, 480, 487

- Генеральная комиссия — 158, 172, 175, 181, 187, 258, 260, 294, 296, 479
- Бюро — 258, 296, 335, 362, 364, 368, 404, 424, 460
- технические комиссии — 258, 260, 294

Концессии — 102, 221, 228, 299, 310, 313, 349, 411

Кредиты Советскому Союзу (соглашения, обсуждение) — 13, 16, 23, 34, 52, 68, 88, 96, 105, 109, 110, 129, 157, 195, 207, 208, 212, 215, 221, 228, 250, 262, 263, 299, 308, 366, 388, 405, 413, 426, 431, 441, 443, 445, 448, 449, 452, 459, 464, 468, 469, 484, 487, 489, 493, 494, 504

Культурные и научные связи с зарубежными странами — 115, 123, 189, 210, 239, 245, 246, 276, 288, 311, 315, 326, 332, 334, 348, 361, 367, 377, 379, 388, 403

Лига наций — 71, 73, 75, 94, 107, 108, 110, 134, 160, 171, 172, 175, 178, 180, 186, 203, 214, 259, 278, 294, 296, 312, 330, 335, 350, 412, 429, 460, 464, 482, 486, 487, 498

- Комиссия Литтона — 180, 196, 229, 286, 424
- Комиссия по изучению вопроса о Европейском союзе — 385
- Подготовительная комиссия конференции по разоружению — 35, 75, 76, 82, 90, 158, 172, 175, 268, 294

Международно-правовой статус торгпредств и консульств — 7, 120, 130, 150, 190, 208, 250, 251, 257, 290, 317, 320, 325, 337, 366, 447, 449

Международные договоры (ссылки)

- Вашингтонский о соотношении морских сил (1922 г.) — 94
- Версальский (1919 г.) — 208, 259, 260, 350

- Женевский протокол о химической и бактериологической войне (1925 г.) — 294
- Парижский об отказе от войны (1928 г.) — 67, 201, 296, 300, 361, 369, 406, 410, 420, 424, 428, 456, 460, 462
- Парижский о Шпидбергене (1920 г.) — 245, 249
- Международные конфликты и позиция СССР*
- германо-литовский (мемельский вопрос) — 73, 74, 103, 107, 217, 233, 382
- турецко-персидский — 1, 43, 71
- японо-китайский — см. *Оккупация Японией Северо-Восточного Китая и позиция СССР*
- Мирное сосуществование и сотрудничество* — см. *Борьба Советского Союза за претворение в жизнь принципов мирного сосуществования и сотрудничества*
- Монополия внешней торговли* — 290, 299, 415, 504
- Незаконная оккупация Бессарабии Румынией* — 1, 4, 5, 10, 11, 14, 26, 28, 30, 31, 33, 40, 41, 52, 111, 116, 174, 227, 273, 285, 289, 301, 302, 306, 314, 335, 355, 363, 406
- Обмен телеграммами, посланиями по случаю национальных праздников и знаменательных событий* — 21, 192, 237, 327, 388, 433
- Оккупация Японией Северо-Восточного Китая и позиция СССР* — 6, 13, 19, 42, 49, 50, 51, 53, 54, 55, 56, 58, 59, 61, 66, 70, 71, 75, 86, 89, 90, 91, 97, 98, 99, 100, 113, 124, 127, 135, 136, 137, 145, 170, 180, 196, 222, 224, 248, 272, 286, 305, 318, 342, 369, 390, 395, 396, 397, 402, 412, 417, 418, 419, 439, 442, 453, 454, 465, 472, 475, 477, 478, 498, 499, 502
- Переговоры о Дунайской федерации и позиция СССР* — 128, 134, 138, 150, 153, 155, 157, 161, 165, 178, 185, 202, 206, 208, 214, 232, 259
- Помощь СССР иностранным государствам*
- Афганистану — 241, 256, 291
- Пемелу — 344
- Монгольской Народной Республике — 48, 155, 220, 231, 367, 455
- Персии — 21, 77, 115, 292
- Турции — 115, 205, 210, 223, 239, 240, 279, 312, 323, 403, 438
- Постановления и другие документы высших органов Коммунистической партии и Советского государства по внешнеполитическим вопросам* — 254
- Правовое положение граждан*
- советских за границей — 307, 317, 321, 401
- иностранных в СССР — 92, 307
- визовой режим — 191, 255, 334, 348, 351, 453
- Развитие народного хозяйства СССР* — 21, 44, 75, 90, 131, 192, 239, 318, 332, 379, 385, 388, 468
- Разоружение* — см. *Борьба Советского Союза за разоружение*
- Режим воздушного пространства СССР* — 400
- Режим государственной границы СССР* — 15, 64, 71, 140, 154, 183, 235, 340, 360, 374, 398, 399, 476
- пограничные конфликты — 43, 85, 140, 235, 238, 322, 360, 398, 400, 476
- пограничные смешанные комиссии — 43, 238, 322, 360, 374, 399, 476
- Режим советских территориальных вод* — 46, 62, 84, 140, 257, 297, 500
- Режим судоходства и навигации* — 219, 238, 297, 353
- Связи с зарубежными общественными организациями и деятелями* — 53, 63, 126, 236, 246, 281, 303, 304, 318, 333, 379, 388, 447, 468, 470
- Собственность советская за границей* — 222, 245, 249, 371, 447
- Советские заявления в связи с японской оккупацией Маньчжурии* — 22, 54, 75, 78, 97, 100, 124, 135, 164, 169, 191, 216
- Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР* — 324
- Торговые и экономические связи Советского Союза* — 39, 134, 254, 296, 297, 303, 304, 385, прил.
- с Австралией — прил.

- с Австрией — 34, 45, 212, 236, 437, прил.
- » Алжиром, — прил.
- » Аргентиной — прил.
- » Афганистаном — 261, 264, 375, прил.
- » Бельгией — 219, прил.
- » Болгарией — 7, 232, 333, прил.
- » Бразилией — прил.
- » Великобританией — 39, 68, 88, 96, 110, 114, 195, 207, 215, 221, 228, 262, 299, 310, 349, 388, 411, 414, 415, 425, 430, 434, 440, 441, 451, 471, 474, 492, прил.
- » Венгрией — прил.
- » Большим Городом Данцигом (Гданьском) — прил.
- » Геджагом — 79, 237, 253, прил.
- » Германией — 2, 64, 65, 106, 133, 138, 178, 198, 199, 200, 234, 247, 250, 263, 265, 287, 337, 346, 358, 372, 388, 431, 443, 448, 469, 484, 487, 489, 493, прил.
- » Гибралтаром — прил.
- » Грецией — 69, 92, 142, 188, 240, 336, 461, прил.
- » Данией — 153, 252, прил.
- » Египтом — прил.
- » Индией — прил.
- » Индокитаем — прил.
- » Ираком — 497, прил.
- » Ирландией — прил.
- » Исландией — 204, прил.
- » Испанией — 16, 25, 182, прил.
- » Италией — 20, 23, 65, 109, 128, 131, 132, 156, 157, 186, 197, 309, 445, 464, 494, 504, прил.
- » Йеменом — 344, прил.
- » Китаем — 371, прил.
- » Конго — прил.
- » Кореей — прил.
- » Кубой — прил.
- » Латвией — 376, 408, прил.
- » Лизаном — 364, прил.
- » Литвой — 125, 217, прил.
- » Мадагаскаром — прил.
- » Мальтой — прил.
- » Марокко — прил.
- » Мексикой — прил.
- » Монгольской Народной Республикой — 220, 231, 455, 503, прил.
- » Нидерландами — прил.
- » Новой Зеландией — прил.
- » Норвегией — 98, 119, 245, 249, 251, 257, 293, 447, 451, 488, прил.
- » Палестиной — прил.
- » Парагваем — прил.
- » Персией — 21, 162, 190, прил.
- » Польшей — 208, 227, 238, 275, 392, 423, 435, прил.
- » Португалией — прил.
- » Румынией — прил.
- » Сиамом (Таиландом) — прил.
- » Сирией — 304, прил.
- » Соединенными Штатами Америки — 303, 388, 468, прил.
- » Суданом — прил.
- » Суматрой — прил.
- » Тувинской Народной Республикой — прил.
- » Тунисом — прил.

- с Турцией — 1, 43, 166, 167, 192, 205, 210, 239, 279, 311, 312, 323, 403, 438, 450, прил.
- » Уругваем — прил.
 - » Филиппинами — прил.
 - » Финляндией — 39, 105, 222, 413, 421, 463, прил.
 - » Францией — 40, 52, 83, 111, 244, 298, 801, 306, 308, 380, 334, 348, 359, 426, 431, 449, 459, 460, прил.
 - » Цейлоном — прил.
 - » Чехословакией — 8, 120, 130, 150, 290, 366, прил.
 - » Чили — прил.
 - » Швейцарией — 491, прил.
 - » Швецией — 39, 405, 432, 452, 470, прил.
 - » Эквадором — прил.
 - » Эстонией — прил.
 - » Югославией — прил.
 - » Южно-Африканским Союзом — прил.
 - » Явой — прил.
 - » Ямайкой — прил.
 - » Японией — 13, 29, 42, 44, 46, 62, 84, 98, 102, 113, 117, 126, 146, 218, 225, 246, 248, 270, 274, 282, 286, 297, 305, 313, 319, 328, 338, 352, 353, 354, 378, 500, прил.

Торговые палаты — 309

- Американо-Русская — 303, 388
- Всесоюзная — 309, 388
- Всесоюзная Восточная — 309
- Всесоюзная Западная — 309

**УКАЗАТЕЛЬ ДОКУМЕНТОВ,
КАСАЮЩИХСЯ ВЗАИМООТНОШЕНИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ ***

- Австралия* — прил.
Австрия — 34, 45, 134, 203, 212, 236, 288, 437, прил.
Алжир — прил.
Аргентина — прил.
Афганистан — 15, 148, 241, 256, 261, 264, 291, 327, 360, 374, 375, 399, 433, 436, 476, прил.
Бельгия — 219, прил.
Болгария — 7, 143, 232, 333, прил.
Бразилия — прил.
Великобритания — 68, 88, 96, 107, 110, 114, 129, 195, 207, 215, 219, 221, 228, 262, 288, 299, 803, 310, 349, 350, 385, 388, 411, 414, 415, 425, 430, 432, 434, 440, 441, 451, 459, 471, 474, 486, 492, прил.
Венгрия — прил.
Вольный Город Данциг (Гданьск) — 230, прил.
Геджас — 79, 139, 163, 237, 252, прил.
Германия — 2, 64, 94, 104, 106, 107, 114, 118, 122, 133, 138, 159, 161, 168, 172, 178, 193, 198, 199, 200, 202, 217, 219, 229, 233, 234, 247, 250, 260, 263, 265, 272, 287, 288, 299, 303, 317, 320, 325, 331, 332, 337, 339, 341, 346, 358, 362, 372, 382, 385, 393, 431, 443, 444, 448, 464, 466, 467, 469, 479, 484, 487, 489, 493, прил.
Гибралтар — прил.
Голландия — см. *Нидерланды*
Греция — 69, 92, 142, 188, 223, 240, 276, 336, 461, прил.
Дания — 9, 153, 252, 288, прил.
Египет — прил.
Индия — прил.
Индокитай — прил.
Ирак — 497, прил.
Ирландия — прил.
Исландия — 204, прил.
Испания — 16, 25, 172, 182, 283, прил.
Италия — 20, 23, 65, 94, 109, 128, 131, 132, 156, 157, 177, 186, 197, 219, 229, 259, 288, 803, 309, 341, 387, 445, 459, 464, 473, 494, 504, прил.
Ямен — 344, прил.
Канада — прил.
Китай — 13, 50, 58, 61, 66, 81, 87, 89, 114, 127, 136, 145, 151, 160, 184, 170, 171, 172, 177, 180, 191, 194, 242, 255, 267, 269, 270, 271, 277, 282, 321, 324, 340, 371, 394, 395, 396, 402, 417, 419, 424, 439, 442, 453, 454, 472, 475, 477, 478, 480, 481, 482, 483, 486, 490, 495, прил.

* Цифры указывают номера документов.

Конго — прил.
 Корея — прил.
 Куба — прил.
 Латвия — 3, 11, 26, 33, 41, 52, 67, 222, 376, 408, прил.
 Лиан — прил.
 Литва — 73, 74, 103, 107, 125, 217, 233, 382, 393, прил.
 Мадагаскар — прил.
 Мальта — прил.
 Марокко — прил.
 Мексика — прил.
 Монгольская Народная Республика — 48, 155, 220, 224, 231, 315, 367, 455, 499, 503, прил.
 Нидерланды — 332, прил.
 Новая Зеландия — прил.
 Норвегия — 93, 119, 140, 203, 245, 249, 251, 257, 293, 295, 303, 370, 447, 451, 488, прил.
 Палестина — прил.
 Парагвай — прил.
 Персия — 1, 21, 33, 43, 71, 77, 85, 115, 123, 162, 172, 190, 235, 256, 292, 485, прил.
 Польша — 3, 11, 17, 26, 27, 30, 33, 35, 37, 40, 41, 52, 57, 60, 72, 83, 95, 116, 121, 122, 154, 156, 173, 183, 202, 208, 214, 226, 227, 238, 259, 260, 266, 268, 273, 275, 284, 285, 288, 289, 298, 300, 301, 302, 307, 308, 314, 326, 339, 341, 345, 355, 356, 357, 361, 363, 364, 355, 368, 373, 381, 383, 364, 385, 389, 392, 393, 400, 407, 410, 423, 435, 446, 460, 466, 479, прил.
 Португалия — прил.
 Румыния — 1, 3, 4, 5, 10, 11, 14, 26, 27, 28, 30, 31, 33, 36, 37, 38, 40, 41, 52, 57, 83, 95, 116, 144, 173, 174, 183, 202, 203, 226, 227, 259, 266, 268, 273, 284, 285, 289, 298, 301, 302, 306, 308, 314, 329, 330, 334, 335, 339, 343, 345, 348, 355, 356, 357, 361, 362, 363, 364, 365, 368, 373, 381, 383, 384, 386, 389, 391, 393, 394, 404, 406, 407, 409, 410, 420, 423, 427, 428, 431, 435, прил.
 Сиам (Таиланд) — прил.
 Сирия — 304, прил.
 Соединенные Штаты Америки — 7, 53, 55, 63, 108, 112, 137, 176, 177, 185, 243, 258, 281, 303, 388, 468, 486, прил.
 Судан — прил.
 Суматра — прил.
 Тувинская Народная Республика — прил.
 Тунис — прил.
 Турция — 1, 33, 43, 69, 71, 101, 115, 137, 149, 158, 166, 167, 192, 202, 205, 206, 210, 223, 239, 240, 278, 279, 311, 312, 322, 323, 350, 357, 398, 403, 438, 450, 462, 498, прил.
 Уругвай — 280, прил.
 Филиппины — прил.
 Финляндия — 11, 26, 27, 32, 37, 38, 39, 41, 72, 105, 179, 183, 203, 222, 288, 413, 421, 463, прил.
 Франция — 26, 27, 28, 35, 36, 37, 40, 52, 57, 60, 75, 80, 83, 90, 95, 111, 144, 173, 174, 183, 189, 203, 209, 211, 213, 219, 230, 244, 259, 284, 288, 289, 298, 301, 302, 303, 304, 306, 308, 314, 329, 330, 334, 335, 343, 345, 348, 350, 351, 355, 356, 357, 359, 362, 363, 365, 383, 384, 386, 389, 393, 404, 407, 409, 410, 420, 426, 427, 428, 431, 449, 450, 456, 457, 458, 459, 460, 462, 464, 466, 473, 486, 496, прил.
 Цейлон — прил.
 Чехословакия — 7, 8, 18, 24, 120, 130, 150, 185, 173, 288, 290, 294, 366, 377, 473, прил.
 Чили — прил.
 Швейцария — 332, 491, прил.

Швеция — 39, 99, 203, 283, 288, 303, 385, 405, 411, 432, 452, 470, прил.

Эквадор — прил.

Эстония — 11, 26, 33, 41, 52, 72, 201, 222, 288, прил.

Югославия — 203, прил.

Южно-Африканский Союз — прил.

Ява — прил.

Ямайка — прил.

Япония — 6, 12, 13, 19, 22, 29, 42, 44, 46, 47, 49, 50, 51, 54, 55, 56, 58, 59, 61, 62, 66, 70, 78, 81, 84, 86, 87, 89, 91, 97, 98, 100, 102, 113, 117, 124, 126, 127, 135, 145, 146, 147, 151, 152, 160, 164, 169, 172, 184, 191, 196, 214, 216, 218, 222, 224, 225, 243, 246, 248, 270, 272, 274, 282, 286, 297, 305, 313, 316, 318, 319, 328, 338, 342, 347, 352, 353, 354, 369, 378, 379, 380, 390, 394, 395, 396, 397, 401, 402, 412, 417, 418, 419, 424, 431, 439, 442, 453, 454, 465, 472, 475, 477, 478, 482, 463, 495, 498, 500, 501, 502, прил.

**ПЕРЕЧЕНЬ ИНОСТРАННЫХ ДОКУМЕНТОВ,
ПОЛНОСТЬЮ ИЛИ ЧАСТИЧНО ВКЛЮЧЕННЫХ В XV ТОМ ***

Речь министра двора Персии Теймурташа на приеме в его честь в Москве	<i>14 января</i>	29
Заявление посла Японии в СССР Хирота заместителю народного комиссара иностранных дел СССР	<i>27 февраля</i>	146
Памятная записка министерства иностранных дел Италии полномочному представительству СССР в Италии	<i>31 марта</i>	191
Нота посольства Франции в СССР Народному комиссариату иностранных дел СССР	<i>7 апреля</i>	280
Нота министра иностранных дел Великобритании Саймона полномочному представителю СССР в Великобритании	<i>8 апреля</i>	188
Нота заместителя министра иностранных дел Турции Нумана Рифат-бея полномочному представителю СССР в Турции	<i>17 апреля</i>	245
Нота управляющего японским генеральным консульством в Харбине генеральному консулу СССР в Харбине	<i>20 апреля</i>	224
Письмо генерального секретаря Лиги наций Друммонда народному комиссару иностранных дел СССР	<i>20 апреля</i>	270
Речь председателя совета министров Турции Исмет-паши на обеде в честь возглавляемой им турецкой делегации	<i>28 апреля</i>	286
Письмо короля Геджаса, Неджда и присоединенных областей Ибн Сауда председателю Центрального Исполнительного Комитета СССР	<i>14 мая</i>	240
Речь главы правительственной делегации Геджаса, Неджда и присоединенных областей эмира Фейсала на завтраке в его честь в Москве	<i>29 мая</i>	342
Нота посольства Японии в СССР Народному комиссариату иностранных дел СССР	<i>5 июня</i>	432
Нота посланника Швеции в СССР Юлленшерна заместителю народного комиссара иностранных дел СССР	<i>15 июня</i>	404

* В перечне документы расположены в хронологическом порядке.

Письмо представителя Китайской Республики в Совете Лиги Наций Янь Хой-цина народному комиссару иностранных дел СССР	29 июня	401
Письмо министра иностранных дел Норвегии Бродланда полномочному представителю СССР в Норвегии	21 июля	426
Письмо председателя совета министров Франции Эррио полномочному представителю СССР во Франции	29 июля	442
Нота посольства Японии в СССР Народному комиссариату иностранных дел СССР	13 августа	470
Нота посольства Японии в СССР Народному комиссариату иностранных дел СССР	13 августа	470
Нота министерства иностранных дел Германии полномочному представительству СССР в Германии	20 августа	472
Нота посольства Афганистана в СССР Народному комиссариату иностранных дел СССР	24 августа	478
Нота министра иностранных дел Афганистана Файз Мухаммед-хана полномочному представителю СССР в Афганистане	29 августа	413
Нота посольства Японии в СССР Народному комиссариату иностранных дел СССР	8 сентября	512
Нота министра иностранных дел Афганистана Файз Мухаммед-хана полномочному представителю СССР в Афганистане	13 сентября	523
Нота посольства Италии в СССР Народному комиссариату иностранных дел СССР	20 сентября	453
Нота посольства Японии в СССР Народному комиссариату иностранных дел СССР	20 сентября	704
Речь председателя Русско-Американской торговой палаты Купера на приеме в его честь во Всесоюзной торговой палате в Москве	2 октября	553
Нота министерства иностранных дел Турции полномочному представительству СССР в Турции	10 октября	567
Нота министра иностранных дел Великобритании Саймона полномочному представителю СССР в Великобритании	17 октября	674
Нота министра иностранных дел Афганистана Файз Мухаммед-хана полномочному представителю СССР в Афганистане	26 октября	541
Телеграмма короля Афганистана Мухаммеда Надир-шаха председателю Центрального Исполнительного Комитета СССР	около 7 ноября	606
Речь председателя совета министров и министра иностранных дел Франции Эррио при подписании Договора о ненападении и Конвенции о согласительной процедуре между СССР и Францией	29 ноября	643
Нота поверенного в делах Финляндии в СССР Хаккарайнена народному комиссару иностранных дел СССР	30 ноября	652

Нота главы делегации Китая на конференции по разоружению в Женеве Иена народному ко- миссару иностранных дел СССР	12 декабря	660
Нота советника министерства иностранных дел Великобритании Кольтера полномочному пред- ставителю СССР в Великобритании	14 декабря	674
Памятная записка заместителя министра корпора- ций Италии Асканиа торговому представите- лю СССР в Италии	27 декабря	701

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- «Actes de la Conférence...». Série A. Vol. I — «Société des Nations. Actes de la Conférence pour la Réduction et la Limitation des Armements. Série A. Compte-rendus des Séances Plénières». Volume I. Genève, 1932
«Лига наций. Акты Конференции по сокращению и ограничению вооружений. Серия А. Отчет о пленарных заседаниях». Том I, Женева, 1932
- «Actes de la Conférence...». Série B. Vol. I — «Société des Nations. Actes de la Conférence pour la Réduction et la Limitation des Armements. Série B. Procès-verbal de la Commission Générale». Volume I, Genève, 1932
«Лига наций. Акты Конференции по сокращению и ограничению вооружений. Серия В. Протокол Генеральной комиссии». Том I, Женева, 1932
- «Conference for the Reduction and Limitation of Armaments. Conference Documents». Vol. II, Geneva, 1935 — «League of Nations. Conference for the Reduction and Limitation of Armaments. Conference Documents». Volume II, Geneva, 1935.
«Лига наций. Конференция по сокращению и ограничению вооружений. Документы конференции». Том II, Женева, 1935
- «Conférence pour la Réduction et la Limitation des Armements. Documents de la Conférence». Vol. I. Genève, 1932 — «Société des Nations. Conférence pour la Réduction et la Limitation des Armements. Documents de la Conférence». Volume I, Genève, 1932
«Лига наций. Конференция по сокращению и ограничению вооружений. Документы конференции». Том I, Женева, 1932
- «Аджип» — Итальянское генеральное нефтяное агентство (Azienda generale italiana petroli)
- АКО — Акционерное Камчатское общество
- «Амторг» — Акционерное общество, осуществляющее торговлю между СССР и США (Amtorg Trading Corporation)
- «Арктикуголь» — Государственный трест СССР «Арктикуголь» по добыче каменного угля на о. Шпицберген
- Внешторгбанк — Банк для внешней торговли СССР

- ВОКС — Всесоюзное общество культурной связи с
заграницей
- ВСНХ — Высший Совет Народного Хозяйства СССР
- ГКК, Главконцеском — Главный концессионный комитет при СНК
СССР
- Госбанк — Государственный банк СССР
- док. — документ, документы
- «Известия» — «Известия Центрального Исполнительного
Комитета Союза Советских Социалистиче-
ских Республик и Всероссийского Централь-
ного Исполнительного Комитета Советов
рабочих, крестьянских и красноармейских
депутатов»
- и. о. — исполняющий обязанности
- КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога
- МИД — Министерство иностранных дел
- Мининдел — Министерство иностранных дел, министр
иностраннх дел
- МНР — Монгольская Народная Республика
- Наркомзем, НКЗ — Народный комиссариат земледелия СССР
- Наркоминдел — Народный комиссариат иностранных дел
СССР, Народный комиссар иностранных дел
СССР
- Наркомснаб — Народный комиссариат снабжения СССР
- Наркомтяжпром — Народный комиссариат тяжелой промыш-
ленности СССР
- Наркомфин — Народный комиссариат финансов СССР
- НКВТ, Наркомвнешторг — Народный комиссариат внешней торговли
СССР
- НКИД — Народный комиссариат иностранных дел
СССР
- НКПС, Наркомпуть — Народный комиссариат путей сообщения
СССР
- ОГПУ — Объединенное государственное политиче-
ское управление при СНК СССР
- отд. — отдел
- п. — пункт
- ПАТ — Польское телеграфное агентство
- печат. по арх. — печатается по архиву
- полпред — полномочный представитель
- полпредство — полномочное представительство
- прил. — приложение, приложения
- прим. — примечание, примечания
- сб. — сборник, сборники
- «Сборник действующих договоров...». Вып. VII, М., 1933 — «Сборник действующих договоров и конвен-
ций, заключенных с иностранными государ-
ствами». Выпуск VII. Действующие до-
говоры, соглашения и конвенции, вступив-
шие в силу между 1 января 1931 года и
1 января 1933 года. М., 1933
- «Сборник действующих торговых договоров...». Вып. I, М., 1935 — «Сборник действующих договоров и иных
хозяйственных соглашений СССР, заклю-
ченных с иностранными государствами». Выпуск I. Действующие торговые договоры
и иные хозяйственные соглашения, заклю-
ченные по 15 июля 1935 года. Москва,
1935

«Сборник документов по международной политике...». Вып. V, М., 1933

«Сборник документов по международной политике...». Вып. VI, М., 1934

«Сборник документов по международной политике...». Сб. VII, М., 1934

«Сборники документов по международной политике...»

СНК, Совнарком

«Собрание законов...»

Советский Красный
Крест
Спецкор ТАСС

ст.
т.
ТАСС
торгпред
торгпредство
Центросоюз

ЦИК

ЦК
«Экспортхлеб»

«Южамторг»

— «Экономические конференции и соглашения. Международные долги. Разоружение. Доклад комиссии Лигтона по маньчжурскому вопросу». (Сборник документов по международной политике и международному праву). Выпуск V, Москва, 1933

— «Пакт четырех. Разоружение. Маньчжурский конфликт. Выход Германии и Японии из Лиги наций». 1 января 1933 года — 1 января 1934 года. Сборник документов по международной политике и по международному праву. Выпуск VI, Москва, 1934

— «Мировая экономическая конференция и проблема межсоюзнических долгов». Сборник документов по международной политике и международному праву. Сборник VII, Москва, 1934

— «Сборники документов по международной политике и международному праву». Выпуски I—III, М., 1932; IV, М., 1933

— Совет Народных Комиссаров СССР

— «Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик». Издание Управления делами Совета Народных Комиссаров СССР

— Союз Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР

— Специальный корреспондент Телеграфного Агентства Советского Союза

— статья, статьи

— том, тома

— Телеграфное Агентство Советского Союза

— торговый представитель

— торговое представительство

— Центральный союз потребительских обществ СССР

— Центральный Исполнительный Комитет СССР

— Центральный Комитет

— «Всесоюзное объединение для продажи хлебобулочных и фуражных за границей»

— «Акционерное общество, осуществляющее торговлю между СССР и странами Южной Америки»

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие		5
1. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Турции в СССР Рагбюм	3 января	12
2. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Германии с советником Министерства Иностранных Дел Германии Вилем	6 января	13
3. Телеграмма Уполномоченного СССР по переговорам с Румынией Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, из Риги	6 января	14
4. Телеграмма Уполномоченного СССР по переговорам с Румынией в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР, из Риги	7 января	15
5. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Уполномоченному СССР по переговорам с Румынией Б. С. Стомонякову, в Ригу	7 января	15
6. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	7 января	16
7. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Представителю СССР в Чехословакии А. Я. Аросеву	8 января	16
8. Запись беседы Представителя СССР в Чехословакии с Управляющим Национальным банком Чехословакии Поспишлом	8 января	17
9. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Дании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	9 января	18
10. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Уполномоченному СССР по переговорам с Румынией Б. С. Стомонякову, в Ригу	10 января	18
11. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в Полномочное Представительство СССР во Франции	10 января	19

12. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	10 января	19
13. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	12 января	20
14. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Уполномоченному СССР по переговорам с Румынией Б. С. Стомонякову, в Ригу	12 января	21
15. Нота Полномочного Представителя СССР в Афганистане Министру Иностранных Дел Афганистана Файз Мухаммед-хану	12 января	21
16. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции и Торгового Представителя СССР в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	12 января	22
17. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Польши в СССР Патеком	13 января	23
18. Телеграмма Представителя СССР в Чехословакии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	14 января	25
19. Телеграмма Генерального консула СССР в Харбине Полномочному Представителю СССР в Японии А. А. Трояновскому	15 января	27
20. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Италии в СССР	15 января	27
21. Сообщение советской печати об обмене речами между Народным Комиссаром Иностранных Дел СССР М. М. Литвиновым и Министром двора Персии Теймурташем	16 января	27
22. Опровержение ТАСС в связи с измышлениями японской газеты о содержании беседы Полномочного Представителя СССР в Японии А. А. Трояновского с Премьер-Министром Японии Инукаи	16 января	30
23. Письмо Полномочного Представительства и Торгового Представительства СССР в Италию в Народный Комиссариат Иностранных Дел и Народный Комиссариат Внешней Торговли СССР	16 января	31
24. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Представителю СССР в Чехословакии А. Я. Аросеву	17 января	36
25. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. С. Довгалеvскому	17 января	36
26. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. С. Довгалеvскому	18 января	36
27. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Польши в СССР Патеком	19 января	33

28. Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. С. Довгалецкому . . .	19 января	39
29. Запись беседы Заместителя Народного Комис- сара Иностранных Дел СССР с Послом Япо- нии в СССР Хирота	19 января	40
30. Телеграмма Уполномоченного СССР по пере- говорам с Румынией Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, из Риги	20 января	43
31. Письмо Уполномоченного СССР по перегово- рам с Румынией делегату Румынии Стурдэ . . .	20 января	44
32. Договор о неападении и о мирном улажении конфликтов, заключенный между Союзом Со- ветских Социалистических Республик и Фин- ляндией	21 января	45
33. Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Турции Я. З. Сурину	21 января	48
34. Телеграмма Полномочного Представителя СССР и Торгового Представителя СССР в Австрии в Народный Комиссариат Иностран- ных Дел и Народный Комиссариат Внешней Торговли СССР	21 января	49
35. Сообщение советской печати об опровержении Полномочного Представительства СССР во Франции	22 января	50
36. Опровержение ТАСС сообщений из Бухареста и Парижа	22 января	50
37. Запись беседы Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР с Посланником Польши в СССР Патеком	23 января	51
38. Телеграмма Уполномоченного СССР по пере- говорам с Румынией в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР, из Риги	23 января	52
39. Письмо Полномочного Представителя СССР в Швеции члену Коллегии Народного Комис- сариата Иностранных Дел СССР Б. С. Стомо- някову	24 января	53
40. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалецкого в На- родный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . .	25 января	55
41. Интервью Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова корреспонденту ТАСС	26 января	57
42. Запись беседы Заместителя Народного Комис- сара Иностранных Дел СССР с Послом Япо- нии в СССР Хирота	26 января	59
43. Запись беседы Заместителя Народного Комис- сара Иностранных Дел СССР с Послом Тур- ции в СССР Рагибом	26 января	61
44. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии А. А. Трояновского в Народ- ный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . .	26 января	63

45. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Австрии с Вице-Кандлером и Министром Иностранных Дел Австрии Шобером	26 января	63
46. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А. А. Трояновскому	27 января	65
47. Телеграмма Генерального консула СССР в Дальнем в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	27 января	66
48. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике А. Я. Охтинну	27 января	66
49. Телеграмма Генерального консула СССР в Харбине М. М. Славущкого в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	28 января	66
50. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Генеральному консулу СССР в Харбине М. М. Славущкому	28 января	67
51. Телеграмма Генерального консула СССР в Харбине в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	28 января	67
52. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалецкого в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	29 января	68
53. Телеграмма неофициального Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	29 января	69
54. Сообщение о беседе Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л. М. Карахана с Послом Японии в СССР Хирота	30 января	70
55. Телеграмма неофициального Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	30 января	71
56. Телеграмма Генерального консула СССР в Харбине в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	30 января	72
57. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	1 февраля	73
58. Телеграмма Генерального консула СССР в Харбине в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	1 февраля	74
59. Телеграмма Председателя советской делегации на Конференции по сокращению и ограничению вооружений в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР, из Женевы	2 февраля	75
60. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. С. Довгалецкому	2 февраля	76
61. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Генеральному консулу СССР в Харбине М. М. Славущкому,		

Виде-председателю Правления КВЖД С. М. Кузнецову, Управляющему КВЖД Ю. В. Рудому	2 февраля	77
62. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Хирота	2 февраля	77
63. Телеграмма неофициального Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	2 февраля	80
64. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии со Статс-секретарем Министерства Иностранных Дел Германии Бюловым	3 февраля	80
65. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Италии Д. И. Курскому	4 февраля	82
66. Телеграмма Генерального консула СССР в Харбине в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	4 февраля	83
67. Договор, заключенный в Риге 5 февраля 1932 года между Союзом Советских Социалистических Республик и Латвией	5 февраля	83
68. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	5 февраля	86
69. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с Министром Иностранных Дел Греции Михалакопулосом	5 февраля	88
70. Письмо Генерального консула СССР в Харбине Генеральному консулу Японии в Харбине Охаси	5 февраля	93
71. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Министром Иностранных Дел Турции Тевфиком Рюшю	7 февраля	94
72. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Финляндии И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	8 февраля	96
73. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Литве М. А. Карского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	8 февраля	97
74. Телеграмма члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Литве М. А. Карскому	9 февраля	98
75. Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на пленарном заседании Конференции по сокращению и ограничению вооружений	11 февраля	98
76. Телеграмма Председателя советской делегации на Конференции по сокращению и ограничению вооружений в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	12 февраля	111
77. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Персии В. М. Цукерману	13 февраля	112

78. Опровержение ТАСС слухов о секретном соглашении между СССР и Японией по поводу Маньчжурии	14 февраля	112
79. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Геджасе, Недже и присоединенных областях Г. А. Залкинда с Наместником Короля в Геджасе и Министром Иностранных Дел Геджаса, Неджа и присоединенных областей эмиром Фейсалом	16 февраля	112
80. Письмо советника Полномочного Представительства СССР во Франции заведующему III Западным отделом Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Е. В. Рубинину	16 февраля	113
81. Телеграмма Генерального консула СССР в Харбине М. М. Славущкого, Вице-председателя Правления КВЖД С. М. Кузнецова и Управляющего КВЖД Ю. В. Рудого в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	17 февраля	114
82. Предложения делегации СССР, внесенные на рассмотрение Конференции по сокращению и ограничению вооружений	18 февраля	115
83. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалецкого в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	18 февраля	120
84. Памятная записка, врученная Заместителем Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л. М. Караханом Послу Японии в СССР Хирота	19 февраля	121
85. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Персии В. М. Цукерману	19 февраля	123
86. Телеграмма Генерального консула СССР в Харбине М. М. Славущкого, Вице-председателя Правления КВЖД С. М. Кузнецова и Управляющего КВЖД Ю. В. Рудого в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	22 февраля	124
87. Телеграмма Генерального консула СССР в Харбине М. М. Славущкого, Вице-председателя Правления КВЖД С. М. Кузнецова и Управляющего КВЖД Ю. В. Рудого в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	22 февраля	125
88. Сообщение советника Полномочного Представительства СССР в Великобритании о беседе с членом парламента Великобритании Бутби	23 февраля	125
89. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Генеральному консулу СССР в Харбине М. М. Славущкому, Вице-председателю Правления КВЖД С. М. Кузнецову, Управляющему КВЖД Ю. В. Рудому	24 февраля	126
90. Выступление Председателя советской делегации М. М. Литвинова на третьем заседании Генеральной комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений	25 февраля	127

91. Телеграмма Генерального консула СССР в Харбине в Народный Комиссариат Иностран- ных Дел СССР	25 февраля	134
92. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с Генеральным директором Министерства Иностраных Дел Греции Мав- рудисом	25 февраля	135
93. Запись бесед Полномочного Представителя СССР в Норвегии с Министром Иностраных Дел Норвегии Бродландом и Заместителем Министра Иностраных Дел Норвегии Эс- марком	25 февраля, 9 марта	137
94. Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР в Народный Комиссариат Ино- странных Дел СССР, из Женевы	26 февраля	140
95. Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР в Народный Комиссариат Ино- странных Дел СССР, из Женевы	26 февраля	140
96. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Полномочному Пред- ставителю СССР в Великобритании	26 февраля	141
97. Сообщение советской печати о беседе Замес- тителя Народного Комиссара Иностраных Дел СССР с Послом Японии в СССР Хирота	26 февраля	142
98. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии А. А. Трояновского в Народ- ный Комиссариат Иностраных Дел СССР	26 февраля	144
99. Запись беседы члена Коллегии Народного Ко- миссариата Иностраных Дел СССР с Послан- ником Швеции в СССР Юлленшерна	28 февраля	144
100. Сообщение советской печати о беседе Замес- тителя Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Л. М. Карахана с Послом Япо- нии в СССР Хирота	29 февраля	146
101. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностраных Дел СССР	29 февраля	149
102. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии А. А. Трояновского в На- родный Комиссариат Иностраных Дел СССР	29 февраля	149
103. Телеграмма члена Коллегии Народного Ко- миссариата Иностраных Дел СССР Полно- мочному Представителю СССР в Литве М. А. Карскому	1 марта	150
104. Запись беседы Заместителя Народного Ко- миссара Иностраных Дел СССР с Послом Германии в СССР Дирксеном	2 марта	150
105. Телеграмма члена Коллегии Народного Ко- миссариата Иностраных Дел СССР Полно- мочному Представителю СССР в Финляндии П. М. Майскому	2 марта	151
106. Из дневника Полномочного Представителя СССР в Германии	2 марта	152

107. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Литве М. А. Карского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . .	2 марта	153
108. Телеграмма неофициального Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	2 марта	154
109. Заявление Председателя советской делегации Н. Я. Вейцера на пленарном заседании советско-итальянских экономических переговоров	3 марта	154
110. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с помощником Заместителя Министра Иностранных Дел Великобритании Олифантом	3 марта	158
111. Сообщение Полномочного Представителя СССР во Франции о беседе с Председателем Совета Министров и Министром Иностранных Дел Франции Тарлье	4 марта	161
112. Телеграмма неофициального Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	5 марта	162
113. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Хирота	5 марта	162
114. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Германии в СССР Даркеном	5 марта	170
115. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Турции Я. З. Суриду	5 марта	170
116. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР члену Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонякову, из Женевы	7 марта	172
117. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	7 марта	173
118. Сообщение ТАСС в связи с покушением на советника Посольства Германии в СССР Твардовского	8 марта	173
119. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Норвегии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	8 марта	174
120. Письмо Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР в Представительство СССР в Чехословакии	9 марта	174
121. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Польши в СССР Патеком	10 марта	175
122. Сообщение ТАСС о результатах предварительного следствия по делу о покушении на советника Посольства Германии в СССР Твардовского	11 марта	176

123. Письмо дирекции Института востоковедения Академии Наук СССР в Полномочное Представительство СССР в Персии	11 марта	177
124. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Хирота	15 марта	178
125. Телеграмма члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Литве М. А. Карскому	15 марта	180
126. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	17 марта	180
127. Запись беседы Официального Делегата СССР на советско-китайской конференции с Полномочным Представителем Китая на конференции Мо Дэ-хсем	17 марта	181
128. Письмо Полномочного Представителя СССР в Италии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	17 марта	183
129. Меморандум Правительства СССР Правительству Великобритании	18 марта	184
130. Нота Представительства СССР в Чехословакии Министерству Иностранных Дел Чехословакии	18 марта	189
131. Памятная записка Полномочного Представительства СССР в Италии Министерству Иностранных Дел Италии	18 марта	189
132. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии и Председателя советской экономической делегации в Италии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	19 марта	193
133. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии Л. М. Хинчуку	19 марта	193
134. Письмо Полномочного Представителя СССР в Австрии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	19 марта	194
135. Сообщение советской печати о разъяснениях и заверениях японского правительства, данных Послом Японии в СССР Хирота Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л. М. Карахану	22 марта	199
136. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Генеральному консулу СССР в Харбине М. М. Славущкому	22 марта	201
137. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции Я. З. Сурица Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	23 марта	202
138. Из дневника Полномочного Представителя СССР в Германии	23—24 марта	202

139. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Геджасе, Недже и присоединенных областях в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	25 марта	205
140. Запись бесед члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Посланником Норвегии в СССР Урби	25, 26, 27 марта	205
141. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочным Представителям СССР за границей	26 марта	211
142. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с Министром Национальной Экономики Греции Вурлумисом	27 марта	211
143. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с Посланником Болгарии в Греции Нейковым	27 марта	212
144. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу	29 марта	213
145. Письмо Полномочного Представителя СССР в Японии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л. М. Карахану	31 марта	214
146. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Хирота	31 марта	217
147. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	2 апреля	219
148. Сообщение советской печати о подписании почтового и телеграфного соглашений между СССР и Афганистаном	7 апреля	220
149. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Турции Я. З. Суришу	7 апреля	220
150. Письмо Представителя СССР в Чехословакии Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	7 апреля	221
151. Телеграмма Генерального консула СССР в Харбине в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	8 апреля	222
152. Письмо Генерального консула СССР в Харбине Управляющему Генеральным консульством Японии в Харбине Нагаока	8 апреля	223
153. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Посланником Дании в СССР Энгелем	9 апреля	224
154. Сообщение ТАСС о подписании соглашения между СССР и Польшей о правовых отношениях на советско-польской границе	11 апреля	225
155. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике А. Я. Охтину	11 апреля	225

156. Телеграмма члена советской экономической делегации в Италию в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	11 апреля	226
157. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Италию с Послом Италии в СССР Аттолико	11 апреля	227
158. Выступление Председателя советской делегации М. М. Литвинова на девятом заседании Генеральной комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений	12 апреля	228
159. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии Л. М. Хинчуку	13 апреля	238
160. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А. А. Троицкому	14 апреля	238
161. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы	14 апреля	239
162. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Персии А. М. Петровскому	14 апреля	239
163. Письмо Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР М. И. Калинина Королю Геджаса, Неджда и присоединенных областей Ибн Сауду	15 апреля	240
164. Опровержение ТАСС измышлений иностранной печати	15 апреля	241
165. Телеграмма Представителя СССР в Чехословакии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	15 апреля	241
166. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	16 апреля	242
167. Обмен нотами между Правительствами СССР и Турции о режиме торговли между двумя странами	17 апреля	242
168. Интервью Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова представителям советской и германской печати	17 апреля	248
169. Опровержение ТАСС измышлений японских газет	17 апреля	250
170. Сообщение ТАСС о злоупотреблении китайским консулом в Благовещенске предоставленными ему правами	18 апреля	251
171. Опровержение ТАСС провокационных сообщений иностранной печати	19 апреля	251
172. Выступление Председателя советской делегации М. М. Литвинова на тринадцатом заседании Генеральной комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений	19 апреля	252

173. Телеграмма Председателя советской делегации на Конференции по сокращению и ограничению вооружений в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	19 апреля	255
174. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалецкого Народному Комиссару Иностранных Дел СССР	19 апреля	256
175. Выступление Председателя советской делегации М. М. Литвинова на четырнадцатом заседании Генеральной комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений	20 апреля	257
176. Телеграмма неофициального Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	21 апреля	260
177. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР, из Женевы	21 апреля	260
178. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии с заведующим II отделом Министерства Иностранных Дел Германии Кенке	21 апреля	261
179. Конвенция о согласительной процедуре между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндией	22 апреля	266
180. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Генеральному секретарю Лиги наций Друмонду	22 апреля	270
181. Выступление Председателя советской делегации М. М. Литвинова на шестнадцатом заседании Генеральной комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений	22 апреля	270
182. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР, из Женевы	22 апреля	271
183. Письмо члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Польше В. А. Антонову-Овсенко	22 апреля	272
184. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А. А. Трояновскому	23 апреля	275
185. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР, из Женевы	23 апреля	275
186. Телеграмма Председателя советской делегации на Конференции по сокращению и ограничению вооружений в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	23 апреля	276
187. Меморандум делегации СССР о факторах безопасности	24 апреля	277
188. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с заместителем Генерального директора Министерства Иностранных Дел Греции Росетти	25 апреля	278

189. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Франции в СССР	25 апреля	280
190. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Персии А. М. Пет- ровскому	26 апреля	281
191. Сообщение советской печати о протесте Ге- нерального консула СССР в Харбине М. М. Славущкого против прекращения выдачи виз советским гражданам	27 апреля	283
192. Речь Председателя СНК СССР В. М. Моло- това на приеме в честь турецкой делегации, возглавляемой Председателем Совета Мини- стров Исмет-пашой	28 апреля	263
193. Письмо Полномочного Представителя СССР в Германии Заместителю Народного Комис- сара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестин- скому	28 апреля	287
194. Письмо Генерального консула СССР в Хар- бине Начальнику Дипломатического Управле- ния Гиринской провинции Ши Люй-бэню	28 апреля	288
195. Письмо Полномочного Представителя СССР в Великобритании Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	28 апреля	291
196. Телеграмма Генерального консула СССР в Мукдене А. А. Знаменского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	28 апреля	292
197. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии Заместителю Народного Ко- миссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Кре- стинскому	29 апреля	293
198. Протокол, подписанный представителями СССР и Германии об одобрении соглашения между Рейхсбанком Германии и Торговым Представительством СССР в Германии	2 мая	293
199. Письмо Торгового Представительства СССР в Германии Дирекции Рейхсбанка Германии	2 мая	294
200. Соглашение между Рейхсбанком Германии и Торговым Представительством СССР в Гер- мании по вопросу о платежах германских фирм Торговому Представительству СССР в Германии	3 мая	294
201. Договор о ненападении и мирном разрешении конфликтов между Союзом Советских Соци- алистических Республик и Эстонией	4 мая	296
202. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Германии в СССР Дирксеном	4 мая	298
203. Сообщение советской печати о Международ- ной конференции по вопросам лесного хозяй- ства	5 мая	299
204. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Дании с Представителем Нидерландов в Дании Бьернсоном	5 мая	301

205. Запись беседы советских руководителей с Премьер-Министром Турции Исмет-пашой и Министром Иностранных Дел Турции Тев- фиком Рюшю	6 мая	302
206. Сообщение Полномочного Представителя СССР в Греции о беседах с Посланником Турции в Греции Энис-беем	6 мая	303
207. Письмо Полномочного Представителя СССР в Великобритании Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	6 мая	304
208. Письмо члена Коллегии Народного Комис- сариата Иностранных Дел СССР Полномоч- ному Представителю СССР в Польше В. А. Антонову-Овсеенко	7 мая	306
209. Запись бесед Заместителя Народного Комис- сара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Дежаном	7, 9 и 10 мая	308
210. Сообщение ТАСС о пребывании в СССР Председателя Совета Министров Турции Ис- мет-пашы	8 мая	310
211. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	9 мая	311
212. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Австрии К. К. Юре- чеву	9 мая	312
213. Опровержение ТАСС в связи с официальным французским коммюнике	10 мая	313
214. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Польше с Заместителем Министра Иностранных Дел Польши Беком	10 мая	314
215. Телеграмма Временного Поверенного в Де- лах СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	11 мая	315
216. Опровержение ТАСС измышлений японской и белогвардейской прессы в Харбине	13 мая	316
217. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Литве М. А. Карского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	13 мая	316
218. Запись беседы Заместителя Народного Ко- миссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Хирота	14 мая	317
219. Письмо Народного Комиссариата Иностран- ных Дел СССР в Народный Комиссариат Внешней Торговли СССР	16 мая	320
220. Телеграмма Заместителя Народного Комис- сара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народ- ной Республике А. Я. Охтину	17 мая	321
221. Запись беседы Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР с Послом Великобритании в СССР Овнем	17 мая	322

222. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Министром Иностранных Дел Финляндии Ирве-Коскинен	19 мая	323
223. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Греции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	21 мая	327
224. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике А. Я. Охтину	22 мая	328
225. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А. А. Трояновскому	23 мая	329
226. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, в Берлин	23 мая	329
227. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Министром Иностранных Дел Польши Залесским	24 мая	330
228. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Великобритании с Министром Иностранных Дел Великобритании Саймоном	24 мая	332
229. Телеграмма Генерального консула СССР в Харбине в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	24 мая	334
230. Опровержение ТАСС измышлений французской газеты «Журналь»	26 мая	336
231. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике А. Я. Охтину	26 мая	336
232. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с Посланником Болгарии в Греции Нейковым	26 мая	336
233. Телеграмма члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Литве М. А. Карскому	26 мая	337
234. Протокол по таможенно-тарифным вопросам, заключенный между СССР и Германией	28 мая	338
235. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Персии А. М. Петровскому	28 мая	339
236. Письмо Полномочного Представителя СССР в Австрии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	28 мая	340
237. Речь Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР М. И. Калинин на завтраке в честь главы правительственной делегации Геджаса. Неджда и присоединенных областей эмира Фейсала	29 мая	341

238. Нота Полномочного Представителя СССР в Польше Министру Иностранных Дел Польши Залескому	31 мая	343
239. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Персии А. М. Петровскому	31 мая	344
240. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции В. П. Потемкина с Министром Иностранных Дел Турции Тевфиком Рюштю-беем	1 июня	348
241. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Афганистане Л. Н. Старку	2 июня	350
242. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР уполномоченному НКИД СССР в Ташкенте Г. А. Апре-сову	3 июня	351
243. Телеграмма неофициального Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Ино-странных Дел СССР	4 июня	351
244. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалецкого в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	8 июня	352
245. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с По-сланником Норвегии в СССР Урби	9 июня	353
246. Сообщение Полномочного Представителя СССР в Японии о заседании Японо-Совет-ского общества	11 июня	356
247. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	13 июня	359
248. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	14 июня	360
249. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Миссии Норвегии в СССР	14 июня	361
250. Соглашение между Торговым Представи-тельством СССР в Германии, Народным Ко-миссариатом Тяжелой Промышленности СССР и представителями германской про-мышленности о поставках товаров из Герма-нии в СССР	15 июня	362
251. Телеграмма члена Коллегии Народного Ко-миссариата Иностранных Дел СССР Полно-мочному Представителю СССР в Норвегии А. А. Бекзадяну	15 июня	365
252. Письмо члена Коллегии Народного Комис-сариата Иностранных Дел СССР Полномоч-ному Представителю СССР в Дании М. В. Кобецкому	15 июня	365

253. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Геджасе, Неджде и присоединенных областях Н. Т. Тюрякулову	16 июня	366
254. Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР о внешнеторговой арбитражной комиссии при Всесоюзной торговой палате	17 июня	367
255. Письмо Генерального консула СССР в Харбине Начальнику Дипломатического Управления Гиринской провинции Ши Люй-бэню	19 июня	369
256. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Афганистане Л. Н. Старку	19 июня	372
257. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Посланником Норвегии в СССР Урби	20 июня	373
258. Выступление Председателя советской делегации М. М. Литвинова на девятнадцатом заседании Генеральной комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений	22 июня	377
259. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы	23 июня	380
260. Письмо Председателя советской делегации на Конференции по сокращению и ограничению вооружений Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	23 июня	381
261. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Афганистане Л. Н. Старка в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	23 июня	384
262. Запись беседы Торгового Представителя СССР в Великобритании с Начальником Департамента торговли Великобритании Колвиллом	23 июня	384
263. Письмо Полномочного Представителя СССР в Германии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	25 июня	387
264. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Афганистане Л. Н. Старка в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	25 июня	389
265. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии с Министром рейхсвера Шлейхером	27 июня	390
266. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, в Женеву	28 июня	392
267. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Народ-		

ному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, в Женеву	29 июня	392
268. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы	30 июня	393
269. Сообщение о беседе члена китайской делегации на советско-китайской конференции Ван Цзэн-сы с заведующим II Восточным отделом Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Б. И. Козловским	1 июля	394
270. Телеграмма Генерального консула СССР в Харбине М. М. Славущкого, Вине-Председателя Правления КВЖД С. М. Кузнецова и Управляющего КВЖД Ю. В. Рудого Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л. М. Карахану	1 июля	394
271. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, в Женеву	4 июля	395
272. Телеграмма Генерального консула СССР в Харбине в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	4 июля	396
273. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы	5 июля	396
274. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Генеральному консулу СССР в Харбине М. М. Славущкому	5 июля	399
275. Телеграмма члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Польше В. А. Антонову-Овсенко	5 июля	399
276. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Греции В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	5 июля	400
277. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР представителю Китайской Республики в Совете Лиги наций Янь Хой-цуну	6 июля	400
278. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Турции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, в Женеву	6 июля	401
279. Сообщение советской печати о поездке советских специалистов в Турцию	7 июля	402
280. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии Л. М. Хинчуку и Полномочному Представителю СССР во Франции В. С. Довгалевскому	8 июля	402
281. Телеграмма неофициального Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	8 июля	403
282. Телеграмма Генерального консула СССР в Харбине в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	9 июля	403

283. Нота Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Чрезвычайному и Полномочному Посланнику Швеции в СССР Юлленшерра	9 июля	404
284. Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР в НКИД СССР, из Женевы	10 июля	404
285. Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР в НКИД СССР, из Женевы	14 июля	405
286. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Японии с Заместителем Министра Иностранных Дел Японии Арита	15 июля	406
287. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии с Министром Иностранных Дел Германии Нейратом	15 июля	408
288. Циркулярное письмо Правового отдела На- родного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочным Представительствам СССР в Германии, Австрии, Финляндии, Франции, Великобритании, Италии, Польше, Швеции, Эстонии, Дании и Представительству СССР в Чехословакии	15 июля	410
289. Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР в НКИД СССР, из Женевы	16 июля	410
290. Нота Представительства СССР в Чехослова- кии Министерству Иностранных Дел Чехосло- вакии	18 июля	411
291. Нота Полномочного Представителя СССР в Афганистане Министру Иностранных Дел Афганистана Файз Мухаммед-хану	18 июля	412
292. Телеграмма Заместителя Народного Комис- сара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Персии А. М. Петров- скому	19 июля	413
293. Телеграмма Заместителя Народного Комис- сара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Норвегии А. А. Бек- задян	20 июля	414
294. Выступление Председателя советской делега- ции М. М. Литвинова на двадцать четвертом заседании Генеральной комиссии Конферен- ции по сокращению и ограничению воору- жений	21 июля	414
295. Нота Полномочного Представителя СССР в Норвегии А. А. Бекзадяна Министру Иност- ранных Дел Норвегии Бродланду	21 июля	424
296. Выступление Председателя советской делега- ции М. М. Литвинова на двадцать седьмом заседании Генеральной комиссии Конферен- ции по сокращению и ограничению воору- жений	23 июля	426
297. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Японии в СССР	23 июля	432
298. Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР в НКИД СССР, из Женевы	24 июля	433

299.	Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы	24 июля	434
300.	Договор о ненападении между Союзом Совет- ских Социалистических Республик и Польской Республикой	25 июля	436
301.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалецкого в На- родный Комиссариат Иностраннных Дел СССР	26 июля	440
302.	Письмо Полномочного Представителя СССР во Франции Председателю Совета Министров Франции Эррио	27 июля	441
303.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии с Председателем Русско- Американской торговой палаты Купером . .	27 июля	443
304.	Письмо Полномочного Представителя СССР во Франции Заместителю Народного Комис- сара Иностраннных Дел СССР Н. Н. Крестни- скому	27 июля	444
305.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии А. А. Трояновского в Народ- ный Комиссариат Иностраннных Дел СССР . .	2 августа	447
306.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции в Народной Комиссариат Иностраннных Дел СССР	2 августа	449
307.	Протокол заседания по вопросу о персональ- ном обмене политическими заключенными ме- жду Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Республикой	3 августа	450
308.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалецкого в На- родный Комиссариат Иностраннных Дел СССР	6 августа	451
309.	Обмен нотами между Народным Комиссари- атом Иностраннных Дел СССР и Посольством Италии в СССР о выдаче свидетельств о про- исхождении товаров	7 августа	453
310.	Запись беседы Заместителя Народного Ко- миссара Иностраннных Дел СССР с Времен- ным Поверенным в Делах Великобритании в СССР Стэнгом	8 августа	454
311.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностраннных Дел СССР	9 августа	456
312.	Сообщение Полномочного Представителя СССР в Турции о беседе с Президентом Тур- ции Мустафой Кемалем и Председателем Со- вета Министров Турции Исмет-пашой	10 августа	456
313.	Запись беседы Заместителя Народного Ко- миссара Иностраннных Дел СССР с Послом Японии в СССР Хирота	10 августа	459
314.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалецкого в На- родный Комиссариат Иностраннных Дел СССР	10 августа	462
315.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Монгольской Народной Республике А. Я. Охтина Заместителю Народного Ко-		

	миссара Иностранных Дел СССР Л. М. Карахану	10 августа	463
316.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	11 августа	464
317.	Нота Полномочного Представительства СССР в Германии Министерству Иностранных Дел Германии	12 августа	464
318.	Запись беседы советника Полномочного Представительства СССР в Японии с японским журналистом Фуэса	12 августа	465
319.	Соглашение по рыболовным вопросам, подписанное Заместителем Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л. М. Караханом и Послом Японии в СССР Хирота	13 августа	469
320.	Нота Полномочного Представительства СССР в Германии Министерству Иностранных Дел Германии	13 августа	471
321.	Письмо Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэню	13 августа	473
322.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Турции Я. З. Сурицу	14 августа	473
323.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	15 августа	474
324.	Телеграмма Заместителя Председателя Исполкома Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР Председателю Комиссии помощи пострадавшим от наводнения Чжан Цзин-хою	16 августа	474
325.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии со Статс-секретарем Министерства Иностранных Дел Германии Бюловым	17 августа	475
326.	Нота Полномочного Представительства СССР в Польше Министерству Иностранных Дел Польши	17 августа	478
327.	Телеграмма Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР Королю Афганистана Мухаммеду Надир-шаху	19 августа	478
328.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Японии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л. М. Карахану	19 августа	479
329.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. С. Довгалевскому	20 августа	481
330.	Письмо Полномочного Представителя СССР во Франции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	20 августа	481
331.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Германии Заместителю Народного Комис-		

сара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	20 августа	485
332. Письмо Полномочного Представителя СССР в Германии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	20 августа	485
333. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с Посланником Болгарии в Греции Нейковым	20 августа	487
334. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Дежаном	23 августа	488
335. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалецкого в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	24 августа	488
336. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с заместителем Генерального директора Министерства Иностранных Дел Греции Росетти	24 августа	490
337. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии со Статс-секретарем Министерства Иностранных Дел Германии Бюловым	25 августа	491
338. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А. А. Трояновскому	26 августа	495
339. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	27 августа	496
340. Сообщение ТАСС о ноте Генерального консула СССР в Харбине с опровержением утверждений о переходе границы советскими пограничными частями	28 августа	496
341. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии со Статс-секретарем Министерства Иностранных Дел Германии Бюловым	29 августа	497
342. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	30 августа	498
343. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалецкого в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	30 августа	499
344. Сообщение о беседах Генерального Уполномоченного НКВД СССР в Йемене с королем Йемена Имамом Яхья, Премьер-Министром кади Абдала и губернатором Саны Сендом Хусейном Абдулкадыром	2 сентября	499
345. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	2 сентября	502
346. Нота Полномочного Представительства СССР в Германии Министерству Иностранных Дел Германии	2 сентября	504

347. Опровержение ТАСС провокационных сообщений японских газет в Харбине	4 сентября	505
348. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	4 сентября	505
349. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Великобритании Д. В. Богомолову	5 сентября	506
350. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Великобритании Д. В. Богомолову	5 сентября	508
351. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу	5 сентября	509
352. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Хирога	6 сентября	510
353. Нота Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л. М. Карахана Послу Японии в СССР Хирога	6 сентября	511
354. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Японии с Премьер-Министром Японии Сайто	6 сентября	513
355. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	6 сентября	513
356. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу	9 сентября	515
357. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Турции Я. З. Сурицу	9 сентября	516
358. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии с Министром экономики Германии Вармбольдом	9 сентября	517
359. Сообщение советской печати о подписании договора между СССР и Францией о поставках нефти и нефтепродуктов	12 сентября	518
360. Обмен нотами между Правительством СССР и Правительством Афганистана о разрешении пограничных инцидентов на советско-афганской границе	13 сентября	519
361. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Польши в СССР Патеком	13 сентября	526
362. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	13 сентября	527
363. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	13 сентября	529

364. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Польши в СССР Патеком	14 сентября	530
365. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Дежаном	14 сентября	532
366. Телеграмма Представителя СССР в Чехословакии А. Я. Аросева Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	14 сентября	532
367. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике А. Я. Охтину	14 сентября	533
368. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Польши в СССР Патеком	15 сентября	533
369. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Японии с Министром Иностранных Дел Японии Утида	15 сентября	534
370. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Норвегии в СССР Урби	15 сентября	535
371. Сообщение ТАСС об ответе Генерального консула СССР в Харбине на письмо Дипломатического комиссара Гирийской провинции	16 сентября	536
372. На дневника Полномочного Представителя СССР в Германии	17 сентября	537
373. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Берлина	17 сентября	539
374. Нота Полномочного Представителя СССР в Афганистане Министру Иностранных Дел Афганистана Файз Мухаммед-хану	18 сентября	540
375. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Афганистане Л. Н. Старка в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	19 сентября	541
376. Сообщение ТАСС по поводу предстоящих советско-латвийских переговоров о заключении торгового договора	21 сентября	542
377. Телеграмма Представителя СССР в Чехословакии А. Я. Аросева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	24 сентября	542
378. Сообщение советской печати о подписании договора на поставку советского бензина в Японию	25 сентября	542
379. Сообщение корреспондента ТАСС о конференции японского Общества друзей СССР	25 сентября	544
380. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А. А. Трояновскому	27 сентября	544
381. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Женевы	28 сентября	545
382. Телеграмма члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полно-		

мочному Представителю СССР в Литве М. А. Карскому	28 сентября	545
383. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	29 сентября	546
384. Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу, из Женевы	29 сентября	547
385. Выступление Председателя советской делега- ции М. М. Литвинова на втором заседании шестой сессии Комиссии по изучению вопроса о Европейском союзе	1 октября	547
386. Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы	1 октября	550
387. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии Д. И. Курского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . .	1 октября	550
388. Речь Председателя Всесоюзной торговой па- латы С. Г. Брона на приеме во Всесоюзной торговой палате в честь подполковника Купера	2 октября	550
389. Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР Н. В. Сталину, из Женевы	3 октября	554
390. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии А. А. Трояновского в Народ- ный Комиссариат Иностранных Дел СССР	3 октября	557
391. Телеграмма Заместителя Народного Комис- сара Иностранных Дел СССР Народному Ко- миссару Иностранных Дел СССР М. М. Лит- винову, в Женеву	4 октября	558
392. Нота Полномочного Представителя СССР в Польше и. о. Министра Иностранных Дел Польши Беку	4 октября	558
393. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Пос- ланником Литвы в СССР Балтрушайтисом	4 октября	559
394. Сообщение Консула СССР в г. Маньчжурия Заместителю Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР Л. М. Карахану	6 октября	560
395. Запись беседы Заместителя Народного Ко- миссара Иностранных Дел СССР с Времен- ным Поверенным в Делах Японии в СССР Амо	7 октября	561
396. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	7 октября	562
397. Запись беседы Заместителя Народного Ко- миссара Иностранных Дел СССР с Времен- ным Поверенным в Делах Японии в СССР Амо	9 октября	564
398. Нота Полномочного Представительства СССР в Турции Министерству Иностранных Дел Турции	10 октября	566

399. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Афганистане в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	10 октября	567
400. Нота Полномочного Представительства СССР в Польше Министерству Иностранных Дел Польши	12 октября	567
401. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А. А. Трояновскому	13 октября	568
402. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Консулу СССР в г. Маньчжурия В. В. Смирнову	13 октября	569
403. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Турции в СССР Рагимом	13 октября	569
404. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу	15 октября	570
405. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Швеции с Премьер-Министром Швеции Хансеном	15 октября	571
406. Интервью Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова представителю ТАСС	16 октября	572
407. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Польши в СССР Патеком	16 октября	576
408. Сообщение Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР о расторжении торгового договора между СССР и Латвией	16 октября	577
409. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	17 октября	578
410. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	17 октября	579
411. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Великобритании в СССР Овнем	19 октября	580
412. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	19 октября	581
413. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Поверенным в Делах Финляндии в СССР Хаккарайненом	19 октября	582
414. Опровержение ТАСС сообщения английского корреспондента в связи с денонсацией Правительством Великобритании временного торгового соглашения между СССР и Великобританией	20 октября	584
415. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Великобритании в СССР Овнем	22 октября	584

416. Сообщение Правительства Союза Советских Социалистических Республик о продлении перемирия в вооружениях	22 октября	586
417. Сообщение ТАСС по вопросу об эвакуации японских подданных из района действий китайских войск в Маньчжурии на советскую территорию	23 октября	587
418. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Генеральному консулу СССР в Харбине М. М. Славуцкому	25 октября	588
419. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Временным Поверенным в Делах Японии в СССР Амо	27 октября	588
420. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалецкого Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	27 октября	591
421. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Финляндии с Заместителем Министра Иностранных Дел Финляндии Паула	27 октября	593
422. Сообщение советской печати об открытии Международной конференции по вопросам железнодорожного сообщения между Европой и Азией	28 октября	595
423. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Польше В. А. Антонова-Овсенко в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	31 октября	595
424. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Временным Поверенным в Делах Японии в СССР Амо	3 ноября	595
425. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании Н. М. Майскому	3 ноября	597
426. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. С. Довгалецкому	3 ноября	596
427. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	4 ноября	600
428. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. С. Довгалецкому, в Женеву	4 ноября	601
429. Сообщение ТАСС о приглашении СССР на Международную экономическую конференцию	5 ноября	602
430. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании Н. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	8 ноября	602
431. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Германии в СССР Дирксеном	9 ноября	603

432. Письмо Народного Комиссариата Иностран- ных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Швеции А. М. Коллонтай	9 ноября	605
433. Телеграмма Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР Королю Афганистана Мухаммеду Надир-шаху	11 ноября	606
434. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	11 ноября	607
435. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Польше с Министром Иностранных Дел Польши Беком	14 ноября	608
436. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Италии с Посланником Афганистана в Италии Абдул Хусейн Азизом	14 ноября	609
437. Письмо Полномочного Представителя СССР в Австрии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	14 ноября	610
438. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции Я. З. Сурица в Народный Ко- миссариат Иностранных Дел СССР	14 ноября	611
439. Сообщение ТАСС о заявлении генерала Су Бин-вэня	15 ноября	612
440. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	15 ноября	613
441. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	16 ноября	613
442. Запись беседы Заместителя Народного Ко- миссара Иностранных Дел СССР с Времен- ным Поверенным в Делах Японии в СССР Амо	17 ноября	614
443. Запись беседы Полномочного и Торгового Представителей СССР в Германии с Минист- ром Иностранных Дел Германии Нейратом	19 ноября	618
444. Письмо Полномочного Представителя СССР в Германии Заместителю Народного Комис- сара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестин- скому	20 ноября	620
445. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Пред- ставителю СССР в Италии В. П. Потемкину	22 ноября	621
446. Конвенция о согласительной процедуре ме- жду Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Республикой	23 ноября	622
447. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Норвегии с Заместителем Министра Иностранных Дел Норвегии Эсмарком	23 ноября	626
448. Письмо Полномочного Представителя СССР в Германии Заместителю Народного Комис-		

сара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	24 ноября	628
449. Письмо советника Полномочного Представительства СССР во Франции Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	24 ноября	630
450. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Турции в СССР Рагибом	25 ноября	632
451. Письмо члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Норвегии А. А. Бекзаяну	25 ноября	633
452. Письмо члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Швеции А. М. Коллонтай	25 ноября	633
453. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Временным Поверенным в Делах Японии в СССР Амо	26 ноября	635
454. Указание Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Консулу СССР в г. Маньчжурия В. В. Смирнову	28 ноября	636
455. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике А. Я. Охтину	28 ноября	637
456. Договор о ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Французской Республикой	29 ноября	637
457. Конвенция о согласительной процедуре между Союзом Советских Социалистических Республик и Французской Республикой	29 ноября	640
458. Речь Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалецкого при подписании Договора о ненападении и Конвенции о согласительной процедуре между СССР и Францией	29 ноября	643
459. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. С. Довгалецкому	29 ноября	644
460. Интервью Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова корреспонденту французской газеты «Пти паризьен» Люсани	30 ноября	644
461. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с Премьер-Министром Греции Цалдарисом	30 ноября	648
462. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции Я. З. Сурниа в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	30 ноября	651

463. Обмен нотами между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндией о взаимной регистрации товарных знаков . . .	30 ноября	652
464. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Италии в СССР Агтолико . . .	1 декабря	653
465. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Временным Поверенным в Делах Японии в СССР Амо . . .	1 декабря	656
466. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии Л. М. Хинчуку . . .	1 декабря	660
467. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . .	1 декабря	661
468. Телеграмма неофициального Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . .	2 декабря	661
469. Письмо Полномочного Представителя СССР в Германии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому . . .	2 декабря	662
470. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с бывшим Премьер-Министром Швеции Хамриным . . .	2 декабря	666
471. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова с Послом Великобритании в СССР Овием . . .	3 декабря	667
472. Записка Консула СССР в г. Маньчжурия Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л. М. Карахану . . .	4 декабря	671
473. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии В. П. Потемкина Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову . . .	5 декабря	673
474. Нота Полномочного Представителя СССР в Великобритании Постоянному Заместителю Министра Иностранных Дел Великобритании Ванситарту . . .	7 декабря	673
475. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Генеральному консулу СССР в Харбине М. М. Славуюкому . . .	8 декабря	674
476. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Афганистане в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . .	8 декабря	675
477. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . .	10 декабря	675
478. Сообщение ТАСС о беседах Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л. М. Карахана с Временным Поверенным в Делах Японии в СССР Амо о судьбе генерала Су Бин-вэня . . .	11 декабря	676

479. Телеграмма Председателя советской делегации на Конференции по сокращению и ограничению вооружений в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	11 декабря	679
480. Обмен нотами между Народным Комиссаром Иностранных Дел СССР и Главой делегации Китая на Конференции по разоружению о восстановлении дипломатических и консульских отношений между СССР и Китаем	12 декабря	580
481. Интервью Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова по поводу восстановления дипломатических отношений между СССР и Китаем	12 декабря	681
482. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы	13 декабря	682
483. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	13 декабря	683
484. Письмо Полномочного Представителя СССР в Германии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	13 декабря	684
485. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Персии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	13 декабря	687
486. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы	15 декабря	688
487. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР и Полномочного Представителя СССР в Германии с Министром Иностранных Дел Германии Нейратом	19 декабря	689
488. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Норвегии А. А. Бекзадяна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	19 декабря	690
489. Меморандум Полномочного Представительства СССР в Германии Рейхсканцлеру Германии Шлейхеру	21 декабря	690
490. Сообщение советской печати о судьбе интернированных из бывшей армии генерала Су Бин-вэня	21 декабря	693
491. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Внешней Торговли СССР с заведующим отделом торговли Департамента экономики Швейцарии Стукки	21 декабря	694
492. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании Н. М. Майского Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	21 декабря	696
493. Письмо Полномочного Представителя СССР в Германии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	22 декабря	697
494. Памятная записка Торгового Представителя СССР в Италии М. А. Левенсона Заместителю Министра Корпораций Италии Асканини	22 декабря	700

495. Опровержение ТАСС коммюнике Военного министерства Японии и сообщения агентства Симбун Рэнго	24 декабря	701
496. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	24 декабря	702
497. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	24 декабря	702
498. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Турции Г. А. Астахову	25 декабря	702
499. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике А. Я. Охтину	25 декабря	703
500. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Японии в СССР . . .	26 декабря	704
501. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А. А. Трояновскому	27 декабря	705
502. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с советником Посольства Японии в СССР Амо	27 декабря	705
503. Протокол об учреждении монгольско-советского акционерного общества по оптовой торговле	27 декабря	709
504. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Италии со Статс-секретарем Министерства Иностранных Дел Италии Сувицем	30 декабря	710

П Р И Л О Ж Е Н И Е

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ПО ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ СССР ЗА 1932 г.	714
ПРИМЕЧАНИЯ	720
ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	820
УКАЗАТЕЛЬ ДОКУМЕНТОВ, КАСАЮЩИХСЯ ВЗАИМООТНОШЕНИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ	827
ПЕРЕЧЕНЬ ИНОСТРАННЫХ ДОКУМЕНТОВ	830
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	833

ДОКУМЕНТЫ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР

Том пятнадцатый

Редактор *А. В. Никольский*

Художественный редактор *Н. Н. Симагин*

Технический редактор *Н. П. Межеряцкая*

Сдано в набор 11 марта 1969 г. Подписано в печать 15 сентября 1969 г. Формат 60 × 90^{1/4}. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 54,25. Учетно-изд. л. 56,01. Тираж 10 500 экз. А10904. Заказ № 2231. Цена 1 р. 75 к.

Политиздат, Москва, А-47, Мясницкая пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
Москва, Краснопролетарская, 16.

Поправки

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
717	10-я снизу	3254	254
717	9-я »	229	3229

Документы внешней политики СССР, т. XV